

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ**

на правах рукописи

УДК 904(292.485)"00/04"

ЛЮБИЧЕВ Михаил Васильевич

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
I-V ВВ. Н.Э.**

Специальность 07.00.04 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
ТЕРПИЛОВСКИЙ Р.В.

Киев, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗДЕЛ 1. Историография, источники, методология и методы исследования	14
1.1. Историография	14
1.1.1. Историография этнокультурной ситуации в регионе в середине I – середине III вв.	14
1.1.2. Историография этнокультурной ситуации в регионе во второй половине III – первой четверти IV вв.	22
1.1.3. Историография этнокультурной ситуации в регионе во второй четверти – конце IV вв.	32
1.1.4. Историография этнокультурной ситуации в регионе в конце IV – середине V вв.	43
1.2. Источники	52
1.2.1. Археологические источники и история полевых исследований	52
1.2.1.1. История полевых исследований памятников середины I – середины III вв.	56
1.2.1.2. История полевых исследований памятников середины III – начала IV вв.	62
1.2.1.3. История полевых исследований памятников начала IV – середины V вв.	68
1.2.2. Письменные источники	89
1.3. Методология и методы исследования	91
РАЗДЕЛ 2. Археологические памятники днепро-донецкой лесостепи середины I – середины III вв.	96
2.1. Культурная ситуация в регионе накануне распада зарубинецкой культуры и начала формирования постзарубинецкого горизонта.	96
2.2. Памятники постзарубинецкого горизонта в регионе	110
2.2.1. Тип Картымышево 2 – Терновка 2	112
2.2.2. Тип Грини	118

	3
2.3. Раннекиевские памятники	121
2.4. Заключение	128
РАЗДЕЛ 3. Археологические памятники в днепро-донецкой лесостепи середины III – начала IV вв.	131
3.1 Ареал памятников середины III – первой четверти IV вв. в днепро-донецкой лесостепи и их топография	131
3.2. Сооружения на поселениях и строительные традиции	136
3.3. Керамический комплекс поселений	147
3. 4. Заключение	156
РАЗДЕЛ 4. Археологические памятники региона начала IV – середины V вв.	158
4.1. Ареалы и топография памятников культурных групп	158
4.2. Жилые и хозяйственные постройки, производственные сооружения на черняховских поселениях	165
4.3. Постройки на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2	176
4.4. Керамический комплекс поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2	177
4.5. Могильники и погребальный обряд черняховской культуры в регионе	179
4.5.1. Общие сведения о могильниках	179
4.5.2. Основные обрядовые группы	183
4.6. Заключение	195
РАЗДЕЛ 5. Хронология археологических памятников днепро-донецкой лесостепи середины I – первой половины V вв.	197
5.1. Принципы и особенности построения	197
5.2. Хронология постзарубинецких /раннекиевских памятников	204
5.3. Хронология поселений горизонта Боромля	214
5.4. Хронология черняховских грунтовых могильников и подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов	229
5.5. Хронология поселений черняховской культуры	263

	4
5.6. Хронология поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2	271
5.7. Заключение	273
РАЗДЕЛ 6. Этнокультурные процессы в регионе во второй половине I – первой половине V вв.	275
6.1. Этнокультурные процессы во второй половине I – первой половине III вв.	275
6.1.1. К проблеме соотношения постзарубинецких – раннекиевских памятников и венетов	275
6.1.2. Контакты носителей постзарубинецких – раннекиевских памятников и сарматов	282
6.2. Этнокультурные процессы в регионе в середине III – первой четверти IV вв.	294
6.3. Этнокультурные процессы в регионе во второй четверти IV – первой половине V вв.	319
6.3.1. Распространение черняховской культуры и наследие предчерняховского горизонта Боромля	319
6.3.2. Этнокультурные традиции на памятниках черняховской культуры региона	323
6.3.3. Развитие черняховской культуры в регионе	343
6.4. Заключение	353
ВЫВОДЫ	357
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Таблицы	363
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Иллюстрации	595
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Типы ландшафтов памятников позднеримского времени (киевская, черняховская культуры) для Среднего Поднепровья по Р.Г. Шишкину	761
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. Список хронологических индикаторов (ХИ), происходящих из могильников черняховской культуры, подкурганых погребений эпохи Великого переселения народов в	

	5
днепро-донецкой лесостепи	762
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	771
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	839

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Область лесостепи между Днепром и Северским Донцом образует достаточно большой географический ареал Восточной Европы. В различные исторические эпохи здесь происходили события, нашедшие отражения в сообщениях письменных источников и появлении археологических памятников. Не является исключением и временной отрезок от середины I до середины V вв. н.э. Эта территория стала частью Барбарикума в условиях существования Римской империи, ее различного рода контактов с местным варварским населением. К этому периоду ее развития относится достаточно большое количество различных видов археологических памятников, составляющих культуры и горизонты, а также короткие, отрывочные сведения из сочинений античных авторов. В плане археологического изучения возможно констатировать, что эта территория в указанный период находилась в состоянии «ранней истории», когда, ввиду ограниченности письменных источников, мы располагаем лишь отдельными сведениями древних авторов и большим числом памятников материальной культуры.

Тем не менее, благодаря уровню исследованности археологических памятников, возможности осторожного сопоставления археологических реалий с информацией письменных источников может быть предпринята попытка построения этнокультурной истории региона в указанный период. Без создания таковой невозможна реконструкция полноценной картины историко-археологической ситуации в Центральной и Восточной Европе в период расцвета Римской империи, ее кризиса, существования варварских «государств», гуннского нашествия. Поэтому создание этнокультурной истории области днепро-донецкой лесостепи середины I – середины V вв. является достаточно актуальным.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках госбюджетной научно-

исследовательской темы «Украинская нация в общеевропейском измерении: история и современность» (государственный регистрационный номер 11БФ 046-01) исторического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Цель и задачи работы. Целью работы является создание комплексного исследования по этнокультурной истории региона указанного периода на базе археологических источников с учетом сведений письменных источников. Реализация этой цели предусматривает выполнение таких задач:

- 1) анализ состояния изученности проблемы этнокультурной истории региона в I-V вв. на основании археологических и письменных источников;
- 2) обзор письменных источников, которые содержат информацию об этнической и политической истории региона этого времени;
- 3) определение принципов археолого-исторического исследования, взаимосвязи археологических и исторических явлений, методики исследования;
- 4) при анализе археологических источников предоставление информации об истории полевых исследований различных групп памятников, а также оценка базы археологических источников для реконструкции историко-культурных процессов на различных отрезках рассматриваемого периода;
- 5) анализ археологических памятников региона середины I – середины III вв., определение места памятников группы Шишино 5 – Шмырево по отношению к памятникам постзарубинецкого горизонта и киевской культуры;
- 6) характеристика взаимосвязей носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников и сарматских памятников;
- 7) анализ археологических памятников региона середины III – первой четверти IV вв., выделение отличительных черт горизонта Боромля, определение его отношения к последующей черняховской культуре, предшествующим постзарубинецким-раннекиевским памятникам и синхронным культурным группам в области лесостепи от Днестра до Дона;
- 8) оценка контактов носителей черняховской и киевской культур в свете выделения горизонта Боромля;

9) создание каталога и картографирование памятников черняховской культуры региона, включающего таблицы и карты;

10) морфологическая характеристика черняховской культуры региона;

11) разработка системы хронологии черняховской культуры региона на основании корреляции закрытых комплексов могильников и сравнения с ними материалов поселений;

12) выделение этнокультурных компонентов в черняховской культуре, оценка их соотношения и проявления на разных видах археологических памятников;

13) реконструкция этнокультурной истории региона этого периода на основе археологических и письменных источников.

Объектом исследования в работе являются группы археологических памятников на территории днепро-донецкой лесостепи: постзарубинецкий горизонт, группа Шишино 5 – Шмырево, предчерняховский горизонт, черняховская культура, поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2, подкурганые погребения с черняховскими вещами.

Предмет исследования составляют сооружения на поселениях, погребения в грунтовых могильниках и подкурганые погребения, отдельные категории материальной культуры в вышеперечисленных культурных группах.

Научная новизна нашей работы определяется тем, что:

1) постзарубинецкие и раннекиевские памятники в днепро-донецкой лесостепи, исходя из их характеристик, объединены в одну культурную группу: постзарубинецкие-раннекиевские памятники;

2) определены характерные черты группы поселений, предшествующих в регионе «классической» черняховской культуре – горизонта Боромля, составлен каталог его памятников, определено отношение к предшествующим, синхронным и последующим во времени памятникам на данной и сопредельных территориях;

3) составлен наиболее полный из существующих на сегодня картографированный каталог памятников черняховской культуры региона с

указанием их топографического положения и принадлежности к гидро- и современной политико-административной системе;

4) проведен источниковедческий анализ археологических памятников региона для всех рассматриваемых периодов: середина I – середина III вв., середина III – первая четверть IV вв., вторая четверть IV – середина V вв. ;

5) представлена система хронологии черняховской культуры для региона днепро-донецкой лесостепи на основе корреляции погребений могильников и привязки к ним хроноиндикаторов из поселений;

6) на основе анализа археологических и письменных источников, сопоставления их информации создан очерк этнокультурной истории региона, выделены основные ее периоды на указанном промежутке времени.

Хронологическими рамками диссертации охватывают первую половину I тыс. н.э.: от середины I в. до середины V в. Нижним хронологическим рубежом является распад зарубинецкой культуры и появление памятников постзарубинецкого горизонта, верхним – прекращение существования в регионе черняховской культуры и появление «княжеских погребений» без четкого культурного контекста. В плане археологической периодизации это время относится к раннему (приблизительно 40-170/180 гг.), позднему (приблизительно 170/180-370/380 гг.) римскому времени, началу эпохи Великого переселения народов (с 370/380 гг.). В общепринятой европейской хронологической системе на протяжении этого периода существовали закрытые комплексы ступеней B 1, B 2, C 1, C 2, C 3, D 1, D 2. В диссертации используются системы относительной хронологии К. Годловского (Godłowski, 1970), Я. Тейрала (Tejral, 1986, 1992, 1997).

Географическими рамками работы является область лесостепи между Днестром и Северским Донцом, Орелью и Сеймом, а также прилегающие районы лесной и степной зон, в которых находились археологические памятники, основной ареал расположения которых находится в зоне лесостепи (рис. 2. 1; 2. 2; 2. 3; 3. 1; 4. 2). Лесостепь представляет собой почвенно-растительную зону (Чижов, 1961, с. 3), имеющую северную границу к востоку

от Днепра по линии Киев – Бобровица – Нежин – Батурин – Кролевец, а южную по линии устье Орели – Царичанка – Котовка – Красноград – Староверовка – Змиев – Чугуев – Печенеги – Шевченково – р. Волосская Балаклея – р. Оскол (Чижов, 1961, с. 4, 5). Эта территория распадается на две главные ландшафтные зоны (провинции): а) Днепровскую низменную равнину (Левобережную Днепровскую лесостепную провинцию); 2) отроги Среднерусской возвышенности (Средне-Русскую лесостепную провинцию) (Чижов, 1961, с. 25; Физико-географическое районирование..., 1968, с. 139, 141, 286, 339). Граница между ними проходит приблизительно по линии: Путивль – Лебедин – Ахтырка – Валки (Чижов, 1961, с. 120-121, карта). Для ландшафтной зоны региона присуще чередование возвышенностей и низменных равнин, а для речной сети характерно наличие крупных рек: Днепра и Северского Донца, а также их притоков (Физико-географическое районирование..., 1968, с. 141-142). В этом случае будет корректным применение именно термина археологические памятники «днепро-донецкой лесостепи», а не «Днепровское Левобережье».

Методы. В основу диссертационного исследования положены общенаучные принципы системности, историзма и объективизма. При написании работы были использованы традиционные методы археологических исследований: типологический, стратиграфический, статистический, картографический. Естественнонаучные методы при написании этнокультурной истории региона играют вспомогательную роль. В частности, геомагнитная съемка применялась для обнаружения некоторых объектов, служащих предметом исследования.

Базу источников диссертационного исследования составляют, в подавляющем числе, археологические источники: поселения, могильники, отдельные находки. Они совершенно неравнозначно представлены в различных культурных группах региона на протяжении исследуемого периода. При проведении исследования были использованы опубликованные источники, а также материалы раскопок, хранящиеся в Сумском краеведческом музее,

Полтавском краеведческом музее, Музее археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина. Используются архивные материалы Научного архива Института археологии НАН Украины и Института археологии РАН. Письменные источники – короткие свидетельства античных авторов I – VI вв. – играют вспомогательную роль.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее выводы и отдельные разработки могут быть использованы при написании обобщающих и научно-популярных работ по древней истории и археологии Украины, государств Центральной и Восточной Европы, при подготовке учебников, учебных пособий, курсов лекций, для организации музейных экспозиций.

Личный вклад автора диссертационного исследования состоит в том, что, являясь с 1999 г. руководителем Герmano-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, а с 2006 г. и заведующим Научно-исследовательской лабораторией экспедиции, лично исследовал памятники позднееримского времени и начала эпохи Великого переселения народов в области днепро-донецкого водораздела. С 2004 г. экспедиция проводит широкомасштабные исследования археологического комплекса Войтенки 1, включающего в себя могильник и селище. Благодаря объему и составу полученного материала, за эти годы комплекс стал важным памятником для изучения археологии позднееримского времени к востоку от Днепра и во всей Восточной Европе.

Ряд научных публикаций написаны в соавторстве. В статье о поселении позднееримского времени Родной Край 3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997) автору диссертации принадлежит часть по хронологии и культурной атрибуции памятника. В статьях, посвященных керамике черняховской культуры с участков «А» и «В» поселения Войтенки (Шульцце, Любичев, 2009а, 2009б) диссертант является автором части о классификации гончарной керамики, ее редких формах, а также описания памятника. Автору принадлежит описание гончарного горна и его аналогий в Восточной Европе в статье об изготовлении

гончарной керамики на поселении Войтенки (Schultze, Ljubičev, 2007). В статье о распространении фибул группы Альмгрен VII в днепро-донецкой степи (Любичев, Дидык, 2002) диссертант является автором части о культурной интерпретации этого явления и его хронологии.

Апробация результатов исследования осуществлена в форме докладов, которые обсуждались на заседаниях Группы по изучению эпохи Великого переселения народов Института археологии РАН (2008 г.), Евроазиатского отдела Немецкого археологического института (2006 г.), Института доисторической археологии университета имени Александра Гумбольдта (Берлин) (2008 г.), Института доисторической археологии университета имени Мартина Лютера (Галле) (2008 г.), на коллоквиуме по археологии позднеримского времени Центральной и Восточной Европы в Немецком археологическом институте (Берлин) (2011 г.), на международных конференциях во Франкфурте-на-Майне, Бонне (2009 г.), Туле (2006, 2008, 2010, 2012 гг.), Харькове (1999, 2001, 2002, 2004, 2006, 2008, 2010 гг.), Тирасполе (2002 г.), Киеве (2010 г.), на полевых семинарах в Войтенках (2009, 2012 гг.),

Публикации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в одной монографии, 54 научных статьях и тезисах докладов, в том числе 31 статье, опубликованной в научных специализированных изданиях. Серия трудов автора опубликована в тезисах конференций, тематических сборниках и периодических изданиях научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений Украины, России, Германии, Англии.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, выводов (всего 362 страниц). Список использованных источников насчитывает (773 наименования). Имеется список сокращений. Приложения включают в себя: текстовые таблицы (приложение А), иллюстрации (приложение Б), список основных типов ландшафтов для черняховских поселений в каталоге памятников (приложение В), список хронологических индикаторов для построения хронологической системы черняховской культуры в регионе

(приложение Д). Общий объем диссертации с приложениями включает 841 страниц.

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография.

Историографический обзор построен по хронологическому принципу и последовательно охватывает состояние изученности основных проблем этнокультурной истории региона по периодам: середина I – середина III вв. середина III – первая четверть IV вв. ; вторая четверть – конец IV в. ; конец IV – середина V вв.

1.1.1. Историография этнокультурной ситуации в регионе в середине I – середине III вв.

Историография причин кризиса и распада зарубинецкой культуры, приведшая к появлению постзарубинецких памятников выходит за рамки нашей работы и она достаточно подробно изложена исследователями (Терпиловский, 2004б, с. 21-22; 2010б, с. 13-15). Собственно сами понятие «распад зарубинецкой культуры» и традиция наименования древностей I-II вв. в Подесенье, Побужье, Поднепровье «постзарубинецкими» берет начало с работ М.Б. Щукина и Д.А. Мачинского (Щукин, 1976, с. 77-78, 1979б, с. 69, 74; Мачинский, 1976, с. 93, 94).

Основными вопросами историографии этнокультурной истории региона этого периода являются: 1) выделение постзарубинецких памятников и определение их места в системе культурных групп; 2) содержание и употребление терминов «поздnezарубинецкие» и «постзарубинецкие» памятники; 3) выделение групп постзарубинецких памятников в регионе и их генезис; 4) хронология этих групп; 5) выделение группы раннекиевских памятников типа Шишино 5 – Шмырево, ее связь с постзарубинецкими памятниками и хронология; 6) постзарубинецкие – раннекиевские памятники региона как часть так называемой «праславянской» культурной провинции

раннеримского времени к западу и востоку от Днепра; 7) этническая принадлежность постзарубинецких – раннекиевских памятников региона; 8) контакты носителей постзарубинецких – раннекиевских памятников с соседними культурными группами.

Среди специалистов нет единой точки зрения на отношение позднезарубинецких памятников к зарубинецкой культуре. Ю.В. Кухаренко вообще считал, что зарубинецкие традиции не имеют продолжения (Кухаренко, 1964, с. 53). В концепции Е.В. Максимова они включены в состав зарубинецкой культуры в качестве особых локальных вариантов («регионов») и в общей схеме ее периодизации соответствуют «позднему» и «заключительному» этапам развития (Максимов, 1982, с. 9-10, 28-30; Терпиловский, 2010б, с. 12). В работах С. П. Пачковой (Пачкова, 2006, с. 134), Л. А. Цыңдровской (Цыңдровська, 1988) позднезарубинецкие памятники также не выделены из зарубинецкой культуры как особая группа.

Согласно другой точке зрения, эти древности считались переходным этапом на пути эволюции зарубинецкой культуры к киевской (Даниленко, 1976, с. 65-69; Кравченко, Гороховский, 1979, с. 51-60). Иногда зарубинецкие и постзарубинецкие материалы оцениваются как одна культурная общность (Третьяков, 1966, с. 225-230). М.Б. Щукин и Д.А. Мачинский не отрицают связь постзарубинецких памятников с зарубинецкой культурой (Щукин, 1976, с. 78; Мачинский, 1976, с. 93-94), но подчеркивают их отличие от последней (Терпиловский, 2010б, с. 12).

А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский считают, что позднезарубинецкие памятники являются самостоятельным культурным явлением, отличным от предшествующей зарубинецкой и последующей киевской культур (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 10; Обломский, 2002, с. 10; Терпиловский, 2004б, с. 22). Памятники постзарубинецкого горизонта определяются как возникшие в течении периода кризиса или после него, существовавшие в пределах хронологического отрезка между распадом зарубинецкой культуры до

появления культур позднеримского времени (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 10).

Важным моментом стало определение сущности этой культурной общности. В терминологии М.Б. Щукина древности I – II вв. на территории Подесенья – Побужья – Поднепровья после распада зарубинецкой культуры получили названия «постзарубинецкие» (Щукин, 1979б, с. 69, 74). По его мнению, это явление нельзя назвать археологической культурой по причине больших расстояний между группами этих памятников, и различий в наборе элементов материальной культуры. Поэтому был предложен термин «горизонт памятников типа Рахны – Почеп», учитывая всю его условность и не обязательное тождество с эпонимными памятниками (Щукин, 1986; Щукин, 1994, с. 236). Как и другие археологические горизонты, горизонт Рахны – Почеп является эквивалентом населения, которое находится в процессе расселения и еще не стало на путь интеграции (Щукин, 1994, с. 236). К термину «горизонт» близким является понятие «культурная группа», которая обозначает самостоятельное явление, что соответствует начальному этапу формирования археологической культуры (Козак, 1992, с. 4).

Группы позднезарубинецкого (постзарубинецкого) горизонта характеризуются порой достаточно существенными отличительными чертами, что зависит от степени сохранения «классических» зарубинецких компонентов, местного субстрата, наличия иных культурных компонентов. С одной стороны наблюдается преемственность позднезарубинецких памятников с зарубинецкой культурой, а с другой – это новое явление в новых условиях (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 10; Щукин, 1994, с. 237).

Специалистами применяются термины как «позднезарубинецкие», так и «постзарубинецкие» памятники. А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, используя термин «позднезарубинецкие памятники» полагают, что, несмотря на то, что они являются самостоятельным культурным явлением и не образуют единой эволюционной линии развития, все же сохраняют сильную зарубинецкую традицию (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 10, 76;

Терпиловский, 2010б, с. 12). Петербургские археологи, сторонники термина «постзарубинецкие памятники», считают, что термин «поздnezарубинецкие» неудачен, поскольку хронологический разрыв и существенные перемены в культуре населения, рассредоточившегося с «зарубинецкой прародины» после ее распада, достаточно велики, чтобы терминологически закреплять за разными явлениями лишь характеристику их как одного из этапов уже не существующей общности (Щеглова, 2004, с. 119). Мы являемся сторонниками этой точки зрения и в нашей работе используется термин «постзарубинецкие памятники».

А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским были выделены среднеднепровская (тип Лютеж), деснянская (тип Почеп), левобережная (тип Картамышево 2 – Терновка 2), южнобугская (тип Рахны) группы постзарубинецких памятников, памятники типа Грини (Обломский, Терпиловский, 1991б, рис. 1; Обломский, 1992б, с. 34-35; 1993а; 1993б, с. 40, 43-49; Терпиловский, 2004б, с. 22-30). Памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 были разделены на две локальных области: типа Картамышево 2 (западная область) и типа Терновки (восточная область) (Обломский, 1991, с. 37, 40, 42, 46; 2002, с. 10-11; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 62-65; Терпиловский, 2004б, с. 27-28; Обломский, 2010б, с. 55-59). Считается, что некоторые категории посуды, а также орнаментальные мотивы имеют локальное распространение, для восточной области являются характерными хозяйственные постройки, а для западной – специфические конические печи-«горны», очаги вне построек, имеются локальные различия и в расположении памятников в пределах речных долин (Обломский, 1991, с. 37, 40, 42, 46; Обломский, 2002, с. 11-12; 2010б, с. 55-59).

Для постзарубинецких памятников типа Грини характерными чертами считается отсутствие компактной территории распространения, рассеянность памятников в Среднем Поднепровье, Нижнем Подесенье, в Днепровском Левобережье (Обломский, 1993б, с. 48-49; Терпиловский, 2004б, с. 29-30).

А.М. Обломский не видит прямой связи между населением зарубинецкой культуры и первых столетий нашей эры в Левобережном регионе. По его

мнению, ни одна из постзарубинецких групп не связана с древностями доримского времени (Обломский, 2002, с. 14-15). Считается, что постзарубинецкие культурные группы региона формируются на среднеднепровской зарубинецкой основе. Определенную роль также играли пшеворские элементы, особая роль которых подчеркивается именно в формировании локальной группы Картамышево 2 (Обломский, 1991, с. 46-47; Обломский, 2002, с. 15; Терпиловский, 2004б, с. 32). Появление памятников типа Грини объясняется миграцией с севера носителей верхнеднепровских зарубинецких памятников типа Горошков-Чаплин и культуры штрихованной керамики (Терпиловский, 1994б, с. 13-14; Обломский, 2002, с. 15).

Совершенно особняком стоит идея Д. Я. Телегина об объединении постзарубинецких памятников в урочище Бондариха, Осиповка в так называемый «осиповский тип памятников», предшествующий пеньковской культуре и существовавший в I в. до н.э. – V в. н.э. (Телегин, 1996).

Памятники типа Картамышево 2 – Терновки 2 датированы в пределах второй половины I – второй половины, конца II вв. (Обломский, 2002, с. 13). Широкая дата существования памятников типа Грини определена в пределах конца I-II вв., возможно начала III в., а узкая – в рамках второй половины II в. (Обломский, 2002, с. 15; Башкатов, Терпиловский, 2010, с. 42). А.М. Обломским памятники типа Картамышево 2 – Терновки 2 отнесены к выделенной им «первой фазе римского периода» на водоразделе Днепра – Дона (Обломский, 1991, с. 7).

Основанием для выделения группы памятников «второй промежуточной фазы римского времени от прекращения активного использования лощеной посуды до начала массового поступления черняховской гончарной керамики» типа Шишино 5 – Шмырево (на поселениях исследовано 7 жилищ, из них 3 разрушено) в области днепро-донецкого водораздела явилось сочетание в керамическом комплексе «округлобоких с выпуклой дугой в верхней части профиля горшков со слабопрофилированными закрытыми, тюльпановидными, баночными и различными ребристыми сосудами, а также дисками», фиксация

«остаточного» употребления лощенной посуды постзарубинецкого или пшеворского облика, присутствие высоких биконических прясел (на постзарубинецких поселениях распространены прясла из черепков сосудов) (Обломский, 1991, с. 47-63; 2002, с. 20). Считается, что в группе комбинируются элементы памятников типа Картамышево и типа Терновки. Эта группа датирована началом – первой половиной III в. и отнесена к сейминско-днецкому варианту киевской культуры (Обломский, 2002, с. 17, 18). Все поселения и могильники группы Шишино 5 – Шмырево или раннего этапа сейминско-днецкого варианта киевской культуры известны лишь в восточной части области днепро-днецкой лесостепи, что породило тезис о возможном существовании «области археологической пустоты» в западной и центральной частях региона для конца II – середины III вв. (Обломский, 2002, с. 20) вследствие реальной картины «мертвой культуры» или неполноты выборки «культуры вновь открытой» по Г.-Ю.Эггерсу.

Постзарубинецкие – раннекиевские памятники региона являлись составной частью довольно обширной культурной провинции в лесостепи Восточной Европы середины I – III вв. Анализ материалов убедительно свидетельствует, что этнокультурные процессы в верховьях Днестра, правых притоков Припяти на протяжении I-III вв. протекали в том же направлении, что и в Поднепровье. Начался процесс формирования единой культурной области на позднезарубинецко-пшеворской основе (Козак, Терпиловський, 1986; Терпиловский, 2004а, с. 473, 2004б, с. 92).

В носителях постзарубинецких памятников специалисты усматривают венетов (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 104-108), с которыми соотносится также и зубрицкая группа (Козак, 1992, с. 137-140). Это положение, по мнению Р.В. Терпиловского, опирается на следующие доводы: 1) совпадение западной части ареала распространения постзарубинецких групп с юго-западной частью зоны расселения венетов по локализации Тацита в аргументации Д.А. Мачинского (Мачинский, 1976, с. 87-91); 2) миграции носителей постзарубинецких групп соответствуют информации Тацита о передвижениях

венетов; 3) совпадение даты наиболее вероятного получения Тацитом сведений о венетах (вторая половина I в.), периода распада зарубинецкой культуры и начало передвижения групп постзарубинецкого горизонта (Терпиловский, 2004б, с. 92). В поиске археологических соответствий сообщению Птолемея о размещении ставанов внутри ареала «великого народа венетов» Р.В. Терпиловский допускает возможность считать носителями памятников типа Грини именно ставанов (Терпиловский, 2004б, с. 92).

Важной проблемой этнокультурной истории региона этого периода является определение наличия и уровня контактов носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников и сарматов. А.М. Обломский в решении данной проблемы обращается к сравнительному анализу форм постзарубинецкого-раннекиевского керамического комплекса и керамики сарматских памятников Подонья и находит подобие некоторых форм как кухонной, так и столовой керамики (Обломский, Томашевич, 1993, с. 48-49)

Сделан вывод о широком распространении в сарматском керамическом комплексе Среднего и Верхнего Дона определенных типов горшков и мисок, как следствия не столько наследования традиций скифского лесостепного населения, но и контактов сарматов Подонья с позднезарубинецким населением водораздела Днепра-Дона. Сарматским влиянием объясняется и «приземистость» сосудов раннекиевских памятников типа Шишино 5-Шмырево. Еще одним свидетельством контактов сарматов и оседлого населения раннеримского времени днепро-донецкой лесостепи по мнению А.М. Обломского является ингумация на поселении Шишино 5 (Обломский, Томашевич, 1993, с. 51, 53).

По мнению А.М. Обломского, контакты сарматов и оседлого населения днепро-донецкого водораздела раннеримского времени не имели характера постоянного торгового обмена. В этом случае многочисленный у сарматов античный импорт присутствовал бы на позднезарубинецких-раннекиевских памятниках (Обломский, Томашевич, 1993, с. 55). Содержание этих контактов видится в экзогамных связях и считается, что позднезарубинецкое влияние на

сарматов было сильнее, чем обратное. Наличие у части сарматов Подонья позднезарубинецкой керамики объясняется захватом пленных в ходе сарматских нападений на восточную область расселения позднезарубинецких племен или проникновением небольших групп населения с запада на восток (Обломский, Томашевич, 1993, с. 55). Но этот вывод базируется исключительно на заключении о позднезарубинецком происхождении вышеуказанных типов горшков и мисок. А.П. Медведев видит их корни в среде скифско-сарматского населения и в заимствовании с Нижнего Дона и Кубани (Медведев, 1993).

Исследователи пришли к заключению о наличии контактов носителей памятников постзарубинецкого горизонта в днепро-донецкой лесостепи с культурными группами Центральной Европы, которые продолжали собой традицию этого вектора связей латенского времени уже в условиях новой этокультурной ситуации раннеримского времени (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 162). Конкретно речь идет о синтезе пшеворских и постзарубинецких элементов, но в иных масштабах, чем в волыно-подольской группе (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 163).

Влияние пшеворских традиций было пока прослежено только лишь в керамическом комплексе, а более конкретно - в группе лощеной керамики. Миски, имеющие аналогии в пшеворской среде происходят в основном из западной части ареала постзарубинецкой группы Картамышево 2 –Терновка 2 (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 163-164). Поэтому сделан вывод об ограниченном участии носителей пшеворской культуры в формировании постзарубинецкого горизонта региона, сюда проникла лишь небольшая группа средневропейского населения (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 93, 103; 1994б, с. 163-164; Обломский, 1991, с. 47; 2002, с. 15).

Рассматривался вопрос и о контактах с носителями археологических групп лесной зоны, севернее ареала постзарубинецких памятников. В частности, поиски аналогий «яйцевидным» и «бомбовидным» горшкам из поселения Приоскольское 1 проводились не только в вельбарской и

пшеворской культурах, но и в верхнеокской культуре (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 92). В то же время сделан вывод, что большие различия в керамическом наборе культуры штрихованной керамики и постзарубинецких памятников типа Грини заставляют поставить под сомнение связь между ними (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 96).

1.1.2. Историография этнокультурной ситуации в регионе во второй половине III – первой четверти IV вв.

Основными проблемами этнокультурной истории региона этого времени, нашедшими отражение в историографии, следует считать: 1) время появления черняховской культуры и сущность этого явления на ступенях C1b-C2 в днепро-донецкой лесостепи до появления «классической» черняховской культуры ступени C3; 2) развитие культурных групп «праславянской» культурной провинции в регионе: памятники типа Букреевка 2 – Тазово – новый этап эволюции древностей типа Шишино 5 – Шмырево в условиях «черняховских влияний» или же отражение миграции группы населения со стороны; 3) эволюция киево-черняховских контактов. Все они теснейшим образом связаны друг с другом. Следует учитывать, что дискутируемые положения не являются ни в коей мере локальными, касающимися лишь территории восточнее Днепра, ибо они относятся к проблеме генезиса черняховской культуры вообще, критериев ее выделения и модели по набору признаков, форм ее взаимодействия с соседними культурными образованиями (Любичев, 2010, с. 149).

Начало разработки концепции этнокультурной истории территории днепро-донецкой лесостепи в позднееримское время было положено А.Н. Некрасовой, которая полагает, что во второй половине III – на рубеже IV вв. элементы черняховской культуры (конические миски, фибулы группы Альмгрен VII, конические прясла с воронковидным основанием, гончарная керамика) появляются в среде местных киевских племен (носители памятников типа Родной Край 3, Боромля 2 (нижний горизонт), Букреевка 2). Под

проникновением этих элементов подразумевается движение группы славянского населения из Поднестровья, которое смешивается с киевскими племенами и приносит традиции черняховской культуры. А.Н. Некрасова связывала с этим первый этап распространения «черняховских древностей», проникновение «элементов черняховской культуры» в среду местных киевских племен (Некрасова, 1990а; 1990б). Она первая нашла аналоги новым вещам в днепро-донецкой лесостепи сер. III – нач. IV вв. в раннечерняховских памятниках Поднестровья типа Куропатники – Демьянов (Некрасова, 1990а). Исследовательница отметила, что на памятниках этого времени днепро-донецкого водораздела типа Родного Края 3 – Боромли 2 – Букреевки 2 отсутствует вельбаркская керамика, а лепная посуда похожа на киевскую с памятников Днепровского Левобережья или на волыно-подольскую. Был сделан вывод о том, что проникновение славянского населения из Поднестровья, которое было родственным племенам киевской культуры, принесло в среду последних «некоторые традиции провинциально-римской черняховской культуры» (Некрасова, 1990б). На рубеже III-IV вв. в регионе существует уже классическая черняховская культура (Некрасова, 1990а, с. 151; 1990а). Именно с появлением классических черняховских древностей исследователи связывают вторую волну или второй этап заселения Левобережья черняховскими племенами, выразившийся в массовой колонизации (Некрасова, 1990б; Обломский, 1997, с. 70).

Был выдвинут тезис о наличии так называемой «фибульной цепочки» между «приднестровским» и «днепро-донецким» ареалами концентрации фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена, которая обозначает путь переселения части верхнеднепровских праславян к своим родственникам по культурной провинции – носителям памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 и Шишино 5 – Шмырево (Любичев, 2003а, с. 77). Это положение подверглось критике по причине включения в «фибульную цепочку» изделий различных серий VII группы (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 125). Действительно, в нее попали изделия различных серий (помимо неслуховской и

днепровской в классификации Е.Л. Гороховского – О.В. Гопкало) данной группы, но «цепочка» иллюстрирует движение на запад не только поднепровских славян, ибо фибулы-«монстры» из Медведовки, Петрикивцев, Малополовецкого 2 явно связаны с германскими племенами (Любичев, 2003а, с. 27).

По трактовке сущности явления, стоящего за появлением набора инноваций, который фиксируется «во всех сферах археологического комплекса» (Обломский, 1997, с. 64) в работах А.М. Обломского (Обломский, 1991; 1997; 1999а; 2002; 2009б; Кропоткін, Обломський, 1991) с одной стороны, и В.М. Горюновой, Г. А. Романовой, О. А. Щегловой (Горюнова, Романова, Щеглова, 1991), М.Б. Щукина (Щукин, 2005, с. 133), М.В. Любичева (Любичев, 2003а; 2003г; 2005в; 2008а; 2008б) с другой, нашли отражение противоположные точки зрения на понимание культурных процессов середины III – первой четверти IV в области днепро-донецкой лесостепи.

В трудах А.М. Обломского (Обломский, 1991; 1997; 1999а; 2002) на протяжении 1991-2002 гг. была выработана концепция этнокультурного развития территории днепро-донецкой лесостепи в позднеримское время. Она сводится к следующим основным положениям: 1) раннекиевские памятники рубежа ранне- и позднеримского времени днепро-донецкого водораздела типа Шишино 5 – Шмырево и памятники позднеримского времени типа Букреевка 2 –Тазово являются генетически взаимосвязанными (Обломский, 1999а, с. 26; 2002, с. 56-57); 2) памятники типа Букреевка 2 – Тазово (селища Букреевка 2, Гочево 3, 4; Родной Край 3) («сейминско-донецкий вариант киевской культуры») хронологически синхронны с первой фазой развития черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (Обломский, 2002, с. 60). Они относятся к начальному хронологическому этапу древностей типа Букреевка 2 – Каменево 2, являющихся, в свою очередь, поздней фазой сейминско-донецкого варианта киевской культуры, либо третьей фазой римского времени днепро-донецкого водораздела и датирующихся второй половиной III – концом IV вв. (Обломский, 1991, с. 31, 95-100; 1997, с. 63 2002, с. 32; Кропоткін, Обломський,

1991, с. 77); 3) по сравнению с древностями типа Шишино 5 – Шмырево в культуре носителей памятников типа Букреевка 2 – Тазово наблюдается ряд новых черт (набор лепной посуды, конструкция жилищ, бытовой инвентарь), как результат воздействия черняховской культуры (Обломский, 1997, с. 64). Лепная посуда и конические прясла с вдавленной основой имеют аналогии в древностях верховьев Днестра и Западного Буга (Кропоткін, Обломський, 1991, с. 88); 4) характер этого воздействия заключается в экономическом и этническом общении носителей памятников типа Шишино 5 – Шмырево и черняховской культуры, которая представляет собой различные по происхождению группировки (Обломский, 1997, с. 68; 2002, с. 89); 5) продвижение на восток носителей черняховской культуры происходит рано, около середины-второй половины III в., на начальной («ружичанской») фазе культуры или чуть позже, когда появляются «пункты с черняховским культурным контекстом», «памятники черняховского типа» или черняховские «базы колонизации» (поселения Головино 1, Новоселовка, Песчаное, Хохлово 2, Хлопков 1, Радуцковка), но погребальные комплексы этого времени на черняховских могильниках региона отсутствуют (Обломский, 1990а, с. 63; 1991, с. 86; 1997, с. 67-69; 1999а, с. 26-29; 2002, с. 56-57, 89). На одной из таких «баз» – поселении Головино 1 в верхнем течении Северского Донца присутствовало смешанное в этническом составе население, но этнос большинства был черняховским, и этому периоду соответствовал черняховский могильник, расположенный рядом (Обломский, 1991, с. 142; 1997, с. 69). Присутствие в регионе на ступенях С1b-С2 «черняховцев» представляется как проникновение «каких-то групп черняховского населения» и вхождение их «в состав местных общин». На ранних киевских памятниках черняховские элементы не образуют изолированных комплексов, а равномерно распределены по большинству объектов наравне с киевскими (Обломский, 1991, с. 141); 6) В это время здесь уже функционируют гончарные центры с горнами, ибо трудно представить широкий экспорт гончарной керамики на днепро-донецкий водораздел со стороны Среднего Поднепровья – Надпорожья (Обломский,

1997, с. 68-69). С черняховской культурой на днепро-донецком водоразделе отождествляются памятники типа Снагости 2 – Хохлово 2, которые являются почти синхронными памятникам типа Букреевки 2 – Каменево 2, но существовали продолжительнее (Кропоткін, Обломський, 1991, с. 88).

В ряде работ А.М. Обломского выделена «киевская традиция» в «черняховской археологической общности, как одного из составляющих черняховской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья» (Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 134), к которой отнесены памятники с преобладанием сероглиняной гончарной керамики, но с лепной посудой, аналогичной киевской (Обломский, 2009б, с. 265).

Основные положения другой концепции: 1) если средняя и заключительная фазы черняховской культуры (IV – начало V вв.) представлены значительным числом поселений и могильников, то раннюю фазу (III в.) на Левобережье маркируют лишь отдельные формы гончарной керамики и других предметов, характерных для черняховской культуры (фибулы группы Альмгрен VII, роговые гребни с низкой полукруглой спинкой, амфоры Шелов D) на памятниках горизонта Боромля; 2) в днепро-донецкой лесостепи для ступеней C1b-C2 не известно ни одного черняховского могильника. Черняховские «базы колонизации» (прежде всего Головино 1) являются ни чем иным как селищами позднеримского времени с двумя горизонтами: предчерняховским (горизонт Боромля) и черняховским; 3) в большинстве случаев на местах селищ предчерняховского горизонта затем располагались поселения «классической» черняховской культуры, но это перекрытие не всегда фиксируется стратиграфически. Случаи такого перекрытия зафиксированы в Боромле 2, Гочево 3, Гочево 4, Войтенках 1 (участок «А»); 4) аналогичные элементы появляются в материальной культуре Поднепровья и Днепровского Левобережья одновременно. Памятники горизонта Боромля не являются следующим этапом эволюционного развития группы Шишино 5 – Шмырево в условиях черняховских влияний. Появление целого комплекса инноваций во всех сферах материальной культуры с середины III в. связано не с «влиянием

черняховцев», а с приходом группы населения (носителей памятников типа Демьянов-Черепин) со своей уже сложившейся морфологией материальной культуры, в которой были и черняховские элементы; 5) наличие горизонта Боромля с черняховскими элементами создает картину киево-черняховской маргинальной зоны на ступенях С1b-С2, которая исчезает со второй четверти IV в., когда в регионе появляется уже так называемая «классическая» черняховская культура с иной морфологической характеристикой; 6) отсутствие симбиоза между племенами киевской и черняховской культур (Горюнова, Романова, Щеглова, 1991; Любичев, 2003а, 2003г, 2005в, 2008б, с. 46-48; 2008г, с. 268; 2010а, с. 164-165).

Р.В. Терпиловский выступает против гипотезы о переселении на восток в середине III в. части верхнеднепровского населения и смешения его с местным киевским, но при этом отмечает, что имели место постоянные микромиграции по линии запад-восток небольших групп населения: как «раннечерняховских группировок», так и части «верхнеднепровского населения», родственного местным киевским племенам. Памятники типа Черепин и Бормли 2 являлись явлениями одного порядка (Терпиловский, 2004а, с. 474; Терпиловский, 2002, с. 25).

М.Б. Щукин предложил термин «горизонт Боромля» для памятников Днепровского Левобережья, содержащих керамику вельбаркского или пшеворского облика, а также керамику типа Демьянов-Черепин (Щукин, 2005, с. 133). М.В. Любичев вслед за А.Н. Некрасовой использовал его, как уже показано выше, для обозначения группы памятников, появившейся в регионе вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов-Черепин из Верхнего Поднепровья, включающих в себя некоторые элементы черняховской культуры, но еще не являющихся черняховской культурой с комплексом ее характеристик (Любичев, 2008б, с. 51; 2010а, с. 164-165). И.О. Гавритухин выдвинул гипотезу, согласно которой создателями горизонта Боромля могли быть герулы, локализованные Иорданом недалеко от Меотиды, которые были подчинены Германарихом (Gavritukhin, 2011, p. 57).

Проблема контактов носителей черняховской и киевской культур стала одной из ведущих для этого периода. Была разработана периодизация киево-черняховских контактов. Первоначально она создавалась для киевских памятников Подесенья (Терпиловский, 1984а), а затем были привлечены материалы Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья (Терпиловский, 1999б; Терпиловский, 2000). Так называемый их «нулевой период» (конец II – первая половина III вв.) характеризуется отсутствием прямых контактов (Терпиловский, 1984а, с. 81, 83; Терпиловский 2000, с. 305). Памятники первого этапа киевской культуры не имеют признаков черняховских влияний (Казаровичи, Сушки 2, Гочево 1, Попово-Лежачи 4, Обухов 3). В первом периоде на памятниках Подесенья (вторая половина III – IV вв.) отмечается незначительное количество черняховского импорта, а во втором периоде (середина IV – начало V вв.) там наблюдается инфильтрация черняховских элементов (Терпиловский, 1984а, с. 83).

На материалах Днепровского Левобережья время непосредственных контактов подразделяется на три этапа. Первый этап (середина III– начало IV вв.) характеризуется движением различных по происхождению групп черняховского населения с биритуальным погребальным обрядом, характерной гончарной керамикой, специфическим набором вещей. Они продвигаются вплоть до Северского Донца на востоке, в 230-270 гг. появляются «очаги черняховской колонизации» (Большая Даниловка, Головино 1, Новоселовка). Одновременно у носителей памятников типа Букреевка 2 – Тазово (второй период киевской культуры), генетически связанных с носителями предшествующих памятников типа Шишино 5 – Шмырево, появляются те же самые хронологические индикаторы, что и у черняховского населения (фибулы Альмгрен VII, роговые гребни Томас I, светлоглиняные амфоры типа D) (Терпиловский, 1999, с. 38; Терпиловский, 2000, с. 305; 2004а, с. 471; Терпиловский, 2002, с. 21; Обломский, 1991, с. 90-114). Не происходит резкой ломки комплекса традиций, но появляются новые черты во всех сферах археологической культуры. Если А.М. Обломский, как указано выше,

предполагает равномерное включение групп черняховского населения в состав киевских общин с середины III в., без образования изолированных комплексов (Обломский, 1991, с. 141), то Р.В. Терпиловский замечает, что раннее появление черняховской культуры на Днепровском Левобережье фиксируется пока лишь косвенно – по указанным выше хронологическим индикаторам (Терпиловский, 2004б, с. 52).

Как показывают материалы среднего слоя Боромли, носители киевской культуры даже участвуют в формировании местных черняховских древностей (Терпиловский, 1999, с. 39). Но М.Б. Щукин считает маловероятным, чтобы потомки обитателей кратковременных и рассеянных позднезарубинецких поселков составили основное население черняховской культуры в регионе. Эти потомки влились в состав киевской культуры – по структуре весьма отличной от черняховской, и в черняховских поселениях проживали лишь представительницы киевской культуры (Щукин, 2005, с. 133).

Второй этап контактов (со второй четверти IV в.) характеризуется массовой черняховской колонизацией, вытеснением из лесостепи киевских племен, что подтверждается случаями перекрытия черняховскими горизонтами киевских (Гочево 4, Боромля 2) (Терпиловский, 1999, с. 39; Терпиловский, 2000, с. 305). Вместо «маргинальной зоны», присущей первому периоду контактов, киевские памятники IV в. известны исключительно вне территории черняховской культуры: к северу (правый берег Сейма) и востоку от ее ареала (Терпиловский, 1999, с. 39; Терпиловский, 2004б, с. 52-53; Обломский, 2002, с. 89). Третий этап (вторая половина IV – начало V вв.) отмечен тесными контактами на финальных фазах развития обеих культур в период войн «антов Боза» и «готов Винитария» (Терпиловский, 2000, с. 306-307). С рубежа IV-V вв. киевское население вновь проникает в бассейн Сулы и Псла (Терпиловский, 2004б, с. 53). Характер киево-черняховских контактов определяется как давление развитого общества («черняховцы») на более архаичное («киевляне») и в обратном направлении (Терпиловский, 1984а, с. 83; Терпиловский, 1999, с. 38; Обломский, 1991, с. 141; 1997, с. 68). Киевская и черняховская культуры в

регионе подвергались нивелировке, но сохраняли специфику. И эта нивелировка характеризуется двумя составляющими: 1) часть киевского населения включалась в состав черняховских общин; 2) «киевляне» вне черняховского ареала заимствовали черняховские технологии (Обломский, 1997, с. 89). Отмечается, что носители культур занимали различные экологические ниши (Обломский, 1991, с. 88; Терпиловский, 2004б, с. 52), но киевские традиции повлияли на размещение значительной части черняховских поселений региона на первых надпойменных террасах или останцах (Обломский, 1997, с. 68).

А.М. Обломский считает, что его тезис о ранней дате появления черняховской культуры в регионе находится в противоречии со ставшей уже традиционной точкой зрения о постепенном распространении черняховских древностей с запада на восток (Обломский, 1997, с. 69). В этой связи большую важность приобретает выделение критериев для отнесения отдельного памятника к черняховской культуре. В.Д. Баран совершенно однозначно отождествляет памятники типа Демьянов-Черепин с черняховской культурой и появление их элементов в днепро-донецкой лесостепи (возникновение горизонта Боромля) с проникновением сюда черняховской культуры в столь ранний период (Баран, 2004; Баран, Гопкало, 2005, с. 45-52). Это положение связано с тезисом о наличии раннеславянского элемента в черняховской культуре, ее полиэтничном характере и появлении новой группы ранних славян, как одних из носителей культуры, в днепро-донецком регионе (Баран, 2004, с. 98-99). По Б.В. Магомедову, черняховскими можно считать памятники, на которых имеется керамика «черняховского типа» с качественными характеристиками и особыми формами, где наблюдается определенное соотношение лепной и гончарной посуды, присутствуют специфические формы вещей, выработанные на основе центральноевропейских прототипов (Магомедов, 2001, с. 17). Им более всего соответствует «тип Косанов» с элементами вельбаркской культуры, наземными каркасными жилищами, полуземлянками, биритуальными могильниками, вельбаркскими типами

лепной керамики (Магомедов, 2001, с. 151). Сам этот термин является неудачным для обозначения «классической» черняховской культуры с наличием северо-западных элементов, ибо в Косанове отсутствуют наземные каркасные жилища. Согласно М.Б. Щукину, для определения памятника как черняховского, необходимо присутствие на нем не менее 20 %, а может быть даже 50% специфической гончарной керамики, наличие в группе памятников биритуального могильника, а на поселениях – остатков длинных наземных домов (Щукин, 2005, с. 109). А.М. Обломский к черняховским относит памятники с преобладанием на селищах специфической гончарной керамики, наличием могильников с характерной гончарной керамикой и специфическими украшениями «фасеточного» стиля, но при этом считает, что на стадии формирования культуры гончарная посуда не получает широкого распространения и границы черняховской культуры, определенные таким путем, очерчивают ее территорию в период расцвета (Обломский, 2002, с. 29).

Специалисты обратили внимание на неоднородность поселений позднеримского времени в регионе, содержащих черняховскую гончарную керамику, именующихся «черняховскими». Так, А.И. Журко полагает, что наличие лепной керамики в Песчаном выделяет этот памятник из круга черняховских древностей, представленных поселениями в Косовщине, Краснополье, Великом Бобрике. Это позволяет ставить вопрос о сосуществовании в лесостепном Днепровском Левобережье, по меньшей мере, двух групп памятников черняховской культуры: памятники одной содержат в культурном слое и объектах только гончарную керамику, и в памятниках другой представлена как гончарная, так и лепная посуда (Журко, 1994а, с. 217).

Важное место в построении концепции культурного развития региона в этот период играет выделение горизонтов на поселении позднеримского времени Боромля 2. Первоначально, еще в ходе раскопок памятника, был выдвинут тезис о наличии «двух хронологических горизонтов» и отсутствии хронологического разрыва между ними (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 19, 26). По мнению авторов раскопок А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловского,

резкая смена керамического комплекса предполагает появление в начале IV в. нового населения, которое широко использует гончарную посуду (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 26-27).

Затем было сделано заключение о наличии на селище трех горизонтов: 1 – с объектами (постройки 1, 6, 10, жилище 3, очаг 2), имеющих в заполнении 70-90 % лепной керамики, а также гончарную, преимущественно лощенную керамику; 2 – с объектами (жилища 7, 8, постройка 5, возможно «наземная постройка» с очагом № 1, вероятно очаги 3, 4), содержащих 34-60 % лепной керамики, в том числе северо-западной традиции; 3 – с объектами (хозяйственные постройки 2, 4, 9, горны 1, 2, ямы 1-10, «рабочие площадки»), содержащих 90-100 % гончарной керамики. Считается, что объекты первого горизонта фиксируют появление новых этнокультурных элементов через появление гончарной черняховской керамики в среде местных племен киевской культуры во второй половине III – на рубеже III-IV вв., объекты второго горизонта отражают приход населения с запада в первой половине IV в., объекты третьего горизонта представляют уже полностью сложившуюся черняховскую культуру второй половины IV в. (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 19-20; Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 16-17; Некрасова, 2006, с. 94-95).

1.1.3. Историография этнокультурной ситуации в регионе во второй четверти – конце IV вв.

Вопросы этнокультурной истории региона этого времени связаны с двумя пока совершенно не соизмеримыми по количеству известных памятников культурными образованиями: черняховской культурой и памятниками типа Каменево 2 – Комаровка 2.

Истории и отдельным проблемам изучения черняховской культуры в регионе уделено внимание в работах И.И. Ляпушкина, А.М. Обломского (Ляпушкин, 1950а, 1950б, 1961, с. 146-159; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 75-77). В монографиях А.М. Обломского историография черняховской культуры

региона является неотъемлемой частью историографии памятников позднееримского времени и начала эпохи Великого переселения народов (Обломский, 1991, с. 5-6; 2002, с. 21-28). М.В. Любичевым выпущена отдельная монография по истории и основным проблемам изучения черняховской культуры в регионе (Любичев, 2000).

Краткие очерки по истории изучения памятников культуры в регионе опубликовали Э.А. Сымонович и А.И. Журко (Сымонович, 1970; Журко, 1990а, 1994а, с. 207-209). Е.В. Махно предоставила краткую историю изучения поселений черняховской культуры в регионе и сведения об участии сотрудников Харьковского исторического музея в составлении «Свода полей погребальных урн» до 1941 г. (Махно, 1969; 1989, с. 194-195). Очерк по истории изучения могильников, в том числе в регионе днепро-донецкой лесостепи, содержится в сводной работе Э.А. Сымоновича и Н.М. Кравченко (Сымонович, Кравченко, 1983, с. 6).

В изучении собственно этнокультурной истории региона ведущими являются следующие вопросы: границы ареала и динамика развития черняховской культуры, ее хронология, этнокультурные традиции.

В.А. Городцов нашел аналогии гончарным сосудам из подкурганного погребения возле Мечебелово в формах, происходящих из приднепровских «полей погребальных урн» (Городцов, 1905, с. 211), положив тем самым начало регистрации черняховских памятников в днепро-донецкой лесостепи. После оценки источников, полученных в два первых десятилетия XX в., А.С. Федоровский заключил, что «культура полей погребений» была распространена помимо Волыни и Киевщины еще на Полтавщине и Харьковщине (Федоровский, 1927, с. 71). В конце двадцатых годов прошлого столетия А. А. Спицын уже выделял «Полтавско-Харьковский район погребальных урн» и локализовывал его от Днепра до Оскола с лакунами по Пслу и Ворскле (Спицын, 1948, с. 69).

По карте И. И. Ляпушкина 1950 г. граница ареала черняховской культуры в регионе проходит от левого берега Днепра выше устья Супоя, по течению

Удая между Пирятином и Прилуками к Ромнам, по верхнему течению Сулы к Сумам, севернее Обояни, поворачивает на юго-восток, проходит южнее Змиева, идет к верховьям Мжи, к Коломаку и устью Орели. Севернее этой территории помещены находки римских монет, отдельных черняховских вещей, «княжеские» клады эпохи Великого переселения (Ляпушкин, 1950а, карта). На карте 1961 г. исследователь сдвинул северную границу ареала за Сейм в районе Курска (Ляпушкин, 1961, с. 159-180, рис. 81).

Благодаря фиксации Э.А. Сымоновичем черняховских памятников в Посеймье (Черниговская, Сумская области Украины, Курская область Российской федерации) граница ареала культуры отодвинулась далее на север (Сымонович, 1964б, с. 23; 1983б, с. 73). На его карте, северная граница ареала культуры проходит по течению Сейма, в районе Курска выходит на его правый берег (Сымонович, 1964б, рис. 9, с. 37). Восточная граница ареала была намечена по линии Купино – Нежеголь – Топлинка – Хотмыжск (Сымонович, 1983б, с. 74).

В. В. Кропоткин и А.В. Кропоткин полагали, что на Днепровском Левобережье северная граница распространения амфорной тары приблизительно совпадает с северной границей ареала черняховской культуры и только в отдельных случаях фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор встречены на постзарубинецких-киевских поселениях (Кропоткин, Кропоткин, 1988, с. 169). А.М. Обломский и А.В. Кропоткин маркировали северо-восточный участок ареала культуры («памятников типа Снагость 2 – Хохлово 2») по линии водораздела Гускаря и Рогозны, междуречья Псла-Сейма, долины Туровца, нижнего и среднего течения Пены, верховьев Ворсклы, севернее Белгорода, по устью Плоты до впадения Нежеголи в Северский Донец (Кропоткин, Обломский, 1991, с. 77). Р.В. Терпиловский и А.М. Обломский, маркировав границу между ареалами черняховской и киевской культур в IV в., отметили ее колеблющийся характер на протяжении этого времени (Обломский, Терпиловский, 1994а). О. А. Радюш открытием новых и систематизацией уже известных черняховских памятников значительно

уточнил границу ареала черняховской культуры в Курском Посеймье (Радюш, 2008, 2010, 2011а, 2011б).

Именно слабая степень изученности черняховских памятников в пятидесятые-семидесятые годы прошлого века породила тезисы о расположении здесь их «отдельными» островами (Брайчевський, 1957, с. 14; 1964, с. 43-44) или о «зоне редкой встречаемости черняховских памятников» в районе Левобережья до верховьев Сейма и Северского Донца в отличие от основной территории культуры от Прута до Днепровского Левобережья, что является отражением закономерности, а не простым следствием разной степени изученности (Гей, 1980, с. 35).

После попытки М.А. Тихановой выделить локальные варианты в черняховской культуре (Тиханова, 1957) появились работы, касающиеся выделения локальных особенностей части ареала черняховской культуры восточнее Днепра. Е.В. Махно сделала заключение о наличии Сейминско-Донецкой группы черняховской культуры, примыкавшей к ядру культуры – к среднеднепровскому региону (Махно, 1970). Согласно Б.В. Магомедову, область днепро-донецкой лесостепи входит в два региона культуры: Восточная Украина и Центральная Украина (Магомедов, 2001, с. 18, рис. 1).

В.Д. Баран выделил группу «лесостепной зоны Украины» с такими локальными особенностями: а) перевес малых и средних поселений, углубленных жилищ; б) равные пропорции трупосожжений и трупоположений на могильниках; в) отсутствие погребальных ям с подбоями; г) малое количество ям с заплечиками и скорченных костяков; д) лепных горшков стройных пропорций; е) отсутствие скифо-сарматских форм лепных сосудов; ж) малое количество импортной античной керамики; з) незначительная часть лепной керамики в наземных жилищах (Баран, 1981, с. 164-165). Ввиду значительного расширения базы археологических источников в последние два десятилетия прошлого века и в начале нашего столетия эти положения очень существенно нуждаются в корректировке.

Материалы черняховских могильников региона послужили, в том числе, источниками для разработки хронологических систем черняховской культуры в украинской лесостепи, в ее ареале на территории современных Украины и Молдовы вообще и Среднего Поднепровья в частности. Эти разработки необходимы при дальнейшем изучении хронологии черняховской культуры в регионе. Путем выделения хронологических горизонтов сходных комплексов по материалам на большей части ареала культуры была разработана схема Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988а; 1988б). Ученым выделено пять фаз развития могильников в области лесостепи по обе стороны Днепра, синхронизированные с общеевропейскими фазами в системе К. Годловского – Я. Тейрала: 1) Ружичанская (ступень С1b, ранний отрезок С2; около 230-270 гг.); 2) Бережанская (поздний отрезок С2; около 270-330 гг.) 3) Косановская (ступень С3; около 330-380 гг.); 4) Масловская (поздний отрезок С3 – начало D1; около 350 – 400 гг.); 5) Журавская (ступень D1; около 375/380-420/430 гг.). К фазам 2 – 5 были отнесены комплексы из могильников Соснова, Компанийцы, Сумы – Сад, Успенка, Переяслав-Хмельницкий, Жовнин, Лохвица, Родной Край 1, Кантемировка (подкурганые погребения), отдельное погребение у Гречаников (Гороховский, 1988а, с. 45-46).

Построение хронологии черняховских могильников О.А. Гей и И.А. Бажаном на основе применения метода сериации стало составной частью попытки создания хронологической шкалы для Восточной Европы и черноморского побережья Кавказа I-VI вв. Для этого были использованы материалы, в том числе, могильника Компанийцы, вошедшего в так называемый «Среднеднепровский блок» могильников (Гей, Бажан, 1997, с. 41, табл. 63-65). Были выделены следующие периоды развития черняховской культуры: 1) около 230/240-270/280 (в том числе Компанийцы, погр. 171); 2) около 270/280-310/320 (в том числе Компанийцы, погр. 1, 8, 130); 3) около 310/320-350/355; 4) около 350/355-375; 5) около 375-400/410 (Гей, Бажан, 1997, с. 41-49, табл. 66-70).

Схема хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья О.В. Петраускаса – Р. Г. Шишкина «привязана» к европейской хронологической системе. В ней присутствуют фазы С1b (первая половина III в.), С2 (вторая половина III в.), С3 (первая половина IV в.) (погребения 2, 5 Переяслав-Хмельницкого), D1 (конец IV – начало V вв.) (погребения 1 Жовина/Биленковы Бурты, 71 и 118 Компанийцев, 26 Жовнина/Пристань), D1-D2 (первая половина V в.) (Хлопков, Градижск, погребения 388 Сосновы, 69 Компанийцев (Петраускас, Шишкин, 2010).

П.Н. Третьяков отмечал, что перед археологией стоит задача этнической дифференциации черняховских древностей (Третьяков, 1982, с. 21). А.М. Обломский выделяет три этнические традиции в черняховской культуре региона: вельбаркскую, скифо-сарматскую, киевскую (Обломский, 2002, с. 45-50), причем сделан вывод об отсутствии территории в ареале черняховской культуры региона, где преобладают древности какой-либо одной этнокультурной традиции и об обособленном существовании вельбаркского и скифо-сарматского населения в рамках культуры (Обломский, 2002, с. 47, 50). А.Н. Некрасова находила сарматские элементы на могильниках Компанийцы, Боромля, Переяслав-Хмельницкий, Кантемировка и керамику сарматского, вельбаркского, пшеворского облика в Компанийцах (Некрасова, 1990а; 1990б).

А.А. Спицын в двадцатые годы XX в., учитывая памятники типа Кантемировка и Воронцовки и причисляя их к особой группе, считал, что обряд погребения и вещи черняховской культуры возможно считать позднесарматскими (Спицын, 1948, с. 67). М.Я. Рудинский не считал возможным относить подкурганые погребения к германцам (Рудинский, 1930, с. 155). По мнению И.И. Ляпушкина, этнический состав носителей памятников культуры в регионе слагался из двух элементов: сарматского и славянского («погребения, близкие к Правобережным»). К первому элементу принадлежали погребения Кантемировка и Воронцовки (Ляпушкин. 1949, с. 389; 1950а, с. 22).

До конца пятидесятих годов минувшего столетия вывод о присутствии сарматского элемента в культуре «полей погребений» позднеримского времени (черняховской культуре) опирался исключительно на особенности погребальных конструкций и инвентарь подкурганых погребений Кантемировка и Воронцовки (Спицын, 1948, с. 67; Ляпушкин, 1950а, с. 22; Кухаренко, 1954, с. 118, 120), как теперь ясно – комплексов эпохи Великого переселения народов, имеющих лишь косвенное отношение к черняховской культуре, синхронных с заключительной фазой ее существования. Новый этап исследования сарматского элемента в черняховской культуре, в том числе нашего региона, связан с введением в научный оборот материалов биритуальных грунтовых могильников из всего ее ареала.

М.А. Тихановой (Тиханова, 1957, с. 173), Г. Диакону (Diaconu, 1966, S. 357-358), Э.А. Рикманом (Рикман, 1975, с. 319), В.В. Седовым (Седов, 1978, с. 101-103), Б.В. Магомедовым (Магомедов, 1996; 1999б, с. 132-134; 2000, S. 392-400; 2001, с. 120-124), О.В. Петраускасом (Петраускас, 1996), О.А. Гей (Гей, 2001-2002, с. 312-313), А.М. Обломским (Обломський, 1999б, с. 79-82; Обломский, 2002, с. 47-49), А. Коковским (Kokowski, 2004, S. 21-24, 29, 35, 37) были выделены признаки позднескифских/сарматских элементов в погребениях могильников.

А.М. Обломский отнес к комплексам скифо-сарматской традиции в регионе погребения, содержащие костяки с подогнутыми и перекрещенными нижними конечностями, деформированными черепами, специфическую лепную керамику. К памятникам, где проявлена эта традиция, отнесены могильники Боромля, Компанийцы, Переяслав-Хмельницкий, Успенка, Соснова, Кантемировка, Лохвица, Родной Край 1. Он замечает, что на поселениях эта традиция менее выделена, чем на могильниках. К ней возможно относить округлобокие лепные горшки с раструбообразным венчиком (Обломский, 2002, с. 47-49).

На основе размещения подкурганых погребений с черняховскими вещами сделано заключение, что левобережные сарматские памятники (в

отличии от нижнедунайских) расположены вне пределов ареала черняховской культуры, т. е. восточные сарматы не входили в состав державы Эрманариха (Симоненко, 2012, с. 233). Б.В. Магомедов считает, что в ареале черняховской культуры практически неизвестны синхронные ему погребения кочевых сарматов. Об отношениях черняховского населения и кочевых сарматов до 375 г. свидетельствуют только отдельные погребения грунтовых могильников и черняховские вещи в некоторых катакомбах Нижнего Подонья (Магомедов, 2001, с. 122-123).

Относительно позднескифского элемента Б.В. Магомедов считает, что около рубежа III-IV вв. часть поздних скифов передвигается, в том числе, в область Восточной Украины. С позднескифским элементом им связываются ямы с заплечиками (Магомедов, 1996). Но А.М. Обломский полагает, что у нас нет возможности подразделения скифского и сарматского компонентов в сарматское время, а речь может идти лишь о скифо-сарматских традициях (Обломский, 2002, с. 48).

С германским (вельбаркско-пшеворским) элементом вообще в ареале культуры связываются «длинные дома», биритуализм грунтовых могильников, где присутствуют простые ямы северной ориентировки, вельбаркская керамика, гончарные подражания вельбаркских лепных форм, некоторые детали одежды, украшения, предметы быта, оружие центральноевропейских типов (Магомедов, 1998, 2001, с. 23-24, 41-43, 115-120). Е.В. Махно находила аналогии трупосожжениям с разбитой посудой в Компанийцах в пшеворской среде (Махно, 1971б, с. 89-90). Специалисты указывали на наличие пшеворских и вельбаркских элементов на могильниках в Переяслав-Хмельницком, Компанийцах, Кантемировке (Щукин, 1975; Баран, Гороховский, Магомедов, 1990, с. 59).

Эталонным памятником проявления вельбаркской традиции в лепной керамике в региона А.М. Обломский считает поселение Белополье, после заключения автора раскопок А.Н. Некрасовой о германской принадлежности его обитателей (Некрасова, 1994). Он называет ряд поселений (Дубовое 1,

Званое 1, Прогресс, и могильников (Родной Край 1) с единичными находками подобной керамики (Обломский, 2002, с. 45). На поселении Букреевка 2, относимом А.М. Обломским к сейминско-донецкому варинату киевской культуры, по единичным находкам вельбаркской керамики, он прослеживает следы влияния вельбаркских традиций на киевский керамический комплекс (Обломский, 2002, с. 45). По находкам керамики этой традиции в объектах второго этапа поселения Боромля он делает вывод о синкретичности их керамики (Обломский, 2002, с. 46). При анализе вельбаркских черт на черняховских могильниках региона и вообще в ареале черняховской культуры ученый приходит к заключению, что погребения этой традиции все совершены в простых ямах без подбоев с положением костяков на спине (Обломский, 2002, с. 47). На могильнике Компанийцы с германским компонентом связываются кремации и ингумации, содержащие специфическую лепную керамику, а также некоторые типы кремаций с покрытием урн или кучки костей из фрагментов керамики, в которых присутствует и вельбаркская керамика или только лишь гончарная керамика (Обломский, 1999б, с. 79).

П. Н. Третьяков считал, что роль славянских группировок в черняховской среде была сравнительно скромной. Славяне были отнюдь не создателями, а преимущественно потребителями черняховской культуры, некоторых ее элементов, в основном керамики (Третьяков, 1982, с. 87). Присутствие славянского компонента в восточной области ареала черняховской культуры связывается с элементами киевской культуры (Магомедов, 2001, с. 124). Киевская традиция выделена А.М. Обломским лишь по материалам поселений (Песчаное, Великий Бобрик, Мамрои 2, Хлопков 1). На поселениях Радуцковка, Максимовка, Хлопков 1, Новолиповское определены комплексы с «раннеславянской» лепной керамикой (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999). Важную роль в разрешении проблемы наличия киевского элемента на памятниках черняховской культуры региона играют материалы поселения Хлопков 1, оценка которых весьма неоднозначна. О.М. Приходнюк считает, что наиболее представительные образцы лепной посуды происходят из культурного

слоя. Они включают: 45 % биконических горшков, 20 % «зерновиков», 8 % округлобоких горшков. По его мнению, на селище имеется два слоя: черняховский и пеньковский (Приходнюк, 1998, с. 73). А.М. Обломский полагает, что нахождение совместно лепной керамики киевско-пеньковского облика и черняховской гончарной керамики в некоторых условно-закрытых комплексах (жилище 4, ямы 8, 13), присутствие лепной керамики совместно с гончарной в заполнении жилищ 1, 2, 3, ям 14, 15, 20, 33 свидетельствует в пользу того, что эта лепная керамика являлась частью всего керамического комплекса черняховского поселения (Обломский, 2000, с. 41). Следовательно, в этом случае речь может идти о поселении, как памятнике киевской традиции в черняховской культуре региона.

А.М. Обломский рассматривает поселение Головино 1 как однослойный ранний черняховский памятник с киевским по происхождению населением, к которому относится близлежащий могильник. А поскольку могильник является совершенно стандартным черняховским, то сделан вывод, что группы киевского населения в составе черняховской общности утратили специфику своего погребального обряда (Обломский, 2002, с. 50). К киевской традиции отнесены биконический горшок-урна из погребения 1 Родного Края 1 и слабопрофилированный округлобокий горшок из так называемого погребения 5 Успенки (Обломский, 2002, с. 49). На могильнике Компанийцы с киевским элементом связываются погребения со специфической лепной керамикой и фибулами круга «выемчатых эмалей» (№ 2, 58, 60, 93) (Обломский, 1999б, С. 82).

Несколько особняком стоит точка зрения И.В. Зиньковской. Признавая полиэтничный характер носителей культуры, она делает вывод об изменении этнической принадлежности населения на протяжении существования черняховской культуры в регионе и наличии двух культурно-хронологических традиций на погребальных памятниках: в последней трети III-IV вв. существуют обширные некрополи Компанийцы, Успенка, Переяслав-Хмельницкий, оставленные разноэтничным конгломератом (гото-гепиды,

сарматы, славяне), затем в середине IV в. возникают небольшие биритуальные могильники гото-гепидов (Зиньковская, 1997, с. 14, 18).

Взяв за основу хронологическую систему Е.Л. Гороховского, наполнив ее политическими событиями в связи с динамикой распространения археологических памятников, Б.В. Магомедов представил схему этнокультурного развития черняховского объединения («очерк истории населения черняховской культуры»), касающуюся и нашего региона. На первом этапе («Формирование черняховской культуры. Скифские войны») (около 238-270 гг.) территория черняховской культуры охватывает в основном регионы Западная и Центральная Украина, Молдова, на киевских памятниках (типа Букреевка 2 – Тазово) появляется черняховский импорт и «другие признаки контактов». На втором этапе («Стабилизация черняховской культуры») (около 270-330 гг.) черняховское население занимает, в том числе, полосу вдоль левого берега Днепра, появляются могильники Соснова, Переяслав, Градижск, Компанийцы. На третьем этапе («Эра Германариха») (около 330-375 гг.) происходит массовое распространение черняховских памятников в лесостепной зоне Восточной Украины, которая входила до этого в область сейминско-донецкой группы киевской культуры. Вытесненное население уходит на север и восток, увеличивая плотность заселения деснинской группы в лесной зоне. Эти события нашли отражение в рассказе Иордана о походах Германариха против герулов и венетов. Равноправное сожителство германских и славянских общин не представляется возможным. На четвертом этапе («Вторжение гуннов и финал черняховской культуры») (с 375 г.) после распада «державы Германариха» группа Витимира локализуется в Восточной Украине. После гибели Витимира Алатей и Сафракс уводят готов и алан в Подунавье. Появляются позднейшие комплексы из Кантемировка, затем в опустевшие земли возвращается славянское население: на Псле и Суле появляются посткиевские поселения (Магомедов, 2001, с. 134-147).

Кроме черняховской культуры в этот период в зоне днепро-донецкой лесостепи существовали и другие объединения. Инородным явлением в ареале

черняховских поселений и могильников, а также памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры А.М. Обломский считает шесть селищ: Каменево 2, Песчаное, Комаровка, Беседовка (позднекиевский период существования поселения), Курган-Азак, Сенча (Обломский, 2002, с. 69). Структура керамического комплекса отличает эти памятники от поселений «киевской традиции в черняховской культуре» (Головино – Мамрой – Хлопков) и от киевских селищ сейминско-донецкого варианта типа Букреевка – Тазово (Обломский, 2002, с. 70). Исследователь находит их близость к памятникам киевской культуры Подесенья «круга Ульяновка» и заключает о появлении деснинского населения в лесостепи в условиях воздействия черняховской культуры. Делается вывод о присутствии памятников «круга Ульяновка» в лесостепной зоне и в ареале черняховской культуры (Сенча, Курган-Азак, Беседовка) и в ареале сейминско-донецкого варианта киевской культуры (Комаровка, Каменево, Песчаное), что свидетельствует о проникновении «деснинского протоколочинского населения» в восточную часть региона – в верховья Сейма и Псла (Обломский, 2002, с. 72).

1.1.4. Историография этнокультурной ситуации в регионе в конце IV – середине V вв.

Свою историографию приобрели основные вопросы этнокультурной истории региона этого периода: 1) понятие гуннской эпохи и ее проявление в области днепро-донецкой лесостепи; 2) основные «векторы» развития региона и особенности культурной ситуации; 3) причины распада черняховской культуры и верхняя ее дата в регионе; 4) этнокультурная атрибуция подкурганых погребений с черняховскими вещами; 5) отождествление культурных групп с этносами и историческими событиями из письменных источников; 6) трактовка культурной подосновы «княжеских» кладов и постчерняховские объединения до середины V в.; 7) генезис пеньковской культуры, ее связь с черняховской и киевской культурами.

И.П. Засецкая подразделяет гуннскую эпоху, историю гуннов в Европе на четыре этапа: 1) появление гуннов в европейских степях с нахождением ставки вождя в этом регионе (около 370/375-378 гг.) 2) господство гуннского союза в степях Северного Причерноморья (около 378-445 гг.); 3) становление державы Атиллы в Паннонии (около 445-454 гг.); 4) распад гуннского союза (около 454-втор. пол. V в.) (Засецкая, 1977, с. 92; 1994, с. 132).

А.М. Обломский впервые выделил гуннский период для территории именно днепро-донецкой лесостепи, который он связывает с появлением гуннов, разгромом державы Германариха, массовым перемещением населения, уничтожением системы археологических общностей позднеримского времени (Обломский, 2002, с. 61). В лесостепи же, по его мнению, не известно комплексов с гуннскими полихромными изделиями и здесь появление традиций гуннского времени выглядит инородным по отношению к самой гуннской культуре (Обломский, 2002, с. 86). Археологически присутствие гуннов в регионе прослеживается лишь по находке котла в низовьях Ворсклы, на границе со степью (Гавритухин, Обломский, 2007, с. 37).

Исторические процессы гуннского времени обозначены А.М. Обломским в виде нескольких векторов: 1) отток населения черняховской культуры, передвижение его групп на запад, а также миграция в Верхнее Подонье; 2) передвижение групп населения из Среднего Поднепровья в Подесенье; 3) передвижение групп населения из Подесенья и прилегающего Посеймья на восток и юг; 4) перемещение носителей сейминско-донецкого варианта киевской культуры в Подонье; 5) появление памятников традиций «степного круга» в южной части ареала черняховской культуры или недалеко от ее границ (Обломский, 2002, с. 98-99; 2007а, с. 25-28).

По мнению М.Б. Щукина, для данного периода нам не известны археологические культуры в общепринятом содержании этого термина. Главная масса находок группируется в большое количество различных кратковременных культурных групп на ограниченной территории – «горизонты находок одного стиля» (Щукин, 1979б, с. 18). Элементы новой субкультуры

зарождаются в рамках предшествующей стадии (Щукин, Шаров, 2000, с. 376). Вводятся понятия «позднечерняховская культура» и «позднечерняховское население» (Казанский. Мастыкова, 2009, с. 226, 234).

Считается, что вообще черняховская культура существовала до середины V в., к этому времени относятся ее последние проявления, когда на запад отошли остроготы (Махно, 1975, с. 75; Баран, Магомедов, 1986, с. 89; Щукин, 1987, с. 113; Гей, 1993, с. 151-152), но существование черняховской культуры в V в. для каждого ее региона в отдельности является проблематичным. Отдельные находки этого времени имеют спорную культурную атрибуцию (Гей, 1993, с. 152). Большинство специалистов считают, что в начале гуннской эпохи на значительной части региона черняховское население продолжало существовать (Третьяков, 1970, с. 50; Казанский, 1997, с. 183; Обломский, 2002, с. 90; Гавритухин, 2007а, с. 24). Черняховские группировки в основной массе покидают регион несколько позднее, а в этот период по распространению некоторых элементов материальной культуры (фибулы и стеклянные сосуды определенных типов) создается впечатление некоей его оторванности от других частей ареала черняховской культуры (Гавритухин, 2007а, с. 24). По мнению Е.Л. Гороховского, кантемировские курганы являются свидетельством сохранения материального комплекса черняховской культуры в первой трети V в. (Гороховский, 1988в). М.Б. Щукин полагал, что после гуннского вторжения уменьшившееся черняховское население осталось на прежней территории и продолжало использовать свои поселения и кладбища, сохранять старые традиции. Поэтому готов Германариха трудно отличить от готов Винитария (Щукин, Шаров, 2000, с. 375).

М.М. Казанский допускает возможность прихода новых групп варварского населения в черняховском ареале в условиях контроля гуннов, с территории современной Польши, в пользу чего свидетельствует помимо позднепшеворской керамики добродзенського типа в верхних слоях Башмачки в Надпорожье и погребение 86 Компанийцев, относящееся к ступени D1 (Казанский, 1997, с. 182; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 230).

Результатом исследований в области «археологии обитания» (Siedlungsarchäologie) стало объяснение причин гибели черняховской культуры не только лишь гуннским нашествием. Р.Г. Шишкин пришел к заключению, что ее упадок был вызван интенсивным развитием хозяйства в благоприятных условиях: наступившая деградация черноземов через 150-200 лет их интенсивной эксплуатации и климатические изменения (увлажнение климата) в конце IV в. привели к нарушению равновесия в системе «общество-природа» и эколого-демографическому кризису (Шишкин, 1996, с. 21). Внешнеполитические факторы (гуннская экспансия и упадок Римской империи) в этом случае были второстепенными и конкретно не повлияли на судьбу черняховской культуры (Шишкин, 1996, с. 22).

В отдельную проблему превратился вопрос о культурно-этнической атрибуции подкурганых погребений с черняховскими вещами и выяснение их связи с черняховской культурой. Среди исследователей утвердилось мнение об их сарматской, сармато-аланской принадлежности (Ляпушкин, 1961, с. 155; Рутківська, 1969, с. 150; Казанский, Мастыкова, 1999, с. 119; Симоненко, 2012, с. 230). Поздние даты левобережных подкурганых погребений являются свидетельством того, что в состав этой культуры в середине-второй половине IV в. вошли какие-то группы кочевников (Обломский, 2002, с. 83). Е.Л. Гороховский определяет комплексы Кантемировка, погребения племенной верхушки, как аланские. Это население находилось в составе или в тесных контактах с носителями черняховской культуры эпохи гуннского господства (Гороховский, 1988б). Ближайшие аналогии курганам типа Кантемировка А.В. Симоненко находит в древностях Нижнего Подонья. По его мнению, они происходят из Северного Кавказа, имеют аланские корни (Симоненко, 2001, с. 50).

Черняховская культура расколола на две части сарматский мир. В приазовско-донской степи отдельные погребения финальной фазы позднесарматской культуры тяготеют к кругу нижнедонских, они граничат с ареалом черняховской культуры, иногда попадая в него. Сарматы (аланы-

танаиты) не входили в состав готского объединения (Симоненко, 2001, с. 90). Создается впечатление, что алано-сарматы расселяются на Днестре лишь в финальной фазе черняховской культуры, после разгрома в 375 г. гуннами и аланами остроготского союза Германариха (Казанский, Мастыкова, 1999, с. 125). Позднесарматские памятники восточной части Украины отчетливо свидетельствуют о территориальной (и политической?) самостоятельности их носителей по отношению к готскому объединению (Симоненко, 2012, с. 233). Памятники алано-сармат (Кантемировка, Ново-Подкряж, Дмухайловка), а также памятники с северо-кавказской керамикой (Капуловка) вклиниваются между этой группировкой и готами Гезимунда (черняховские памятники в черноморской степи: Ранжевое, Каменка-Анчекрак, Гавриловка, Бизюков монастырь, Луговое). Они разделяют готское население гуннской империи (Казанский, Мастыкова, 1999, с. 128).

При отождествлении археологических явлений с историческими событиями из письменных источников наблюдается некий дуализм. С одной стороны исследователи считают, что неосторожно было бы искать в готском фольклоре (готские песни, зафиксированные Иорданом) описание реальных событий, пытаться локализовать их во времени и пространстве или верить в действительное существование абсолютно всех упоминаемых там персонажей (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 227), а с другой – почти безоговорочно отождествляют археологические явления с историческими событиями и даже точно локализируют нахождение политических объединений этого времени (Казанский, 1997; Казанский, Мастыкова, 2009).

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова считают, что под этнонимом «аланы-сарматы» Маркиана (или Псевдо-Маркиана) следует понимать все ираноязычные и не ираноязычные племена степи и сопредельных регионов, потомков античных сармат и аланов (Казанский, Мастыкова, 1999, с. 119). А.В. Симоненко допускает, что Аммиан Марцеллин подразумевал под аланамитанаитами в целом позднесарматские племена Северного Причерноморья, а под грейтунгами – население черняховской культуры (Симоненко, 2012, с. 233).

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова связывают позднечерняховские памятники периодов D1 (360/370-400/410) – начала D2 (380/400-440/450) (лесостепные могильники в том числе и нашего региона: Сумы-Сад, Компанийцы), «княжеские» клады с восточногерманскими украшениями горизонта Унтерзибенбрунн периода D2 (Нежин, Круглица (Поршино), Жигайлово, Большой Каменец, район Обояни) с остроготами Винитария, Гуниманда-Торисмунда (Казанский, 1997, с. 182; Казанский, Мастыкова, 1999, с. 127, рис. 1). Повествование Иордана о приходе гуннов, гибели Германариха и правлении его наследников трактуются как возникновение у остроготов-грейтунгов нескольких достаточно независимых центров власти (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 245).

Считается, что во времена Винитария (70-е – 80-е гг. IV в.) соседями остроготов на юге и юго-востоке являются гунны Баламбера, а на севере – анты короля Боза. Эти «анты» – наследники венетов, носителей киевской культуры (Казанский, 1997, с. 181). Центром королевства Винитария и наследников определяется Днепровское Левобережье, северная часть ареала черняховской культуры, между верхним течением Ворсклы и Псла, где обнаружены клады вблизи Жигайловки, Нежина, Рублевки, «княжеские» могилы возле Большого Каменца 1918-1919 и 1927 г. (Казанский, 1997, с. 183; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 246). Д.А. Мачинский считает, что предложенная М.М. Казанским локализация «королевства» Винитария в верховьях Псла и Ворсклы не имеет достаточных оснований и предлагает разместить его в Прикарпатье и Поднестровье (Щукин, Мачинский, Воронятов, 2011, с. 261), для чего также не имеется достаточных оснований.

Уже сложилась историография черняховского наследия и этнокультурной трактовки комплексов второй-третьей четверти V в. Считается, что причиной появления «кладов» оседлой варварской аристократии в ареале ранее существовавшей здесь черняховской культуры является получение доли добычи от участия в военных акциях кочевников (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 228). И.О. Гавритухин разработал хронологию этих «комплексов элиты V в.».

К первому горизонту (начальная часть ступени D2, рубеж IV/V – первые десятилетия V в.) относится клад из Нежина. Ко второму горизонту (финал ступени D2, ступени D2/D3, D3, около 440-480 гг.) принадлежат погребения в Поршино, две находки из Большого Каменца. находка из окрестностей Обояни может относиться к двум горизонтам, имеется мало оснований для узкой датировки находки из Жигайловки (Гавритухин, 2007б, с. 37). Противоречия среди специалистов вызывает культурная интерпретация погребения 4 могильника Сумы-Сад, которое М.М. Казанский считает типично черняховским (Казанский, 1997, с. 183), а А.М. Обломский относит к более позднему времени (Обломский, 2002, с. 85-92).

А.М. Обломский полагает, что два «княжеских» погребения из Большого Каменца имеют центральноевропейское происхождение и не связаны с черняховской культурой (Обломский, 2002, с. 84, 92). С черняховской культурой не связана группа «княжеских находок» (Жигайловка, Нежин, Рублевка) (Обломский, 2002, с. 84, 92). М.М. Казанский наоборот видит некую постчерняховскую культурную подоснову кладов, так как остроготы продержались на территории современной Украины до 455 г., и клад в Рублевке связан с их уходом в Паннонию (Казанский, 1997, с. 185). Как «шлейф культуры» обозначает М.Б. Щукин ее немногочисленные и слабые проявления в V в. По его мнению, конец черняховской культуры совпадает с событиями 454 г., после смерти Атиллы, битвы при Недао, утверждения гепидов на Дунае, когда остроготы преселяются в Паннонию (Щукин, 1979а, с. 21).

Интересной рабочей гипотезой является мысль М.М. Казанского о вторичной (обратной) миграции остроготов в регион с запада после распада империи Атиллы (Казанский, 1997, с. 185). А.М. Обломский развил это положение, считая, что, после разгрома гуннской державы, часть ее подданных вернулась в Поднепровье и расселилась среди антов, которые тогда заняли эту территорию. Присутствием германского компонента и возможно объяснить наличие у носителей пеньковской культуры восточногерманского происхождения костюма с пальчатыми фибулами (Обломский, 2002, с. 85, 90).

Имеется несколько точек зрения на генезис пеньковской культуры, памятники которой распространяются после исчезновения черняховской культуры в ее ареале в том числе и в днепро-донецкой лесостепи.

Господствует точка зрения о сложении пеньковской культуры на основе киевской культуры (Горюнов, 1981, с. 58-59), их принадлежности к памятникам одного культурного круга, что вытекает из близости черт позднекиевских и пеньковских памятников на уровне сравнения их макроструктур (топография поселений, погребальный обряд, домостроительство, керамический комплекс) (Любичев, 1995, с. 112; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 118). Большинство элементов оформления керамики в раннепеньковских памятниках имеет свои прототипы в киевской культуре. Керамические комплексы этих групп весьма близки по составу, но не идентичны (Терпиловский, 2004, с. 65).

В.В. Седов придерживается мнения, что создателями пеньковской культуры были потомки черняховского населения, сохранившиеся в Подольско-Днепровском регионе после гуннского нашествия и в меньшей степени - наследники киевской культуры (Седов, 1998, с. 80). Он исходил из полиэтничности черняховской культуры, так как считал создателями пеньковской культуры не просто «черняховцев» вообще, а потомков местного черняховского населения из переселенцев из более северных земель, то есть области киевской культуры. Но сама киевская культура не была прямой основой пеньковской, а таковой являлась лишь для колочинской культуры (Седов, 1994, с. 317-318).

В некоторой мере дальнейшим развитием этой концепции стало положение о вкладе носителей «киевских традиций» в черняховской культуре в возникновении пеньковской культуры (Обломский, 2002, с. 78), участии в процессе носителей памятников типа Букреевка 2 – Тазово (Терпиловский, 2004, с. 67).

Дискуссионным стал вопрос о конкретных памятниках киевской культуры и их группах, внесших решающий вклад в формирование пеньковской культуры. Одни исследователи усматривают в них деснянскую

группу киевской культуры, поселения Роище, Александровка, которые рассматриваются как переходные памятники, от киевской к пеньковской культуре, ее предшественники (Любичев, 1995, с. 113; Терпиловский, 2004, с. 65). Роище иногда считается как полностью сформировавшийся пеньковский пеньковский памятник (Приходнюк, 1988, с. 68-71; 1998, с. 13).

А.М. Обломский полагает, что лепная керамика ни Роища, ни Хлопкова в отдельности не дает всех слагаемых Пеньковского керамического комплекса. Ранние пеньковские памятники по набору посуды в наибольшей степени похожи на киевские и киевско-черняховские поселения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья.

В меньшей степени набор пеньковских сосудов похож на керамику Роища и Александровки. Керамика Роища, Александровки имеет опосредствованное сходство с керамикой Хитцов и Рябовки 3 (Обломский, 2002, с. 77). Как толчок к созданию пеньковской культуры видится проникновение северного деснянского населения в будущий ареал пеньковской культуры, о чем свидетельствует керамика поселения Сенча (Обломский, 2002, с. 78).

В заключении историографического обзора отметим, что в 2002 и 2004 гг. вышли из печати соответственно монографии А.М. Обломского (Обломский, 2002) и Р.В. Терпиловского (Терпиловский, 2004б). Они были созданы на основе докторских диссертаций исследователей (Терпиловский, 1994б; Обломский, 2001а). На сегодня они являются самыми крупными монографическими исследованиями, касающимися рассматриваемой территории римского времени и эпохи Великого переселения народов. Р.В. Терпиловским основное внимание обращено на археологические группы «славянской линии развития» (постзарубинецкий горизонт, киевская, пеньковская и колочинская культуры). Черняховская культура рассмотрена им лишь в плане контактов с киевской, ее роли в генезисе исторических славян (Терпиловский, 2004б). В работе же А.М. Обломского внимание акцентировано на все культурные группы лесостепи восточнее Днепра, предпринята попытка реконструкции культурного развития региона в указанный период.

Исследователь не ставил задачу общего описания черняховских материалов региона, но подчеркнул его необходимость. А.М. Обломский изложил свою точку зрения лишь на несколько аспектов черняховской проблематики: границы, хронологические рамки, этнический состав, характер контактов с киевской культурой (Обломский, 2002, с. 28).

Наше исследование посвящено именно этнокультурной истории региона середины I – середины V вв. и ведущее место в нем занимает именно общая характеристика черняховской культуры. Рассмотрение предшествующих культурных групп и в особенности горизонта Боромля является необходимым при изучении генезиса черняховских древностей в регионе.

1.2. Источники.

При написании работы использованы две группы источников: археологические и письменные. Они выглядят несопоставимыми в количественном отношении: множество археологических памятников, известных по разведкам, исследованных раскопками, случайные находки с одной стороны и короткие отрывки из сочинений древних авторов с другой.

1.2.1. Археологические источники и история полевых исследований

Археологические источники подразделяются на три основных вида: а) поселения, как негативная выборка из неизвестных обстоятельств; б) могильники с погребениями, как позитивная выборка из известных обстоятельств; в) клады, отдельно положенные группы вещей, вещи, как позитивная выборка из неизвестных обстоятельств (Eggers, 2006, S. 264-268). При критике источников статистика находок каждой культурной группы должна проходить через эти три вида источников – своеобразных «фильтра» (Eggers, 2006, S. 267). Но не все они известны в каждой культурной группе.

Для середины I – середины III вв. (раннеримское и начало позднеримского времени) (ступени B2-C1b) в группах постзарубинецкого

горизонта Картамышево 2 – Терновка и Грини известны лишь поселения, на раннекиевских памятниках типа Шишино 5 – Шмырево – поселения и незначительное количество могильников с малым числом погребений (которые по причине нахождения малого количества кальцинированных человеческих костей или вообще их отсутствия иногда трактуются как «поминальнички»). Как для постзарубинецких, так и для раннекиевских памятников известны «клады» украшений круга «выемчатых эмалей» Сарматские памятники в степи-лесостепи представлены лишь подкурганными погребениями и отдельными находками вещей, характерными для сарматской культуры на различных этапах ее развития. В работе использованы материалы с 25 изученных раскопками поселений группы Картамышево 2 – Терновка 2, 4 поселений группы Грини, 8 раннекиевских, в том числе группы Шишино 5 –Шмырево (табл. 2. 1)

Для середины III – первой четверти IV вв. (позднеримское время), (ступени C1b, C2) для горизонта Боромля известны лишь поселения. Учтено 83 поселения, содержащих материалы только этого или в том числе этого периода. Использованы материалы 14 изучавшихся раскопками поселений (табл. 3. 1.).

Для второй четверти IV – первой четверти V вв. (позднеримское время и начало эпохи Великого переселения народов) (ступени C3, D1, D1/D2) черняховская культура представлена как поселениями, так и грунтовыми могильниками, имеются клады римских монет, денежно-вещевые клады, случайные находки. Монеты, монетные и денежно-вещевые клады являются предметом отдельного изучения. В работах К.В. Мызгина в ареале черняховской культуры Молдовы и Украины они связаны с самой культурной подосновой (Мызгин, 2008б; Мизгін, 2010). Отдельным видом источников являются подкурганные погребения с черняховскими вещами. Памятники типа Каменево 2 – Комаровка 2 представлены лишь поселениями.

Нами учтено 902 памятника черняховской культуры в регионе (табл. 4. 2). Использованы материалы изучавшихся раскопками 55 поселений, 29 могильников, 56 случайно обнаруженных погребений – частей разрушенных

могильников, 9 подкурганных погребений с черняховскими вещами (табл. 4. 2; 4. 3; 4. 8; 4. 9; 4. 10). Учтено 5 погребальных комплексов с сомнительной принадлежностью к черняховской культуре. Используются материалы 5 поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2 (табл. 4. 6).

Для второй – третьей четверти V в. (эпоха Великого переселения народов) (D2, D2/D3) известны «княжеские» клады типа Жигайловки, Большого Каменца с неясной пока культурной подосновой. Возможно, в этот период совершаются отдельные погребения на черняховских могильниках, но существование самих черняховских поселений проблематично. К этому периоду относятся поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2 и ранние пеньковские поселения.

Следовательно, даже не беря во внимание степень исследованности памятников каждой культурной группы, сравнение самих культурных групп между собой будет не совсем полным и «корректным» ввиду разных типов источников-«фильтров», представленных в каждой отдельно взятой группе.

Археологические памятники по близким элементам в типах построек, керамическом комплексе, присутствию определенных типов украшений, деталей одежды, типов погребений и деталей погребального обряда объединяются в группы двух видов: культуры и горизонты. Для археологических культур характерны компактная общая территория расположения памятников и существование в относительно длительном промежутке времени (столетие, два столетия и более). Памятники археологического горизонта могут быть расположены отдельными группами на большом расстоянии, существовать менее столетия и являться переходным этапом от распада одной археологической культуры к формированию другой. Археологические культуры и горизонты могут быть областями так называемой «археологической культурной провинции», имеющими общие черты и отличия в деталях.

На протяжении исследуемого периода, в середине I – середине V вв., в регионе существовало несколько групп памятников: постзарубинецкий

горизонт с группами (памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 и Грини), раннекиевские памятники типа Шишино 5 – Шмырево (объединяемые нами в общую группу «постзарубинецкие-раннекиевские памятники»), предчерняховский горизонт Боромля, черняховская культура, памятники типа Каменево 2 – Комаровка 2, ранние пеньковские поселения. Постзарубинецкие-раннекиевские памятники региона являются одной из областей так называемой «праславянской» культурной провинции на ступенях В2-С1а (наряду с зубрицкой группой, памятниками типа Лютеж, Почеп, Инясево-Шапкино), а горизонт Боромля является областью той же провинции (наряду с памятниками типа Демьянов-Черпин, типа Седелки-Каширка и киевской культурой), но на новом этапе ее развития, на ступенях С1b, С2. Сходную морфологическую характеристику с горизонтом Боромля и киевской культурой имеет группа Каменево 2 – Комаровка 2. Черняховская культура по своей морфологии не относится к «праславянской» культурной провинции, а является, очевидно, областью иной провинции, куда входят вельбаркская, пшеворская культура и другие культурные образования от Рейна до Немана, от Дуная до Балтики и Северного моря. Определенной культурной, достаточно неоднородной, группой являются сарматские памятники, ареал которых граничит на юге с областью днепро-донецкой лесостепи, а отдельные из них зафиксированы в самой лесостепи.

Наиболее массовым материалом на памятниках всех этих культурных групп является керамика (за исключением сармат). За исключением черняховской культуры остальные группы отличает фактически полное господство лепной керамики (с различным незначительным процентом гончарной). Лепная керамика в группах «праславянской» культурной провинции производилась на каждом поселении, потому среди нескольких ее ведущих (определяющих) форм существуют «отклонения», «нестандартные формы», появление которых совершенно естественно. Учет этих форм не является основанием для выделения лишь по данному признаку культурных групп, горизонтов или типов памятников. Они могут быть выделены лишь по

совокупности инноваций/отличительных черт во всех сферах материальной культуры.

Состояние археологических источников для каждого из рассматриваемых в работе хронологических отрезков на протяжении сер. I – сер. V вв. оценивается через обзор истории полевых исследований памятников.

1.2.1.1. История полевых исследований памятников середины I – середины III вв.

История исследования постзарубинецких – раннекиевских памятников рассматривается нами по бассейнам рек.

Бассейн Северского Донца. Фактическое начало полевых исследований памятников постзарубинецкого горизонта еще до его выделения восточнее Днепра обычно связывается с охранными раскопками В. И. Митрофановой (Неприной) в зоне Печенежского водохранилища на в 1960 г. (Митрофанова, 1965). Тогда у Новодоновки 1 были исследованы 7 хозяйственных ям и 2 очага этого периода (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 136-137; Обломский, 1991, с. 250-251). Следует заметить, что похожая керамика, а также фрагменты амфор с «рифленным» корпусом, происходящие из углубленного сооружения с очагом, были известны еще ранее из раскопок Д. Я. Телегина 1951 г. в урочище Бондариха возле Изюма (Телегин, 1957).

В 1978-1979 гг. на многослойном поселении Шоссейное А. С. Смирновым исследованы жилище и яма (№ 21) с постзарубинецкой керамикой (Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 137-138; Обломский, 1991, с. 222). На поселении бронзового века и римского времени Родной Край 1 (р. Уды) Ю.В. Буйновым и Е.Н. Петренко исследовано 3 ямы (№ 7, 24, 31) на раскопе 1 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 137; Обломский, 1991, с. 252-253). В 1982 г. поселение Колосково 4 было открыто А.Г. Николаенко и Г.Е. Афанасьевым, в 1983 г. А. Г. Николаенко обнаружил селище Приоскольское 1 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 135, 129). В 1984 г. оба памятника подверглись раскопкам А.М. Обломским в (Обломский,

Терпиловский, 1991б, с. 129-135, 135-136). В 1985-1986 гг. А.М. Обломский осуществил раскопки на селище Терновка 2 (Обломский, 1990б; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 138). Памятник стал эпонимным для восточной области группы постзарубинецких древностей типа Картамышево 2 – Терновка 2, а именно группы Терновка 2 в бассейне Северского Донца. У 1988-1989 гг. А.М. Обломским изучалось поселение Головино 1 (р. Топлинка) со слоями ранне- и позднееримского времени (Обломский, 1991, с. 150; Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002). В 1996 г. на поселении бронзового, раннего железного века, римского времени Колесники М.В. Любичев исследовал постзарубинецкое жилище и яму с керамикой этого горизонта (Любичев, 1997а).

Бассейн Днепра. На Днепровском Левобережье первые раскопки постзарубинецких памятников связаны с работами новостроечной экспедиции Д.Я. Телегина при сооружении канала «Днепр-Донбасс» на поселениях возле Осиповки на Орели на поселениях в урочищах Лиман и Пляж в 1971-1974 гг. (Телегин, Беляева, 1975; Обломский, 1991, с. 139; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 138-139). Тогда же в рамках работ экспедиции С. П. Юренко на многослойном поселении Чернеччина было исследовано жилище, относящееся к постзарубинецкому горизонту (Юренко, 1974; Терпиловский, 2004б, приложение 1). Постзарубинецкие материалы были обнаружены Э.А. Сымоновичем на р. Снагость на многослойном поселении Комаровка 2 в 1972 г. (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 142). В 1978 г. Е.А. Горюновым исследовалось поселение Гремячка с комплексами римского времени – раннего средневековья. По мнению А.М. Обломского, либо к постзарубинецкому горизонту, либо к ранней фазе киевской культуры там принадлежат 3 постройки и 4 ямы раннего горизонта (Обломский, 1991, с. 241-242). В 1978-1979 гг. и 1979-1980 гг. Е.А. Горюновым были проведены раскопки поселений Картамышево 1 и 2 на Псле (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 140, 140-141; Горюнова, 2004). Второе из них стало эпонимным памятником для западной области этих древностей. В 1979 г. А. А. Узяновым при исследовании

раннесредневековых комплексов в Жерновце на р. Тускарь были выявлены также и постзарубинецкие материалы (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 141-142). В 1981-1982 гг. Г.А. Романовой и В.М. Горюновой было исследовано раннесредневековое поселение Великие Будки (Хутор), где к постзарубинецкому горизонту принадлежат жилище и две ямы (Горюнова, Родинков, 1999). В 1982 и 1983 гг. В.М. Горюновой были исследованы поселения Богдановка и Бобрава 3 на Псле (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 141). На поселениях Гочево 3, 7 в 1987 г. В.М. Горюновой были произведены раскопки, давшие, в том числе, открытие и постзарубинецких комплексов. (Обломский, 1991, с. 231). Поселение Солдатское 5 было обнаружено В. В. Приймаком и подвергалось охранным раскопкам Р.В. Терпиловским в 1988 г. (Терпиловский, 1990). Тогда же А.М. Обломским было изучено поселение Березовка 2 (Обломский, 1992а; Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 102-112).

Во время разведок с шурфовкой в 1984, 1986 гг. Л. Н. Луговая и Д. И. Левченко выявили постзарубинецкую лощеную и груболепную керамику возле Прилипок в урочище Топиршки (Лугова, Левченко, 1999). В 1990 г. А.И. Журко были произведены раскопки на селище Песчаное на Псле (Журко, 1990а, табл. 2. 1.). В 1997 г. А.Б. Супруненко и Р.В. Терпиловским было открыто постзарубинецкое поселение на площади Бельского городища доримского железного века в урочище Озеро (Ставок), где в 2000 г. проведены охранные раскопки (Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 66-87).

Начало изучения постзарубинецких памятников типа Грини в регионе связано с находкой характерной керамики при исследовании М.П. Кучерой и Р. А. Юрой в 1974 г. так называемых «Змиевых валов» на Днепре у Решетков (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 144). В 1975 и 1977 гг. Е.А. Горюнов произвел исследование поселения Вовки, где, помимо раннесредневековых комплексов, были исследованы и материалы поздnezарубинецкого горизонта (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 144). М.В. Любичевым в 1987 и 1991 гг. были произведены раскопки на поселении Раковка (Любичев, 1993). Раскопки

на поселении Рябовка 3 проведены А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1990 г. (Обломский, Терпиловский, 1991а).

Исследование памятников раннего этапа киевской культуры в регионе начинается с работ Е.А. Горюнова на селище Шмырево на Псле (Обломский, 1991, с. 242-243). В 1980 г. М.Б. Щукин произвел раскопки могильника у хутора Кулига (Песчаное) (Щукин, 1990). На Днепре в 1985 г. О.М. Приходнюк и Л.В. Вакуленко исследовали поселение Сушки 2 (урочище Толока) (Приходнюк, Вакуленко, 1987; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 119). А.М. Обломским в 1985-1987 гг. изучалось поселение Шишино 5 (Обломский, 1991, с. 152-203). Его материалы послужили основой для выделения раннекиевских памятников типа Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 1991, с. 47). На поселении Приоскольское 2 А.М. Обломским была изучена яма этой культурной группы, а также исследован могильник Приоскольское 2 (Обломский, 1991, с. 208-216). На многослойном поселении Шоссейное (Приютровка) к раннекиевским отнесен один комплекс (Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 176-177). В 1986-1987 гг. М.А. Тихомиров и Р.В. Терпиловский изучали поселения Гочево 1 и 2 (Тихомиров, Терпиловский, 1990). После открытия поселения Рябовка 1 со следами могильника с кремациями А.И. Белинской, В.В. Приймаком, И.А. Ремехом в 1986-1987 гг. раскопки там были произведены Р.В. Терпиловским (Терпиловский, 1990).

Разведками на левом берегу Днепра были выявлено постзарубинецкое селище Вишенки-Манычево, а в бассейне р. Трубеж открыты поселения Барышевка, Борщив, Гостролучье, Селище, Коржи-Панский Кут, Коржи-Рябцы, Пасечная, Волчков-Большой Баличин, Переяслав-Лагери, Пристромы-Товарячий Гай, Хоцьки-Комаривский Хутор, Цыбли-Белое озеро 1, Цыбли-Пидпоринцы (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, с. 126-128, 133-135) (рис. 2. 3.).

Далее к востоку, в области днепро-донецкой лесостепи по данным разведок известны постзарубинецкие поселения Хижки 1 и 6, Курманы 1, Венгеровка 1, Шевченково 2, Скуносово (Калиновка) 2, Ховзовка, Бухаловка,

Саранчева, Прилипка, Березняки, Засулье, Ливенское, Писаревка, Побиванка, Ключники 2, Коваливка, Марки 1, Трибы (Поздnezарубинецкие пам'ятники..., 2010, с. 136-142) (рис. 2. 3.).

К настоящему времени на постзарубинецких/раннекиевских поселениях региона исследовано около 87 жилых и хозяйственных построек, более 376 ям, 9 очагов-«горнов», 12 очагов, 1 глинобитная печь, на раннекиевских могильниках известно 22 погребения, 2 погребения обнаружено на поселениях (табл. 2. 1; 2. 4.). Полностью опубликованы материалы поселений Головино 1, (Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002), Шоссейное (Приютовка) (Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987), Терновка 2 (Обломский, 1990б), Картамышево 2 (Горюнова, 2004), Приоскольское 1 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 129-135), Великие Будки (Хутор) (Горюнова, Родинкова, 1999), Березовка 2 (Обломский, 1992а; Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 102-112), Бельск (урочище Озеро) (Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 66-87), Березовка 2 (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 102-112), Жерновец (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 141-142; Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 113-117), Рябовка 3 (Обломский, Терпиловский, 1991б; Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 121-126), Родной Край 1 (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 137; Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 134-135), Песчаное (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 119, 120), Решетки (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, рис. 136), Вовки (Терпиловский, Обломский, 1991а, с. 144-146), Раковка (Любичев, 1993), Шишино 5 (Обломский, 1991, с. 152-199), Приоскольское 2 (Обломский, 1991, с. 216-217; Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 39), Гочево 1 и 2 (Тихомиров, Терпиловский, 1990), могильников Кулига (Щукин, 1990), Шишино 5 (Обломский, 1991, с. 199-202), Приоскольское 2 (Обломский, 1991, с. 208-215), опубликовано погребение из Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 50-51).

Не полностью опубликованы материалы (или приведены лишь текстовые сведения о памятнике иногда с привлечением выборочной иллюстрации материалов) поселений Бобрава 3 (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 141), Гочево 3 и 7 (Терпиловский, 2004, приложение 1; Обломский, 1991, с. 231), Гремячка (Обломский, 1991, с. 241-242), Картамышево 1 (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 140), Новодоновка 1 (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 136-137; Обломский, 1991, с. 250-251; Позднезарубинецкие памятники..., 2010, рис. 131), Колесники (Любичев, 1997а; Позднезарубинецкие памятники..., 2010, рис. 132-133), Колосково 4 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 135-136), Комаровка 2 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 142), Богдановка (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 141), Солдатское 5 (Терпиловский, 1990; Терпиловский, 2004б, рис. 14), Черенеччина (Терпиловский, 2004б, приложение 1), Осиповка (Телегин, Беляева, 1975; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 138-139), Песчаное (Терпиловский, 2004б, приложение 1; Позднезарубинецкие памятники..., 2010, рис. 119-120), Шмырево (Обломский, 1991, с. 242-243), Рябовка 1 (Терпиловский, 1990), Сушки 2 (Приходнюк, Вакуленко, 1985; Приходнюк, 1997; Абашина, Терпиловский, 1992, с. 119). Приведена информация о следах могильника с кремациями в Рябовке 1 (Терпиловский, 1990; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 172).

Следовательно, при достаточно большой базе археологических источников этого периода возможно говорить об их достаточно хорошей опубликованности. К сожалению, фактически не опубликованы материалы поселения Занки, памятника с условно-закрытыми комплексами и находками в слое раннеримского времени – раннего средневековья. Увидели свет лишь предельно краткая публикация отдельных материалов и тезисы (Дьяченко, Приходнюк, Петренко, 1991; Дьяченко, 1993). Полная публикация материалов Занок существенно дополнила бы наши представления об археологической ситуации в области днепро-донецкого водораздела в раннеримское время.

1.2.1.2. История полевых исследований памятников середины III – начала IV вв.

Заключение о наличии в днепро-донецкой лесостепи памятников этого времени было сделано благодаря раскопкам поселений с абсолютным преобладанием лепной и наличием гончарной керамики, с присутствием фрагментов амфорной тары, деталей костюма – хронологических индикаторов, которые, по аналогиям в закрытых комплексах Центральной и Восточной Европы, относятся к ступеням относительной хронологии C1b, C2 или к середине III – первой четверти IV вв. На некоторых поселениях не были обнаружены эти хроноиндикаторы, но была получена аналогичная лепная и гончарная керамика, и открыты аналогичные углубленные сооружения. В этом случае они с большой долей вероятности могут быть отнесены к данному хронологическому отрезку. Еще более затруднительной выглядит хронологическая атрибуция таких селищ с преобладанием лепной керамики на поверхности лишь по данным разведок. В этом случае важным также является присутствие там характерных вещей – хроноиндикаторов. Но иногда они встречаются на поверхности этих поселений совместно с хроноиндикаторами более поздних ступеней C3, C3/D1, D1 и последующие раскопки таких памятников свидетельствуют о наличии здесь нескольких горизонтов позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов.

В 1949 г. Е.В. Махно исследовала поселение Беседовка (р. Смела – Сула) (табл. 3. 1) (рис. 3. 1). Остатки трех (?) наземных глинобитных сооружений черняховской культуры располагались в слое над фрагментами лепной керамики. Здесь же была обнаружена узкогорлая светлоглиняная амфора Шелов D (Махно, 1955б, с. 82, 84, рис. 5: 9). В 1978-1979 гг. на поселении Букреевка 2 (Виногробля – Тускарь – Сейм) Э.А. Сымонович изучил остатки 8 углубленных и 1 наземной постройки с датирующими находками ступеней C1b, C2, но в культурном слое также имелись вещи, которые могли существовать и на ступени C3 (подвязная фибула Гороховский Б) (Сымонович, 1990) (табл. 3. 1) (рис. 3. 1; 3. 7; 3. 8).

В 1982 г. Е.Н. Петренко исследовал поселение Мамрои 2 (р. Сухая Грунь – Грунь – Ташань – Псел), где обнаружил углубленное сооружение (постройка 1) и яму (табл. 3. 1) (рис. 3. 10: II). В заполнении сооружения находилась как гончарная (64 %), так и лепная посуда. Лепная керамика концентрировалась у пола сооружения, гончарная попала сюда уже после гибели постройки (Петренко, 1983, с. 13-15). Сооружение было уничтожено пожаром, над ним находились остатки наземной глинобитной постройки. В 1984 г. Ю.В. Буйнов изучил две полуземлянки и одну яму с лепной и гончарной керамикой, фрагментами светлоглиняных амфор, датирующими вещами ступеней С1b, С2 на поселении Родной Край 3 (р. Уды – Северский Донец) (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997) (табл. 3. 1) (рис. 3. 9).

В 1987-1991 гг. В.М. Горюновой и О.А. Щегловой проводились исследования на поселении Гочево 3 (Псел) с горизонтами С1b, С2, а также С3. К предчерняховскому горизонту позднееримского времени (ступени С1b, С2) здесь отнесено семь углубленных построек (№№ 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10) и 16 ям (рис. 3. 11) (Горюнова, 1988, с. 1-16; 1989, с. 1-16; Обломский, 2002, с. 33-34, рис. 27, 28; Памятники киевской культуры ..., 2007, с. 91-92). Г. А. Романова и В.М. Горюнова изучали в 1987-1989 гг. поселение Гочево 4, где к ступеням С1b, С2 отнесены полуземлянки № 1а, 2, 3 (Горюнова, 1988, с. 17-27; 1989, с. 16-20; Обломский, 2002, с. 34, рис. 28-29; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 92- 93) (табл. 3. 1) (рис. 3. 10: VI).

В 1987-1991 гг. А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловским исследовалось поселение Боромля 2 (р. Боромля – Ворскла), где к раннему/первому горизонту (из трех выделенных), синхронному в общих чертах ступеням С1b, С2, отнесены четыре углубленных постройки (№№ 1, 3, 6, 10) (Некрасова, 2006) (табл. 3. 1) (рис. 3. 4 – 3. 6) . В 1988-1989 гг. под руководством А.М. Обломского, при участии Н. С. Абашиной, Е. Н. Кухарской, Р.В. Терпиловского, изучалось поселение Головино 1 (Северский Донец), где в горизонте позднееримского времени имеются датирующие находки ступеней С1b, С2, а также С3, обнаружены углубленные постройки, лепная керамика

этого периода (Обломский, 2001-2002) (табл. 3. 1) (рис. 3. 14: II-VII) . В 1990 г. А.И. Журко на поселении Песчаное (Псел) исследовал в числе прочих объектов полуземлянку 2 с лепной и гончарной керамикой, полуземлянку 5 с лепной, гончарной керамикой и фрагментами светлоглиняных амфор Шелов D, перекрытую остатками наземного глинобитного сооружения (Журко, 1990в; 1994а, с. 215-217) (табл. 3. 1) (рис. 3. 12). В 1994 г. А.М. Обломским изучалось поселение 10-й Октябрь (р. Мужича – Сейм), где открыты две углубленные постройки с лепной и гончарной керамикой, фрагментами амфор Шелов D (табл. 3. 1) (рис. 3. 15). В слое также сделаны находки датирующих предметов ступени С3 (Обломский, 2002, с. 37-38).

С 2004 г. Германо-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина проводятся раскопки археологического комплекса позднееримского времени – начала эпохи Великого переселения народов Войтенки 1 (безымянная река – Мокрый Мерчик – Мерчик – Мерла – Ворскла). Условно-закрытые комплексы, находки в слое и в подъемном материале, относящиеся к ступеням С1b, С2 присутствуют только лишь на участке «А» поселения, где горизонт этого периода перекрыт горизонтом черняховской культуры. К этому периоду здесь принадлежат углубленные сооружения 2/2, 4 (рис. 3. 31), 11, 17, 21, яма № 5 (табл. 3. 1) (рис. 3. 13) (Любичев, 2006; 2008г; Ljubičev, 2006). В 2007-2008 гг. К.В. Мызгиным исследовалось поселение Огульцы (Черемушная – Мжа – Северский Донец) с датирующими находками ступеней С1b, С2 и характерной лепной керамикой (табл. 3. 1) (рис. 3. 14: 1), наряду с находками, характерных для закрытых комплексов ступеней С3 и С3/D1 (Мызгин, 2011б).

Другую группу исследованных раскопками памятников составляют поселения с подобной лепной и гончарной керамикой в условно-закрытых комплексах и в слое, но без датирующих вещей, характерных для закрытых комплексов ступеней С1b, С2. В 1948-1950 гг. Е.А. Алихова исследовала многослойное селище Авдеево (Сейм), где к позднееримскому времени отнесены очаг и 2 ямы (Алихова, 1963, с. 73-83; Обломский, 1991, с. 243-248).

На поселении Новодоновка 2 (Северский Донец), которое изучалось В.М. Митрофановой в 1960 г., к позднеримскому времени отнесена одна яма с лепной и гончарной керамикой (Обломский, 1991, с. 253, рис. 70). В 1968 и 1989 гг. соответственно Ю.А. Липкинг и Н.А. Тихомиров исследовали поселение Лебяжье 1 (Сейм) (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 100-101). В 1970 г. Э.А. Сымонович изучал поселение Воробьевка, где ко времени, соответствующему ступеням С1b, С2 к закрытым комплексам, возможно, относится глинобитный очаг «А» (Сымонович, 1974а, с. 154-155).

В 1984 г. А.В. Кропоткин раскапывал поселение Шмарное (Дачное 2) (р. Оскол), где открыты 1 постройка, 1 яма, остатки очага (печи?). Гончарная керамика составляла 36 % керамического комплекса (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 86, рис. 34). В 1985 г. А.М. Обломский изучил поселение Шишино 1 (Северский Донец), где открыты остатки одной постройки и 5 ям. В керамическом комплексе содержится 4 % гончарной керамики (Обломский, 1991, с. 151-152, рис. 41).

Поселение Гочево 1 исследовалось Н.А. Тихомировым, Р.В. Терпиловским в 1986-1987 гг. На нем к сер. III – нач. IV вв. отнесена постройка 1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 43, рис. 2: 1). К этому же времени отнесены постройки 1, 2 поселения Гочево 2, которое изучали Н.А. Тихомиров и Р.В. Терпиловский в 1986 г. (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 60-63, рис. 11). В 1987 г. А.М. Обломский исследовал селище Цепляево Второе (Короча – Нежеголь – Северский Донец), где открыты 3 постройки, яма и в керамическом комплексе содержится 20-43 % гончарной керамики (Обломский, 1991, с. 220-226). На изученном в 2000 г. В. В. Енуковым, О. Н. Енуковой, В.В. Приймаком многослойном поселении Студеновский 5 (Сейм) к позднеримскому времени отнесены очаги № 1, 2, яма № 34 с лепной и гончарной керамикой (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 106, рис. 106, 107).

На Северском Донце в конце пятидесятих годов минувшего столетия Б.П. Зайцев обследовал поселение Большая Даниловка (р. Харьков – Уды) с характерными находками комплексов ступеней С1b, С2 (фибулы группы

Альмгрен VII), а также С3, D1 и раннего средневековья (Зайцев, 1964, с. 49, рис. 2: 5, 8). В 1975, 1977, 1983 гг. Ю.В. Буйновым были открыты поселения Черкасский Бишкин 2, Валки 2 (р. Мжа), Должик 3 (р. Уды) (Обломский, 1991, с. 250, 252). А.М. Обломским в 1984 г. были обследованы поселения Зеленая Поляна 1, 2; Шишино 2; Рынди́нка, Новая Лоза 1 (р. Липовый Донец), где на поверхности фрагменты лепной керамики находились совместно с фрагментами гончарной (Обломский, 1991, с. 150-152, 206, 226-227; Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 7: 1-4, 5-9; 8: 1-6; 47: 1-9) (табл. 3. 1). На поверхности селища Старый Город, помимо этих материалов, обнаружены также фрагменты светло- и красноглиняных амфор (Обломский, 1991, с. 151; Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 7: 10-15). На селище Дружный (р. Липовый Донец) присутствуют еще и фрагменты красноглиняных амфор (Обломский, 1991, с. 226; Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 33: 21-27). В 1985 г. исследователем были открыты поселения с аналогичным подъемным материалом Доброе (р. Короча – Нежеголь), Крапивное, Неклюдово 1, Чураево 2, Чураево 3 (р. Корень – Нежеголь), Никольское (р. Нежеголь) (Обломский, 1991, с. 218-220; Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 8: 20-24; 46: 1-12). Г.В. Бейдиным и М.Н. Григорьянцем были открыты поселения Рябухино, Халимоновка, Бараново, Старые Валки, Пасеки. На всех этих памятниках присутствовала лепная и гончарная керамика, найдены фибулы группы VII О. Альмгрена (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2007, с. 71-79).

На Осколе А.Г. Николаенко обнаружил селище Оскольское 6 с лепной керамикой на поверхности при небольшом числе фрагментов гончарной керамики (Обломский, 1991, с. 205-206).

На Псле в 1980 г. Е.А. Горюнов и В.М. Горюнова открыли поселение Бобрава 4 (р. Бобрава) с фрагментами лепной и гончарной керамики, амфор на поверхности (Обломский, 1991, с. 228). В 1980 г. Е.А. Горюнов и В.М. Горюнова, а в 1986 гг. и О.А. Щеглова обследовали поселение Гочево-Стрыгосла (Обломский, 1991, с. 228). В 1982 г. В.М. Горюнова обследовала

поселение Гридасово 2 (р. Туровец) (Обломский, 1991, с. 242) (табл. 3. 1). В 1987 г. А.М. Обломский открыл поселения Вышние Пены 2, Красное (р. Пены) (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 86, рис. 33: 21-27; Обломский, 1991, с. 226). На последнем из них, помимо лепной и гончарной керамики, были обнаружены фрагменты светло- и красноглиняных амфор.

На Сейме в 1961 г. Э.А. Сымонович обнаружил поселения Шатовка (р. Млодатель), Благодатное (Маково) (р. Реут), а в 1970 г. – поселение Хвостово (Обломский, 1991, с. 239). Ю. А. Липкингом при шурфовке на поселении Новоселовка (р. Суджа) были найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, а также фибула группы VII О. Альмгрена (Обломский, 1991, с. 15, рис. 3: 1). В 1980 г. Н.А. Тихомиров обнаружил поселение Дубовец 2 (р. Тускарь), а в 1984 г. – селище Курск (Сейминский мост) (Обломский, 1991, с. 232, 239). А.В. Кашкин в 1981 г. открыл поселение Спасское, Студеновский 3 в 1982 г. – селище Самсоново 4 (р. Реут) (Обломский, 1991, с. 241, 249) в 1983 г. – поселение Курск (Кировский мост) (Обломский, 1991, с. 238), в 1984 г. – поселения Ворошнево 1, 2, Прямыцыно 2 (Обломский, 1991, с. 236 – 237, 248), в 1987 г. – селище Павловка (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 97), в 1990 г. – селища Чапли 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14 (р. Реут). На поселении Чапли 10 среди лепной керамики присутствуют фрагменты конических мисок (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 102-103). А.М. Обломским в 1993 г. были открыты поселения Ходяковка, Лещиновка 3, Комаровка 3 (р. Свапа), Снагость 3 (р. Снагость), Забелино 3. На последнем помимо лепной и гончарной керамики присутствуют еще и фрагменты амфор (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 95, 97, рис. 47: 34-38). На поселении Комаровка (р. Свапа) А.М. Обломский, В.В. Приймак, Р.С. Веретюшкин в 2004 г. провели разведку с шурфовкой (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 96).

На Ворскле в 1986 г. А.М. Обломским было открыто поселение Лубяная Поляна 1, где найдены фрагменты лепной керамики и отдельные фрагменты гончарной (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 89). В 1997 г. А.В. Гейко обследовал селище Шевченки 5, где вместе с лепной и гончарной керамики

обнаружена фибула группы VII О. Альмгрена (Гейко, 1998б). Тогда же А.Л. Щербань обследовал селище Васильевка 3, где сделал подобные находки (Щербань, 2000) (табл. 3. 1).

На Суле в 2005 г. Г.В. Жаровым, Т.А. Жаровой, Р.В. Терпиловским было проведено обследование поселения Матяшев Яр 3 (р. Ромен), где совместно с фрагментами лепной керамики обнаружена фибула группы VII О. Альмгрена (Жаров, Терпиловский, 2006, с. 97, рис. 5; Терпиловский, 2008, с. 298).

Фактически материалы исследованных поселений, содержащих в условно-закрытых комплексах все хроноиндикаторы периода вместе с характерной керамикой являются полностью (Букреевка 2, Родной Край 3, Боромля 2, Головино 1, 10-й Октябрь), или частично (Беседовка, Гочево 3 и 4, Песчаное, Войтенки 1, Огульцы) опубликованными (табл. 3. 2). Полностью (Гочево 1 и Гочево 2, Новодоновка 2, Авдеево, Лебяжье 1, Шмарное 2, Шишино 1, Цепляево 2) или частично (Мамрои 2, Воробьевка, Студеновский 5) введены в научный оборот материалы тех селищ, на которых, при наличии характерной керамики, отсутствуют индивидуальные датирующие находки периода (табл. 3. 1).

По материалам разведок и шурфовок безусловно (при наличии характерной керамики вместе с характерными датирующими вещами) или с большой долей вероятности (только лишь при наличии характерной керамики) ко времени серед. III – первой четв. IV вв. относятся около шестидесяти поселений. Эти материалы опубликованы полностью, либо опубликованы индивидуальные находки или же представлены краткие текстовые сообщения (табл. 3. 1). Такая выборка источников позволяет выделить характерные черты памятников и поставить вопрос о выделении группы памятников этого периода.

1.2.1.3. История полевых исследований памятников начала IV – середины V вв.

Памятники черняховской культуры и подкурганые погребения начала эпохи Великого переселения народов. Ранний период изучения памятников

черняховской культуры в регионе охватывает время с рубежа XIX-XX вв. до двадцатых годов XX столетия и включает в себя: а) поступление в музеи отдельных вещей с поверхности черняховских памятников и разрушенных погребений; б) поиски аналогий вещам из позднесарматских подкурганнных погребений среди инвентаря эпонимного Черняховского и Ромашкинского могильников; в) фиксацию следов поселений на местах находок кладов римских монет (Любичев, 2000, с. 9-15).

В 1909 г. К.П. Сосновский обнаружил следы поселения со следами наземных глинобитных построек на месте находки клада 1880 г. возле Гридасовки Обоянского уезда Курской губернии (Сосновский, 1911, с. 318-319; Ляпушкин, 1950а, с. 20) (табл. 4. 2). В Курский музей на рубеже веков поступили черняховские сосуды из случайных находок (Сымонович, 1964б, рис. 4: 6-8; 1983б, рис. 1: 1, 2, 4). В.А. Городцовым было исследовано погребение 1 кургана 4 вблизи Мечебелово, где в катакомбе с остатками костяка находились гончарные сосуды (три кувшина, горшок), по мнению археолога, похожие на сосуды типа «полей погребальных урн» по публикациям В. В. Хвойки (Городцов, 1905, с. 211) (табл. 4. 10). Е. Н. Мельник, в кургане 6 у Воронцовки Купянского уезда Харьковской губернии, изучила катакомбное погребение, в инвентаре которого были, в том числе, бронзовая подвязная фибула, бронзовая пряжка с калачиковидной рамкой (Мельник, 1905, с. 726) (табл. 4. 10).

В Полтавский краеведческий музей поступают вещи из случайно обнаруженного погребения у хутора Гречаники (1912 г.) (Рудинский, 1928, с. 51) (табл. 4. 22), амфора с кальцинированными костями из-под Белоцерковцев возле Лохвицы (1912 г.) (табл. 4. 9), амфора «инкерманского» типа из-под хутора Савинского возле Лубнов (табл. 4. 2), бронзовые пряжки из-под Константинограда (ныне Краснограда), хутора Прони Полтавского уезда. Гончарная керамика и бронзовая фибула были обнаружены у Шишаков (урочище Дерновая долина) возле Миргорода (табл. 4. 2) (Рудинский, 1928, с. 52).

Двадцатые – тридцатые годы XX в. являлись временем введения материалов региона в ареал культуры «полей погребений», проведения разведок, раскопок памятников и составления первых археологических карт. С 1920 г. Л. Соловьев проводит разведки в верхнем течении Ворсклы (поселения Новорябина, Добренькое (Добренское), Луговка (Луговое), в верхнем течении р. Уды (поселение Золочев) (табл. 4. 2) (Луцкевич, 1948, с. 165). В 1921 г. В. В. Клименко на поселении Хомутец открыл гончарный горн (табл. 4. 2) (Махно, 1960, с. 40). К. Коршак обнаружил поселение у Сухого Борока (Махно, 1960, с. 32). Целый комплекс вещей и керамические сосуды были случайно найдены в 1922 г. в селе Коровинцы (Семенчик, 1930, с. 70; Ляпушкин, 1950а, с. 18, рис. 5: б) (табл. 4. 2). «Клад» в виде пяти сосудов (инвентарь погребения) был обнаружен возле Холодного Яра (Семенчик, 1930, с. 70) (табл. 4. 2). У с. Дубны была найдена амфора позднееримского времени (Махно, 1960, с. 40; Мокляк, 1991, с. 73, рис. 4: 1) (табл. 4. 2), у Деймановки – типичный черняховский кувшин (Махно, 1960, с. 41), а у поселка Ручки – гончарная миска (Семенчик, 1930, с. 71) (табл. 4. 10). Отдельное погребение (часть могильника?) было случайно обнаружено у с. Ковали в 1927 г. (Магура, 1930, с. 52). Тогда же Н. Д. Ренский обследовал погребение у Беребинцев (Гейко, Рейда, Милашевский, 2011) (табл. 4. 9).

А.С. Федоровский на протяжении 1922-1927 гг. открывает разведками четыре поселения у Снежкова возле города Валки (Луцкевич, 1948, с. 169) (табл. 4. 2). В 1926-1931 гг. он обнаруживает черняховские поселения у Западеньки (Западня/Новоберекское), Сухой Гомольши, Черкасского Бишкина (табл. 4. 2). Совместно с Н. К. Фуксом он зафиксировал следы черняховского поселения на так называемом Змиевском городище (Луцкевич, 1948, с. 170) (табл. 4. 2).

В 1924 г. М. Я. Рудинский проводит исследования позднесарматских погребений с черняховским инвентарем возле Кантемировка (Рудинский, 1930) (табл. 4. 10). Он открывает поселение возле Манжелеи в устье Псла у хутора Троцки (Рудинский, 1927, с. 152-153) (табл. 4. 2). В 1926 г. Н.Е.

Макаренко исследует раскопками случайно открытый могильник у с. Гурбинцы (Макаренко, 1927, с. 112) (табл. 4. 8). В 1925 г. Е.Н. Антонович-Мельник возле Кабаковых хуторов на р. Орель обнаружила черняховскую керамику и некоторые вещи (Антонович-Мельник, 1926). В 1927-1928 гг. А.К. Тахтай произвел разведки на поселениях Флоровка, у хутора Колодязев (Тахтай, 1928) (табл. 4. 2).

И.Н. Луцкевич в 1926 г. получает сведения о разрушаемом глиняным карьером могильник у Пересечной, а в 1931-1933 гг. он, совместно с Т. А. Ивановской, производит его раскопки, а также исследует близлежащее селище (Луцкевич, 1948, с. 165-168) (табл. 4. 2; 4. 3; 4. 8). Он обнаруживает поселение в Саржином Яру (тогда – на окраине Харькова, сейчас – в городской черте), открывает поселения у Легезивки (Легеза), Погорелого на р. Мжа, Орешни, у Довжика на р. Уды, в ур. Провалля возле г. Змиев на Северском Донце (Луцкевич, 1948, с. 165, 168-170) (табл. 4. 2). В 1928 г. он фиксирует два поселения возле Большой Даниловки (в черте современного Харькова), селище в самом центре города в районе площадей Тевелева (сейчас – Конституции) и Розы Люксембург (Луцкевич, 1948, с. 168) (табл. 4. 2). В 1935 г. И. Н. Луцкевич обнаруживает поселение у Верхней Писаревки, а в 1935-1937 гг. – следы могильника и поселения у хутора Прелестный (Гринчишин), вблизи поселка Фрунзе на р. Немышля, возле Верхнего Салтова и Волчанска (р. Волчья) на Северском Донце (табл. 4. 2) (Луцкевич, 1948, с. 166-167, 169).

В 1932 г. А.В. Добровольский исследует случайно обнаруженное отдельное погребение у Водяного (Сымонович, Кравченко, 1983, с. 68) (табл. 4. 9). В 1938 г. у Беребинцев было случайно открыто погребение (табл. 4. 9). Подобный комплекс с керамическими сосудами (в том числе кубком) был разрушен у Марковки (табл. 4. 9) (Махно, 1960, с. 39). В 1940 г. И. И. Ляпушкин исследует четыре погребения на могильнике у Свинковки (Ляпушкин, 1961, с. 172) (табл. 4. 8). На могильнике Новоселовка вблизи Свинковки Н.А. Стан и Н.Д. Сыч изучили несколько погребений (Махно, 1960,

с. 41; Степанович, Супруненко, 1994, с. 23-24) (табл. 4. 8). Там же И.И. Ляпушкин обнаружил поселение (Махно, 1960, с. 41-42) (табл. 4. 2).

Следует заметить, что в большинстве случаев об этих памятниках сохранились лишь короткие заметки без иллюстраций. В лучшем случае в публикациях представлены общие текстовые описания и рисунки (фотографии) некоторых вещей из могильников либо поселений (Гурбинцы, Пересечная, некоторые случайные находки из Полтавского краеведческого музея). К публикациям с подробным описанием отдельных комплексов и рисунками их вещей относится лишь статья М.Я. Рудинского о подкурганных погребениях из Кантемировки (Рудинский, 1930). К тому же, в период войны полевая документация некоторых изученных раскопками памятников была утеряна (Пересечное). К 1941 г. И.Н. Луцкевич подготовил свод черняховских памятников и некоторых позднесарматских подкурганных погребений в верхних течениях Ворсклы и Северского Донца, который в сжатой форме был опубликован лишь в 1948 г. (Луцкевич, 1948) (табл. 4. 2). Памятники черняховской культуры региона должны были войти в общий свод этих древностей, который готовился С.В. Коршенком под руководством В.П. Петрова. К работе над ним был привлечен также И.Н. Луцкевич (Махно, 1989, с. 194).

После 1945 г. начинается новый этап изучения черняховских памятников, характеризующийся кардинальным увеличением объема полевых работ и количества публикаций, появлением археологических карт и концептуальных разработок. Исследования памятников этого времени целесообразно рассмотреть по выделенным районам (табл. 4. 1) (рис. 4. 1 – 4. 9). В таблицах (табл. 4. 2; 4. 3; 4. 8; 4. 9; 4. 10) содержатся сведения о памятниках, подвергшихся разведкам и раскопкам, наличии на них сооружений и погребений различных типов, а также о случайно обнаруженных погребениях – частях могильников.

Район 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» (рис. 4. 2; 4. 3). В этом районе пока выделяются две условные группировки черняховских памятников:

1) левый берег Днепра от устья Орели до устья Сулы; 2) бассейн Супоя и Трубежа. В этом районе увеличение количества известных памятников черняховской культуры происходило в основном благодаря охранным исследованиям в зоне сооружения Кременчугского и Днепродзержинского водохранилищ, фиксации случайных находок в размыве их берегов, а также разведкам и раскопкам в бассейне Супоя и Трубежа.

В пятидесятые – восьмидесятые годы в прибрежной полосе Днепра разведки осуществляли И.Т. Черняков (Черняков, 1988), Д.Я. Телегин, М.П. Кучера (Махно, 1960, с. 38), А.Б. Супруненко (Супруненко, 1982, с. 30), Е.В. Махно, И.Н. Шарафутдинова (Телегин, Махно, Шарафутдинова, 1961, с. 67). Были обследованы места разрушенных могильников возле Пронозовки (Кракало, Порубай, 1988), Шушваловки (Кракало, Порубай, 1988). Очень большое количество вещей – инвентарь разрушенных погребений – было обнаружено у Градижска и лишь только малая часть из них упомянута и опубликована (Рутковская, 1979; Телегин, 1982; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 67; Черняков, 1988).

С начала девяностых годов прошлого столетия были зафиксированы места находок вещей – частей инвентаря в основном погребений разрушенных могильников из Билецковки (Кракало, Левченко, 1994а), Галицкого острова, Шушваловского острова (Кракало, 2011, с. 144-148), Жовнина (Кракало, Левченко, 1994в, 1994г), Клещенцов (Левченко, Кракало, 1995; Левченко, 1994), Максимовки (гора Пивиха) (Кракало, 2003, 2011, с. 144), Пронозовки (Кракало, 2011, с. 148), Святиловки (Сапегін, Шульга, 2001, с. 114), Шушваловки (Кракало, Левченко, 1994б). Продолжалась фиксация новых случайно обнаруженных вещей в районе Градижска (Приймак, 1997; Удовиченко, 2001, Рейда, Лямкин, Єремєєв, 2002).

В области течения Супоя и Трубежа черняховские памятники были открыты разведками М.И. Сикорского, А.П. Савчука, Г.Н. Бузьян, Н.М. Буйлук, О.В. Колыбенко, Н.Т. Товкайло, М.В. Роздобудько, Д.А. Тетери, О.В. Серова, В.Н. Зоценко, А.В. Костюка, Б.В. Магомедова, М.Е. Левады (Сікорський,

Савчук, 1971, с. 141-143) (Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 7, 14, 17, 38, 51-58, 60-63, 65-67, 96-98), Ю.В. Костенко (Костенко, 1978), Ю. Н. Сытого (Сытый, 1989, с. 20), А.А. Мултанен (Мултанен, 1988, с. 4-6).

Раскопки поселений (табл. 4. 3). В сороковые годы небольшой площадью В.Н. Даниленко и А.Д. Столяром изучалось поселение Ерковы (Даниленко, Столяр, 1952). Во второй половине пятидесятых годов Е.В. Махно и И.П. Костюченко исследовали поселение Максимовка (Костюченко, 1959; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 84-85), Е.В. Махно – селище Новолиповское (Махно, 1957; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 86-87), Е.В. Махно и В.П. Петров – поселение Радуцковка (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 89-90). Л.М. Рутковской в конце шестидесятых – первой половине семидесятых годов были проведены охранные раскопки на разрушаемых водохранилищем поселениях Жовнин (ур. Василенки) и Градижск (ур. Круча) (Рутковская, 1979, с. 331, 332-338). К концу семидесятых – первой половине восьмидесятых годов относятся исследования М.И. Сикорским, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян поселения Соснова (Сикорский, Махно, Бузян, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985; Махно, Сикорский, 1989; Обломский, 2002, с. 40-41). Ю.В. Костенко провел шурфовку, а А.Н. Некрасова и В.Д. Баран исследовали раскопками поселение Хлопков 1 (Костенко, 1978, с. 99-108; Некрасова, 1988). После некоторого перерыва раскопки поселений в районе возобновились, что связано с исследованием Ю.Ю. Башкатовым в 2005-2006 гг. селища Барбара (Башкатов, 2008 а, с. 45-46; 2008б; 2010а; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 146-147).

Раскопки могильников. В 1952, 1954 гг. В.К. Гончаровым и Е.В. Махно было осуществлено исследование могильника Переяслав-Хмельницкий (Гончаров, Махно, 1957) (табл. 4. 8). Отдельное погребение в Переяславе-Хмельницком было изучено М.И. Сикорским и Е.В. Махно (Махно, Сикорский, 1976) (табл. 4. 9). В зоне сооружения Днепродзержинского водохранилища Е.В. Махно, И. Ф. Ковалева, В. И. Бидзиля в 1960-1965 гг. провела раскопки могильника Компанийцы, открытого А.В. Бодянским (Махно,

1971б; Некрасова, 2006) (табл. 4. 8). В 1962 г. М.И. Сикорский и А.П. Савчук начали исследование могильника Соснова (Сікорський, Савчук, 1971, с. 141-143), которое было продолжено М.И. Сикорским, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян в 1978-1985 гг. (Сикорский, Махно, Бузян, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985; Махно, Сикорский, 1989) (табл. 4. 8). Могильники у Жовнина в урочищах Биленковы Бурты, Носенки, Пристань были открыты в связи с размывом берега водохранилища в устье Сулы. Местные жители производили сбор вещей, а краеведы В.Д. Дяденко и М.Х. Левашов провели раскопки, которые были продолжены Л.М. Рутковской. Она, а затем О.В. Петраускас и Л.А. Цыңдровская осуществили сбор всех доступных сведений о составе комплексов погребений, вещах – частях разрушенных комплексов и их публикация (Рутковская, 1979; Петраускас, Цыңдровская, 2002) (табл. 4. 8). Некоторые сосуды из разрушенных погребений, попавшие в коллекцию Кременчугского краеведческого музея, были изданы И. В. Кракало (Кракало, 2004). Л.М. Рутковской были проведены незначительные раскопки в зоне подмыва берега в Градижске (ур. Круча) (Рутковская, 1979, с. 338) и у Кагамлыка (Рутковская, 1979, с. 341-342) (табл. 4. 8). В 2009 г. А.Б. Супруненко, В.В. Лямкин, О.В. Сидоренко исследовали подкурганное черняховское погребение возле Лавриковки (Супруненко, Лямкин, Сидоренко, 2011) (табл. 4. 10).

Район 2 «Десна-Сейм». Территориально он распадается на два подрайона: нижнее течение Десны с левыми притоками (Дочь, Борзна, Остер, Смолянка и т. д.) и Сейм с его притоками (Волфа, Вырь, Дичня, Езучь, Млодать, Пена, Пенка, Полная, Прутище, Реут, Рогозна, Снагость, Тускарь, Щемля и т. д.) (рис. 4. 4). В первом районе в шестидесятые годы минувшего века поселения были открыты Э.А. Сымоновичем (Сымонович, 1964б, с. 10-12) (табл. 4. 2). Следующий период разведок черняховских поселений здесь относится к 80-м – началу 90-х годов и связан с работами А.А. Мултанена (Мултанен, 1986, с. 5, 7; 1987, с. 4, 8; 1988, с. 13; 1992, с. 8-9, 10-11), А.В. Шекуна (Обломский, 2002, с. 130), Ю.Н. Сытого (Сытый, 1989, с. 19-20; 1990, с. 32, 35; 1991, с. 5), В.В.

Простантиновой (Мултанен) (Простантинова, 1987, с. 4-5; 1988, с. 3, 5; 1989, с. 14), А.Д. Авдеева (Авдеев, 1989, с. 3), Г.В. Жарова (Жаров, 1991, с. 22) (табл. 4. 2).

Во втором районе в 60-е годы прошлого века черняховские поселения и черняховская керамика на городищах доримского железного века (Масловское, Переверзевское, Ратское) были зафиксированы разведками Э.А. Сымоновича (Сымонович, 1964б, с. 13-18, 29) и Ю.А. Липкинга (Липкинг, 1966) (табл. 4. 2). К началу 70-х годов относятся изыскания Е.А. Горюнова (1972) (Обломский, 2002, с. 119). В 80-90-е годы черняховские поселения в регионе были открыты разведками А.В. Кашкина (1984) (Обломский, 2002, с. 116), А.В. Кропоткина (Обломский, 2002, с. 118), О.В. Сухобокова (1988) (Обломский, 2002, с. 118), А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (1990) (Обломский, 2002, с. 119-120), А.М. Обломского (1993, 1994, 1997) (Обломский, 2002, с. 115, 117, 119). К первому десятилетию нашего столетия относятся разведочные работы О.А. Радюша (Радюш, 2008, с. 183, 186-194, рис. 7).

Раскопки поселений (табл. 4. 3). Э.А. Сымоновичем в течении 70-х годов прошлого века исследовались селища Колосовка (Сымонович, 1983б, с. 76-79) и Снагость 2 (Сымонович, 1977; Сымонович, Сокол, 1978). На первом, помимо черняховских, присутствуют и комплексы «киевского круга». В 1991-1992 гг. А.Н. Некрасовой, В.В. Приймаком исследовалось селище Белополье 1 (Некрасова, Приймак, Белинская, 1992; Некрасова, 1994). А.М. Обломским в 1994 г. были проведены раскопки селища 10-й Октябрь (Обломский, 2002, с. 37-38, рис. 35-42). В рамках охранных исследований Г.В. Жаров и Р.В. Терпиловский провели исследование поселения Липовка 1, где некоторые комплексы относятся к черняховской культуре (Терпиловский, 2008, с. 298). С 2007 г. О.А. Радюш проводит раскопки поселения Пены (Радюш, 2010).

Раскопки могильников. Исследование этой категории памятников черняховской культуры в этом районе только начинается. За время исследования могильника Пены в 2008-2011 гг. на нем было изучено 3

погребения-кремации (Радюш, 2010, с. 206-207; Радюш, 2011, с. 233-237) (табл. 4. 8).

Район 3 «Сула» (рис. 4. 5). Во второй половине сороковых годов черняховские поселения здесь были открыты разведками И. И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1950, с. 31; 1961, с. 161), Ф.Б. Копылова (Копилов, 1952, с. 308), Е.В. Махно (Махно, 1955; 1960, с. 45) (табл. 4. 2). В пятидесятые годы несколько селищ было обнаружено В.А. Ильинской и А.И. Тереножкиным (Махно, 1960, с. 45, 46). Достаточно результативными в плане создания археологической карты черняховских памятников в этом районе стали семидесятые годы, что, в первую очередь, относится к деятельности археологов ЛОИА АН СССР. В течении 1972-1973 гг. разведками Е.А. Горюнова черняховские поселения были обнаружены в области притоков Сулы (Бишкинь, Удай, Локня, Олава, Оржица, Слепород, Терн, Хусь) (Горюнов, 1981, с. 107-108; Обломский, 2002, с. 119-120, 124-125, 128). Е.А. Горюновым совместно с В.М. Песковой черняховские поселения были открыты по течению Сулы (Горюнов, Пескова, 1973). М.М. Казанским черняховские поселения были зафиксированы на р. Слепород (Обломский, 2002, с. 129), а Г. А. Усовой (Романовой) – на притоках Сулы (Романова, 1990, 1991) (табл. 4. 2).

В восьмидесятые – начало девяностых годов новые поселения на притоках Сулы были выявлены В.В. Приймаком (р. Сухая Лохвица, притоки Удая) (Приймак, 1982, с. 1-2, 3-4, 4-6, 7, 9, 46-53), А.Б. Супруненко, И.Н. Кулатовой (р. Удай) (Супруненко, 1986; Супруненко, Кулатова, 1988), А.И. Журко (Журко, 1987, с. 18), А.А. Мултанен (в том числе на Удае и его притоках) (Мултанен, 1986, с. 8, 9, 12-13; 1987, с. 6-8; 1992, с. 10), А.В. Кропоткиным (Удай и притоки, Хусь и притоки) (Обломский, 2002, с. 120, 131), А.В. Шекуном (притоки Удая) (1992) (Обломский, 2002, с. 131-132), Г. В. Жаровым (р. Удай и притоки) (Жаров, 1990, с. 10; 1991, с. 24). Продолжила свои поиски Г.А. Романова (Романова, 1990, 1991). В конце девяностых годов И.В. Головкин выявил несколько поселений на притоке Удая – р. Рудая (Любичев, 1999, с. 13-14) (табл. 4. 2). За 2003-2008 гг. Левобережной

комплексной археологической экспедицией (Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский) зафиксировано 50 новых памятников черняховской культуры (Жаров, Терпиловский, 2011, с. 166)

Раскопки поселений (табл. 4. 3). В конце сороковых годов прошлого века Е.В. Махно провела небольшие раскопки на поселениях Беседовка (ур. Белопольщина) и Коровинцы (Базарная площадь) (Махно, 1955б, с. 78-82). На последнем памятнике раскопки являлись попыткой выяснить связь упомянутого выше «клада» 1922 г. с поселением или могильником. К 1974 и 1977 гг. относятся раскопки Г.А. Усовой (Романовой) поселения Артюховка 1 (Романова, 1989). И.В. Головки были проведены небольшие раскопки поселений Грабаровка 1 и Давыдовка (Любичев, 1999, с. 14-16). Раскопки селищ в этом районе в нашем столетии связаны с охранными работами, которые провели Г.В. Жаров и Р.В. Терпиловский в 2003 г. на поселениях Воскресенское 1, Дубина 1 (Терпиловский, 2008, С. 299; Терпиловский, 2010, С. 80-81; Жаров, Терпиловский, 2011, с. 169-170, 174) и в 2006 г. на селищах Гнидинцы 6 и Савченков Яр 1 (Терпиловский, 2010, с. 80; Жаров, Терпиловский, 2011, с. 166-169).

Раскопки могильников (табл. 4. 8). В 1955 г. Д.Т. Березовец и В.П. Петров провели раскопки открытого при строительных работах (фундамент дома) могильника Лохвица (Березовец, Петров, 1960). Подобным образом был открыт и частью уничтожен (карьер) могильник Успенка, исследование которого осуществила Е.В. Махно в 1968-1972, 1976 гг. (Махно, 1971а; Некрасова, 2006). В. В. Кропоткин раскапывал небольшой площадью могильник Вовчик в 1968 г. (Кропоткин, 1969). Благодаря охранным исследованиям были обнаружены и изучены в 2003 г. Г.В. Жаровым, Т.А. Жаровой и Р.В. Терпиловским могильники Дубина 1 (Терпиловский, 2008, с. 299; Жаров, Терпиловский, 2006, с. 97-99, рис. 6; Жаров, Терпиловский, 2011, с. 174-177) и Воскресенское 1 (Терпиловский, 2008, с. 299; Терпиловский, 2010, с. 81; Жаров, Терпиловский, 2011, с. 170-173).

Район 4 «Псел» (рис. 4. 6). В конце сороковых годов минувшего века черняховские памятники по Пслу и его притокам (Грунь, Хорол) были открыты разведками И.И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1950а, с. 30; 1961, с. 173), Ф. Б. Копылова (Махно, 1960, с. 39) (табл. 4. 2). К шестидесятым годам относится открытие поселений на р. Суджа Э.А. Сымоновичем (Сымонович, 1964б, с. 16-17), Ю.А. Липкингом, (Липкинг, 1966). В те же годы В.В. Кропоткин проводит разведки на р. Сумка (Романова, 1991, с. 5; Обломский, 2002, с. 120) (табл. 4. 2).

В этом районе, впрочем, как и в предыдущем, открытие новых черняховских памятников в семидесятые годы связано, прежде всего, с деятельностью экспедиции ЛОИА АН СССР. Е.А. Горюновым, М.М. Казанским, Г.А. Усовой (Романовой) памятники были обнаружены на Псле, Голтве, Грузской Голтве, Ольховая Голтве, Груни, Лютеньке (Горюнов, 1972; Горюнов, Усова, 1974; Горюнов, Казанский, Усова, 1978; Обломский, 2002, с. 124-125). Тогда же В.П. Андриенко проводит разведки памятников по р. Сухая Грунь и ее притокам (Андриенко, 1971, с. 3).

Открытие новых поселений в восьмидесятые годы связано с разведками В.М. Горюновой (р. Туровка) (Обломский, 2002, с. 115-116), А.В. Кропоткина (Обломский, 2002, с. 129), А.И. Журко (р. Олешня, Ольшанка, Сыроватка) (Журко, 1987, с. 11, 13, 14; 1989, с. 13-14), В. В. Приймака (Приймак, 1987, с. 22), Ю.Ю. Моргунова (р. Олешня) (Обломский, 2002, с. 120), П.А. Гавриша (Гавриш, 1986) А.В. Кашкина (р. Суджа) (Обломский, 2002, с. 116), А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (рр. Легань, Прикол, Стрелка) (Обломский, 2002, с. 118-119).

Девяностые годы отмечены открытием новых памятников разведками С. П. Степановича (рр. Хорол, Сухая Грунь и притоки) (Супруненко, Степанович, 1994, с. 31; Степанович, 1995, с. 90-91), М.Н. Дараган и С.П. Степановича (р. Рашевка) (Обломский, 2002, с. 126, 129), О.Н. Кожевниковой (р. Хорол и притоки) (Кожевникова, 1998, с. 82-83). В первом десятилетии двадцать первого века новые памятники черняховской культуре были открыты здесь разведками А.Б. Супруненко. И.Н. Кулатовой (Кулатова, 2001, с. 121), А.В. Гейко (Рейда,

2001, с. 106-109), Р. М. Рейды (Рейда, 2005, с. 28-29). В самом нижнем течении Псла на его притоке р. Рудьке в связи с новостроечными работами черняховские селища выявлены А.Б. Супруненко, В.В. Шерстюком (Супруненко, Шерстюк, 2006, с. 21-44; Супруненко, Шерстюк, 2007, с. 21-29, 37) (табл. 4. 2).

Раскопки поселений (табл. 4. 3). В 1982 г. Е.Н. Петренко провел небольшие раскопки селища Мамрой 2 (Петренко, 1983; Обломский, 2002, рис. 59). А.И. Журко произвел раскопки нескольких черняховских поселений во второй половине восьмидесятых – начале девяностых годов Великий Бобрик (Журко, 1989, 1990б), Косовщина 1 и 2 (Журко, 1987; 1990б; 1994а, с. 207, 210-211). Краснополье 1 (Журко, 1988; 1989; 1990б; 1994а, с. 212-214), Песчаное (Журко, 1990в; 1994а, с. 214-217).

К этому же времени относятся раскопки В.М. Горюновой поселений Гочево 3 (совместно с О. А. Щегловой), Гочево 4 (совместно с Г.А. Романовой), где, в том числе, были исследованы и черняховские комплексы (Горюнова, 1988, 1989; Обломский, 2002, с. 33-34, рис. 28).

Раскопки поселений в этом районе продолжились и в нашем столетии, что связано с работами вблизи устья Псла. Ю.Ю. Башкатов с 2003 г. начал исследование селища Дмитровка 3 (Башкатов, 2008а, с. 46-48; 2010а, с. 13-16; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 148-149). В рамках охранных исследований А.Б. Супруненко и В.В. Шерстюком были проведены небольшие раскопки на селище Василенки 4 (Супруненко, Шерстюк, 2006, с. 28-29; Супруненко, Шерстюк, 2007, с. 27-28).

Раскопки могильников (табл. 4. 8). В.А. Богусевич в 1958 г. и Е.В. Махно в 1960 г. провели исследования части открытого при строительных работах могильника в пределах г. Сумы (Богусевич, 1960; Махно, 1967). В 1963-1964 гг. В.А. Липкинг осуществил раскопки могильника Замощанская Дюна, где к черняховской культуре можно отнести четыре погребения, два из которых разрушено, а одно является кенотафом (Липкинг, 1979). В течение 1983-1984 гг.

А.Н. Некрасовой был изучен открытый при строительных работах могильник Сумы-Сад (Некрасова, 1985).

Район 5 «Ворскла-Орель» (рис. 4. 7; 4. 8). Во второй половине сороковых годов разведками И. И. Ляпушкина был открыт ряд памятников на Ворскле и Тагамлыке (Ляпушкин, 1950а, с. 30, 36; 1961, с. 171) (табл. 4. 2). В семидесятые годы черняховские поселения на р. Полузорье выявили Е.А. Горюнов, М.М. Казанский (Горюнов, Казанский, 1998, с. 76-78) (табл. 4. 2). Тогда же на Тагамлыке черняховское селище было открыто В.И. Неприной (Неприна, 1976, с. 14), а С.П. Юренко обнаруживает поселения на Тагамлыке и Коломаке (Юренко, 1978) (табл. 4. 2).

Восьмидесятые годы отмечены в районе открытием новых селищ разведками А.Б. Супруненко (р. Полузорье, Коломак) (Супруненко, 1983, с. 23-25, 32-33; 1988, с. 7, 9; 1991, с. 31; Обломский, 2002, с. 126), П.А. Гавриша и А.Б. Супруненко (р. Коломак) (Гавриш, Супруненко, 1988), Е.Н. Бондаренко (р. Свинковка) (Бондаренко, 1988), А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (верхнее течение Ворсклы, Ворсклица, Криничная) (Обломский, 2002, с. 117, 118, 120), А.В. Кропоткина (верхнее течение Ворсклы, Ворсклица, Локня) (Обломский, 2002, с. 117), Г.А. Романовой (р. Боромля) (Романова, 1991, с. 6-9), О.В. Сухобокова (р. Боромля) (Обломский, 2002, с. 119) (табл. 4. 2).

В девяностые годы новые памятники черняховской культуры были открыты А.Б. Супруненко (р. Коломак, Ладыжинка, Тагамлык, Орчик-Орель) (Супруненко, 1990; 1991, с. 26-27, 31, 36; 1992, с. 43-50), А.Л. Щербанем (Щербань, 1998, с. 88), В.А. Мокляком (Мокляк, 1991, с. 73), А.В. Гейко (Гейко, 1999, с. 76; Обломский, 2002, с. 127), И.Н. Кулатовой (р. Полузорье) (Кулатова, 1998, с. 84) (табл. 4. 2). Первое десятилетие нашего столетия отмечено выявлением новых памятников путем разведок А.В. Гейко (р. Кобелячка, Полузорье) (Рейда, 2003, с. 120-122), М.В. Любичева (р. Коломак, Берестовая) (Любичев, 2003в; Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 11) (табл. 4. 2).

Раскопки поселений (табл. 4. 3) В 1948 г. Е.В. Махно провела раскопки поселения Кантемировка (Махно, 1952, с. 233 – 236). В 1975 г. А.Г. Дьяченко

осуществил раскопки на поселениях Войтенки 1 и 2 (Дьяченко, 1976). С 2004 г. исследования селища Войтенки 1 были продолжены под руководством М.В. Любичева (Любичев, 2005а; Любичев, 2006; Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010). В течение 1987-1991 гг. А.Н. Некрасова и Р.В. Терпиловский провели работы на поселении Боромля 2 (Некрасова, 2006, с. 94-99, рис. 18-40). Сооружения выделенных на памятнике периодов «2» и «3» связаны с черняховской культурой (Некрасова, 2006). В 1986 г. А.М. Обломский произвел раскопки селища Вознесенский 1 (Кропоткин, Обломский, 1991, рис. 2: 5). А.В. Кропоткиным были проведены раскопки на селище Головчино (Обломский, 2002, табл. 6; Гавритухин, 2007а, рис. 14: 16-19). А.В. Гейко осуществил небольшие охранные раскопки на поселении Старые Санжары (Решетники) (Гейко, 1999). Раскопки небольшого масштаба были проведены В.В. Скирдой на поселении Лозовая 2 (Скирда, 2000, 2003).

Раскопки могильников (табл. 4. 8) В 1948 г. И.И. Ляпушкин, А.А. Сидоренко провели небольшие работы на могильнике Писаревка (Ляпушкин, 1961, с. 171), которые в 1967 г. продолжили Е.В. Махно и Л.М. Рутковская (Махно, 1968; Махно, Рутковская, 1967). Е.В. Махно в 1948 г. произвела раскопки части могильника Кантемировка (Махно, 1952, с. 236-240). В 1966 г. Е.В. Махно и Л.М. Рутковская продолжили раскопки могильника Новоселовка (Махно, Рутковская, 1967, с. 215-217), начатые еще до войны. В 1973 г. Б. А. Шрамко осуществил раскопки могильника Павлюковка (Шрамко, 1979). В 1987-1991 гг. А.Н. Некрасова и Р.В. Терпиловский провели исследования на открытом в результате хозяйственных работ могильнике Боромля 1 (Некрасова, 2006, с. 87-94, рис. 1-17). С 2005 г. экспедицией во главе с М.В. Любичевым исследуется могильник Войтенки 1 (Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010; Любичев, 2009, 2011д; Шульцце, Любичев, 2010б, 2012).

Район 6 «Северский Донец» (рис. 4. 9). В 1948 г. И.И. Ляпушкиным были открыты два селища на Северском Донце и Удах (Ляпушкин, 1961, с. 167-168). К пятидесятым годам относятся разведки Б.П. Зайцева по Северскому Донцу, Удам, Мже, Нежеголи (Зайцев, 1964) (табл. 4. 2). Во второй половине

пятидесятых годов открытие новых памятников Д.Я. Телегиным, Е.В. Пузаковым, В.К. Михеевым на Северском Донце было связано с обследованием территории для сооружения Печенежского водохранилища (Телегин, Пузаков, Михеев, 1959; Михеев, 1959; Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 136).

В семидесятые годы черняховские памятники были обнаружены А.Г. Дьяченко к востоку от течения Северского Донца – на р. Великий Бурлук (Дьяченко, 1977). Новые черняховские поселения были открыты разведками В.П. Андриенко (р. Рогань) (Андриенко, 1970, с. 12), Ю.В. Буйнова (р. Большая Бабка, Мжа) (Буйнов, 1976, с. 27; Буйнов, 1977, с. 2), Е. Н. Петренко (Мжа) (Петренко, 1978, с. 8-10).

В восьмидесятые – начало девяностых годов разведки, приведшие к открытию новых черняховских памятников в верхнем течении Северского Донца, провели А.М. Обломский (Обломский, 2002, с. 117-118), А.В. Кропоткин (Обломский, 2002, с. 117). Ю.В. Буйнов открыл новые поселения на р. Уды в зоне строительства Рогозянской оросительной системы (Буйнов, 1986). Е.Н. Петренко обследовал поселение на р. Роганка (Петренко, 1981). В. В. Колода обнаружил новые поселения в областях течений рек Большая Бабка, Боровая, Мжа, Бишкин, Роганка (Колода, 1987, с. 37-38, 44-45, 47-48; 1990, с. 6-8, 10, 11-12, 13-14, 14-15). В первое десятилетие нашего века М.В. Любичев, К.В. Мызгин обследовали поселения на р. Мжа (Любичев, 2002б, с. 6; 2003в, с. 4-5; Мызгин, 2008, с. 2, 5-6; Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 10) (табл. 4. 2).

Раскопки поселений. (табл. 4. 3) В 1949 г. Ю.В. Кухаренко, И.П. Костюченко провели раскопки селища Новая Покровка (Кухаренко, 1952, с. 43-46). У А.М. Обломского возникли основательные сомнения по поводу принадлежности наземного сооружения этого памятника к черняховской культуре, однако фрагменты черняховской керамики присутствуют в слое поселения (Обломский, 2002, с. 42-43). В.Г. Бородулин в 1974 г. осуществил незначительные раскопки на селище Родной Край 1 (Бородулин, 1974, с. 4-5; 1975). Во второй половине семидесятых годов в рамках работ в зоне

строительства Муромского водохранилища (р. Муром – Харьков – Уды) были проведены небольшие раскопки на селищах Муром 6 и Муром 7. Во второй половине восьмидесятых работ в верхнем течении Северского Донца А.М. Обломским были осуществлены раскопки селища Головино 1 (Обломский, 2001-2002, с. 27-44, 50-51), а А.В. Кропоткин провел исследование поселения Хохлово 2 (Кропоткин, Обломский, 1991, с. 79-80, 83; Обломский, 2002, рис. 57). М.В. Любичевым на р. Мжа и ее притоках были осуществлены в девяностые годы прошлого века раскопки поселений Колесники (Любичев, 2007, с. 220-221, рис. 13), Тимченки (Любичев, 2007, с. 221, рис. 12), а в начале первого десятилетия этого века – раскопки селища Шлях 2 (Любичев, 2005; 2007б, с. 221-224) и Халимоновка (Любичев, 2005б; 2007б, с. 221-224, рис. 7-11). К. В. Мызгиным проведены раскопки поселений Огульцы (Мызгин, 2011б) и Новоберекское (Западенька, Западня) (Мизгин, 2011а).

Раскопки могильников (табл. 4. 8). Е.Н. Петренко и Ю.В. Буйновым на протяжении 1978-1984 гг. был исследован могильник Родной Край 1 (Петренко, 1991, с. 10-22). В 1984 г. Е.Н. Петренко исследовал одно погребение на почти полностью уничтоженном строительством дамбы могильнике Соколово 2 (Петренко, 1991, с. 23-25). Затем работы здесь в 1996-1997, 2002 гг. проводили В.В. Дидык и М.В. Любичев (Любичев, 1997б, 1998, 2003б). А.М. Обломским в 1988-1989 гг. был исследован могильник Головино 1 (Обломский, 2001-2002, с. 45-49), а М.В. Любичевым в 1998 г. изучена незначительная часть могильника Глубокое, выявленного при строительных работах (Любичев, 2002а).

Благодаря осуществлению этих исследований была создана база археологических источников для их критики на региональном уровне (табл. 4. 2; 4. 3; 4. 8; 4. 9; 4. 10). Появилась возможность определить ареал черняховской культуры в регионе и создать археологические карты (табл. 4. 3). К региональным каталогам/картам памятников черняховской культуры могут быть отнесены работы И.И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1950а, с. 30-31, карта; 1961, с. 159-175, рис. 81), Е.В. Махно, Э.А. Сымоновича и Н.М. Кравченко (Махно, 1960; Сымонович, Кравченко, 1983), М.В. Любичева (Любичев, 2000а,

с. 155-233, рис. 11), А.М. Обломского (Обломский, 2002, с. 115-132, рис. 1). К районным каталогам/картам относятся работы И.И. Луцкевича (Луцкевич, 1948), Э.А. Сымоновича (Сымонович, 1964, 1983), А.Г. Дьяченко (Дьяченко, 1980), Р.Н. Рейды (Рейда, 2003), О.А. Радюша (Радюш, 2008). Работа Б. П. Зайцева относится к каталогам, вводящим в научный оборот новые памятники и дополняющим сведения об уже известных памятниках в части одного района (Зайцев, 1964).

В нашем каталоге в области днепро-донецкой лесостепи учтено 902 памятника черняховской культуры (табл. 4. 1; 4. 2; 4. 3; 4. 8; 4. 9) (рис. 4. 1 – 4. 9). Из них раскопками различного объема изучались 55 поселений (табл. 4. 3), 29 могильников (табл. 4. 8). Случайно было обнаружено 56 отдельных погребений – частей могильников (табл. 4. 9). Исследовано 9 подкурганых погребений (табл. 4. 10). Принадлежность к черняховской культуре некоторых комплексов у нас вызывает сомнение.

Введение материалов в научный оборот. Не все материалы раскопок поселений опубликованы. Лишь в отчетах содержатся сведения об исследованиях селищ Грабаровка 1 и Давыдовка (Любичев, 1999, с. 14-16), Родной Край 1 (Бородулин, 1974). Краткие упоминания о раскопках и отдельные рисунки вещей поселения Головчино содержатся в обобщающих работах (Кропоткин, Обломский, 1991, с. 79, рис. 2: 5; Обломский, 2002, табл. 6). О материалах поселений Липовка 1, Снагость 2, Артюховка, Коровинцы (Базарная площадь), Войтенки 2, Муром 6, Муром 7, Огульцы пока опубликована лишь краткая информация без иллюстраций (Терпиловский, 2008, с. 298-299; Сымонович, Сокол, 1978; Романова, 1989; Махно 1955б, с. 78-79; Дьяченко, 1976; Шрамко, Дьяченко, 1978; Берестнев, Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1979; Мызгин, 2011б) (табл. 4. 3). Краткая информация с некоторыми иллюстрациями без детального описания комплексов и статистических таблиц имеется о селищах Градижск (ур. Круча), Ерковцы, Жовнин (ур. Василенки), Соснова, Белополье, Колосовка, Беседовка (ур. Белопольщина), Василенки 4, Великий Бобрик, Косовщина 1, 2, Краснополье 1, Песчаное, Гочево 3, Гочево 4,

Кантемировка, Лозовая 2, Колесники, Тимченки, Халимоновка (Рутковская, 1979, с. 331, 332-338; Даниленко, Столяр, 1952; Махно, Сикорский, 1989; Некрасова, 1994; Симонович, 1983. с. 76-79; Махно, 1955б, с. 79-82; Супруненко, Шерстюк, 2007; Журко, 1990б, 1990в, 1994а; Обломский, 2002, с. 33-34, рис. 28; Махно, 1952, с. 233-236; Скирда, 2000, 2003; Любичев, 2005б; 2007б, с. 220-221, 221-224, рис. 3-6, 7-11, 12, 13) (табл. 4. 3).

О материалах поселений Максимовка, Новолиповское, Радуцковка имеются лишь краткие сообщения и рисунки находок, касающиеся лишь материалов «славянской линии развития» (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 84-85, 86-87, 89-90, рис. 8: 1-6, 15-18; 9). Были опубликованы краткие сведения с некоторыми иллюстрациями без указания количества комплексов поселения и могильника у Пересечного (Луцкевич, 1948, с. 168, табл. I). В публикации материалов Дмитровка 3 имеется текстовое описание, рисунки керамики, индивидуальных находок, но отсутствуют чертежи сооружений (Башкатов, 2010б). Из материалов раскопок селища Мамрой 2 опубликованы лишь рисунки некоторых материалов без текстового описания (Обломский, 2002, рис. 59). Пока увидели свет только некоторые материалы раскопок на участках «А» и «В» селища Войтенки 1 (Любичев, 2006, 2011а; Шультце, Любичев, 2009а, 2009б, 2010а, 2010б; Ljubičev, 2006; Schultze, Ljubičev, 2007)

Полностью опубликованы материалы поселений Барбара (Башкатов, 2008б), Хлопков 1 (Некрасова, 1988), 10-й Октябрь (Обломский, 2002, с. 37-38, рис. 35-42), Гнидинцы 6, Савенков Яр 1, Воскресенское 1, Дубина 1 (Жаров, Терпиловский, 2010, с. 166-167, 167-169, 169-170, 174), Пены (Радюш, 2010); Боромля 2 (Некрасова, 2006, с. 94-99, рис. 18-40), Старые Санжары (Решетники) (Гейко, 1999), Головино 1 (Обломский, 2001-2002, с. 27-44, 50-51), Новоберекское (Мизгін, 2011а).

Пока изданы краткие текстовые описания результатов раскопок могильников Градижск (ур. Круча), Кагамлык (здесь имеются рисунки вещей, найденных на поверхности) (Рутковская, 1979, с. 338, 341-342), Волчек

(Кропоткин, 1969), Писаревка (имеются рисунки сосудов без указания погребений) (Ляпушкин, 1950; Ляпушкин, 1961, с. 171), краткие отрывочные сведения о могильнике Новоселовка (Махно, 1960, с. 41; Махно, Рутковская, 1967, с. 215-217; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 68) (табл. 4. 8).

Выполнено общее описание некоторых погребений с отдельными рисунками вещей из могильника Соснова (Махно, Сикорский, 1989) Имеется текстовое описание комплексов погребений с изображениями некоторых вещей без чертежей всех погребений могильников Переяслав-Хмельницкий, Лохвица, Глубокое (Гончаров, Махно, 1957; Березовец, Петров, 1960; Любичев, 2001).

Л.М. Рутковская, О.В. Петраускас и Л.А. Цыңдровская опубликовали все сохранившиеся комплексы погребений и вещи из разрушенных, не поддающихся восстановлению комплексов могильников у Жовнина (ур. Биленковы Бурты, ур. Носенки, ур. Пристань) (Рутковская, 1979, с. 317-328; Петраускас, Цыңдровская, 2002). А.Н. Некрасова, обработав архивные и фондовые материалы раскопок Е.В. Махно, опубликовала все доступные материалы из могильников Компанийцы и Успенка, исследованных Е.В. Махно (Некрасова, 2006, с. 99-117, рис. 41-83).

Самими авторами раскопок выполнены полные публикации могильников Замощанская Дюна (Липкинг, 1979), Сумы (Богусевич, 1960; Махно, 1967), Сумы-Сад (Некрасова, 1985; Schultze, 2009; Магомедов, 2001, рис. 44: 4; 56: 2), Боромля 1 (Некрасова, 2006, с. 87-94, рис. 1-17), Павлюковка (Шрамко, 1979), Головино 1 (Обломский, 2001-2002, с. 45-49), Родной Край 1 (Петренко, 1991, с. 10-22), Воскресенское 1, Дубина 1 (Жаров, Терпиловський, 2011, с. 170-173, 174-178), погребений из могильников Пены (Радюш, 2010, с. 206-207; 2011) и Соколово 2 (Петренко, 1991, с. 23-25) (табл. 4. 8).

Опубликованы отдельные сосуды, вещи из разрушенных/случайно обнаруженных погребений Билецковки (Кракало, Левченко, 1994), Жовнина (Кракало, 2004), Виненцов (Сікорський, Савчук, 1971, с. 143, рис. 3), Волошиновки (Костенко, 1978, с. 110), Гречаников (Щербаківський, 2005), Денисов (Сікорський, Савчук, 1971, с. 142, рис. 2), Максимовки (гора Пивиха)

(Кракало, 2003), Переяслав-Хмельницького (Махно, Сікорський, 1976), Пронозовки (Кракало, Порубай, 1988; Кракало, 2011), Святиловки (Сапегін, Шульга, 2001, с. 114), Цыблей (Сікорський, Савчук, 1971, рис. 3), Шушваловки (Кракало, Порубай, 1988; Черняков, 1988; Кракало, Левченко, 1994), острова Шушваловського (Кракало, 2011, с. 147-148), Беребинцев (Гейко, Рейда, Милашевський, 2011), Воронинцев (Мокляк, 1998), Дубяг (Горюнов, Усова, 1974), Яресек (Луговий, Рейда, 2004), Водяного (Рейда, Луговий, 2003), Климовки (Супруненко, 1990, рис. 30: 3), Ливенського (Рейда, 2003, рис. 1: 8), Яременок (Орлика) (Левченко, 1988; Обломський, 2002, рис. 93: 11-15), Соколово 1 (Петренко, 1991, с. 22-23, рис. 12) (табл. 4. 9).

Только упоминание сохранилось о подкурганном погребении с черняховскими вещами у Иржево (Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66) (табл. 4. 10). Осуществлены полные публикации подкурганых погребений с черняховскими вещами из Кантемировка (Рудинський, 1930, Гороховский, 1988в, Обломський, 2002, рис. 91, 92) и Сторожевого (Коваленко, Луговий, 2008, 2009). Имеется описание и изображения вещей из погребения у Воронцовки (Мельник, 1905), описание вещей из Мечебелово (Городцов, 1905) (табл. 4. 10).

Поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2. Эти селища были открыты разведками и исследованы раскопками в течении 60-х – 70-х годов прошлого века (табл. 4. 6). Ю.А. Липкингом обнаружены селища Воробьевка 2, Комаровка 2, Э.А. Сымоновичем и О.Н. Мельниковской – поселения Каменево 2 и Тазово. Е.А. Горюновым было открыто и исследовано селище Песчаное Белгородской области (1978-1979 гг.) (одноименный памятник предчерняховского горизонта и черняховской культуры находится в Сумской области) (Горюнов, 1981б; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 85-86). Э.А. Сымоновичем были проведены раскопки на поселениях Воробьевка 2 (1970 г.) (Сымонович, 1974а, 1974б), Комаровка 2 (1972 г.) (Мельниковська, Симонович, 1975; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 97, рис. 77-82), Каменево 2 (1978 г.) (Сымонович, 2001-2002; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 99-100, рис. 90-96), Тазово (1979 г.) (Сымонович, 1986; Памятники

киевской культуры..., 2007, с. 96, рис. 73-76) (табл. 4. 12). На поселениях открыты глинобитные очаги (Воробьевка 2, Каменево 2, Тазово), углубленные постройки и ямы (Каменево 2, Комаровка 2, Комаровка 2, Песчаное, Тазово), в слое обнаружены в том числе фрагменты керамики, индивидуальные находки (табл. 4. 6).

В отличие от черняховских селищ региона, материалы поселений этой группы фактически полностью опубликованы (табл. 4. 6). В этой группе пока не известны могильники и потому она может характеризоваться достаточно ограниченно – лишь по материалам поселений, что затрудняет их сравнение с черняховской культурой. Такое сравнение будет более корректным при анализе археологических групп с одним известным археологическим источником – поселениями (киевская культура, предчерняховский горизонт). Эта группа была выделена при анализе материалов именно поселений: особенностей их керамического комплекса и хронологии по датирующим находкам в условно-закрытых комплексах и слое (Обломский, 1991, с. 95, 99-100). По материалам разведок памятники этой группы выделить фактически невозможно в силу подобия отдельных фрагментов керамики с поверхности селищ керамике предчерняховского горизонта в днепро-донецкой лесостепи или киевской культуре Подесенья. Вопрос о принадлежности вновь раскопанного поселения к этой группе может быть решен лишь при установлении подобия керамического комплекса и наличия датирующих находок того же периода.

1.2.2. Письменные источники

В качестве письменных источников для нашей работы взяты отрывки из сочинений некоторых античных писателей. По времени их создания и времени отображенных событий они разделены нами на две группы, совмещенные с археологическими периодами развития Барбарикума.

К первой группе (позднее предримское время и раннеримское время) относятся сочинения Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея, Корнелия Тацита. Ни в одном из трудов этих писателей не содержится информации о племенах, проживавших непосредственно на территории лесостепи между Днестром и Северским Донцом либо о политических событиях на этой территории. Но там имеются сведения подобного плана, касающихся сопредельных территорий – Нижнего Подунавья, Повисленья, степной и лесной полос Восточной Европы. Части упомянутых там этнических групп могли пребывать на рассматриваемой в нашей работе территории (некоторые сарматские племена, венеты).

Информация Страбона (66 г. до н.э. – 24 г. н.э.) (Lübker, 1874, S. 965), создавшего свою «Географию» около 7 г. н.э. (Стратановский, 2004, с. 8) и дополнявшего ее до 18 г. (Мачинский, 1974, с. 122), относится к рубежу II – I вв. до н.э. (Щукин, 1999, с. 77). Им упомянуты, в том числе некоторые племена степной зоны Восточной Европы (Страбон, 2004, с. 177, 184). Сведения Плиния Старшего (23/24-79 гг.) в его «Естественной истории» („Naturalis historia”) взяты из какого-то латинского источника середины I в. н.э. (Скржинская, 1977, с. 12, 17, 21, 44).

Клавдий Птолемей (после 83 – после 161 гг.) (Словарь античности, 1989, с. 470) предоставляет краткую информацию о племенах лесной и степной полос Восточной Европы (Птолемей, 1948). Наиболее полная информация о венетах, в контексте иных племен Восточной Европы, содержится в разделе 46 сочинения Корнелия Тацита «Германия» («О происхождении германцев и местоположении германцев») (Тацит, 1937, с. 81; 2001, с. 778), созданного в 98 г. (Тронский, 2001, с. 767-768, 776).

Ко второй группе (позднеримское время, эпоха Великого переселения народов) относятся сочинения Иордана, Прокопия из Кессарии, Маркиана из Гераклеи Понтийской, Аммиана Марцеллина.

Иордан (около 500-560 гг.) посвятил свое сочинение «Гетика» (*De origine ac tribu Getarum*), завершено около 550-551 гг., истории готов на протяжении I – V вв. (Скржинская, 2001, с. 9).

Аммиан Марцеллин (около 330-400 гг.), создал свою «Римскую историю» („*Res gestae*“) около 390 г. (Лукомский, 2005, с. 589). Его сведения о войне гуннов с готами несколько отличаются от данных Иордана и дополняют их. Труд Маркиана из Гераклеи Понтийской «Объезд внешнего моря» был создан около 400 г.

Прокопий из Кесарии (около 490-560 гг.) в своем труде «Война с готами» представляет нам в том числе и этногеографический очерк юга Восточной Европы после прихода гуннов, но в нем фигурируют этносы, упоминаемые Иорданом в событиях конца IV в. (Прокопий из Кесари, 1950).

В сочинениях древних писателей, отнесенных нами ко второй группе, уже содержится информация об этнических группах, находившихся и непосредственно на территории днепро-донецкой лесостепи, а также описание политических событий, касавшихся этого региона.

1.3. Методология и методы исследования.

Итогом нашей работы является этнокультурная история области днепро-донецкой лесостепи на протяжении нескольких археологических периодов и исторических эпох, созданная на основании синтеза археологических и письменных источников. Сами по себе ни археологические, ни письменные источники не являются еще историческими источниками, но превращение их в таковые предусматривает использование определенных методов исследования.

Археологические и письменные источники, несмотря на то, что они отражают прошлое, являются различными группами источников. Археологические источники – остатки материальной культуры выглядят статичными, но, в то же время, сами они являются продуктами именно исторического развития и целью археологических исследований во многом

является поиск способов и методов прослеживания динамики развития материальной культуры (Eggert, 2008, S. 100-102), «наложение» этой динамики на динамику этнических, политических событий, известную из письменных источников.

Основой критики археологических источников является так называемая «трехступенчатая модель культуры» (Eggers, 1951, S. 24; Eggers, 2006, S. 258-262; Eggert, 2008, S. 113-114), заключающаяся в том, что культура проходит в своем развитии три стадии: 1) живая культура, существовавшая в древности, в том числе у упомянутых в письменных источниках этносов; 2) мертвая культура, являющаяся отражением распространения вещей в древности; 3) вновь открытая культура, объединяющая элементы материальной культуры, обнаруженной археологами. Третья ступень носит также название «культура зарегистрированная», как отражение реальной картины распространения древних вещей сегодня (Bursche, 1996, p. 36-37; Dymowski, 2011, S. 25; Kolendo, 1998, S. 13; Wielowiejski, 1998, S. 193). В любом случае и «вновь открытая культура» и «культура зарегистрированная» являются отражением лишь уровня исследованности. Существующая сейчас картина распространения находок не является абсолютным отражением их действительного распространения в древности. Именно на третьей ступени мы видим выборку археологических источников, которые никогда во всей полноте не смогут отразить культуру упоминаемых в письменных источниках этнических групп (когда-то существовавшую живую культуру) по трем главным причинам: 1) элементы материальной культуры состоят из утрачиваемых и неутрачиваемых материалов; 2) в нашем распоряжении имеется только часть археологических источников по любой культурной группе, часть источников не открыта, уничтожена, либо недоступна для исследования, формирование картины распространения находок зависит от многих факторов (антропогенная активность, природные факторы); 3) развивается методика исследований и обработанные ранее археологические источники по несовершенной методике являются утраченными.

Следовательно, при такой специфике археологических источников археологи имеют достаточно узкие границы для реконструкции живой культуры.

Археологические источники, объединенные в культурные группы, на всех рассматриваемых нами хронологических периодах подвергнуты анализу, который охватывает всю их общность в определенном времени и в определенном пространстве (Eggert, 2008, S. 112). Центральным вопросом этого анализа является выяснение адекватности картины находок доисторической действительности (Eggert, 2008, S. 112-117). С этой целью приведена история полевых исследований и обзор археологических источников. Главное внимание уделено следующим моментам: 1) выяснение объема добытых источников и способов их добычи (случайные находки, грабительские, охранные и плановые раскопки и т. д.); 2) выяснение состояния обработанности источников (описание или описание с интерпретацией); 3) определение состояния введения в научный оборот.

Само понятие «этнокультурная история» состоит из двух составляющих: «этническая история» и «культурная история». Названия этносов, князей, вождей, городов, рек и сведения о политических событиях (а также культурах) могут быть почерпнуты только из письменных источников. Под культурной историей подразумеваются взаимоотношения археологических культурных групп (горизонтов, культур): их появление, исчезновение, контакты. По смене культурных групп может быть прослежено культурное развитие/культурная история региона. Само взаимодействие культурных групп может иметь несколько разновидностей: а) полная смена одной культурной группы другой; б) интеграция, проявляющаяся в наличии в сменившейся культурной группы черт предыдущей; в) отсутствие каких-либо контактов. Эти разновидности взаимодействия могут быть прослежены по изменениям во всех элементах культурной группы: ландшафты, планиграфия, тип сооружения, керамический комплекс, набор индивидуальных находок (детали костюма, украшения), соотношение гончарной и лепной керамики, импорта.

Типологическая и хронологическая характеристика, выделение культурных групп выполнены на основе, прежде всего, учета закрытых и условно-закрытых комплексов могильников и поселений с последующим привлечением массового материала (находки в слое и на поверхности памятников).

Создание же этнокультурной истории невозможно без синтеза этнической и культурной истории. Центральной проблемой здесь выступает вопрос о тождественности археологической группы и этноса. Постулат Г. Коссинны конца XIX-XX вв. о соответствии во все времена «культурных провинций» определенным народам и племенам (Kossinna, 1911, S. 3; 1926, S. 21) подвергнут наиболее развернутой критике в работе Г. Эггерса (Eggers, 2006, S. 199-297). Ошибка «метода Коссинны» заключается, прежде всего, в постановке вопроса: весь археологический материал он рассматривал исключительно через призму этнического значения. Но он имеет историческое значение, а его этническое значение может быть одним из возможных наряду с государственным, военным, торговым, религиозным (Eggers, 2006, S. 275). Не существует закона соответствия археологических реалий и данных письменных источников, здесь наблюдается варибельность: они могут соответствовать, а могут и не соответствовать. Построение этнокультурной истории должно включать в себя три основные стадии: археологический тезис (анализ археологических источников) – литературный антитезис (учет данных письменных источников) – исторический синтез (их сравнение и выводы) (Eggers, 2006, S. 275).

При анализе археологического материала ведущим методом выступает типологический. На его применении построены все системы классификаций сооружений, керамики, деталей костюма и украшений. С ним теснейшим образом связан типологический метод со стратиграфией. Вертикальная стратиграфия использована для прослеживания взаимоположения объектов и слоев на памятниках, что тесным образом связано с построением относительной хронологии. С этим же тесно связано использование

горизонтальной стратиграфии, что касается в нашей работе в первую очередь черняховских могильников.

В работе широко применяется статистический метод. На сочетании типологии и статистики составлены таблицы различных типов археологических памятников и уровня их изученности, классификации сооружений на поселениях, типологии погребального обряда, выделения системы хроноиндикаторов для применения формализованного сериационного метода при построении относительной хронологии отдельных черняховских могильников – групп могильников. Непосредственно методика хронологических построений изложена в главе 5, посвященной хронологии памятников.

Применение картографического метода является необходимым для определения пространственного распространения археологических источников и интерпретации их картографирования (Eggers, 1939). Этот метод использован нами при создании карт культурной ситуации в регионе на разных этапах развития в промежутке середины I – середины V вв, карт распространения отдельных типов вещей, сооружений, элементов различных культурных традиций. Благодаря этому возможны: выделение ареалов культурных групп и уточнение их границ, пространственное совмещение культурных групп и этносов письменных источников, выяснение территориального взаимопроникновения элементов различных культурных групп.

РАЗДЕЛ 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СЕРЕДИНЫ I – СЕРЕДИНЫ III вв.

2.1. Культурная ситуация в регионе накануне распада зарубинецкой культуры и начала формирования постзарубинецкого горизонта.

Известные на сегодня археологические памятники в днепро-донецкой лесостепи в позднелатенское время, накануне распада зарубинецкой культуры и появления постзарубинецкого горизонта представлены несколькими группами: 1) зарубинецкая культура; 2) тип Харьевка; 3) позднескифские; 4) сарматские (рис. 2. 1; 2. 2).

Памятники зарубинецкой культуры существовали в Среднем Поднепровье до середины (Каспарова, 1986, с. 11) или середины – третьей четверти I в. н.э. (Обломский, 1987; Пачкова, 2006, с. 129). Считается, что на рубеже эр и в первой половине I в. н.э. территория культуры расширяется в основном на правом берегу Днепра, в меньшей степени носители культуры продвинулись на его левый берег (Максимов, 1993, с. 31-35; Максимов, 1982, с. 28). На левом берегу Днепра расположен могильник Вишенки. Из незначительных раскопок В. В. Хвойки этого памятника происходят 6 сосудов (миска, три горшка, четырехручная ваза, кружка) (Петров, 1959, с. 54; Махно, Самойловский, 1959, с. 20; Максимов, 1972, с. 37-38), а также фибулы среднелатенской схемы, булавки, проволочные браслеты (Петров, 1959, с. 54-55). При систематических раскопках могильника Вишенки было исследовано 62 погребения зарубинецкой культуры: 25 ямных, 11 урновых, 17 ямно-урновых, 9 кенотафов (Пачкова, 2008, с. 6, 79-80). Позднюю («3 в») фазу могильника составляет группа из 10 погребений (№ 1, 2, 9, 15, 21, 24, 25, 56, 59, 62) с определенными мисками и горшками без датирующих вещей. В погребении 62 находились мелкие фрагменты железной фибулы. Подобная керамика в погребении № 4 могильника Рахны была обнаружена совместно с

фрагментами глазчатых фибул Альмгрен 53, Альмгрен 60/61 и с причерноморской раннеримской фибулой с пластинчатой спинкой и слабонамеченной кнопкой на ножке, фрагментом щитка фибулы 3Г – V (Пачкова, 2008, с. 86). Этот комплекс датируется ступенями В2 (Пачкова, 2008, с. 86) или же В1 раннеримского времени (Щукин, 1994, с. 233 – 234).

Четырехручная ваза, булавки с боковой петлей и рожкообразными концами из Вишенок имеют аналогии на пшеворских памятниках в Повисленье (Петров, 1959, с. 54-55), что может отражать присутствие пшеворских элементов в среднеднепровской группе зарубинецкой культуры (Максимов, 2000, с. 58, 60).

Из поселения на песчаной террасе возле Кийлова (Койлова) в урочище Куты, которое отнесено к рубежу эр – II в., собраны фрагменты зарубинецкой керамики и античных амфор, найдены металлические предметы (бронзовые гвоздевидные и посоховидные булавки, ручка железной бритвы) (Максимов, 1972, с. 41, 126; Максимов, 1982, табл. 11: 1-6). Отсюда происходят миска и две кружки, что является свидетельством наличия здесь и могильника (Махно, Самойловский, 1959, с. 20). В урочище «Под соснами» найдено «трупосожжение 2» в виде ямы с несколькими кальцинированными костями и фибулой среднелатенской схемы (Самойловский, 1952, с. 80-81).

Из района Леплявы (р. Супой) поступили несколько фибул (1 - раннелатенской, 6 – среднелатенской, 1 – позднелатенской схемы) (Махно, Самойловский, 1959, с. 20-21), что также косвенно свидетельствует о присутствии здесь памятников зарубинецкой культуры. Возможно также, что отдельные ее памятники находились достаточно далеко на восток от основной территории культуры в Среднем Поднепровье. Об этом свидетельствуют находки лощеной зарубинецкой керамики в «урочище Белопольских» возле Беседовки и двух лепных лощеных сосудов (в том числе кружки) возле Гурбинцов (Махно, Самойловский, 1959, с. 21).

На левом берегу Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого зарубинецкие поселения выявлены в урочищах Горелое, Лагери, Городок,

Церковь, Сосновый Бор, Озеро. Помимо этого находки зарубинецкой керамики сделаны в урочище Пески, урочище Гать, в урочище Пидпоринцы (возле с. Цыбли), на многослойных поселениях Городок 3, Затока и Хутор Комаровский (Роздобудько, 2000).

В верхнем горизонте культурного слоя Басовского городища выявлены материалы III-II вв. до н.э.: остатки зарубинецких лощеных мисок в сопровождении лепных горшков с пальцевыми вдавлениями по краю венчика и сквозными проколами, амфорная ручка с клеймом III-II вв. до н.э., венчик фасосской амфоры, ствол ручки косской амфоры III-II вв. до н.э., бронзовая фибула среднелатенской схемы, бронзовый браслет с высокими рельефными рубцами, железный наконечник копья с ромбовидным пером (Ильинская, 1961, с. 59-63).

За последние пятнадцать лет зарубинецкие поселения и отдельные вещи выявлены на Суле, на левом берегу Днепра от впадения Сулы до устья Ворсклы (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 18) (рис. 2. 2). Поселение с остатками жилища – мастерской бронзолитейщика открыто на городище в урочище Колядиха возле села Глинск в верхнем течении Сулы (Гейко, 2000а, с. 152-153). Лепной горшок с лощеной поверхностью и подковообразными налестками обнаружен возле Жовнина (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 27). Возле Мацковцов найдены обломки чернолощеной типично зарубинецкой чернолощеной кружки. Железный серп, биконическое пряслице обнаружены возле села Лукомье (урочище Княжее). Из окрестностей Поставамок (р. Удай) происходит бронзовая фибула типа *Avcissa* (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 28), которая относится к группе 5, подгруппе 1 по А.К. Амброзу и датируется первой половиной I в. н.э. (Амброс, 1966, с. 26-27). В это время в Среднем Поднепровье еще существовали зарубинецкие памятники, но достаточно редкие в лесостепи Восточной Европы фибулы такого типа не являются для них характерными.

Обломки зарубинецкой керамики выявлены в урочище Геевка 1 возле Григоро-Бригадировки, Солошина. На Шушваловском острове (ранее – устье

Сулы, сейчас – Кременчугское водохранилище) найдены бронзовая фибула с треугольной спинкой, серебряное височное кольцо с заходящими друг за друга концами проволоки, обломок фибулы, бронзовая иголка, трехгранный наконечник стрелы, прясла. Возле села Пивиха в районе Градижска обнаружена бронзовая шпилька с двумя иглами. Подобные изделия были распространены в среде носителей культуры, к примеру, они найдены на поселении Пилипенкова Гора (Максимов, 1982, табл. 7: 10).

Эти новые пункты находок значительно расширяют традиционный ареал зарубинецкой культуры (Максимов, 1982, табл. 1) к востоку от среднего течения Днепра в сторону Сулы (рис. 2. 2).

В позднелатенское время в среднем течении Сейма, на границе лесостепи и лесной зоны существовали памятники типа Харьевка (поселения Пересыпки 1, 2; Чаплищи 3, Красное 4, Литвиновичи 3, Марьяновка, Харьевка, Глухов) (Березовец, 1955; Обломский, Терпиловский, 1994, с. 158-162; Обломский, 2002, с. 152, рис. 14). (рис. 2. 2). В керамическом комплексе этих памятников по происхождению выделено несколько групп сосудов, а именно: 1) имеющих аналогии в среднеднепровском варианте зарубинецкой культуры; 2) общезарубинецкого распространения; 3) ясторфского происхождения (Обломский, 2000, с. 152-153). Специфика керамического комплекса отражает своеобразие этих памятников как результат сосуществования и комбинации элементов среднеднепровских зарубинецких, местных позднескифских, центральноевропейских (пшеворских, поенешти-лукашевских, ясторфских) (Обломский, 2000, с. 153; Обломский, Терпиловский, 1994в, с. 49). Памятники этой группы Харьевки не только не эквивалентны непосредственно зарубинецкой культуре (Максимов, 2000, с. 55), но даже и сами они отличаются своеобразием по отношению друг к другу. Наблюдаются разные типы сосуществования среднеднепровского и ясторфского элементов в Красном 4 и в Литвиновичах 3 (Обломский, 2000, с. 153). На селище Красное 4 отмечена наибольшая степень концентрации западных элементов (Обломский, Терпиловский, 1994в, с. 49).

С этих поселений происходит незначительное количество датирующих находок. Кольца с шишечками могут быть датированы в пределах среднего и позднего Латена (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 162). В Красном 4 найдено 112 фрагментов амфор, относящихся к группе косских III – II вв. до н.э., а также два фрагмента стенок родосских амфор. Из Пересыпок 1 происходит фрагмент синопской амфоры (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 162, рис. 9: 1-7). Из Литвиновичей 3 происходит железная фибула с рамчатой ножкой, что свидетельствует о существовании этой группы памятников до 3 фазы предримского времени (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 163, рис. 9: 9), а само поселение вероятно существовало и первые десятилетия I в. н.э. (Обломский, 2000, с. 153). Памятники типа Харьевка датируются промежутком от рубежа III – II вв. до н.э. до начала н.э. (Обломский, Терпиловский, 1994в, с. 48; Терпиловский, Билинская, 2010, с. 53).

Считается, что носители этих памятников оставили семь экземпляров шарнирных коронообразных шейных гривн ясторфского происхождения в Подесенье к востоку от современного Чернигова (Гребля, Лески), а также урновое погребение возле Пересыпок (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 162; Обломский, Терпиловский, 1994в, с. 49; Максимов, 2000, с. 55).

Несмотря на своеобразие к этой группе культурно хронологически и территориально примыкает могильник из Мутина – 15 погребений профессиональных воинов с оружием (рис. 2. 2). В качестве урн были использованы металлические (10 погребений) либо керамические (3 погребения) сосуды, железные шлемы (2 погребения) (Terpilovskij, Zharov, 2012). Погребения датируются в рамках ступени А3 позднего предримского времени и совершены в диапазоне сер. I в. до н.э. – нач. I в. н.э., тяготея к рубежу эр. Керамика Мутина близка к керамике Харьевки, сами погребения находят параллели в памятниках ясторфской и пшеворской культур (Терпиловский, Билинская, 2010; Terpilovskij, Zharov, 2012). Следовательно, памятники типа Харьевка, коронообразные гривны и могильник около Мутина

являются отражением импульса, связанного с северо-западным кругом древностей.

Обычно конец скифского господства в степи Северного Причерноморья относят к концу IV в. до н.э., где-то за столетие до формирования зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье (Мачинский, 1971, с. 31-32; Щукин, 1994, с. 85). Специальные исследования относительно верхней даты памятников скифского времени в днепро-донецкой лесостепи не проводились. Но, к примеру, прекращение жизни на Бельском городище, относят к концу IV – началу III вв. до н.э. (Шрамко, 1973, с. 93). По данным на начало восьмидесятых годов прошедшего столетия в днепро-донецком междуречье было известно 365 поселений скифского времени, среди них – 99 городищ (Моруженко, 1985, с. 160). Исходя из этих хронологических определений, создается впечатление что сарматское нашествие положило конец оседлой жизни на этой территории на огромном промежутке времени от III в. до н.э. – до середины/последней четверти I в. н.э., что кажется невероятным. По видимому, речь идет о недостаточной степени изученности.

За последние пятнадцать лет памятники так называемой «позднескифской эпохи III – I вв. до н.э.» открыты по течению Сулы выше впадения Оржицы, на левом берегу Днепра от устья Ворсклы до Кременчугского водохранилища, на Ворскле от ее устья до верхнего течения, на Коломаке и на Орели (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 1) (рис. 2. 1). Лепная керамика этого времени найдена возле Мацковцов, два поселения известны возле Вязивка, по одному – возле Мгара и Сенчи (Сампсониев остров). Культурные остатки известны на Клепачевском городище, возле с. Повстин. Все эти памятники находятся в бассейне Сулы (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 1, с. 5-7). Подобная лепная керамика происходит из урочищ Городище (Супруненко, 2002, с. 253) и Рубежное возле Котельвы, из урочища Ферма возле Глинского, хутора Марки, Крутого Берега, Ключинцов, Головача (урочище Пинчуковы Горбы), из Малой Перещепины, Украинки. Эти

памятники расположены по течению Ворсклы (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис. 1, с. 14) (рис. 2. 1).

На левом берегу Днепра селища этого времени открыты возле Григоро-Бригадировки в урочище Геевка 2 и возле хуторов Геевка 1, Овчаренки 1. В окрестностях Кременчуга расположены поселения возле Самусеевки (Супруненко, Кулатова, Терпиловський, 2005, с. 15). Возле Кагамлыка найдена позднескифская лепная курильница днепровского варианта III-II вв. до н.э. В окрестностях Правобережных Кишенек (урочище Остров) найден лепной горшок биконической формы – остатки погребения (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 15-18). К III-II вв. до н.э. относятся отдельные погребения в курганах, а именно: а) возле Стенки (р. Коломак), где найден фрагмент косской амфоры II в. до н.э.; б) возле Карповки (р. Орчик); в) возле Кириленков (р. Псел), где выявлены фрагменты амфоры III в. до н.э. с «двухствольной» ручкой (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 19) (рис. 2. 1).

О наличии населения в регионе в этот период свидетельствуют также находки фрагментов амфор с «двухствольными» ручками возле Глинска (урочище Колядиha), Олефирщины, Макуховки (урочище Белая Гора), Зинцов (р. Ворскла), Ливенского (хутор Кумина Балка) (р. Орель) (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 20).

На Ратском городище (рр. Рать – Сейм) найдена керамика, которая близка керамике городищ и могильников сарматского времени на Верхнем Дону и в бассейне р. Воронеж, где на Третьем Чертовицком, Пекшевском, Подгоренском, Паженском городищах обнаружены подобные типы горшков (Енуков, Медведев, 2001-2002, рис. 1, 2; Медведев, 2008, с. 80, рис. 67) (рис. 2. 1). В свою очередь горшки из Ратского городища являются близкими к некоторым типам горшков зарубинецкой культуры из поселений Пилипенкова Гора, Бабина Гора, имеющим типологическое и технологическое подобие с посудой местного населения V-III вв. до н.э. (Максимов, 1982, с. 54, табл. 7: 2; 19: 11).

Индивидуальные находки с Ратского городища представлены двумя фигурными бусинами: в виде скарабея типа Алексеева 50б и льва на подставке типа Алексеева 68б (Алексеева, 1975, с. 42, 44-45), бронзовой раннеримской шарнирной фибулой, близкой к типу *Avcissa*. От известных экземпляров этого типа фибул ее отличает наличие по краям спинки боковых выступов: по три с каждой стороны. Аналогии подобным изделиям происходят из колонии Аугуста Раурика в римской провинции Норик (Медведев, 2008, с. 80-81). Фибула могла попасть на памятник не ранее второй половины I в. н.э., что согласуется с датировкой бус, которые наиболее часто встречаются в среднесарматских комплексах второй половины I в. В сарматских могильниках лесостепного Подонья такие бусы ни разу не найдены в погребальных комплексах II в. (Медведев, 2008, с. 81). По фибуле исследователи также датируют это поселение на Ратском городище I в. до н.э. – I в. н.э. (Обломский, 2002, с. 14; Обломский, 2003, с. 95).

На Битицком городище найдены фрагменты светло- и красноглиняных амфор с «двухствольными» ручками, выявлена фибула со сплошным приемником (Енуков, Медведев, 2001-2002, с. 256). На городище найдено орнаментированное зеркало бактрийского типа с валиком по краю диска, коническим выступом в центре и ручкой-штырем (Смирнов, 1971, с. 195). Оттуда происходит керамика, весьма близкая к Ратскому городищу (Медведев, 2008, с. 81). Позднескифское поселение на Битицком городище следует относить к I в. до н.э. – I в. н.э. (Енуков, Медведев, 2001-2002, с. 256; Обломский, 2002, с. 14; Обломский, 2003, с. 94).

Пока невозможно определенно ответить на вопрос о принадлежности поселения на Басовском городище к зарубинецкой культуре или к позднескифскому кругу памятников (Обломский, 2003, с. 97). Возможно появление позднескифского населения в лесостепи следует объяснять переселением небольших общин нижнеднепровского населения. Но этими обстоятельствами нельзя аргументировать появление позднескифских материалов на Битицком и Ратском городищах, ибо там отсутствует керамика

гето-дакийского облика, подставки очагов с головами баранов, зарубинецкая лощеная посуда (Обломский, 2003, с. 96). Возможно «поздние скифы» в западной части днепро-донецкой лесостепи появились вследствие миграции части населения Подонья на запад или же они были наследниками местного населения, которые пережили «темные века» (III-I вв. до н.э.) (Обломский, 2003, с. 96). Но, тем не менее, приведенные выше материалы свидетельствуют, что накануне появления памятников постзарубинецкого горизонта к востоку от Днепра в лесостепи до верхних течений Сулы, Ворсклы и на Сейме проживало население и эта территория не являлась «пустыней». Подобная картина благодаря целенаправленным поискам и исследованиям памятников рубежа эр со временем может открыться и восточнее – в области днепро-донецкого водораздела. Памятники этого приода могли предшествовать распространению здесь постзарубинецких памятников, но гипотетически сейчас возможно допускать и их черезполосное сосуществование, при отнесении нижней границы памятников типа Картамышево 2 – Терновки 2 к середине – второй половине I в. (Медведев, 2008, с. 81).

Учитывая свидетельства о пребывании сарматов к западу от Дона в декрете в честь Диофанта и «Географии» Страбона возможно сделать вывод, что ранее II в. до н.э. упоминания о сарматах как обитателях степи Северного Причерноморья у античных авторов отсутствуют (Симоненко, 1994, с. 34).

На прилегающей к левому берегу Днепра Приднепровской низменности известны сарматские погребения и находки отдельных вещей II в до н.э. Возле Хорола в урочище Заярье (р. Хорол – Псел) в погребении находились железный кинжал с серповидным навершием и сосудом с шарообразным туловом (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 144-145). Возле Ключовки в урочище Маджары найден лепной орнаментированный сосуд с шарообразным туловом, а возле Кагамлыка – лепная курильница (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 149 – 150).

К I в. до н.э. – I в. н.э. относится основная масса сарматских погребений в степной полосе, которая прилегает к днепро-донецкой лесостепи. Они происходят из Бунаковки, Селимовки, Славянска, хутора Черевкова, Ступков,

Переездной, Сватовой Лучки, Нижней Дуванки (бассейн Северского Донца), Суженого, Афанасьевки, Климовки (р. Орель) (Щукин, 1994, рис. 57) (рис. 2. 1). Во впускном погребении кургана «Острая могила» возле Верхней Мануйловки (р. Псел) костяк ориентирован в северном направлении, возле него находился кувшин, развал лепного сосуда, бронзовая серьга, бронзовая подвязная фибула «неапольского варианта». Недалеко от этого памятника найдена лепная конусовидная курильница (Кулатова, 1990, с. 144). В урочище Сад возле с. Клепачи (р. Сула) найден железный сарматский меч, который датирован I в. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 145-147). Из окрестностей Новых Санжар (урочище Фонтан) происходит железная фибула позднелатенской схемы и втульчатый железный трехлопастный наконечник стрелы середины – конца I в. до н.э. (Кулатова, Супруненко 1999, с. 148). Возле Шушваловки найден обломок бронзового дисковидного зеркала с утолщенным краем сферическим выступом в центре (Кулатова, 1990, с. 147).

В выделении этапов сарматской культуры Северного Причерноморья и их абсолютном датировании среди исследователей существуют определенные «разночтения». Сторонники раннего появления сарматов к западу от Дона их первые памятники относят к IV-III вв. до н.э., переходную группу они датируют II-I вв. до н.э., среднюю группу относят к I в. до н.э. – I в. н.э., еще одну переходную группу датируют второй половиной I-II вв. и позднюю группу, соответственно II-IV вв. (Вязьмитина, 1985б, с. 195). Сторонники позднего появления сармат в Северном Причерноморье выделяют три главных этапа: раннесарматская ступень (II-I вв. до н.э.), среднесарматская ступень (I в. до н.э. – середина II в. н.э.), позднесарматская ступень (II-IV вв.) (Simonenko, 2008, S. 11) или же: ступени A1 (II в. до н.э.); A2 (конец II-I вв. до н.э.); A3 (первая половина I в. н.э.); B (вторая половина I – середина II вв. н.э.); C1 (вторая половина II – первая половина III вв.); C2a (вторая половина III – IV вв.); C2b (вторая половина IV в.) (Симоненко, 2001, с. 77-78; Simonenko, 2008, S. 12). Наконец, в одном из регионов сарматской культуры – в Поорелье и в прилегающем Поднепровье – выделяются такие хронологические отрезки ее

развития по погребальным комплексам как: III в. до н.э., III-II вв. до н.э., II-I вв. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э., I в. н.э., I – конец II вв., конец II – середина III вв. (Костенко, 1983, с. 39).

Некоторые погребальные памятники лесостепи объединяют в себе сарматские (наличие курганных насыпей, обряд ингумации, отдельные формы сосудов) и зарубинецкие черты (обряд кремации, отдельные формы сосудов, определенные типы фибул) черты. Их возможно рассматривать как определенное свидетельство контактов сарматов с носителями зарубинецкой культуры (рис. 2. 2).

Женское погребение с вытянутым костяком северной ориентировки в урочище Замковая Гора на окраине г. Лубны сопровождалось лепными лощеными горшками и миской с костями лошади. С комплексом связывается лепная курильница, железный нож, обломок точильного камня, «железный крючок», который интерпретируется как фрагмент деформированной спинки лучковой фибулы с частью пружины (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 136, 140). По поводу реконструкции погребального обряда и очередности сооружений погребальных конструкций у исследователей существуют расхождения. Одни считают, что в Лубнах с уровня древнего горизонта первоначально была сооружена простая погребальная камера с безинвентарным труположением, а затем со временем часть костяка в ритуальных целях была разрушена и переброшена в другую специально вырытую яму (Кухарская, Битковский, 1994, с. 113-114; Махно, 1965, с. 99-100). На площадке над погребением был разведен ритуальный костер, куда была положена часть костяка и совершена тризна, а затем установлены сосуды и произведена досыпка насыпи (Кухарская, Битковский, 1994, с. 113-114). Другие специалисты, оперируя анализом документации раскопок 1881 года, считают, что погребальная яма этого погребения в центральной части кургана была перерезана грабительским ходом, который направлялся к основному погребению скифского времени. Вещи из этого «зарубинецко-сарматского» труположения оказались смешанными с вещами скифского времени. На площадке вблизи ямы в центре

насыпи было размещено большое кострище, пятно которого пробито грабительским ходом. После перекрытия погребения деревянным накатником насыпь увеличивалась и после ее сооружения были разведены четыре костра, ориентированных по сторонам света, а затем насыпь была засыпана (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 134-138). Однако сложно говорить о степени истинности каждой из упомянутых реконструкций. В данном случае важно то, что в одном комплексе заключены вещи разных культурных кругов.

Сарматские черты в этом комплексе видны в самом обряде трупоположения с северной ориентацией костяка, наличии курильницы, кострища с остатками тризны над погребением. Зарубинецкие черты просматриваются в наличии чернолощенных горшка и миски, сожжении остатков покойника (Кухарская, Битковский, 1994, с. 114). Погребение относится к жреческой прослойке (наличие курильницы, остатков амулета, следы кострищ по сторонам света, углей для раскуривания фимиама, длинного ножа, серы и реальгара). Исполнение жреческих функций сарматы не могли доверить выходцу из зарубинецкой следы, и наличие двух зарубинецких сосудов свидетельствует в пользу использования сарматами импортной керамики лучшего качества (Кулатова, Супруненко, 1999, с. 134-138).

Погребение-кремация у Верхней Мануйловки сопровождалось зарубинецкими сосудами, бронзовой фибулой среднелатенской схемы, наконечником копья и бусами (Махно, Самойловский, 1959, с. 21; Рудинский, 1928, с. 48; Максимов, 1972, с. 59). В кургане у с. Дьяченки находилось аналогичное погребение с трупосожжением (Максимов, 1972, с. 59). Имеется сообщение о поступлении в нынешний Национальный музей истории Украины зарубинецкой миски из кургана 3 возле Басовки из раскопок А. А. Бобринского (Махно, Самойловский, 1959, с. 21).

На правом берегу Днепра существуют подобные «сармато-зарубинецкие» памятники. В подкурганном погребении у с. Лозивок катакомба была разрушена грабительской ямой в верхней части и погребение было полностью ограблено. В затекшем заполнении находились кальцинированные кости,

фрагменты амфор II-I вв. до н.э., железная корродированная фибула среднелатенской схемы со скрепой, фрагменты чернолощенных сосудов, в том числе мисок открытого типа (Кухарская, Битковский, 1994, с. 114-118). Могильное сооружение возле хутора Хмильна представляло собой грунтовую яму с подбоем, где находился женский костяк. В качестве погребального инвентаря там обнаружены: две миски (миска-плошка, чернолощенная зарубинецкая), билоновое зеркало, бусы (стеклянные монохромные, с металлическими вставками, фольгированные, янтарные, гагатовые), остатки железного предмета, кости животных и рыбы (кости). Комплекс датирован второй половиной I – первой половиной II вв. (Синица, 2008, с. 9-13).

В степной полосе обнаружены типично сарматские погребения с отдельными зарубинецкими вещами. В кургане 1 возле Лычкового южнее р. Орель изучено впускное погребение в деревянной колоде. Костяк в вытянутом положении был ориентирован на восток. Возле его правой ключицы находилась зарубинецкая фибула с треугольной спинкой, возле правого бедра – железный наконечник копья, в ногах – сероглиняный гончарный кувшин, кости овцы (Костенко, 1986, с. 23, табл. 15: 3). Еще южнее, во впускном погребении 13 кургана 11 группы Аккермень 1 (р. Молочная) в погребальном инвентаре помимо стеклянной бусины голубого цвета и кости овцы находилась зарубинецкая фибула с треугольной спинкой (Вязьмитіна, Тереножкін, Іллінська, Ковпаненко, 1960, с. 3, 116, рис. 73: 14).

В степи на правом берегу Днепра также имеются подобные сарматские погребения с зарубинецкими вещами. Например, в погребении 16 кургана 5 возле с. Тимофеевка (Снегуровский район, Николаевская область) найден зарубинецкий горшок (Кубишев, Покляцкий, Симоненко, 1987, с. 57-58, рис. 1: 1), который относится к группе 3 варианту А среднечереповских зарубинецких горшков (Максимов, 1972, табл. 30).

В свете исследования зарубинецко-сарматских контактов следует упомянуть о погребении возле Кичкаса, которое иногда относят к комплексу с зарубинецко-сарматскими чертами (Обломский, 2003, с. 14). Речь идет о

впускном погребении 1 кургана 3 могильника 2 с кальцинированными костями и фибулой, а также о впускном погребении 2 с горшком (безурновое и урновое трупосожжения). Сосуд из погребения 2 представляет собой округлобокий гончарный горшок с прямым венчиком и лощеной поверхностью буро-черного цвета (Сміленко, 1969, с. 26, рис. 3). Горшков подобного профиля, да еще и гончарных среди зарубинецкой керамики Среднего Поднепровья и даже Припятского Полесья нет (Максимов, 1972, табл. 30; Максимов, 1982, табл. 2; Максимов, 1993, табл. 7, 8). Бронзовая фибула из погребения 1 (Сміленко, 1969, рис. 2) является ранеримской шарнирной дуговидной и относится к группе 5 по А. К. Амброзу, датируется I - III вв. (Амброз, 1966, с. 27), то есть временем, когда зарубинецкой культуры уже не существовало. Ни горшок, ни фибула из погребения в Кичкасе не связаны с зарубинецкой культурой, а наличие погребения по обряду трупосожжения в курганной насыпи не может быть свидетельством именно сармато-зарубинецких контактов.

Приведенные материалы свидетельствуют о весьма ограниченном характере контактов сарматов и носителей зарубинецкой культуры. На Днепровском Правобережье на некоторых зарубинецких городищах зафиксированы следы пожарищ (Пилипенкова Гора, Ходосовка, Монастырек, Бабина Гора) (Максимов, 1971; Махно, Самойловский, 1959, с. 14, 15-16; Махно, 1959, с. 96; Максимов, 1982, с. 5, 46-47; Максимов, Цыңдровская, 1976, с. 353) и наряду с ними найдены типично сарматские наконечники стрел (Ходосовка) (Максимов, 1982, с. 78). Ограниченные торговые связи и появление в зарубинецкой среде отдельных представителей сарматского мира нашли отображение в наличии сарматской керамики и вещей в погребениях 36, 73, 128, 133, 150, 288 Пироговского могильника (Максимов, 1982, с. 76; Скиба, 2001, с. 25, 41, рис. 35: 4; рис. 17: 4, 18: 1; 67: 7; с. 81, рис. 18: 3; Кубишев, 1976, с. 36-37, рис. 3: 13; Кубишев, Скиба, 1989, с. 90, 91), в трупосожжениях Субботовского могильника (Максимов, 1972, с. 57; Махно, 1955, с. 84; Максимов, 1960; 1978, с. 50-51), в отдельном трупосожжении у Жаботина (Максимов, 1978, с. 51, рис. 4: 1). В свою очередь, наличие представителей

зарубинецкого населения в сарматской среде нашло отображение в находках зарубинецких керамики и фибул в сарматских подкурганых погребениях Аккермена, Львово, Лычково, Тимофеевки. Небольшое количество зарубинецких, сарматских вещей соответственно в сарматской и зарубинецкой культурной среде не дает оснований для вывода о разитых контактах между ними и пребывании больших групп их представителей в другой культурной среде. Поэтому зарубинецкая и сарматская культурные среды выглядят в отношении друг-друга замкнуто и своеобразно (Любичев, 2004, с. 186-187).

2. 2. Памятники постзарубинецкого горизонта в регионе.

Кризис латенизированной зарубинецкой культуры в условиях новых исторических и археологических реалий раннеримского времени дал толчок к возникновению нового археологического явления – постзарубинецких памятников (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 9-10). После распада зарубинецкой культуры на огромных территориях лесостепной и лесной зон от Верхнего Поднестровья до Северского Донца и Хопра появились отдельные группы небольших открытых поселений.

В днепро-донецкой лесостепи известны три группы постзарубинецких памятников: типа Лютеж, типа Картамышево 2 – Терновка 2, типа Грини (рис. 2. 3). В западной ее части, прилегающей к Днепру, размещены памятники типа Лютеж, известные здесь только по разведкам (рис. 2. 3): поселения Никольская Слободка (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 102), Рудяки (Максимов, 1972, с. 41), Бортнички (Терпиловский, 2004б, с. 97), Вишенки-Манычево (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, с. 126). На Трубеже открыты пойменные поселения Селище (урочище Борки), Пасечная, Коржи/урочище Рябцы, Волчков/урочище Великий Балачин (Савчук, 1969, с. 83-86), Коржи урочище /Панский Кут, Пристромы-Товарячий Гай, Хоцьки-Комаривский Хутор, Цыбли-Белое озеро 1, Цыбли – Пидпоринцы, Переяслав-Лагери, Барышевка, Борщив, Гостролучье (Поздnezарубинецкие памятники..., 2010, с.

126-128, 133-135). Помимо груболепной и лощеной керамики на памятниках найдены украшения круга «выемчатых эмалей»: трапециевидные подвески, кольцо от цепи (Савчук, 1969, с. 83-86). Из Пасечной происходит бронзовая фибула «почепского варианта» со спинкой в виде перекрученного прута (Савчук, 1969, рис. 1: 22). В Волчкове найдены бронзовая и железная фибулы «воинского» типа (Савчук, 1969, рис. 1: 41).

Памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 известны в восточной части Днепровского Левобережья и в области днепро-донецкого водораздела, восточная граница их ареала пролегает по Осколу (рис. 2. 3). Их западная область (тип Картамышево 2) охватывает верхние течения Сейма, Псла, Ворсклы. Западная область этого типа памятников охватывает верховья Сейма, а восточная (тип Терновка 2) – верхние течения Северского Донца и Оскола (Обломский, 1991, с. 40; Терпиловский, 2004б, с. 27). Одна группировка этих памятников оторвана от их области и размещается в степной полосе – в нижнем и среднем течении Орели (рис. 2. 3). Третья группа – памятники типа Грини не имеют компактного ареала размещения, они расположены на больших расстояниях один от другого (рис. 2. 3).

Результаты картографирования постзарубинецких/раннекиевских памятников (известных по разведкам и подвергнутых раскопкам) свидетельствуют об их распространении с различной степенью концентрации по всей днепро-донецкой лесостепи (рис. 2. 3.). Эти «зоны концентрации» выделяются на Среднем Днепре – Трубеже на Нижнем Псле, Верхнем Псле, на Нижней Ворскле, Верхней Ворскле, на Орели, в верхнем течении Северского Донца. А.М. Обломский данную археологическую ситуацию («зоны концентрации») посчитал отражением конкретной исторической ситуации, обозначив их как «зоны стабильного расселения» (Обломский, 2002, с. 10). А вот районы, где подобные памятники известны единично или пока неизвестны, либо же известны единичные, раскопанные малой площадью памятники нескольких традиций (Лютеш, Грини. Картамышево 2 – Терновка 2) отнесены к территориям, где «в течении I-III вв. население сменялось неоднократно»

(Обломский, 2002, с. 11). К ним в частности отнесены поречье Ворсклицы и прилегающая часть бассейна Ворсклы, где зафиксированы поселения типа Лютеж (или с чертами памятников этого типа) (Березовка 2), типа Картамышево 2 – Терновка 2 (Солдатское 5), типа Грини (Рябовка 3) (Обломский, 2002, с. 11). Но отдельные постзарубинецкие/раннекиевские памятники в последнее время стали известны на Суле, Сейме, Осколе (рис. 2. 3.) и поэтому мы констатируем, что данная карта, данная археологическая ситуация отражает не конкретную историческую ситуацию, а современное состояние археологической изученности.

2.2.1. Тип Картамышево 2 – Терновка 2.

Поселения этой группы находятся на возвышенностях в поймах рек или на склонах первых надпойменных террас (Обломский, 2002, с. 10) (табл. 2. 1). Стандартным типом жилищ являются прямоугольные полуземлянки с улублением котлована в материк от 0, 2 до 1, 0 м и плоским полом. Размеры стен построек колеблются от 2, 5 до 5, 8 м, но наиболее распространены сооружения со стенами от 3, 5 до 4, 5 м. (табл. 2. 2) (рис. 2. 4) (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 71; Обломский, 2002, с. 11). Исходя из наличия (отсутствия) столбовых ям полуземляночные жилища делятся на: а) каркасные с закладами из бревен; б) каркасные с основой из рамы и опорой на отдельные столбы; в) срубные (Обломский, 2002, с. 12). Столбовые ямы вдоль стен прослежены лишь в двух случаях и поэтому вероятно преобладающей конструкцией была срубная. Крыша имела дополнительные опоры в виде одного или нескольких столбов, расположенных в центре жилища или на середине стен (табл. 2. 2). Столбовые ямы в углах и вдоль стен зафиксированы в жилище 1 селища Приоскольское 1 (Обломский, 1991, с. 40), в пяти полуземлянках прослежены центральные опорные столбы крыши (сооружения 4 Терновки 2, 3 Головино 1, 1 Приоскольского 1) (Обломский, 1991, с. 40, рис. 12) (табл. 2. 2). Некоторые жилища были снабжены ямами-погребями (Обломский, 2002, с. 12) (табл. 2. 2) (рис. 2. 4: 6, 9).

Отопительные устройства в жилищах представлены открытыми очагами нескольких видов: а) кострище на полу без углубления, оставившее лишь пятно прокала (рис. 2. 4: 4, 5, 7, 10); б) небольшая ямка с пеплом и углями; в) круглая (овальная) глинобитная площадка, имеющая субструкцию из камней и фрагментов керамики (табл. 2. 2). Очаги располагались в центре, возле стены или в одном из углов (табл. 2. 2) (Обломский, 2002, с. 12).

Наземные сооружения на поселениях данной культурной группы являются более исключением, чем типичным явлением. Наземное жилище поселения Картамышево 2 с размерами стен 5, 8 x 3, 4 – 3, 6 м, было снабжено открытым очагом, имело яму центрального опорного столба, столбовые ямки вдоль стен. Наземное сооружение 4 Терновки 2 с размерами стен 3, 6 x 2, 4 м не имело столбовых ямок (Обломский, 1990б, с. 12).

Особенностью восточной области ареала памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2, а именно типа Терновки 2 считается наличие различных по площади, форме, планировке, назначению углубленных хозяйственных построек (Обломский, 2002, с. 12). Восемь сооружений исследовано в Терновке 2, по одному – в Приоскольском 1 и Головино 1 (Терпиловский, 2004б, с. 28). Хозяйственные сооружения исследованы и в западной области ареала памятников (тип Картамышево 2) на поселении Березовка 2 (Обломский, 1992а, с. 87-88).

На поселениях, наряду с жилыми, находились также производственные сооружения. В постройке 10 Картамышево 2 располагались предгорновая яма, остатки очажка-горна в виде пережженных кусков песчаника и железных шлаков в несколько ярусов на подсыпке. В помещении найдены части тиглей, железные шлаки. В ямах, находившихся в постройке (№ 38, 39, 40), также обнаружены фрагменты тиглей, куски шлаков, руда. По аналогичному заполнению к сооружениям, связанным с производством железа и ювелирных изделий, отнесено три ямы (№ 33, 35, 36) (Горюнова, 2004, с. 44).

На некоторых поселениях за пределами жилищ исследованы конструкции («очаг В» Картамышево 2, две в Богдановке, по одной в Гочево 7 и Бобраве 3),

представляющие собой усеченно-конические ямы, обложенные крупными фрагментами лепных сосудов, иногда скрепленных глиной с включением камней, которые были вымощены толстым слоем глины с субструкцией из фрагментов керамики. Внутренняя поверхность этих сосудов носит следы прокала (Обломский, 2002, с. 12; Горюнова, 2004, с. 44). В.М. Горюнова считает их горнами для получения железа, ссылаясь на близость находок к таким ямам железных шлаков и необязательность наличия при всех процессах производства железа шлаковых отходов (Горюнова, 2004, с. 44). Н. А. Тихомиров принимает их за горны для плавки бронзы и ее размягчения перед ковкой (Обломский, 1991, с. 46). Р.В. Терпиловский предполагает использование конструкций в качестве хлебных печей (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 37). А.М. Обломскому они напоминают известные из восточнославянской этнографии так называемые «шиши» – сушильни для снопов: печные ямы, которые перекрывались деревянными настилами с продухами (Обломский, 1991, с. 46).

Считается, что следы изготовления железа или ювелирного производства были неременным атрибутом материальной культуры носителей постзарубинецких памятников. Описанные выше объекты Картамышево 2 объединены в «производственную зону» (Горюнова, 2004, с. 45). Такая же зона, включавшая в себя полуземлянку с кусками шлаков, тиглей, находившихся рядом с «горном» и железными шлаками, открыта на поселении Гочево 7 (Горюнова, 2004, с. 45). Считается, что поселения Бобрава (урочище «Сильник») и Богдановка, состоявшие из одной-двух полуземлянок, «горн», несколько ям с отходами ювелирного производства, являлись временным (сезонным) становищем ремесленников, занятых обработкой металла (Горюнова, 2004, с. 45).

Керамический комплекс группы включает в себя груболепные и лощеные сосуды (табл. 2. 5) (рис. 2. 6). Согласно классификации А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского (Обломский, 2002, рис. 2) (рис. 2. 6), среди груболепной керамики преобладают горшки округлобоких типов 11аа (рис. 2. 6: 3- 5), 13

обеих разновидностей (рис. 2. 6: 7, 8.), известны горшки типа IIa, б (рис. 2. 6: 6). Реберчатые сосуды относятся к двум типам: III – с невыделенным венчиком и изогнутой верхней частью (рис. 2. 6: 1, 2, 28) и IIб – коротким отогнутым венчиком и прямой верхней частью профиля (рис. 2. 6: II: 11, 12). Сосуды типа II 5 являются достаточно редкими: два таких горшка происходят из поселения Приоскольское 1. Встречаются баночные сосуды с загнутым внутрь краем (рис. 2. 6: 19, 20) и плоские диски (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 65; Обломский, 1991, с. 37).

Поверхность горшков обычно не имеет орнамента. Достаточно редко встречены расчесы (Жерновец, Терновка 2, Гочево 7) (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 37) и искусственно ошершавленная поверхность (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 65). Имеются примеры использования рельефного орнамента: налепной валик с пальцевыми вдавлениями из слоя поселения Терновка 2 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 65). В Картамышево 2 найдены фрагменты горшка с отпечатками шнурового штампа на венчике, в Жерновце венчик горшка был украшен насечками, нанесенными гребнем. Там же обнаружены фрагменты сосудов с полосами пальцевых вдавлений или защипов на тулове (Обломский, 1991б, с. 37). Лощеная посуда составляет лишь 4- 6 % (рис. 2. 6: 9, 13 – 27, 35 – 37) (Обломский, 2002, с. 11). Ее формы являются менее разнообразными, чем на памятниках типа Почеп и Лютеж (Обломский, 1993б, с. 48).

Исследователями уже выявлены локальные особенности керамического комплекса этих памятников. В западной области (тип Картамышево 2) наиболее распространены горшки типа I3б. В Картамышево 2 большинство венчиков орнаментировано защипами или насечками, реже встречаются нарезки зубчатым штампом перпендикулярно краю венчика. Здесь распространены мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем типа III3б (рис. 2. 6: 21, 22, 24). Такие сосуды из поселения Картамышево 2 украшены композициями в виде меандров или свастика, выполненных на поверхности сосуда до обжига (рис. 2. 6: 21). Подобная орнаментация встречена на сосудах из Бобравы и

Комаровки (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 69), где известны миски типа ПЗа (рис. 2. 6: 24) и миски типа П1 (рис. 2. 6: 9). Из Картамышево 2 происходят фрагменты горшков с лощеной поверхностью типа ПЗб (рис. 2. 6: 25) (Горюнова, 2004, рис. 24: 1, 2).

В восточной области (тип Терновка 2) наиболее распространенными являются горшки типа П1аа (рис. 2. 6: 3). В Приоскольском 1 найден горшок баночной формы типа П5 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 71). Здесь встречены плоские или со слабо выраженной закраиной диски (Обломский, 1991, с. 40). Горшки украшены значительно реже: в Приоскольском 1 орнаментированные венчики составляют 12-20 %, в Терновке 2 орнаментированная керамика составляет лишь 0, 5 % (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 69). Здесь преобладают миски типа ПЗ (рис. 2. 6: 14) и типа ПЗа, довольно широко распространены округлобокие миски типа П1 (рис. 2. 6: 15). Лощеный горшок из Терновки 2 относится к типу П1аа (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 69).

Лощеные миски с врезным геометрическим орнаментом указывают на влияние центральноевропейских культур, прежде всего пшеворской, где миски такой формы появляются в конце позднего Латена и распространяются в раннеримское время (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 88-90; Обломский, Терпиловский, 1994б, S. 163; Обломский, 2002, с. 15). Близкие элементы в комбинации узоров находят на мисковидных сосудах вельбаркской и оксывской культур (Горюнова, 2004, с. 46).

Импортная керамика в керамическом комплексе постзарубинецких памятников подразделяется на две главных категории: 1) фрагменты античных амфор; 2) фрагменты сосудов обычных форм импортного происхождения. Как части импортных сосудов на поселении Картамышево 2 найдены мелкие части красноглиняной посуды, в том числе с внешним черным покрытием (Горюнова, 2004, рис. 28: 2, 3; с. 46). Там же обнаружены фрагменты гончарного горшка, орнаментированного врезными волнистыми линиями, аналогии которому могут быть найдены среди римской керамики II-III вв. (Горюнова, 2004, рис. 28: 5). Из

Картамышево 2 происходят и фрагменты сероглиняной гончарной посуды (Горюнова, 2004, рис. 28: 1). На памятнике отсутствуют материалы и объекты черняховской культуры, и это обстоятельство заставляет видеть в этих фрагментах импорт из области Северного Причерноморья.

С поселений происходят в незначительном количестве изделия из железа, цветных металлов, гораздо больше имеется изделий из кости, глины и камня. Среди железных изделий наиболее распространены ножи трех типов: 1) с прямой спинкой, имеющие уступы в верхней и нижней частях клинка в месте перехода к черенку; 2) подобные предыдущим, но имеющие уступ только снизу; 3) ножи со слабо изогнутой спинкой (Обломский, 1991, с. 55). Из Картамышево 2 происходят узколезвийный топор с отломанным обухом и лезвие ложкореза (Горюнова, 2004, с. 47, рис. 5: 22; 6: 10), при изготовлении которых использован способ пакетной заготовки (Гопак, Горюнова, 1991). Обнаруженные там ножи и шилья (Горюнова, 2004, рис. 6: 10, 13) выполнены из кричного железа, а рыболовный крючок (Горюнова, 2004, Рис. 5: 17) – из сырцово-стальной. Из ямы 35 происходит железный втульчатый наконечник стрелы с обломанной тулкой (Горюнова, 2004, рис. 6: 7). В постройке 2 найдена булава и кольцо с серебряной насечкой (Горюнова, 2004, рис. 5: 18, 23). В Терновке 2 обнаружена заклепка, сильно коррозированная рамка пряжки, ножи (целый и фрагменты) с прямой и изогнутую спинкой (Обломский, 1990б, рис. 10: 17, 18, 14, 16, 19, 20).

На поселении Картамышево 2 найдены обрывки бронзовой проволоки (Горюнова, 2004, рис. 5: 4, 5, 8), бронзовая пластинка (Горюнова, 2004, рис. 6: 5). Из ямы 33 происходят оплавленные звенья цепочки из ямы 33 (Горюнова, 2004, рис. 5: 3). Из Терновки 2 происходят обломок иглы, прямоугольная накладная на ремень, обойма из тонкой пластины, пластинчатая и спиральная пронизи, фрагмент браслета из пластины с двумя рядами пуансонного орнамента с лицевой стороны (Обломский, 1990, рис. 10: 21-25). Бронзовая булава из Бобравы 3 имеет петлевидную головку (Обломский, 1991, с. 57).

На поселениях обнаружены пряслица из черепков сосудов, лепешковидные, шаровидные, бочонковидные, низкие средней высоты и высокие биконические пряслица, конические пряслица (Обломский, 1991, с. 53). В частности на поселении Картамышево 2 найдены биконические пряслица, а также плоские, вырезанные из стенок лощеных сосудов (Горюнова, 2004, рис. 7). Биконическое, шарообразное, цилиндрическое пряслица происходят из поселения Терновка 2 (Обломский, 1990б, с. 17, рис. 10: 1, 2, 8). Там же найдены пряслица из стенок лощеных сосудов (Обломский, 1990, с. 17, рис. 10: 3, 4, 6, 7). Из культурного слоя и заполнения ям в юго-восточной части поселения происходят фрагменты тиглей – ошлакованных конических сосудиков с треугольным устьем (Горюнова, 2004, рис. 8: 1-5, 7). Фрагменты миниатюрных сосудиков встречены в Приоскольском 1, Терновке 2, Картамышево 2 (Обломский, 1991, с. 55). В яме 18 Терновки 2 встречен глиняный шарик (Обломский, 1990б, с. 17).

На поселении Картамышево 2 найдены костяные «конек», втулка, игла (Горюнова, 2004, рис. 6: 9; 5: 13, 21), фрагмент костяного изделия с руноподобными знаками (Горюнова, 2004, рис. 5: 9). В Терновке 2 обнаружен фрагмент свистка (Терпиловский, 1990б, рис. 10: 10). Из Жерновца и Приоскольского 1 (жилище 1) присходят костяные булавки с треугольным окончанием и сквозным отверстием в нем (Обломский, 1991, с. 57), а из Картамышево 2 – точильные камни (Горюнова, 2004, рис. 6: 12; 8: 6, 8).

2.2.2. Тип Грини.

В днепро-днецкой лесостепи известны и подвергались раскопкам различного масштаба поселения Решетки (Днепр), Вовки (Псел), Рябовка 3 (Ворсклица-Ворскла) (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 78-79; Обломский, 2002, с. 15; Терпиловский, 2004б, с. 29) (табл. 2. 1.) (рис. 2. 3). Поселение Раковка (Северский Донец) находится уже в современной степной полосе (Любичев, 1993) (рис. 2. 3) (табл. 2. 1).

Поселения этой группы расположены на краю надпойменной террасы (Решетки, Вовки, Рябовка 3) или на возвышенности в пойме (Раковка) (табл. 2. 1). Мизерное количество исследованных на поселениях жилых и хозяйственных сооружений пока исключает возможность выявления характерных черт домостроительства и конструкций хозяйственных построек. Возможна характеристика лишь отдельных сооружений.

Жилище 6 из Вовков, поврежденное более поздним объектом (рис. 2. 7: 2) (табл. 2. 2), имело керамическую вымостку на части пола и было углублено на 0, 3 м. Размеры стен составляли 3, 4x2, 6 м, в центре пола была размещена ямка опорного столба крыши. Две столбовые ямки, образующие одну линию с центральной, находились у противоположных стен. Столбовых ямок не было в углах сооружения, отсутствовали и куски обмазки стен. По этим признакам конструкция жилища причислена к срубной (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 83). В углу сооружения находилось сооружение со следами бортов, которое было вымощено из фрагментов больших сосудов. По данным остаткам четко не определим тип отопительного сооружения: очаг или печь (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 83). Жилище из Вовков по своему типу, прямоугольной форме, расположению столбовых ямок и отопительного сооружения в целом близко к подобным конструкциям на памятниках типа Картамышево 2 – Терновка 2 (табл. 2. 2) (рис. 2. 4).

В Раковке исследованы остатки наземного сооружения, которое в плане имело форму, близкую к прямоугольной с закругленными углами (рис. 2. 7: 1). Сооружение ориентировано по сторонам света, имеет размеры 6, 25x4, 20 м, было едва углублено в материк на 0, 05 м и пол покрыт глиной. На его площади находилось 9 ям, при этом яма № 2 была вынесена достаточно далеко в юго-западный угол. Яма 8 почти вплотную подходила к восточной стенке сооружения, а ямы № 6, 7, 9 выходили за пределы стенки (Любичев, 1993, с. 30). Все ямы были углублены на 0, 1 – 0, 3 м от уровня пола, их стенки и днища покрыты глиной. Очагом в сооружении служила яма № 3, в центре которой

находилось углубление, выложенное фрагментами керамики, заполненное углями и обожженными камнями.

В керамическом комплексе памятников типа Грини преобладают округлобокие горшки раскрытого профиля типа I3б (рис. 2. 8: 3), ребристые типа III, изредка встречаются округлобокие горшки типов IIаа (рис. 2. 8: 1, 7), I3а (рис. 2. 8: 8) и ребристые типов II2б (рис. 2. 8: 2), II 3 (рис. 2. 8: 9) (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 79). Особенности керамического комплекса и послужили основанием для выделения этой группы позднезарубинецких памятников. Для него является характерным перевес тюльпановидных и реберчатых сосудов с изогнутой линией в верхней части профиля, высоким расположением ребра в верхней трети высоты горшка (Обломский, 2002, с. 15; Терпиловский, 2004б, с. 29-30). Сосуды с лощеной поверхностью достаточно редки и встречены не на всех поселениях (Терпиловский, 2004б, с. 29). Так, в культурном слое Решетков найдены фрагменты мисок типа I 1 (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 79), а из ямы 4 (очага) сооружения 1 в Раковке происходит фрагмент лощеного горшка-миски типа III4 (Любичев, 1993) (рис. 2. 8: 2).

Как и в других группах постзарубинецких памятников горшки с шершавой поверхностью часто орнаментированы насечками и пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Был распространен прием покрытия поверхности сосудов расчесами, которые нанесены в различных направлениях гребнем или щепкой с зубцами (рис. 2. 8: 6). Это черта и является спецификой декора сосудов на памятниках типа Грини (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 79).

Представление о керамике отдельного условно-закрытого комплекса возможно составить по керамике из сооружения 1 Раковки. Там из ямы 2 происходит часть округлобокого горшка типа IIаа (рис. 2. 8: 7). В яме 5 находились округлобокий горшок с заглаженной поверхностью типа IIаа (рис. 2. 8: 1), лощеная миска типа I2 (рис. 2. 8: 4), днище лепного горшка с заглаженной поверхностью (рис. 2. 8: 5). В яме 9 залегал фрагмент ребристого

горшка типа П2, а (рис. 2. 8: 9). Под очажной ямы (яма № 4) был выстлан фрагментами лощеного ребристого горшка-миски типа П4 (рис. 2. 18: 2), ребристого горшка с расчесами на поверхности типа П1 (рис. 2. 8: 6) и горшка раскрытого профиля типа П3б (рис. 2. 8: 3).

2.3. Раннекиевские памятники.

По своей морфологии памятники раннего этапа киевской культуры несколько отличаются от предшествующих постзарубинецких, поскольку наряду с поселениями они представлены уже и немногочисленными могильниками. К памятникам раннего этапа киевской культуры отнесены в области днепро-донецкого водораздела группа Шишино 5 – Шмырево и западнее этой области – поселения Гочево 1, Гочево 2, Рябовка 1, Сушки 2 (Терпиловский, 2004б, с. 44) (табл. 2. 1) (рис. 2. 3). К памятникам типа Шишино 5 – Шмырево причислены селища Шишино 5, отчасти Шмырево, материалы из ямы 23 поселения Приоскольское 2, жилища 11 селища Шоссейное (Приютовка), могильники Кулига, Шмырево, Шишино 5, Приоскольское 2 (Обломский, 1991, с. 47). Поселение Гочево 1 исследователи относят либо к раннему этапу киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 162-163; Терпиловский, 2004б, с. 44) либо к постзарубинецкому горизонту (Обломский, 1991, с. 37) (табл. 2. 1).

Раннекиевские поселения, как и постзарубинецкие, занимают возвышенности в пойме либо края надпойменных террас (табл. 2. 1). Жилища, в подавляющем большинстве, имеют прямоугольную или подквадратную форму в плане с размерами стен 3, 4-6, 0x2, 7x6, 0 м (табл. 2. 2) (рис. 2. 9). Имелись сооружения и овальной формы в плане, например жилище 4 поселения Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 45-46, рис. 2: 2). Некоторые жилища имели выступ (жилище 3 Гочево 1, постройка 2 раскопа 2 и «яма 5» раскопа 3 Шишино 5) (рис. 2. 9: 2) (табл. 2. 2). Котлованы жилищ углублены в грунт на 0, 11-0, 85 м. Обмазка при возведении стен не использовалась. В жилище «яма 5»

раскопа 3 Шишино 5 прослежена яма-погреб (рис. 2. 9: 5) (Обломский, 1991, с. 51). Известны жилища с ямами по периметру котлована (рис. 2. 9: 1), с отдельными столбами у стен, без столбов, что свидетельствует о различных вариантах конструкции жилищ. В некоторых жилищах присутствуют центральные столбы (табл. 2. 2) (рис. 2. 9: 1, 2, 4, 5). Применение центрального опорного столба является характерной чертой домостроительства киевской культуры, особенно ее деснинского варианта (Земцов, 2007, с. 16). В качестве отопительных сооружений использовались очаги различной конструкции: а) простые костры на полах построек, оставившие после себя пятно прокала (постройка 5 раскопа 1 и постройка 2 раскопа 2 Шишино 5; 2) глинобитные (постройка 5 раскопа 2 Шишино 5) (табл. 2. 2). В постройке 2 селища Гочево 2 зафиксирован своеобразный вид отопительного сооружения: печь-«камин» (Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 11). Хозяйственные ямы редко включались в площадь постройки, такая яма зафиксирована в полу жилища – «ямы 5» раскопа 3 Шишино 5 (рис. 2. 9: 5). При сравнении жилищ постзарубинецкого горизонта восточнее Днепра и раннекиевских поселений на этой территории специалисты приходят к следующим выводам: 1) они близки по форме – преимущественно прямоугольные; 2) обе группы имели конструкции с наземными и углубленными в котлован стенами; 3) очажные устройства обеих групп также близки; 4) редкость ям в жилых постройках обеих групп; 5) одинаковая глубина котлованов; 6) в некоторых сооружениях обеих групп прослежены ямы центрального опорного столба; 7) большим разнообразием отличается конструкция стен жилищ раннекиевских памятников (срубная и каркасная) (Земцов, 2007, с. 19). Следовательно, традиции домостроительства постзарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 и раннекиевских в днепро-донецкой степи являлись фактически идентичными.

На поселении Шишино 5 обнаружено 11 хозяйственных построек разнообразной планировки. Они подразделены на пять типов (Обломский, 1991, с. 51-52): 1) прямоугольные сооружения с размерами стен 1, 2-2, 08x0, 9x1, 5 м

и плоским полом, углубленные в материк на 0, 08-0, 18 м (раскоп 1: постройки 1, 6, 10; раскоп 2: постройка б) со столбовыми ямками по центру или по углам котлована («жилища в миниатюре») (Обломский, 1991, с. 51); 2) подобные предыдущим сооружения, но с ямой-погребом в полу; 3) конструкции неправильно-овальной или зигзаговидной формы в плане с одной-двумя ямами-погребками; 4) сооружения прямоугольной формы с неровным полом, где имеются дополнительные углубления, а в стенах и ниши; 5) постройка с полукруглым выступом в месте входа и материковой полкой, двумя ступеньками. Разнообразие в форме котлованов хозяйственных сооружений объясняется наличием наземных стен построек, когда не было необходимости создавать котлованы правильных очертаний (Земцов, 2007, с. 18). Две постройки из поселения Гочево 2 (Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 11) связаны с обогащением железной руды путем обжига (Земцов, 2007, с. 18).

Помимо жилищ и хозяйственных сооружений на раннекиевских поселениях находились хозяйственные ямы, выносные очаги. На поселении Шишино 5 два выносных очага представляли собой просто кострища, а два – кострища в углублениях (Обломский, 1991, с. 52). В Гочево 1 исследованы в различных частях поселения три «горна» («хлебные печи» или «сушильни»), аналогичные найденным на позднезарубинецких памятниках (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 47, рис. 5: 1-3). На поселении Гочево 2 присутствовала специальная «производственная» полуземлянка, к одной из стен которой примыкала печь, предназначенная для производства железа (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 60-63, 77, рис. 11). По аналогам с постзарубинецкими памятниками эти объекты названы «производственной зоной» (Горюнова, 2004, с. 45). На поселении Гочево 1 исследованы три выносных очага. Очаг 1 представлял собой прокаленный под размерами 1, 0x0, 65 м, вымощенный фрагментами керамики и обмазанный глиной с предочажной ямой. Эта конструкция могла являться остатками выносной печи с глинобитным сводом (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 49). Очаги № 2 и 3 – это небольшие

вымостки из обожженных камней с золистой прослойкой под ними (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 49).

Всего на могильниках типа «полей погребений» исследовано 24 погребения: 2 ингумации и 22 кремации (Обломский, 1991, с. 59). Одно погребение по обряду ингумации исследовано на поселении Шишино 5 (Обломский, 1991, с. 194) (рис. 2. 11: I: 7), одна урновая кремация была обнаружена на поселении Гочево 1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 50-51). В Рябовке 1 признаки разрушенного могильника с погребениями по обряду кремации проявляются в виде кальцинированных костей на поверхности. Все погребения с кремациями представляют собой остатки трупосожжений, совершенных вне пределов могильников. Исключение составляет погребение 5 могильника Шишино 5: его яма перекрывает кострище на уровне материка (рис. 2. 11: I: 5) (Обломский, 2007б, с. 23). Три кремации являются урновыми, а 20 – безурновыми (Обломский, 1991, с. 59) (рис. 2. 11: I: 1-5). В урновых погребениях в двух случаях кальцинированные кости помещены в целые лепные сосуды (корчага и горшок): погребение 1 Песчаного-Кулиги (рис. 2. 11: II: 1) и погребение 1 Шмырево (Обломский, 2007б, с. 24). Погребальными сооружениями являются простые земляные ямы размерами 1, 80x1, 26/0, 5x0, 5 м, которые были в плане круглыми или овальными (рис. 2. 11: II: 2-5). В пяти овальных ямах на дне зафиксированы дополнительные углубления, в трех – остатки столбов (рис. 2. 11: II: 3). Средняя глубина ям составляет 0, 5 м (Обломский, 2007б, с. 23). Варьирует расположение костей в яме безурновых погребений: а) единое скопление в уровне заполнения (рис. 2. 11: II 2) (табл. 2. 4); б) кости разбросаны в уровне заполнения (рис. 2. 11: I: 5); в) на дне могильной ямы (рис. 2. 11: II: 2, 3). В одном захоронении кости находились на поверхности каменной вымостки (погребение 4 могильника Песчаное-Кулига) (рис. 2. 11: II: 4). В 16 из 22 погребений присутствовал древесный уголь в различной позиции: а) по всему заполнению могильной ямы; б) в районе скопления костей; в) прослойкой или линзой. В 11 погребениях встречены несожженные кости животных: крупного рогатого скота (погребение 4

Шишино 5, погребения 1, 5, 6, 7, 9 Приоскольского 2), лошади (погребение 3 Шишино 5) совместно лошади, коровы и кости рыб (погребение 1 Шишино 5) (Обломский, 1991, с. 60). Найдены также кальцинированные кости животных.

Инвентарь погребений представлен фрагментами сосудов (рис. 2. 11: II: 7, 8), некоторые из которых носят следы вторичного обжига. Фрагменты сосудов находятся в погребениях различным образом: а) внутри урны; б) в районе скопления кальцинированных костей; в) в разбросе на определенном уровне заполнения; г) в разбросе по всему заполнению; д) на дне ямы (Обломский, 1991, с. 60). Истоки обряда кремации на раннекиевских могильниках днепродонецкой лесостепи прослеживаются на некоторых зарубинецких могильниках Верхнего Поднестровья и Припятского Полесья (Петраускас, 1993, с. 109).

Обнаружено также всего три ингумации (две – на могильниках, одна – на поселении). В первом случае (Приоскольское 2, погребение 3) скелет лежал на спине, ориентированный на северо-запад в простой яме. В районе плеча находилась железная пряжка, а выше верхнего края могильной ямы – крестообразная подвеска круга выемчатых эмалей (Обломский, 2007б, с. 25). Во втором случае (Шишино 5, погребение 6) череп с четырьмя позвонками залегал на материковой полке овальной ямы с углублениями на дне. Яма ориентирована своей осью по линии север – юг (Обломский, 1991, с. 61) (рис. 2. 11: I: 6). Отдельные черепа исследованы на зарубинецких могильниках Припятского Полесья и Среднего Поднепровья (Кухаренко, 1964, с. 18). Описание ингумации в яме 1 раскопа 3 на поселении Шишино 5 (рис. 2. 11: I: 7) приводится далее в шестой главе, в разделе о контактах носителей постзарубинецких/раннекиевских памятников с сарматами.

Прослежена планировка могильников Шишино 5 и Приоскольское 2. Трупоожжения были втянуты полосой, которая заканчивалась кострищами или пятнами прокала грунта. Эти полосы названы «основными массивами погребений» (Обломский, 1991, с. 61). За их пределами также находились некоторые погребения. Выявлена некая закономерность в параметрах погребений внутри «основного массива» и вне его: яма погребений «основного

массива» были больше по размерам и глубже. Вне «основных массивов» находились ямы без остатков сожжения, с костями животных и керамикой. Такая структура могильников заставляет считать, что они могли выполнять и функции святилищ (Обломский, 1991, с. 61).

Керамический комплекс памятников типа Шишино 5 – Шмырево состоит из округлобоких горшков типа I 1, а, а (рис. 2. 10: 3, 4, 5, 9), I 1, а, б (рис. 2. 10: 2), I 1, б (рис. 2. 10: 1, 4, 10), горшков близких к баночным типа I 3 а (рис. 2. 10: 11, 13-15), тюльпановидных типа I 3 б (рис. 2. 10: 12, 16-18), баночных типа I 4 а (рис. 2. 10: 21, 22), ребристых типа II 1 (рис. 2. 10: 24, 26) и II 2, а (рис. 2. 10: 20, 23), плоских дисков и дисков с небольшой закраиной. Из керамики с лощеной поверхностью встречены фрагменты мисок типа III 1 и III 3, б. На лощеных сосудах присутствует гравированный орнамент (Обломский, 1991, с. 47-48). Считается, что на этих памятниках были наиболее распространены сильнопрофилированные округлобокие сосуды типа I 1, а, а и диски, небольшой серией представлены горшки типа I 3 а и I 3 б. Ребристые горшки по количеству уступают округлобоким. Лощеная керамика составляет менее 1 % керамического комплекса (Обломский, 1991, с. 49).

Для керамического комплекса раннекиевских памятников днепродонецкой лесостепи характерно сохранение характерных черт керамического комплекса постзарубинецких памятников: горшки класса I составляют 2/3 общего количества, преобладают слабопрофилированные близкие к баночным (I 2, б или I 2, в), округлобокие (I 1) горшки, реже встречаются тюльпановидные (I 3) и баночные (I 3) с загнутым внутрь краем (I 4) горшки и ребристые горшки типов II 1, II 2 б и II 2в. Полагают, что основное отличие от постзарубинецкого керамического комплекса состоит в замене сильнопрофилированных округлобоких горшков типа II 1 горшками типов I 2 и I 3 (Терпиловский, 2004б, с. 40).

Обработка поверхности груболепной керамики совершенно аналогична постзарубинецкой – она заглажена щепкой или пучком травы. Почти на всех памятниках найдены горшки с насечками или пальцевым вдавлениями по краю

венчика. Изредка встречены хруповатые горшки и сосуды с расчесами гребнем на поверхности (раскоп 1 Шишино 5, Кулига) (Обломский, 1991, с. 49, 51). Как и в керамическом комплексе постзарубинецкого горизонта, здесь также встречены лощеные сосуды с гравированным орнаментом. Следовательно, керамический комплекс группы памятников Шишино 5 – Шмырево очень близок керамическому комплексу постзарубинецкого горизонта в днепродонецкой лесотепи и вероятно является его дальнейшим развитием.

На поселениях Гочево 1, Шишино 5 помимо фрагментов амфорой тары отмечено присутствие гончарной посуды позднеантичного облика в виде фрагментов красно- и розовоглиняных, коричнево- и сероглиняных лощеных и нелощеных сосудов (Горюнова, 2004, с. 47). Сероглиняная гончарная керамика определена как черняховская (Обломский, 1991, с. 48, 188, 189, 195, 197, 200), но эти памятники относятся к предчерняховскому времени. В этом случае более подходит ее определение как «провинциально-римского происхождения» (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 74; Обломский, 2002, с. 18).

На памятниках (в основном поселениях) найдены изделия из глины, железа, камня (плита зернотерки). Глиняные пряслица отнесены к восьми типам: 1) изготовленные из черепков сосудов; 2) лепешковидные; 3) шаровидные; 4) бочонковидные; 5) низкие биконические; 6) биконические средней высоты; 7) высокие биконические (Обломский, 1991, с. 53). Типы пряслиц фактически полностью идентичны тем, что встречены на постзарубинецких селищах. Считается, что там были широко распространены пряслица из черепков сосудов, а на раннекиевских – высокие биконические (Обломский, 1991, с. 53). Миниатюрные сосудики встречены на поселении Шишино 5 (Обломский, 1991, рис. 53: 55), в постройке 2 раскопа 2 Шишино 5 найдена глиняная бусина (Обломский, 1991, рис. 58: 28).

Железные ножи являются совершенно идентичными тем, что происходят из постзарубинецких поселений (Обломский, 1991, с. 55). В слое селища Шишино 5 найден серп со слабо изогнутым лезвием и шипом для крепления к рукояти, расположенным перпендикулярно лезвию (Обломский, 1991, рис. 58:

37). Там же найден конический наконечник пещни (Обломский, 1991, рис. 58: 34). В погребении 9 могильника Приоскольское 2 обнаружено железное зубило (Обломский, 1991, рис. 64: 56). На поселении Гочево 1 найдены трехлопастный наконечник стрелы и шпора. В Шишино 5 обнаружена железная обойма (Обломский, 1991, с. 57). Из погребения 3 могильника Приоскольское 2 происходит пряжка с прямоугольной рамкой (Обломский, 1991, рис. 64: 17), а на поселении Шишино 5 обнаружен язычок пряжки (Обломский, 1991, рис. 53: 48).

К изделиям из кости относятся трубчатые рукоятки из слоя селища Шишино 5 (Обломский, 1991, рис. 53: 47). К каменным орудиям относится фрагмент нижней плиты зернотерки с поселения Шишино 5 (Обломский, 1991, рис. 53: 35).

2.4. Заключение.

При дальнейшем исследовании генезиса постзарубинецких памятников региона актуальным является поиск и исследование предшествующих во времени памятников латенского времени III в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны, а именно – за счет разведок и анализа сделанных ранее находок возникла проблема расширения на восток ареала зарубинецкой культуры от Среднего Поднепровья в сторону Псла, Суллы. Возможно, что речь идет о нахождении отдельных памятников (вещей) этой общности за пределами компактного ареала в Среднем Поднепровье

Материалы разведок восточнее Днепра и раскопок Ратского городища свидетельствуют в пользу наличия в предримское время до появления постзарубинецких так называемых позднескифских памятников, материалы которых не восходят ни к зарубинецким памятникам, ни к памятникам типа Харьевки, ни к сарматской традиции. Гипотетически возможно предположить

их сосуществование при появлении носителей постзарубинецких групп в регионе.

Открытие могильника Мутина, осознание его общности с древностями типа Харьевки и находками коронообразных гривен в Подесенье свидетельствует о наличии северо-западного культурного импульса в область пограничья лесной и лесостепной зон восточнее Днепра. Возможно, что эта преемственность сохраняется в раннеримское время и находит отражение в наличии отдельных пшеворских элементов в керамическом комплексе группы постзарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2.

Как отмечалось, исследователи в самой этой группе достаточно четко выделяют две области: западную (тип Картамышево 2) и восточную (тип Терновка 2). Критериями выделения выступают незначительные отличия в керамическом комплексе (касающиеся главным образом соотношения форм столовой посуды и соответственно степени участия центральноевропейских элементов в формировании этой группы древностей) и наличие на поселениях хозяйственных сооружений. Мы сомневаемся в правомерности выделения этих областей, руководствуясь следующими аргументами: 1) выборка раскопанных поселений в каждой из этих областей и исследованных там условно-закрытых комплексов достаточно невелики (табл. 2. 1) (рис. 2. 3); 2) вся керамика из поселений представлена во фрагментированном виде.

Важным для понимания культурных процессов в регионе этого периода также является вопрос о соотношении постзарубинецких памятников региона с подобными по своей морфологии, по особенностям домостроительства и керамическому комплексу раннекиевскими памятниками. Нет оснований для заключения, что «...по структуре керамического комплекса и ряду других показателей памятники типа Шишино 5 – Шмырево резко отличаются от поздnezарубинецких...». (Обломский, 2002, с. 20). Памятников, выделенных в группу Шишино 5 – Шмырево известно мизерное количество в крайней восточной области постзарубинецкого ареала – на Северском Донце (табл. 2. 1) (рис. 2. 3) и совершенно непонятно: существовали ли они лишь как локальное

явление с некоторыми особенностями керамического комплекса в области днепро-донецкого водораздела, или же представляют собой дальнейшее развитие постзарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 на всей территории днепро-донецкой лесостепи? Собственно киевская культура была выделена на материалах Среднего Поднепровья – Подесенья и первоначально ее ареал и был ограничен этими территориями (Терпиловский, 2004б, с. 17-19). Затем, по критериям сходства в домостроительстве, керамическом комплексе, хронологических параллелей памятники типа Шишино 5 – Шмырево были включены на правах «сейминско-донецкого» локального варианта в киевскую культуру (Обломский, 1991, с. 68).

Исходя из культурной близости, всю данную культурную общность стоит объединить под термином «постзарубинецкие памятники» или же «постзарубинецкие/раннекиевские памятники». С одной стороны, он включает в себя четко выделяемые постзарубинецкие памятники типов Картамышево 2 – Терновка 2, Грини, с другой – очень близкие памятники, синхронные и близкие «классическим» памятникам киевской культуры в Среднем Поднепровье и Подесенье.

Актуальной остается проблема присутствия на постзарубинецких/раннекиевских памятниках гончарной дочерняховской керамики, которая теснейшим образом связана с работами по поиску истоков гончарного производства в области Северного Причерноморья до формирования черняховской культуры.

РАЗДЕЛ 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСЕПИ СЕРЕДИНЫ III – НАЧАЛА IV ВВ.

Археологические памятники этого времени представлены пока лишь исключительно поселениями, что существенно влияет прежде всего на определение относительной и абсолютной их хронологии. Характеристика топографии, домостроительства, керамического комплекса этих поселений, сравнение их по этим параметрам с синхронными группами памятников в лесостепи Восточной Европы от Днестра до Дона и предшествующими памятниками в самом регионе днепро-донецкой лесостепи осуществлено в целях определения места этой группы поселений, так называемого горизонта Боромля, в системе синхронных, а также предшествующих и последующих во времени древностей как в лесостепи от Днестра до Дона, так и в самой днепро-донецкой лесостепи.

3.1. Ареал памятников середины III – первой четверти IV вв. в днепро-донецкой лесостепи и их топография.

Выявление поселений именно этого периода, вычленение их из древностей римского времени в регионе, связано с несколькими видами памятников, известных по разведкам: 1) на поверхности присутствует лишь лепная керамика, имеющая параллели в керамическом комплексе постзарубинецких-раннекиевских памятников, группы Каменево 2 – Комаровка 2 и собственно горизонта Боромля сер. III – перв. четв. IV вв.; 2) на поверхности имеется лепная и гончарная черняховская керамика без датирующих находок, могут присутствовать фрагменты светлоглиняных амфор, в том числе Шелов D; 3) на поверхности встречается лепная и гончарная керамика, датирующие вещи различных ступеней относительной хронологии: как C1a, C2, так и C3, D1. В последнем случае, как показывают материалы раскопок, речь идет о наложении

слоя селищ черняховской культуры полностью или частично на слой поселений горизонта Боромля (Любичев, 2008б, с. 47; 2008д, с. 42-43).

Первые два вида поселений до проведения их раскопок могут быть отнесены к памятникам со спорной культурной интерпретацией. Ряд таких поселений открыты в верхнем течении Северского Донца, Ворсклы, Псла, Оскола, Сейма. На большинстве из них количественно преобладавшие фрагменты лепной керамики находились на поверхности совместно с фрагментами черняховской гончарной посуды (см. 1. 2. 1. 2.)

На других обследованных разведками поселениях подобные материалы сопровождалась находками фибул с высоким приемником группы Альмгрен VII, а также подвязных, «воинских», пластинчатых фибул (см. 1. 2. 1. 2.).

Раскопками были исследованы поселения, где в слое и условно-закрытых комплексах характерная лепная керамика вместе с черняховской гончарной керамикой находится вместе с вещами – диагностами фаз C1b, C2 (рис. 3. 4-3. 6; 3. 7-3. 8; 3. 9; 3. 12; 3. 13; 3. 14) (см. 1. 2. 1. 2.). Большинство из этих поселений имеют также находки вещей-диагностов фаз C3 и D1.

На других поселениях в ходе раскопок не выявлено вещей – диагностов фаз C1b, C2, но там обнаружена характерная лепная керамика, встреченная на других раскопанных поселениях вместе с этими вещами (рис. 3. 10; 3. 15) (см. 1.2.1.2.).

Картографирование этих поселений дает возможность очертить ареал размещения группы памятников сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи – так называемого «горизонта Боромля». Южный участок границы ареала, по всей видимости, не заходит в степь между Ворсклой и Северским Донцом. Восточный участок заходит на левый берег Северского Донца в его верхнем течении, а северный – на правый берег Сейма в его верхнем и среднем течении. Западный участок границы тянется от среднего течения Сейма к среднему течению Псла, затем следует западнее Ворсклы к Днепру (рис. 3. 1). В перспективе, вероятно, благодаря новым исследованиям, ареал будет расширен в западном направлении, в сторону Днепра и охватит всю днепро-донецкую

лесостепь. Например, поселение Матяшев Яр с груболепной керамикой и находкой фибулы группы VII О. Альмгрена находится на р. Ромен (Жаров, Терпиловский, 2006, с. 94), западнее выделенного ареала. На северо-востоке ареал памятников днепро-донецкой лесостепи, по современным исследованиям, не соприкасается с областью распространения памятников типа типа Седелки-Каширка в Верхнем Подонье (рис. 6. 3).

Определение топографических условий расположения поселений этого времени в днепро-донецкой лесостепи проведено авторами исследований на основании собственных наблюдений и знакомства с топографическими картами. Специальные ландшафтные карты не использовались и потому это определение часто носит приблизительный характер.

Поселения располагались в различных топографических условиях (табл. 3. 1). Селища Боромля 2 (рис. 3. 2: I) и Войтенки 1 (рис. 3. 2: III), Головино 1 (рис. 3. 3: III) занимали участки на склонах мокрых балок (Обломский, 2002, с. 114; Любичев, 2006, с. 79). Поселения Букреевка 2 (рис. 3. 2: II), Гочево 3 и 4 (рис. 3. 3: I), Песчаное (рис. 3. 3: II) охватывали участки первой надпойменной террасы (Сымонович, 1990, с. 78; Обломский, 2002, с. 114), а селище Родной Край 3 размещалось на возвышенности в пойме (рис. 3. 2: IV) (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, с. 111). Заметим, что в Боромле 2 и Войтенках 1 поселения этого времени были перекрыты селищами черняховской культуры, с находками вещей, характерных для ступеней С3, С3/D1 (Некрасова, 2006, с. 94 – 95; Любичев, 2008г, с. 263).

Поселения предшествующего времени, синхронные ступеням В2 и С1а в области днепро-донецкого водораздела, занимали возвышения в пойме (Гочево 1, Гочево 2, Шишино 5, Рябовка 1), края или мысы надпойменной террасы (Приоскольское 2, Шмырево, Шоссейное) (Обломский, 1991, с. 152, 208, 242; Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 174; Терпиловский, 2004б, приложение 3, с. 105).

Наряду с поселениями горизонта Боромля в полосе лесостепи с запада на восток от верхнего течения Днестра до среднего течения Дона существовали

такие культурные группы как памятники типа Демьянов-Черепин, киевская культура, памятники типа Седелки-Каширка (рис. 6. 3.). Для определения места горизонта Боромля в системе этих групп, сравнения топографического положения памятников, традиций домостроительства, керамических комплексов. Необходимо выделение синхронных памятников. Понятно, что эта задача имеет ограниченное решение, ибо речь идет о датировке условно-закрытых комплексов поселений, в заполнении которых кроме керамики часто не имеется датирующих находок.

Термин «памятники типа Демьянов-Черепин» в широком значении объединяет поселения, содержащие несколько горизонтов III-V вв. (Баран, 1981, с. 147). В рамках нашего исследования под этим термином объединяются условно-закрытые комплексы верхнеднепровских поселений, относящиеся к диапазону второй четверти III – начала IV вв., что приблизительно соответствует ступеням C1b, C2 относительной хронологии закрытых комплексов. К этому периоду могут быть отнесены жилище 9, сооружения 3, 11, 17, яма 49 Бовшева (Баран, Гопкало, 2005, табл. 2: 5-7; 5: 6, III, IV; 10: 9, 10), жилища 2, 4, сооружение 4, жилище 1/1987, яма 7 Демьянова 2 (Баран, Гопкало, 2005, табл. 15: 16; 17; 22: 13; 21; 24: I, II), жилища 1, 2, 3 Куропатников (Баран, Гопкало, 2005, табл. 30 -34), жилища 4, 5 Черепина (Баран, 1981, табл. 38, 39), жилище 22 Рипнева 2 (Баран, 1981, табл. 65: 29) (Любичев, 2010а, табл. 1).

На поселениях киевской культуры Среднего Поднепровья к этому периоду относятся селища Глеваха, Новые Безрадици, Бортнички, Хлепча, некоторые объекты Обухова 3 (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 104-106, 108-109, 110-111, 122; Терпиловский, 1999а, 2004б, с. 42, 43) (Любичев, 2010а, табл. 2). В ареале киевской культуры Подесенья к этому времени относятся отдельные сооружения Верхнестриженского 3, Деснянки (Титовой речки), Мены, Киреевки 2, Лаврикова Леса, Форостовичей (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 125, 132-133, 140, 142, 144-145, 146-148; Терпиловский, 2004б, с. 43; Кухарська, Обломський, 1988; Третьяков, 1974, с. 102-110; Терпиловский, 1984б, с. 91) (Любичев, 2010а, табл. 2).

В группе Седелки-Каширка постройка 1 раскопа III может быть приблизительно датирована второй половиной III – третьей четвертью IV вв. (Обломский, 2009а, рис. 3-5). Поселение Седелки может быть приблизительно отнесено к середине III- началу IV вв. (Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 133, рис. 2: 3, 5; 8: 4; 17: 9, 10) (Любичев, 2010а, табл. 5, 8).

Поселения группы Демьянов-Черепин размещались на возвышенных участках в пойме реки или на краях мысовидных останцев над поймой (Бовшев 2, Куропатники), на склоне балки над луговой долиной (Демьянов 2) (Баран, 1981, с. 19; Баран, Гопкало, 2005, с. 5). Хронологически и генетически предшествующие им поселения зубрицкой группы в большинстве своем занимали высокие берега (мысы) рек, а некоторые из них размещались на склонах луговых долин (Козак, 1992, с. 33). Здесь наблюдается преобладание в топографии поселений, учитывая рельеф области Верхнего Поднестровья.

Селища киевской культуры III – IV вв. в Среднем Поднепровье (табл. 5. 11) размещались на краю надпойменной террасы (Хлепча, Новые Безрадици), и на склоне мокрой балки (Белгородка, Глеваха, Обухов 3), возвышении в пойме (Бортнички) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 102, 103, 108-109, 122). Предшествовавшие им киевские поселения, синхронные ступеням В2-С1а находились на краю надпойменной террасы (Казаровичи) или на возвышении в пойме (Сушки 2) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99, 119).

Селища киевской культуры Подесенья располагались на пологом склоне правого берега реки (Верхнестриженское 3), обрывистом мысу правого берега реки (Форостовичи), на краю первой надпойменной террасы (Мена, Лавриков Лес) или на сниженном берегу ручья (Деснянка) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 125, 132 140, 144, 146). Предшествующие им во времени киевские поселения, синхронные ступеням В2/С1, С1 в Подесенье располагались на краю первой надпойменной террасы (Гребля), на возвышении в пойме (Попово-Лежачи) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99, 140; Обломский, Терпиловский, 1998а, с. 53).

Поселения группы Седелки-Каширки размещались на останцах в пойме (2 %), склонах первой надпойменной террасы рек (46 %), на черноземных склонах балок (в том числе и мокрых) (6 %) или на краю коренного берега (Каширка 1, Седелки). Они тяготеют к малым рекам и занимают разные участки берега с относительно крутыми склонами (Акимов, 2001а, с. 10; Медведев, Акимов, 2001, с. 145-158; Обломский, 2001б, с. 123; Обломский, 1998а, с. 110; Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 124-156; Обломский, 2009а, с. 188).

Спектр топографии поселений сер. III – перв. четв. IV вв. в днепродонецкой лесостепи отличается от хронологически предшествующих постзарубинецких-раннекиевских памятников наличием помимо поселений в поймах и на надпойменных террасах еще и селищ на склонах мокрых балок. Подобный спектр характерен для памятников типа Демьянов-Черепин и Седелки-Каширки. Среди киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья встречаются также отдельные поселения на склонах балок.

3.2. Сооружения на поселениях и строительные традиции.

Наземные сооружения не характерны для поселений этого хронологического горизонта. Одна конструкция такого вида известна пока лишь на поселении Букреевка 2 (табл. 3. 2). Это сооружение № 6, прямоугольные контуры которого определены по столбовым ямкам, имевшее размеры стен около 5, 5х3, 0 м (Сымонович, 1990, с. 89-90, рис. 1). Однако не исключено, что оно могло относиться к черняховскому горизонту на памятнике, ибо здесь находились отдельные куски глиняной обмазки, фрагменты лепной и гончарной керамики, а также хроноиндикаторы, относящиеся к ступени С3 (Сымонович, 1990, с. 90).

Именно углубленные постройки являлись жилыми и хозяйственными сооружениями на селищах региона сер. III – перв. четв. IV вв. (табл. 3. 3).

Четкое деление полуземлянок на жилые и хозяйственные представляется невозможным, особенно при отсутствии такого диагностического признака, как отопительное сооружение (Магомедов, 1987, с. 17), которое иногда не прослеживается в тех полуземлянках, которые относят к жилищам (Терпиловский, 1984б, с. 12; Обломский, 1991, с. 100-101) или же встречено в постройках, считающимися хозяйственными (Обломский, 1991, с. 31). Критериями отнесения полуземлянки к жилой в некоторых случаях являются ее форма, размеры и наличие ровного пола (Обломский, 1991, с. 100).

За ее основу (Любичев, 2008а) взяты разработки А.М. Обломского, Д. В. Акимова (Обломский, 1998б; Акимов, 2001б), согласно которым, классификация полуземлянок проводится только на основании их конструкции и деталей интерьера. Выделение типов (римская цифра) произведено на основании формы котлована в плане: I) овальные (подовальные и круглые); II) прямоугольные (подпрямоугольные); III) квадратные (подквадратные, близкие к трапециевидным).

Виды (арабская цифра) выделяются по особенностям устройства дна котлована: 1) с ровным полом без значительных ям и углублений; 2) с материковым выступом-полкой; 3) с вписанным в контур котлована или непосредственно примыкающей к нему ямой (ямами); 4) со сложным рельефом дна (многочисленные выступы, углубления, полки, ниши).

Варианты (большие буквы) определяются по особенностям устройства стен: А) без столбовых ям; Б) с ямой от центрального столба; в) с ямами от столбов, регулярно расположенных по периметру котлована; г) с отдельными столбовыми ямами по периметру котлована; д) с ямами от центрального столба и столбов, регулярно расположенных по периметру; е) с ямами от центрального столба и с отдельными столбовыми ямами по периметру котлована

Подварианты (малые буквы) определяются по наличию или отсутствию (б) отопительного сооружения – очага (а), двух очагов (г), печи-«камина» (в). По совокупности этих признаков создается «формула» сооружения, которая позволяет выделить строительные традиции.

Ю.Ю. Башкатовым предложена другая классификация жилищ «славянской линии развития» I-V вв. (Башкатов, 2008в). Ее автор считает, что схема А.М. Обломского может быть применена для первичного описания объектов, но не для их сравнительного анализа ввиду: 1) нецелесообразности общей типологии жилищ и хозяйственных построек; 2) трудности использования в Среднем Поднепровье по причине региональной специфики киевской культуры; 3) единичности некоторых таксонов (Башкатов, 2008в, с. 327).

Эта типология строится на степени углубленности котлована (тип) и конструкции стен (класс, подкласс), она не учитывает наличие и конструкцию отопительных сооружений, так как «на протяжении большей части первой половины I тыс. н.э. их наличие в жилище не было обязательным» (Башкатов, 2008в, с. 331). Но в этом случае, объект без отопительного сооружения, представляемый как жилище, мог являться хозяйственным. В этом случае применение единых параметров для характеристики похожих углубленных сооружений, независимо от их назначения, видится достаточно логичным. Схема Ю.Ю. Башкатова во многом базируется на этнографических параллелях, а схема А.М. Обломского исходит из реального археологического объекта мертвой вновь открытой культуры, где порой нельзя достаточно уверенно проследить конструкцию стен и истинную глубину котлована углубленного сооружения. Схема А.М. Обломского применима к классификации углубленных сооружений лесостепи от Верхнего Поднестровья до Среднего Дона независимо от их принадлежности к определенной «линии развития», она позволяет достаточно гибко и детально описать остатки сооружения в том числе и для сравнения.

К типу I относятся округлые или овальные в плане углубленные сооружения (рис. 3. 16). Размеры их котлованов колеблются в пределах от 2, 6x2, 1 до 5, 2x4, 55 м, глубина котлована составляет 0, 3-1, 8 м от уровня материка и 0, 9-2, 4 м от уровня современной поверхности. Подавляющее большинство сооружений отличаются сложным устройством дна котлована:

либо они имеют лишь материковый выступ - «полку» (часть постройки 2 селища 10-й Октябрь) (рис. 3. 15: 1), либо – многочисленные полки, углубления, ниши (Букреевка 2, постр. 1; Войтенки 1, уч. А, сооруж. 2/2, 10-й Октябрь, постр. 3) (рис. 3. 16: 1, 5, 9). В контур котлована бываюи вписаны ямы (Букреевка 2, постр. 4, 7; Боромля 2, постр. 6) (рис. 3. 16: 2, 4, 6) (табл. 3. 4). Только меньшая часть построек отличается ровным полом без ям и значительных углублений (Боромля 2, постр. 10) (рис. 3. 16: 3). Большинство построек имеет столбовые ямы в двух основных комбинациях: либо отдельные ямки по периметру (Букреевка 2, постр. 1, 7) (рис. 3. 16: 5, 6), либо ямку от центрального столба и отдельные ямки по периметру (Войтенки 1, уч. А., сооружение 2/2; Букреевка 2, сооружение 4) (рис. 3. 16: 1, 4). Некоторые постройки лишены столбовых ям (10-й Октябрь, постр. 3, Боромля 2 постр. 6, 10) (рис. 3. 16: 2, 3, 9). В качестве отопительных сооружений в постройках использованы: простой очаг, оставивший пятно прокала (Войтенки 1, уч. А., соор. 2/2, Букреевка 2, постр. 7) (рис. 3. 16: 1, 6), печь-«камин» (Букреевка 2, постр. 1) (рис. 3. 16: 5). В некоторых сооружениях следов отопительных устройств не обнаружено (Букреевка 2, постр. 4, Боромля 2 постр. 6, 10; 10-й Октябрь, постр. 3) (рис. 3. 16: 2, 3, 4, 9).

К варианту этого типа построек (тип IA) относятся сооружения 2, 5 Букреевки 2 и постройка 1 Гочево 1 (рис. 3. 10: IV; 3. 16: 7, 8), имеющие котлованы неправильной овальной формы с выступами. Сооружение 5 Букреевки 2 имеет сложный рельеф дна, отдельные ямы по периметру и в середине пола, печь-«камин» (рис. 3. 8: I: 1; 3. 16: 8). Состоящая из двух помещений постройка 2 Букреевки 2 объединяет в себе черты сооружений I (большое помещение) и II (малое помещение) типов (рис. 3. 7: II: 1; 3. 16: 8). Оба помещения имеют сложный рельеф дна. В большом помещении расположен центральный столб и отдельные ямы по периметру, в малом – только отдельные столбовые ямы по периметру котлована и там же находится печь-«камин». Пол постройки 1 Гочево 1 большей частью состоит из

углублений и ям, отдельные столбовые ямки располагались по периметру (рис. 3. 16: 10).

Постройки типов I, IA составляют первую строительную традицию, для которой характерны именно овалы (круглые) в плане сооружения со сложной конструкцией пола, различными вариантами размещения столбовых ям и типами отопительных устройств.

К типу II принадлежат прямоугольные в плане углубленные постройки. Их углы могут быть в различной степени закруглены и некоторые сооружения имеют не совсем четко прямоугольные очертания (рис. 3. 17). Размеры этих сооружений в плане составляют от 3, 0x2, 0 до 5, 4x4, 3 м с глубиной котлована 0, 3-0, 6 м от уровня материка и 0, 9-1, 45 м от уровня современной поверхности. Большинство построек этого типа имеют ровный пол без значительных углублений и ям (Букреевка 2, постр. 3, 8; Головино 1, постр. 2; Боромля 2, постр. 1, 3; Гочево 2, постр. 2; Гочево 3, жил. 1; Родной Край 3, постр. 1; Войтенки 1, А, сооруж. 4) (рис. 3. 17: 1-5, 7-11) и лишь отдельные – вписанную в контур котлована яму (Мамрои 2, постр. 1) (табл. 3. 6) (рис. 3. 17: 6).

Расположение столбовых ям в этом типе сооружений отличается многообразием: с центральной ямкой и ямками, регулярно размещенными по периметру стен (Букреевка 2, постр. 3; Боромля 2, постр. 3) (рис. 3. 17: 3, 5), с центральной ямкой и отдельными ямками по периметру котлована (Головино 1, постр. 2; Букреевка 2, постр. 9; Гочево 3, жил. 1; Войтенки 1, А, сооруж. 4) (рис. 3. 11: I: 1; 3. 17: 2, 7, 10). В постройке 9 Букреевки 2 три столбовые ямки размещены по одной линии (одна в центре, две – на середине мыльных стен) (рис. 3. 17: 2). В сооружении 4 участка «А» Войтенков 1 на середине малых стен размещены уже по паре ямок, а одна ямка также находится на середине пола по одной линии с симметричными парными ямками (рис. 3. 13: II: 1; 3. 17: 10). В некоторых сооружениях столбовые ямы отсутствуют вообще (Родной Край 3, постр. 1; Гочево 2, постр. 2; Мамрои 2, постр. 1; Боромля 2, постр. 1; Букреевка 2, постр. 8) (рис. 3. 17: 1, 4, 6, 9, 11). Типология отопительных сооружений в

этих конструкциях также отличается многообразием: открытые очаги (Войтенки 1, А, сооруж. 4, Букреевка 2, постр. 8, 9) (рис. 3. 17: 1, 2, 10), два открытых очага в углублениях (Родной Край 3, постройка 1) (рис. 3. 9.: I: 1; 3. 17: 11), печь-«камин» (Гочево 2, постр. 2, Букреевка 2, постр. 3) (рис. 3. 10: III; 3. 17: 3, 9), либо их следы не обнаружены (Мамрои 2, постр. 1, Боромля 2, постр. 1, 3, Головино 1, постр. 2, 5) (рис. 3. 17: 4-8). Постройки типа II относятся ко второй строительной традиции, для которой присущи прямоугольные в плане сооружения в основном с ровным полом, столбовыми ямами в различных комбинациях размещения и различными типами отопительных сооружений.

К типу III принадлежат квадратные в плане углубленные сооружения (рис. 3. 18). Их размеры стен колеблются в пределах от 2, 12x1, 97 до 4, 3x4, 0 м, а глубина котлована составляет 0, 3-1, 2 м от уровня материка и 0, 7-1, 8 м от уровня современной поверхности. Для этого типа сооружений не характерны постройки со сложным рельефом дна. К таким относится лишь сооружение 3 Огульцов (рис. 3. 14: I: 1). Характерными являются сооружения с ровным полом (Гочево 1, постр. 1; Гочево 4, постр. 2; Родной Край 3, постр. 2) (рис. 3. 10: VI: 1; 3. 18: 1, 4), с отдельными ямами в нем (Песчаное, жил. 2; Головино 1, постр. 4) (рис. 3. 18: 3, 5) или же в постройке выполнен лишь один материковый выступ-«полка» (Песчаное, жил. 5) (рис. 3. 18: 2).

В этом типе отсутствуют сооружения только лишь с центральной столбовой ямой. Имеются постройки без столбовых ям (Гочево 4, постр. 2; Песчаное, жил. 2, 5; Огульцы, сооруж. 3) (рис. 3. 10: VI: 1; 3. 14: I: 1; 3. 18: 2, 5), с отдельными столбовыми ямами по периметру котлована (Головино 1, постр. 4) (рис. 3. 14: III: 1) или с ямами от столбов, регулярно расположенных по его периметру (Родной Край 3, постр. 2; Гочево 1, постр. 1) (рис. 3. 9: II: 1; 3. 10: I: 1). В качестве отопительных сооружений в постройках этого типа использовались очаги (Песчаное, жил. 2; Гочево 4, постр. 2; Головино 1, постр. 4) (рис. 3. 10: VI: 1; 3. 18: 3, 5). Постройка 2 Родного Края 3 имела два очага (рис. 3. 18: 4). Некоторые постройки лишены следов отопительных сооружений

(Огульцы, сооруж. 3; Песчаное, жил. 5; Гочево 1, постр. 1) (рис. 3. 14: I: 1; 3. 18: 1, 2).

Постройки типа III по своим конструктивным особенностям, а именно форме котлована, наличию ровных полов, стоит отнести ко второй строительной традиции. Но среди них отсутствуют сооружения с печами-«каминами».

Помимо этих сооружений на поселениях находились хозяйственные ямы с ровными или сужающимися стенками, с ровным или углубленным к центру дном. В некоторых ямах сооружены ступеньки.

Для выяснения истоков этих строительных традиций необходимым является сравнение с сооружениями на хронологически предшествующих поселениях в области днепро-донецкой лесостепи с сооружениями на синхронных памятниках в соседних областях лесостепи: Верхнем Поднестровье, Среднем Поднепровье и Подесенье, Подонье. В предшествующее время на этой территории присутствовали сооружения неправильной/подпрямоугольной формы с отопительными конструкциями, оставившими провал пола, с ямами от центрального столба, срубной и каркасной конструкцией стен. Здесь отсутствовали сооружения первой строительной традиции, в том числе и многочастные.

В сооружениях на поселениях группы Шишино 5 – Шмырево (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 12, 13, 30) прослеживается некая подоснова лишь второй строительной традиции в виде подобия формы котлована прямоугольных или квадратных построек. Например, постройка 3 Боромли 2 (рис. 3. 17: 5) похожа на сооружение 5 раскопа 1 Шишино 5 (рис. 2. 9: 1). Отмечается определенная близость построек, но в то же время и серьезные различия в виде присутствия на поселениях, синхронных ступеням C1b, C2 большого количества каркасно-столбовых сооружений, использования очагов в ямах и печей-«каминов», появления в постройках полок-лежанок (Земцов, 2007, с. 21). Следовательно, вторая строительная традиция на поселениях, синхронных ступеням C1b, C2 не является прямым наследием прямоугольных и

квадратных углубленных построек постзарубинецких-раннекиевских памятников на этой территории.

На памятниках Верхнего Поднестровья типа Демьянов-Черепин имелось три основных типа построек (Баран, Гопкало, 2006, рис. 5): 1) прямоугольной формы в плане со столбовыми ямками в углах или нерегулярно расположенных вдоль стен, очагами (печами-«каминами») (рис. 3. 19: 1, 2, 4, 5, 7, 9, 14); 2) квадратные без столбовых ям, с очагами, ямами (рис. 3. 19: 10, 15); 3) округлые в плане, в том числе с уступами-«лежанками» (рис. 3. 19: 3, 6, 8, 11, 12). Постройки первого типа находят аналогии на хронологически предшествующих пшеворских поселениях Верхнего Поднестровья (жилище 2 поселения Пасеки-Зубрецкие) (Козак, 1992, рис. 5: 13), в зубрицкой группе (жилище 3 поселения Загаи 2) (Козак, 1992, рис. 20: 1). Постройки второго типа имеют аналогии в некоторых сооружениях зубрицкой группы (жилище 7 поселения Загаи 2) (Козак, 1992, рис. 18: 1). Постройки третьего типа находят аналогии в предшествующих пшеворских и синхронных вельбаркских памятниках региона «Верхнее Поднестровье – Волынь». Жилище 6 пшеворского поселения Гирка Полонка, жилища 5, 22 вельбаркского поселения Боратин имеют подобную округло-овальную форму и также уступ-«лежанку» вдоль большей части стен, столбовые ямки вдоль стен и края уступа-«лежанки» (Козак, 1992, рис. 4; 42: 1; 46: 1). В зубрицкой группе также известны округлые сооружения с ямками по периметру стен и центральной столбовой ямкой (жилище 5 поселения Гирка Полонка 2) (Козак, 1992, рис. 16: 12). На вельбаркских поселениях Волыни известны округло-овальные жилища со столбовыми ямками по периметру стен (жилища 13, 21 Боратина) (Козак, 1992, рис. 40: 1; 44: 1).

Сооружения типа III памятников типа Демьянов-Черепин (рис. 3. 19: 3, 6, 8, 11, 12) являются близкими постройкам первой традиции (тип I) поселений, синхронных ступеням горизонта C1b-C2 в днепро-донецкой лесостепи (рис. 3. 16). Сооружения типа I из Верхнего Поднестровья находят аналогии среди некоторых построек типа II памятников днепро-донецкой лесостепи, прежде

всего это постройки 8, 9 Букреевки 2 (рис. 3. 17: 1, 2), постройка 1 селища Мамрои 2 (рис. 3. 17: 6), постройки 2, 5 Головино 1 (рис. 3. 17: 7, 8), 1 Боромли 2 (рис. 3. 17: 4). Сооружения типа II памятников типа Демьянов-Черепин (рис. 3. 19: 10, 15) по форме котлованов аналогичны постройкам типа III наших памятников (рис. 3. 18).

Сооружения киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья III-IV вв. (Казаровичи: жилище 6; Глеваха: сооружения 1, 3, 6, 9; Новые Безрадици: жилище 5; Обухов 2: жилища 1, 2; Обухов 7: жилище 25; Сушки 2: сооружения 1, 2, жилища 2, 3, 7, Бортнич: жилище 2; Верхнестриженское 3: сооружение с печью-«камином»; Деснянка: сооружения 1, 2, 6, 7, 9, 10; Мена 5: жилище 2; Киреевка 2: прямоугольная полуземлянка; Лавриков Лес: сооружения 1, 2, 3, 4, 5) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 99-100, 109, 110-111, 114-118, 119, 122, 125, 133, 140, 142, 144-145; Терпиловский, 1999а, рис. 3, 4; Терпиловский, 2004б, с. 36) являются полуземлянками с котлованом прямоугольной или квадратной формы со столбовой ямой в центре или столбовыми ямами вдоль противоположных стен, открытыми очагами (рис. 3. 20: I). По прямоугольной-подквадратной форме котлована постройки киевской культуры находят аналогии среди построек типов II и III на поселениях днепродонецкой лесостепи (рис. 3. 17, 3. 18). Особенно близки подквадратные сооружения с центральной столбовой ямой и отдельными ямками вдоль стен. Например, это постройки киевской культуры из Лавриковского Леса (постройка 1) и Верхнестриженского 3 (постройка 1) (рис. 3. 20: I: 3, 4) с одной стороны и постройка 3 Боромли 2, постройка 3 Букреевка 2 с другой (рис. 3. 17: 3, 5). Однако среди построек поселений, синхронным ступеням C1b-C2 в днепродонецкой лесостепи нет сооружений с единственной центральной столбовой ямой, подобно киевским поселениям (рис. 3. 20: I: 2, 4). В свою очередь для киевских поселений не присущи квадратные постройки со сложным профилем пола (рис. 3. 18: 2, 3).

На памятниках Подонья типа Седелки-Каширка возможно выделить углубленные сооружения таких типов: I) округлые (или округлые неправильной

формы) с выступами и сложным профилем пола (а также ровным полом) (рис. 3. 20: II: 1, 6, 7); II) неправильной прямоугольной формы с ровным полом (или со сложным профилем пола) (рис. 3. 20: II: 2, 3); III) подквадратные с ровным полом без столбовых ям (рис. 3. 20: II: 4, 5). Постройки типа I находят аналогии среди построек типа I памятников днепро-донецкой лесостепи (рис. 44). Постройки типа III памятников типа Седелки-Каширка по деталям интерьера близки постройкам III типа без столбовых ям (Песчаное, жилище 2) (рис. 3. 18: 5) в днепро-донецкой лесостепи.

Приведенный материал свидетельствует, что первая строительная традиция на поселениях, синхронных ступеням C1b, C2 в днепро-донецкой лесостепи, традиция сооружения округлых в плане полуземляночных конструкций, не имеет никаких подоснов в постройках предшествующих в этом регионе постзарубинецких-раннекиевских памятников. Но она присутствует среди других традиций на синхронных поселениях Верхнего Поднестровья (тип III) и Подонья (тип I). Вторая строительная традиция находит отдаленные параллели в сооружениях постзарубинецких-раннекиевских памятников, а именно – в прямоугольных формах котлованов, наличии открытых очагов, иногда и столбовых ямок по периметру. Но в отличие от них, сооружения второй традиции несут в себе черты значительного усложнения конструкции, а именно в: а) наличии двух очагов и печей-«каминов»; б) симметричном расположении столбовых ям вдоль противоположных стен; г) размещении столбовых ям по длинной оси; д) наличии уступов-«лежанок» вдоль стен; е) наличии центральной столбовой ямы вместе с ямами по периметру.

На постзарубинецких-раннекиевских поселениях днепро-донецкой лесостепи нет многочастных сооружений, подобно постройке 2 Букреевки 2, но в то же время они присутствуют на памятниках типа Демьянов-Черепин: сооружение 22 селища Рипнев 2 являлось двухкамерной полуземлянкой (Баран, 1964, с. 234). В этом же регионе двухчастные постройке известны и на хронологически предшествующих памятниках: например, это жилище 11 поселения Загаи 2 (Козак, 1992, рис. 49: 1).

Инновацией в сооружениях на поселениях в днепро-донецкой лесостепи сер. III – перв. четв. IV вв. следует рассматривать так называемые печи-«камины». Пока еще не представляется возможным вывести традицию их сооружения из определенного региона и связать с определенной культурной группой. Они находились в жилищах в Пасеках-Зубрецких (Башкатов, 1997), Демьянове 2 (Баран, Гопкало, 2005, с. 9, рис. 5). Подобные печи известны в Среднем Поднепровье на киевских поселениях Белгородка, Мотовиловская Слободка 4, Игнатовка (Обломский, 2002, рис. 66). В Подесенье они открыты на селищах Александровка, Верхнестриженское 3, Роище (Терпиловский, Шекун, 1996, рис. 6, 10, 23). На Псле такой печью было оборудовано жилище селища Гочево 2 (Обломский, 2002, рис. 66; Терпиловский, 2004, рис. 29: 6), на Северском Донце – сооружение 2 поселения Цепляево 2 (Обломский, 1991, с. 221, рис. 66). В Подонье печи-«камины» известны на поселениях Хлевное и Чертовицкое Третье (Обломский, 2002, рис. 66).

Инновациями, в том числе, стоит признать наличие двух очагов в жилище и ремонт стен с использованием глины (находки кусков глины в заполнении) (Любичев, 2003а, с. 73). Жилище 14 поселения Бовшев 2 в Верхнем Поднестровье также было снабжено двумя очагами (Баран, 1981, с. 29; Башкатов, 1997, табл. 3: II). В то же время постройки второй строительной традиции находят параллели различной степени близости в сооружениях типов I и II памятников Верхнего Поднестровья, в прямоугольных полуземлянках памятников типа Седелки-Каширка, подквадратных полуземлянках киевских поселений Среднего Поднепровья и Подесенья.

Между памятниками типов Демьянов-Черепин, Седелки-Каширка с одной стороны и поселениями днепро-донецкой лесостепи, синхронными ступенями С1в, С2 с другой, наблюдается близость в наличии именно построек первой строительной традиции, которые отсутствуют на киевских памятниках Среднего Поднепровья и Подесенья.

Следовательно, нельзя согласиться с утверждением, что «жилища памятников типа Букреевка-Тазово продолжают традиции конструкции

интерьера жилищ предшествующих памятников типа Шишино 5 – Шмырево» (Обломский, 1991, с. 100-101). Наоборот, возможно констатировать иное: домостроительство на поселениях, синхронных ступеням С1b, С2 в днепро-донецкой лесостепи, наличие в нем нескольких традиций свидетельствует о значительном влиянии со стороны Верхнего Поднестровья при сохранении некоторых местных традиций.

3.3. Керамический комплекс поселений.

Керамический комплекс поселений этого хронологического горизонта состоит из двух очень неравномерных частей: лепной и гончарной керамики.

При классификации керамики поселений середины III – первой четверти IV вв., использована схема А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского (Обломский, 2002, рис. 2) для лепной керамики римского времени Среднего Поднепровья – Днепровского Левобережья (рис. 2. 5), примененная ее авторами при классификации лепной керамики постзарубинецких-раннекиевских памятников. Это позволяет сравнивать керамические комплексы археологических групп разного времени на одной территории. Эта же схема применена нами для определения структуры керамических комплексов синхронных памятников в лесостепи от Верхнего Днестра до Среднего Дона также в целях сравнения.

По сути дела, первой классификацией керамики поселений, соответствующих ступеням С1b-С2 в днепро-донецкой лесостепи является типология Э.А. Сымоновича для лепной керамики селища Букреевка 2. Его тип I находит соответствие в I 1б классификации А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского, тип II – в I 2, тип III – в I 1в; тип IV – в I 1в; тип V – I 3б; тип VI – II 1; II 2; тип VII является редкой формой; тип VIII включает в себя дисковороды (Сымонович, 1990, рис. 9; Обломский, 2002, рис. 2) (рис. 2. 5).

Комплекс лепной керамики распадается на три неравномерные в количественном отношении группы: горшки, конические миски-крышки, миски, диски-сковороды (Любичев, 2007а) (табл. 3. 3).

К типу I горшков отнесены округлобокие формы четырех видов (рис. 3. 21: I-IV). Вид 1 – округлобокие сосуды с сужающимся профилем стенок от середины к венчику и к днищу (рис. 3. 21: I). Он включает в себя три варианта: а) горшки с максимальным расширением тулова в его верхней части, коротким, плавно отогнутым венчиком (рис. 3. 21: I: 1). Они соответствуют горшкам I 1 аа и I 1 аб классификации А.М. Обломского – Р.В. Терпиловского и в нашей таблице они обозначены как «горшки I 1 а»; б) округлобокие горшки вытянутых пропорций с вертикальным коротким венчиком (I 1 «б») (рис. 3. 21: I: 2); в) горшки вытянутых пропорций с максимальным расширением тулова на середине высоты, коротким, плавно отогнутым венчиком (I 1 «в») (рис. 3. 21: I: 3).

Вид 2 – горшки с максимальным расширением шарообразного тулова на середине высоты (I 2) (рис. 3. 21: II). Вид 3 – сосуды баночной формы двух вариантов: а) с максимально расширенным на середине высоты туловом и слабо отогнутым венчиком (I 3а) (рис. 3. 21: III: 1); б) раскрытого профиля с максимальным диаметром по краю венчика (I 3б) (рис. 3. 21: III: 2). Вид 4 – округлобокие горшки с наклоненными к середине венчиками, тулово их иногда отличается специально ошершавленной поверхностью. В вид входят два варианта сосудов: а) с невыделенным краем венчика (I 4 а) (рис. 3. 21: IV: 1, 2, 4); б) с уступом под краем венчика (I 4б) (рис. 3. 21: IV: 3).

Тип II горшков составляют ребристые формы двух видов: 1) с невыделенным/слегка плавно отогнутым венчиком (II 1) (рис. 3. 21: V: 1); 2) с четко отогнутым коротким венчиком (II 2) (рис. 3. 21: V: 1). Конические миски объединены в два типа: I – с ровным дном (рис. 3. 21: VI: 1); II – с полым, «кольцевым» днищем-ножкой (рис. 3. 21: VI: 2-5). При этом, профиль их верхней части может отличаться. По профилю к типу конических мисок примыкают крышки. Они происходят из поселений Родной Край 3 (Башкатов,

Дегтярь, Любичев, 1996, табл. II: 3), Гочево 3 (рис. 3. 11: VIII: 3). Также два типа образуют диски-сковороды: I – с невыделенным краем (рис. 3. 21: VII: 1, 2); II – с выделенным бортиком (рис. 3. 21: VII: 3, 4).

В условно-закрытых комплексах поселений среди горшков преобладают сосуды баночной формы с максимально расширенным на середине высоты туловом и слабо отогнутым венчиком (I 3а) (табл. 3. 3). Затем следуют горшки вытянутых пропорций с максимальным расширением тулова на середине высоты, коротким, плавно отогнутым венчиком (I 1«в»). Далее находятся ребристые горшки с четко отогнутым коротким венчиком (II 2). Менее представлены: горшки раскрытого профиля с максимальным диаметром по краю венчика (I 3б), округлобокие горшки вытянутых пропорций с вертикальным коротким венчиком (I 1«б»). Достаточно маленькую часть составляют округлобокие горшки с загнутым к середине венчиком (I 4а, б). Конические миски являются довольно весомой частью керамического комплекса и присутствуют на всех памятниках. В свою очередь диски-сковороды являются довольно редкими, единичными находками.

Орнамент не характерен для лепных сосудов этих памятников и встречается в виде исключения, очевидно на горшках северо-западной традиции. Из постройки 1 Букреевки 2 происходят фрагменты сосудов со специально ошершавленной поверхностью в зоне тулова. Один сосуд по форме подобен горшкам I 4а нашей классификации (рис. 3. 7: I: 13, 14). Нижняя часть другого сосуда не дает возможности его типологического определения (рис. 3. 7: I: 22). Такие горшки являются характерной составляющей керамического комплекса вельбаркской культуры, как в западной (Schindler, 1940, Taf. 1: 3, 8, 12), так и в восточной (Козак, Прищепя, Шкоропад, 2004, рис. 22: 7; 30: 2; 31: 1, 3; 33: 1) частях ее ареала.

Из этой же постройки происходит фрагмент горшка I 3а с орнаментом в виде широкой волнистой линии ниже венчика (рис. 3. 7: I: 17). Край венчика горшка из постройки 5 Букреевки 2 украшен косыми насечками (рис. 3. 8: I: 20). Из постройки 2 Родного Края 3 происходит миниатюрный ребристый сосуд с

плавно отогнутым венчиком, с лощеной поверхностью черного цвета (рис. 3. 9: I 10). Лепной горшок с шершавой поверхностью типа I 3а из той же постройки орнаментирован по тулову свастиками, которые выполнены врезными линиями (рис. 3. 9: II 11).

Горшок типа I 1б из слоя поселения Гочево 3 орнаментирован насечками по краю венчика и свастиковидными композициями на тулове, выполненными врезными линиями и точками (рис. 3. 11: X: 1). Крышка из ямы 54 Гочево 3 имеет орнамент в виде круглых штампов (рис. 3. 11: VIII: 3). Вдавлениями по краю венчика украшены округлобокий горшок типа I 1а из Гочево 4 (рис. 3. 10: VI: 5) и ребристый горшок типа II 2 из жилища 2 Песчаного (рис. 3. 12: I: 2). В качестве постзарубинецкого «реликта» стоит рассматривать фрагмент реберчатой миски с лощеной поверхностью типа III 2а из постройки 3 Букреевки 2 (рис. 3. 7: IV: 8).

На памятниках типа Демьянов-Черепин ведущее место занимают округлобокие горшки: в особенности типа I 1в и менее I 1б и I 1а, меньше предствалены горшки типа I 2. Достаточно весомое место занимают баночные горшки типа I 3а, меньше встречаются горшки «раскрытого» профиля I 3б. Отсутствуют округлобокие горшки с загнутым внутрь венчиком типа I 4, единичны ребристые горшки, отсутствуют диски-сковороды. Неотъемлемой составной частью этого комплекса являются конические миски (табл. 3. 3) (рис. 3. 22; 3. 23).

На поселениях киевской культуры Подесенья баночные горшки и горшки раскрытого профиля являются главной составляющей керамического комплекса (рис. 3. 25), хотя присутствуют и на поселениях культуры в Среднем Поднепровье (табл. 3. 3) (рис. 3. 24). Основу керамического комплекса последних составляют округлобокие горшки типа I 1в и в меньшей степени – типов I 1а и I 1б (табл. 3. 3) (рис. 3. 24). Ребристые горшки в основном представлены на киевских поселениях Среднего Поднепровья и менее – Подесенья. Единичными являются находки горшков типа I 4. Составной частью керамического комплекса в Подесенья являются диски-сковороды, менее они

представлены в Среднем Поднепровье (рис. 3. 24; 3. 25). Отсутствуют конические миски.

Несколько отличаются от этих киевских поселений Среднего Поднепровья керамические комплексы поселений, расположенных в лесостепи южнее р. Рось. Распределение форм лепной керамики на селищах Ломоватое 1 и Новолиповское показывает, что там уже присутствуют конические миски, основу комплекса образуют прежде всего округлобокие горшки, далее следуют баночные горшки и сосуды раскрытого профиля. Ребристые сосуды представлены менее. Эти памятники отнесены к «киевской традиции» в черняховской культуре (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, рис. 4, 5, 6, 9).

На поселениях типа Седелки-Каширка основу керамического комплекса составляют округлобокие горшки: прежде всего типа I 1в и менее I 2, I 1а, I б. Присутствуют баночные горшки особенно типа I 3а. Здесь отсутствуют ребристые горшки, горшки с загнутым внутрь краем венчика, имеются лишь единичные находки дисков-сковород. Конические миски являются составной частью комплекса (табл. 3. 3) (рис. 3. 26). Здесь представлены горшки «позднескифской традиции» (Обломский, 2008, рис. 2: 10-13), а также постзарубинецкие «реликты» в виде ребристой лощенной миски закрытого типа (Обломский, 2008, рис. 2: 1).

На поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи ведущее место принадлежит округлобоким баночным горшкам типа I 3а и округлобоким вытянутой формы I 1в, далее следуют ребристые горшки II 2 и горшки раскрытого профиля I 3б (табл. 3. 3). Округлобокие горшки, в том числе типа I 1в занимают ведущую позицию в комплексах памятников типа Демьянов – Черепин (рис. 3. 21; 3. 22; 3. 23) и Седелки-Каширка (рис. 3. 26), на киевских памятниках Среднего Поднепровья (табл. 3. 3). На памятниках же киевской культуры Подесенья ведущее место занимают баночные горшки и горшки раскрытого профиля типов I 3а и I 3б (табл. 3. 3) .

Второе место в керамических комплексах поселений днепро-донецкой лесостепи занимают ребристые горшки II 2, затем следуют горшки раскрытого профиля I 3б (рис. 3. 21) (табл. 3. 3). Ребристые горшки, в том числе типа II 2, присутствуют на киевских поселениях Среднего Поднепровья (табл. 3. 11) и менее характерны для Подесенья (табл. 3. 10) (рис. 3. 24; 3. 25). На памятниках типа Демьянов-Черепин и Седелки-Каширка ребристые горшки представлены единичными экземплярами (рис. 3. 22; 3. 26) (табл. 3. 3).

Конические миски являются составной частью керамических комплексов поселений горизонта ступеней C1b-C2 в днепро-донецкой лесостепи, памятников типа Демьянов-Черепин, Седелки-Каширка, они отсутствуют на киевских поселениях Подесенья и Среднего Поднепровья на юге вплоть до р. Рось (табл. 3. 3). Диски-сковороды наиболее характерны для киевских селищ Подесенья (табл. 3. 3), меньше они распространены в Среднем Поднепровье (табл. 3. 3), а единичными находками являются на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи (табл. 3. 9), и памятниках типа Седелки-Каширка (табл. 3. 3). На памятниках типа Демьянов-Черепин они отсутствуют (табл. 3. 3) (рис. 3. 22). Таким образом, среди синхронных памятников лесостепи в полосе от Верхнего Поднепровья до Среднего Подонья и южной части лесной зоны в Подесенье керамический комплекс поселений сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи наиболее близок комплексам селищ групп Демьянов-Черепин, Седелки-Каширки и имеет общие черты с керамическим комплексом киевских поселений Среднего Поднепровья. Он достаточно четко отличается от комплекса лепной керамики киевских памятников Подесенья (табл. 3. 3).

Основой керамического комплекса хронологически предшествующих в днепро-донецкой лесостепи постзарубинецких-раннекиевских памятников являлись баночные горшки типа I 3а и горшки раскрытого профиля типа I 3б. Там присутствовали округлобокие горшки: больше I 1б, I 1в, I 2, менее – I 1аа и I 1аб. В последней группе их было больше (см. 2. 2. 1). Реберчатых форм на постзарубинецких памятниках меньше чем округлобоких, там, в основном,

присутствуют ребристые горшки с изогнутой верхней частью тулова выше ребра. На памятниках группы Шишино 5 – Шмырево более представлены ребристые горшки типа II 1 II 2 и менее II 2а (см. 2. 3). Единичны округлобокие горшки с загнутым внутрь венчиком. Среди керамики обеих культурных групп имеются лощенные миски, диски-сковороды (табл. см. 2. 2. 1; 2. 2. 2. ; 2. 3).

Анализ состава керамического комплекса поселений региона сер. III – перв. четв. IV вв. позволяет сделать заключение, что он имеет некоторые общие черты с керамикой предшествующих во времени памятников римского времени на этой территории. Эта общность проявляется в наличии общих основных форм посуды (округлобокие, баночные, раскрытого профиля, ребристые горшки, горшки с загнутым внутрь краем, диски-сковороды). Часто совпадают орнаментальные мотивы: например волнистая линия на тулове горшка из слоя поселения Картамышево 2 (Горюнова, 2004, рис. 28: 5) имеет аналог на сосуде из постройки 1 (рис. 3. 7.: IV: 8) Букреевки 2. Миниатюрный эксклюзивный сосуд-плошка из сооружения 4 участка А поселения Войтенки 1 (рис. 3. 13.: II: 16) находит аналогии в материалах жилища 10 поселения Картамышево 2 (Горюнова, 2004, рис. 32: 8). Отдаленно напоминает коническую миску лепная рюмка на полой ножке из ямы 8 Терновки 2 (Обломский, 1990б, рис. 5: 15).

Но детали исполнения, орнаментации сосудов и соотношение их форм отличается. На поселениях, синхронным ступеням С1b, С2 при достаточно весомой доле баночных горшков и горшков раскрытого профиля основное место занимают все же округлобокие формы и прежде всего – горшки типа I 1в. На втором месте стоят ребристые горшки без изгиба верхней части тулов (тип II 2). Диски-сковороды здесь являются единичными, но в качестве составляющей комплекса появляются конические миски. Ряд форм сосудов на предшествующих памятниках этой территории не имеют продолжения, а именно: 1) ребристые горшки с дугообразно выгнутой верхней частью тулова без резко выделенного короткого венчика (рис. 2. 10: 26); 2) горшки баночных форм с расширением в верхней части корпуса, едва отогнутым венчиком (рис. 2. 10: 11); 3) горшки с шаровидным туловом и коротким прямым венчиком

(рис. 2. 10: 10); 5) горшки типа I 3б «раскрытого» профиля с хорошо отогнутым венчиком (рис. 2. 10: 17, 18). Не имеет продолжения и прием нанесения в качестве орнамента расчесов на корпусе сосуда (рис. 2. 10: 20, 25, 26). Следует заметить, что и орнамент в виде украшения края венчиков горшков насечками, вдавлениями гораздо шире применялся на сосудах из этих памятников.

Все это дает основания для определения пути сложения комплекса лепной керамики данных памятников как результата воздействия со стороны группы Демьянов-Черепин (округлобокие горшки, конические миски) при наследовании местных предшествующих форм (сосуды раскрытого профиля, ребристые сосуды, сковороды, орнаментация насечками и вдавлениями по краю венчика).

Соотношение долей лепной и гончарной керамики колеблется как в слое, так и в условно-закрытых комплексах на различных поселениях. Определение истинного соотношения лепной и гончарной керамики в этом горизонте памятников существенно затрудняется тем обстоятельством, что большинство поселений сер. III – перв. четв IV вв. перекрыты горизонтом черняховской культуры, где абсолютно преобладает гончарная керамика. По данным А.М. Обломского, черняховская гончарная посуда на ряде поселений этого времени распределяется следующим образом: Боромля 2 – 14, 5 % (постройка 1), 29 % (постройка 3); Букреевка 2 – 17 % (слой), 7 – 33 % (постройки); Родной Край 3-6 % (постройка 1), 16 % (постройка 2) (Обломский, 1997, с. 67). Поселение Головино 1 по очень большому количеству гончарной керамики является неким исключением. В слоях заполнения постройки 2 кухонная черняховская керамика составляет 63-68 %, а столовая – 11-21 %, постройки 4 – соответственно 30-35 % и 12-15 %, постройки 5 – соответственно 28-48 % и 15-24 %, в культурном слое кухонная гончарная керамика составляет 33-43 %, а столовая 5-10 % (Обломский, 2001-2002, с. 50, табл. 1).

Для определения соотношения форм в комплексе гончарной керамики, очевидно следует обратиться, в первую очередь, к однослойным памятникам, содержащим только объекты, синхронные ступеням С1b, С2. К таким

относится пока селище Родной Край 3. Из его постройки 1 происходят лишь фрагменты гончарной столовой керамики: кувшинов, мисок (рис. 3. 9: I: 8, 9, 16, 20). В постройке 2 помимо фрагментов столовой керамики (миски, кувшины, горшки-вазы) также фрагменты кухонной керамики – двух венчиков гончарных горшков (рис. 3. 9: II: 19-25).

На поселениях группы Демьянов-Черепин этого периода также гончарная керамика являлась частью керамического комплекса (рис. 3. 22: II: 5; III: 3). И количество ее в каждом условно-закрытом комплексе отличается: Демьянов 2, жилище 3 – 98 лепных и 102 гончарных фрагмента; жилище 4 – 133 лепных и 68 гончарных фрагмента (Баран, 1981, с. 137). На поселении Рипнев 2 доля лепной и гончарной керамики определяется как 34 % и 66 % (Баран, 1981, с. 141). На поселении Бовшев 2 это соотношение следующее: жилище 9: 15 фрагментов лепной и 14 фрагментов гончарной керамики; яма 49 – соответственно 37 и 63 фрагмента. То есть процент гончарной керамики здесь выше чем на синхронных памятниках днепро-донецкой лесостепи, где в свою очередь гончарной керамики больше чем на поселениях киевской культуры этого периода Среднего Поднепровья и Подесенья (Обломский, 1997, с. 67) (рис. 3. 60).

Определенную специфику имеет набор гончарной керамики на памятниках типа Седелки-Каширка. В условно-закрытых комплексах поселения Седелки фактически отсутствует гончарная кухонная керамика (Обломский, Терпиловский, 1998б). Почти не представлена она в условно-закрытых комплексах и слое селища Ксизово 17 (Обломский, 2009а). Гончарная керамика на этих памятниках представлена фактически исключительно столовой гончарной посудой (рис. 3. 26: I: 3-5; II: 5).

При определении доли горшков в составе гончарной керамики условно-закрытых комплексов поселений региона середины III – первой четверти IV вв. важными являются наблюдения по составу комплекса черняховской гончарной керамики к западу от Днепра в период до появления носителей черняховской культуры к востоку от Днепра. Гончарные горшки присутствуют в погребениях

III фазы (310/320-350 гг.) могильника Данчены (Шаров, 1992, табл. II: 26), переходной фазы II/III (320-350 гг.) могильника Косаново (Шаров, 1992, табл. IV: 74, 86), на фазе IVa Ружичанки (Šarov, 2000, Abb. 7: 6). Гончарные горшки найдены в погребениях с монетами могильников Валя Сяке (погр. 507: 352-355 гг., погр. 501: 347-348 гг.), Могошани (погр. 6: 337-340 гг.), Лецкани (погр. 21: 348 г.) (Шаров, 1992, табл. XII).

Согласно хронологической схеме О. А. Гей – И. А. Бажана, гончарные горшки появляются лишь в третьем периоде развития черняховской культуры (310/320-350/355 гг.) и существуют далее в четвертом и пятом периодах (350/360-400/410 гг.) (Бажан, Гей, 1992, рис. 5: 42, 47; 8: 30; 11: 53; 12: 55; Гей, Бажан, 1997, Табл. 68: 4, 9, 15, с. 43, табл. 69: 11 – 13, с. 44). В Среднем Поднепровье (более узко – в Постугнянье) гончарные горшки появляются в конце III – начале IV вв. Причем для этого времени они имеют слабо отогнутые венчики с каплевидным профилем, плиточные днища. Для первой половины IV в. помимо таких форм присущи и гончарные горшки с короткими (иногда удлиненными) каплевидными венчиками, плоскими или плиточными днищами. Единичными являются горшки с кольцевыми днищами (Петраускас, Петраускас, 2008, с. 71, 73). Гончарные горшки из Головино 1 имеют самые различные венчики: простые утолщенные каплевидные (рис. 3. 36: 11; 3. 37: II: 1; 3. 40: 11, 12), а также хорошо развитые: сильно отогнутые (рис. 3. 36: 5, 15; 3. 37: II: 7; 3-40: 13), профилированные (рис. 3. 36: 1; 3. 37: II: 4; 3. 38: 20), с уступом под крышку (рис. 3. 37: I: 16), Г-образные (рис. 3. 36: 14; 3. 37: I: 18; 3. 37: II: 17) (Обломский, 2001-2002, рис. 7, 9, 10, 13, 14, 18, 22). По материалам Среднего Поднепровья, такие венчики характерны для горшков черняховских памятников середины IV – начала V вв. (Петраускас, Петраускас, 2008, с. 73).

3.4. Заключение.

База археологических источников для региона, относящаяся ко времени между раннекиевскими памятниками и появлением поселений, могильников

черняховской культуры, то есть к сер. III – перв. четв. IV вв. является несколько меньшей, чем для предшествующего периода (табл. 3. 1; 2. 1.).

Тем не менее, имеющийся материал и реальная перспектива его увеличения в ближайшем будущем подтверждают наличие группы (горизонта) памятников (поселений) в регионе позднееримского времени – так называемого горизонта Боромля. В данном разделе это достигнуто путем типологической характеристики: выделения и сравнения характерных черт их топографии, сооружений, керамического комплекса. Сравнение по этим критериям данной группы с предшествующими постзарубинецкими-раннекиевскими поселениями на этой территории и группами похожих по морфологической характеристике памятников в полосе лесостепи (частично прилегающей лесной зоне) от Верхнего Днестра до Верхнего Дона позволяет констатировать ее наличие и своеобразие, выделить также похожие элементы с указанными предшествующими и синхронными памятниками. Хронологическая атрибуция данной группы будет дана в пятой главе.

РАЗДЕЛ 4

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РЕГИОНА НАЧАЛА IV – СЕРЕДИНЫ V ВВ.

Рассматриваемые в этой главе археологические группы совершенно несопоставимы по количеству известных памятников в каждой из них: более девятисот учтенных нами черняховских и менее десятка, отнесенных к группе Каменево 2 – Комаровка 2 (табл. 4. 2; 4. 6). Селища группы Каменево 2 – Комаровка 2 причислены А.М. Обломским к позднему (второму) этапу поздней фазы киевской культуры ее сейминско-днецкого варианта (Обломский, 1991, с. 95, 99-100). Большинство памятников, выделенных им в начальный (первый) этап поздней фазы киевской культуры (Обломский, 1991, с. 95, 99-100), отнесено нами к горизонту Боромля. И в этом случае группа селищ поздней фазы киевской культуры, не входящих в ее деснянский вариант, но синхронных черняховской культуре в области днепро-днецкой лесостепи, обозначены нами по территориальному и морфологическому признакам как «группа Каменево 2 – Комаровка 2».

Для удобства учета, картографирования, обзора истории полевых исследований и оценки уровня исследованности ареал черняховских памятников в регионе по бассейнам основных рек подразделен на шесть условных районов: «Днепр, прибрежная часть левого берега», «Десна-Сейм», «Сула», «Псел», «Ворскла-Орель», «Северский Донец» (рис. 4. 1 – 4. 9) (табл. 4. 1; 4. 2).

4.1 Ареалы и топография памятников культурных групп.

Естественной границей ареала черняховской культуры в области днепро-днецкой лесостепи на западе является Днепр. Другие участки границы ареала (западный, восточный, южный) обозначены на уровне современной изученности по известным памятникам культуры.

Северный граница культуры проходит по области правых притоков Трубежа и его верхнего течения, где расположены поселения Ковалин, Городище 2, Подолье, Барышевка (рис. 4. 1 – 4. 3) (табл. 4. 2). Далее линию границы возможно провести к Десне на участке устья Остра. Там находится поселение Карпиловка (рис. 4. 4) (табл. 4. 2). Она следует в верхнем течении Остра по его левому берегу, где расположены селища Закревское и Дослідное. В среднем течении Остра граница выходит на его правый берег и следует до левого берега Десны, где расположены поселения Кладьковка, Комаровка (рис. 4. 4) (табл. 4. 2). Граница ареала проходит по рекам Дочь – Борзна – Езучь и далее по левому берегу Сейма вплоть до его правого притока – р. Свапа. В области Свапы черняховские памятники выходят на правый берег Сейма. Они занимают оба берега Свапы (рис. 4. 4). Далее границу возможно наметить по правому берегу Сейма до р. Рогозна (селища Колосовка, Поповка, Филиппова) и далее до р. Рать (черняховская керамика найдена на Ратском городище доримского железного века). Далее очевидно линия граница проходит по левому берегу Сейма вплоть до р. Полная (рис. 4. 4) (табл. 4. 2).

Восточный участок. От р. Полная линия границы ареала культуры следует в область верхнего течения Северского Донца (поселение Стрельниково) (рис. 4. 1; 4. 9) (табл. 4. 2). Далее она проходит к р. Нежеголь в районе впадения в нее р. Короча (селище Нежеголь), следует на юг к р. Волчья (селища Волчанск, Огурцово). Черняховские поселения вплоть до устья р. Великий Бурлук были зафиксированы по левому берегу Северского Донца (Верхняя Писаревка, Революционное, Писаревка, Петровское, Мартовое, Марынчино) (табл. 4. 2). Восточнее группа поселений открыта в верхнем течении Великого Бурлука (Первое Мая, Плоское, Голубовка) (рис. 4. 1; 4. 9) (табл. 4. 2). При современном состоянии изученности пока неясно: или это группа селищ, вынесенных на восток от основной массы памятников, или же граница ареала культуры на этом участке проходит восточнее от левого берега Северского Донца по р. Великий Бурлук.

Далее граница ареала культуры проходит по правому берегу Северского Донца вплоть до устья Мжи. Южнее черняховские поселения зафиксированы в районе Змиева и на притоке Донца – р. Гомольша (селища Новоберекское, Пасеки, Сухая Гомольша). В этом районе на левом берегу черняховская керамика была обнаружена лишь возле Черкасского Бишкина (рис. 4. 1; 4. 9) (табл. 4. 2).

Южный участок. От селища Новоберекское линия границы следует к истоку р. Берестовая, где расположено селище Охочее. В области среднего течения Берестовой на правом берегу находится поселение Мелиховка, в устье реки при впадении в Орель на левом берегу обнаружены материалы разрушенного могильника Зачепилровка (рис. 4. 1; 4. 7; 4. 9) (табл. 4. 2). Южнее, на левом берегу Берестовой, материалы черняховской культуры пока не обнаружены. Далее к юго-западу граница ареала проходит по правому берегу Орели (селища Нехвороща, Маячка) вплоть до ее устья (разрушенное погребение Яременки (Орлик) постчерняховского времени) (рис. 4. 1; 4. 7) (табл. 4. 2). Южнее по левому берегу Днепра находится другой ареал черняховской культуры – «область порожистого Днепра», который не является предметом нашего изучения.

Наличие зон распространения и концентрации памятников внутри ареала культуры связано как с отражением реальной исторической ситуации, так и со степенью изученности памятников в различных участках выделенных нами условных шести районов. В районе 1 «Днепр, левый берег» памятники расположены по берегу Днепра от устья Орели и до участка несколько выше по течению устья Сулы (рис. 4. 2). Наличие «зоны пустоты» от этого места и выше до устья Супоя, в области течения Ирклея связано с состоянием изученности. Выше, в области Супоя и Трубежа известны многочисленные памятники черняховской культуры (рис. 4. 2; 4. 3).

В районе 2 «Десна-Сейм» памятники культуры полосой следуют от устья Остра до областей рек Рать и Полная. Зоны их концентрации отмечены в среднем течении Остра, в верховьях Крыги, Снагости, на Реуте (рис. 4. 4). В

районе 3 «Сейм» памятники расположены на обоих берегах Сейма только в пределах современной Курской области Российской Федерации и в подавляющем большинстве от устья Оржицы до устья Терна, охватывают области правых притоков Сулы (рис. 4. 5). В районе 4 «Псел» памятники известны во всей области течения реки. Ввиду высокой степени изученности зоны концентрации отмечены в нижнем и среднем течении Псла, в нижнем течении Хорола и Голтвы, на левых притоках Груни, в области г. Сумы (нижнее течение р. Олешни, р. Сыроватка, правые притоки Псла), в верхнем течении Псла выше Суджи (рис. 4. 6).

В районе 5 «Ворскла-Орель» памятники черняховской культуры охватывают область всей гидросистемы Ворсклы. Благодаря разведкам, известные черняховские памятники концентрируются в нижнем течении Ворсклы, охватывают оба берега Коломака. Гораздо меньше их известно на участке от устья Коломака до устья Боромли. Зона концентрации выделяется в верхнем течении Ворсклы от истоков Ворсклицы до впадения Боромли. Памятники известны по обоим берегам Орчика, в нижнем и верхнем течении Мерлы и ее левого притока – Мерчика (рис. 4. 7; 4. 8). В районе 6 «Северский Донец» памятники охватывают области рек Мжа, Уды с притоками, известны на реках Большая Бабка и Кочеток. Благодаря сплошным разведкам зона их концентрации выделена в верхнем течении Северского Донца в районе г. Белгорода, на правых притоках реки (рис. 4. 9).

В нашем каталоге памятников черняховской культуры региона типы ландшафтов, которые занимают черняховские поселения, даны цифровыми обозначениями (табл. 4. 2), где каждая цифра соответствует одному из семи типов ландшафтов в системе Р. Г. Шишкина для черняховских памятников области Среднего Поднепровья (Шишкин, 1996б; Шишкин, 1996а, 1999, с. 133; Šiškin, 1999, S. 88) (приложение В). Эту систему использовал для определения топографического положения черняховских памятников Днепрового Левобережья в своем каталоге А.М. Обломский (Обломский, 2002, с. 30-31, табл. 5-10). Исследователь усомнился в выделении Р. Г. Шишкиным типа 7

«террасовый ландшафт», однако признал, что вывод Р. Г. Шишкина о равнинно-балочном, равнинно-склоновом ландшафтах, как наиболее характерных для черняховских поселений Среднего Поднепровья справедлив и для днепро-донецкой лесостепи (Обломский, 2002, с. 31). Подобно ситуации с поселениями середины III – первой четверти IV вв. в регионе, определение топографического положения черняховских памятников произведено авторами исследований визуальным способом и по топографическим картам. Ландшафтные карты не использовались.

В районе 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» в прибрежной полосе Днепра преобладает размещение памятников на склонах надпойменных террас, имеются варианты размещения их на террасах, на верхних равнинных участках, на останцах в пойме (табл. 4. 2). В области течения Супоя и Трубежа преобладают памятники, размещенные на надпойменных террасах рек и их склонах. Затем в области Трубежа следуют памятники, занимающие равнинные верхние участки террас над поймами и памятники, размещенные на останцах в пойме. Гораздо меньше известно поселений, находившихся на склонах мокрых балок (табл. 4. 2). В области Супоя, наоборот, таких поселений известно больше и меньше памятников, занимающих останцы в пойме (табл. 4. 2).

В районе 2 «Десна-Сейм» в Подесенье преобладают селища, находящиеся на склонах балок и склонах надпойменных террас, на самих террасах. Меньше известно поселений, расположенных на останцах в пойме и пологих склонах равнин (табл. 4. 2). В Посеймье преобладают памятники на склонах надпойменных террас и на самих террасах, далее следуют памятники, размещенные на склонах мокрых балок и равнин (табл. 4. 2). В районе 3 «Сула» преобладает размещение поселений на склонах обводненных балок, далее следуют селища, находившиеся на склонах надпойменных террас, на самих террасах. Гораздо меньше имеется памятников размещенных на склонах равнин, единичны поселения, находившиеся на пойменных останцах и на верхних участках террас (табл. 4. 2).

В районе 4 «Псел» преобладает размещение памятников на склонах надпойменных террас и самих террасах. Меньшее их количество находится на склонах обводненных балок и еще меньшее – на склонах равнин и верхних равнинных участках террас (рис. 4. 12: 3, 4; 4. 13: 1, 2). Лишь отдельные памятники находились на останцах в пойме (табл. 4. 2). В районе 5 «Ворскла-Орель» подавляющее большинство памятников занимает два типа ландшафта: надпойменные террасы рек (рис. 4. 13: 4) и склоны мокрых балок (рис. 4. 10: 1) (табл. 4. 2). В районе 6 «Северский Донец» наблюдается приблизительно такая же картина (рис. 4. 10: 2, 3; 4. 11; 4. 12: 1, 2; 4. 13: 3) (табл. 4. 2).

Существует несколько вариантов топографии могильников и их топографического положения относительно близлежащего поселения. Подавляющее большинство могильников расположено на высоком участке местности относительно к реке и ее пойме. На плато надпойменной террасы были расположены могильники Жовнин (ур. Биленковы Бурты) (Петраускас, Цыңдровская, 2002, с. 5-6), Жовнин (ур. Пристань) (Рутковская, 1979, с. 320), Кагамлык (Рутковская, 1979, с. 341), Успенка (Некрасова, 2006, с. 99), Кантемировка (Махно, 1952, с. 236), Глубокое (Любичев, 2002а, с. 383), Пены 3 (Радюш, 2010, с. 207) (табл. 4. 2). На склоне мокрой балки были расположены могильники Градижск (ур. Круча) (Рутковская, 1979, с. 331), Соснова (Сикорский, Махно, Бузян, 1978, с. 1), Сумы-Сад (Некрасова, 1985, с. 75), Головино 1 (Обломский, 2001-2002, с. 29) (рис. 4. 10: 2), Войтенки 1 (рис. 4. 10: 1), Боромля 1 (рис. 3. 2: 1) (Некрасова, 2006, с. 87, рис. 1), Сумы (Махно, 1967, с. 28).

Значительно меньшая часть некрополей занимала песчаные дюны (останцы) в пойме реки. Сюда относятся могильники Жовнин (ур. Носенки) (Петраускас, Цыңдровская, 2002, с. 13), Компанийцы (Обломский, 1999, с. 76), Родной Край 1 (Петренко, 1991, с. 10), Павлюковка (Шрамко, 1979, с. 9), Замощанская Дюна (Липкинг, 1979, с. 5), Лохвица (Березовец, Петров, 1960, с. 84), Зачепиловка (Любичев, Мызгин, Варачева, 2013, с. 67-70) (табл. 4. 2).

В подавляющем большинстве случаев могильник находится выше поселения по отношению к реке/ручью в условиях размещения обоих памятников на склоне-плато балки/террасы. Такая ситуация наблюдается на археологических комплексах Кантемировка (Махно, 1952, с. 236). Так называемая «стерильная» зона между поселением и могильником колеблется от 50 (Головино 1) – 100 м (Кантемировка, Боромля 1, Глубокое, Пены 3) до 200 м (Войтенки 1). Других вариантов взаиморасположения поселения и могильника имеется неизмеримо меньше. Могильник Соколово 2 находился на одном уровне по отношению к реке, далее от устья реки по отношению к поселению (Петренко, 1991, рис. 12). Могильник в Жовнине (ур. Пристань) размещался на плато коренного берега реки, а поселение находилось на дюне в пойме. Совершенно обратная ситуация прослеживается в Родном Крае 1: там могильник находился на песчаном возвышении в пойме, а следы нескольких поселений зафиксированы на высокой надпойменной террасе с почвой виде чернозема (Петренко, 1991). Ниже поселения могильник находился в Воскресенском (Жаров, Терпиловский, 2011, с. 170).

Поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2 размещены в Посеймье – на притоках Сейма: Тускарь, Снагость, Снов и в верхнем течении Псла (Песчаное) (табл. 4. 12). Территория размещения поселений этой группы обозначается на северной окраине и вне ареала черняховской культуры, а также восточнее, юго-восточнее ареала киевской культуры Подесенья (рис. 6. 6; 6. 13). Топографический спектр селищ группы довольно однообразен: они размещены на склоне первой надпойменной террасы (Воробьевка 2, Каменево 2, Песчаное, Тазово), либо занимают возвышенность (дюну) в пойме реки (Комаровка 2) (табл. 4. 6). Следовательно, селищам группы присущи лишь 5 и 6 типы ландшафтов по Р. Г. Шишкину (приложение В) в отличие от топографического спектра черняховских поселений. Но при этом следует учесть несоизмеримое количество известных черняховских поселений и селищ группы Каменево 2 – Комаровка 2.

4.2. Жилые и хозяйственные постройки, производственные сооружения на черняховских поселениях.

На поселениях черняховской культуры региона (табл. 4. 3) изучены жилые и хозяйственные сооружения трех типов: наземные каркасно-глинобитные (табл. 4. 4) (рис. 4. 14; 4. 15), наземные каркасно-столбовые (рис. 4. 16), углубленные («слабоуглубленные», «полуземлянки», «землянки») (табл. 4. 7 – 4. 10) (рис. 4. 17 – 4. 20). В подтип последних следует выделить ямы-погребца, комплексы из нескольких ям-погребов со следами наземных конструкций. К производственным сооружениям на поселениях относятся гончарные горны. Рабочие помещения ремесленников располагались как в наземных, так и в углубленных сооружениях. О трудностях отнесения углубленных сооружений к жилым либо хозяйственным помещениям уже шла речь в третьей главе. Подобные трудности возникают и в отношении наземных сооружений: здесь критериями жилой постройки могут служить лишь наличие очага в однокамерном сооружении, присутствие двухкамерного сооружения с одной жилой камерой, где находился очаг (несколько очагов).

Наземные каркасно-глинобитные сооружения. На распаханной поверхности многих черняховских поселений в каждом из шести выделенных нами районов (рис. 4. 1 – 4. 9, 4. 21) разведками зафиксировано наличие кусков и их скоплений (пятен) глиняной обмазки сооружений, что является свидетельством присутствия таких комплексов на данном селище (Обломский, 2002, с. 115-132, табл. 5-10). При раскопках поселений незначительной площадью часто не открываются сами развалы глинобитных стен этих сооружений, но дисперсия кусков глиной обмазки прослеживается как в планиграфии, так и в стратиграфии (например, поселение Шлях 2) (табл. 4. 2), что также свидетельствует о наличии там подобных конструкций. В отличие от углубленных сооружений с котлованом в материке со всеми сохранившимися деталями интерьера (форма сооружения в плане, ямы, столбовые ямки,

материковые останцы, очаг, место очага) контуры стен, детали планировки, конструктивные особенности наземных каркасно-глинобитных сооружений в большинстве случаев не могут быть зафиксированы. Это связано, прежде всего, с нахождением оснований их стен и пола в черноземном слое (табл. 4. 4).

Площадь подавляющего большинства черняховских поселений, где под уровнем современной поверхности находились завалы рухнувших стен сооружений, в новое время подверглась распашке различной степени: от неглубокой (до 0, 2 м) (например, поселение Новоберекское, участок «А») (табл. 4. 2 Мизгін, 2011а, с. 70) до глубокой (до 0, 35 м) (например, поселение Войтенки 1) (табл. 4. 2), что привело к разрушению различной степени остатков каркасно-глинобитных сооружений. По уровню сохранности, влияющей на полноту наших представлений об их размерах и конструкции, мы выделяем четыре группы остатков таких сооружений.

Группа 1 – небольшие развалы глиной обмазки, не дающие возможность проследить очертания стен или частей. Иногда они могут оказаться подами очагов. Сюда относятся наземное жилище в раскопе I Беседовки (ур. Белопольских) (рис. 4. 15: 3), постройки 6, 9, 10 Дмитровки 3, жилище 3 Великого Бобрка, «очаг 2», сооружения 5, 13, 22 участка «А» селища Войтенки 1 (рис. 4. 15: 9), сооружение 2 селища Колесники (табл. 4. 4).

Группа 2 – большие по площади развалы обмазки, дающие возможность приблизительно определить форму сооружения в плане без четких очертаний стен и плана. К ней принадлежат жилище 2 и хозяйственное сооружение раскопа III Максимовки (рис. 4. 14: II), сооружения 1, 2, 3 раскопа I Новолиповского, постройка 4 Снагости 2, жилище 5 Великого Бобрка (рис. 4. 15: 2), постройка 1 Гочево 4, постройка 1 Дмитровки 3, объекты 1, 2 Новоберекского, сооружение 2 Халимоновки (табл. 4. 4).

Группа 3 – большие развалы обмазки, дающие возможность приблизительно определить форму сооружения, где частично прослеживается также очертание участков стен. К ней относятся сооружения 3 раскопа II Новолиповского, 3 Колосовки, жилище Кантемировка (рис. 4. 14: III),

сооружение 1 Халимоновки (рис. 4. 15: 7) (табл. 4. 4), сооружения 1, 2 раскопа II Новолиповского, постройка 2 селища Пены, постройка 7 Дмитровки 3, жилища 1, 3, 4 Песчаного (рис. 4. 15: 4, 5), сооружение 20 участка «А» селища Войтенки 1 (табл. 4. 4).

Группа 4 – развалы обмазки, по которым прослеживаются очертания стен, план сооружения, детали устройства. К ней принадлежат постройка 1 селища Пены, жилище 1 Артюховки 1 (рис. 4. 14: I), жилище 4 Краснополя 1 (рис. 4. 15: 1), сооружение 3 участка «А» селища Войтенки 1 (рис. 4. 15: 8), жилище 1 селища Колесники (рис. 4. 15: 6) (табл. 4. 4).

Наличие остатков группы 1 способствует лишь констатации факта присутствия каркасно-глинобитных сооружений на конкретном селище. Анализ остатков групп 2-4 свидетельствует, что сооружения являлись прямоугольными, вытянутыми прямоугольными, подквадратными в плане, могли состоять из одного или двух помещений (табл. 4. 4). К однокамерным по очертаниям стен уверенно можно отнести жилище 1 селища Колесники с очагом возле стены (рис. 4. 15: 6) (табл. 4. 4).

В двухкамерном сооружении два его помещения (жилое и хозяйственное) были разделены стеной-перегородкой с проходом. К двухкамерным относятся жилище 1 Артюховки (рис. 4. 14: I), сооружение 1 раскопа II Новолиповского (размеры стен около 8, 45x5, 9-6, 0 м), постройка 1 селища Пены (размеры стен около 6, 0x10, 0 м), жилище 4 Краснополя 1 (размеры стен около 11, 5x8, 3 м) (рис. 4. 15: 1), сооружение 3 участка «А» селища Войтенки 1 (размеры стен около 7, 0-6, 5x2, 8-2, 9 м) (рис. 4. 15: 8). В плане они являлись прямоугольными. В одном из помещений находилось по одному (Новолиповское, Артюховка) или по два (Пены, Краснополе 1) очага. Все очаги в наземных каркасно-глинобитных сооружениях принадлежат стандартной конструкции, состоящей из чередующихся слоев обожженной глины и фрагментов керамики (в основном кухонной гончарной). Может варьировать количество этих слоев и, следовательно, высота (толщина) очага. Например, в очаге 1 из участка «А» селища Войтенки 1 основание было

выполнено из глины и вмазанных фрагментов гончарной керамики, затем шел слой пережженного грунта и еще один слой обожженной глины с вмазанными фрагментами керамики (Любичев, 2011а, с. 111). Остальные очаги здесь были лишь площадками из обожженной глины с вмазанными фрагментами гончарных сосудов (сооружения 5, 6, 8, 9, 15, 18) (рис. 4. 15: 9).

В сооружении из Артюховки находилась подобная конструкция, дополненная мощным бортиком по окружности – овальным в плане «очаг-жаровня» (1, 0x0, 9 м), в восточной части которого к бортику прилежала подковообразная подставка для сосудов (рис. 4. 14: I: 2) (Горюнов, Усова, 1974, с. 17). В постройках из Пен, Артюховки, Краснополя 1 находились ямы-погреб (три, две, одна соответственно) (табл. 4. 4). Причем в сооружении из Краснополя яма находилась в том же помещении, где располагались 2 очага (жилое помещение) (рис. 4. 15: 1) (табл. 4. 4). Подобным образом в сооружении на селище Пены 3 ямы находились в одном помещении с двумя очагами (табл. 4. 4). Речь идет о восточных, жилых помещениях этих двухкамерных сооружений. Яма-погреб была прослежена и в постройке 1 Гочево 4 (по мнению А.М. Обломского – постройке 1а) (Обломский, 2002, с. 34).

Эти сооружения возможно рассматривать как остатки так называемых длинных домов, признаками которых является площадь 70-120 кв. м, стены-перегородки, две камеры (одна из них – с очагом/двумя очагами) (Воляник, 1980, с. 41-42), распространенных в том числе в ареале черняховской культуры западнее Днепра (Воляник, 1980, с. 54; Kokowski, 1998, Abb. 3, 7, S. 19-22).

Размеры развалов глиняной обмазки некоторых сооружений группы 2 (жилище 2, «хозяйственная постройка» Максимовки с очагом, сооружения 1 раскопа I Новолиповского, постройка 4 Снагости 2, жилище 2 Великого Бобрика с очагом) (табл. 4. 4), размеры очертаний отдельных стен сооружений групп 3 (жилище Кантемировка, сооружение 1 Халимоновки с очагом) и 4 (жилище 1 Песчаного с очагом, сооружения 20 участка «А» Войтенков 1) (табл. 4. 4) также косвенно свидетельствуют в пользу их возможного двухкамерного устройства. По форме развала обмазки и очертаниям участков стен сооружения

3 раскопа II Новолиповского было предположено наличие там «построек» (Махно, 1957, с. 46) (табл. 4. 4)

Деревянный каркас наземных каркасно-глинобитных сооружений включал в себя столбы, жерди, плетение из прутьев, о чем свидетельствуют их отпечатки на кусках обмазки и находки обгоревших плах (табл. 4. 4). Пятна столбовых ям довольно редко фиксируются на фоне чернозема. В объекте 1 селища Новоберекское столбовые ямы были прослежены в черноземном слое по скоплению кусков глиняной обмазки, достигавших уровня материка. Эти скопления (возможно следы крепления столбов в ямах) были размещены по длинной оси сооружения (Мизгін, 2011а, с. 73-74). В этом случае на столбы мог опираться конек двускатной крыши

Обмер отпечатков следов деревянных конструкций на кусках обмазки объекта 1 Новоберекского позволил условно выделить по диаметру три группы деревянных деталей: 1) прутья (0, 5-5, 0 см); 2) жерди (5, 0-17, 0 см); 3) столбы (17, 0-26, 0 см). Большинство отпечатков там принадлежит именно жердям. На отдельных кусках обмазки зафиксировано перпендикулярное размещение отпечатков прутьев и жердей и параллельное – жердей и столбов (Мизгін, 2011, с. 74). Из столбов изготавливались также доски, чьи отпечатки зафиксированы на обмазке. В самой обмазке встречены следы травы или соломы. Следы заглаживания руками зафиксированы на внешней поверхности кусков обмазки (Мизгін, 2011, с. 74). При сооружении оснований стен, где это было возможно, наряду с глиной применялся и камень, о чем свидетельствуют остатки построек 7, 9 Дмитровка 3 (табл. 4. 4).

Наземные каркасно-столбовые сооружения. Обычно подобные сооружения не составляют отдельный тип подобно каркасно-глинобитным, каменным, углубленным (Сымонович, 1993, с. 132-133). В днепро-донецкой лесостепи в число наземных сооружений на черняховских поселениях традиционно включались лишь каркасно-глинобитные постройки (Журко, 1994б, с. 37, 40; 1988, с. 86). Они обозначены исследователями, как «постройки, которые разрушились иным путем», их «...следы столбов в земле не видны...»,

но от сооружения «...находят очаг, скопления керамики, костей и другие вещи, но истинные размеры зданий установить трудно» (Магомедов, 2001, с. 21). Здесь речь идет о наземных каркасно-столбовых сооружениях (Pfostenhäusern). Они состоят либо полностью из деревянных деталей (столбы, жерди и т. д.) или же глина используется для укрепления конструкции, но не является основным ее элементом, как в каркасно-глинобитных сооружениях. Либо же глина просто не сгорела.

В нашем регионе к сооружениям такого типа относятся постройка 1, Барбары, сооружение 1 участка «В» селища Войтенки 1, наземная постройка из Головино 1 (рис. 4. 16). Постройка 1 Барбары трактуется автором раскопок как «имевшая каркасно-плетневую/столбовую конструкцию с закладом из дерева, обмазанную глиной» (Башкатов, 2010б, с. 218).

В зависимости от уровня нахождения постройки и варианта прекращения ее существования (пожар, медленное разрушение) сохранившиеся остатки имеют различный вид: пятна столбовых ям, глиняные включения на фоне материкового песка и концентрация находок (Барбара), пятна столбовых ямок в предматерике и пятна обожженного чернозема, концентрация находок (Войтенки), линии столбовых ям и находящийся внутри этого пространства очаг (Головино 1). Эти сооружения отличались подпрямоугольной с округлыми углами (Барбара, постр. 1), квадратной (Барбара, постр. 2), прямоугольной (Головино 1) формой. Речь идет пока об однокамерных помещениях. Расположение ямок в постройке 1 Барбары (рис. 4. 16: 2) отнюдь не свидетельствует о делении постройки на две равные хозяйственную и жилую части (Башкатов, 2010б, с. 218, рис. 3). Столбовые ямы отмечены как по периметру стен, так и в середине. В качестве отопительных конструкций в сооружениях подобного типа зафиксированы открытые кострища, оставляющие пятна на полу (Барбара, постр. 1), и очаг в виде обкладки из камней (Головино 1).

На поселениях открыты, помимо наземных сооружений с четко «привязанными» к ним глинобитными многослойными очагами, также

подобные отдельные («надворные») очаги. Такие сооружения происходят из селищ Максимовка (1 очаг) Новолиповское (2 очага), Белополье (4 очага), Колосовка (1 очаг), Гочево 3 (3 очага), Дмитровка 3 (2 очага), Песчаное (7 очагов), Боромля 2 (4 очага и 4 так называемые «рабочие площадки»), Войтенки 1 (участок «А»), Муром 6, Хохлово 2 (табл. 4. 3). В некоторых случаях возле них зафиксирована дисперсия кусков глиной обмазки стен. Следовательно, они могут рассматриваться не как отдельные очаги, а часть наземного каркасно-глинобитного или каркасно-столбового сооружения (например, очаг 1, сооружения 5, 6, 8, 15, 18, 19 участка «А» селища Войтенки 1) (табл. 4. 5) (рис. 4. 15: 9). Таким образом, в «живой культуре» количество наземных сооружений обоих типов было гораздо больше, чем известное нам по останкам в «мертвой культуре».

Углубленные сооружения. Классификация углубленных сооружений на черняховских поселениях региона произведена по тем же критериям, что и для предчерняховского горизонта (см. 3. 2.). Отдельные углубленные сооружения имели котлован, находившийся в черноземном слое, форма которого сейчас не прослеживается на фоне материка. Речь идет, прежде всего, о сооружениях из Белополя, зафиксированных по концентрации находок на определенном уровне и наличию очага (табл. 4. 5). Почти все сооружения этого региона являлись однокамерными, к двухкамерным относятся сооружения 1 поселения Ерколцы и сооружения 5, 6 раскопа I Новолиповского (табл. 4. 5).

Подавляющее большинство таких сооружений имело котлованы прямоугольной (квадратной) формы, лишь несколько отличаются котлованами овальной (округлой) формы: сооружение 4 раскопа I Новолиповского, сооружение 3 селища 10-й Октябрь (рис. 4. 18: 1), жилище 4 поселения Великий Бобрик (рис. 4. 17: 5). Они составляют *тип I*. Сооружения из Новолиповского и Снагости 2 отличаются ровным полом, сооружение 3 селища 10-й Октябрь – сложным рельефом дна, в жилище 4 Великого Бобрика имеется материковый выступ. Лишь только сооружение из Снагости имеет отдельные столбовые ямы

по периметру стен. Во всех сооружениях очаг не прослежен. В сооружении 4 раскопа I Новолиповского зафиксирована глиняная обмазка пола (табл. 4. 5).

К *типу II* отнесены сооружения с прямоугольной в плане (неправильной прямоугольной, прямоугольной с округленными углами) формой котлована, различающиеся в сохранившихся деталях устройства интерьера. Они преобладают среди известных пока углубленных сооружений на черняховских поселениях региона. Большинство из них отличаются ровным дном, другие имеют материковые выступы (постройка 3 раскопа I Дмитровки 3, жилище 1 Косовщины 1, жилище 3 Косовщины 2), вписанные ямы (жилища 2 и 8 Хлопкова 1, постройка 1 раскопа II Дмитровки 3, жилище 2 Краснополя 1, постройка 8 Боромля 2) (рис. 4. 17: 2; 4. 19: 2, 4; 4. 20: 3) или же сложный рельеф дна (Боромля 2, постройка 5, жилище 7) (рис. 4. 20: 1, 2). Большинство построек не имели столбовых ям, другие – отдельные столбовые ямы по периметру стен, комбинацию из центральной столбовой ямы и отдельных ям по периметру стен, отдельные столбовые ямы по периметру стен. Приблизительно половина сооружений этого типа имеет очаги, в других же они не прослежены. В большинстве случаев – это открытые очаги на полу (от которого осталось пятно) (Хлопков 1, жил. 6; Снагость 2, постр. 2; Войтенки 1, участок «А», постр. 10) (рис. 4. 18: 4) или в углублении в центре пола (Косовщина 2, жил. 2, 3; Краснополье 1, жил. 1; Боромля 2, жил. 7) (рис. 4. 17: 1; 4. 20: 2). В жилище 1 Косовщины 1 в таком углублении находились камни, а в жилище 1 Великого Бобрика 1 такой очаг в углублении пола имел предпочажную яму (табл. 4. 5). Глинобитные очаги у стенки отмечены в постройках из Давыдовки и Тимченков 2 (рис. 4. 18: 2, 3) (табл. 4. 5). В заполнении котлованов ряда сооружений этого типа отмечены куски обмазки или ее развалы, как следы наземных стен, обмазанных глиной (табл. 4. 5). В постройке 2 селища Боромля 2 прослежена глиняная обмазка пола (рис. 4. 20: 5) (табл. 4. 5). В жилищах 4, 6 Хлопкова 1 (в углу в виде выступа), постройки 1 Давыдовки (выступ), постройке 1, раскопа II Дмитровки 3 прослежены места входа (рис. 4. 18) (табл. 4. 5).

К *типу III* отнесены сооружения с квадратной формой котлована в плане (табл. 9). Большинство из них отличаются ровным полом. Жилище 7 Хлопкова 1 имело материковый выступ, жилище 1 того же селища – вписанные в пол сооружения ямы (рис. 4. 19: 1, 5), а сооружение 1 участка «В» селища Войтенки 1 отличалось сложным рельефом пола, несколькими материковыми выступами-«полками» (рис. 4. 18: 5) (табл. 4. 5). Во всех сооружениях, кроме жилища 3 Великого Бобрика, не отмечено столбовых ям. В указанном жилище столбовые ямы находились в комбинации: яма в центре и отдельные ямы по периметру стен. Лишь в сооружении из Войтенков открыто отопительное сооружение, которое является уникальным – это печь, вырезанная в материковом останце в углу сооружения (рис. 4. 18: 5). При этом не остается сомнений в черняховской принадлежности этого сооружения: в его заполнении находился исключительно материал черняховской культуры: типичная гончарная керамика, железная ведерковидная подвеска, бронзовая подвязная фибула и многочастный костяной гребень (Любичев, 2006, с. 84-87). Рядом, на участке поселения, исследованы исключительно черняховские объекты и в культурном слое находился исключительно черняховский материал. Куски, скопления кусков глиняной обмазки также зафиксированы в заполнении некоторых сооружений этого типа. В жилище 7 Хлопкова 1 прослежено место входа в углу в виде выступа (рис. 4. 19: 5).

Ямы-погребов и сооружения из нескольких ям. О конструкции и параметрах ям-хранилищ дает представление их выборка с некоторых поселений, представленная в таблице. Также существовали углубленные хозяйственные постройки, являвшиеся комплексом из двух ям-погребов и входа. К ним относятся в частности сооружения № 1, 5, 7, 8, 9, 10 селища Хлопков 1. Имелись прямоугольные/квадратные в плане сооружения с размером стен 2, 0-3, 2x1, 8-2, 5 м. К ним принадлежат сооружения № 2, 3, 4, 6 этого же поселения. В сооружениях 1, 2, 4 зафиксированы следы куски глиняной обмазки стен.

Наземные каркасно-глинобитные и углубленные сооружения имеются на поселениях во всех шести условных районах ареала черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи (рис. 4. 21) (табл. 4. 5). Наземные каркасно-столбовые сооружения пока зафиксированы только на трех поселениях (Барбара, Войтенки 1, Головино 1) (рис. 4. 21), находящихся соответственно в трех районах (№ 1, 5, 6) (рис. 4. 21). При тщательной фиксации пятен столбовых ям, выяснения их взаимосвязи с отдельными очагами количество фиксируемых сооружений такого типа будет возрастать. Пока невозможно утвердительно ответить на вопрос о наличии черняховских поселений в регионе, на которых присутствуют сооружения исключительно одного типа. Ни одно из поселений не раскопано полностью, некоторые поселения раскопаны незначительными площадями до 100 кв.м. Мы имеем перед собой лишь малую выборку, однако уже возможно заключить о существовании совместно как наземных каркасно-глинобитных, так и углубленных сооружений на селищах Новолиповское, Колосовка, Снагость 2, Великий Бобрик, Дмитровка 3, Краснополье 1, Войтенки 1 (участок «А») (табл. 4. 3). В то же время на некоторых поселениях, где пока отмечено нахождение лишь углубленных сооружений, известны и отдельные глинобитные очаги, которые могли являться частями наземных сооружений. К таким селищам относятся Белополье 1, Гочево 3, Боромля 2 (табл. 4. 3).

Традиция возведения наземных каркасно-глинобитных сооружений отсутствует на постзарубинецких-раннекиевских памятниках и на поселениях предчерняховского горизонта в регионе. В то же время наземные каркасно-глинобитные сооружения являются неотъемлемой составной частью построек черняховской культуры в самых различных частях ее ареала (Сымонович, 1993, с. 132; Магомедов, 2001, с. 21-22; Журко, 1988, 1994а).

Наземные каркасно-столбовые конструкции присутствуют не как традиция, а как исключение на предшествующих в регионе постзарубинецких-раннекиевских поселениях групп Картамышево 2 – Терновка 2, Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 1991, с. 42) и на поселениях предчерняховского

горизонта (там пока известна лишь постройка 6 из Букреевки 2) (Сымонович, 1990, с. 89, рис. 1). В то же время возведение Pfostenhäusern было устойчивой традицией, в том числе в Свободной Германии, начиная еще с доримского железного века (Trier, 1969, Taf. 13: b, c, f; 23: a; Schuster, 2004, S. 241; Schuster, 2006). Там на поселениях такие постройки часто составляли ядро двора, к которому относились и углубленные постройки (Schuster, 2004, S. 241). Столбовые постройки известны и восточнее Одера, на территории современной Польши (Schuster, 2004, S. 244-245).

Углубленные сооружения характерны и для других регионов в ареале черняховской культуры помимо территории между верховьями Днестра и Западного Буга, где на поселениях открыты лишь углубленные жилища (Магомедов, 2001, с. 22). В регионе Днепровского Правобережья углубленные постройки прямоугольной, прямоугольной удлиненной или квадратной формы в плане с различным профилем пола и расположением столбовых ям, с очагами и без них известны, например, на поселениях Обухов 1 (объекты № 7, 13, 22, 25, 26, 28, 30) (Кравченко др., 2007, с. 177-178, 183-184, 198-199, 202-203, 205-207, рис. 18, 29, 63, 72, 73, 78, 81), Козлов (Раскоп II: полуземл. 1, Раскоп III постр. 1) (Магомедов, 1997, с. 163-164, рис. 3, 4), Журавка Ольшанская (постройки 4, 12, 13, 15, 17, 24) (Обломский, 2010, рис. 10, 12, 24, 26, 36). В регионе Молдова углубленное сооружение, наряду с наземными глинобитными, находилось, например, на селище Будешты (Vornic, 2006, Fig. 48).

Сравнивая углубленные сооружения черняховских поселений региона с подобными сооружениями на селищах предчерняховского горизонта следует констатировать, что на черняховских поселениях отсутствует традиция сооружения овальных (круглых) в плане сооружений со сложной конструкцией пола – так называемая первая строительная традиция предчерняховского горизонта Боромля. Черняховские углубленные сооружения типа 1 лишь подобны им по форме котлована, но не по деталям устройства. Близки между собой черняховские углубленные сооружения типов II и III и углубленные

сооружения типов II и III предчерняховского горизонта. Для черняховских сооружений не характерны так называемые «печи-камины», на полу не располагаются совместно два очага, здесь чаще встречены скопления кусков глиняной обмазки – свидетельство наличия выступающих из котлована глинобитных стен

Гончарные горны. На некоторых поселениях изучены горны для обжига сосудов. Информация о горнах из Нижнего Булатца, Хомутца, Опошни, Флоровки, Пересечного является мизерной и исключает точное определение их типа. Несколько более имеется сведений о горне из Коровинцев (Бобринский, 1991, с. 147-148). Горн из Мачухи ошибочно отнесен к черняховской культуре (Гейко, 1999, с. 76). Горн из Старых Санжар (табл. 2. 1) не имел перегородки-подпорки в топочном пространстве (Гейко, 1999, с. 78). Горны из Коровинцев и Хлопкова 1 относятся по классификации А. А. Бобринского к форме 6 – конструкциям с нецилиндрическим столбом в топочном пространстве (Бобринский, 1991, с. 194, 196). Горн из участка «А» поселения Войтенки 1, горны 1, 2 из селища Боромля 2 имеет признаки наиболее близкие форме 3b – устройствам, снабженным перегородкой в топочном пространстве, подразделяющей его на две части (Бобринский, 1991, с. 189-190, 193 Некрасова, 2006, с. 99; Шульцце, Любичев, 2010а, с. 185).

4.3. Постройки на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2.

На селищах группы Каменево 2 – Комаровка 2 (табл. 4. 6) пока известны лишь углубленные жилые и хозяйственные сооружения, а также ямы-погребя, отдельные глинобитные очаги (табл. 4. 7). По форме котлована и деталям устройства возможно выделить пять типов углубленных построек: Тип 1 – овальные с уступами-«полками», столбовыми ямами в центре или в центре и возле стен, выступом-входом, с большой глубиной котлована (0, 55-1, 45 м от уровня современной поверхности и 0, 95-2, 0 м от уровня материка) (Каменево 2: постр. 3, 5) (рис. 4. 23: 3, 5); Тип 2 – с котлованом неправильной овальной

формы, с ровным полом, столбовой ямой в центре или столбовыми ямами в центре и у стен (Каменево 2: постр. 1; Тазово, постр. 2, 3, 5) (рис. 4. 22: 2, 3, 4; 4. 23: 1) (табл. 14). В постройку 3 Тазово вписаны ямы (рис. 4. 22: 3); Тип 3 – с котлованом круглой формы, ровным полом и столбовой ямой по центру (Каменево 2, п. 4; Тазово, п. 1) (рис. 4. 22: 1; 4. 23: 4); Тип 4 – подквадратные (прямоугольные, прямоугольные с выступами), с ровным полом, столбовыми ямами в центре и у стен, наличием выступа-входа (Каменево 2: постр. 2, 6, 7; Тазово: постр. 4) (рис. 4. 22: 5; 4. 23: 2, 6, 7); Тип 5 – с котлованом правильной квадратной формы с ровным полом и центральной столбовой ямой (без нее) (Песчаное: жил. 1, 2, 4; Воробьевка 2: постр. 1; Комаровка 2: постр. 1) (рис. 4. 24). Встреченные в сооружениях очаги относятся к трем типам: а) открытый на полу (его след - пятно) (Тазово: постр. 1, 5; Каменево 2: постр. 2, 3, 6, 7; Песчаное: жил. 4); б) открытый – в углублении в полу (Каменево 2: постр. 5; Воробьевка 2: постр. 1); в) глинобитный (два таких очага в постройке 4 Тазово).

Постройки типов 1 и 2 по форме котлована и деталям устройства (рис. 4. 23: 3, 5) находят прямые аналогии среди сооружений типа 1 на селищах горизонта Боромля (рис. 3. 16) (табл. 4. 7). Сооружения типа 4 (рис. 4. 22: 5; 4. 23: 2, 6, 7) находят аналогии среди сооружений типа 3 на поселениях того же горизонта (рис. 3. 18). Сооружения типа 5 (рис. 4. 24) имеют прямые аналогии среди квадратных полуземлянок киевской культуры с центральным столбом (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 28 – 30).

4.4. Керамический комплекс поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2.

В керамическом комплексе этих поселений первое место принадлежит баночным горшкам со слабо отогнутым венчиком I3а. Второе место занимают горшки раскрытого (тюльпановидного) профиля I3б. Третье место занимают различные варианты округлобоких горшков с отогнутым венчиком и максимальным расширением тулова в верхней части: IIа, IIб, IIв. В керамическом комплексе Каменево 2, Тазово, Песчаного представлены и

округлобокие горшки с загнутым к середине венчиком: I4а, I4в. В Каменево 2 и Тазово имеются конические миски. На этих селищах более чем на поселениях предчерняховского горизонта представлены диски-сковороды. Ребристые формы горшков имеются в минимальном количестве.

На памятниках горизонта Боромля, как указывалось в третьей главе, среди горшков преобладают сосуды баночной формы с максимально расширенным на середине высоты туловом и слабо отогнутым венчиком – I3а (рис. 3. 21: III: 1) (табл. 3. 3). Затем следуют горшки вытянутых пропорций с максимальным расширением тулова на середине высоты, коротким, плавно отогнутым венчиком – I1в (рис. 3. 21: I: 3). Далее находятся ребристые горшки с четко отогнутым коротким венчиком – II2 (рис. 3. 21: V: 2). Меньшую часть керамического комплекса составляют в убывающем порядке: горшки раскрытого профиля с максимальным диаметром по краю венчика – I3б (рис. 3. 21: III: 2), округлобокие горшки вытянутых пропорций с вертикальным коротким венчиком – IIб (табл. 3. 3) (рис. 3. 21: I: 2). Достаточно незначительную часть составляют округлобокие горшки с загнутым к середине венчиком – I4а, б) (табл. 3. 3) (рис. 3. 21: IV). Конические миски являются довольно весомой частью керамического комплекса и присутствуют на всех памятниках (рис. 3. 21: VI). В свою очередь диски-сковороды являются довольно редкими, единичными находками (рис. 3. 21: VII) (Любичев, 2007а, с. 288-289).

Следовательно, близость керамических комплексов горизонта Боромля с одной стороны (табл. 3. 3) и поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2 с другой обусловлена наличием в их составе горшков одинаковых форм, преобладании баночных округлобоких горшков I3а. Различие состоит в весомой доле тюльпановидных округлобоких горшков I3б, округлобоких горшков IIа, IIб, IIв, мизерном количестве на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2 ребристых форм горшков, конических мисок, но увеличении количества дисков-сковород. В керамическом комплексе поздних киевских поселений Подесенья, как и на поселениях днепро-днецкого водораздела

середины IV – начала V вв., большинство в керамическом комплексе принадлежит горшкам типов I3a и I3б. Там присутствуют ребристые горшки, диски-сковороды, фактически отсутствуют конические миски. На поселениях предчерняховского горизонта гончарная керамика составляет в среднем 11 % керамического комплекса (в Букреевке 2 – 23 %) (Обломский, 1991, с. 99-100). На поселениях Каменево 2 она составляет 1-2 %, в Песчаном и Комаровке – менее 1 %, но в Тазово 20 % (Обломский, 1991, с. 99).

4.5. Могильники и погребальный обряд черняховской культуры в регионе.

4.5.1. Общие сведения о могильниках.

В области днепро-донецкой лесостепи раскопками различного масштаба исследовано 29 могильников. Число обнаруженных на них погребениях колеблется от 1 (Кагамлык, Пены 3) до 133 (Войтенки, исследования 2005-2011 гг.) (табл. 4. 8). На могильниках Жовнино (ур. Носенки), Кагамлык, Пены, Павлюковка были исследованы исключительно погребения-кремации, на Замощанской Дюне – кремации и кенотаф (табл. 4. 8). Вероятнее всего это свидетельствует только об ограниченной площади раскопок. Только лишь погребения-ингумации открыты в Головино 1, Сумах-Саде, Воскресенском 1, Дубине 1, Жовнино (ур. Биленковы Бурты) (табл. 4. 8), что также вызвано ограниченной площадью раскопок и наличием разрушенной части памятника.

По количеству исследованных погребений могильники региона возможно условно подразделить на три группы. К первой группе с числом погребений от 40 и выше относятся Переяслав-Хмельницкий (42 погребения), Боромля 1 (48 погребений), Соснова (около 49 погребений), Компанийцы (111 погребений), Войтенки (133 погребений по исследованиям 2005-2009 гг.) (табл. 4. 8). Часть могильника Боромля 1 была разрушена хозяйственными работами и потому соотношение погребений-ингумаций и кремаций на нем (47 и 1 соответственно) есть лишь отражение состояния памятника, а не реальная картина в древности.

Могильники исследовались Е.В. Махно выделила на могильниках Компанийцы и Соснова группу очень многочисленных погребений-трупосожжений «с рассеянными косточками» (Махно, 1971б; Махно, Сикорский, 1989). В Соснове по залеганию отдельных кальцинированных костей исследовательницей было выделено несколько горизонтов погребений и, кроме того, между ними – несколько горизонтов построек (Махно, Сикорский, 1989). Благодаря обработке и изданию А.Н. Некрасовой материалов Компанийцев (Некрасова, 2006, с. 106-117, с. 172-200) мы располагаем относительно реальной картиной соотношения там типов погребений. Весьма актуальной подобная работа остается для Сосновы. Могильник Войтенки не подвергся значительным разрушениям и его исследования продолжают. К 2011 году там открыто уже 133 погребения.

Вторую группу по количеству открытых погребений образуют могильники с числом погребений от 10 до 39: Кантемировка (10 погребений), Дубина 1 (11 погребений) Лохвица (20 погребений), Сумы-Сад (11 погребений), Родной Край (14 погребений), Жовнино (ур. Пристань) (27 погребений), Успенка (34 погребения) (табл. 4. 8). Части могильников Лохвица, Сумы-Сад, Успенка, Жовнино (ур. Пристань) подверглись разрушению. Автор раскопок Успенки Е.В. Махно также и здесь выделила погребения-трупосожжения с рассеянными косточками, благодаря чему число погребений могильника превысило тысячу (Махно, 1971а). Но и в этом случае, благодаря обработке материалов и их публикации А.Н. Некрасовой, мы имеем достаточно точные сведения о соотношении типов погребений Успенки (Некрасова, 2006, с. 99-105, 158-171). Могильник Родной Край исследован полностью, могильник Кантемировка – частично. Могильник Дубина 1 подвергся охранным археологическим исследованиям (табл. 4. 8).

Третью группу с числом известных погребений менее десяти образуют могильники Кагамлык, Пены 3 (3 погребения), Воскресенское 1 (4 погребения), Новоселовка (3-5 (?) погребений), Соколово 2 (3 погребения) Глубокое, Замощанская Дюна (4 погребения), Сумы-ул. Павлова, Головино 1 (5 погребений), Гурбинцы, Волчек (6 погребений), Жовнино (ур. Биленковы

Бурты) (5 погребений), Жовнино (урочище Носенки) (6 погребений), Градижск (ур. Круча) (6 погребений), Павлюковка (9 погребений), Переяслав-Хмельницкий/этномузей. Могильники Кагамлык, Жовнино (ур. Биленковы Бурты), Жовнино (урочище Носенки), Градижск (ур. Круча) были разрушены водами Кременчугского водохранилища, а Сумы, Соколово 2 уничтожены земляными работами. Могильник Глубокое частично уничтожен, а частично находится под застройкой. Вопрос об изучении всех имевшихся погребений на Замощанской Дюне, в Головино 1 и Павлюковке остается открытым. Исследование могильника Пены 3 только начинается (Радюш, 2010, с. 206 -207; 2011).

В ареале черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи пока отсутствуют могильники с числом погребений свыше двухсот, что, отражает как уровень исследованности, так и историческую ситуацию – время нахождения носителей культуры в регионе. Но в перспективе исследование таких могильников выглядит абсолютно реальным. Например, на 2013 г. в Войтенках было изучено уже 190 погребений. Могильники с числом погребений более двухсот присутствуют в таких регионах культуры, как «Западная Украина» (Чернелив-Русский: 310 погр.), «Молдова» (Дэнчень: 335 погр., Бырладь-Валя Сяке: 547 погр., Будешты: 360 погр., Михэлэшэнь: 517 погр.), «Мунтения» (Тыргшор: 286 погр.), «Центральная Украина» (Черняхов: 273 погр.) (Магомедов, 2001, с. 201-202), «Причерноморье» (Беленькое: 184 погр.) (Магомедов, 2001, с. 202).

Кроме того, нами учтено 57 находок отдельных погребений, вещей из разрушенных погребений, вещей – неоспоримых следов могильников (табл. 4. 9). Все эти объекты несут информацию различного уровня для изучения могильников, погребального обряда, инвентаря погребений и их хронологии. Прежде всего, все они способствуют дополнению существующей археологической карты могильников черняховской культуры в регионе.

Краткое упоминание и отсутствие публикаций с иллюстрациями свидетельствуют лишь о наличии могильников (разрушенных могильников) в

следующих пунктах: Андруши (Чубуки), Барышевка, Васютинцы, Горшние Плавни, Малая Каратуль, Стовпяги, Белоцерковцы, Деймановка, Клецы, Малая Девица, Малая Девица (урочище Черненково), Морозовка, Савинский, Снятин, Холодный Яр, Клепачи, Ковали, Брусия, Варваровка, Великая Писаревка, Дубны, Зачепиловка, Марковка, Маячка, Огуевка, Свинковка, Сторожевое, Большая Даниловка, Буды, Прелестный (Гринчашин) (табл. 4. 9)

Наличие публикаций с иллюстрациями делает другие пункты ценными не только в плане наличия могильника, но и для использования инвентаря/части инвентаря (главным образом – керамические сосуды, реже – фибулы, пряжки) для типологических построений в вещевом комплексе. Имеются публикации с иллюстрациями погребений, происходящих из таких пунктов, как: Билецковка, Виненцы, Волошиновка, Градижск, Денисы, Максимовка (гора Пивиха), Переяслав-Хмельницкий (отдельное погребение), Пронозовка, Святиловка, Цыбли, Шушваловка, Шушваловский остров, Беребинцы, Коровинцы, Малая Девица, Дубяги, Яреськи, Водяное, Гарбузовка, Климовка, Ливенское, Мачухи, Яременки (Орлик), Соколово 1 (табл. 4. 9).

Наконец наличие полного инвентаря погребений, включая относительно узко датируемые вещи (фибулы, пряжки, стеклянные сосуды) дает возможность привлекать к хронологическим построениям комплексы из Гречаников, Великого Самбора, Воронинцев (табл. 4. 9).

Пока, по известной нам информации, четко привязанные к месту памятники такого рода происходят только из пяти районов, исключая район 2 «Десна-Сейм». Но это не свидетельствует об их отсутствии там, так как еще до 1917 г. с территории Посеймья (или верхнего течения Псла?) (современная Курская область РФ) в Курский краеведческий музей поступили сосуды, которые могли быть лишь частью инвентаря погребений-ингумаций (Сымонович, 1964б, рис. 4: 6-8; 1983, рис. 1: 1, 2, 4).

Особым типом могильников являются погребения под курганными насыпями с черняховскими вещами. В лесостепной части днепро-донецкой лесостепи, на границе степи-лесостепи их учтено 9 (табл. 4. 10). Причем только

Кантемировка и Сторожевое могут быть уверенно отнесены к курганным могильникам, так как там имеется несколько погребений под курганными насыпями. В остальных случаях речь идет пока об отдельных погребениях такого типа. Полностью опубликованы комплексы из Лавриковки, Кантемировки, Сторожевого (табл. 4. 10). Имеется описание комплекса с изображениями отдельных вещей из Воронцовки, краткое описание комплекса из Мечебелово и лишь краткое упоминание о погребении из Иржево (табл. 4. 10). Подобные комплексы встречены и в степной зоне (Дмухайловка, Моспинская), которые привлекаются нами в качестве сравнительного материала.

4.5.2. Основные обрядовые группы.

Наша система классификации погребений-ингумаций основана на разработке О.В. Петраускаса для могильников Косаново и Гавриловка (Petrauskas, 2003, S. 233-234, 269-270). Исходя из конструкции погребального сооружения и положения в нем костяка выделено четыре типа погребений: I – костяк в вытянутом положении в простой прямоугольной яме; II – костяк в скорченном положении или на животе в простой прямоугольной яме (иногда эта яма не прослежена в слое чернозема); III – костяк в вытянутом положении в яме с подбоем; IV – костяк в вытянутом положении в яме с заплечиками. Виды внутри типов определены по ориентировке костяка: север-юг, запад-восток и т.д, а варианты – по принципу целостности погребения или его разрушения в древности (не современными хозяйственными работами).

Подавляющее большинство погребений-труположений на могильниках составляют ингумации в прямоугольных (с округленными углами, овальных, узких и широких) ямах (типы IIa или IIб) (табл. 5. 5; 5. 6). Костяк находится в вытянутом положении на спине, с вытянутыми верхними и нижними конечностями, ориентирован черепом на север с сезонными отклонениями (тип IIa) (рис. 4. 25: 1). В этом положении скелета имеются различные варианты с положением всего корпуса (на боку – погр. 60 Войтенков), нижних и верхних

конечностей (подогнутые, согнутые, скрещенные) (табл. 5. 5; 5. 6). Подавляющее большинство таких погребений залегает в ямах, находящихся в материке или в предматерике (табл. 5. 5; 5. 6), меньшая часть – в ямах, находившихся в черноземном слое (табл. 5. 5; 5. 6). Часть подобных погребений являлись разрушенными в древности с различной степенью разрушения скелета: от локальных до полных (тип I1б). В разрушенном погребении 13 Войтенков прослежены четыре столбовые ямки по углам погребальной ямы – следы конструкции с деревянными столбами (табл. 5. 15). Такие сооружения известны в Черняхове и Данченах (Магомедов, 2001, с. 26, рис. 23: 1, 2). В погребении 17 Лохвицы зафиксированы следы деревянного помоста под костяком и, возможно, остатки перекрытия над ним (Березовец, Петров, 1960, с. 95). В погребении 32 Войтенков находились части плах – остатков деревянного перекрытия (табл. 5. 5). Имеются погребения в простой яме, имеющей нишу для инвентаря, расположенную выше костяка (Компанийцы, погр. 162, Боромля, погр. 46) (рис. 4. 26: 4).

Инвентарь в погребениях подобного типа представлен такими основными группами как части одежды (фибулы, пряжки), различные аксессуары и украшения (бусы, подвески, костяные гребни, заколки), сервиз для питья (стеклянные кубки, керамические кубки), керамические сосуды различных типов, орудия труда (ножи, булавки, иглы). Они располагались в погребальной яме в самых различных комбинациях). Довольно нестандартным является наличие трех перевернутых вверх дном мисок в погребении 23 Войтенков (табл. 5. 5). В некоторых погребениях встречены остатки жертвенной пищи (табл. 6. 2).

Менее представлены погребения в простой яме с ориентировкой костяка по линии запад-восток (тип I2а или I2б) (рис. 4. 39: 3). К ним относятся погребения 1/1952, 11/1954 могильника Переяслав – Хмельницкий, 17 Лохвицы, 4 могильника Сумы, 7 и 8 могильника Сумы-Сад, 50 Успенки, 141 Компанийцев, 86/2, 97 Войтенков (табл. 5. 5; 5. 6). Отдельные погребения в

простых ямах были ориентированы на юг или юго-запад (погребения 42 Боромли 1 и 138 Компанийцев) (табл. 5. 5).

Достаточно редкими являются погребения в прямоугольных ямах в черноземном слое со скорченным положением костяка (тип II виды 1, 2, варианты «а», «б») (рис. 4. 25: 2, 4). Сюда относятся погребения 34, 62, 72 Войтенков, 7 Жовнина (ур. Пристань) (табл. 5. 5; 5. 6). В погребении 36 Боромли костяк находился «на животе» (рис. 4. 25: 5) (табл. 5. 5).

Ямы с подбоями на могильниках черняховской культуры региона (тип III) являются довольно стандартными сооружениями этого типа, отличающиеся лишь в деталях. Большая их часть имеет входную яму в плане овальной или прямоугольной формы с округленными углами (рис. 4. 26: 1, 2, 5; 4. 27; 4. 28; 1, 2). Подбой в большинстве случаев отличается овальной формой в плане. Погребения с подбоями ориентированы меридионально (С-Ю с отклонениями), длинные оси входных ям и подбоев являются параллельными. Длина входной ямы равна или немного меньше длины подбоя, то же можно утверждать о ширине подбоя и ямы. Подбой имел ровный или вогнутый профиль дна. В большинстве случаев подбой примыкает с запада ко входной яме: этим отличаются погребения 41, 54, 66, 71, 102, 112 Войтенков, 124 Компанийцев, 1631 Успенки (рис. 4. 26: 1, 5; 4. 27: 1-4; 4. 28: 1, 2). В погребении 86/1 Войтенков, 33 Боромли, 18/1954 Переяслав-Хмельницкого входная яма находилась с запада (рис. 4. 26: 2; 4. 27: 5;).

Переход от входной ямы к подбою был выполнен в виде ступени различной высоты в погребениях 41, 54, 71, 102, 112 Войтенков, 124 Компанийцев, 33 Боромли (рис. 4. 26: 1, 2; 4. 27: 1, 2, 4; 4. 28: 1, 2). В погребении 66 Войтенков было выполнено две ступени, причем нижняя – с покатой боковой стороной (рис. 4. 27: 3). В этих случаях дно входной ямы, которое одновременно являлось поверхностью ступени, выполняло роль «полки», на которой иногда располагались часть погребального инвентаря и мясной жертвенной пищи. Это прослежено в погребениях 41, 54, 86/1 Войтенков (рис. 4. 27: 1, 2, 5).

В ямах с побоями расположены наиболее «инвентарные» погребения на могильниках, включающие большое количество сосудов, бус, фибулы, пряжки, стеклянные сосуды, а иногда и раковины-подвески *Cyprea* и *Murex* (табл. 6. 2).

Погребения в ямах с подбоем в ареале черняховской культуры днепродонецкой лесостепи имеют многочисленные аналогии на памятниках Северо-Западного Причерноморья. И там они являются довольно стандартным типом сооружений с некоторыми отличительными деталями, касающимися взаиморасположения по сторонам горизонта входной ямы и подбоя, соотношения длины/ширины подбоя и входной ямы. В качестве примера можно привести погребения 30 Каменки-Анчекрак (Магомедов, 2004, рис. 22: 1), 13, 45, 53 Коблево (Сымонович, 1979, рис. 9: V, VA; 15: I, IA; 15: III, IIIA), 5, 11, 20 Ранжевого (Сымонович, 1979, рис. 20: V, VA; 26: IV, IVA; 26: V, VA), 12, 23 Каборги IV (Магомедов, 1979, табл. XI: 1; XV: 1; Magomedov, 2004, Abb. 4), 5, 18, 23 Фурмановки (Сымонович, 1988, рис. 6: 2; 10: 3; 13: 1). Некоторые конструкции имеют такие особенности как значительно меньшую длину входной ямы, чем подбоя (Каборга IV, погр. 21) (Магомедов, 1979, табл. XIV: 1), отсутствие ступени между подбоем и входной ямой (Фурмановка, погр. 2) (Сымонович, 1988, рис. 4: 1), несимметричность по короткой оси входной ямы и подбоя (Фурмановка, погр. 13) (Сымонович, 1988, рис. 9: 1).

Среди ям с подбоем сарматских курганных могильников близки по конструкции к погребениям с ямами-подбоями, в том числе, объекты из Буджака: Градешка, кург. 7, 11; Кубей, кург. 9, 10, 11, 18 (Васильев, 2008, с. 34-35, рис. 6: 1, 2, 3, 4, 6). В погребении 3 могильника Холмское входная яма примыкает с западной стороны (Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 3: 5). Все они ориентированы меридионально, имеют ступени или плавные спуски, подбои примыкают к западной стенке (Васильев, 2008, с. 34, рис. 6). Относительно расположения жертвенной пищи на «полке» показательна аналогия из кургана 5 Чауша: там, на полу входной ямы, находились череп и кости конечностей коня и кости конечностей овцы (Васильев, 2008, с. 35).

На некоторых могильниках региона известны погребальные конструкции в виде ямы с заплечиками с вытянутым положением костяка. К типу IV виду 1 (с костяком ориентированным на север) относятся погребения 2/1952, 4/1952, 5/1952 Переяслава-Хмельницкого, 28 Боромли 1, 96, 100 Войтенков (табл. 4. 25; 4. 26; 5. 14) (рис. 4. 28: 3, 4). Кроме погребения 28 Боромли (а погребение 100 Войтенков было разрушено в древности), это насыщенные инвентарем погребения (табл. 5. 5; 5. 6). К типу IV виду 2 (с костяком ориентированным на запад) относятся погребения 6/1954, 8/1954, 17/1954 Переяслава-Хмельницкого и 16, 19, 21, 23, 37 Боромли 1.

Конструкция ям с заплечиками является довольно стандартной, за редким исключением. Отличие погребений в ямах такой конструкции здесь усматривается, прежде всего, в ориентировке погребенных. В Боромле все погребения такого типа ориентированы по линии З-В (табл. 5. 5). Там же, в погребении 46 костяк, ориентированный уже по линии С-Ю, находился в яме с заплечиками, но в северно-западной стенке ямы выполнен подбой для инвентаря погребения (табл. 5. 5) (рис. 4. 26: 3). На черняховском могильнике Холмское в Буджаке погребения 13, 54, 56 имели могильные ямы с заплечиками и подбоем (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 75, рис. 24: 5). Здесь наблюдается объединение двух различных традиций устройства могильной ямы. В Войтенках яму с заплечиками имело погребение 100, ориентирование на север (рис. 4. 28: 4). Там же яма погребения 96 с богатым инвентарем (табл. 5. 5) имела не только заплечики, но и «ступень» у западной стенки (рис. 4. 28: 3). В Переяславе-Хмельницком часть погребений в ямах с заплечиками были ориентированы меридионально (погр. 2/1952, 4/1952, 5/1952), а часть – в широтном направлении (6/1954, 8/1954, 17/1954) (табл. 5. 6).

В сарматских погребениях I-III вв. погребения с заплечиками концентрируются от устья Дуная до устья Днестра и составляют около 24 % всех погребений. В лесостепи Молдовы и в степи от Днепра до Волги они составляют только около 5 % (Дзиговський, 1993, с. 14). На черняховских могильниках Северо-Западного Причерноморья погребения в ямах с

заплечиками составляют около 50 % (Сымонович, Кравченко, 1983, с. 22). Такой конструкцией, например, обладают погребения 16 Фурмановки (Сымонович, 1988, рис. 6: 1), 18, 17, 19, Ранжевого (Сымонович, 1979, рис. 26: II-ШБ, III-ШБ, VII-VIIA), 14, 35, 39 Кobleво (Сымонович, 1979, рис. 9: I-ИБ, II-ШБ, III-ШБ), 5, 13, 14, 15, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 33 Каменки-Анчекрак (Магомедов, 2004, рис. 4: 1; 11: 1; 12: 1; 13: 1; 16: 3; 18: 1; 21: 1, 3; 23: 1, 2; 24: 1).

По подсчетам О.В. Петраускаса на 2009 г. (могильники Сумы-Сад, Боромля 1, Лохвица, Успенка, Компанийцы, Соснова, Переяслав-Хмельницкий) в регионе насчитывалось около 30 % ингумаций в простой яме или в яме с заплечиками, ориентированных на запад (Петраускас, 2009, рис. 1). Инвентарные погребения с западной ориентировкой костяка в простых ямах и в ямах с заплечиками имеют своеобразный набор инвентаря, по сочетанию составляющих которого может быть выделено пять групп (Петраускас, 2009, с. 189). К группе 1 по О.В. Петраускасу (сервиз для питья, украшения, одежда) относится погребение 86/2 Войтенков (пара фибул, пряжка, стеклянный кубок, ожерелье из бус, клюковидная булава, глиняное прясло) (табл. 5. 14), к группе 2 (украшения/одежда) (бусы, пара фибул) принадлежат погребения 7, 8 Сумы-Сада (табл. 5. 15), к группе 3 (украшения) (бусы) – погребение 10 Боромли 1 (табл. 5. 14), к группе 5 (случайные вещи) (фибула, кувшин, пряслице) – погребение 19 Боромли 1 (табл. 5. 5). В погребении 97 могильника Войтенки содержались лишь керамические сосуды (табл. 5. 5) и оно не входит ни в одну из пяти групп, вероятно потому, что принадлежало ребенку.

По планиграфии ингумаций северной и западной ориентировки могильники Компанийцы, Боромля 1, Войтенки 1 относятся к «косаново-компанийцевскому типу», для которого характерна невыделенность участков с труположениями западной ориентировки (Петраускас, 2009, с. 188).

По набору основных типов погребений-ингумаций регион черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи близок к другим регионам культуры с некоторыми отличиями, которые видятся, прежде всего, в отсутствии

погребений с каменными конструкциями и катакомбами, с перекрытием ям с заплечиками каменными блоками или плитами, что характерно для региона Северо-Западного Причерноморья. В нашем регионе на всех раскопанных относительно большой площадью могильниках присутствуют погребения в ямах с подбоем.

Погребения-трупосожжения разделены на два типа: I – урновые; II – безурновые. В каждом типе выделены виды и для некоторых видов варианты. Тип I вид 1 – в погребении одна урна без покрытия (рис. 4. 29: 1). Подобные погребения известны в Успенке, Лохвице, Родном Крае 1, Глубоком, Кантемировке, Соснове, Жовние (ур. Носенки). Только лишь такие погребения известны в Павлюковке. Наибольшее количество подобных погребений пока происходит из Войтенков и Компанийцев. Тип I вид 2 – в погребении две урны без покрытия (рис. 4. 29: 2). Эти погребения происходят из Войтенков, Кантемировки, Компанийцев. На последнем могильнике обнаружено пока их наибольшее количество. Тип I вид 3 – урна покрыта фрагментами керамики (рис. 4. 29: 3). Такие погребения имеются в Войтенках, Лохвице, Родном Крае 1, Соснове, Жовнине (ур. Пристань). Наибольшее количество открыто в Компанийцах. Тип I вид 4 – урна (одна) перевернута. Эти погребения открыты пока лишь в Войтенках (рис. 4. 29: 4). Тип I вид 4/1 – под перевернутой урной находятся кальцинированные кости и стоящий на дне сосуд – это погребение 117 Компанийцев (рис. 4. 29: 5). Тип I вид 4/2 – сосуды, в том числе урна, вложены в другой сосуд-погребение 624 Сосновы (рис. 4. 29: 6). Тип I вид 5 – урна накрыта сосудом (рис. 4. 29: 7). Аналогичные погребения открыты в Успенке, Компанийцах, Лохвице, Замощанской Дюне. Тип I вид 5/1 – урна накрыта щитом/умбоном – погребение 86 Компанийцев (рис. 4. 29: 8). Тип I вид 6 – в урне вместе с кальцинированными костями находятся другие сосуды (рис. 4. 29: 9). Подобные погребения происходят из Лохвицы и Компанийцев. Тип I вид 7 – урна с кальцинированными костями и сосуд накрыты другим сосудом (рис. 4. 29: 10). Сюда относятся два погребения Компанийцев и одно Лохвицы. Тип I вид 8 – рядом с урной находится сосуд (несколько сосудов) (рис. 4. 29:

11). Такие погребения открыты в Компанийцах, Гурбинцах, Соснове. Возможно, к этому типу относятся погребения № 2, 5 из Жовнина (ур. Носенки).

Тип II вид 1 – кальцинированные кости компактно сложены в яме. Эти погребения известны в Волчке, Успенке, Лохвице. Наибольшее их количество происходит из Компанийцев, Войтенков, Переяслава-Хмельницкого, Сосновы. Тип II вид 2 – кальцинированные кости в яме покрыты фрагментами сосудов (рис. 4. 30: 1). Подобные комплексы открыты в Войтенках, Сумах, Глубоком, Кантемировке. Наибольшее количество их открыто в Компанийцах и Соснове. Тип II вид 3 – кальцинированные кости (иногда вместе с фрагментами керамики) некомпактно находятся в большой яме или на уровне древнего горизонта (рис. 4. 30: 2). Такие погребения открыты в Соснове, Жовнине (ур. Пристань), в Градижске (ур. Круча) Наибольшее количество подобных комплексов обнаружено в Компанийцах. Тип II вид 4 – рядом с кальцинированными костями находятся сосуды. Сюда относятся погребения лишь из Компанийцев. Также пока только из Компанийцев происходят следующие два типа погребений: тип II вид 5 – кальцинированные кости в ямке накрыты сосудом, в котором также находятся кальцинированные кости (рис. 4. 30: 4), тип II вид 6 – рядом с кальцинированными костями находятся целые сосуды и все это покрыто фрагментами сосудов (рис. 4. 30: 5). Среди инвентаря погребений обоих типов чаще всего, помимо керамических сосудов и их фрагментов, встречены бусы, железные ножи и шилья, глиняные прясла, реже встречены пирамидальные костяные подвески, подвески из основания оленьего рога, бронзовые иглы, проволочные кольца с бусинами, отдельные стеклянные игральные жетоны, бронзовые колокольчики, оплавленные части стеклянных сосудов (табл. 5. 5; приложение Д). По составу и количеству инвентаря выделяется несколько погребений-трупосожжений. В погребении 86 Компанийцев находились предметы вооружения (меч, топор, наконечник копья, умбон, ручка щита), рабочие инструменты (зубило, шило), металлические части деревянного ведра, фибула, горшок (табл. 5. 5;

приложение Д). В погребении 196 Компанийцев находились наконечник копья и удила (табл. 5. 5; приложение Д). В погребении 67 Войтенков находился полный набор стеклянных жетонов, металлические части игровой доски, бронзовый нож-скальпель, железная пряжка, нож, железный инструмент пока неясного для нас назначения (табл. 5. 5; приложение Д) (Любичев, 2009). В погребении 114 Войтенков содержались пара шпор, уникальная *Vügelknopffibel*, фрагменты многих гончарных сосудов (табл. 5. 5; приложение Д).

Подавляющее большинство лепных сосудов содержится в кремациях могильника Компанийцы (табл. 5. 5). Лепные сосуды северо-западной (вельбаркской, пшеворской) традиции происходят из погребений 7, 31, 40, 59, 86, 115, 117, 128, 139, 164, 171, 173 (табл. 5. 5). Лепные горшки позднескифской/сарматской традиции находились в погребениях 9, 50, 51, 55, 69, 72, 78, 124 (табл. 5. 5). В погребении 56 сосуды этих традиций находились совместно, но возможно говорить и о сосудах местной традиции (табл. 5. 14). Горшки постзарубинецко-киевской традиции происходят из погребения 95 (табл. 5. 5). Лепные горшки из погребений 41, 43, 58, 71 отнесены нами к «неопределенной» традиции. В погребении 132 горшок такой традиции сочетается с горшком позднескифской/сарматской традиции, а в погребении 60 горшок постзарубинецко-киевской традиции находился вместе с горшком «неопределенной» традиции (табл. 5. 5). Лепной горшок «неопределенной» традиции происходит из погребений 4 Войтенков и 5 Успенки (табл. 5. 5). Урной в погребении 1 Родного Края служил горшок (Петренко, 1991, рис. 4: 1), находящийся аналогии как в постзарубинецко-киевской так и пшеворской среде.

Для определения общего и особенного в спектре типов-видов погребений-трупосожжений нашего региона в отношении других регионов черняховской культуры произведено сопоставление приведенной выше типологии с типологией погребений-трупосожжений для ареала черняховской культуры на территории современной Украины (Петраускас, 2002). Выделенные нами типы-виды находят соответствие в типах системы О.В. Петраускаса непосредственно или в виде варианта этого типа. Особняком стоят

лишь тип I вид 8. А виды 4, 5, 6 типа II выделены нами только по материалам Компанийцев. Все другие выделенные нами типы и виды были распространены на могильниках черняховской культуры украинской лесостепи.

Вызывает сомнение отнесение к черняховским нескольких погребений-трупосожжений из раскопок до 1917 г. с весьма общим и коротким описанием. Сюда нами отнесены погребения из Хоцок, Линовицы, Барановки, Березовки. Погребения-кремации из Новопокровки относятся к салтовской культуре.

Помимо основных обрядовых групп трупоположений и трупосожжений на могильниках представлены погребения-кенотафы, к которым относятся погребения 1 Сумы-Сада, 4 и 6 Родного Края 1, 1 Войтенков. Они различаются между собой в составе инвентаря. В составе погребения 1 Сумы-Сада, помимо керамических сосудов, находился стеклянный кубок (табл. 5. 5; 5. 6).

К особой категории погребений следует отнести погребения под курганными насыпями. Наличие курганных насыпей и является признаком для объединения этих комплексов в неоднородную группу. В нее включены погребение 5 кургана 2 Лавриковки (Район 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега»), погребение из Иржево (район 3 «Сула»), три погребения Кантемировки, два погребения Сторожевого (район 5 «Ворскла-Орель»), погребения из Воронцовки и Мечебелово (район 6 «Северский Донец») (рис. 4. 1) (табл. 4. 10). Погребения из Лавриковки и Мечебелово являлись впускными, другие – основными (о комплексе из Иржево эти сведения отсутствуют) (табл. 4. 10). Погребальные конструкции в этих погребениях принадлежат к разным типам. Катакомбами являлись погребальные конструкции погребений в кургане 3 Кантемировки, курганах 2, 11 Сторожевого, курганах Воронцовки и Мечебелово. Причем оси входных ям и катакомб из Кантемировки и Сторожевого ориентированы по линии север-юг (табл. 4. 10). Погребальным сооружением в Лавриковке являлась прямоугольная яма с округленными углами. Авторы публикации комплекса предположили, что погребальным сооружением здесь могла служить яма с подбоем со входом с южной стороны, со стороны поперечной стенки камеры. В пользу такого предположения

свидетельствует, по их мнению, неравномерная глубина дна ямы и однородное ее заполнение, наличие материкового песка в этом заполнении, который мог сползти от стенок камеры, отсутствие следов перекрытия (Супруненко, Лямкін, Сидоренко, 2011, с. 169). Но среди погребений черняховской культуры с ямой с подбоем отсутствуют погребения, где входная яма и подбой находились бы на одной оси, к тому же здесь в южной части ямы имеется приступка для инвентаря (Супруненко, Лямкін, Сидоренко, 2011, рис. 1). Неравномерная глубина дна ямы имеет место в погребениях в подпрямоугольных ямах на черняховских грунтовых могильниках. Заполнение ям с подбоем как раз является неоднородным в той части, где находится рухнувший свод подбоя и более однородным во входной яме. И, наконец, сам подбой выполнялся в материковой глине, а не в песке. Перекрытием подбоя служил естественный свод ямы в слое материковой глины. Следы деревянных конструкций встречены в погребениях-ингумациях на грунтовых могильниках, но они чрезвычайно редки (например, погребение 32 могильника Войтенки).

Погребальным сооружением в погребении кургана 1 Кантемировка являлась яма с подбоем, а в кургане 2 того же могильника – яма с заплечиками с деревянным накатом в одной из стенок которой был сооружен подбой (табл. 4. 10). Костяк залегал в вытянутом положении по линии северо-восток – юго-запад в Лавриковке и был согнут в погребении кургана 1 Кантемировка (табл. 4. 10). В погребении кургана 3 Кантемировка под разрушенным костяком прослежен деревянный помост (табл. 4. 10). В погребении кургана 6 Воронцовки находило два разрушенных скелета (табл. 4. 10). В подкурганых погребениях были погребены как женщины (Лавриковка), так и мужчины (Сторожевое).

Состав инвентаря погребений существенно отличается. В нем условно можно выделить две группы: 1) вещи, типичные для погребений грунтовых могильников черняховской культуры (гончарные сосуды определенного типа, подвязные двучленные фибулы, пряжки с округлой/овальной утолщенной спереди рамкой, роговые пирамидальные подвески, подвески из раковин

морских моллюсков, роговые многочастные гребни, стеклянные, коралловые, янтарные, сердоликовые бусы, стеклянные игральные жетоны, металлические части деревянной шкатулки, стеклянные сосуды определенных типов, костяной игровой кубик); 2) вещи так называемого «позднескифско-сарматского» и «кавказского» происхождения, не характерные (или мало характерные) для погребений черняховских могильников (лепные горшки позднескифской/сарматской традиции, серебряные накладки, золотой перстень, детали снаряжения всадника, различные пластинки, бляшки, наконечник обувного ремня) (табл. 4. 10). Соотношение элементов этих двух групп существенно отличается в каждом конкретном погребении. В погребении из Лавриковки среди типично черняховского инвентаря присутствует лепной горшок позднескифской/сарматской традиции (рис. 5. 47: I: 42) (табл. 4. 10). Впрочем, подобное соотношение весьма характерно для ряда погребений на грунтовых могильниках (табл. 5. 5). Следовательно, погребение с таким инвентарем из Лавриковки в простой яме является типично черняховским и от стандартного черняховского его отличает лишь один элемент – наличие курганной насыпи. Краткое описание погребения из Иржево свидетельствует о наличии здесь также инвентаря первой группы. В погребении курганов 1 и 3 Кантемировки присутствуют элементы второй группы (табл. 4. 10) (рис. 5. 47: II: 7-10; 5. 48: I: 6-15). В разрушенном погребении кургана 2 из погребального инвентаря зафиксированы лишь вещи первой группы (табл. 4. 10). В двух разрушенных погребениях кургана 2 Сторожевого, погребении в кургане 6 Воронцовки имеются элементы как первой, так и второй групп. Таким образом, эти комплексы имеют различную степень близости к типично черняховским, хотя отдельные исследователи безоговорочно относят, например, погребения Кантемировки к черняховской культуре (Гопкало, 2011, с. 20). Черняховские вещи содержались и в отдельных подкурганых погребениях степной зоны, южнее ареала черняховской культуры в этом регионе. В погребении кургана 13 Дмухайловки, в отличие от погребения кургана 3 Кантемировки, курганов 2 и 11 Сторожевого оси входной ямы и камеры катакомбы являются

перпендикулярными (Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983, рис. 2: 11). В инвентаре имеются предметы первой группы (роговой гребень, стеклянный кубок, серебряная пряжка, гончарный горшок) (рис. 5. 48: IV) (Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983, рис. 2: 12, 13, 14, 16). В качестве античного импорта можно рассматривать красноглиняный кувшин (Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983, рис. 2: 15). В погребении кургана 1 у Моспинской входная яма и камера находились на одной оси, имелся инвентарь как первой, так и второй групп, а также меч (рис. 5. 48: V) (Обломский, 2002, Рис. 93: 1; Симоненко, 2012) (табл. 5. 16). Среди катакомбных погребений «аланов-танаитов» имеются лишь отдельные катакомбы со входной ямой и камерой на одной оси (Симоненко, 2001, рис. 4: 2), в большинстве случаев эти оси являются перпендикулярными (Симоненко, 2001, рис. 3). В то же время части катакомб позднесарматских погребений придунайской группы лежат на одной оси (Чауш, кург. 3; Фиркацей, кург. 6, Казаклия, кург. 14, Кубей, кург. 3, Владычень, кург. 12) (Симоненко, 2001, рис. 2).

4.6. Заключение.

Выборка археологических источников региона днепро-донецкой лесостепи для периода начала IV – начала V вв. кардинально отличается от выборки («культуры вновь открытой») для предшествующего времени. Это отличие характеризуется: а) несравнимо большим количеством памятников, известных по разведкам и подвергнутым раскопкам различного масштаба; б) иными видами памятников – в черняховской культуре наряду с поселениями с УЗК известны и могильники с абсолютно закрытыми комплексами. Очевидно, такое резкое отличие в количестве известных археологических памятников от предшествующего времени отображает не только лишь состояние их изученности, но и отражает конкретную историческую ситуацию.

Топографический спектр черняховских поселений отличается от постзарубинецких-раннекиевских селищ и поселений предчерняховского

горизонта, а также селищ синхронной группы Каменево 2 – Комаровка 2. В нем достаточно четко выделяются два ведущих типа ландшафтов: склоны увлажненных балок и склоны надпойменных террас или сами террасы. В домостроительстве на черняховских поселениях широко представлен ранее совершенно неизвестный в этом регионе тип наземных каркасно-глинобитных сооружений. Наличие биритуальных могильников со многими инвентарными закрытыми комплексами дает возможность построения относительной и абсолютной хронологии черняховской культуры, интегрированной в систему хронологии европейского Барбарикума, что в корне отличается от построения хронологии памятников предшествующих культурных групп. Привнесение таких существенных инноваций с черняховской культурой возможно связывать лишь с приходом новых групп населения, относящихся к совершенно иной культурной провинции.

РАЗДЕЛ 5

ХРОНОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДНЕПРО-
ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ СЕРЕДИНЫ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V ВВ.

5.1. Принципы и особенности построения.

Каждая из археологических групп в регионе включает в себя различный набор археологических памятников: поселений, могильников, кладов и случайных находок. Это требует применения различных видов построения хронологии к различным культурным группам. Первый вид применим к постзарубинецким-раннекиевским памятникам, горизонту Боромля и группе Каменево 2 – Комаровка 2. В перечисленных группах пока не известны могильники, а присутствуют лишь селища. Единичные раннекиевские могильники не содержат в немногочисленных погребениях датирующих предметов, что исключает их из категории полноценных закрытых комплексов.

Полуземлянки и ямы на поселениях иногда возможно считать условно-закрытыми комплексами (УЗК). Специфика датирующего материала из постзарубинецких-раннекиевских поселений проявляется в редкости находок фибул и античного импорта. Отсутствует уверенность в том, что эти немногочисленные вещи обозначают весь период существования каждого конкретного памятника и этот материал соотносится с хронологическим этапом в целом (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 13). В пределах хронологических рамок существования постзарубинецких-раннекиевских памятников, опираясь на типологические разработки по керамике, возможно говорить о положении конкретных памятников, учитывая одинаковые «ритмы, импульсы, связи» на протяжении всего периода (Горюнова, 2004, с. 50).

Из заполнений остатков углубленных сооружений, слоя и подъемного материала селищ горизонта Боромля происходит гораздо большее число датирующих находок, однако отсутствует уверенность, что они отражают именно период существования каждого конкретного поселения и их также

приходится соотносить с хронологическим этапом в целом. Построение хронологии селищ горизонта Боромля включает в себя: 1) выяснение хронологии датирующих вещей путем поиска аналогий в закрытых, условно-закрытых комплексах Барбарикума и в античных центрах; 2) сопоставление датировок нескольких вещей в одном УЗК для определения хронологии комплекса и поселения в целом. Использование обозначения ступеней относительной хронологии здесь будет не совсем правомерно, ибо вещам из поселений вне закрытых комплексов находятся аналогии в закрытых комплексах Центральной и Восточной Европы римского времени, относимых к определенной ступени.

Второй вид хронологических построений применим к черняховской культуре, где имеются биритуальные могильники с закрытыми комплексами и подкурганном погребениям начала эпохи Великого переселения народов в лесостепи и прилегающей части степной зоны (рис. 5.7).

В западноевропейской археологии римского Барбарикума в пятидесятилетие семидесятые годы прошлого столетия аксиоматическим стало построение хронологии культурных групп на основании сочетаемости вещей в закрытых комплексах (погребениях), выделение ступеней относительной хронологии и «привязка» их к абсолютным датам с помощью материалов античных центров (городов, крепостей и военных лагерей), античного импорта и монет (Eggers, 1951, 1955; Godłowski, 1970). До применения этих разработок хронология черняховской культуры суммарно определялась датировкой отдельных вещей из закрытых комплексов могильников, сооружений и слоев поселений. Эта методика получила название «архаической традиции» (Гопкало, 2008, с. 86). Построение хронологии на основе анализа сочетания вещей в закрытых комплексах утверждается в черняховедении после выхода в свет работ М.Б. Щукина (Щукин, 1967, 1978).

Для римского времени – начала эпохи Великого переселения народов лесостепи Восточной Европы, для черняховской культуры характерно мизерное количество римского импорта в закрытых комплексах. Поэтому привязка

закрытых комплексов с к абсолютным датам осуществляется путем поиска аналогий этим вещам среди подобных в закрытых комплексах Северного Причерноморья, Центральной Европы и Подунавья, а также римских провинций, содержащих римские импорты и монеты III-IV вв. Римские серебряные монеты чеканки I-II вв. (часто в роли подвесок) в погребениях, а тем более в слоях и на поверхности поселений, не играют роли датирующих находок (Тиханова, 1979, с. 38; Мизгін, 2010, с. 6-9).

В направлении поиска аналогий вещам, комбинациям вещей в датированных комплексах Центральной Европы (так называемая «Свободная Германия» античных авторов) и в совершенно оправданном стремлении ввести археологические памятники восточноевропейского Барбарикума в единую хронологическую систему наметилась тенденция достаточно жесткой привязки материалов черняховской культуры к хронологическим системам Г. Эггера, К. Годловского, Я. Тейрала (Eggers, 1955; Godlowskij, 1970; Tejral, 1986; 1988; 1992; 1997), к модели хронологии «Свободной Германии» (Гороховский, 1996, с. 19). Это привело к: 1) несовпадению суждений по поводу места одних и тех же комплексов в схеме относительной хронологии, путанице в терминологии и символике; 2) реакции на каждое «усовершенствование» и подвижку в основной схеме из «Свободной Германии» путем конструирования соответствий в черняховском материале; 3) оценке черняховской культуры как периферийного явления «Свободной Германии», лишению ее хронологической самостоятельности и превращению в пассивный объект влияний лишь западных и северо-западных элементов (Гороховский, 1996, с. 19; Гороховский, 1999, с. 13). Отдельные исследователи считают, что при таком состоянии вещей необходимым становится хронологизация черняховской культуры не как культуры «Свободной Германии», а Сарматии позднеимперского периода с присущей системой внутреннего развития, связей и контактов (Гороховский, 1996, с. 20).

В этом направлении большое значение приобретает построение региональных хронологических шкал черняховских памятников, которое

началось тридцати лет назад. Созданы шкалы отдельных памятников (Ionița, 1986; Щукин, Щербакова, 1986; Бажан, Гей, 1992; Шаров, 1992; Petrauskas, 2003) и регионов (Петраускас, Шишкин, 2010) культуры. Дальнейшему совершенствованию хронологии способствовали работы по категориям вещей И.О. Гавритухина (Гавритухин, 1999, 2007а) и О.В. Гопкало (Гопкало, 2008). С помощью сочетания нескольких методов с «привязкой» к системе Эггерса – Годловского выполнена работа Е.В. Гороховского по выделению фаз черняховских могильников украинской лесостепи (Гороховский, 1988а, 1988б). В последующих работах (Kazanski, Legoux, 1988; Гей, Бажан, 1997) использована также система Я. Тейрала (Tejral, 1986, 1992). В этом контексте видится весьма актуальной разработка хронологической системы памятников позднеримского времени днепро-донецкой лесостепи и прилегающей части степной зоны, а именно черняховских могильников и подкурганых погребений с черняховскими вещами.

С объективностью хронологической картины теснейшим образом связана методика хронологических построений. На современном этапе большое распространение получил корреляционный метод. К. Годловский комплексно применял нанесение типов вещей в погребениях на плане могильника, турнирные таблицы взаимовстречаемости вещей, корреляционные таблицы с типами вещей (хроноиндикаторами) на оси абсцисс и погребениями на оси ординат (Godłowski, 1970, Fig. 4, 7, 8, 10, 11, 17). Х. Шах-Дергес использовала корреляцию для выделения фаз относительной хронологии могильника Притциер с привязкой их к ступеням европейской системы. Для участия в корреляции привлекались погребения, в которых содержалось минимум две вещи-хроноиндикатора. В роли таковых выступают вещи, чья датировка приблизительно известна. В хроноиндикаторы не зачисляются вещи, существовавшие долгое время. В число хроноиндикаторов были занесены отдельные типы сосудов. Использовались два типа таблиц: турнирная и корреляционная. Признаком правильности проведения корреляции является «наложение» вещей одной группы на другую в таблице. Исследовательница

понимала ограниченность корреляционного метода и связь выделяемых групп с субкультурами (женские, мужские, воинские погребения). Корреляционный метод выступал в тесной связи с горизонтальной стратиграфией (Schach-Döriges, 1970, S. 22, 23, Abb. 1a, 1b, S. 261-267, 291-293).

Корреляционный метод был применен для построения хронологии могильников Тыргшор (Ionița, 1986), Данчены (Щукин, Щербакова, 1986), Будешты (Vornic, 2006, S. 269-273, Fig. 133-149, 150-153, Tab. 1), Черкасси-Центр (Куштан, Петраускас, 2011, с. 193-196, Табл. 3, Рис. 26, 27), Войтенки (по материалам исследований 2005-2009 гг.) (Шульце, Любичев, 2012). Этот метод был обозначен как «изучение материалов одного конкретного могильника, выделение близких по сочетанию инвентаря групп погребений, соответствующим фазам его функционирования» (Гей, Бажан, 1997, с. 8).

Существует и другой метод с использованием корреляции, заключающийся в изучении взаимовстречаемости отдельных вещей из закрытых комплексов разных могильников на большой территории (Гороховский, 1988а, 1988б, Табл. 63; Kazanski, Legoux, 1988). При этом корреляция вещей каждого могильника не проводится. Этот подход получил не совсем удачное название «метод горизонтов» (Шаров, 1992, с. 161, 162), ибо горизонты, хотя бы одного могильника выстраиваются с применением и первого метода. Данная терминологическая несогласованность вызвала замечание о том, что «метод горизонтов» является именно результатом разработки системы относительной хронологии, результатом хронологии, а не методом (Гопкало, 2008, с. 94), с чем нельзя согласиться, ибо в данном случае речь идет именно о методе корреляции различных ХИ из закрытых комплексов нескольких могильников на определенной территории без корреляции ХИ каждого могильника в отдельности.

Как альтернативу данному «методу горизонтов» И.А. Бажан, О.А. Гей, О.В. Шаров предложили метод сопоставления фаз нескольких коррелированных могильников, приводящих к выделению общих горизонтов

(Шаров, 1992; Бажан, Гей, 1992; Гей, Бажан, 1997, с. 41-51, Табл. 38-70). В этом направлении была выполнена и работа О.В. Петраускаса (Petrauskas, 2003).

В публикациях М.Б. Щукина и Т.А. Щербаковой (Щукин, Щербакова, 1986, с. 178, 200-205, 207-208), И.А. Бажана и О.А. Гей (Бажан, Гей, 1992, с. 122-124; Гей, Бажан, 1997, с. 6-8, 41), О.В. Шарова (Шаров, 1992, с. 158-171) были конкретизированы принципы корреляционного метода, выделены этапы хронологического исследования с его применением: **1** – выделение хроноиндикаторов и построение их системы. На основании существующих или собственной детальной классификаций выделяются хроноиндикаторы (ХИ) – вещи, которые могут быть датированы с достаточной точностью (Щукин, Щербакова, 1986, с. 178; Шаров, 1992, с. 163-164). В некоторых случаях в ХИ объединяются два и более вариантов (типов, категорий) вещей с разнородными формами (Бажан, Гей, 1992, с. 155; Гей, Бажан, 1997, с. 8). Возможно деление ХИ на два уровня: ХИ первого уровня – вещи, существовавшие относительно короткое время и имеющие непосредственный выход на абсолютный счет времени (фиксированные даты), ХИ второго уровня – вещи не имеющие такового, но могущие получить дату в ходе корреляционной обработки и стать ХИ первого уровня в других корреляционных таблицах (Бажан, Гей, 1992, с. 123; Шаров, 1992, с. 163). Для нескольких могильников вырабатывается общая система ХИ, но возможно применение и сопоставимых между собой шкал ХИ для различных могильников (Бажан, Гей, 1992, с. 122-123).

Важным моментом является выделение индикаторов синхронизации (ИС) – встреченных на одном могильнике в одном экземпляре, не участвующих в корреляции вещей, но выделенных как ХИ на других могильниках, а также редких находках в системе ХИ, датированных по аналогиям (Бажан, Гей, 1992, с. 124; Гей, Бажан, 1997, с. 8).

2 – построение таблицы совстречаемости ХИ с ХИ (турнирная таблица) и таблицы встречаемости ХИ в погребениях (корреляционная таблица) (Щукин, Щербакова, 1986, с. 202, рис. 6, 7; Бажан, Гей, с. 122-123; Шаров, 1992, Табл. III, V, VII). В корреляционную таблицу могут вноситься сведения о погребальном

обряде (Гей, Бажан, 1997, с. 110-135) и отмечаться ХИ, имеющие выход на абсолютные даты по монетам в комплексах (Шаров, 1992, Табл. III, V, VII). 3 – выделение по результатам корреляции групп относительной хронологии могильника. Прослеживание горизонтальной стратиграфии могильника (Щукин, Щербакова, 1986, с. 178). 4 – сопоставление полученных фаз нескольких могильников по наиболее характерным ХИ каждого периода для выделения общих периодов (горизонтов) могильников (Бажан, Гей, 1992, с. 122; Шаров, 1992, с. 187; Гей, Бажан, 1997, с. 8, 41-51). 5 – синхронизация фаз (горизонтов) по аналогиям со ступенями хронологической системы Центральной Европы и определение их абсолютных дат (Бажан, Гей, 1992, с. 153-154).

Важным моментом корреляции является введение как ХИ не только индивидуальных находок (стеклянных сосудов, фибул, пряжек, роговых гребней, предметов вооружения), но и керамики, которая участвует в корреляции на равных (Шаров, 1992, с. 166; Гей, Бажан, 1997, с. 7). В один ХИ может попасть как лепная, так и гончарная керамика (Бажан, Гей, 1992, с. 155). Лепная керамика по этнокультурной традиции может сводиться в группы (Щукин, Щербакова, 1986, с. 178), часто среди нее ХИ выделяются на основании «выразительных» форм (например: «кумпф») (Бажан, Гей, 1992, с. 123). При отсутствии общепринятых систем классификации черняховской гончарной керамики выделение ХИ среди нее происходит на основе простых пропорций сосудов (Шаров, 1992, с. 165-171).

Применение корреляционного метода О.В. Петраускасом сопровождается детальным источниковедческим анализом могильников и разработкой общей типологии погребений. Разрушенные погребения и погребения с мизерным количеством инвентаря не участвуют в корреляции, к которой привлекаются все типы и варианты инвентаря. Отсутствует деление хроноиндикаторов на уровни, наряду с другими группами вещей отдельно выделена керамика. Гончарные горшки образуют один тип, а лепная керамика составляет несколько типов. В корреляционные таблицы внесены вещи, присутствующие в

нескольких погребениях. В исследовании отсутствуют турнирные таблицы, но корреляционная таблица состоит из двух частей: в верхней части присутствуют вещи, образующие группы, в нижней части – находки без тенденции к образованию таковых. Все хроноиндикаторы нанесены на планы могильников, прослежена их горизонтальная стратиграфия (Petrauskas, 2003, S. 238-252, 252-259, 260-261, 269-271, 272-283, 283-289, Tab. 1, 2).

Вполне естественно, что корреляционный метод имеет недостатки. Не стоит возводить результаты корреляции в некий «абсолют», ибо корреляционная таблица все же является формальностью, не отменяющей группировки археологических комплексов по устойчивым сочетаниям датирующих вещей (Гопкало, 2008, с. 94). К главному недостатку корреляционного метода относится его субъективизм, не позволяющий исключить из процесса действие всех нехронологических факторов, влияющих на группировку погребений (поло-возрастные, этнографические, региональные и т.д.) (Гопкало, 2008, с. 94).

Наряду с применением корреляции горизонты черняховских памятников выстраиваются путем синхронизации закрытых комплексов с выделенными фазами системы Е.Л. Гороховского, которая в свою очередь синхронизирована со ступенями центральноевропейской хронологической системы (Петраускас, Шишкин, 2010, рис. 2-5).

5.2. Хронология постзарубинецких/раннекиевских памятников.

Немногочисленный датирующий материал на постзарубинецких-раннекиевских памятниках возможно подразделить на две главных группы: 1) украшения круга «выемчатых эмалей» (рис. 5.1: I); 2) вещи так называемых общеевропейских форм, имевшие широкое распространение на территории Центральной и Восточной Европы: гривны, пряжки, фибулы (рис. 5.1: II: 1: 5), бусы. К группе украшений «выемчатых эмалей» относятся такие главные категории вещей как: сильнопрофилированные фибулы (тип 1), перекладчатые

фибулы (тип 2) с двумя подтипами: с окончаниями ножки в виде треугольника и в виде креста, треугольные фибулы с эмалью (тип 3) с вариантами: с ножкой в виде треугольника и в виде креста; треугольные фибулы без эмали или с эмалью, но с некоторыми упрощениями элементов (тип 4); подковообразные фибулы (тип 5); лунницы (рис. 5. 1: I: 1, 2, 6, 7, 9); браслеты с треугольными выступающими ребрами без эмали и с эмалью, трапециевидные подвески (рис. 5.1: I: 8) (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 114-120).

Выделены три стадии развития восточноевропейских украшений с выемчатыми эмальями, которые приблизительно могут быть соотнесены с абсолютными датами: 1) присутствие небольших вещей без отростков и прорезных полей с незначительными по размерам вставками эмали красного цвета (втор. пол. II в.); 2) наличие также крупных изделий с эмалью различных цветов, отростками, дополнительными полями, прорезной орнаментацией, кольцами (конец II – середина/вторая половина III вв.); 3) существование украшений с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок с нарушением стилистического единства (появляются около середины III в.) (Гороховский, 1982а; 1982б; Обломский, Терпиловский, 2007, с. 122-123). Из отдельных комплексов могут происходить украшения этого круга, относящиеся к различным стадиям их развития. Например, в жилище 4 поселения Гочево 1 находились лунницы ранней и средней стадий развития стиля (рис. 5.1: I: 6, 7) (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 123).

Специалистами признано, что основной период распространения украшения этого круга на территории восточноевропейской лесостепи приходится на постзарубинецкий горизонт и ранний этап киевской культуры (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 122). Происхождение вещей круга выемчатых эмалей различно: 1) случайные находки; 2) находки на поверхности поселений/могильников; 3) находки в слое памятников; 4) находки из условно-закрытых комплексов (табл. 5.1; 5.2). Перед определением дат существования в регионе групп постзарубинецких-раннекиевских памятников целесообразно рассмотреть датировку отдельных памятников по группам.

Постзарубинецкие памятники типа Картамышево 2-Терновка 2. Из культурного слоя Картамышево 2 происходит фрагмент крупной стеклянной бирюзовой бусины с накладным глазком (Горюнова, 2004, рис. 5: 12), близкой к тем, которые датированы Е.М. Алексеевой от эллинистического времени до I и даже II вв. (Алексеева, 1975, с. 51-73, 54, 56). Там же обнаружена плитчатая бусина из глухого красного стекла (Горюнова, 2004, рис. 5: 15). В постройке 7 найдена бочонковидная бусина глухого стекла охристо-желтого цвета (Горюнова, 2004, рис. 5: 11), близкая к типу 57 с широкой датой I-IV вв. и узкой датой I-III вв. (Алексеева, 1975, с. 67, Табл. 33: 15). Из заполнения жилища 7 происходит бронзовая глазчатая фибула прусской серии Альмгрен 61 или типа BIV по Р. Ямке (рис. 5.1: I: 5) со следами длительного использования. Такие фибулы датированы по материалам Центральной Европы рубежом I-II – последней четвертью II вв. (Горюнова, 2004, с. 48). Из жилища 8 и культурного слоя происходят целая и фрагментированная трапециевидные подвески круга украшений «выемчатых эмалей», украшенные композициями из двойных концентрических окружностей (рис. 5.1: I: 3, 4) (Горюнова, 2004, рис. 5: 7, 20). В заполнении жилища 8 найдена плоская подвеска-лунница (рис. 5.1: I: 4) (Горюнова, 2004, рис. 5: 16). В яме 24 найдена лунница с дуговидным корпусом и двумя круглыми гнездами-вставками с красной эмалью на дисковидных концах с тремя округлыми выступами (рис. 5.1: I: 1) (Горюнова, 2004, рис. 5: 14). Лунница представляет один из самых ранних типов украшений данного вида и относится к типу I-B1 (Фролов, 1980, с. 111-115), а глазчатая фибула свидетельствует в пользу отнесения даты памятника к ступени B2a (Обломский, Терпиловский, 1994б, с. 163).

Для датировки постзарубинецкого горизонта поселения нельзя привлечь фрагмент двуствольной ручки красноглиняной амфоры, который тяготеет к группе позднескифских находок, концентрирующихся в центральной, северной, северо-западной частях поселения. Хронологический разрыв между бытованием амфоры до середины I в. и появлением фибулы Альмгрен 61 с рубежа I-II вв. не позволяет включить ручку амфоры в состав датирующих

вещей постзарубинецкого горизонта Картамышево 2 (Горюнова, 2004, с. 49). «Перекрытие» датировки фибулы Альмгрен 61 и подвески-лунницы с эмалевыми вставками могло произойти во второй половине-последней четверти II в. Следовательно, поселение нельзя датировать ранее середины II в. (Горюнова, 2004, с. 49).

Из постройки 2 Терновки 2 происходит обломок обоймы из листовой бронзы с циркульным пуансонным орнаментом (Обломский, 1990б, рис. 10: 27), а из культурного слоя – четыре бусины: три из красного глухого стекла (Обломский, 1990б, рис. 10: 11-13), у четвертой слой красного глухого стекла наложен на основу из прозрачного стекла желтоватого оттенка (Обломский, 1990б, рис. 10: 15). По своей форме две бусины близки к параллелепипеду (Обломский, 1990б, рис. 10: 11, 12), одна имеет цилиндрическую форму (Обломский, 1990б, рис. 10: 13), а двухцветная бусина-округлую форму (Обломский, 1990б, рис. 10: 15). Две красные пастовые бусины отнесены к типу Алексеева 104. Пластинчатые бронзы со штампом в виде концентрических окружностей характерны для периода распространения украшений круга «выемчатых эмалей». В Мощинском кладе красные пастовые бусы в форме параллелепипеда составляют около половины изделий подобного типа (Обломский, Гороховский, 1986) и датируются по Е.М. Алексеевой II-III вв. (Алексеева, 1978, с. 24). Считается, что поселение вряд ли могло возникнуть намного раньше времени формирования комплекса украшений круга «выемчатых эмалей» и его вероятнее всего можно датировать второй половиной II в. (Обломский, 1990б, с. 23).

Из Бобравы 3 («Сильник») происходят фрагменты пластинчатой и эмалевой лунницы, последняя отнесена к средней стадии развития этих украшений и поселение отнесено к первой половине III вв. (Горюнова, 2008, с. 211). Из Осиповки (урочище Пляж) известны 23 фрагмента определимых частей светло- и красноглиняных амфор. Фрагменты светлоглиняных амфор отнесены к типам Шелов В, С, D. Тип В датируется второй третью I-II вв., тип С: II-началом III вв., тип D II-III вв. (преимущественно первой половиной III в.)

(Шелов, 1978, с. 18-19). Венчики красноглиняных амфор принадлежат сосудам типа Каменецкий 4, а фрагменты ручек – типу Каменецкий 1. Амфоры таких типов бытовали в Танаисе в I-II вв. (Каменецкий, 1969, Табл. I: 26-28, IV: 1, 2; с. 140; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 73). Датировка этих амфор позволяет назвать вторую половину II в., как время существования данного поселения. С этого памятника, а также с поверхности поселения Родной Край 1 происходят пластинчатые двурогие лунницы с узкими концами. Подобные изделия не включены в состав набора с украшениями, декорированными эмалью (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 119). Печь из другого поселения возле Осиповки в урочище Лиман археомагнитным способом датирована II в. н.э. (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 138-139).

В жилище 1 Приоскольского 1 найдена удлиненная бусина призматической формы синего глухого стекла типа Алексеева 125 (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 135). Подобные бусы были характерны для II-III вв. (Алексеева, 1978, с. 70, Табл. 33: 36). В сооружении 51 Жерновца обнаружен фрагмент литой лунницы с полями красной эмали и кольцом в ушке (Обломский, 1991, с. 20, 22). Ее можно отнести к первой стадии развития лунниц – с эмалевыми полями на концах, без отростков (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 119) и соответственно к первой стадии развития вещей круга выемчатых эмалей, то есть приблизительно ко второй половине II в. (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 123).

Из поселения Головино 1 происходит фрагмент бронзовой гривны с окончанием в виде рельефной шишечки (или «грибовидным» окончанием). Данные изделия имеют многочисленные аналогии в Восточной Прибалтике и М. Михельбаргас по материалам Литвы датирует их степенями B2/C1 и C1a (Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002, с. 268). По своим типологическим признакам фибула круга «выемчатых эмалей» из Головино 1 наиболее близка к первой серии и особенно к прототипам – фибулам Альмгрен 84 (Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002, с. 268). Поскольку фибула из Головино 1 стоит в самом начале типологического ряда серии 1, то ее

датировку следует определять ближе к прототипу – около рубежа II-III вв. (Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002, с. 268). Также на памятнике обнаружены конические, свитые из стеклянного жгута, навершия для булавок типа Кемптен, которые находятся в комплексах римского времени Западной Европы, преимущественно относящихся к I-II вв. Соотнесение датировок этих вещей заставляет относить поселение Головино 1 ко второй половине II – началу III вв. (Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002, с. 268).

На поверхности поселения Колесники найдены литая бронзовая лунница, обломок подобной лунницы, нижняя часть треугольной фибулы и фрагмент фибулы, которые относятся к заключительному этапу развития стиля варварских украшений с выемчатыми эмалями, то есть к периоду около середины III в. (Дідик, Любичев, 1998, с. 50, рис. 1: 2; Обломский, Терпиловский, 2007, с. 136-137, рис. 145: 5, 148: 7, 149: 7, 10).

Постзарубинецкие памятники типа Грини. По находкам фрагментов лощеной керамики, имеющей аналогии в других постзарубинецких группах, памятники типа Грини возможно отнести к раннеримскому времени. Совсем немногочисленные вещи уточняют эту дату.

В Вовках с остатками глинобитного пола жилища 6 (Горюнов, 1981а, рис. 13: 3) связывается верхняя часть сильнопрофилированной двучленной бронзовой фибулы с округлой спинкой, высоким гребнем и крючком для тетивы, высоким приемником и кнопкой на конце ножки Альмгрен 84 (Almgren, 1923, Taf. IV: 84) или группы 10 подгруппы 2 Амброза (Амброз, 1966, с. 36, 38-39, Табл. 7, 13). Подобные фибулы происходят восточнее Днепра с поверхности позднезарубинецких поселений Ковалевка (Сапегін, 2000; Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, с. 48) (рис. 5.1: I: 3), Рудяки (Циндровська, 1982, рис. 1; 2: 22), Пасечная (Циндровська, 1982, рис. 1; 2: 21). Они являлись провинциально-римскими изделиями в области Среднего Дуная и в этом плане могут рассматриваться как импорт, но одновременно являются и варварскими подражаниями, связанными с фибулами IV группы О. Альмгрена и дериватами сильнопрофилированных фибул (Dąbrowska, 1992, S. 103-104).

Опираясь на 10 закрытых комплексов на территории Польши, эти фибулы возможно отнести к фазе B2b, вероятно к концу этой фазы и к фазе C1a (Dąbrowska, 1992, S. 106-107). Такие фибулы относят к ступеням B2/C1 или C1a, что в абсолютных датах обозначает вторую половину II – первую треть III вв., при этом подобные фибулы особенно характерны для второй половины II в. (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 82; Гороховский, 1982а, с. 133-134; Циндровська, 1982, с. 91).

Раннекиевские памятники. Большинство датирующих вещей поселения Гочево 1 сосредоточено в постройке 4. К кругу украшений «выемчатых эмалей» относятся: бронзовая пластинчатая трапециевидная подвеска с шестью «глазками», двумя дужками и приклепанным ушком (рис. 5.1: I: 7); две бронзовые литые парные лунницы с красной эмалью на концах соединенные витым кольцом (рис. 5.1: I: 6), бронзовая литая лунница с десятью гнездами со следами красной эмали (Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 4: 1, 2, 5). Идентичные лунницы находились в составе Мощинского клада и могут датироваться в пределах III в. (Тихомиров, Терпиловский, 1990 с. 57, 58). Считается, что две эмалевые лунницы относятся к еще более неразвитым формам, чем на поселении Картамышево 2 (Горюнова, 2004, с. 50).

Из постройки 4 происходят две бусины: 1) стеклянная темно-синяя с белыми глазками; 2) янтарная усеченно-коническая (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 58, рис. 4: 3, 4) типа 10 по Е.М. Алексеевой, датируемая I/II – III вв. (Алексеева, 1978, с. 24). На полу постройки 2 найдены пластинчатые несомкнутые колечки с продольным ребром, относимые к кругу «выемчатых эмалей» (Тихомиров, Терпиловский, 1990 с. 59). В культурном слое найдены железный трехлопастный наконечник стрелы (Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 10: 4) и железная шпора с коническим шипом, утолщенными концами дужки (Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 10: 6). Следы заклепок для крепления ремней отсутствуют (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 59). Шпора представляет вариант (или дериват) «станинных или на подставке»,

относящихся к ступени В2 (Горюнова, 2004, с. 50), распространенных до ступени В2/С1 (Тихомиров, Терпиловский, 1990 с. 60).

Все датированные находки из Гочево 1 входят в рамки второй половины II-III вв. (Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 60). Считается, что весь набор датированных вещей памятника по хронологии аналогичен Картамышеву 2: группа эмалей не ранее В2/С1 и вещь предшествующего периода В2, который выклинивается к расцвету В2/С1 (Горюнова, 2004, с. 50).

В погребении 1 могильника Шишино 5 обнаружены три бусины: 1) сердоликовая Алексеева 2а (Алексеева, 1982, с. 15) (бусы такого типа зарождаются в предримское время, доживают до III в., но наиболее характерны для I-II вв., когда они встречаются повсеместно (Обломский, 1991, рис. 4: 1)); 2) цилиндрическая белого глухого стекла Алексеева 55 (Алексеева, 1978, с. 67) (бусы такого типа найдены в комплексах второй половины I-III (Обломский, 1991, рис. 4: 2)); 3) округлая синяя с тремя глазками с белой обводкой типа Алексеева 33а (Алексеева, 1975, с. 56), подобные бусы употреблялись в предримское время и в I в., но встречаются позднее, во II в. (Обломский, 1991, рис. 4: 3). По бусам погребение 1 относят ко второй половине I-II вв. (Обломский, 1991, с. 20).

В слое раскопа Б поселения Шишино 5 найдена бронзовая пряжка с прямоугольной рамкой, железным язычком и пластинчатой обоймой (Обломский, 1991, с. 19-20, рис. 4: 4). Она близка к пряжкам типа 3 (является подражанием), найденным на могильнике вельбаркской культуры Брест-Тришин, где они датированы второй половиной I-II вв., допуская возможность существования и в III в. (Кухаренко, 1980, Табл. 6: 1; 19: 58г, с. 48). Пряжка из Шишино 5 имеет не двухчастную (отдельные рамка и шпенек, на который крепится язычок), как пряжки группы F типа 8 из центральноевропейского Барбарикума (Madyda-Legutko, 1986, Taf. 12), а одночастную схему (единая рамка, на которой прикреплен язычок). Но по остальным характеристикам (прямоугольная рамка, прямой язычок, выгнутые концы рамки) она является подражанием пряжкам группы F типа 8 – так называемым Ktempenschnallen

(Madyda-Legutko, 1986, Taf. 12, S. 43). В Центральной Европе эти пряжки связаны с вельбаркской культурой (там они встречены в комплексах с фибулами Альмгрен 211), распространены в Северной Европе (в том числе на острове Готланд) и датируются ступенью C1, хотя первые экземпляры появляются на ступени B2 (Madyda-Legutko, 1986, S. 44-45). Исходя из того, что пряжа из Шишино 5 является не копией типа 3, а подражанием ему, допускается возможность ее отнесения не к раннему этапу, а к финалу отрезка ее датирования (Обломский, 1991, с. 20).

Две ажурные фибулы с гнездами эмали, массивный литой браслет из клада в слое поселения Шишино 5 (рис. 5.2: 1-5) относятся к средней стадии развития варварских украшений с эмальями, то есть приблизительно к концу II-середине-второй половине III вв. (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 133-134, рис. 18: 1, 2; 19: 1-3).

Из ямы 5 раскопа 1 происходит бронзовый браслет с едва расширенными концами (Обломский, 1991, рис. 4: 5). Подобные браслеты известны в комплексах раннеримского периода могильников юго-западного Крыма (Бельбек 2, Бельбек 3, Бельбек 4, Скалистое 3), где отнесены к I-II вв. (Гущина, 1974, рис. 3: 1, 8, 10; 4: 7, 24, 25; 7: 15; 17: 37; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, Рис. 2: 50; 5: 29; 8: 72; 9: 12, 29).

Найденная на поверхности поселения Рябовка 1 вблизи следов кремации на поверхности, подковообразная фибула относится к последней фазе (фазе C) эволюционного ряда развития этих украшений и может быть отнесена приблизительно к концу II – началу III вв. (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 132, рис. 146: 7) (табл. 2). Ромбокрестовидная подвеска, находившаяся над ямой погребения 3 могильника Приоскольское 2, относится к заключительному этапу развития стиля варварских украшений (около середины III в.) (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 131, рис. 38: 9).

Приведенный выше материал дает основание утверждать, что датирующие вещи из слоя и условно-закрытых комплексов поселений указывают на ступень B2/C1, как дату существования всех изученных

раскопками памятников (Картамышево 2, Терновка 2, Бобрава 3, Осиповка, Приоскольское 1, Жерновец, Головино 1) (табл. 5.2). Селища Бобрава 3, Приоскольское 1, Головино 1 могли существовать и позднее – на ступени C1a. Следовательно, период бытования постзарубинецких памятников следует относить к ступени B2/C1 с заходом в C1a, то есть в абсолютных датах приблизительно к середине II – началу III вв. Нет никаких оснований опускать нижнюю дату этих памятников ранее середины II в. В этом наши взгляды совпадают с мнением В.М. Горюновой (Горюнова, 2004, с. 49-50). Вывод о существовании постзарубинецких древностей типа Картамышево 2 – Терновка 2 с середины-третьей четверти I в. в днепро-донецкой лесостепи основан пока что лишь на предположении о подобии культурной обстановки в регионе той, что существовала в области Среднего Днепра, где, по фибульным датировкам из зарубинецких могильников и постзарубинецких поселений, время прекращения их существования определено именно серединой – третьей четвертью I в.

По очень немногочисленным датирующим материалам раскопанные в самом мизерном количестве памятники типа Грини следует относить к ступеням B2/C1, C1a, то есть приблизительно к середине II – первой четверти/середине III в. Подобная датировка отличается от «традиционной», где памятники типа Грини связаны с концом I – началом III вв, а более узко – со второй половиной II в. (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 82). При этом исследователи опираются на материалы Среднего Поднепровья, где на поселении Грини 1 возле жилища 1 найден фрагмент краснолаковой чашечки и бусины с выступами-глазками типа Алексеева 64а, относящихся к I-II вв. (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 82).

Раннекиевские памятники относятся к ступени B2/C1 и в отличие от постзарубинецких уверенно принадлежат ступени C1a. В абсолютных датах они могут быть отнесены к последней четверти II – первой четверти – III вв. Датировки постзарубинецких и раннекиевских памятников в регионе

перекрывают друг друга и последние не образуют четко выделенного хронологического этапа (Любичев, 2011б, с. 28)

5.3. Хронология поселений горизонта Боромля.

Датирующий материал на поселениях ступеней региона, синхронных закрытым комплексам ступеней C1b, C2 подразделяется на следующие группы, виды и подвиды вещей: группа I – вещи так называемых «общеевропейских» форм, имевшие широкое распространение в Барбарикуме Центральной и Восточной Европы: 1) фибулы: а) двучленные VII группы O. Альмгрена (табл. 5.1) (рис. 3.4: 2, 3; 3.5.: 2; 3.8: III: 2; 3.9: I: 2; 5.3; 5.4); б) подвязные двучленные лучковые Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) (табл. 5.2) (рис. 3.13: I: 2; 5.6: II); в) подвязные двучленные Гороховский A (обе из сборов на поверхности) (Амброз 16, 2, 1, 1) (табл. 5.3) (рис. 5.6: II: 1, 2); г) двучленные фибулы типа «Войтенки» (табл. 5.4) (рис. 5.6: I); 2) пряжка Мадыда-Легутко D тип 1 (рис. 5.6: II: 7); 3) роговой многочастный гребень Никитина IIa (рис. 3.4: 5); 4) стеклянный кубок, близкий к группе Эггерс 211-213 (рис. 3.8: III: 5); 5) железный ключ (рис. 3.9: I: 3); Группа II – античный импорт в виде светлоглиняных узкогорлых амфор: а) Шелов D (рис. 3.4: 11, 12; 3.5: 19, 20; 3.9: I: 7; II: 273.12: II: 15; 3.13: II: 2, 3; 3.14: I: 2-9); б) Шелов F (рис. 3.7: IV: 17, 18; 3.9: II: 26).

Двучленные фибулы с высоким приемником составляют группу VII O. Альмгрена, где различается четыре серии. Первая серия включает в себя фибулы A.193, A. 201-203, A. 210, A. 213, A. 214, A. 215, составляющие две подсерии: а) с эсовидной спинкой; б) с четкой границей между спинкой и ножкой (Almgren, 1923, S. 91-93, Taf. IX: 193, 201-203, 210, 213, 214, 215). Двучленные фибулы с высоким приемником близкие или являющиеся дериватами застёжек 1 серии VII группы O. Альмгрена (Almgren, 1923, S. 91-93, Taf. IX: 193, 201-203, 210, 213) относятся к 1, 2 вариантам 3 серии восточной подгруппы 18 группы A.K. Амброза (Амброз, 1966, с. 72-74). Наиболее детально подобные изделия в лесостепи Восточной Европы классифицированы

Е.Л. Гороховским и О.В. Гопкало (Гороховский, Гопкало, 2004). Фибулы А.193 находят отдаленное подобие в изделиях первой (неслуховской), четвертой (лепесовской) серий этой классификации. Как дериваты фибул А.201, А.203 возможно рассматривать изделия первой (неслуховской), третьей (днепровской), четвертой (лепесовской) серий.

подавляющее большинство подобных изделий в регионе принадлежит первой (неслуховской) серии с девятью вариантами и третьей (днепровской) серии (табл. 5.1). Некоторые изделия относятся к особым формам.

Две фибулы серии 3 варианта 1 по Е.Л. Гороховскому – О.В.Гопкало (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 112-124) происходят из постройки 1 поселения Боромля 2, где они находились совместно с гребнем Никитина IIa, фрагментами амфор Шелов D (Некрасова, 2006, рис. 20, 21) (табл. 5.1) (рис. 3.4: 2, 3, 5, 11, 12). Подобная застежка происходит из постройки 8 селища Букреевка 2, где она найдена совместно с фрагментом стеклянного кубка, близкого к группам Эггерс 211-213 (Сымонович, 1990, рис. 7: 10, 16) (рис. 3.8: III: 2, 5) (табл. 5.1), а также слоя над постройкой 1 поселения Гочево 3 (Обломский, 2002, рис. 7: 6) (рис. 5.3: 17) (табл. 5.1). Фибула 1 серии варианта 8 найдена на полу жилища 1 селища Родной Край 3 совместно с железным ключом и фрагментом ручки амфоры Шелов D (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, Табл. II: 2, 3; III: 2, 9, 12-14; IV: 2, 9; V: 1, 2, 12, 16, 22) (рис. 3.9: I: 2, 3, 7) (табл. 5.1).

В Головино 1 фибула серии 3 варианта 3 находилась в слое над постройкой 5 (Обломский, 2001-2002, рис. 16: 1) (рис. 5.3: 18) (табл. 5.1). На участке «А» поселения Войтенки 1 такие изделия происходят как из слоя, так и в качестве подъемного материала. Там найдено пять целых застежек: две – серии 1 варианта 1 – на поверхности участка «А» (рис. 5.4: 1) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.1), в слое возле сооружения 1 (рис. 5.4: 13) (Любичев, 2008д, рис. 11: 1) и две – серии 1 варианта 7 – на поверхности (рис. 5.4: 11) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.10) и в слое над ямой 5 (рис. 5.4: 14) (Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 66: 1), фибула серии 3 варианта 1 на поверхности (рис. 5.4:

12) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.15), а также фрагмент нижней части одной фибулы (Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис. 85: 6) (рис. 5.4: 15) (табл. 5.1).

Из слоя поселения Матяшев Яр 3 происходит фибула серии 1 варианта 4 (Жаров, Терпиловский, 2006, рис. 5: 3) (рис. 5.3: 11) (табл. 5.1). В культурном слое Новоселовки обнаружена фибула серии 3 варианта 1 (Обломский, 2002, рис. 68: 2) (рис. 5.3: 14) (табл. 5.1). Из области Верхнего Подонья, из ареала памятников типа Седелки-Каширка, с востока примыкающему к нашему региону, из слоя поселения Мухино 2 происходит фибула серии 3 варианта 1 (Обломский, 2008, рис. 3: 3).

Подобные застёжки известны также в качестве подъемного материала из поселений (табл. 5.1): Лепляво (серия 3 вариант 1) (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 126), Коврай (1 – серия 1 вариант 1, 3 – серия 1 вариант 3, 1 – серия 3 вариант 9, 1 – серия 3 вариант 1, 1 – серия 3 вариант 9) (Любичев, Дидык, 2001-2002, рис. 4: 1-7) (рис. 5.3: 1-7), Градижск (серия 1 вариант 2) (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 126) (рис. 5.3: 8), Шевченки 5 (серия 3 вариант 1) (Гейко, 1998, с. 170) (рис. 5.3: 9), Васильевка 3 (серия 1 вариант 1) (Щербань, 2000, рис. 2) (рис. 5.3: 10), Сторожевое (серия 3 вариант 1) (Коваленко, Луговий, 2008, рис. 1) (рис. 5.3: 12), Пены (серия 3 вариант 2), Рязаново (серия 3 вариант 1) (Радюш, 2008, рис. 3: 3, 6) (рис. 5.3: 15, 16), Большая Даниловка (серия 1 вариант 7 и фрагмент нижней части) (Зайцев, 1964, рис. 2: 5, 7) (рис. 5.3: 19, 22), Мартовая (серия 1 вариант 3) (Любичев, Дидык, 2001-2002, рис. 3: 4) (рис. 5.3: 20), Завгороднее (серия 1 вариант 7) (Любичев, Дидык, 2001-2002, рис. 3: 3) (рис. 5.3: 24), Пасеки (1 – серия 1 вариант 7, 1 – серия 3 вариант 8) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII: 6, 13) (рис. 5.3: 29-31), Старые Валки (1 – серия 1 вариант 1, 1 – серия 1 вариант 7) (рис. 5.3: 27, 28) (Бакуменко и др., 2006, Рис. VII: 3, 5), Халимоновка (серия 3 вариант 1) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII: 14) (рис. 5.3: 25), Бараново (серия 3 вариант 9) (Бейдин, Григорьянц, 2005, рис. 1.2), Старый Мерчик (серия 3 вариант 8) (Любичев, Дидык 2001-2002, рис. 3: 1) (рис. 5.3: 26), Огульцы: 2 – серия 3 вариант 1 (рис. 5.4: 3, 7), 2 – серия 1 (вариант неопределим из-за отсутствия головки) (рис. 5.4: 2, 9), 1 – серия 3 вариант 8

(рис. 5.4: 1) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII: 14; Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 283: 5; 284: 5; Любичев, 2008а, рис. 1: 2, 3), Рябухино (серия 1 вариант 7) (Любичев, Дидык, 2001-2002, рис. 3: 2) (рис. 5.3: 23). С поверхности поселения Хрущевая Никитовка происходят: одна фибула серии 3 и три фибулы серии 1 различных вариантов, а также два фрагмента нижних частей подобных фибул.

На поверхности селища Огульцы найден полуфабрикат фибулы с высоким приемником (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.7, с. 93) (рис. 5.4: 8). Нижняя часть подобной заготовки с наплывами и раковинами происходит из Пасек (Бакуменко и др., 2006, рис. VIII: 3, С. 94) (рис. 5.3: 31). Эти находки заготовок свидетельствуют в пользу местного изготовления части фибул с высоким приемником. В Центральной Европе находки литейных форм для фибул с высоким приемником были сделаны возле Нойнхайлигена в Германии (Мончынська, 1999, с. 90), Кляйнхофляйна в Австрии (Kren, Pollak, 2008, S. 682, Abb. 41: 1). Из Кляйнхофляйна происходит и фибула, возможно отлитая в этой форме, относящаяся к серии 1 варианту 3 (Kren, Pollak, 2008, S. 682, Abb. 41: 1).

К особым формам фибул этой группы в регионе отнесены изделия из сооружения 3 (рис. 3.5: 2) и слоя Боромли 2 (рис. 5.3: 13) (Некрасова, 2006, рис. 19: 3), нижняя часть фибулы из подъемного материала Огульцов (рис. 5.4: 4) и Петровского (рис. 5.3: 21). В постройке 3 Боромли найдена фибула с высоким приемником (совместно с фрагментами амфор Шелов D) (Некрасова, 2006, рис. 24: 9; 26: 14-17), которую невозможно четко отнести ни к одному из вариантов всех серий классификации Е.Л. Гороховского – О.В. Гопкало, так называемая «мотыльковая» фибула (рис. 3.5: 2). Аналогию фибуле обычно находят в изделии из богатого «княжеского» погребения в Страже (Некрасова, 2006, с. 95). Фибула с треугольными щитками из постройки 3 Боромли 2 весьма отдаленно напоминает три отделанные зернью и филигранью серебряные фибулы из «княжеского» погребения II Страже, имеющими полукруглые щитки-пластинки на ножке и головке, широкую спинку сегментовидного

сечения с гребешком, высокий приемник, двупружинный узел, кнопки на концах пружины (Schmetterlingsfibel), датируемые концом II – первой половиной III вв. (Kolnik, 1964, S. 418-419, obr. 2; Tejral, 1998, Abb. 3: 6).

Здесь, вероятно, ближе будут другие аналогии. В погребении-ингумации 387 Пруща Гданьского, относящегося к ступени C1, содержалась фибула с высоким приемником с треугольным щитком на ножке и нижней тетивой (Pietrzak, 1997, Taf. CXXI: Grab 387: 2, S. 57). В этом изделии возможно видеть переходную форму к экземпляру из Боромли 2. Подобное изделие происходит из погребения 137 Оксыва (Oksywie) (Andrzejowski, 2005, Fig. 13: c, d). Близки к экземпляру из Боромли 2 фибулы из Тыргшора (Tirgşor) и Дарманешт (Dărmăneşti) (Diaconu, 1973, Taf. II: 1, S. 273), которые сочетают в себе признаки группы Амброз 21 (пластинчатые фибулы) и фибул группы Альмгрен VII (высокий приемник, кнопка на головке, двупружинный узел).

На поселении Огульцы найдена нижняя часть фибулы с ножкой в виде трапециевидного щитка, который вдоль краев украшен параллельными врезными линиями (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.18) (рис. 5.4: 4).

Из культурного слоя Боромли 2 (Некрасова, 2006, рис. 19: 3) (рис. 5.3: 13) и поверхности Петровского (Сибилев, 1926, рис. 31: 7) (рис. 5.3: 21) (табл. 5.4) происходят две очень похожие фибулы, принадлежащие к особому варианту 3 серии. Их объединяет наличие широкой массивной спинки, зерненные кольца на головке, спинке, ножке (всего по 5), кнопки на головке и ножке. Фибула из Боромли 2 имеет двух-, а из Петровского – трехпружинный узел (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 6: 8, 10). Почти идентичная фибула обнаружена на правом берегу Днепра у Григоровки (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 9). Вероятнее всего, эти три изделия происходят из одной мастерской.

Для определения хронологии данных фибул в нашем регионе целесообразно выяснить их датировку в закрытых и условно-закрытых комплексах Центральной Европы, закрытых комплексах черняховской культуры (Любичев, 2010б) (рис. 5.5). При поисках аналогий изделиям из восточноевропейской в Центральноевропейском Барабрикуме стоит учитывать,

что наши фибулы с высоким приемником относятся к изделиям с верхней тетивой (соответственно имеют штырь, головную кнопку, «шишечку», которые не обязательно были предназначены для удержания тетивы), хотя по остальным конструктивным особенностям находят аналогии в Центральной Европе. Отмечены случаи совместного нахождения фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена со штырем и без такового на головке в одном закрытом комплексе. Например, это погребение-ингумация 695 вельбаркского могильника Вилленберг (Нижняя Висла) (Schindler, 1940, Abb. 57).

В общих чертах фибулы группы VII О. Альмгрена на пространстве от Эльбы до Пассаржа были датированы III в. (Almgren, 1923, S. 97; Matthes, 1931 S. 26-28; Kuchenbuch, 1938, S. 27-31; Blüme, 1912, Taf. V: Abb. 30b, S. 32). Погребения с этими фибулами в некоторых могильниках Центральной Европы в Шлезвиге-Гольштейне, Мекленбурге-Передней Померании, Альтмарке, Бранденбурге датированы концом II – началом III вв. (Leube, 1999, S. 288, Abb. 2) или даже второй половиной III в. (Kuchenbuch, 1938, S. 27). По материалам римских кастеллумов фибулы A.VII.1 существовали до середины III в., где встречены совместно с фибулами A.V, что свидетельствует об их появлении до конца II в. В Райндорфе (Rheindorf) они встречены совместно с Terra Sigillata, относящейся ко времени около 180 г. Материалы закрытых комплексов могильников Приитц (Preetz), Притцир (Pritzier), Дальхаузен (Dahlhausen), Кубьер (Kuhbier) не позволяют говорить об их использовании позднее середины III в. в области Эльбы (Leube, 1975, S. 22).

В Поморье фибулы 1 серии VII группы Альмгрена, известны в комплексах как с элементами ступеней B2/C1 и C1a (фибулы A II.40/41, A V, серия 1, 95/96; A V.132), так и с вещами ступени C1a (фибулы A. VI серия 1) (Kurpiewski, 2008, S. 42). Материалы могильника Любовидз позволяют рассматривать фибулы A.VII.1 как вещи ступеней B2 и B2/C1, когда одновременно появляются и подвязные фибулы (Schuster, 1996, Abb. 1: 3, S. 400-401). Фибулы A. 201 с нижней и верхней тетивой (например, в погребениях 5 и 120 могильника Спицымеж) являются ведущими формами ранней фазы

позднеримского времени в системе хронологии пшеворской культуры (Godłowski, 1968, Abb. 3: 1, 2). Из постройки 22 селища Гроджишко-Дольный происходят фибулы 3 варианта 1 (неслуховской) серии с верхней тетивой с однопружинным и двухпружинным блоком, 2 варианта 1 серии, отнесенные к промежутку B2/C1 – C1b (Czopek, 2004, RyS. 7: b, c, d, S. 76).

В Моравии на могильнике Пнов (Pňov) фибулы A.VII.1 содержатся в погребениях ступени C1 (Godłowski, 1992, Abb. 7: 7, 8), на могильнике Плотиште (Plotiště) фибулы A.VII.1 относятся к комплексам ступени C1a (Godłowski, 1992, S. 26). Аналогии нашим восточноевропейским экземплярам 1, 2, 3, 4 серий видятся в фибулах из могильников Страже II (Stráže, II) и Очков (Očkov) (погр. 108, 121, 174) (Kolnik, 1964, Obr. 1; 49, Abb. 13: 1, 4; Tejral, 1998, Abb. 3: 7). Погребение в Очкове датировано рубежом II-III вв., то есть уже ступенью C1 (Kolnik, 1964, S. 417; Godłowski, 1992, S. 28). Фибула, близкая к A.201 с крючком на головке, обнаружена в погребении на месте римского укрепления возле Мушова, датированного позднее 180 г. (Tejral, 1998, S. 394). В Румынии фибула из Удень (Udeni) в ареале культуры Милитари-Килия (Udeni) обнаружена совместно с монетой Галерия Максимиана (302-303 гг.) (Harhoiu, 2008, Abb. 4: 26; Мончынська, 1999, Табл. 9: 3, с. 88).

Материалы Барбарикума Центральной Европы свидетельствуют, что фибулы A.VII.1 являются там индикатором начальной фазы позднеримского времени и период их распространения в основном приходится на фазы B2/C1, C1a. Отдельные экземпляры таких изделий относятся к ступени C1в (Кляйн Ульберсдорф) и даже к ступени C2 (Удень).

Фибулы с высоким приемником на черняховских памятниках происходят из отдельного погребения в Городнице, погребений 33 Журавки, 13, 24 Ружичанки, 104, 111, 130 Чернелива-Русского. Фибула A.VII.2 из погребения 130 могильника Чернелив-Русский обнаружена совместно с подвязной двучленной фибулой A.162 (Герета, 1995, рис. 6: 130: А). В лесостепи Восточной Европы к западу от Днепра они найдены в жилищах 4 Демьянова 2;

3, 8 Лепесовки; 1, 2 Луки-Врублевецкой; 1 Незвиско, 22 Рипнева 2, 4 Черепина (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 125-128).

В хронологической системе Е.Л. Гороховского фибулы А.VII являются диагностами первой («Ружичанской») фазы черняховской культуры, соответствующей ступеням С1b и началу С2 (около 230-270 гг.) (Гороховский, 1988а, с. 42-43). В хронологической системе О.А. Гей – И.А. Бажана погребения с фибулами А.VII отнесены ко второму периоду черняховской культуры, соотносимом со ступенью С2 (около 270/280-310/320 гг.) (Гей, Бажан, 1997, с. 42). Фибула А.VII.1 из погребения 13 Ружичанки отнесена ко второй фазе развития могильника (около 220-280 гг.), а фибула А.VII.2 совместно с гребнем Никитина I из погребения 24 О.В.Шаровым отнесена к третьей фазе (около 280-310 гг.) (Шаров, 1992, Табл. VI). В жилище 4 Черепина фибула серии 3 найдена совместно с фрагментами светлоглиняной амфоры Шелов D (Баран, 1981, Табл. XXXVIII: 8-11, 16).

Таким образом, по перечисленным выше схемам эти фибулы демонстрируют некое «запаздывание» по сравнению с центральноевропейским Барбарикумом: здесь они относятся к ступеням С1b-С2, пожалуй, более точно: к концу С1b-С2. Это положение подтверждает и факт их местного производства.

Бронзовые подвязные двучленные лучковые фибулы Альмгрен 157 (Almgren, 1923, Taf. VII: 157) или Амброз группы 15 серии 3 варианта 1 (Амброз, 1966, с. 52, Табл. 9: 18-20) происходят: из заполнения сооружения – полуземлянки 2/2 участка «А» поселения Войтенки 1 (Любичев, 2008г, рис. 16: 4) (рис. 3.13: I: 2) и культурного слоя поселения Родной Край 1 (Обломский, 2002, рис. 49: 1) (рис. 5.6: II: 6). В качестве подъемного материала подобные фибулы найдены на поселениях Черкасская Лозовая, Саржин Яр, Пасеки (Бакуменко и др., 2006, с. 22-23, рис. II.2; II.3, II.4) (рис. 5.6: II: 3, 4, 5) (табл. 5.2).

Вне днепро-донецкой лесостепи такие бронзовые фибулы встречены, в частности, в погребении 9 (разрушенное труположение) черняховского

могильника Каборга IV (Магомедов, 1979, с. 39, Табл. X: 3), в подбойной могиле 20 могильника Дружное (Кропотов, 2001, Рис. 3: 8). Две совершенно идентичные, но серебряные фибулы найдены в подбойных могилах 20 и 24 могильника Дружное (Кропотов, 2001, с. 182, рис. 3: 7, 9). В погребении 147 (кремация) могильника Тыргшор подобная фибула найдена совместно с железным умбоном и рукоятью щита. Комплекс отнесен к ступени С2 (Niculescu, 1993, Fig. 9: 4; 10: 3, 4, p. 204).

В широких рамках такие фибулы датированы II-III вв. (Амброз, 1966, с. 52, Табл. 9: 18-20). Считается, что они появляются около середины III в. (Кропотов, 2001, с. 181) или их бытование ограничивается лишь III в. (Скрипкин, 1977, с. 109; Абрамова, 1996, с. 103; Храпунов, Масыкин, 1997, с. 168). В могилах 20 и 24 могильника Дружное в Крыму такие фибулы встречены вместе с монетами Деция Траяна (249-251 гг.) и Галлиена (253-268 гг.) (Храпунов, 1994; Храпунов, Масыкин, 1997). По материалам крымских могильников (в том числе и Дружного) они отнесены наряду со светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа D с более широким горлом, массивным треугольным венчиком и почти сплошной ножкой с небольшой вмятиной в центре, а также костяными многочастными гребнями Томас 1 к фазе II их хронологии, синхронизирующей с периодом 2 развития черняховской культуры Е.Л. Гороховского и ступенью С2: около 260/270-310/320 гг. (Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 363-365). Совместно с такой фибулой в сооружении 2/2 участка «А» Войтенков 1 находились фрагменты амфор Шелов D (Любичев, 2008а, рис. 19). Такая фибула на поверхности поселения Пасеки (рис. 5.22: 5) была обнаружена совместно с застежкой группы VII О. Альмгрена (Бакуменко и др., 2006, с. 74, рис. VII.6)

Подвязная двучленная фибула с гладкой спинкой овального сечения серии Гороховский А или Амброза группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 1 происходит из подъемного материала селища Хохлово 2 (Обломский, 2002, рис. 57: 17) (табл. 5.3). В качестве сопутствующего материала на поверхности памятника найдены ножка светлоглиняной амфоры Шелов F, фрагменты

толстстенных стеклянных кубков с «сотовым» орнаментом типа Кенигсбруг-Хегом, бронзовые пряжки серий В1 и Г2 по Гороховскому, две железные пряжки серии А (Обломский, 2002, рис. 57: 10, 15, 16, 19, 20, 21, 22) – вещи, характерные для 3 и 4 фаз черняховской культуры (Гороховский, 1988, с. 42-44). Фibuла без фасеток на спинке, но с круглым сечением корпуса, происходит из подъемного материала на поселении Хрущевая Никитовка (рис. 5.6: II: 2)(табл. 5.7), где рядом также были обнаружены фibuлы с высоким приемником и их части. Подвязная двучленная фibuла серии Гороховский А найдена на поверхности участка «А» поселения Войтенки (рис. 5.6: II: 1). Только из этого участка поселения (как из условно-закрытых комплексов, слоя так и из подъемного материала) происходят фibuлы групп Альмгрен VII, Альмгрен 157, фрагменты светлоглиняных амфор Шелов D.

Двучленные бронзовые застёжки с удлиненным держателем иглы, двумя отверстиями для пружины на стойке, полукруглой головной пластиной, кнопкой на конце штыря, развернутого по отношению к ножке под прямым углом вверх и гребнем (или его имитацией) на спинке, получили название «фibuлы типа Войтенки» (Левада, 2007, с. 243). В качестве подъемного материала они обнаружены именно на поверхности именно участка «А» поселения Войтенки 1. Оттуда происходит целый экземпляр без пружинного аппарата (рис. 5.6: 1) (Бакуменко и др., 2006, рис. VII.17) и фрагмент верхней части (Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, с. 2). Такие изделия обнаружены в подъемном материале на поверхности поселений Хворостово (рис. 5.6: I: 2) (Варачева, 2008, рис. 8), Коврай (рис. 5.6: I: 2) (Любичев, Дидык, 2001-2002, рис. 1: 8) (табл. 5.4).

Эти изделия ошибочно относили к фibuлам-«монстрам» 4 серии группы VII O. Альмгрена (Бакуменко и др., 2006, с. 86; Любичев, 2008г, с. 38-39). Более реально выглядит их происхождение от мазовецкого варианта второй серии фibuл Альмгрен IV с возможным влиянием в виде длинных приемников от фibuл Альмгрен VII. Конструктивной инновацией выглядит дополнительное отверстие на стойке. Попав на ступенях B2/C1 – C1a на Днестр и в верховья

Южного Буга они трансформировались в фибулы «типа Войтенки» (Левада, 2007, с. 244-245). В пользу связи этих застежек с хронологическим горизонтом памятников ступеней С1b – С2 в регионе, несмотря на отсутствие их в УЗК поселений этого времени, свидетельствует ряд обстоятельств. Прежде всего, эти изделия присутствуют лишь на участке «А» поселения Войтенки, где имеются УЗК с фибулой А.157, фрагментами амфор Шелов D, характерной лепной керамикой. Лишь в слое и на поверхности участка «А» обнаружены фибулы Альмгрен VII. Кроме того, из погребения 170 могильника Вэлень (Румыния) происходят аналогичная фибула и еще 2 фибулы, одна из которых относится к типу А.170 (Ionita, Ursachi, 1977, Fig. 48: 35), что позволяет отнести погребение к ступени С2 (Левада, 2007, с. 244). Мазовецкий вариант поздних фибул IV группы 2 серии отнесен к ступеням В2/С1 (Dąbrowska, 1995, S. 20). Следовательно, до находок таких изделий в УЗК рассматриваемого хронологического горизонта, можно во многом интуитивно говорить об отношении этих изделий к данному промежутку времени. Во всяком случае, не известны их находки в погребениях черняховских могильников ступеней С3, С3/D1 с одной стороны и на постзарубинецких-раннекиевских поселениях ступеней В2, В2/С1, С1а с другой.

Из слоя траншеи 8 селища Головино 1 происходит пряжка с овальным передком и изломом при переходе от ее передка к участку крепления ремня, коротким прогнутым, прямоугольным в сечении язычком без фасеток и уступов. Она относится к группе D типу 1 в классификации Р.Мадыды-Легутко и датирована ею по находкам в области Эльбы ступенями В1 – С1b (Madyda-Legutko, 1986, S. 24-26, Taf. 7). В классификации Е.Л. Гороховского изделие отнесено к подгруппе 1/1 «солтановской» серии, датирующейся второй третью – второй половиной III в. (Гороховский, 1988б, с. 83; Обломский, 2001-2002, рис. 16: 17, с. 44)

Многочастный гребень типа Никитина IIa происходит из постройки 1 Боромли 2 (Некрасова, 2006, рис. 20: 6) (рис. 3.4: 5) (табл. 3.1). В этом УЗК совместно с ним находились две фибулы группы VII Альмгрена и фрагменты

светлоглиняных амфор Шелов D (Некрасова, 2006, рис. 20: 2, 3; 21: 1, 2). В схеме Е.Л. Гороховского гребни данного типа единично встречены уже в 1 фазе культуры, представлены несколькими находками во 2 фазе, сохраняются в 3 фазе (Гороховский, 1988а, с. 42-44). В схеме О.А. Гей – И.А. Бажан подобные гребни вошли в состав находок 2 периода (270/280 – 310/320 гг.) развития культуры (Гей, Бажан, 1997, рис. 67: 11). В жилище III Лепесовки подобные гребни сочетаются с фибулой Альмгрен VII (4-ой лепесовской серии), нижней частью толстостенного фасетированного кубка, который принадлежит к сосуду типа Ковалк (Tikhanova, Shcheglova, Shchukin, Sharov, 1999, S. 93, Fig. 2) и более конкретно – к серии IV Э. Штрауме (Straume, 1987, Taf. 3: 25). Гребень Никитина IIa отнесен к IV фазе развития могильника Ружичанка (около 310-330 гг.) (Шаров, 1992, Табл. VI). В постройке 11 поселения Черепин гребень такого же типа встречен совместно с фрагментами амфоры Шелов D (Баран, 1981, Табл. XLIV: 10, 11).

Из постройки 8 селища Букреевки 2 происходит фрагмент края стеклянного тонкостенного сосуда с напаянным поперечным выступом (Сымонович, 1990, с. 92, рис. 7: 16) (рис. 3.17: 5) (табл. 5.9). Фрагмент может быть очень приблизительно отнесен к кубкам Эггерс 211-213 (Eggers, 1951, Taf. 15, №213-315) – сосудам с прямыми (слегка выпуклыми) стенками, отогнутым венчиком, узким дном на небольшой кольцевой подставке (уплощенным дном с небольшим углублением), выполненным из прозрачного стекла с зеленым (желтым) оттенком, орнаментированными стеклянными накладками в виде ребер или без орнамента. Варианты подобных сосудов происходят из ряда погребений на черняховских могильниках (23-1961, 17-1961, 7-1963 Косаново, 88 Черняхова, 10 Привольного, 2-1952 Переяслав-Хмельницкого, 3 Тодирень, 3 Поянешти), отдельных погребений в Рудке и Великом Самборе, жилищ 28 Бочени и 2 Бранешти (Петраускас, 2009, с. 191, рис. 5). Они известны в горизонте богатых погребений в междуречье Одера-Вислы Мецне (Wedderwill/Mezne), Гроджиска (Grodzisk/Kałęczyn), Польшлепа (Polchlep/Pólchleb), Грабова (Grabow/Grabowo) (Rau, 1972, Fig. 5-8, S. 117). Чаша

подобного вида находилась в погребении 298 могильника Тыргшор и там отнесена к ступени C2, возможно к C2/C3 (Niculescu, 1993, Fig. 9: 3, p. 205)

Подобный кубок известен в погребении 8 Хасслебена, которое датировано монетой Галлиена (253-268 гг.) (Schulz, 1933, Taf. 20: 2). В междуречье Одера-Вислы такие кубки датированы последней четвертью III – первой четвертью IV вв. (Rau, 1972, S. 117, 164, 167, Fig. 5; 11; 52). Такие кубки в Крыму отнесены к концу III-IV вв., в основном к первой половине IV в. (Айбабин, 1984, с. 113, рис. 1; 1990, рис. 3: 1-2). В системе О.А. Гей – И.А. Бажана подобные сосуды отнесены к 3 периоду развития черняховской культуры (310/320-350/355 гг.) (Гей, Бажан, 1997, рис. 68: 19). В системе Е.Л. Гороховского эти кубки с «ребрышками на тулове» или «на кольцевом поддоне» отнесены к фазе 2 черняховской культуры (около 270-330 гг.) (Гороховский, 1988а, с. 43).

Железный ключ с петлевидной головкой и расположенной перпендикулярно к корпусу массивной сплошной бородкой происходит из пола жилища 1 селища Родной Край 3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, с. 113, Табл. V: 2) (рис. 3.9: I: 3). Аналогии ему находят на памятниках римского времени Бельбекской долины в Крыму (Обломский, 1991, с. 15; Гущина, 1974, рис. 7, 8; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 2: 24), в некрополе Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, Табл. 24: 1, 2, 6; Дашевская, 1991, с. 40). Из погребения 11 черняховского могильника Ружичанка происходят три ключа, но с зубцами на бородке (Винокур, 1979, с. 114, рис. 7: 2-4; Kokowski, 1997, S. 25). Варианты подобных ключей составляют тип E в классификации А. Коковского (Kokowski, 1997, Abb. 18: E). Они считаются римским импортом в Центральной Европе и найдены вблизи римского лимеса в Чехии (где отмечена их концентрация), Словакии, в области верхней Вислы (ареал пшеворской культуры), в ареале любошицкой культуры (Kokowski, 1997, Abb. 43).

Участки могильников Бельбек 1 и Бельбек 3, откуда происходят погребения с ключами, датированы первой половиной III в., а могильник Скалистое 3 – II – началом III вв. (Гущина, 1982, с. 26; Гущина, 1974, с. 44;

Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 147). Подобные изделия по находкам в закрытых комплексах Центральной Европы датированы в широких пределах ступеней В2 – С3 (Kokowski, 1997, S. 25). Погребение 11 Ружичанки с ключами и фрагментом стеклянного кубка Эггерс 216 отнесено к I фазе развития могильника, соотносимой со ступенями С1в-С2 (ок.220-280/290гг.) (Шаров, 1992, Табл. VI, с. 197) или к 1 фазе развития черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому (Гороховский, 1988а, с. 42)

Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор Шелов D происходят из построек 1, 3 Боромли 2 (Некрасова, 2006, рис. 21: 1, 2; 26: 14-17) (рис. 3.4: 11, 12; 3.5: 19, 20), 1 (Любичев, 2006, рис. 5: 5), 2/2 (Любичев, 2008г, рис. 19: 3-5), 4 (рис. 3.13: II: 2, 3) и слоя Войтенков, жилища 1 и слоя Родного Края 3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, Табл. V: 12, 14), слоя поселения Головино 1 (Обломский, 2001-2002, рис. 12: 11-13), из очага жилища 1, заполнения под завалом обмазки жилища 5 и слоя Песчаного (Журко, 1994а, рис. 5: 4), сооружения 3 Огульцов (Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, с. 74-76, рис. 287; Мызгин, 2011б) (рис. 33: 2-9). В постройке 3 Боромли 2 найдены вероятнее всего не фрагменты днищ амфор типа F и D (Обломский, 1999а, с. 26), а лишь фрагменты одного из вариантов амфор Шелов D. Ручка светлоглиняной амфоры из жилища 1 Родного Края 3 (рис. 3.9: I: 7) не относится в равной степени к амфоре Шеллов F или Шелов D (Обломский, 1999а, с. 26), а принадлежит амфоре типа D. Фрагменты ручек амфор этого типа происходят из Радуцковки (Обломский, 1999а, с. 29).

Выше уже шла речь о взаимовстречаемости амфор Шелов D с другими датированными вещами этого горизонта в УЗК. Определенная закономерность прослеживается в нахождении фрагментов таких изделий и фибул группы VII O. Альмгрена в слоях и на поверхности поселений (Головино, Огульцы, Войтенки 1).

Амфоры Шелов D датированы концом II – первой половиной III вв. (Абрамов, 1993, с. 8, 49-50). В Ольвии они известны в комплексах третьей четверти – конца III в. (Крапивина, 1993, с. 94). Варианты подобных амфор

происходят из южного подбоя могилы 20 и склепа 21 могильника Дружное, датированных соответственно последней третью III в. и второй половиной III – IV вв. (Храпунов, Масыкин, 1997, с. 167-168, рис. 2: 2). Можно учесть то обстоятельство, что амфоры Шелов D попадали в лесостепь тогда, когда вышли из употребления в Причерноморье (Обломский, 1999а, с. 29). На поднепровском поселении Черепин в жилище 4 фрагменты подобных амфор найдены совместно с фибулой группы VII Альмгрена, а в постройке 11 – с многочастным гребнем Никитина IIa (Баран, 1981, Табл. XXXVIII: 11, 16; XLIV: 10, 11).

Находки амфор Шелов D в закрытых комплексах (Градешка, курган 7 – амфора вместе с фибулой Амброз 15-III/1 и пряжкой типа Варпелев) (Васильев, 2002, с. 133) и датировка амфор Шелов D второй половиной II – III вв. (Абрамов 1993, с. 8, 47), а амфор Шелов F соответственно рубежом III/IV – началом V вв. (Кропотов 1998, с. 131) позволяют допускать наличие периода сосуществования амфор Шелов D и F (Васильев, 2002, с. 133). Из заполнения жилища 2 селища Родной Край 3 происходят фрагменты ножек светлоглиняных узкогорлых амфор Шелов D и F (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, Табл. V: 13, 15; Обломский 1999а, с. 26, рис. 5, 11, 12) (рис. 3.9: II: 26, 27). Этот случай совместного нахождения в заполнении частей двух типов амфор является уникальным и не может быть признан до дальнейших подобных находок абсолютно бесспорным. На селище Родной Край 3, отнесенном к горизонту Боромля отсутствует черняховский слой. Черняховские памятники, включая могильник Родной Край 1 (табл. 4.2), находятся лишь вблизи.

В таком случае возможно, что период бытования фибул А.VII в регионе связан не только с использованием амфор Шелов D, но и с началом употребления амфор Шелов F (Обломский, 1999а, с. 27), которые производились в течении всего IV в. (Магомедов, 2001, с. 62; Магомедов 2006, с. 52).

Датировка упомянутых вещей в днепро-донецкой лесостепи по их аналогам в закрытых, условно-закрытых комплексах Барбарикума Центральной

и Восточной Европы и на участках античных городов Северного Причерноморья позволяет говорить о широкой датировке этого горизонта памятников ступенями С1b, С2 или приблизительно серединой III – первой четвертью IV вв. Но анализ сочетаемости этих предметов (соответственно – их датировок) в УЗК рассматриваемого горизонта памятников в регионе свидетельствует, все же, в пользу более узкой датировки ступенью С2, или периодом последней четверти III – первой четвертью IV вв. Нижняя граница этого горизонта выглядит весьма «прозрачно» по причине такой же «прозрачности» верхней границы постзарубинецких-раннекиевских памятников в регионе.

5.4. Хронология черняховских грунтовых могильников и подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов.

Наше исследование с применением корреляции для построения фаз (горизонтов) черняховских могильников региона в которые включены также подкурганые погребения начала эпохи Великого переселения народов состоит из таких этапов: 1) Создание системы хроноиндикаторов (ХИ) на основании существующих типологий. Сами ХИ подразделены на два уровня: ХИ первого уровня – стеклянные сосуды, фибулы, пряжки, роговые гребни, оружие; ХИ второго уровня – бусы, подвески, украшения, орудия труда, утварь, игральные наборы, керамика (Приложение Д). Хроноиндикаторы распределены на группы и имеют сплошную нумерацию. Фактически ХИ охватывают весь комплекс сохранившейся материальной культуры, происходящий из погребений. При современном уровне изученности могильников одни ХИ образуют группы, другие являются индикаторами синхронизации (ИС). Некоторые ХИ пока не образуют групп, но это представится возможным при введении в будущем в систему новых закрытых комплексов; 2) Построение турнирных и корреляционных таблиц для могильников. При корреляции обращается внимание на конструкцию погребального сооружения и пол погребенного.

В корреляции участвуют погребения, где имеется минимум два ХИ первого уровня или один ХИ первого уровня вместе с не менее двумя ХИ второго уровня. Для корректного результата корреляции количество участвующих погребений должно быть не менее 12-15 единиц. Этому требованию отвечают могильники Боромля, Успенка, Компанийцы, Войтенки (табл. 5.8. – 5.11.). Однако данная выборка субъективна: Боромля и в особенности Успенка частично разрушены хозяйственными работами (Некрасова, 2006, с. 87, 99, рис. 2, 42), Компанийцы ввиду наличия некоторых признаков (большое число кремаций и лепных сосудов в погребениях, сочетание сосудов «северо-западной» и позднескифско-сарматской традиции в погребениях) выделяется из среды типичных черняховских биритуальных могильников региона (Любичев, 2011, с. 51).

3) Выделение на каждом могильнике по результатам корреляции групп, которые соответствуют фазам их относительной хронологии, прослеживание их горизонтальной стратиграфии; 4) С помощью характерных ХИ и ИС устанавливается соотношение между фазами могильников и строятся общие горизонты их относительной хронологии; 5) «Привязка» с помощью характерных ХИ и ИС к этим горизонтам погребений других могильников, внутренняя корреляция которых невозможна, ввиду малого количества погребений, отвечающих нашим требованиям, а также некоторых отдельных грунтовых и подкурганых погребений; 6) Соотнесение горизонтов с фазами (периодами, ступенями) некоторых хронологических систем и выход на абсолютную хронологию.

Хроноиндикаторы первого уровня. Стекланные сосуды. ХИ 01/1 (рис. 5.8: 1) – цилиндрические тонкостенные стекланные кубки с округлым днищем, украшенные 3-4 рядами овалов на расстоянии и 1-2 углубленными горизонтальными линиями под венчиком, с невыделенным (или слегка отогнутым) венчиком. Соответствуют типу I (серии I A, I B) в классификации Э. Штрауме (Straume, 1987, Taf. 2, 3, S. 28-29), типу Эггерс 230 (Eggers, 1951).

Taf. 16: 230), типам Kowalk, Nikolajevka, Žurovka 10, Vietkow, Vallstenarum системе Г.Рау (Rau, 1972, S. 167).

Вероятно сосуд такого типа был найден в погребении 124 Компанийцев. От него сохранилась лишь прорисовка профиля (Некрасова. 2006, рис. 75: 7). Вероятно, фрагмент такого сосуда был обнаружен в погребении 32 Войтенков (табл. 5.5.). Кубки типа Ковалк появляются на позднем отрезке ступени С2, большинство их относится к ступени С3, ко второй трети IV в. (Gavritukhin, 2011, p.46; Pánczél, Dobos, 2007, p.73) в последние десятилетия IV в. они не производились, а в обиходе могли находиться лишь их отдельные формы. Со второй половины IV в. они вытесняются локальными вариациями толстостенных кубков типа Kowalk (Gavritukhin, 2011, p.46). Находки подобных сосудов в Скандинавии (Hvorum, Merlóseegard, Stróby, Hójrurp, Vallstenarum, Haland, Vestly) отнесены к середине – второй половине IV в. (Rau, 2008. Abb. 1: 13-16, Kat. Nr. 11-15, 16, 17, 19, S. 226-227). Кубок из погребения в Bogdănesti в Румынии отнесен ко второй половине IV в. (Rau, 2008. Abb. 3: 10, Kat. Nr. 38). В погребении в Ковалке стеклянный кубок находился в комплексе вместе с многочастным костяным гребнем с низкой овальной спинкой (Rau, 1972, Fig. 22), относящегося к типу Нитикина IB1б (Никитина, 2008, рис. 16). Подобный гребень (ХИ 30) найден в погребении 28 Войтенков (табл. 5.5.).

ХИ 01/2 (рис. 5.8: 2) – толстостенные сосуды с цилиндрическим, сужающимся ко дну корпусом, из стекла зеленовато – оливкового цвета с двумя рядами овальных и круглых фасеток, а также 1-2 горизонтальными каналами под венчиком и фасеткой на внешней стороне донца.

Такой сосуд находился в погребении 86/2 Войтенков. На нем верхний ряд составляют большие овалы с вертикальной осью, а нижний – малые овалы с горизонтальной осью. В классификации Э. Штрауме подобные сосуды входят в состав особой группы варианта 3 типа I (Variante IB3) (Straume, 1987, Taf. 4: 59, 152). Аналогии нашему кубку составляют сосуды, обнаруженные в Скандинавии вне закрытых комплексов в Шонене, где нижний ряд составляют круглые фасетки, но сосуда ближе к нашему по своим пропорциям (Straume,

1987, Taf. 4: 59) и Остфельде, где нижний ряд составлен из овальных фасеток, но сосуд имеет меньшую высоту и более раскрытый профиль (Straume, 1987, Taf. 4: 152; Johansen, Straume, 1982 – 1983, S. 105, 121). Подобные кубки происходят из Боррби в Скандинавии (где он отнесен к середине IV в.) (Rau, 2008, Kat. Nr. 8, S. 226, Abb. 3: 6) и румынских памятников: Текучи (Rau, 1972, Fig. 19; Rau, 2008, Abb. 6: 12), погребения 1 Миоркань (Rau, 2008, Kat. Nr. 35), датированном серединой IV в. (Rau, 2008, S. 230).

Подобный кубок близок также к чашам Eggers 223, 226, 228 (Eggers, 1951, Taf. 16: 223, 226, 228), отнесенными Э.Штрауме в подгруппу 1 чаш (Straume, 1987, Taf. 12: 84). В них усматриваются аналогии упомянутым кубкам из Текучи и Миоркань (Pánczél, Dobos, 2007, Pl. VI: 44, 45). В классификации Г. Рау этот кубок соответствует типу Varpelev A (Rau, 1972, S. 167).

ХИ 01/3 (рис. 5.8: 3) – стеклянные чаши с тремя рядами круглых и овальных фасеток. На экземпляре из погребения 5 Переяслава-Хмельницкого отсутствует верхняя часть и сохранилось лишь два ряда круглых фасеток. Соответствуют сосудам Эггерс 223 (Eggers, 1951, Taf. 15: 223), подгруппы 1 стеклянных фасетированных чаш Э. Штрауме (Straume, 1987, S. 42), входят в тип Варпелев Г.Рау (Rau, 2008, S. 222, Abb. 1: 2; 5: 1). Похожий сосуд происходит из погребения-ингумации в Сигерштеде (Зееланд) (Straume, 1987, S. 120, Taf. 12: 1; 101: 1). Там он обнаружен совместно со стеклянной чашей Эггерс 221, которая отнесена к подгруппе 2 Э.Штрауме (Straume, 1987, S. 120, Taf. 101: 2; Rau, 2008, Abb. 1: 1, 2). Исследователи относят комплекс из Сигерштеда к ступеням С3-D1 (Straume, 1987, S. 42, 120), или же датируют его началом IV в. (Rau, 2008, S. 224). Сосуды из Сигерштеда находятся в одной хронологической группе с кубками из Ганцкова, Сакрау 2, Косаново, отнесенной Г. Рау к началу второй четверти IV в. (Rau, 1972, S. 167). В свою очередь кубок из погребения 21 Косаново отнесен ко второй фазе развития могильника, синхронизированной с фазами С2, С3 Я.Тейрала и фазами 3, 4 Е.Л. Гороховского (Petrauskas, 2003, S. 239, Abb. 14).

ХИ 02 (рис. 5.8: 4, 5) – тонкостенные кубки из прозрачного бесцветного (Войтенки, погр. 96) (рис. 5.8: 4) или розового (Войтенки, погр. 101) (рис. 5.8: 5) стекла колоколовидной формы с вогнутым дном. Сосуды подобного типа в Верхнем Подунавье по погребельным комплексам отнесены к последней трети IV в. (Keller, 1971, S. 138, Abb. 38: 9). В погребении Г-3123 Виминакиума стеклянный кубок подобного типа сочетается с *Vügelknopffibel* (Спасић-Ђурић, 2008. Р. 404-405, Fig. 2). Подобные кубки происходят из погр. 6 Клостернойбурга, погр. 1106 Интерсизы (Tejral, 1997, Abb. 3: 1; 4: 5).

В Карнунтуме известны такие сосуды, датируемые серединой IV в., являющиеся ведущей формой этого времени в Среднем Подунавье, распространенные также и севернее (Rau, 2008. Abb. 2: 14-15, Kat. Nr. 30, Nr. 31, S. 229) Эти сосуды, получившее обозначение «тип Унтерзибенбрунн» (Rau, 2008. Kat. Nr. 33, Abb. 6: 9), и датированные второй половиной IV в., представляют собой переходной тип между провинциально – римскими формами и новыми типами эпохи Великого переселения народов (Rau, 2008, S. 229-230). Они известны и на Северном Кавказе.

ХИ 03 (рис. 5.8: 6, 7) – тонкостенные конические кубки из прозрачного стекла. (Войтенки:погр.102). Обозначены Г.Рау как «дунайские остроконические кубки» (Rau, 2008. Kat. Nr. 102: Abb. 4: 2). Фрагмент такого сосуда происходит из погребения 102 Войтенков (фрагмент). В могильнике Сынтана де Муреш имеется подобный кубок, датированный временем около 400 г. (Rau, 2008. Kat. Nr. 42, S. 224). Конические кубки из прозрачного стекла датированы в рамках IV – начала/первой половины V вв. или около 350-400 гг. (Гавритухин, 2000, С.265) и отнесены к фазе 5 развития черняховских могильников украинской лесостепи (Гороховский, 1988. с. 45).

ХИ 04 (рис. 5.8: 8) – тонкостенные сферические кубки – чаши из оливково-зеленого стекла с отогнутым венчиком, украшенные горизонтальными шлифованными линиями и напаянными каплями синего стекла (*Nuppenbecher*). Такой сосуд происходит из погребения 102 Войтенков. В классификации Н.П. Сорокиной они составляют тип I вариант «Ж»

(Сорокина, 1971, с. 90, Рис. 1: 7). Чаша подобной формы, но без горизонтальных линий, обнаружена в погребении 14 могильника Журовка (Сымонович, 1964, рис. 1: 1). Подавляющее большинство комплексов Северного Причерноморья, включающих в себя круглодонные чаши с синими напаянными каплями, относятся к V в., или в отдельных случаях, возможно, к концу IV в. (Гавритухин, 2000, с. 271; 2007, с. 13). Похожий сосуд с рядами шлифованных линий и напаянными каплями синего стекла происходит из Среднего Подунавья (Barkoczi, 1988, S. 98, Taf. XIV: 149). Эти сосуды в комплексах с монетами из Среднего Подунавья относятся к первой трети – первой половине V в. (Tejral, 1997, S. 339) или ко второй половине IV в. (Barkoczi, 1988, S. 98).

XII 05/1 (рис. 5.8: 9) – кубки из стекла желто-зеленого цвета с вогнутым дном, почти вертикальными стенками и слегка отогнутым краем венчика. Такой сосуд происходит из отдельного погребения в Великом Самборе (Моргунов, 1978, рис. 16: 5). Подобные кубки входят в группу Эггерс 202 (Eggers, 1951, Taf. 15: 202). Г. Эггерс относил их к фазе С 2 (около 200-300 гг.) (Eggers, 1951, S. 179, Karte 53). Подобный сосуд из Ламбохова (Швеция) отнесен к ступени С без четкого подразделения (Lund Hansen, 1987, S. 444, 472). О.В. Петраускас считает, что этот кубок относится к группе Эггерс 211-213, куда им причислены также чаши с большими отличиями в профиле тулова, оформлении днища и декоре. (Петраускас, 2009, с. 191, рис. 5: 1-11).

XII 05/2 (рис. 5.8: 10) – кубок из полихромного стекла раскрытого профиля, кольцевым поддоном и слегка отогнутым краем венчика. Происходит из погребения 2 Переяслав-Хмельницкого (Гончаров, Махно, 1957, Табл. II: 16). О.В. Петраускасом отнесен к кубкам типа Эггерс 211 (Петраускас, 2009, рис. 5: 6). Но его профиль и прием изготовления из полихромного стекла заставляют усомниться в этом.

XII 06 (рис. 5.8: 11) – бальзамарии. Верхняя часть бальзамария из полихромного стекла происходит из погребения 4 Переяслав-Хмельницкого (Гончаров, Махно, 1957, Табл. II: 15).

ХИ 07 (рис. 5.8: 12) – толстостенные кубки усеченно-конической формы с выделенной (или невыделенной) ножкой из зеленоватого (или бесцветного) стекла, орнаментированные шлифованными, плотно прижатыми друг к другу (или находящимися на очень близком расстоянии друг от друга) фасетками и горизонтальными линиями. Входят в группу Eggers 237 (Eggers, 1951, Taf. 16), Straume Serie VIIA (Straume, 1987, Taf. 7: 65: 2) или Serie VIIB (Straume, 1987, Taf. 8: 71), Högom, Tirgşor 179, Гавриловка 5, (Rau, 1972, S. 167), типы Хегом (Гавритухин, 1999, Рис. 1: 22; 2: 38), Луги/Кенигсбрух: серию Луги (Гавритухин, 1999, Рис. 7: 1,22)

Подобные кубки датированы по материалам закрытых комплексов Скандинавии ступенью С3-D1 (Straume, 1987, S. 37). Согласно И.О.Гавритухину, кубки типа Хегом: серии Горошевец, Лунд могут быть датированы в ареале черняховской культуры второй половиной IV – первой четвертью V вв. (Гавритухин, 1999, Рис. 19, С. 51), а типа Луги/Кенигсбрух – концом ступени С3/D1 – началом ступени D2, последней четвертью IV – первой четверти V вв. (Гавритухин, 1999, Рис. 19, С. 53).

В эту группу по способу орнаментации и частично форме входит кубок из погребения 117 Войтенков (рис. 5.8: 12), отличающийся рядом особенностей: форма его ближе к конусу с закругленным верхом, ниже венчика шлифовано две горизонтальных линии, на расстоянии ниже их находится три ряда примыкающих друг к другу фасеток (средний ряд – правильные шестигранники, верхний и нижний – шестигранники со округленными внешними гранями), еще ниже на расстоянии находится ряд прилегающих друг к другу овалов, на плоском днище имеется овальное углубление. Комбинация фигур в трех примыкающих рядах этого кубка подобна изделию из погребения – ингумации 175 могильника Михалашены (Gomolka-Fuchs, 1999, Abb. 6: 9)

Фибулы ХИ 10/1 (рис. 5.9: 1-3) – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину до 5 мм. Соответствуют фибулам варианта Б1 Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988, с.

35) или группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 2 А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 63-64).

ХИ 10/2 (рис. 5.9: 4-6) – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину 5 – 5,5 мм. Соответствуют фибулам варианта Б2 Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988, с. 35) или группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 2 А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 63-64).

ХИ 10/3 (рис. 5.9: 7-9) – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину 6 мм и более. Соответствуют фибулам варианта Б3 Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988, с. 35) или группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 3 А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 64-65).

ХИ 11 (рис. 5.9: 10, 11) – щитковые фибулы с простым или накладным пружинным аппаратом, мощной ровной (симметричной или ассиметричной) дужкой, полукруглым щитком, пластинчатым или оттянутым от середины приемником, ромбической ножкой. На фибуле из погребения 101 Войтенков имеется полукруглый щиток (рис. 5.9: 11). Подобные фибулы относятся к типу I варианту 2 в классификации О.В. Петраускаса – Е.В. Сеницы (Петраускас, Сеница, 2010, с. 248-251). Невзирая на отсутствие щитка на головке, по всем конструктивным особенностям ближе к этой группе, чем к «воинским» фибулам принадлежит застежка из погребения 96 Войтенков (рис. 5.9: 10).

ХИ 12 (рис. 5.9: 12, 13) – *Bügelknopffibel* различного вида. В погребениях культуры региона обнаружено пока лишь две таких фибулы. Из погребения 8 Компанийцев происходит фибула с короткой пружиной, сферической кнопкой, спинкой треугольного сечения, прямоугольной ножкой с рельефным орнаментом (рис. 5.9: 12). По форме головной кнопки она относится к серии 2 варианту 2 Э.Майера (Meyer, 1960, S. 227-228). О.А.Гей, И.А.Бажан усматривают подобие данной фибулы экземплярам из погребения 3/4 Герласхайма и кастеллы Заальбурга по публикации Э.Мейера (Гей, Бажан, 1997, с. 46; Meyer, 1960, Abb. 24, 76). Исходя из датировок этих фибул, изделие из Компанийцев отнесено к началу ступени С2, до 300 г. (Гей, Бажан, 1997, с. 46). В погребении 114 Войтенков найдена *Bügelknopffibel* с кнопками на краях

пружины и штыря на головке, мощной дужкой арочного сечения. Треугольная ножка с пластинчатым приемником украшена двумя гранями по бокам и вырезом на основании (рис. 5.9: 13). Изделие в общих чертах соответствует признакам, определенным для фибул группы 20, подгруппы 1, серии 2, варианта 1 А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 75-76). Фибула не находит полной аналогии в какой-либо серии по классификации Э. Майера, в основу которой положена форма головной кнопки (Meyer, 1960). Кнопка состоит из двух частей: биконического основания (Майер – серия 4, вариант 3) (Meyer, 1960, S. 231) и полусферического завершения с выступом (Майер – серия 3) (Meyer, 1960, S. 230).

ХИ 13/1 (рис. 5.9: 14-16) – пластинчатые фибулы с массивной спинкой, сплошным пластинчатым приемником, в большинстве случаев имеют декоративную кнопку на головке, одну или две пружины, полукруглый щиток над пружиной и ромбовидный щиток над приемником. Принадлежат к подгруппе 1 группы 21 в классификации А.К.Амброза (Амброз, 1966, с. 77). Все они относятся к разряду «маленьких» фибул (длина – до 8 см). К фибулам варианта Амброз 1аа (с продолговатой ножкой, расширенной в нижней трети) относятся изделия из погребений № 4 (2 экземпляра) (рис. 5.9: 14), 44 (2 экземпляра) Боромли, 86 Компанийцев, 3 Родного Края 1 (рис. 5.43: I:1) (табл. 5.6.). К фибулам варианта Амброз 1бб (с укороченной массивной ножкой, наиболее расширенной в середине) относится экземпляр из погребения 137 Успенки, 26 Жовнина/Пристани (рис. 5.44: III: 1, 2) (табл. 5.6). Головную кнопку не имеет только фибула из погребения 86 Компанийцев (рис. 5.9: 15), двумя пружинами снабжены фибулы из погребения 137 Успенки (рис. 5.9: 16).

ХИ 13/2 (рис. 5.9: 17) – двупластичатые фибулы с кнопками – «бутонами» на верхнем щитке. Пара таких застежек происходит из погребения 5 Сумы – Сада.

ХИ 14 (рис. 5.9: 18, 19) – фибулы со сплошным приемником («воинские»), имеющие спинку из тонкого прямоугольного (сегментовидного) бруска или пластинки, с фасетками и площадками на корпусе, с расширенной

(трапециевидной) ножкой. Относятся к типу 7 группы 2 по классификации О.В. Петраускаса (Петраускас, 2010, Табл. 7, С. 197-198, Рис. 12), подобным фибулам Schulze 143, 144, 148, 152 (Schulze, 1977, Taf. 10, 11).

ХИ 15 – двучленные подвязные фибулы с гладким корпусом без фасеток. Соотносятся с фибулами группы 16, подгруппы 2, серии 1, варианта 1 в системе А.К. Амброза (Амброз, 1966, С. 62-63). Такая фибула возможно происходит из погребения 1 Компанийцев (табл. 5.5). Эта фибула относится к серии А3 Гороховского (Гороховский, 1988, с. 35).

ХИ 16 (рис. 5.9: 20, 21) – Т-образные перекладчатые фибулы круга «выемчатых эмалей». Две парных фибулы найдены в погребении 2 Компанийцев (табл. 5.5). В одном случае они отнесены к группе Компанийцы – Кветунь, к третьей (заключительной) стадии эволюции восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями. Точная датировка их не представляется возможной, но общая определена в пределах III в., за исключением начала столетия (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 120, 123). В другом случае они причислены к фазе 2А (Компанийцевской), внутри Межигорского этапа развития украшений с выемчатыми эмалями и датированы первой половиной IV в. (Гороховский, 1988б, с. 120, 126). В могиле 15 могильника Чатыр-Даг Т-образная перекладчатая фибула находилась с бронзовой пряжкой, имевшей овальную рамку и овальную обойму (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 15, Табл. 19А: 1, 3). Подобная пряжка по северокавказским аналогиям относится ко второй половине III – началу IV вв. (Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 129-130, 161).

Пряжки и части ременной гарнитуры. ХИ 20/1 (рис. 5.10: 1-6) – бронзовые с округлой или слегка овальной утолщенной спереди рамкой, с язычками сегментовидного (треугольного) сечения без обоймы или с малой обоймой различной формы (квадратная, округлая, треугольная). Прямоугольная обойма пряжки погребения 41 Войтенков выполнена в виде «коробочки» (рис. 5.10: 3). На лицевой стороне обоймы с бортиками («коробочки») пряжки из погребения 86/2 прикреплен расклепанный денарий (табл. 5.5). Рамку одной

пряжки из погребения 96 покрывают многочисленные грани (рис. 5.10: 2). Соотносятся с пряжками серии Гороховский В, Г (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 20/2 (рис. 5.10: 7) – пряжки с округлой (овальной) утолщенной рамкой, язычком сегментовидного сечения и длинной треугольной обоймой. Такая пряжка была обнаружена в частности в погребении 12 могильника эпохи Великого переселения народов Зерники Великие в Польше (Gralak, 2008, Рус. 3: 7).

ХИ 21 (рис. 5.10: 8, 9) – пряжки с округлой (или слегка овальной) рамкой из железа и цветных металлов различных размеров. В подавляющем большинстве не имеют обоймы. В пряжке из погребения 64 Войтенков рамка выполнена из железа, а обойма треугольной формы – из бронзы (рис. 5.10: 8). Соотносятся с пряжками серии Гороховский Е, З (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 22/1 (рис. 5.10: 10) – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой, имеющей выраженный переход от участка крепления ремня к передней части, с ровным (сужающимся) язычком сегментовидного сечения. Могут иметь прямоугольную обойму (погребение 1647 Успенки) (Некрасова, 2006, рис. 52: 3). Соотносимы с пряжками серии Гороховский Б или В (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 22/2 (рис. 5.10: 11) – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой, имеющей выраженный переход от участка крепления ремня к передней части, с профилированным язычком. Соотносимы с пряжками серии Гороховский Б или В (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 23 (рис. 5.10: 12, 13) – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой различных размеров, с прямым, сужающимся или профилированным язычком, который может иметь фасетки или прямоугольную площадку в задней части. Соотносятся с пряжками серии Гороховский В и Ж (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 24 (рис. 5.10: 14, 15) – пряжки с овальной вытянутой рамкой из железа или цветных металлов. Соотносятся с пряжками Гороховский Д (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 25 (рис. 5.10: 16, 17) – миниатюрные пряжки с овальной слегка утолщенной спереди рамкой. Соотносимы с пряжками Гороховский Ж (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 26 (рис. 5.10: 18, 19) – пряжки с овальной рамкой (овальной или граненой в сечении), имеющей намеченный переход к передней части, с многогранным в сечении язычком, конец которого не загнут за рамку. Пряжки с подобной рамкой и с овальной обоймой выделены Э. Келлером в вариант «А» («Келлер А») (Keller, 1971, S. 58, Abb. 23: 1). О.В. Шаровым они обозначены как пряжки «типа Варпелев» (Шаров, 1992, с. 177-178). Подобные изделия распространены на черняховских памятниках (Петраускас, 2009, с. 192, рис. 6).

ХИ 27 (рис. 5.10: 20, 21) – пряжки из цветных металлов с овальной (округлой) утолщенной спереди рамкой, с обоймой или без нее (Гороховский В, Г), отличающиеся наличием язычка – «хобота». По форме рамки соответствуют пряжкам Гороховский В, Г (Гороховский, 1988, с. 42).

ХИ 29 (рис. 5.10: 29) – билоновые мечевидные наконечники поясов типа Кантемировка-Мундольсхайм.

Роговые гребни. ХИ 30 (рис. 5.11: 1, 2) – многочастные с низкой овальной головкой без плечиков. Они соответствуют гребням IB1б и B2б в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. II/16).

ХИ 31/1 (рис. 5.11: 3-5) – многочастные с высокой овальной головкой без плечиков. Соответствуют гребням B2а в классификации Г.Ф.Никитиной (Никитина, 2008, рис. II/16).

ХИ 31/2 (рис. 5.11: 6) – многочастные с высокой круглой головкой, двумя симметричными круглыми вырезами в ее нижней части. Соответствуют гребням B4а в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. II/16).

ХИ 32/1 (рис. 5.11: 7) – многочастные с широкой плоской головкой и вогнутыми плечиками. Отдаленно напоминают гребни ПВ2 в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. II/16).

ХИ 32/2 (рис. 5.11: 8) – многочастные с узкой плоской головкой и дуговидными плечиками. Соответствует гребням ПВ2 в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 33/1 (рис. 5.11: 9-11) – многочастные с круглой головкой и прямыми горизонтальными плечиками. Соответствуют гребням ПВ1б в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 33/2 (рис. 5.11: 12) – многочастные с круглой головкой и прямыми горизонтальными плечиками, имеющие две симметричных выемки между плечиками и головкой. Близки к гребням ПВ2б в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 34/1 (рис. 5.11: 13, 14) – многочастные с высокой круглой головкой и прямыми горизонтальными (или слегка опущенными плечиками). Соответствуют гребням ПВ1а в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 34/2 (рис. 5.11: 15) – многочастные с высокой круглой головкой и прямыми (слегка опущенными) плечиками, имеющие две симметричных выемки между плечиками и головкой. Близки к гребням ПВ2в в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 35 (рис. 5.11: 16, 17) – многочастные с овальной головкой и короткими плечиками (покатыми или слегка приподнятыми). Близки к гребням ПВ2а в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 36 (рис. 5.11: 18) – многочастные с круглой головкой, короткими плечиками, имеющими поднятый край и выемку. Иногда именуется как гребни «дунайского типа» (Шишкин, 2002). Соответствуют гребням ПВ2г в классификации Г.Ф. Никитиной (Никитина, 2008, рис. П/16).

ХИ 37 (рис. 5.11: 19) – одночастные гребни с высокой круглой головкой и короткими опущенными плечиками.

Предметы вооружения и снаряжения. ХИ 40/1 (рис. 5.12: 1) – шпоры типа Hackensprogen. К ним относится шпора из погребения 5/1952 Переяслава-Хмельницкого (Гончаров. Махно, 1957, Табл. II: 9). Такие шпоры в областях

Барбарикума к востоку от Одера, появляются с III в. (Jahn, 1921, S. 69-70, Abb. 72, 73).

ХИ 40/2 (рис. 5.12: 2) – шпоры типа Nietknopfsporen. Пара шпор из погребения 114 Войтенков относится к группе Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung (Jahn, 1921. S. 82 – 83, Abb. 87, 88). Их дуга выполнена из железа, ее концы являются пластинками, в которые вставлены заклепки для крепления ремней. На середине дуги закреплен бронзовый фигурный шип. Подобные шпоры выделены в подгруппу «Н» и датированы рубежом позднеримского времени – эпохой Великого переселения народов (Ginalski, 1991. S. 70-71, Рис. 17, 19). Они близки к варианту «D» типа Leuna (Giesler 1978, S. 23). По оформлению окончаний дуг и форме шипа они находят аналогию в экземпляре из Dorchester на территории Великобритании, который относится к второй половине III – началу V вв. (Giesler, 1978, S. 50, Taf. 4: 82, S. 23, Abb. 2).

ХИ 41/1 (рис. 5.12: 3) – железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Такой наконечник происходит из погребения 22 Войтенков. Этот экземпляр относится к типу 3 варианту «в» в классификации И.П.Засецкой (Засецкая, 1994, С. 36-37, Рис. 4: 13). Такие изделия присутствуют, в частности, в эталонных для начала гуннского времени комплексах Боспора (Засецкая, 1979, рис. 4: 15, 16; 6). Датируются они концом IV – VI/VII вв. (Засецкая, 1994, с. 39). Наконечник из Войтенков также соответствует типу 4 сарматских наконечников стрел по А.М.Хазанову и датируемых II-IV вв. (Хазанов, 1971, Табл. XIX, с. 40).

ХИ 41/2 (рис. 5.12: 4) – черешковые листовидные наконечники стрел. Наконечник подобного типа происходит из погребения 5 Переяслава-Хмельницкого (Гончаров. Махно, 1957, Табл. II: 5).

ХИ 42 (рис. 5.12: 5) – железные двулезвийные длинные мечи (Spatha). Подобный меч происходит из погребения 86 Компанийцев (Некрасова, 2006, рис. 71: 2). Он относится к типу Viborski IX (Viborski, 1978, S. 86-91). Подобные

мечи характерны для достаточно широкого промежутка времени: от ступени C1b до начала ступени D1 (Магомедов, Левада, 1996, с. 305).

XII 43 (рис. 5.12: 6) – железные топоры. Топор, отнесенный к группе Kieferling 5 [Kieferling, 1994, Abb. 7: 2, S. 343], происходит из погребения 86 Компанийцев (Некрасова, 2006, рис. 71: 4). Топоры этой группы существовали в широких хронологических рамках: появляются в доримском железном веке, но чаще встречаются в позднеримское время и в ранней фазе эпохи Великого переселения народов. Они характерны для вельбаркской и черняховской культур (Kieferling, 1994, S. 343),

XII 44 (рис. 5.12: 7, 8) – железные наконечники копий. Такой наконечник размеров происходит из погребения 86 Компанийцев (Некрасова, 2006, рис. 71: 3).

XII 45 (рис. 5.12: 9) – железные умбоны. Умбон находился в погребении 86 Компанийцев (Некрасова, 2006, рис. 71: 5). Он относится к типу «К» (в форме купола) по классификации Н. Цилинга (Zieling, 1989, Taf. 14: 1, S. 398). Такие умбоны характерны для ступени C3 в Центральной Европе (Zieling, 1989, Abb. 1).

XII 46 (рис. 5.12: 10) – железные ручки щитов. Подобное изделие происходит из погребения 86 Компанийцев (Некрасова, 1986, рис. 71: 6). По классификации Н. Цилинга ручка щита из этого погребения относится к группе II, типу «X» (Zieling, 1989, Taf. 31: 4).

XII 47 – железные удила происходят из погребения 86 Компанийцев (рис. 5.12: 11). **XII 49** (рис. 5.12: 12) – части збруи. В погребении 205 Компанийцев найден бронзовый наконечник ремня в виде изогнутой пластины, украшенной композициями из выгравированных линий, с заклепкой и петлей, в которой находится кольцо (Некрасова, 2006, рис. 81: 6).

Хроноиндикаторы второго уровня объединяют в себе такие группы предметов как: бусы (XII 50 – 59); подвески из янтаря и раковин морских моллюсков (XII 60, 61), металлические подвески (XII 62 – 69), подвески из кости и рога (XII 70 – 73) (рис. 5.13: 14-17), инструменты, игральные наборы,

украшения, орудия труда, утварь (ХИ 74 – 89) (рис. 5.12: 13; 5.13: 18-21), керамику (ХИ 90-115) (Приложение Д).

Выделение хроноиндикаторов среди бус основано на их материале и форме в соответствии с типологией О.В. Гопкало для изделий, имевших распространение на памятниках черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 16-80). Среди стеклянных монохромных бусин выделяются следующие хроноиндикаторы (Приложение Д): ХИ 50/1 – эллипсоидные, в том числе I/1b (Гопкало, 2008, с. 16-17); ХИ 50/2 – эллипсоидные усеченные дважды различного цвета и размера, находящие соответствие в типах II/1, 2, 2а, 2б, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 20, 22, 24, 26, 27 (Гопкало, 2008, с. 17-22); ХИ 50/3 – цилиндрические различного цвета в том числе VIII/3а, 3б, 8 (Гопкало, 2008, с. 24-26); ХИ 50/4 – бисер различного цвета в том числе IX/5, 6 (Гопкало, 2008, с. 26-27); ХИ 50/5 – цилиндро-биусеченноконические в том числе X/1 (Гопкало, 2008, с. 27-28); ХИ 50/6 – биконические в том числе XII/2а, 4, 6, 8 (Гопкало, 2008, с. 28-31); ХИ 50/6 – винтообразные в том числе XIII/1 (Гопкало, 2008, с. 32-34); ХИ 50/7 – ребристые, в том числе XIV/1, 9, 11, 12, 13 (Гопкало, 2008, с. 34-37); ХИ 50/8 – бугристые, в том числе XV/4 (Гопкало, 2008, с. 37); ХИ 50/9 – граненые, в том числе XVII/10, 12 (Гопкало, 2008, с. 39-42). ХИ 50/10 образуют стеклянные одноцветные удлиненные многоугольные в сечении бусы различных цветов, составляющие группу XII в классификации М. Темпельманн-Мончинської (Tempelmann-Maczyńska, 1985, Taf. 2). ХИ 50/11 составляют стеклянные бусы с металлической вкладкой (Гопкало, 2008, с. 45-46), а ХИ 50/12 – усеченно-конические бусы группы XI (Гопкало, 2008, с. 28).

Среди стеклянных полихромных бус выделены такие хроноиндикаторы: ХИ 51/1 – с пятнистым орнаментом, в том числе I/1b (Гопкало, 2008, с. 47-49); ХИ 51/2 – с поперечно-линейным орнаментом в том числе III/8 (Гопкало, 2008, с. 50-51); ХИ 51/3 – с поперечно-волнистым орнаментом, в том числе IX/4, 6, 7, 11 (Гопкало, 2008, с. 53-55). Округлые цилиндрические и веретеновидные бусы из черного стекла с декором в виде спиралей и зигзагов типа X/8 (Гопкало, 2008, с. 56) образуют ХИ 51/4. Сердоликовые бусы выделены в ХИ 52. Сюда

вошли граненые призматические бусы типов: С1 – со срезанными углами, С2 – со срезанными длинными ребрами, С3 – со срезанными ребрами (Гопкало, 2008, с. 74-76).

ХИ 53 составляют халцедоновые бусы, в том числе большие шаровидные усеченные дважды (тип 3) (Гопкало, 2008, с. 73). Бусы из коралла образуют два хроноиндикатора: ХИ 54/1 – цилиндрические пронизи, тип 1 (Гопкало, 2008, с. 77); ХИ 54/2 – бочонковидные различных размеров, в том числе бисер. Это – тип 2 (Гопкало, 2008, с. 77).

Янтарные бусы образуют несколько хроноиндикаторов: ХИ 55/1 – округлые (эллипсоидные, цилиндрические), составляющие подгруппу I (Гопкало, 2008, с. 68-69); ХИ 55/2- линзовидные, составляющие подгруппу II (Гопкало, 2008, с. 69); ХИ 55/3 – усеченно-конические, составляющие подгруппу III (Гопкало, 2008, с. 69); ХИ 55/4 – цилиндрически-биусеченноконические, составляющие подгруппу IV (Гопкало, 2008, с. 69); ХИ 55/5 – билинзовидные, составляющие подгруппу V (Гопкало, 2008, с. 69); ХИ 55/6-граненые и различные фигурные (кроме грибовидных подвесок), составляющие подгруппу VI (Гопкало, 2008, с. 70-71).

ХИ 56, ХИ 57, ХИ 58 образуют бусы соответственно из мела, ракушечника (кальцитов), кости.

К металлическим подвескам относятся: **ХИ 62/1** (рис. 5.13: 4-6) – железные подвески – емкости с гладким корпусом, ровным (или округлым) дном, с припаянными с внутренней стороны концами дужки (рис. 5.13: 4-6). Соответствуют типу А в классификации И. Байльке-Фойгт (Beilke-Voigt, 1998, Abb. 58) и типу II/2 в классификации О.В. Гопкало (Гопкало, 2008, С. 63-65); **ХИ 62/2** (рис. 5.13: 7-11) – подвески – емкости – железные (и из цветных металлов) с ребрами на корпусе, без выступающего дна, с припаянными с внутренней стороны концами дужки. Они относятся к типу Н в классификации И. Байльке-Фойгт (Beilke-Voigt, 1998, Abb. 58) и типам II/2, II/3 в классификации О.В. Гопкало (Гопкало, 2008, С. 63 – 65); **ХИ 63** (рис. 5.13: 12) – железные подвески в виде полый трехгранной призмы с гладким корпусом без

выступающего дна, с припаянными с внутренней стороны концами дужки; **ХИ 64** (рис. 5.13: 13) – уникальная подвеска в виде свернутой в трубку бронзовой пластины, покрытой серебряной фольгой. Является ни чем иным как вторичным использованием детали ножен меча (Plkjær, 2007; Любичев, 2012). Содержалась в погребении 41 Войтенков.

В группу лепной керамики (**ХИ 90 – 95**) входят сосуды позднескифской/сарматской (**ХИ 90**) (рис. 5.14: 1, 2), северо-западной (**ХИ 91**) (рис. 5.14: 3, 4), постзарубинецко-киевской киевской (**ХИ 92**) (рис. 5.14: 5, 6) и неопределенной (**ХИ 93**) (рис. 5.14: 7) традиций.

Среди гончарной керамики (**ХИ 96-109**) (Приложение Д) выделение конкретного **ХИ** связано с типом и видом сосуда. Несомненно, гончарная керамика в закрытых комплексах является хронологическим диагностом (Петраускас, Петраускас, 2008; Петраускас, 2008; Petrauskas, 2011). При этом стоит учитывать, что сосуды одного типа (особенно горшки и миски) на одном поселении происходят из различных мастерских, работавших в разных традициях. В этом случае некоторые детали сосудов (например, степень развитости венчика и тип донца горшка) могли сами по себе являться не хронологическим, а технологическим признаком. Но комплекс технологических приемов производства конкретного сосуда и оформления его частей существовал в рамках определенного хронологического промежутка (Петраускас, Петраускас, 2008, рис. 6-9, 16).

Среди горшков выделено три хроноиндикатора: **ХИ 96/1** (рис. 5.14: 8) – горшки без орнамента с неразвитым венчиком и различными типами доньев; **ХИ 96/2** (рис. 5.14: 9) – горшки без орнамента с развитым и сильно развитым венчиком и различными типами доньев; **ХИ 96/3** (рис. 5.14: 10) – горшки с орнаментом на плече в виде нескольких горизонтальных линий или валика, с различными типами венчиков и доньев.

ХИ 97 (рис. 5.14: 11) – горшки-вазы с хорошо заглаженной или лощеной поверхностью. Вазы без ручек составляют два хроноиндикатора: **ХИ 98/1** (рис. 5.14: 12) – вазы с ребром и орнаментом в виде валика, площадки,

горизонтальных (волнистых) линий. и **ХИ 98/2** (рис. 5.14: 13) – вазы с каннелюрами. **ХИ 99** (рис. 5.15: 1) – вазы с так называемыми «лжеушками», а **ХИ 100** (рис. 5.15: 2) составляют трехручные вазы.

Миски закрытого типа составляют четыре хроноиндикатора: **ХИ 101/1** (рис. 5.15: 3) – ребристые миски с валиком (валиками) выше ребра и ниже шейки; **ХИ 101/2** (рис. 5.15: 4) – ребристые миски с выделенной площадкой выше ребра, на которой может находиться орнамент; **ХИ 101/3** (рис. 5.15: 5) – ребристые миски с поясом из овальных площадок; **ХИ 101/4** (рис. 5.15: 6) – миски с каннелюрами на середине корпуса.

ХИ 102 (рис. 5.15: 7) образуют миски открытого типа, а **ХИ 103** (рис. 5.15: 8) – конические миски. **ХИ 104** (рис. 5.15: 9) составляют кувшины без ручек («графины»), отличающиеся профилем корпуса и горла, а также размерами.

Выделение хроноиндикаторов среди одноручных кувшинов основано на классификациях, представленных в работах Б.В. Магомедова (Магомедов, 2001, с. 51-52, рис. 41-49) и О.В. Петраускаса (Петраускас, 2008, с. 89, рис. 1). **ХИ 105/1** (рис. 5.15: 10) – одноручные кувшины с гладким ребристым (верхняя часть покрыта канелюрами, по ребру могут находиться овальные площадки) корпусом с цилиндрическим (слегка расширенным, воронковидным) горлом, с высокой ручкой, имеющей четким изломом и выраженное плечо. В классификации Б.В. Магомедова такие кувшины составляют типы 1, 2, 3, 4, 6 (Магомедов, 2001, рис. 41, 42, 43: 1-8, 44), а в классификации О.В. Петраускаса – вариант 2 типа 2 (Петраускас, 2008, рис. 1). **ХИ 105/2** (рис. 5.15: 11) – одноручные кувшины с округлым корпусом, с широким конусовидным плавно изогнутым горлом. В классификации Б.В. Магомедова такие кувшины составляют тип 10 (Магомедов, 2001, рис. 46: 2-12), а в классификации О.В. Петраускаса – вариант типа 2 (Петраускас, 2008, рис. 1). **ХИ 105/3** (рис. 5.15: 12) – одноручные кувшины с шаровидным (грушевидным) корпусом, коротким горлом и маленькой ручкой. В классификации Б.В. Магомедова такие кувшины составляют тип 13в (Магомедов, 2001, рис. 48: 7 9), а в классификации О.В.

Петраускаса – варианты 3 и 4 типа 2 (Петраускас, 2008, рис. 1). **ХИ 105/4** (рис. 5.15: 13) – одноручные кувшины с округлым (в том числе с каннелюрами) или ребристым корпусом, широким цилиндрическим горлом. В классификации Б.В. Магомедова такие кувшины составляют тип 8 (Магомедов, 2001, рис. 45: 7- 9).

Двуручные кувшины образуют **ХИ 106** (рис. 5.15: 14), а кружки – **ХИ 107** (рис. 5.15: 15). Орнаментированные кубки с лощеной поверхностью составляют два хроноиндикатора: **ХИ 108** (рис. 5.15: 16) – сферические и **ХИ 109** – цилиндрические (рис. 5.15: 17). Кубки, являющиеся уменьшенной копией горшков и мисок закрытого типа образуют **ХИ 110** (рис. 5.15: 18, 19). **ХИ 111** образуют керамические ведра (рис. 5.15: 20).

Светло- и красноглиняные амфоры образуют соответственно **ХИ 113** и **ХИ 114**. Импортная краснолаковая керамика составляет **ХИ 115** (рис. 5.15: 21). Фрагменты краснолаковой миски с округлым туловом и загнутым внутрь заокругленным венчиком происходят из погребения 48 Войтенков. Подобные миски известны как Восточная сигиллата А или Понтийская сигиллата, форма IV (Hayes, 1985, tab. III, XXIII). Несмотря на то, что подобные миски датируются в широких пределах I – первой половины V вв. (Магомедов, Диденко, 2009, с. 321-322), при обнаружении их в будущем в погребениях в сочетании с определенными вещами они могут стать полноценным ХИ.

Могильник Боромля (табл. 5.5). В корреляции участвуют 12 погребений: №№ 2 (рис. 5.23: IV), 4 (рис. 5.24: I), 7 (рис. 5.23: I), 11 (рис. 5.23: II), 13 (рис. 5.23: V), 24 (рис. 5.24: II), 30 (рис. 5.23: III), 33 (рис. 5.23: IV), 39 (рис. 5.25: I), 44 (рис. 5.25: II), 45 (рис. 5.25: III), 46 (рис. 5.23: III). Здесь выделяется две четких группы (фазы) погребений и переходная фаза (табл. 5.8) (рис. 5.39).

К группе 1 (ранняя) относятся погребения 2, 24, 33, 39 (табл. 5.8) (рис. 5.39). Погребения 2, 24 и 39 являются ингумациями в простой яме северной ориентировки, погребение 33 – ингумация в яме с подбоем северной ориентировки. Погребения 2, 33, 39 принадлежали мужчинам. Погребение 24 являлось детским. Для группы характерны такие хроноиндикаторы как подвязные фибулы ХИ 10/1, роговые гребни 33/2, стеклянные бусы ХИ 50/2,

ХИ 50/3, ХИ 50/4, ХИ 50/5, ХИ 50/6, ХИ 50/7, полихромные бусы ХИ 51/3, сердоликовые бусы ХИ 52, янтарные бусы ХИ 54/2, ведерковидные подвески ХИ 62/2. Сюда относятся гончарные горшки ХИ 96/1, миска закрытого типа ХИ 101/1, двуручный кувшин ХИ 106.

К группе 2 (поздняя) относятся погребения 7, 44, 45, 46 (табл. 5.8) (рис. 5.39). Погребения 7, 44, 45 являлись ингумациями в простых ямах северной ориентировки, погребение 46 являлось ингумацией в простой яме, но имевшей подбой для инвентаря. Погребение 7, 44, 45 принадлежали женщинам, а погребение 46 – мужчине. Для группы характерны следующие хроноиндикаторы: подвязные фибулы с широкой пластинчатой спинкой ХИ 10/3, пластинчатые фибулы ХИ 13/1, «воинские» фибулы ХИ 14, пряжки ХИ 22/2, ХИ 23, ХИ 24, ХИ 25, роговые гребни ХИ 31/1, ХИ 35, стеклянные бусы ХИ 50/11, горшки-вазы ХИ 97, разновидности мисок закрытого типа ХИ 101, безручные кувшины ХИ 104, одноручные кувшины ХИ 105/1.

К переходной группе (фаза $\frac{1}{2}$) относятся 4, 11, 13, 30 (табл. 5.8) (рис. 5.39). Погребения 4, 11, 13, 30 являются ингумациями в простой яме северной ориентировки. Погребение 4 принадлежало женщине, погребения 11, 30 – мужчинам, погребение 13 – ребенку. Для этой группы характерны хроноиндикаторы как первой, так и второй групп. В корреляционном графике эти погребения расположены в зоне наложения двух групп: ранней и поздней.

Погребения ранней группы тяготеют к западной части могильника, при этом необходимо учесть, что эта часть была разрушена грунтовой дорогой и буртами (рис. 5.35). Погребения переходной группы достаточно компактно сосредоточены в юго-восточной части (рис. 5.35). В этой части могильника размещено основное количество погребений, участвовавших в корреляции. Одно погребение (№ 7) поздней группы находится в юго-восточной части могильника, а остальные три – за пределами основной раскопанной зоны и не помещены на плане могильника (рис. 5.35). Данная ситуация не дает оснований к обоснованному заключению о горизонтальной стратиграфии могильника.

Могильник Успенка (табл. 5.5). В корреляции участвуют 12 погребений: №№ 137 (рис. 5.20: IV), 1215 (рис. 5.20: I), 1216 (рис. 5.20: II), 1308 (рис. 5.22: II), 1367 (рис. 5.22: IV), 1619 (рис. 5.21: I), 1620 (табл. 5.5), 1631 (рис. 5.21: II), 1647 (рис. 5.21: III), 1654 (рис. 5.22: I), 1655 (рис. 5.22: III), 1659 (рис. 5.20: III). По ее результатам выделено две четких группы (фазы) погребений и одна переходная группа (табл. 5.9) (рис. 5.38).

Группа 1 (ранняя) объединяет погребения 1215, 1216, 1620, 1631, 1655, 1659 (табл. 5.9) (рис. 5.38). Погребение 1631 является ингумацией в яме с подбоем, а все остальные погребения являются ингумациями в простых ямах северной ориентировки. Погребения 1216, 1631, 1659 являются женскими, а погребение 1215 принадлежало мужчине. Для этой группы характерно наличие подвязных фибул ХИ 10/1, ХИ 10/3, пряжек ХИ 23, ХИ 25, гончарных горшков ХИ 96/1, горшков-ваз ХИ 97, ваз ХИ 98/2.

Группа 2 (поздняя) объединяет погребения 1308, 1367, 1619, 1647 (табл. 5.9) (рис. 5.38). Все эти погребения являются ингумациями в простых ямах северной ориентировки. Погребение 1647 было женским. Пол погребенного в погребении 1619 пока не определен. Характерными хроноиндикаторами в группе являются пряжки ХИ 20/1, ХИ 22/1, ХИ 24, роговые гребни ХИ 34/1, сердоликовые бусы ХИ 52, подвески-раковины ХИ 61, вазы ХИ 98/1, одноручные кувшины ХИ 105/1, двуручные кувшины ХИ 106, цилиндрический керамический кубок ХИ 109.

К переходной группе (группа ½) относятся погребения 137 и 1654 – ингумации в простой яме северной ориентировки (табл. 5.9) (рис. 5.38). Оба погребения принадлежали женщинам. Характерными хроноиндикаторами здесь являются подвязные фибулы ХИ 10/2, пластинчатые фибулы ХИ 13/1, «воинские» фибулы ХИ 14, роговые гребни ХИ 33/2, ХИ 34/2, ведерковидные подвески ХИ 62/1, миски закрытого типа ХИ 101/3, коническая миска ХИ 103, В связи с принадлежностью женщинам погребений этой переходной группы здесь сосредоточены фактически все бусы их коррелируемых погребений (Приложение Д).

Исходя из размещения погребений на могильнике и линии карьера, уничтожившего его часть, возможно констатировать, что исследована меньшая часть могильника и это влияет на определение его хронологии вообще и горизонтальной стратиграфии в частности. Ее определение выглядит очень условным: погребения двух групп накладываются друг на друга, но погребения ранней фазы преобладают в южном секторе сохранившейся части могильника (рис. 5.34).

Могильник Компанийцы (табл. 5.5). В корреляции участвуют 19 погребений: №№ 1 (рис. 5.16: I), 2 (рис. 5.16: III), 8 (рис. 5.19: IV), 27 (табл. 5.5), 51 (рис. 5.17: II), 55 (рис. 5.19: IV), 69 (рис. 5.19: VI), 71 (рис. 5.17: III), 82 (рис. 5.16: IV), 83 (рис. 5.17: I), 86 (рис. 5.18: I), 109 (рис. 5.18: II), 117 (табл. 5.5), 118 (рис. 5.18: III), 122 (рис. 5.16: II), 124 (рис. 5.18: 4), 162 (рис. 5.19: I), 174 (рис. 5.19: II), 224 (рис. 5.19: III). По ее результатам на могильнике выделяется три группы погребений (табл. 5.10) (рис. 5.37).

В раннюю первую (раннюю) группу входят погребения 1, 2, 8 (табл. 5.10) (рис. 5.37). Погребение 71 находится на стыке со второй группой (табл. 5.10) (рис. 5.37). Погребения 1, 2, 71 – ингумации в простых ямах северной ориентировки, погребение 8 – ямная кремация со стоящими рядом сосудами. Погребения 1 и 2 возможно принадлежали мужчинам. Характерными хроноиндикаторами группы являются *Bügelknopffibeln* (ХИ 12), двучленные подвязные фибулы с гладким корпусом без фасеток (ХИ 15), Т – образные перекладчатые фибулы круга «выемчатых эмалей» (ХИ 16), пряжки с овальной рамкой (овальной или граненой в сечении), имеющей намеченный переход к передней части, с многогранным в сечении язычком, конец которого не загнут за рамку (ХИ 26), стеклянные бусы ХИ 50/2, гончарные горшки ХИ 96/3, миски открытого типа ХИ 102, кувшины-графины ХИ 104, одноручные кувшины ХИ 105/2. В погребении 71 находились подвязная фибула ХИ 10/2, роговой гребень ХИ 31/1.

Во вторую группу входят погребения 51, 55, 69, 83, 109, 162, 174 (табл. 5.10) (рис. 5.37). Погребения 55, 69 являются урновыми кремациями,

погребение 51 – урновой кремацией с двумя урнами, погребение 109 – урновой кремацией с перевернутой урной, погребения 83, 174 – ингумацией в простой яме северной ориентировки, погребение 162 – ингумацией в простой яме с подбоем для инвентаря. Для группы характерны подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, «воинские» фибулы ХИ 14, пряжка ХИ 20/1, роговые гребни ХИ 33/1, подвеска из раковины ХИ 61, вазы ХИ 98/2, миски закрытого типа ХИ 101/1, двуручные кувшины ХИ 106. В погребении 83 содержалось два лепных горшка позднескифско/сарматской традиции (ХИ 90). В погребениях 51, 162 находилось по одному лепному горшку позднескифско/сарматской традиции (ХИ 90). Погребения 69 и 55 по одному лепному горшку позднескифской/сарматской традиции (ХИ 90).

К переходной группе 2/3 относятся погребения 82 и 86 (табл. 5.10) (рис. 5.37). Погребение 86 – урновая кремация с урной, покрытой щитом (умбоном) а погребение 82 – ингумация в простой яме северной ориентировки (табл. 5.5). Погребение 86 содержит фибулу ХИ 13/1, набор вооружения (ХИ 42 – ХИ 46), здесь присутствовал лепной горшок северо-западной традиции (ХИ 91). В погребении 82 имеется два горшка северо-западной традиции (ХИ 91).

В третью (позднюю) группу входят погребения 27, 117, 118, 122, 124, 224 (табл. 5.10) (рис. 5.37). Погребение 27 является ямной кремацией с «рассеянным» расположением кальцинированных костей, погребение 117 – урновая кремация, где под перевернутой урной находились кальцинированные кости и стоящий на дне сосуд, погребения 118, 122 – ингумация в простой яме северной ориентировки, погребение 124 было совершено в яме с подбоем, погребение 224 – ямной кремацией. Для группы характерными хроноиндикаторами являются стеклянный кубок ХИ 01/1, пластинчатая фибула ХИ 13/1, пряжки ХИ 20/1, бронзовый колокольчик ХИ 80, стеклянные игральные жетоны ХИ 87, лепные горшки северо-западной традиции (ХИ 91), миски закрытого типа ХИ 101/1, коническая миска ХИ 103 и сферический гончарный кубок ХИ 108. Комплекс вооружения и металлические части

деревянного ведра из погребения 86 пока уникален для черняховских могильников региона.

Погребения ранней группы расположены в центре могильника. Погребения второй группы находятся в двух зонах: в северной части могильника и в юго-восточной его части. Погребение с вооружением №86 находится в южной части могильника. Погребения поздней группы расположены двумя зонами, частично перекрывающими вышеупомянутые зоны (рис. 5.33). Таким образом, перед нами вырисовывается следующая горизонтальная стратиграфия могильника: первоначально погребения были совершены в центральной части могильника, а затем к северу и к юго-востоку появились другие погребения. На поздней стадии развития могильника погребения также совершались в этих зонах (рис. 5.33).

Могильник Войтенки (табл. 5.5). В корреляции участвуют 40 погребений: №№ 6 (табл. 5.5), 23 (табл. 5.5), 28 (табл. 5.5), 32 (рис. 5.27: I), 38 (табл. 5.5), 41 (рис. 5.27: II), 51 (табл. 5.5), 52 (рис. 5.27: III), 54 (рис. 5.27: IV), 55 (рис. 5.30: I), 58 (рис. 5.30: II), 60 (табл. 5.5), 64 (рис. 5.30: IV), 68 (рис. 5.30: III), 69 (табл. 5.5), 70 (рис. 5.30: IV), 80 (табл. 5.5), 86/1 (рис. 5.26: I), 86/2 (рис. 5.26: II), 87 (табл. 5.5), 92 (рис. 5.26: IV), 93 (рис. 5.26: III), 94 (рис. 5.26: V), 95 (табл. 5.5), 96 (рис. 5.28: II), 98 (табл. 5.5), 99 (табл. 5.5), 101 (рис. 5.28: I), 102 (рис. 5.29: I), 111 (рис. 5.29: II), 112 (рис. 5.29: III), 114 (табл. 5.5), 117 (рис. 5.31: I), 118 (табл. 5.5), 119 (табл. 5.5), 122 (рис. 5.31: III), 123 (рис. 5.31: IV), 124 (рис. 5.32: I), 125 (рис. 5.32: II), 126 (рис. 5.32: III), 127 (рис. 5.32: IV), 129 (рис. 5.32: V). Здесь выделяется три группы (фазы) погребений (табл. 5.11) (рис. 5.40).

К *группе 1 (ранняя)* относятся погребения 6, 28, 38, 55, 94 (табл. 5.11) (рис. 5.40). Погребения 6, 23, 28, 38, 55, 94 являются ингумациями в простой яме северной ориентировка (погребение 6 являлось детским, а погребения 28, 38 были разрушены в древности). Погребения 23, 94 принадлежали женщинам. Для группы характерно наличие слудующих ХИ первого уровня: подвязные фибулы ХИ 10/1 и ХИ 10/2, пряжки с овальной рамкой ХИ 23, роговые гребни с низкой овальной головкой без плечиков ХИ 30, с широкой плоской головкой и

вогнутыми плечиками ХИ 32 /1, стеклянные, сердоликовые, коралловые, янтарные бусы (ХИ 50/2, ХИ 52, ХИ 50/9, ХИ 54/2, ХИ 55/3).

Погребения 68, 86/1 находятся в *переходной группе* ½ могильника (табл. 5.11) (рис. 5.40). Погребение 68 является ингумацией в простой яме северной ориентировки, а погребение 86/1 – ингумацией в яме с подбоем северной ориентировки. Оба погребения являются женскими. Для них характерны следующие ХИ: подвязные фибулы ХИ 10/1 и ХИ 10/2, роговые гребни с высокой круглой головкой, двумя симметричными круглыми вырезами в ее нижней части ХИ 31/2, стеклянные, сердоликовые, коралловые, янтарные бусы (ХИ 50/2, ХИ 50/9, ХИ 52, ХИ 54/1, ХИ 55/1) (табл. 5.5).

К *группе 2 (средняя)* относятся погребения 23, 32, 52, 54, 58, 60, 64, 69, 80, 87, 92, 95, 98, 111, 118, 119, 121, 123, 125, 126, 127, 129 (табл. 5.11) (рис. 5.40). Погребения 23, 32, 58, 60, 64, 80, 87, 92, 98, 111, 118, 119, 123, 126, 127, 129 являются ингумациями в простой яме северной ориентировки, погребения 54, 121 – ингумациями в подбое северной ориентировки. Погребение 125 было совершено в яме с заплечиками северной ориентировки. Погребения 52, 69 и 95 являлись ямными кремациями, в погребении 69 присутствовал набор стеклянных игральные жетоны, металлические части шкатулки и игровой доски, бронзовый римский скальпель и (табл. 5.5). Погребения 32, 54, 92, 111, 122, 126, принадлежали женщинам. Погребения 60, 64, 80, 87, 98, 118, 119, 123, 127, 129 могут считаться мужскими. Для группы характерно наличие таких хроноиндикаторов как: стеклянные кубки ХИ 01/1, подвязные фибулы ХИ 10/2, ХИ 10/3, «воинские» фибулы ХИ 14, пряжки с округлой или слегка овальной утолщенной спереди рамкой без обоймы или с малой обоймой различной формы ХИ 20/1, с округлой (слегка овальной) рамкой из железа ХИ 21, из цветных металлов с овальной рамкой, имеющей выраженный переход от участка крепления ремня к передней части, с ровным (сужающимся) язычком сегментовидного сечения ХИ 22/1, с овальной рамкой ХИ 23, роговые гребни с круглой головкой и прямыми горизонтальными плечиками ХИ 33/1, с высокой круглой головкой и прямыми горизонтальными (или слегка опущенными)

плечиками ХИ 34/1, с овальной головкой и короткими плечиками (покатыми или слегка приподнятыми) ХИ 35, стеклянные монохромные бусы ХИ 50/2, ХИ 50/3, ХИ 50/6, ХИ 50/7, ХИ 50/9, стеклянные полихромные бусы ХИ 51, сердоликовые бусы ХИ 52, коралловые бусы ХИ 54/1, ХИ 54/2, янтарные бусы ХИ 55/1, бусы из мела, ракушечника и кости (ХИ 56, ХИ 57, ХИ 58), парные подвески-раковины ХИ 61, ведерковидные подвески ХИ 62/1, ХИ 62/2, железное кресало ХИ 86/1.

Среди керамики помимо других форм присутствуют лепные горшки позднескифской/сарматской традиции ХИ 90, лепные горшки неопределенной традиции ХИ 93, горшки-вазы ХИ 97, конические миски ХИ 103, одноручные кувшины с округлым или ребристым корпусом, широким цилиндрическим горлом ХИ 105/4.

Погребение 41 отнесено к *переходной группе 2/3* (табл. 5.11) (рис. 5.40). Оно является женской ингумацией в яме с подбоем северной ориентировки. В этой группе имеются такие ХИ как: подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/3, пряжки ХИ 20 (с обоймой-«коробочкой» в погребении 41), роговые гребни ХИ 33/1, стеклянные, сердоликовые, коралловые, янтарные бусы (ХИ 50/2, ХИ 52, ХИ 54/2, ХИ 55/4), парные подвески раковины ХИ 61. В погребении 41 содержалась уникальная подвеска, изготовленная из части воинского снаряжения области Свободной Германии (ХИ 64) (табл. 5.5)

К *группе 3 (поздняя)* относятся погребения 51, 70, 86/2, 93, 96, 99, 101, 102, 112, 114, 117, 122, 124 (табл. 5.11) (рис. 5.40). Погребение 99 перекрывало погребение 102. Погребения 102, 112, 117 принадлежали женщинам и выполнены в яме с подбоем северной ориентировки (погребения 102, 112 разрушены в древности). Погребения 51, 70, 93, 99, 101, 124 были совершены в простых ямах северной ориентировки. Погребение 86/2 являлось ингумацией в простой яме западной ориентировки и перекрывало погребение 86/1 (рис. 5.36). Погребение 96 являлось ингумацией в яме с заплечиками северной ориентировки. Погребение 114 считается уникальным на могильнике: в этой ямной кремации помимо многочисленных фрагментов сосудов различных

типов содержались пара шпор и *Vügelknopffibel*. Погребения 70, 86/2 возможно считать женскими, а 93, 101 – мужскими (табл. 5.5). Характерными хроноиндикаторами для этой группы являются: стеклянные кубки с цилиндрическим, сужающимся ко дну корпусом, из стекла зеленовато – оливкового цвета с двумя рядами овальных и круглых фасеток, 1-2 горизонтальными линиями под венчиком и фасеткой на внешней стороне донца ХИ 01/2, тонкостенные кубки колоколовидной формы с вогнутым (или ровным) дном из бесцветного (а также розового) стекла ХИ 02, тонкостенные сферические кубки из стекла оливково-зеленого цвета, украшенные горизонтальными шлифованными каналами и напаянными каплями синего стекла ХИ 04, кубки усеченно-конической формы с выделенной (невыделенной) ножкой из зеленовато (бесцветного) стекла, орнаментированные плотно прижатыми друг к другу (или расположенными на очень близком расстоянии) геометрическими фигурами ХИ 07, подвязные фибулы ХИ 10/3, щитковые фибулы ХИ 11, «воинские» фибулы ХИ 14, Из характерных ХИ предыдущих групп встречается подвязная фибула ХИ 10/1.

Для группы 3 характерны также пряжки с округлой (овальной) утолщенной спереди рамкой и длинной треугольной обоймой ХИ 20/2, существуют пряжки ХИ 20/1, ХИ 21, ХИ 22/1, ХИ 23, появляются пряжки с вытянутой овальной рамкой из железа ХИ 24. Появляются роговые гребни с узкой плоской головкой и дуговидными плечиками ХИ 32/2, продолжают бытование гребни ХИ 33/1, имеются гребни с высокой круглой головкой и прямыми горизонтальными (или слегка опущенными) плечиками ХИ 34/1, гребни с овальной головкой и короткими плечиками (покатыми или слегка приподнятыми) ХИ 35, одночастные гребни с высокой круглой головкой и короткими опущенными плечиками ХИ 37. Среди уникальных вещей отмечены шпоры ХИ 40. Продолжают бытование бусы ХИ 50/2, ХИ 50/6, ХИ 50/9, сердоликовые бусы ХИ 52, коралловые бусы ХИ 54/1, ХИ 54/2. Присутствуют янтарные бусы ХИ 55/4, ХИ 55/6, а также янтарные грибовидные подвески в ожерельях ХИ 60, металлические части шкатулок ХИ 85.

Погребения ранней группы имеются в центре могильника и на его северной окраине. Погребения переходной фазы $\frac{1}{2}$ находятся в различных частях могильника. Погребения фазы 2 имеются как в центре могильника, так и на его северо-западной и юго-восточной окраинах. Погребения фазы 3 сосредоточены на северо-западной окраине (рис. 5.36).

Горизонты (фазы) могильников Боромля, Успенка, Компанийцы Войтенки. Благодаря корреляции на каждом из четырех могильников получены группы, являющиеся фазами его развития. Для каждой фазы определен свой набор хроноиндикаторов. Сопоставление характерных ХИ фаз могильников между собой позволяет выделить общие фазы (горизонты) этих четырех могильников.

В фазу 1 входит первая группа могильника Компанийцы, для которой характерны такие ХИ первого уровня как: *Bügelknopffibel* (ХИ 12), двучленная подвижная фибула с гладким корпусом без фасеток (ХИ 15), Т – образные перекладчатые фибулы круга «выемчатых эмалей» (ХИ 16), пряжки с овальной рамкой (овальной или граненой в сечении), имеющей намеченный переход к передней части, с многогранным в сечении язычком, конец которого не загнут за рамку (ХИ 26) (табл. 5.10) (рис. 5.37).

В фазу 2 входят погребения первой группы могильника Боромля, частично первой группы могильника Успенка, частично второй группы могильника Компанийцы, первой группы могильника Войтенки. Для фазы характерны следующие ХИ: подвижные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, пряжки ХИ 23, ХИ 25, роговые гребни ХИ 30, ХИ 32/1, ХИ 33/1. Наряду с простыми ямами северной ориентировки к фазе относятся погребения в ямах с подбоем (погр.1631 Успенки, погр. 33 Боромли). Все погребения-кремации и лепная посуда позднескифской/сарматской традиции в группе происходят их могильника Компанийцы.

В фазу 3 входят погребения группы $\frac{1}{2}$, и второй группы могильника Боромля, группы 1/2 и второй группы могильника Успенка, частично второй

группы, группы 2/3, третьей группы могильника Компанийцы, групп 1/2, 2 и 2/3 могильника Войтенки.

Для фазы характерны такие ХИ как: стеклянные кубки ХИ 01/1, подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, ХИ 10/3, пластинчатые фибулы ХИ 13/1, «воинские» фибулы ХИ 14, пряжки ХИ 20/1, ХИ 21, ХИ 22/1, ХИ 22/2, ХИ 23, ХИ 24, ХИ 25 роговые гребни ХИ 31/1, ХИ 31/2, ХИ 33/1, ХИ 33/2, ХИ 34/1, ХИ 34/2, ХИ 35, парные подвески-раковины ХИ 61. В эту фазу входит пока специфическое для региона погребение с оружием и воинским снаряжением 86 Компанийцев. Большинство погребений с ХИ представляют собой ингумации в простых ямах северной ориентировки, но присутствуют ингумации в яме с подбоем (погр.54, 86/1, 121 Войтенков), в яме с заплечиками (погр.125 Войтенков. Как и в предыдущей фазе большинство погребения – кремаций с ХИ происходят из могильника Компанийцы (кроме погр. 52, 69 и 95 Войтенков). Из этого памятника происходит лепная керамика северо-западной традиции. Лепная керамика позднескифской/сарматской традиции известна в погребениях Войтенков.

В фазу 4 входят погребения группы 3 Войтенки. Для фазы присущи следующие ХИ: стеклянные кубки ХИ 01/2, ХИ 02, ХИ 03, ХИ 04, ХИ 07, подвязные фибулы ХИ 10/3, щитковые фибулы ХИ 11, «воинские» фибулы ХИ 14. Продолжают встречаться подвязные фибулы ХИ 10/1. Появляются пряжки с длинной треугольной обоймой ХИ 20/2, продолжают существовать пряжки ХИ 20/1, ХИ 21, ХИ 22/1, ХИ 23, ХИ 24. Присутствуют гребни ХИ 32/2, ХИ 33/1, ХИ 34/1, ХИ 35, появляются одночастные гребни ХИ 37.

Как и в предыдущих фазах большинство погребений этой фазы, содержащих ХИ первого уровня, относится к ингумациям в простых ямах северо-западной ориентировки. Погребения 102, 112, 117 являются ингумациями в ямах с подбоем, погребение 96 – в яме с заплечиками. Подобно погребению 86 Компанийцев предыдущей фазы, погребение 114 условно, учитывая инвентарь (шпоры и уникальная *Vügelknopffibel*) может считаться «воинским».

Общие горизонты (фазы) черняховских могильников и подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов По сходным комбинациям ХИ первого уровня к фазам (горизонтам) четырех могильников, подвергнутых корреляции, привязаны погребения других грунтовых могильников черняховской культуры и подкурганые погребения начала эпохи Великого переселения народов, содержащие вещи черняховской культуры. К построению этих общих фаз (горизонтов) привлечены следующие комплексы: погребения 1, 3, 5, 10 (рис. 5.41) и 7, 8 (рис. 5.42: V, VI) могильника Сумы-Сад, погребения 1, 2, 4, 5 могильника Переяслав-Хмельницкий (рис. 5.42: I-IV), погребения 3, 9, 14 могильника Родной Край 1 (рис. 5.43: I – III), погребение 1 могильника Соколово 2 (рис. 5.43: IV), погребение 1/1961 могильника Жовнин/Биленковы Бурты (рис. 5.44: I), погребения 18, 26 могильника Жовнин/урочище Пристань (рис. 5.43: II, III), погребение 1 могильника Глубокое (рис. 5.44: IV), погребения 466, 230 (рис. 5.45), 245 (рис. 5.46) могильника Соснова (табл. 5.6), погребение у Гречаников (табл. 5.6), погребение 1 могильника Пересечное (табл. 5.6), погребение 12 могильника Лохвица (табл. 5.6), погребение у Великого Самбора (табл. 5.6), подкурганые погребения возле Лавриковки (рис. 5.47: II), Кантемировки (рис. 5.47: II; 5.48: I), Воронцовки (рис. 5.48: II), Дмухайловки (рис. 5.48: IV), шахты Моспинской (рис. 5.48: V), материалы разрушенного погребения возле Орлика (Яремовки) (рис. 5.48: III) (табл. 5.7).

Фаза (горизонт) I объединяет погребения 1, 2, 8 Компанийцев, а также отдельное погребение из Великого Самбора (табл. 5.12) (рис. 5.49). Характерными ХИ этой фазы являются *Vügelknopffibel* определенного типа ХИ 12, подвязные фибулы с фасетированной спинкой ХИ 10/1, подвязные фибулы с гладкой спинкой ХИ 15, Т-образные фибулы круга «выемчатых эмалей» ХИ 16, пряжки ХИ 26 (табл. 5.12) (рис. 5.49).

Фаза (горизонт) II объединяет наиболее ранние погребения фазы 2 четырех коррелируемых могильников (Войтенки: погр.28, 38, 55;Боромля: погр.33;Успенка:погр.55), а также погребения 230, 466, 603 Сосновы, 18

Жовнина/Пристани, 2 Переяслава – Хмельницкого (табл. 5.12) (рис. 5.49). Для фазы характерны такие ХИ как подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, пряжки ХИ 23, ХИ 25, роговые гребни ХИ 30, ХИ 32/1, ХИ 33/1.

Фаза (горизонт) III объединяет основную часть погребения фазы 2 четырех коррелируемых могильников (Компанийцы:погр.27, 55, 69, 71, 80, 82, 83, 86, 87, 117, 118, 121, 124, 162, 174, 224;Боромля:погр.2, 4, 7, 11, 13, 24, 39, 45, 46;Успенка:погр.131, 137, 1215, 1216, 1619, 1651, 1654, 1659;Войтенки:погр.6, 23, 32, 52, 54, 58, 64, 68, 69, 86/1, 86/2, 94, 95, 96, 98, 101, 118, 119, 123, 25, 126, 127, 129), погребения 1, 4, 5 Переяслав-Хмельницкого, погребения 1, 3, 7, 8 могильника Сумы-Сад, 1, 3, 7, 8 Родного Края, 245 Сосновы, 1 Пересечного, 12 Лохвицы, 26 могильника Жовнин/Пристань (табл. 5.12) (рис. 5.49). Появляются стеклянные кубки ХИ 01/1.Продолжают существование подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2 и появляются подвязные фибулы ХИ 10/3, пластинчатые фибулы ХИ 13/1, «воинские» фибулы ХИ 14. Продолжают бытовать пряжки ХИ 23 и ХИ 25, появляются пряжки ХИ 20/1, ХИ 21, ХИ 22/2, ХИ 23, ХИ 24. Продолжают существовать роговые гребни ХИ 33/1, появляются гребни ХИ ХИ 31/1, ХИ 31/2, ХИ 33/2, ХИ 34, ХИ 35, ХИ 36. В этой фазе появляются погребения с парными раковинами-подвесками ХИ 61.

Фаза (горизонт) IV объединяет большую часть погребений фазы 3 коррелируемых могильников (Боромля:погр.30;Успенка:погр.1647, 1308, 1367;Войтенки:погр.51, 70, 93, 99, 102, 112, 114, 117, 122), а также погребения 5, 10 могильника Сумы-Сад, а также подкурганное погребение у Лавриковки, погребение из кургана 13 Дмухайловки, погребения 1/1961 могильника Жовнин/Биленковы Бурты, погребение в кургане у шахты Моспинской, погребения в курганах 1, 2 Кантемировка, погребение в кургане у Воронцовки, отдельное погребение возле Гречаников, погребение 1 Соколово 2, погребения 9 и 14 могильника Родной Край (табл. 5.12) (рис. 5.49). Продолжают существовать подвязные фибулы ХИ 10/3, появляются пластинчатые фибулы ХИ 13/2 с «бутонами» на верхнем щитке, появляются щитковые фибулы ХИ 11 и стеклянные кубки ХИ 01/2, ХИ 02, ХИ 03, ХИ 04, ХИ 07.Появляются

костяные гребни ХИ 32/2, продолжают существовать гребни ХИ 33/1, ХИ 34/1, появляются одночастные роговые гребни ХИ 37. В этой фазе продолжают существование парные раковины-подвески ХИ 61. Погребение 1 Глубокого занимает пограничную позицию между III и IV фазами (горизонтами).

Фаза (горизонт) V пока объединяет несколько комплексов эпохи Великого переселения народов, имеющих к черняховской культуре опосредованное отношение и может быть условно названа «постчерняховской». Это разрушенное погребение у Яремовки (Орлика), погребение 4 могильника Сумы-Сад, погребение в кургане 3 Кантемировка. Характерными хроноиндикаторами этой фазы являются пряжки с язычками – «хоботами» ХИ 28, серьги с полиэдрическими бусинами, большие подвязные пластинчатые фибулы с полиэдрическими окончаниями пружины, бронзовые зеркала, наконечники ремня ХИ 29 (рис. 5.49) (табл. 5.6; 5.7; 5.12).

Соотношение выделенных горизонтов (фаз) могильников черняховской культуры региона, подкурганых погребений эпохи Великого переселения народов с хронологическими системами Е.Л. Гороховского, И.А. Бажана – О.А. Гей. О.В. Петраускаса – Р.Г. Шишкина, Я. Тейрала По характерным датирующим предметам (хроноиндикаторам) возможно определить место выделенных нами общих фаз (горизонтов) по отношению к фазам/периодам/ступеням существующих систем хронологи черняховской культуры и памятников позднеримского времени – эпохи Великого переселения народов Центральной и Восточной Европы.

Выделенная нами фаза 1 частично находит соответствие в датирующих находках фазы 2 (Бережанской) в системе Е.Л. Гороховского (табл. А.5.13), частично фаза 1 и фаза 2, частично фаза 3 нашей системы соответствуют фазе 3 (Косановской) (табл. А.5.13). Наша фаза 3 соответствует фазе 4 (Масловской) (табл. А.5.13) фаза 4 – фазе 5 (Журавской) (табл. А.5.13).

Фаза 1 нашей системы соответствует второму периоду в системе И.А. Бажана – О.А. Гей (табл. А.5.14). Фазы 2, 3 отвечают третьему периоду, фаза 3 – четвертому периоду, а фаза 4 – пятому периоду (табл. А.5.14). Следует

учитывать, что системы Е.Л. Гороховского и И.А. Бажана – О.А. Гей при помощи различной методики создавались для большей части ареала культуры. Наша же система отражает местные особенности и ритмы, она опирается на отдельные могильники в разных частях региона с различным количеством погребений и вещей – хроноиндикаторов в его составе. Следует также учитывать принадлежность могильника конкретному поселению с различным социально-экономическим статусом, что влияло на состав погребального инвентаря.

Система О.В. Петраускаса – Р.Г.Шишкина с учетом разработки Е.Л. Гороховского и его корректуры центральноевропейской системы римского времени К. Годловского – Я. Тейрала создана для памятников Среднего Поднепровья. Ступень С2 имеет ХИ, характерные и для нашей фазы 1. Ступень С3 имеет ХИ, характерные частично для фазы 1, но в подавляющем большинстве фаз 2 и 3 (табл. 5.15). Фазы D1 и меньшей частью D1-D2 имеют ХИ, встречающиеся в нашей фазе 4 (табл. 5.15).

Фаза 2 нашей системы имеет подобные датирующие вещи (хроноиндикаторы) в ступени С2/С3 (поздней фазе стадии кристаллизации черняховской культуры) системы Я. Тейрала (табл. 5.16). Наша фаза 3 приблизительно соответствует ранней фазе периода развитой черняховской культуры (С3), а фаза 4 – поздней фазе периода развитой черняховской культуры (С3/D1) (табл. 5.16). Наша фаза 4 соответствует также «постчерняховскому» этапу развития (D1). Некоторые ее хроноиндикаторы имеют аналоги среди диагностов ступени D2. Этой ступени соответствует фаза 5.

Резюмируя сравнение с системами Я. Тейрала и О.В. Петраускаса – Р.Г. Шишкина, возможно отметить, что прослеживается такое соотношение между нашими фазами развития черняховских могильников региона и подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов и ступенями относительной хронологии Центральной Европы-Подунавья-Восточной Европы: С2 – часть фазы «1», С3 – частично фаза «1», фазы «2» и «3», D1 –

фаза «4», D1-D2 – частично фазы «4» и «5». Фаза «2» может соотноситься с переходной ступенью C2/C3, фаза «4» – также со ступенью C3/D1.

Определение абсолютных дат выделенных фаз является затруднительным ввиду: 1) отсутствия римского импорта как XI первого уровня; 2) отсутствия римских монет IV в. в погребениях. Заметим, что в погребениях на могильниках черняховской культуры римский импорт является достаточно редким явлением и провинциях Римской империи вещи-хроноиндикаторы могли иметь существенно отличающийся временной цикл обращения. Для определения дат абсолютных дат относительной хронологии хроноиндикаторы из комплекса погребений датировали по их нахождению с монетами III-IV вв. в закрытых комплексах вне ареала культуры (Tejral, 1986, S. 196). Следовательно, абсолютные даты фаз (групп) развития черняховской культуры и ступеней относительной хронологии позднеимперского времени – эпохи Великого переселения народов являются достаточно «расплывчатыми». Тем не менее, определение абсолютных дат наших фаз сейчас возможно лишь путем перенесения на них абсолютных дат фаз (групп, ступеней) с подобными датирующими вещами других хронологических систем.

Фаза «1» относится к первой четверти IV вв., фазы «2» и «3» – ко второй – третьей четвертям IV в., фаза «4» – к последней четверти IV – началу V вв., фаза «5» – первой четверти V вв. По данным погребальных памятников «классическая» черняховская культура в сложившемся виде появляется к востоку от Днепра в первой четверти IV в., однако большинство памятников тяготеют к середине – второй половине этого столетия. Особенно это касается области днепро-донецкого водораздела. Возможно, что на такое заключение влияет уровень исследовательности. но возможно данная археологическая ситуация отражает реальную историческую обстановку того периода.

5.5. Хронология поселений черняховской культуры.

Материалы поселений играют в этом вспомогательную роль, поскольку датирующие находки на них находятся в смешанном контексте и должны находиться под «контролем». По отношению к поселениям ввиду отсутствия здесь закрытых комплексов применим совершенно иной метод хронологии, так называемый метод «широких датировок» (Щукин, 1978). Хронология селищ, определяемая по датировкам предметов из условно-закрытых комплексов и культурного слоя, выглядит весьма приблизительно. Понятно, что датировка конкретной вещи на таком памятнике приравнивается ко всему периоду ее существования и данная вещь в заполнении УЗК не обязательно соответствует времени существования этого комплекса, а может попасть туда позднее. Но при наличии хронологической системы черняховской культур, постоянной на материалах закрытых комплексах могильников, датирующие вещи из поселений могут быть сопоставлены с хроноиндикаторами конкретных фаз (горизонтов). В этом случае находки из поселений находятся под контролем закрытых комплексов могильников (Lutz, 2010, S. 26). В этом случае возможно установить соответствие общих хронологических границ существования поселений с хронологией могильников и даже с определенными их фазами (горизонтам).

На некоторых черняховских поселениях известны лишь фрагменты амфор из слоя и условно-закрытых комплексов. В Максимовке и Новолиповском соответственно в сооружении 1 (Костюченко, 1959, с. 17) и сооружении 2 раскопа 1 (Махно, 1957, с. 7-8) найдены фрагменты светлоглиняных амфор. Фрагменты подобных амфор, в том числе Шелов D, а также часть красноглиняной амфоры Зеест 1000 (Делакеу) происходят из Радуцковки (Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 89-90). Фрагменты светлоглиняных амфор найдены на поселениях Косовщина 1 (Журко, 1990б, с. 70; 1994а, с. 210), Великий Бобрик (Журко, 1990б, с. 72), Краснополье 1 (Журко, 1990б, с. 71; 1994а, с. 212-213), Барбара (Башкатов, 2008а, с. 46; 2008б, рис. 4, 17-20, 23) и Савенков Яр (Терпиловский, 2010, с. 80).

Из Грабаровки 1 и Давыдовки происходят фрагменты светло- и красноглиняных амфор (Любичев, 1998, с. 13, 15). В Халимоновке найдены фрагмент нижней части светлоглиняной амфоры Шелов Е и фрагмент красноглиняной типа Зеест 100 (Делакеу) (Любичев, 2003б, с. 284, рис. 6, 23). В Новоберекском фрагменты амфор Шелов F происходят из поверхности, слоя селища, раскопа, шурфов 2-4, 7 и 8 (Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис. 323; Мызгин, 2011а, с. 71, 72, рис. 6). В Снагости 2 также найдены фрагменты подобных амфор (Сымонович, Сокол, 1978).

В Песчаном (Сумская обл.) части амфор происходят не только из слоя – фрагменты красноглиняной широкогорлой амфоры и венчика узкогорлой светлоглиняной (Журко, 1990в, рис. 23; 43, 10) – но и из УЗК: верхняя часть светлоглиняной узкогорлой амфоры из жилища 1 (Журко, 1990в, с. 11, 17, рис. 49; 1994а, с. 216), горло светлоглиняной амфоры из сооружения 4 (Журко, 1990в, с. 13, Рис. 59), нижняя часть амфоры Шелов F из жилища 5 (Журко, 1990в, с. 14, рис. 63, 5; 1994а, рис. 8, 5).

Амфора, обнаруженная вблизи развала наземного глинобитного жилища, определена как тип Шелов D, на основании чего поселение отнесено к ранней фазе черняховской культуры в регионе (Обломский, 2002, с. 42). Но эта амфора не является типичным образцом «танаисских» с яйцевидным туловом на небольшой ножке и четким переходом к узкому горлу. Скорее всего, перед нами – поздний вариант амфоры Шелов D с нестойкой морфологией: корпус приобрел биконические черты, исчезла четкая граница между горлом и плечем (Магомедов, 2006, с. 52). Эта амфора стоит ближе к сосудам из могилы 20 и склепа 21 могильника Дружное (Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 362-366, рис. 4), погребений 16 и 86 могильника Оселивка (Никитина, 1988, Табл. 10, 3; 48, 5), погребения 7 могильника Градежка (Васильев, 2002, с. 133). Эволюционный ряд от этих амфор ведет к сосудам варианта 1 типа Шелов F, которые датируются первой половиной – серединой IV ст. (Кропотов, 1998, с. 129, рис. 1, 1-3; с. 131). Согласно хронологии могильников центрального и юго-западного Крыма, комплексы Дружного относятся к фазе II – подфазе IIIа и

датируются в пределах около 260/270-310/320 гг. (Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 362-366, рис. 4). Амфора из погребения 86 Оселивки была в комплексе со стеклянным кубком типа Варпелев-Сакрау первой половины – второй четверти IV в. (Rau, 1972, S. 128-129, 167, Fig. 15). Все это позволяет относить амфору их жилища 1 Песчаного ко времени не ранее IV в., вероятнее всего – к первой его четверти.

Из слоя и УЗК ряда поселений происходят хроноиндикаторы первого уровня, иногда вместе с фрагментами амфор (рис. 5.7). В Ерковцах по одной двучленной подвязной фибуле найдено в печи 1 раскопа 1 и полуземлянке раскопа 4 (Даниленко, Столяр, 1952, с. 227-228). В сооружении 1 Сосновы обнаружен фрагмент стеклянного кубка типа Straume VII (Сикорский, Махно, Бузян, 1980, рис. 19: 2.; Гавритухин, 2007а, рис. 8: 5, с. 11). Фрагмент стеклянного кубка Эггерс 230 происходит из сооружения 4 этого поселения (Сикорский, Махно, Бузян, 1983, Табл. 33). Фрагмент такого же стеклянного сосуда найден в слое пожара в постройке 5 (Сикорский, Махно, Бузян, 1984, Табл. 30).

Из слоя поселения Воскресенское 1 происходят материалы конца IV – начала V вв.: железный трехлопастный наконечник стрелы Засецкая I А, железная пряжка с овальной удлиненной рамкой (ХИ 24), фрагмент гребня Томас III с прямыми плечиками (ХИ 33/1 или ХИ 34/1) (Жаров, Терпиловский, 2011, с. 169 – 170, рис. 4: 1, 2, 23).

Из слоя поселения Головчино происходит фрагмент стеклянного кубка варианта Сетвердт серии Сетвердт типа Луги (ХИ 07) (Гавритухин, 2007а, рис. 6: 13, с. 16). В Хлопкове 1 железная рамка пряжки Гороховский В (ХИ 21) (рис. 5.51: I: 6) происходит из ямы 9 (по публикации – яма 4: Некрасова, 1988, рис. 7; 8). В слое найдены две бронзовые подвязные фибулы, одна из которых может быть отнесена к серии Гороховский Б3б (ХИ 10/3) (рис. 5.51: I: 3), серебряная пряжка Гороховский Г3б (ХИ 20/1) (рис. 5.51: I: 4), рамка подобной бронзовой пряжки (рис. 5.51: I: 7), бронзовая пряжка Гороховский Ж2а (ХИ 23) (рис. 5. 51: I: 5) (Баран, Некрасова, 1982, рис. 14: 2; Некрасова, 1988, рис. 7: 5, 7, 9).

Фрагмент стеклянного кубка с овальными и круглыми фасетками (рис. 5.51: I: 1) может быть отнесен к серии 1B Straume (ХИ 01/1) (Straume, 1987, Taf. 3: 92, 25, 61). Нижняя часть стеклянного кубка (рис. 5.51: I: 2) (Некрасова, 1988, рис. 7: 4) принадлежит сосуду особого варианта серии Козлукко типа Хегом (ХИ 07) (Гавритухин, 2007а, с. 16). Амфоры представлены сосудами Шелов F (в том числе и с дипинти), а также красноглиняными из слоя, ям, сооружений (Баран, Некрасова, 1982, с. 4-5; 1983, с. 2, 6, 9, 13; Табл. XV: 8).

Из ямы 3 Колосовки происходит бронзовая пряжка серии Гороховский В (Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 4: 4). В Хохлово 2 из УЗК известны лишь фрагменты амфор Шелов F, в слое найдена рамка железной пряжки и часть ножки подобной амфоры (Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 4: 5; Обломский, 2002, рис. 57: 11, 22). Хроноиндикаторы с поверхности этого поселения отличаются значительно большим разнообразием (Обломский, 2002, рис. 57: 1, 9, 10, 15, 16, 19-21). Из поселения позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов Дмитровка 3 происходят в том числе подвязные и «воинские» фибулы нескольких типов, фрагменты светлоглиняных амфор, часть бронзового зеркала и железный черешковый наконечник стрелы (Башкатов, 2010а, с. 14; Башкатов, Шита, 2010, с. 149, рис. 2). Из развала глинобитного наземного сооружения 1 Артюховки известна малая двухчленная «воинская» фибула с прямой ножкой (Горюнов, Усова, 1974, с. 17, рис. 98; Романова, 1989, с. 59), близкая к типу Schulze 48 (Schulze, 1977, Taf. 4, 48).

Из сооружения 2 Боромли 2, которое отнесено ко второму периоду существования поселения, происходит бронзовая подвязная фибула серии Гороховский Б2д (ХИ 10/2) (Некрасова, 2006, рис. 27: 3). В сооружении 1-2 поселения Мамрой найдена фибула серии Гороховский Б2а (ХИ 11) (Петренко, 1983, Табл. XIV: 17, с. 14; Обломский, 2002, рис. 59). В полуземлянке 8 селища Гочево 3 найден фрагмент многочастного костяного гребня Никитина I, 2а (ХИ 31/1) (Обломский, 2002, с. 33, рис. 28: 12; Никитина, 2008, с. 203, рис. 16), а из погребя наземного глинобитного сооружения 1а Гочево 4 происходит бронзовая двухпластинчатая фибула Амброз 21, 16б (ХИ 13/1) (Обломский,

2002, рис. 28: 18). В слое Огульцов найдена железная подвязная фибула серии Гороховский В2б (ХИ 10/2), фрагменты амфор Шелов D и F (Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 287; 290: 2; Мызгин, 2011б). В слое поселения Шлях 2, где зафиксирована дисперсия глиняной обмазки, найдены бронзовая фибула Гороховский В3е (ХИ 10/3), пряжка Гороховский В2б (ХИ 23), фрагмент стеклянного кубка группы Eggers 230 (ХИ 01/1) (Eggers, 1951, Taf. 16: 230), фрагменты амфор Шелов F (Любичев, 2005б, с. 279, рис. 5: 14-16). Из развала наземного глинобитного сооружения 1 в Колесниках происходит малая «воинская» фибула, близкая к типу Schulze 48 (Schulze, 1977, Taf. 4, 48), Амброз 17, 1, 1, б (Амброз, 1966, с. 70) или Петраускас тип 2 (Петраускас, 2010, с. 195) (ХИ 14). Обломки светлоглиняных амфор являются очень невыразительными (Обломский, 2002, с. 43), однако некоторые возможно отнести к типу Шелов F (Любичев, 2007б, с. 220-221, рис. 13: 1, 4).

В слое Тимченков найден фрагмент стеклянного кубка (рис. 5.51: I: 10), который возможно относится к серии VIIВ Straume (ХИ 07) (Straume, 1987, Taf. 7: 65, 1, 53). Из Пересечного происходит бронзовая фибула серии Гороховский В3е (ХИ 10/3) и костяной гребень Никитина III, 1 (ХИ 33/1) (Луцкевич, 1948, Табл. 1: 1, 5). В яме 4 Лозовой 2 найдена бронзовая щитковая фибула, близкая к группе Альмгрен 188 (Almgren, 1923, Taf. VIII: 188). Она имеет прямоугольный щиток на головке. Треугольную в сечении спинку, украшенную тордированной проволокой и прямоугольную рельефную ножку (рис. 5.51: I: 8) (Скирда, 2000, рис. 2). Фибула относится к типу 2 варианту 1 щитковых фибул по Петраускасу-Синице (Петраускас, Синица, 2010, с. 248-251). Щитковые фибулы появились в конце ступени С2 – в начале ступени С3 и существовали до конца культуры (Петраускас, Синица, 2010, с. 251). Из ямы 9 происходит железная фибула серии Гороховский В3 (рис. 5.51: I: 9) (Скирда, 2002, рис. 1: 1). В слое найден фрагмент светлоглиняной амфоры со сферическим выступом на днище (рис. 5.51: I: 10). Этот достаточно редкий для черняховских поселений экземпляр амфоры относится к варианту 1 амфор типа Шелов Е (Сазанов, 1993, рис. 8, с. 20).

На участке А поселения Войтенки 1, возле очага 1, который являлся составной частью наземного глинобитного сооружения, найдена бронзовая «воинская» фибула, близкая к типу Schulze 48 (ХИ 14) (рис. 5.50: I: 11). Из сооружения 2/1, которое перекрывало полуземлянку – сооружение 2/2, относящуюся к горизонту Боромля, происходит железная фибула серии Гороховский Б3а (ХИ 10/2). Из слоя происходят фрагменты светлоглиняных амфор (в том числе с дипинти), подвязные бронзовые фибулы серий Гороховский Б2б, Б2а, Б3а, Б3б, Б3е (ХИ 10/2, ХИ 10/3) (рис. 5.50: I: 6, 9, 17-19) и с ромбической (или трапециевидной) ножкой (рис. 5.50: I: 4), железные серий Гороховский Б3а, Б3б, Б3е (ХИ 10/3), «воинские» железная (рис. 5.51: I: 5) и бронзовые: с трапециевидной ножкой (рис. 5.51: I: 8), миниатюрная с ромбической ножкой, которая напоминает тип Schulze 207 (рис. 5.51: I: 10). Тут найдены также Bügelknopffibel (ХИ 12): без верхней части (рис. 5.51: I: 3) и экземпляр с массивной спинкой, украшенной «растительным» орнаментом, прямоугольной ножкой и полусферическим выступом (кнопкой) с выгравированными линиями (рис. 5.51: I: 13). Эта фибула не имеет аналогов в классификации Э. Майера (Meyer, 1960). Железные пряжки относятся к сериям Гороховский А, Б, Г2в, Д1в, В1а, В1б, Б3б, а костяной гребень с плоской головкой и изогнутыми плечиками близок к типу Никитина П2 (ХИ 32/1) (рис. 5.51: I: 7). Найдены фрагменты стеклянных сосудов: группы Eggers 230 (ХИ 01/1) (рис. 5.51: I: 15), тонкостенного с овальными фасетками (рис. 5.51: I: 14), тонкостенного с прямым венчиком (вероятно, ХИ 02) (рис. 5.51: I: 1) и покрытого «сотовым» орнаментом (рис. 5.51: I: 2).

На участке «В» поселения Войтенки 1 пока что открыто два условно-закрытых комплекса. Из каркасного сооружения 1 происходят: а) нижняя часть толстостенного стеклянного кубка с «сотовым» орнаментом и округлым днищем (рис. 5.51: II: 1), который близок по орнаментации, но не по профилю днища к кубкам типа Луги (Кенигсбрух), серии Луги (Гавритухин, 1999, с. 52, рис. 7: 22) или варианта Тыргшор 179 (Rau, 1972, S. 136, 167) (ХИ 07); б) часть бронзовой фибулы серии Гороховский Б2а (ХИ 10/2) (рис. 5.51: II: 2). В

полуземлянке 1 найдены гребень типа Никитина I, 1 (ХИ 31/1) (рис. 5.51: II: 3) и бронзовая фибула серии Гороховский Б2а (ХИ 10/2) (рис. 5.51: II: 4). Из слоя участка происходят фрагменты светлоглиняных амфор (в том числе с дипинти), бронзовые и железная фибулы серий Гороховский Б2 и Б3 (ХИ 10/2, ХИ 10/3) (рис. 5.50: II: 7-9), «воинская» фибула, близкая к типу Schulze 152, а также бронзовые пряжки серии Ж2а (ХИ 25) (рис. 5.51: II: 10), язычки-«хоботки» от пряжек (ХИ 20) (рис. 5.50, II, 10), верхняя часть стеклянного бальзамария (ХИ 06) (рис. 5.50: II: 5), фрагмент тонкостенного стеклянного кубка, покрытого овальными фасетками (рис. 5.50: II: 6), донце стеклянного сосуда, вероятно группы Eggers 227-229 (Eggers, 1951, Taf. 16, S. 227-229).

ХИ первого уровня из поселений (табл. 5.36 – 5.38) образуют группы: 1) стеклянная посуда: а) сосуды Eggers 237 или Straume VII (ХИ 07); б) Eggers 230 или Straume Ia, Ib (ХИ 01/1); в) тонкостенные колоколовидные (ХИ 02); г) Eggers 226-229; 2) фибулы: а) подвязные ХИ 10/1, ХИ 10/2, ХИ 10/3; б) «воинские», близкие к Schulze 48, 50, 51, 152 (ХИ 14) и подобные изделиям группы Schulze 207; в) пластинчатые (ХИ 13/1); г) щитковая как дериват А.188; д) Bügelknopffibel различных типов; 3) пряжки ХИ 20, ХИ 21, ХИ 23, ХИ 25; 4) костяные гребни ХИ 31, ХИ 32, ХИ 33/1

Пока наиболее «представительные» наборы ХИ первого уровня происходят из поселений Хлопков 1 и Войтенки. Совокупность ХИ первого уровня из поселения Хлопков (стеклянные сосуды ХИ 01/1, ХИ 07, фибулы ХИ 10/2, ХИ 10/3, пряжки ХИ 20, ХИ 23) находят аналогии в совокупности ХИ первого уровня, более всего характерных для фаз «3» и «4».

В регионе имеется несколько примеров наличия исследованного поселения с принадлежавшим ему исследованным могильником: Соснова, Боромля 1, 2; Войтенки 1. На первых двух комплексах на поселениях обнаружено мизерное количество датирующих вещей, служащих хроноиндикаторами в погребениях могильников. Этого нельзя сказать о Войтенках: там с двух участков поселения («А» и «В») происходит достаточное количество датирующих предметов, имеющих аналогии в ХИ погребений. С

2011 г. на селище начато исследование участка «Б» и там наблюдается подобная картина (Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, 2013).

Набор ХИ первого уровня из участка «А» поселения (подвязные фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, ХИ 10/3, «воинские» фибулы различных типов, Bügelknopffibel различных типов, гребни ХИ 32/1, стеклянные сосуды ХИ 01/1, ХИ 02) находят соответствие в наборах ХИ первого уровня фаз «2», «3», «4». Набор ХИ первого уровня из УЗК и слоя участка «В» поселения (стеклянные сосуды ХИ 07, фибулы ХИ 10/1, ХИ 10/2, ХИ 10/3, гребни ХИ 31/1, пряжки ХИ 20/1 и ХИ 25) находят соответствие в наборах ХИ первого уровня фаз «3» и «4».

В системе Е.Л. Гороховского хроноиндикаторы из поселений занимают следующее положение: 1) стеклянная посуда: а) группа Eggers 237 или Straume VII (фаза 4); б) группа Eggers 230 или Straume Ia, Ib (фазы 3, 4); в) тонкостенный колоколовидный кубок; г) возможно, Eggers 226-229 (фазы 3, 4); 2) фибулы: а) бронзовые и железные подвязные серий Б2 (фазы 3-5) и Б3 (фазы 4, 5), меньше Б1 (фазы 2, 3, 5); б) «воинские», близкие к Schulze 48 (фазы 3, 4), 50 и 51 (фаза 3), 152 (фаза 4) или подобные к Schulze 207 (фаза 5); в) пластинчатые Амброз 21 1 бб (фаза 4); г) щитковая как дериват А.188; д) Bügelknopffibel (с фазы 3); 3) пряжки серий Б (фаза 3), В (фазы 3-5), Ж (фаза 5), Г (фазы 3, 4), в том числе с язычком-«хоботом»; 4) костяные гребни Никитина I, 1 (фазы 3, 4), I, 2а (фаза 4), II, 2 (фаза 3), III, 1 (фаза 4).

Следовательно, датирующие вещи из поселений соответствуют хроноиндикаторам первого уровня, относящимся к фазам 3-5, более всего – к фазе 4 в системе Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988, с. 44-45). Они относятся к выделенным нами для закрытых комплексов фазам «2» – «4», а более всего «3»-«4». Исходя из абсолютных дат фаз, возможно утверждать, что большинство поселений в ареале черняховской культуры региона датируются именно серединой – второй половиной IV в., меньшая часть – началом – второй четвертью IV в. и началом V в. Это соответствует датировке закрытых комплексов могильников.

5.6. Хронология поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2.

Время существования поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2 маркируют немногочисленные хроноиндикаторы, происходящие из условно-закрытых комплексов и слоя поселений.

В заполнении сооружений 2, 7 селища Каменево 2 обнаружены две железные фибулы одного типа, имеющие дуговидные спинки, сильно расширенные округлые ножки, сплошные приемники, оси пружины с шариками на конце (рис. 5.51: II: 1, 5). Фибула из сооружения 7 на спинке имеет фасетки (Сымонович, 2001-2002, рис. 4: 8, 9; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 82) (рис. 5.51: II: 5). На территории Эстонии и Литвы такие фибулы датированы V-VI вв. (Шмидехельм, 1955, с. 133, рис. 32: 5; Lietuvos..., 1961, S. 233-234; Lietuvos archeologijos..., 1978, S. 146; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 82). Из сооружения 7 происходит железная пряжка с овальной вытянутой рамкой (Сымонович, 2001-2002, рис. 6: 7) (рис. 5.51: II: 6). Ее возможно отнести к пряжкам серии Д Гороховского (Гороховский, 1988а, с. 42) и в нашем списке хроноиндикаторов такие изделия занимают позицию ХИ 24 (приложение Д). Подобные изделия характерны для завершающей пятой фазы развития черняховских могильников украинской лесостепи (Гороховский, 1988, с. 42). Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (ХИ 41/1) (приложение Д) происходят из построек 2 и 3 (Сымонович, 2001-2002, рис. 4: 9; 5: 1) (рис. 5.51: II: 2, 4). В постройке 3 найдены бронзовая пряжка с кольцевой рамкой (рис. 5.51: II: 3), близкая к ХИ 25 (приложение Д), фрагменты бронзовых рамок пряжек (Сымонович, 2001-2002, рис. 5: 2-4). Из ямы 65 происходит верхняя часть бутылки прозрачного желто-зеленого стекла (рис. 5.51: II: 8) (Сымонович, 2001-2002, рис. 6: 19), близкого к типу Isings 126, датирующегося в рамках конца III-VI вв. (Isings, 1957, p.156; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 82).

Из заполнения жилища 1 Песчаного происходит железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (Кропоткін, Обломський, 1991, с. 81, рис. 3: 8) (рис. 5.51: II: 9). Он отнесен к типу 3 варианту «в» классификации И.П. Засецкой и датируется концом IV – V вв. (Засецкая, 1994, с. 37, рис. 4, 6). В нашем списке хроноиндикаторов подобные наконечники занимают позицию ХИ 41/1 (приложение Д). В слое Комаровки 2 обнаружена ручка светлоглиняной амфоры Шелов F (Обломский, 2007в, с. 43).

Из заполнения постройки 4 Тазово происходит бронзовый колокольчик-«ботало» (Сымонович, 1986, с. 187, рис. 2: 4; 4: 12) (рис. 5.51: II: 11). Датированные закрытые комплексы с такими изделиями с территории бывшей Восточной Пруссии отнесены к ступеням C1a – началу C1в (Nowakowski, 1983, S. 87, 97, 98, Rys. 10.Tabl. III, 8; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 81). Костяной многочастный гребень с высокой головкой, прямыми плечиками, пропилами между плечиками и шейкой из той же постройки (Сымонович, 1986, с. 188, рис. 2: 2; 4: 9) (рис. 5.51: II: 10) относится к типу Никитина III2в (ХИ 34/2) (Никитина, 2008, с. 203, рис. 16) (приложение Д) или к классу III, варианту С, группе 4, подгруппе «с» Р.Г. Шишкина (Шишкин, 2002) Такие гребни бытовали в периодах 4, 5 черняховской культуры (ок. 350/355-400/410 гг.) в системе О.А. Гей – И.А. Бажана (Гей, Бажан, 1997, Табл. 70: 1). В системе Е.Л. Гороховского гребни Никитина III/2 относятся к фазе 4 (около 350-400 гг.) (Гороховский, 1988, с. 44). Следовательно, поселение Тазово возможно относить ко второй половине IV в., или даже к началу V в., когда существуют Каменево 2 и Песчаное.

Совокупность датировок ХИ первого уровня из УЗК и слоя этих памятников позволяет относить их к концу IV – середине V вв., ко времени до появления памятников колочинской культуры (Памятники киевской культуры..., 2007, с. 43).

5.5. Заключение.

Постзарубинецкие-раннекиевские памятники существуют в регионе в промежутке около середины II – середины III вв., что соответствует ступеням B2/C1 – началу C1b закрытых комплексов европейской хронологической системы римского времени. Типологическое единство постзарубинецких и раннекиевских памятников подкрепляется единым этапом их существования без хронологического разрыва.

Селища горизонта Боромля относятся к промежутку около середины III – первой четверти IV вв., что соответствует позднему отрезку ступени C1b и ступени C2. Причем, исходя из анализа материала, вероятнее всего существование этих поселений относится именно к ступени C2, к концу III – началу IV вв. Ввиду состояния базы источников, пока невозможно утверждать о существовании или отсутствии хронологического разрыва между постзарубинецкими/раннекиевскими памятниками и предчерняховским горизонтом.

Выделенные нами горизонты (фазы) «0»-»4» закрытых комплексов черняховской культуры региона и «постчерняховский» горизонт эпохи Великого переселения народов соответствуют ступеням C2/C3 (поздний отрезок C2) – D1 (D1-D2) или относятся к началу/второй четверти IV – началу V вв. В эти рамки укладывается и датировка черняховских поселений. Подкурганые погребения с черняховскими вещами в ареале культуры или за его пределами относятся ко второй половине IV – первой трети V вв. Таким образом, как типологически, так и хронологически селища горизонта Боромля образуют некое единство – горизонт, который хронологически укладывается в промежуток от прекращения существования постзарубинецких-раннекиевских памятников до появления черняховских поселений и биритуальных могильников. Поселения группы Каменево 2 – Песчаное датируются широкими рамками второй половины IV – первой половины V вв.

РАЗДЕЛ 6

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V ВВ.6.1. Этнокультурные процессы во второй половине I – первой половине
III вв.6.1.1. К проблеме соотношения постзарубинецких/раннекиевских памятников и
венетов

Кризис и распад зарубинецкой культуры, как следствие целого ряда эколого-климатических, экономических и политических причин (Кухаренко, 1961, с. 19; Шукин, 1972, с. 52; 1986, с. 30-31; Третьяков, 1982, с. 57-58; Максимов, 1982, с. 77-78; 2000, с. 62; Каспарова, 1986, с. 13-14, 16; Терпиловский, 2004б, с. 21; Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 9, 19, 21, 25) привел в середине – третьей четверти I в. к исчезновению зарубинецких памятников в Припятском Полесье, прекращению функционирования зарубинецких поселений и могильников в Среднем Поднепровье, к массовой миграции населения с «коренных» зарубинецких территорий в различных направлениях: до Южного и Западного Буга, в верховья Десны, Псла, Северского Донца (Обломский, Терпиловский, 1991а, с. 9). Распад зарубинецкой культуры в середине – третьей четверти I в. стал толчком к образованию отдельных групп памятников второй половины I – конца II вв. с родственными чертами в домостроительстве, керамике, но с определенной разницей в наборе элементов на огромной территории от Верхнего Поднестровья до Подесенья и верхних течений Псла, Северского Донца, отобразивших группы населения в процессе расселения, ставшие на путь интеграции – «горизонта Рахны-Почеп» (Шукин, 1994, с. 236) или «поздnezарубинецких памятников» (Обломский, 1993, с. 40-52). Именно распад зарубинецкой культуры стал причиной возникновения нового археологического явления на огромной территории от Верхнего Поднестровья до Северского

Донца и Хопра – нескольких групп памятников постзарубинецкого горизонта (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 9-10) (рис. 6. 1).

При изучении постзарубинецких памятников в зоне днепро-донецкой лесостепи существует проблема участия местного субстрата в формировании древностей типа Картамышево 2 – Терновка 2 и Грини. Как указывалось во второй главе, за последние годы открыты памятники «позднескифской эпохи III-I вв. до н.э.» в западной части днепро-донецкой лесостепи, примыкающей к Днепру (рис. 2. 1; 2. 2), чего пока нельзя констатировать по отношению к восточной части этого региона. Сравнительный анализ керамических комплексов свидетельствует, что ни одна из групп памятников позднего предримского времени днепро-донецкой лесостепи и примыкающей части лесной зоны (памятники типа Харьевки, подкурганые погребения с зарубинецким инвентарем, позднескифские памятники типа Битица-Ратское) не лежат в основе постзарубинецких древностей региона (Обломский, 2002, с. 14-15).

Сравнение сооружений и керамических комплексов постзарубинецких памятников типа Лютеж в Среднем Поднепровье и Картамышево 2 – Терновка 2 в днепро-донецкой лесостепи показывает, что появление последних связано с расселением на восток постзарубинецких групп из области Среднего Поднепровья (Обломский, 1991, с. 46; Обломский, 2002, с. 15; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 85-88; Терпиловский, 2004б, с. 31). Присутствие в керамическом комплексе памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 мисок пшеворского облика и прием орнаментации лощеной керамики композициями из меандров/свастик может свидетельствовать о какой-то роли в сложении последних носителей пшеворской культуры (Обломский, 1991, с. 47; Обломский, 2002, с. 15; Терпиловский, 2004б, с. 31-32) либо же их традиций, перенесенных с мигрантами из Среднего Поднепровья.

В группе типа Картамышево 2 – Терновка 2 группы выделяют две локальные области: а) западная (тип Картамышево 2) в верховьях Сейма и Псла; б) восточная (тип Терновка) в верхнем течении Северского Донца и

Оскола (Обломский, 1991, с. 39-42; 2002, с. 11; Терпиловский, 2004б, с. 27-28). Они выделены по некоторым отличиям в керамическом наборе поселений и деталям орнаментации сосудов, а также по наличию в восточной области углубленных хозяйственных сооружений. При этом следует учесть сравнительно небольшое количество изученных раскопками поселений в каждой из областей и незначительное количество открытых там сооружений (табл. 2. 1). Поэтому выводы о наличии этих двух областей могут отражать как уровень исследованности, так и археологические реалии, свидетельствующие о некоторых отличиях в наборе керамики на различных памятниках. Это, в свою очередь, вероятно, отражает исторические реалии: различия в керамике, производимой в различных общинах и продвижение из области Среднего Поднепровья различных групп одной общности.

Очевидно во второй половине II в. имело место проникновение групп населения – носителей постзарубинецких памятников группы Грини-Вовки из области средних течений Березины-Сожа. Сравнительный анализ керамических комплексов свидетельствует, что прототипом группы являются древности типа Кистени-Чечерск позднего предримского времени и начала раннеримского времени (конец III в. до н.э. – третья четв. I в. н.э. (Обломский, 2002, с. 15; Терпиловский, 2004б, с. 32). Современное состояние изученности позволяет утверждать, что в отличие от группы Картамышево 2 – Терновка, памятники группы Грини не имели компактного ареала размещения: они спорадически «рассеяны» в днепро-донецкой лесостепи (рис. 2. 3).

Как уже указывалось, датирующие находки в слое и условно-закрытых комплексах поселений группы Картамышево 2 – Терновка 2 указывают на середину II – начало III вв. (что приблизительно соответствует ступеням B2/C1, началу C1a закрытых комплексов), как времени существования этих памятников. Материалы памятников типа Грини нашего региона дают приблизительно синхронную дату их существования с памятниками типа Картамышево 2 – Терновка 2. Следовательно, нет оснований говорить о появлении этих памятников в регионе днепро-донецкой лесостепи сразу же

после распада зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье в середине – третьей четверти I в.

Собственно киевская культура была выделена по материалам Среднего Поднепровья и Подесенья в конце 70-х – первой половине 80-х годов минувшего столетия и первоначально ее ареал ограничивался лишь этими территориями (Терпиловский, 2004б, с. 17-19). В начале 90-х годов по сходству с керамикой киевских памятников Подесенья в общем наборе форм и с киевскими памятниками Среднего Поднепровья частично в структуре керамического набора памятники типа Шишино 5-Шмырево в области днепро-донецкого водораздела были включены в киевскую культуру на правах локального варианта (Обломский, 1991, с. 68). Этим памятникам так называемого нулевого периода киево-черняховских контактов известно единицы (Обломский, 1991, с. 47). Их керамический комплекс почти аналогичен, невзирая на некоторые отличия, постзарубинецким памятникам типа Картамышево 2 – Терновка 2 (Обломский, 1991, с. 49, 68, 78).

Ввиду состояния исследованности открытым остается вопрос о территории распространения памятников типа Шишино 5 – Шмырево: или они существовали лишь в области днепро-донецкого водораздела или же эволюционно сменили постзарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2 на всей территории днепро-донецкой лесостепи, тем самым являя следующую ступень их эволюции. Памятники типа Шишино 5 – Шмырево датируются концом II – первой половиной III вв. (Обломский, 1991, с. 35, 59). Эти раннекиевские памятники относятся к ступени B2/C1 и, в отличие от постзарубинецких, уверенно принадлежат ступени C1a. Датировки постзарубинецких и раннекиевских памятников в регионе «перекрывают» друг друга и последние, помимо указанной типологической близости, также не образуют четко выделенного хронологического этапа. Следовательно, вполне правомерно утверждать о существовании в днепро-донецкой лесостепи на ступенях B2-C1a / начале C1в (середины II – середины III вв.) именно «постзарубинецких/раннекиевских» памятников.

Среди исследователей уже утвердилось мнение о наличии в лесостепной зоне Восточной Европы, к западу и востоку от Днепра в раннеримское – начале позднеримского времени (вторая половина I – середина III вв.) единой культурной области с составляющими культурными группами (Козак, Терпиловський, 1986; Терпиловский, 2004а, с. 473; 2004б, с. 92) (рис. 6. 1). Таким образом, речь может идти о некоей культурной провинции римского времени с локальными областями, судьба которых при контактах с другими культурными группами в позднеримское время станет различной (Любичев, 2008б, с. 49). Г. Коссинна, который ввел понятие «культурная провинция», считал ее конкретным географическим пространством, существовавшим в определенное время, с определенными формами материальной культуры, погребальной обрядности и поселенческой культуры (Eggers, 2006, S. 213; Jahn, 1953, S. 9) Но он рассматривал существование таких провинций как отражение исключительно этнических, а не исторических реалий (Kossinna, 1911, S. 3; 1926, S. 21). В его определениях четкость границ провинции является ее важнейшим признаком, однако М. Ян заметил, что особые характерные формы для одной культурной провинции проникают в другую провинцию и наоборот, возникают пограничные зоны, а также смешанные зоны между культурными провинциями (Jahn, 1953, S. 16, 17).

В раннеримское время, на ступени B2 областями этой археологической культурной провинции являются с запада на восток: зубрицкая группа, группы постзарубинецких памятников типа Рахны, Лютеж, Почеп, Картамышево 2 – Терновка 2 (рис. 6. 1). На ступени B2/C1 этими областями также становятся постзарубинецкие памятники типа Грини, не имевшие компактного ареала (Обломский, 2002, с. 15), а также раннекиевские памятники Среднего Поднепровья, Подесенья (Терпиловский, 2004б, с. 40, 42-43) и днепродонецкого водораздела типа Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 1991, с. 47-82) (Любичев, 2010а, с. 150) (рис. 6. 1).

Свидетельства древних авторов для определения этноса-носителя этой провинции и его групп являются очень краткими. Корнелий Тацит сообщает:

«Что касается певкинов, венедов и фенов, то я не знаю, относить их к германцам или сарматам... певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут как германцы... Благодаря смешанным бракам они в значительной мере стали похожими на сарматов. Венеды много переняли из обычаев последних, так как они, занимаясь грабежом, прошли все леса и горы между областями, занятыми певкинами и фенами. Однако их следует скорее считать германцами, потому что они и жилища прочные сооружают и щиты имеют, любят ходить и очень быстро – все это совсем чуждо сарматам (...и передвигаются пешими при этом с большой скоростью все это их отличает от сарматов, которые проводят всю жизнь в повозке и на коне)» (Тацит, XLVI).

В отличие от Тацита Плиний Старший размещает венедов/венетов где-то возле Вислы на побережье Балтийского моря. Считается, что описание побережья восточной части Балтийского моря с венетами размещено Плинием между полуфантастическими свидетельствами из трудов греческих писателей IV в. до н.э. – I в. н.э. Вероятно, венеты обитали на полуострове Энингия к востоку от Вислы, где-то на полуострове Курземе и возле реки Вента (Мачинский, 1976, с. 83-84). Птолемей сообщает: «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: венеды – по всему Венедскому заливу» (Птолемей, III, 7, 7). Считается, что «Венедский залив» – это изгиб балтийского побережья от Гданьска до Венспилса (Щукин, 1994, с. 282). Таким образом, венетов Плиния-Птолемея следует отличать от венетов Тацита.

Этноним «венеты» встречается еще до рубежа нашей эры для обозначения групп населения в Бретани и на северном побережье Адриатики. Он мог быть перенесенным во времена Нерона по «янтаному пути» с побережья Адриатики в Прибалтику группами торговцев и ремесленников. В этом случае по ним следует понимать культуру западных балтов (Щукин, 1994, с. 282). В качестве топонима корень «вент» («венд») в римское время встречается во многих местах Европы и потому сведения Плиния, Тацита, Птолемея нельзя рассматривать как нечто единое (сведения лишь об одном конкретном этносе – М. Л.) (Терпиловский, 2004б, с. 87-88).

Согласно чтению Тацита Д. А. Мачинским, Д. Н. Козаком и Р. В. Терпиловским, венедаы обитают на большой территории от Нижнего/Среднего Поднестровья на юго-западе до лесной полосы, где проживали фены. Эти сведения говорят о достаточной степени достоверности этнокарты Тацита и его свидетельство отражает реалии I в. н.э. (Мачинский, 1976, с. 85, 91). Венедаы в этот период находятся в стадии передвижения (расселения) на территории между певкинами (бастарнами) и фенами. По информации Страбона и Плиния бастарнов следует локализовывать к северу от Нижнего Подунавья и к востоку от Карпат – в Поднестровье. Считается, что бастарнам II – I вв. до н.э. соответствуют памятники культуры Поянешти-Лукашевки, а бастарнам времен Плиния и Тацита (I – II вв.) – памятники звенигородской группы (Щукин, 1999, с. 80, 85).

Анализ текста Тацита приводит к заключению, что венедаы занимали лесостепь приблизительно от Днестра до Днепра, никаких конкретных сообщений о размещении их и восточнее Днепра у него не имеется. Но в определении восточной границы территории венедаов в раннеримское время возможно применить метод сравнения данных археологических и письменных источников. К области венедаов Тацита принадлежат ареал зубрицкой группы (Козак, 1992, с. 137-140) и постзарубинецких памятников типа Рахны и Лютеж к западу от Днепра (Терпиловский, 1994, с. 35). Передвижения венедаов по Тациту отвечают миграциям носителей постзарубинецких групп. Совпадают даты вероятного получения Тацитом свидетельств о венедаах (вторая половина I в.), распада зарубинецкой культуры и начала передвижения носителей постзарубинецких памятников (Терпиловский, 1994б, с. 34).

Поскольку сообщение Тацита о венедаах отвечает территориально, хронологически и по своей сути миграциям носителей постзарубинецких памятников, есть все основания считать, что они принадлежали венедаам (венедаам) (Терпиловский, 1994, с. 35; Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 104-108; Терпиловский, 2004б, с. 92). Группы постзарубинецких памятников являются очень близкими между собой по таким критериям как: тип жилищ,

топография поселений, керамический комплекс (Обломский, 1993б, с. 40-52), являются частями одной культурной провинции (Любичев, 2010а, с. 150). Следовательно, вполне логичным будет вывод, что постзарубинецкие памятники восточнее Днепра, в днепро-донецкой лесостепи, также могли принадлежать венетам. Носители киевской культуры могли являться венетами, поскольку являются прямыми наследниками «поздnezарубинецких венетов Тацита» (Терпиловський, 1994б, с. 35).

Исследователи допускают возможность и того, что под этноним «венеты» попадают носители культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры в лесной полосе к северу от групп поздnezарубинецких памятников и к западу от Днепра в его верхнем течении (Щукин, 1994, с. 243).

Эту культурную провинцию ранеримского – начала позднеримского времени для придания своеобразия вполне возможно именовать как «праcлавянская» ибо потомками «постзарубинецких» венетов Тацита являются носители киевских памятников, которые, в свою очередь, выступают предшественниками славянских группировок VI в. Иордана и Прокопия (Терпиловский, 2004б, с. 92, 94).

6.1.2. Контакты носителей постзарубинецких/раннекиевских памятников и сарматов

При изучении контактов носителей постзарубинецких/раннекиевских памятников с сарматами следует учитывать локализацию их группировок по погребальным памятникам в прилегающих к днепро-донецкой лесостепи районах степи в середине I – середине III вв.

К югу от Орели к середине I в. до н.э. – I в. н.э. отнесены погребения 3 кургана 1 группы 21 у Заплавки и погребение в кургане 3 той же группы (Костенко, 1986, с. 15-16), впускное погребение в кургане 2 группы 20 возле Миновки, погребение 1 в кургане 6 группы 1 и погребение в курагне 8 группы 2 возле Котовки, погребение 2 в кургане 10 группы 3 возле Лычкова (Костенко, 1986, с. 15-16, 18, 21). В степной полосе в бассейне Северского Донца к этому

времени относятся погребение 4 кургана 28 у Славянска, погребение возле Рождественки, погребение 2 в кургане 12 у Бунаково (Костенко, 1986, с. 34-36).

В рамках I – III ст. на Орели датировано 9 погребений (из них 6 основных): у Ново-Подкряжа, погребение 7 в кургане 5 группы 1 возле Заплавки, погребение 2 в кургане 2 группы 11 у Спасского (Костенко, 1986, с. 10, 16, 29). В пределах I в. н.э. датированы погребения 3 в кургане 1 группы 4 у Прядовки, погребение 9 кургана 1 группы 16 и погребение 7 в кургане 2 группы 12 возле Михайловки, погребения 12, 10, 2 в кургане 1 группы 28, погребение 2 кургана 5 группы 3, погребение 3 кургана 2 группы 2 у Лычково, погребение 9 кургана 1, погребение 5 кургана 3 группы 30 у Пролетарского, погребение 2 кургана 3 группы у Соколово, погребения 4, 6 кургана 2 у Булаховки (Костенко, 1986, с. 11, 13, 20, 23-26, 30, 32). В бассейне Северского Донца к этому времени отнесены погребения 2, 5, 6 кургану 28 возле Славянска (Костенко, 1986, с. 34).

К I – II вв. к югу от Орели принадлежат такие сарматские комплексы, как погребение у Александровки, погребение 1 кургана 1 возле Юрьевки, погребение 3 кургана 3 группы 1 возле Николаевки, погребение 1 кургана 19 группы 1 возле Соколово, в кургане 13 у Вороного, в кургане у Хорошево (Костенко, 1986, с. 27, 30, 32). В бассейне Северского Донца к этому времени относятся погребения у Грушевахы (Костенко, 1986, с. 27, 30, 32).

Не ранее II в. было совершено погребение 4 в кургане 3 у Раздольского-Новоселок на Северском Донце. Ко II в. в бассейне Орели отнесены погребения 3 в кургане 3 группы 13 у Гупаловки (Костенко, 1986, с. 14). II – III вв. датированы к югу от Орели погребения 5 кургана 4 группы 7 у Прядовки, погребение 1 кургана 5 группы 1 у Заплавки, погребение 1 в кургане 4 группы 1, погребение 2 в кургане 1 группы 2, погребение 3 кургана 4 группы 1, погребение 2 кургана 1 группы 2, погребение 3 кургана 4 группы 3 возле Колпаковки, погребение у Афанасьевки, разрушенное погребение 1 кургана 1 группы 5 у Соколово (Костенко, 1986, с. 15, 20, 21, 28, 30). На Северском Донце к этому времени относится погребение 1 кургана 4 возле Мечобелово

(Костенко, 1986, с. 35). К первой половине III в. отнесено разграбленное погребение в кургане 3 группы 3 у Бузовки (Костенко, 1986, с. 18).

Выделение этих курганных погребений, суммарно относящихся к середине I – середине III вв., позволяет локализовать одну из сарматских группировок на прилегающем участке степи в полосе от Днепра (на участке от устья Орели до устья Осокоровки) до Северского Донца (на участке от впадения Береки до устья Казенного Торца). Она с юга примыкает к ареалу постзарубинецких-раннекиевских памятников в области водораздела Днепра-Дона (рис. 2. 3).

Первым этапом оценки потенциальной возможности контактов рассматриваемых культурных групп в районе Орели является выяснение их географического взаиморасположения, опираясь на картографирование постзарубинецких памятников Поорелья Д. Я. Телегина и С. А. Беляевой (Телегин, Беляева, 1975; Телегин, 2001) и сарматских В. И. Костенко (Костенко, 1986). Вполне возможно, что в число постзарубинецких здесь могли быть зачислены некоторые пеньковские поселения, так как совершенно невозможна точная культурная атрибуция мелких фрагментов груболепной керамики, обнаруженной на поверхности пойменных памятников. На левом («сарматском») берегу Орели, ближе к устью, постзарубинецкие поселения открыты возле Шульговки, Сорочино, далее на правом берегу они располагались у Цибульковки, далее на левом берегу – у Могилева, Лисковки, Драговки, Ивано-Яризовки, Байбаковки. За поворотом Орели в юго-восточном направлении поселения находятся на левом берегу возле Осиповки, Перещепино, Богатого, Орельки, на правом – возле Скалоновки и Сомовки, Мажарово.

На левом берегу эти поселения отдалены от упомянутых выше подкурганных сарматских погребений возле Могилева, Новоподкряжа, Прядовки, Юрьевки, Гупаловки, Дмухайловки, Михайловки, Миновки, Заплавки, Котовки, Колпаковки, Бузовки, Лычково, Пролетарского на 2-14 км. Уже упоминалось, что в культурном слое Осиповки (урочище Лиман) найдено

23 фрагмента профилированных частей светло- и красноглиняных амфор (табл. 2. 1). Среди светлоглиняных венчики относятся к типам С и D, ручки – к типам В, С, D (Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 71-73). Венчики и ручки красноглиняных амфор соответственно относятся к типам 4 и 1 по И. С. Каменецкому (Каменецкий, 1969, табл. I: 26-28, IV: 1, 2; с. 140). Фрагменты амфор этого времени совместно с лепной керамикой позднезарубинецкого/раннекиевского облика встречены вместе на поселении в урочище Бондариха возле Изюма вблизи зоны обитания сарматов (Телегин, 1957, с. 130).

В сарматских погребениях Поорелья отсутствуют элементы материальной культуры носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников, а именно: характерная груболепная и лощенная керамика, украшения круга «выемчатых эмалей». В свою очередь типичная сарматская керамика и вещи этой культурной группы, известные нам по инвентарю погребений, отсутствуют и на постзарубинецких памятниках бассейна Орели. Античный импорт в виде мизерного количества амфорной тары из Осиповки (урочище Лиман) и Бондарихи вероятнее всего мог оказаться там лишь вследствие контактов с сарматами. Трудно исключать возможность контактов сарматов и оседлого населения, учитывая незначительные расстояния между районами обитания сарматов и поселениями оседлого населения, особенно при учете быстроты передвижения кочевников. М. Б. Щукин считает, что низкие пойменные места были труднодоступными для сарматской конницы без знания тропок и проходов (Щукин, 1994, с. 233). Но вряд ли в условиях многолетнего близкого соседства при необходимости сарматы не смогли бы их выявить.

Некоторые сарматские погребения и отдельные вещи обнаружены на границе степи-лесостепи, в лесостепной зоне – на потенциальной территории нахождения носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников. Одна из групп таких погребений концентрируется ближе к Орели. Возле Ливенского исследовано впускное погребение в виде подбоя с помостом, на котором находился женский костяк, ориентированный на юг (Супруненко, 1998а, с. 41).

Возле костяка находились развал античного одноручного кувшина, фрагменты бронзовой фибулы «неапольского» типа, остатки шкатулки, керамический амулет в мешочке, бронзовая восьмерковидная пряжка, часть железного ножа. Погребение относится к рубежу I – II вв. (Супруненко, 1998а, с. 42-43).

Возле Павловки, в верхней части курганной насыпи, выявлено впускное парное погребение, где один из костяков был ориентирован в северо-западном направлении (Супруненко, 1994, с. 56, 58). В качестве инвентаря находились: бронзовый котел, бронзовый кувшин, бронзовый таз типа Эггерс 100, железный меч, стеклянный сосуд (возможно бальзамарий типа Айсинг 6), стеклянные бусы (Simonenko, 2008, S. 78, Taf. 124: 1, 2; 125). Котел возможно датировать I – началом II ст., таз датируется в пределах I – первой половины II в., кувшин по аналогиям в погребениях Северного Причерномья не выходит за рамки I – III вв. (Супруненко, 1994, с. 63, 67). Сарматское погребение этого периода открыто возле Орлика (Обломский, 2002, с. 13).

Другая группа сарматских погребений известна севернее от предыдущей – непосредственно на границе степи-лесостепи. В кургане 4 возле Малого Ладыжина (р. Коломак) во впускном погребении 1 находились лепной горшок, бронзовое зеркало в деревянном футляре, стеклянные и пастовые, янтарные бусы, миска, кости барана (Корнилко, Симоненко, 1982; Супруненко, 1998б, с. 62-63; Обломский, 2002, с. 13). В погребении возле Макуховки (урочище Белая Гора) (р. Коломак) в качестве инвентаря выявлены пастовые и стеклянные бусы, бронзовая фибула (Кулатова, 1990). Эта фибула была отнесена к типу В по Ю. Костшевскому проволочных фибул среднелатенской схемы и датирована III-I вв. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 1999а, с. 147-148). По мнению других исследователей, фибула относится к серии 1, варианту 3 по А. К. Амброзу и в этом случае она датируется концом I – II вв. и относится к раннеримскому времени (Обломский, 2002, с. 13). Возле Круподеринцов (р. Сула) изучено женское погребение I – II вв. с северной ориентировкой костяка. В качестве инвентаря здесь находились лепные миска и горшок, бронзовое зеркало в чехле, проволочная серьга (Кулатова, 1990, с. 145; Обломский, 2002, с. 14).

В Ковалевке найдена лучковая одночленная фибула с широким приемником и двойной пружиной (рис. 5. 1: II: 4) (Сапегін, 1998, с. 168-169). Фибула относится к группе северопричерноморских образцов застежек финала средне- или начала позднесарматского времени, которые были распространены во второй половине II – в начале III вв. (Медведев, 1990, с. 153). Эти фибулы отнесены к группе 15, серии 1, вариантам 3-5 (Амброз, 1966, с. 49-50, табл. 9: 8, 10). На этом же месте выявлены фрагменты красноглиняных амфор. Эта отдельная находка также косвенно свидетельствует о проникновении сармат в южную часть лесостепи. Сарматы господствовали на безлесных территориях поречья Орели и Сулы на протяжении I – III вв. с постепенным «оседанием» в увлажненных поймах рек (Супруненко, 1998б, с. 41). Сарматы в полосе лесостепи в зоне Приднепровской низменности выбирали привычный им ландшафт для жизни и хозяйствования.

С поверхности селища Сноповое 1 происходит коленчатая фибула, причисляемая к типу Альмгрен 137, отнесенная ко второй половине II – началу III вв. и связанная здесь с сарматским присутствием (Гейко, 2000б, с. 80). Однако сравнение этого экземпляра (рис. 5. 1: II: 2) с фибулами Альмгрен 137, происходящими из Центральной Европы (Almgren, 1923, Taf. VI: 137) показывает, что речь идет, очевидно, о варианте этих фибул или их дериватов. У экземпляра из Снопового отсутствует уступ при переходе от спинки к ножке и круглая пластинка на ножке. Еще одна подобная фибула происходит с поверхности поселения Мизяки (рис. 5. 1: II: 1) (Голубев, 2005). Вместо уступа на ножке там присутствует рельефный пояс из трех выступов. Находки фибул Альмгрен 137 в Самбии, в ареале культуры Доллькайм/Коврово (там по закрытым комплексам они отнесены к ступеням B2/C1 и C1a) (Nowakowski, 1998, S. 199-200), ставит под сомнение их исключительно «сарматское» происхождение восточнее Днепра.

Сарматские памятники известны также и в северной части лесостепи. В Борисовке (р. Ворскла), в случайно обнаруженном женском погребении, в качестве инвентаря при костяке в деревянной конструкции найдены два

узкогорлых кувшина, две косметические банки с поверхностью зеленого цвета и египетские пастовые бусы. Среди этого ожерелья имеются (Обломский, 2002, рис. 13): пронизь в виде льва, лежащего на прямоугольной подставке (тип 66 по Е. М. Алексеевой), пронизи в виде льва, лежащего на овальной подставке (тип 68а), пронизи в виде сокола, сидящего с поднятой головой на прямоугольной подставке (тип 73б), подвеска в виде амфорки (тип 78, 2), подвески в виде вдвоенных цилиндров (тип 86), округлорезистые бусы с плоскосрезанными дольками (тип 13б). Исходя из датировок этих вещей, погребение следует относить к I – II вв. (Алексеева, 1975, с. 33, табл. 5: 27; с. 44, табл. 12: 17; с. 45, табл. 12: 9; с. 44, табл. 11: 27-28; с. 46, табл. 11: 42; с. 47, табл. 11: 46; Обломский, 2002, с. 14, рис. 13). На поселении Бобрава 3 («Сильник») присутствуют вещи «позднескифской среды, осложненной сарматскими элементами» в виде: фрагментов веничков красноглиняных лепных кувшинов, фрагментов лепных горшков с луновидным налетом, а также головкой антропоморфной фигурки (Горюнова, 2008, с. 211). Последняя, исходя из аналогий на поселениях хоры Боспора II – III вв. и святилища Таракташ возле Судака середины II-середины III вв., трактуется как головка скифо-сарматского божества (Горюнова, 2008, с. 211-213, рис. 1).

Борисовка и Бобрава находятся достаточно далеко от степи в глубине лесостепи (расстояние до р. Оскол составляет 60 км, а до современной границы степи/лесостепи в районах Балаклеи и Полтавы приблизительно 140-150 км), в ареале постзарубинецких-раннекиевских памятников, которые известны и ниже по течению Ворсклы: Березовка 2, Солдатское 5, к юго-западу: Шмырево, Картамышево, Богдановка, Гочево, к востоку: Шоссейное, Терновка, Головино (рис. 2. 3). На поселении Картамышево 2 встречены фрагменты светло- и красноглиняных амфор (тип которых по незначительным их размерам невозможно установить) и фрагменты красноглиняной посуды (Горюнова, 2004, с. 46). Эти находки могут служить свидетельством связей жителей как в западном направлении, так и с сарматским миром.

Потенциально, исходя из географического положения, носители постзарубинецких-раннекиевских памятников могли контактировать также с сарматскими группировками, памятники которых расположены к востоку – в Подонье. Здесь выделены четыре локальных группы сарматских памятников – так называемые среднедонской, воронежский, верхнедонской и среднехоперский районы (рис. 2. 3) (Медведев, 2008, с. 9). Речь идет о трех хронологических этапах освоения сарматами донской лесостепи: два этапа (второй и третий или среднесарматский и позднесарматский) относятся соответственно к I – началу II и к концу первой половины II – середине III вв. (Медведев, 2008, с. 9), то есть они почти синхронны времени существования постзарубинецких-раннекиевских памятников. Погребения именно этих этапов известны в Среднедонском и Воронежском районах (Медведев, 1990, с. 24-26; 2008, с. 9), а также в Среднехперском районе (Медведев, 2008, с. 9). Верхнедонской район включает в себя курганные могильники только третьего (позднесарматского) этапа, но там известны и синхронные им городища и поселения. А в Среднехперском районе стали известны постзарубинецкие поселения типа Инясево (Медведев, 2008, с. 9). В классификации керамики сарматского времени лесостепного Подонья А. П. Медведева имеются горшки с едва расширенным туловом, которое сужается к днищу, отнесенные к типу I, имеющем два варианта: 1) высокие горшки с вытянутым туловом; 2) низкие с приземистым туловом (Медведев, 1987, с. 100-101; 2008, рис. 57: 1-2, 12) (рис. 6. 2). На III Чертовицком городище они составляют 17, 6 % (Медведев, 2008, с. 67). Эти горшки не принадлежат к числу исконных сарматских форм, но, вероятнее всего, восходят к керамике скифского времени (Медведев, 2008, с. 67). Близкие горшки известны на памятниках зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья (Максимов, 1982, табл. XVII: 11; XIX, 11). Данные горшки в Чертовицких могильниках встречены в датированных комплексах I – начала II вв. (Медведев, 2008, с. 67).

По классификации А. П. Медведева в керамическом комплексе сарматских памятников Подонья имеются, в том числе, лепные лощенные

миски типов I, II : тип I – с закругленным и плавно загнутым к середине бортиком (вариант 1 – с плоским дном; вариант 2 – на кольцевом поддоне); тип II – венчик загнут к середине и образует с туловом ребро (вариант 1 – с плоским дном; вариант 2 – на кольцевом поддоне) (Медведев, 1987, с. 95) (рис. 6. 2: III).

На верхнедонских сарматских могильниках лепные горшки типа I и миски типа II составляют около 67 % керамического комплекса, то есть они являются его основой (Медведев, 1993, с. 56), что не позволяет считать эти горшки продукцией носителей постзарубинецких-ранекиевских памятников. Между позднезарубинецкими баночными, тюльпановидными горшками и горшками типа I Подонья имеется визуальная близость (рис. 6. 2), но последние более вытянуты, их тулово более профилировано и днище выглядит более узким (Медведев, 1993, с. 56). Убедительно доказывается эволюция горшков этого типа II – III вв. от сосудов этой же местности скифского времени. Возможно допускать наличие одной керамической традиции и в Подонье и в днепро-днецком междуречье в скифское время (Медведев, 1993, с. 58; 2008, с. 67). Но нам до настоящего времени фактически не известна культура субстратного населения днепро-днецкого водораздела III-I вв. до н.э., на которую «наложилась» материальная культура носителей постзарубинецких памятников. Однако об отдельных формах керамики периода, предшествовавшего появлению постзарубинецких памятников в днепро-днецкой лесостепи, мы уже имеем представление. Выше уже шла речь о материалах раскопок Ратского городища на р. Сейм (Енуков, Медведев, 2003). Просходящие оттуда фрагменты горшков свидетельствуют о близости к керамике Подонья в частности Чертовицких городищ и могильников (Медведев, 2008, с. 80).

Миски сарматского керамического комплекса Подонья типа II также визуально близки к постзарубинецким (рис. 6. 3), но это подобие обязано одному гончарному прототипу – античным красноглиняным мискам (Медведев, 1993, с. 58). У носителей зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья

лепные лощенные миски могли появиться в результате знакомства с краснолаковыми мисками ольвийской периферии (Максимов, 1982, с. 18). Лепные миски Подонья являются дериватами гончарных сероглиняных нижнедонских и кубанских сосудов, но не античных краснолаковых. Среднеднепровские миски имели другие прототипы (Медведев, 1993, с. 58).

Горшки «сарматского» облика найдены в яме 2 селища Терновка 2, в сооружении 2 раскопа 1 селища Шишино 5 (Обломский, 1991, с. 71). Они имеют аналогии среди сарматских горшков типа V (Медведев, 1987, с. 103, рис. 6: 4-11) (рис. 6. 2: I: 2-6). Горшок из Терновки 2 (рис. 6. 2. II: 1) находит аналогию в сосуде из погребения в кургане 4 Вязевского могильника (Медведев, 1987, рис. 6: 11; Обломский, 1991, с. 82). В сооружении 3 селища Цепляево Второе найдена ручка груболепного кувшина с наклепными «глазками-шишечками». Сосуды с такими деталями имеют аналогии в материалах Зильчинского городища в Осетии, они были распространены среди сарматов Северного Кавказа в II – III вв. (Обломский, 1991, с. 220-222).

Аргументом в пользу существования контактов сарматов и носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников стала находка ингумации на поселении Шишино 5. На дне ямы 1 раскопа 3 1986 г. селища Шишино 5 залегал скелет в анатомическом порядке на спине, ориентированный на восток (рис. 2. 11: I: 7). Кости ног были согнуты в коленях и подогнуты к грудной клетке, правая верхняя конечность согнута в локте и «откинута» за череп, левая верхняя конечность согнута в локте и залегала на грудной клетке. Череп располагался теменем вниз и челюстями кверху (Обломский, Томашевич, 1993, с. 52). В пользу принадлежности этого погребения к римскому времени свидетельствует: 1) в яме помимо керамики неолита и бронзового века присутствует также вторично обожженная постзарубинецкая и раннекиевская керамика. В культурном слое около ямы подобной керамики нет и, таким образом, она помещена в яму специально и может датировать время ее засыпки; 2) яма 1 вместе с другими принадлежит усадьбе; 3) очень нестандартное положение погребенного – он является буквально втиснутым в узкое

пространство нижней части ямы (Обломский, Томашевич, 1993, с. 53). Делается вывод, что в яме содержатся следы жертвоприношения иноплеменника со следами обычая очищения огнем.

На наш взгляд, эти доказательства принадлежности погребения ямы к раннеримскому времени являются достаточно «прозрачными» ибо отсутствует четкая стратиграфическая картина принадлежности ямы к этому времени и доказательства преднамеренного помещения в яму вторично обожженной керамики.

Приведенный материал подтверждает тезис, что две соседние культурные области: постзарубинецкая-раннекиевская и сарматская выглядят, как не воспринимающие друг друга (Медведев, 1993, с. 59). Контакты сарматов с носителями постзарубинецких-раннекиевских памятников, были еще более ограниченными, чем в предыдущую археологическую эпоху – позднее предримское время – между носителями зарубинецкой культуры и сарматами. Создается впечатление, что контакты между ними заключались исключительно в захвате сарматами пленных на поселениях оседлых общностей (Любичев, 2008в, с. 28). Наличие неукрепленных поселений этого периода считается отражением политической зависимости носителей постзарубинецких-раннекиевских памятников от сарматов (Симоненко, 1981, с. 68). В свете изложенного ничем не подтвержденным выглядит тезис о том, что постзарубинецкое население «достаточно быстро овладело спецификой европейских северо-западных культур и сарматской культуры» (Максимов, 1982, с. 162). В период до появления в днепро-донецкой лесостепи черняховской культуры, не происходило никакой интеграции сарматов с местным оседлым населением.

Анализ письменных источников позволяет предположить название некоторых сарматских группировок, соседями которых являлись носители постзарубинецких-раннекиевских памятников – венеты. Роксоланов, традиционно считающихся одним из сарматских племенных союзов, Страбон относит к группе бастарнов, указывая: «бастарны также, быть может,

германская народность и делятся на несколько племен...самые северные, обитающие на равнинах между Танаисом и Борисфеном (носят название – *М. Л.*) роксоланов» (Страбон, VII, 17).

На своей карте расселения этносов по Страбону М.Б. Щукин размещает роксоланов по левому берегу Днепра где-то от Сулы вдоль изгиба Днепра до северного берега Азовского моря в районе современного Бердянска (Щукин, 1994, рис. 63). На другой его карте территория роксоланов начинается от юга Среднего Поднепровья, но она не охватывает с востока порожистую часть Днепра, а вытянута по степи почти до Нижнего Дона (Щукин, 1994, рис. 71: 1). На наш взгляд, текст Страбона сообщает о локализации роксоланов в степной полосе от Днепра до Дона.

Плиний Старший сообщает, что «... к северу от Истра – все племена скифские, но места, которые прилегают к побережью заняли разные народы: в одних пребывают геты (даки), в других-сарматы (савроматы), в их числе гамаксобии, или аорсы, трогодиты (рабского происхождения скифы), аланы и роксоланы» (Плиний Старший, IV, 80), «...эти земли до реки Висклы заселены сарматами, венедями, скирами и гиррами» (Плиний Старший, VI, 1) Исходя из этих данных, М. Б. Щукин к северу от изгиба Черного моря между дельтой Дуная и устьем Днепра последовательно поместил аланов, роксоланов (заходят на левый берег Днепра в районе порогов). Аорсы-гамаксобии занимают границу степи-лесостепи от Прута до Северского Донца, и далее к востоку вплоть до Северного Кавказа (Щукин, 1994, рис. 71: 2). На другой карте исследователь помещает роксоланов между нижним течением Южного Буга и верхним течением Северского Донца, к северу от них, в лесостепи от Днестра до Ворсклы он локализует сарматов (Щукин, 1994, с. 92).

Клавдий Птолемей информирует, что «...заселяют Сарматию... по всему берегу Меотиды языги и роксоланы, далее за ними вглубь страны – гамаксобии и скифы-аланы» (Птолемей, III, 5, 7). Учет этих крайне неточных сведений античных авторов о размещении племен в степной зоне Восточной Европы в раннеримское время позволяет заключить, что венеды (венеты) имели своими

соседями к югу и востоку такие сарматские группировки как роксоланы, языги, аланы, аорсы.

6.2. Этнокультурные процессы в регионе в середине III – первой четверти IV вв.

В лесостепи к востоку от Днепра начало позднееримского времени по традиционной европейской хронологической схеме (переход от ступени B2 к C1, переходная ступень B2/C1, начало ступени C1a, около 150-200 гг.) (Eggers, 1955, Abb. 12; Godłowski, 1970, Fig. 19; Щукин, 2005, с. 19) не ознаменовалось появлением комплекса новых элементов в материальной культуре, позволяющем говорить о начале здесь, как и в Барбарикуме Центральной Европы, новой археологической эпохи.

Но о начале таковой можно говорить лишь с середины – третьей четверти III в., что связано с появлением на территории днепро-донецкой лесостепи новых элементов, фиксирующихся во всех сферах археологического комплекса (Обломский, 1997, с. 64). Они распределяются следующим образом в материальной культуре: 1) керамический комплекс: а) лепная керамика: конические лепные миски, отдельные сосуды со специально ошершавленной поверхностью; б) гончарная керамика: ее появление (большей частью столовой) в различном соотношении к лепной на каждом отдельном памятнике; в) светлоглиняные амфоры типа Шелов D; 2) детали конструкции углубленных сооружений: а) печи-«камины»; б) наличие двух очагов в одном жилище; в) использование глины для ремонта стен; 3) детали одежды и утвари: бронзовые двучленные фибулы с высоким приемником группы Альмгрен VII, подвязные двучленные лучковые фибулы Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1), подвязные фибулы с гладкой спинкой серии Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1), многочастные костяные гребни с полукруглой спинкой Томас I (Никитина IIa), вертикальный ткацкий станок с глиняными пирамидальными и коническими

грузилами, массивные биконические пряслица с воронкообразными основаниями (Обломский, 1997, с. 66-67; Любичев, 2003а, с. 25; 2003г, с. 23).

Потому традиционное деление на ранне- и поздне римское время для этой территории не отражает реальных культурных изменений на стыке этих периодов. Пытаясь выработать действенную для этой территории археологическую периодизацию, исследователи, например, вводят термин «фазы римского периода». Начало данной археологической эпохи соотносится с началом третьей фазы (Обломский, 1991, с. 7-8).

Одним из важнейших моментов в исследовании культурных процессов римского времени в регионе и в попытке их исторической реконструкции является выяснение культурной подосновы появления этой совокупности вещей: или речь идет о ранних черняховских памятниках, о черняховских влияниях на местный субстрат – постзарубинецкие-раннекиевские памятники, или же комплекс инноваций связан с появлением новой культурной группы – горизонта, заключающего в себе некоторые черты «классической» черняховской культуры, выделяемого по совокупности типологических и хронологических признаков.

В нескольких условно-закрытых комплексах поселений – углубленных сооружениях поселений Букреевка 2, Боромля 2 (постройки 1, 3, 6, 10), Родной Край 3, Гочево 1 (постройка 1), Гочево 2 (постройки 1, 2), Гочево 3 (отдельные объекты), Гочево 4 (отдельные объекты), Войтенки 1 (отдельные объекты на участке «А»), 10-й Октябрь (отдельные объекты), Головино 1 (отдельные объекты), Огульцы (отдельные объекты), Песчаное (Сумская обл.) (отдельные объекты), Беседовка (отдельные объекты), Мамрои 2 (отдельные объекты) (табл. 3. 1; 3. 2) наблюдается устойчивое сочетание таких элементов как: а) своеобразный комплекс лепной керамики с инновациями; б) гончарная керамика в гораздо меньшем количестве; в) светлоглиняные амфоры Шелов D; г) фибулы с высоким приемников группы Альмгрен VII; д) подвязные двучленные лучковые фибулы Альмгрен 157. Совместно эти вещи зафиксированы и в слое поселений (табл. 3. 1). К сожалению, ввиду отсутствия

принадлежавших этим поселениям могильников с закрытыми комплексами, хронологические рамки этой группы выглядят очень расплывчатыми и возможно лишь констатировать ее существование с большей долей вероятности в широких границах последней четверти III – первой четверти/ IV вв.

Топографический спектр поселений этого времени отличается от предшествующих на этой территории постзарубинецких-раннекиевских памятников (Любичев, 2010а, с. 154). Существенно различаются и строительные традиции на поселениях. Состав керамического комплекса поселений второй половины III – начала IV вв. имеет общие черты с предшествующими памятниками, но появляются инновации.

Существенные отличия в морфологической характеристике эта группа памятников имеет также от последующих во времени на этой территории памятников – «классической» (3-5 фаз Е. Л. Гороховского) (Гороховский, 1988а, с. 44-46) черняховской культуры или памятников «типа Косанов» по Б.В. Магомедову (Магомедов, 2001, с. 116) или типа Снагость 2 – Хохлово (Кропоткін, Обломський, 1991, с. 78-88, 88). Автор термина «тип Косанов» Б. В. Магомедов подразумевает под ним «классические» черняховские древности с поселениями, имеющими как наземные каркасно-глинобитные, так и углубленные жилища, а также биритуальные могильники, лепной кермикой с вельбаркскими типами (Магомедов, 2001, с. 116). На относящемся к эпонимному Косановскому могильнику поселению открыты остатки наземных жилищ (Кравченко, 1967, с. 77). Если термин «тип Косанов» сливается с понятием «классические» черняховские древности, то возможно расширить его содержание, включив черняховские поселения с постройками двух видов и биритуальные могильники без обязательного содержания лепной керамики северо-западных образцов.

Сравнение памятников второй половины III – начала IV вв. и «классических» черняховских древностей будет не совсем корректным ввиду абсолютно непропорционального количества известных по разведкам и исследованных раскопками памятников двух культурных групп (табл. 3. 1; 4. 2;

4. 3; 4. 8; 4. 9; 4. 10). Однако уже возможно говорить о близком топографическом спектре селищ этих групп, в котором, преобладали поселения на склонах надпойменных террас рек и обводненных балок. Для поселений черняховской культуры типично наличие наземных каркасно-глинобитных сооружений, абсолютно не известных в предшествующей группе. Часто они сочетаются с углубленными сооружениями. На поселениях черняховской культуры региона совершенно отсутствует традиция сооружения овальных (круглых) в плане сооружений со сложным профилем пола, с полками-ступенями, составляющих первую строительную традицию предчерняховского горизонта (табл. 3. 2; 4. 5) (рис. 3. 16). Имеются отличия в деталях конструкции и подпрямоугольных углубленных сооружений. Наконец, керамический комплекс черняховских памятников характеризуется наличием только полным преобладанием разнообразнейших форм кухонной и столовой гончарной керамики.

Характерным для черняховской культуры является наличие вблизи поселений биритуальных могильников. В то же время для территории днепродонецкой лесостепи не известно ни одного черняховского могильника или отдельного погребения ступеней C1b- C2. Время существования черняховской культуры в регионе по хронологии могильников в широких рамках определяется ступенями C2/C3 (или поздним отрезком C2) – D1 (D1/D2), что соответствует началу/второй четверти IV – началу V вв. Этому не противоречит и хронология черняховских поселений.

Таким образом, группа поселений с совокупностью новых черт в конструкции сооружений и материальной культуре их обитателей имеет морфологию, отличную от группы предыдущих на этой территории постзарубинецких-раннекиевских и последующих черняховских памятников. По общим чертам в топографии селищ, домостроительстве, керамическом комплексе, совокупности находок характерных хроноиндикаторов в условно-закрытых комплексах селищ, по находкам их в слоях поселений возможно сделать заключение о типологическом и хронологическом единстве этих

памятников, выделяющем их от упомянутых групп предыдущих и последующих памятников. Следовательно, данная группа поселений является собой общность – археологический горизонт (горизонт Боромля).

Вопрос о происхождении этого предчерняховского горизонта возможно решить путем сравнения его морфологической характеристики с синхронными памятниками культурных групп этого времени в лесостепи от Днестра до Дона: типа Демьянов-Черепин в Верхнем Поднестровье, киевская культура в областях Среднего Поднепровья и Подесенья, памятники типа Седелки-Каширка в Подонье (рис. 6. 3).

Ознакомление с датировками памятников этих групп свидетельствует, что исследователи определяют их приблизительные абсолютные даты по немногочисленным находкам в условно-закрытых комплексах (жилищах, хозяйственных сооружениях) и культурном слое. Выделение хронологических срезов памятников из различных областей провинции требует их приблизительного соотнесения со ступенями относительной хронологии. В этом случае мы получаем возможность сделать необходимый для сравнения хронологический горизонт по всем областям провинции для середины III – начала IV вв. или для ступеней C1b, C2. В него попадают ряд комплексов на поселениях Бовшев 2, Демьянов 2, Куропатники, Черепин, Рипнев 2, поселения киевской культуры Глеваха (нижний горизонт), Новые Безрадичи, Обухов 3 (некоторые комплексы), Бортнички в Среднем Поднепровье, поселения киевской культуры Верхнестриженское 3, Деснянка, Мена, Лавриков Лес, Форостовичи в Подесенье, поселения Беседовка (?), Гочево 3 и 4, Тазово, Букреевка 2, Колосовка, Родной Край 3, Боромля 2 (нижний горизонт), Войтенки 1 (участок А, нижний горизонт), Песчаное (Сумская обл.) (нижний горизонт), Головино 1 (ранний горизонт позднеримского времени) на Днепровском Левобережье, поселения Ксизово 17 и Седелки в Подонье. Мизерное количество датирующих вещей, либо вообще их отсутствие, допускает существование некоторых селищ киевской культуры в Подесенье на протяжении нескольких ступеней.

Спектр топографии селищ предчерняховского горизонта в днепро-донецкой лесостепи подобен памятникам типа Демьянов-Черепин и Седелки-Каширка. Среди киевских памятников Среднего Поднепровья и Подесенья встречаются также отдельные поселения на склонах балок (Любичев, 2010, с. 154). Первая и третья домостроительные традиции на поселениях горизонта Боромля (рис. 3. 16; 3. 18) не имеют подоснов на хронологически предшествующих постзарубинецких-раннекиевских памятниках в днепро-донецкой лесостепи, но находят параллели на памятниках типа Демьянов-Черепин (рис. 3. 19) и Седелки-Каширка (рис. 3. 20.: II). В свою очередь истоки домостроительных традиций последней группы находятся среди памятников «сейминско-донецкого варианта киевской культуры и контактной киево-черняховской зоны востока Днепровского Левобережья» (Акимов, 2001а, с. 12). Сооружения второй домостроительной традиции предчерняховского горизонта в днепро-донецкой лесостепи несут черты усложнения конструкции по сравнению с сооружениями постзарубинецких-раннекиевских памятников.

Даже визуальное сравнение основных форм керамических комплексов верхнеднепровских памятников типа Демьянов-Черепин (Баран, Гопкало, 2005, рис. 8) (рис. 3. 22; 3. 23) и горизонта Боромля (рис. 3. 21) позволяет заметить их родство. Керамический комплекс горизонта Боромля по совокупности форм стоит ближе к комплексу керамики памятников типа Демьянов-Черепин (табл. 3. 3), чем к такому же комплексу постзарубинецких-раннекиевских памятников нашего региона (Любичев, 2003а, с. 72; 2007а, с. 297). В свою очередь керамические комплексы горизонта Боромля в днепро-донецкой лесостепи и памятников типа Седелки-Каширка являются довольно близкими по набору форм и их соотношению (рис. 3. 26) (табл. 3. 3). Комплекс лепной керамики памятников типа Седелки-Каширка (рис. 3. 26) более подобен комплексам горизонта Боромля (рис. 3. 21) и памятников типа Демьянов-Черепин (рис. 3. 22; 3. 23), чем керамике киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья (рис. 3. 24; 3. 25) (табл. 3. 3) (Любичев, 2010а, с. 161). Среди сравниваемых групп памятников лепные конические миски

присутствуют лишь в Верхнем Поднестровье, днепро-донецкой лесостепи и в Подонье (рис. 3. 21: VI; 3. 22: I; III: 1; IV: 2; V: 16; 3. 23: 5; 3. 26: I: 13), но их нет на киевских памятниках Подесенья и Среднего Поднепровья (табл. 3. 3) (Любичев, 2010а, с. 161).

Приведенный материал говорит об области Верхнего Поднестровья, как наиболее вероятной исходной территории движения групп населения, принесшего с собой в область днепро-донецкой лесостепи совокупность новых черт во всех областях материальной культуры. Эту гипотезу подтверждает и картографирование находок неслуховской, днепровской серий фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена (Любичев, 2003а, рис. 4; Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 11; Баран, Гопкало, 2005, рис. 13; Любичев, 2008д, рис. 1, 2; 2010а, рис. 13) (рис. 6. 4).

Нами был выдвинут тезис о наличии так называемой «фибульной цепочки» между «приднестровским» и «днепро-донецким» ареалами концентрации этих фибул, которая обозначает путь переселения части населения из Верхнего Поднестровья в область расселения носителей постзарубинецких/раннекиевских древностей (Любичев, 2003а, с. 77). В нее попали изделия различных серий данной группы, но «цепочка» иллюстрирует движение на запад не только носителей памятников типа Демьянов-Черепин, ибо фибулы-«монстры» из Медведовки, Петрикивцев, Малополовецкого 2 явно связаны с северо-западными элементами (Любичев, 2003г, с. 27).

В самой днепро-донецкой лесостепи, где их учтено свыше 55 (табл. 5. 1), эти фибулы являются объединяющим элементом для выделения данного предчерняховского горизонта и своеобразными «индикаторами» селищ этого горизонта (рис. 6. 4). В постройках селищ горизонта эти фибулы известны в Боромле 2, Букреевке 2, Гочево 3, Родном Крае 3, в Войтенках 1. В Новоселовке, Огульцах, Войтенках 1, Головино 1 они происходят из культурного слоя памятников (Любичев, 2008г, с. 41).

За последнее время новые экземпляры фибул днепровской серии обнаружены на Сейме (Пены, Рязаново), но их культурная подоснова до

раскопок памятников остается неясной (Радюш, 2008, рис. 3: 1, 6). Подобные фибулы стали известными и на памятниках группы Седелки-Каширка: фибула днепровской серии обнаружена на селище Мухино 2 (Обломский, 2008, рис. 3: 3; Земцов, 2002, рис. 1: 2, с. 379) (рис. 6. 4). Мы находим близкое подобие фибул 1 (неслуховской) и 3 (днепровской) серий. Фибулы данных серий найдены вместе на таких памятниках региона как Коврай, Войтенки 1, Огульцы (табл. 5. 4) (рис. 6. 4). Фибулы серии 1 составляют подавляющее большинство на памятниках Верхнего Поднестровья, а в днепро-донецком междуречье, таких изделий известно более двадцати (табл. 5. 1). В отношении фибул серии 3 наблюдается противоположная картина: в Верхнем Поднестровье экземпляр происходит из Черепина, а в нашем регионе имеются сведения об около двадцати экземпляров таких фибул. Помимо этого, лесостепь от Верхнего Поднестровья до Северского Донца «пронизывает» и «цепочка» фибул 4 (лепесовской) серии: Яструбичи, Лепесовка, Гаевое, Халимоновка (Гороховский, Гопкало, 2004, с. 124, рис. 11; Любичев, 2008г, рис. 2). Фибулы этой серии являются близкими к некоторым изделиям 1 и 3 серий по накладным кольцам и ассиметрично плавно изогнутой спинке. Таким образом, ареал распространения фибул 1, 3, 4 серий образует полосу от Западного Буга и Верхнего Поднестровья до Северского Донца и Сейма, в которую не попадает ареал киевской культуры Подесенья и Поднепровья (рис. 6. 4).

Фибулы типа Войтенки пока не обнаружены в регионе в составе условно-закрытых комплексов, а найдены только на поверхности отдельных селищ позднеримского времени, что затрудняет выяснение их культурного подтекста и хронологии. Но уже прослеживается закономерность их нахождения: они обнаружены только там, где присутствуют фибулы группы VII O. Альмгрена и лепная керамика подобная той, что характерна для предчерняховского горизонта. Именно в таких условиях были найдены подобные фибулы в Коврае, Войтенках (табл. 5. 4), Водяном (табл. 4. 2). Картографирование подобных фибул, их литейных форм и прототипов свидетельствует о территории к западу

от Днепра, как возможном первоначальном ареале их распространения (Левада, 2007, рис. 8, 9).

С фибулами группы VII О. Альмгрена и характерной лепной керамикой, наряду с гончарной, в подъемном материале некоторых селищ сочетаются также находки боспорских монет. Практически все они концентрируются в лесостепной части днепро-донецкого междуречья (Бейдин, Мызгин, 2010, с. 135, рис. 1, 3.). Возможно, что их нахождение здесь отражает торговлю местного населения с Боспором или же связано с военной деятельностью вараваров на Боспоре (Бейдин, Мызгин, 2011, с. 140). По дате чеканки большинство этих боспорских монет синхронно абсолютным привязкам ступеней C1b, C2 в абсолютных датах (Бейдин, Мызгин, 2011, с. 140), то есть времени существования памятников горизонта Боромля.

При отсутствии стерильной прослойки между слоями предчерняховского горизонта и черняховской культуры (как свидетельство отсутствия продолжительного хронологического разрыва между ними), в слое и на поверхности целого ряда селищ позднеримского времени фибулы VII группы О. Альмгрена, фрагменты светлоглиняных амфор Шелов D найдены совместно рядом с развалами глиняной обмазки наземных каркасно-глинобитных жилищ и вещами-диагностами «классической» 3-5 фаз развития черняховской культуры (подвязными фасетированными фибулами, характерными пряжками и стеклянными сосудами и т. д.) (табл. 3. 1; 3. 2). Такая ситуация, например, наблюдалась в Войтенках 1, Старых Валках, Огульцах, Рябухино, Новоселовке, Большой Даниловке, Шевченках 5) (Любичев, 2008д, с. 43). Например, в Старых Валках (рис. 5. 17: 3, 4) (табл. 5. 1) обнаружено две фибулы Альмгрена VII, а рядом прослежены пятна обмазки – следы наземных глинобитных построек, найдены гончарная керамика, железная овальная пряжка серии Гороховский А (Гороховский, 1988а, с. 42), наконечник обувного ремня типа Кантемировка-Мундольсхайм, (Любичев, 2008г, рис. 2: 5, 6). Если подобные пряжки бытовали еще в фазах 1, 2 развития черняховской культуры

(Гороховский, 1988а, с. 42-43), то наконечники характерны лишь для фазы 5 (Гороховский, 1988а, с. 45).

На селище Рябухино найдена фибула группы Альмгрен VII (рис. 5. 16: 7 к главе 5), а рядом обнаружены многочисленные фрагменты гончарной черняховской керамики, развалы глиняной обмазки – остатки наземных сооружений (Любичев, Дидык, 2001-2002, с. 338-339). В Новоселовке фибула найдена в культурном слое на площади небольшого разведочного раскопа, где обнаружена и черняховская гончарная керамика (Обломский, 1991, с. 15). Вполне естественно, что возникает картина «ранней черняховской колонизации» региона, ибо только лишь учет найденных хроноиндикаторов будет фиксировать ее от фазы 1 (Ружичанской) в системе хронологии Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988б, с. 42-43)

Но зафиксированное при раскопках явление перекрытия углубленных сооружений предчерняховского горизонта с их характерным заполнением черняховскими наземными каркасно-глинобитными или слабоуглубленными сооружениями является серьезным аргументом в пользу существования предчерняховского горизонта позднееримского времени и двугоризонтности некоторых поселений позднееримского времени в днепро-донецкой лесостепи.

На участке «А» поселения Войтенки 1 углубленные сооружения предчерняховского горизонта 2/2 (строительная традиция 1) (рис. 3. 13: I) и 4 (строительная традиция 2) (рис. 3. 13: II) перекрыты в первом случае слабоуглубленным сооружением 1/1 (Любичев, 2008г, рис. 13, 19) и во втором – двухкамерным наземным каркасно-глинобитным сооружением 3 (Любичев, 2011в, рис. 4) (рис. 4. 15: 8). В пережженном оранжевого цвета заполнении перекрытых сооружений содержалась бронзовая двучленная подвязная лучковая фибула Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) (сооружение 2/2), характерная лепная керамика предчерняховского горизонта, фрагменты светлоглиняных амфор Шелов D (Любичев, 2008г, рис. 16: 4) (рис. 3. 13: I, II).

Очаг перекрывавшего слабоуглубленного сооружения 1/1 был устроен по центру его пола, образовавшегося из утрамбованного верхнего слоя заполнения

сгоревшей в пожаре полуземлянки – сооружения 2/2. В заполнении серого цвета здесь присутствует совершенно иной керамический комплекс – почти исключительно гончарная столовая и кухонная керамика разнообразного ассортимента, глиняные пирамидальные грузила ткацкого станка, железная двучленная подвязная фибула, серебряная пластинчатая подвеска (Любичев, 2008г, рис. 16: 2, 3).

Эти наблюдения, полученные при раскопках селища Войтенки 1, дополняет анализ подъемного материала на его поверхности: из трех его участков («А», «Б», «В») фибулы группы VII О. Альмгрена найдены на поверхности исключительно участка «А» и лишь там обнаружена, наряду с гончарной, лепная керамика. Оттуда же происходит фибула типа Войтенки. При раскопках только на участке А поселения были исследованы сооружения предчерняховского горизонта, которые были перекрыты сооружениями «классической» черняховской культуры (Любичев, 2010а, с. 162). На поверхности участков «Б» и «В» поселения содержится исключительно черняховская керамика и хроноиндикаторы черняховской культуры фаз 3-5 в системе Е.Л. Гороховского. Раскопки на этих участках принесли открытие объектов и материалов в слое исключительно этого времени (Любичев, 2006а, с. 266-267; Шульцце, Любичев, 2009; Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 5-55).

На селище Песчаное (Сумская обл.) исследованы остатки двух углубленных (№ 2, 5) (рис. 3. 12) (табл. 3. 1) и трех наземных каркасно-глинобитных (№ 1, 3, 4) (рис. 4. 15: IV, V) (табл. 4. 3) сооружений (Журко, 1990в). Одна полуземлянка (№ 5) с характерной керамикой предчерняховского горизонта в заполнении была перекрыта остатками каркасно-глинобитного сооружения (Журко, 1990в, рис. 52; Журко, 1994а, с. 217). Последние не могут считаться условно-закрытыми комплексами: они не имеют котлованов и в «заполнение» их разрушенных вспашкой остатков, находящихся в слое чернозема, попадают находки из стратиграфически неразличимых слоев. Так, наличие части светлоглиняной амфоры, определенной как Шелов D (Журко,

1990в, с. 11, рис. 49; Обломский, 2002, с. 42), послужило причиной отнесения наземного каркасно-глинобитного жилища № 1 к III в., а, следовательно, появления заключения о ранней дате этого черняховского поселения (Обломский, 2002, с. 42). Принадлежность амфоры к другому типу, который относится к более позднему времени и особенность «заполнения» этого объекта не могут служить весомым аргументом для такой датировки жилища № 1 (Любичев, 2011г, с. 9).

В Гочево 3 в котловане полуземлянки 7 предчерняховского горизонта была устроена свалка мусора и она перекрыта очагом, очевидно, частью наземного сооружения (Обломский, 2002, с. 33). В Гочево 4 полуземлянка 2 и ямы 5 были перекрыты наземной постройкой 1а, а полуземлянка 3 – постройкой 1 (Обломский, 2002, с. 34).

Явление перекрытия горизонтов позднеримского времени с различными типами сооружений зафиксировано и при исследовании селища Дмитровка 3 (табл. 4. 3). Там к перекрывающему горизонту 1 (последняя четверть IV – первая половина V вв.) (постройки 1, 6, 7, 9, 10, очаги 1, 2; яма 2 раскопа I) отнесены части наземных каркасно-глинобитных сооружений с гончарной керамикой и лепной керамикой позднескифской/сарматской, северо-западной традиции и киевской традиции (Башкатов, 2010б, с. 228-229, 231, 236). К перекрытому горизонту 2 (первая половина IV в.) (постройка 5, хозяйственная постройка 8, 12, яма 1 раскопа I) принадлежат углубленные сооружения с гончарной и лепной керамикой позднескифской/сарматской традиции (Башкатов, 2010б, с. 229-230, 231, 236). Обнаруженная здесь лепная керамика не позволяет говорить применительно к Дмитровке 3 о перекрытии слоем черняховской культуры именно предчерняховского горизонта, известного нам по селищам лесостепи области днепро-донецкого водораздела.

Селища, где не зафиксировано явление перекрытия сооружений двух горизонтов, но в заполнении углубленных сооружений найдена как лепная, так и гончарная керамика в различном соотношении, а в слое также имеются вещи как предчерняховского горизонта, так и черняховской культуры, вызывают

споры исследователей относительно их культурной атрибуции (Обломский, 2001-2002, 2009б; Любичев, 2008б, 2008г, 2008д) или же на них выделяется несколько горизонтов (Некрасова, 2006). Речь идет о поселениях Головино 1 и Боромля 2 (табл. 3. 1; 4. 2; 4. 3).

В Головино 1 имеются диагносты предчерняховского горизонта (или в другой терминологии «памятников киевской культуры типа Букреевка 2 - Тазово»): фибула группы VII О. Альмгрена и поясная пряжка подгруппы 1/1 «солтановской» серии (по Е. Л. Гороховскому), фрагменты светлоглиняных амфор типа Шелов D (Обломский, 2001-2002, рис. 12: 11-13). Возможно, к ним относятся и некоторые фрагменты светлоглиняных амфор Шелов F (Обломский, 2001-2002, рис. 22: 15), так как они сочетаются с фрагментами амфор Шелов D и фибулой Альмгрен VII в жилище 1 Родного Края 3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1996, табл. V: 13-15). Вопрос о соотношении медной монеты Тиры 238-253 гг. (по определению Н. А. Фроловой) (Обломский, 2001-2002, с. 32) с одним из горизонтов остается открытым.

Набор лепных сосудов поселения Головино 1 (Обломский, 2001-2002, рис. 9, 12, 19, 20, 22) абсолютно идентичен тому, что происходят из селищ Родной Край 3 (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1996, табл. II-V), Гочево 3 (Обломский, 2002, рис. 27), Гочево 4 (Обломский, 2002, рис. 29), Букреевка 2 (Сымонович, 1990, рис. 2-8), Боромля 2 (Некрасова, 2006, рис. 21, 28, 36), относящихся к предчерняховскому горизонту (согласно А. М. Обломскому – к древностям типа Букреевка 2 – Тазово, являющихся поздней фазой сейминско-донецкого варианта киевской культуры) (Обломский, 1991, с. 31, 94-100; 1997, с. 63; 2002, с. 32; Кропоткін, Обломський, 1991, с. 27).

Головино 1 названо черняховской «базой колонизации» в днепродонецкой лесостепи, наряду с другими такими же «базами»: поселениями Большая Даниловка, Новоселовка, Хлопков 1, Песчаное, Хохлово 2, Новолиповское (Обломский, 1999, с. 26-29; 2002, с. 56-57, 89). Этот вывод опирается, прежде всего, на наличие очень большого процента черняховской гончарной керамики (50 %, 2/3-3/4 всей найденной) (Обломский, 2001-2002, с.

40), по сравнению с другими поселениями предчерняховского горизонта (памятниками типа Букреевка 2 – Тазово) (от 4 до 41 %) (Обломский, 2002, с. 39). Но большую часть этой гончарной керамики составляет кухонная посуда – фрагменты горшков с шероховатой поверхностью (Обломский, 2001-2002, рис. 7, 9-15, 17, 18, 19, 22). Венчики горшков являются очень разнообразными: от простых каплевидных до сложной конфигурации. Набор столовой гончарной керамики выглядит более развитым, чем в черняховских погребениях ступеней С1b-С2, он более присущ развитой черняховской культуре 3-5-й фаз, по Е. Л. Гороховскому, или 3-5-го периодов, по О. А. Гей – И. А. Бажану (Гей, Бажан, 1997, табл. 68, 69) (Любичев, 2008б, с. 46).

Гончарные горшки появляются на некоторых черняховских памятниках только в конце второго периода развития черняховской культуры по схеме О. А. Гей – И. А. Бажана (270/280-310/320), но в целом они характерны уже для третьего периода (310/320-350/355) (Гей, Бажан, 1997, с. 42-43, табл. 68: 3, 4). В наиболее ранних черняховских погребениях ступеней С1b – начала С2 гончарные горшки отсутствуют, там имеется только гончарная столовая и лепная посуда (Петраускас, Петраускас, 2007, с. 65, 69, 71). Горшки со слабо отогнутым венчиком с каплеобразным окончанием характерны для ранних черняховских комплексов в Среднем Поднепровье. Для погребений второй половины IV – начала V вв. характерны горшки со сложными типами венчиков (в том числе и с уступами под крышку), кольцевыми поддонами. В IV в. горшки с различным типом оформления днища и верхней части могли использоваться одновременно (Петраускас, Петраускас, 2007, с. 71, 73).

Ввиду этих обстоятельств, поселение Головино 1 не может являться ранним черняховским памятником второй половины III в. в регионе – «базой колонизации», а все заключается лишь в перекрытии слоя поселения предчерняховского горизонта слоем черняховского поселения, к которому принадлежит и близлежащий могильник. В его шести (№ 5 – условно) погребениях, к сожалению, отсутствуют датирующие предметы, но керамика в ингумациях (Обломский, 2001-2002, рис. 26; 27: 1-11) совершенно идентична

той, что присутствует в погребениях черняховских могильников региона фаз «3» – «5» (табл. 5. 5 – 5. 16).

Если Головино 1 отнесено к «черняховской базе колонизации» после анализа материалов раскопок, то другие «базы» названы таковыми лишь по трактовке отдельных предметов, найденных на поверхности памятников. В Большой Даниловке исследователи связывали находки фибул группы Альмгрен VII со следами черняховского могильника (Шрамко, 1962, с. 258-259; Зайцев, 1964, с. 48-49). Но осмотр распаханной поверхности в этом месте не позволил зафиксировать наличие большого количества гончарной посуды, амфорной тары, глиняной обмазки. На селище присутствует большое количество шамотированной лепной керамики, так характерной для предчерняховского горизонта (Любичев, Дидык, 2001-2002, с. 336-337).

Среди подъемного материала на поселении Хохлово 2 обнаружена подвязная фибула Гороховский А2 (Обломский, 1999а, с. 27, рис. 10: 17; 2002, рис. 57: 17), служащая диагностом фазы 1 в системе Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988а, с. 42). Но там же обнаружены и диагносты фаз 3-5 в системе Е.Л. Гороховского: ножка амфоры Шелов F, фрагменты стеклянных кубков типа Кенигсбруг-Хегом, бронзовые пряжки серий В1 и Г2 (Обломский, 2002, рис. 57: 10, 15, 16, 17, 19, 20). Возможно, здесь также мы имеем дело с явлением двухгоризонтности поселения позднееримского времени, ибо в культурном слое, в очаге № 2, присутствует лепная керамика предчерняховского горизонта (Обломский, 2002, рис. 57: 3, 5, 6, 14). В постройке 1 лепная керамика обнаружена вместе с горлом амфоры Шелов F (Обломский, 2002, рис. 57: 8, 9).

На поверхности поселения Хлопков 1 обнаружены фрагменты двух костяных гребней, один из которых реставрирован (Костенко, 1978, рис. 6: 9). Он относится к типу Никитина I 1 а (Никитина, 1969, рис. 1, с. 149), или к классу 1 серии 2 варианту А по Р.Г. Шишкину (Шишкин, 1999, с. 46-47). Согласно схеме Е.Л. Гороховского, такие гребни характерны для фаз 1-4 развития черняховских могильников украинской лесостепи (или для ступеней

C1b-D1) (Гороховский, 1988а, с. 42-44). Они появляются в начале существования черняховской культуры и существуют при ее финале (Шишкин, 1999, с. 45).

Изложенные аргументы находятся в противоречии с трактовкой упомянутых селищ, как самых ранних черняховских памятников в регионе, так называемых баз колонизации.

В слое поселения Боромля 2 присутствуют куски глиняной обмазки – остатки наземных каракасно-глинобитных сооружений и там же совместно обнаружена лепная (около 4 %) и гончарная (около 95, 5 %) керамика, а также хроноиндикаторы различных ступеней: фибулы группы VII О. Альмгрена (Некрасова, 2006, рис. 19: 3, с. 94) (рис. 3. 4: 2, 3) и щитковая фибула Петраускас-Синица тип I (Петраускас, Синица, 2010, рис. 1: 12, с. 118) (Некрасова, 2006, рис. 19: 1). На селище исследована в основном полоса вдоль склона мокрой балки. Отмечено, что в слое и объектах к востоку от края балки встречена почти исключительно гончарная керамика (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 9). Подавляющая часть открытых там объектов (кроме ям, двух гончарных горнов, выносных очагов и слабоуглубленных «рабочих площадок») – углубленные сооружения («полуземлянки», «жилища») № 1-10. Изучены также и остатки нескольких наземных каракасно-глинобитных сооружений различных размеров и сохранности, в том числе над полуземлянкой № 6 (Терпиловский, Некрасова, 1987, с. 16-17; Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 8; Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 13).

По соотношению лепной и гончарной керамики, а также наличию единичных фрагментов лепных сосудов вельбаркско-пшеворского происхождения («северо-западной традиции») в каждом углубленном сооружении на селище Боромля 2, выделено три культурно-хронологических горизонта (Некрасова, 2006, с. 94-95).

Но все углубленные сооружения образуют по нашей классификации относительно однородную группу и, несмотря на некоторые отличия в деталях интерьера, относятся ко второй домостроительной традиции (второму типу) на

селищах предчерняховского горизонта. В слоях заполнения каждой полуземлянки в колеблющемся соотношении присутствует характерная лепная керамика для предчерняховского горизонта и гончарная керамика. Последняя в подавляющем большинстве в верхнем слое заполнения сооружений образует слой свалки. Сооружения имеют следующее заполнение:

Первый горизонт. В полуземлянке № 1, где обнаружено 2 фибулы группы VII О. Альмгрена, соотношение лепной и гончарной керамики определяется в единицах как 275: 56 (Некрасова, Терпиловский, 1989, с. 20). В полуземлянке № 3 до уровня 0, 95 м преобладала гончарная керамика (соотношение гончарной и лепной 63: 13), но в слое 0, 95-1, 45 м это соотношение меняется (соотношение гончарной и лепной 45: 110) и там была найдена «мотыльковая» фибула (Некрасова, Терпиловский, 1989, с. 20; Некрасова, 2006, рис. 24: 9). В полуземлянке № 6 на уровне 0, 4-0, 7 м преобладают фрагменты гончарной керамики, на уровне 0, 7-1, 8 м соотношение гончарной к лепной меняется и составляет 13: 77 (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 9-10). В полуземлянке № 10 соотношение гончарной керамики к лепной составляет 26: 47 (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 15).

Второй горизонт. В полуземлянке 5 (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 7-8) в слое 0, 4-1, 4 м (слой свалки) гончарная керамика составляла 92 %. Среди лепной керамики предчерняховского горизонта (или памятников типа Букреевка 2 – Тазово по другой терминологии) там присутствовало несколько фрагментов сосудов северо-западной традиции и подвязная фибула Гороховский Б2 (Некрасова, 2006, рис. 27: 3, 7, 9, 11, 12). В слое 1, 4-1, 6 м ближе к полу также находились фрагменты лепных сосудов.

В полуземлянке № 7 до уровня 0, 5/0, 7 м гончарная керамика составляет 88 % (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 10-11). На уровне возле пола (0,7-1,1 м) лепная керамика составляет 34 % и в ее числе имеются фрагменты сосудов северо-западной традиции (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 10-11; Некрасова, 2006, рис. 30: 4, 6, 7, 10, 11, 15-17).

В полуземлянке № 8 до уровня 0, 4/0, 6 м гончарная керамика составляла 80 %. Далее соотношение меняется и ниже обнаружено 67 % лепной керамики, в том числе несколько фрагментов сосудов северо-западной традиции с «шишками» и защипами на тулове, ошершавленной придонной частью (Некрасова, Терпиловский, 1990, с. 10-11; Некрасова, 2006, рис. 34: 3, 6, 12).

В полуземлянке № 5 фрагменты лепных сосудов северо-западной традиции находились в слое свалки и они вполне могли относиться не ко времени ее функционирования, а принадлежать уже черняховскому поселку, остатки жизнедеятельности которого и явились заполнением данного объекта. Слой свалки с тотальным преобладанием гончарной керамики присутствует и в полуземлянках № 7 и 8, но там керамика северо-западной традиции, наряду с лепной дочерняховского горизонта, находится в слое заполнения у пола сооружения. Эти несколько фрагментов керамики северо-западной традиции в верхнем (сооружение 5) или нижнем (сооружения 7, 8) слое заполнения наряду с типичной лепной керамикой предчерняховского горизонта, а также большой процент гончарной керамики вне слоя свалки по сравнению с сооружениями 1, 3, 10 и послужили основанием для объединения этих сооружений во второй горизонт поселения, что не является обоснованным критерием. Данный горизонт не выделяется ни типологически (исключительно присущий ему тип сооружения) ни хронологически – по сочетаемости лепной керамики северо-западной традиции с несколькими хроноиндикаторами на полу или вблизи пола сооружения.

Наличие только лишь фрагментов лепных сосудов северо-западной традиции совместно с фрагментами гончарных сосудов в слое и без сочетаемости их в условно-закрытом комплексе с совокупностью хроноиндикаторов на поселении Барбара 1 не является основанием для констатации связей этого памятника со вторым горизонтом селища Боромля 2 (Башкатов, 2010б, с. 237), в существовании которого выше выражено сомнение.

В постройке 1 Букреевки 2 среди лепной керамики предчерняховского горизонта также содержалось несколько фрагментов лепных сосудов северо-

западной традиции (Сымонович, 1990, рис. 3: 10, 11, 23), подобные фрагменты найдены и в слое поселения (Сымонович, 1990, рис. 2: 21), что однако не послужило основанием для выделением там соответствующего «горизонта».

Третий горизонт Боромли. В полуземлянке 2 в слое заполнения до 0, 5/0, 7 м находились как гончарная (преобладала), так лепная керамика. Ниже, в слое 0, 5/0, 7 м найдены как фрагмент лепного горшка, так и ведерковидная подвеска (Некрасова, Терпиловский, 1989, с. 20). В полуземлянке № 9 на уровне 0, 4-0, 9 м находилась преимущественно гончарная керамика, а ближе к полу, на уровне 0, 9-1, 25 м – и несколько фрагментов лепной (Некрасова, Терпиловский, 1991, с. 11).

Ситуация на селище Боромля 2 фактически аналогична той, что наблюдается на участке «А» поселения Войтенки 1: ближе к краю балки (краю селища) находились углубленные сооружения со следами пожара предчерняховского горизонта, которые были перекрыты слабоуглубленными или каркасно-глинобитными сооружениями черняховской культуры (рис. 3. 13: I, II). Далее от края поселения обнаружены лишь остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений черняховской культуры и почти исключительно черняховская гончарная керамика. В Войтенках лучше сохранились наземные каркасно-глинобитные сооружения, явно их частями являлись глинобитные очаги с дисперсией кусков глиняной обмазки – следы остатков стен. Но в Войтенках в заполнении полуземлянок предчерняховского горизонта среди характерной лепной керамики отсутствовали фрагменты сосудов северо-западной традиции. Очевидно, и на участке «А» Войтенков и в Боромле 2 мы имеем дело с двумя горизонтами позднееримского времени, один из которых предчерняховский, а второй относится к черняховской культуре. Близлежащие могильники принадлежат исключительно черняховскому селищу. В Боромле к первому горизонту относятся углубленные сооружения № 1-10, а ко второму – остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений, «рабочие площадки», гончарные горны, выносные очаги. Первоначально, до открытия объектов с фрагментами лепной керамики северо-западной традиции, наличие этих двух

горизонтов декларировали сами авторы раскопок А. Н. Некрасова и Р. В. Терпиловский (Некрасова, Терпиловский, 1989, с. 19, 26).

Приведенный материал свидетельствует, что в некоторых случаях на местах селищ предчерняховского горизонта затем располагались поселения «классической» черняховской культуры, и при отсутствии перекрытых сооружений различных горизонтов только лишь по материалам слоя это перекрытие фактически не фиксируется стратиграфически.

Предчерняховский горизонт в днепро-донецкой лесостепи представляет собой одну из областей упоминавшейся выше праславянской культурной провинции, но уже позднеимского времени, наряду с которой существовали и другие ее области – киевская культура Среднего Поднепровья, киевская культура Подесенья, памятники типа Седелки-Каширки (Любичев, 2008б, с. 51; Любичев, 2010а, рис. 2) (рис. 6. 5). Области «праславянской» культурной провинции позднеимского времени имеют сходную морфологию с предшествующим раннеимским временем: они характеризуются почти исключительно по материалам поселений (Любичев, 2010а, с. 150). Сравнение традиций домостроительства и керамических комплексов свидетельствует в пользу особой близости таких областей провинции как памятники типа Демьянов-Черепин, Седелки-Каширка и предчерняховский горизонт днепро-донецкой лесостепи.

Такие области провинции как памятники типа Демьянов-Черепин и предчерняховский горизонт в днепро-донецкой лесостепи сближает между собой и присутствие черняховского импорта, особенно гончарной керамики. Для первой области в этот период был высок процент гончарной керамики (Баран, 1981, с. 137, 138, 139, 141). На днепро-донецком водоразделе в середине III – начале IV вв. он колеблется следующим образом: Букреевка 2: 3-42 % гончарной керамики в комплексах, Тазово: соответственно 20 %, Родной Край 3: в среднем 11 %, Боромля 2: 14, 5-82 % (здесь имеются ввиду сооружения, отнесенные к предчерняховскому горизонту и киевской культуре). Особняком стоит поселение Головино 1, материалы которого вызвали дискуссию

(Обломский, 2001-2002, 2009а; Любичев, 2008б; 2008г): 45-83 % (Любичев, 2003а, с. 73). Наличие лишь единичных черняховских вещей и незначительного количества гончарной керамики на памятниках киевской культуры Среднего Поднепровья способствовало выводу об отсутствии преемственности между киевским и черняховским этапами заселениями в этом регионе (Терпиловский, 2004б, с. 471). В Подесенье для рассматриваемого периода отмечается незначительное количество черняховского импорта (Терпиловский, 1984б, с. 83).

Естественно, что керамические комплексы памятников раннекиевских памятников типа Шишино 5 – Шмырево и предчерняховского горизонта имеют общие элементы, и это вполне объяснимо – этнокультурные процессы в раннеримское время на пространстве от Днестра до Северского Донца протекали в похожем направлении: для памятников типа Шишино 5 – Шмырево основой послужили местные постзарубинецкие элементы и практически таким же был состав субстрата памятников типа Демьянов-Черепин при влиянии пшеворских и липицких элементов (Терпиловский, 2004а, с. 473).

Если этот горизонт не является типично киевской культурой, известной нам по материалам Среднего Поднепровья и в условиях черняховских влияний в днепро-днецкой лесостепи, что подразумевают термины «сейминско-днецкий или восточнолевобережный вариант киевской культуры», «памятники типа Букреевка 2 – Тазово» или «памятники типа Букреевка 2 – Каменево 2», «лесостепная левобережная группа киевской культуры», «киевская этнокультурная традиция в черняховской культуре» (Обломский, 1991, с. 8, 18, 95, 99-100; 1997, с. 64; 1999а, с. 26; 2002, с. 32, 49; 2009б, с. 265; Терпиловский, 2004б, с. 35; Терпиловский, Абшина, 1992, с. 21), то необходим специальный термин для его обозначения.

М.Б. Щукин предложил термин «горизонт Боромля» для памятников Днепровского Левобережья, содержащих керамику вельбаркского или пшеворского облика, а также керамику типа Демьянов-Черепин (Щукин, 2005,

с. 133). Мы вкладываем в данный термин нечто большее: это группа поселений (табл. 3. 1), существовавших в днепро-донецкой лесостепи на ступенях С1b, С2 и появившихся вследствие миграции части носителей памятников типа Демьянов-Черепин из Верхнего Поднестровья, включающих в себя некоторые элементы черняховской культуры, но не являющихся черняховской культурой со всеми составляющими ее морфологической характеристики.

Выделение горизонта Боромля, выяснение причин его появления заставляет по иному взглянуть на оценку контактов носителей киевской и черняховской культур в области днепро-донецкой лесостепи в этот период.

На ступени С1b, С2 здесь отсутствовали так называемые черняховские «базы колонизации». Сама черняховская культура сформировалась в этот период на территории к западу от Днестра. Погребения самой черняховской культуры периода ее формирования (единицы ступени С1a и более массово ступеней С1b, С2), сохранившие во многом вельбаркские черты, известны на могильниках в Западной Подолии, Южной Волыни, Поднестровье, Южном Побужье, Молдове, Северо-Восточной Румынии, а также в Поросье, на правом берегу Днестра в его нижнем течении (рис. 6. 3). Они достаточно четко маркируют ареал формирования черняховской культуры на ступенях С1b, С2, который не захватывает левый берег Днестра. Специалисты считают территорией формирования культуры Подолию, Днестро-Прутское междуречье, Волынь, Верхнее Поднестровье (Гей, 1993, с. 147) или же область между Смотричем и другими левыми притоками среднего течения Днестра, верховьями Южного Буга (Щукин, 2005, с. 132). Во всяком случае ареал культуры к финалу ступени С2 был гораздо шире этой области (Магомедов, 2001, рис. 88) (рис. 6. 3).

Наличие памятников горизонта Боромля, с черняховскими элементами на ступенях С1b-С2, и создает ту картину, которую исследователи обозначают, как «широкая маргинальная зона на днепро-донецком водоразделе, где киевские и черняховские племена располагаются «чересполосно» и некоторые группы

«киевлян» входят в состав черняховских общин» (Терпиловський, 1999б, с. 38; Обломский, 1991, с. 86-89, 115; 1997, с. 68).

Со второй четверти IV в. эта «маргинальная зона» исчезает, ибо в регионе появляется «классическая» черняховская культура с совершенно иной морфологической характеристикой, чем предчерняховский горизонт Боромля и родственные области в праславянской культурной провинции от Днестра до Дона (Любичев, 2008б, с. 51). Следовательно, на ступенях C1b, C2 европейской хронологической системы римского времени или во второй половине III – первой четверти IV в. киево-черняховские контакты в днепро-донецкой лесостепи не имели места по причине отсутствия там в этот период черняховской культуры и киевской культуры. Но они прослеживаются в другой области праславянской культурной провинции – в киевской культуре Среднего Поднепровья. Однако там они носили другой характер, поскольку даже видимой «преемственности» между киевскими и черняховскими этапами заселения не было, а контактная зона уже была (Терпиловський, 2004а, с. 471). В свете выделения горизонта Боромля такое положение вещей вполне логично: в условиях отсутствия в Среднем Поднепровье его носителей, с присущими им черняховскими элементами, там очень резко отличаются киевские и черняховские памятники, а в Подесенье до середины IV в. вообще не поступал черняховский импорт (Обломский, 2002, с. 89).

В этом случае вполне актуальным выглядит вопрос о правомерности отнесения памятников ступеней C1b, C2 днепро-донецкой лесостепи, имеющих так много родственных черт с памятниками группы Демьянов-Черепин и Седелки-Каширка к «сейминско-донецкому варианту киевской культуры» (Обломский, 2007г, с. 10). Как указывалось, в основе положения о принадлежности их к киевской культуре лежит признание генетической связи с раннекиевскими памятниками типа Шишино 5 – Шмырево (Обломский, 1991, с. 113; 1999а, с. 26; 2002, с. 56-57). Последние, по сходству с керамикой киевских памятников Подесенья в общем наборе форм и с киевскими памятниками Среднего Поднепровья частично, в структуре керамического комплекса были

включены в киевскую культуру на правах локального варианта (Обломский, 1991, с. 68). Выше указывалось о близости памятников типа Шишино 5 – Шмырево к позднезарубинецким типа Картамышево 2 – Терновки 2 в области домостроительства и керамики. Но следующие в хронологическом отношении памятники горизонта Боромля несут в себе целый комплекс инноваций, имеющий аналоги в Верхнем Поднестровье и Подонье. В этом случае выделение «праславянской» культурной провинции позднееримского времени с входящими в нее родственными, но порой достаточно существенно отличающимися в элементах материальной культуры областями, позволяет более гибко рассмотреть культурные процессы в лесостепи и южной части лесной зоны от Западного Буга/Днестра до Дона в этот период, в том числе на ступенях С1b, С2 и не сводить все их многообразие лишь к расширению ареала киевской культуры и выделению «киевской этнокультурной традиции в черняховской культуре» (Любичев, 2010а, с. 164).

Приведенный анализ культурной ситуации позволяет нам сделать некоторые исторические реконструкции. Выше отмечено, что носителями археологической общности – так называемой праславянской культурной провинции раннеримского времени, вероятнее всего были венеды/венеты Корнелия Тацита. Если в последующий хронологический период – позднееримское время области этой провинции (памятники типа Демьянов-Черепин, киевская культура Среднего Поднепровья и Подесенья, горизонт Боромля, памятники типа Седелки-Каширка), несмотря на некоторые инновации (появление гончарной керамики и вещей «моды» нового периода), кардинально не отличаются в своей морфологической характеристике от групп провинции предшествующего периода, то носителей их в это время вполне возможно также считать венетами. На поздней фазе своего развития в конце II – начале III вв. венеты – носители зубрицкой культуры в Поднестровье начинают испытывать влияние провинциально-римской культуры (Козак, 1992, с. 67), вероятно, вследствие появления на Волыни носителей вельбаркской культуры, которые проникают туда уже в последней четверти II в., о чем свидетельствуют

материалы поселений Лепесовка, Боратин, могильников Баев 2, Любомль (Козак, 1992, с. 98-101). Венеты, под давлением гото-гепидов, оставляют Волынь и сосредотачиваются исключительно в Верхнем Поднестровье (рис. 6.3). От носителей вельбаркской культуры к носителям зубрицкой культуры, помимо иных импортов (ранние фибулы подвязной конструкции, гребни с округлой спинкой), поступают и фибулы с высоким приемником группы VII O. Альмгрена, явившиеся в дальнейшем важным индикатором переселения группы этих венетов на левый берег Днепра. В течение III в. памятники зубрицкой культуры постепенно трансформируются в памятники типа Рипнев 2, Бовшев 2, Черепин, Демьянов (Козак, 1992, с. 67). Под давлением со стороны гото-гепидов часть венетов перемещается в область днепро-донецкой лесостепи, археологическим эквивалентом чего и является появление здесь горизонта Боромля, а часть из них попадает в междуречье Нижнего Днестра и Дуная, образуя памятники этулийской группы (Баран, 1998, с. 186). В днепро-донецкой лесостепи, до прихода группы из Верхнего Поднестровья, обитает родственная по материальной культуре, относящаяся к одной культурной провинции группа: постзарубинецкие-раннекиевские памятники. Существующая база источников не позволяет дать пока детальный ответ на вопрос об отношениях между этими автохтонами и мигрантами. Но их отношение к одной культурной провинции и различие в деталях морфологии заставляет предположить симбиоз этих групп. Остальные венеды продолжают обитать в Верхнем Поднестровье, памятники их под влиянием провинциально-римской культуры эволюционируют и образуют особенную культурно-этническую группу (верхнеднестровскую) – своеобразный регион в ареале черняховской культуры (Магомедов, 2001, с. 124-125). Следовательно, археологический материал подтверждает мысль М. Б. Щукина, о том, «...что движение вельбаркцев дитиничской волны и проникновение вооруженных отрядов пшеворцев в Верхнее и Среднее Поднестровье заставило часть населения этого региона тоже двинуться на восток, причем в некоторых

случаях достаточно далеко. Они достигают даже верховьев Дона, где обнаружены памятники типа Седелки...» (Щукин, 2005, с. 133).

6.3. Этнокультурные процессы в регионе во второй четверти IV – первой половине V вв.

6.3.1. Распространение черняховской культуры и наследие горизонта Боромля

Новая археологическая, а также историческая эпоха в регионе связана с появлением и существованием здесь памятников черняховской культуры. В течение короткого времени область днепро-донецкой лесостепи стала неотъемлемой составной частью ее ареала. Как следует из очерка хронологии в главе 5, время этого явления точно определить пока не представляется возможным: памятники горизонта Боромля не имеют закрытых комплексов, хроноиндикаторы на его поселениях не выходят за пределы первой четверти IV в., а хроноиндикаторы черняховских поселений в свою очередь дают суммарную дату их существования в пределах второй четверти IV – первой четверти V вв. Наиболее ранние погребения черняховских могильников региона (фаза «1») (Компанийцы: 1, 2, 8; Соснова: 230; Великий Самбор) относятся к позднему отрезку ступени С2 и началу ступени С3 (ступень С2/С3). Тогда памятники черняховской культуры существовали лишь в пределах Приднепровской низменности (Гороховский, 1988, с. 45; Магомедов, 2001, с. 141, рис. 89), поселения горизонта Боромля в области днепро-донецкого водораздела, очевидно, еще функционировали, и массовая черняховская колонизация сюда началась несколько позднее, на ступени С3 (рис. 6. 5). Основная же масса погребений на могильниках уже относится ко времени, начиная со ступени С3 (табл. 5. 28; 5. 35) (рис. 6. 6). Время смены данных культурных групп в лесостепи от Днепра до Северского Донца, вероятно, охватило промежуток рубежа первой – второй четвертей IV в., около 315/320-330/335 годов (рис. 6. 5; 6. 6).

Совершенно различная морфология памятников горизонта Боромля, как одной из областей «праславянской» культурной провинции, с одной стороны, и черняховской культуры («тип Косанов», «тип Снагость 2 – Хохлово 2»), с другой, является основанием для предположения о различной их этнической подоснове. Следовательно, в историческом плане речь идет о появлении нового населения и кардинальных изменениях в этнической карте региона.

В пределах самого ареала черняховской культуры ступеней С3-D1 в регионе пока не открыто поселений горизонта Боромля, существовавших синхронно с черняховскими селищами. В то же время вне черняховского ареала, в самой северной части зоны распространения поселений горизонта Боромля, к северу от Сейма, находились поселения Тазово, Каменево 2, Воробьевка 2 (рис. 6. 6; 6. 13). Селища Комаровка 2 и Песчаное (Белгородской обл.) располагались в северной части черняховского ареала (рис. 6. 6; 6. 13).

Спектр топографии поселений горизонта Боромля и группы Каменево 2 – Комаровка 2 является довольно близким. Сооружения типа 3 (овальные с уступами-полками, столбовыми ямами в центре или по периметру, местами входов, отличающиеся большой глубиной котлована) на селищах группы Каменево 2 – Комаровка 2 находят прямые аналогии среди сооружений первой строительной традиции горизонта Боромля (рис. 3. 16), а сооружения типа 2 (подквадратные (прямоугольные, прямоугольные с выступами) с ровным полом, столбовыми ямами в центре и у стен) находят аналогии среди сооружений второй строительной традиции горизонта (рис. 3. 17). В свою очередь сооружения типа 5 (четкой квадратной формы с ровным полом и центральной столбовой ямой/без нее) совершенно эквивалентны типичным полуземлянкам на поселениях киевской культуры (рис. 3. 20.: I) (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 28-30).

Близость керамических комплексов горизонта Боромля с одной стороны и поселений Каменево 2, Тазово, Песчаное (Белгородской обл.), Комаровка 2 с другой обусловлена наличием в их составе горшков одинаковых форм, преобладании баночных округлобоких горшков типа I3a. Различие состоит в не

одинаковой весомой доле тюльпановидных округлобоких горшков I3б, округлобоких горшков IIа, IIб, IIв, мизерном количестве на поселениях группы Каменево 2 – Тазово ребристых форм горшков, конических мисок, но увеличении количества дисков-сковород. На поселениях горизонта Боромля гончарная керамика составляет в среднем 11 % керамического комплекса (в Букреевке 2 – 23 %) (Обломский, 1991, с. 99-100). На поселениях Каменево 2 она составляет 1-2 %, в Песчаном и Комаровке – менее 1%, но в Тазово 20 % (Обломский, 1991, с. 99).

Сама группа памятников типа Каменево 2 – Комаровка 2 неоднородна по домостроительным традициям составляющих ее поселений, керамическому комплексу. По строительным традициям и керамическому набору ближе к памятникам горизонта Боромля находятся поселения Каменево 2 и Тазово. По этим же критериям поселения Песчаное, Комаровка 2, Воробьевка 2 стоят ближе к киевской культуре Подесенья. Основанием для объединения поселений в нее послужил как хронологический принцип – наличие хроноиндикаторов второй половины IV – первой половины V вв., так и территориальный: памятники занимают относительно компактную зону на северной окраине черняховского ареала и юго-восточнее ареала киевской культуры Подесенья (рис. 6. 6; 6. 13).

Материалы из Песчаного и Комаровки возможно свидетельствуют о проникновении в лесостепь носителей деснинского варианта киевской культуры, а постройки и керамика Каменево 2 демонстрируют «синкретизм деснинских и сейминско-донецких традиций киевской культуры» (Обломский, 2002, с. 70, 90) или, выражаясь другими терминами, традиций горизонта Боромля и киевской культуры Подесенья. В керамическом комплексе поздних киевских поселений Подесенья, как и на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2 большинство в керамическом комплексе принадлежит горшкам I3а и I3б. Там присутствуют ребристые горшки, диски-сковороды, фактически отсутствуют конические миски.

Исследователи относят Тазово к начальному этапу поздней фазы киевской культуры сейминско-донецкого варианта (Обломский, 1991, с. 95) или же в другой терминологии – горизонту Боромля, подчеркивают его отличительные черты от Каменево 2: близость керамического комплекса Букреевке 2 и наличие датирующих вещей первой половины – середины IV вв. (Терпиловский, 2004б, с. 44). В этом случае возникает вопрос: считать ли Тазово типичным памятником горизонта Боромля или же относить его к группе Каменево 2? Хроноиндикаторы из поселения позволяют относить его ко второй половине IV в. и возможно даже к началу V в., когда существуют Каменево 2 и Песчаное. То есть в хронологическом аспекте селище Тазово входит в группу Каменево 2 – Комаровка 2. Таким образом, «наследие» горизонта Боромля видится пока в двух поселениях, расположенных за Сеймом, к северу от черняховского ареала: Тазово и Каменево 2 (рис. 6. 6; 6. 13).

Если носители горизонта Боромля отождествлены с «венетами», то в этом случае археологическая ситуация, связанная с появлением на рубеже первой – второй четверти/в первой половине IV в. «классической» черняховской культуры к востоку от Днепра, в области днепро-донецкой лесостепи, прекращением существования поселений горизонта Боромля, явлением перекрытия этих поселений черняховскими селищами является отражением той исторической ситуации, что выражена в отрывке из Иордана: «После поражения герулов Германарих двинул войска против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоило великое число негодных для войны... тогда все они подчинились власти Германариха» (Иордан, 119). В этом случае в носителях памятников типа Каменево 2 – Тазово середины IV – начала V вв. и следует видеть тех венетов, которые отошли на север под давлением черняховцев, ближе к среде родственных племен – носителей киевской культуры Подесенья, а также в крайнюю северную часть бывшего ареала горизонта Боромля – на правый берег Сейма (рис. 6. 5; 6. 6; 6. 13).

Имеется гипотеза о герулах, как возможных носителях памятников горизонта Боромля, которая основана на размещении их в эпоху Германариха вблизи Меотиды по данным Иордана и расположении памятников горизонта к северу от Азовского моря (Gavritukhin, 2011, p. 57). Действительно, Иордан сообщает о покорении герулов (элугов) перед покорением венетов, то есть речь идет, вероятно, о хронологически последовательных событиях. Но Иордан указывает также на происхождение герулов из Скандинавии: «...из всех обитателей Скандзы... светиды...они вытеснили герулов с их собственных мест...» (Иордан, 23). Венеты Тацита-Иордана суть племя с территории восточнее Вислы, в области Вислы-Днепра и восточнее. При определенной вероятности совпадения письменных данных и археологических реалий венетам на всем протяжении их развития в середине I – середине V вв. соответствуют области праславянской культурной провинции в лесостепи Днестра-Дона. При той же вероятности совпадения археологический облик герулов должен быть иным, их материальная культура должна принадлежать иной культурной провинции, входить в общность вельбаркской, пшеворской, черняховской культур, культурных групп междуречья Рейна-Одера.

6.3.2. Этнокультурные традиции на памятниках черняховской культуры региона

Наличие специфических форм среди лепной керамики, некоторых типов и деталей погребального обряда, особенностей конструкции погребальных сооружений на могильниках, а также определенных строительных традиций на поселениях черняховской культуры в регионе свидетельствует о присутствии здесь в ее среде нескольких культурных традиций. Если их возможно отождествить с «народами», этническими группами письменных источников, то речь может идти уже о нескольких этнокультурных компонентах или этнокультурных традициях.

Позднескифский/сарматский компонент. Сарматская культура Северного Причерноморья даже на протяжении римского времени не была единым

явлением. Различные племена письменной традиции (роксоланы, аорсы, языги, аланы), отосимые к сарматским, имели свои особенности в погребальном обряде, в том числе в конструкции погребального сооружения (Магомедов, 1999б, с. 135; 2001, с. 121-122). Материальная культура и погребальная обрядность этих сарматских групп тесно переплелась с культурой так называемых поздних скифов Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья.

Большинство позднескифского населения хоронило умерших именно в катакомбах, на позднем этапе увеличивается число подбойных и грунтовых могил (Сымонович, 1971, с. 69). Как характерные позднескифские признаки определяются ямы с заплечиками и западная ориентировка костяков (Магомедов, 1996; 1999б, с. 134; 2000, S. 394; 2001, с. 120). Но, в то же время указывается, что это и сарматская черта (Magomedov, 2004, S. 302). У сармат Северного Причерноморья доминировали местные скифоидные формы горшков, а горшки собственно сарматских типов встречаются редко (Магомедов, 2001, с. 121). Как позднескифский признак называется обычай подкладывать под погребенного, или только под его голову, плоские плитчатые камни, что затем находит развитие в черняховских погребениях в виде нахождения костяка на сосудах (Сымонович, 1971, с. 69).

Позднескифский («скифский») и сарматский компоненты разделить невозможно и они воспринимаются как единое целое (Обломский, 2002, с. 47). Поэтому мы используем термины «позднескифские/сарматские признаки», «позднескифская/сарматская традиция», под которыми понимается присутствие среди носителей черняховской культуры наследников населения степной полосы Северного Причерноморья.

На могильниках целый ряд погребений содержит хотя бы один позднескифский/сарматский признак, как бесспорный, так и вероятный (табл. 6. 1; 6. 2). К числу погребений, которые могут быть твердо отнесены к позднескифской/сарматской традиции причислены те, которые содержат лишь бесспорные признаки (табл. 6. 1; 6. 3). К таковым относится и наличие

специфической лепной керамики. Это лепные горшки, которые по своим пропорциям, приемам оформления поверхности имеют аналогии на позднескифских, сарматских памятниках Северного Причерноморья и в погребениях ряда черняховских могильников регионов «Северо-Западное Причерноморье», «Нижний Днепр», относимых к позднескифской, либо сарматской традиции в культуре. Все они являются округлобочными, выделение их видов основано на различиях в профиле венчика и тулова.

Вид 1 – горшки с наибольшим расширением тулова на середине высоты, высоким отогнутым «венчиком-раструбом» (рис. 6. 12: I). Такой горшок происходит из погребения 51 могильника Войтенки (рис. 6. 12: I: 1). Аналогии различной степени близости усматриваются ему в формах из позднескифского поселения Золотая Балка (Вязьмітіна, 1962, рис. 65: 1), сарматского погребения в катакомбе могильника Кубей (Васильев, 2008, рис. 7: 3, 4), погребений 15 и 21 могильника Каменка-Анчекрак (Магомедов, 2004, рис. 13: 3; 16: 2). Горшки с отогнутым венчиком различной длины входят в тип II лепной керамики черняховских памятников Северо-Западного Причерноморья по Б. В. Магомедову (Магомедов, 1987, рис. 17: 1-7), причем, только отдельные из них могут быть названы горшками с венчиками-«раструбами» (Магомедов, 1987, рис. 17: 7).

Вид 2 – горшки с относительно высоким отогнутым венчиком, максимальным расширением тулова на середине или в верхней части высоты (рис. 6. 12: II). К нему относятся сосуды из погребения 43 Войтенков, погребений 55, 56, 78, 83, 118, 124, 162, 238 Компанийцев, погребений 12, 14 Родного Края 1. Горшок из погребения 43 Войтенков орнаментирован парами насечек по окружности края венчика и вертикальными расчесами на шейке (рис. 6. 12: II: 5). Аналогии подобным горшкам происходят, в частности, из погребений 5, 15, 26 могильника Каменка-Анчекрак (Магомедов, 2004, рис. 4: 3, 4; 12: 5; 20: 2, 3). Подобные горшки входят как в тип II (Магомедов, 1987, рис. 17: 1, 2, 5), так и в тип III классификации Б.В. Магомедова (Магомедов, 1987, рис. 17: 9). По профилю корпуса к подобным формам близок горшок с

двумя ручками, по этому признаку относимый уже к кувшинам (рис. 6. 12: II: 13)

Вид 3 – горшки по профилю тулова подобные предыдущим, но отличающиеся коротким, слабо отогнутым венчиком, слегка утолщенным по краю (Рис. 6. 12: III). Это горшки из погребений 50, 69, 72, 124 Компанийцев. Сосуд из последнего комплекса орнаментирован как косыми насечками по краю венчика, так и рядом из овальных вертикальных вдавлений на середине высоты тулова (Рис. 6. 12: III: 3). Аналогии этим горшкам прослеживаются среди форм типов II и III по Б. В. Магомедову (Магомедов, 1987, Рис. 17: 4, 8).

Вид 4 – горшки с шаровидным туловом и коротким, плавно отогнутым венчиком. В него входят сосуды из погребений 54 Войтенков, 132 Компанийцев (рис. 6. 12: IV: 1, 2). Аналогия сосудам этого вида наблюдается в формах из типа I Б.В. Магомедова (Магомедов, 1987, рис. 16: 7). Горшок из погребения 54 Войтенков был орнаментирован ниже шейки горизонтальным рядом из пар вдавлений под углом около 45о градусов и ниже по всему тулову пучками расчесов в различных пересекающихся направлениях (рис. 6. 12: IV: 1). Возможно, к этому виду относятся и горшки из погребений 92 Войтенков и 83 Компанийцев, 1 Кантемировка, верхние части которых отсутствуют.

Вид 5 – горшки с наибольшим расширением тулова в верхней части высоты, высоким, слегка отогнутым и утолщенным на конце венчиком. Такие сосуды происходят из погребений 51 и 120 Компанийцев (рис. 6. 12: V). Аналогия таким горшкам усматривается нами в сосуде из Городка (Магомедов, 1987, рис. 18: 4). Аналогия горшку из погребения 120 находится в сосуде из впускного сарматского погребения кургана 11 у с. Львово (Симоненко, 1993, рис. 26: 1; Обломский, 1999б, с. 79, 82).

Позднескифские/сарматские признаки имеются в ряде погребений на некоторых могильниках региона (табл. 6. 2). В Боромле 1 остатки жертвенной пищи (отдельные кости животных) с ножом содержат погребения 2, 4, 6. В погребении 39 находился целый скелет животного и нож. По мнению исследователей само по себе наличие остатков жертвенной мясной пищи не

может считаться исключительным позднескифским/сарматским признаком. Остатки мясной пищи происходят и из культурных групп этого времени Центральной Европы, например из погребений горизонта Лейна-Хасслебен (Магомедов, 2000, с. 394). В погребении младенца 17 костяк был скорчен и находился на левом боку. В детском погребении 36 костяк был ориентирован на юго-запад, находился на животе и его нижние конечности были подогнуты в коленях.

Погребения 5, 14, 16, 21, 23, 26, 31, 32, 37 Боромли с западной ориентировкой костяка были совершены в ямах с заплечиками (табл. 6. 2). В детском погребении 36 с костяком на боку был ориентирован на юго-запад (табл. 6. 2). Погребение 33 было совершено в яме с подбоем, череп был деформирован и здесь же находились кости животного с ножом. Погребение 46 было выполнено в яме с заплечиками, имевшей подбой для инвентаря и здесь найдены отдельные кости животных (табл. 6. 2). Бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками в Боромле обладают погребения 5, 14, 16, 21, 23, 26, 31, 32, 33, 37, 46, а лишь вероятными – 2, 4, 6, 17, 36, 39 (Любичев, 2011в, с. 35, 38).

В Успенке остатки жертвенной пищи (отдельные кости животных) с ножом содержат погребения 137, 1308, 1619. В погребении 921 находились только лишь кости животного, а в погребении 1647 – целый скелет (табл. 6. 2). В погребении 140 скелет погребенного находился на животе, с подогнутыми ногами и сложенными под корпусом кистями рук (табл. 6. 2). Скелет детской ингумации 1618 находился в скорченном положении на правом боку (табл. 6. 2). Погребение 1631 совершено в яме с подбоем и у скелета подогнуты ноги (табл. 6. 2) (рис. 4. 26: 5). Здесь бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладает лишь погребение 1631, а вероятными – погребения 137, 140, 921, 1308, 1618, 1619, 1647.

В Родном Крае 1 в погребении 3 находились кости животных (табл. 6. 2). Профиль лепного горшка из погребения 13 не позволяет отнести его строго к позднескифской/сарматской форме (Петренко, 1991, рис. 9: 14). В публикации

конструкция погребального сооружения погребения 14 определена как «овальная яма...северная половина которой перекрыта с запада и востока овальными ямами...» (Петренко, 1991, с. 16). В отчете же автор раскопок Е. Н. Петренко определяет ее как катакомбу с двумя входами (Петренко, 1982, с. 7). Среди керамики там присутствует лепной горшок позднескифского/сарматского облика (рис. 6. 12: II: 4), на дне ямы прослежены следы растительной подстилки (табл. 6. 2). На могильнике бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладает погребение 14, а вероятными – погребение 3 (Любичев, 2011в, с. 38).

В Компанийцах в погребениях 51, 55, 69, 83, 118, 120, 124, 162, 238 находились лепные горшки позднескифского/сарматского облика (в погребениях 83 и 124 соответственно по два и три) (табл. 6. 2) (рис. 6. 12. II: 1, 36, 8-13). В погребениях 124 и 162 содержались кости животных с ножом, в погребении 83 – лишь кости животных, в погребениях 55 и 238 – только железные ножи (табл. 6. 2). Погребение 124 совершено в яме с подбоем (табл. 6. 2) (рис. 4. 26: 1), а погребение 162 – в яме с подбоем для инвентаря (табл. 6. 2) (рис. 4. 26: 4). Здесь бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками (а именно наличием специфической лепной керамики) обладают все указанные погребения. В погребениях 124, 162 этот признак «усилен» еще одним – наличием ям с подбоем (Любичев, 2011в, с. 38-39).

На грунтовом могильнике Кантемировка погребение 1 обладает бесспорным позднескифским/сарматским признаком – наличием специфической лепной керамики (табл. 6. 2): там находился лепной горшок. В погребениях 3, 4 содержатся кости животных, а в погребении 9 скелет находится на боку с подогнутыми нижними конечностями (табл. 6. 2). В погребении 17 Лохвицы под костяком зафиксированы остатки деревянного помоста (табл. 6. 2), что является все же вероятным признаком (табл. 6. 1).

На могильнике Сумы-Сад в погребении 3 находились кости животного (табл. 6. 2). В погребении 5 они содержались совместно с железным ножом и гончарным горшком (табл. 6. 2) (рис. 6. 12.: II: 3) (Некрасова, 1985, рис. 4: 20).

Погребения 3 и 5 обладают лишь вероятным позднескифским/сарматским признаком (Любичев, 2011в, с. 39).

На могильнике Войтенки в яме с подбоем совершены погребения 41 (рис. 4. 27: 1), 54 (рис. 4. 27: 2), 66 (рис. 4. 27: 3), 71 (рис. 4. 27: 4), 86/1 (рис. 4. 27: 5), 102 (рис. 4. 28: 1), 112 (рис. 4. 28: 2) (табл. 6. 2). К тому же они обладают такими признаками как: погребение 41 – целые скелеты животных (овца и петух), 54 – лепной горшок (рис. 6. 12.: IV: 1), 71 – кости животного с ножом, 86/1, 102 – кости животного (табл. 6. 2). Погребение 96 совершено в яме с заплечиками и уступами (рис. 4. 28: 3), там имеются кости животного с ножом (табл. 6. 2). Погребение 100 выполнено в яме с заплечиками (табл. 6. 2) (рис. 4. 28: 4). Кости животных находились в погребениях 42, 68, 94, 99, 101, 111 (табл. 6. 2). В погребении 58 они обнаружены совместно с ножом (табл. 6. 2). В погребении 43 скелет мужчины в вытянутом положении находился лишь с лепным горшком (рис. 6. 12: II: 5) и железным ножом (табл. 6. 2). Если бы данный комплекс находился вне черняховского могильника, он мог бы трактоваться как типичное сарматское погребение. Специфические лепные горшки совместно с гончарными сосудами находились в погребениях 51, 92 (табл. 6. 2). Здесь бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладают погребения 41, 43, 51, 54, 66, 71, 86/1, 92, 96, 99, 101, 111 (Любичев, 2011в, с. 39).

В Переяславе-Хмельницком в ямах с заплечиками совершены погребения 2/1952, 4/1952, 5/1952 (северная ориентировка костяка), 6/1954, 8/1954, 17/1954 (западная ориентировка костяка). В погребениях 4/1952 и 5/1952 также содержатся кости животных, в последнем погребении – вместе с ножом (табл. 6. 2). Погребения 2/1954, 14/1954, 18/1954 совершены в ямах с подбоями. Первое и последнее содержали еще и кости животных – остатки жертвенной пищи. В погребении 19/1954 в грунтовой яме находились также кости животных (табл. 6. 2). Здесь бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладают погребения 2/1952, 4/1952, 5/1952, 6/1954, 8/1954,

17/1954, 2/1954, 14/1954, 18/1954, а вероятными – погребение 19/1954 (Любичев, 2011в, с. 40-41).

Для погребального обряда сарматов в их погребениях средне- и позднесарматского времени в степи, пограничье степи-лесостепи Восточной Европы совершенно не характерно использование кремации (Вязьмитина, 1985а, с. 190-196, 196-198). Этот обряд не прослеживается и в области поздних скифов на Нижнем Днепре (Вязьмитина, 1985б, с. 227 – 229). На сарматских могильниках Верхнего Дона (Ново-Никольский, Вязовский) прослежен обряд погребения, который определен, как «неполное сожжение на месте» (Медведев, 2008, с. 92, 96). Тем не менее, среди кремаций на могильниках Компанийцы и Родной Край 1 возможно выделить погребения с позднескифскими/сарматскими признаками на основании наличия там одного бесспорного признака – специфической лепной керамики. В урновых погребениях 41, 50 (рис. 6. 12: III: 1), 72 (рис. 6. 12: III: 2), 78 Компанийцев, погребении 12 Родного Края 1 (рис. 6. 12: III: 7) эти лепные горшки играли роль урны, а в погребениях 56 (рис. 6. 12: II: 11), 132 (рис. 6. 12: IV: 2) Компанийцев – роль покрытия кальцинированных костей в безурновых погребениях (табл. 6. 3). В погребениях 41, 78 Компанийцев и 12 Родного Края 1 урна находилась на днище, а в погребениях 50, 72 Компанийцев была перевернута вверх дном (табл. 6. 3). Но безоговорочно отнесение этих комплексов к позднескифской /сарматской традиции невозможно ввиду того, что находившиеся там лепные горшки выделенных нами видов 4 и 5 являются иногда лишь подражанием гончарным и в этом случае не имеют «этнического лица».

Некоторые кенотафы на могильниках содержат один вероятный признак – наличие остатков мясной жертвенной пищи – костей животных. Это погребения 4 Родного Края 1, 1 Сумы-Сада, 1 Войтенков (табл. 6. 4). В погребениях находилось соответственно по 9, 15 и 4 (здесь только фрагменты) гончарных сосудов. В погребении могильника Сумы-Сад содержался еще и стеклянный кубок, а в погребении 1 Войтенков – два глиняных пряслица (табл. 6. 4).

Погребения с позднескифскими/сарматскими признаками входят во 2, 3 группы могильника Компанийцы, группу 1 могильника Успенка, группу 1 могильника Боромля, переходную группу 1/2, группу 2, переходную группу 2/3, группу 3 могильника Войтенки. Они относятся к общим фазам (горизонтам) 2, 3, 4 четырех коррелированных могильников, к горизонтам II, III, IV всех черняховских могильников и подкурганых погребений в регионе (табл. 5. 28; 5. 35). Следовательно, погребения такой традиции совершались на могильниках региона на ступенях С3 –D1/D2, в первой половине IV – первой четверти V вв., то есть на всем протяжении существования культуры в области днепродонецкой лесостепи.

Погребения с позднескифскими/сарматскими признаками присутствуют фактически на каждом введенном в научный оборот могильнике региона с числом погребений 10 и более (рис. 6. 11). Бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладают погребения, совершенные в конструкциях различных типов: простых ямах, ямах с подбоем, ямах с заплечиками. Причем все эти типы относят как к сарматам, так и к поздним скифам (Magomedov, 2004, S. 308). Учет размещения погребений с позднескифскими/сарматскими признаками на могильниках не создает пока однозначной картины. Например, в Компанийцах погребения со скифо-сарматскими признаками образуют компактную группу в юго-восточной части могильника и только два из них находится в его центральной части (Обломський, 1999б, рис. 1, с. 85). В Войтенках такие погребения расположены как на северо-западной и восточной окраинах могильника, так и в его центре (Шульце, Любичев, 2012, рис. 45). В Боромле и Успенке искаженность картины подобных построений создают разрушения на могильниках (дорога, карьер, бурт). Тем не менее, можно констатировать, что в Боромле погребения с бесспорными и вероятными признаками находятся во всех частях могильника (Некрасова, 2006, рис. 2), а в Успенке какая-то группа погребений с вероятными признаками обозначается на восточной окраине могильника (погр. 140, 137, 921, 1618, 1619 и 1308) (Некрасова, 2006, рис. 42). В Родном Крае 1

погребения 14 и 3 расположены соответственно в северной и центральной частях могильника (Петренко, 1991, рис. 3).

Стоит согласиться с утверждением, что погребения с подбоями нельзя признать характерными для могильников лесостепи ибо они составляют незначительное количество на могильниках региона (Сымонович, Кравченко, 1983, с. 26). Но их количество колеблется на каждом могильнике и пока наибольшее их число открыто на могильнике Войтенки (табл. 6. 2). Такое же колебание наблюдается и с количеством ям с заплечиками. Их наибольшее количество пока обнаружено на могильниках Боромля и Переяслав-Хмельницкий (табл. 6. 2).

На поселениях проявлением позднескифской/сарматской традиции считается наличие округлобоких горшков с венчиком-«раструбом» и четким переходом от венчика к тулову. Край венчика может быть ровным или оформлен в виде бортика. Такие сосуды обнаружены в Гочево 3, Гочево 4, Снагости 2, Хохлово 2, Кантемировке (Обломский, 2002, с. 48, рис. 28: 1-11, 13-17; 56: 2; 57: 1, 2, 12, 13; 58: 8) (рис. 6. 8: VI). Эта керамика связана именно с черняховским слоем и наземными постройками. В связи с отсутствием на этих памятниках хорошо известных форм вельбаркской и пшеворской керамики, вопрос о четкой связи этой керамики именно с позднескифским/сарматским элементом является открытым (Обломский, 2002, с. 49).

Фрагменты подобных горшков найдены совместно с хорошо известной в регионе керамикой вельбаркско-пшеворского облика в Белополье (рис. 6. 8: VI: 4 – 6, 8, 9). Подобные формы единично известны, например, на поселении Каменка-Анчекрак в Северо-Западном Причерноморье (Магомедов, 1991, рис. 12: 9). Следовательно, культурная принадлежность таких форм горшков до конца пока окончательно не определена. Но, в то же время, достаточно четко выраженная керамика позднескифской/сарматской традиции обнаружена на поселениях Барбара (Башкатов, 2010б, рис. 7), Дмитровка 3 (Башкатов, 2010б, рис. 10: 1-4, 7).

Северо-западный компонент. Элементы вельбаркской, пшеворской культур, других культурных групп Центральной и Северной Европы на памятниках черняховской культуры могут быть обозначены как «северо-западные элементы», «северо-западные традиции», «северо-западные влияния». Они фиксируются в регионе как в погребениях могильников, так и на поселениях (рис. 6. 7). На могильниках имеется несколько признаков северо-западных влияний. Биртуализм черняховских могильников является уже сам по себе северо-западным элементом, ибо присущ вельбаркской культуре (Магомедов, 2001, с. 33-34). Одним из ведущих признаков считается наличие как в ингумациях, так и в кремациях специфической лепной керамики, имеющей аналоги на вельбаркских и пшеворских памятниках.

В Компанийцах как кухонная (горшки Wołagiewicz IA (рис. 6. 10: I: 2-9), близкие к IB и IC (рис. 6. 10: II, III), раскрытого профиля (рис. 6. 10: I: 1 10)), так и столовая (миски закрытого (рис. 6. 9: IV) и открытого (рис. 6. 9: V, VI) типов, лепные трехручные вазы (рис. 6. 9: VII: 1), вазы с «ушками» (рис. 6. 9: VII: 2, 3), одноручные кувшины (рис. 6. 9: IX), кубки (рис. 6. 9: X)) керамика вельбаркского облика содержалась в погребениях-кремациях 9, 11, 23, 31, 39, 40, 52, 56, 59, 117, 122, 128, 132, 139, 164, 171, 173 и в погребениях-ингумациях 28, 82, 115, 122, 286 (Обломский, 1997б, с. 79; Некрасова, 2006, рис. 57-83). Горшки сугубо пшеворского облика происходят из погребений 7, 86, 128, 139 (рис. 6. 10: V).

В погребении 1 (кенотаф) Замощанской Дюны была обнаружена кружка группы Wołagiewicz XV (рис. 6. 9: VIII). Из погребения 3 (ингумация) могильника Родной Край происходит одноручный кувшин, близкий к группе Wołagiewicz IX (рис. 6. 9: IX: 1), а из погребения 10 (кремация) – миска открытого типа (Петренко, 1991, рис. 9: 4). В погребении 3 могильника также содержалась гончарная миска открытого типа со специально ошершавленным туловом, вероятно имитация сосуда группы Wołagiewicz ХаА (Петренко, 1991, рис. 5: 8). Из погребения 230 Сосновы (кремация) происходит одноручный кувшин, который отдаленно напоминает сосуды группы Wołagiewicz IX (рис. 6.

9: IX: 2). Керамика северо-западной традиции пока обнаружена в 21 погребении-кремации и только в 4 погребениях-ингумациях.

В вельбаркской культуре имеются соответствия практически всем типам черняховских ямных и урновых сожжений (Магомедов, 2001, с. 33-34). Возможно констатировать тесную связь северо-западного элемента с так называемыми сложными типами кремаций (Обломский, 1999б, с. 79), к которым относятся урновые погребения типов: I-3 (урна покрыта фрагментами керамики) и все это покрыто слоем черепков, кости могут находиться в урне и яме; I-4/1 (под перевернутой урной – кальцинированные и кости и сосуд) и все это перекрыто слоем керамики; I-5/1 (урна накрыта умбоном); I/7 (урна с кальцинированными костями и сосудом накрыта другим сосудом) и безурновые погребения типов II-2 (кальцинированные кости в яме накрыты фрагментами сосудов, в том числе целыми сосудами, бывает выложенное керамикой дно ямы) и все это перекрыто слоем керамики; II-5 (кальцинированные кости в ямке накрыты сосудом в котором также находятся кальцинированные кости); II-6 (рядом с кальцинированными костями находятся сосуды и все это перекрыто слоем керамики). В системе классификации черняховских трупосожжений О. В. Петраускаса в ареале культуры на территории современной Украины такие «сложные» кремации соответствуют типам 3 и 4 (Петраускас, 2002, с. 50-54). К ним относятся погребения 9, 11, 19, 22, 31, 42, 44, 49, 86, 95, 117, 123, 128, 139, 164, 166, 171, 224 Компанийцев, 230 и 624 Сосновы. В погребениях 11, 31, 86, 117, 128, 139, 164, 171 Компанийцев и 230 Сосновы присутствует помимо гончарной и лепная керамика северо-западной традиции. Таким образом, фиксируется переплетение двух признаков традиции в одном комплексе. В погребениях 19, 22, 42, 44, 49, 166, 224 Компанийцев и 624 Сосновы имеется лишь гончарная керамика.

Погребение 1 могильника Родной Край – кальцинированные кости в урне и фрагменты керамики вокруг нее, составляют отдельный комплекс (Петренко, 1991, с. 11, 19-20, рис. 4: 1-3; 11), оно отнесено О. В. Петраускасом к типу 9 («с остатками сожжения на месте») (Петраускас, 2002, с. 58-59). Урной являлся

биконический лепной горшок с отогнутым венчиком (рис. 6. 9: IV: 2). Обычно наличие ребристых горшков в погребениях черняховской культуры связывается с киевской традицией (Обломский, 1997, с. 82; Обломский, 2000, с. 49-50), но для нее совершенно не характерен такой тип погребений (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 39-41). Ребристые горшки, хотя и не образуют ведущей формы (как в керамическом комплексе киевской культуры), но присутствуют в керамическом комплексе пшеворской культуры. В частности, они встречены на пшеворских могильниках на территории современной Польши: Опатов (Opatów) (Madyda-Legutko, Rodzinska-Nowak, Zagórska-Telega, 2011, Taf. LI: Befund 141: 2; CCXLII Befund 656: 1; CCLIX Befund 710: 1), Крупице (Krupice) (Jaskanis, 2005, Taf. L, Gr. 176B: 1; LXXXV Gr. 299: 3), Цибловице Дуже (Cieblowice Duże) (Dzięgielewska, Kulczyńska, 2008, Taf. XXIX Gr. 37: 13; LVII Gr. 72: 17; LXXIII Gr. 118: 3; LXXIX Gr. 127: 3), Веклице (Weklice) (Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, Pl. LXXX, Gr. 204: 2; Pl. XC Gr. 232: 1), Облин (Oblin) (Czarnecka, 2007, Taf. XLIII Gr. 41: 4; CXXI Gr. 124: 18; CLXXI Gr. 180: 8; CCXXXVII Gr. 288: 14). В погребении 95 Компанийцев, где кальцинированные кости были перекрыты слоем черепков, также присутствовал ребристый горшок (рис. 6. 9: IV: 3). В погребении 56 ребристый горшок с прямым невыделенным венчиком сочетается с типично вельбаркско-пшеворскими формами (Некрасова, 2006, рис. 66: 5-7) (рис. 6. 10: I: 1, 4; IV: 1). Вероятнее всего, что все трупосожжения «сложных» типов, в том числе и с ребристыми лепными горшками, относятся к северо-западной традиции.

Погребение 56 Компанийцев демонстрирует сочетаемость двух традиций: позднескифско-сарматской и северо-западной. О первой свидетельствуют два округлобоких горшка (Некрасова, 2006, рис. 66: 4, 5), о второй – два горшка этой традиции (Некрасова, 2006, рис. 66: 6, 7) (рис. 6. 10: I: 1, 4) и сам тип погребения, где кальцинированные кости покрыты не только фрагментами, но и целыми сосудами (Некрасова, 2006, рис. 66: 1).

В погребение 132 кальцинированные кости с бусиной, железным ножом, пряслицем были покрыты фрагментами сосудов, в том числе двух

округлобоких лепных горшков позднескифской/сарматской традиции (Некрасова, 2006, рис. 76: 1-10). Возможно, это погребение также стоит рассматривать как свидетельство контактов носителей двух традиций.

Помимо погребений по обряду кремации и ингумации северо-западные влияния прослеживаются и в погребениях-кенотафах: из погребения 1 Замощанской Дюны происходит кружка Wołagiewicz XV (Липкинг, 1979, рис. 1: 3) (рис. 6. 9: VIII: 1).

Косвенным образом северо-западное влияние проявилось во вторичном использовании некоторых вещей в иной культурной среде. В погребении 41 могильника Войтенки (яма с подбоем) позднескифской/сарматской традиции среди многочисленного инвентаря находилась подвеска в виде свернутой в трубку бронзовой пластинки с серебряным покрытием и рядами отверстий на концах (рис. 5. 27: II: 3). Аналогии (Иллеруп) позволяют утверждать, что первоначально эта подвеска была ни чем иным, как пластиной в отделке ножен меча (Skjær, 2007, S. 86).

Появление в регионе с приходом носителей черняховской культуры традиции сооружения на поселениях каркасно-глинобитных сооружений наряду с углубленными стоит относить к северо-западной традиции. Таковой можно считать их сочетание на каждом поселении, как на селищах вельбаркской культуры и масломенчской группы (Магомедов, 2001, с. 23, 116).

Лепная кухонная керамика пшеворских и вельбаркских форм представлена на поселениях горшками-«кумпфами» Wołagiewicz IA с различными видами орнамента: ошершавленным туловом (рис. 6. 8: I: 1, 7, 11; III: 1, 2, 4, 7, 8, 9, 10) или венчиком (рис. 6. 8: I: 4), круглыми ямками на тулове (рис. 6. 8: II), без орнамента (рис. 6. 8: I: 3, 5, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 17), а также округлобокими сосудами вытянутого профиля, украшенных вертикальными линиями на тулове (рис. 6. 8: V: 1, 2), ребристые горшки с ошершавленной поверхностью (рис. 6. 8: IV). Такая группа керамики, как округлобокие горшки с максимальным расширением тулова (иногда покрытого расчесами) в верхней части и венчиками-«раструбами» (рис. 6. 8: VI: 1, 2), округлобокие горшки с

коротким отогнутым венчиком (рис. 6. 8: VI: 4 – 6, 8, 9) обнаружена, в частности, на поселении Белополье, совместно с горшками-«кумпфами». Безоговорочное отнесение ее к керамике северо-западного происхождения окончательно невозможно ввиду подобия некоторых горшков позднескифской/сарматской традиции и отсутствия пока условно-закрытых или закрытых комплексов с совместным нахождением типичной лепной керамики вельбаркской/пшеворской традиции и таких форм.

Столовая керамика представлена мисками открытого типа различных вариантов, близкими к группе Wołagiewicz ХаА (Wołagiewicz, 1993, Tabl. 27) (рис. 6. 9: I: 2-10). Встречены и миски подобного профиля на трех ножках (рис. 6. 9: I: 1). Такие сосуды известны на памятниках вельбаркской и пшеворской культур со ступени В2 (Madyda-Legutko, Rodzińska-Nowak, 2008, Rys. 1: 3-5; 2; 3: 1, 2). Присутствуют также конические миски (рис. 6. 9: II), кружки группы Wołagiewicz XV (рис. 6. 9: III: 2), кувшины группы Wołagiewicz XVI (рис. 6. 9: III: 1).

По своему стратиграфическому нахождению керамика северо-западной традиции в заполнении постройки 5 селища Боромля 2 в слое свалки может быть отнесена к черняховскому поселению. Она представлена фрагментами ребристых, округлобюких горшков, миски открытого типа с расчесами (Некрасова, 2006, рис. 27: 7, 9, 11, 12).

Керамика северо-западной традиции встречена на селищах Барбара, Дмитровка 3 (Башкатов, 2008а, 2008б, 2010а, 2010б; Башкатов, Шита, 2010), Пены 3 (Радюш, 2010, рис. 3: 32-35; 6: 6), Цыбли, Максимовка, Новолиповское (Дидык, 2005, рис. 2: 16, 17; 3: 6), Белополье (Некрасова, 1994), Дубовое, Хохлово 2, Снагость 2, Колосовка (Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 7: 2, 8-10), Мамрой 2 (Обломский, 2002, рис. 59: 2) (рис. 6. 8; 6. 9: I – III). На поселениях, по сравнению с могильниками, преобладает именно кухонная керамика такой традиции. Как на поселениях, так и на могильниках присутствуют гончарные сосуды-имитации вельбаркских/пшеворских лепных форм (Магомедов, 1998, рис. 1: 5, 7; 6: 1). Из полуземлянки 1 участка «А»

селища Войтенки происходит фрагмент гончарного горшка, имеющего на корпусе пояс из плоских граней (Любичев, 2006, рис. 10: 9). Истоки подобного орнамента видятся нам в приеме нанесения горизонтального ряда из вертикальных углублений на тулове некоторых пшеворских сосудов (Czarnecka, 2007, Taf. CXXXI Gr. 124: 18).

Комплексы северо-западной традиции на могильнике Компанийцы, содержащие несколько хроноиндикаторов и подвергнутые сериации, относятся к общим горизонтам (фазам) I, II, III черняховских могильников и подкурганых погребений. К фазе III принадлежит погребение 3 Родного Края. Следовательно, они относятся к ступеням C2/C3 – D1 или к первой четверти – концу IV в. Материалы поселений также входят в этот промежуток. Как и комплексы позднескифской/сарматской традиции они появлялись на всем отрезке существования черняховской культуры в регионе.

Киевский/праславянский/венетский компонент. В свете выделения горизонта Боромля и фиксации перекрытия слоя этого горизонта слоем черняховской культуры на некоторых селищах совершенно иное содержание приобретает вопрос о присутствии и значимости киевского (праславянского, венетского) компонента в черняховской культуре региона, ибо тезис о черняховских памятниках с киевской традицией и появился вследствие оценки двугоризонтных памятников как раннечерняховских. Для «классической» черняховской культуры в регионе киевский (праславянский) элемент проявлен очень слабо. Разновидности погребального обряда, присущие носителям киевской культуры Подесенья и Среднего Поднепровья (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 38-42) фактически пока не зафиксированы ни на одном черняховском могильнике региона. Это обстоятельство породило тезис о том, что группы киевского населения, которые были включены в состав черняховской общности, полностью утратили специфику своего погребального обряда (Обломский, 2002, с. 50).

На могильнике Компанийцы погребения 2, 58, 60, 95 отнесены не к киевской традиции, а к «захоронениям с элементами инвентаря киевской

культуры» (Обломский, 2002, с. 50). В погребении-ингумации № 2 содержались две парные перекладчатые Т-образные фибулы круга «выемчатых эмалей» (Некрасова, 2002, рис. 58: 2, 3). Но они присущи не только для постзарубинецких и киевских памятников, а имеют достаточно широкое распространение в лесной зоне Восточной Европы (Корзухина, 1978, с. 84-85: карта). Украшения подобного круга (бронзовые подвески-«лунницы») содержались в погребениях 3, 6 вельбаркского могильника Дитиничи на Волыни (Смішко, Свешніков, 1961, с. 2, 4, рис. 3: 2, 4, с. 94, рис. 4: 10). Подвеска-лунница происходит из разрушенного погребения-кремации или культового слоя могильника Войтенки (Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис. 146: 4). Возможно, находки таких украшений свидетельствуют о нахождении в вельбаркской и черняховской среде представителей населения лесной полосы («балтов») Восточной Европы. В погребении-ингумации № 58 Компанийцев находился лепной горшок, который по форме относится ближе к позднескифской/сарматской традиции, чем к киевской (Некрасова, 2006, рис. 68: 7). Ребристые горшки являются частью инвентаря погребения-ингумации № 60 и погребения-кремации № 95 этого же могильника (Некрасова, 2006, рис. 66: 15; 70: 14) (рис. 6. 10: IV: 3). Однако для киевской культуры не присущ обряд ингумации и не характерны кремации, покрытые слоем из фрагментов керамики (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 38-42). В то же время, как указывалось выше, ребристые горшки спорадически встречаются в пшеворской культуре.

Важную роль в решении вопроса о наличии киевского компонента и существовании киево-черняховских связей периода развитой черняховской культуры, а также ее финала играют материалы поселения Хлопков 1 (Некрасова, 1988; Приходнюк, 1998, с. 73; Обломский, 2002, с. 41). На этом селище, помимо типичной черняховской гончарной кухонной и столовой керамики, характерной для культуры, а также хроноиндикаторов ступеней С3-D1 (Некрасова, 1988, рис. 3: 7-18, 26-33; 4: 10-12, 14-20; 5: 13-14, 16-19; 7: 1-11) присутствует и лепная керамика. Некоторые ее формы имеют аналоги не в киевской, а пеньковской культуре (Некрасова, 1988, рис. 6), что породило тезис

о двугоризонтности памятника (Баран, Некрасова, 1982, с. 7), где черняховский слой перекрыт пеньковским (Приходнюк, 1998, с. 73). Но, в то же время, например, в жилище 4 лепная и гончарная посуда перекрыта слоем рухнувшей глиняной обмазки, что свидетельствует об их одновременности (Обломский, 2002, с. 41). В заполнении постройки 3 лепная керамика обнаружена только в верхнем слое заполнения (Баран, Некрасова, 1982, с. 5). В жилище 2 лепная и гончарная посуда по всей глубине заполнения составляли соответственно 48 % и 52 %, в жилище 4: 10 % и 90 %, в жилище 6: 20 % и 80 %, в яме 3: 10 % и 90 %, в яме 2: 60 % и 40 % (Баран, Некрасова, 1982, с. 3, 5, 7). В ямах № 12-21, 24-29 присутствует как лепная, так и гончарная керамика (Баран, Некрасова, 1983, с. 9-14). На поселении имеются объекты, включающие исключительно гончарную керамику: жилище 5, постройки 2, 3, ямы 6, 7, 9, 10, 22, 23 (Баран, Некрасова, 1982, с. 10; 1983, с. 2, 3, 5, 8, 9, 12) и зафиксированы остатки наземных глинобитных сооружений (Баран, Некрасова, 1983, с. 3, 7). Исследователи памятника отмечают, что биконические, ребристые формы лепных горшков похожи на пеньковские и колочинские, но являются тонкостенными, а также имеют плотное тесто с примесью песка и шамота (Баран, Некрасова, 1983, с. 15), что совершенно не характерно для горшков этих культур. По-видимому, селище Хлопков 1 является памятником, отражающим контакты носителей черняховской и киевской культур в контактной зоне на финале существования черняховской культуры. Вполне возможно, что далее на этом же месте существовало поселение пеньковской культуры.

Выделенные три традиции в черняховской культуре региона проявлены совершенно неравномерно на различных видах памятников. Так, позднескифский/сарматский элемент зафиксирован на ряде могильников, находящихся во всех частях региона, но пока четко отмечен лишь на двух поселениях Приднепровья в районе Кременчуга (Барбара, Дмитровка 3) (рис. 6. 11). В регионе параллельно исследованы пока только два комплекса, включающие поселение и относящийся к нему могильник: Боромля 1, 2 и Войтенки 1. Если на этих могильниках зафиксированы комплексы с

позднескифскими/сарматскими чертами, то таковые (специфическая лепная керамика) отсутствуют на поселениях. Возможно, в интегрированном черняховском обществе, при тотальном господстве гончарной керамики, наследники позднескифского/сарматского мира Северного Причерноморья подчеркивали связь с ним только через детали погребальной обрядности и наличие в некоторых погребениях специфической лепной керамики.

В отношении северо-западного элемента наблюдается несколько иная картина: он проявлен как на целом ряде поселений, так и на некоторых могильниках (рис. 6. 7). На поселениях наряду с абсолютно преобладающей гончарной, употреблялась и специфическая лепная керамика. Особенно велико ее количество на селище Белополье, которое приобретает вид некоего «вельбаркско-пшеворского анклава» в черняховской среде региона. На могильниках Компанийцы, Родной Край, Соснова, Замощанская Дюна северо-западный элемент проявлен в нахождении специфической лепной керамики в ингумациях, кремациях и кенотафах, присутствии «сложных» типов кремаций. Картина наличия в черняховской среде региона северо-западного элемента усиливается при учете наземных каркасно-глинобитных конструкций на поселениях и биритуализма могильников.

При анализе различных традиций в черняховской культуре региона выделяется своеобразие могильника Компанийцы. Другие могильники, несмотря на некоторые отличительные черты, все же можно отнести к «стандартным», что проявляется в биритуализме, наличии почти исключительно гончарной керамики в погребениях, присутствии основных типов кремаций (компактно в яме, в одной урне, в покрытой урне). Компанийцы занимают довольно своеобразную для черняховских могильников «топографическую нишу» – находятся на песчаной возвышенности в пойме. Подобным образом были расположены могильники Замощанская Дюна, Родной Край, Павлюковка, Зачепиловка. Компанийцы отличает необычайно высокий процент погребений-кремаций и присутствие среди них «сложных» типов, а также не известный пока ни на одном могильнике региона высокий процент

лепной керамики в инвентаре погребений различных типов. На могильнике ярко проявлены как позднескифская/сарматская, так и северо-западная традиции, они даже сочетаются в отдельных комплексах.

Объяснить это своеобразие ранней датой памятника невозможно: погребения здесь совершались на всем промежутке существования культуры в регионе от ступени С2/С3 до ступеней D1-D2. Считается, что «община, оставившая погребения в Компанийцах, была сравнительно бедной, так как в погребениях мало украшений и много лепной керамики» (Обломский, 1999, с. 76). Но особенность могильника заключается отнюдь не в «бедности общины». Там имеются и довольно «инвентарные» погребения, даже с позднескифскими/сарматскими признаками (табл. 6. 2). Именно здесь хорошо сохранены культурные особенности групп населения. Материалы Компанийцев возможно свидетельствуют о наличии областей внутри ареала черняховской культуры в регионе, о внутренних миграциях внутри «стабильной» черняховской культуры ступеней С3 – D1, о включении новых групп в общность извне, на невосприятие всеми носителями культуры в одинаковой мере нивелирующего действия провинциально-римских влияний.

К сожалению, не изучено поселение именно этого могильника. Но материалы самых ближайших к нему селищ на Днепре – в устье Псла (Барбара, Дмитровка) также свидетельствуют о присутствии там позднескифского/сарматского и северо-западного элементов. Возможно, материалы могильника отражают именно ту особенную культурную среду этой области в ареале черняховской культуры региона. Перекрытие слоев в Дмитровке 3 имеет, вероятно, совершенно иную культурную подоснову, чем перекрытие слоя поселений горизонта Боромля слоем черняховских поселений к северо-востоку от этого района.

Проведенный анализ этнокультурных традиций в черняховской культуре региона приводит нас к заключению о ведущей роли все-таки северо-западного элемента, наиболее ярко выраженного как на поселениях, так и на могильниках. Следует учитывать при этом огромное нивелирующее влияние провинциально-

римских импульсов и, прежде всего, массового производства гончарной керамики, пользования ею представителями различных культурных традиций внутри черняховской общности. Все это подтверждает тезис, что черняховская культура являет собой «готскую федерацию германских и негерманских племен» (Казанский, Мастыкова, 1998, с. 102). Возможно, население ареала черняховской культуры к востоку от Днестра также следует называть «готами» или «остроготами», исходя из сведений Иордана, что «...тех готов, которые... сидели на восточной стороне и назывались остроготами...когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое...» (Иордан, 245).

6.3.3. Развитие черняховской культуры в регионе

Существующая база источников (табл. 4. 2; 4. 3; 4. 8; 4. 9; 4. 10) и методика хронологических построений не позволяет нам пока детально проследить динамику развития черняховской культуры в регионе: фиксируется лишь ее появление, распространение в определенных границах (рис. 4. 1; 6. 6. 5; 6. 6; 6. 13), время угасания и исчезновения.

Итак, черняховская культура в зоне лесостепи восточнее Днестра появляется в уже сложившемся виде, имея северо-западный и позднескифский/сарматский компоненты в первой четверти IV в. Первые ее памятники фиксируются в области, прилегающей к левому берегу Днестра – на территории Приднепровской низменности (рис. 6. 5). Позднее, очевидно, на рубеже первой – второй четвертей, во второй четверти IV в. носители черняховской культуры, представители готской федерации, «грейтунги» Аммиана Марцеллина продвигаются от Днестра на восток в сторону Северского Донца и на северо-восток, в область Сейма (рис. 6. 5; 6. 6). Происходит вытеснение «венетов» – носителей памятников горизонта Боромля. На местах некоторых их селищ появляются черняховские поселения, которые занимают гораздо большую площадь. Венеты, очевидно, отходят на север – на правый берег Сейма, и становятся носителями памятников типа Каменево 2 – Комаровка 2 (рис. 6. 6; 6. 13). В области течения Остра, Сейма «грейтунги»

вступают в контакты с венетами – носителями родственных памятников киевской культуры Подесенья и типа Каменево 2 – Комаровка 2 (рис. 6. 6; 6. 13).

В попытке выяснить историческую подоплеку переселения на территорию между Днепром и Северским Донцом массы носителей черняховской культуры в этот период и появления здесь большого количества памятников можно выдвинуть гипотезу об одной из причин массовой черняховской колонизации

В конце 30-х – начале 70-х годов III в. на балканские и малоазийские провинции Римской империи были направлены морские и сухопутные походы коалиции варварских племен во главе с готами, вошедшие в историю под названием «скифские войны» (Ременников, 1954). В 270 г. Аврелиан оставляет Дакию. С этого времени на Дунае формируется Готия – полиэтничная общность готов (Буданова, 2000, с. 37). Интенсивность готских вторжений на территорию империи упала после окончания «скифских войн», но они продолжались (Буданова, 2000, с. 40-43). В 324 г. Константин становится единоличным правителем. Он укрепляет дунайскую границу: сооружается каменный мост через Дунай между Эском и Суцидавой, строится укрепление Дафна (Вольфрам, 2003, с. 94). В 332 г. готы столкнулись с сарматами, на стороне последних в спор вмешался Константин, который нанес поражение готам. Между Константином и вождем тервингов Атанарихом подписывается мирный договор, который включал следующие положения: прекращение военных действий, военная помощь готов империи в обмен на ежегодные субсидии, предоставление готам бывшей римской территории (Дакии) при сохранении племенной автономии (Вольфрам, 2003, с. 95-96). Готам было разрешено торговать на Дунае, они отправили заложников в Константинополь (Буданова, 2000, с. 43). До 367 г., когда император Валент совершил поход против готов, наступила эпоха новых (мирных) отношений империи и готов. В этих условиях часть активного населения, которая ранее непрерывно участвовала в походах, а теперь оказалась в условиях мирных

взаимоотношений с империей могла двинуться от Подунавья на Правобережье Днепра, и далее на северо-восток на Днепровское Левобережье (Любичев, 2005в, с. 47).

Появление подавляющего большинства черняховских памятников к востоку от Днепра приходится именно на время после договора 332 г. Период 350-375 гг. считается в истории черняховских племен «эпохой Германариха», эпохой расцвета культуры, временем максимального расширения ее границ на север и восток (Магомедов, 2001, с. 141-143, рис. 90) (рис. 6. 6). Очень заманчиво выглядит хронологическая близость появления черняховских могильников в нашем регионе и подписания важного политического документа, на несколько десятилетий определивших характер отношений Римской империи и готских королевств (Любичев, 2005в, с. 47). Но, помимо этого, причиной движения носителей черняховской культуры на восток, в область лесостепи между Днестром и Северским Донцом могли быть и другие причины, прежде всего быстрый рост населения.

Именно к середине – второй половине IV в. относится большинство памятников черняховской культуры в регионе (рис. 6. 6). Исходя из облика материальной культуры, высокой плотности расположения памятников, наличия лишь открытых поселений, в том числе большой площади с близлежащими биритуальными могильниками, можно говорить о высоком уровне развития земледелия и отделенного от него ремесла, следовательно – общем экономическом и демографическом подъеме, отсутствии угрозы извне и внутренних конфликтов.

Поздние памятники черняховской культуры, как и верхний рубеж ее существования в регионе, уже традиционно определяются по наличию хроноиндикаторов ступеней D1-D2, конца IV – первой четверти V вв. Аммиан Марцеллин повествует о крушении «державы Германариха» (Эрменриха) вследствие вторжения гуннов: «...гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и

присоединили их к себе. При их содействии они... прорвались в ... земли Эрменриха» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 1). Возникает вопрос о нахождении памятников этих «аланов-танаитов».

Уже традиционно при рассмотрении финала черняховской культуры исследователи поднимают вопрос о подкурганых погребениях с черняховскими вещами в таких аспектах как: 1) отношение к черняховской культуре; 2) этническая принадлежность носителей; 3) место в культурных процессах финала позднеимперского времени – начала эпохи Великого переселения народов (Рутківська, 1969, с. 150; Ляпушкин, 1961, с. 155; Казанский, Мастыкова, 1999, с. 119, 125, 128; Магомедов, 2001, с. 144-145; Обломский, 2002, с. 83, 91; Гороховский, 1988в; Симоненко, 2001, с. 50, 2012, с. 233). Выше уже указывалось, что в эту группу собраны достаточно неоднородные погребения, где объединяющим признаком является наличие самой курганной насыпи (табл. 4. 10). Подавляющее большинство их являлись основными, они представляли собой различные погребальные конструкции (простая яма, яма с подбоем, катакомба, яма с заплечиками и подбоем). Как указывалось, вещевой инвентарь погребений сочетает предметы, типичные для черняховской культуры и позднескифского/сарматского, северокавказского круга. Наличие в различной степени сарматских признаков в каждом из этих погребений и само их нахождение в/под курганной насыпью заставляет выделить их из среды типично черняховских в составе грунтовых биритуальных могильников. Мы не согласны с однозначным введением подкурганых погребений Кантемировки в состав черняховской культуры (Гопкало, 2011, с. 20). Они отражают наличие позднесарматского элемента вне состава самой культуры, в ее пограничье под влиянием культуры. Возможно, это памятники тех алан, о которых Аммиан Марцеллин сообщает: «... за этой рекой (Истр) аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни... разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен... во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни... » (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17). Об этой группе алан

сообщает и Маркиан: «... река Рудон течет с Аланской горы, с этой горы и вообще в этой области живет на широком просторе народ алан-сарматов, в земле их находятся истоки реки Борисфена, которая впадает в Понт. Земли по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хунны» (Маркиан, 39). Считается, что Рудон – одна из рек Балтийского бассейна: Неман либо Западная Двина (Казанский, Мастыкова, 1999, с. 119). Тогда под «Аланской горой» имеется ввиду Среднерусская возвышенность, с которой вытекают ряд рек Балтийского и Черноморского бассейнов, в том числе Днепр и Западная Двина. Аланов по Маркиану можно разместить на границе степи-лесостепи, в южной части лесостепи к востоку от Днепра. Сам же позднескифский/сарматский элемент в черняховских грунтовых могильниках региона выглядит интегрированным в культуру, которая уже в готовом виде появляется восточнее Днепра.

В черняховском ареале расположены погребения в Иржево и Лавриковке, на южной границе ареала культуры находятся погребения возле Кантемировка и Сторожевого. Вне ареала культуры, южнее, юго-восточнее и восточнее, в степной зоне расположены погребения вблизи Дмухайловки, Мечебелово, Моспинской, Воронцовки (рис. 6. 6; 6. 13).

Подкурганые погребения занимают различную хронологическую позицию в промежутке ступеней С3 – D1-D2, они охватывают выделенные нами фазы «3» – «5» или укладываются в период середины IV – первой четверти V вв. (табл. 5. 7; 5. 12). К середине – второй половине IV в. относится, по всей видимости, погребение из Воронцовки. Во второй половине/последней четверти IV в. были совершены погребения в курганах 1, 2 Кантемировка, Дмухайловки, Лавриковки, Моспинской. К первой четверти V в. очевидно относится погребение в кургане 3 Кантемировка.

Учет территориального и временного положения данной группы памятников заставляет предположить, что группы населения, оставившего подкурганые погребения с черняховскими вещами проникли в ареал культуры еще с середины IV в., но основная основная часть этого населения находилась

на южном и юго-восточном пограничье черняховской культуры, с носителями которой они находились в контактах. Для попытки определения их этноса мы пока не располагаем иной информацией, кроме приведенных выше отрывков из Аммиана Марцеллина. По все видимости, эти подкурганые погребения были и совершены «аланами-танаитами», как обозначение степных позднесарматских племен, контактировавших с носителями черняховской культуры.

По Иордану, крушение «державы Германариха» связывается с нашествием гуннов. Ссылаясь на Приска, он сообщает о гуннах, расселившихся «на дальнем берегу Мэотийского озера», затем перешедших «громадное озеро» и захвативших там «алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков». Гунны покорили аланов «хотя и равных им в бою, но отличных от них общей человечностью, образом жизни и наружным видом» (Иордан, 247-250). Иордан предоставляет легенду о гибели Германариха, который приказал казнить Сунильду из племени росомонов за «изменнический уход короля, ее мужа». За женщину отомстили ее братья Сар и Аммий, поразившие Германариха в бок. Узнав о раненном короле «Баламбер, король гуннов, двинулся войной на...» остроготов, от которых уже отделились везеготы. Германарих «страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни» (Иордан, 247-250).

В отличие от Иордана, Аммиан связывает гибель самого Германариха с нашествием гуннов. Он сообщает о том, что гунны «... прорвались в обширные и плодородные земли Эрменриха» (Германариха), который «в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них», но, в итоге, «... положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью» (Аммиан, XXXI, 2, 1, 2).

После вторжения гуннов в союзе с аланами-танаитами в область грейтунгов, последние не покинули эту территорию, сохранялась их «держава». Иордан сообщает, что остроготы «...по смерти короля их Германариха они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в этой же стране. Причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования»

(Иордан, 245). Подражая доблести своего деда Вультульфа, он, ... понемногу освобождаясь из-под власти [Гуннов] двинул войско в пределы антов... в первом сражении был побежден... но в дальнейшем... распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения» (Иордан, 245). Имя Винитария и переводится как «победитель венедов» (Vinitharius aequitas) (Вольфрам, 2003, с. 526).

Учет только поселений и погребений могильников с хроноиндикаторами ступеней D1-D2 действительно показывает, что в конце IV – начале V вв. черняховская культура занимала тот же ареал к востоку от Днепра, что и в «эру Германариха» (рис. 6. 13). При этом стоит учитывать тот факт, что в погребения этого времени попадали вещи, бытовавшие и ранее, на ступенях С3, С3/D1. Они были в обиходе населения и фиксируются на поселениях, которые могли существовать и на этом этапе.

Пока не обнаружено ни одного черняховского могильника с погребениями исключительно ступеней D1-D2, как и ни одного поселения с исключительно хроноиндикаторами этих ступеней. Считается, что после гуннского вторжения уменьшившееся, не поддающееся влиянию моды гуннской эпохи, черняховское население осталось на прежней территории, пользовалось вещами прежних типов и продолжало использовать свои поселения и кладбища, сохранять старые традиции. Поэтому готов Германариха трудно отличить от готов Винитария (Щукин, Шаров, 2000, с. 375; Щукин, 2005, с. 252). Нет оснований для введения в научный оборот терминов «позднечерняховская культура» и «позднечерняховское население» (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 226, 234).

Имеются письменные свидетельства о деятельности наследников Германариха в условиях вассалитета гуннам. Аммиан сообщает, что «Витимир, избранный после его [Эрменриха] кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 3). Иордан пишет, что вождь гуннов Баламбер «... властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем

всегда управлял его собственный царек...» (Иордан, 249). Также имеется информация об уходе части готов (грейтунгов?) из области постоянного обитания первоначально к Днестру: «От имени его малолетнего сына принял управление Алатай и Сафрак ... они осторожно отступили и перешли к реке Данастрию...» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 3), а затем и в Подунавье. Аммиан сообщает, что «между тем приблизился к берегам Истра и Витерик, царь грейтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами...» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 4, 12). Возможно, на этом письменном свидетельстве, а не на археологических реалиях основывается, вывод об «уменьшившемся черняховском населении гуннской эпохи» (Щукин, Шаров, 2000, с. 375; Щукин, 2005, с. 252).

О движении групп носителей черняховской культуры из нашего региона, возможно, и группы во главе с Алафеем и Сафраком в сторону Днестра-Дуная, в условиях господства гуннов и вассальных отношений с ними наследников Германариха, свидетельствует распространение определенных групп черняховской гончарной керамики, а именно биконических узкогорлых кувшинов с каннелированным корпусом типа Магомедов I и трехручных ваз с плоским венчиком «левобережного» типа. (Магомедов, 1999f, с. 39, рис. 1-3). Эти формы были характерны именно для черняховских памятников днепро-донецкой лесостепи, а затем они появляются на памятниках Мунтении и румынской Молдовы (Магомедов, 1999а, с. 40, рис. 4).

В ареале черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи не встречено «гуннских» вещей характерного ювелирного стиля (Обломский, 2002, с. 86), нет никаких следов присутствия гуннов. Тезис о крушении черняховской культуры в связи с приходом гуннов находится в противоречии с археологическими реалиями. Да и сами письменные свидетельства указывают на продолжение существования «державы Германариха» еще некоторое время в условиях вассалитета гуннам. В плане выяснения причин кризиса и исчезновения черняховской культуры большую перспективу имеют соответствующие исследования в области «археологии обитания»

(Siedlungsarchäologie), рассматривающие эти события как проявление эколого-демографического кризиса, а именно: следствие интенсивного развития хозяйства в благоприятных условиях, через 150-200 лет, приведшего к деградации черноземов, а также климатических изменений в конце IV в. (увлажнение климата). В этом случае внешнеполитические факторы (гуннская экспансия и упадок Римской империи) были второстепенными и конкретно не повлияли на судьбу черняховской культуры (Шишкін, 1996, с. 21-22).

Итак, распространение вещей-диагностов фазы D1-D2 на памятниках черняховской культуры региона указывает на эти ступени, как время верхнего рубежа существования культуры в днепро-донецкой лесостепи. В абсолютных датах за время финала культуры, как археологической системы, отражающей этно-политическую общность, это очевидно, финал первой четверти V в. (табл. 5. 12).

Но существует предположение, что конец черняховской культуры совпадает с событиями 454 г., после смерти Атиллы, битвы при Недао, утверждения гепидов на Дунае, когда остроготы переселяются в Паннонию (Щукин, 1979а, с. 21). Считается, что остроготы (носители черняховской культуры – М. Л.) продержались на территории современной Украины до 455 г. (Казанский, 1997, с. 185). Каким же образом могла существовать культура в это время, когда хроноиндикаторы этого периода отсутствуют на ее поселениях и могильниках? Может быть, население до этого времени «пользовалось вещами прежних типов и продолжало использовать свои поселения и кладбища, сохранять старые традиции» (Щукин, Шаров, 2000, с. 375; Щукин, 2005, с. 252). Но, несмотря на пользование старыми вещами во времена Германариха и Винитария, не взирая на «гуннское вторжение» все равно проникают инновации в виде новых типов стеклянных сосудов, фибул, пряжек, костяных гребней, свидетельствуя о сохраняющихся связях с провинциями империи, в том числе с Подунавьем. Если бы черняховские села существовали в середине V в. и в это время совершались бы погребения на близлежащих кладбищах, то

вещи-диагносты ступеней D2, D2/D3 оказались бы там, пусть и в малом количестве.

В этой связи особую важность приобретает вопрос об отношении памятников без четкого культурного подтекста, тяготеющих к середине V в. и к черняховской культуре. Речь идет о так называемых «княжеских» кладах с восточногерманскими украшениями горизонта Унтерзибенбрунн или ступени D2: Большой Каменец (находки 1 и 2) (Мацулевич, 1934, с. 15-59, 63-76; Гавритухин, 2007б, с. 33, рис. 23: 1-11, 12-14), находка из Обоянского уезда (с. Паники) (Мацулевич, 1934, с. 79-84; Гавритухин, 2007б, с. 33), Рублевки, Нежина, Круглицы (Поршино). Жигайловки (Гавритухин, 2007б, с. 33-34), Волниковки (Радюш, Щеглова, 2012). Нет никаких четких указаний на их связь с черняховскими поселениями и могильниками, хотя они происходят из ареала черняховской культуры. «Клад» из серебряных сосудов возле Жигайловки был случайно обнаружен на площади черняховского селища (Романова, 1990, с. 6-7). Однако, без нахождения вещей этого периода в закрытых или условно-закрытых черняховских комплексах, следует согласиться с утверждением об их центральноевропейском происхождении и отсутствии связей с черняховской культурой (Обломский, 2002, с. 84, 92).

После прекращения существования черняховских памятников эта территория становится составной частью ареала пеньковской культуры. Анализ ее морфологии свидетельствует о тесной связи с киевской культурой, принадлежности к одной постзарубинецко-киевской-пеньковской линии развития (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 118).

Несмотря на различную морфологию черняховской и пеньковской культур прослеживается их некоторая связь, а именно наличие черняховских «раритетов» в пеньковском керамическом комплексе: округлобокие горшки с загнутым внутрь краем, миски с S-овидным профилем. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 118; Терпиловский, 2004, с. 67). Но черняховские традиции не сыграли решающей роли в генезисе пеньковской археологической общности.

В керамических комплексах жилищ раннего периода пеньковской культуры встречается черняховская гончарная керамика и лепные имитации черняховских гончарных мисок (Любичев, 1994, с. 16; Седов, 1998, с. 80). Но эта керамика относится к заполнению жилищ и к находкам в слое поселений, что не дает основания говорить о сосуществовании, контактах, преемственности носителей черняховской и пеньковской культур в регионе.

Специалисты полагают, что разрыв между черняховской и пеньковской культурами отсутствовал (Седов, 1998, с. 81). Ввиду отсутствия в пеньковской культуры датированных закрытых комплексов, хронология смены черняховских древностей пеньковскими выглядит очень «расплывчатой». Считается, что к финалу позднеимперского времени относятся такие раннепеньковские памятники как селища Хитцы (Горюнов, 1981, с. 111-130), Рябовка 3, некоторые комплексы Занок (Дьяченко, 1993) (Обломский, 2002, с. 76). Нижняя граница Хитцов была отнесена к V в. (Горюнов, 1981, с. 79). Вероятно, существование переходных киево-пеньковских памятников относится к последней четверти IV – первой трети V вв., а сложение культуры приходится уже на вторую треть-середину V в. (Обломский, 2002, с. 80; Терпиловский, 2004, с. 66) или же эта дата сдвинута в сторону удревнения – к IV – началу V вв. (Приходнюк, 1998, с. 13).

Наиболее ранние пеньковские памятники находятся в том числе в южной части лесостепи Днепровского Левобережья, территории относящейся ранее к ареалу черняховской культуры (Обломский, 2002, с. 75). Отмечено, что зона сложения пеньковской культуры сдвинута на север по отношению к собственно пеньковскому ареалу, что определяет «северный» характер раннего этапа пеньковской культуры (Терпиловский, 2004, с. 67).

6.4. Заключение

На протяжении римского времени – начала эпохи Великого переселения народов (около середины I – середины V вв.) возможно выделить четыре этапа этнокультурного развития в области днепро-донецкой лесостепи. На первом

этапе (около середины/третьей четверти I – середины III вв., ступени B2-C1a/C1b европейской хронологической системы) здесь находятся постзарубинецкие-раннекиевские памятники, появившиеся как следствие распада зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье, движения отсюда на восток групп населения – носителей постзарубинецких памятников. Восточная часть области лесостепи (междуречье Ворсклы-Оскола) была занята носителями памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2. На протяжении периода отмечается появление новой группы населения из лесной зоны Верхнего Поднепровья – носителей памятников типа Грини. Постзарубинецкие памятники региона эволюционируют и приобретают в верхнем течении Северского Донца облик, во многом подобный памятникам киевской культуры Подесенья и Среднего Поднепровья. Следовательно, возможно констатировать существование на протяжении этого периода именно «постзарубинецких-раннекиевских памятников» в регионе. В историческом плане они могут быть отождествлены с «венетами» Тацита, поскольку постзарубинецкие-раннекиевские памятники являются частью так называемой праславянской культурной провинции. Контакты с сарматами к югу от Ворсклы, Орели, к востоку от Оскола не оказали никакого влияния на облик материальной культуры их субъектов, которые выглядят обособленно.

На втором этапе (около середины/третьей четверти III – второй четверти IV в., ступени C1b, C2) в регионе существуют памятники горизонта Боромля – одной из областей праславянской культурной провинции на новом этапе развития. Речь идет о появлении группы населения («венетов») из области Верхнего Поднепровья, вытесненных отсюда вследствие прихода готто-гепидов и событий «Скифских войн». Близость морфологии материальной культуры носителей предыдущих постзарубинецких-раннекиевских памятников и горизонта Боромля заставляет говорить о близости их этнического облика. Но носители горизонта приносят в регион целый ряд инноваций во всех сферах материальной культуры, что определяет время существования горизонта как новую археологическую эпоху. Инновации были почерпнуты за счет

провинциально-римских влияний, контактов с носителями вельбаркской и пшеворской культур в зоне образования черняховской культуры в регионах Верхнее Поднестровье и Волынь. По видимому, этнос носителей горизонта стоит определять как «венеты», упоминающиеся уже в сочинении Иордана.

Третий этап (около второй четверти IV – первой четверти V вв., ступени C2/C3, C3, D1, D1-D2) можно разделить на два периода. Первый (около второй четверти IV – последней четверти IV вв., ступени C2/C3, C3, D1) связан с появлением и нахождением в регионе носителей черняховской культуры, сложившейся к западу от Днепра. Культура появилась в области днепро-донецкой лесостепи в готовом виде, включающей как северо-западный (вельбаркско-пшеворский), так и позднескифский/сарматский элементы. Этим самым мы признаем теорию «ядра» черняховской культуры (Щукин, 2005, с. 132; Магомедов, 2001, с. 133-139, рис. 88, 89). Очевидно, археологическое явление, заключающееся в смене памятников горизонта Боромля черняховской культурой в этническом плане возможно трактовать как смену населения, вытеснение венетов представителями готской федерации германских и негерманских племен, «остроготами» и «грейтунгами». Черняховская культура является, по всей видимости, археологическим эквивалентом «державы Германариха». «Венеты» – носители горизонта Боромля – были оттеснены к Сейму и здесь стали носителями памятников типа Каменево 2 – Комаровка 2.

Второй период (последняя четверть IV – первая четверть V вв., ступени D1, D1-D2) связан с угасанием и исчезновением черняховской культуры, распадом «державы Германариха» и вассалитетом его наследников гуннским правителям. Гуннское присутствие не фиксируется археологически в области днепро-донецкой лесостепи и потому нельзя не брать во внимание причины исчезновения черняховской культуры, связанные с почвенно-климатическими изменениями. Возможно, что в этом случае кризис Римской империи и гуннское вторжение были второстепенными причинами этого явления. К этому времени относится усиление активности северных соседей распавшейся «державы Германариха» – венетов и антов, носителей памятников киевской

культуры Подесенья и типа Каменево 2 – Комаровка 2. Эти события нашли отражение в сообщении Иордана о войне Винитария с антами Божа (Иордан, 245). Движение на юг из лесной зоны носителей этих культурных образований приводит в конце V-VI вв. к сложению пеньковской культуры (Обломский, 2002, с. 75-80).

Время, следующее за окончанием второго периода (вторая – третья четверти V в., ступени D1-D2, D2/D3), связано с совершением погребений знати, выпадением кладов в Большом Каменце, Жигайлово, Рублевке и т. д., формированием пеньковской культуры. Очевидно, данные археологические явления отражают существование каких-то «постчерняховских», «восточногерманских» объединений в эпоху Атиллы. Выдвижение групп северного населения, носителей киевской культуры Подесенья и памятников типа Каменево 2 – Комаровка 2 в область днепро-донецкой лесостепи приводит к формированию пеньковской культуры.

ВЫВОДЫ

Региональная критика археологических источников, происходящих из области днепро-донецкой лесостепи в хронологических рамках середины I – середины V вв., сопоставление их информации с немногочисленными свидетельствами древних авторов при учете различной природы этих двух групп источников позволили нам реконструировать этнокультурную историю региона в рассматриваемый период.

В соответствии с хронологией групп археологических памятников, а также проявлением на этой территории различных культурных импульсов европейского масштаба (прекращение латенских влияний, незначительные провинциально-римские влияния в раннее римское время, их усиление в позднее римское время, наступление эпохи Великого переселения народов) этнокультурная история региона проанализирована по трем периодам: вторая половина I – первая половина III вв., вторая половина III – первая четверть IV вв., вторая четверть IV – первая половина V вв.

Ввиду особенностей распространения римских влияний на этой территории и их отражения – импортных вещей в закрытых, условно-закрытых комплексах, слоях памятников, датировка этих трех периодов не совсем совпадает с принятыми рубежами археологических периодов в Центральноевропейском Барбарикуме: там граница между ранним и поздним римским временем проходит приблизительно в последней четверти II в. Тем не менее, происходящие из нашего региона вещи-хроноиндикаторы отражают именно моду Центральноевропейского Барбарикума с принятым для него хронологическим делением. Поэтому, несмотря на указанные особенности, применение центральноевропейской хронологической терминологии к нашему региону является вполне уместным. Пока не представляется возможным создать свою, учитывающую местные особенности, во многом отличную от хронологии Свободной Германии, хронологию Европейской Сарматии. Это

касается, в первую очередь, черняховской культуры, как наиболее насыщенной римским импортом культурной группы Восточноевропейского Барбарикума.

При дальнейшем исследовании генезиса постзарубинецких памятников в регионе актуальным является поиск предшествующих на этой территории памятников доримского железного века III в. до н.э. – первой половины I в. н.э., от времени прекращения существования «скифских» памятников до появления поселений постзарубинецкого горизонта. В западной части днепро-донецкой лесостепи первые шаги в этом направлении уже сделаны: отдельные зарубинецкие памятники выявлены к востоку от известного ареала этой общности – на Псле и Суле.

Материалы разведок восточнее Днепра и раскопок Ратского городища свидетельствуют в пользу наличия на этой территории в предримское время помимо зарубинецких и так называемых «позднескифских» памятников, которые не восходят ни к зарубинецким памятникам, ни к памятникам типа Харьевки, ни к сарматской традиции. Дальнейшие исследования памятников этих групп, очевидно, представят появление носителей постзарубинецкого горизонта к востоку от Днепра не просто как результат миграции носителей постзарубинецких памятников типа Лютеж из Среднего Поднепровья, а как более сложный процесс с участием и субстратного населения.

Культурный круг, объединяющий могильник возле Мутина, поселения типа Харьевки в Посеймье, коронообразные гривны в Подесенье, связан с северо-западным культурным импульсом в область пограничья лесной и лесостепной зон восточнее Днепра. Преемственность в наличии северо-западных элементов в регионе сохраняется в раннеримское время, что находит отражение в присутствии отдельных пшеворских элементов в керамическом комплексе группы постзарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2.

Малая выборка раскопанных памятников этой группы заставляет сомневаться в наличии внутри ее двух областей: западной (тип Картамышево 2) и восточной (тип Терновка 2) и их отождествление с культурно-этническими

группами. Критериями для выделения областей являются лишь совершенно незначительные отличия в керамическом комплексе.

Речь может идти пока о постзарубинецком горизонте, по морфологии почти идентичном группе раннекиевских памятников типа Шишино 5 – Шмырево в области днепро-донецкого водораздела. Они уверенно относятся к постзарубинецкой общности, их существование во многом синхронно во II – первой половине III вв. и, таким образом, возможно говорить о существовании в регионе постзарубинецких-раннекиевских памятников.

По своим морфологическим признакам постзарубинецкие-раннекиевские памятники входят в культурную провинцию - сообщество похожих культурных образований, синхронных закрытым комплексам Барбарикума ступеней В2-С1а. К ним относятся зубрицкая группа, постзарубинецкие памятники типов Рахны, Лютеж, Почеп, Грини, Инясево – Шапкино, группа Шишино 5 – Шмырево. По совпадению географического расположения памятников западной части провинции (зубрицкая группа) с локализацией венетов Тацитом и ввиду подобия морфологии всех групп провинции, ее возможно связывать с венетами и, если они традиционно рассматриваются как праславяне, то провинцию называть «праславянской». Эта культурная провинция отличается от сарматского мира степи и области лесных культур Восточной Европы.

Археологические материалы свидетельствуют о самых минимальных контактах сарматов с «венетами» – носителями постзарубинецких/раннекиевских памятников. Эти две культурные провинции выглядят замкнуто и изолированно по отношению друг к другу.

К середине III – первой четверти IV вв. (что соответствует ступеням С1в, С2 закрытых комплексов) в регионе относится существование поселений предчерняховского горизонта («горизонта Боромля»). По своей морфологической характеристике он близок другим культурным образованиям праславянской культурной провинции этого времени: памятникам типа Демьянов-Черепин в Верхнем Поднестровье, киевской культуре в Среднем Поднепровье и Подесенье, памятникам типа Седелки-Каширка в Верхнем

Подонье. Такие элементы морфологии как тип сооружений на поселениях и керамический комплекс, распространение фибул группы VII О. Альмгрена свидетельствует об особой близости именно таких областей этой провинции как памятники типа Демьянов-Черепин, горизонт Боромля, памятники типа Седелки-Каширка.

Очевидно, вследствие появления гото-гепидов, носителей вельбаркской культуры на Волини и начала формирования черняховской культуры на ступенях C1a, C1b на территории к западу от Днепра, произошла миграция части венетов – носителей памятников Демьянов-Черепин в область лесостепи к востоку от Днепра. Возникновение памятников горизонта Боромля и было следствием этой миграции. Исходя из подобной морфологической характеристики областей праславянской культурной провинции как на ступенях B2, C1a, так и на ступенях C1b, C2, возможно заключить, что группы носителей памятников типа Демьянов-Черепин передвигались от Верхнего Поднестровья в днепро-донецкую лесостепь в родственную культурную среду, к носителям постзарубинецких-раннекиевских памятников. Общие элементы фиксируются в домостроительстве и керамическом комплексе. Состояние базы археологических источников не позволяет сейчас детально проследить взаимоотношения этих групп. В последнее время вырисовывается некая закономерность в присутствии на селищах горизонта характерной лепной керамики, фибул группы Альмгрен VII и боспорских монет.

Существование памятников горизонта Боромля не есть эквивалентным появлению в регионе черняховской культуры. Хотя на памятниках горизонта имеются черняховские или провинциально-римские элементы (фибулы, гребни, светлоглиняные амфоры, детали утвари), его морфологическая характеристика кардинально отличается от морфологии черняховской культуры, характеризующейся, прежде всего, расположением массы поселений на черноземных склонах балок, наличием на них как наземных каркасно-глинобитных, так и углубленных сооружений, присутствием вблизи селищ

биритуальных могильников, очень большим процентом гончарной керамики в керамическом комплексе или наличием исключительно ее.

Присутствие лишь отдельных черняховских элементов на памятниках горизонта Боромля не свидетельствует о киево-черняховских контактах и «киево-черняховской чересполосице», присутствии черняховских «баз колонизации» в регионе до появления «классической» черняховской культуры. Исходя из принадлежности горизонта Боромля к праславянской культурной провинции, возможно констатировать, что его носителями были также венеты. Иордан упоминает о войнах и покорении венетов королем Германарихом. Это письменное свидетельство можно сопоставить с такими археологическими реалиями как появление черняховской культуры в регионе в начале/второй четверти IV в., вытеснение носителей горизонта Боромля, двугоризонтность некоторых селищ позднеримского времени, появление поселений группы Каменево 2 – Комаровка 2 в Посеймье. К «эре Германариха» и относится существование большинства черняховских памятников в регионе.

Исходя из хронологических построений на базе совершенно неравномерного количества закрытых комплексов с несколькими хроноиндикаторами в западной и восточной частях днепро-донецкой лесостепи следует отметить, что наиболее ранние комплексы черняховской культуры появляются в днепровской зоне, а большинство объектов пока известно на востоке, в области днепро-донецкого водораздела. Они преимущественно относятся к середине – второй половине IV в.

В черняховской культуре региона в различном соотношении на поселениях и могильниках проявляются северо-западный (вельбаркско-пшеворский) и позднескифско/сарматский компонент. Праславянский (киевский) компонент выражен чрезвычайно слабо. Существующая база источников не позволяет пока заняться проблемой контактов носителей черняховской культуры в регионе с сарматами, обитавшими до нашествия гуннов в степи. Проблемой для региона и для всей культуры видится связь погребений позднескифской/сарматской традиции на грунтовых могильниках и

в подкурганных погребениях сарматской традиции с черняховскими вещами, возникающими в предстепье-степи на финальном этапе черняховской культуры.

Финал черняховской культуры в регионе относится к концу IV –первой четверти V вв. (ступени D1, D1-D2 закрытых комплексов). Гуннское нашествие в регионе не прослеживается археологически. Поэтому, возможно одной из причин развала черняховской общности и ухода ее носителей на запад стали явления, связанные с изменением климата. Первые исследования по этому вопросу уже появились. Так называемые «княжеские погребения» первой половины V в. и отдельные вещи этого круга пока не имеют четкого культурного контекста. Нет оснований твердо связывать их с черняховской культурой и, таким образом, декларировать ее существование в регионе до середины V в., до битвы при Недао 454 г.

Далее в регионе наступает новый период этнокультурной истории, связанный с формированием пеньковской культуры, наличием «антских кладов», относящийся уже к раннему средневековью.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЯ**

на правах рукописи

УДК 904(292.485)"00/04"

ЛЮБИЧЕВ Михаил Васильевич

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
I-V ВВ. Н.Э.**

Приложения

Специальность 07.00.04 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
ТЕРПИЛОВСКИЙ Р.В.

Киев, 2013

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблицы.

Табл. А. 2. 1. Изученные раскопками постзарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2, Грини, раннекиевские памятники днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 2. 2. Жилые сооружения на постзарубинецких и раннекиевских поселениях региона.

Табл. А. 3. 1. Поселения сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи, исследованные раскопками.

Табл. А. 3. 2. Постройки на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 3. 3. Основные черты комплексов лепной керамики памятников лесостепи Верхнего Поднестровья – Среднего Подонья и южной части лесной зоны в Подесенье сер. III – перв. пол. IV вв.

Табл. А. 4. 1. Районирование ареала черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи и количество археологических памятников различных типов в каждом районе.

Табл. А. 4. 2. Памятники черняховской культуры, подкурганые погребения с позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 4. 3. Исследованные раскопками поселения черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 4. 4. Наземные глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 4. 5. Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 4. 6. Поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2.

Табл. А. 4. 7. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2.

Табл. А. 4. 8. Исследованные раскопками могильники черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 4. 9. Отдельные погребения – части разрушенных или не исследованных черняховских могильников.

Табл. А. 4. 10. Подкурганные погребения позднееримского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днепро-донецкой лесостепи и прилегающей части степной зоны.

Табл. А. 5. 1. Находки фибул группы VII О. Альмгрена на памятниках в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 5. 2. Находки фибул Альмгрен 157 (Амброз 15,3,1) на памятниках позднееримского времени в днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 5. 3. Находки фибул серии Гороховский А (Амброз 16,2,1,1) на памятниках позднееримского времени днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 5. 4. Находки фибул типа «Войтенки» на памятниках позднееримского времени днепро-донецкой лесостепи.

Табл. А. 5. 5. Хронологические индикаторы в погребениях черняховских могильников, подвергнутых сериации (Боромля, Успенка, Компанийцы, Войтенки).

Табл. А. 5. 6. Отдельные погребения с хроноиндикаторами первого и второго уровня могильников Сумы-Сад, Родной Край 1, Соколово 2, Глубокое, Соснова, Пересечное, Переяслав-Хмельницкий, Жовнин и отдельные погребения с несколькими хроноиндикаторами (Гречаники, Великий Самбор).

Табл. А. 5. 7. Хронологические индикаторы из подкурганных погребений начала эпохи Великого переселения народов на границе степи – лесостепи, в прилегающей части степи в междуречье Днепра и Северского Донца.

Табл. А. 5. 8. Турнирная таблица (А) и таблица корреляции (Б) могильника Боромля 1.

Табл. А. 5. 9. Турнирная таблица (А) и таблица корреляции (Б) могильника Успенка.

Табл. А. 5. 10. Турнирная таблица (А) и таблица корреляции (Б) могильника Компанийцы.

Табл. А. 5. 11. Турнирная таблица (А) и таблица корреляции (Б) могильника Войтенки.

Табл. А. 5. 12. Сводная таблица общих фаз (горизонтов) развития черняховских могильников (не подвергавшихся корреляции), подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днецкой лесостепи и прилегающей полосе степи.

Табл. А. 5. 13. Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днецкой лесостепи и прилегающей полосе степи и фаз развития черняховской культуры в системе Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1988а, б).

Табл. А. 5. 14. Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днецкой лесостепи и прилегающей полосе степи и периодов развития черняховской культуры в системе О.А. Гей – И.А. Бажана (Гей, Бажан, 1997).

Табл. А. 5. 15. Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днецкой лесостепи и прилегающей полосе степи и ступеней развития черняховской культуры Среднего Поднепровья в системе О.В. Петраускаса – Р.Г. Шишкина (Петраускас, Шишкин, 2010).

Табл. А. 5. 16. Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов в днепро-днецкой лесостепи и прилегающей полосе степи и ступеней хронологии Центральной – Восточной Европы позднеримского времени – эпохи Великого переселения народов в системе Я. Тейрала (Tejral, 1986, 1992, 1997).

Табл. А. 6. 1. Позднескифские/сарматские признаки в погребениях могильников черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи. Затемнением выделены бесспорные признаки в работах Б.В. Магомедова, О.А. Гей.

Табл. А. 6. 2. Погребения-ингумации с позднескифскими/сарматскими признаками на черняховских могильниках в днепро-донецкой лесостепи. Затемнением показано наличие бесспорных и вероятных позднескифских/сарматских признаков.

№ п/п	Поселение	Номер жилища	Форма в плане	Размеры (м)	Глуб. (м) от ур. совр. пов./от ур. материка	Центр. столб	Столбы вдоль стен	Очаг	Констр. очага	Располож. очага	Печь и ее размещ.	Ямы	Публикация
Памятники типа Картамышево 2-Терновка 2													
1.	Приоскольское 1	1	прямоуг.	3,0 x 3,6 x 3,2 x 3,8	/ 0,77-0,87	х	х	—	—	—	—	—	Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 130, рис. 36:1;
		2	прямоуг.	4,52 x 3,4 x 3,4 x 5,2	/ 0,7-1,0	х	—	—	—	—	—	х	Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 132, рис. 36:2;
2.	Шоссейное (Приютовка)	1	прямоуг.	3,6 x 5,2 x 4,4 x 5,6	/ 0,5	—	—	х	углистое пятно 0,9 x 1,2 м	центр	—	—	Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 174-176, рис. 3:1
	Картамышево 2	1 (наземн.)	прямоуг.	5,8 x 3,6 x 3,4	1/ 0,08-0,10	—	13	—	углистое пятно	центр	—	—	Горюнова, 2004, с. 50, рис. 2:1
3.		2	прямоуг.	4,2 x 3,8	—	—	—	—	—	—	—	—	Горюнова, 2004, с. 51, рис. 2:2, 3:1-4; 4:1-3
		3	прямоуг.	4,2 x 3,9	/ 0,4-0,6	—	—	—	—	—	—	—	
		4	прямоуг.	4,0 x 3,7	/ 0,5-0,6	—	—	—	—	—	—	—	
		5	прямоуг.	5,4 x 4,6	/ 0,4-0,5	—	—	х	углистое пятно	центр	—	—	
		6	прямоуг.	4,5 x 4,2	/ 0,2-0,25	—	—	х	ямка	СВ угол	—	—	
		7	прямоуг.	4,5 x 5,5 x 5,8	/ 0,50-0,55	—	—	х	в ямке	центр	—	—	

Жилые сооружения на постарубинских и раннекиевских поселениях региона.

Таблица А. 2. 2.

		8	прямоуг.	4,9 x 3,9	/ 0,3-0,5	х	—	х	углистое пятно	у СВ стены	—	—	
		9	прямоуг. с выступом-входом	—	2,8 x 2,6	0,8-1,0/ 0,25-0,5	—	—	—	в ямке	центр	—	
		10	прямоуг.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
4.	Гочево 7	9	прямоуг.	3,7 x 3,45	/ 1,0	—	—	—	—	—	—	—	Терпиловский, 2004, приложение 2; Обломский, 1991, с. 231
5.	Березовка 2	2	прямоуг.	3,6-3,7 x 2,5-3,6	1,0/ 0,34-0,46	—	—	х	—	центр	—	—	Обломский, 1992
6.	Чернеччина	1	прямоуг.	5,1 x 3,7	/ 0,6	—	—	х	—	В угол	—	—	Терпиловский, 2004, приложение 2
7.	Бельск	2	прямоуг.	2,75 x 1,0 x ?	/ 0,25	—	х	х	глинобитн. (?)	С угол	—	—	Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 69-74, рис. 59
8.	Большие Будки (ур.Хутор)	4	прямоуг.	5,4 x 5,6	/ 0,1-0,2	—	х	—	—	—	—	—	Горюнова, Родинкова, 1999, с. 204-207, рис. 7
11.	Колесники	1	прямоуг.	3,5 x 4,5 x 3,2	0,8/ 0,2	—	—	—	кам.вымостка с глиной	центр	—	—	Любичев, 1997а, 1997б
12.	Терновка 2	7	прямоуг. с выступом	3,6 x 2,2	/ 0,14	—	—	—	кам.вымостка с глиной	ЮВ угол	—	—	Обломский, 1990б, с. 11-12, рис. 2:4

Продолж. Табл.А. 2. 2.

13.	Головино 1	1	прямоуг.	2,9-3,1 x 3,9-4,2	/ 0,37	—	х	—	—	—	—	—	Абашина, Кухарская, Обломский, 2001-2002, рис. 2:3-5
		4	прямоуг.	3,0 x 3,6 4,2	/ 0,16-0,17	х	х	—	—	—	—	—	Абашина, Кухарский, Обломский, 2001-2002, рис. 2:6, 7
Памятники типа Грини													
1.	Вовки	6	прямоуг.	3,4 x 2,6	/ 0,3	х	—	х	вымостка из обож. глины и керамики с бортиком	ЮВ угол	—	—	Обломский, Терпиловский, 1991б, с. 144- 146
2.	Раковка	1	округ.	6,25 x 4,20	/ 0,05	—	—	х	в яме	ближе к 3 углу	—	х	Любичев, 1993
Раннекиевские поселения													
1.	Шоссейное (Приютовка)	1	прямоуг. (?)	6,0 x 6,0	0,6-0,8/	—	—	—	—	—	—	—	Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 176-177, рис. 3:5
2.	Гочево 1	1	квадратн.	4,0 x 3,9	0,7-0,75/ 0,35	—	х	х(?)	—	3 угол (7)	—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 44-45, рис. 2:1
		2	прямоуг.	3,8 x 3,0	0,6/ 0,14- 0,24	х	х	?	—	золиста я линза в центре	—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 46, рис. 2:2

Продолж. Табл.А. 2. 2.

		4	овальн.	5,0 x 4,0	1,6/ 0,64	—	х		—		—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 45-46, рис. 2:4
		3	прямоуг. с выступом	3,9 x 3,0	0,5-0,6/ 0,22-0,28	х	х	х	пятно прокала	ближе к центру	—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 46-47, рис. 2:3
3.	Гочево 2	4	прямоуг.	3,6 x 2,8	0,7-0,9/ 0,4	—	—	—	—	—	печь- "камин" с глин. сводом примык к жилищу	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 62, рис. 11
4.	Шишино 5	Раск. 1, постр. 5	прямоуг.	3,2 x 3,0 x 2,9	1,0/ 0,11- 0,24	х	х	—	пятно прокала	ближе к центру	—	—	Обломский, 1991, с. 162, рис. 44:4
		Раск. 2, постр. 2	прямоуг. со входом	3,3-3,7 x 2,8-2,6	—	х	х	—	пятно прокала	центр	—	—	Обломский, 1991, с. 182- 183, рис. 45:12
		Раск. 2, постр. 5	прямоуг.	4,86 x 2,9-3,6 (4,35 x 2,64- 3,38)	1/ 0,32-0,34	—	х	—	глинобитн. площадка 0,45 x 0,40	центр	—	—	Обломский, 1991, с. 187, 191, рис. 45:13
		Раск. 2, постр. 7	прямоуг.	3,8-3,9 x 4,1	1/ 0,19-0,37	—	—	—	—	—	—	—	Обломский, 1991, с. 191, рис. 45:14
		Раск. 3, "яма 5"	прямоуг. с выступом	3,2 x 3,4	/ 0,19-0,29	х	—	—	—	—	—	—	Обломский, 1991, с. 192- 193, рис. 46:3

Продолж. Табл.А. 2. 2.

№ п/п	Название поселения	Бассейн реки	Административн. положение	Топографич. положение	Сооружения, отн. к сер. III-перв.четв.IV вв.	Ямы	Другие объекты	Публикация/ отчет
1	Букреевка 2	Виногробля-Тускарь-Сейм	РФ, Курская обл., Золотухинский р-н	первая надпойм.терраса	9 построек (№1-9)	есть	—	Сымонович, 1990
2	Боромля 2	Боромля-Ворскла	Украина, Сумская обл., Тростянецкий р-н	склон балки	ранний горизонт: 4 постройки (№1,3,6,10)	есть	отн. к другим горизонтам	Некрасова, 2006
3	Родной Край 3	Уды-Сев.Донец	Украина, Харьковская обл., Золочевский р-н	возвышение в пойме	2 постройки (№1,2)	яма - 1(№4)	—	Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997
4	Гочево 1	Псел	РФ, Курская обл., Беловский р-н	возвышение в пойме	постр.1	29 ям	3 постр.,3 вын.очага,3 горна,2 погр.-позднезар.-раннекиевск. период	Тихомиров, Терпиловский, 1990
5	Гочево 2	Псел	РФ, Курская обл., Беловский р-н	возвышение в пойме	постр. 1,2	1 яма	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990
6	Гочево 3	Псел	РФ, Курская обл., Беловский р-н	первая надпойм.терраса	7 построек (1,5,6,7,8,9,10)	ямы № 2-4,6-9,15,19,25,48,54,60,70,86,95	отн. к черняховскому горизонту	Горюнова, 1988, 1989; Памятники киевской культуры..., 2007, с.91-92
7	Гочево 4	Псел	РФ, Курская обл., Беловский р-н	первая надпойм.терраса	полуземлянки 1а,2,3	—	отн. к черняховскому горизонту	Горюнова, 1988, 1989; Памятники..., 2007, с.92-93
8	Войтенки 1,уч.А	Мерчик-Мерла-Ворскла	Украина, Харьковская обл., Валковский р-н	склон балки	3 углубл. постройки (сооруж.2/2,4, 21),	ямы №1,5	отн.к чернях. горизонту	Любичев, 2006, 2008г; Любичев, Мызгин, Варачева, 2007
9	10-й Октябрь	Мужица-Снагость-Сейм	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	первая надпойм.терраса	1 жилище (постр.2), 1 хоз.постройка (постр.3)	—	—	Обломский, 2002, с.37-38; Памятники..., 2007, рис.83,84

Сведения о поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в Днепро-донецкой лесостепи, исследованных раскопками.

Таблица А. 3. 1.

10	Головино 1	—	—	склон балки	углубл.постройки2 ,4,5	яма №5	отн.к позднезар. и чернях. горизонтам	Обломский, 2001- 2002
11	Огульцы	Черемушная- Мжа- Сев.Донец	Украина, Харьковская обл., Валковский р-н	склон балки	постр.3	—	отн. к черняховскому горизонту и находки бронзового века	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008,2009; Мызгин, 2011б
12	Песчаное	Олешня-Псел	Украина, Сумская обл., Сумской р-н	первая надпойм.терраса	2 полуземл. жил (№2,5)	есть	наз. жил. 1,3,4.отн. к черняховскому горизонту есть, объекты и находки постзаруб.гор., пеньковской культ., находки бронз. и ран.жел.века	Журко,1990в, 1994а
13	Беседовка	Смела-Сула	Украина, Сумская обл.,	первая надпойм.терраса	лепн.кер.,амфора типа D под завалом стен наземн.глинобитн. сооруж.	—	отн. к черняховскому горизонту	Махно, 1955б
14	Мамрой 2	Сухая Грунь	Украина, Полтавская обл.,	склон балки	постр.1	есть	отн. к черняховскому горизонту	Петренко,1983; Обломский, 2002, рис.59

Продолж. Табл. А. 3. 1.

№п/п	Поселение	№ сооруж.	Тип сооруж.	Форма в плане	Размеры в плане (м)	Глубина (м): от совр.ур./от ур.материка	Столбы	Центр-столб	Уступы (полки-лежанки)	Выступы- "входы"	Отопительное сооружение	Яма-погреб	Публикация, отчет	Строительная традиция	
1.	Букреевка 2	постр.1	полуземл.	округло-овальная	5,2х4,55	2,4/1,8	есть	—	есть	есть	печь-"камин"	—	Сымонович, 1990, рис.3	1	
		постр.2	двухкамерн. полуземл.	1)овальная + 2)прямоугольная	1)4,0х4,0 + 2)3,65х2,2	1)1,05/0,45 + 2)1,03/0,43	1)есть + 2)есть	1)есть + 2)есть	2)есть	есть	2)печь-"камин"	—	Сымонович, 1990, рис.4	1	
		постр.3	полуземл.	прямоугольн.	5,4х4,3	0,9/0,3	есть	есть	—	—	печь-"камин"	—	Сымонович, 1990, рис.5	2	
		постр.4	полуземл.	овальная	4,0х3,7	1,05-1,15/0,45-0,55	есть	есть	—	есть	—	есть	Сымонович, 1990, рис.4	1	
		постр.5	полуземл.	непр.овальн.с выступ.	7,7х4,85	2,25-2,4/1,65-1,8	есть	—	есть	есть	печь-"камин"	—	Сымонович, 1990, рис.6	1	
		постр.6	наземная	прямоугольн.	5,5х3,0	—	есть	—	—	—	—	—	—	Сымонович,1990, рис.1	спорн. принадл. к сер. III-IV вв.
		постр.7	полуземл.	округлая	4,0х3,5	2,2-1,4/1,6-0,8	есть	—	—	есть	очаг (прокал пола, угли)	есть	Сымонович,1990, рис.7	1	
		постр.8	полуземл.	прямоугольн.	5,5х5,9	1,0/0,4	—	—	—	есть	очаг (прокал пола, угли)	—	Сымонович,1990, рис.7	2	
		постр.9	полуземл.	прямоугольн.	5,4х3,5	1,35/0,6	есть	есть	есть	есть	очаг (прокал пола, угли)	есть	Сымонович,1990, рис.8	2	
2.	Боромля 2 (ранний горизонт)	постр. 1	полуземл.	прямоугольн.	3,5х2,5	1,4/1,0	—	—	—	есть	—	—	Некрасова, 2006. рис.20	2	
		постр. 3	полуземл.	прямоугольн.	5,0х4,0	1,45/0,4	есть	есть	—	—	—	—	Некрасова, 2006. рис.24	2	
		постр. 6	полуземл.	округло-овальная	2,6х2,1	1,4/0,7	—	—	—	—	—	есть	Некрасова, 2006. рис.27	1	
		постр. 10	полуземл.	округло-овальная	3,3х3,0	1,2/0,6	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006. рис.36	1	
3.	Родной Край 3	постр.1	полуземл.	прямоугольн.	4,7х3,6	1,2-1,27/0,4-0,5	—	—	—	—	2-углубл.в полу, угли	—	Башкатов,Дегтярь,Л юбичев, 1997, табл.1:2	2	
		постр.2	полуземл.	квадратн.	4,3х4,0	1,2/0,4-0,5	есть	—	—	—	2-прокалы пола, угли	—	Башкатов,Дегтярь,Л юбичев, 1997, табл.1:3	2	

Постройки на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро-донцкой лесостепи.

Таблица 4. 3. 2.

4.	Войтенки 1,уч.А	сооруж 2/2	полуземл.	округло- овальная	5,25x4,41	2,0/1,0	есть	есть	есть	—	—	—	Любичев, 2008г,рис.13	1
		сооруж. 4	полуземл.	прямоугольн.	4,95x3,30	1,30/0,21-0,24	есть	есть	—	есть	глинобитн. очаг в углу	—	Любичев, 2010а, рис.5:2	2
		сооруж. 21	полуземл.	округло- овальная	2,25x2,3	2,11/0,71	—	—	есть	—	—	—	Любичев.Мызгин,Ва рачева,2008, рис.60- 63	1
5.	Огульцы	сооруж.3	полуземл.	прямоугольн.	2,12x1,97	2,0/1,0	—	—	есть	—	—	Любичев.Мызгин,Ва рачева,2009,рис.302	2	
6.	Гочево 1	жил.1	полуземл.	квадратн.	4,0x3,9	0,7-0,75/0,3- 0,35	есть	—	—	—	—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис.2:1	2
7.	Гочево 2	постр.1	полуземл.	непр.овальн.с выступ.	4,2x3,5	0,7-0,8/0,3	есть	—	—	—	печь- "камин"	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис.11	1
		постр.2	полуземл.	прямоугольн.	3,6x2,8	0,7-0,9/0,4	—	—	—	—	—	—	Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис.11	2
8.	Гочево 3	жил.1	полуземл.	квадратн.	3,8x3,8	0,97/0,1	есть	есть	—	—	—	—	Горюнова,1988,с.6-7	2
9.	Гочево 4	постр.2	полуземл.	квадратн.	—	—	—	—	—	—	—	—	Горюнова,1988,рис.1 02	2
10.	Песчаное	жил.2	полуземл.	квадратн.	3,0x3,4	1,2/0,7	—	—	—	—	очаг: в углубл.	—	Журко,1990в, рис.31	—
		жил.5	полуземл.	квадратн.	4,0x4,2	1,8/1,2	—	—	—	—	—	—	Журко,1994а, рис.8	—
11.	Мамрои 2	постр.1	полуземл.	прямоугольн.	5,5x3,5	/0,9	—	—	—	—	—	есть	Петренко, 1983,с.13- 14	—
12.	Головино 1	постр.2	полуземл.	прямоугольн.	3,0- 3,5x2,0- 2,6	/0,1-0,44	есть	есть	—	—	—	—	Обломский, 2001- 2002, рис.5:1-3	—
		постр.4	полуземл.	квадратн.	4,4x4,2	/0,33-0,38	есть	—	—	есть	—	—	Обломский, 2001- 2002, рис.6	—
		постр.5	полуземл.	прямоугольн.	4,5- 4,6x2,6- 3,46	—	есть	—	есть	есть	—	—	Обломский, 2001- 2002, рис.5:4-6	—

Продолж. Табл. А.3.2.

**Основные черты комплексов лесной керамики памятников лесостепи
Верхнего Поднепровья – Среднего Подонья и южной части лесной зоны в
Подесенье сер. III – перв. пол. IV вв.**

Группа памятников	Округлобокие горшки	Баночные горшки и "раскрытого" профиля	Ребристые горшки	Округлобокие горшки с загнут. внутрь венч.	Конич. миски	Диски-сковороды
Памятники типа Демьянов Черепин	ведущее место IIв и меньше I 1б и IIа	2 место среди керамики: больше I3а, меньше 3б	фактич. отсутствуют	фактич. отсутствуют	часть керам. комплекса	фактич. отсутствуют
Киевская культ. Подесенья	не занимают ведущего места	занимают ведущее место	единичны	единичны	фактич. отсутствуют	часть керам. комплекса
Киевская культура Ср. Поднепровья (до р. Рось)	ведущее место IIв, IIа, I 1б	2 место среди керамики	есть	единичны	фактич. отсутствуют	единичны
Поселения сер.III - перв. четв.IV в днепро-дон. лесостепи	ведущее место IIв	баночные I3а-ведущее место; I3б-менее	II 2 занимают второе место	часть керам. комплекса	часть керам. комплекса	единичны
Памятники типа Седелки-Каширка	ведущее место IIв, далее: I2; IIа; IIб	часть керам. комплекса	фактич. отсутствуют	фактич. отсутствуют	часть керам. комплекса	единичны

Номер района на карте	Название района	Территория района	Общее количество учтенных памятников в районе	Изучавшиеся раскопками поселения	Изучавшиеся раскопками могильники	Случайно обнаруженные погребения части могильников	Подкург. погреб. чернях. культ. или с чернях. вещами	Погребальные комплексы с сомнительной принадл. к чернях. культ.
1	"Днепр, прибрежная часть левого берега"	полоса левого берега Днепра от устья Десны до устья Орели, включая устья Сулы, Псла, Ворсклы, а также территория вокруг бассейнов Трубежа, Супоя, Иркля	182	9	8	19	1	1
2	"Десна-Сейм"	территория, прилегающая к левым притокам Десны, область бассейна Сейма	108	6	1	—	—	—
3	"Сула"	территория вокруг бассейна Сулы	115	9	6	13	1	1
4	"Псел"	территория вокруг бассейна Псла	136	10	3	4	—	—
5	"Ворскла-Орель"	территория вокруг бассейна Ворсклы, а также территория, прилегающая к правому берегу р. Орель до впадения в нее р. Берестовая, территория вокруг бассейнов рек Орчик и Берестовая	194	8	6	16	5	1
6	"Северский Донец"	область верхнего течения р. Северский Донец с притоками	167	13	5	4	2	2
Всего			902	55	29	56	9	5

Районирование ареала черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи и количество археологических памятников различных типов в каждом районе

Таблица А. 4. 1.

№ п/п	Памятник	Сеть рек	Административное деление	Тип памятника	Топогр. полож.	Порядок речной сети	Разведки/раскопки/случ. нах.	Комплексы/отд. находки	Автор/год исслед. (случ. нах.)	Публикация/отчет
Район 1 "ДНЕПР, ПРИБРЕЖНАЯ ЧАСТЬ ЛЕВОГО БЕРЕГА"										
ДНЕПР										
1	Барбара	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	6	2	разведки, раскопки	ост. 2-х наземн. глинобитн. каркасных соор.	разведки: С. Еремеев, Н. Стахив, А. Б. Супруненко, Ю. Ю. Башкатов/сер. 80-х гг. XX в., 2002-2003, 2004; раскопки: Ю. Ю. Башкатов/2005-2006	Рейда, Лямкин, Еремеев, 2002, с. 173-174; Башкатов, 2008а, с. 45-46; 2008б; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 146-147.
2	Билецковка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	отд. разруш. погр., находка миски	—	Кракало, Левченко, 1994а
3	Васьковка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Черняков, 1988
4	Васютинцы	Днепр	Черкасская обл., Золотоношский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	отд. разруш. погребение	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 65
5	Воинская Гребля	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 37
6	Галицкий остров	Днепр, устье Сулы	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1, 2	случ. нах.	4 ТП: № 1: СЗ ориент., горшок-ваза, гонч. горшок, фр. лепн. горшка, фр. жел. издел.; № 2: миска, лепн. сосуд; №3: миска; № 4: 2 гонч. горшка, миска	2002 (ТП № 1-3), 2010 (ТП № 4)	Кракало, 2011, с. 144-147

Памятники черняховской культуры, подкурганные погребения с черняховскими вещами, отдельные погребения начала эпохи Великого переселения народов в днепро-донцаккой лесостепи (приложение к картам: Рис. Б.4.1 – Б.4.9).

7	Горшние Плавни	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	гонч. горшок, кувшин	—	Рудинский, 1928; Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 59
8	Градижск	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	разведка	разруш. погребения: керамика, монеты, фибулы	Д. Я. Телегин	Телегин, 1982
9	Градижск	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	разведка	разруш. погребения: керамика, монеты, фибулы	Л. М. Рутковская	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 67
10	Градижск	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	разведка	разруш. погребения: керамика, монеты, фибулы	И. Т. Черняков	Черняков, 1988
11	Градижск	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник (?)	5	1	случ. находка	серебр. подвязн. фибула	—	Приймак, 1997, с. 124
12	Градижск (ур. Круча, Пляж)	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник (?)	5	1	случ. находка	двучл. подвязн. фиб. Б1, Б2, Б3	—	Удовиченко, 2001, с. 110-112; Рейда, Лямкин, Сремеев, 2002, с. 173-174
13	Градижск (ур. Круча)	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	раскопки	глиняные площадки	Л. М. Рутковская/ 1975	Рутковская, 1979, с. 332-338
14	Градижск (ур. Круча)	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	раскопки	6 погр.: 3 ТП, 3 ТС	Л. М. Рутковская/ 1975	Рутковская, 1979, с. 338
15	Демьяновка	Днепр	Полтавская обл., Семеновский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 87
16	Дзержинское	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 59

17	Жовнино, ур. Биленковы Бурты	Днепр	Черкасская обл., Чернобаевский р-н	могильник	5	2	раскопки	5 ТП	В. Д. Дяденко/ 1961-1969	Рутковская, 1979, с. 317-318, рис. 2, 3; Петраускас, Циндровская, 2002, с. 6-13; Кракало, 2004
18	Жовнино, ур. Носенки	Днепр	Черкасская обл., Чернобаевский р-н	могильник	5	2	разведка, раскопки	6 ТС	М. Х. Левашов/ 1963; В. Д. Дяденко/ 1969; Л. М. Рутковская/ 1969	Рутковская, 1979, с. 319-320, рис. 5,6; Петраускас, Цындоровская, 2002, с. 13-15
19	Жовнино, ур. Пристань	Днепр	Черкасская обл., Чернобаевский р-н	могильник	5	2	раскопки	27: 22 ТП, 5 ТС	М. Х. Левашов/ 1968-1970; Л. М. Рутковская	Рутковская, 1979, с. 320-328; Петраускас, Цындоровская, 2002, с. 16-29
20	Жовнино, ур. Василенки	Днепр	Черкасская обл., Чернобаевский р-н	поселение	5	2	раскопки	2 глинобитн. сооруж.	Л. М. Рутковская/ 1969	Рутковская, 1979, с. 331
21	Кагамлык	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	разведка	—	И. Т. Черняков	Черняков, 1988
22	Кагамлык	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	раскопки	1 ТС	Л. М. Рутковская	Рутковская, 1979, с. 341-342
23	Келеберда	Днепр	Черкасская обл., Каневский р-н	могильник (?)	5	1	случ. нах.	фибула, пряжка	—	Спицын, 1948, с. 65
24	Клещенцы	Днепр	Черкасская обл., Чернобаевский р-н	могильник (?)	5	1	случ. нах.	миски из разруш. погр.	—	Левченко, Кракало, 1995; Левченко, 1994
25	Компанийцы	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	могильник	6	1	раскопки	86 ТС, 25 ТП	Е. В. Махно/ 1960 1965	Махно, 1971б; Некрасова, 2006

26	Лавриковка, кург. 2, погр.5	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	ТП в кург.	3	1	раскопки	1 ТП	Супруненко, Лямкін, Сидоренко/ 2009	Супруненко, Лямкін, Сидоренко, 2011
27	Липовое	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Р. А. Юра	Махно, 1960, с. 37
28	Майоры 3	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 62
29	Максимовка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	раскопки	3 наз. глиноб. сооруж., 4 ямы (раск. II, III)	Е. В. Махно, И.П. Костюченко/ 1959	Костюченко, 1959; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 84-85, рис. 8: 15-18
30	Максимовка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	могильник (?)	5	1	случ. нах.	отд. погр.-ТС: горшок с кальц. кост.	Н. М. Шмаглий/ 1955	Кракало, 2011, с. 144
31	Максимовка (гора Пивиха)	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	могильник (?)	4	1	случ. нах.	отд. погр.-ТП: ориент. ЮВ, жел. меч, 2 кувшина, бусы, 4 бронз. пряжки	1999	Кракало, 2003, с. 126-127; 2011, с. 144
32	Малая Кохновка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 62
33	Мозолиевка	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Черняков, 1988
34	Недогарки 1	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Д. Я. Телегін, М. П. Кучера	Махно, 1960, с. 38
35	Недогарки 2	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Д. Я. Телегін, М. П. Кучера	Махно, 1960, с. 38
36	Новолиповское	Днепр	Черкасская обл., Золотоношский р-н	поселение	5	1	раскопки	в 1957 г.: 7 наземн. глиноб. сооруж., 4 углубл. сооруж., 1 яма, 2 очага	Е. В. Махно/ 1957, 1958	Махно, 1957; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 86-87, рис. 9

37	Переволочная	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	могильник/поселение (?)	5	1	случ. нах.	бронз. фибула, керамика	—	Спицын, 1948, с. 65; Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 52
38	Пронозовка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Черняков, 1988
39	Пронозовка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	разруш. ТП с сосудами (однор. кувшин и лепн. горшок)	—	Кракало, Порубай, 1988; Кракало, 2011, с. 148
40	Радуцковка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	1	раскопки	5 (?) наземн. глиноб. соор.	разв. Н. М. Шмаглий; раск. В. П. Петров, Е. В. Махно/ 1958	Махно, 1960, С. 38; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 89-90, рис. 8: 1-6
41	Саловка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	4	—	разведка	—	—	Рейда, Лямкин, Єремєєв, 2002, с. 173-174
42	Святиловка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник (?)	4	1	случ. нах.	инвентарь погр. - миска закр. типа с каннелюрами	—	Сапегін, Шульга, 2001, с. 114
43	Советское 1 (Радянське 1)	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Супруненко / 1982	Супруненко, 1982, с. 30
44	Советское 4 (Радянське 1)	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Телегин, Махно, Шарафутдинова/ 1960	Телегин, Махно, Шарафутдинова, 1961, с. 67
45	Советское 5 (Радянське 5)	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	5	1	разведка	—	Супруненко/ 1982	Супруненко, 1982, с. 30
46	Солошино (Исаевка)	Днепр	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 164; Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 55
47	Сосновка	Днепр	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	1	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 64

48	Хацки	Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. Р-н	могильник (?)	4	1	случ. нах.	ТС (1908 г.) ТП (1876 г.)	Д. Я. Самоквасов	Спицын, 1948, с. 65
49	Шушваловка	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	2 разруш. ТП	—	Кракало, Порубай, 1988; Черняков, 1988; Кракало, Левченко, 19946
50	Шушваловский остров	Днепр	Полтавская обл., Глобинский р-н	могильник	5	1	случ. нах.	Разруш. погр., а также 3 ТП и 3 "комплекса"(разруш. ТП): п. 1: 2 миски, гонч. гор., кер. кубок; п. 2: миска, трехр. ваза, фр-ты сосудов, пряслице, жел. пряжка, бусина, жел. перстень; п. 3: кер. кубок, миска, гонч. горшок; "Комплексы" к. 1: 2 миски, гонч. горшок, фр-ты гребня, бр. подв. фибула, бусы; к.2:2 миски, кувшин- "графин", горшок- ваза, трехр.ваза, двур.кувшин, кер.кубок,2 жел. подв. фиб.,пряслице;к.3: миска-ваза, кер.кубок	П. С. Потапенко/ 1977 г., а также в 1982, 2005, 2010 гг.	Кракало, 2011, с. 147-148
СУПОЙ-ДНЕПР										
51	Андруши (Чубуки)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	—	—	случ. нах.	отд. ТП с неск. сосудами + обн. бр. подвязн. фибула	—	Махно, 1960, с. 31; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 63-64

52	Веприк	Супой	Черниговская обл., Бобровицкий р-н	поселение	4	2	разведка	—	Э. А. Сымонович/ 1962	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141; Обломский, 2002, с. 130
53	Виненцы	Броварка - Трубеж- Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	4	3	случ. нах.	отд. погр.	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 143, рис. 3
54	Вольное	Супой	Киевская обл., Згуровский р-н	поселение	2	2	разведка	—	Б. В. Магомедов, М. Е. Левада/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 38
55	Горбани (ур. Луки)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
56	Горбани (Лысая Гора)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
57	Денисы	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	могильник	4	2	случ. нах.	1 ТП	М. И. Сикорский, А. П. Савчук/ 1971	Сікорський, Савчук, 1971, с. 143
58	Денисы (ур. Царина)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
59	Денисы (Василенков Хутор)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
60	Денисы (ур. Горка)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
61	Добраничевка	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	—	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 96

62	Засупоевка	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 96
63	Капустинцы (ур. Кругляк)	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 96
64	Капустинцы (ур. Хутор)	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	5	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 96
65	Кулябовка	Малый Супой-Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	—	—	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97
66	Малая Супоевка 1	Малый Супой-Супой	Киевская обл., Згуровский р-н	поселение	5	3	разведка	—	О. В. Серов, В. Н. Зоценко/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 38
67	Малая Супоевка 2	Малый Супой-Супой	Киевская обл., Згуровский р-н	поселение	5	3	разведка	—	О. В. Серов, В. Н. Зоценко/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 38
68	Нечипоровка	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97
69	Панфилы (ур. Круглик)	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97
70	Панфилы (ур. Подгорье)	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	4	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97
71	Плужники	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	4,5	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97

72	Положаи (ур. Солонцы)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 61
73	Положаи (ур. Вакулившина)	Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 61
74	Рядянское 1	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 62
75	Рядянское 2	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 62
76	Сомкова Долина 1	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 63
77	Сомкова Долина 2	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 63

78	Соснова	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	2	3	раскопки	31 (?) ТС, 19 (?) ТП	М. И. Сикорский, А. П. Савчук/ 1962; М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1978-1985	Сикорский, Савчук, 1971, с. 141-143; Сикорский, Махно, Бузян, 1978-1985; Махно, Сикорский, 1989
79	Соснова 1	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	3	раскопки	8 углубл. сооруж.	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1978- 1985	Сикорский, Махно, Бузян, 1978-1985; Махно, Сикорский, 1989; Обломский, 2002, с. 40-41
80	Соснова 2	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	3	раскопки	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 63
81	Соснова 3	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	раскопки	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 63
82	Соснова 4	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	раскопки	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. Н. Бузян/ 1983	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 63
83	Соснова 5	Сага-Супой	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	раскопки	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 65
84	Суповка	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 97
85	Фарбованое	Фарба-Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	2	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 98

Продолж. Табл. А. 4. 2.

Продолж

86	Яготин	Супой	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	4	2	разведка	—	Г. Н. Бузян/ 1985	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 98
ТРУБЕЖ-ДНЕПР										
87	Барышевка	Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141; Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 14
88	Барышевка	Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	могильник	4	2	случ. нах.	отд. вещи из погр.	А. П. Савчук/ 1957	Шендрик, 1977, с. 26
89	Веселое (ур. Подол)	Карань-Булатица Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло, Д. А. Тетеря/ 1992	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, С. 51
90	Веселое (ур. Булатица)	Карань-Булатица Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло, Д. А. Тетеря/ 1992	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 51
91	Волошиновка (ур. Осавулово)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	6	3	разведка	—	—	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 14
92	Волошиновка (ур. Черняков Остров)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	могильник	4	3	разведка	отд. вещи из погр.	Ю. В. Костенко/ 1973	Костенко, 1978, с. 110
93	Волчков (Волчик)	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141
94	Вьюнице	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	М. Ю. Брайчевский, Н. М. Кравченко/ 1960	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 53

95	Гайшин (ур. Бурты)	Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 53
96	Гайшин (ур. Пильма)	Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 53
97	Гланишев	Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	—	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 53
98	Городище 2	приток-приток-Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	1	4	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1989	Сытый, 1989, с. 20
99	Гребля (ур. Клинец)	Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло, Д. А. Тетеря/ 1992	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
100	Гребля (ур. Подгорье)	Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло, Д. А. Тетеря/ 1992	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
101	Гречаники	приток-Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	4	3	случ. нах.	отд. ТП	1912	Рудинський, 1928, с. 51-59; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 63; Щербаківський, 2005
102	Демьянцы (ур. Гаек)	Альта-Трубеш	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54

103	Демьянцы (ур. Данилов Горб)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 54
104	Ерковцы (ур. Булатица-Ставы)	Булатица - Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	раскопки	2 углубл. сооруж., 1 яма, 2 печи, погр. Собаки	В. Н. Даниленко, А. Д. Столяр/ 1948	Даниленко, Столяр, 1952
105	Ерковцы (ур. Вертебы)	Булатица - Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	3	разведка	—	Г. Н. Бузян/ 1997	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 56
106	Ерковцы (ур. Солонцы)	Булатица - Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1989	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 55-56
107	Ерковцы (ур. Цемино)	Булатица - Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян/ 1997	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 56
108	Ковалин	Карань-Булатица Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	4	разведка	—	Г. Н. Бузян/ 1997	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 57
109	Козлив	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 56
110	Коржи (ур. Панский кут)	Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. П. Савчук, Ю.В. Костенко/ 1974	Костенко, 1978, с. 111
111	Мазинки (ур. Загребля)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 57

112	Мазинки (ур. Дворянщина)	Альта-Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 57-58
113	Остров	Трубейж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	6	2	разведка	—	Ю. В. Костенко/ 1970	Костенко, 1978, с. 109-110
114	Остролучье (ур. Гостроловка)	Трубейж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	2	разведка	—	Ю. В. Костенко/ 1976	Костенко, 1978, с. 109
115	Переяслав-Хмельницкий 1 (сев. окр. города)	Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 140
116	Переяслав-Хмельницкий 2 (ур. Татарская Гора) (юж. окр. города)	Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук/ 1971	Сікорський, Савчук, 1971, с. 140
117	Переяслав-Хмельницкий 3 (ул. Орджоникидзе)	Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	—	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60
118	Переяслав-Хмельницкий 4	Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60
119	Переяслав-Хмельницкий (ур. Жолоб-Крутуха)	Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло, Д. А. Тетеря/ 1992	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60

120	Переяслав-Хмельницкий	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	4	2	раскопки	19 ТП, 21 ТС, 2 кенотафа	откр. М. И. Сикорский/ 1951; раск. В. К. Гончаров/ 1952; В. К. Гончаров, Е. В. Махно/ 1952, 1954	Гончаров, Махно, 1957
121	Переяслав-Хмельницкий (ур. Татарская Гора)	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	4	2	случ. нах.	1 ТП, 4 ТС	М. И. Сикорский/ 1971	Сікорський, Савчук, 1971, с. 140; Махно, Сікорський, 1976
122	Подолье (ур. Загребля)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	6	3	разведка	—	В. Н. Зоценко, О. В. Серов/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 15
123	Подолье (ур. Горы)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	В. Н. Зоценко, О. В. Серов/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 15
124	Подолье (ур. Заречье)	Альта-Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 17
125	Пристромы 1	Трубеж	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук/ 1964	Сікорський, Савчук, 1971, с. 144
126	Пристромы 2	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	М. П. Кучера/ 1971	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 62
127	Пристромы 3	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук/ 1971	Сікорський, Савчук, 1971, с. 144
128	Пристромы 4	Трубеж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60

129	Селище 1	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 143
130	Селище (ур. Бирки)	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	2	разведка	—	Ю. В. Костенко/ 1974	Костенко, 1978, с. 99
131	Селище (ур. Дзюбин Яр)	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. П. Савчук/ 1962	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 17
132	Селище 2	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	6	2	разведка	—	Ю. В. Костенко/ 1976	Костенко, 1978, с. 109
133	Стовпяги	Булатица-Карань Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Сікорський, Савчук, 1971, с. 140-141
134	Стовпяги	Булатица-Карань Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник	4	2	случ. нах.	отд. вещи из погр.	—	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141; Шендрик, 1977, с. 98
135	Студеники 1	Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 56
136	Студеники 2 (Жовтневое)	Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	2	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 56
137	Сухой Борок	Булатица-Карань Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	К. Коршак/ 1927	Махно, 1960, с. 32
138	Харьковцы (ур. Живогляд-Горб)	Альта-Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. И. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 65
139	Харьковцы (ур. За городами)	Альта-Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Н.М. Буйлук, О.В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66

140	Харьковцы (ур. Кут)	Альта-Трубезь	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	3	разведка	—	Н.М. Буйлук, О.В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66
141	Хлопков 1	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	5	2	шурфовка, раскопки	8 углубл. жилищ, 10 углубл. хоз. сооруж., 35 ям; 1 гонч. Горн	шурф. Ю. В. Костенко/ 1976; раск. В. Д. Баран, А. Н. Некрасова/ 1981-1984	Костенко, 1978; Некрасова, 1988
142	Хлопков 2	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	1	2	раскопки	1 углубл. соор.	Ю. В. Костенко	Костенко, 1978, с. 103-109; Баран, Некрасова, 1982; Некрасова, 1988
143	Хлопков 3	Трубезь	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. Н. Некрасова	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 17
Броварка-Трубезь										
144	Великая Каратуль (ур. Верижино)	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	5	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 51
145	Великая Каратуль (ур. Паралевщина)	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	5	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, Н. Т. Товкайло/ 1988	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 51
146	Виненцы (ур. Загребелье)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. И. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 52
147	Воскресенское (ур. Дубки)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 52

148	Воскресенское (ур. Левада)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 52
149	Выползки 1	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 51-52
150	Выползки 2	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	6	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 52
151	Лецьки	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. И. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 57
152	Малая Каратуль	Броварка - Трубеж- Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	могильник (?)	3	2	случ. нах.	—	1963	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 64
153	Малая Каратуль (ур. Сад)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 58
154	Малая Каратуль (ур. Шепелевщина)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 58
155	Малая Каратуль (Червоный Хутор)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 58

156	Пологи-Яненки	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60
157	Помоклы 1(ур. Великоричный Майдан)	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	2	4	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. И. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 61
158	Помоклы 2 (ур. Сичи)	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	4	разведка	—	М. И. Сикорский, Е. В. Махно, Г. И. Бузян/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, С. 61
159	Помоклы 3 (ур. Завалье-Заречье)	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 61
160	Помоклы 4	Гнилка-Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	—	4	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 62
161	Чирское (ур. Загребля)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60
162	Чирское (ур. Червоный Хутор)	Броварка	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	3	3	разведка	—	Г. Н. Бузян, Н.М. Буйлук, О. В. Колыбенко, Н. Т. Товкайло/ 1990	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 60
Недра-Трубей										
163	Березань	Недра-Трубей	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ю. В. Костенко	Костенко, 1978, с. 111
164	Великий Крупиль	Недра-Трубей	Киевская обл., Згуровский р-н	поселение	5	3	разведка	—	О. В. Серов, В. Н. Зоценко/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 38

165	Корнеевка	Малая Березовка Недра	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	О. В. Серов/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 15
166	Лукаши	Малая Березовка Недра	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	О. В. Серов/ 1991	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 15
167	Малый Крупиль	Недра-Трубейж	Киевская обл., Згуровский р-н	поселение	5	3	разведка	—	О. В. Серов, В.Н. Зоценко/ 1987	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 15
168	Макаровка (Ровчак)	Быстрица-Недра- Трубейж-Днепр	Черниговская обл., Бобровицкий р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1988	Мултанен, 1988, с. 4-5
169	Недра 2	приток-Недра	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	3	4	разведка	—	С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко, Д. Л. Гаскевич, О. П. Журавлев, А. В. Скиба/ 1999	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 17
170	Недра 3	приток-Недра	Киевская обл., Барышевский р-н	поселение	3	4	разведка	—	С. Д. Лысенко, С. С. Лысенко, Д. Л. Гаскевич, О. П. Журавлев, А. В. Скиба/ 1999	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 17
171	Новая Басань	Недра-Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141
172	Осовец	Недра-Трубейж	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	4	3	разведка	—	М. И. Сикорский, А. П. Савчук	Сікорський, Савчук, 1971, с. 141
173	Щасновка 1	Недра-Трубейж- Днепр	Черниговская обл., Бобровицкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1988	Мултанен, 1988, с. 5-6
174	Щасновка 2	Недра-Трубейж- Днепр	Черниговская обл., Бобровицкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1988	Мултанен, 1988, с. 6
175	Щасновка 3	Недра-Трубейж- Днепр	Черниговская обл., Бобровицкий р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1988	Мултанен, 1988, с. 6
Цыбля-Днепр										

176	Цыбли	Цыбля - Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. Р-н	могильник (?)	4	2	случ. нах.	вещи из инвент. погр.	—	Шендрик, 1977, с. 100
177	Цыбли 1	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	Д. Я. Телегин, В.А. Круц, Д. Ю. Нужный/ 1979	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66
178	Цыбли 2	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. В. Роздобудько, А. В. Костюк/ 1998	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66
179	Цыбли 3	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. В. Роздобудько, Д. А. Тетеря, А. В. Костюк/ 1995	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66
180	Цыбли 4	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. В. Роздобудько, Д. А. Тетеря, А. В. Костюк/ 1995	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66
181	Цыбли 5	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. В. Роздобудько, Д. А. Тетеря, А. В. Костюк/ 1995	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 66-67
182	Цыбли 7	Цыбля-Днепр	Киевская обл., Переяслав-Хм. р-н	поселение	5	2	разведка	—	М. В. Роздобудько, Д.А. Тетеря, А.В. Костюк/ 1995	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 67
Район 2 "ДЕСНА-СЕЙМ"										
ДЕСНА										
1	Карпиловка	приток-приток- Десна	Черниговская обл., Козелецкий р-н	поселение	2	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1987	Мултанен, 1987, с. 8
2	Кладьковка	Десна	Черниговская обл., Куликовский р-н	поселение	6	2	разведка	—	А. В. Шекун/ 1992	Обломский, 2002, с. 130
Дочь-Береза-Десна										
3	Малая Дочь	приток-приток- Дочь-Береза- Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1989	Сытый, 1989, с. 19-20

Борзна-Дочь										
4	Липовка 1	Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	5	5	раскопки	—	Г. В. Жаров, Р.В. Терпиловский/2003	Терпиловский, 2008, с. 298
5	Плиски	Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	4	5	разведка	—	А. А. Мултанен/1987	Мултанен, 1987, с. 4
6	Плиски (Рудка 2)	приток-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	4	5	разведка	—	Ю. Н. Сытый/1990	Сытый, 1990, С. 35
Борзенка-Борзна										
7	Борзна 1	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 10-11
8	Борзна 2	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 10-11
9	Борзна 3	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	Сымонович/1960	Обломский, 2002, с. 130
10	Борзна-Николаевка	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 11
11	Николаевка 1(Карьер)	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	8	разведка	—	Ю. Н. Сытый/1991	Сытый, 1991, с. 5
12	Николаевка 2	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	7	разведка	—	Ю. Н. Сытый/1991	Сытый, 1991, с. 5
13	Остров 1	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 12
14	Остров 2	Борзенка-Борзна-Дочь-Береза-Десна	Черниговская обл., Борзнянский р-н	поселение	5	6	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 12
ОСТЕР-ДЕСНА										

15	Березанка 2	Остер-Десна	Черниговская обл., Козелецкий р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 10
16	Березанка 3	Остер-Десна	Черниговская обл., Козелецкий р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 10
17	Данино 1	приток-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1992	Мултанен, 1992, с. 8
18	Данино 2	приток-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1992	Мултанен, 1992, с. 8-9
19	Закревское	приток-Остер	Черниговская обл., Козелецкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1986	Мултанен, 1986, с. 5
20	Круты	приток-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1989	Сытый, 1989, с. 25
21	Липов Рог	Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1988	Мултанен, 1988, с. 13
22	Липов Рог (Мыс)	Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1989	Простантинова, 1989, с. 14-15
23	Липов Рог (Птичник 2)	Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1986	Мултанен, 1986, с. 7
24	Носовка 1 (Карьер)	приток-Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	4	4	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1988	Простантинова, 1988, с. 3
25	Носовка 4 (Краткиевка)	приток-Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. Д. Авдеев/ 1989	Авдеев, 1989, с. 3
26	Носовка 5 (Краткиевка)	приток-Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. Д. Авдеев/ 1989	Авдеев, 1989, с. 3
27	Омбиш	приток-Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1990	Сытый, 1990, с. 3
28	Петровка	приток-Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Обломский, 2002, с. 131
29	Печи 1 (Дегтярка)	Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. В. Жаров/ 1991	Жаров, 1991, с. 22
30	Печи 2 (Перелисок 2)	Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1987	Мултанен, 1987, с. 4
31	Печи 3 (Печи1)	Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. В. Жаров/ 1991	Жаров, 1991, с. 22
32	Хорошее озеро 1 (Вовча могила)	приток-Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1990	Сытый, 1990, с. 32
33	Хорошее озеро 2	приток-Остер	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	6	4	разведка	—	Г. В. Жаров/ 1991	Жаров, 1991, с. 22
Вьюница-Остер										

34	Талалаевка 1 (Канал 1)	Вьюница-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1992	Мултанен, 1992, с. 10-11
35	Талалаевка 2 (Канал 2)	Вьюница-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1992	Мултанен, 1992, с. 11
36	Талалаевка 3 (ЛЭП)	Вьюница-Остер	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1992	Мултанен, 1992, с. 11
Носовочка-Остер										
37	Дослідное (Струга Остров)	Носовочка- Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1987	Простантинова, 1987, с. 4
38	Дослідное (Струга 3)	Носовочка- Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	4	5	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1987	Простантинова, 1987, с. 5
39	Дослідное (Струга 4)	Носовочка- Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	4	5	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1987	Простантинова, 1987, с. 4
40	Ставок (Мурчин Ставок)	Носовочка- Остер	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Простантинова/ 1988	Простантинова, 1988, с. 5
СЕЙМ-ДЕСНА										
41	Воронино	Сейм	РФ, Курская обл., Льговский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Липкинг, 1966, карта
42	Глушково	ручей-Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 187-188
43	Глушково 1	ручей-Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1993	Обломский, 2002, с. 115
44	Гупово	Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 188
45	Званное	Сейм	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1993	Обломский, 2002, с. 115
46	Клишино	приток-Сейм	РФ, Курская обл., Льговский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 183
47	Лебяжье	Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Радюш, 2008, рис. 7
48	Масловское городище	Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	находки керамики	3	3	разведка	—	—	Липкинг, 1966, карта
49	Рассыльная	приток-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	3	3	разведка	—	А. В. Кашкин/ 1984	Обломский, 2002, с. 116

50	Скуносово	приток-Сейм	Сумская обл., Путивльский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. М. Обломский. Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 120
51	Хвостово	Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Обломский, 2002, табл.5, с.116
Волфа-Сейм										
52	Гольшевское	Волфа-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1994	Обломский, 2002, с. 119
Вырь-Сейм										
53	Белополье 1	Вырь-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	5	4	раскопки	ост. 4 углубл. соор., 4 очага	А. Н. Некрасова, В. В. Приймак/ 1991-1992	Некрасова, Приймак, Белинская, 1992; Некрасова, 1994
54	Белополье 2	Вырь-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 118
55	Василивщина	Вырь-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	5	5	разведка	—	О. В. Сухобоков/ 1988	Обломский, 2002, с. 118
56	Омельченки	Вырь-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	5	—	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 13
Крыга-Вырь										
57	Зеленое	приток-Крыга- Вырь-Сейм	Сумская обл., Белопольский р-н	поселение	1	5	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 119
Дичня-Сейм										
58	Дичня	Дичня-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 186
Езучь-Сейм										
59	Вязовое	Езучь-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Э. А. Сымонович/ 1961	Обломский, 2002, с. 119
60	Поселок 1	Езучь-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 17

61	Поселок 2	Езучь-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 17
62	Червоный Яр 1	Езучь-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 13
63	Червоный Яр 2	Езучь-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 13
Млодять-Сейм										
64	Шатовка	Млодять-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 29
Пена-Сейм										
65	Венгеровка 1	Пена-Сейм- Десна	РФ, Белгородская обл., Ивнянский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1997	Обломский, 2002, с. 117
66	Вышние Пены 1	Пена-Сейм- Десна	РФ, Белгородская обл., Ивнянский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1987	Обломский, 2002, с. 117
Пенка-Сейм										
67	Пены (участки Пены 1 и Пены 2)	Пенка-Сейм	РФ, Курская обл., Льговский, Курчатовский р-ны	поселение	2	4	разв. с шурфовко й, раскопки	1 наземн. соор	А. М. Обломский/ разв. 1987; Радюш/ раск. с 2007	Обломский, 2002, с. 116; Радюш, 2008, с. 185-186; 2010, с. 180-209
68	Пены 3	Пенка-Сейм	РФ, Курская обл., Льговский, Курчатовский р-ны	могильник	2	4	разв., раскопки	3 ТС	О. А. Радюш/ раск. с 2007	Радюш, 2010, с. 206-207;2011
Полная -Сейм										
69	Горки	Полная-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 14
70	Старая Слободка 1	Полная-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 19646, с. 17
Прутище-Сейм										
71	Болваново	Прутище -Сейм	РФ, Курская обл., Коньшевский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 193-194

72	Мармыжи	Прутище -Сейм	РФ, Курская обл., Конышевский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 188-189
73	Николаевка	Прутище -Сейм	РФ, Курская обл., Конышевский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 189-193
Рать-Сейм										
74	Ратское (Бесединское) городище	Рать-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	находки керамки	3	4	разведка	—	—	Симонович, 1983б, рис. 2
Реут-Сейм										
75	Афросимовка	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Липкинг, 1966, карта
76	Гостомля	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Липкинг, 1966, карта
77	Иванино	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 183
78	Маково	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 15
79	Мальцево 3	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 15-16
80	Мальцево Второе 1	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 15-16
81	Мальцево Второе 2	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	—	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 15-16
82	Рязаново	ручей-Реут	РФ, Курская обл.	поселение	5	5	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 186-187
83	Русская Поречная	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 17
84	Самсоновка(Сам оново)	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 17
85	Тарасово	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Медвенский р-н	поселение	—	4	разведка	—	—	Симонович, 1964б, с. 18
86	Чапли	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 183
87	Чапли 13	Реут-Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Археологическая карта России, 1998, с. 242

Рогозна-Сейм										
88	Колосовка	Рогозна-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	2	4	раскопки	1 наземн. глиноб. соор., 2 углубл. соор., 5 ям, 1 очаг	Э. А. Сымонович/ 1971	Сымонович, 1983б, с. 76-80
89	Поповка	Рогозна-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка, шурфовка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 17
90	Филиппова	Рогозна-Сейм	РФ, Курская обл., Курчатовский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 194
Снагость-Сейм										
91	10-й Октябрь	Мужица- Снагость	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	поселение	2	5	раскопки	к чернях. культ. отн. 1 углубл. соор., 5 ям	А. М. Обломский/ 1994	Обломский, 2002, с. 37-38, рис. 35- 42
92	Любимовка 3	Снагость-Сейм	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964, с. 15
93	Снагость 2	Снагость-Сейм	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	поселение	5	4	раскопки	1 наземн. глиноб. соор., 3 углубл. соор., 4 ямы	Сымонович/ 1977	Сымонович, 1977; Сымонович, Сокол, 1978;
94	Толстый Луг 2	Снагость-Сейм	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 18
Руда-Свапа-Прутище-Сейм										
95	Раздолье	Руда-Свапа- Прутище	РФ, Курская обл., Коньшевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Радюш, 2008, с. 194
Сухая Амонька-Сейм										
96	Петровское	Сухая Амонька- Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 17
Терн-Сейм										
97	Городище	Терн-Сейм	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 119
Тускарь-Сейм										

98	Люшинское городище	Тускарь-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	находки материалов	3	4	разведка	—	—	Радюш, 2011
99	Кудеярова гора	Тускарь-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	находки материалов	3	4	разведка	—	—	Радюш, 2011
100	Переверзевское городище	Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	находки керамики	3	3	разведка	—	—	Липкинг, 1966, карта
101	Свобода	Тускарь-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Радюш, 2011
102	Щетинка	Тускарь-Сейм	РФ, Курская обл., Курский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 18
Чаша-Сейм										
103	Чумаково 1	Чаша-Сейм	Сумская обл., Буринский р-н	поселение	3	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 120
Щемля-Сейм										
104	Духановка 1	Щемля-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 119
105	Духановка 2	Щемля-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 119
106	Духановка 3	Щемля-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 119
107	Духановка 4	Щемля-Сейм	Сумская обл., Конотопский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1990	Обломский, 2002, с. 119
Смолянка-Десна										

108	Комаровка (Проток Вялый)	Смолянка-Десна	Черниговская обл., Борзненский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Ю. Н. Сытый/ 1992	Обломский, 2002, с. 130
Район 3 "СУЛА"										
СУЛА										
1	Белоцерковцы	Сула	Полтавская обл., Пирятинский р-н	могильник (?)	4	2	случ. нах.	1 ТС в амфоре	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
2	Березняки	Сула	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
3	Бобрик	Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Горюнов, Пескова, 1973
4	Волковцы- Пустовойтовка	приток-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	4	3	разведка	И. И. Ляпушкин/ 1948	—	Ляпушкин, 1961, с. 161; Романова, 1990, с. 2
5	Волчек (Вовчек)	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	могильник	4	2	раскопки	3 ТП, 3 ТС	В. В. Кропоткин/ 1968	Кропоткин, 1969
6	Герасимовка	ручей-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Романова, 1990, с. 6
7	Засулье	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1950а, с. 31
8	Кононенково	приток-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987, с. 18
9	Кононовка	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	1	2	разведка	—	Т. Долгополов	Махно, 1960, с. 40
10	Кремянка	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 40
11	Купьеваха	приток-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ф. Б. Копылов	Копилов, 1952, с. 308
12	Лубны (Замостище/ Солоница)	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 39
13	Лубны (Верхний вал)	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	—	4	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 69
14	Лучки	Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Горюнов, Пескова, 1973

15	Мацковцы	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Супруненко, 1986
16	Морозовка	Сула	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение/м огильник?	1	2	случ. нах.	—	—	Махно, 1960, с. 38
17	Нижний Булатец	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	1	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 40
18	Пески	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 40
19	Подол 1 (Паталенки- карьер)	приток-приток- Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1987	Мултанен, 1987, с. 7
20	Подол 2 (Паталенки 2)	приток-приток- Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1987	Мултанен, 1987, с. 7
21	Поетин	приток-приток- Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1987	Мултанен, 1987, с. 8
22	Савинский	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	могильник	4	2	случ. нах.	ТС в амфоре	—	Сымонович, Кравченко, 1983,с. 66
23	Снятин	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	могильник	4	2	случ. нах.	отд. погр.	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
24	Солоница (ур. Исаевка)	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 38
25	Терны	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 40
26	Тишки	Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 71
Артополот-Сула										
27	Лохвица	Артополот-Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	могильник	4	3	раскопки	12 ТП, 8ТС	откр. П. А. Гребенник/ 1955; раск. Д. Т. Березовец, В. П. Петров/ 1955	Березовец, Петров, 1960
Бишкин-Сула										
28	Томашевка 1	приток-Бишкинь Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 120

29	Томашевка 2	приток-Бишкинь Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов	Горюнов, 1981а, С. 107
30	Томашевка 3	приток-Бишкинь Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 120
Хусть-Бишкин										
31	Беседовка (ур. Белопольщина)	Хусть-Бишкин-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	4	раскопки	3(?) наземн. глиноб. соор.	Е. В. Махно/ 1949	Махно, 1955б, с. 79-82; Романова, 1990, с. 4
32	Беседовка (ур. Негрийковы горбы)	Хусть-Бишкин-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Е. В. Махно/ 1949	Махно, 1955б, с. 79-82; Романова, 1990, с. 4
33	Гриневка (ур. Быков яр)	Хусть-Бишкин-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	4	разв. с шурф.	—	Е. В. Махно/ 1949	Махно, 1955, С. 79-82; Романова, 1990, С. 4-5
34	Гриневка	приток-Хусть-Бишкин-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	5	разведка	—	Е. В. Махно/ 1949	Махно, 1960, с. 45
Козак-Сула										
35	Зирка	Козак-Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 39
Локня-Сула										
36	Артюховка 1	приток-Громадская-Локня-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	5	раскопки	1 наземн. глиноб. соор., 4 ямы	Г. А. Романова (Усова)/ откp. 1972, раск. 1974, 1977, 1989	Романова, 1989, 1990, с. 6
37	Артюховка 2	приток-Громадская-Локня-Сула	Сумская обл.	посел.	1	5	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1974	Горюнов, 1981а, с. 107-108
38	Артюховка 3 (Стриженково)	приток-Громадская-Локня-Сула	Сумская обл.	посел.	1	5	разведка	—	Г. А. Романова/ 1974	Романова, 1990, с. 59-60

39	Дубина 1	Локня-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	3	раскопки	—	Г. В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2003	Жаров, Терпиловский, 2006, С. 97; Терпиловский, 2008, С. 299; Терпиловский, 2010, С. 81; Жаров, Терпил овский, 2011, с.174
40	Дубина 1	Локня-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	могильник	1	3	раскопки	11 ТП (сохр. in situ погр. № 1, 2, част. №3)	Г. В. Жаров, Т. А. Жарова, Р.В. Терпиловский/ 2003	Жаров, Терпиловский, 2006, С. 97; Жаров, Терпил овский, 2011, с.174-177
41	Лесковщина (балка Вурвулиха)	приток-Локня- Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. А. Романова/ 1974	Романова, 1989; 1990, с. 6
42	Хоминцы 1	Локня-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Романова, 1990, с. 6; Обломский, 2002, с. 120
43	Хоминцы 2	Локня-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 120
Ромен-Сула										
44	Савченков Яр	приток-Ромен	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	4	раскопки	—	Г. В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2006	Терпиловский, 2010, с. 80
45	Московщина	приток-Ромен- Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 120
Малый Ромен-Ромен										
46	Великий Самбор	Малый Ромен- Ромен-Сула	Сумская обл., Конотопский р-н	могильник	1	4	случ. нах.	1 ТП	Ю. Ю. Моргунов	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
Олава-Сула										

47	Королевщина	Олава-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Романова, 1990, с. 6; Обломский, 2002, с. 119
Оржица-Сула										
48	Годуновка	Лозовая-Гнилая Оржица-Сула	Киевская обл., Яготинский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Г. Н. Бузян/ 1997	Магомедов, Абашина, Солтис, 2003, с. 96
49	Пилиповичи	Сухая Оржица- Чумгак-Оржица- Сула	Полтавская обл., Оржицкий р-н	поселение	2	5	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1973	Обломский, 2002, с. 128
Рудка-Сула										
50	Коровинцы (Базарная площадь)	Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	могильник (?), поселение	4	2	случ. нах. + раскопки	сосуды, чересло и т.д.	Е. В. Махно	Семенчик, 1930; Махно, 1960, с. 45; Романова, 1990, с. 4
51	Коровинцы (Старое Село)	Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	4	2	разведка	—	В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин	Махно, 1960, С. 45; Романова, 1990, С. 4
Слепород-Сула										
52	Воронинцы	Слепород-Сула	Полтавская обл., Оржицкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 39
53	Воронинцы	Слепород-Сула	Полтавская обл., Оржицкий р-н	могильник	4	3	случ. нах.	1 ТП, 1 ТС	—	Мокляк, 1998
54	Михновцы	Слепород-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 127
55	Пятигорцы 1	Слепород-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 128
56	Пятигорцы 2	Слепород-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 128
57	Хорунжевка	приток- Слепород-Сула	Полтавская обл., Оржицкий р-н	поселение	5	4	разведка	—	М. М. Казанский	Обломский, 2002, с. 129
Солоница-Сула										
58	Войниха- Купьеваха	Солоница-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 39

Сухая Лохвица-Сула										
59	Безсалы	Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	поселение	1	3	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 46-53
60	Белоусовка 1	Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	2	3	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 1-2
61	Белоусовка 2	Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	2	3	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, С. 1-2
62	Беребинцы	Сухая Лохвица - Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	могильник	—	—	случ. нах.	1 ТП	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
63	Богодаровка 1	приток-приток-Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, С. 4-6
64	Богодаровка 2	приток-приток-Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 6
65	Луценки	Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Лохвицкий р-н	поселение	5	3	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 9
Колбань-Сухая Лохвица										
66	Богдановка	приток-Колбань-Сухая Лохвица-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 3-4
Терн-Сула										
67	Великие Будки	приток-Терн-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Романова, 1982
68	Холодный Яр	приток-Терн--Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	могильник	1	4	случ. находка	сосуды из погр.	—	Махно, 1960, с. 46
Курица-Терн										
69	Успенка	Курица-Терн-Сула	Сумская обл., Буринский р-н	могильник	1	4	раскопки	7 ТС, 24 ТП	Е. В. Махно/ 1968, 1972, 1976	Махно, 1971а; Некрасова, 2006
70	Череповка	Курица-Терн-Сула	Сумская обл., Буринский р-н	поселение	2	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1972	Обломский, 2002, с. 120
Удай-Сула										

71	Воскресенское 1	Удай-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	1	3	раскопки	5 углубл. постр., 4 гонч. Горна	Г. В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2003	Терпиловский, 2008, С. 299; Терпиловский, 2010, С. 80; Жаров, Терпил овський, 2011, с.169-170
72	Воскресенское 1	Удай-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	могильник	1	3	раскопки	4 ТП	Г. В. Жаров, Т.А. Жарова, Р. В. Терпиловский/ 2003	Терпиловский, 2008, С. 299; Терпиловский, 2010, С. 81; Жаров, Терпил овський, 2011, с.170-173
73	Гайки	Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
74	Гнидинцы 6	Удай-Сула	Сумская обл., Роменский р-н	поселение	4	3	раскопки	—	Г. В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2006	Терпиловский, 2010, с. 80
75	Деймановка	Удай-Сула	Полтавская обл., Пирятинский р-н	могильник(?)	1	3	случ. нах.	кувшин	—	Махно, 1960, с. 41
76	Журавка	Удай-Сула	Черниговская обл., Прилуцкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, рис. 2: 14, 16
77	Заезд	Удай-Сула	Черниговская обл., Прилуцкий р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1986	Мултанен, 1986, с. 9
78	Калайдинцы (Решай-Долина)	Удай-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ф. Б. Копылов	Махно, 1960, с. 40
79	Линовица	приток-Удай- Сула	Черниговская обл., Прилуцкий р-н	могильник (?)	—	—	случ. нах.	горшок, кувшин	В. В. Жевахин	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
80	Песок	Удай-Сула	Полтавская обл., Лубенский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. Б. Супруненко, И.Н. Кулатова	Супруненко, Кулатова, 1988
81	Прилуки	Удай-Сула	Черниговская обл., Прилуцкий р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. А. Мултанен/ 1986	Мултанен, 1986, с. 8
82	Свитанок 1	приток-Удай- Сула	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. В. Жаров/ 1990	Жаров, 1990, с. 10
83	Свитанок 2	приток-Удай- Сула	Черниговская обл., Нежинский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. В. Жаров/ 1990	Жаров, 1990, с. 10

Галка-Удай										
84	Малая Девица 1	Галка-Удай-Сула	Черниговская обл., Прилукский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 131
85	Малая Девица 2	Галка-Удай-Сула	Черниговская обл., Прилукский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, б. 131
86	Малая Девица (ур. Черненково)	Галка-Удай-Сула	Черниговская обл., Прилукский р-н	отд. ТП	—	5	случ. нах.	—	—	Сымонович, 19646, с. 11
87	Малая Девица	Галка-Удай-Сула	Черниговская обл., Прилукский р-н	отд. ТП	—	5	случ. нах.	—	—	Сымонович, 19646, с. 11, рис. 4: 1, 2
Иченька-Удай										
88	Ичня 1	Иченька-Удай-Сула	Черниговская обл., Ичнянский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. А. Мултанен/1987	Мултанен, 1987, с. 6
89	Ичня 2	Иченька-Удай-Сула	Черниговская обл., Ичнянский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. А. Мултанен/1987	Мултанен, 1987, с. 6
Лысогор-Удай										
90	Скибовщина 1	приток-приток-Лысогор-Удай-Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	А. А. Мултанен/1986	Мултанен, 1986, с. 12
91	Скибовщина 2	приток-приток-Лысогор-Удай-Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	А. А. Мултанен/1986	Мултанен, 1986, с. 12
92	Скибовщина 3 (Коганово 2)	приток-приток-Лысогор-Удай-Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	А. А. Мултанен/1986	Мултанен, 1986, с. 13
93	Харитоновка 1 (Балка 1)	приток-приток-Лысогор-Удай-Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	поселение	1	6	разведка	—	А. А. Мултанен/1992	Мултанен, 1992, с. 10
Глиня-Лысогор										
94	Гурбинцы	Глиня-Сула	Черниговская обл., Сребненский р-н	могильник	1	3	раскопки	6 ТП(?)	Н. Е. Макаренко/1926	Макаренко, 1927; Сымонович, 19646, с. 24-26
Многа-Удай										
95	Бубны	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	4	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1973	Обломский, 2002, с. 124

96	Вороньки	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	3	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1973	Обломский, 2002, с. 124
97	Городище	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1973	Обломский, 2002, с. 125
98	Кизлевка	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	5	4	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 7
99	Луговики 1	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	4	4	разведка	—	В. В. Приймак/1982	Приймак, 1982, с. 8-9
100	Луговики 2	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1973	Обломский, 2002, с. 126
101	Позняки	Многа-Удай-Сула	Полтавская обл., Чернухинский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/1971	Обломский, 2002, с. 128
Перевод-Удай										
102	Крячковка	Перевод-Удай	Полтавская обл., Пирятинский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 79
Перевод-Рудая										
103	Анновка	Перевод-Рудая-Удай	Черниговская обл., Носовский р-н	поселение	1	5	разведка	—	Г. В. Жаров/1991	Жаров, 1991, с. 24
Рудая -Удай										
104	Грабаровка 1	Рудая-Удай-Сула	Полтавская обл., Пирятинский р-н	поселение	4	4	раскопки	погр. собаки	И. В. Головкин/1998	Любичев, 1999, с. 13-14
105	Грабаровка 2	Рудая-Удай-Сула	Полтавская обл., Пирятинский р-н	поселение	4	4	разведка	—	И. В. Головкин/1998	Любичев, 1999, с. 13-14
106	Давыдовка	Рудая-Удай-Сула	Полтавская обл., Пирятинский р-н	поселение	4	4	раскопки	1 полуземл.	И. В. Головкин/1998	Любичев, 1999, с. 13-14
Рудка-Удай										
107	Клецы	Рудка-Удай-Сула	Черниговская обл., Малодевицкий р-н	могильник (?)	—	4	разведка	—	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
Смош-Удай										
108	Иржево	Смош-Удай	Черниговская обл., Ичнянский р-н	ТП под кург. насып.	4	4	случ. нах.	—	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66
109	Пролетарское	приток-Смош-Удай	Черниговская обл., Ичнянский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. А. Мултанен/1987	Мултанен, 1987, с. 6

110	Ряшки 2	приток-Смош-Удай	Черниговская обл., Прилукский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Шекун/ 1992	Обломский, 2002, с. 131
111	Щуровка 1	Смош-Удай	Черниговская обл., Ичнянский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Шекун/ 1992	Обломский, 2002, с. 132
112	Щуровка 2	Смош-Удай	Черниговская обл., Ичнянский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Шекун/ 1992	Обломский, 2002, с. 132
Хмелевка -Сула										
113	Казенный	Хмелевка-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	3	разведка	—	В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин	Махно, 1960, с. 46
Хусь-Сула										
114	Кулешовка	Хусь-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 119
115	Хоружевка	Хусь-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	2	3	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1972	Обломский, 2002, с. 120
116	Якименки	приток-Хусь-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	2	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 120
117	Якименки (Быков Яр)	приток-приток-Хусь-Сула	Сумская обл., Недригайловский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 120
Район 4 "ПСЕЛ"										
ПСЕЛ										
1	Балаклея	Псел	Полтавская обл., Великобагачский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972
2	Барановка	Псел	Полтавская обл., Миргородский р-н	могильник (?)	—	2	разведка	"кострища с костями и черепками", спорная принадл. к чернях. к-ре	—	Спицын, 1948, с. 65
3	Белоцерковка	Псел	Полтавская обл., Великобагачский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 40
4	Великая Обуховка	Псел	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	1	2	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Обломский, 2002, с. 124

5	Вовки	Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972
6	Гочево 3	Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	5	2	раскопки	3 углубл. постр., 4 ямы, 3 очага	В. М. Горюнова, О. А. Щеглова/1987-1991	Горюнова, 1988, 1989; Обломский, 2002, с. 33-34, рис. 28: 1-12
7	Гочево 4	Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	5	2	раскопки	2 наземн. глиноб. постр.	В. М. Горюнова, Г. А. Романова/1987-1989	Горюнова, 1988, 1989; Обломский, 2002, с. 34, рис. 28: 13-18
8	Грянчиха	Псел	Полтавская обл., Великобагачский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 162; АП УРСР, 1966, с. 269
9	Дмитровка 3	Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	2	раскопки	6 глиноб. сооруж, 4 углубл. сооруж., 2 очага	Ю. Ю. Башкатов/2003, 2004, 2007-2009	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 59; Башкатов, 2008а, с. 46-48; 2010а, с. 13-16; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 148-149
10	Запселье	Псел	Полтавская обл., Великобагачский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972
11	Иваново Селище 1	Псел	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 44
12	Иваново Селище 2	Псел	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 44

13	Лысовка (Липка)	Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	1	3	разведка	—	М. Н. Дараган, С. П. Степанович/ 1995	Обломский, 2002, с. 126
14	Новотроицкое (Пристайлово)	Псел	Сумская обл., Лебединский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 168
15	Остапье	Псел	Полтавская обл., Великобагачский р-н	поселение	5	2	разведка	—	В. А. Товкачевский	Махно, 1960, с. 37
16	Пенский	приток-Псел	РФ, Курская обл., Беловский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. М. Горюнова/ 1982	Обломский, 2002, с. 116
17	Пересыпь	Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Сосновский, 1911
18	Писаревщина	Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	4	2	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 41
19	Проценки (Ступки)	Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	5	2	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, С. 49
20	Рашевка (Рашовка)	Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	1	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 172
21	Савинцы	Псел	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, С. 72
22	Ставище	Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972
23	Терновый 1	Псел	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	4	2	разведка	—	И. И. Ляпушкин	Ляпушкин, 1961, с. 173
24	Терновый 2	Псел	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, С. 129
25	Токари	приток-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. В. Приймак/ 1987	Приймак, 1988, с. 22
26	Шияны (Шеянов)	Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	4	2	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, С. 41
27	Яреськи	Псел	Полтавская обл., Шишацкий р-н	могильник	4	2	разведка	1 ТС	—	Луговой, Рейда, 2004
Бобрин-Псел										

28	Великий Бобрик	Бобрик-Псел	Сумская обл., Краснопольский р-н	поселение	5	3	раскопки	2 наз. глиноб. соор., 4 углубл. соор., 4 ямы	обн. В. В. Приймак/ 1986; раск. А. И. Журко/ 1988	Журко, 1989, 1990б
Вовнянка-Псел										
29	Гоголево	приток- Вовнянка-Псел	Полтавская обл., Великобагачанский р-н	поселение	1	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Обломский, 2002, с. 125
Голтва-Псел										
30	Михновка	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, Усова, 1979
31	Пасечники	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Горюнов, 1972
32	Пасечники 2	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 28
33	Прони	Голтва-Псел	Полтавская обл., Диканський р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Рудинський, 1928
34	Решетиловка	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 28
35	Сени	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение (?)	4	3	разведка	отд. фр-ты. керамики	—	Рейда, 2005, с. 28
36	Фрунзовка	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, Усова, 1978
37	Шамраевка	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 86
Грузская Голтва-Голтва-Псел										
38	Молодииковщина	Грузская Голтва- Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 29
39	Потеряйки	Грузская Голтва- Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 29
40	Прокоповка	Грузская Голтва- Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, 1972

с. Табл. А. 4. 2.

Продолж. Та

41	Прокоповка 2	Грузская Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 29
Ольховая Голтва-Голтва										
42	Демидовка 1	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, 1972
43	Демидовка 2	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, 1972
44	Долина	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 28
45	Долина 2	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 29
46	Долина Кукубовская	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	Е. А. Горюнов/ 1971	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 85
47	Жовтневое	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 29
48	Литвиновка	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, Усова, 1978
49	Новая Диканька	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	М. М. Казанский/ 1978	Рейда, 2005, с. 28
50	Хоружи	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Рейда, 2005, с. 28
51	Шкурупиевка	Ольховая Голтва-Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, Усова, 1978
Средняя Голтва-Ольховая Голтва-Голтва										
52	Петренки 1	Средняя Голтва-Ольховая Голтва-Голтва	Полтавская обл., Диканьский р-н	поселение	4	5	разведка	—	—	Шерстюк, 2005, с. 60

ТАШАНЬ-ПСЕЛ										
53	Лютенские Будища	Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Горюнов, 1972
54	Шенгареевка	Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 50
Грунь-Ташань										
55	Грунь 1	Грунь-Ташань- Псел	Сумская обл., Ахтырский р-н	поселение	3	4	разведка	—	П. А. Гавриш/ 1986	Гавриш, 1986
56	Грунь 2	Грунь-Ташань- Псел	Сумская обл., Ахтырский р-н	поселение	3	4	разведка	—	П. А. Гавриш/ 1986	Гавриш, 1986
57	Дубяги	Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Горюнов, Усова, 1974
58	Дубяги	Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	могильник	1	4	случ. нах.	2 разр. ТП, 1 ТС	—	Горюнов, Усова, 1974
59	Ковалевка	Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Шишацкий р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Ляпушкин, 1950а, с. 30
60	Саранчевка	Грунь-Ташань- Псел-Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 49-50
Сухая Грунь-Грунь										
61	Бельск	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	С. П. Степанович/ 1995	Степанович, 1995, с. 91
62	Бельск (Перещепино 1)	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. Б. Супруненко	Обломский, 2002, с. 124
63	Бельск (Якубовщина)	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. Г. Дьяченко/ 1976	Обломский, 2002, с. 124
64	Лазьки 1	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Гейко	Андриенко, 1971, с. 3; Рейда, 2001, с. 106-109

65	Лазьки 2	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Гейко	Андриенко, 1971, с. 3; Рейда, 2001, С. 106-109
66	Перещепино 2	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	5	5	шурфовка	—	П. Я. Гавриш, Р.М. Рейда	Рейда, 2001, с. 106-109
67	Перещепино- Марченки	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	И. Н. Кулатова	Кулатова, 2001, с. 121
68	Холодовка-Бельск 1	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	С. П. Степанович	Степанович, 1995, с. 90
69	Холодовка-Бельск 2	Сухая Грунь- Грунь-Ташань- Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	С. П. Степанович	Степанович, 1995, с. 90
70	Шамраи 2	приток-Сухая Грунь-Грунь- Ташань-Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	6	разведка	—	В. П. Андриенко	Андриенко, 1971, с. 3
Мамарай-Сухая Грунь										
71	Батьки	Мамарай-Сухая Грунь-Грунь- Ташань-Псел	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	6	разведка	—	А. Б. Супруненко	Рейда, 2001, с. 106-109
72	Мамрои 2	Мамарай-Сухая Грунь-Грунь- Ташань-Псел	Полтавская обл., Котелевский р-н	поселение	1	6	раскопки	1 углубл. соор., 1 яма	Е. Н. Петренко/ 1982	Петренко, 1983
Косовщина-Псел										
73	Сумы-Сад	приток- Косовщина-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	могильник	1	4	раскопки	10 ТП, 1 кенотаф	обнар. В. В. Приймак/ 1983; раск. А. Н. Некрасова/ 1983- 1984	Некрасова, 1985; Магомедов, 2001, рис. 44: 4, 56: 2; Schultze, 2009
Легань-Псел										
74	Бишкинь 1	Легань-Псел	Сумская обл., Лебединский р-н	поселение	2	2	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1991	Обломский, 2002, с. 118

Лютенька-Псел											
75	Лютенька	Лютенька-Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972	
Манжелейка-Псел											
76	Манжелея	Голтва-Псел	Полтавская обл., Решетилловский р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. Я. Рудинский	Махно, 1960, с. 37	
Олешня-Псел											
77	Кровное	Олешня-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	2	3	разведка	—	А. И. Журко/ 1988	Журко, 1989, с. 13	
78	Николаевка 1	приток-Олешня- Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	4	4	разведка	—	Ю. Ю. Моргунов/ 1985	Обломский, 2002, С. 120	
79	Песчаное 1	Олешня-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	5	3	раскопки	к чернях. культ. отн. 3 наземн. глиноб. соор., 5 ям	откр. и раск. А. И. Журко/ 1987, 1990	Журко, 1990в	
Ольшанка-Псел											
80	Рябушки 1	приток- Ольшанка-Псел	Сумская обл., Лебединский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. И. Журко/ 1988	Журко, 1989, с. 14	
Прикол-Псел											
81	Малая Рыбица	Рыбица-Прикол- Псел	Сумская обл. Краснопольский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/ 1991	Обломский, 2002, с. 119	
Рашевка-Псел											
82	Рашевка 3 (Сайкова Долина 1)	Рашевка-Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	5	3	разведка	—	М. М. Дараган, С. П. Степанович/ 1995	Обломский, 2002, с. 129	
Рудька -Псел											
83	Бондари 1	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2006,с.43- 44,рис.49,50	

84	Василенки 1	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2006,с.21-26
85	Василенки 3	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2007, с.21-22
86	Василенки 4	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	раскопки	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2006,с.28-30 2007, с.27-28
87	Василенки 5	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2006,с.31-32 2007, с.28
88	Зарудье 2	приток-Рудька	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	4	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2007, с.37
89	Ревивка 1	Рудька -Псел	Полтавская обл., Кременчугский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2004-2005	Супруненко, Шерстюк, 2006, с.37-40, рис.52;2007, с.28- 29
Стрелка-Псел										
90	Горное	Стрелка-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский	Обломский, 2002, с. 119
91	Сумы	Стрелка-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	могильник	4	3	раскопки	1 ТС, 4 ТП	В. А. Богусевич/ 1958; Е. В. Махно/ 1960	Богусевич, 1960; Махно, 1967
Суджа-Псел										
92	Замошанская Дюна	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	могильник	6	3	раскопки	3 ТС, 1 кенотаф	Ю. А. Липкинг/ 1963-1964	Липкинг, 1979
93	Кукуй 1	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	5	3	разведка	—	Ю. А. Липкинг/ 1970	Обломский, 2002, с. 115

94	Кукуй 2	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ю. А. Липкин/ 1970	Обломский, 2002, с. 116
95	Мокритка	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 16
96	Нижняя Паровая 1	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 16
97	Нижняя Паровая 2	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 16
98	Новоселовка (Большое Солдатское)	Суджа-Псел	РФ, Курская обл.	поселение	1	4	разв. с шурф.	—	Ю. А. Липкин/ 1970	Обломский, 2002, с. 116
99	Первое Мая (Бардаково)	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 17
100	Русская Поречная (Поречное)	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Сымонович, 1964б, с. 17
101	Суджа	Суджа-Псел	РФ, Курская обл., Суджанский р-н	посел.	4	3	разведка	—	А. В. Кашкин/ 1990	Обломский, 2002, с. 116
Сумка-Псел										
102	Косовщина 1	Сумка-Псел	Сумская обл., Сумской р-н	поселение	5	3	раскопки	1 углубл. соор.	откр. А. Н. Некрасова, В. В. Приймак/ 1985; раск. А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987; 1990б; 1994а, с. 207, 210
103	Косовщина 2	Сумка-Псел	Сумская обл., Сумской р-н	поселение	5	3	раскопки	3 углубл. соор.	откр. А. Н. Некрасова, В. В. Приймак/ 1985; раск. А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987; 1990б; 1994а, с. 210-211
104	Подлесновка (Гуска)	Гуска-Сумка-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	4	4	разведка	на посел. в 1961 г. обн. клад римск. монет	В. В. Кропоткин/ 1966	Романова, 1991, с. 5; Обломский, 2002, с. 120
105	Сад 2	приток-Сумка-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Обломский, 2002, с. 120
Сыроватка-Псел										

106	Краснополье 1	Сыроватка-Псел	Сумская обл., Краснопольский р-н	поселение	1	3	раскопки	3 углубл. соор., 1 наз. глиноб. соор., 9 ям	обн. и раск. А. И. Журко/ 1986, 1988	Журко, 1988б; 1989; 1990б; 1994а, с. 212-214
107	Краснополье 2	Сыроватка-Псел	Сумская обл., Краснопольский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987, с. 11
108	Краснополье 3	Сыроватка-Псел	Сумская обл., Краснопольский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987, с. 13
109	Краснополье 4	Сыроватка-Псел	Сумская обл., Краснопольский р-н	поселение	1	3	раскопки	—	обн. и раск. А. И. Журко/ 1986; 1987- 1988	Журко, 1987, с. 14; 1988, с. 10; 1989, с. 7
110	Нижняя Сыроватка	Сыроватка-Псел	Сумская обл., Сумский р-н	поселение	2	4	разведка	—	А. И. Журко/ 1986	Журко, 1987, с. 11
Туровка-Псел										
111	Воробьевка	Туровка-Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	2	3	разведка	—	В. М. Горюнова/ 1982	Обломский, 2002, с. 115
112	Гридасово	Туровка-Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	4	3	разведка	—	К. П. Сосновский/ 1909	Ляпушкин, 1961, с. 162
Усланка-Псел										
113	Усланка	Усланка-Псел	РФ, Курская обл., Обоянский р-н	поселение	2	3	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 173-174
Хорол-Псел										
114	Глубокая Долина 2	приток-Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	3	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82
115	Глубокая Долина 3	приток-Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82
116	Глубокая Долина 4	приток-Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	3	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82
117	Глубокая Долина 6	приток-Хорол- Псел	Полтавская обл., Хорольский	поселение	4	4	разведка	—	О. Н. Кожевникова/ 1995	Кожевникова, 1998, с. 82
118	Пристань 3	Хорол-Псел	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	6	3	разведка	—	О. Н. Кожевникова/ 1995	Кожевникова, 1998, с. 82

119	Клепачи	Хорол-Псел	Полтавская обл., Хорольский р-н	могильник	1	3	случ. нах.	1 ТП	—	Махно, 1960, с. 42; Кропоткин, 1969
120	Ковали	Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	могильник	1	3	случ. нах.	1 разр. ТП	—	Магура, 1930; Махно, 1960, с. 42
121	Коноплянка	Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	6	3	разведка	—	—	Горюнов, 1972; Кожевникова, 1998, с. 83
122	Малые Сорочинцы	Хорол	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Махно, 1960, С. 40
123	Миргород	Хорол	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	—	3	разведка	—	Ф. Б. Копылов	Махно, 1960, с. 40
124	Петровка	приток-Хорол	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	—	4	разведка	—	—	Махно, 1968
125	Поповка	Хорол	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	—	3	разведка	—	Ф. Б. Копылов	Махно, 1960, с. 39
126	Радаловка	приток-Хорол	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	—	4	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 46
127	Ручки	Хорол-Псел	Полтавская обл., Гадячский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 41
128	Сухорабовка	Хорол-Псел	Полтавская обл., Решетиловский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
129	Федоровка 1	Хорол	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Махно, 1968
130	Федоровка 2	Хорол	Полтавская обл., Глобинский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Махно, 1968
131	Хомутец	Хорол	Полтавская обл., Миргородский р-н	поселение	—	3	случ. нах.	гонч. печь	—	Махно, 1960, с. 40
132	Шишаки	Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 73
Кутуржиха-Хорол										
133	Петракеевка 1	Кутуржиха- Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82-83

134	Петракеевка 2	Кутуржиха-Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	3	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82-83
135	Петракеевка 3	Кутуржиха-Хорол	Полтавская обл., Хорольский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Кожевникова, 1998, с. 82-83
Рудка-Хорол										
136	Хорол (ул. Крылова)	Рудка-Хорол-Псел	Полтавская обл., Хорольский	поселение	2	4	разведка	—	С. П. Степанович	Супруненко, Степанович, 1994, с. 31
Район 5 "ВОРСКЛА-ОРЕЛЬ"										
ВОРСКЛА										
1	Бацули	Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 51
2	Большая (Великая) Писаревка	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	могильник	—	2	случ. нах.	отд. ТП	—	Луцкевич, 1948, с. 165
3	Великая Писаревка 1	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	5	2	разведка	—	А. М. Обломский/ 1989	Обломский, 2002, с. 118
4	Великая Писаревка 2	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	5	2	разведка	—	А. М. Обломский/ 1989	Обломский, 2002, с. 118
5	Борисовка 1 (Ланок 2)	Ворскла	РФ, Белгородская обл. Борисовский р-н	поселение	5	2	разведка	—	А. В. Кропоткин/ 1985	Обломский, 2002, с. 117
6	Борисовка 2	приток-Ворскла	РФ, Белгородская обл. Борисовский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
7	Брусия	Ворскла	Полтавская обл., Диканьский р-н	могильник (?)	—	2	случ. нах.	бусы, прясла	—	Спицын, 1948, с. 66
8	Васьки	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Горюнов, 1972
9	Висичи 1	приток-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, с. 121

10	Висичи 2	приток-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, с. 121
11	Висичи 4	приток-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, с. 121
12	Висичи 6	приток-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	—	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, с. 121
13	Вознесенский 1	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Яковлевский р- н	посел.	2	2	раск.	1 наземн. глиноб. соор.,	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117; Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 2: 5
14	Гали 1	Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 26
15	Гарбузовка	Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение/м огильник (?)	4	2	разведка	бр. подв. фиб. Б1	—	Супруненко, 1991, с. 36; Рейда, Лямкин, Єремєєв, 2002, с. 173-174
16	Головач	ручей Головач- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	—	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 27
17	Головчино (ур. Лысая Гора)	Ворскла	РФ Белгородская обл., Грайворонский р-н	поселение	2	3	раскопки	1 наз. глиноб. соор., 1 очаг, 2 ямы	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, табл.6;Гавритухи н, 2010, рис.14:16 19
18	Головчино (Хотмыжск)	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р- н	посел.	2	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 20-е годы XX в.	Луцкевич, 1948, с. 165
19	Греко-Павловка (ур. Низ)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	бронз. пряжка	В. М. Олешко	Соколова, Супруненко, 1997, с. 90-94, рис. 3: 2
20	Диканька (ур. Соловьево Плесо)	Ворскла	Полтавская обл.	поселение	—	2	разведка	—	—	Щербань, 1998, с. 88
21	Добренькое (Добрянское)	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р- н	поселение (?)	—	2	случ. нах.	фр-ты сосудов	Л. Соловьев/ ок.1920 г.	Луцкевич, 1948, с. 165

22	Дубина 3	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Мокляк, 1991, с. 73
23	Дубны (Клюсовка)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение/м огильник (?)	—	2	случ. нах.	амфора	С. Г. Смигла	Махно, 1960, с. 40
24	Дубовое 1	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	посел.	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
25	Дубовое 2	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	посел.	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
26	Исаевка	Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1950а, с. 30
27	Клюсовка 10	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Ткаченко, 1991, С. 79
28	Клюсовка 22	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Мокляк, 1991, с. 73
29	Колодязов (Колодязи)	Ворскла	Полтавская обл., Диканьский р-н	поселение (?)	—	2	разведка	фр-ты сосудов	—	Махно, 1960, с. 38
30	Красное	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 53
31	Кротенки	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, карта 2
32	Кунцево (Кунцы) 1	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	—	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич, Т. И. Ивановская	Луцкевич, 1948, с. 170
33	Кунцево (Кунцы) 2	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	—	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич, Т. И. Ивановская	Луцкевич, 1948, с. 170
34	Кунцы (Кунцы) 3	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 166

35	Кунцы (Кунцы) 4	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 122
36	Луговое (Луговка)	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	—	2	разведка	—	Л. Соловьев/ок. 1920 г.	Луцкевич, 1948, с. 165
37	Лукищина 1	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	2	случ. нах. + разведка	в т.ч. обн. клад из 1805 римских серебр. монет	в т.ч. А. Б. Супруненко/ 1983	Махно, 1960, с. 41; Супруненко, 1983, с. 23-25
38	Лукищина 2	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. Б. Супруненко/ 1986	Обломский, 2002, с. 126
39	Малоперещепинс кая	приток-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. Б. Супруненко/ 1983	Супруненко, 1983, с. 32-33
40	Мачухи	приток-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	могильник (?)	—	3	случ. находка	двуручн. гонч. кувшин из глинища	—	Рейда, Луговий, 2002, с. 136
41	Мачухи	приток-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, С. 121
42	Новые Санжары 1	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Ляпушкин, 1950а, С. 32
43	Новые Санжары 2	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	место- нахождение материалов	—	2	разведка	—	С. П. Юренко	Рейда, 2003а, с. 122
44	Опошня 2 (Лазурка)	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
45	Опошня 3	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
46	Опошня 5 (Шугова Балка)	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
47	Опошня 6	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
48	Опошня 7	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
49	Опошня 8	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127
50	Опошня 9	приток-приток- Ворскла	Полтавская обл., Зеньковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко/ 1993	Обломский, 2002, с. 127

51	Полтава (ур. Рогизна)	приток-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1988, с. 7
52	Пристанционное (Малое Перещепино)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 31
53	Ревушино	Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 55
54	Сидорячье 1	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Юренко, 1978
55	Слободка	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
56	Советское 1	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	АП УРСР, 1966, с. 261
57	Советское 2	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	АП УРСР, 1966, с. 261
58	Солдатское 1	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Грайворонский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
59	Солдатское 2	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Грайворонский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
60	Солдатское 3	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Грайворонский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
61	Старые Санжары	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	место-нахождение материалов	—	2	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 121
62	Старые Санжары (Решетники)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	3	2	раскопки	гонч. Горн	А. В. Гейко/ 1998	Гейко, 1999
63	Старые Санжары (ур. Сенево)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 121
64	Старые Санжары 1	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1999, с. 76
65	Старые Санжары 2	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1999, с. 76

66	Старые Санжары 3	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1999, с. 76
67	Старые Санжары 4	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1999, с. 76
68	Старые Санжары 5	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	1	2	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1999, с. 76
69	Стригуны 2	Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	поселение	4	2	разведка	—	А. В. Кропоткин/1985	Обломский, 2002, с. 117
70	Сухиновка	Ворскла	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	—	2	разведка	—	И. И. Ляпушкин	Махно, 1960, с. 39
71	Ткаченково (Ткаченковка)	Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 29
72	Ямное 3	Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	5	2	разведка	—	А. М. Обломский. Р. В. Терпиловский/1990	Обломский, 2002, с. 120
73	Яцинова Слободка	Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
Боромля-Ворскла										
74	Боромля 1	Боромля-Ворскла	Сумская обл., Тростянецкий р-н	могильник	1	4	раскопки	47 ТП, 1 ТС	откр. В. В. Приймак/1986; раск. А. Н. Некрасова, Р. В. Терпиловский/1987-1991	Некрасова, 2006
75	Боромля 2	Боромля-Ворскла	Сумская обл., Тростянецкий р-н	поселение	1	4	раскопки	период II: 3 полуземл., 3 очага; период III: 3 полуземл., 10 ям, 2 гонч. горна, "рабочие площадки"	откр. В. В. Приймак/1986; раск. А. Н. Некрасова, Р. В. Терпиловский/1987-1991	Некрасова, 2006

76	Боромля 3	Боромля-Ворскла	Сумская обл., Тростянецкий р-н	поселение	1	4	разведка	—	Г. А. Романова/1989	Романова, 1991, с. 8-9; Обломский, 2002, с. 118
77	Жигайловка 1	Боромля-Ворскла	Сумская обл., Тростянецкий р-н	поселение	1	4	разв. с шурф.	на посел. в 1804 г. обн. клад римск. монет, в 1984 г. И. М. Мозговым обн. два серебр. кувшина, фр-ты гонч. кувш.	в т.ч. разв. А. М. Обломского, Р.В. Терпиловского/1990; Г. А. Романовой/1990	Романова, 1991, с. 6-7
78	Жигайловка 2 (ур. Сестрецкий Яр)	приток-Боромля	Сумская обл., Тростянецкий р-н	поселение	1	4	разведка	—	в т.ч. разв. А. М. Обломского, Р.В. Терпиловского/1990; Г. А. Ромновой/1990	Романова, 1991, с. 7-8
79	Машково (ур. Скрипали)	приток-Боромля	Сумская обл., Тростянецкий р-н	поселение	1	4	разведка	—	О. В. Сухобоков/1986	Романова, 1991, с. 10; Обломский, 2002, с. 119
Ворсклица-Ворскла										
80	Березовка	Ворсклица-Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	ТС под кург.	—	3	раскопки, сомнит. принадл. к чернях. культ.	—	В. Н. Данилевич	Спицын, 1948, с. 66
81	Березовка 3	Ворсклица-Ворскла	Сумская обл., Ахтырский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский/1989	Обломский, 2002, с. 118
82	Мокрая Орловка 2	Ворсклица-Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	поселение	2	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
83	Рождественка 2	Ворсклица-Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	поселение	5	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117

84	Санково 1	Ворсклица-Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	посел.	2	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
85	Солдатское 6	Ворсклица-Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	посел.	4	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1989	Обломский, 2002, с. 120
Кишенька-Ворскла										
86	Кишеньки Правобережные 1	Ворскла - Кишенька	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 52
87	Кишеньки Правобережные 2	Ворскла - Кишенька	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	местонахождение материалов	4	3	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 52
88	Кишеньки Левобережные 1	Ворскла - Кишенька	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 52
89	Кишеньки Левобережные 3	Ворскла - Кишенька	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 52
Криничная-Ворскла										
90	Гай-Мошенка	Криничная-Ворскла	Сумская обл., Ахтырский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1989	Обломский, 2002, с. 119
Кобелячка-Ворскла										
91	Ганжи 1	Кобелячка-Ворскла	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Гейко, 2003, с. 122
92	Ганжи 2 (ур. Байрак)	Кобелячка-Ворскла	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Гейко, 2003, с. 122
93	Кобеляки	Кобелячка-Ворскла	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Ляпушкин. 1950а, карта
94	Марковка	Кобелячка-Ворскла	Полтавская обл., Кобеляцкий р-н	поселение + разр. ТП	—	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 53

КОЛОМАК-ВОРСКЛА										
95	Белая Гора	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Гавриш, Супруненко, 1988
96	Высокополье	Коломак	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	4	3	разведка, шурфовка	—	М. В. Любичев	Любичев, 2003в
97	Ежаковка	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. Б. Супруненко	Супруненко, 1992, с. 46
98	Сторожевое	Коломак	Полтавская обл., Чутовский р-н	могильник	1	3	разведка	вещи из разруш. погр	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, карта 2
99	Сторожевое	Коломак	Полтавская обл., Чутовский р-н	поселение	3	3	разведка	—	С. П. Юренко, 1977	Юренко, 1978б, с. 407
100	Сторожевое	Коломак	Полтавская обл., Чутовский р-н	подкург. погр. с чернях. вещами	3	3	раскопки	2 погр. (К2П1, К11П1)	О. В. Коваленко, Р. С. Луговой/ 2007	Коваленко, Луговой, 2008, 2009
101	Черкасовка	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	пр. берег реки	3	разведка	—	С. П. Юренко/ 1977	Юренко, 1978б, с. 407
102	Яновщина	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	С. П. Юренко, 1977	Юренко, 1978б, с. 407
103	Дудниково (Нижняя Мантовка)	Маньковский ручей-Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 45
104	Ковалевка	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 46
105	Парасковеевка(Ку ликово)	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 42
106	Зализнычное (Климовка)	Коломак	ныне: терр. г. Полтавы	место- нахождение материалов	3	3	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 52
107	Крутой Берег	Коломак	ныне: терр. г. Полтавы	место- нахождение материалов	4	3	разведка	—	—	Рейда, 2003а, с. 120
108	Макуховка 1	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	место- нахождение материалов	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 47-48

109	Макуховка 2	Коломак	Полтавская обл., Полтавский р-н	местонахождение материалов	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 50
Ладыжинка-Коломак										
110	Степановка 1	Ладыжинка	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	6	—	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 43
111	Степановка 2	Ладыжинка	Полтавская обл., Полтавский р-н	местонахождение материалов	6	—	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 43
112	Степановка 3	Ладыжинка	Полтавская обл., Полтавский р-н	местонахождение материалов	4	—	разведка	—	—	Супруненко, 1992, с. 45
Свинковка-Коломак										
113	Новоселовка	Свинковка	Полтавская обл., Полтавский р-н	могильник	4	4	случ. нах. + раскопки	3-5 погр.(?): 3 ТП(?), 1 ТС	Н. А. Стан, Н. Д. Сыч/ 1940; Е. В. Махно, Л. М. Рутковская/ 1966	Махно, 1960, с. 41; Ляпушкин, 1961, с. 156, 172; Махно, Рутковская, 1967, с. 215-217; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 68
114	Новоселовка	Свинковка	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Рейда, 2003а, с. 118
115	Руновщина	Свинковка	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Бондаренко, 1988
116	Свинковка	Свинковка	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	4	разведка	—	Н. А. Стан/ 1940	Махно, 1960, с. 41-42; Тимошук, 2006, с. 104-105
117	Флоровка	Свинковка	Полтавская обл., Чутовский р-н	поселение	1	4	разведка	остатки гонч. горнов	—	Ляпушкин, 1961, с. 171
Штурмовая-Коломак										
118	Водяное	Штурмовая	Полтавская обл., Чутовский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 90

119	Водяное	Коломак	Полтавская обл., Чутовский р-н	могильник	2	3	случ. нах.	1 ТП	обсл. А. В. Добровольский/ 1932	Махно, 1960, с. 42; Сьмонович, Кравченко, 1983, с. 68; Рейда, 2003б
120	Кантемировка	Штурмовая	Полтавская обл., Чутовский р-н	поселение	2	4	раскопки	1 наземн. глиноб. соор.	Е. В. Махно	Махно, 1952, с. 233-236
121	Кантемировка	Штурмовая	Полтавская обл., Чутовский р-н	могильник	2	4	раскопки	6 ТП, 4 ТС	Е. В. Махно	Махно, 1952, с. 236-241
122	Кантемировка	Штурмовая	Полтавская обл., Чутовский р-н	подкург. погр. с чернях. вещами	2	4	раскопки	3 подкург. погр.	М. Я. Рудинский/ 1924	Рудинский, 1930
Криничная-Ворскла										
123	Подлозиевка	Криничная- Ворскла	Сумская обл., Ахтырский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1989	Обломский, 2002, с. 120
Котельва-Ворскла										
124	Пархомовка 1	Котельва- Ворскла	Харьковская обл., Краснокутский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/ 1987	Колода, 1987, с. 55
125	Пархомовка 2	Котельва- Ворскла	Харьковская обл., Краснокутский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/ 1987	Колода, 1987, с. 55
Кустолова-Ворскла										
126	Кустолово	Кустолова- Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Б. Супруненко	Обломский, 2002, с. 126
127	Кустоловы Кущи	Кустолова- Ворскла	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	6	3	разведка	—	А. Б. Супруненко	Обломский, 2002, с. 126
128	Прогресс	Ворскла - Кустолова	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	4	3	разведка	—	С. П. Юренко	Рейда, 2003а, с. 122
129	Чорбовка	Ворскла - Кустолова	Полтавская обл., Кобелякский р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. И. Ляпушкин	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 56
Локня-Ворскла										

130	Крюково 1	Локня-Ворскла	РФ, Белгородская обл., Борисовский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Кропоткин/ 1985	Обломский, 2002, с. 117
131	Крюково 2	Локня-Ворскла	РФ, Белгородская обл. Борисовский р-н	поселение	1	5	разведка	—	А. В. Кропоткин/ 1985	Обломский, 2002, с. 117
Мерла-Ворскла										
132	Березовка	Коваливка-Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Краснокутский р-н	поселение	—	4	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 104-105
133	Великая Рублевка	Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Краснокутский р-н	поселение	—	3	разведка	находки чернях. кер. в р-не обнар. клада римских монет	—	Махно, 1968, с. 199
134	Колонтаев	Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Краснокутский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 104-105
135	Кручик	Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Богодуховский р-н	поселение	4	—	разведка	—	В. А. Ступницкий/ 1926	Луцкевич, 1948, с. 165
136	Павлюковка	Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Валковский р-н	могильник	6	—	раскопки	9 ТС	Б. А. Шрамко/ 1973	Шрамко, 1979
Лозовая-Мерла										
137	Лозовая 1	Лозовая-Мерла	Харьковская обл., Богодуховский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Беляев, Чернигова, 1993, с. 16
138	Лозовая 2	Лозовая-Мерла	Харьковская обл., Богодуховский р-н	поселение	1	4	раскопки	9 ям	В. В. Скирда/ 1999-2001	Скирда, 2000, 2003
Мерчик-Мерла										

139	Войтенки 1	приток-Мокрый Мерчик -Мерчик-Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	6	раскопки	на 2010 г.:13 наземн. глиноб. соор., 5 углубл. соор., 20 ям, 2 очага, 1 гонч. горн	откр. А. К. Дегтярь/ 1972; раск. А. Г. Дьяченко/ 1975; М. В. Любичев/ с 2004	Дьяченко, 1976; Любичев, 2005а; Любичев, Мызгин, Варачева, 2005 - 2010; Любичев, 2006; Шульцце, Любичев, 2009а, 2009б
140	Войтенки 1	приток- Мокрый Мерчик -Мерчик-Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Валковский р-н	могильник	1	6	раскопки	на 2009 г.: 61 ТС, 52 ТП, 1 кенот.	М. В. Любичев/ с 2005	Любичев, Мызгин, Варачева, 2005-2009; Любичев, 2009, 2011в
141	Войтенки 2	приток-Мокрый Мерчик -Мерчик-Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	6	раскопки	1 углубл. произв. соор.	А. Г. Дьяченко/ 1975	Дьяченко, 1976
142	Новый Мерчик 1	Мокрый Мерчик -Мерчик-Мерла-Ворскла	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	5	5	разведка	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 6
Полузорье-Ворскла										
143	Абазовка 1	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	3	3	разведка	—	Е. А. Горюнов	Супруненко, 1988, с. 8; Кулатова, Супруненко, 1993
144	Абазовка 2	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Е. А. Горюнов	Супруненко, 1988, с. 8; Кулатова, Супруненко, 1993
145	Андреевка	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 76

146	Байрак 1 (Супруновка)	Ворскла- Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Кулатова, 1998, с. 84, рис. 3: 1-9, рис. 4: 3-6
147	Байрак 2	Ворскла- Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 120
148	Байрак 3	Ворскла- Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003, с. 120
149	Белокони	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 77-78
150	Биофабрика	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	место- нахождение материалов	3	3	разведка	—	—	Супруненко, 1988, с. 9
151	Бондуры	приток- Полузорье	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	место- нахождение материалов	3	4	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 121
152	Браилки	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 76-77
153	Браилки -Васьки	Ворскла- Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 77
154	Зоревка 1	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1988, с. 10
155	Зоревка 2	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	место- нахождение материалов	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 76
156	Карпуси	Ворскла- Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	—	3	разведка	—	—	Горюнов, 1972; Горюнов, Казанский, 1998, с. 76
157	Лаврики 1	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1988, с. 11
158	Лаврики 2	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1988, с. 11
159	Левенцовка 1	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Решетилловский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 76-77
160	Левенцовка 2	Полузорье- Ворскла	Полтавская обл., Решетилловский р-н	место- нахождение материалов	3	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 76-77

Продолж. Табл. А. 4. 2.

161	Побиванка	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Кулатова, Супруненко, 1993, с. 55
162	Подлепичи	приток-Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. В. Гейко	Рейда, 2003а, с. 121
163	Полтавцы	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	3	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, С. 76-77
164	Сердюки 1	приток-Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1998а, с. 79-80
165	Сердюки 2	приток-Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1998а, с. 80
166	Судовка 2	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	3	3	разведка	—	А. Б. Супруненко, И.Н. Гавриленко	Рейда, 2003а, с. 121
167	Твердохлебы 2	Полузорье-Ворскла	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Горюнов, Казанский, 1998, с. 77
168	Шевченки 4	приток-Полузорье	Полтавская обл., Полтавский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. В. Гейко	Гейко, 1998б, с. 170; Рейда, 2003а, с. 122
Рябина-Ворскла										
169	Новая Рябина	Рябина-Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Л. Соловьев/ок. 1920 г.	Луцкевич, 1948, с. 165
170	Яблочное 1	Рябинка-Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1928	Луцкевич, 1948, с. 165
171	Яблочное 2	Рябинка-Ворскла	Сумская обл., Великописаревский р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1928	Луцкевич, 1948, с. 165
Тагамлык-Ворскла										
172	Латышевка	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Машевский р-н	поселение	2	—	разведка	—	—	Супруненко, 1999, с. 9
173	Новый Тагамлык	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Машевский р-н	поселение	2	3	разведка	—	В. И. Неприна/1976	Неприна, 1976, С. 14

174	Огуевка	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Машевский р-н	могильник (?)	—	3	разведка	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 72
175	Писаревка	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	могильник	—	3	случ. находка, раскопки	(ТП, ТС) спорное кол-во погр.	—	Ляпушкин, 1961, с. 171; Махно, 1960, с. 41; Махно, Рутковская, 1967, с. 217-223; Махно, 1968, с. 119-201
176	Писаревка	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 171
177	Пристанционное 1	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	6	3	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 31
178	Пристанционное 2	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	местонахождение материалов	6	3	разведка	—	—	Супруненко, 1991, с. 31
179	Селещина	Тагамлык-Ворскла	Полтавская обл., Машевский р-н	поселение	пр. берег реки	3	разведка	—	—	Юренко, 1978б, С. 406
ОРЕЛЬ										
180	Ливенское	приток-Орель	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение/могильник (?)	5	2	случ. нах.	рамка бронз. пряжки	—	Рейда, 2003а, рис. 1: 8
181	Маячка	Орель	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение/могильник (?)	5	2	случ. нах. амфоры	—	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 75
182	Нехвороща (ур. Пески)	—	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	поселение	5	2	разведка	посел. на месте нах. в 1942 г. клада римских монет	—	Сидоренко, Махно, Телегин, 1982, с. 75

183	Яременки (Орлик)	—	Полтавская обл., Новосанжарский р-н	разруш. ТП	5	2	случ. нах.	—	—	Левченко, 1988; Обломский, 2002, рис. 93: 11-15
Орчик-Орель										
184	Белуховка	Орчик-Орель	Полтавская обл., Карловский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Супруненко, 1990
185	Благодатное	приток-Орчик- Орель	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Железняк, 1997
186	Варваровка	Орчик-Орель	Полтавская обл., Карловский р-н	могильник (?)	2	3	разведка	2 разруш. погр.	—	Супруненко, 1990, с. 10-11
187	Верхняя Ланная	Ланная-Орчик- Орель	Полтавская обл., Карловский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Супруненко, 1990, с. 26
188	Вишневое	Орчик-Орель	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1997
189	Климовка	Орчик-Орель	Полтавская обл., Карловский р-н	могильник (?)	2	3	случ. находка	кувшин из погр.	—	Супруненко, 1990, рис. 30: 3
190	Михайловка	Орчик-Орель	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1997
191	Риздяное	Орчик-Орель	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1997
Берестовая-Орель										
192	Зачепилровка	Берестовая	Харьковская обл., Зачепилковский р-н	могильник	6	3	случ. находка	отд. сосуды из разруш. погр. в т.ч. амфора Шелов F	Ю.А.Сало/2011	Любичев, Мызгин, Варачева, 2013
193	Мелиховка	Берестовая	Харьковская обл., Нововодолажский р- н	поселение	5	3	разведка	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с. 66-67
194	Охочее	Берестовая	Харьковская обл., Нововодолажский р- н	поселение	5	3	разведка	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 11
Район 6 "СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ"										
СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ										

1	Бугруватка	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Шрамко, 1962, рис. 67
2	Верхний Салтов(Замуловка)	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	2	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1935-1937	Луцкевич, 1948, с. 169
3	Верхняя Писаревка	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1935	Луцкевич, 1948, с. 165
4	Змиев, Урочище Провалля	Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	3	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 170
5	Змиевское городище	Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	3	2	разведка	—	А. С. Федоровский, Н.К. Фукс/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 170
6	Красное	Северский Донец	Харьковская обл., Печенежский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Телегин, Пузаков, Михеев, 1959
7	Мартовое 1	Северский Донец	Харьковская обл., Печенежский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 50
8	Марынчино 1 (Комсомольское)	Северский Донец	Харьковская обл., Печенежский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Телегин, Пузаков, Михеев, 1959
9	Марынчино 2 (Новокомсо- мольское)	Северский Донец	Харьковская обл., Печенежский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Телегин, Пузаков, Михеев, 1959
10	Мечебелово	Северский Донец	Харьковская обл., Изюмский р-н	подкург. погр. с чернях. вещами	—	2	раскопки	—	—	Багалея, 1905, с. 48
11	Новодоновка 1 (ур. Кошарное)	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник- Буйнова, 1977, с. 136
12	Новодоновка 2	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник- Буйнова, 1977, С. 136
13	Петровское	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	5	2	разведка	—	—	Михеев, 1959

Продолж. Табл. А. 4. 2.

14	Печенеги	Северский Донец	Харьковская обл.	поселение	5	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 50
15	Писаревка	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Махно, 1960, С. 50
16	Революционное	Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник- Буйнова, 1977, с. 69-70
17	Старица	Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	2	разведка	—	—	Дегтярь, 1979, с. 12
18	Стрельниково	Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р- н	поселение	4	2	разведка	—	А. М. Обломский/ 1984	Обломский, 2002, с. 117
19	Хохлово 2	Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р- н	поселение	4	2	раскопки	2 наземн. глиноб. сооруж.	А. В. Кропоткин/ 1984	Кропоткін, Обломський, 1991, с. 79-80, 83; Обломский, 2002, рис. 57
20	Черкасский Бишкин	Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	—	2	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 170
21	Чугуев	Северский Донец	Харьковская обл.	поселение	—	2	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 54
22	Шишино 3	Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р- н	поселение	2	2	разведка	—	А. М. Обломский/ 1984	Обломский, 2002, с. 118
23	Шишино 4	Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р- н	поселение	2	2	разведка	—	А. М. Обломский/ 1984	Обломский, 2002, с. 118
Бишкин-Северский Донец										
24	Верхний Бишкин 2	Бишкин- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/ 1990	Колода, 1990, с. 10
Большая Бабка-Северский Донец										
25	Перемога 1	Большая Бабка- Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. В. Колода/ 1987	Колода, 1987, с. 37-38

26	Перемога 2	Большая Бабка-Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 37-38
27	Пятницкое 2	Большая Бабка-Северский Донец	Харьковская обл., Печенежский р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ю. В. Буйнов/1976	Буйнов, 1976, с. 27
28	Федоровка 2	Большая Бабка-Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 44-45
29	Федоровка 3	Большая Бабка-Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 47
Везелка-Северский Донец										
30	Белгород	Везелка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл.	поселение	4	3	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
31	Угрим 3	приток-Везелка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/1986	Обломский, 2002, с. 117
Великий Бурлук-Северский Донец										
32	Голубовка 1	Великий Бурлук-Северский Донец	Харьковская обл., Великобурлукский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко/1976	Дьяченко, 1977
33	Голубовка 2	Великий Бурлук-Северский Донец	Харьковская обл., Великобурлукский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко/1976	Дьяченко, 1977
34	Первое Мая 1	Великий Бурлук-Северский Донец	Харьковская обл., Великобурлукский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко/1976	Дьяченко, 1977
35	Первое Мая 2	Великий Бурлук-Северский Донец	Харьковская обл., Великобурлукский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко/1976	Дьяченко, 1977
36	Плоское 2	приток-Великий Бурлук-Северский Донец	Харьковская обл., Великобурлукский р-н	поселение	4	3	разведка	—	А. Г. Дьяченко/1976	Дьяченко, 1977
Волчья-Северский Донец										

37	Волчанск	Волчья-Северский Донец	Харьковская обл.	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1936	Луцкевич, 1948, с. 169
38	Огурцово	Волчья-Северский Донец	Харьковская обл., Волчанский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Зайцев, 1964, с. 45
Гомольша-Северский Донец										
39	Новоберекское (Западня, Яр Кут; Западенька)	приток- Гомольша- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской, Первомайский р-н	поселение	2	4	раскопки	2 наземн. глиноб. соор., 2 ямы	откр. И. Н. Луцкевич/ 1926- 1931; раск. К. В. Мызгин/ 2008- 2010	Луцкевич, 1948, с. 170; Мизгин, 2011а
40	Пасеки 1	приток- Гомольша- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011 с. 11-12
41	Сухая Гомольша	Гомольша- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 170
Мжа-Северский Донец										
42	Старые Валки	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	2	3	разведка	—	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц. Дидык, 2006, с. 46
43	Замиськое (Замиський Кут)	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1923-1927	Луцкевич, 1948, с. 169
44	Колесники	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	5	3	раскопки	2 наземн. глиноб. сооруж. + ост. неск. подобных сооруж., отд. столб. ямы	разв. Б. П. Зайцев; раск. М. В. Любичев/ 1995, 1996, 1999	Зайцев, 1964, с. 50; Любичев, 2007б
45	Лазуковка 2	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	3	раскопки	—	Е. Н. Петренко/ 1978	Петренко, 1978, с. 8-10
46	Легезовка	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	5	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1926	Луцкевич, 1948, с. 169

47	Лиман	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Дяченко, 1980, с. 70
48	Луговое	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Воловик, 1986
49	Острроверховка	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	3	4	разведка	—	—	Ефименко, Шовкопляс, 1953, с. 318
50	Перекоп (балка Орчик)	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1977
51	Перекоп (Ольховский Яр)	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1977
52	Перекоп (Останкин Яр)	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1977
53	Перекоп (Попов Яр)	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Железняк, 1977
54	Погорелое	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	5	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1926	Луцкевич, 1948, с. 169
55	Пролетарское	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Воловик, 1986
56	Снежки 1 (Снежковая)	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. С. Федоровский/ 1922-1927	Луцкевич, 1948, с. 169
57	Снежки 2 (Снежковая)	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. С. Федоровский/ 1922-1927	Луцкевич, 1948, с. 169
58	Снежки 3 (Снежковая)	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. С. Федоровский/ 1922-1927	Луцкевич, 1948, с. 169
59	Снежки 4 (Снежковая)	приток-Мжа- Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. С. Федоровский/ 1922-1927	Луцкевич, 1948, с. 169

60	Соколово 1	Виловка-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Петренко, 1991, с. 23, рис. 12
61	Соколово 1	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	могильник	4	4	случ. нах.	1 ТП	А.И.Шемет	Петренко, 1991, с. 22-23
62	Соколово 2	Виловка-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	могильник	1	4	раскопки	1 ТП, 2 ТС	Е. Н. Петренко/1984, В. В. Дидык/1994;М.В. Любичев/1997, 2002	Петренко, 1991, с. 23-25; Любичев, 1998, 2003б
63	Тарановка	приток-приток-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	АП УРСР, 1966, с. 344
64	Тимченки 2	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	раскопки	1 углубл. соор.	разв.Е. Н. Петренко/1978;раск.М.В.Любичев/1998	Петренко, 1978, с. 5; Любичев, 2007б
Болгар-Мжа										
65	Валки 2	Болгар-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	разведка	—	Ю. В. Буйнов/1977	Буйнов, 1977, с. 2; Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 7
66	Хворостово 1	приток-Болгар-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	М. В. Любичев/2002	Любичев, 2003б, с. 2-3; Варачева, 2008, С. 2-6
67	Хворостово 2	Болгар-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 67
68	Шлях 2	Болгар-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	раскопки	дисперсия глин. обмазки - следы наз. глиноб. соор.	М. В. Любичев/2001	Любичев, 2005б, 2007б, с. 221-224, рис. 3-6
69	Шевченково 1	Болгар-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, С. 8; Любичев, 2002, С. 5-6

Боровая -Мжа										
70	Аксютровка 3	Боровая - Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 47-48
71	Аксютровка 4	Боровая - Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 47-48
72	Аксютровка 5	Боровая - Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Колода/1987	Колода, 1987, с. 47-48
Мерефа-Мжа										
73	Мерефа 1	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	3	3	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 14
74	Мерефа 2	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	3	3	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 14
75	Мерефа 3	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	3	3	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 15
76	Мерефа 4	Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	3	3	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 15
Одрынка-Мжа										
77	Кут	Одрынка-Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	4	4	разведка	—	М. В. Любичев/2002	Любичев, 2003б, С. 4
Ольховатка-Мжа										
78	Джуны (Джгун)	Джгун-Ольховатка-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Нововодолажский р-н	поселение	4	5	разведка	—	—	Зайцев, 1964, с. 50
79	Караван	приток-приток-Ольховатка-Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Нововодолажский р-н	поселение	1	6	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 116

80	Первомайское	Джгун-Ольховатка-Мжа Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Шрамко, 1962, рис. 67
81	Рябухино	Джгун-Ольховатка-Мжа Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Любичев, Дидык, 2001-2002, с. 338- 339
Турушка-Мжа										
82	Бараново 1	приток-Турушка- Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Любичев, 2003б, с. 5; Мызгин, 2008, с. 2
83	Бараново 2	приток-Турушка- Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Мызгин, 2008, С. 5-6
84	Валки 1	Турушка-Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с. 10
85	Трофимовка	приток-Турушка- Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	—	Любичев, 2002, с. 6
86	Халимоновка	Турушка-Мжа	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	3	раскопки	2 наземн. глиноб. сооруж.	К. И. Бакуменко/ 2001; М. В. Любичев/ 2002	Любичев, 2005б; 2007б, с. 221-224, рис. 7-11
Черемушная-Мжа										
87	Огульцы	Черемушная - Мжа-Северский Донец	Харьковская обл., Валковский р-н	поселение	1	4	разв. с шурф., раскопки	части наземн. глинобитн. сооруж. ("Сооруж." 1, 2)	К. В. Мызгин/ 2007-2008	Мызгин, 2011б
Нежеголь-Северский Донец										
88	Нежеголь	Нежеголь- Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Шебекинский р- н	поселение	4	3	разведка	—	—	Зайцев, 1964, с. 50

Продолж. Табл. А. 4. 2.

ОСКОЛ

89	Воронцовка	Оскол-Северский Донец	Харьковская обл., Купянский р-н	подкург. погр. с чернях. вещами	3	3	раскопки	ТП в катакомбе	Е. Н. Мельник/ 1901	Мельник, 1905
Тетлега-Северский Донец										
90	Кочеток	Тетлега-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	2	3	разведка	—	А. С. Федоровский/ 1921	Луцкевич, 1948, с. 169
Топлинка-Северский Донец										
91	Болдыревка	приток-Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	2	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
92	Бродок 1	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
93	Бродок 2	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
94	Бродок 3	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
95	Бродок 4	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
96	Головино	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Октябрьский р-н	поселение	1	3	раскопки	3 углубл. соор., 1 каркасно-столб. соор.	А. М. Обломский/ 1988-1989	Обломский, 2001-2002
97	Головино	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Октябрьский р-н	могильник	1	3	раскопки	5 ТП	А. М. Обломский/ 1988-1989	Обломский, 2001-2002
98	Головино 3	Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117

99	Таврово	приток-Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
100	Топлинка	ТоплинкаСеверский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 173
101	Шагаровка 1	приток-Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 118
102	Шагаровка 2	приток-Топлинка-Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	4	4	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 118
Уды-Северский Донец										
103	Буды	приток-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	могильник (?)	—	4	1 ТП	—	—	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 70
104	Викнено	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	6	3	разведка	—	Ю. В. Буйнов/ 1984	Буйнов, 1986
105	Водяное 1	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1928	Луцкевич, 1948, с. 169
106	Водяное 2	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Змиевской р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1929	Луцкевич, 1948, с. 169
107	Должик 1	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1932	Буйнов, 1986; Бородулин, 1974, с. 4; Луцкевич, 1948, с. 165
108	Должик 2	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Буйнов, 1986; Бородулин, 1974, с. 4; Луцкевич, 1948, с. 165
109	Золочев	Уды-Северский Донец	Харьковская обл.	поселение	5	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 165

110	Коротич 1	приток-Уды-Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 127
111	Коротич 2	приток-Уды-Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 127
112	Курортная	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	4	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 168; Зайцев, 1964, с. 47
113	Новая Покровка	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	3	раскопки	1 наземн. соор. - принадлежность к культуре спорна	откр. И. Ф. Левицкий/ 1936; раск.. Ю. В. Кухаренко/ 1952	Кухаренко, 1952, с. 33-50; Обломский, 2002, С. 42-43
114	Новая Покровка	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	могильник (?)	4	3	раскопки	погр. отн. к салт. культ., фр-ты чернях.(?) кер. в слое	откр. И. Ф. Левицкий/ 1936; раск. Ю. В. Кухаренко/ 1952	Кухаренко, 1952, с. 33-50; Обломский, 2002, с. 42-43
115	Орешня (Орешанка, Ореховские хутора)	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	—	3	разведка	—	И. Н. Луцкевич/ 1932	Луцкевич, 1948, с. 165
116	Пересечная	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	могильник	4	3	раскопки	ТП и ТС	откр. в 1926 г., раск. Т. Н. Ивановская, И.Н. Луцкевич/ 1931-1933	Луцкевич, 1948, с. 165-168
117	Пересечная	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	4	3	раскопки	полуземлянки и ямы, гонч. горн	раск.Т. Н. Ивановская, И.Н. Луцкевич/1931-1933	Луцкевич, 1948, с. 168
118	Родной Край	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	могильник	6	3	раскопки	7 ТП, 7 ТС	Е. Н. Петренко, Ю. В. Буйнов/ 1978-1982	Петренко, 1991
119	Родной Край 1	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	2	3	разведка, раскопки	—	В. Г. Бородулин	Бородулин, 1974, с. 4 -5; 1975

120	Родной Край 2	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	3	разведка, шурфовка	—	В. Г. Бородулин	Бородулин, 1974, с. 4 -5; 1975
121	Росоховатое	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	1	3	разведка	—	—	Ляпушкин, 1961, с. 168
122	Старая Покровка	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	3	разведка	—	—	Махно, 1960, с. 51.
123	Фески 1	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Буйнов, 1986; Воловик, Григорьянц, 1999
124	Фески 2	Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	3	разведка	—	—	Буйнов, 1986; Воловик, Григорьянц, 1999
125	Чепели	приток-Уды- Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	5	4	разведка	—	С. И. Воловик	Любичев, 2000а, с. 218
126	Шмаровка (Хмаровка)	Рудка-Уды- Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	5	4	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник- Буйнова, 1977, с. 130
ЛОПАНЬ-УДЫ										
127	Веселая Лопань	Лопань-Уды- Северский Донец	РФ, Белгородская обл., Белгородский р- н	поселение	2	3	разведка	—	А. М. Обломский/ 1986	Обломский, 2002, с. 117
128	Водяное	Лопань-Уды- Северский Донец	РФ, Белгородская обл.	поселение	2	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
129	Дементьевка (Дементиевка)	приток-приток- Лопань-Уды- Северский Донец	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Дьяченко, 1971, с. 2-3
130	Дергачи	Лопань-Уды- Северский Донец	Харьковская обл.	поселение	4	4	разведка	—	—	Зайцев, 1964, с. 48; Дьяченко, 1975
131	Кулики	Лопань-Уды- Северский Донец	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	2	4	шурфовка	следы наз.карк.- глиноб. жил.	—	Дьяченко, 1971, с. 2-3

Продолж. Табл. А. 4. 2.

132	Нижняя Наумовка	приток-Лопань-Уды	РФ, Белгородская обл., Белгородский р-н	поселение	—	4	разведка	—	А. В. Кропоткин	Обломский, 2002, с. 117
133	Малая Даниловка 1	Лопань-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Дяченко, 1980, с. 71
134	Малая Даниловка 2	Лопань-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	3	3	разведка	—	—	Дяченко, 1980, с. 71
135	Павловка (Харьков)	Лопань-Уды	совр.терр. г. Харькова	поселение	3	4	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 168
136	Пл. Р. Люксембург-рл. Тевелева	Лопань-Уды-Северский Донец	совр.терр. г. Харькова	поселение	2	4	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1928	Луцкевич, 1948, с. 168
137	Саржин Яр	приток-Лопань-Уды	совр.терр. г. Харькова	поселение	1	5	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1920-е гг.	Луцкевич, 1948, с. 168
138	Шовкоплясы	Лопань-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	2	4	разведка	—	—	Дьяченко, 1971, с. 2-3
Прудянка-Лопань										
139	Льняное	Прудянка-Лопань-Уды	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	2	5	разведка, шурфовка	—	—	Зайцев, 1964, с. 48; Дяченко, 1975
140	Шаповаловка	Прудянка-Лопань-Уды	Харьковская обл., Дергачевский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова, 1977, с. 87
Харьков-Лопань										
141	Большая Даниловка 1	Харьков-Уды-Северский Донец	Харьков	могильник (?)	4	4	разведка	следы ТС на поверхн.	—	Зайцев, 1964, с. 48-50
142	Большая Даниловка 2	Харьков-Уды-Северский Донец	Харьков	поселение	4	4	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1928	Луцкевич, 1948, с. 168
143	Большая Даниловка 3	Харьков-Уды-Северский Донец	Харьков	поселение	4	4	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1928	Луцкевич, 1948, с. 168

144	Глубокое	Харьков-Уды-Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	1	4	разведка	—	—	Любичев, 1999
145	Глубокое	Харьков-Уды-Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	могильник	1	4	случ. нах.+раскопки	2 ТП, 2ТС	М. В. Любичев/1998	Любичев, 2001б
Муром-Харьков										
146	Муром 3	Муром-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	5	разведка	—	—	Берестнев, Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1979
147	Муром 5	Муром-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	5	разведка, шурфовка	—	А. Г. Дьяченко/1977	Шрамко, Дьяченко, 1977
148	Муром 6	Муром-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	5	раскопки	3 скопл. глин. обмазки, 2 ямы, очаг	А. Г. Дьяченко/1977	Шрамко, Дьяченко, 1978
149	Муром 7	Муром-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	5	раскопки	5 ям	—	Берестнев, Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1979
Немышля-Харьков										
150	Прелестный (Гринчашин)	Немышля-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	1	5	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1935	Луцкевич, 1948, с. 168
151	поселок Фрунзе	Немышля-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение/могильник (?)	1	5	разведка	—	И. Н. Луцкевич/1935	Луцкевич, 1948, с. 168
Травянка-Харьков										
152	Липцы 1	Травянка-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Шрамко, 1973, с. 4-5
153	Липцы 2	Травянка-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Шрамко, 1973, С. 4-5
154	Стрелеча 1	Травянка-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Шрамко, 1972, С. 4-5
155	Стрелеча 2	Травянка-Харьков-Уды	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	2	5	разведка	—	—	Шрамко, 1973, С. 4-5
Рогозянка-Уды										

156	Малая Рогозянка	Рогозянка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Золочевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	—	Зайцев, 1964, с. 48
Роганка-Уды										
157	Зеленый Колодец 1	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	5	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 11
158	Зеленый Колодец 2	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	5	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 11
159	Зеленый Колодец 3	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	3	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 12
160	Зеленый Колодец 4	приток-Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	1	5	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 12
161	Малая Рогань	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковский обл., Харьковский р-н	поселение	4	4	разведка	обн. наконечник дротика	—	Петренко, 1981
162	Рогань	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Харьковский р-н	поселение	6	4	разведка	—	В. П. Андриенко/1970	Андриенко, 1970, с. 12
163	Терновая 1	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	откр. И. Н. Луцкевич/1925; разв. В. В. Колода/1990	Луцкевич, 1948, с. 169; Колода, 1990, с. 13
164	Терновая 2	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 13
165	Терновая 3	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 13
166	Терновая 4	Роганка-Уды-Северский Донец	Харьковская обл., Чугуевский р-н	поселение	4	4	разведка	—	В. В. Колода/1990	Колода, 1990, с. 14

Продолж. Табл. А. 4. 2.

Продолж.

№ п/п	№ по Каталог	Поселение	Жилые и хозяйственные сооружения				Производств. соор.	Другие сооруж. / компле-ксы	Исследователь/ годы работ	Введение в научный оборот	Публикация/ отчет	Примечание
			Каркасно-глинобитн. наземн.	Углубл. соор.	Каркасно-столб. наземн.	Ямы-погребя						
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>												
1	1	Барбара	2	—	—	—	—	—	Ю.Ю. Башкатов/ 2005-2006	описание, план памятника, чертеж сооружения, рисунки вещей	Башкатов, 2008а, с. 45-46; 2008б; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 146-147	—
2	13	Градижск (ур. Круча)	"глин. площадка" в шурфе 2	—	—	—	—	—	Л.М. Рутковская/ 1975	описание, рисунок	Рутковская, 1979, с. 332-338	—
3	104	Ерковцы	—	2 (одна полуземл. сост. из трех частей)	—	1	2 глинобитн. печи	погр. собаки в яме	В.Н. Даниленко, А.Д. Столяр/ 1948	краткое описание, чертежи некоторых комплексов	Даниленко, Столяр, 1952, с. 226-230	—
4	20	Жовнин (ур. Василенки)	остатки 2-х ("жил. 1", "жил. 2")	—	—	1	—	—	Л.М. Рутковская/1969	описание, рисунок	Рутковская, 1979, с. 331	—
5	29	Максимовка	3 ("жилище" + 2 "хоз. сооруж.") (раск. III)	—	—	4 (раск. II)	—	1 глиноб. очаг (раск. II)	Е.В. Махно-раскоп I (отчет отсутств.); И.П. Костюченко - раскопы II, III/ 1959	краткое сообщение, опубл. рисунки некоторых фртов лепных сосудов	Костюченко, 1959; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 84-85, рис. 8: 15-18	—
6	36	Новолиповское	7 (раскоп 1-4; раскоп 2-3)	4 (раскоп 1)	—	1	—	2 глиноб. очага	Е.В. Махно/ 1957 (есть отчет), 1958 (отчет отсутств.)	краткое сообщение, опубл. рисунки некоторых фртов лепных сосудов	Махно, 1957; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 86-87, рис. 9	—

Исследованные раскопками поселения черняховской культуры в днепро-днепецкой лесостепи.

Таблица А. 4. 3.

7	40	Радущковка	5 (?) - "5 локальных скоплений"	—	—	—	—	—	Е.В. Махно, В.П. Петров/ 1958	краткое сообщение, опубл. рисунки некоторых фрагментов лепных сосудов	Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999, с. 89-90, рис. 8: 1-6	—
8	79	Соснова	—	8	—	—	—	—	М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян/ 1978-1985	общие сведения о постройках, отдельные рисунки	Сикорский, Махно, Бузян, 1978-1985; Махно, Сикорский, 1989; Обломский, 2002, с. 40-41	текст отчета о взаимоперекрытии трех горизонтов поселения и трех ярусов погребений вызывает сомнения в воспроизведении реальной картины
9	142	Хлопков 1	—	18: 8 жилищ + 10 хоз. сооруж.	—	35	1 гонч. горн	—	шурф. Ю.В. Костенко/ 1978; раск. В.Д. Баран, А.Н. Некрасова/ 1981-1984	план памятника, полное текстовое описание, чертежи всех, сооружений, рисунки всех вещей	Костенко, 1978; Некрасова, 1988	—
Район 2 "Десна-Сейм"												
1	53	Белополье 1	—	4	—	—	—	4 очага	А.Н. Некрасова, В.В. Приймак/ 1991-1992	краткое описание, рисунки отд. вещей	Некрасова, Приймак, Белинская, 1992; Некрасова, 1994	—

Продолж. Табл. А. 4. 3.

2	91	10-й Октябрь	—	1	—	5	—	—	А.М. Обломский/ 1994	полная публикация	Обломский, 2002, с. 37-38, рис. 35-42	две постр. (№ 1, 2) отнесены нами к предчернях. горизонту
3	88	Колосовка	1	2	—	5 (№ 2, 11, 18, 22, 23)	—	1 очаг	Э.А. Сымонович/ 1971	описание, план раскопа, рисунки отд. вещей	Сымонович, 1983б, с. 76-79	—
4	4	Липовка 1	—	1	—	23	—	—	Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2003	краткое сообщение	Терпиловский, 2008, с. 298	два горизонта: черняховский, "раннеславянский"
5	67	Пены	2 + остатки подобн. сооруж.	—	наличие столб. ям	8	—	—	О.А. Радюш/ 2007-2008	план памятника, описание, рисунки и фото находок	Радюш, 2010, с. 180-206	—
6	93	Снагость 2	1	3	—	4	—	—	Э.А. Сымонович/ 1977	краткое сообщение	Сымонович, Сокол, 1978; Сымонович, 1977	—
Район 3 "Сула"												
1	36	Артюховка 1	1	—	—	4	—	—	Е.А. Горюнов, Г.А.Усова/ 1974, 1977	описание	Горюнов, Усова, 1974; Романова, 1989	—
2	31	Беседовка (ур. Белопольщина)	1 (раск. I); 2 - 3 (?) (раск. II)	—	—	—	—	—	Е.В. Махно/ 1949	краткое описание, один чертеж сооружения, выборочные рисунки вещей	Махно, 1955б, с. 79-82	—

Продолж. Табл. А. 4.3.

3	71	Воскресенское 1	—	5	—	—	4 гонч. горна	—	Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2003	описание	Терпиловский, 2008, с. 299; Терпиловский, 2010, с. 80; Жаров, Терпиловский, 2011, с.167-169	—
4	74	Гнидинцы 6	—	1	—	1	—	—	Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2006	текстовое описание	Терпиловский, 2010, с. 80; Жаров, Терпиловский, 2011, с.166-167	—
5	104	Грабаровка 1	—	—	—	—	—	погр. собаки	И.В. Головкин/ 1998	отсутствует	Любичев, 1999, с. 14	—
6	106	Давыдовка	—	1	—	—	—	—	И.В. Головкин/ 1998	отсутствует	Любичев, 1999, с. 15-16	—
7	40	Дубина 1	—	—	—	—	—	—	Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2003	описание	Терпиловский, 2008, с. 299; Терпиловский, 2010, с. 81; Жаров, Терпиловский, 2011, с.174	—
8	49	Коровинцы (Базарная площадь)	—	—	—	—	—	—	Е.В. Махно/ 1949	описание	Махно, 1955б, с. 78-79	обнар. лишь керамика
9	44	Савенков Яр 1	—	—	—	2	—	—	Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский/ 2006	описание	Терпиловский, 2010, с. 80; Жаров, Терпиловский, 2011, с.167 - 169	—
Район 4 "Псел"												
1	86	Василенки 4	—	1	—	—	—	—	А.Б. Супруненко, В.В. Шерстюк/ 2006	описание, рисунки	Супруненко, Шерстюк, 2006, с.28-30; 2007, с.27-28	—

Продолж. Табл. А. 4. 3.

2	28	Великий Бобрин	2 ("жил. 2", "жил. 5")	4 ("жил. 1", "хоз. сооруж.", "жил. 3", "жил. 4")	—	4	—	—	обнар. В.В. Приймак/ 1986 г.; раск. А.И. Журко/ 1988	описание, рисунки сооружений и некоторых вещей	Журко, 1989, 1990б	—
3	6	Гочево 3	—	3 (постр. № 8, 13"; яма № 63")	—	4 (№ 1, 4Б, 53, 55)	—	3 (№ 2, 3, 4)	В.М. Горюнова, О.А. Щеглова/ 1987-1991	описание, рисунки некоторых вещей	Горюнова, 1988, 1989; Обломский, 2002, с. 33-34, рис. 28: 1-12	комплексы позднеримского врем. отн. к двум горизонтам: дочерняховскому и чернях. культ.
4	7	Гочево 4	2 (постр. 1, 1А)	—	—	—	—	—	В.М. Горюнова, Г.А. Романова/ 1987-1989	описание, рисунки некоторых вещей	Горюнова, 1988, 1989; Обломский, 2002, с. 34, рис. 28: 13-18	комплексы позднеримского врем. отн. к двум горизонтам: дочерняховскому и чернях. культ.
5	9	Дмитровка 3	6	4 (в т.ч. 2 хоз. постройки)	—	3	—	2 выносных очага с камен. констр.	Ю.Ю. Башкатов/ 2003, 2004, 2007-2009	план памятника, описание, рисунки вещей	Башкатов, 2008а, с. 46-48; 2010а, с. 13-16; 2010б; Башкатов, Шита, 2010, с. 148-149	на посел. выдел. два горизонта: гор. 1: постр. 1, 6, 7, 9, 10; очаги 1, 2; гор. 2: постр. 1, 5, 8, 12, яма 1
6	102	Косовщина 1	—	1 ("жил. 1")	—	9	—	—	обнар. А.Н. Некрасова, В.В. Приймак/ 1985; раск. А.И. Журко/ 1986	краткое описание, план памятника, чертежи сооружений, выборочно рисунки вещей	Журко, 1987; 1990; 1994, С. 207, 210	—

Продолж. Табл. А. 4. 3.

7	103	Косовщина 2	—	3 ("жил. 2", "жил. 2а", "жил. 3",	—	7	—	—	обнар. А.Н. Некрасова, В.В. Приймак/ 1985; раск. А.И. Журко/ 1986	краткое описание, план памятника, чертежи сооружений, выборочно рисунки вещей	Журко, 1987; 1990б; 1994а, с. 210-211	—
8	106	Краснополье 1	1 ("жил. 4")	3 ("жил. 1", "жил. 2", "жил. 3")	—	9	—	—	обнар. А.И. Журко в 1986 г., его раскопки в 1987-1988 гг.	план памятника, чертежи сооружений, выборочно рисунки вещей	Журко, 1988б, 1989; 1990б; 1994а, с. 212-214	—
9	72	Мамрои 2	—	1	—	1	—	—	Е.Н. Петренко/ 1982	рисунки отд. вещей	Петренко, 1983; Обломский, 2002, рис. 59	—
10	79	Песчаное	3 ("жил. 3", "жил. 1", "жил. 4")	—	—	5	1 однорусл. горн	7 глинобитн. очагов (части наземн. сооруж?)	откр. и раск. А.И. Журко/ 1987, 1990 гг.	краткое описание, план памятника, чертежи некоторых сооружений, выборочно рисунки вещей	Журко, 1991; 1994, С. 214-217	часть объектов (жил. 2, 5) отн. к дочерням.гор., наземн. жил. 4 перекрывает полуземл. 5
Район 5 "Ворскла-Орель"												

Продолж. Табл. А. 4. 3.

1	75	Боромля 2	—	10	—	10	2 гонч. горна	4 очага, 4 "рабочие площадки"	раск. А.Н. Некрасова, Р.В. Терпиловский/ 1987-1991	полная публикация	Некрасова, 2006	На посел. выделено три хронологич. периода (горизонта). Периоды 2 и 3 связаны с чернях. культ. К периоду 2 отн.: полуземл. № 5, 7, 8, вероятно очаги № 2, 3, 4; к периоду 3 отн.: полуземлянки 2, 4, 9, ямы № 1-10, гонч. горны № 1, 2, "рабочие площадки"
2	139	Войтенки 1	1 (уч. "А" - 1975 г.); на 2010 г.: 12 (соор. 3, 5, 6, 8, 9, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 22 уч. "А")	2 (уч."А" - 1975 г.);на 2010 г.: 4 (соор. "2/2", 4, 10, 21 уч. "А"); 1 (уч. "В")	на 2010 г.: 1 (соор. 2/1" уч. "А"), 1 (уч. "В")	1 (уч. "А" - 1975 г.); на 2010 г.: 15 (уч. "А"); 4 (уч. "В")	на 2010 г.: 1 гонч. горн (уч. "А")	на 2010 г.: очаги 1, 2 (уч. "А")	раск. А.Г. Дьяченко/ 1975; М.В. Любичев/ с 2004	пока опубл. только нектор. сооруж.	Шрамко, Дьяченко, 1976; Дьяченко, 1976; Любичев, 2005а; Любичев, Мызгин, Варачева, 2005 - 2010; Любичев, 2006; Шульцте, Любичев, 2009а,2009б; Шульцте, Любичев, 2010а; Ljubičev, 2006; Schultze, Ljubičev, 2007	На участке "А" имеется два горизонта: дочерняховский и черняховской культуры. На участке "В" - лишь черняховский горизонт

Продолж. Табл. А. 4. 3.

3	141	Войтенки 2	—	—	—	—	1	—	раск. А.Г. Дьяченко/ 1975	краткое описание	Шрамко, Дьяченко, 1976; Дьяченко, 1976	углубл. соор. зафиксир. следы получения и обработки железа
4	13	Вознесенский 1	1	—	—	—	—	—	А.М. Обломский/ 1986	упоминание, рисунок сооруж.	Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 2: 5	—
5	17	Головчино	1	—	—	2	—	1 очаг	А.В. Кропоткин	упоминание, рисунки отд.вещей	Обломский, 2002, Табл.6;Гавритухин, 2010, Рис.14:16-19	—
6	120	Кантемировка	1	—	—	—	—	—	Е.В. Махно/ 1948	план поселения, чертеж жилища, рисунки некоторых находок	Махно, 1952	—
7	138	Лозовая 2	—	—	—	9	—	—	В.В. Скирда/ 1999-2001	краткое сообщение, рисунки отдельных вещей	Скирда, 2000, 2003	—
8	62	Старые Санжары (Решетники)	—	—	—	—	гонч. горн	—	А.В. Гейко/ 1999	полная публикация	Гейко, 1999	—
Район 6 "Северский Донец"												

Продолж. Табл. А. 4. 3.

1	96	Головино 1	—	3	1	20	—	—	А.М. Обломский/ 1988-1989	полная публикация	Обломский, 2001, 2002, с. 27-44, 50- 51	материалы позднеримско го времени памятника свидетельству ют о наличии 2-х горизонтов: предчерняхов ского и чернях. культуры
2	44	Колесники	2 (раск. 1995 г.) + остатки нескольких (раск. 1999 г.)	—	? (отд. столб. ямы)	—	—	—	М.В. Любичев/ 1995-1996, 1999	сообщение, рисунки отдельных вещей	Любичев, 2000б, рис. 2; Любичев, 2007б, с. 220- 221, рис. 13	—
3	148	Муром 6	3 (?) (скопления глиняной обмазки)	—	—	2	—	остатки глинобит- ной печи	раск. А.Г. Дьяченко/ 1978	краткое сообщение	Шрамко, Дьяченко, 1978	—
4	149	Муром 7	—	—	—	5	—	—	раск. А.Г. Дьяченко/ 1978	краткое сообщение	Берестнев, Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1979	—
5	113	Новая Покровка (Новопокров ка)	1	—	—	—	—	—	раск. Ю.В. Кухаренко/ 1949	сообщение, чертеж сооружения, рисунки керамики	Кухаренко, 1952, с. 43-46	высказано сомнение в отнесении сооруж. к чернях. к-ре (Обломский, 2002, С. 42- 43)
6	39	Новоберекс кое (Западенька, Западня)	2	—	—	1	—	—	откр. А.С. Федоро вский/1931; раск. К.В. Мызгин/ 2008-2010	полная публикация	Мизгин, 2011а	—
7	87	Огульцы	2	—	—	—	—	—	раск. К.В. Мызгин/ 2007- 2008	текстовое сообщение	Мызгин, 2011б	—

Продолж. Табл. А. 4. 3.

8	117	Пересечное	—	х	—	х	1 гонч. горн	—	раск. И.Н. Луцкевич, Т.Н. Ивановская/ 1931-1933	документация утеряна, краткое сообщение и фото отд. вещей	Луцкевич, 1948, с. 168, табл. I: 1, 2, 5, 15	—
9	119	Родной Край 1	—	—	—	—	—	—	В.Г. Бородулин/ 1974	краткое сообщение	Бородулин, 1974, с. 4-5; 1975	раскопки малой площадью
10	64	Тимченки	—	1	—	—	—	—	М.В. Любичев/ 1998	сообщение, рисунки отдельных вещей	Любичев, 2007б, с. 221, Рис. 12	—
11	86	Халимоновка	2	—	—	—	—	—	М.В. Любичев/ 2002	сообщение, рисунки отдельных вещей, чертеж наземн. сооруж.	Любичев, 2005б; 2007б, с. 221-224, рис. 7-11	—
12	19	Хохлово 2	2	—	—	—	—	2 очага	А.В. Кропоткин/ 1984	упоминание в обобщающих публикациях, рисунки отдельных вещей	Кропоткин, Обломский, 1991, с. 79-80, 83; Обломский, 2002, рис. 57	—
13	68	Шлях 2	наличие кусков глин. обмазки стен	—	—	—	—	—	М.В. Любичев/ 2001	сообщение, рисунки отдельных вещей	Любичев, 2005б; 2007б, с. 221-224, рис. 3-6	—

№ п/п	Поселение	№ соор.	Вид, сохр. части	Конфигурация плана	Кол-во помещ.	Размеры (м)	Глубина фиксации/пола от ур. совр. пов. (м)	Тип отопит. соор./ размещ./ размеры (м)	Ямы-погреб	Столб. ямы	Конструктивн. особенн., примечания	Публикация/ отчет	
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>													
1	Максимовка	раск. III, жил. 2	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	7,0x5,0	—	глиноб. очаг	—	—	—	Костюченко, 1959, с.15-16	
		раск. III, хоз.	развал обмазки опр. формы	прямоуг. (?)	—	9,0x6,0	—	—	—	—	—	Костюченко, 1959, с.16	
2	Новолиповское	раск. I, соор. 1	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	7,8x3,0	—	—	—	—	—	Махно, 1957, с.5	
		раск. I, соор. 2	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	4,9x0,8/1,7	—	—	—	—	—	Махно, 1957, с.7	
		раск. I, соор. 3	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	5,7/5,8x2,5/2,7	—	—	—	—	—	Махно, 1957, с.8	
		раск. II, соор. 1	контуры стен	прямоуг.	2	8,45 x 5,9/6,0 (6,8 x 6,0 + 4,0 x 2,0/2,6	—	в одном помещ.- глиноб. очаг	—	—	—	—	Махно, 1957, с.36
		раск. II, соор. 2	контуры стен	прямоуг.	—	4,6x4,0	—	глиноб. очаг в середине	—	—	—	—	Махно, 1957, с.43
		раск. II, соор. 2	развал обмазки опр. формы + контуры участков стен	прямоуг.	—	6,0x5,4	—	глиноб. очаг в середине	—	—	—	наличие "пристроек" (?): 1,87x0,65 + 2,3x2,0/2,7	Махно, 1957, с.46
<i>Район 2 "Десна-Сейм"</i>													

Наземные глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи.

Таблица 4. 4.

1	Пены	постр. 1	контуры стен, отд. детали планировка	прямоуг.	2	6,0x10,0	/0,7-0,75	2 глиноб. очага: в центре, рядом с ямой	3-в 3 части	—	—	Радюш, 2010, с.183-184
		постр. 2	контуры трех стен	прямоуг.	—	4,0x5,0	—	—	—	—	—	Радюш, 2010, с.184-185
2	Колосовка	соор. 3	развал обмазки, частично контур стены	подквадр.	—	5,0x5,0	0,33-0,4/	2 глиноб. очага: в СВ углу, в центре/ 0,85x0,7	—	—	—	Симонович, 1983б, с.79
3	Снагость 2	постр. 4	развал обмазки опр.формы	прямоуг.	—	8,6x5,2	0,26-0,36/	—	—	—	—	Сымонович, 1977, С.14
Район 3 "Сула"												
1	Артюховка 1	жил. 1	контуры стен, отд. детали планировка	прямоуг.	2	14,5x6,5	/0,7-0,75	очаг-жаровня с бортиком/ 1,9x0,9	2	—	—	Горюнов, Усова, 1974, с. 16-18, Рис. 73,89; Романова, 1989
Район 4 "Псел"												
1	Великий Бобрик	жил. 2	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	12,0x6,0	—	глиноб. очаг	1	—	—	Журко, 1989, с.10-11
		жил. 5	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	—	0,3/	глиноб. очаг/ овалн. 1,8x1,0	—	—	—	Журко, 1989, с.12
		постр. 1	неск. скопл. глин. обм.	прямоуг., вытянут (?)	—	3,2x2,3	—	камен. вымостка у Ю стены	—	—	—	Башкатов, 2010б, с.228
		постр. 6	неск. скопл. глин. обм.	—	—	—	—	—	—	—	—	Башкатов, 2010б, с.228-229

2	Дмитровка 3	постр. 7	развал камней	ост. двух перпенд. стен	—	дл. ок. 2,6	—	—	—	—	"вероятно фундамент"	Башкатов, 2010б, с. 229
		постр. 9	неск. скопл. глин.обм. и камней	—	—	—	—	—	—	—	—	Башкатов, 2010б, с.229
		постр. 10	скопл. глин.обмазки и	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Краснополье 1	жил. 4	контуры стен, отд. детали планировка	прямоуг.	2	11,5x8,3 (3,5x8,5+8,0x8,3)	0,3-0,4/	2 глиноб. очага в В помещ.	1 глиноб.- в жилом помещ.	—	—	Журко, 1989, с.5-6
4	Песчаное	жил. 1	контуры отд. участков стен	прямоуг.	—	10,0x5,0	0,3-0,4/	—	1 глиноб./ на серед./ 1,35x0,9	—	—	Журко, 1990в, с.10-11
		наземн. жил. 3	контуры отд. участков стен	прямоуг.	—	7,0x6,0	0,4/	—	1 глиноб./ 1,7x0,6	—	—	Журко, 1990в, с.6
		жил. 4	контуры отд. участков стен	прямоуг.	—	—	0,3-0,4/	—	1 глиноб./ на серед./ диам. 1,0	—	горелые плахи в развале стен	Журко, 1990в, с.12-13
Район 5 "Ворскла-Орель"												
		"очаг 1"	очаг-часть соор.	—	—	—	0,35-0,4/0,7	—	глиноб./ овалън. 1,4x1,1	—	—	Любичев, 2011а, с.111
		"очаг 2"	часть стены соор.	—	—	0,65x0,63	0,52/0,65-68	—	—	—	—	Любичев, 2011а, с.111

Продолж. Табл. А. 4. 4.

1	Войтенки 1, уч."А"	соор.3	контуры стен, отд. детали планировка	прямоуг.	2	7,0- 6,5x2,8- 2,9	0,36-0,4/1,0- 1,05	—	—	—	—	Любичев, 2011а, с.111-112
		соор.5	очаг-часть соор.	—	—	—	0,35/0,68- 0,72	—	глиноб./ овальн.2 ,0x3,0	—	—	Любичев, 2011а, с.112
		соор.6	очаг-часть соор.	—	—	—	0,36- 0,38/0,4- 0,45	—	глиноб./ овальн.1 ,1x1,15	—	—	Любичев, 2011а, с.112
		соор.8	очаг-часть соор.	—	—	—	0,31- 0,33/0,5- 0,62	—	глиноб./ прямоуг 2,3x1,3- 2,3	—	—	Любичев, 2011а, с.112
		соор.9	очаг-часть соор.	—	—	—	0,37/0,8- 0,85	—	глиноб./ овальн.0 ,8x0,4	—	—	Любичев, 2011а, с.112
		соор.13	часть стены соор.	прямоуг.+ округл.	—	0,7x0,46+ 0,1x0,13	0,56/0,66;0, 46/0,54	—	—	—	—	Любичев, 2011а, с.112-114
		соор.15	очаг-часть соор.	—	—	—	0,53/0,68	—	глиноб., прямоуг 0,5x0,8	—	—	Любичев, 2011а, с.114
		соор.18	очаг и часть развала стены	—	—	—	0,39/0,6	—	глиноб./ прямоуг 0,5x1,1	—	—	Любичев, 2011а, с.114-116
		соор.19	очаг и часть развала стены	—	—	—	0,31/0,56	—	глиноб., прямоуг 1,1x1,18	—	—	Любичев, 2011а, с.116-117
		соор.20	контур развала стены	прямоуг.	—	дл. 8,1 м, шир.0,3/1, 0/2,0	0,23/0,34	—	—	—	—	Любичев, 2011а, с.117
		соор.22	часть стены соор.	—	—	дл.0,68,ш ир.0,2-0,4	0,27/0,37	—	—	—	—	Любичев, 2011а, с.117

Продолж. Табл. А. 4. 4.

2	Кантемировка	жил.1	скопл. глин. обмазки, обозн. часть контура стен	прямоуг.	2	8,0x4,0 (4,0x4,0+3,0x4,0)	—	—	—	—	—	Махно,1952, с.234-236, рис.2
Район 6 "Северский Донец"												
1	Колесники	жил.1	контуры стен	прямоуг.	—	3,5x2,5x2,3x2,2	—	—	глиноб. очаг/ в углу/ 0,7x0,8	—	обгоревшие плахи	Любичев, 2007б, с.221
		жил.2	контуры участков двух перп. стен	прямоуг.	—	1) дл.2,0; 2) дл.0,5	—	—	—	—	—	Любичев, 2007б, с.221
2	Новоберекское	объект 1	развал обмазки опр. формы	прямоуг.	—	8,5x6,4x6,6x6,4	0,3-0,4/	—	—	нах. по одной линии (залежание обмазки в черноземе)	—	Мизгін, 2011а, с.73-76
		объект 2	развал обмазки	—	—	—	—	—	—	—	иссл.частично	Мизгін, 2011а,с.76
3	Халимоновка	соор.1	развал обмазки опр. формы, частично-контурсы стен	—	—	8,5x4,9x10,0x3,4	/0,4	—	глиноб./ в СЗ части/ 1,2x0,32	4 в центре	—	Любичев, 2005б, с.279
		соор.2	развал обмазки	—	—	—	—	—	глиноб.	11	иссл. частично	Любичев, 2005б, с.279

Продолж. Табл. А. 4. 4.

Продолж. Табл. А. 4. 4.

№ п/п	Поселение	№ сооруж.	Форма котлована в плане	Размеры котлована (м)	Глуб. пола (м): от уровня совр. пов./ от уровня матер.	Столб. ям	Матери-ковые выступы - "полки"	Отопит. сооруж: тип/ размещение	Наличие следов входа	Ямы-погребя	Констру-ктивн. особен.	Публикация/ отчет
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>												
1	Ерковцы	раск. III, соор.1	прямоуг. + прямоуг. + прямоуг.	4,6x2,0x2,2x1,8+2,4x1,6	—	—	—	очаг в одном помещ.	—	—	соор. состоит из трех помещ.	Даниленко, Столяр, 1952, с. 228-229
2	Новолиповское	раск. I, соор.4	овальн.	4,0x2,9	0,5-0,6/	—	—	—	—	—	глин. обмазк. пола	Махно, 1957, с.10
		раск. I, соор.5	неправильн., из 2 частей	5,0x3,60(помещ.1)+1,5x1,0(ниша)+2,90x1,10-1,20(помещ.2)+1,7x0,8-0,9(ниша)	—	—	—	—	ниша-вход(?)	—	соор. сост. из двух помещ.; глин. обмазка пола	Махно, 1957, с.13-14
		раск. I, соор. 6	неправ. прямоуг. с пристройкой	5,0x4,0	0,8-1,2/0,4-0,6	—	—	—	—	—	—	Махно, 1957, с.17
		раск. I, соор.7	неправ. прямоуг.	4,0x5,0	/0,7-0,8	—	—	—	—	—	—	Махно, 1957, с.20-23
		жил.1	прямоуг.	4,8x4,0	1,15/0,15-0,2	—	—	—	—	1, в углу	—	Некрасова, 1988, с.76, рис.3:1

Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры в днепро-днепцкой лесостепи.

Таблица А. 4. 5.

3

Хлопков 1

жил.2	прямоуг.	6,2x4,4	1,1/0,15	—	—	—	—	3: 1-в углу, 2- в центре	—	Некрасова, 1988, с. 77, рис.3:2
жил.3	квадр.	4,4x3,8	0,9/0,3	—	—	—	—	1, в углу	—	Некрасова, 1988, с. 77, рис.4:1
жил.4	прямоуг.	5,5x3,5	1,2/0,2	—	—	—	в СВ углу в виде выступа	—	скопл. глин. обмазки- следы стен (?)	Некрасова, 1988, с.78, рис.5:6
жил.5	квадр.	3,0x3,2	1,0/	—	—	—	—	—	слой обмазки от разруш. наземн. стен	Некрасова, 1988, с.78
жил.6	прямоуг.	3,8x3,1	1,2/0,3	—	—	—	в Ю углу в виде выступа	—	—	Некрасова, 1988, с. 78
жил. 7	квадр.	3,0x3,2	1,3/0, 5	—	по периметру	—	в С углу в виде выступа	—	—	Некрасова, 1988, с. 78
жил.8	прямоуг.	4,0x3,2	1,0/	—	—	очаг (пятно на полу)/ближе к центру	—	2: 1- рядом с очагом, 1 - в углу	—	Некрасова, 1988, с. 78, рис.4:2
соор. 1	неправ. формы: 2 кругл. ямы + полуовальн.в ход	диам. 1,65+1,5+1,7 x0,9	1,55; 1,4; 1,15/	—	—	—	—	—	куски наземн. глиноб. стен	Некрасова, 1988, с.78, рис.5:1
соор.2	прямоуг.	3,2x2,5	1,1/0,1	—	—	—	—	—	слой обмазки в С части	Некрасова, 1988, с.78

Продолж. Табл. А. 4. 5.

		соор.3	прямоуг.	2,0x2,5	1,35/	—	—	—	—	—	Некрасова, 1988, с.78	
		соор.4	квадр.	2,15x2,0	1,25-1,35/	—	—	—	у СЗ стенки, в виде выступа	скопл. обмазки на полу	Некрасова, 1988, с.79, рис.4:1	
		соор.5	в виде цифры "8"-из двух ям	диам. 2, 1+2,4	1,2/	—	—	—	—	ступенька в 3 части	Некрасова, 1988, с.79, рис.5:2	
		соор. 6	прямоуг.	2,6x1,8	1,2/	—	—	—	у В угла	—	Некрасова, 1988, с.79	
		соор.7	в виде цифры "8"-из двух ям	диам. 1,+1,7	1,1+0,95/	—	—	—	—	—	Некрасова,1988,с.179, рис.5:5	
		соор.8	в виде цифры "8"-из двух ям	диам. 1,6	1,1+1,25/	—	—	—	—	—	Некрасова,1988, с.79	
		соор.9	в виде цифры "8"-из двух ям	диам. 1,4	1,2/	—	—	—	—	—	Некрасова,1988, с.79	
		соор.10	в виде цифры "8"-к яме примыкает вход	1,2x1,4	0,8/	—	—	—	—	—	Некрасова,1988, с.79	
Район 2 "Десна-Сейм"												
1	Белополье 1	постр.1	подпрямоуг.	3,6x5,0	0,7/	—	—	—	—	—	зафиксир. в слое чернозема ;заполн.ф иксир от ур. 0,3-0,35 м	Некрасова, Приймак, Белинская,1992, с.3
		полуземл. 2	прямоуг.	2,8x4,0	1,1/	—	—	—	—	—	зафиксир. в слое чернозема	Некрасова, Приймак, Белинская, 1992, с.5

Продолж. Табл. А. 4. 5.

		постр.3	подпрямоуг.	?	?	—	—	—	—	—	зафиксир. в слое чернозема с ур.0, 4 м	Некрасова, Приймак, Белинская, 1992, с.6
		постр.4	подпрямоуг.	3,0x4,0	0,65/	—	—	глиноб. очаг/ ближе к центру	—	—	зафиксир. в слое чернозема с ур. 0,45 м	Некрасова, Приймак, Белинская, 1992, с.6-7
2	10-й Октябрь	постр.3	непр. прямоуг.	4,2x3,0-3,5	/0,4-0,45	—	—	ступенька-лежанка в В части	—	—	—	Обломский, 2002, с.38, рис.72
3	Снагость 2	постр.1	прямоуг.	3,35x2,05	1,34/	4	—	—	—	—	—	Сымонович, 1977, с.9
		постр.2	овальн.	3,23x 2,70	/0,43	1-в Ю части	—	—	—	—	—	Сымонович, 1977, с.13
		постр.3	прямоуг.	5,10x3,20	1,3-1,52/	—	—	откр. очаг в центре пола	—	—	уступ на полу	Сымонович, 1977, с.10
Район 3 "Сула"												
1	Давыдовка	постр.1	прямоуг.	2,0x2,5	1,5/0,3-0,4	—	—	глиноб. очаг у стены	выступ в СВ части	—	глин. обмазка в заполн.	Любичев, 1999, с.15-16, табл.ХІ
Район 4 "Псел"												
1	Великий Бобрик	жил.1	неправ. прямоуг.	5,0x3,8-2,8	1,0/	2-в зап. части	—	очаг с предпочажн.ям ой/ ближе к центру	—	—	завал глин. обмазки на полу	Журко, 1989, с.8-9
		хоз. постр.	непр. овальн.	3,5x2,0	1,0/	—	—	—	—	—	—	Журко, 1989, с.9
		жил.3	прямоуг.	3,0x3,3	1,0/	есть	—	—	—	—	часть горелой плахи	Журко, 1989, с.11
		жил.4	неправ. прямоуг.	5,3x4,4 - 3,5	1,4-1,5	—	—	—	—	в ЮВ углу, со ступенькой	—	—

Продолж. Табл. 4. 4. 5.

2	Дмитровка 3	раск.1, постр. 5	прямоуг.	2,75x3,0	—	4: в 2-х углах и на серед.ст ен	вдоль Ю стены	—	—	1	—	Башкатов, 2010б, с.229-230
		раск.1, постр. 8	прямоуг.	3,2x1,6	—	2: в С и 3 углах	—	—	—	—	—	Башкатов, 2010б, с.230
		раск.1, постр. 12	прямоуг.	2,0x2,2	—	—	—	—	—	—	—	Башкатов, 2010б, С.230
		раск.2, постр.1	прямоуг.	2,2x2,6x3,2x 2,3	/0,3-0,35	неск.: на сер. стен, в углу	—	—	материк. выступ в 3 стенке- вход (?)	1	—	Башкатов, 2010б, с.230
3	Косовщина 1	жил.1	прямоуг.	3,4x2,8	0,9/0,5	у Ю и 3 стенки	матер. останец у Ю стенки	ямка в центре с камнями	—	—	—	Журко, 1987, с.3- 4
4	Косовщина 2	жил. 2	прямоуг.	4,0x3,0	0,85/	—	—	возле Ю стенки углубл. в полу	—	—	куски обмазки стен	Журко, 1987, с.7
		жил. 2а	прямоуг.	4,2x3,4	0,85-0,9/	—	—	—	—	—	—	Журко, 1987, с.8
		жил. 3	прямоуг.	3,8x3,4	0,9/	—	матер. останец у Ю стенки	углубл. в полу в центре	—	—	над котлова- ном - завал обмазки	Журко, 1987, с.8- 9
5	Краснополье 1	жил.1	прямоуг.	2,4x1,8	0,95/	—	—	углубл. в полу в центре	—	—	куски глин. обмазки в заполн.	Журко, 1988б, с.6
		жил.2	удлин.- прямоуг.	5,8x2,8-3,1	1,2/	3	—	—	—	1	—	Журко, 1988б, с.6

Продолж. Табл. А. 4. 5.

		жил.3	овальн.	3,2x2,8	1,2/	—	—	углубл. в полу в центре	—	—	куски глин. обмазки в заполн.	Журко, 1988б, с.7
Район 5 "Ворскла-Орель"												
1	Боромля 2	постр.5	подквдр.с округл. углами	3,4x3,0	1,6/0,5	2-в С и В углах	по перим.стен	—	—	—	—	Некрасова,2006, с.96, рис.27
		жил.7	прямоугольн.	5,6x3,6	/0,5	10 - по периметру стен; 1 - в центре	—	углубл.в полу/ линзовидн. 1,5x1,1	—	1-в С части постр.	развалы глин.обмазки о наземн.стен	Некрасова,2006, с.97, рис. 30
		постр.8	неправильн. четырехугольн.	4,4x4,0	1,1/0,4	2 - у 3 стенки, 1 - в центре	—	—	—	2-у Ю и В стен	—	Некрасова,2006, с.97, рис. 33
		постр.2	непр. прямоуг.	3,4x2,5	0,9/0,5	по перим.стен	—	—	—	—	пол подмазан глиной	Некрасова,2006, с.95, рис. 22
		постр.4	прямоуг.	ок. 5,0x4,0	0,75/	—	—	—	—	—	—	Некрасова,2006, с.96
		постр.9	прямоуг.	3,0x2,5	1,2/0,4	—	—	—	—	—	скопл.глин.обмазки на дне	Некрасова, С.97, Рис.35
2	Войтенки 1, уч. "А"	уч."А", соор.10	прямоуг. с округл. углами	1,6x1,9x2,80x3,6	1,42/0,04;0,1;0,12	3 - по длин. оси	—	пятно на полу в 3 части соор.	—	—	ступенька в В части и площадка в С углу	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, с.20-21, рис.63
		уч."В", полуземл. 1	подпрямоуг.о вальн.	4,1x3,9x1,0	1,95/	—	почти по всему периметру	печь в материковом останце, в Ю углу	—	—	куски обмазки	Любичев, 2006, с.84-87
Район 6 "Северский Донец"												
1	Тимченки 2	постр.1	прямоуг.	2,45x4,10	/0,1	—	—	глиноб. очаг у ЮЗ стенки	—	—	—	Любичев, 2007б, с. 221

Продолж. Табл. А. 4. 5.

№ п/п	Название поселения	Административное положение	Гидросистема	Топогр. полож.	Комплексы	Исследователь/годы работ	Публикация	Степень опубликованности материалов
1	Воробьевка 2	РФ, Курская обл., Золотухинский р-н	Снов-Сейм	перв. надп. терр.	1 углубл. постр., 1 глиноб. очаг	разв. Ю.А. Липкинг/ до 1966 г.; раск. Э.А. Сымонович/ 1970	Сымонович, 1974а, 1974б	полная
2	Каменево 2	РФ, Курская обл., Курский р-н	Тускарь-Сейм	перв. надп. терр.	7 углубл. соор., 108 ям, 1 очаг	разв. О.Н .Мельниковская/ 1969; раск. Э.А. Сымонович/ 1978	Сымонович, 2001-2002; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 99-100, рис. 90-96	полная
3	Комаровка 2	РФ, Курская обл., Кореневский р-н	Снагость-Сейм	на дуне в пойме	разруш. углубл. соор., 16 ям	разв. Ю.А. Липкинг/ 1972; раск. Э.А. Сымонович/ 1972	Мельниковська, Симонович, 1975; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 97, рис. 77-82	полная
4	Песчаное	РФ, Белгородская обл., Ивнянский р-н	Псел	перв. надп. терр.	3 углубл. соор. (жил. № 1, 2, 4)	Е.А. Горюнов/ 1978-1979	Горюнов, 1981б; Памятники киевской культуры..., 2007, с. 85-86, рис. 27-30	полная
5	Тазово	РФ, Курская обл., Золотухинский р-н	Тускарь-Сейм	перв. надп. терр.	5 углубл. сооруж., 46 ям, 2 очага	разв. О.Н. Мельниковская/ 1969; раск. Э.А. Сымонович/ 1979	Сымонович, 1986; Памятники киевской культуры..., 2007, с.96, рис. 73-76	полная

Поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2.

№ п/п	Поселение	№ соорж.	Тип соорж.	Форма в плане	Размеры в плане (м)	Глуб. (м) от совр. пов./ от ур. матер.	Столб. ямы	Центр. столб	Уступы/ полки	Выступы-входы	Отопит. соорж.	Ямы-погреба	Публикация
1	Тазово	1	полу-землянка	круглая	2,3-2,35	0,45	—	есть	—	—	очаг- "пятно"	—	Сымонович, 1986, с. 184
		2	полу-землянка	неправ. овал	4,05x2,40	0,5	—	есть	—	есть	—	—	Сымонович, 1986, с.184 - 185
		3	полу-землянка	неправ. овал	5,75x2,70	0,75	есть	—	—	—	—	—	Сымонович, 1986, с. 185 - 186
		4	полу-землянка	прямоуг. с закруглен	5,40x3,60	0,55	есть	—	—	есть (площадка)	2 глино-битн. очага	1	Сымонович, 1986, с.186 - 188
		5	полу-землянка	неправ. овал	3,60x2,20	0,7	есть	—	—	есть	очаг - "пятно"	—	Сымонович, 1986, с.188
2	Каменево 2	1	полу-землянка	неправ. овал	4,75x3,20	0,25/0,65	есть	есть	—	есть	—	—	Сымонович, 2001-2002, с. 374
		2	полу-землянка	квадратн.	5,45x5,10	0,35-0,40/0,95	есть	—	есть	есть	очаг - "пятно"	—	Сымонович, 2001-2002, с. 374-375
		3	полу-землянка	округл.	диам.3,40	1,45/2,0	есть	—	есть	есть	очаг - "пятно"	—	Сымонович, 2001-2002, с. 375-376
		4	полу-землянка	круглая	диам.2,60	0,2/0,65	—	есть	—	—	—	—	Сымонович, 2001-2002, с. 376
		5	полу-землянка	овальн.	2,30x1,80	0,55/0,95	—	есть	есть	есть	очаг, углубл. в пол	—	Сымонович, 2001-2002, с. 376-377
		6	полу-землянка	квадратн.	3,0x2,65	0,30/0,85	есть	—	—	есть	очаг - "пятно"	—	Сымонович, 2001-2002, с. 377
		7	полу-землянка	квадратн.	5,0 x 4,40	0,3-0,4/0,9	есть	есть	—	есть	очаг - "пятно"	—	Сымонович, 2001-2002, с.377
		1	полу-землянка	квадратн.	3,5x3,6	0,3-0,37/	—	есть	—	—	—	—	Горюнов, 1981б, с. 62

Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2.

Таблица 4. 4. 7.

3	Песчаное	2	полу-землянка	квадратн.	4,0x4,0	0,7-0,8/	—	—	—	—	—	—	Горюнов, 1981б, с.64
		4	полу-землянка	квадратн.	4.2x4,0	0,8-1,0/	—	есть	—	—	очаг- "пятно"	есть	Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 30:1, с. 85-86
4	Комаровка	1	полу-землянка	квадратн. (?) (часть разруш.)	4,2 x4,2	1,1/	есть	—	—	—	?	—	Мельниковська, Симонович, 1975, с. 85
5	Воробьевка 2	1	полу-землянка	квадратн.	3,8x3,4	/0,35	—	есть	—	есть	очаг, углубл. в пол	—	Сымонович, 1974б, с. 77-78

Продолж. Табл. А. 4. 7.

№п/п	№ по КATALOGУ	Название	Общее кол-во погр.	Кол-во крем.	Кол-во ингум.	Кол-во кенотаф.	Исследо-ватель / годы работ	Сохранность могильника	Введение в научный оборот	Публикация	Примечание
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>											
1	14	Градижск (ур. Круча)	6	3	3	—	Л.М. Рутковская/ 1975 г.	охранные раскопки в размыве берега, безинвентарные погребения	текстовое описание	Рутковская, 1979, с. 338	—
2	17	Жовнино, ур. Биленковы Бурты	5	—	5	—	В.Д. Дяденко/ 1961-1969 гг.	поврежден водохр., исследованы только отдельные комплексы	Л.М. Рутковской, О.В. Петраускасом и Л.А. Цындровской опубликованы вещи из погребений, а также вещи из разруш. погребений; И.В. Кракало опубли. вещи из разруш. погр.	Рутковская, 1979, С. 317-318, рис. 2, 3; Петраускас, Цындровская, 2002, с. 6-10,10-13; Кракало, 2004	—
3	18	Жовнино, ур. Носенки	6	6	—	—	открыт М.Х. Левашовым/ 1963 г.; В.Д. Дяденко/ 1969 г.; Л.М. Рутковская/ 1969 г.	поврежден водохр., исслед. только отдельные комплексы	сосуды-урны и сосуд из инвент. разруш. погр. опубли. Л.М. Рутковской, О.В. Петраускасом и Л.А. Циндровской	Рутковская, 1979, с. 319-320, рис. 5, 6; Петраускас, Цындровская, 2002, с. 13-15	—

Исследованные раскопками могильники черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи.

4	19	Жовнино, ур. Пристань	27	5	22	—	М.Х. Левашов/ 1968-1970; Л.М. Рутковская	поврежден водохр., исслед. только отдельные комплексы	опубл. вещи из погр.	Рутковская, 1979, с. 320-328; Петраускас, Цындровская, 2002, с. 16-29	—
5	22	Кагамлык	1	1	—	—	Л.М. Рутковская/ 1975 г.	охранные раскопки у размыва берега	текстовое описание погр., рисунки вещей с поверхности	Рутковская, 1979, С. 341-342	—
6	25	Компанийцы	111	86	25	—	Е.В. Махно, 1960-1965	не поврежден, исследован полностью	автор раскопок предост. общее описание и опубл. лишь отдельные вещи, некоторые вещи утеряны, полная публик. осуществлена А.Н. Некрасовой	Махно, 1971б; Некрасова, 2006	—
7	120	Переяслав- Хмельницкий	42	21	19	2	В.К. Гончаров/ 1952; В.К. Гончаров, Е.В. Махно, 1954	не поврежден, исследован полностью	дано лишь текстовое описание погр., рисунки отдельных вещей	Гончаров, Махно, 1957	—
8	78	Соснова	49 (?)	2 (1962 г.) + 29 (1978- 1985 гг.)	19: 1 (1962 г.) + 17 (1978- 1985 гг.)	—	М.И. Сикорского, А.П. Савчука/ 1962 (1 ТП, 2 ТС); раск. М.И. Сикорского, Е.В. Махно, Г.Н.Бузян/ 1978- 1985	без особых повреждений	опубл. рисунки отд. погр. с общим описанием	Сикорский, Махно, Бузян, 1978-1985; Сікорський, Савчук, 1971, с. 141-143; Махно, Сикорский, 1989	—
Район 2 "Десна-Сейм"											
9	68	Пены 3	3	3	—	—	О.А. Радюш/ с 2008	—	полная публикация погр.	Радюш, 2010, с. 206- 207; 2011а	—

Район 3 "Сула"

10	5	Волчек	6	3	3	—	раск. В.В. Кропоткин/1968	—	краткое текстовое описание	Кропоткин, 1969	—
11	72	Воскресенское 1	4	—	4	—	Г.В. Жаров, Т.А. Жарова, Р.В. Терпиловский/2003	—	полная публикация погр.	Терпиловский, 2008, с. 299; Терпиловский, 2010а, с. 81; Жаров, Терпиловский, 2011, с.170 -173	—
12	94	Гурбинцы	6(?)	1	2	—	Н.Е. Макаренко/1926	—	общее текстовое описание, рисунки отд. вещей	Макаренко, 1927	в двух ямах -панцири черепах, в ТС урна обставл. сосудами-приставками
13	40	Дубина 1	11	—	11	—	Г.В. Жаров, Т.А. Жарова, Р.В. Терпиловский/2003	—	полная публикация погр.	Терпиловский, 2008, С. 299; Жаров, Терпиловский, 2006, с. 97-99, рис. 6; Жаров, Терпиловский, 2011 с.174 - 177	сохр. погр. № 1, 2, частично погр. № 3
14	27	Лохвица	20	8	12	—	Д.Т. Березовец, В.П. Петров/1955	часть могильника разрушена (в разруш. части обн. 13-14 (?) погр.)	план могильника, фото погр. и вещей, описание погр.	Березовец, Петров, 1960	—
15	68	Успенка	34	7	27	—	Е.В. Махно/1968-1972, 1976	большая часть могильника разрушена	автором предост. краткая публикация с описанием некоторых находок, полная публ. осуществлена А.Н. Некрасовой	Махно, 1971б; Некрасова, 2006	—

Район 4 "Псел"

16	92	Замощанская Дюна	4	3 (2 из них разруш.)	—	1	Ю.А. Липкинг/ 1963-1964	—	текстовое описание и рисунки вещей	Липкинг, 1979	погр. № 1 - кенотаф;
17	91	Сумы	5	1	4	—	В.А. Богусевич/ 1958; Е.В. Махно/ 1960	могильник застроен, иссл. малая часть	описание погр. рисунки вещей	Богусевич, 1960, с. 103-105; Махно, 1967	—
18	73	Сумы-Сад	11	—	10	1	обнаружен в 1983 г., раск. 1983,1984 гг./ А.Н. Некрасова	частично уничтожен	Погр. № 1-8 опубл. А.Н. Некрасовой, погр. № 10 опубл. Э. Шультце, вещи из погр. № 9-11 частично опубл. Б.В. Магомедовым	Некрасова, 1985; Schultze, 2009; Магомедов, 2001, рис. 44: 4; 56: 2	погр. 4 отн. к более позднему времени (ступени D2, D3?)

Район 5 "Ворскла-Орель"

19	74	Боромля 1	48	1	47	—	раск. А.Н. Некрасова, Р.В. Терпиловский/ 1987-1991	частично поврежден, иссл. полностью	полная публикация всех материалов автором раскопок	Некрасова, 2006	—
20	140	Войтенки 1 (материалы раск. 2005-2009)	114 (2005-2009)	61	52	1	М.В. Любичев/ с 2005	не поврежден, исследования продолжаются	пока опубл. лишь отд. комплексы, вся информ. содерж. в отчетах	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006-2010; Любичев, 2009; 2011в;	—
21	121	Кантемировка	10	4	6	—	Е.В. Махно/ 1948	исследована только часть	краткое описание погр., рисунки керам. из погр.	Махно, 1952, с. 236-240	—
22	113	Новоселовка	3-5 (?)	1	3-4 (?)	—	обн. 1940; иссл. Е.В. Махно, Л.М. Рутковская/ 1966	—	отрывочная информация	Махно, 1960, с. 41; Махно, Рутковская, 1967, с. 215-217; Сымонович, Кравченко, 1983, с. 68; Рейда, 2003б	Е.В. Махно, Л.М. Рутковской иссл. 5 ТС в "обширных ямах"

23	136	Павлюковка	9	9	—	—	Б.А. Шрамко/ 1973	—	полная публикация	Шрамко, 1979	—
24	175	Писаревка	?	?	x (1948) +2 (1966)	—	ислед. И.И. Ляпушкин, А.А. Сидоренко/ 1948; Е.В. Махно, Л.М. Рутковская/ 1967	—	отдельные отрывочные сведения	Ляпушкин, 1961, с. 171; Махно, 1968	—
Район 6 "Северский Донец"											
25	145	Глубокое	4	2	2	—	М.В. Любичев/ 1998	частично - поврежден, частично - под застройкой и огородами	краткое текстовое описание, рисунки отдельных вещей	Любичев, 2001б	—
26	97	Головино 1	5 (погр.№ 1 -4, 6)	—	5	—	А.М. Обломский/ 1988-1989	—	полная публикация материалов	Обломский, 2001- 2002	—
27	116	Пересечная	?	x	x	—	И.Н. Луцкевич, Т.Н. Ивановская/ 1931-1933	частично разрушен карьером	документация утеряна, общее краткое текстовое описание, рисунки отдельных вещей	Луцкевич, 1948, с. 168, табл. 1: 3, 6, 7- 14	—
28	118	Родной Край 1	14	7	5	2	Е.Н. Петренко, Ю.В. Буйнов/ 1978-1984	полностью сохранился, полностью изучен	полная публикация материалов	Петренко, 1991	—
29	62	Соколово 2	?	2	1	—	Е.Н. Петренко/ 1984; В.В. Дидык/ 1996, 1997; М.В. Любичев/ 2002	уничтожен сооружением дамбы	полная публикация погр. № 1	Петренко, 1991; Любичев, 1997б, 1998, 2003б	—

№ п/п	№ в Каталоге	Название	Содержание	Публикация с рисунками	Публикация/ упоминание
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>					
1	51	Андруши (Чубуки)	отд. ТП. с несколькими сосудами	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с.63-64
2	88	Барышевка	случ. обнар. могильник	нет	Шендрик, 1977, с.26
3	2	Билецковка	разруш ТП, миска	есть	Кракало, Левченко, 1994
4	4	Васютинцы	разруш. погр.	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с.65
5	53	Виненцы	отд. погр.	есть	Сікорський, Савчук, 1971, с. 143, рис.3
6	92	Волошиновка	следы могильн., отд. вещи	есть	Костенко, 1978,с.110
7	7	Горшние Плавни	следы могильника, гонч. горшок	нет	Рудинський, 1928; Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 59
8	8	Градижск	разруш. погр.	нет	Телегін, 1982
9	9	Градижск	разруш. погр.	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с.67
10	10	Градижск	разруш. погр.	нет	Черняков, 1988
11	101	Гречаники	отд. ТП. обн. в 1912 г.	есть	Рудинський, 1928, с. 51-59; Щербаківський, 2005
12	57	Денисы	случ. обнар. могильник с погребениями, соержащими керамику	есть	Сікорський, Савчук, 1971, с. 142, рис.2

Отдельные грунтовые погребения – части могильников.

Таблиця А. 4. 9.

13	152	Малая Каратуль	обнаруженный могильник в 1963 г. без сведений о раскопках	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с.64
14	31	Максимовка (гора Пивиха)	отд. погр.	есть	Кракало, 2003, с. 126-127
15	121	Переяслав- Хмельницкий	отд. погр.	есть	Махно, Сікорський, 1976
16	38	Пронозовка	разруш. ТП с сосудами	частично опубл.	Кракало, Порубай, 1988; Кракало, 2011
17	42	Святиловка	следы мог., миска	есть	Сапегін, Шульга, 2001, с.114
18	134	Стовпяги	следы могильника	нет	Шендрик, 1977, с.98
19	176	Цыбли	отд. погр.	есть	Сікорський, Савчук, 1971, рис.3
20	49	Шушваловка	отд. погр. могильн.	частично опубл.	Кракало, Порубай, 1988;Черняков, 1988;Кракало, Левченко, 1994
21	50	Шушваловский остров	отд.погр.могильн.	частично опубл.	Кракало, 2011, с.147-148
Район 2 "Десна-Сейм"					
Район 3 "Сула"					
22	1	Белоцерковцы	1 ТС в амфоре	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с.66
23	62	Беребинцы	отд. ТП с сосудами обн. в 1927 г., описано Ренским	есть	Гейко, Рейда, Милашевський, 2011

Продолж. Табл. А. 4. 9.

24	46	Великий Самбор	отд. ТП с бр. фибулой, стекл. сосудом, керамическими сосудами, обн. в 1978 г., описано Ю.Ю. Моргуновым	текстовое описание; стекл. кубок в публ.: Петраускас, 2009, Рис. 5: 3	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66; Моргунов, 1978
25	53	Воронинцы	1 ТП, 1 ТС	есть	Мокляк, 1998
26	75	Деймановка	следы мог., кувшин	нет	Махно, 1960, с.41
27	105	Клецы	в 1961 г. обн. яма со скопл. костей ребенка и фр-том чернях. сосуда	нет	Сымонович, 1964б, с.11
28	50	Коровинцы	вещи из погр.	есть	Семенчик, 1930; Ляпушкин, 1950; Махно, 1960, с. 45; Сымонович, 1964б, рис. 5
29	86	Малая Девица, ур. Черненково	отд. ТП	нет	Сымонович, 1964б, с.11
30	87	Малая Девица	отд. ТП	есть	Сымонович, 1964б, с. 11, рис. 4: 1, 2
31	16	Морозовка	признаки мог., случ. нах.	нет	Махно, 1960, с.40
32	22	Савинский	ТС (?), "амфоры римского типа с пеплом"	нет	Ляпушкин, 1961, с. 172
33	23	Снятин	отд. ТП с кувшином	нет	Махно, 1960, с. 40

Продолж. Табл. А. 4. 9.

34	68	Холодный Яр	признаки мог.,случ.нах.,сосуды	нет	Махно, 1960, с. 46
<i>Район 4 "Псел"</i>					
35	58	Дубяги	2 разруш. ТП, 1 урн. ТС	опубл. сосуды (7) из ТП	Горюнов, Усова, 1974, с. 275-278, рис. 1, 2
36	119	Клепачи	отд. ТП обн. в 1952 г., 2 миски и 1 керамич. кубок поступили в Лубенский КМ	нет	Махно, 1960, с. 42
37	120	Ковали	в 1927 г. в глинище обн. следы разруш.ТП	нет	Махно, 1960, с.42
38	27	Ярьськи	1 ТС	есть	Луговий, Рейда, 2004
<i>Район 5 "Ворскла - Орель"</i>					
39	7	Брусия	следы мог., бусы, прясла	нет	Спицын, 1948, с.66
40	186	Варваровка	2 разруш.погр.	нет	Супруненко, 1990, с. 10-11
41	2	Великая Писаревка	отд. ТП с фр-ми керамич. и стекл. сосудов	нет	Луцкевич, 1948, с.165
42	119	Водяное	случ. обн. ТП в 1932 г., место находки обследовано А.В. Добровольским, 5 сосудов хранится в ПКМ	есть	Махно, 1960, с. 42; Рейда, Луговий, 2003

Продолж. Табл. А. 4. 9.

43	15	Гарбузовка	следы могильника, подв. фибула Б1	лишь упоминание в тексте	Рейда, Лямкин, Єремєєв, 2002, с. 173-174
44	23	Дубны	С.Г. Смиглой обн. амфора - следы мог.	нет	Махно, 1960, с.40
45	192	Зачепиловка	Ю.А. Сало в 2011 г. обн. развалы гонч. сосудов (горшки, миски, кувшины), амфора типа "F"- следы могильника, разруш. песчаным карьером	нет	Любичев, Мызгин, Варачева, 2013
46	189	Климовка	следы мог. - кувшин из погр.	есть	Супруненко, 1990, рис. 30:3
47	180	Ливенское	следы мог., рамка бр. пряжки	есть	Рейда, 2003, рис.1:8
48	94	Марковка	из разруш ТП в Полтавск.краев.муз. поступил керамич. кубок	нет	Махно, 1960, с.39
49	40	Мачухи	следы мог., двуручн. гонч. кувшин из глинища	есть	Рейда, Луговий, 2002, с.136
50	181	Маячка	находка амфоры	нет	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 75
51	174	Огуевка	следы мог.	нет	Сидоренко, Махно, Телегін, 1982, с. 72
52	98	Сторожевое	следы мог., вещи из разруш. погр.	нет	Махно, 1960, с. 41-42

Продолж. Табл. А. 4. 9.

53	183	Яременки (Орлик)	отд. разруш. погр.	есть	Левченко, 1988; Левченко. Супруненко, 1994; Обломский, 2002, рис. 93: 11-15
<i>Район 6 "Северский Донец"</i>					
54	141	Большая Даниловка	следы могильника с ТС	нет	Шрамко, 1962, с. 258-259; Зайцев, 1964, с. 48-50
55	103	Буды	ТП с миской	нет	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 70
56	150	Прелестный (Гринчашин)	следы могильника	нет	Луцкевич, 1948, с. 168-169
57	61	Соколово 1	1 ТП	есть	Петренко, 1991, с. 22-23

Продолж. Табл. А. 4. 9.

№ п/п	№ в Каталоге	Название	№ кург., № погр.	Полож. погреб-я	Конструкция погр. соор.	Полож. скелета	Пол погр.	Инвентарь		Наличие скелетов/ костей жив.	Исследователь/ год исслед.	Степень опубликованности	Публикация
								типичный для чернях. к-ры	"поздне-скифско-сарматского", "северо-кавказского" происх.				
<i>Район 1 "Днепр, прибрежная часть левого берега"</i>													
1	26	Лавриковка	кург. 2, погр. 5	впускное	прямоуг. яма	вытянут, СВ-ЮЗ	жен.	гонч. сосуды, 2 фибулы, пряжка, подвеска-раковина, костян. пирам. подвески, кост. подвеска, кост. гребень (фр.), глин. пряслице	лепн. горшок	есть	Супруненко, Лямкін, Сидоренко/ 2010	полная публикация	Супруненко, Лямкін, Сидоренко, 2011
<i>Район 3 "Сула"</i>													
2	108	Иржево	кург.	?	?	?	—	в т.ч. гонч. кувшин; стекл., корал., янтарн. и сердолик. бусы	?	—	—	упоминание, у чтено С.В. Коршенко в 1940 г.	Сымонович, Кравченко, 1983, с. 66

Подкурганные погребения с черняховскими вещами

Район 5 "Ворскла-Орель"

3	122	Кантемировка	кург. 1	основное	яма с подбоем, СЗ-ЮВ	согнут	—	гонч. сосуды, бр. пряжки, кост. гребень, кост. кубик, серебр. деталь дерев. шкатулки, стекл. жетоны	серебр. накладки, наконечник обувн. ремня, зол. перстень	есть	М.Я. Рудинский/1924	полная публикация	Рудинський, 1930, с. 135-139; Гороховский, 1988в; Казанский, Мастыкова, 1999, с.120-121, рис. 2; Обломский, 2002, рис. 91
4			кург. 2	основное	яма с заплечиками и дерев. накатом, СВ-ЮЗ	разруш.	—	гонч. сосуды, бр. пряжка, фр-т стекл. сосуда	—	есть	М.Я. Рудинский/1924	полная публикация	Рудинський, 1930, с.139-141; Гороховский, 1988в; Казанский, Мастыкова, 1999, с.120, рис. 3:1,2
5	—	—	кург. 3	основное	катакомба; камера и вх.яма по одной линии, С-Ю	на дерев.посте,разруш.	—	гонч.сосуды, бронз.пряжки	жел.удила, петли, бр.ременные накладки,зол.перстень	—	М.Я. Рудинский/1924	полная публикация	Рудинський, 1930, с.141-146; Гороховский, 1988в; Казанский, Мастыкова, 1999, с.120-121, рис.3: 3-17;Обломский, 2002, рис.92

6	100	Сторожевое	кург. 2	основное	катакомба; камера и вх. яма по одной линии, С- Ю	разруш.	муж.	двуручн. кувшин, развал жел. двучл. подвязн. фибулы	фр-ты лепн. керам.(?)	—	О.В. Коваленко, Р.С. Луговой/ 2007-2008	полная публикация	Коваленко, Луговой, 2008, с.35-39, рис.2,4-6; 2009, с. 174- 175, мал.1
7			кург. 11	основное	катакомба; камера и вх. яма по одной линии, С- Ю	разруш.	муж.	одноручн.ку вшин	лепн. горшок	есть	О.В. Коваленко, Р.С. Луговой/ 2007-2008	полная публикация	Коваленко, Луговой, 2009, с. 174- 176, мал. 2,3
Район 6 "Северский Донец"													
8	89	Воронцовка	кург. 6	основное	катакомба	2 разруш погр.,	—	бронз. пряжка, фибула, 14 стекл. бус, нижн. часть стол. сосуда	бронз. спираль, пластинка, бляшка	—	Е.Н. Мельник/ 1902	отдельные сведения, отд. иллюстр.	Мельник, 1905, с. 726; Луцкевич, 1948, табл. II: 5, 8, 9
9	10	Мечебелово	кург. 4, погр. 1	впускное	катакомба	—	—	3 кувшина, 1 горшок	?	—	В.А. Городцов/ 1902	отдельные сведения	Городцов, 1905, с. 211

№ п/п	Памятник	Обстоятельства находки, серия (вариант) фибулы (по Гороховскому-Гопкало)				Публикация/отчет
		Подъемный материал	Культ. слой	Культурный слой в том числе над (возле) сооружением(я)	Условно- закрытый комплекс	
1	Лепляво	1: 3(1)	—	—	—	Гороховский, Гопкало, 2004, с.126
2	Коврай	7: 1-1(1),3-1(3),1-1(9), 1-3(1), 1-3(9)	—	—	—	Любичев, Дидык, 2001-2002, рис.4:1-7
3	Градижск	1: 1(2)	—	—	—	Гороховский, Гопкало, 2004,с.126
4	Шевченки 5	1: 3(1)	—	—	—	Гейко, 1998б, с.170
5	Васильевка 3	1:1(1)	—	—	—	Щербань, 2000, рис.2
6	Матяшев Яр 3	—	1: 1(4)	—	—	Жаров, Терпиловський, 2006, рис.5:3
7	Сторожевое	1: 3(1)	—	—	—	Коваленко, Луговий, 2008, рис.1
8	Боромля 2	—	1 - 3 (особ. вариант)	—	2 - соор.1: 3(1), 1 - соор.3: особая форма	Некрасова, 2006, рис. 19, 20: 2, 3; 24: 9

Находки фибул группы VII O. Альмгрена на памятниках в Днепро-Донецкой лесостепи.

Таблиця А. 5. 1.

9	Новоселовка	—	1: 3(1)	—	—	Обломский, 2002, рис.68:2
10	Букреевка 2	—	—	—	1- постр.8: 3(1)	Сымонович, 1990, рис.7:10
11	Пены	1 - 3(2)	—	—	—	Радюш,2008,рис.3:3
12	Рязаново	1 - 3(1)	—	—	—	Радюш,2008,рис.3:6
13	Гочево 3	—	—	—	1- постр.1: 3(1)	Обломский,2002,рис.7:6
14	Головино 1	—	—	1 - 3(3)	—	Обломский,2002,рис.68:1
15	Родной Край 3	—	—	—	1 - постр.1: 1(8)	Обломский,2002,рис.45:1 9
16	Большая Даниловка	1 - 1(7);1-фр- т	—	—	—	Зайцев,1964,рис.2:5,7
17	Мартовя	1 - 1(3)	—	—	—	Дидык,Любичев, 2001- 2002,рис.3:4
18	Петровское	1 - 3 (особ.вар.)	—	—	—	Сибилев,1926,рис.31:7
19	Завгороднее	1 - 1(7)	—	—	—	Любичев, Дидык,2001- 2002,рис.3:3
20	Пасеки	2: 1- 1 (7), 1 - 3(8)	—	—	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII:6,13

Продолж. Табл. А. 5. 1.

21	Старые Валки	2: 1- 1(1), 1-1(7)	—	—	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII:3,5
22	Войтенки 1	3:1-1(1), 1-3(1), 1-3(7)	—	3: 1-1(1), 1- 1(7),1-фр-т	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 1, 10, 15; Любичев, 2006, рис.8:3; Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 66: 1; Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис. 85: 6
23	Халимоновка	1 - 3 (1)	—	—	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII:14
24	Бараново	1 - 3(9)	—	—	—	Григорьянц, Бейдин, 2005, с.124, рис.1.2
25	Старый Мерчик	1 - 3 (8)	—	—	—	Любичев, Дидык, 2001-2002,рис.3:1
26	Огульцы	2-3(1);2-1(?);1-3(8);3-фрагм.;1-заготовка	—	—	—	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 14; Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 283: 5, 284: 5; Любичев, 2008, рис. 1: 2, 3

Продолж. Табл. А. 5. 1.

27	Рябухино	1- 1(7)	—	—	—	Любичев, Дидык, 2001-2002,рис.3:2
28	Хрущевая Никитовка	1-3(1);1-1(4);1-1(8);1-7(7); 1-3 (фрагм.);1-фрагм.	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2013, рис.

Продолж. Табл. А. 5. 1.

Таблица А. 5. 2.

**Находки фибул Альмгрен 157 (Амброз 15,3,1) на памятниках
позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи.**

№ п/п	Поселение	УЗК	слой	ПМ	Литература
1	Родной Край 1	—	1		Обломский, 2002, рис. 49: 1
2	Саржин Яр	—	—	1	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. П
3	Черкасская Лозовая	—	—	1	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. П: 3
4	Пасеки	—	—	1	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. П: 2
5	Войтенки 1, уч. А	соор.2/2	—	—	Любичев, 2008г, рис. 16: 4

Таблица А. 5. 3.

Находки фибул серии Гороховский А (Амброз 16,2,1,1) на памятниках позднееримского времени днепро-донецкой лесостепи.

№ п/п	Поселение	УЗК	слой	ПМ	Литература
1	Хохлово 2	—	—	1	Обломский, 2002, рис. 57: 17
2	Полковая Никитовка	—	—	1	
3	Войтенки, уч. "А"	—	—	1	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. IV: 1

Таблица А. 5. 4.

Находки фибул типа «Войтенки» на памятниках позднееримского времени днепро-донецкой лесостепи.

№ п/п	Поселение	Подъемн матер.	Культ. слой	УЗК	Сохранность	Публикация/ отчет
1.	Коврай	Х	—	—	Целый экземпляр без пружинного аппарата	Любичев, Дидык, 2001-2001, рис.4:8
2.	Хворостово	Х	—	—	Целый экземпляр без пружинного аппарата	Варачева, 2008, рис.8:1
3.	Войтенки, участок А	Х	—	—	Головка с частью спинки	Любичев, Мызгин, Варачева, 2005, с.2
4.		Х	—	—	Целый экземпляр без пружинного аппарата	Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII:17

Могильник	№ погр.	Тип погр.	ХИ первого уровня					ХИ второго уровня-бусы	ХИ второго уровня	ХИ второго уровня-лепная кер.	ХИ второго уровня-гонч. кер.	Публикация
			стекл. сосуд	фибулы	пряжки	роговые гребни	оружие, предм. снаряжен.					
БОРОМЛЯ	1	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	не подл. реконстр.	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)-1; ХИ 106-1	Некрасова, 2006, рис.3:1-3
	2	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	ХИ 34/2-1	—	ХИ 50/6-1; ХИ 50/7-1	ХИ 81-2	—	ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.3:4-9
	3	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	ХИ 89-1	—	ХИ 96/3-2; ХИ 97-1; ХИ 98/1-1; ХИ 102-1; ХИ 107-1	Некрасова, 2006, рис.3:10-16
	4	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 13/1-2	ХИ 22/2-1	ХИ 31/1-1	—	ХИ 50/6-1; ХИ 50/11-1	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1-2; ХИ 96/2-1; ХИ 96/3-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-2; ХИ 105/1-1	Некрасова, 2006, рис.4
	5	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.6:18
	6	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/2-1; 96/3-3; ХИ 98/1-1; ХИ 98/2-1; ХИ 102-1; ХИ 101/4-1

Хронологические индикаторы в погребениях черняховских могильников, подвергнутых сериации (Боромля, Успенка, Компанийцы, Войтенки)

7	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 14- 2	—	—	—	—	ХИ 89-1	—	ХИ 96/3- 2; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.5:15- 20
8	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 65	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 97- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.6:1-6
9	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 4; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.6:7-14
10	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/9-9	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.6:15, 16
11	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-2	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3- 6; ХИ 97- 1; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1; ХИ 106-1	Некрасова, 2006, рис.7:1-14
12	ингум. тип I, вид.2, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.6:17
13	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-2	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 101/2- 2	Некрасова, 2006, рис.7:15- 24

Продолж. Табл. А. 5. 5.

14	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:1
15	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ост. корроз ир.	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:2, 3
16	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:4
17	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:5
18	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:12
19	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	ост. корроз ир.	—	—	—	—	ХИ 89-1	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:7-9
20	ингум. тип I, вид.2, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:10
21	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:11
22	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ост.ко ррозир	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.9:1-5

Продолж. Табл. А. 5. 5.

23	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.8:6
24	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-1	ХИ 23- 1	—	—	ХИ 50/2 - 2;ХИ 50/3- 1; ХИ 50/3- 2; ХИ 51/3- 1	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 5; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1; ХИ 104-1	Некрасова, 2006, рис.9:6-28
25	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.10:1, 2
26	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.10:5
27	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/6-5	ХИ 89-1	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 2; ХИ 102- 1; ХИ 106- 1	Некрасова, 2006, рис.10:6- 20
28	ингум. тип IV, вид.1, вар.А	—	ост. корроз ир.	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.10:3, 4
29	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1- 1;ХИ 101/4-1	Некрасова, 2006, рис.11:1-5

Продолж. Табл. А. 5. 5.

30	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 24- 1	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/2- 1; ХИ 97- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.11:6- 14
31	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.11:15
32	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.11:16
33	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/1-1	—	—	—	ХИ 50/2-2; ХИ 50/4 - 31;ХИ 50- 2(Х/1);ХИ 50/5-2;ХИ 50/6-2;ХИ 50/7-24; ХИ 51/3-1; ХИ 52-7; ХИ 54/2-6	ХИ 62/2- 2; ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 106-1	Некрасова, 2006, рис.12
34	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.11:17
35	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.13:1-6
36	ингум. тип II, вид.4, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.13:7

Продолж. Табл. А. 5. 5.

37	ингум. тип IV, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.13:8
38	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1; ХИ 96/3-3; ХИ 101/1-1; ХИ 101/2-1 ХИ 105/1-1	Некрасова, 2006, рис.13:9-18
39	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	ХИ 35/1-1	—	ХИ 50/2-2	ХИ 81-1	—	ХИ 96/3-1; ХИ 98/1-1; ХИ 101/1-3	Некрасова, 2006, рис.14
40	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.93
41	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.13:19
42	ингум. тип II, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.13:20-23
43	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-2; ХИ 102-1; ХИ 105/4-1	Некрасова, 2006, рис.15:1-5
44	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 13/1-2	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-2; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.15:6-14

Продолж. Табл. А. 5. 5.

	45	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-2	ХИ 25- 1	—	—	—	ХИ 89-2	—	ХИ 96/3- 1;ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.16:1- 10
	46	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	—	ХИ 75-1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 4; ХИ 97- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.17
	47	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.16:11
	48	ингум. тип I, вид.2, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-2	Некрасова, 2006, рис.16:12- 14
УСПЕНКА	5	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	—	Некрасова, 2006, рис.44:1, 2
	29	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 105/1- 1	Некрасова, 2006, рис.44:6, 7
	50	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.44:18
	72	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.44:8- 11
	129	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 53-1	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.44:17

Продолж. Табл. А. 5. 5.

130	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.44:23, 24
131	крем. тип II, вид.1	—	—	ХИ 22/2-1	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.44:15, 16
137	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 13/1-2	—	ХИ 33/2 1	—	ХИ 50/2- 5; ХИ 50/6-1; ХИ 50-1 (XIV/11); ХИ 50/7- 3;ХИ 50/9- 20; ХИ 51/1- 1; ХИ 54/2- 7	ХИ 89-1	—	ХИ 96/3- 2; ХИ 100- 1; ХИ 101/1- 1;ХИ 101/4-1	Некрасова, 2006, рис.45
140	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.45:1
366	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50-1	—	—	ХИ 96/3- 2; ХИ 105/1-1; ХИ 106-1	Некрасова, 2006, рис.46:1-6
546	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.44:12- 14
921	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/6-1	—	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1; ХИ 105/1- 1	Некрасова, 2006, рис.46:7- 14
936	крем. тип I, вид.5	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3- 1;ХИ 103- 1	Некрасова, 2006, рис.44:3-5

Продолж. Табл. А. 5. 5.

1215	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2- 1;ХИ 10/3-1	ХИ 23- 1	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.46:15- 20
1216	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-2	—	—	—	ХИ 51/1-3	—	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 101/2- 1	Некрасова, 2006, рис.47:1- 12
1308	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 20/1-1; ХИ 24- 1	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 4; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-3; ХИ 102-1; ХИ 105/1- 1; ХИ 109- 1	Некрасова, 2006, рис.48
1367	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 24- 1	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 2;ХИ 101/1- 2;ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.47:13- 20
1618	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/2-1; ХИ 50/8-1	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.44:19- 22
1619	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	ХИ 22/1-1	—	—	—	ХИ 77-1; ХИ 83-1; ХИ 81-1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 4;ХИ 100- 1; ХИ 101/2- 1;ХИ 101/4-1; ХИ 105/1- 1	Некрасова, 2006, рис.49

Продолж. Табл. А. 5. 5.

1620	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	ХИ 50/2-1; ХИ 50/6 -3	ХИ 89-2	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 1	Некрасова, 2006, рис.47:21- 26
1629	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1	Некрасова, 2006, рис.50:1, 2
1630	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.50:3
1631	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/1-2	—	ХИ 33/2 1	—	ХИ 50/6-6	ХИ 89-2	—	ХИ 96/3- 3;ХИ 97- 1; ХИ 98/2, 1	Некрасова, 2006, рис.50:4- 15
1643	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.50:17
1644	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.50:18
1645	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/3- 2; ХИ 101/1-2; ХИ 102-2	Некрасова, 2006, рис.51:1-8
1646	? без кальц. костей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.50:16

Продолж. Табл. А. 5. 5.

1647	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-2	ХИ 22/1-1	ХИ 34/1- 1	—	ХИ 52-3; ХИ 54/2-64	ХИ 61-1; ХИ 76-1; ХИ 89-1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 2; ХИ 98/1- 1; ХИ 100- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102- 2;ХИ 106- 1	Некрасова, 2006, рис.52
1648	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.50:19
1651	ингум. тип I, вид.1,В ар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1	Некрасова, 2006, рис.51:9, 10
1652	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.51:11
1653	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.51:12
1654	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 14- 2	—	ХИ 34/2- 1	—	ХИ 50/2- 1;ХИ 50/6- 13; ХИ 54/2- 6; ХИ 55/1- 3	ХИ 62/1- 1; ХИ 89-3	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 4; ХИ 101/1- 3;ХИ 101/3-1; ХИ 102-1; ХИ 103-1	Некрасова, 2006, рис.53

Продолж. Табл. А. 5. 5.

	1655	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 25- 1	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 2;ХИ 101/1- 1;ХИ 101/2-1; ХИ 101/3- 1	Некрасова, 2006, рис.51:13- 24
	1659	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/1-1; ХИ 10/3-1	ХИ 23- 1	—	—	ХИ 50/6-26	—	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 1;ХИ 101/1- 3;ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.54
КОМПАНИЙЦЫ	1	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 15 (?)-1	ХИ 26- 1	—	—	ХИ 50/2-1; ХИ 52-1	—	—	ХИ 101/1- 1; ХИ 102- 1; ХИ 105/2-1	Некрасова, 2006, рис.57:1- 10
	2	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 16- 2	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.58:1-5
	3	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	фр-г лоц. сосуда	Некрасова, 2006, рис.57:1- 15
	4	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)- 1	Некрасова, 2006, рис.57:16, 17
	5	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.59:1-5
	6	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, С.106
	6а	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.57:18

Продолж. Табл. А. 5. 5.

7	крем. тип II, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-1	ХИ 110-1; ХИ 105/4- 1	Некрасова, 2006, рис.57:19- 22
8	крем. тип II, вид.4	—	ХИ 12- 1	—	—	—	ХИ 52-2	—	—	ХИ 102-1; ХИ 104-1	Некрасова, 2006, рис.59:6- 11
9	крем. тип I, вид.5	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.58:6-8
11	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-1	ХИ 101/1- 1	Некрасова, 2006, рис.58:9- 11
13	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	ХИ 50- (?);ХИ 51/3- 1 (IX/4);ХИ 52-2	ХИ 62/1-5	—	ХИ 101/1- 1	Некрасова, 2006, рис.59:12- 21
15	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1; ХИ 83-1	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.60:1-9
16	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.60:10
17	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 100	Некрасова, 2006, рис.60:14, 15
18	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.60:11
19	крем. тип II, вид.4	—	—	—	—	—	—	ХИ 77-1; ХИ 81-1	—	ХИ 108-1	Некрасова, 2006, рис.61:1-5
20	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.60:12, 13

Продолж. Табл. А. 5. 5.

22	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1; ХИ 101/1-1; ХИ 110-1	Некрасова, 2006, рис.61:6-14
23	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 105/1-1	Некрасова, 2006, рис.61:15-19
27	крем. тип II, вид.3	ХИ 01/1-1 (фр-т)	—	—	—	—	—	ХИ 87-1	—	—	Некрасова, 2006, рис.61:20-23
28	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91/92(?)-1	—	Некрасова, 2006, рис.62:1, 2
30	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.59:1
31	крем. тип I, вид.6	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-2	ХИ 105/1-1	Некрасова, 2006, рис.62:7-11
32	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.62:3-6
34	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.62:12, 13
36	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.62:14-16
37	крем. тип II, вид.1	—	фр-т	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.63:1, 2
39	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.63:3-5
40	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-4	ХИ 101/1-2; ХИ 110-1	Некрасова, 2006, рис.63:6-13

Продолж. Табл. А. 5. 5.

41	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-2	—	Некрасова, 2006, рис.63:14-16
42	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1-1; ХИ 108-1	Некрасова, 2006, рис.63:17-19
43	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	—	Некрасова, 2006, рис.64:1, 2
44	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	ХИ 52-2	—	—	ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.64:3-8
45	крем. тип I, вид.7	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 100-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1; ХИ 110-1	Некрасова, 2006, рис.64:9-14
46	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.109
48	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	ХИ 66-1	—	—	Некрасова, 2006, рис.64:15, 16
49	крем. тип II, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1-1; ХИ 110-1	Некрасова, 2006, рис.64:17-19
49-а-б	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Некрасова, 2006, С.109
50	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 100-1	Некрасова, 2006, рис.65:1-3
51	крем. тип I, вид.2	—	ХИ 10/1-1	—	—	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 96/3-1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.65:4-8
52	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 102-1	Некрасова, 2006, рис.64:20-22

Продолж. Табл. А. 5. 5.

53	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.67:11
54	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.64:23
55	крем. тип I, вид.1	—	—	ХИ- 20/1	—	—	—	ХИ 81-1	ХИ 90-1	—	Некрасова, 2006, рис.65:9- 12
56	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	ХИ 51/2-1	—	ХИ 90-2; ХИ 91-3	ХИ 98/1- 1;ХИ 101/1-1; ХИ 108-1	Некрасова, 2006, рис.66:1- 10
57	крем. тип I, вид.2	—	ХИ 10/1-1	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.65:13, 14
58	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	—	Некрасова, 2006, рис.68:1
59	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-1	—	Некрасова, 2006, рис.65:15, 16
60	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 92-1; ХИ 93-1	ХИ 101/1- 1; ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.66:11- 15
62	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.67:1
65	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1- 1;ХИ 101/1-3; ХИ 102-2	Некрасова, 2006, рис.67:4- 10
66	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.110
68	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.67:2

Продолж. Табл. А. 5. 5.

69	крем. тип I, вид.1	—	—	ХИ- 20/1	—	—	—	—	ХИ 90-1	—	Некрасова, 2006, рис.67:12, 13
70	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.67:3
71	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/2-1	—	ХИ 31/1- 1	—	ХИ 50/1-6	—	ХИ 93-1	ХИ 96/2- 1; ХИ 101/1-3; ХИ 105/4- 1	Некрасова, 2006, рис.68:2-6, 8-10
72	крем. тип II, вид.5	—	—	—	—	—	ХИ 52-2	—	ХИ 90-1	—	Некрасова, 2006, рис.68:11- 14
73	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.111
74	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.69:1
75	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	ХИ 72-1	—	—	Некрасова, 2006, рис.69:2, 3
77	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1- 1; ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.69:6-9
78	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	ХИ 50-1; ХИ 52-3	—	ХИ 90-1	ХИ 108-1	Некрасова, 2006, рис.69:10- 15
79	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ-96/3- 1; ХИ-108- 1	Некрасова, 2006, рис.69:16- 18
82	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	—	—	ХИ 91-2	—	Некрасова, 2006, рис.70:1-4

Продолж. Табл. А. 5. 5.

83	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	ХИ 52-1	—	ХИ 90-2	ХИ 96/3-2	Некрасова, 2006, рис.70:5- 11
86	крем. тип I, вид.5/1	—	ХИ 13/1-1	—	—	—	—	ХИ 81-1; ХИ 42-1; ХИ 43-1; ХИ 44-1; ХИ 45-1; ХИ 86/2- 1; ХИ 88- 1; ХИ 83- 1	ХИ 91-1	—	Некрасова, 2006, рис.71
86а	крем. тип II, вид.3	—	фр-т	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.69:4, 5
93	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.70:12
95	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 92-1	—	Некрасова, 2006, рис.70:13, 14
96	крем. тип I, вид.8	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 108-1; ХИ 98/1-1	Некрасова, 2006, рис.70:15- 17
97	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.72:1
99	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.72:2
100	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.72:3
102	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.72:4

Продолж. Табл. А. 5. 5.

109	крем. тип I, вид.4	—	ХИ 10/1-1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Некрасова, 2006, рис.72:5-7
112	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1- 1; ХИ 102- 1	Некрасова, 2006, рис.72:8- 10
115	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-1	—	Некрасова, 2006, рис.72:11, 12
117	крем. тип I, вид.4/1	—	—	ХИ 21- 1	—	—	ХИ 50-1	—	ХИ 91-3	ХИ 101-1; ХИ 108-1	Некрасова, 2006, рис.73:1-9
118	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 14- 2	—	—	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 101/1- 2	Некрасова, 2006, рис.73:10- 15
120	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-1	ХИ 101/1- 1	Некрасова, 2006, рис.73:16- 18
121	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Некрасова, 2006, рис.74:1-3
122	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/1-1	ХИ 26- 1	—	—	—	ХИ 89-1	ХИ 91-2	ХИ 101/1- 1; ХИ 103- 1	Некрасова, 2006, рис.74:4- 12
123	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.72:13- 15
124	ингум. тип III, вид.1, вар.А	ХИ 01/1 (?)-1	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	ХИ 90-3	ХИ 101/1- 1	Некрасова, 2006, рис.75:1-8
125	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.74:13

Продолж. Табл. А. 5. 5.

128	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	ХИ 91-1	ХИ 100-1; ХИ 101/1- 1; ХИ 104- 1	Некрасова, 2006, рис.75:9- 14
130	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	ХИ 50/2-2; ХИ 52-1; ХИ 55/6 -1	ХИ 56-1	—	—	Некрасова, 2006, рис.74:14- 21
131	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1- 1	Некрасова, 2006, рис.74:22, 23
132	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	ХИ 52-2	ХИ 81-1; ХИ 89-1	ХИ 90-1; ХИ 93-1	ХИ 97-1; ХИ 101/1- 2	Некрасова, 2006, рис.76:1- 10
133	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.114
138	ингум. тип II, вид.3, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:9
139	крем. тип I, вид.7	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-2	ХИ 100-1; ХИ 101/1- 2; ХИ 108- 1; ХИ 102- 2; ХИ 104- 1	Некрасова, 2006, рис.76:11- 20
141	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:10
159	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/2- 1;ХИ 100- 1;	Некрасова, 2006, рис.77:1-3

Продолж. Табл. А. 5. 5.

162	ингум. тип I, вид.1, вар.А (с подбое м для инвент аря)	—	ХИ 10/1-1	—	ХИ 33/1- 1	—	ХИ 50/1-1; ХИ 52-21	ХИ 89-1; ХИ 61-2; ХИ 81-1	ХИ 90-1	ХИ 106-1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/1-2	Некрасова, 2006, рис.78
163	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:11
164	крем. тип II, вид.6	—	—	—	—	—	ХИ 52-3	ХИ 89-1	ХИ 91-3	ХИ 108-1; ХИ 98/1- 2; ХИ 101/3- 1;ХИ 102- 2; ХИ 100- 2;ХИ 105/2-1; ХИ 108-1; ХИ 110-1	Некрасова, 2006, рис.79
166	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1- 1; ХИ 100- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.76:21- 24
166а	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.115
169	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 100-1	Некрасова, 2006, рис.82:1-4
171	крем. тип I, вид.5	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91-3	ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.77:4-9
173	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	ХИ 52-4; ХИ 50-4	—	ХИ 91-2	ХИ 98/1- 2; ХИ 96/2- 1	Некрасова, 2006, рис.80:1-9

Продолж. Табл. А. 5. 5.

174	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/2-1; ХИ 14- 1;	—	—	—	ХИ 52-4	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.77:10- 16
175	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.115
176	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:5
190	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	ХИ 83-1	—	ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.80:10- 14
196	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	—	ХИ 44; ХИ 48	—	—	Некрасова, 2006, рис.81:1-3
205	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	ХИ 49-1	—	ХИ 100-1	Некрасова, 2006, рис.81:4-6
209	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:7
224	крем. тип II, вид.2	ХИ 01/1 или ХИ 01/3- (фр- т)	—	—	—	—	ХИ 52-2	ХИ 80	—	—	Некрасова, 2006, рис.83:1-5
230	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.116
232	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:6

Продолж. Табл. А. 5. 5.

	236	ингум. тип III, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, рис.82:8
	238	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 101/1-1	Некрасова, 2006, рис.81:7-9
	286	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	ХИ 50-15	—	ХИ 91-1	ХИ 105/4-1	Некрасова, 2006, рис.83:6-8
	417	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.117
ВОЙТЕНКИ	1	кенога ф	—	—	—	—	—	ХИ 89-2	—	ХИ 96/1-3 (фр-г); ХИ 102-1 (фр-г)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.111-114
	2	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1; ХИ 96/3-2; ХИ 98/2-1; ХИ 102-1; ХИ 105/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.115-120
	3	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.122-125
	4	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.126-128

Продолж. Табл. А. 5. 5.

5	крем. тип I, вид.3	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1;ХИ 96/3-2;ХИ 101/1-2 (фр-т); ХИ 102-1 (фр-т)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.129-132
6	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1;ХИ 96/2-1;ХИ 96/3-2 ХИ 101/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.134-136; 213:6
7	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 98/1-1 (фр-т); ХИ 100-1 (фр-т);	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.137-139
8	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.140-141
9	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1-1 (фр-т)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.142, 143
10	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 52-2	ХИ 70-2	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.144-146
11	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.148

Продолж. Табл. А. 5. 5.

12	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	корроз ир.	корроз ир.	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 102- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.149-153
13	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	корроз ир.	корроз ир.	—	—	—	ХИ 76-1; ХИ 81-1; ХИ 89-2	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.154-159
14	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 102-1 (фр-г)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.160
15	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.161; 213:1
16	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.162-164
17	крем. тип II, вид.3	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.165; 213:2
18	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.166-169
19	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.170-172

Продолж. Табл. А. 5. 5.

20	крем. тип II, вид.2	—	фр-т пруж.а ппарат а	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.173- 175;213:7
21	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 103-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.176-180
22	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.181, 182; 213:3
23	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	корроз ир.	корроз ир.	ХИ 35-1	—	ХИ 51-1(?); ХИ 56-1; ХИ 54/2-3; ХИ 57-2; ХИ 52-8; ХИ 50/3- 6;ХИ 50/9- 24;ХИ 58-5	—	—	ХИ 101/1- 1;ХИ 101/2-1; ХИ 103-1	Любичев, Мызгин, Варачева,2006, рис.183-192
24	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	ХИ 41-1	—	—	—	ХИ 96/3- 1;ХИ 105/1(?)- 1(фр-т)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.193-195; 213:4
25	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1	Любичев, Мызгин, Варачева,2006, рис.196-198

Продолж. Табл. А. 5. 5.

26	ингум. тип IV, вид.1, вар.Б	—	фр-т спинк и	—	—	—	—	ХИ 62/1-2	—	ХИ 96/1-1; ХИ 96/3-1; ХИ 98/1-1; ХИ 100-1 (фр-т); ХИ 102-1 (фр-т); ХИ 107-1 (фр-т)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.199-204; 213:5, 7, 8
27	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.205
28	ингум. тип II, вид.1, вар.Б	—	—	—	ХИ 30-1	—	—	ХИ 85-1	—	ХИ 100-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис.206-212
29	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.148, 149
30	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1; ХИ 96/3-3	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.150-153

Продолж. Табл. А. 5. 5.

31	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-5 (фр-т); ХИ 100-1 (фр-т); ХИ 101/1- 1 (фр- т);ХИ 101/2-1; ХИ 102-1 (фр-т); ХИ 104(?) 1(фр-т)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.154-157
32	ингум. тип I, вид.1, вар.А	ХИ 01/1 (?)-1 (фр- т)	—	—	ХИ 33/1 1	—	—	ХИ 89-1	—	ХИ 96/3- 1;ХИ 96/2- 1; ХИ 97- 1; ХИ 102- 2;	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.159-164
33	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.165, 166; 244:1
34	ингум.. тип II, вид.1,в ар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.167-169; 244:2
35	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 53-; ХИ 52-1	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.170, 171; 244:4, 5
36	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.172-174; 244:3

Продолж. Табл. А. 5. 5.

37	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.175-178
38	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	ХИ 10/1-1	—	—	—	—	ХИ 84-1	—	ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.182; 244:6, 7, 8
39	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.183-184
40	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.185-188
41	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-2; ХИ 10/1-1	ХИ 20/1-1	ХИ 33/1-1	—	50/2-1;ХИ 55/4-15; ХИ 52-10; ХИ ХИ 54/2-97	ХИ 64-1; ХИ 61-2; ХИ 89-1	—	ХИ 96/3-3; ХИ 98/2-1; ХИ 101/1-4; ХИ 101/2-1; ХИ 102-1; ХИ 106-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.189-208
42	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/2-4; ХИ 54/1-3	ХИ 76-1; ХИ 60-4; ХИ 62/1-1; ХИ 63-1; ХИ 89-2	ХИ 93-1	ХИ 96/3-1; ХИ 101/2-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.209-216

Продолж. Табл. А. 5. 5.

43	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	ХИ 90-1	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, Рис217-220.
44	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.221, 222
45	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева,2007, рис.223, 224
46	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	ХИ 79-1	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.225, 226; 246:1
47	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 3	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.227-229
48	крем. тип I, вид.6	—	—	—	фр-г	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 96/3- 3; ХИ 100- 1 (фр-г); ХИ 101/1- 1;ХИ 101/2-2; ХИ 102-3 (фр-г); ХИ 105/2- 1 (фр-г); ХИ 115-1 (фр-г)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.230-236; 246:6

Продолж. Табл. А. 5. 5.

49	крем. тип II, вид.1	—	—	—	фр-г	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.237, 238; 246:2
50	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 62/2-2	—	ХИ 96/1- 2; ХИ 102- 1; ХИ 105/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис.239-243; 246:3-5
51	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	ХИ 34/1- 1	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 96/(?)- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.140-144
52	крем. тип II, вид.2	—	—	—	ХИ 31/2- 1	—	ХИ 52-11	ХИ 70-4; ХИ 71-1; ХИ 89-2	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.145-149
53	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.150, 151
54	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-2	—	ХИ 36-1	—	ХИ 50/2- 1;ХИ 52-6; ХИ 54/1- 2;ХИ 57-1	ХИ 89-1	ХИ 90-1	ХИ 96/3- 1; ХИ 99- 1; ХИ 101/2-1; ХИ 102-1; ХИ 104-1; ХИ 108-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.152-160
55	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	ХИ 32/1- 1	—	—	ХИ 85-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 96/3- 1; ХИ 102- 2; ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.161-167

Продолж. Табл. А. 5. 5.

56	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.168, 169
57	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.170, 171
58	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 20/1-1	ХИ 33/1- 1(фр-т)	—	ХИ 52-10	ХИ 81-1; ХИ 89-1	—	ХИ 96/1- 3; ХИ 101/1- 1;ХИ 101/2-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.172-180
59	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.181-183
60	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 21- 1	—	—	—	—	—	ХИ 98/2-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.184-188; 218:1
61	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.189-190
62	ингум. тип II, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.191-193

Продолж. Табл. А. 5. 5.

63	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.194-195
64	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 20/1-1; ХИ 21- 1	—	—	ХИ 55/1-1	ХИ 81-1	—	ХИ 105/3- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.196-201
65	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.202-207
66	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 2; ХИ 101/1- 1; ХИ 101/2-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.208-212
67	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	ХИ 70-1	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 100- 1; ХИ 105/4-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.213-217; 218:2
68	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/1-1	—	ХИ 31/2 1	—	ХИ 50/2- 4; ХИ 50/9- 1; ХИ 55/1- 1; ХИ 54/1- 1	ХИ 61-1; ХИ 72-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 101/2-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.219-226
69	крем. тип II, вид.1	—	—	ХИ 21- 1	—	—	—	ХИ 82-1; ХИ 85-1; ХИ 87-31	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.227-235

Продолж. Табл. А. 5. 5.

70	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 24- 1	ХИ 31/1- 1	—	ХИ 50/6-1	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 1; ХИ 102- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис.236-242
71	ингум. тип III, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 1;ХИ 102- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.148-152; 190:2; 268:2
72	ингум. тип II, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.153-155
73	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ (?)	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.156-157; 167:1
74	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.158-160
75	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.161-164; 190:3; 268:3
76	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.165, 166, 167:2

Продолж. Табл. А. 5. 5.

77	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	ХИ 50-1	—	—	ХИ 96/1-1; ХИ 96/3-2; ХИ 101/1-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.168-171
78	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.172, 173
79	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.174-176
80	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 23-1	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-2; ХИ 101/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.177-180; 190:4; 196; 268:4
81	крем. тип I, вид.4	—	—	—	—	—	—	ХИ 89-1	—	ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.181-183
82	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-1	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.184-186; 190:6; 268:6
83	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)-1; ХИ 100-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.187-189, 190:5; 268:5

Продолж. Табл. А. 5. 5.

84	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.191-192
85	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.193-195
86/1	ингум. тип III, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-2	—	—	—	ХИ 52-6; ХИ 54/2-2	ХИ 72-1; ХИ 74-1; ХИ 89-2	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 96/3- 3;ХИ 98/1- 2; ХИ 100- 1; ХИ 101/1-3; ХИ 101/3- 1;ХИ 102- 2; ХИ 105/3-1; ХИ 106-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.199, 200, 202, 203:1, 204- 207, 209-216, 217, 218; 269:6- 8
86/2	ингум. тип I, вид 2, вар.А	ХИ 01/2-1	ХИ 10/3-2	ХИ 20/1-1	ХИ 33/1- 1 (фр-т)	—	ХИ 50 -119; ХИ 52-3; ХИ 54/2-6	ХИ 76-1; ХИ 89-1	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.199, 201, 202, 203:2, 208, 219-224
87	ингум. тип I, вид.1	—	—	ХИ 22/1-1	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 101/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.225-230; 253:1; 254:1
88	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.231-232

Продолж. Табл. А. 5. 5.

89	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.233, 234
90	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.235, 236; 253:2; 254:2
91	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.237, 238
92	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-1	ХИ 21- 1	—	—	ХИ 50- 28;ХИ 52- 2;ХИ 54/1-2	—	ХИ 93-1 (фр-т)	ХИ 96/3- 1;ХИ 102- 1;ХИ 106- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.239-246
93	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 21- 1; ХИ 24-1	—	—	—	—	ХИ 93-1 (фр-т)	ХИ 98/1- 2; ХИ 107- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.247-252, 253:3-5; 254:3-5
94	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/2-1	—	—	—	ХИ 50/2-28; ХИ 52-9; ХИ 54/2-1; ХИ 55/3-5	ХИ 60-	—	ХИ 96/1- 3; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис.255-267
95	крем. тип II, вид 1	—	—	ХИ 20/1-1	—	—	ХИ 52-1	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.106-107; 146:1, 2

Продолж. Табл. А. 5. 5.

96	ингум. тип IV, вид.1, вар.А	ХИ 02-1	ХИ 11- 1	ХИ 20/1-2	ХИ 37-1	—	ХИ 50/2-2 ; ХИ 54/1-1	ХИ 62/2- 3; ХИ 77- 1; ХИ 81- 1; ХИ 83- 1; ХИ 85- 1	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1; ХИ 98/1- 3; ХИ 100- 1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-2; ХИ 104-1; ХИ 105/1- 1; ХИ 108- 2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.108-122; 175:1
97	ингум. тип I, вид.2, вар.А	—	—	—	—	—	ХИ 50/2-2	—	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 102- 1;ХИ 104- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.123-126; 129:1; 146:3, 4
98	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	ХИ 21- 1	—	—	—	—	—	ХИ 108-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.127, 128, 129:2; 146:5, 6
99	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	ХИ 34/1- 1	—	—	—	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 101/1- 1;ХИ 102- 2;ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.130-136; 146:11
100	ингум. тип IV, вид.1, вар.Б	—	—	—	—	—	—	ХИ 75-1	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 98/1- 1;ХИ 110- 1;	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.137-145; 146:7-10

Продолж. Табл. А. 5. 5.

101	ингум. тип I, вид.1, вар.А	ХИ 02-1	ХИ 11- 1	ХИ 20/1-2	ХИ 35-1	—	—	ХИ 76-1; ХИ 83-1	—	ХИ 96/2- 2;ХИ 96/3- 2;ХИ 98/1- 3;ХИ 99- 1; ХИ 100- 1;ХИ 101/2- 2;ХИ 102- 3;ХИ 105/4- 1;ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.148-163; 175:2
102	ингум. тип III, вид.1, вар.Б	ХИ 03-1; ХИ 04-1	—	ХИ 23- 1	ХИ 33/1- 1 (фр-т)	—	ХИ 50/2-5; ХИ 50/9- 2;ХИ 52-8; ХИ 54/1-5	ХИ 89-1	—	ХИ 96/1- 3; ХИ 98/1- 1; ХИ 102- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.164-174; 175:3
103	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.178-180; 183:1
104	крем. тип I, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 108-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.181, 182, 183:2
105	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.184, 185; 189:1
106	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.187, 188, 189:2

Продолж. Табл. А. 5. 5.

107	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	ХИ 78-1; ХИ 89-1	—	ХИ 104-1; ХИ 108-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.190-196
108	крем. тип II, вид.2	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 98/1- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.197, 198
109	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.199, 200
110	крем. тип I, вид.2	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	ХИ 89-2	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.201-205
111	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	ХИ 10/3-2	—	—	—	ХИ 50/6-6	ХИ 61-2; ХИ 71-1; ХИ 75-1	—	ХИ 96/3- 3;ХИ 98/2- 1;ХИ 100- 1; ХИ 102- 2;ХИ 106- 1; ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.207-219
112	ингум. тип III, вид.1, вар.Б	—	—	ХИ 23- 1	ХИ 34/1- 1 (фр-т)	—	ХИ 52-2; ХИ 54/2-38	ХИ 61-1; ХИ 78-1; ХИ 75-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.220-229
113	крем. тип II, вид.1	—	—	—	—	—	ХИ 52-10	ХИ 85-1	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.230-232; 242:1

Продолж. Табл. А. 5. 5.

114	крем. тип II, вид.4	—	ХИ 12- 1	—	—	ХИ 40-2	—	—	ХИ 93-х (фр-т)	ХИ 96-х; ХИ 98-х; ХИ 101-х; ХИ 102-х; ХИ 105-х	Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис.233-241; 242:2
115	ингум. тип I,вид 1 вар.Б	—	—	—	—	—	—	ХИ 75- 1;ХИ 76 - 1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1;ХИ 96/3- 1;ХИ 98/1- 1;ХИ 100- 1;ХИ 102- 1;ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.58-59
116	ингум. тип I,вид 1 вар.А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.59-60
117	ингум. тип III,вид 1 вар.А	ХИ 07-1	ХИ 10/3-1	ХИ 20/1- 1;ХИ 20/2-1	ХИ 32/2- 1	—	ХИ 55/4-1	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3- 2;ХИ 98/1- 1;ХИ 98/2- 1;ХИ 100- 1;ХИ 101/1- 2;ХИ 102- 3;ХИ 105/4- 1;ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.48-50
118	ингум. тип I,вид 1 вар.А	—	ХИ 14- 2	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 98/1- 1;ХИ 101/2-1; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.51-52

Продолж. Табл. А. 5. 5.

119	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	—	ХИ 21- 1	—	—	—	—	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 101/2-1; ХИ 102-2	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.60-61
120	крем.т ип II, вид 1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.62-63
121	ингум. тип III, вид 1 вар. А	—	ХИ 10/1-1	ХИ 23- 1	ХИ 33/1- 1	—	ХИ 52-7	ХИ 77-1; ХИ 89-1	—	ХИ 104-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.63-64.
122	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	ХИ 10/3-1; ХИ 14- 1	—	ХИ 34(?) -1	—	ХИ 50/6-20; ХИ 50/7- 1	ХИ 81-1	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 96/3- 2; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1- 1; ХИ 102- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.64-66
123	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	—	ХИ 20/1-1	ХИ 33/1- 1	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.61-62
124	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	ХИ 14- 2	ХИ 22/1-1	ХИ 33(?) -1	—	ХИ 50/2- 89; ХИ 55/6- 1; ХИ 55/4 - 2	ХИ 60- 12; ХИ 76- 2; ХИ 81- 1; ХИ 85- 1; ХИ 89-4	—	ХИ 96/3- 3; ХИ 97- 1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/1- 3; ХИ 101/2- 1; ХИ 102- 1; ХИ 103- 1; ХИ 106- 1; ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.52-55

Продолж. Табл. А. 5. 5.

125	ингум. тип IV, вид 1 вар.А	—	—	ХИ 20/1-2;	ХИ 33/1- 1	—	—	ХИ 81- 1; ХИ 86/1 1;	—	ХИ 96/1- 1; ХИ 96/3- 1; ХИ 98/1- 1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/1- 1; ХИ 101/2- 2; ХИ 102- 3; ХИ 109- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.55-57
126	ингум. тип I, вид 1 вар.А	—	ХИ 10/2-2	—	—	—	ХИ 50/2-9 ХИ 54/1- 6; ХИ 54/2-1	ХИ 61- 2; ХИ 70/1 1; ХИ 81-1	—	ХИ 96/2- 1; ХИ 96/3- 4; ХИ 97- 1; ХИ 98/1- 1; ХИ 101/1- 3; ХИ 102- 1; ХИ 106- 1; ХИ 107- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2011, с.45-47
127	ингум. тип I, вид 1 вар.А	—	ХИ 10/2-1	ХИ 20/1-2	—	—	—	ХИ 77- 1; ХИ 81- 1; ХИ 83- 1	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/1- 1; ХИ 101/2- 1; ХИ 102- 1; ХИ 105/1- 1; ХИ 108- 1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.60-62
128	крем.т ип II, вид 2	—	—	—	—	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/3- 1; ХИ 98/2- 1; ХИ 101/2-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.59-60

Продолж. Табл. А. 5. 5.

129	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	ХИ 10/1-1; ХИ 10/2-2	ХИ 21- 1	—	—	—	ХИ 62/1-2	—	ХИ 96/2- 1; ХИ 101/1-1;	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.56-58
130	крем.т ип II, вид 1	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/(?)- 1; ХИ 101/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.59
131	крем.т ип II, вид 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.64
132	крем.т ип II, вид 2	—	—	—	—	—	ХИ 52-1	—	—	ХИ 96/3-1	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.64
133	ингум. тип I, вид 1 вар. А	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Любичев, Мызгин, Варачева, 2012, с.64-65

Продолж. Табл. А. 5. 5.

Могильник/ отд. погр.	№ погр.	Тип погр.	ХИ первого уровня					ХИ второго уровня- бусы	ХИ второго уровня	ХИ второго уровня - лепн. керамика	ХИ второго уровня - гонч.керам ика	Публикация
			стекл.сосуды	фибулы	пряжки	рог.гребни	оружие и снаряж.					
Сумы-Сад	1	кенотаф	ХИ 01/1-1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-5; ХИ 97-1; ХИ 100-1 ;ХИ 101/1-2; ХИ 102-2; ХИ 104-1; ХИ 105/1-1;ХИ 105/4-1; ХИ 110-1	Некрасова, 1985, рис.2	
	3	ингум. тип I, вид 1, вар.А	ХИ 01/1-1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3-1; ХИ 97-1;ХИ 98/1-1; ХИ 98/2-2; ХИ 102-1	Некрасова, 1985, рис.1:3-9	
	4	ингум. ориент. В, деформ. черепа	—	—	с овальн. рамкой и пластинч. язычком	—	—	—	височное кольцо с полиэдрич. фигурой	—	Некрасова, 1985, рис.3:4, 10, 11	
	5	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 16/2-2	ХИ 23-1	ХИ 37- 1	—	ХИ 50/6- 39; ХИ 52- 8; ХИ 54/1-17	ХИ 75-2; ХИ 61-2; ХИ 81- 1; ХИ 77-1	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 96/3-3; ХИ 97-1; ХИ 98/2-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1; ХИ 106-1	Некрасова, 1985, рис.4

Отдельные погребения с хроноиндикаторами первого и второго уровня могильников Сумы-Сад, Родной Край 1, Соколово 2, Глубокое, Соснова, Пересечное, Перяслав-Хмельницкий, Жовнин и отдельные погребения с несколькими хроноиндикаторами (Гречаники, Великий Самбор).

7	ингум. тип I, вид 2, вар.А	—	—	ХИ 23-1	—	—	ХИ 50/1-1; ХИ 50/2-2; ХИ 50-1; ХИ 50/6-12; ХИ 52-3; ХИ 54/1-16	—	—	—	Некрасова, 1985, рис.3:2, 8-9
8	ингум. тип I, вид 2, вар.А	—	ХИ 10/2-2	—	—	—	ХИ 50/9-51	—	—	—	Некрасова, 1985, рис.3:1, 5-7
10	ингум. тип I, вид1, вар.А	—	ХИ 10/2-1	ХИ 24-1	ХИ 33/1-1	—	ХИ 50/1-1; ХИ 50-2; ХИ 50-1; ХИ 50/6-2; ХИ 52- 1; ХИ 54/2-23; ХИ 55/1-11	ХИ 61-1; ХИ 75-1; ХИ 89-1	—	ХИ 96/2-2; ХИ 96/3-1; ХИ 98/2-2; ХИ 101/1-1; ХИ 101/4-1; ХИ 102-1; ХИ 105/1-1; ХИ 106-1; ХИ 108-1; ХИ 110-2	Schultze, 2009, Abb.1-3; Гопкало, 2008, рис.15
1	крем., тип 1, вид 3	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 91 (92?)-1	ХИ 105/1-1	Петренко, 1991, рис.4:1-3
3	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 13/1-1	—	ХИ 33/1-1	—	—	ХИ 89-1; ХИ 73-1	—	ХИ 91-1; ХИ 96/2-1; ХИ 96/3-1; ХИ 100-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-2; ХИ 104-1	Петренко, 1991, рис.5

Продолж. Табл. А. 5. 6.

Родной Край
1

4	ингум.- кенотаф	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 75/2-1;ХИ 81-1;ХИ 89-1	—	ХИ 96/2-2;ХИ 97-1;ХИ 98/2-1;ХИ 100-1;ХИ 101/3-2;ХИ 101/4-1;ХИ 102-2;ХИ 106-1	Петренко, 1991, рис.6
5	ингум.раз руш.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/2-1;ХИ 96/3-1	Петренко, 1991, рис.7:1, 2
6	крем.- кенотаф	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Петренко, 1991, рис.7:3
7	крем.,тип 1, вид 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 101/1-1	Петренко, 1991, рис.7:4
8	крем.,тип 1, вид 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-1	Петренко, 1991, рис.7:5
9	ингум. тип I, вид.1, вар.Б	—	—	—	ХИ 34/1-1	—	—	ХИ 89-1	—	—	—	ХИ 96/1-1;ХИ 96/2-2;ХИ 96/3-1; ХИ 97-1;ХИ 98/1-1; ХИ 98/2-1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1; ХИ 106-1	Петренко, 1991, рис.8
13	ингум. тип I, вид.1, вар.А	—	—	—	—	—	—	—	ХИ 93-1	—	—	ХИ 96/2-1;ХИ 98/2-1;ХИ 101/4-1;ХИ 102-2;ХИ 105/1-1	Петренко, 1991, рис.9:9- 15

Продолж. Табл. А. 5. 6.

	14	ингум. тип III, вид 1, вар.Б	—	—	ХИ 23-1	ХИ 34/1-1	—	—	—	ХИ 90-1	ХИ 96/1-1; ХИ 96/3-1; ХИ 98/2-1; ХИ 101/4-1; ХИ 102-2; ХИ 110-1	Петренко, 1991, рис.10
Соколово 2	1	ингум. тип I, вид 1, вар.Б	—	—	ХИ 23-1	ХИ 34/1-1	—	—	—	—	ХИ 96/2-1; ХИ 98/2-1; ХИ 101/1-1; ХИ 101/3-1; ХИ 102-1; ХИ 105/1-1	Петренко, 1991, рис.13
Гречаники	1	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 10/3-1	ХИ 24-1; ХИ 23-1	—	—	—	—	—	ХИ 96/1-4; ХИ 105/1-1	Щербаківський, 2005
Глибокое	1	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 10/3-1	ХИ 20/1-1	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1; ХИ 97-1; ХИ 106-1	Любичев, 2002а, рис. 1
Соснова	230	крем.тип I, вид 6	—	ХИ 10/1-1	ХИ 26-2	—	—	—	—	—	—	Махно,Сикорский, Бузян, 1979, с.18-26, рис.12, 15:1-5
	245	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 10/1-1	ХИ 26-1	—	—	ХИ 50/2-16; ХИ 50/6-1; ХИ 52-7; ХИ 54/2-1; ХИ 55/1-1; ХИ 55/2-1; ХИ 55/6-1	ХИ 62/1-18	—	ХИ 96/3-3; ХИ 98/1-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-2; ХИ 105/4-1; ХИ 106-1; ХИ 108-1	Махно, Сикорский, Бузян, 1979, с.4-12;рис.14, 15:6-33;;Махно, Сикорский, 1989, табл.2:1; Гопкало, 2008, рис.7, 8

Продолж. Табл. А. 5. 6.

	466	ингум. тип I, вид 1, вар.Б	—	—	—	ХИ 32/1 -1	—	—	—	—	ХИ 96/3- 1;ХИ 101/1- 2; ХИ 102-1	Сикорский, Махно, Бузян,1982, с.3 6, табл.1
	603	крем.типI I, вид 1	—	ХИ 10/1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/3-1	Сикорский, Махно, Бузян,1984, с.14,табл.16
	664	крем.типI I, вид 1	—	—	ХИ 21-1	—	—	ХИ 50/2-1	—	—	ХИ 101/1-1	Сикорский, Махно, Бузян,1985, с.16-17,табл.13
Пересечное	1	ингум. тип I (?)	—	ХИ 14- 1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 98/3-1; ХИ 102-1	Луцкевич, 1948, табл.1:6- 9
Лохвица	12	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	—	ХИ 20/1-1	—	—	ХИ 50/6- 13	—	—	ХИ 98/1-1	Березовец, Петров, 1960, с.92-93, рис.11
Переяслав- Хм.	1 (1952)	ингум. тип I, вид 2, вар.А	—	—	ХИ 20/1-1	—	—	—	—	—	ХИ 102-1	Гончаров, Махно, 1957, табл.І:1; ІІ:18
	2 (1952)	ингум. тип IV, вид 1, вар.А	ХИ 05/2-1	—	—	ХИ 32/1-1	—	—	—	—	ХИ 96/3-2; ХИ 98/2-1; ХИ 100-1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-3	Гончаров, Махно, 1957, табл.І:2-8, 16; ІІ:16; Петраускас, 2009, рис.7:12
	4 (1952)	ингум. тип IV, вид 1, вар.А	ХИ 06- 1	—	—	ХИ 34/1-1	—	ХИ 50/2- 1; ХИ 50/3-1; ХИ 51/3- 1· ХИ	ХИ 89-1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 96/3- 1;ХИ 98/1-2; ХИ 101/1-2; ХИ 105/1-1	Гончаров, Махно, 1957, табл.І:9-15; ІІ:15, 17, 19

Продолж. Табл. А. 5. 6.

	5 (1952)	ингум. тип IV, вид 1, вар.А	ХИ 01/3-1	ХИ 10/2-1	—	ХИ 36- 1	ХИ 40- 1; ХИ 41-1	—	ХИ 85; ХИ 87-22	—	ХИ 100-1; ХИ 102-2; ХИ 109-1	Гончаров, Махно, 1957, табл.П: 1, 2, 4, 5-13
Жовнин (ур. Пристань)	26	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 13/1-2	—	—	—	ХИ 52-7; ХИ 54/2- 15	—	—	ХИ 96/(?)-3; ХИ 102-1; ХИ 105/1-1	Рутковская, 1979, с.326, рис.10
	18	ингум. тип I, вид 1, вар.А	—	—	—	ХИ 32/1-1	—	—	ХИ 81-1	—	ХИ 96/2- 1;ХИ 98/1-1; ХИ 101/1-2; ХИ 102-1; ХИ 108-1	Рутковская, 1979, с.326, рис.11:1, 3-9; Петраускас, Цындровская, 2002, с.23-25, рис.12
Жовнин (ур. Биленковы Бурты)	1(196 1)	ингум. тип I, вид 1, вар.А	ХИ 01/1-1	ХИ 10/2-2	—	ХИ 34/1-1	—	—	ХИ 50-х	—	ХИ 96/1- 2;ХИ 96/3-1; ХИ 101/1-2; ХИ 103-1; ХИ 106-1; ХИ 111-1	Рутковская, 1979, Рис.3; Петраускас, Цындровская, 2002, с.6-8, рис.1
Великий Самбор	1	ингум. тип I (?)	ХИ 05/1-1	ХИ 10/1-1	—	—	—	—	—	—	ХИ 96/1- 1;ХИ 96/3-1; ХИ 98/1-1; ХИ 101/1-1; ХИ 102-1; ХИ 103-1; ХИ 104-2; ХИ 105/1-1; ХИ 106-1; ХИ 110-1	Моргунов, 1978, рис.16, 17

Продолж. Табл. А. 5. 6.

**Хронологические индикаторы из подкурганных погребений начала эпохи
Великого переселения народов на границе степи – лесостепи, в прилегающей
части степи в междуречье Днестра и Северского Донца.**

Могильник	№ кург./погр.	Тип погр.	ХИ первого уровня					ХИ второго уровня-бусы	ХИ второго уровня	ХИ второго уровня-керамика	Публикация
			стекл. сосуды	фибулы	пряжки	рог. гребни	оружие и снаряж.				
Кантемировка	к.1	ингум.,т ип III, вид 1, вар.А	—	—	ХИ 23 -3	ХИ 34/1-1	1- наконечн. пояса типа Кантемир овка- Мундольс хайм	ХИ 55/1-1	серебр. накладки сегментов идн.-3; серебр. наклада треугольн .-1; ХИ 85- 1 (ручка шкат.)	ХИ 96/3- 1;ХИ 98/2- 1;ХИ 98(оригин. оформл.вен ч.)-1;ХИ 99- 1;ХИ 102- 1;ХИ 105/1- 1;ХИ 109-1	Рудинский, 1930, табл.І, ІІ, рис.4- 8;Обломский, 2002, рис.91;
	к.2	ингум.,т ип IV, вид 1, вар.Б	ХИ 03-1 (фр-т)	—	ХИ 20/1-1	—	—	—	—	—	Гороховский, 1988 в, с.18
	к.3	катак.	—	—	ХИ 20/1-1; ХИ 22/2-1; ХИ 23-1; ХИ 28 -2	—	ХИ 48-2; железная петля-2	ХИ 50/2-1	золотая бляшка со вставкой; бронз. луновидн ая накладка; золотое кольцо; гвозди; петля с кольцом	—	Рудинский, 1930,рис.12,13; Обломский, 2002, рис.92

Лавриковка	к.2, п.5	Тип I, вид 1, вар.А	—	ХИ 10/3- 2	ХИ 23-1	ХИ 34/1-1 (части)	—	ХИ 50/7- 7;ХИ 50/2- 1; ХИ 50/6- 1;ХИ 50/12-1; ХИ 51/4-1; ХИ 52-10; ХИ 54/1-2; ХИ 55/1-4	ХИ 61-1; ХИ 70-2; ХИ 89-1	ХИ 90-1; ХИ 96/3-3; ХИ 97- 1;ХИ 98/1- 1; ХИ 100- 1; ХИ 101/1- 1; ХИ 103- 1; ХИ 105/1- 1; ХИ 105/3- 1	Супруненко, Лямкін, Сидоренко, 2011
Моспинская	к.1,п.1	ингум. в катак.	—	ХИ 10/3- 1	ХИ 20/1-1; ХИ 22/1-1	—	ХИ 42-1	—	—	ХИ 90-1; ХИ 105/1-1	Симоненко, 2012
Воронцовка	—	ингум. в катак.	—	ХИ 10/3- 1	ХИ 23-1	—	—	—	—	—	Луцкевич, 1948, табл.1; Обломский, 2002, рис.93:9, 10
Орлик	—	?	—	ХИ 10/3- 1	ХИ 20/1- 2;ХИ 28-1	—	—	—	—	—	Обломский, 2002, рис.93:11-15
Дмухайловка	к.13	ингум. в катак.	ХИ 03-1	—	ХИ 23-1	ХИ 34/1-1	—	—	—	красноглин .кувшин, близок к ХИ 105/3- 1;ХИ 97-1	Шалобудов, Андросов, Мухопад, 1983

Турнирная таблица (А) и таблица корреляции (Б) могильника Боромля 1.

	ХИ 24	ХИ 25	ХИ 14	ХИ 89	ХИ 97	ХИ 75	ХИ 101/1 г	ХИ 10/2	ХИ 50/11	ХИ 31/1	ХИ 13/1	ХИ 22/2	ХИ 105/1	ХИ 35/1	ХИ 104	ХИ 23	ХИ 10/3	ХИ 98/1	ХИ 101/1в	ХИ 96/2	ХИ 101/1 а	ХИ 102	ХИ 96/3	ХИ 101/2	ХИ 50/6	ХИ 81	ХИ 96/1	ХИ 50/2	ХИ 50/3	ХИ 51/3	ХИ 106	ХИ 101/16	ХИ 34/2	ХИ 10/1	ХИ 50/5	ХИ 50/4	ХИ 52	ХИ 54/2	ХИ 50/7	ХИ 62/2			
	П. 44	П. 30	П. 46	П. 45	П. 7	П. 11	П. 13	П. 4	П. 39	П. 24	П. 2	П. 33																															
ХИ 24	-				1															1	1	1				1																	
ХИ 25		-		1													1	1	1			1	1																				
ХИ 14			-	1															1			1	1		2																		
ХИ 89		1	1	-													1	1	1			1	1																				
ХИ 97	1				-												2	3		2	2	3	4	1		1	1						1										
ХИ 75						-															1	1	1																				
ХИ 101/1г					1	1	-													1	1	1																					
ХИ 10/2					1	1	1	-												2	1	1	1	1																			
ХИ 50/11									-	1	1	1	1						1	1	1	1	1	1	1	1	1	1													1		
ХИ 31/1									1	-	1	1	1	1					1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1														
ХИ 13/1									1	1	-	2	1						1	1	2	1	2		1	1	2																
ХИ 22/2									1	1	1	-	1						1	1	1	1	1	1	1	1	1	1															
ХИ 105/1									1	1	1	1	-						1	1	1	1	1	1	1	1	1	1															
ХИ 35/1														-				1	1	1								1															
ХИ 104															-	1	1	1	1	1	1	1	1				1	1	1	1	1	1	1										
ХИ 23																-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1											
ХИ 10/3		1		1	1												-	1	1	2	1	2	3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1										
ХИ 98/1		1	1	1	3													-	1	2	2	3	3	1	3	3	1	1	1	1	1	1	1	1	1								
ХИ 101/1в		1		1					1	1	1	1	1	1	1	1			-	1	2	3	1	3	3	1	2	1	1														
ХИ 96/2	1				2	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1			-	1	3	1	4	4	5	2	1	1	3	1	1	1										
ХИ 102	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1				-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1									
ХИ 96/3		1	1	1	3	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1					-	1	3	3	2	6	4	5	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	
ХИ 101/1а	1				2		2	1	1	2	1	1	1	1	1	1								-	2	3	5	4	3	1	2	1	1		1	1	1	1	1	2	1		
ХИ 101/2					3		1	1																																			
ХИ 50/6									1	1	1	1	1	1																													
ХИ 81	1								1	1	1	1	1	1																													
ХИ 96/1									1	1	1	1	1	1	1	1																											
ХИ 50/2															1	1	1	1	1	1	1	1	3	1	1	1	1	2	2	1	1	2	1	1		1	1	1	1	1	1	1	
ХИ 50/3																																											
ХИ 51/3																																											
ХИ 106																																											
ХИ 101/16			1	1																																							
ХИ 34/2																										1	1																
ХИ 10/1																																											
ХИ 50/5																																											
ХИ 50/4																																											
ХИ 52																																											
ХИ 54/2																																											
ХИ 62/2																																											
ХИ 50/7											1																																

А

2

1

Б

1

Таблица 4.5.13.

Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских
 грунтовых могильников, подкурганных погребений начала
 эпохи Великого переселения народов днепро-донецкой
 лесостепи и прилегающей полого степи и фаз развития
 черняховской культуры в системе Е.Л. Гороховского
 (Гороховский, 1988)

Фаза в системе Е.Л. Гороховского	Соответствие ступеням системы Я. Тейрала	Приблизи- тельные абсолютные даты	Характерные хроноиндикаторы	Хроноиндикаторы фаз черняховской культуры в днепро- донецкой лесостепи
1."Ружичанская"	C1b, начало C2	230-270	стеклянные стаканы Эггерс 189 и чаши Эггерс 216; фибула А.VII; подвязные фибулы с гладкой спинкой А1, А2, единично А4, А5; одночастчные пряжки с овальной тонкой рамкой (А1а); двучастные пряжки "омега"; роговые гребни с низкой и высокой полукруглой спинкой (Никитина I/2а, I/2), с трапециевидной спинкой (Никитина II/1), единично - гребни с трапециевидной спинкой с вогнутыми плечиками (Никитина II/2), с низкой сегментовидной спинкой (Никитина I/1а)	—

2."Бережанская"	поздний отрезок С 2	270-330	<p>металлич. сосуды Эггерс 62 и 82; стеклянные кубки с ребрами и на кольцевом поддоне; подвязные фибулы с гладкой спинкой А3а, А4а; подвязные фасетированные фибулы с треугольным, сегментовидным, многогранным сечением спинок шириной до 5 мм (Б1а, Б1б, Б1г), единично - с сегментовидным сечением шириной 5-5, 5 мм (Б2б);пряжки с тонкой овальной рамкой с уступом язычка (А1а); овальные маленькие пряжки (Ж1а); овально- сегментовидные пряжки с тонкой рамкой с обозначенным изломом рамки (Б1а); роговые гребни с низкой и высокой полугруглой спинкой (Никитина I/2а, I/2), с вогнутыми плечиками (Никитина II/2),с низкой сегментовидной спинкой (Никитина I/1а)</p>	частично 1
-----------------	------------------------	---------	--	------------

Продолж. Табл. А.5.13.

3. "Косановская"	С 3	330-380	<p>стеклянные кубки типов Ковалк и Ганцков; подвязные фибулы с гладкой спинкой АЗб; преобладают подвязные фасетированные фибулы со спинками треугольного, сегментовидного сечения шириной до 5 мм (Б1а, Б1б), треугольного, сегментовидного сечения шириной 5-5, 5 мм (Б2а, Б2б); "воинские фибулы Шульце 15, 48-51, 176; Bügelknopffibeln серий Майер II-IV; овально-сегментовидные пряжки с обозначенным изломом рамки (Б1а, Б2а, Б1б); пряжки с овальной утолщенной в пер. части рамкой (В1а, В1б, В2а); отдельные пряжки с округлой толстой калачиковидной рамкой (Г2а, Г3); единично-роговые гребни с низкой полукруглой спинкой (Никитина I/2а), гребни с низкой сегментовидной спинкой (Никитина I/1а), с трапециевидной спинкой (Никитина II/1), появляются гребни с высокой полукруглой спинкой (Никитина I/1), и высокой сегментовидной спинкой (Никитина I/1б)</p>	частично 1, 2, частично 3
------------------	-----	---------	---	---------------------------

Продолж. Табл. А.5.13.

4. "Масловская"	С3 - начало D 1	350-400	<p>стеклянные кубки типа Ковалк, Кенигсбрух-Черняхов; господствуют подвязные фасетированные фибулы со спинкой шириной свыше 6 мм (Б3); удерживаются подвязные фасетированные фибулы с шириной спинки 5-5, 5 мм (Б 2); возникают крупные фибулы со спинкой треугольного, пластинчатого сечения шириной свыше 6 мм (Б3в, Б3д, Б3е); "воинские" фибулы Шульце 48, 144, 161; появляются малые пластинчатые фибулы Амброз IАБ, IББ; пряжки с калачиковидной рамкой (Г); пряжки с овальной утолщенной спереди рамкой (В1в, В2в); "щитковые" и "зооморфные" пряжки; роговые гребни с высокой круглой спинкой Никитина I/1, I/2), гребни с прямыми плечиками и полукруглой спинкой (Никитина III/1), с узкими плечиками и широкой полукруглой спинкой (Никитина III/2), с вогнутыми короткими плечиками и невысокой круглой спинкой (Никитина III/2а)</p>	3
-----------------	-----------------	---------	---	---

Продолж. Табл. А.5.13.

5. "Журавская"	D 1	375/380-420/430 гг.	<p>стеклянные конические кубки, чаши с каплями синего стекла; подвязные фасетированные фибулы со спинкой сегментовидного и треугольного сечения шириной до 5 мм и 5-5, 5 мм (Б1б, Б2в); подвязные фасетированные фибулы с шириной спинки свыше 6 мм (Б3); "воинские " фибулы с ромбической нижкой Шульце 207; пластинчатые фибулы средних размеров Амброз IАА, IБА, IББ; пряжки с овальной утолщенной спереди рамкой (В1в, В2в, В4в); овальные маленькие пряжки (Ж2в); пряжки с овальной вытянутой рамкой (Д); пряжки с кольцевой рамкой средней толщины (Е); малые пряжки с кольцевой рамкой (З); роговые гребни с высокой круглой головкой и прямыми плечиками (Никитина III/1а)</p>	4
----------------	-----	---------------------	--	---

Таблица 4.5.14.

Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских грунтовых могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов днепро-донецкой лесостепи и прилегающей пологой степи и периодов развития черняховской культуры в системе О.А. Гей - И.А. Бажана (Гей, Бажан, 1997)

Периоды в системе О.А. Гей - И.А. Бажана	соответствие в ступенях хронологии К. Годловского - Я. Тейрала	Приблизит. абсолютные даты	Характерные хроноиндикаторы и черты	Хроноиндикаторы фаз черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи
Первый период	C1b, начало C2	230/240-270/280	подвязные фибулы Амброз 16, 2, 1, 1; сегментовидная пряжка Ружичанка, 8; вельбаркские лепные сосуды; гончарная керамика: трехчастные миски и кубки; одночастный роговой гребень	—

Второй период	С2	270/280-310/320	<p>фибулы Альмгрен VII-211;подвязные фибулы Амброз 16, 2, 1, 2;прогнутые подвязные фибулы, украшенные зернеными кольцами;Bügelknopffibel из погр.8 Компанийцев;пряжки в виде спаренных овалов;пряжки «омеги»;пряжки с двухчастными рамками в виде буквы «D»;пряжки с четырехугольной рамкой и цельнолитой обоймой;стеклянные чаши с овалами (Эггерс 216) и ребрами (Эггерс 203-207);стеклянные бальзамарии Оселивка;стеклянный сосуд с накладными одноцветными нитями из Данчен;роговые гребни Томас I,1 (с низкой сегментовидной спинкой), Томас I, 2 (с трапециевидной спинкой);роговые гребни Томас II (с треугольной спинкой);пряжки Келлер А;гончарные биконические миски с валиком, открытые реберчатые миски, острореберные миски-тарелки, кувшины с биконическим туловом, высокие трехручные вазы, биконические вазы</p>	1
---------------	----	-----------------	--	---

Третий период	СЗ	310/320-350/355	<p>массовое распространение «воинских» фибул;подвязные фибулы Амброз 16, 2, 1, 3;фибула со щитком Косанов 9;пряжки с овальной рамкой, утолщенной в передней части;стеклянные кубки Ковалк и Ганцков;низкие стеклянные кубки с двумя рядами больших овалов;трапециевидные гребни с узкой вершиной и изогнутыми плечиками (Никитина П/2);гребни с высокой круглой спинкой;появляются колоколовидные роговые гребни Томас III, 2; распространение гончарных горшков; гончарные остроредерные миски-тарелки, цилиндрические миски, трехручные вазы, горшки с выделенным горлом, высокие округлобокие горшки;одноручные кувшины с биконическим туловом; высокие двуручные кувшины; полусферические кубки; кружки; широкое распространение амфор, краснолаковой посуды;лепные горшки сарматских форм; широкое распространение сарматских элементов в погребальном обряде</p>	2, 3
---------------	----	-----------------	--	------

Четвертый период	С3/D1	350/355-375	<p>широкое распространение фибул Амброз 16, 2, 1, 3; "воинские" фибулы с пластинчатой спинкой и прямоугольной ножкой; ранние двупластинчатые фибулы Компанийцы 86; калачиковидные пряжки; вытянуто-овальные пряжки; роговые гребни Томас III, 1 (с полукруглым выступом на спинке); в конце периода появляются конические кубки – светильники; кубки с овальными фасетками; открытые округлобокие миски; биконические миски с овальными площадками по ребру; реберчатые вазы с овальными площадками; высокие миски открытого типа; одноручные кувшины с округлобоким туловом и горлом-раструбом</p>	3
------------------	-------	-------------	---	---

Продолж. Табл. А.5.14.

<p>Пятый период</p>	<p>D1</p>	<p>375-400/410</p>	<p>стеклянные кубки с орнаментом в виде сот; конические кубки-светильники; Nuppen-gläser; Medalionbecher; подвязные фибулы с увеличенными размерами и усложненным декором; большинство двупластинчатых фибул; сегментовидно-овальные пряжки с зооморфным язычком Косаново 21; трехчастные миски с цилиндрическим горлом (некоторые имеют каннелюры); кувшины-ойнохои; гончарные горшки с раздутым туловом</p>	<p>4</p>
---------------------	-----------	--------------------	---	----------

Таблица А.5.15.

Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских грунтовых могильников, подкурганых погребений начала эпохи Великого переселения народов днепро-донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи и ступеней развития черняховской культуры Среднего Поднепровья в системе О.В. Петраускаса - Р.Г. Шишкина (Петраускас, Шишкин, 2010)

Фазы в Среднем Поднепровье	Приблизит. абсолютные даты	Характерные хроноиндикаторы	Хроноиндикаторы фаз черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи
С1b	перв. пол. III в.	выемчатые эмали;фибулы с высоким приемником;лепная керамика северо-западного происхождения; гладкие подвязные фибулы;наконечник ремня Раддатц/Илькьяер.J2.1;наконечник ремня Малашев НЗ	—
С2	втор. пол. III в.	выемчатые эмали;фибулы "чудовищного"стиля;прогнутые подвязные фибулы без площадок;омегаобразные, биовальные, тонкорамчатые граненные пряжки;гребни с округлым грифом низких пропорций и трапециевидные простых геометрических форм	частично 1

СЗ	перв. пол. IV в.	<p>подвязные фасетированные фибулы Б1 и Б2, "воинские" фибулы с зауженной ножкой; фибулы с округлым щитком; пряжки Келлер А; пряжки с массивным граненым корпусом Завадовка 2 и Компанийцы 1; стеклянные кубки Эггерс 228-229, 220-221, 223, 211-213; гребни с трапециевидной спинкой развитых форм; гребни с округлой спинкой средних пропорций и короткими заплечиками</p>	частично 1, 2, 3
D1	конец IV - начало V вв.	<p>подвязные фасетированные фибулы Б3, "воинские" фибулы с трапециевидной ножкой, двухпластинчатые Амброз I; пряжки с массивной утолщенной рамкой; стеклянные сосуды Эггерс 233-237; конические кубки Гавриловка 35; сосуды с каплями синего стекла; гребни с прямыми плечиками и выступающей спинкой или с округлой спинкой высоких пропорций</p>	4
D1-D2	перв. пол. V в.	<p>железные пряжки с удлиненно-овальной рамкой, круглые пряжки, В-образные пряжки; пряжки с прямым переходом тыльной стороны язычка в петлю; пряжки с коробчатой обоймой; пряжки в стиле Сездеала; зеркала с задней петлей; "воинские" фибулы с ромбической ножкой; кубки из двухслойного стекла; кубки с медальонами, кубки с каплями синего стекла, гребни Томас III с отдельными накладками, вырезами на плечах и сдвоенными штифтами крепления</p>	4

Таблица 4.5.16.

Соотношение фаз (горизонтов) развития черняховских
 грунтовых могильников, подкурганых погребений начала
 эпохи Великого переселения народов днепро-донецкой
 лесостепи и прилегающей полого степи и ступеней хронологии
 Центральной-Восточной Европы позднеримского времени -
 эпохи Великого переселения народов (Tejral 1986; 1992; 1997)

Период развития черняховской культуры	Степень относит. хронологии Центр. и Вост. Европы	Абсолютн. даты	Характерные вещи	Публикация	Фазы (горизонты) развития черняховской культуры в днепро-донец. лесостепи
Стадия кристаллизации (начальная фаза)	C1b, C2		фибулы A.VII; подвязн. фибулы с филигр. кольцами без фасеток, длинной спиралью; "воинские" фибулы Schulze 205; пряжки трехчастные с полукруглыми или омегаобразными рамками, двойными рамками; стекл. кубки Тыргшор 67, Wederwil, Рудка; Bodenriefschalen; гребни Томас II с пирамидовидной спинкой	Tejral, 1986, S.181-182	—
Стадия кристаллизации (поздняя фаза)	C2/C3	ок. 300 г., нач. IV в.	от предыдущего этапа: подвязн. фибулы с фасетками, гребни с округлой или пирамидальной спинкой, стекл. чаши с выдел. ножкой; Новые XII: подвязн. фибулы 2-го вар. Амброза, стекл. кубки типа Ганцков, бронз. пряжки с полукруглыми или овальными обоймами	Tejral, 1986, S.182-183, 193	2

<p>Ранняя фаза периода развитой черняховской культуры (3 фаза ЧК)</p>	<p>СЗ</p>	<p>параллельна времени константинов ской династии до начала валентинианс кого периода</p>	<p>подвязн.фибулы 1, 2 -го вар.Амброза часто с накладн.пружиной, подвязн.фибулы 3-го вар.Амброза; "воинские" фибулы Schulze 15, 48, 144, 161; Bügelknopffibeln; ранние пластинчатые фибулы дл.4-5 см; пряжки с овальными, круглыми утолщенными рамками; пряжки с прямоуг. обоймой;овальн.пряжки без обоймы, стекл. кубки типа Ковалк, Ганцков-Сакрау II, Черняхов 160, Тыргшор 179; амфоры Шелов F</p>	<p>Tejral, 1986, S.183-184;1992, S.234-235, 244</p>	<p>3</p>
---	-----------	---	--	---	----------

<p>Поздняя фаза периода развитой черняховской культуры (заключит. фаза ЧК)</p>	<p>C3/D1</p>	<p>втор.пол. IV в.</p>	<p>подвязн. фибулы вар. 3 Амброза; "воинские" фибулы Шульце 144, 165; пластинчатые фибулы дл. 6-9 см с удл.ножкой; тенденция к увеличению размеров пряжек;пряжки с утолщюрамкой и загнутым язычком; гребни с выделенной, колоколовидной головкой; конические стекл. кубки без орнамента; конические стекл.кубки с горизотальными шлифов. линиями; стекл.кубки с "сотами"и острыми овалами, с нитями, с выделен. ножкой (Гавриловка 5, Ранжевое 12, Ранжевое 14, Извоаре VIII, Индепенденца 20), монеты (иногда как подвески) 50-60-х гг. IV в.</p>	<p>Tejral, 1986, S.185-186, 193, 209;1992, S.235-236</p>	<p>4</p>
--	--------------	------------------------	--	--	----------

<p>"Постчерняховский" этап развития, начало ЭВПН</p>	<p>D 1</p>	<p>четверть века, ок. 400 г., ок. 360/370 - 400/410 гг.</p>	<p>серебр. и бронз.пластинчатые фибулы с длинной ножкой Амброз IAA и IBB; пряжки с утолщенной округлой или овальной рамкой, с колбовидной частью язычка, с разл. формами обоймы дл. до 4-5 см; гребни Томас III с прямыми плечиками и выделенной колоколовидной головкой; языковидные ременные окончания; умбоны с граненым корпусом; большие одно- или двухчленные жел. подвязные и "воинские"фибулы, ременные окончания в форме буквы "U", фасетированные умбоны, остроконечные конические стекл.кубки без орнамента, толстостен.стекл.кубки с гориз.прошлиф.каналами или напаян. нитями</p>	<p>Tejral, 1986, S.194, 197-198, 212;1992, S.237-238, 245, 246;1997, S.334, 351</p>	<p>4</p>
	<p>D 2 (ступень Унтерзибенбрунн-Сездала или горизонт Унтерзибенбрунн)</p>	<p>часть п.п. V в, перв. треть V в., 380/400 - 440/450</p>	<p>пластинч. фибулы дл. 9-15 см группы Амброз II, украшения пальметками этих фибул, вставки камней, полиэдрические кольца, зеркала, гребни с лошадиными головами, ранние фибулы -"цикады"; тонкостен. яйцевидные кубки зеленоватого стекла с голубыми каплями или волнистыми напаянными нитями(Nuppengläser) ; кубки без орнамента</p>	<p>Tejral, 1986, S.213,214; 1992, S.246; 1997, S.335-340, 35</p>	<p>частично 4, 5</p>

Исследователь, год выхода работы	Погр. сооруж.				Скелет						Наличие в погребении											
	ямы с заплеч.	ямы с подб.	ямы с уступами	катакомбы	дерев. гробы, колоды, перекрытия	ориентир.	верхн. кон. на тазе, груди	скрещ. ниж. кон.	подогн. ниж. кон (скорч. костяки)	деформ. черепа	кости жив.	жел. нож.	красн.краска	мел	угли и зола	бусы и бисер	подвески из морск. раковин, амулеты из рога	многочисл. сосуды (4-16)	нек. формы кувшинов	специфич. лепн. посуда	оружие в ТП	
Тиханова, 1957	—	—	—	—	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Diасопи, 1966	х	х	—	х	—	—	—	—	х	х	—	—	—	х	—	х	—	х	х	х	—	—
Рикман, 1975	х	х	х	—	х	С	х	х	х	х	х	х	х	—	—	х	—	—	—	х	—	—
Седов, 1978	—	х	—	х	—	—	—	х	х	х	х	—	х	х	х	—	х	—	—	—	—	—
Петраускас, 1996	х	х	—	—	—	—	—	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Магомедов, 1996; 1999; 2000;	х	х	—	х	—	С, Ю	—	х	х	х	х	—	х	х	х	—	—	—	—	х	х	х
Гей, 2001-2002	х	х	—	х	х	С	—	—	х	—	х	х	—	—	х	х	—	—	—	х	—	—
Обломский, 2002	—	—	—	—	—	—	—	х	х	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	х	—	—
Kokowski, 2004	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	х	х	х	х	—	—	—	—	—

Позднескифские/сарматские признаки в погребениях могильников черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи

Таблица А. 6. 1.

Могильник	№ погр.	Пол погр.	Тип погр. констр.			Ост. дерев. подстилки, помоста	Ориент.	Полож.кост.			Деформ. черепа	Жертв. пища		Жел. нож	Кол-во сосудов			Бусы					Раковины-подв.		Металлоп.	Угли/ мел	Скорлупа яиц птиц	Фибулы	Пиражки	Кост. гребни	Стекл. сосуды	Публикация/ отчет				
			яма	подбой	запечки			вытн.	на боку/ животе	скорч.		целый скелет	отд.кости		лепн.	гонч.	стекл.	камень	янтарн.	коралл.	прочие	Ming	Сурреа													
			—	—	—			—	—	—		—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—									—	—	—	—
Боромля 1	2	м	х	—	—	—	С	х	—	—	—	—	х	х	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.88, рис. 3	
	4	ж	х	—	—	—	С	х	—	—	—	—	х	х	—	9	2	—	—	—	—	—	—	—	—	х	х	х	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.88-89, рис. 4		
	5	—	—	—	х	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.89, рис. 6		
	6	м	х	—	—	—	С	х	—	—	—	—	х	х	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.89, рис. 5	
	14	дет.	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.90, рис. 6	
	16	м	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.90, рис. 8	
	17	дет.	х	—	—	—	С	—	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.90, рис. 8	
	21	м	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.90-91, рис. 8	
	23	ж	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.91, рис. 8	
	26	ж	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.91, рис. 10
	31	м	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.92, рис. 11
	32	дет.	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.92, рис. 11
	33	м	—	х	—	—	С	х	—	—	х	—	х	х	—	3	12	6	—	115	—	—	—	—	х	—	—	х	—	х	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.92, рис. 12
	36	дет.	х	—	—	—	ЮЗ	—	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.93, рис. 13
	37	ж(?)	—	—	х	—	3	х	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.93, рис. 13
	39	м	х	—	—	—	С	х	—	—	—	—	х	—	х	—	8	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.93, рис. 14
46	м	—	—	х+по дб.	—	С	х	—	—	—	—	—	х	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	х	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.94, рис.17	
	137	ж	х	—	—	—	С	х	—	—	—	—	х	х	—	7	9	6	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.101-102, рис. 45	

Поурбения-интумации с позднекифским/сарматскими признаками на черняховских могильниках в днепро-донецкой лесостепи (замечанием показано наличие бесспорных и вероятных позднекифских/сарматских признаков)

Успенка	140	—	x	—	—	—	C	—	x	—	—	—	—	—	—	x	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.102, рис. 45
	921	—	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	x	—	—	5	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.102, рис. 46	
	1308	м	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	x	x	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.103, рис. 48	
	1618	дет.	x	—	—	—	C	—	—	x	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.103, рис. 44
	1619	м	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	x	x	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.103, рис. 49	
	1631	м	—	x	—	—	C	—	—	x	—	—	—	—	—	5	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	x	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.103, рис. 50
	1647	м	x	—	—	—	C	x	—	—	—	x	—	—	—	10	—	3	—	64	—	x	—	—	—	—	—	x	x	x	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.104, рис. 52
Родной Край 1	3	ж	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	x	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	x	—	x	—	—	—	—	—	Петренко,1991,с.12-13, рис. 9:14	
	13	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Петренко,1991,с.15-16, рис. 6	
	14	—	—	—	x (ката комб а?)	x	C	x	—	—	—	—	—	—	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	—	—	—	—	—	Петренко,1983, с.7,табл. VI;1991,с.16-18, рис. 10
Компанийцы	51	—	—	—	—	—	C	—	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.109, рис. 65	
	55	—	x	—	—	—	C	—	x	—	—	—	—	x	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.109, рис. 65
	69	—	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	x	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.110, рис. 67
	83	—	x	—	—	—	C	—	—	—	—	—	x	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.111, рис. 70
	118	—	x	—	—	—	C	—	—	—	—	—	—	—	1	2	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	x	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.113, рис. 73
	120	—	x	—	—	—	C	—	x	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.113, рис. 73
	124	—	—	x	—	—	C	x	—	—	—	—	x	x	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	x	—	—	Некрасова, 2006, с.113, рис. 75
	162	—	—	x (е ниш ей)	—	—	C	x	—	—	—	—	x	x	1	4	1	21	—	—	—	x	x	—	—	—	—	—	x	—	x	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.114, рис. 78
238	—	x	—	—	—	C	x	—	—	—	—	—	x	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Некрасова, 2006, с.116, рис. 81	
Кантемировка	1	—	—	—	—	—	C	x	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Махно,1952, с.236-237,табл. I: 1,2,3,12
	3	—	—	—	—	—	C	x	—	—	—	—	x	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Махно,1952, с.236-237

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Иллюстрации

Рис. Б. 2. 1. Археологические памятники латенского времени в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи (карта). Условные обозначения: **I** – позднескифские памятники (поселения): 1 – Мацковцы; 2 – Вязивок; 3 – Мгар; 4 – Сенча; 5 – Клепачевское городище; 6 – Поветки; 7 – урочище Городище; 8 – Котельва (урочище Рубежное); 9 – урочище Ферма; 10 – Марки; 11 – Крутой Берег; 12 – Ключники; 13 – Головач (урочище Пинчуковы Горбы); 14 – Малая Перещепина; 15 – Украинское; 16 – Григоро – Бригадировка (урочище Геевка 1); 17 – Григоро – Бригадировка (урочище Геевка 2); 18 – Григоро – Бригадировка (урочище Овчаренки); 19 – Самусеевка; 20 – Кагамлык; 21 – Правобережные Кишеньки (урочище Остров); 22 – Ратское городище; **II** – позднескифские памятники (подкурганые погребения): 1 – Стенка; 2 – Карловка; 3 – Кириленки; **III** – сарматские погребения и отдельные вещи: 1 – Хорол (урочище Заярь); 2 – Ключовка (урочище Маджары); 3 – Бунаковка; 4 – Селимовка; 5 – Славянск; 6 – Хутор Черевков; 7 – Ступки; 8 – Переездная; 9 – Сватова Лучка; 10 – Нижняя Дуванка; 11 – Суженое; 12 – Афанасьевка; 13 – Климовка; 14 – Клепачи (урочище Сад); 15 – Новые Санжары (урочище Фонтан); 16 – Шушваловка; **IV** – граница степи и лесостепи.

Рис. Б. 2. 2. Археологические памятники латенского времени в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи (карта). Условные обозначения: **I** – памятники зарубинецкой культуры: 1 – Вишенки; 2 – Кийлов; 3 – Леплява; 4 – Беседовка; 5 – Гурбинцы; 6 – Басовка; 7 – Глинск (урочище Колядиха); 8 – Жовнин; 9 – Мацковцы; 10 – Лукомье; 11 – Поставмуки; 12 – Григоро – Бригадировка (урочище Гаевка 1); 13 – Солошин; 14 – остров Шушваловский; **II** – сарматские подкурганые погребения с зарубинецкими вещами: 1 – Лубны; 2 – Верхняя Мануйловка; 3 – Дьяченки; 4 – Лычково; **III** – памятники типа Харьевка: 1 – Красное 4; 2 –

Литвиновичи 3; 3 – Пересыпки 1, 2; 4 – Чаплищи 3; 5 – Марьяновка; 6 – Харьевка; 7 – Глухов; 8 – Гребля; 9 – Лески; 10 – Пересыпки; IV – дружинный могильник в Мутине; V – граница степи и лесостепи.

Рис. Б. 2. 3. Археологические памятники в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи конца конца I – сер. III вв. (карта): 1 – зоны распространения сарматских погребений в степи: I – Среднедонская группа; II – Воронежская группа; III – Верхнедонская группа (по А. П. Медведеву); IV – междуречье Днепра и Северского Донца (по В. И. Костенко); 2 – известные по разведкам позднезарубинецкие памятники в Поорелье; 3 – отдельные сарматские погребения в степной зоне к северу от Орели или в лесостепи: 1 – Ливенское; 2 – Павловка; 3 – Малый Ладыжин; 4 – Макуховка; 5 – Крупнодеринцы; 6 – Борисовка; 4 – известные по разведкам постзарубинецкие поселения в лесостепи: 1 – Барышевка; 2 – Борщив; 3 – Гостролучье; 4 – Рудяки; 5 – Никольская Слободка; 6 – Селище; 7 – Коржи (Панський Кут); 8 – Коржи (Рябцы); 9 – Пасечная; 10 – Вишенки (Манычево); 11 – Волков (Большой Балицын); 12 – Переяслав (Лагерь); 13 – Пристромы (Товарячий Гай); 14 – Хоцьки (Комаривский Хутор); 15 – Цыбли (Белое озеро 1); 16 – Цыбли (Пидпоринцы); 17 – Хижки 1; 18 – Хижки 6; 19 – Курманы 1; 20 – Вегеровка 1; 21 – Шевченково 2; 22 – Скуносово (Калиновка 2); 23 – Ховзовка; 24 – Бухаловка; 25 – Саранчевка; 26 – Прилипка; 27 – Березняки; 28 – Засулье; 29 – Ливенское; 30 – Писаревка; 31 – Побиванка; 32 – Ключники 2; 33 – Ковалевка; 34 – Марки 1; 35 – Трибы; 36 – Новые Санжары; 37 – Без ручки; 38 – Глинское; 39 – Дмитриевка; 40 – Запселье; 41 – Хорол; 42 – Самусеевка (Позднезарубинецкие памятники..., 2010, рис.2; Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005, рис.24); 5 – исследованные раскопками позднезарубинецкие памятники типа Картамышево 2 – Терновка 2: 1 – Головино 1; 2 – Шоссейное (Приютовка); 3 – Терновка 2; 4 – Бобрава 3; 5 – Гочево 3; 6 – Гочево 7; 7 – Жерновец ; 8 – Гремячка; 9 – Картамышево 1; 10 – Картамышево 2; 11 – Новодоновка 1; 12 – Родной Край 1; 13 – Колесники; 14 – Тимченки 2; 15 – Колосково 4; 16 – Приоскольское 1; 17 –

Комаровка 2; 18 – Богдановка; 19 – Занки; 20 – Великие Будки (Хутор); 21 – Березовка 2; 22 – Солдатское 5; 23 – Бельск; 24 – Чернеччина; 25 – Осиповка (Пляж); 26 – Осиповка (Лиман); 27 – Песчаное; **6** – исследованные раскопками позднезарубинецкие памятники типа Грини: 1 – Решетки; 2 – Вовки; 3 – Рябовка 3, 4 – Раковка 1, **7** – раннекиевские памятники, исследованные раскопками: 1 – Шишино 5; 2 – Шмырево, 3 – Приоскольское 2; 4 – Шоссейное, 5 – Кулига; 6 – Гочево 1; 7 – Рябовка 1; 8 – Сушки 2.

Рис. Б. 2. 4. Жилища поселения Картамышево 2: 1 – № 3; 2 – № 4; 3 – № 2; 4 – № 6; 5 – № 5; 6 – № 7; 7 – № 8; 8 – № 9; 9 – № 10; 10 – № 1 (Горюнова, 2004, рис. 2: 1, 2; 3, 4).

Рис. Б. 2. 5. Классификация лепной керамики римского времени (постзарубинецкий горизонт, киевская культура) Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья А. М. Обломского – Р. В. Терпиловского (Обломский, 2002, рис. 2).

Рис. Б. 2. 6. Лепные сосуды с шероховатой (1 – 12) и лощеной (9, 13 – 27, 35 – 37) поверхностью на постзарубинецких памятниках типа Картамышево 2 – Терновка 2: 1, 2, 20, 21, 26, 24 – Осиповка (Пляж), 3, 6, 7, 9, 15, 16, 17 – Терновка 2; 4, 14 – Приоскольское 1; 5, 12, 23 – Жерновец, 8, 19, 22 – Картамышево 2, 10 – Осиповка (Лиман), 11, 27 – Шоссейное, 13 – Новодоновка 1; 25 – Картамышево 1 (Терпиловский, 2004, рис. 16 – 19); Колесники: 30, 36 – жилище 1; 28, 29, 37 – яма 1; 31, 32 – 35 – слой.

Рис. Б. 2. 7. Сооружения на постзарубинецких памятниках типа Грини: 1 – Раковка (заштрихована очажная яма, относящаяся к сооружению); 2 – Вовки, жилище 6 (Терпиловский, 2004, рис. 7: 6).

Рис. Б. 2. 8. Груболопная (1 – 9) и лощеная (6) керамика поселения Раковка 1: 1, 4, 5 – яма 5 сооружения 1 пункта 1; 2, 3, 6 – очаг сооружения 1 пункта 1; 7 – яма 2 сооружения 1 пункта 1; 8 – очаг сооружения 1 пункта 1; 9 – яма 1 сооружения 1 пункта 1.

Рис. Б. 2. 9. Жилища поселения Шишино 5: 1 – постройка 5 раскопа 1; 2 – постройка 2 раскопа 2; 3 – постройка 7 раскопа 2; 4 – постройка 5 раскопа 2; 5 – «яма 5» раскопа 3 (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 12).

Рис. Б. 2.10. Груболопная керамика поселения Шишино 5: 1, 4, 8, 9 – слой раскопа 1; 2, 3 – «яма 5» раскопа 3; 5 – яма 58 раскопа 1; 6 – яма 44 раскопа 1; 7 – постройка 1 раскопа 1; 10 – постройка 2 раскопа 1; 11 – очаг 1 раскопа 1; 12 – яма 38 раскопа 1; 13 – яма 51 раскопа 1; 14, 17, 18 – культурный слой раскопа 1; 15, 16, 21 – «яма 5» раскопа 3; 22 – яма 1 раскопа 2; 19, 20, 25, 26 – культурный слой раскопа 1; 23 – «яма 5» раскопа 3; 24 – яма 6 раскопа 2 (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 14 – 16).

Рис. Б. 2. 11. Погребения могильников Шишино 5 (I) и Песчаное – Кулига (II). I – Шишино 5 (1 – 6) и погребение на поселении Шишино 5 (7): 1 – погребение 1; 2 – погребение 2; 3 – погребение 3; 4 – погребение 4; 5 – погребение 5; 6 – погребение 6; 7 – яма 1 раскопа 3 (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 23, 24); II – Песчаное – Кулига: 1 – 5 – погребения № 1 – 5; 6 – пряслице из слоя; 7 – бусина 8 – сосуд из слоя 9 – урна погребения 1 (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 32).

Рис. Б. 3. 1. Поселения сер. III – перв.четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи (карта): I – подвергавшиеся раскопкам: 1 – Беседовка; 2 – Букреевка 2; 3 – Родной Край 3; 4 – Гочево 1; 5 – Гочево 2 (постройки 1, 2); 6 – Гочево 3; 7 – Гочево 4; 8 – Боромля 2; 9 – Песчаное; 10 – 10 – й Октябрь; 11 – Войтенки 1 (участок А); 12 – Огульцы; 13 – Головино 1; 14 – Мамрои; II – известные по разведкам, с находками вещей ступеней С 1_б – С 2: 1 – Большая Даниловка; 2 – Рябухино; 3 – Халимоновка; 4 – Бараново; 5 – Старые Валки; 6 – Пасеки; 7 – Новоселовка; 8 – Шевченки 5; 9 – Васильевка 3; 10 – Матяшев Яр 3.

Рис. Б. 3. 2. Топография поселений сер. III – перв.четв. IV вв.: I – Боромля 2 (II) рядом с другими поселениями (III, IV, V) и могильником (I) (Некрасова, 2006, рис. 1); II – Букреевка 2 (Сымонович, 1990, рис. 1); III – археологический комплекс позднеримского времени Войтенки 1, пунктиром

на участке А показаны границы поселения сер. III – перв. четв. IV вв. (Любичев, 2006, рис. 1); IV – Родной Край 3 (I) (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, табл. I).

Рис. Б. 3. 3. Топография поселений сер. III – перв. четв. IV вв.: I – Гочево 1, 2, 3, 4 (Горюнова, 1988, рис. 1); II – Песчаное (Журко, 1994а, рис. 6: 3); III – Головино 1 (Обломский, 2001 – 2002, рис. 2); IV – Огульцы (Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 246).

Рис. Б. 3. 4. Постройка 1 селища Боромля 2 (1) и находки из нее: 2, 3 – бронзовые фибулы; 4 – часть костяного гребня; 5 – костяной гребень; 6 – костяной «стилос»; 7 – железное шило; 8 – точильный брусок; 9 – часть железного ножа; 11, 12 – светлоглиняные амфоры; 10, 13 – 20 – гончарная керамика; 21 – 40 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис. 20, 21).

Рис. Б. 3. 5. Постройка 3 селища Боромля 2 (1) и находки из нее: 2 – бронзовая фибула; 3 – часть точильного камня; 4 – часть костяного ложила; 5 – 9 – глиняные прясла; 10 – 18 – глиняные грузила; 19 – 20 – фрагменты светлоглиняных амфор; 21, 23 – 46 – лепная керамика позднеримского времени; 22 – фрагмент лепного горшка бронзового века; 47 – 70 – гончарная керамика (Некрасова, 2006, рис. 24 – 26).

Рис. Б. 3. 6. I – постройка 6 (1) селища Боромля 2 и находки из нее: 2 – железный нож; 3 – подвеска из раковины моллюска; 4 – 7 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис. 27: 2; 28: 22 – 27); **II** – постройка 10 селища Боромля 2 (1) и находки из нее: 2, 3 – фрагменты амфор; 4 – 9 – гончарная керамика; 10 – 13 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис. 36: 1 – 13).

Рис. Б. 3. 7. I – постройка 1 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 26): 2, 3 – пряслица (глина); 4 – 10 – гончарная керамика; 11 – 26 – лепная керамика (Сымонович, 1990, рис. 3); **II** – постройка 2 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 14): 2 – изделие из глины; 3 – изделие из железа; 5, 12 – 14 – гончарная керамика; 6 – 11 – лепная керамика (Сымонович, 1990, рис. 4: 1 – 16); **III** – постройка 4 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 16): 2, 3 – глиняные пряслица; 4 – 8, 10 – 16 – лепная керамика; 9 – гончарная

керамика (Сымонович, 1990, рис. 4: 17 – 32); **IV** – постройка 3 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 24): 2 – железный нож; 3 – изделие из глины; 4, 5 – глиняные пряслица; 6, 7, 9 – 11 – гончарная керамика; 8 – лепная керамика с лощеной поверхностью; 17, 18 – фрагменты светлоглиняных амфор; 7 – 10, 12 – 16, 19 – 24 – лепная керамика с хрупчатой поверхностью; (Сымонович, 1990, рис. 5).

Рис. Б. 3. 8. Материалы селища Букреевка 2: **I** – постройка 5 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 33): 2 – пряслице; 3, 4, 8 – 16, 23, 24, 29 – 31 – гончарная керамика; 5 – 7, 17 – 22, 25 – 28, 32, 33 – лепная керамика; **II** – постройка 7 (1) и находки из нее (2 – 12): 2, 3 – фрагменты железных ножей; 5, 6, 7, 9 – гончарная керамика; 4, 8, 10 – 12 – лепная керамика; **III** – постройка 8 (1) и находки из нее (2 – 10): 2 – бронзовая фибула; 3, 4 – железные стержни; 5 – фрагмент стеклянного сосуда; 6, 7 – гончарная керамика; 8 – 10 – лепная керамика; **IV** – постройка 9 (1) и находки из нее: 2 – железный нож; 3 – глиняное пряслице; 4 – 6, 14, 16 – гончарная керамика; 7 – 13, 15, 17, 18 – лепная керамика (Сымонович, 1990, рис. 6 – 8).

Рис. Б. 3. 9. Материалы селища Родной Край 3: **I** – жилище 1 (1) и находки из него: 2 – бронзовая фибула; 3 – железный ключ; 4 – костяное изделие; 5, 6, 10 – 15, 17 – 19 – лепная керамика; 8, 9, 16, 20 – гончарная керамика; 7 – фрагмент амфоры; **II** – жилище 2 (1) и находки из него: 2 – 5 – глиняные пряслица; 6, 7 – фрагменты глиняных грузил; 8 – 14, 17, 18 – лепная керамика; 26, 27 – фрагменты амфор; 15, 19 – 25 – гончарная керамика (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, табл. I: 2, 3; Обломский, 2002, рис. 45, 46).

Рис. Б. 3. 10. **I** – материалы селищ Гочево 1 1 – жилище 1 (1); 2 – 16 – находки из его заполнения: 2 – 4 – глиняные пряслица; 5 – 12, 14, 15 – лепная; 13, 16 – гончарная керамика (Обломский, 2002, рис. 26); **II** – материалы селища Мамрои 2: сооружение 1 (1) и лепная керамика из него (2 – 5) (Петренко, 1983, табл. XIV: 1; Обломский, 2002, рис. 59: 1 – 4); материалы селища Гочево 2: **III** – постройка 2; **IV** – постройка 1; **V** – лепная

керамика из ямы 3 (Терпиловский, Тихомиров, 1990, рис. 11); **VI** – материалы селища Гочево 4: постройка 2 (1) (Горюнова, 1988, рис. 102, 103) и лепной горшок из нее (7), лепная керамика из очагов 1 (8), 2 (11, 12), культурного слоя (3, 4, 5, 6, 9, 10, 13, 14), фрагмент костяного многочастного гребня из постройки 3 (2) (Обломский, 2002, рис. 29).

Рис. Б. 3. 11. Материалы с селища Гочево 3: **I** – план постройки 1 (1) (Горюнова, 1987, рис. 10) и лепная керамика из нее (2 – 6); **II** – лепная керамика из постройки 5; **III** – лепная керамика из постройки 6; **IV** – лепная керамика из постройки 7; **V** – лепная керамика из ямы 5; **VI** – лепная керамика из ямы 95; **VII** – лепная керамика из ямы 70; **VIII** – лепная керамика из ямы 54; **IX** – лепная керамика из ямы 15; **X** – лепная керамика из слоя (Обломский, 2002, рис. 27: 1 – 5, 7 – 15, 16 – 20, 21, 22, 23, 24; Киевская культура..., 2007, рис. 53: 1 – 3, 5 – 7; 54: 1 – 5, 7).

Рис. Б. 3. 12. Селище Песчаное: **I** – жилище 2 (1) и керамика из него (2 – 14): 7, 9, 10, 11, 12 – гончарная; 2 – 6, 13, 14 – лепная; **II** – жилище 5 (1) и находки из него (2 – 15): 2 – костяное изделие; 3 – железный наконечник стрелы; 4, 5 – глиняные пряслица; 6 – железный нож; 7 – часть железного серпа; 8 – 10, 13 – гончарная керамика; 11, 12, 14 – лепная керамика; 15 – фрагмент амфоры (Журко, 1990в, рис. 31, 32).

Рис. Б. 3. 13. Материалы поселения Войтенки 1, участок «А»: **I** – сооружение 2/2 (1) и находки из него: 2 – бронзовая фибула; 3 – 7 – гончарная керамика; 8 – 16 – лепная керамика (Любичев, 2008г, рис. 13; 16: 1; 18); **II** – сооружение 4 и находки из него: 2, 3 – фрагменты светлоглиняных амфор; 4 – 9 – гончарная керамика; 10 – 23 – лепная керамика; **III** – сооружение 11 (1) и находки из него: фрагмент лепного горшка (2), фрагмент стенки амфоры (2); **IV** – сооружение 17 (1) и фрагмент лепного горшка из него (2); **V** – сооружение 21 (1) (Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис. 67, 69, 83, 85; 2009, рис. 61).

Рис. Б. 3. 14. Материалы селищ Огульцы (I) Головино (II – VII): **I** – сооружение 3 селища Огульцы (1) и находки из него: 2 – 9 – фрагменты

амфор; 10 – лепная керамика (Любичев, Мызгин, Варачева, 2009, рис. 302, 285, 287); Материалы поселения Головино 1 позднееримского времени: II – постройка 2; III – постройка 4 (1) и лепная керамика из нее (2 – 11); IV – постройка 5 (1) и образцы лепной керамики из нее (2, 3); V – лепная керамика из ямы 5 траншеи 8; VI – фрагмент лепного горшка из ямы 11 раскопа 1; VII – лепная керамика из слоя (Обломский, 2001 – 2002, рис. 5, 6: 1; 2002, рис. 51).

Рис. Б. 3. 15. План сохранившейся части постройки 2 селища 10 – й Октябрь (1) и керамика из нее: 6 – ручка светлоглиняной амфоры; 3, 8 – 22 – лепная; 2 – 5, 7 – 11 – гончарная керамика (Обломский, 2002, рис. 37, 39, 40: 1 – 5; 41: 1 – 5).

Рис. Б. 3. 16. Постройки типа I (1 – 6, 9, 10) и IA (7, 8) на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв.: 1 – Войтенки 1, уч. А, соор. 2/2; 2 – Боромля 2, постр. 6; 3 – Боромля 2, постр. 10; 4 – Букреевка 2, постр. 4; 5 – Букреевка 2, постр. 1; 6 – Букреевка 2, постр. 7; 7 – Букреевка 2, постр. 2; 8 – Букреевка 2, постр. 5; 9 – 10 – й Октябрь, постр. 3; 10 – Гочево 2, постр. 1.

Рис. Б. 3. 17. Постройки типа II на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв.: 1 – Букреевка 2, постр. 8; 2 – Букреевка 2, постр. 9; 3 – Букреевка 2, постр. 3; 4 – Боромля 2, постр. 1; 5 – Боромля 2, постр. 3; 6 – Мамрои 2, постр. 1; 7 – Головино 1, постр. 2; 8 – Головино 1, постр. 5; 9 – Гочево 2, постр. 2; 10 – Войтенки 1, уч. А, соор. 4; 11 – Родной Край 3, постр. 1.

Рис. Б. 3. 18. Постройки типа III на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв.: 1 – Гочево 1, постр. 1; 2 – Песчаное, жил. 5; 3 – Головино 1, постр. 4; 4 – Родной Край 3, постр. 2; 5 – Песчаное, жил. 2.

Рис. Б.3.19. Постройки на памятниках типа Демьянов – Черепин: 1 – Демьянов 2, жил. 2; 2 – Демьянов 2, жил. 4; 3 – Демьянов 2, жил. 5; 4 – Демьянов, жил. 3; 5 – Бовшев 2, жил. 10; 6 – Рипнев 2, жил. 3; 7 – Черепин, жил. 4; 8 – Черепин, жил. 6; 9 – Черепин, жил. 5; 10 – Куропатники 1, жил. 1; 11 – Куропатники 1, жил. 2; 12 – Куропатники, жил. 3; 13 – Куропатники, жил. 4; 14 – Куропатники 1, соор. 5; 15 – Куропатники 1, соор. 6 (Баран, 1964,

рис. 2: 2; Баран, 1981, рис. 22, 23, 24, 28; Баран, Гопкало, 2005, табл. 2, 15, 17, 20, 30, 31, 33, 35, 38: I, III).

Рис. Б. 3. 20. Постройки киевской культуры (I) и памятников типа Седелки – Каширка (II): I – киевская культура: 1 – Глеваха, постр. 1; 2 – Глеваха, постр. 3; 3 – Лавриков Лес, постр. 1; 4 – Верхнестриженское 3, постр. 1 (Терпиловский, 2004, рис. 45, 46, 48, 52); II – памятники типа Седелки – Каширка: 1 – Седелки, раск. 2, постр. 3; 2 – Седелки, раск. 2, постр. 4; 3 – Седелки, раск. 2, постр. 5; 4 – Седелки, раск. 4, постр. 1; 5 – Седелки, раск. 3, постр. 3; 6 – Ксизово 17А, раск. 3, постр. 1; 7 – Ксизово 17А, раск. 2, постр. 1 (Обломский, 2009а, рис. 3, 6; Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 5, 6, 9, 15).

Рис. Б. 3. 21. Основные типы лепной керамики на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи: I – округлобокие горшки (тип I): 1 – вид 1 вариант а (I 1а); 2 – вид 1 вариант б (I 1б); 3 – вид 1 вариант в (I 1в); II – округлобокие горшки: 1 – вид 2 (I 2); III – горшки раскрытого профиля: 1 – вид 3 вариант а (I 3а); 2 – вид 3, вариант б (I 3б); IV – горшки с прямым невыделенным или загнутым внутрь венчиком: 1, 2, 4 – вид 4, вариант а (I 4а); 3 – вид 4, вариант б (I 4б); V – ребристые горшки (тип II): 1 – вид 1 (II 1); 2 – вид 2 (II 2); VI – конические миски: 1, 2 – тип 1; 3 – 5 – тип 2; VII – диски – сковороды: 1, 2 – тип 1; 3, 4 – тип 2.

Рис. Б. 3. 22. Керамика памятников типа Демьянов – Черепин: поселение Бовшев 2: I – жилище 9; II – жилище 10; III – сооружение 11; IV – сооружение 17 (Баран, Гопкало, 2005, табл. 2: 5, 8 – 1 2; 5: 7 – 9, 12, 13); поселение Демьянов 2: V – жилище 4; VI – жилище 5 (Баран, Гопкало, 2005, табл. 15, 17).

Рис. Б. 3. 23. Сравнительная таблица основных форм керамических комплексов памятников типа Демьянов – Черепин (I) и поселений сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи: (II – V): II – Букреевка 2; III – Гочево 3, 4; IV – Боромля 2; V – Родной Край 3 (Баран, Гопкало, 2005, рис. 8).

Рис. Б. 3. 24. Керамический комплекс памятников киевской культуры Среднего Поднепровья сер. III – нач. IV вв.: **I** – Глеваха, постройка 3; **II** – Глеваха, постройка 1 (Терпиловский, 2004, рис. 46, 45).

Рис. Б. 3. 25. Керамический комплекс памятников киевской культуры Подесенья сер. III – нач. IV вв.: **I** – Лавриков Лес, постройка 1; **II** – Верхнестриженское 3, постройка 1 (Терпиловский, 2004, рис. 48, 52).

Рис. Б. 3. 26. Керамический комплекс памятников типа Седелки – Каширка: **I** – Седелки, раскоп III, постройка 4 (1, 2, 6 – 16 – лепная керамика, 3 – 5 – гончарная керамика); **II** – Седелки, раскоп II, постройка 1 (1 – 4, 6 – 9 – лепная керамика, 5 – гончарная керамика) (Обломский, Терпиловский, 1998б, рис. 14: 4).

Рис. Б. 4. 1. Ареал черняховской культуры в области днепро – донецкой лесостепи с указанием памятников, изученных раскопками (карта) (номер памятника совпадает с номером в табл. А. 4. 2): **1 – поселения:** *Район 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега»:* 13 – Градижск (ур. Круча); 20 – Жовнино (ур. Василенки); 29 – Максимовка; 36 – Новолиповское; 40 – Радуцковка; 79 – Соснова; 104 – Ерковцы; 142 – Хлопков 1; *Район 2 «Десна – Сейм»:* 4 – Липовка 1; 53 – Белополье 1; 68 – Пены 1, 2; 88 – Колосовка; 91 – 10 – й Октябрь; 93 – Снагость 2; *Район 3 «Сула»:* 31 – Беседовка; 36 – Артюховка 1; 39 – Дубина 1; 44 – Савенков Яр; 50 – Коровинцы; 71 – Воскресенское 1; 74 – Гнидинцы 6; 104 – Грабаровка 1; 106 – Давыдовка; *Район 4 «Псел»:* 6 – Гочево 3; 7 – Гочево 4; 9 – Дмитровка 3; 28 – Великий Бобрин; 72 – Мамрои 2; 79 – Песчаное; 87 – Василенки 4; 102, 103 – Косовщина 1, 2; 106 – Краснополье 1; *Район 5 «Ворскла – Орель»:* 13 – Вознесенский 1; 17 – Головчино; 65 – Старые Санжары (Решетники); 75 – Боромля 2; 120 – Кантемировка; 138 – Лозовая 2; 139 – Войтенки 1; 141 – Войтенки 2; *Район 6 «Северский Донец»:* 19 – Хохлово 2; 39 – Новоберекское; 44 – Колесники; 64 – Тимченки 2; 68 – Шлях 2; 86 – Халимоновка; 87 – Огульцы; 96 – Головино 1; 117 – Пересечное; 148 – Муром 6; 149 – Муром 7; **2 – могильники:** *Район 1 «Днепр, прибрежная*

часть левого берега»: 14 – Градижск (ур. Круча); 17 – Жовнино (ур. Биленковы Бурты); 18 – Жовнино (ур. Носенки); 19 – Жовнино (ур. Пристань); 22 – Кагамлык; 25 – Компанийцы; 78 – Соснова; 120 – Переяслав – Хмельницкий; *Район 2 «Десна – Сейм*»: 69 – Пены 3; *Район 3 «Сула*»: 5 – Волчек; 27 – Лохвица; 40 – Дубина 1; 69 – Успенка; 72 – Воскресенское 1; 94 – Гурбинцы; *Район 4 «Псел*»: 73 – Сумы – Сад; 91 – Сумы; 92 – Замощанская Дюна; *Район 5 «Ворскла – Орель*»: 74 – Боромля 1; 113 – Новоселовка; 121 – Кантемировка; 136 – Павлюковка; 140 – Войтенки 1; 175 – Писаревка; *Район 6 «Северский Донец*»: 62 – Соколово 2; 96 – Головино 1; 116 – Пересечное; 118 – Родной Край 1; 145 – Глубокое; **3 – подкурганные погребения**: *Район 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега*»: 26 – Лавриковка; *Район 3 «Сула*»: 108 – Иржево; *Район 5 «Ворскла – Орель*»: 100 – Сторожевое; 122 – Кантемировка; *Район 6 «Северский Донец*»: 10 – Мечебелово; 89 – Воронцовка; **4** – условные границы между районами; **5** – граница ареала черняховской культуры.

Рис. Б. 4. 2. Памятники черняховской культуры района 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 3. Памятники черняховской культуры участка «Днепр – Трубеж – Супой», относящегося к району 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

Рис. Б. 4. 4. Памятники черняховской культуры района 2 «Десна – Сейм» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 5. Памятники черняховской культуры района 3 «Сула» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А.4.2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 6. Памятники черняховской культуры района 4 «Псел» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 7. Памятники черняховской культуры района 5 «Ворскла – Орель» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 8. Памятники черняховской культуры участка «Нижняя Ворскла – Полузорье – Кустолова – Тагамлык – Коломак», относящегося к району 5 «Ворскла – Орель» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

Рис. Б. 4. 9. Памятники черняховской культуры района 6 «Северский Донец» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2): **I** – поселения, известные по разведкам, находки черняховской керамики, черняховская керамика на городищах доримского железного века; **II** – поселения, изучавшиеся раскопками; **III** – отдельные, случайно обнаруженные погребения – части могильников, случайные находки вещей из могильников; **IV** – могильники, изучавшиеся раскопками; **V** – черняховские погребения (погребения с черняховскими вещами) под курганной насыпью; **VI** – погребения, ошибочно отнесенные к черняховской культуре или принадлежность которых к ней вызывает сомнение.

Рис. Б. 4. 10. Топографическое положение памятников черняховской культуры (карта): Войтенки 1 (поселение и могильник) (1), Головино 1 (поселение: I, II, 7, 8; могильник: III, 6) (Обломский, 2001 – 2002, рис. 2) (2), поселение Хворостово 1 (3).

Рис. Б. 4. 11. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Халимоновка (1), Шлях 2 (2), Трофимовка (3), Мизяки (Бараново) 1 и 2 (4).

Рис. Б. 4. 12. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Новоберекское (1), Огульцы (2), Песчаное (Журко, 1990в, рис. 3) (3), Краснополье 1 (Журко, 1987, рис. 1) (4).

Рис. Б. 4. 13. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Великий Бобрик (Журко, 1988б, рис. 25) (1), Косовщина 1, 2 (Журко, 1987, рис. 1) (2), Валки 1 (3), Новый Мерчик (4).

Рис. Б. 4. 14. Наземные глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры: I – Артюховка, сооружение 1 (1) и очаги из него (2, 3) (Горюнов, Усова, 1974, рис. 73, 89); II – Максимовка (раскоп III) (Костюченко, 1959, табл. XIV); III – Кантемировка (2) (Махно, 1952, рис. 2).

Рис. Б. 4. 15. Наземные каркасно – глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры: Краснополье 1 (жилище 4) (1), Великий Бобрик (жилище № 5) (2) (Журко, 1988б, рис. 35, 36), Беседовка (ур. Белопольских) (3) (Махно, 1955б, рис. 4), Песчаное: жилища 1 (4) и 3 (5) (Журко, 1990в, рис. 12, 42); Колесники, постройка 1 (6), Халимоновка (7) (Любичев, 2005б, рис. 3); Войтенки, участок «А»: сооружение 3 (8), сооружение 5 (9).

Рис. Б. 4. 16. Наземные каркасно – столбовые сооружения на поселениях черняховской культуры: Войтенки 1, участок «В» (1), Барбара, постройка 1 (Башкатов, 2010б, рис. 3) (2), Головино 1, постройка 5 (Обломский, 2001 – 2002, рис. 3) (3).

Рис. Б. 4. 17. Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры: Краснополье, сооружения 1 (1), 2 (2), 3 (3) (Журко, 1987, рис. 3 – 5), Великий Бобрик, сооружения 1 (4), 4 (5), 3 (6) (Журко, 1988б, рис. 29, 33, 34).

Рис. Б. 4. 18. Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры: 1 – 10 – й Октябрь, сооружение 3 (Обломский, 2002, рис. 42); 2 –

Тимченки; 3 – Давыдовка; 4 – Войтенки 1, участок «А», сооружение 10; 5 – Войтенки, участок «В».

Рис. Б. 4. 19. Углубленные сооружения поселения черняховской культуры Хлопков 1: жилища 1 (1), 2 (2), 3 (3), 8 (4), 7 (5), 4 (6) (Некрасова, 1988, рис. 3: 1, 2; 4: 1, 2; 5: 5, 6).

Рис. Б. 4. 20. Углубленные сооружения второго и третьего горизонтов поселения Боромля 2: постройка 5 (1), жилище 7 (2), постройка 8 (3); постройки 9 (4), 2 (5) (Некрасова, 2006, рис. 22, 27, 30, 33, 35).

Рис. Б. 4. 21. Типы сооружений на поселениях черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи (карта): 1 – наземные каркасно – глинобитные; 2 – наземные каркасно – столбовые; 3 – углубленные; 4 – условные границы между районами; 5 – границы ареала культуры. Номера памятников на карте: *Район 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега»*: 13 – Градижск (ур. Круча); 20 – Жовнино (ур. Василенки); 29 – Максимовка; 36 – Новолиповское; 40 – Радуцковка; 79 – Соснова; 104 – Ерковцы; 142 – Хлопков 1; *Район 2 «Десна – Сейм»*: 4 – Липовка 1; 53 – Белополье 1; 68 – Пены 1, 2; 88 – Колосовка; 91 – 10 – й Октябрь; 93 – Снагость 2; *Район 3 «Сула»*: 31 – Беседовка; 36 – Артюховка 1; 50 – Коровинцы; 71 – Воскресенское 1; 74 – Гнидинцы 6; 106 – Давыдовка; *Район 4 «Псел»*: 6 – Гочево 3; 7 – Гочево 4; 9 – Дмитровка 3; 28 – Великий Бобрик; 72 – Мамрои 2; 79 – Песчаное; 87 – Василенки 4; 102, 103 – Косовщина 1, 2; 106 – Краснополье 1; *Район 5 «Ворскла – Орель»*: 13 – Вознесенский 1; 75 – Боромля 2; 120 – Кантемировка; 139 – Войтенки 1; 141 – Войтенки 2; *Район 6 «Северский Донец»*: 19 – Хохлово 2; 39 – Новоберекское; 44 – Колесники; 64 – Тимченки 2; 68 – Шлях 2; 86 – Халимоновка; 87 – Огульцы; 96 – Головино 1; 117 – Пересечное; 148 – Муром 6.

Рис. Б. 4. 22. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Тазово: сооружения 1 (1), 2 (2), 3 (3), 5 (4), 4 (5) (1 –

4 – Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 74; 5 – Сымонович, 1986, рис. 3).

Рис. Б. 4. 23. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Каменево 2: постройки 1 (1), 2 (2), 3 (3), 4 (4), 5 (5), 6 (6), 7 (7) (Сымонович, 2001 – 2002, рис. 4 – 6).

Рис. Б. 4. 24. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Песчаное (Белгородская обл.): жилища 1 (1), 2 (2), 4 (3) (1, 2 – Горюнов, 1981б, рис. 1; 3 – Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 30:1).

Рис. Б. 4. 25. Типы погребений – ингумаций в простых ямах (1 – 5) и в яме с заплечиками (6) на могильниках черняховской культуры региона: тип I вид 1 – Войтенки, п. 12 (1); тип I вид 2 – Боромля, п. 10 (Некрасова, 2006, рис. 6: 15) (3); тип II вид 1 – Войтенки, п. 37 (2), 34 (4); тип II вид 4 – Боромля, п. 36 (Некрасова, 2006, рис. 13: 7) (5); тип IV вид 2 – Боромля, п. 16 (Некрасова, 2006, рис. 8: 4) (6).

Рис. Б. 4. 26. Конструкция погребальных ям с подбоем (1, 2, 5) и простых ям с подбоем для инвентаря (3, 4) на могильниках: 1 – Компанийцы, п. 124; 2 – Боромля, п. 33; 3 – Боромля, п. 46; 4 – Компанийцы, п. 162; 5 – Успенка, п. 1631.(Некрасова, 2006, рис. 75: 1; 12: 1; 17: 1; 78: 1; 50: 4).

Рис. Б. 4. 27. Конструкция погребальных ям с подбоем на могильнике Войтенки: 1 – п. 41; 2 – п. 54; 3 – п. 66; 4 – п. 71; 5 – п. 86/1 и 86/2;

Рис. Б. 4. 28. Конструкция погребальных ям с подбоем (1, 2) и ям с заплечиками (3, 4) на могильнике Войтенки: 1 – п. 102; 2 – п. 112; 3 – погр.96; 4 – п. 100.

Рис. Б. 4. 29. Погребения – трупосожжения на могильниках черняховской культуры региона: тип I вид 1 (Войтенки, п. 24) (1); вид 2 (Войтенки, п. 2) (2), вид 3 (Войтенки, п. 5) (3); вид 4 (Войтенки, п. 39) (4); вид 4/1 (Компанийцы, п. 117) (5); вид 4/2 (Соснова, п. 624) (6); вид 5 (Компанийцы, п. 9) (7); вид 5/1 (Компанийцы, п. 86) (8); вид 6 (Компанийцы, п. 31) (9); вид 7 (Компанийцы, п. 45) (10); вид 8 (Компанийцы, п. 96) (11) (5, 7, 8, 9, 10, 11 – Некрасова, 2006,

рис. 73: 1; 58: 6; 71: 1; 62: 7; 64: 9; 70: 15; 6 – Сикорский, Махно, Бузян, 1985, табл. 8).

Рис. Б. 4. 30. Погребения – трупосожжения на могильниках черняховской культуры региона: тип II вид 2 (Войтенки, п. 52) (1); вид 3 (Компанийцы, п. 20) (2); вид 4 (Компанийцы, п. 7) (3); вид 5 (Компанийцы, п. 72) (4); вид 6 (Компанийцы, п. 164) (5) (3, 4, 5, 6 – Некрасова, 2006, рис. 60: 12; 57: 19; 68: 11; 79: 1).

Рис. Б. 5. 1. I – Украшения круга «выемчатых эмалей», происходящие из раскопок: 1 – 5 – Картамышево 2 (1 – яма 24; 2, 4 – жил. 8; 3 – слой; 5 – яма 7); 6 – 8 – Гочево 1 (постройка 4); 9 – Осиповка (Пляж) (слой) (1 – 5 – Горюнова, 2004, рис. 5: 1, 7, 14, 16, 20); 6 – 8 – Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 4: 1, 2, 3; 9 – Телегін, Беляева, 1975, рис. 2: 20); **II** – бронзовые фибулы римского времени из случайных находок на поверхности: 1 – Мизяки (Голубев, 2005); 2 – Сноповое (Гейко, 2000, рис. 1); 3, 4 – Ковалевка (Сапегін, 1998; 2000, рис. 1).

Рис. Б. 5. 2. Распространение фибул группы VII O. Альмгрена, Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1), типа Войтенки, фибул Альмгрена 157 (Амброз 15, 3, 1) в днепро – донецкой лесостепи (карта). Условные обозначения: фибулы группы VII O. Альмгрена: **I** – неслуховская серия; **II** – днепровская серии; **III** – особые формы; **IV** – заготовки фибул группы VII O. Альмгрена: 1 – Лепляво; 2 – Коврай; 3 – Градижск; 4 – Шевченки 5; 6 – Матяшев Яр 3; 7 – Сторожевое; 8 – Боромля 2; 9 – Новоселовка; 10 – Букреевка 2; 11 – Пены; 12 – Рязаново; 13 – Гочево 3; 14 – Головино 1; 15 – Родной Край 3; 16 – Большая Даниловка; 17 – Мартовая; 18 – Петровское; 19 – Завгороднее; 20 – Пасеки; 21 – Старые Валки; 22 – Войтенки 1 (участок А); 23 – Халимоновка; 24 – Бараново; 25 – Старый Мерчик; 26 – Огульцы; 27 – Рябухино; **V** – фибулы серии Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1): 1 – Хохлово 2; 2 – Хрущевая Никитовка; 22 – Войтенки 1 (участок А); **VI** – фибулы типа Войтенки: 1 – Хворостово; 2 – Коврай; 22 – Войтенки 1 (участок А); **VII** – фибулы

Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1): 1 – Родной Край 1; 2 – Саржин Яр (Харьков); 3 – Черкасская Лозовая; 20 – Пасеки; 22 – Войтенки 1 (участок А).

Рис. Б. 5. 3. Фибулы (1 – 30) и заготовки фибул (31) группы VII О. Альмгрена вне условно – закрытых комплексов (культурный слой, находки на поверхности): 1 – 7 – Коврай (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 4: 1 – 7); 8 – Градижск (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 2: 4); 9 – Шевченки 5 (Гейко, 1998б, с.170); 10 – Васильевка 3 (Щербань, 2000, рис. 2); 11 – Матяшев Яр 3 (Жаров, Терпиловський, 2006, рис. 5: 3); 12 – Сторожевое (Коваленко, Луговий, 2008, рис. 1); 13 – Боромля 2 (Некрасова, 2006, рис. 19: 2); 14 – Новоселовка (Обломский, 1991, рис. 3: 1); 15 – Пены (Радюш, 2008, рис. 3: 3); 16 – Рязаново (Радюш, 2008, рис. 3: 6); 17 – Гочево 3 (Горюнова, 1988, рис. 44: 8); 18 – Головино 1 (Обломский, 1991, рис. 3: 3); 19, 22 – Большая Даниловка (Зайцев, 1964, рис. 2: 5, 8); 20 – Мартовья (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 3: 4); 21 – Петровское (Сибилев, 1926, рис. 31: 7); 23 – Рябухино (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 3: 2); 24 – Завгороднее (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 3: 3); 25 – Халимоновка (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 14); 26 – Старый Мерчик (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 3: 1); 27, 28 – Старые Валки (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 3, 5); 29 – 31 – Пасеки (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 6, 13; VIII: 3).

Рис. Б. 5. 4. Фибулы группы VII Альмгрена (1 – 7, 9) их фрагменты (15) и заготовки (8) с поверхностями и слоя поселений Огульцы (1 – 9) и Войтенки 1 (участок «А») (10 – 15): 1, 2 – Любичев, 2008г, рис. 11: 2, 3; 3 – 8 – Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 16, 2, 18, 7; VIII: 1, 2; 9 – Любичев, Мызгин, Варачева, 2007, рис. 282: 5; 10 – 12 – Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 1, 10, 15; 13 – Любичев, 2008г, рис. 11: 1; 14 – Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 66: 1; 15 – Любичев, Мызгин, Варачева, 2010, рис. 85: 6.

Рис. Б. 5. 5. Фибулы группы VII О. Альмгрена в некоторых комплексах Центральной и Восточной Европы (карта): 1 – закрытые комплексы

Центральной Европы: 1 – Цецеле; 2 – Пруц Гданьский; 3 – Любовидз; 4 – Неданово; 5 – Гостков; 6 – Хорула; 7 – Очков; 8 – Опатов; 9 – Плотиште; 10 – Пнов; 11 – Притц; 12 – Спицымеж; 13 – Страже; 14 – Цетлинген; 15 – Дальхаузен; 16 – Кубиер; 17 – Удени; 18 – Масломенч; 19 – Гродек Надбужский; 20 – Вилленберг; 2 – условно – закрытые комплексы Центральной Европы: 21 – Бырладь Валя Сяке; 3 – закрытые комплексы Восточной Европы: 1 – Городище (отдельное погребение), 3 – Журавка (погребение 33); 8 – Ружичанка (погребения 13, 24), 10 – Чернелив – Русский (погребения 104, 111, 130); 4 – условно – закрытые комплексы Восточной Европы: 2 – Демьянов (жилище 4); 4 – Лепесовка (жилища 3, 8); 5 – Лука – Врублевецкая (жилища 1, 2); 6 – Незвиско (жилище 1); 7 – Рипнев 2 (жилище 22); 9 – Черепин (жилище 4); 11 – Боромля 2 (постройка 1, жилище 3); 12 – Родной Край 3 (жилище 1); 13 – Гочево 3 (постройка 1); 14 – Букреевка 2 (постройка 8); 5 – регионы Центральноевропейского Барбарикума: Прибалтийский (I) с подрегионами: междуречье Эльбы – Одера (1); междуречье Одера – Пассаржа/Западного Буга (2); Подунайский (II) с подрегионами: Подунайский западный (3); Подунайский восточный (4).

Рис. Б. 5. 6. I – фибулы «типа Войтенки» и их фрагменты с поверхности памятников: 1 – Войтенки 1, участок А (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 17); 2 – Хворостово (Варачева, 2008, рис. 8); 3 – Коврай (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 1: 8); **II** – фибулы Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1) (1, 2), Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) (3 – 6) и бронзовая пряжка (7) с поверхности (1 – 5) и слоя (6, 7) памятников в области днепро – донецкого водораздела: 1 – Войтенки 1, участок А (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. IV: 1); 2 – Хрущевая Никитовка; 3 – Черкасская Лозовая (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 2); 4 – Саржин Яр (Харьков) (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 3); 5 – Пасеки (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 4); 6 – Родной Край 1 (Обломский, 2002, рис. 49: 1); 7 – Головино 1 (Обломский, 2002, рис. 51: 39).

Рис. Б. 5. 7. Изучавшиеся раскопками могильники и поселения черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи, материалы которых использованы для определения хронологии культуры в регионе (карта): **I** – могильники подвергнутые корреляции: 1 – Компанийцы; 2 – Успенка; 3 – Боромля 1; 4 – Войтенки; **II** – могильники с небольшим числом погребений, содержащих несколько ХИ (хроноиндикаторов) и отдельные погребения с набором ХИ: 5 – Сумы – Сад; 6 – Родной Край 1; 7 – Соколово 2; 8 – Гречаники; 9 – Глубокое; 10 – Соснова; 11 – Пересечное; 12 – Лохвица; 13 – Переяслав – Хмельницкий; 14 – Жовнин (ур. Пристань, Биленковы Бурты); 15 – Великий Самбор; **III** – подкурганые погребения финала позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов с набором ХИ: 16 – Кантемировка; 17 – Моспинская; 18 – Воронцовка; 19 – Орлик (Яремовка); 20 – Дмухайловка; **IV** – поселения только с находками амфор: 1 – Ново – Липовское; 2 – Максимовка; 3 – Радуцковка; 8 – Беседовка; 9 – Косовщина; 12 – Песчаное; 13 – Колосовка; 21 – Халимоновка; 27 – Снагость 2; 28 – Новоберекская; 29 – Барбара; 30 – Грабаровка; 31 – Давыдовка; 32 – Великий Бобрик; 33 – Краснополье 1; 34 – Головино 1; **V** – поселения с хроноиндикаторами первого уровня и находками амфор: 4 – Ерковцы; 5 – Хлопков 1; 6 – Соснова; 7 – Артюховка; 9 – Воскресенское 1; 11 – Головчино; 14 – Хохлово 2; 15 – Дмитровка 3; 16 – Боромля 2; 17 – Мамрои 2; 18 – Гочево 3, 4; 19 – Огульцы; 20 – Шлях 2; 22 – Войтенки 1; 23 – Лозовая 2; 24 – Колесники; 25 – Тимченки; 26 – Пересечное; **VI** – граница степи – лесостепи.

Рис. Б. 5. 8. Хроноиндикаторы первого уровня – стеклянные сосуды: *XII 01/1* (1 – Сумы – Сад, п. 1); *XII 01/2* (2 – Войтенки, п. 86/2); *XII 01/3* (3 – Переяслав – Хмельницкий, п. 5); *XII 02* (4 – Войтенки, п. 96; 5 – Войтенки, п. 101); *XII 03* (6 – Войтенки, п. 102; 7 – Дмухайловка, кург.13); *XII 04* (8 – Войтенки, п. 102); *XII 05/1* (9 – Великий Самбор); *XII 05/2* (10 – Переяслав – Хмельницкий, п. 2); *XII 06* (11 – Переяслав – Хмельницкий, п. 4); *XII 07* (12 – Войтенки, п. 117).

Рис. Б. 5. 9. Хроноиндикаторы первого уровня – фибулы: *XII 10/1*(1 – Войтенки, п. 38; 2 – Войтенки, п. 68; 3 – Боромля, п. 33); *XII 10/2* (4 – Войтенки, п. 75; 5 – Войтенки, п. 86/1; 6 – Боромля, п. 13); *XII 10/3* (7 – Войтенки, п. 41; 8 – Боромля, п. 45; 9 – Боромля, п. 11 – Войтенки, п. 101); *XII 11*(10 – Войтенки, п. 96; 11) *XII 12* (12 – Компанийцы, п. 8; 13 – Войтенки, п. 114) *XII 13/1*(14 – Боромля, п. 4; 15 – Компанийцы, п. 86; 16 – Успенка, п. 137); *XII 13/2*(17 – Сумы – Сад, п.5) *XII 14* (18 – Боромля, п. 7; 19 – Успенка, п. 1654) *XII 16* (20, 21 – Компанийцы, п. 2).

Рис. Б. 5. 10. Хроноиндикаторы первого уровня – пряжки и детали поясной гарнитуры: *XII 20/1*(1 – Войтенки, п. 64; 2 – Войтенки, п. 96; 3 – Войтенки, п. 41; 4 – Войтенки, п. 58; 5 – Компанийцы, п.55; 6 – Компанийцы, п.69); *XII 20/2* (7 – Войтенки, п.117); *XII 21* (8 – Войтенки, п. 64; 9 – Войтенки, п. 92); *XII 22/1* (10 – Успенка, п. 1619); *XII 22/2* (11 – Боромля, п. 4); *XII 23* (12 – Войтенки, п. 112; 13 – Боромля, п. 24); *XII 24* (14 – Войтенки, п. 93; 15 – Боромля, п. 30); *XII 25* (16 – Боромля, п. 45; 17 – Успенка, п. 1655); *XII 26* (18 – Компанийцы, п. 1; 19 – Компанийцы, п. 122); *XII 27* (20 – Кантемировка, кург.3; 21 – Орлик); *XII 29* (22 – Кантемировка, кург. 1).

Рис. Б. 5. 11. Хроноиндикаторы первого уровня – роговые гребни: *XII 30* (1 – Войтенки, п. 28; 2 – Боромля, п. 33); *XII 31/1* (3 – Войтенки, п. 70; 4 – Боромля, п. 4; 5 – Компанийцы, п. 71); *XII 31/2* (6 – Войтенки, п. 68); *XII 32/1* (7 – Войтенки, п. 55); *XII 32/2* (8 – Войтенки, п. 117); *XII 33/1* (9 – Войтенки, п. 41; 10 – Войтенки, п. 58; 11 – Компанийцы, п. 162); *XII 33/2* (12 – Успенка, п. 137); *XII 34/1* (13 – Войтенки, п. 51; 14 – Успенка, п. 1647); *XII 34/2* (16 – Успенка, п. 1654); *XII 35*(16 – Войтенки, п. 101; 17 – Войтенки, п.23); *XII 36*(18 – Войтенки, п. 54); *XII 37* (20 – Войтенки, п. 96).

Рис. Б. 5. 12. Хроноиндикаторы первого уровня, предметы вооружения и снаряжения всадника: *XII 40/1* – шпоры типа Nakensprogen (1 – Переяслав – Хмельницкий, п. 5); *XII 40/2* – шпоры типа Nietknopfsprogen (2 – Войтенки, п. 114); *XII 41/1* – железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (3 – Войтенки, п. 24); *XII 41/2* – железные черешковые листовидные наконечники

стрел (4 – Переяслав – Хмельницкий, п. 5); XII 42 – железный меч; XII 43 – железный топор; XII 44 – железные наконечники копий; XII 45 – железный умбон; XII 46 – ручка щита; XII 48 – железные удила; XII 49 – части збруи; XII 86/2 – металлические части деревянного ведра (5 – 13 – Компанийцы, п. 86).

Рис. Б. 5. 13. Хроноиндикаторы второго уровня: подвески из раковин морских моллюсков – XII 61 (1 – Войтенки, п. 112; 2 – Войтенки, п. 41; 3 – Войтенки, п. 111); металлические подвески: XII 62/1 – (4, 5 – Войтенки, п. 26; 6 – Войтенки, п. 42); XII 62/2 – (7 – 9 – Войтенки, п. 96; 10, 11 – Войтенки п. 50); XII 63 – (12 – Войтенки, п. 42); XII 64 – (13 – Войтенки, п. 41); XII 70 – костяные пирамидальные подвески (14 – 15 – Войтенки, п. 52); подвески из основания оленьего рога – XII 71 (16 – Войтенки, п. 111); подвески из клыка – XII 72 (17 – Войтенки, п. 86/1); костяная «проколка» («стилос») – XII 74 (18 – Войтенки, п. 86/1); костяной игольник – XII 75 (19 – Войтенки, п. 112); клюковидные булавки – XII 76 (20 – Войтенки, п. 42); бронзовые иглы с ушком – XII 77 (21 – Войтенки, п. 96); бронзовые «пинцеты» – заколки – XII 78 (22 – Войтенки, п. 107); бронзовые проволочные «перстни» – подвески с бусинами – XII 79 (23 – Войтенки, п. 46); бронзовые шилья – XII 84 (24 – Войтенки, п. 38).

Рис. Б. 5. 14. Хроноиндикаторы второго уровня – лепная (1 – 7) и гончарная (8 – 13) керамика: 1 – Войтенки, п.51; 2 – Войтенки, п.54; 3 – Компанийцы, п.86; 4 – Компанийцы, п.115; 5 – Компанийцы, п.95; 6 – Родной Край 1, п.1; 7 – Компанийцы, п.41; 8, 9 – Боромля, п.4; 10 – Войтенки, п.42; 11 – Войтенки, п. 32; 12 – Боромля, п.24; 13 – Войтенки, п. 41.

Рис. Б. 5. 15. Хроноиндикаторы второго уровня – гончарная керамика: XII 99 – 115:1 – Войтенки, п. 54, 2 – Войтенки, п. 86/1; 3 – Боромля, п.4; 4 – Войтенки, п. 41; 5 – Войтенки, п. 86/1; 6 – Боромля, п.29; 7 – Войтенки, п. 32; 8 – Войтенки, п. 23; 9 – Войтенки, п. 97; 10 – Сумы – Сад, п.10; 11 – Компанийцы, п.1; 12 – Войтенки, п. 86/1; 13 – Сумы – Сад, п.1; 14 – п. 41; 15 – Войтенки, п. 93; 16 – Войтенки, п. 54; 17 – Войтенки, п.126; 18 – Войтенки,

п. 41; 19 – Войтенки, п. 58; 20 – Жовнин/Биленковы Бурты, п.1/1961; 21 – Войтенки, п. 48.

Рис. Б. 5. 16. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: **I** – п. 1; **II** – п. 122; **III** – п. 2; **IV** – п. 82 (Некрасова, 2006, рис. 57: 1 – 10; 58: 1 – 5; 70: 1 – 4; 74: 4 – 12).

Рис. Б. 5. 17. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: **I** – п. 83; **II** – п. 51; **III** – п. 71 (Некрасова, 2006, рис. 70: 5 – 11; 65: 4 – 8; 68: 1 – 6, 8 – 10).

Рис. Б. 5. 18. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: **I** – п. 86; **II** – п. 109; **III** – п. 118 (Некрасова, 2006, рис. 71; 72: 5 – 7; 73: 10 – 15; 75: 1 – 8); **IV** – инвентарь погребения 124 могильника Компанийцы.

Рис. Б. 5. 19. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: **I** – п. 162; **II** – п. 174; **III** – п. 224; **IV** – п. 8; **V** – п. 55; **VI** – п. 69 (Некрасова, 2006, рис. 59: 6 – 11; 65: 9 – 12; 67: 11 – 13; 77: 10 – 16; 78; 83: 1 – 5).

Рис. Б. 5. 20. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: **I** – п. 1215; **II** – п. 1216; **III** – п. 1659; **IV** – п. 137 (Некрасова, 2006, рис. 45, 46: 15 – 20; 47: 1 – 12; 54).

Рис. Б. 5. 21. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: **I** – п. 1619; **II** – п. 1631; **III** – п. 1647 (Некрасова, 2006, рис. 49; рис. 50: 4 – 15; 52).

Рис. Б. 5. 22. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: **I** – п. 1654; **II** – п. 1308; **III** – п. 1655; **IV** – п. 1367 (Некрасова, 2006, рис. 47: 13 – 20; 48; 51: 13 – 24; 53).

Рис. Б. 5. 23. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: **I** – погр.7; **II** – п. 11; **III** – п. 46; **IV** – п. 2; **V** – п. 13 (Некрасова, 2006, рис. 3: 4 – 9; 5: 12 – 20; 7: 1 – 14, 15 – 24; 17).

Рис. Б. 5. 24. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: **I** – п. 4; **II** – п. 24; **III** – п. 30; **IV** – п. 33 (Некрасова, 2006, рис. 4; 9: 6 – 28; 11: 6 – 14; 12).

Рис. Б. 5. 25. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: **I** – п. 39; **II** – п. 44; **III** – п. 45 (Некрасова, 2006, рис. 14; 15: 6 – 11; 16: 1 – 10).

Рис. Б. 5. 26. Могильник Войтенки: **I** – п. 86/1 могильника Войтенки (1, 2), его инвентарь (5 – 24); **II** – п. 86/2 могильника Войтенки (1, 2), его инвентарь (3 – 5); **III** – п. 93: инвентарь; **IV** – п. 92: инвентарь; **V** – п. 94: инвентарь.

Рис. Б. 5. 27. Могильник Войтенки: **I** – п. 32: инвентарь; **II** – п. 41 и его инвентарь; **III** – п. 52: инвентарь; **IV** – п. 54 и его инвентарь.

Рис. Б. 5. 28. Могильник Войтенки: **I** – инвентарь п. 101:инвентарь; **II** – п. 96 и его инвентарь.

Рис. Б. 5. 29. Могильник Войтенки: **I** – п. 102: инвентарь; **II** – п. 111:инвентарь; **III** – п. 112 и его инвентарь.

Рис. Б. 5. 30. Инвентарь погребений могильника Войтенки: **I** – п. 55; **II** – п. 58; **III** – п. 68; **IV** – п. 64; **V** – п. 70.

Рис. Б. 5. 31. Инвентарь погребений могильника Войтенки (индивидуальные находки): **I** – погр.117; **II** – погр.121; **III** – погр.122; **IV** – погр.123.

Рис. Б. 5. 32. Инвентарь погребений могильника Войтенки (индивидуальные находки): **I** – погр.124; **II** – погр.125; **III** – погр.126; **IV** – погр.127; **V** – погр.129.

Рис. Б. 5. 33. Размещение погребений различных фаз на могильнике Компанийцы.

Рис. Б. 5. 34. Размещение погребений различных фаз на могильнике Успенка.

Рис. Б. 5. 35. Размещение погребений различных фаз на могильнике Боромля.

Рис. Б. 5. 36. Размещение погребений различных фаз на могильнике Войтенки.

Рис. Б. 5. 37. Хроноиндикаторы фаз могильника Компанийцы: 1, 9 - п.2;2, 5, 8, 9, 12 -15 – п.1;3, 10, 11, 16, 17 – п.8;4, 6, 18-20 – п.122;22, 23 – п.71;24, 66-78 – п.51; 25 – п.109; 26, 28, 34-39 – п.174; 27 – п.83;29 – п.69;30, 64, 65 – п.55;31-33, 41-63 – п.162;79, 90, 91 – п.82; 80-89 – п.86; 93, 94 – п.118; 95, 96 – п.224; 9 - 99 – п.124; 100-102 – п.218.

Рис. Б. 5. 38. Хроноиндикаторы фаз могильника Успенка:1, 2 – п.1216; 3, 4, 17-22 – п.1659; 5, 6, 9, 24, 25 – п.1215;7, 8 – п.1631; 10, 11, 26 - 32 – п.1655;12

– 15 – п.1216;33, 34, 38, 39, 45 - 54 – п.1654; 35 – 37, 40 - 42 – п.137;57, 58, 60, 64, 65, 87 - 95 – п.1647;59, 78 - 86 – п.1619;62, 63, 67 - 74 – п.1308; 63 – п.1367.

Рис. Б. 5. 39. Хроноиндикаторы фаз могильника Боромля 1: 1, 4, 7, 11 – 22 – п.24; 2, 5, 6, 8 – 10 – п.33;3 – п.2;23, 24, 34 – 43 – п.11;25, 31 – 33 – п.13;26, 27, 29, 30 – п.4; 28, 45 - 48 – п.30;49, 50, 70 - 72 – п.44;51, 52, 57, 66 – 69 – п.45; 53, 56, 58 - 64 – п.46; 54, 55 – п.7.

Рис. Б. 5. 40. Хроноиндикаторы фаз могильника Войтенки: 1, 4 – 16 – п.94; 17, 18, 21 – 36 – п.86/1; 20 – п.68; 37, 45 – п.129;38, 43, 47, 60 – п.122; 46 – п.127; 40, 49, 66, 67, 70 – п.126; 39, 52, 53, 76 - 96 – п.127; 42, 68, 69, 97 – 102, 109 - 118 – п.111; 48, 51 – п.92;41, 44, 61, 119-128 – п.54;50, 54, 62, 103 - 107 – п.121; 55, 58 – п.58;56, 57, 63, 108 – п.125; 60, 65, 71, 72 – п.52; 64 – п.23; 73, 74 – п.129;75 – п.32;133-137, 139 – 141, 145 - 157 – п.41;158, 160, 188 – п.86/2;159, 167, 170, 182, 185, 214 - 216 – п.96; 161, 169, 168, 179, 187 – п.117; 162, 173, 176 – 181, 186, 222 – 237 - п. 101; 164, 217 – п.114; 163, 165, 189 - 200 – п.124;166, 171, 218 – 221 – п.64;172, 183, 184, 201 - 213 – п.102; 177, 180 – п.70;174, 178 – п.93.

Рис. Б. 5. 41. Инвентарь погребений могильника Сумы – Сад: **I** – № 1; **II** – № 3; **III** – № 5; **IV** – № 10 (Некрасова, 1985, рис. 1: 3 – 9; 2; 4; Гопкало, 2008, рис. 15; Schultze, 2009, abb. 2, 3).

Рис. Б. 5. 42. Инвентарь погребений могильников: **I** – Переяслав – Хмельницкий: п. 2 (1, 3 – 4 – Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 2 – 8, 16; 2 – Петраускас, 2009, рис. 7: 12); **II** – Переяслав – Хмельницкий: погр.4 (Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 9 – 15: II: 14 – 17, 19); **III** – Переяслав – Хмельницкий: погр.5 (Гончаров, Махно, 1957, табл. II: 1 13); **IV** – Переяслав – Хмельницкий: погр.1 (Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 1; II: 18); **V** – Сумы – Сад: погр.8 (Некрасова, 1985, рис. 3: 1, 5 – 7); **VI** – Сумы – Сад: погр.7 (Некрасова, 1985, рис. 2, 8 – 9).

Рис. Б. 5. 43. Инвентарь погребений могильника Родной Край 1: **I** – п. 3; **II** – п. 9; **III** – п. 14; и могильника Соколово 2: **IV** – п. 1 (Петренко, 1991, рис.5, 8, 10, 13).

Рис. Б. 5. 44. Инвентарь погребений: **I** – п. 1/1961 могильника Жовнин (ур. Биленковы Бурты) (Петраускас, Цындровская, 2002, рис. 1); **II** – п. 18 могильника Жовнин (ур. Пристань) (Петраускас, Цындровская, 2002, рис. 12); **III** – п. 26 могильника Жовнин (ур. Пристань) (Рутковская, 1979, рис. 10); **IV** – п. 1 могильника Глубокое (1, 2 – рисунки И.О.Гавритухина; 3 – 5 – Любичев, 2002, рис. 1: 3 – 5).

Рис. Б. 5. 45. Погребения 466 (**I**) и 230 (**II**) могильника Соснова и их инвентарь (Сикорский, Махно, Бузян, 1979, рис.12, 15:15; 1982, табл.1;).

Рис. Б. 5. 46. Погребение 245 могильника Соснова (1) и его инвентарь (2 – 40) (Сикорский, Махно, Бузян, 1979, рис.14,15:7 – 25).

Рис. Б. 5. 47. Инвентарь подкурганых погребений: **I** – п. 5 кург. 2 возле Лавриковки: 1 – 3 – бронза; 4 – глина; 5, 7 – 9 – кость; 6 – раковина моллюска; 10 – 13 – янтарь; 14, 15 – коралл; 16 – 25 – стекло; 26 – серебро; 27 – 36 – сердолик; 37 – 40, 42 – 47 – гончарная керамика; 41 – лепная керамика (Супруненко, Лямкин, Сидоренко, 2011, рис. 2 – 5); **II** – кург. 1 Кантемировка (Рудинський, 1930, табл. I, рис. 4 – 7; табл. II, рис. 8; Обломский, 2002, рис. 91).

Рис. Б. 5. 48. Инвентарь погребений: **I** – кург. 3 Кантемировка (Рудинський, 1930, рис. 12, 13; Обломский, 2002, рис. 92); **II** – возле Воронцовки (Луцкевич, 1948, табл. 1; Обломский, 2002, рис. 93: 9, 10); **III** – Орлик (Яремовка) (Обломский, 2002, рис. 93: 11 – 15); **IV** – кург. 13 возле Дмухайловки (Симоненко, 2001, рис. 8: 10, 12, 14); **V** – п. 1 кург. 1 у шахты Моспинской (Обломский, 2002, рис. 93: 2 – 8).

Рис. Б. 5. 49. Хроноиндикаторы фаз (горизонтов) черняховских грунтовых могильников региона, не подвергавшимся корреляции и подкурганых погребений днепро – донецкой лесостепи - прилегающей полосы степи начала эпохи Великого переселения народов: 1, 2 – п.230 Сосновы; 3- п.

Великий Самбор; 4 – п.18 Жовнина/Пристань; 5, 6, 7 - 14 – п. 2 Переяслав – Хмельницкого; 15, 16, 22, 29, 30, 59 - 68 – п.2, к.2 Лавриковка; 19, 20 – п.8 Сумы – Сада; 17, 21, 27 – п.10 Сумы – Сада; 23 – п. 1 Переяслав – Хмельницкого; 24, 33 – п. 4 Переяслав – Хмельницкого; 18, 26, 31, 36 - 43 – п. 5 Переяслав – Хмельницкого; 32 – п.1/1961 Жовнина/Биленковы Бурты; 34 – п.3 Сумы – Сада; 35, 44 - 58 – п.1 Сумы – Сада; 69, 78, 81, 95 - 97 – п. у шахты Моспинской; 70, 76 - п.1 Глубокого; 71, 89, 93, 94 – п.5 Сумы – Сада; 72, 74 – п.26 Жовнина/Пристани; 73, 92 – п.3 Родного Края; 75, 88, 90 – п. в кург.13 Дмухайловки; 77 – 80, 82 – 85, 90, 102 - 111 – п. в кург. 1 Кантемировка; 91 – п.14 Родного Края; 98 – 101 – п.1 Соколово 2; 112, 113, 118, 119 – п. у Яремовки (Орлика); 114, 115, 116, 117, 120 – 124 – п. в кург 3 Кантемировка.

Рис. Б. 5. 50. Датирующие вещи из участков «А» (I) и «В» (II) поселения Войтенки 1: I – участок «А»: 1 – 10, 12 – 19 – слой; 11 – очаг 1 (Любичев, Мызгин, Варачева, 2006, рис. 73; 86; 2008, рис. 63: 1; 62: 2; 60: 2, 4; 58: 1; 2010, рис. 85: 7, 12, 14; 2011, рис. 111: 4; 109: 1 – 4). 1, 2, 14, 15 – стекло; 3, 4, 6 – 13, 15 – 19 – бронза; 7 – кость; II – участок «В»: 1, 2 – каркасное сооружение 1; 3, 4 – полуземлянка 1; 5 – 11 – слой (Любичев, 2006, рис. 8: 1, 2; 11: 1, 3; Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 101); 1, 5, 6 – стекло; 2, 4, 7, 8, 10, 11 – бронза; 3 – кость; 9 – железо.

Рис. Б. 5. 51. Датирующие вещи из поселений черняховской культуры (I) и группы Каменево 2 – Комаровка 2 (II). I – Хлопков 1 (1 – 5, 7 – слой; 6 – яма 4), Лозовая 2 (8 – яма 4; 9 – яма 9; 10 – слой), Тимченки (11 – слой) (1 – 7 – Баран, Некрасова, 1983, табл. III: 5; Некрасова, 1988, рис. 7: 4 – 9; 8 – 10 – Скирда, 2000, рис. 2; Скирда, 2002, рис. 1: 1; 11 – Любичев, 1999, рис. 17: 5); 1, 2, 11 – стекло; 3 – 9 – бронза; 10 – глина. II – Каменево 2 (1, 2 – постр. II); Каменево 2 (3, 4 – постр. III); Каменево 2 (5, 6, 7 – постр. VII); Каменево 2 (8 – яма 65); Песчаное (Белгородская обл.) (9 – жил. 1); Тазово (10, 11 – соор. 4); (10, 11 – Сымонович, 1986, рис. 4: 9, 12; 9 – Горюнов, 1981б, рис. 2: 20; 2 – 5,

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 – Симонович, 2001 – 2002, рис. 4: 8, 9; 5: 1, 4; 6: 6 – 8, 19); 1, 2, 4 – 6, 9 – железо; 3, 7, 11 – бронза; 8 – стекло, 10 – кость.

Рис. Б. 6. 1. «Праславянская» культурная провинция на ступенях В1 – С1а (карта): 1 – ареалы зубрицкой и постзарубинецких групп; 2 – эпонимные памятники: 1 – Зубра; 2 – Рахны; 3 – Лютеж; 4 – Почеп; 5 – Картамышево 2; 6 – Терновка 2; 7 – Грини; 8 – Шапкино 1, 2; 3 – памятники типа Грини; 4 – памятники типа Шишино 5 – Шмырево; 5 – памятники киевской культуры ранней фазы в Подесенье и Среднем Поднепровье: 1 – Гребля, 2 – Попово – Лежачи, 3 – Казаровичи, 4 – Сушки 2; ПК – пшеворская культура, ЛК – липецкая культура, КШК – культура шнуровой керамики, ДДК – днепродвинская культура, ДК – дьяковская культура, ПС – памятники сарматов.

Рис. Б. 6. 2. Близкие формы керамики из постзарубинецких-раннекиевских и сарматских памятников: **I** – слабопрофилированные горшки из постзарубинецких – раннекиевских памятников (1, 6 – 9) и сарматских могильников Подонья (2 – 6) (Обломский, Томашевич, 1993, рис. 1); **II** – горшки сарматского вида из постзарубинецкого поселения Терновка 2 (1 – яма 2) и раннекиевского поселения Шишино 5 (2 – раскоп 1, слой; 3 – раскоп 1, сооружение 2; 4 – раскоп 3, яма 5) (Обломский, Томашевич 1993, рис. 2: 12 – 15); **III** – лепные остросереберные миски из погребений сарматского времени лесостепного Подонья (Медведев, 1993, рис. 2); **IV** – лощенные миски из постзарубинецких и раннекиевских поселений Северского Донца (Обломский, Томашевич, 1993, рис. 2: 1 – 11).

Рис. Б. 6. 3. «Праславянская» культурная провинция на ступенях С_{1в} – С₂: **1** – памятники киевской культуры Среднего Поднепровья (карта): 1 – Новые Безрадици, 2 – Хлепча, 3 – Глеваха, 4 – Бортниччи, 5 – Обухов 3, 6 – Белгородка; **2** – памятники киевской культуры Подесенья: 1 – Деснянка, 2 – Мена, 3 – Киреевка 2, 4 – Лавриков Лес, 5 – Верхнестриженское, 6 – Форостовичи; **3** – памятники горизонта Боромля: 1 – Букреевка 2, 2 – Родной Край 3; 3 – Боромля 2 (нижний горизонт), 4 – Головино 1 (нижний горизонт позднеримского времени), 5 – Гочево 3; 6 – Гочево 4, 7 – Войтенки 1

(нижний горизонт участка А), 8 – Огульцы (нижний горизонт), 9 – Тазово; 4 – памятники типа Демьянов – Черепин: 1 – Куропатники, 2 – Бовшев 2; 3 – Рипнев 2; 4 – Черепин, 5 – Демьянов 2; 5 – памятники типа Седелки – Каширка: 1 – Каширки 2; 2 – Седелки, 3 – Писарево, 4 – Мухино 2; 5 – Ксизово 17; 6 – Яблоново 1; 7 – Верхнее Турово, 8 – Малая Трещевка 1, 2; 9 – Кытино 3; 10 – Лощина 1; 6 – черняховские погребения ступеней $C_{1b} - C_2$: 1 – Данчены, 2 – Ханска – Лутэрия, 3 – Косаново, 4 – Гавриловка, 5 – Оселивка, 6 – Завадовка, 7 – Черняхов, 8 – Ромашки, 9 – Раковец, 10 – Токи, 11 – Романковцы, 12 – Тодирень, 13 – Ново – Александровка, 14 – Козья – Яссы, 15 – Будешты, 16 – Тыргшор, 17 – Кринички, 18 – Привольное, 19 – Ружичанка, 20 – Журовка – Ольшанская, 21 – Чернелив – Русский, 22 – Бырладь Валя Сяке; 7 – памятники вельбаркской культуры: 1 – Деревянное, 2 – Викнины Великие, 3 – Дитиничи, 4 – Лепесовка, 5 – Баев 1, 6 – Ромош, 7 – Боратин, 8 – Загаи 2; 9 – Могиляны – Хмельник, 10 – Горка – Полонка 1; 8 – области «праславянской» культурной провинции: I – памятники типа Демьянов – Черепин, II – киевские памятники Среднего Поднепровья; III – киевские памятники Подесенья, IV – горизонт Боромля, V – памятники типа Седелки – Каширка; **ККК** – культура карпатских курганов, **ПК** – пшеворская культура, **ВК** – вельбаркская культура, **КШК** – культура шнуровой керамики, **БК** – банцеровская культура, **ТК** – тушемлинская культура, **МК** – мощинская культура.

Рис. Б. 6. 4. Распространение некоторых серий фибул группы VII О. Альмгрена в лесостепи Восточной Европы (карта): I – находки фибул, II – неслуховская серия, III – днепровская серия: 1 – Неслухов, 2 – Сокольники, 3 – Черепин, 4 – Рипнев, 5 – Псары, 6 – Демьянов, 7 – Незвиско, 8 – Городница, 9 – Чернелив – Русский, 10 – Токи, 11 – Жабинцы, 12 – Лука – Врублевецкая, 13 – Ружичанка, 14 – Вербичка, 15 – Лепесовка, 16 – Петрикивцы, 17 – Гаевое, 18 – Рогизна, 19 – Ионешень, 20 – Тодирень, 21 – Лецкань, 22 – Бирлад – Вале – Сяке, 23 – Василика, 24 – Ханска, 25 – Хуча, 26 – Данчены, 27 – Будешты, 28 – Малополовецкое, 29 – Триполье, 30 – Букрин, 31 –

Григоровка, 32 – Тростянец, 33 – Пекари, 34 – Михайловка, 35 – Хрещатик, 36 – Семигоры, 37 – Селище, 38 – Журовка – Ольшанская, 39 – Лепляво, 40 – Медведовка, 41 – Коврай, 42 – Градижск, 43 – Шевченки, 44 – Василевка, 45 – Боромля 2; 46 – Гочево 3; 47 – Новоселовка, 48 – Букреевка 2; 49 – Головино 1; 50 – Родной Край 3; 51 – Войтенки 1; 52 – Старый Мерчик, 53 – Старые Валки, 54 – Огульцы, 55 – Большая Даниловка, 56 – Мартовая, 57 – Рябухино, 58 – Пасеки, 59 – Завгороднее, 60 – Петровское (Гороховский, Гопкало, 2004, рис. 11; Баран, Гопкало, 2006, рис. 13), 61 – Пены, 62 – Рязаново (Радюш, 2008, рис. 3: 1, 6), 63 – Мухино 2 (Обломский, 2008, рис. 3: 3); **IV** – ареалы памятников типа Демьянов – Черепин, киевской культуры Среднего Поднепровья и Подесенья, горизонта Боромля.

Рис. Б. 6. 5. Культурная ситуация в регионе на ступенях С2/С3 – С3 (около 310/320 – 340/350 гг.) (карта): **I** – случаи перекрытия сооружений горизонта Боромля сооружениями черняховской культуры на поселениях горизонта Боромля/черняховской культуры: 1 – Гочево 3; 2 – Гочево 4; 3 – Песчаное (Сумская обл.); 4 – Войтенки 1, участок «А»; **II** – совместные находки хроноиндикаторов ступени С2 и ступеней С3 – D1 в слое и на поверхности поселений, а также находки хроноиндикаторов ступени С2 вблизи остатков наземных каркасно – глинобитных сооружений: 1 – Беседовка; 2 – Боромля 2; 3 – Огульцы; 4 – Головино 1; 5 – Шевченки 5; 6 – Новоселовка; 7 – Букреевка 2; 8 – Пены 3; 9 – Пасеки; 10 – Старые Валки; 11 – Халимоновка; 12 – Бараново (Мизяки); 13 – Рябухино; 14 – 10 – й Октябрь; 15 – Гочево 2; **III** – находки фибул группы VII О. Альмгрена: 1 – Лепляво; 2 – Коврай; 3 – Градижск; 4 – Матяшев Яр 3; 5 – Сторожевое; 6 – Рязаново; 7 – Родной Край 3; 8 – Большая Даниловка; 9 – Мартовая; 10 – Петровское; 11 – Завгороднее; 12 – Старый Мерчик; 13 – Васильевка 3; **IV** – погребения на могильниках черняховской культуры этого периода: 1 – Соснова; 2 – Компанийцы; 3 – Успенка; 4 – Боромля 1; 5 – Войтенки 1; 6 – Сумы – Сад; 7 – Великий Самбор; 8 – Переяслав – Хмельницкий; 9 – Жовнин/Пристань; 10 – Головино 1; **V** – поселения черняховской культуры: 1 – Песчаное (Сумская обл.); 2 –

Ерковцы; 3 – Мамрои 2; 4 – Головино 1; 5 – Боромля 2; 6 – Войтенки 1; **VI** – поселения киевской культуры Подесенья (1 – Малый Листвен; 2 – Деснянка; 3 – Мена; 4 – Киреевка 1; 5 – Киреевка 2; 6 – Лавриков Лес; 7 – Форостовичи; 8 – Салтыкова Девица; 9 – Куриловка) и Среднего Поднепровья (10 – Глеваха; 11 – Ходосовка; 12 – Новые Безрадици; 13 – Хлепча; 14 – Погребы; 15 – Бортнички; 16 – Обухов 2; 17 – Обухов 3; 18 – Обухов 7; 19 – Вишенки); **VII** – область распространения памятников типа Седелки – Каширка.

Рис. Б. 6. 6. Культурная ситуация в регионе на ступенях С3 – в начале D1 (около 340/350 – 370/380 гг.) (карта): **I** – поселения черняховской культуры: 1 – Ерковцы; 2 – Соснова; 3 – Хлопков 1; 4 – Хохлово 2; 5 – Артюховка; 6 – Боромля 2; 7 – Колесники; 8 – Тимченки; 9 – Войтенки 1; 10 – Великий Бобрин; 11 – Косовщина 1, 2; 12 – Краснополье 1; 13 – Песчаное (Сумская обл.); 14 – Головино 1; 15 – Пересечное; 16 – Мармыжи; 17 – Николаевка; 18 – Дичня; 19 – Глушково; 20 – Белополье 1; 21 – Новолиповское; 22 – Максимовка; 23 – Кантемировка; 24 – Дмитровка 3; 25 – Головчино; 26 – Гочево 3; 27 – Гочево 4; 28 – Огульцы; 29 – Шлях 2; 30 – Лозовая 2; 31 – Филиппова; 32 – Болваново; 33 – Раздолье; 34 – Халимоновка; 35 – Новоберекское; 36 – Муром 6, 7; 37 – Пены; 38 – Воскресенское; 39 – Дубина 1; **II** – погребения на могильниках черняховской культуры этого периода: 1 – Компанийцы; 2 – Успенка; 3 – Боромля 1; 4 – Войтенки 1; 5 – Сумы – Сад; 6 – Переяслав – Хмельницкий; 7 – Пересечное; 8 – Жовнин/Пристань; 9 – Жовнин/Биленковы Бурты; 10 – Родной Край 1; 11 – Соколово 2; 12 – Сумы; 13 – Головино 1; 14 – Шушваловский остров; 15 – Дубяги; 16 – Воронинцы; 17 – Дубина 1; 18 – Градижск; 19 – Воскресенское; 20 – Пены; 21 – Соснова; 22 – Лохвица; **III** – подкурганые погребения с черняховскими вещами: 1 – Воронцовка; 2 – Кантемировка; 3 – Дмухайловка; 4 – Лавриковка; 5 – шахта Моспинская; 6 – Сторожевое; 7 – Мечебелово; 8 – Иржево; **IV** – исследованные раскопками поселения киевской культуры Подесенья (1 – Малый Листвен; 2 – Верхнестриженское 2; 3 – Роище; 4 – Ульяновка; 5 – Киселевка 2; 6 – Киреевка 1; 7 – Форостовичи; 8 – Выбли 2; 9 – Салтыкова

Девица; 10 – Куриловка; 11 – Александровка 1) и Среднего Поднепровья (12 – Ходосовка; 13 – Мотовиловская Слободка; 14 – Обухов 2; 15 – Обухов 3; 16 – Обухов 7; 17 – Вишенки; 18 – Погребы); V – поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2: 1 – Тазово; 2 – Каменево 2; 3 – Песчаное (Белгородская обл.); 4 – Воробьевка 2; 5 – Комаровка 2.

Рис. Б. 6. 7. Северо – западные элементы на памятниках позднееримского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днепро – донецкой лесостепи (карта): I – керамика северо – западной традиции на селищах горизонта Боромля: 1 – Букреевка 2; 2 – Боромля 2; 3 – Головино 1; II – керамика северо – западной традиции на селищах черняховской культуры: 1 – Барбара; 2 – Дмитровка 3; 3 – Пены 3; 4 – Белополье; 5 – Цыбли; 6 – Максимовка; 7 – Новолиповское; 8 – Дубовое; 9 – Хохлово 2; 10 – Снагость 2; 11 – Мамраи; III – погребения – кремации с керамикой северо – западной традиции на могильниках черняховской культуры: 1 – Родной Край; 2 – Компанийцы; IV – погребения – ингумации с керамикой северо – западной традиции на могильниках черняховской культуры: IV – погребения – ингумации с керамикой северо – западной традиции на могильниках черняховской культуры: 1 – Родной Край 1; 2 – Компанийцы; V – типы 3, 4, 5, 9 погребений – кремаций (по О. В. Петраускасу) на могильниках черняховской культуры: 1 – Соснова; 2 – Компанийцы; VI – вторичное использование вещей северо – западного происхождения: 1 – могильник Войтенки, п. 41; VII – граница степи – лесостепи.

Рис. Б. 6. 8. Лепная кухонная керамика северо – западной традиции (I – V) и имеющая аналогии как в северо – западной так и в позднескифской/сарматской традициях (VI) из поселений черняховской культуры региона: I : 1, 2, 4, 10 – Барбара, 7, 8, 12, 14 – 16 – Дмитровка 3; 3, 6, 9, 11, 13 – Белополье; 5 – Цыбли, 17 – Новолиповское; II: 1, 2, 6, 9, 10 – Белополье, 3 – Дмитровка 3, 4, 8 – Барбара; III: 1, 3 – Белополье, 2 – Цыбли, 4, 5 – Барбара, 7 – Дубовое; IV: 1, 2 – Дмитровка 3; V: 1, 2 – Белополье, 3 – Дмитровка 3; VI: 1, 3, 7 – Хохлово 2, 2 – Кантемировка, 4 – 6, 8, 9 –

Белополье; Барбара, Дмитровка 3: Милашевський, 2011, рис. 3: 11, 16; 4: 1 – 6, 7, 11, 12; 5: 7 – 10; 6: 1; 3: 20; Белополье: Некрасова, Приймак, Белинская, 1992, рис. 4: 1 – 4; 7: 1, 2, 4, 7, 8; 11: 1, 2, 4 6; 7: 5; 11: 2, 3; 13: 1 – 3; Цыбли, Новолиповское: Дидык, 2005, рис. 2: 15, 17; Дубовое: Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 7: 8; Кантемировка: Обломський, 2002, рис. 58: 8; Хохлово 2 (Обломський, 2002, рис. 57: 1, 12, 13).

Рис. Б. 6. 9. Лепная столовая керамика северо – западной традиции из поселений (I, II, III) и могильников (IV, V, VI, VII, VIII, IX, X) черняховской культуры региона: **I** – Барбара (Милашевський, 2011, рис. 4: 8, 13, 1; 5: 1 – 6; 6: 2); **II**: 1 – Снагость 2, 2 – Колосовка; **III**: 1 – Снагость 2, 2 – Новолиповское (Кропоткін, Обломський, 1991, рис. 7: 6, 10, 11; Дидык, 2005, рис. 3: 6); **IV**: Компанийцы: 1 – п. 28, 2 – п. 173, 3 – п. 31, 4 – п. 39; **V**: Компанийцы: 1 – п. 40, 2 – п. 164, 3 – п. 117, 4 – п. 139, 5 – п. 11; **VI**: Компанийцы: 1 – п. 171, 2 – п. 40, 4 – п. 286 3 – Родной Край: п. 10 (Петренко, 1991, рис. 9: 4); **VII**: Компанийцы: 1, 2, 3 – п. 31; **VIII**: 1 – Замошанская Дюна: п. 1 (Липкинг, 1979, рис. 1: 3); **IX**: 1 – Родной Край: п. 3 (Петренко, 1991, рис. 5: 10), 2 – Соснова: п. 230 (Сикорский, Махно, Бузян, 1979, рис. 12: 11), 3 – Компанийцы: п. 31; **X**: Компанийцы 1 – погр.31, 2 – погр.164, 3 – погр.82 (Некрасова, 2006, рис. 58: 10; 62: 2, 9, 10, 11; 63: 4, 9, 11; 70: 3; 73: 6, 7; 76: 15, 20; 77: 5, 6; 79: 9, 17; 80: 7 83: 7).

Рис. Б. 6. 10. Лепная кухонная керамика северо – западной традиции (I, V) и имеющая также аналоги в позднескифской/сарматской (III), киевской (II, IV) традициях из могильников черняховской культуры региона: **I**: Компанийцы: 1 – п. 56, 2 – п. 115, 3 – п. 164, 4 – п. 56, 5, 7 – п. 122, 6 – п. 40, 8 – п. 59, 9 – п. 40; **II**: Компанийцы: 1 п. 82; **III**: Компанийцы: 1 – п. 117, 2 – п. 9; **IV**: Компанийцы: 1 – п. 56, 3 – п. 95, 2 – Родной Край, п. 1 (Петренко, 1991, рис. 4: 1); **V**: Компанийцы: 1 – п. 86, 2 – п. 128, 3 – п. 7, 4 – п. 139 (Некрасова, 2006, рис. 63: 7, 8; 65: 16; 66: 5 – 7; 74: 11, 12; 72: 12; 79: 14; 73: 5; 58: 7; 70: 4; 76: 16; 57: 21; 71: 8; 75: 13; 70: 14).

Рис. Б. 6. 11. Памятники черняховской культуры и подкурганные погребения с черняховскими вещами в днепро – донецкой лесостепи, имеющие элементы материальной культуры позднескифской/сарматской традиции (карта): **I** – черняховские грунтовые могильники: 1 – Переяслав – Хмельницкий, 2 – Лохвица, 3 – Кантемировка, 4 – Успенка; 5 – Боромля 1; 6 – Сумы – Сад, 7 – Войтенки 1; 8 – Родной Край 1; 9 – Компанийцы; **II** – подкурганные погребения: 1 – Кантемировка (к. 1, 2, 3); 2 – Дмухайловка (к. 13); 3 – Воронцовка; 4 – шахта Моспинская; 5 – Сторожевое (к. 2, 11); 6 – Иржево; 7 – Мечебелово; 8 – Лавриковка (к. 2, п. 5); **III** – поселения с находками фрагментов сосудов позднескифской/сарматской традиции; **IV** – граница степи и лесостепи.

Рис. Б. 6. 12. Лепные сосуды позднескифской/сарматской традиции из погребений могильников черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи: **I** – вид 1: 1 – Войтенки, п. 51; **II** – вид 2: 1 – Компанийцы, п. 55; 2 – гончарный горшок, по своему профилю и орнаменту возможно имитирующий лепной горшок: Сумы – Сад, п. 5; 3 – Компанийцы, п. 238; 4 – Родной Край 1, п. 14; 5 – Войтенки, п. 43; 6 – Компанийцы, п. 78; 7 – Родной Край 1, п. 12; 8 – Компанийцы, п. 162; 9 – Компанийцы, п. 83; 10 – Компанийцы, п. 118; 11 – Компанийцы, п. 56; 12, 13 – Компанийцы, п. 124; **III**: 1 – Компанийцы, п. 50; 2 – Компанийцы, п. 72; 3 – Компанийцы, п. 69; 4 – Компанийцы, п. 124; **IV**: 1 – Войтенки, п. 54; 2 – Компанийцы, п. 132; **V**: 1 – Компанийцы, п. 51; 2 – Компанийцы, п. 120 (II: 1, 3, 6, 8 – 13; III: 1 – 4; IV: 2; V: 1, 2 – Некрасова, 2006, рис. 65: 12; 81: 8; 69: 11; 75: 2, 3, 5; 78: 10; 73: 13; 70: 9; 66: 4; 65: 3; 68: 14; 67: 13; 76: 8; 70: 8; 65: 7; 73: 17; II: 2 – Некрасова, 1985, рис. 4: 20; II: 4, 7 – Петренко, 1991, рис. 9: 5; 10: 2; 20)

Рис. Б. 6. 13. Культурная ситуация в регионе на ступенях D1 – D2 (370/380 – 420/430 гг.) (карта): **I** – поселения черняховской культуры: 1 – Хлопков 1; 2 – Дмитровка 3; 3 – Войтенки 1; 4 – Соснова; 5 – Филиппова; 6 – Николаевка; **II** – погребения на могильниках черняховской культуры: 1 – Компанийцы; 2 – Успенка; 3 – Боромля 1; 4 – Войтенки 1; 5 – Переяслав – Хмельницкий; 6 –

Лохвица; 7 – Глубокое; 8 – Гречаники; 9 – Соснова; 10 – Дубина 1; 11 – Воскресенское 1; 12 – Градижск; 13 – Пены; 14 – Сумы – Сад; **III** – подкурганые погребения с черняховскими вещами, относящихся к этому периоду: 1 – Кантемировка; **IV** – поселения киевской культуры Подесенья: 1 – Верхнестриженское 2; 2 – Роище; 3 – Ульяновка; 4 – Киселевка 2; 5 – Выбли 2; 6 – Александровка 1; **V** – поселения группы Каменево 2 – Комаровка 2: 1 – Тазово; 2 – Каменево 2; 3 – Песчаное (Белгородская обл.); 4 – Воробьевка 2; 5 – Комаровка 2.

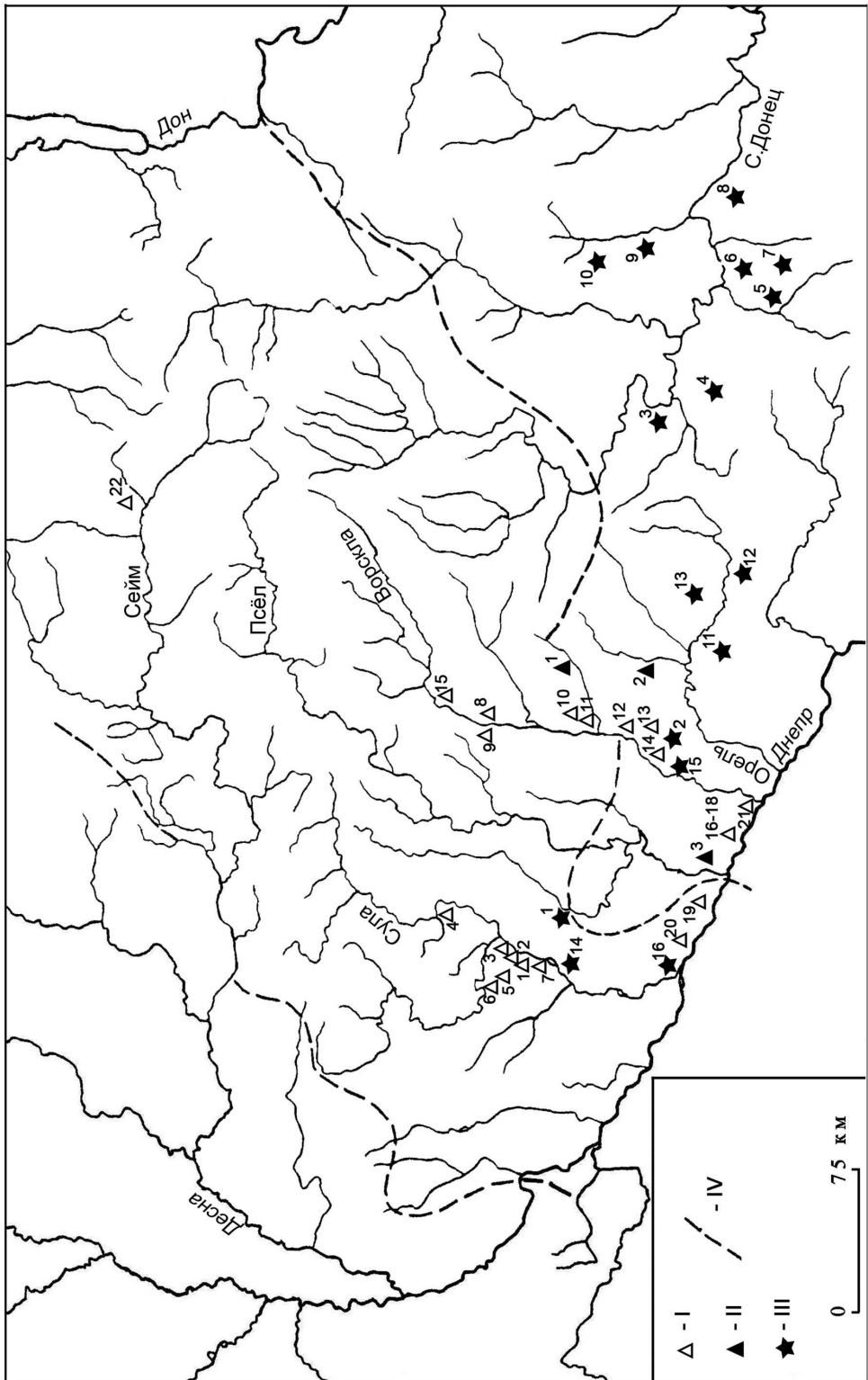

Рис. Б. 2. 1. Археологические памятники латенского времени в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи (карта).

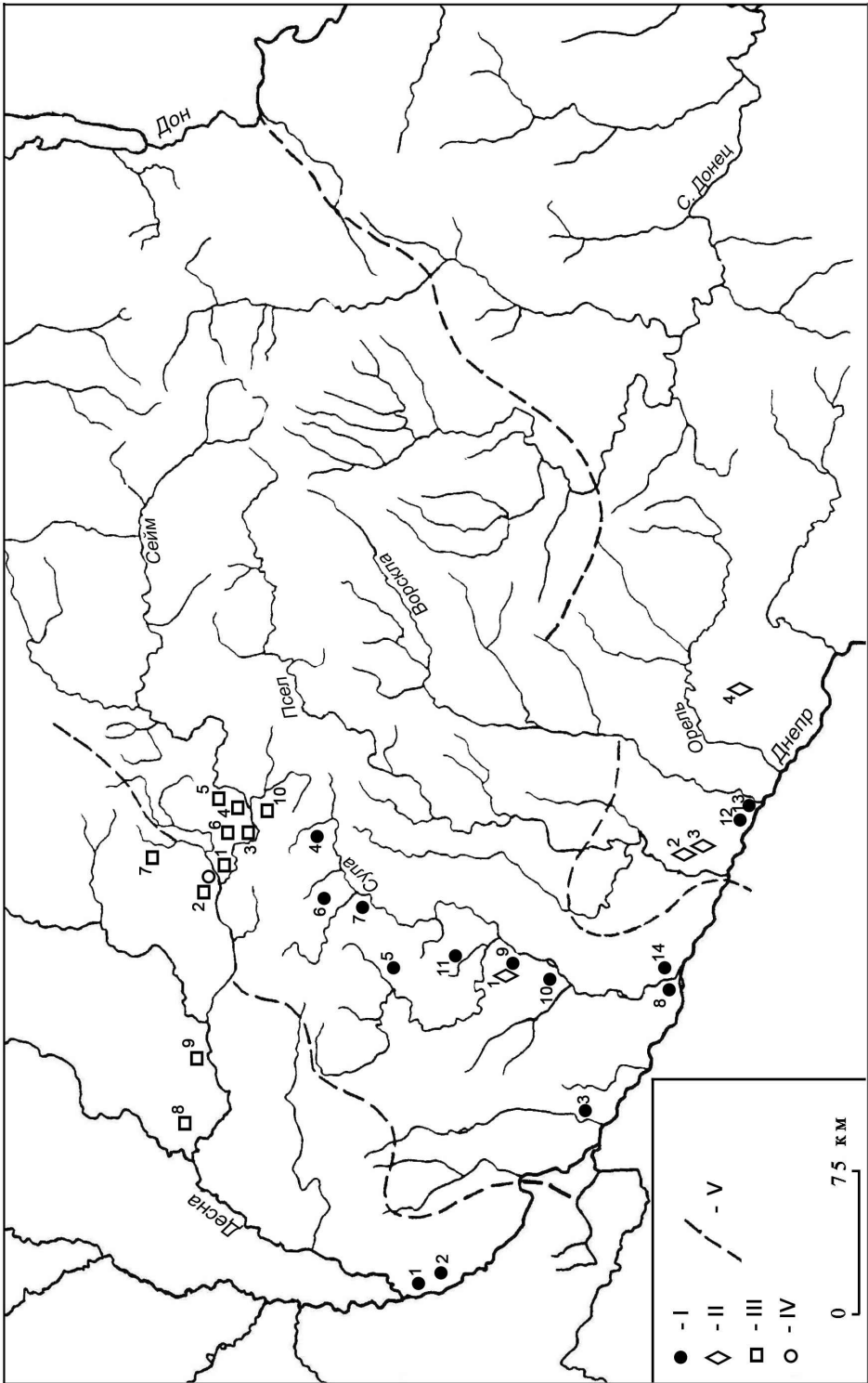

Рис. Б. 2. 2. Археологические памятники латенского времени в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи (карта).

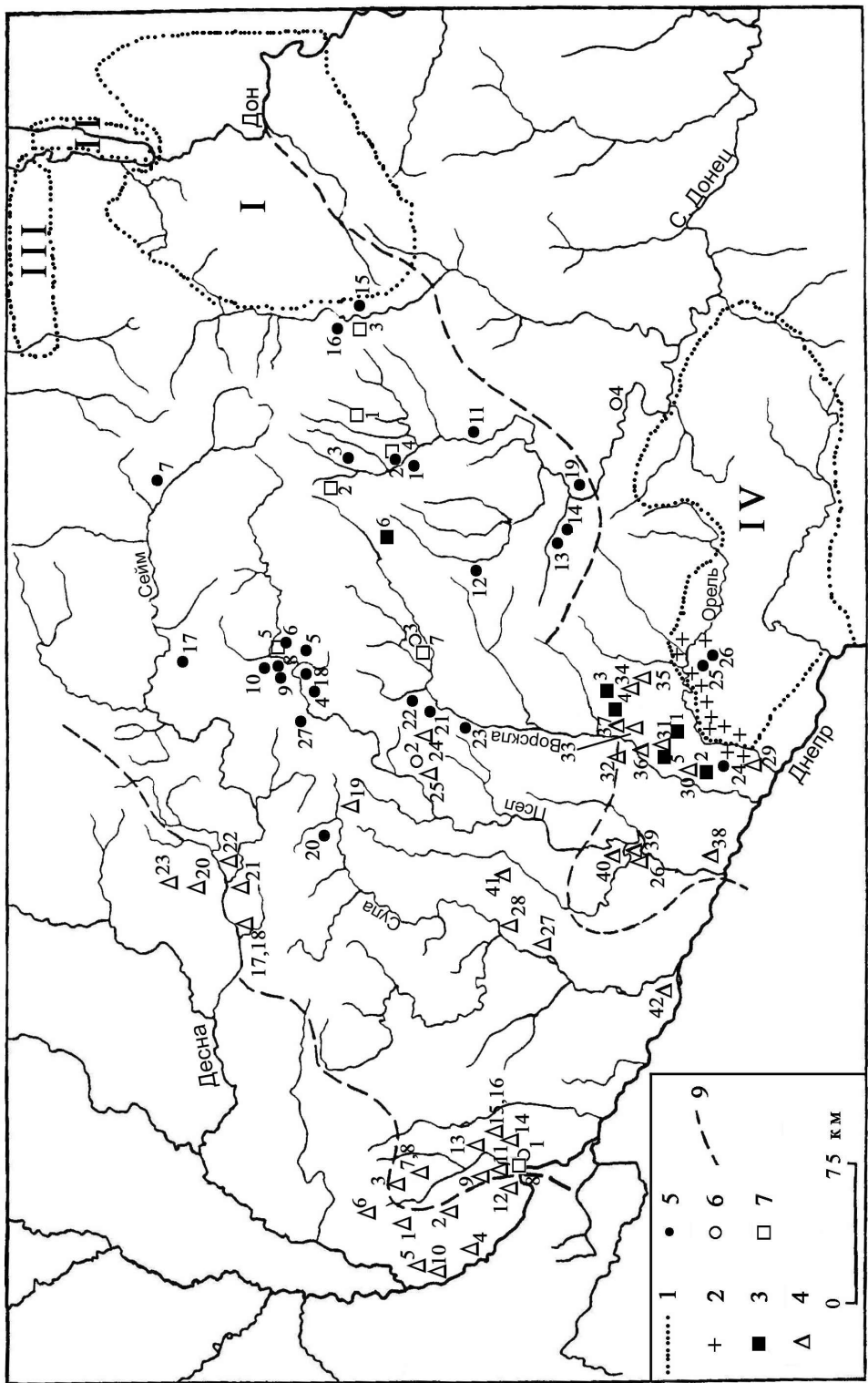

Рис. Б. 2. 3. Археологические памятники в днепро – донецкой лесостепи и прилегающей полосе степи конца конца I – сер. III вв. (карта).

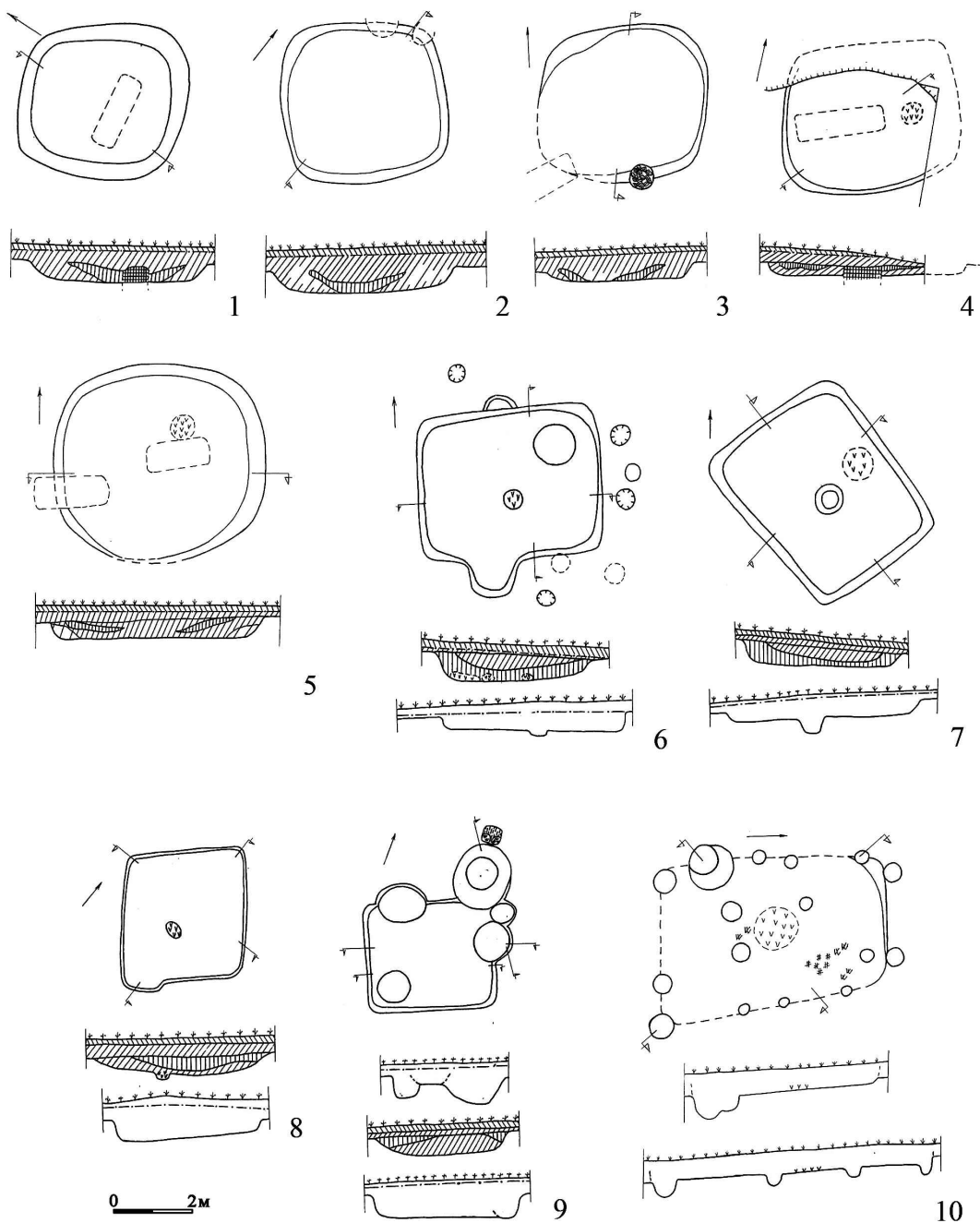

Рис. Б. 2. 4. Жилища поселения Картамьшево 2: 1 – № 3; 2 – № 4; 3 – № 2; 4 – № 6; 5 – № 5; 6 – № 7; 7 – № 8; 8 – № 9; 9 – № 10; 10 – № 1 (Горюнова, 2004, рис. 2: 1, 2; 3, 4).

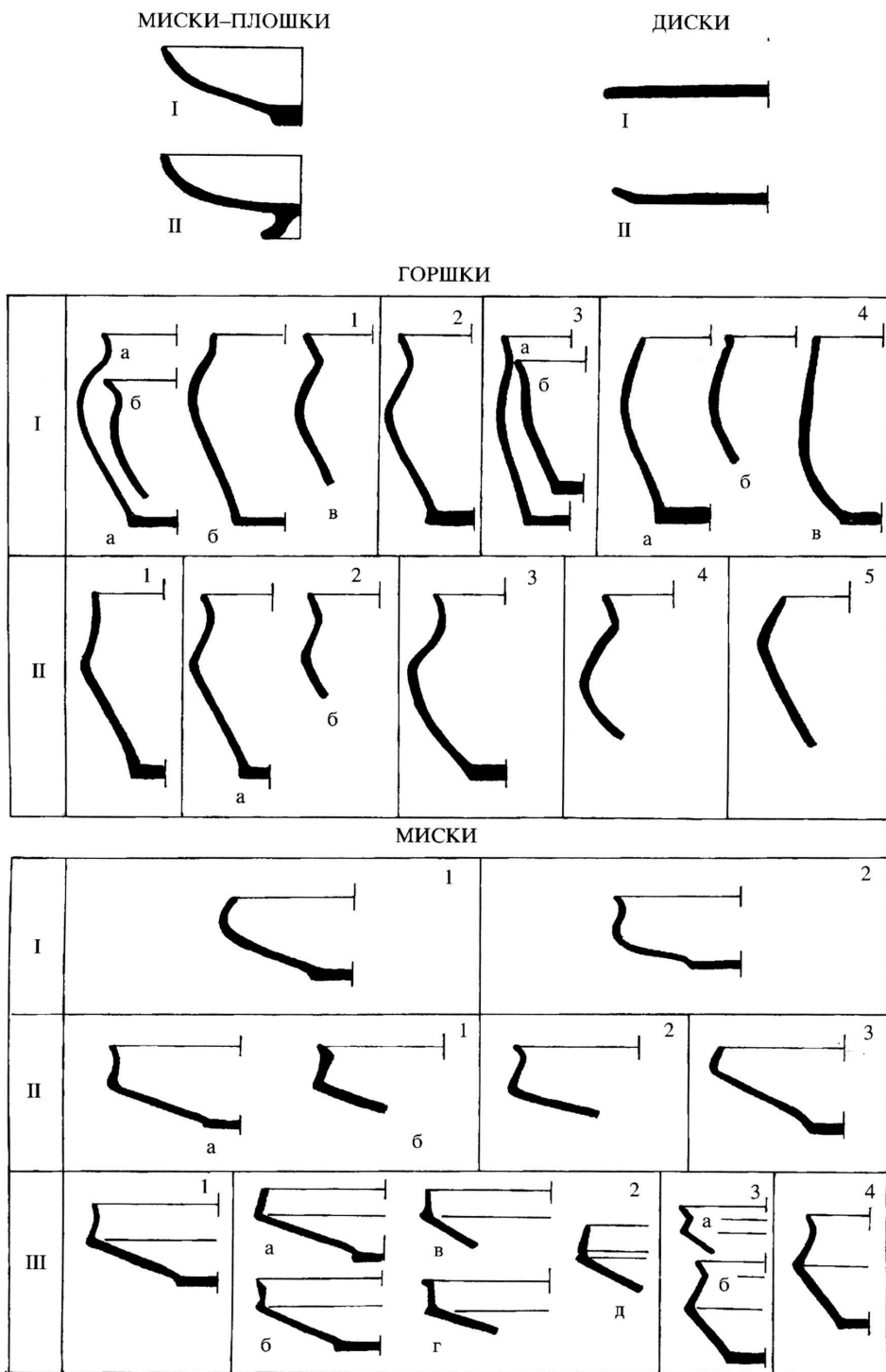

Рис. Б. 2. 5. Классификация лепной керамики римского времени (постзарубинецкий горизонт, киевская культура) Среднего Поднепровья и Днепрового Левобережья А. М. Обломского – Р. В. Терпиловского (Обломский, 2002, рис. 2).

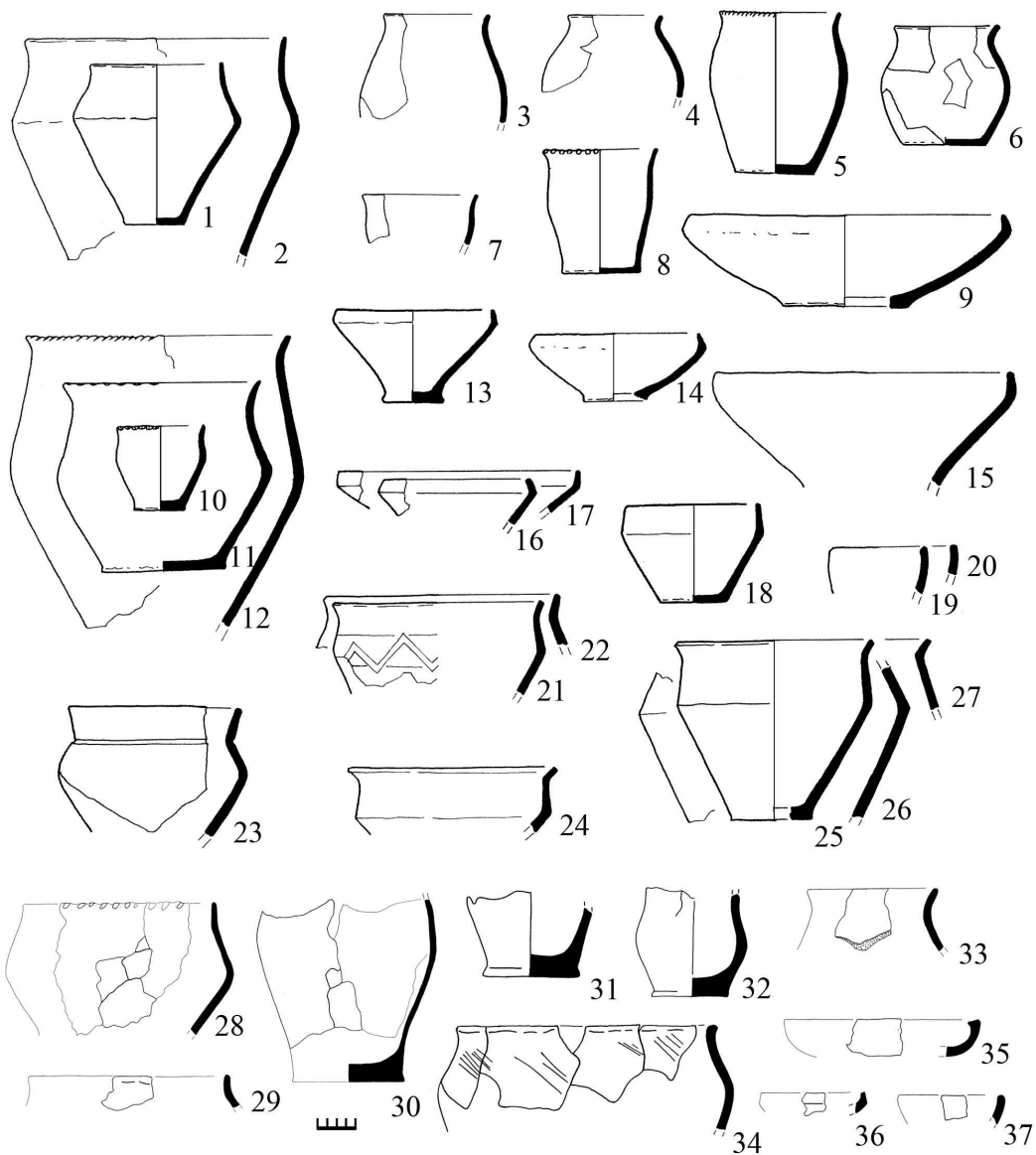

Рис. Б. 2. 6. Лепные сосуды с шероховатой (1 – 12) и лощеной (9, 13 – 27, 35 – 37) поверхностью на постзарубинецких памятниках типа Картамышево 2 – Терновка 2.

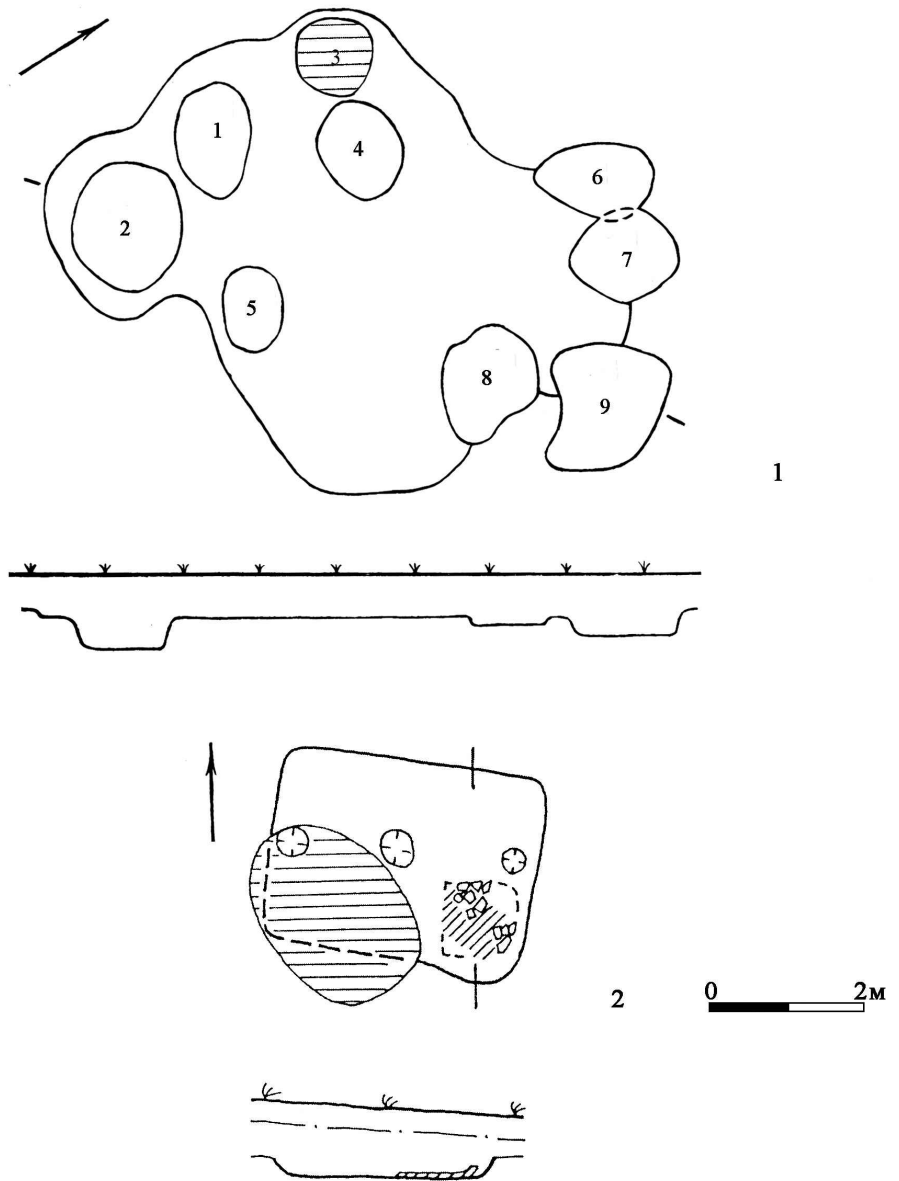

Рис. Б. 2. 7. Сооружения на постзарубинецких памятниках типа Грини:
 1 – Раковка (заштрихована очажная яма, относящаяся к сооружению);
 2 – Вовки, жилище 6 (Терпиловский, 2004, рис. 7: 6).

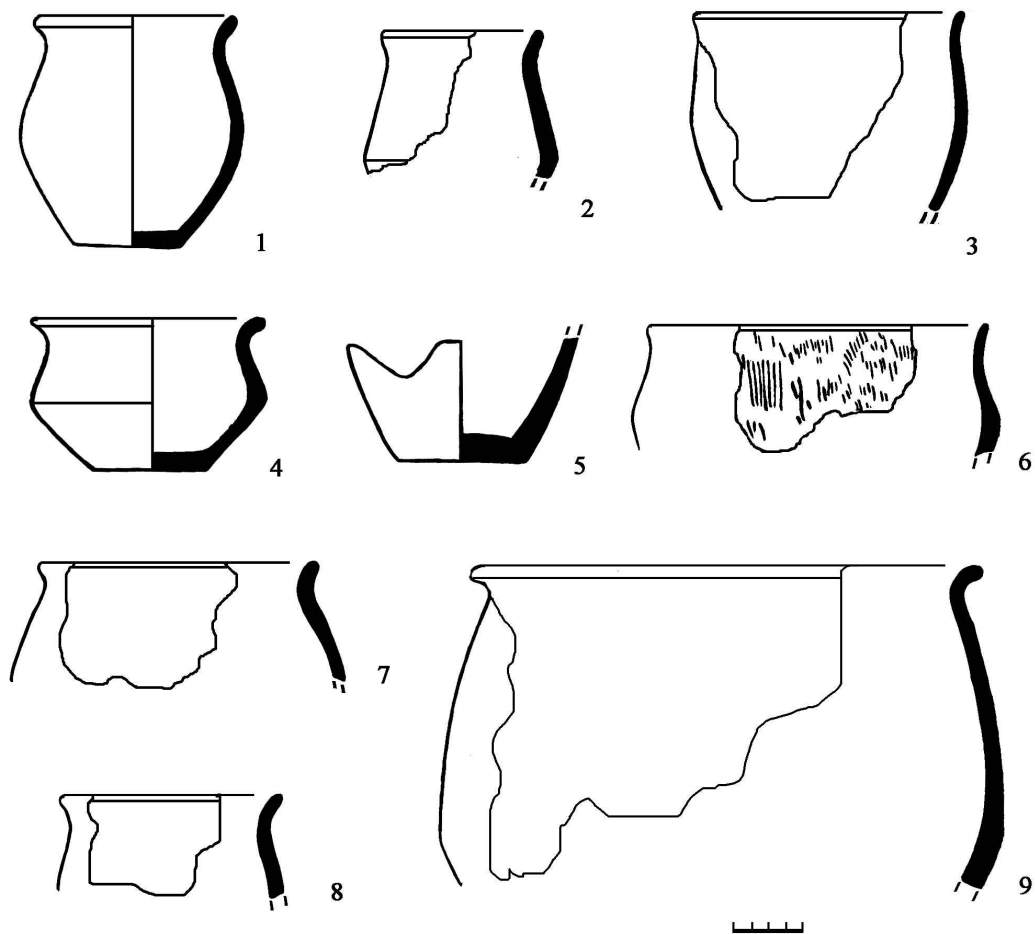

Рис. Б. 2. 8. Груболепная (1 – 9) и лощеная (6) керамика поселения Раковка 1:
 1, 4, 5 – яма 5 сооружения 1 пункта 1; 2, 3, 6 – очаг сооружения 1 пункта 1;
 7 – яма 2 сооружения 1 пункта 1; 8 – очаг сооружения 1 пункта 1;
 9 – яма 1 сооружения 1 пункта 1.

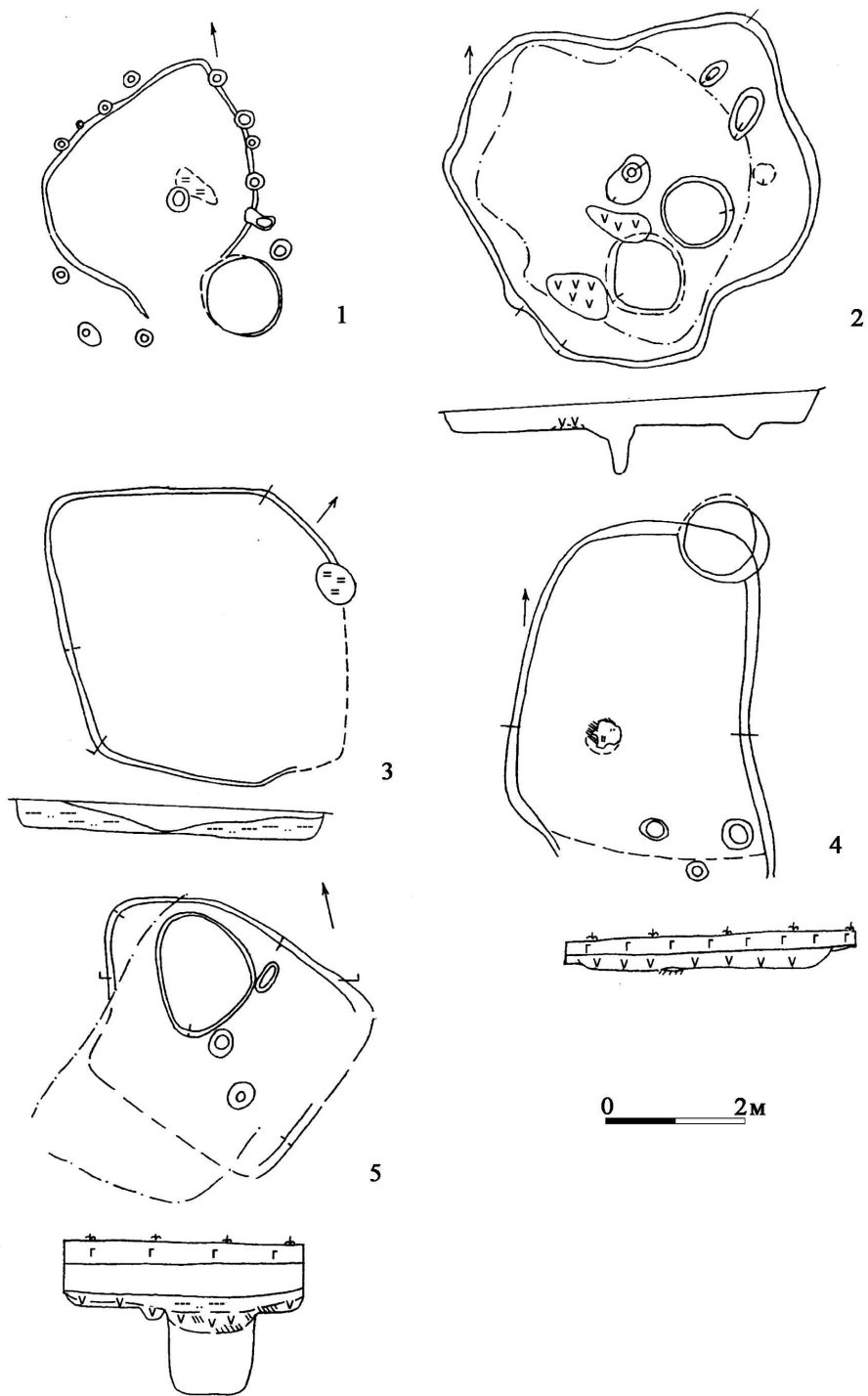

Рис. Б. 2. 9. Жилища поселения Шишино 5: 1 – постройка 5 раскопа 1; 2 – постройка 2 раскопа 2; 3 – постройка 7 раскопа 2; 4 – постройка 5 раскопа 2; 5 – «яма 5» раскопа 3 (Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 12).

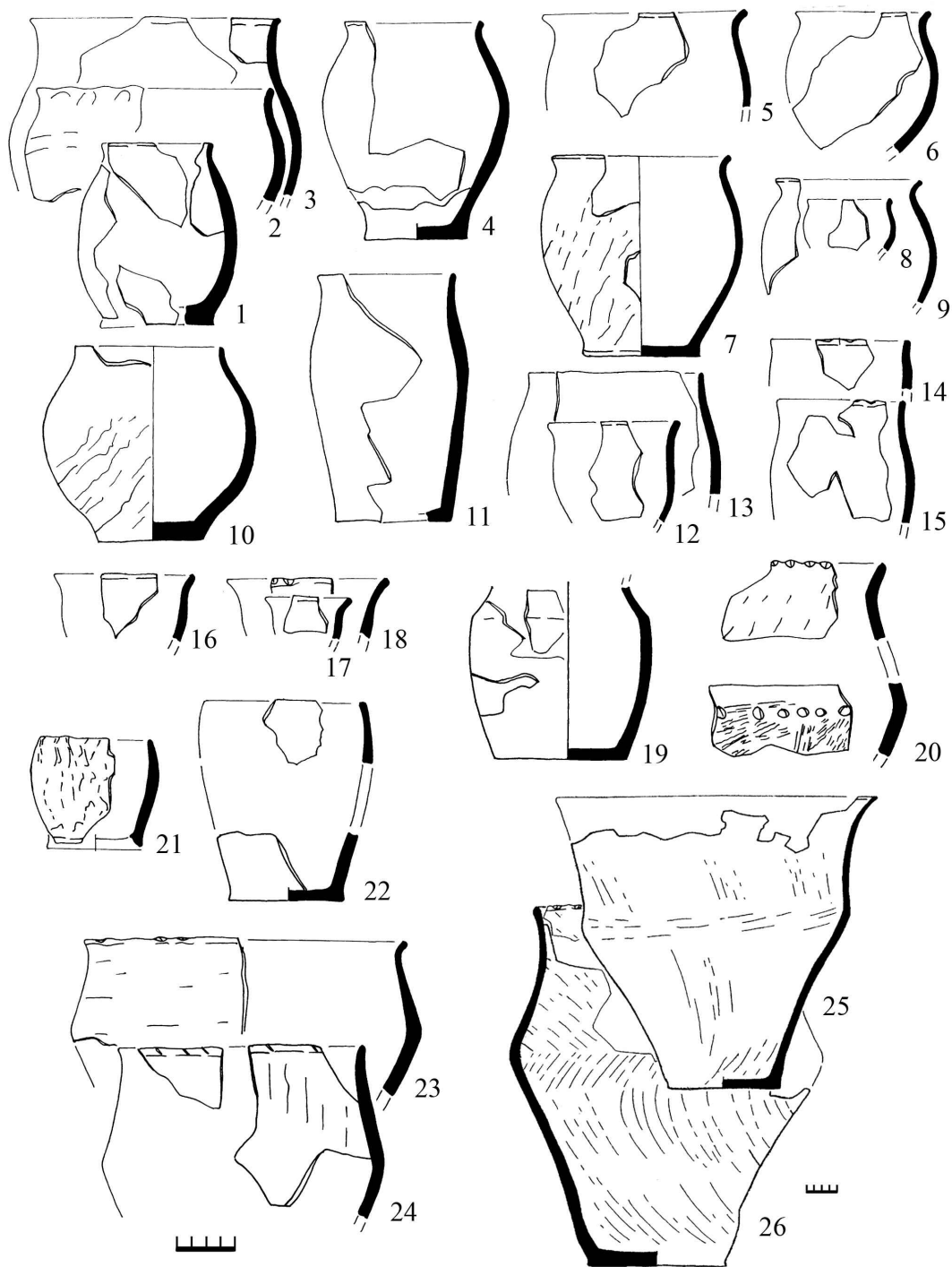
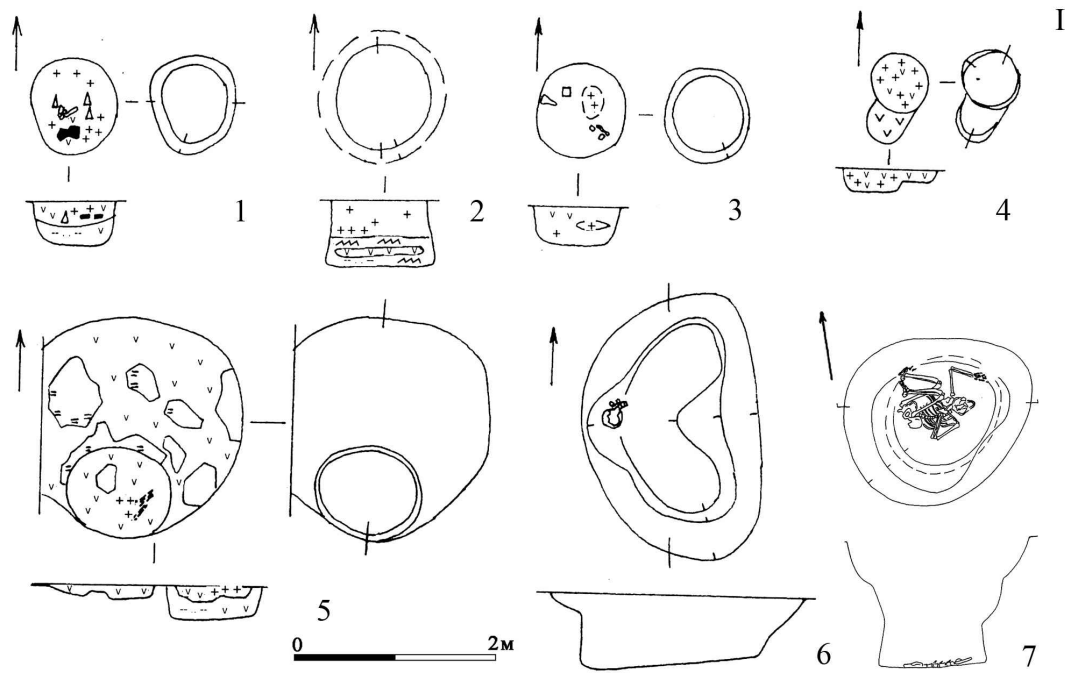

Рис. Б. 2.10. Груболепная керамика поселения Шишино 5

I

II

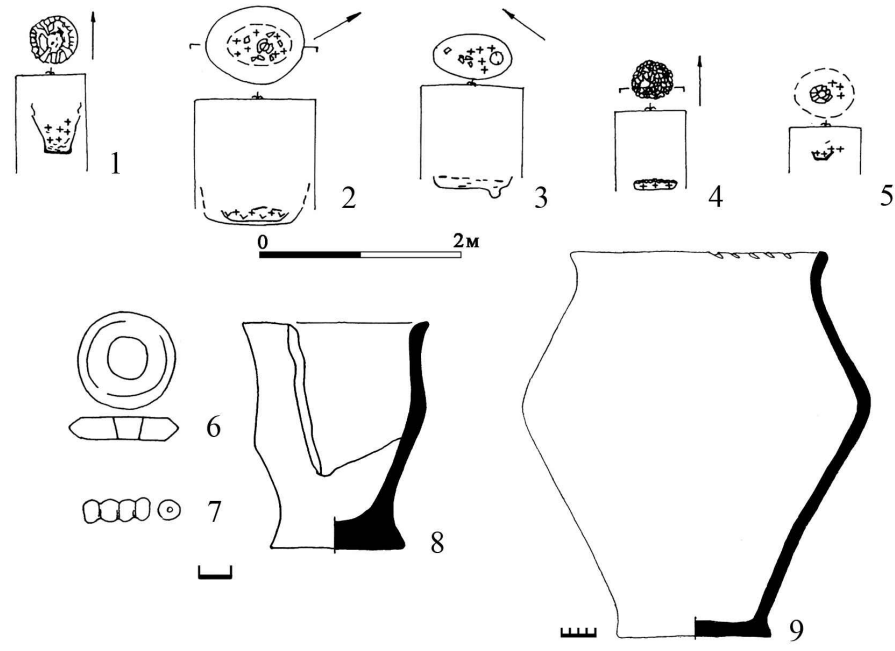

Рис. Б. 2. 11. Погребения могильников Шишино 5 (I) и Песчаное – Кулига (II).

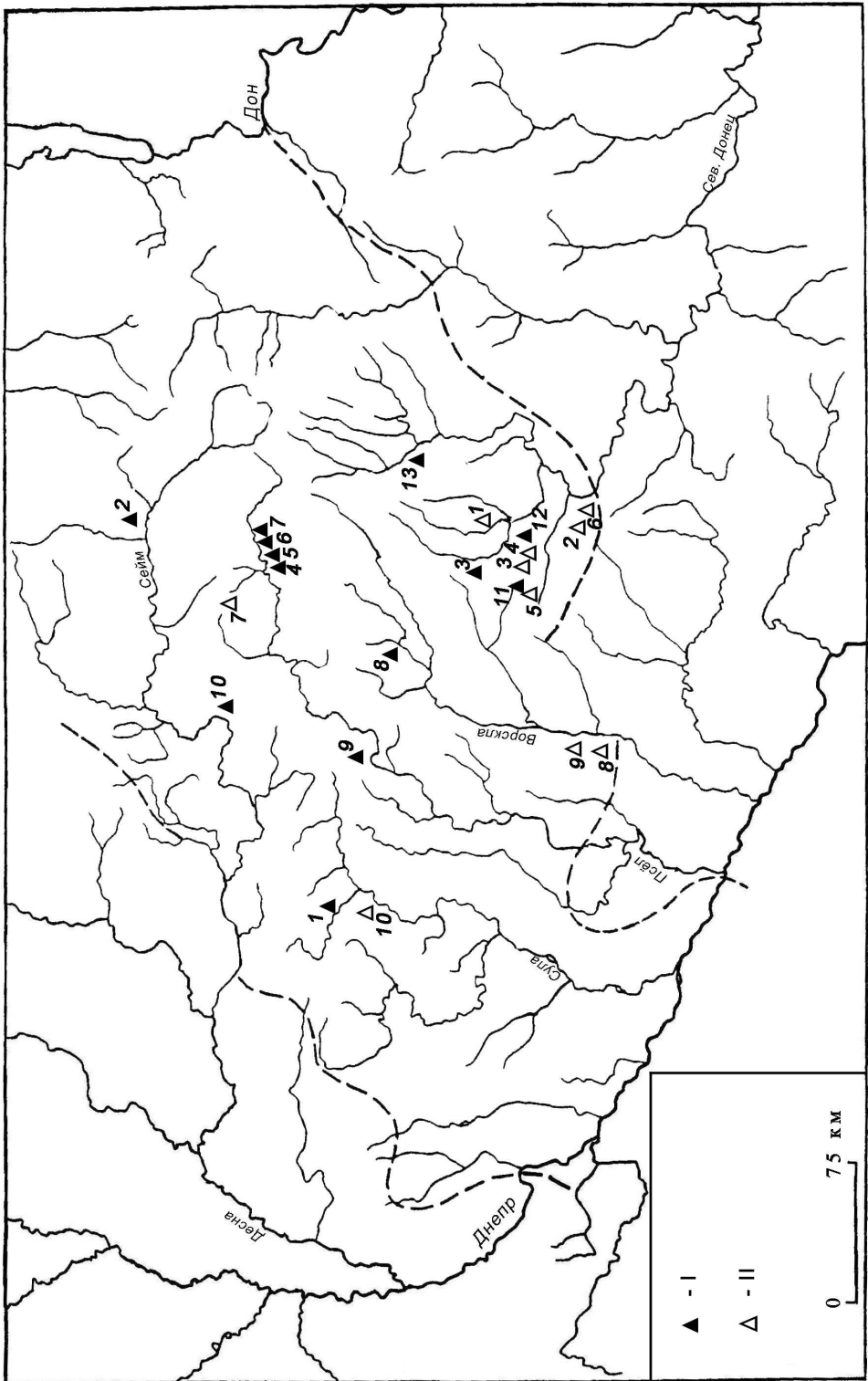

Рис. Б. 3. 1. Поселения сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи (карта).

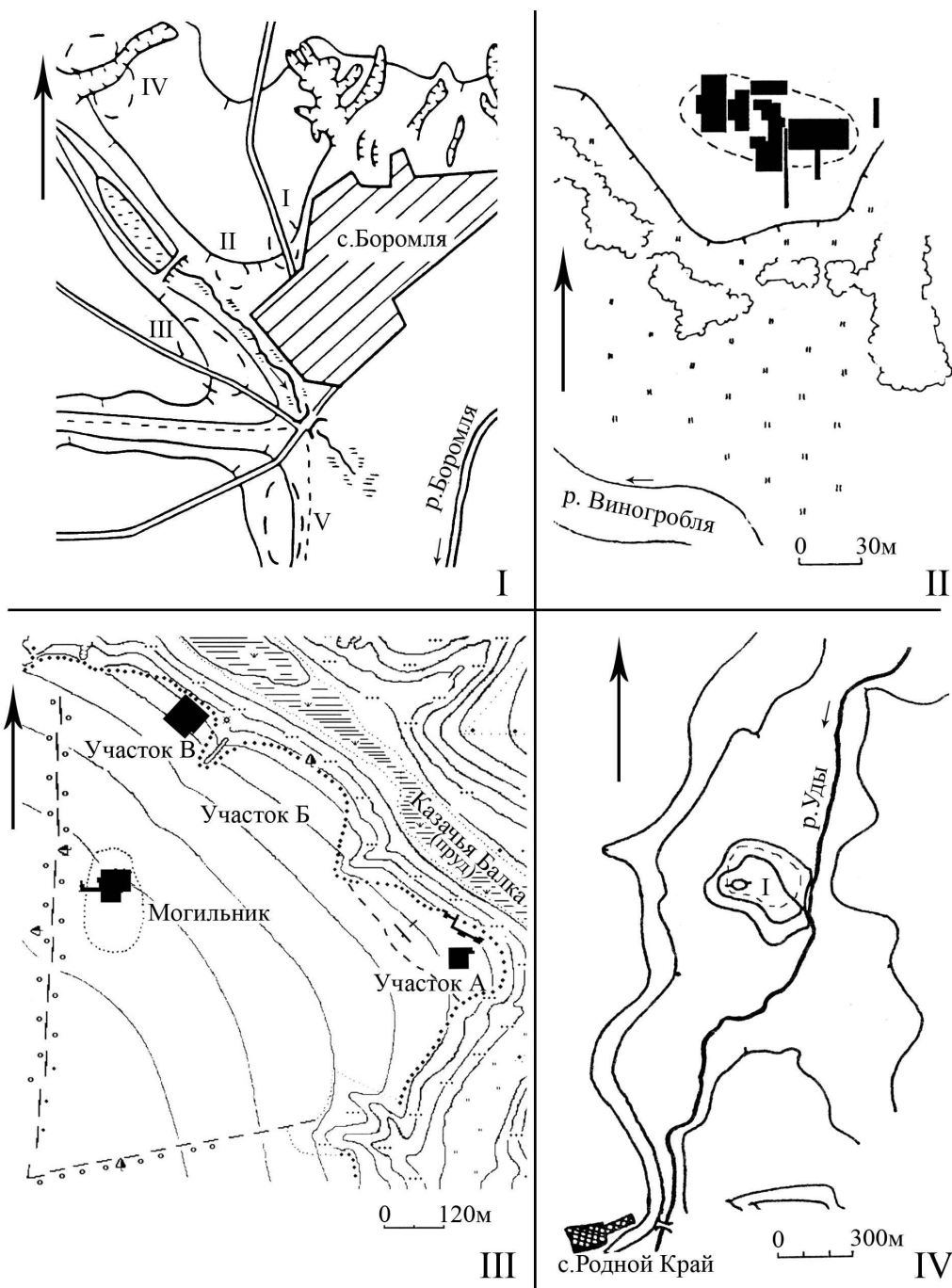

Рис. Б. 3. 2. Топография поселений сер. III – перв. четв. IV вв.: I – Боромля 2 (II) рядом с другими поселениями (III, IV, V) и могильником (I) (Некрасова, 2006, рис. 1); II – Букреевка 2 (Сымонович, 1990, рис. 1); III – археологический комплекс позднеримского времени Войтенки 1, пунктиром на участке А показаны границы поселения сер. III – перв. четв. IV вв. (Любичев, 2006, рис. 1); IV – Родной Край 3 (I) (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, табл. I).

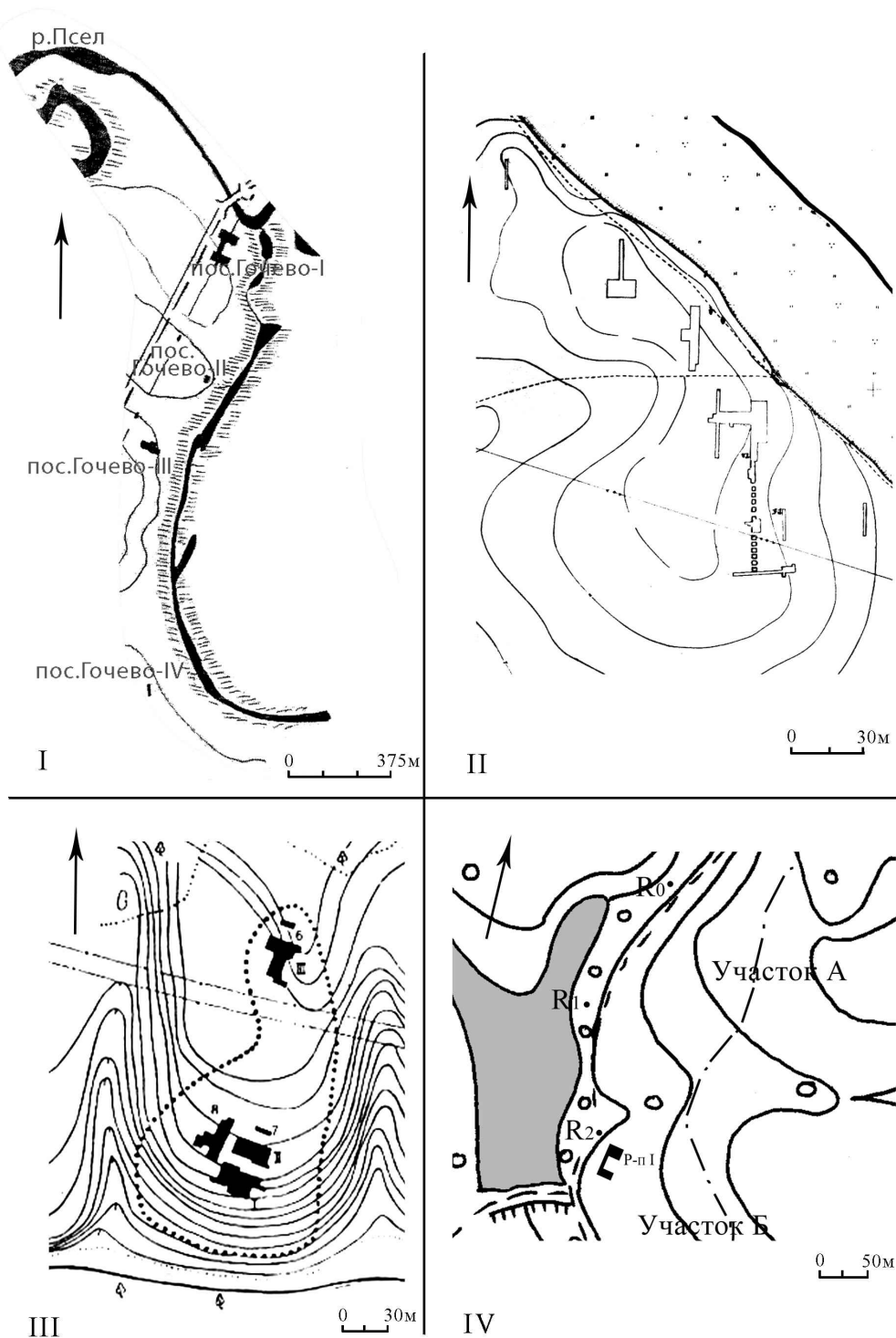

Рис. Б. 3. 3. Топография поселений сер. III – перв. четв. IV вв.: I – Гочево 1, 2, 3, 4 (Горюнова, 1988, рис. 1); II – Песчаное (Журко, 1994а, рис. 6: 3); III – Головино 1 (Обломский, 2001 – 2002, рис. 2); IV – Огульцы (Любичев, Мызгин, Варачева, 2008, рис. 246).

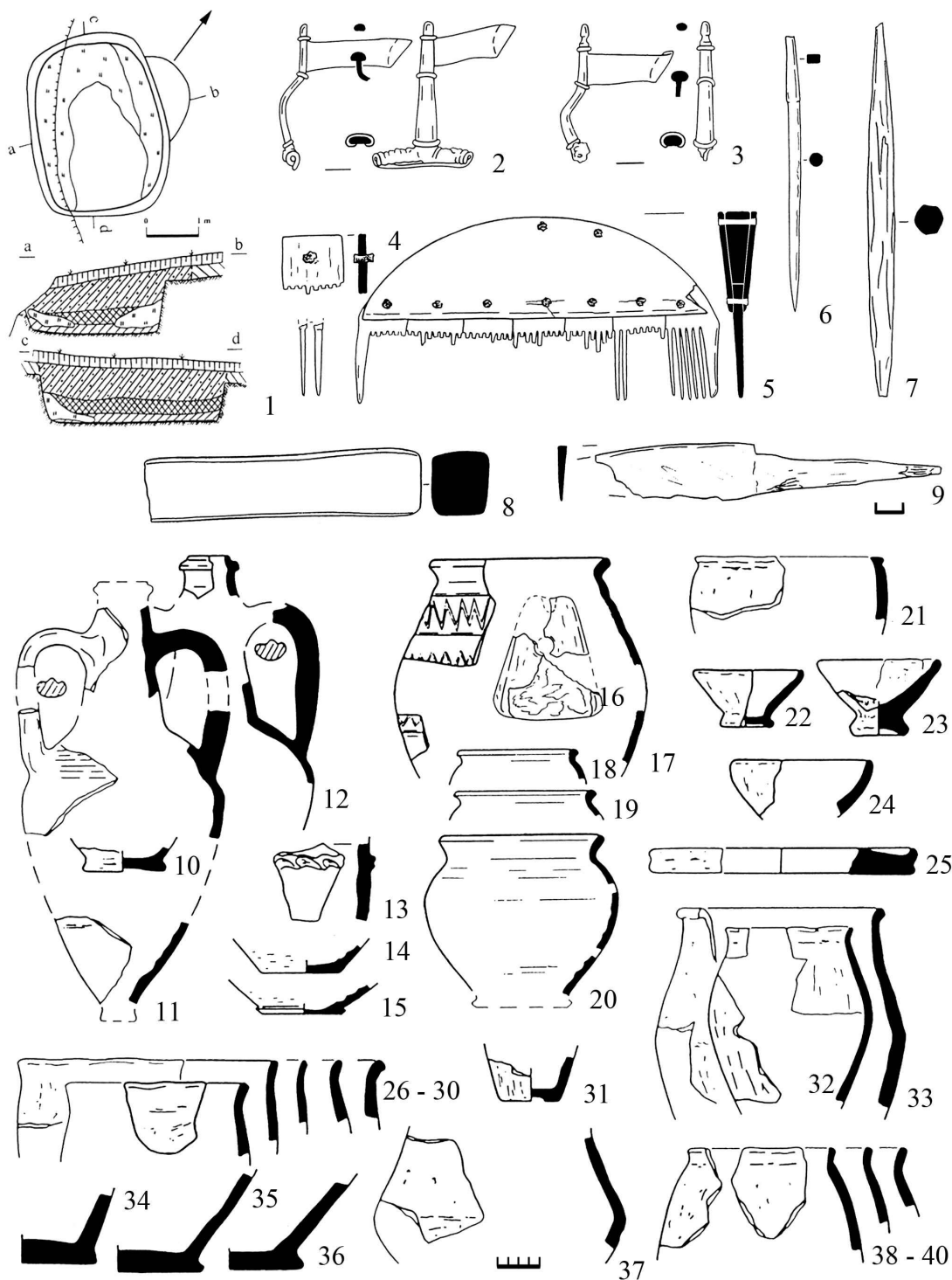

Рис. Б. 3. 4. Постройка 1 селища Боромля 2 (1) и находки из нее: 2, 3 – бронзовые фибулы; 4 – часть костяного гребня; 5 – костяной гребень; 6 – костяной «стилос»; 7 – железное шило; 8 – точильный брусок; 9 – часть железного ножа; 11, 12 – светлоглиняные амфоры; 10, 13 – 20 – гончарная керамика; 21 – 40 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис.20, 21).

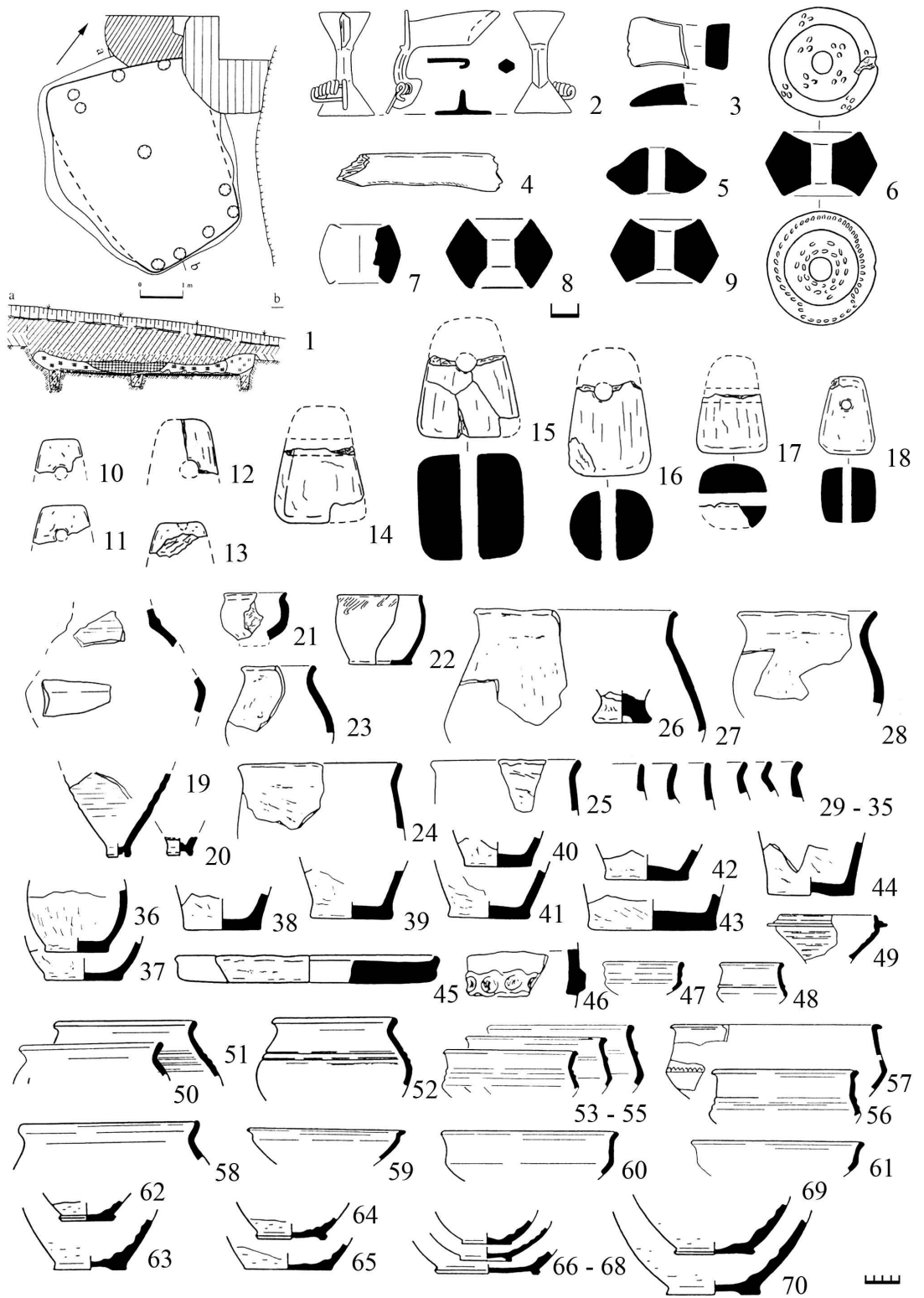

Рис. Б. 3. 5. Постройка 3 селища Боромля 2 и находки из нее.

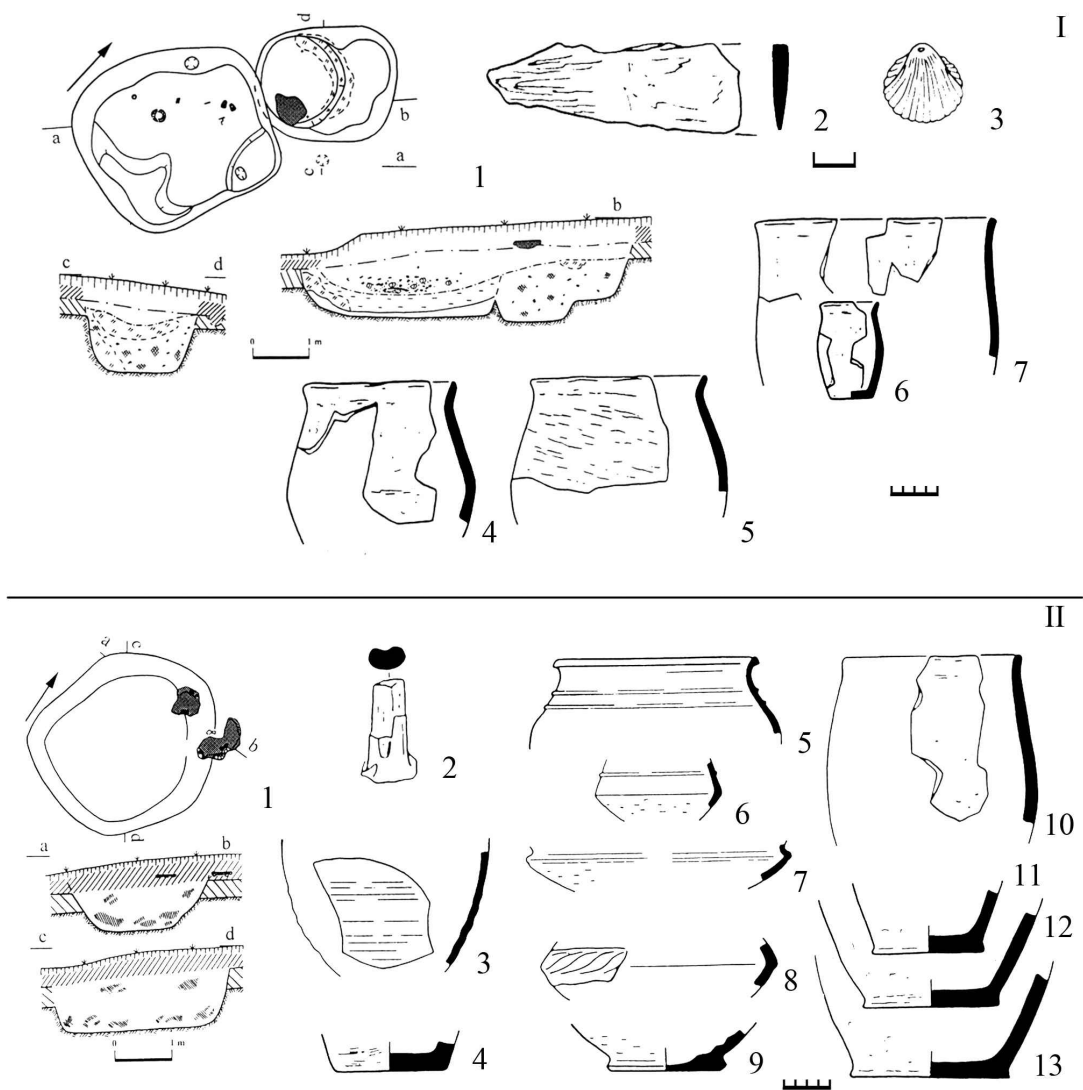

Рис. Б. 3. 6. I – постройка 6 (1) селища Боромля 2 и находки из нее: 2 – железный нож; 3 – подвеска из раковины моллюска; 4 – 7 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис. 27: 2; 28: 22 – 27); II – постройка 10 селища Боромля 2 (1) и находки из нее: 2, 3 – фрагменты амфор; 4 – 9 – гончарная керамика; 10 – 13 – лепная керамика (Некрасова, 2006, рис. 36: 1 – 13).

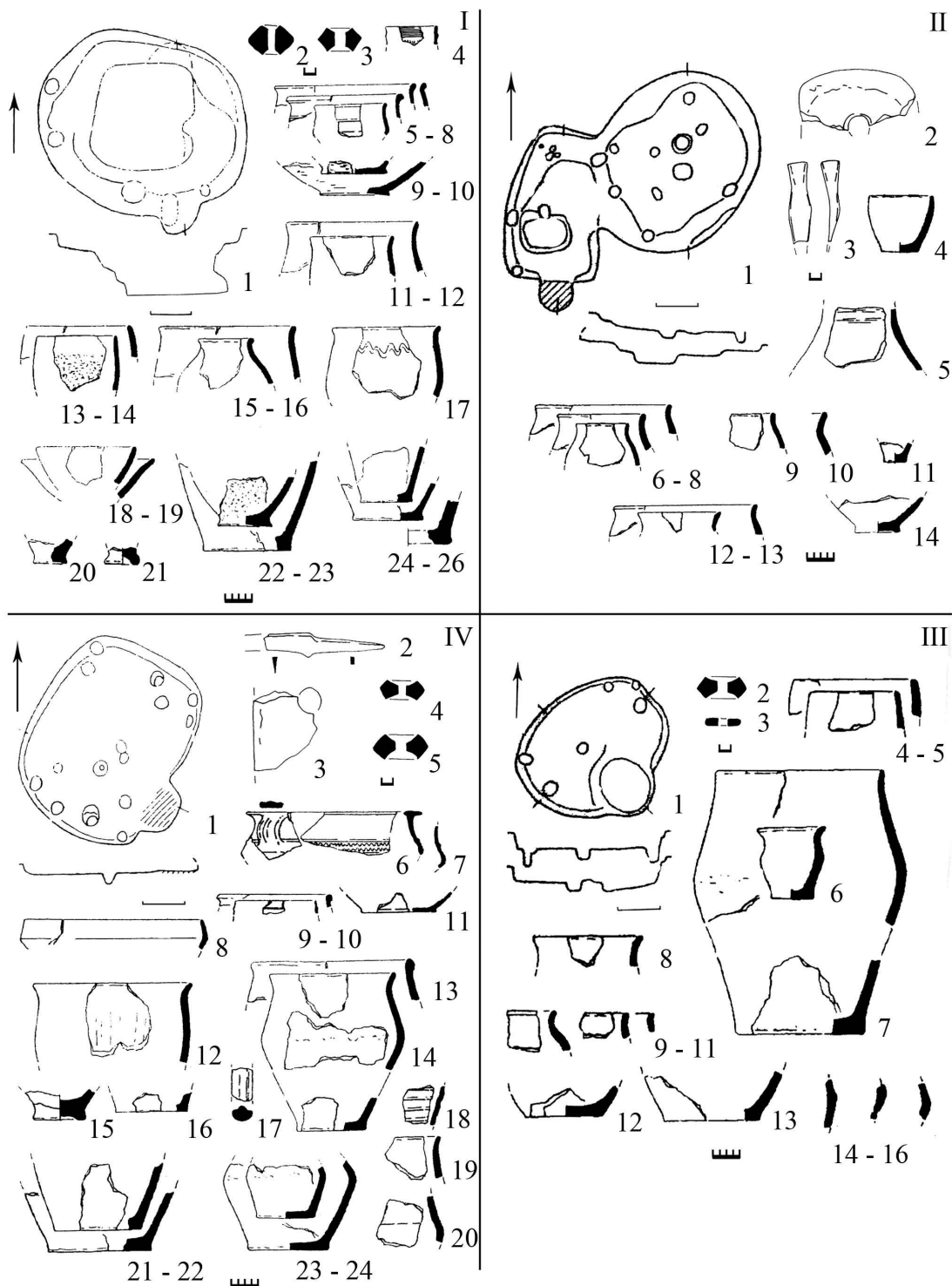

Рис. Б. 3. 7. I – постройка 1 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 26) (Сымонович, 1990, рис. 3); II – постройка 2 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 14) (Сымонович, 1990, рис. 4: 1 – 16); III – постройка 4 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 16) (Сымонович, 1990, рис. 4: 17 – 32); IV – постройка 3 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 24) (Сымонович, 1990, рис. 5).

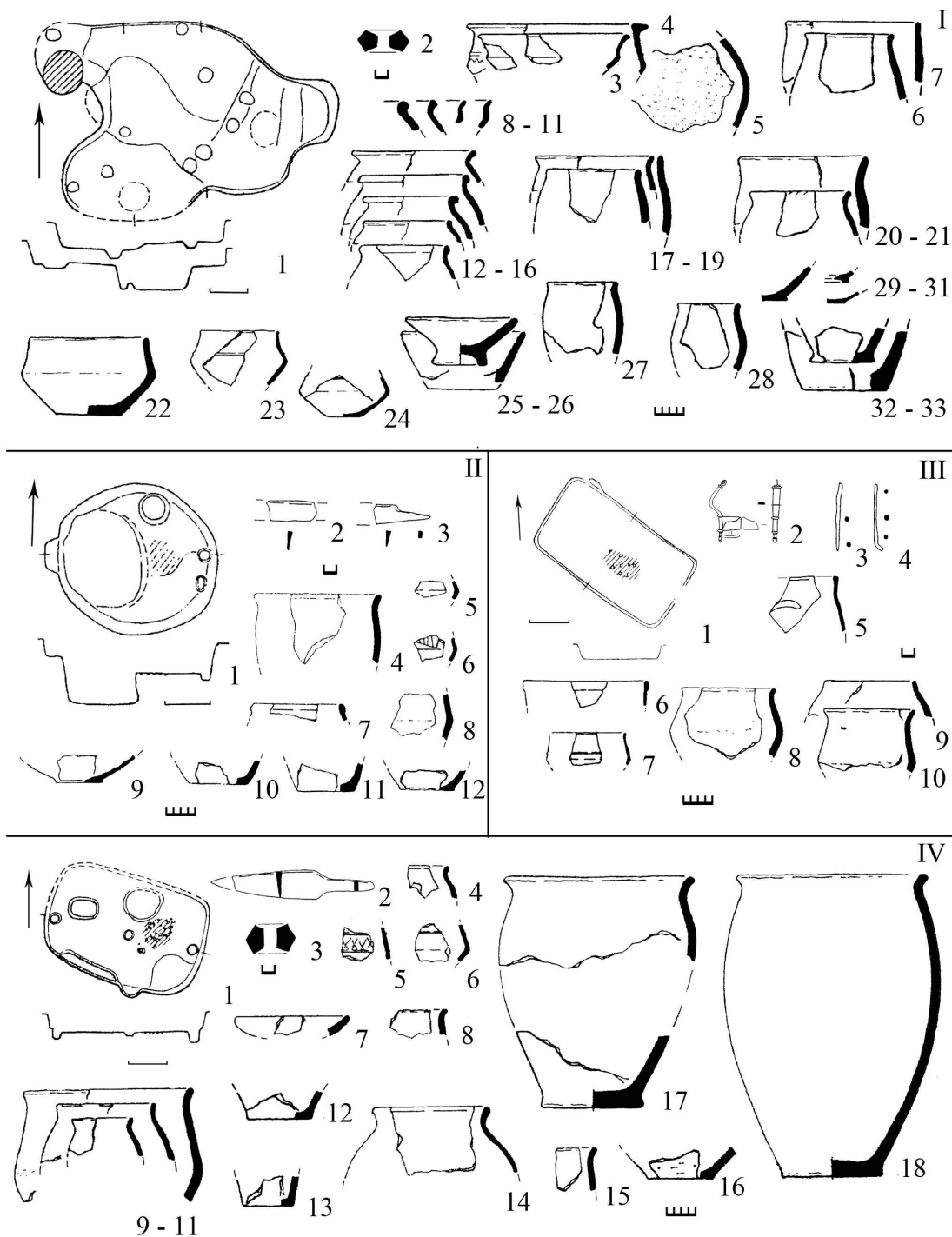

Рис. Б. 3. 8. Материалы селища Букреевка 2: I – постройка 5 селища Букреевка 2 (1) и находки из нее (2 – 33); II – постройка 7 (1) и находки из нее (2 – 12); III – постройка 8 (1) и находки из нее (2 – 10); IV – постройка 9 (1) и находки из нее (Сымонович, 1990, рис. 6 – 8).

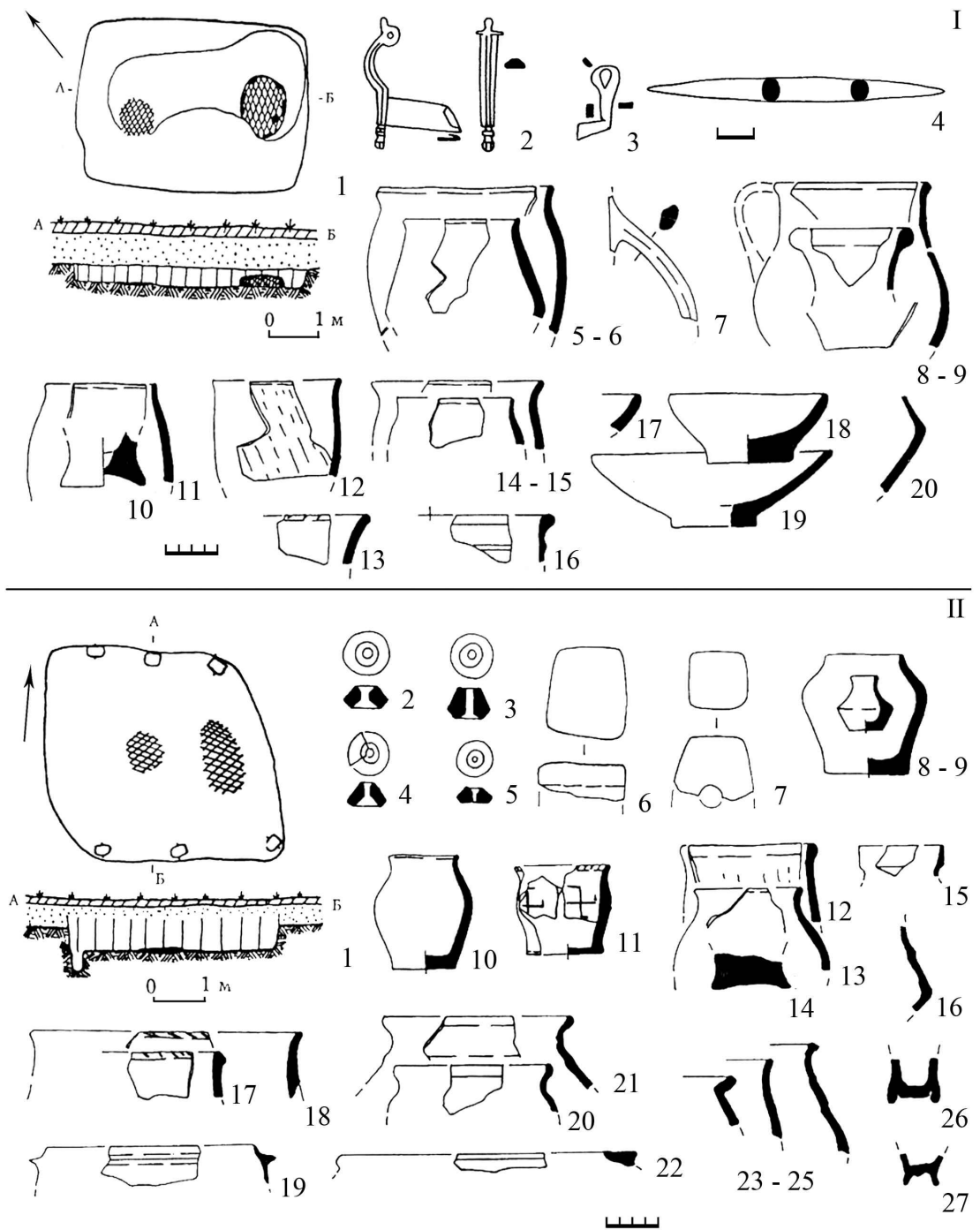

Рис. Б. 3. 9. Материалы селища Родной Край 3: I – жилище 1 (1) и находки из него (2 – 20) ; II – жилище 2 (1) и находки из него (2 – 27) (Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997, табл. I: 2, 3; Обломский, 2002, рис. 45, 46).

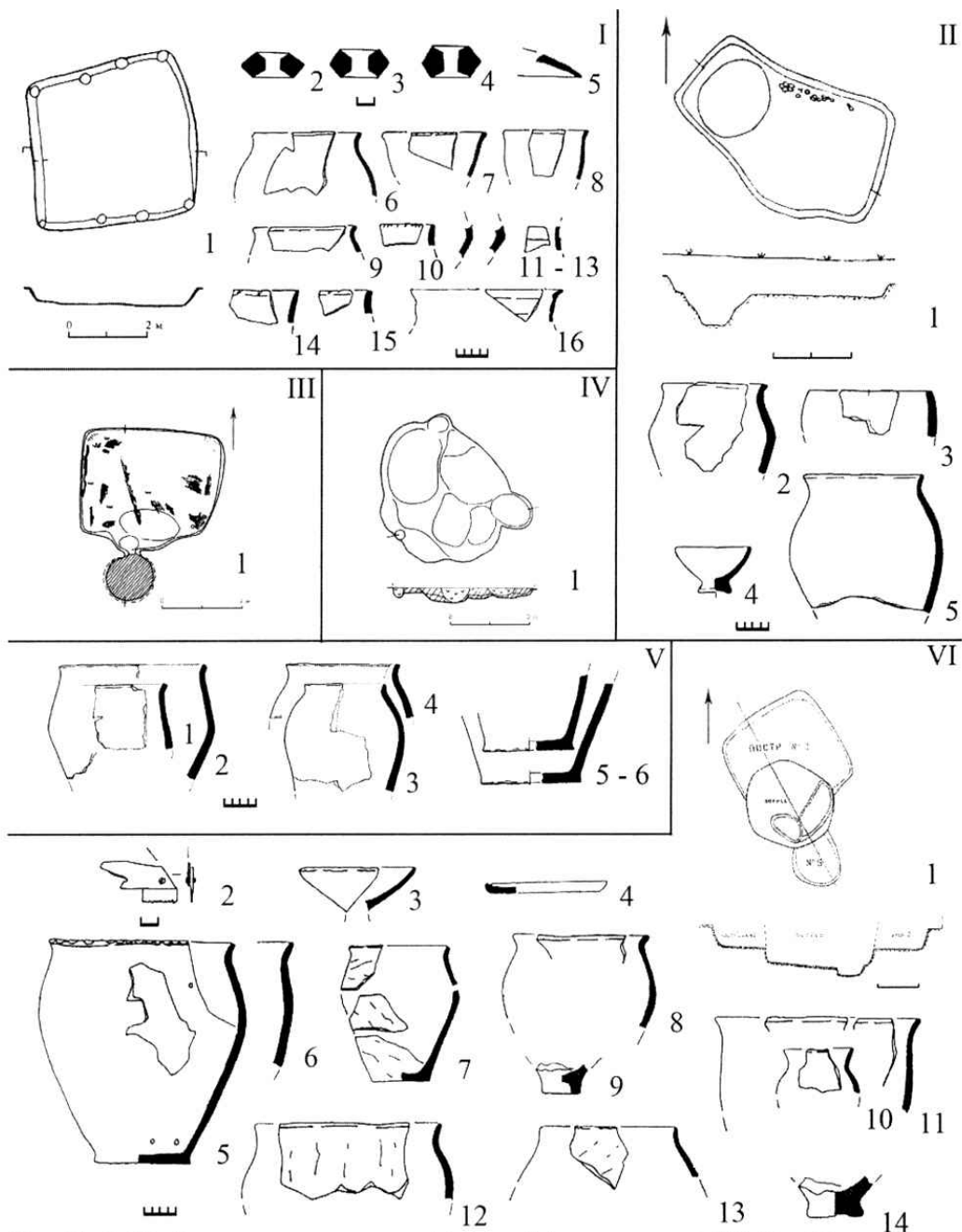

Рис. Б. 3. 10. I – материалы селищ Гочево 1 1 – жилище 1 (1); 2 – 16 – находки из его заполнения (Обломский, 2002, рис. 26); II – материалы селища Мамрой 2: сооружение 1 (1) и лепная керамика из него (2 – 5) (Петренко, 1983, табл. XIV: 1; Обломский, 2002, рис. 59: 1 – 4); материалы селища Гочево 2: III – постройка 2; IV – постройка 1; V – лепная керамика из ямы 3 (Терпиловский, Тихомиров, 1990, рис. 11); VI – материалы селища Гочево 4: постройка 2 (1) (Горюнова, 1988, рис. 102, 103) и лепной горшок из нее (7), лепная керамика из очагов 1 (8), 2 (11, 12), культурного слоя (3, 4, 5, 6, 9, 10, 13, 14), фрагмент костяного многочастного гребня из постройки 3 (2) (Обломский, 2002, рис. 29).

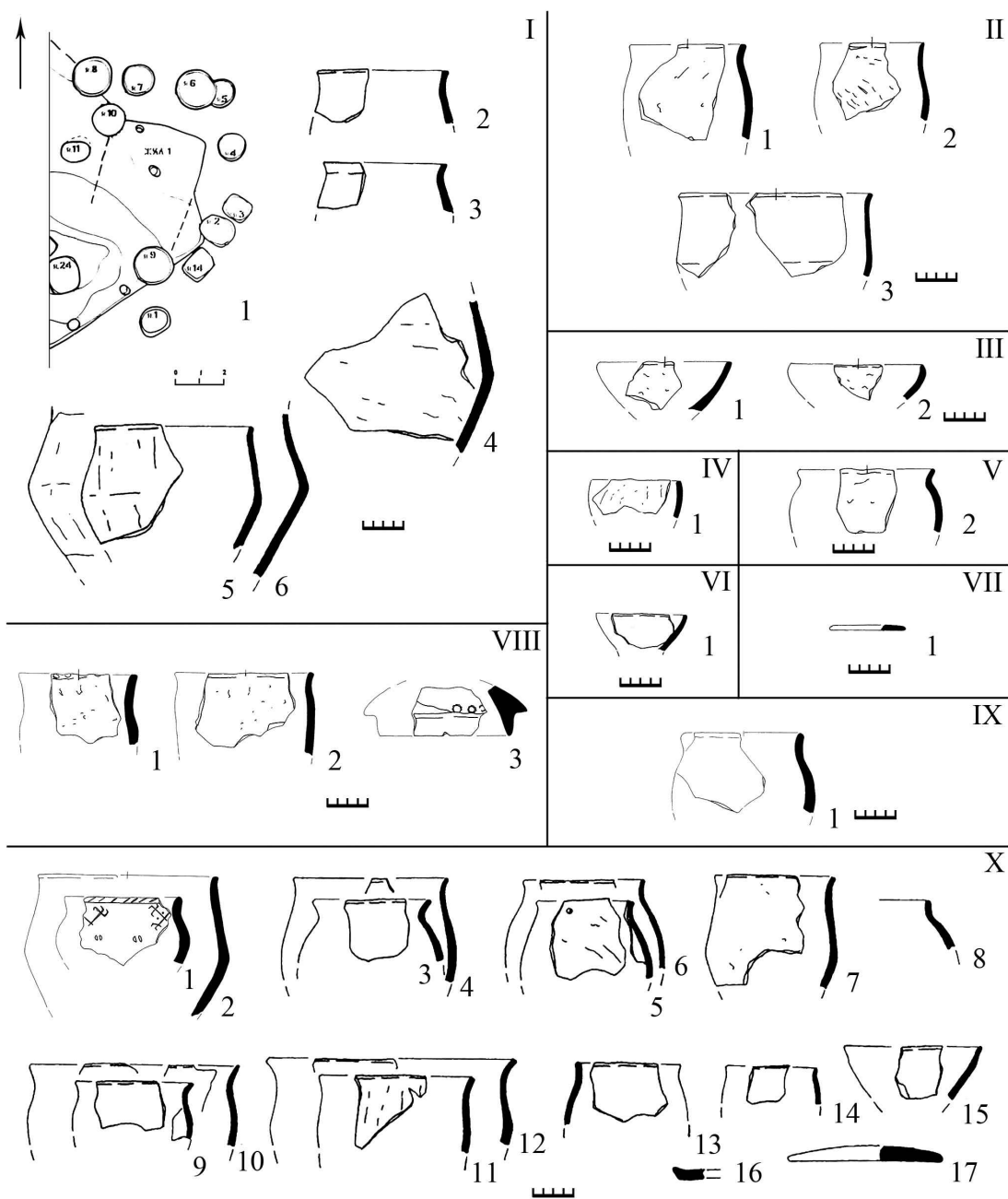

Рис. Б. 3. 11. Материалы с селища Гочево 3: I – план постройки 1 (1) (Горюнова, 1987, рис. 10) и лепная керамика из нее (2 – 6); II – лепная керамика из постройки 5; III – лепная керамика из постройки 6; IV – лепная керамика из постройки 7; V – лепная керамика из ямы 5; VI – лепная керамика из ямы 95; VII – лепная керамика из ямы 70; VIII – лепная керамика из ямы 54; IX – лепная керамика из ямы 15; X – лепная керамика из слоя (Обломский, 2002, рис. 27: 1 – 5, 7 – 15, 16 – 20, 21, 22, 23, 24; Киевская культура..., 2007, рис. 53: 1 – 3, 5 – 7; 54: 1 – 5, 7).

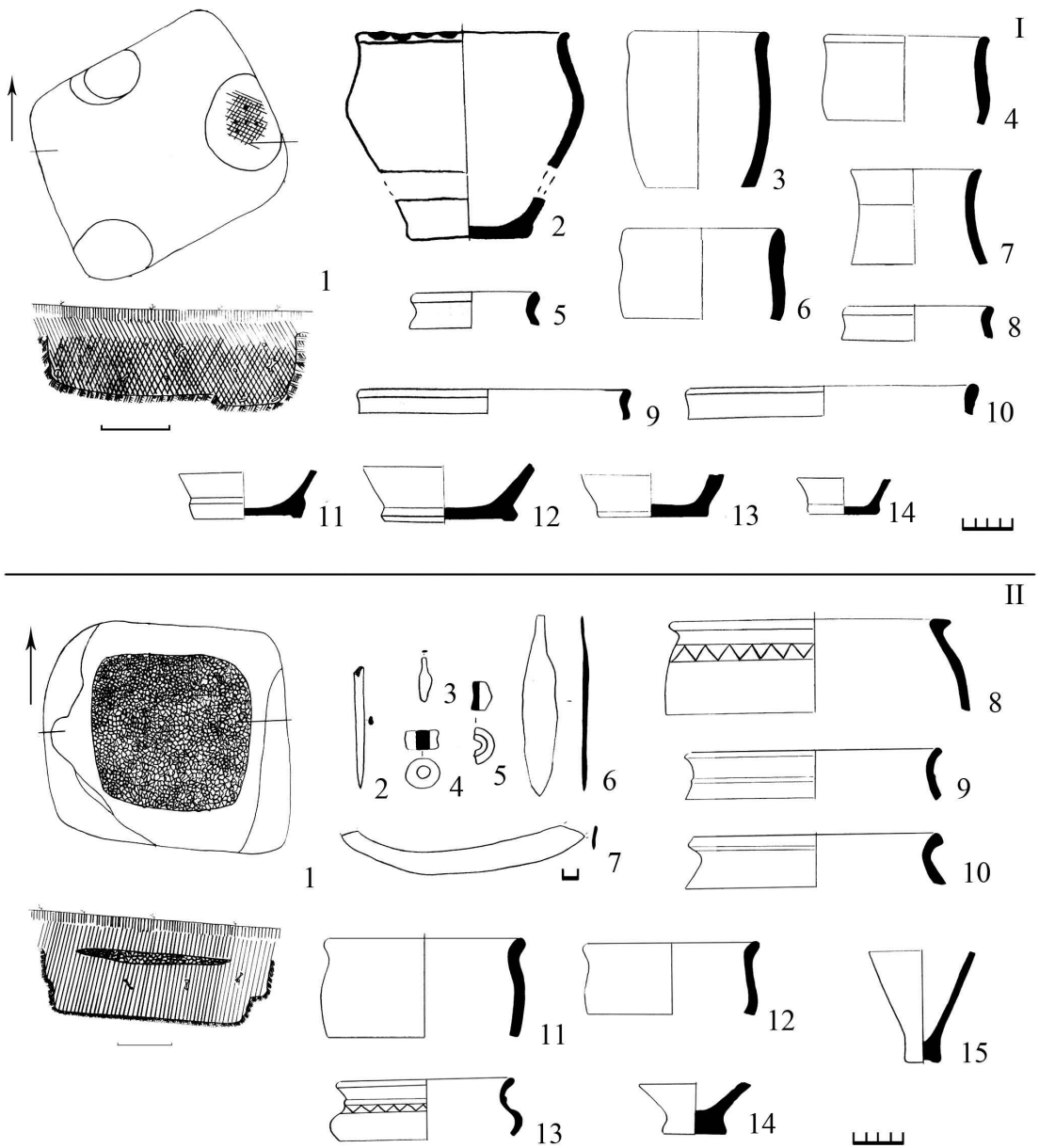

Рис. Б. 3. 12. Селище Песчаное: I – жилище 2 (1) и керамика из него (2 – 14); II – жилище 5 (1) и находки из него (2 – 15) (Журко, 1990в, рис. 31, 32).

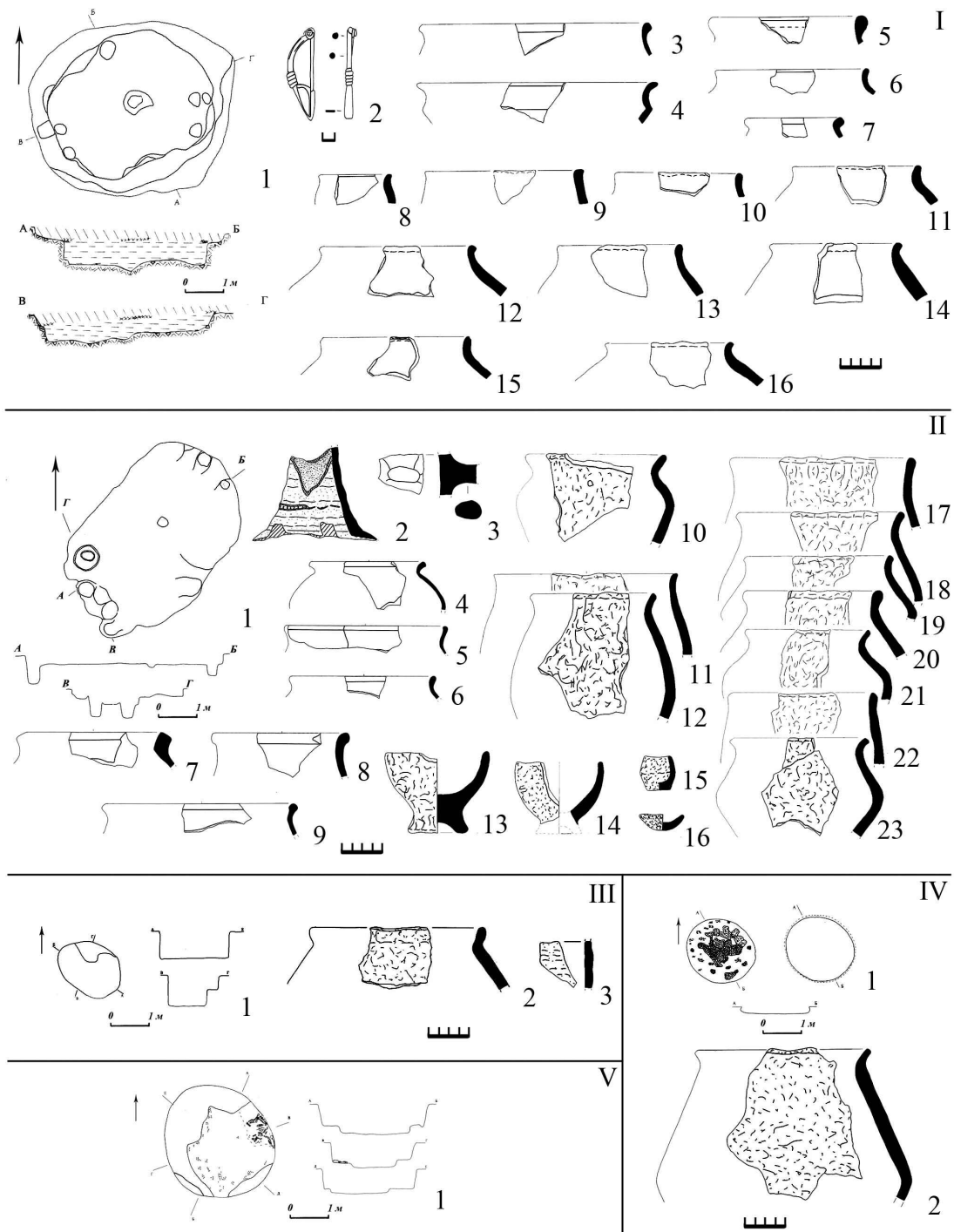

Рис. Б. 3. 13. Материалы поселения Войтенки 1 участка «А»

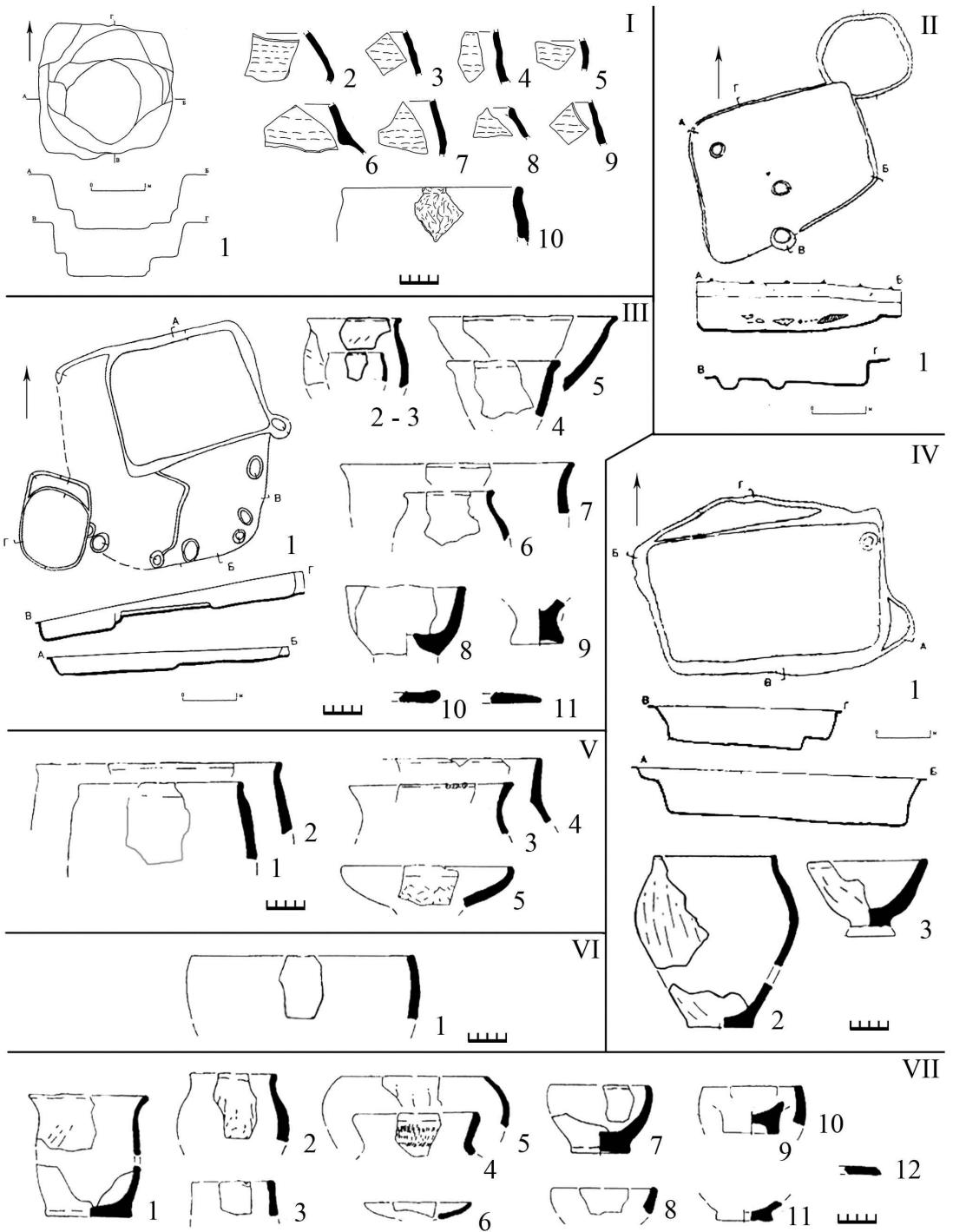

Рис. Б. 3. 14. Материалы селищ Огульцы (I) Головино (II – VII)

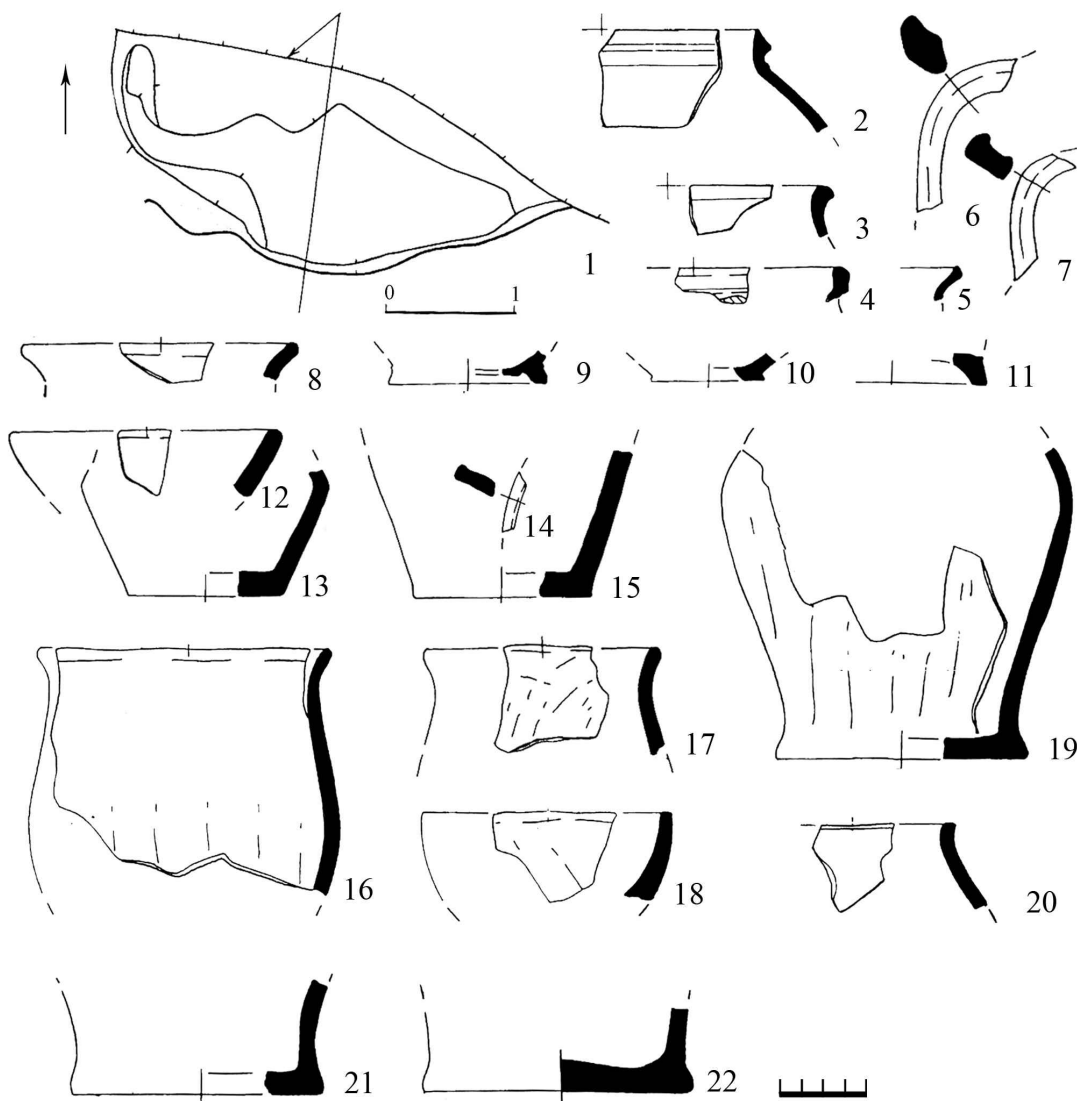

Рис. Б. 3. 15. План сохранившейся части постройки 2 селища 10 – й Октябрь (1) и керамика из нее: 6 – ручка светлоглиняной амфоры; 3, 8 – 22 – лепная; 2 – 5, 7 – 11 – гончарная керамика (Обломский, 2002, рис. 37, 39, 40: 1 – 5; 41: 1 – 5).

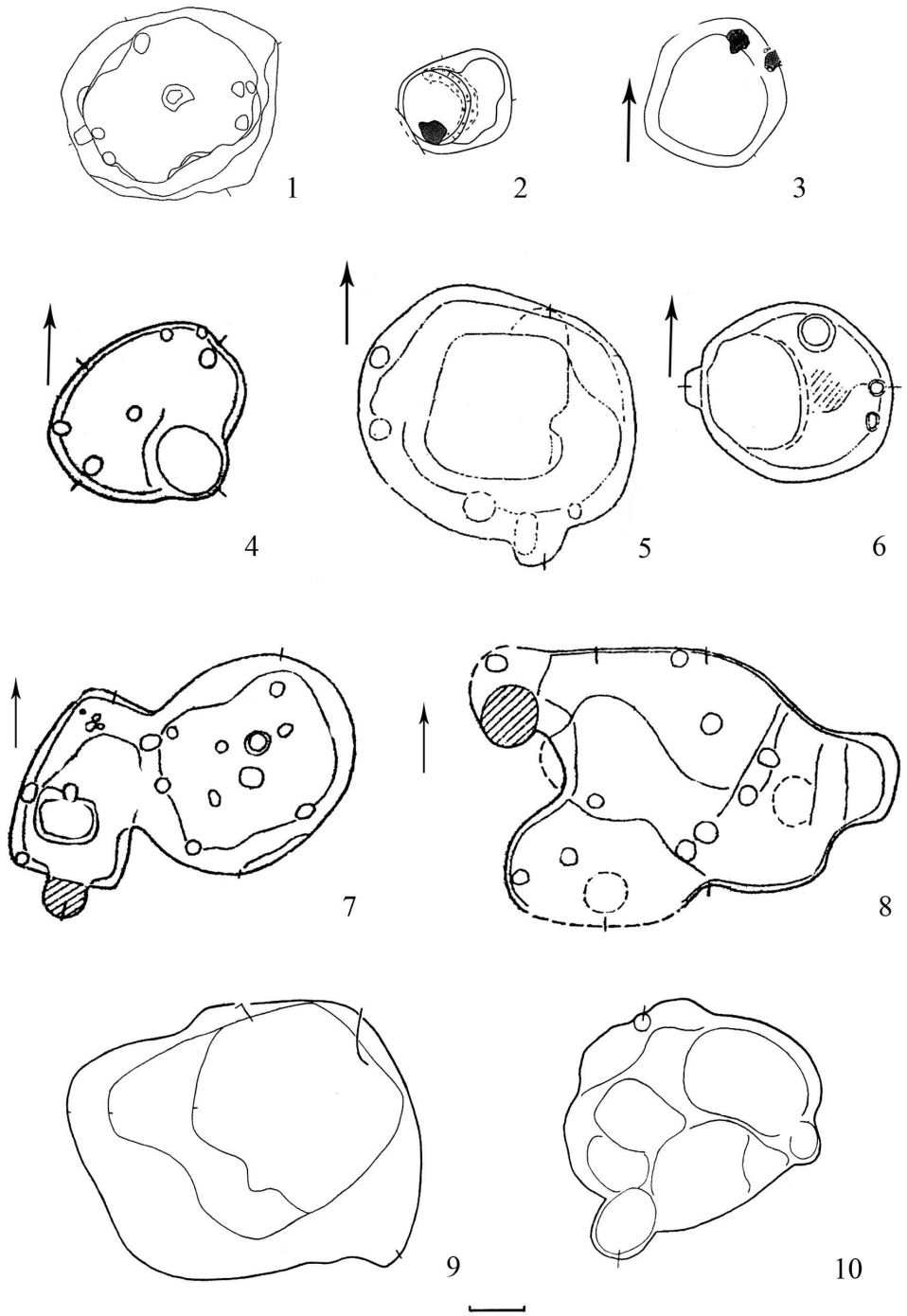

Рис. Б. 3. 16. Постройки типа I (1 – 6, 9, 10) и IA (7, 8) на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв..

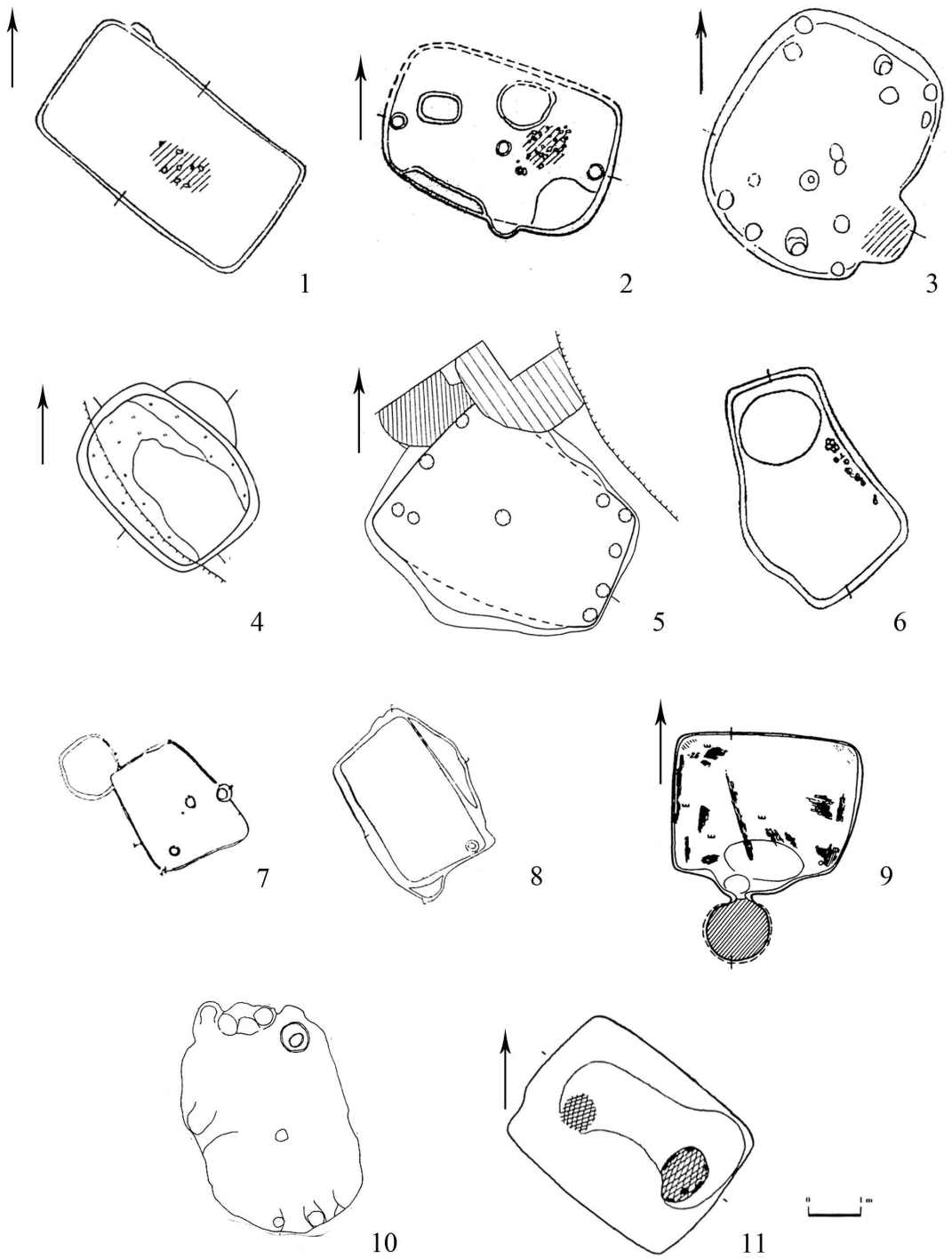

Рис. Б. 3. 17. Постройки типа II на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв..

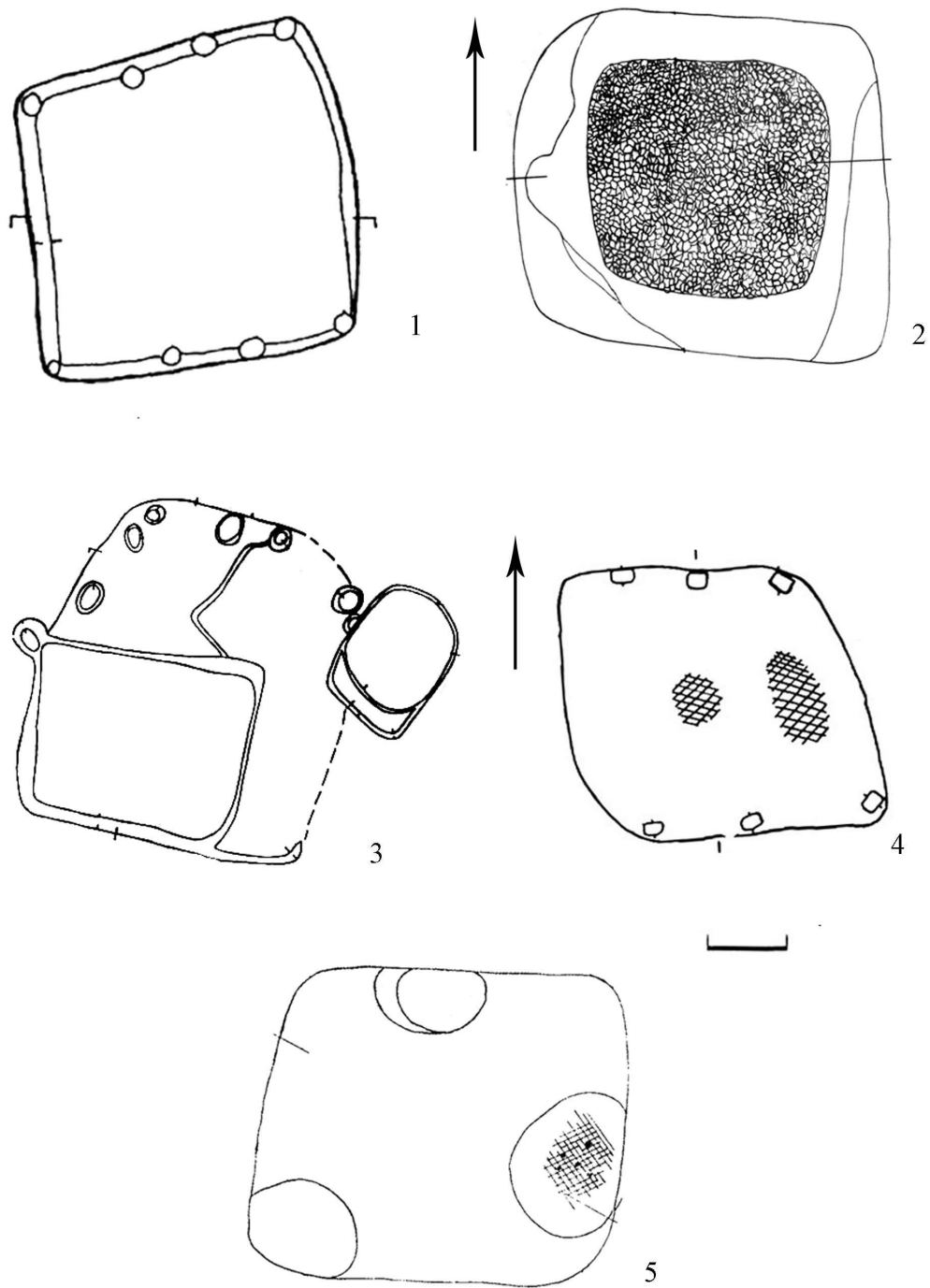

Рис. Б. 3. 18. Постройки типа III на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв..

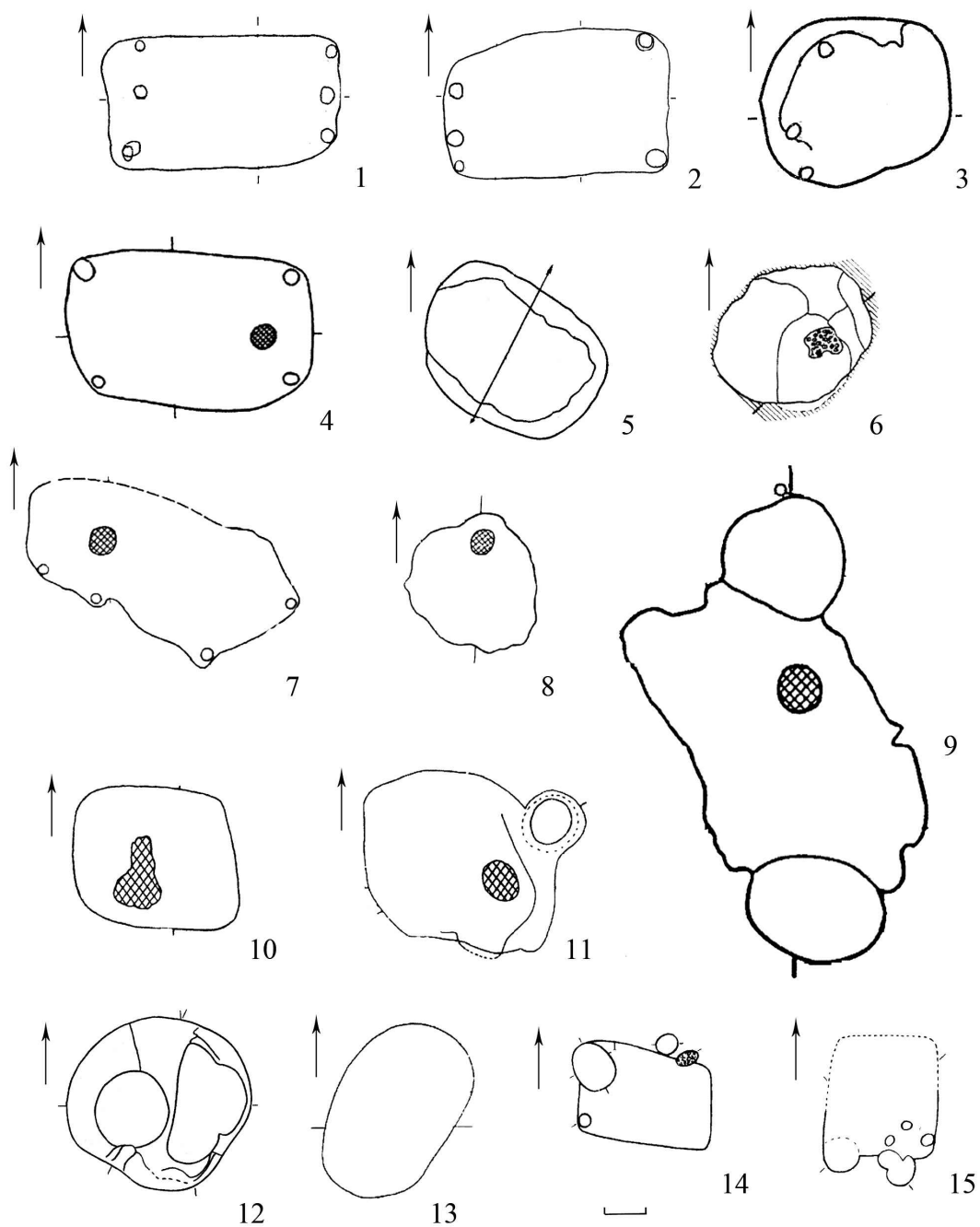

Рис. Б.3.19. Постройки на памятниках типа Демьянов – Черепин.

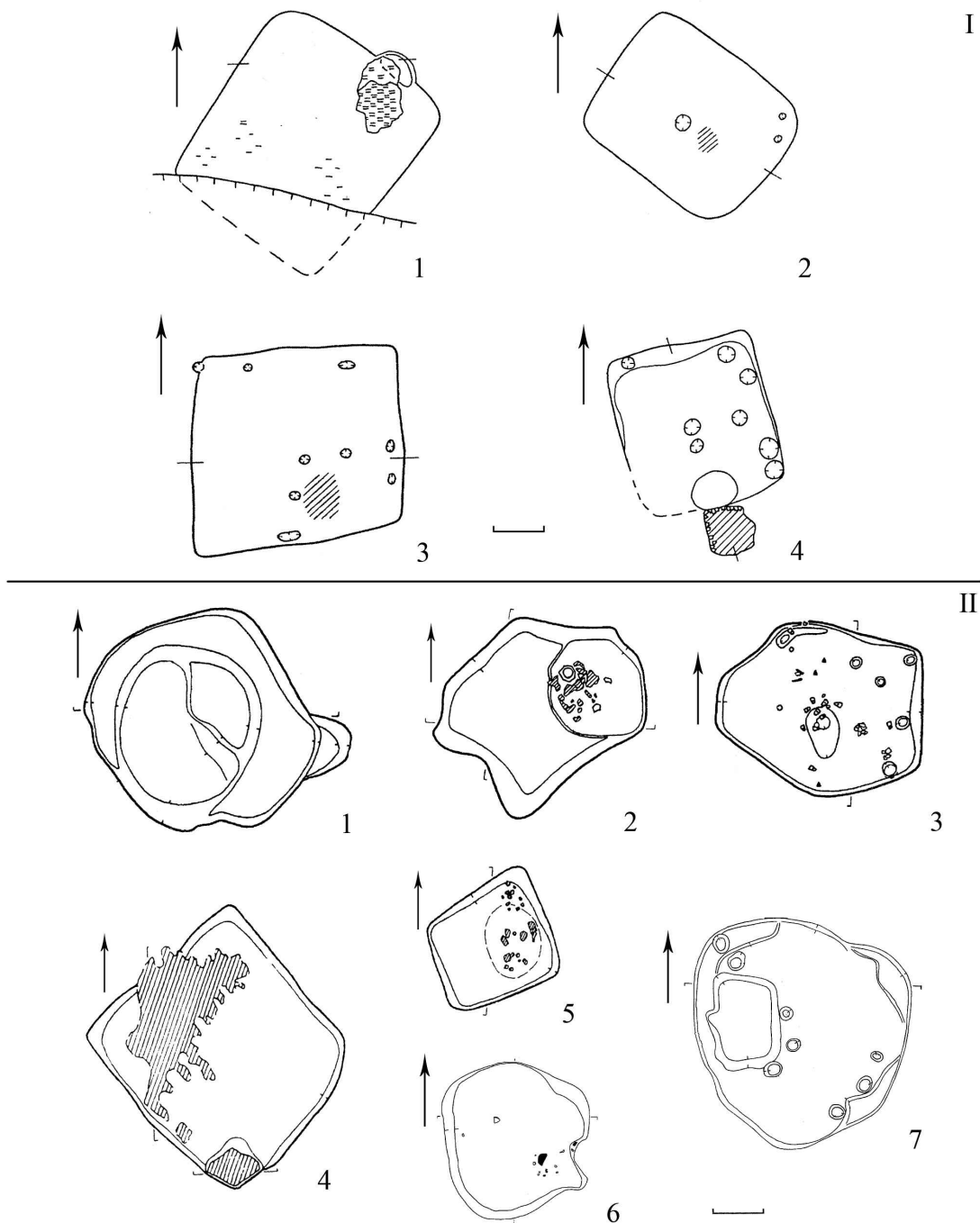

Рис. Б. 3. 20. Постройки киевской культуры (I) и памятников типа Седелки – Каширка (II).

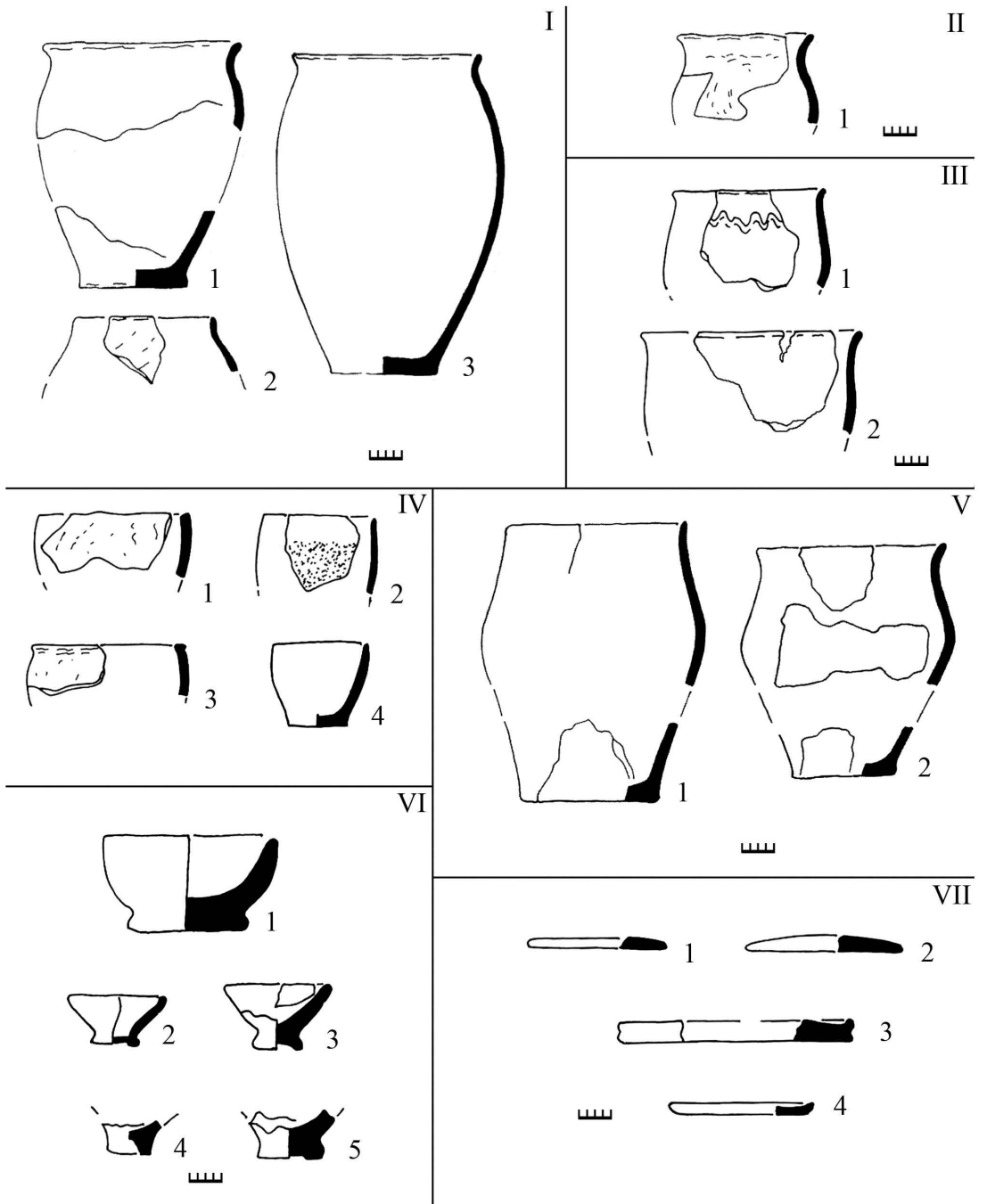

Рис. Б. 3. 21. Основные типы лепной керамики на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи.

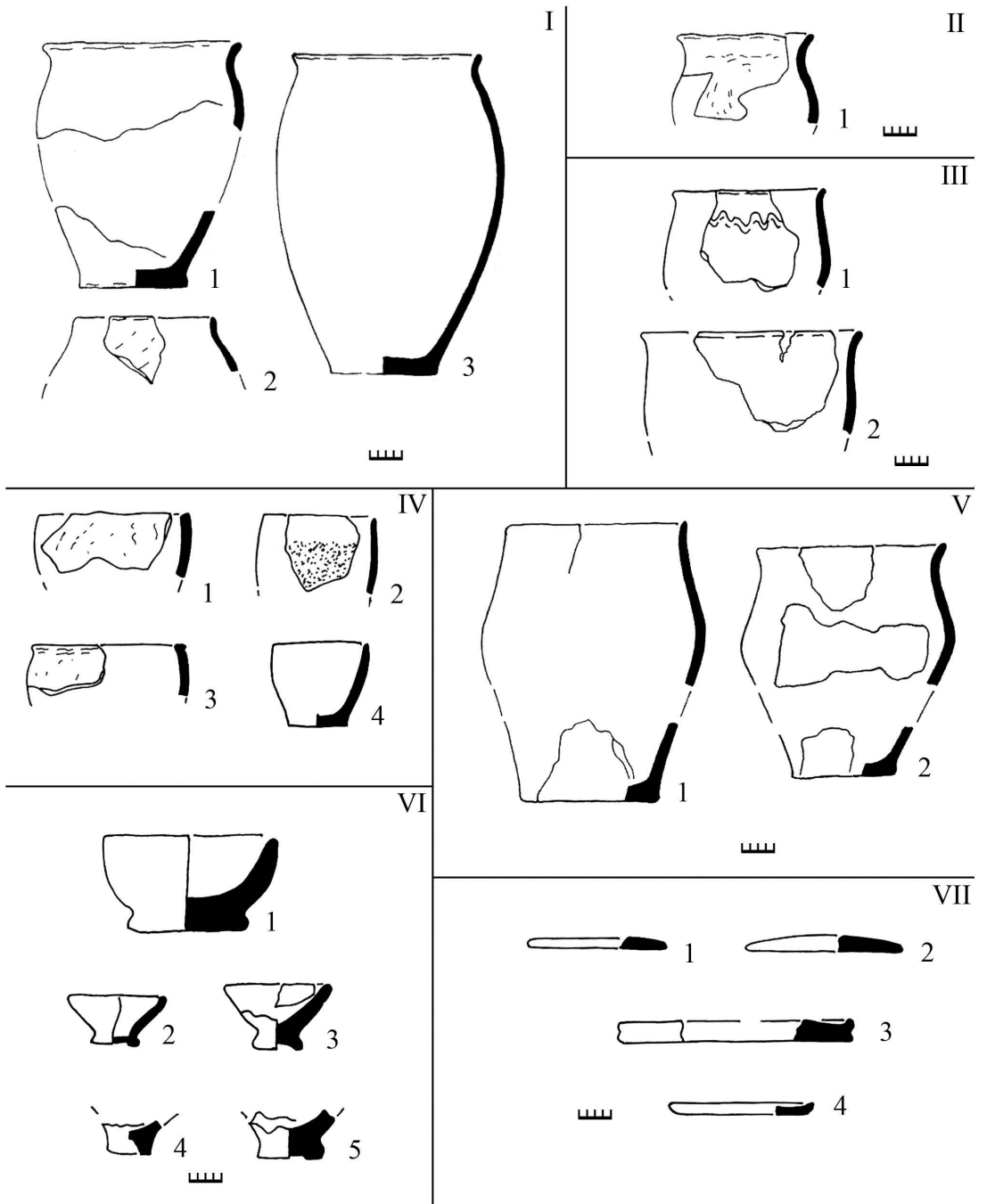

Рис. Б. 3. 21. Основные типы лепной керамики на поселениях сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи.

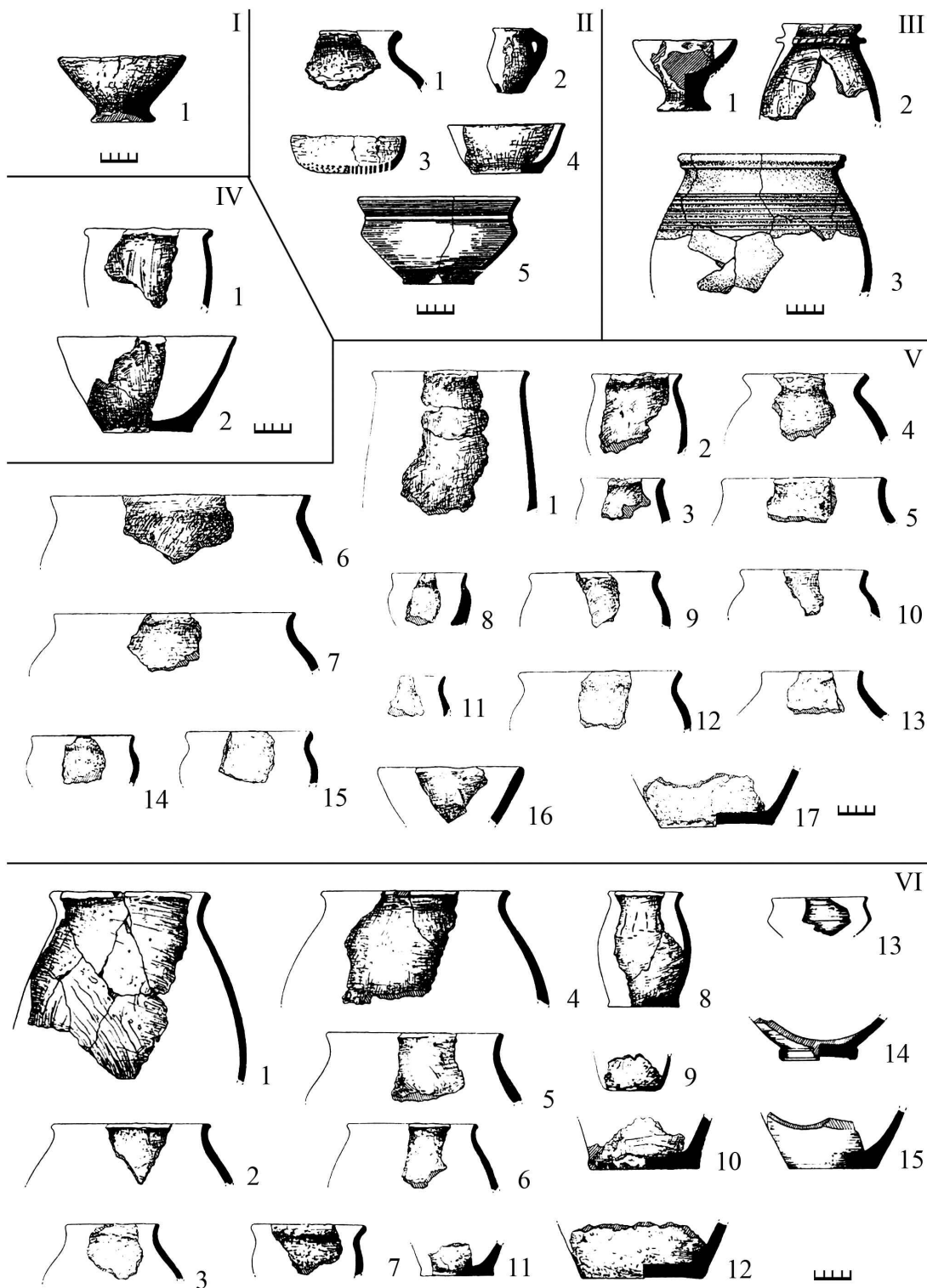

Рис. Б. 3. 22. Керамика памятников типа Демьянов – Черепин: поселение Бовшев 2: I – жилище 9; II – жилище 10; III – сооружение 11; IV – сооружение 17 (Баран, Гопкало, 2005, табл. 2: 5, 8 – 1 2; 5: 7 – 9, 12, 13); поселение Демьянов 2: V – жилище 4; VI – жилище 5 (Баран, Гопкало, 2005, табл. 15, 17).

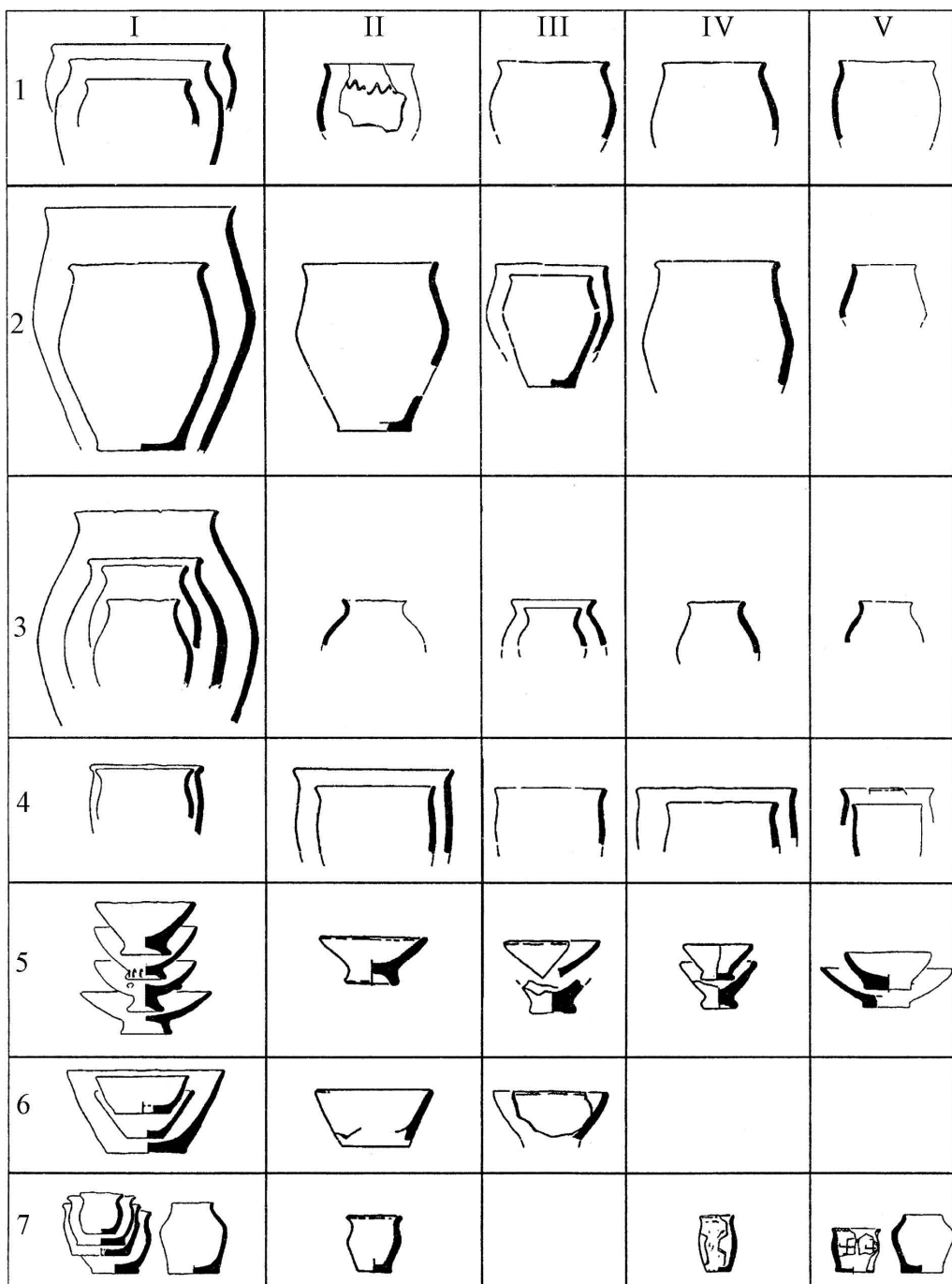

Рис. Б. 3. 23. Сравнительная таблица основных форм керамических комплексов памятников типа Демьянов – Черепин (I) и поселений сер. III – перв. четв. IV вв. в днепро – донецкой лесостепи: (II – V): II – Букреевка 2; III – Гочево 3, 4; IV – Боромля 2; V – Родной Край 3 (Баран, Гопкало, 2005, рис. 8).

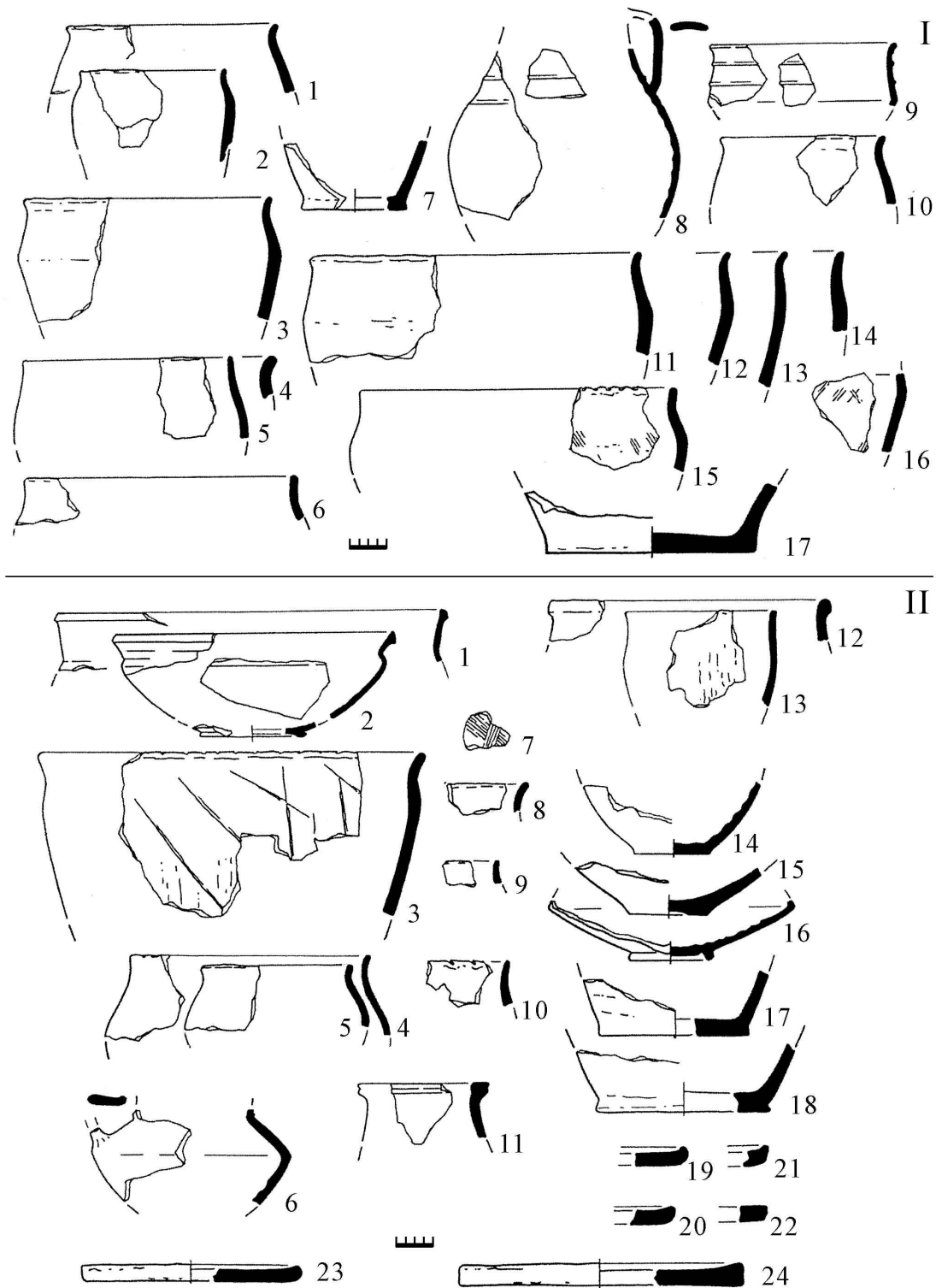

Рис. Б. 3. 24. Керамический комплекс памятников киевской культуры Среднего Поднепровья сер. III – нач. IV вв.: I – Глеваха, постройка 3; II – Глеваха, постройка 1 (Терпиловский, 2004, рис. 46, 45).

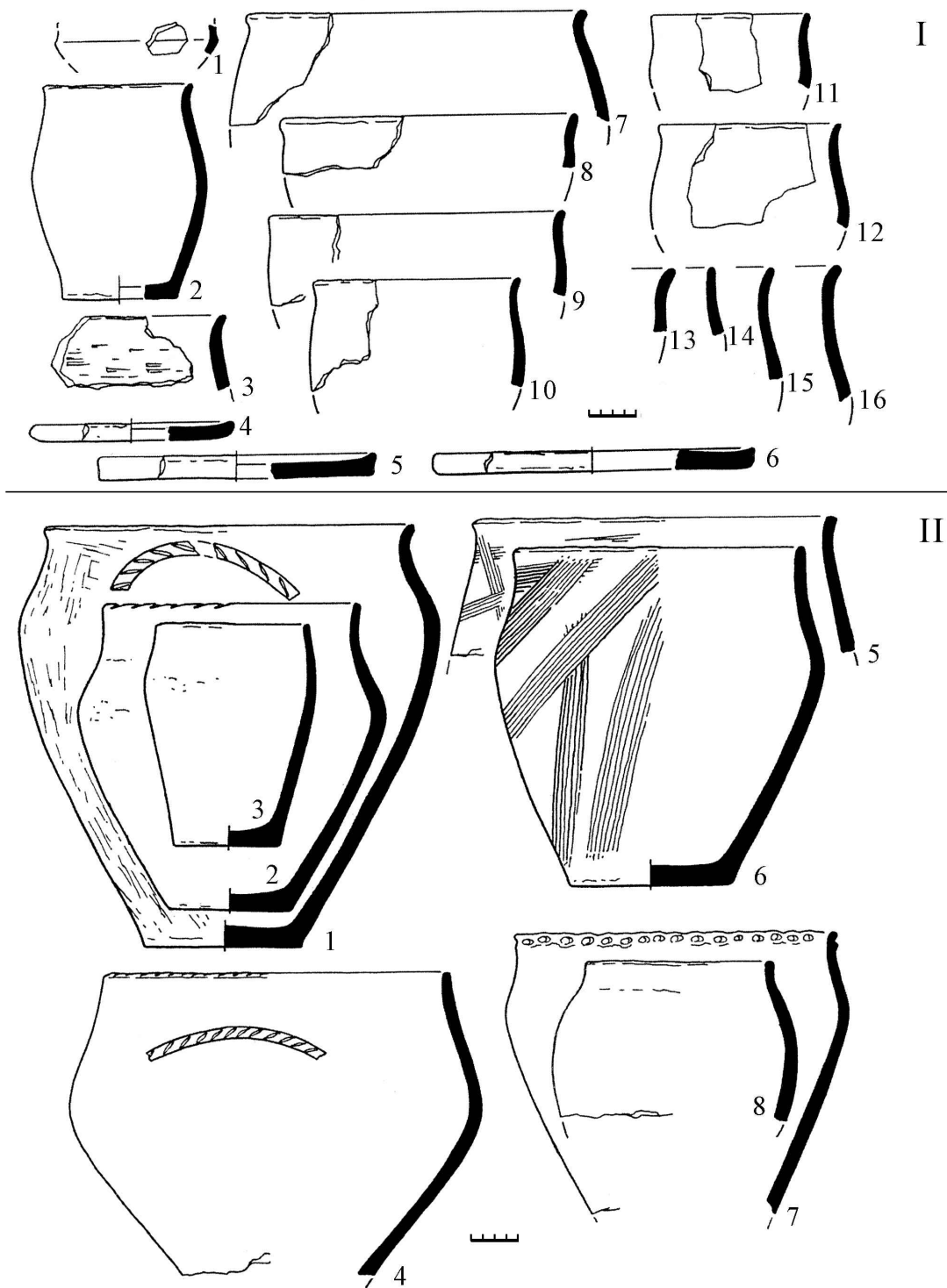

Рис. Б. 3. 25. Керамический комплекс памятников киевской культуры Подесенья сер. III – нач. IV вв.: I – Лавриков Лес, постройка 1; II – Верхнестриженское 3, постройка 1 (Терпиловский, 2004, рис. 48, 52).

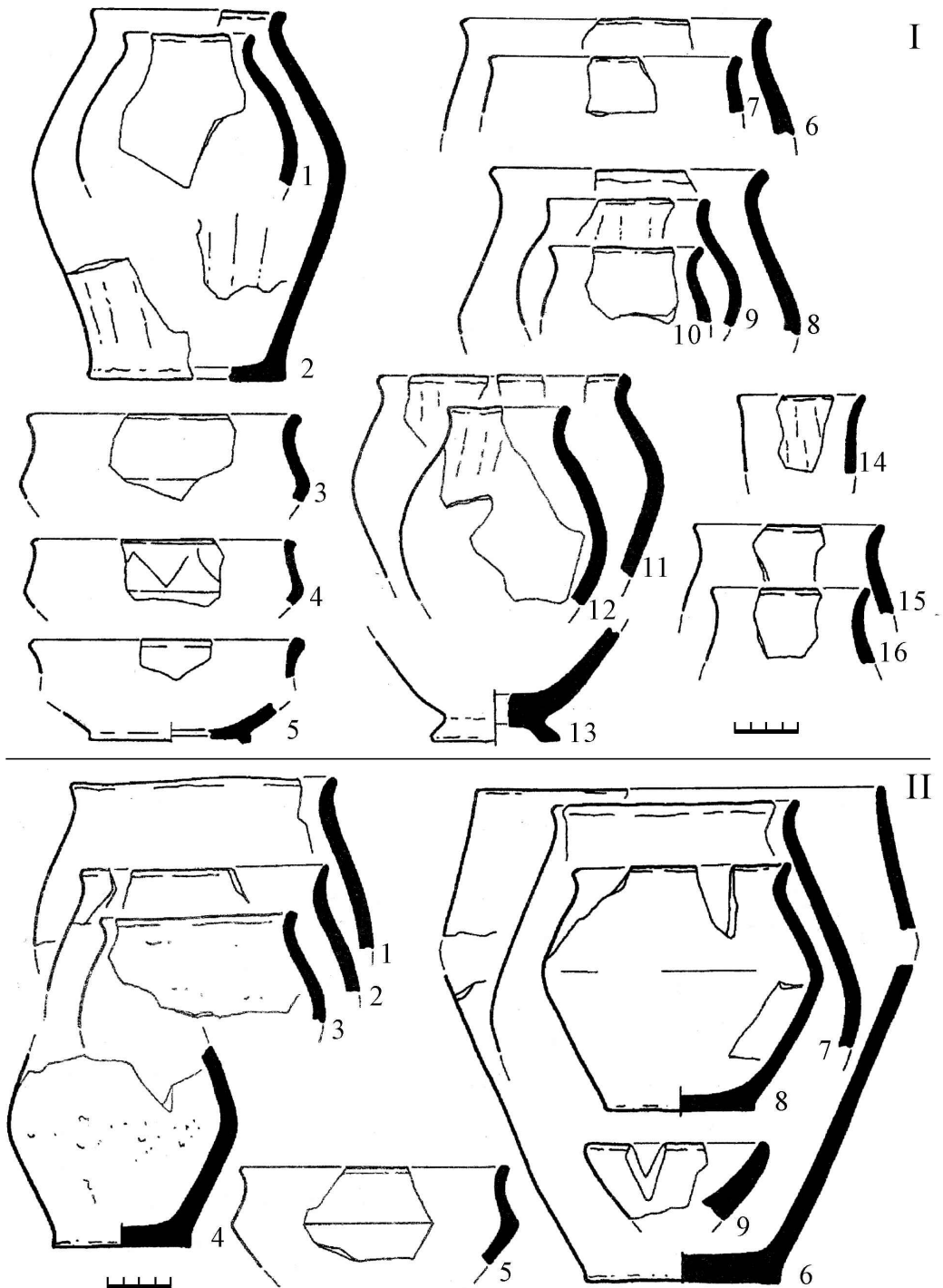

Рис. Б. 3. 26. Керамический комплекс памятников типа Седелки – Каширка.

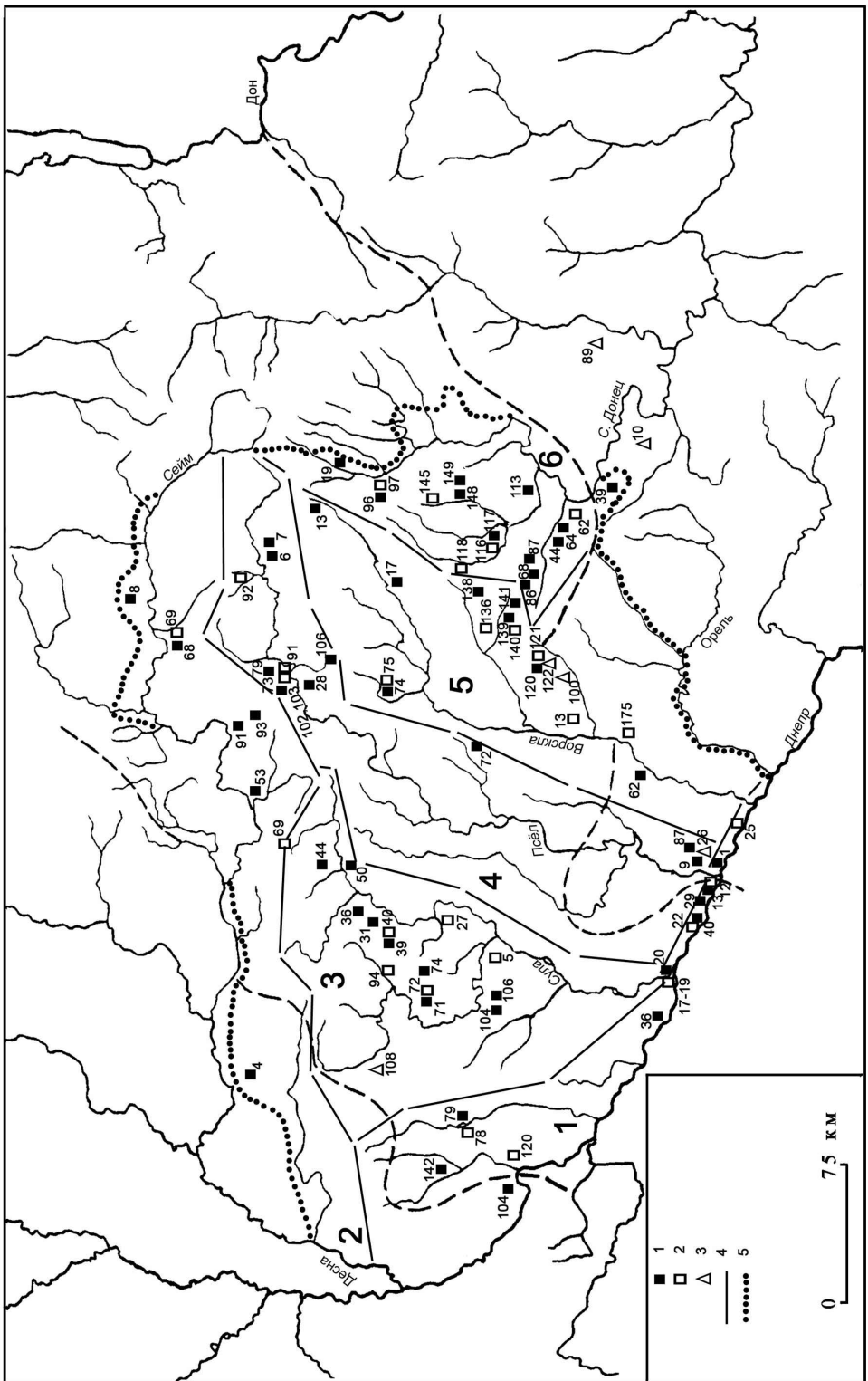

Рис. Б. 4. 1. Ареал черняховской культуры в области днепро – донецкой лесостепи с указанием памятников, изученных раскопками (карта) (номер памятника совпадает с номером в табл. А. 4. 2).

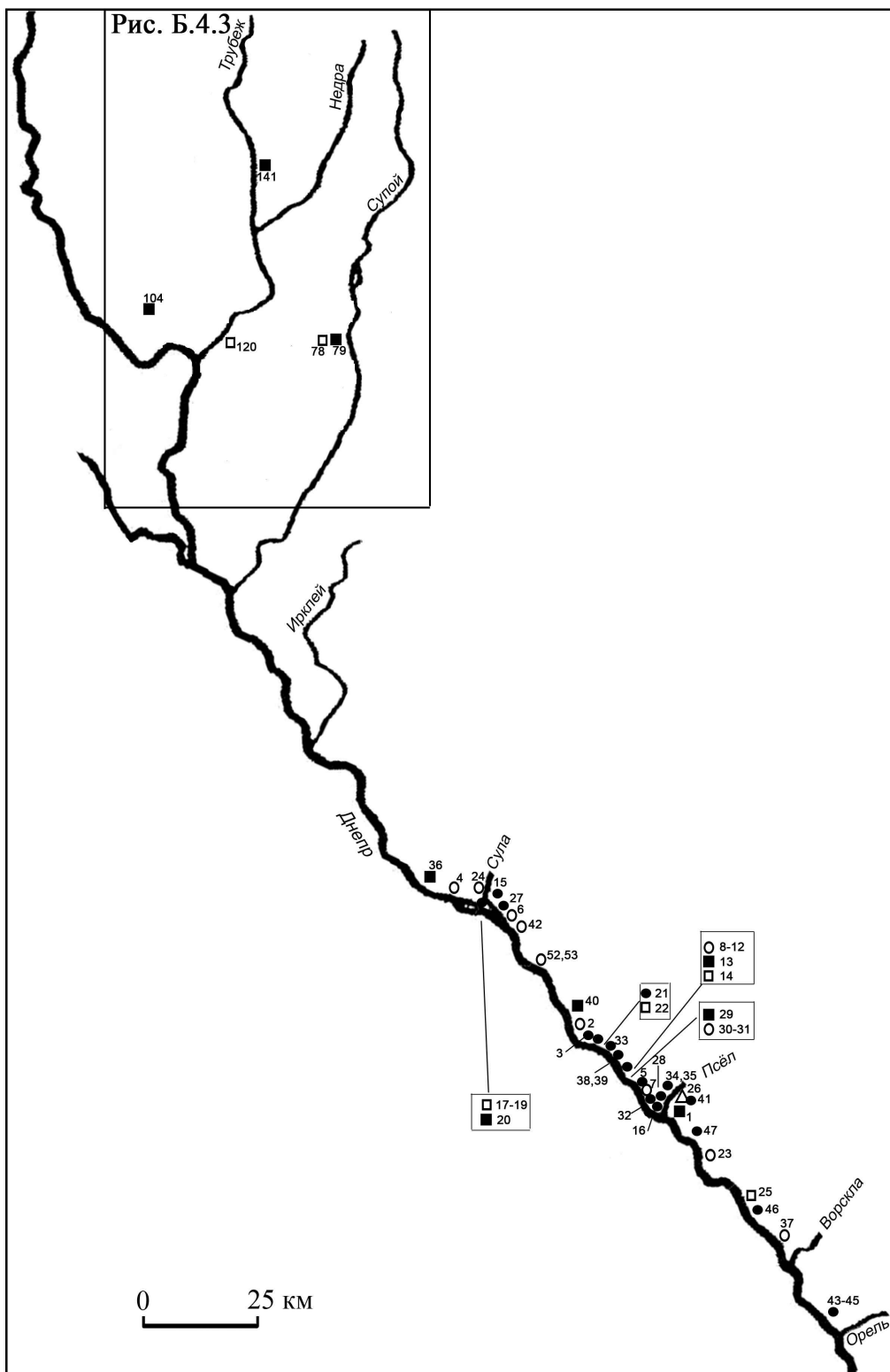

Рис. Б. 4. 2. Памятники черняховской культуры района 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

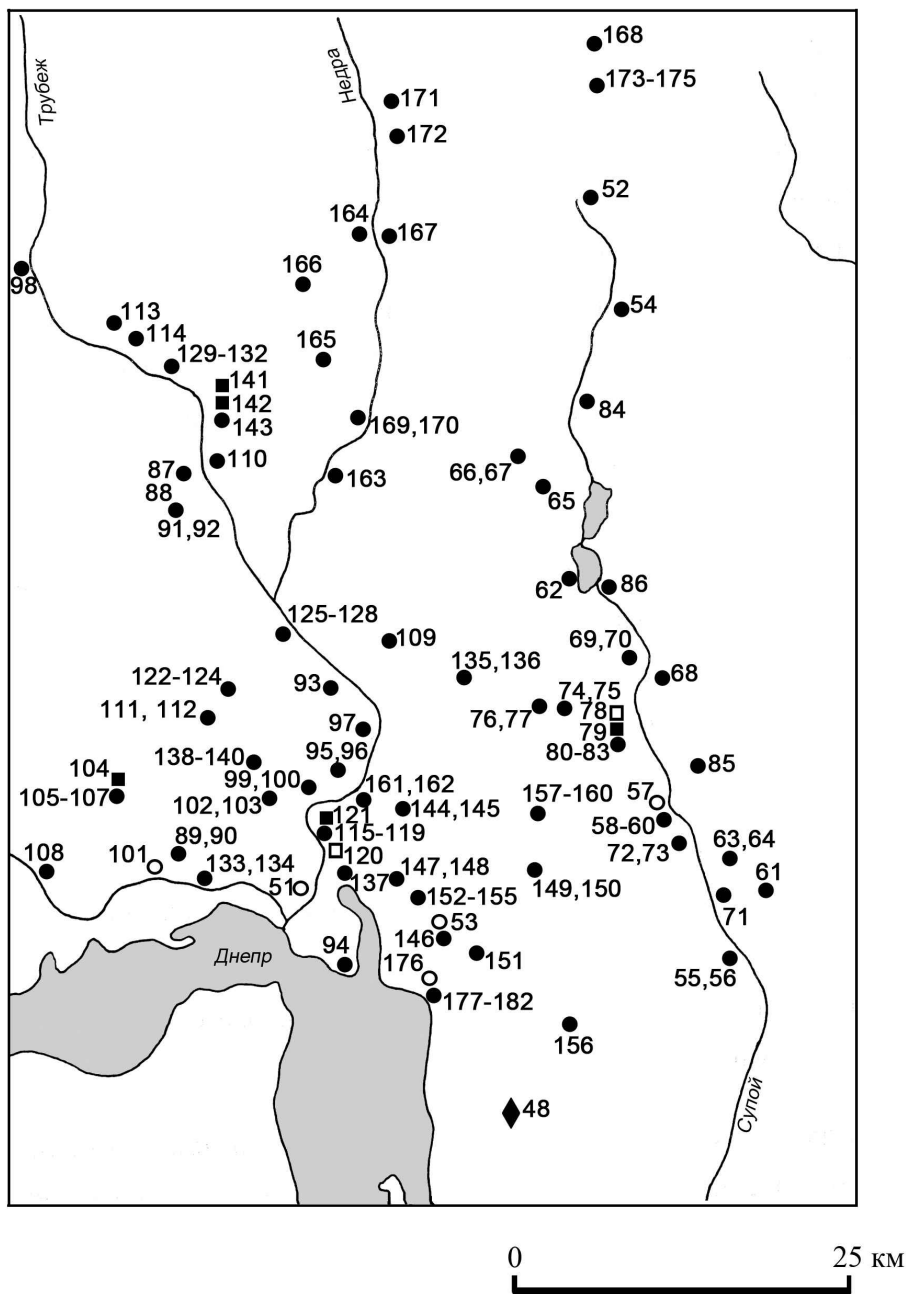

Рис. Б. 4. 3. Памятники черняховской культуры участка «Днепр – Трубеж – Сулой», относящегося к району 1 «Днепр, прибрежная часть левого берега» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

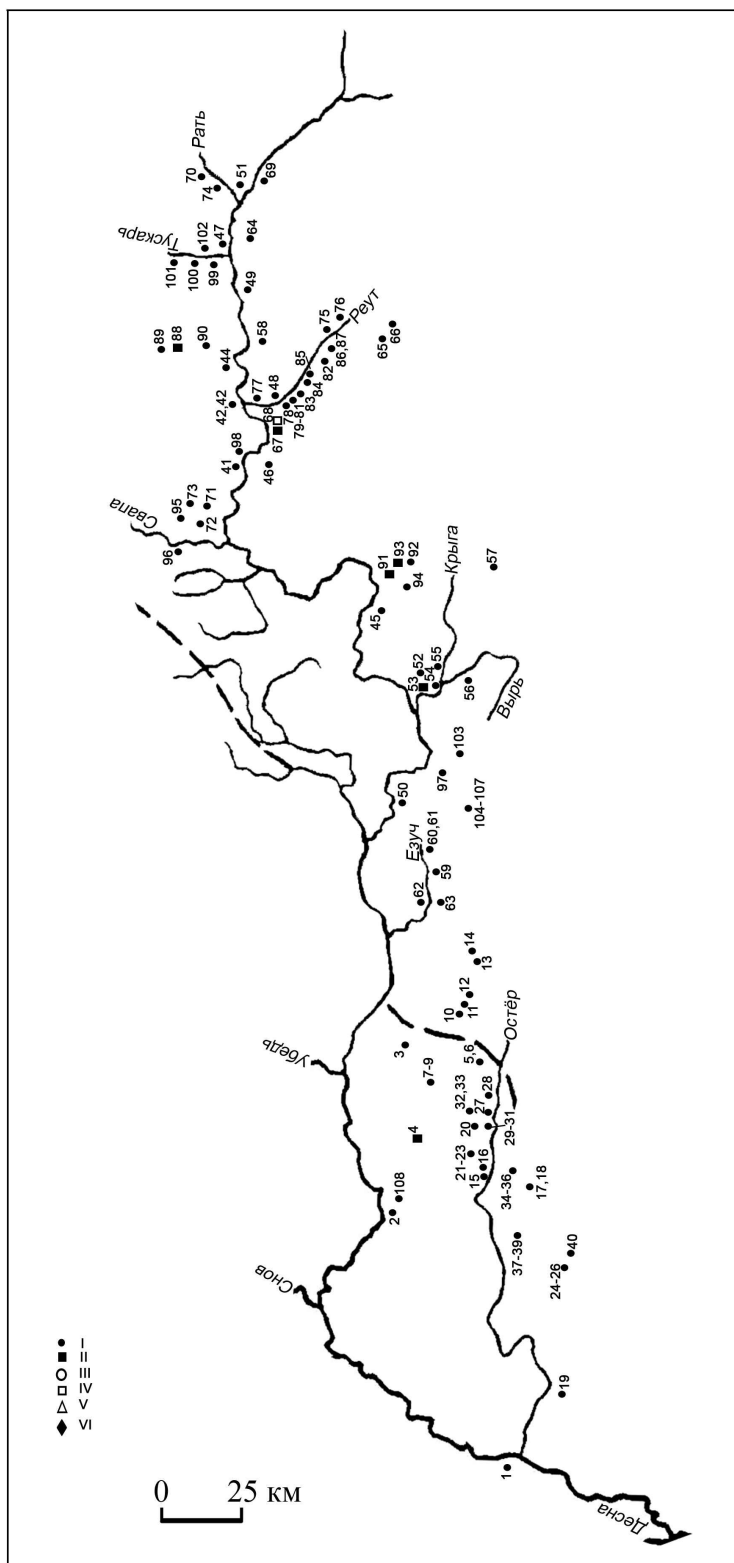

Рис. Б. 4. 4. Памятники черняховской культуры района 2 «Десна – Сейм» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

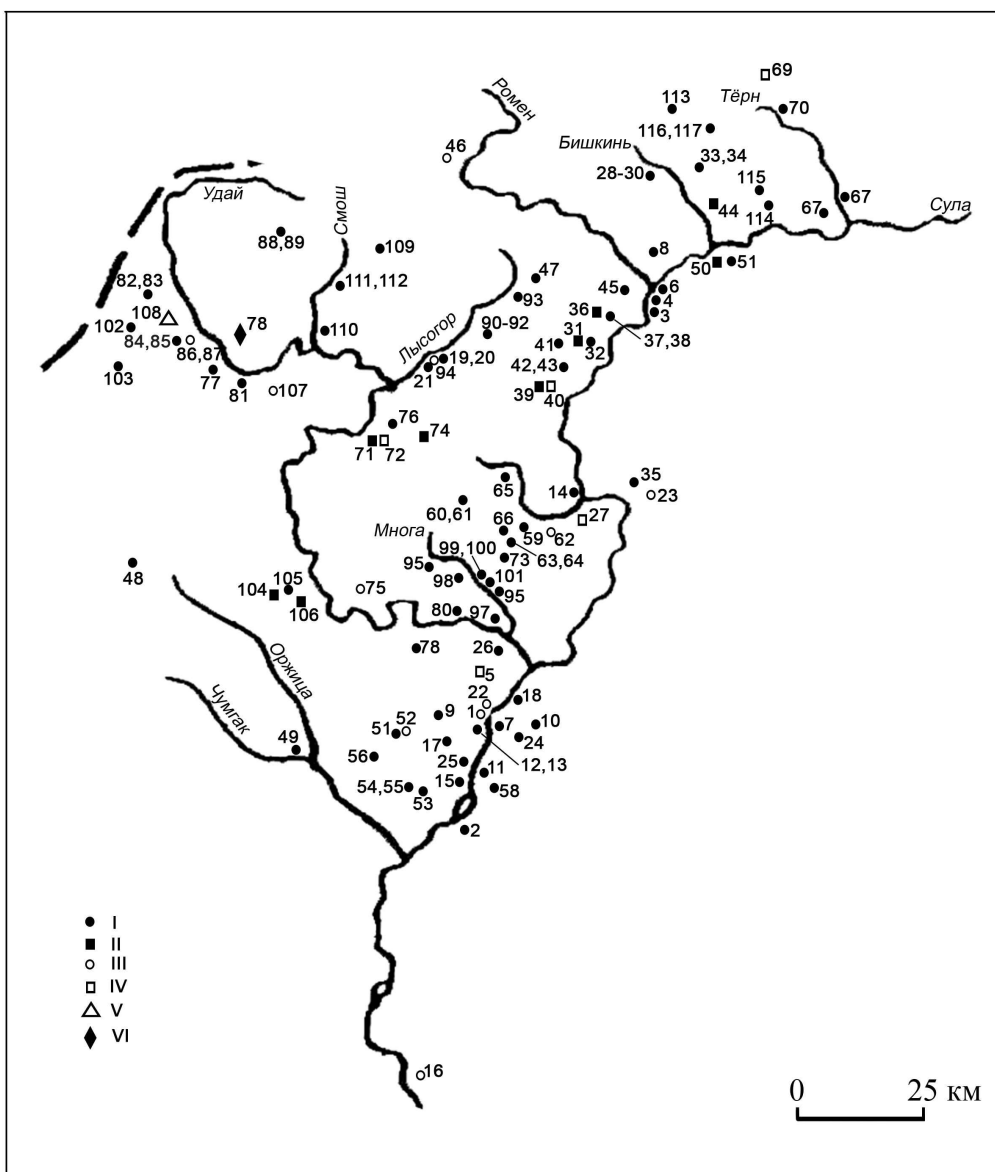

Рис. Б. 4. 5. Памятники черняховской культуры района 3 «Сула» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А.4.2).

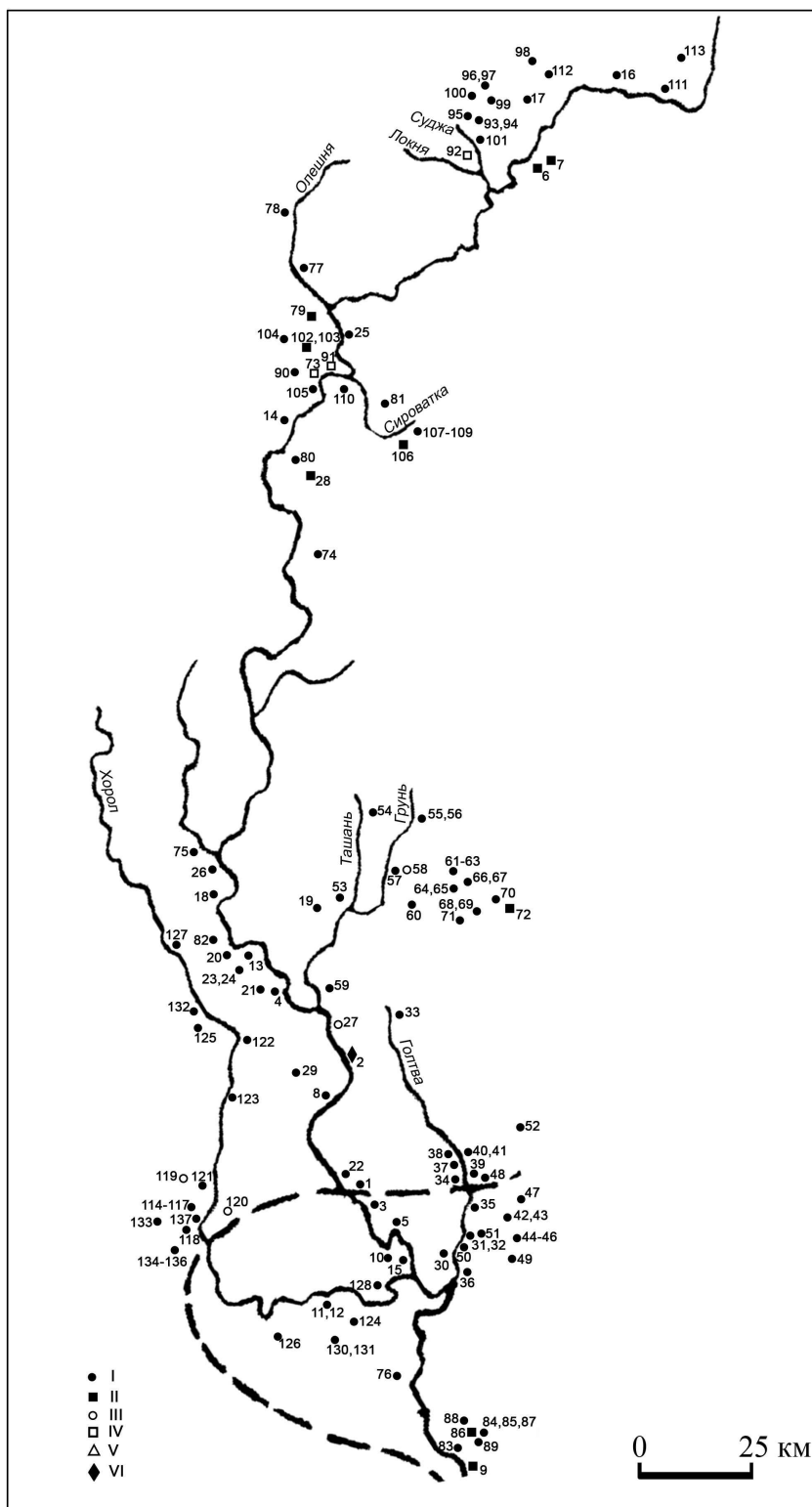

Рис. Б. 4. 6. Памятники черняховской культуры района 4 «Псел» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

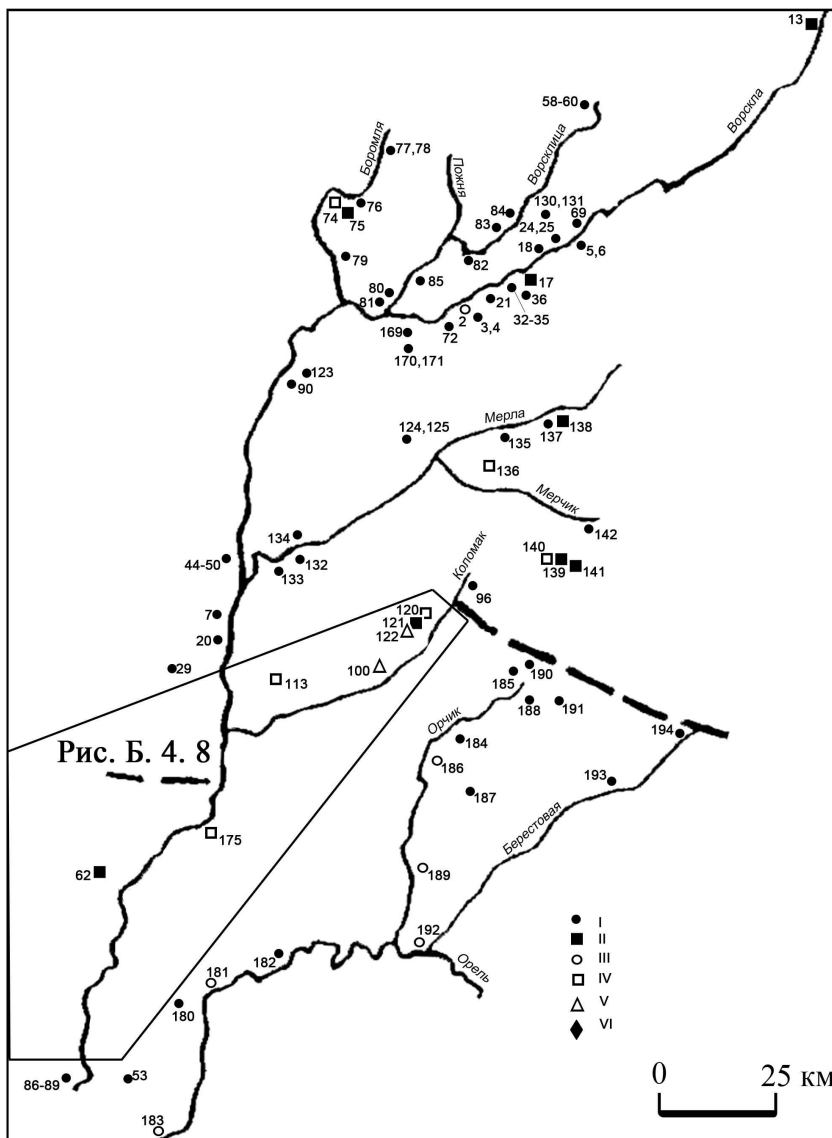

Рис. Б. 4. 7. Памятники черняховской культуры района 5 «Ворскла – Орель» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

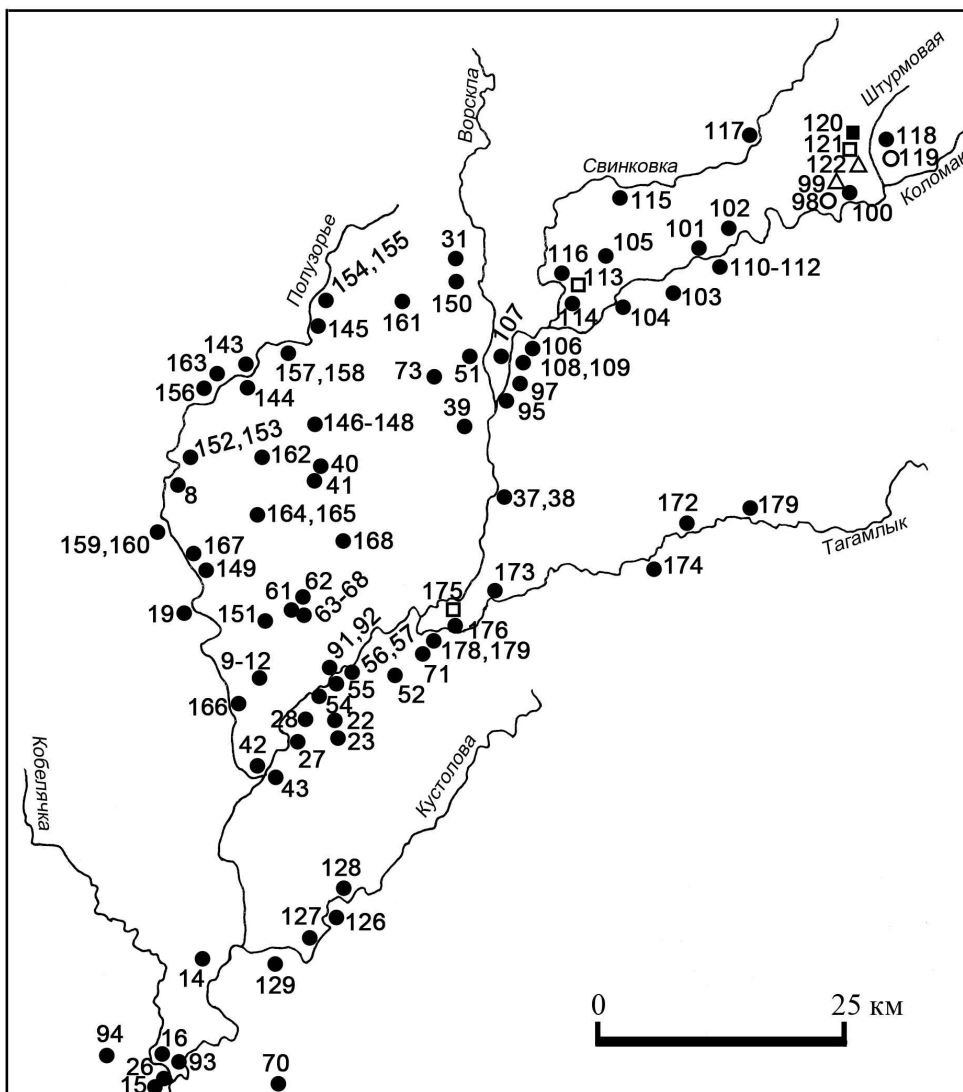

Рис. Б. 4. 8. Памятники черняховской культуры участка «Нижняя Ворскла – Полузорье – Кустолова – Тагамлык – Коломак», относящегося к району 5 «Ворскла – Орель» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

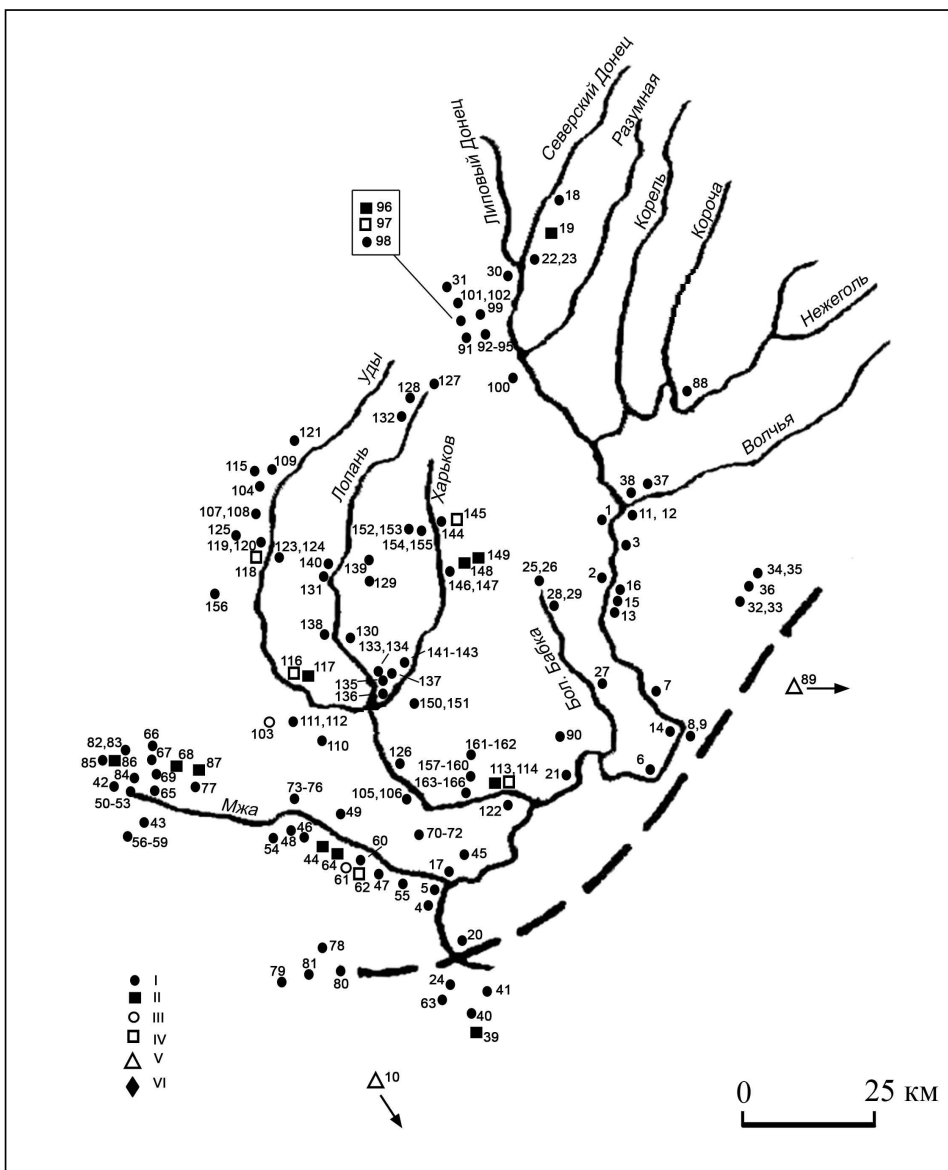

Рис. Б. 4. 9. Памятники черняховской культуры района 6 «Северский Донец» (карта) (номер памятника на карте соответствует номеру в табл. А. 4. 2).

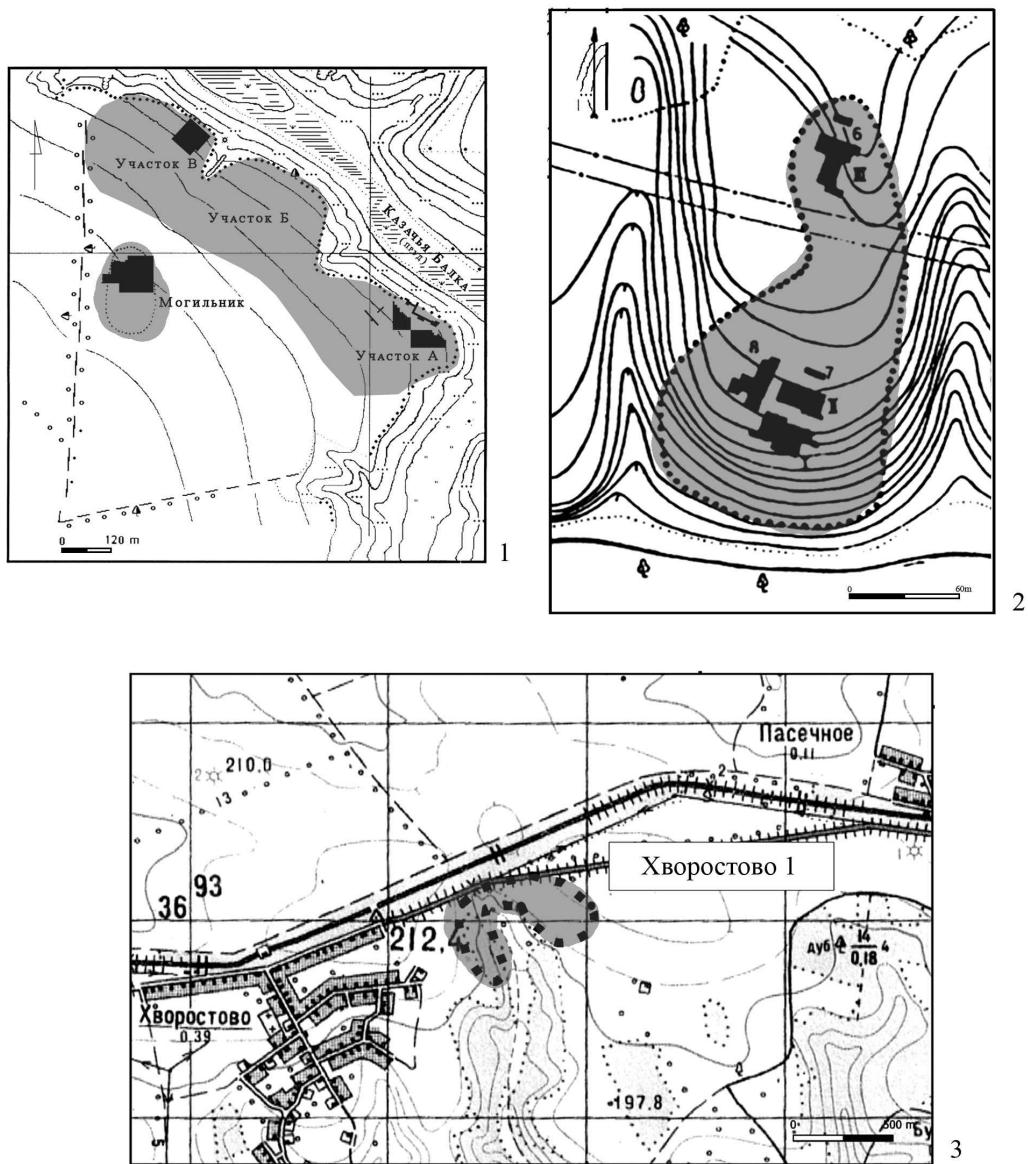

Рис. Б. 4. 10. Топографическое положение памятников черняховской культуры (карта): Войтенки 1 (поселение и могильник) (1), Головино 1 (поселение: I, II, 7, 8; могильник: III, 6) (Обломский, 2001 – 2002, рис. 2) (2), поселение Хворостово 1 (3).

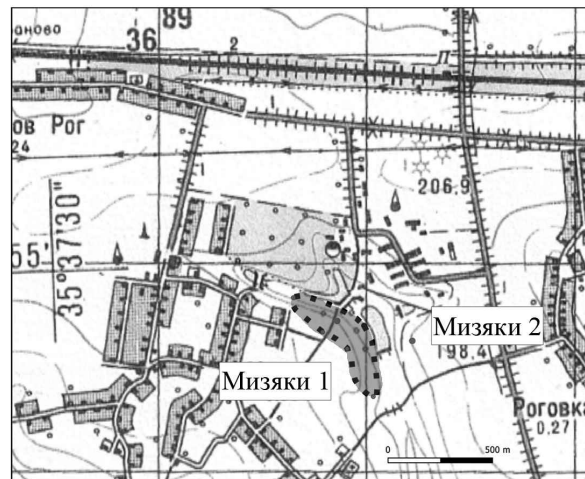
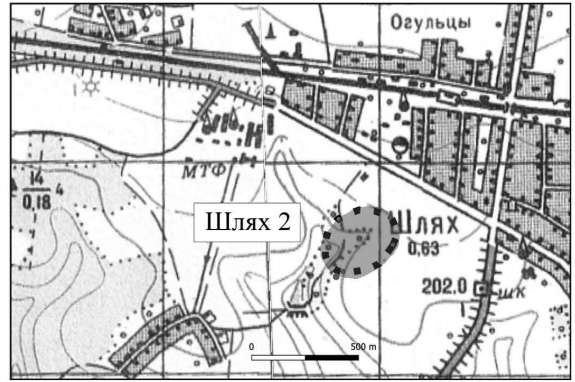

Рис. Б. 4. 11. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Халимоновка (1), Шлях 2 (2), Трофимовка (3), Мизяки (Бараново) 1 и 2 (4).

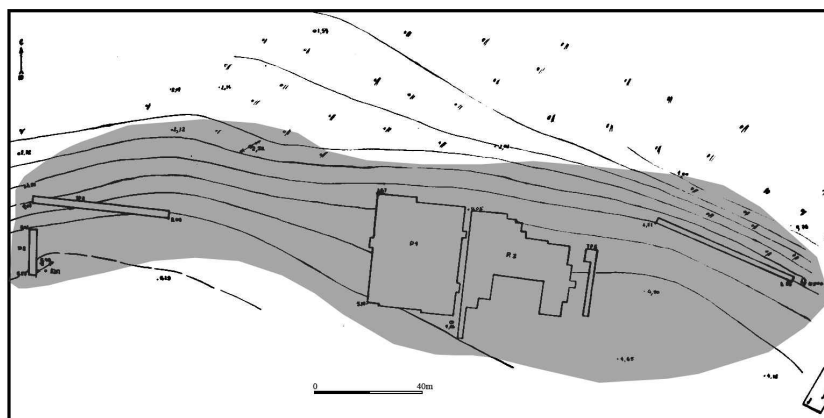
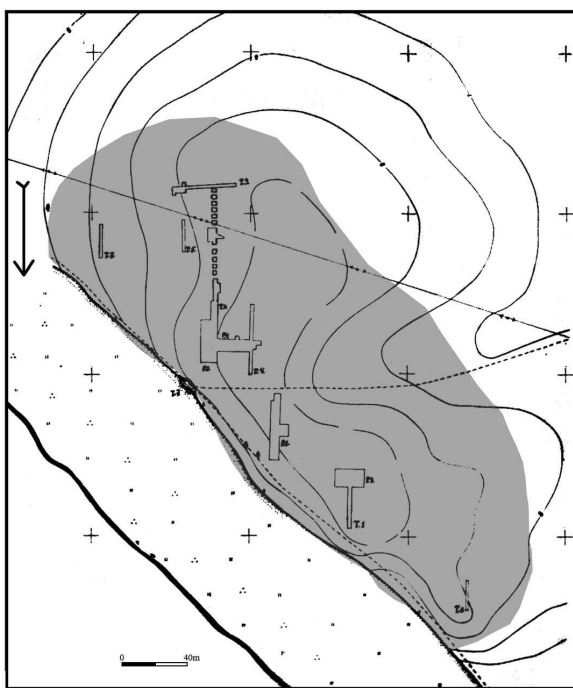
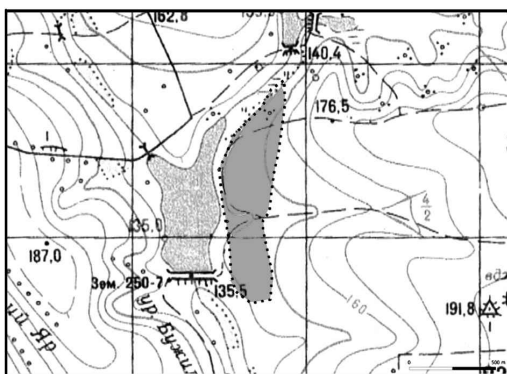
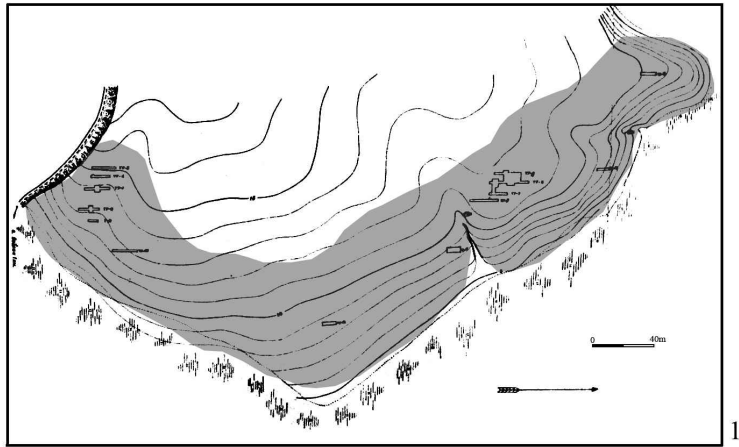
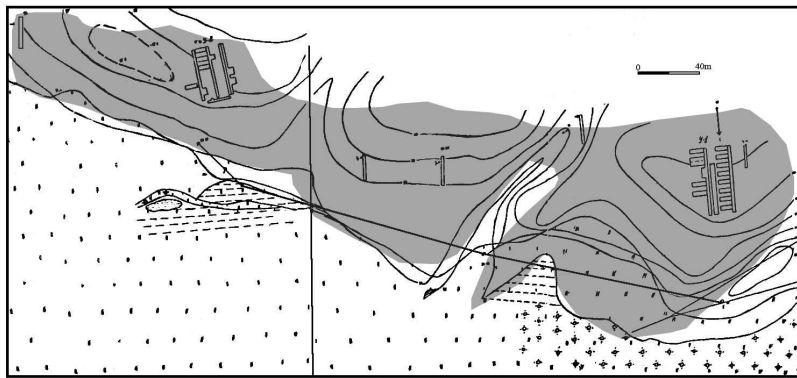

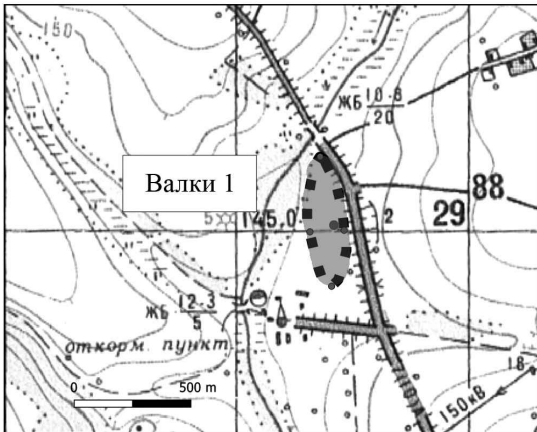
Рис. Б. 4. 12. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Новоберекское (1), Огульцы (2), Песчаное (Журко, 1990в, рис. 3) (3), Краснополье 1 (Журко, 1987, рис. 1) (4).

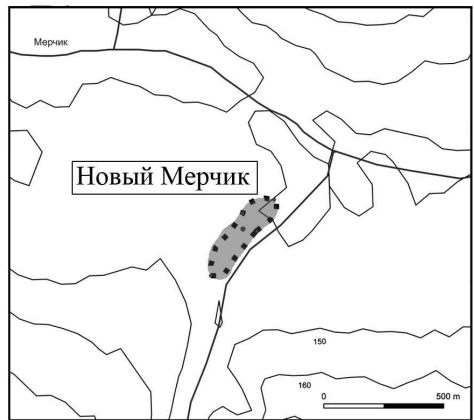
1

2

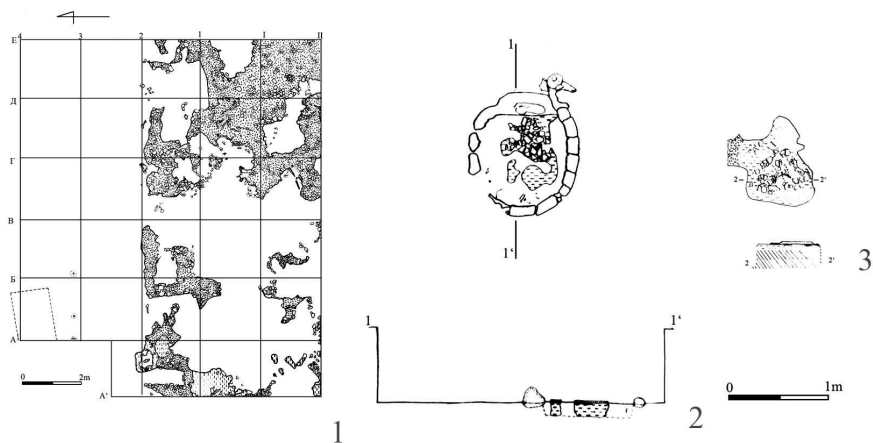

3

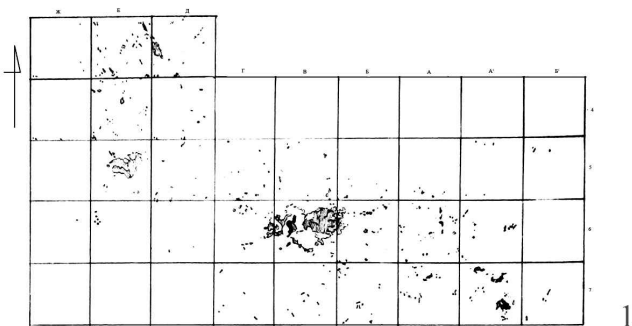

4

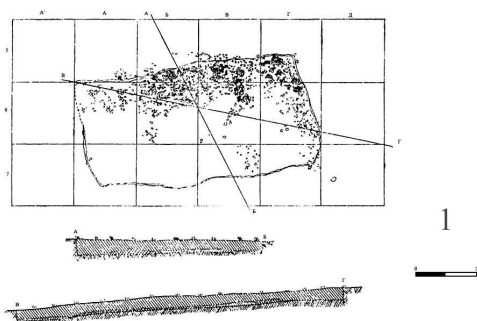
Рис. Б. 4. 13. Топографическое положение поселений черняховской культуры (карта): Великий Бобрик (Журко, 1988б, рис. 25) (1), Косовщина 1, 2 (Журко, 1987, рис. 1) (2), Валки 1 (3), Новый Мерчик (4).

I

II

III

Рис. Б. 4. 14. Наземные глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры: I – Артюховка, сооружение 1 (1) и очаги из него (2, 3) (Горюнов, Усова, 1974, рис. 73, 89); II – Максимовка (раскоп III) (Костюченко, 1959, табл. XIV); III – Кантемировка (2) (Махно, 1952, рис. 2).

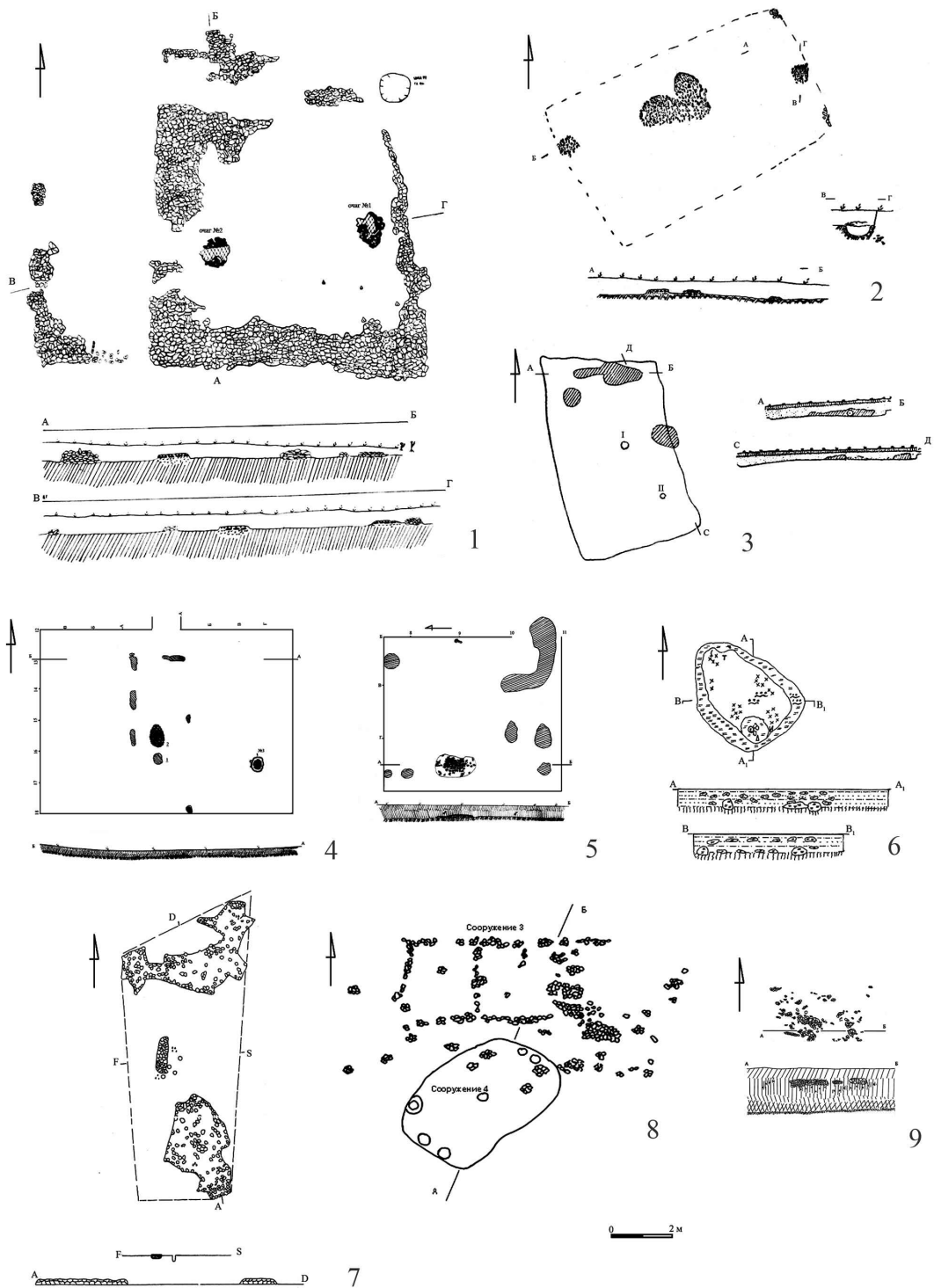

Рис. Б. 4. 15. Наземные каркасно – глинобитные сооружения на поселениях черняховской культуры: Краснополье 1 (жилище 4) (1), Великий Бобрик (жилище № 5) (2) (Журко, 1988б, рис. 35, 36), Беседовка (ур. Белопольских) (3) (Махно, 1955б, рис. 4), Песчаное: жилища 1 (4) и 3 (5) (Журко, 1990в, рис. 12, 42); Колесники, постройка 1 (6), Халимоновка (7) (Любичев, 2005б, рис. 3); Войтенки, участок «А»: сооружение 3 (8), сооружение 5 (9).

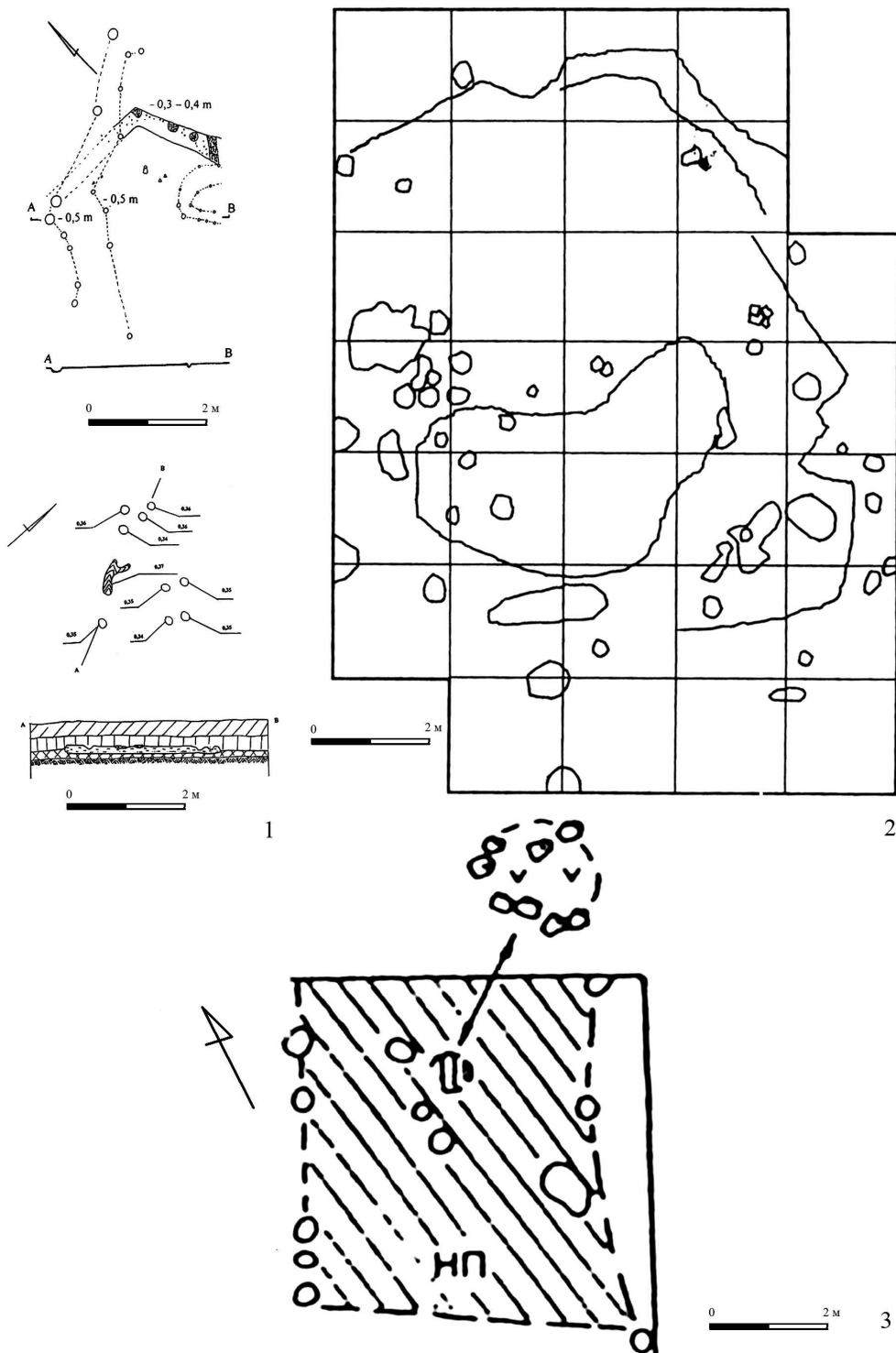

Рис. Б. 4. 16. Наземные каркасно – столбовые сооружения на поселениях черняховской культуры: Войтенки 1, участок «В» (1), Барбара, постройка 1 (Башкатов, 2010б, рис. 3) (2), Головино 1, постройка 5 (Обломский, 2001 – 2002, рис. 3) (3).

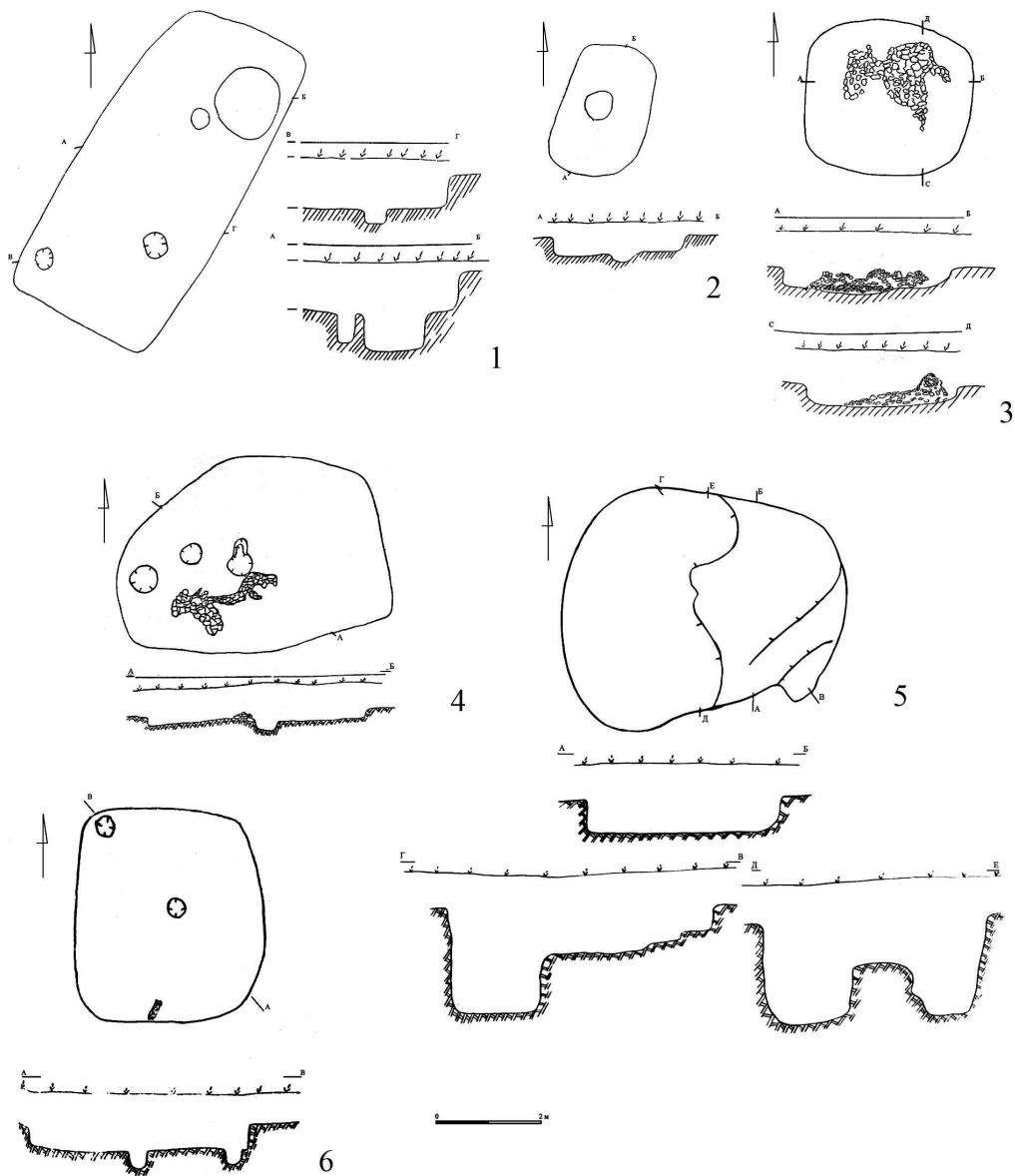

Рис. Б. 4. 17. Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры: Краснополье, сооружения 1 (1), 2 (2), 3 (3) (Журко, 1987, рис. 3 – 5), Великий Бобрик, сооружения 1 (4), 4 (5), 3 (6) (Журко, 1988б, рис. 29, 33, 34).

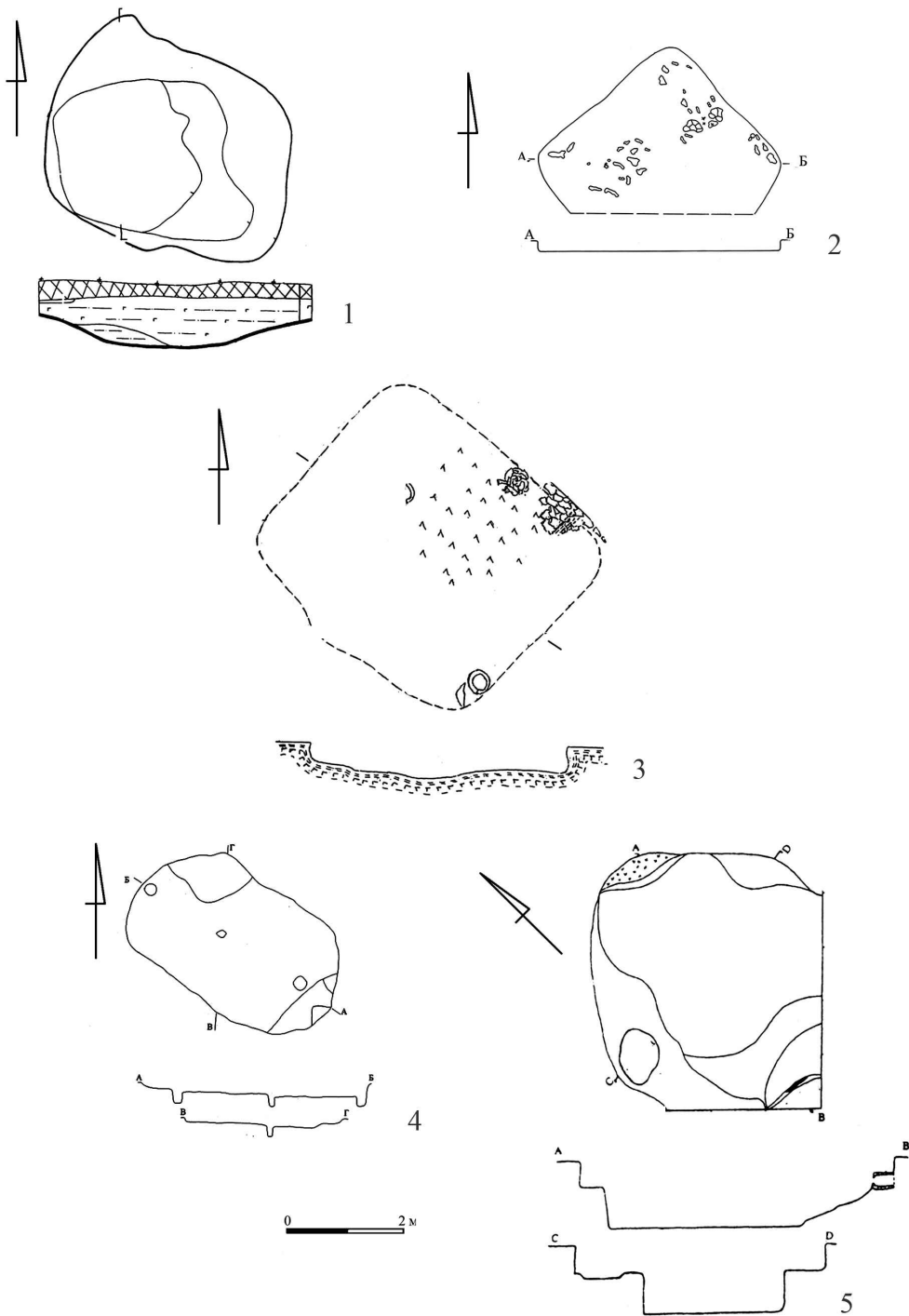

Рис. Б. 4. 18. Углубленные сооружения на поселениях черняховской культуры: 1 – 10 – й Октябрь, сооружение 3 (Обломский, 2002, рис. 42); 2 – Тимченки; 3 – Давыдовка; 4 – Войтенки 1, участок «А», сооружение 10; 5 – Войтенки, участок «В».

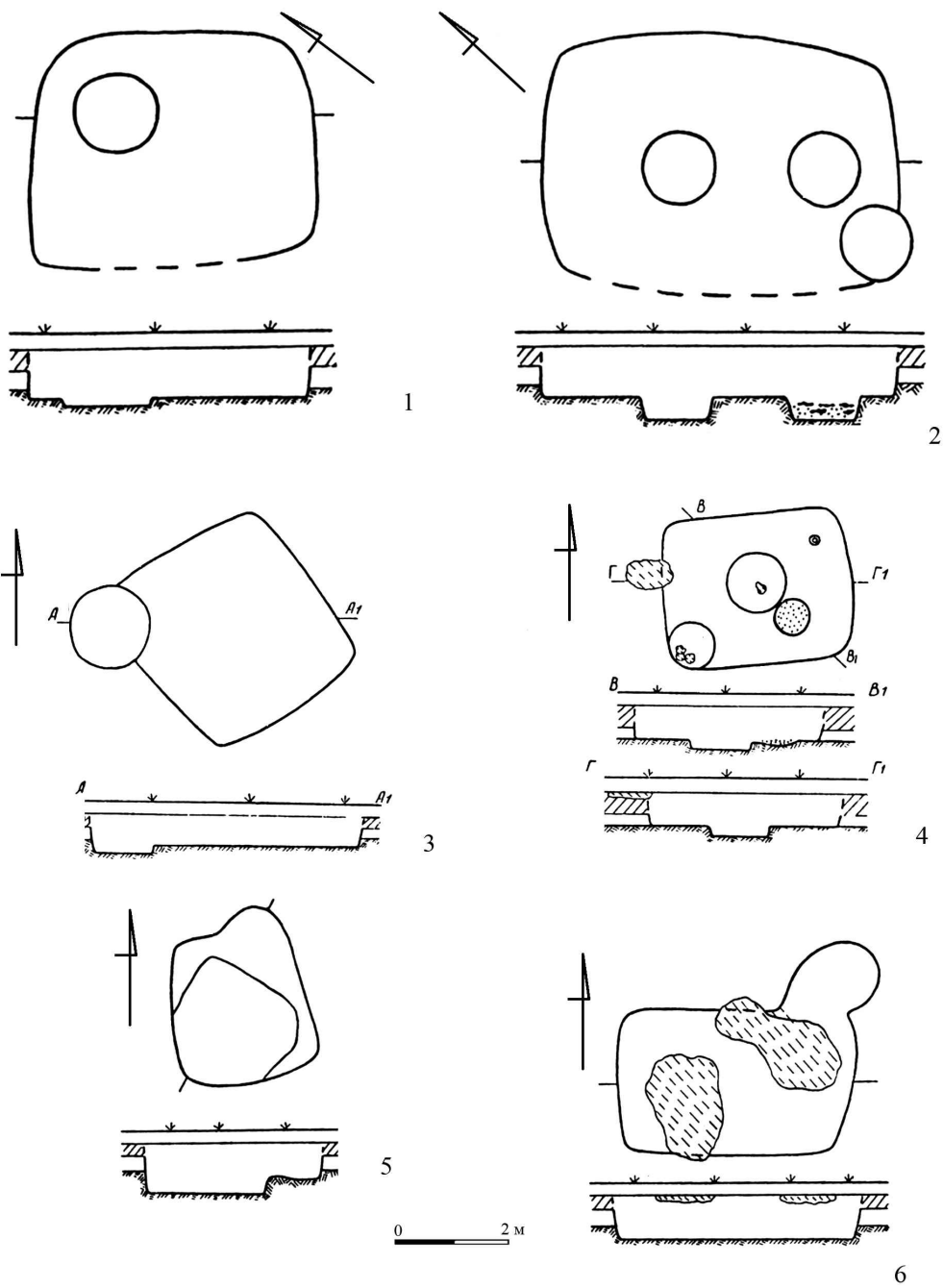

Рис. Б. 4. 19. Углубленные сооружения поселения черняховской культуры Хлопков 1: жилища 1 (1), 2 (2), 3 (3), 8 (4), 7 (5), 4 (6) (Некрасова, 1988, рис. 3: 1, 2; 4: 1, 2; 5: 5, 6).

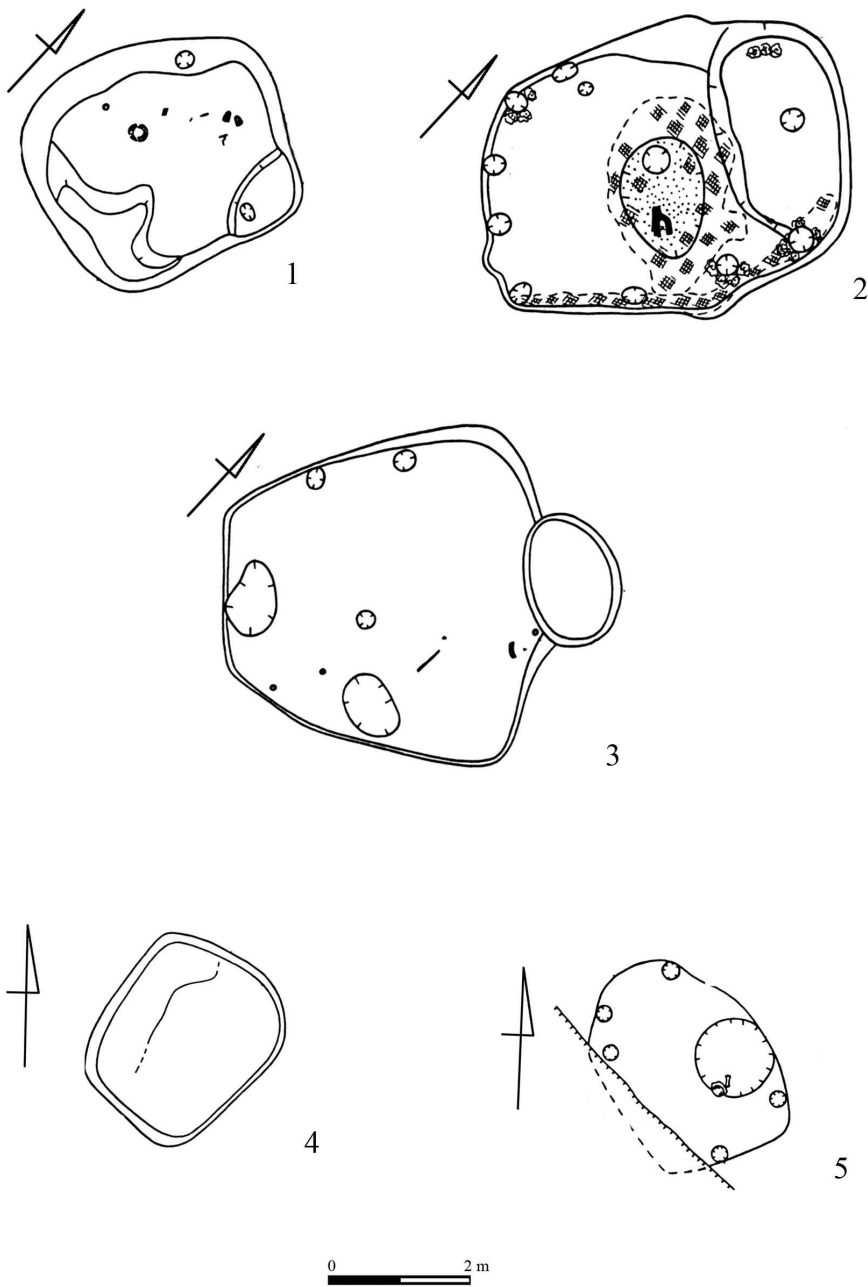

Рис. Б. 4. 20. Углубленные сооружения второго и третьего горизонтов поселения Боромля 2: постройка 5 (1), жилище 7 (2), постройка 8 (3); постройки 9 (4), 2 (5) (Некрасова, 2006, рис. 22, 27, 30, 33, 35).

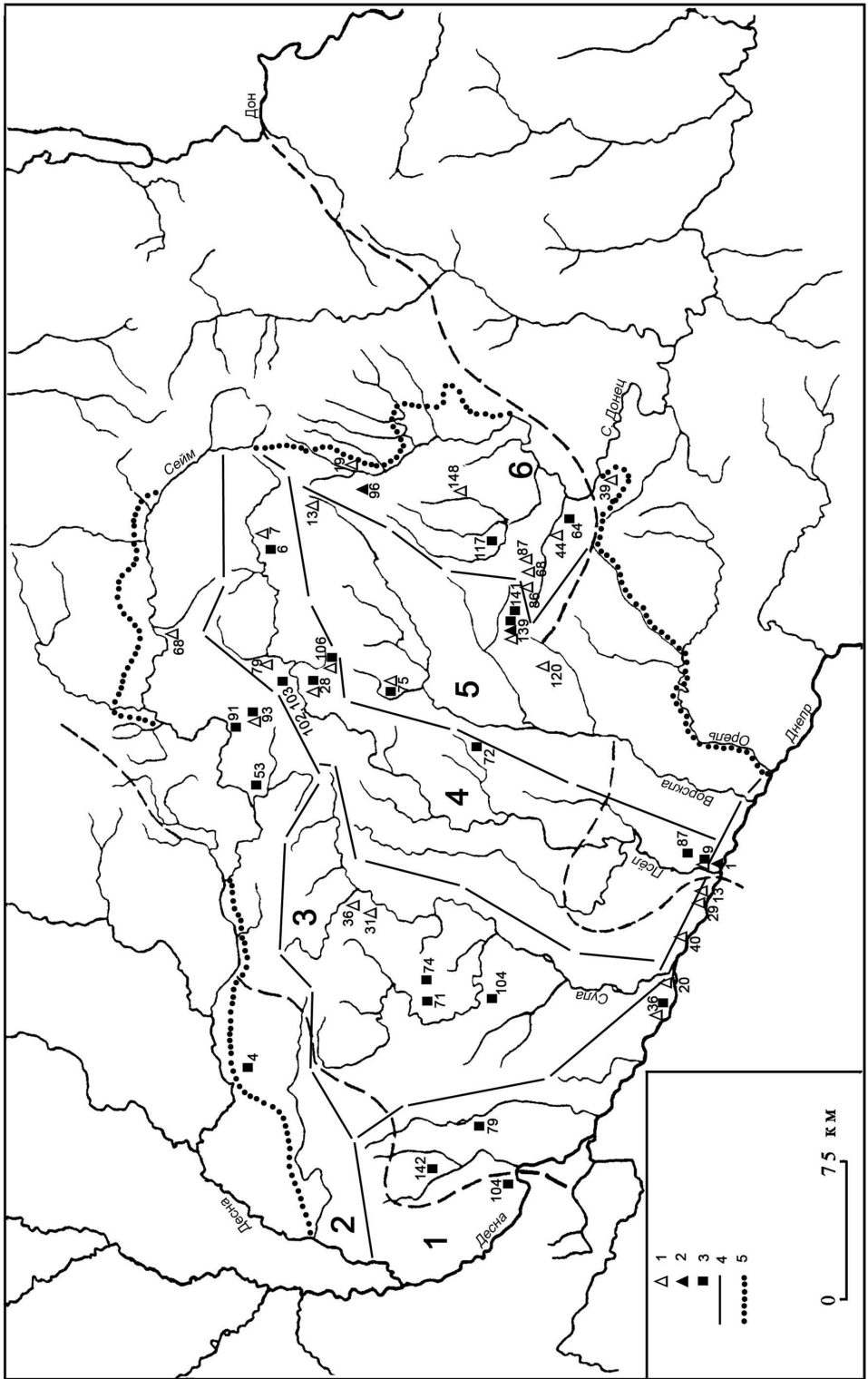

Рис. Б. 4. 21. Типы сооружений на поселениях черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи (карта).

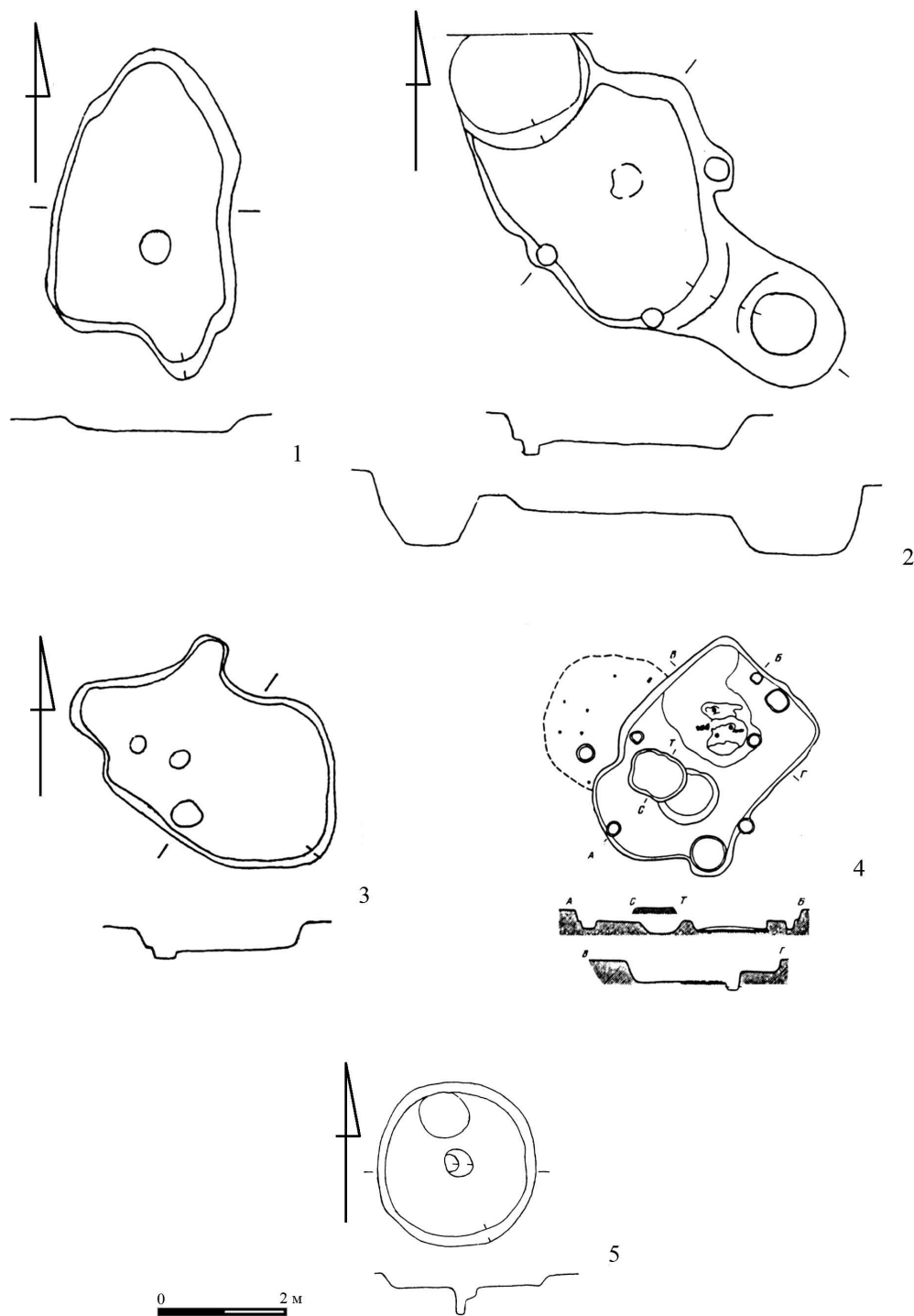

Рис. Б. 4. 22. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Тазово: сооружения 1 (1), 2 (2), 3 (3), 5 (4), 4 (5) (1 – 4 – Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 74; 5 – Сымонович, 1986, рис. 3).

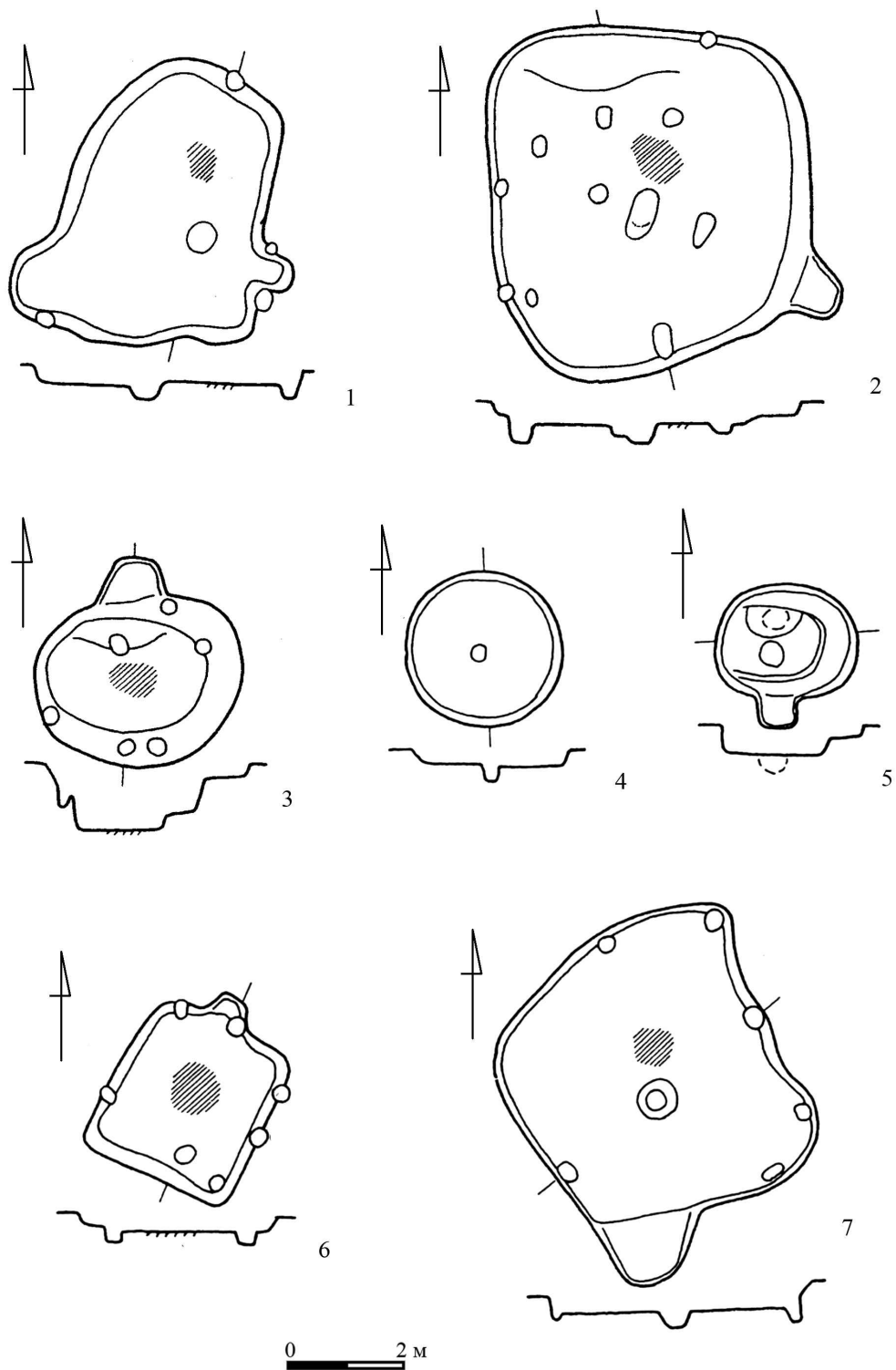

Рис. Б. 4. 23. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Каменево 2: постройки 1 (1), 2 (2), 3 (3), 4 (4), 5 (5), 6 (6), 7 (7) (Сымонович, 2001 – 2002, рис. 4 – 6).

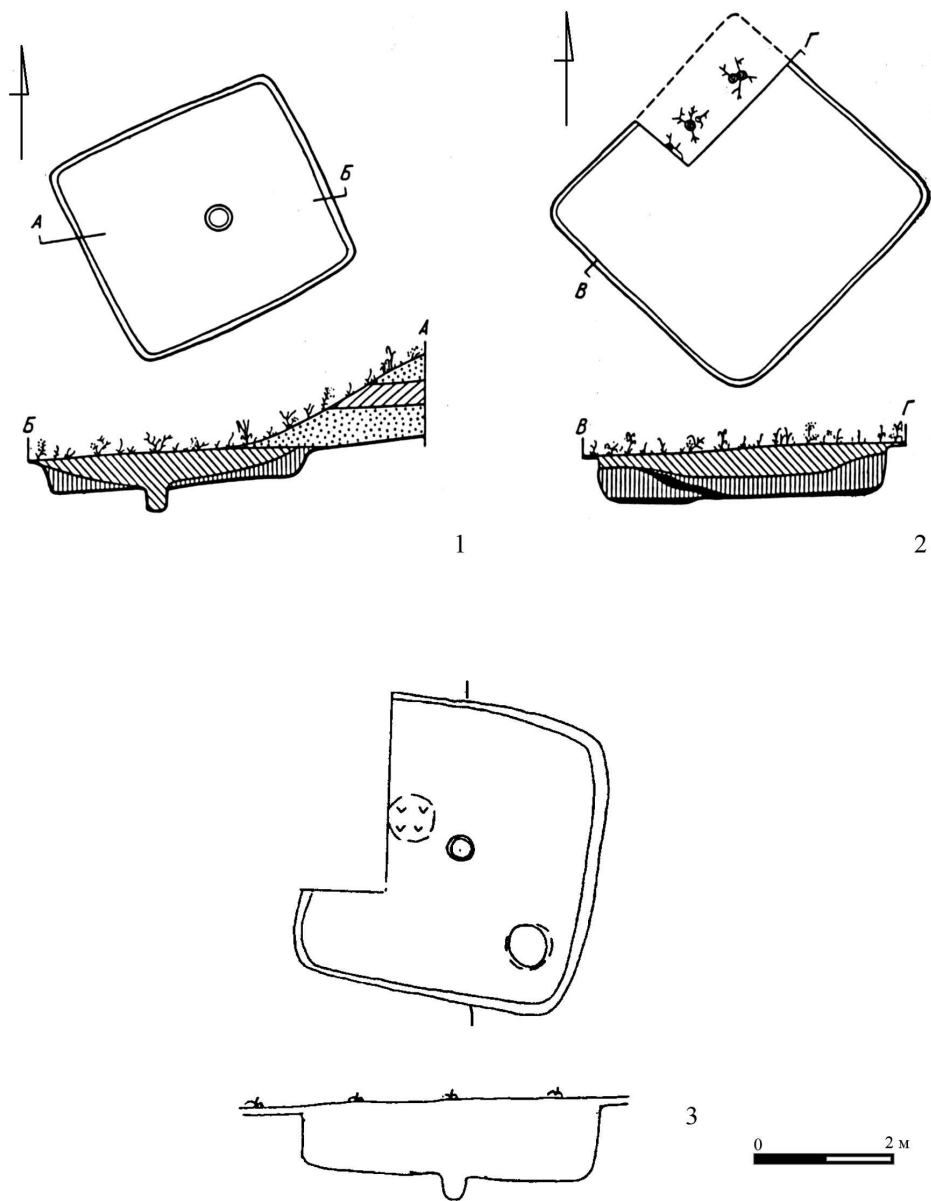

Рис. Б. 4. 24. Углубленные сооружения на поселениях группы Каменево 2 – Комаровка 2. Поселение Песчаное (Белгородская обл.): жилища 1 (1), 2 (2), 4 (3) (1, 2 – Горюнов, 1981б, рис. 1; 3 – Памятники киевской культуры..., 2007, рис. 30:1).

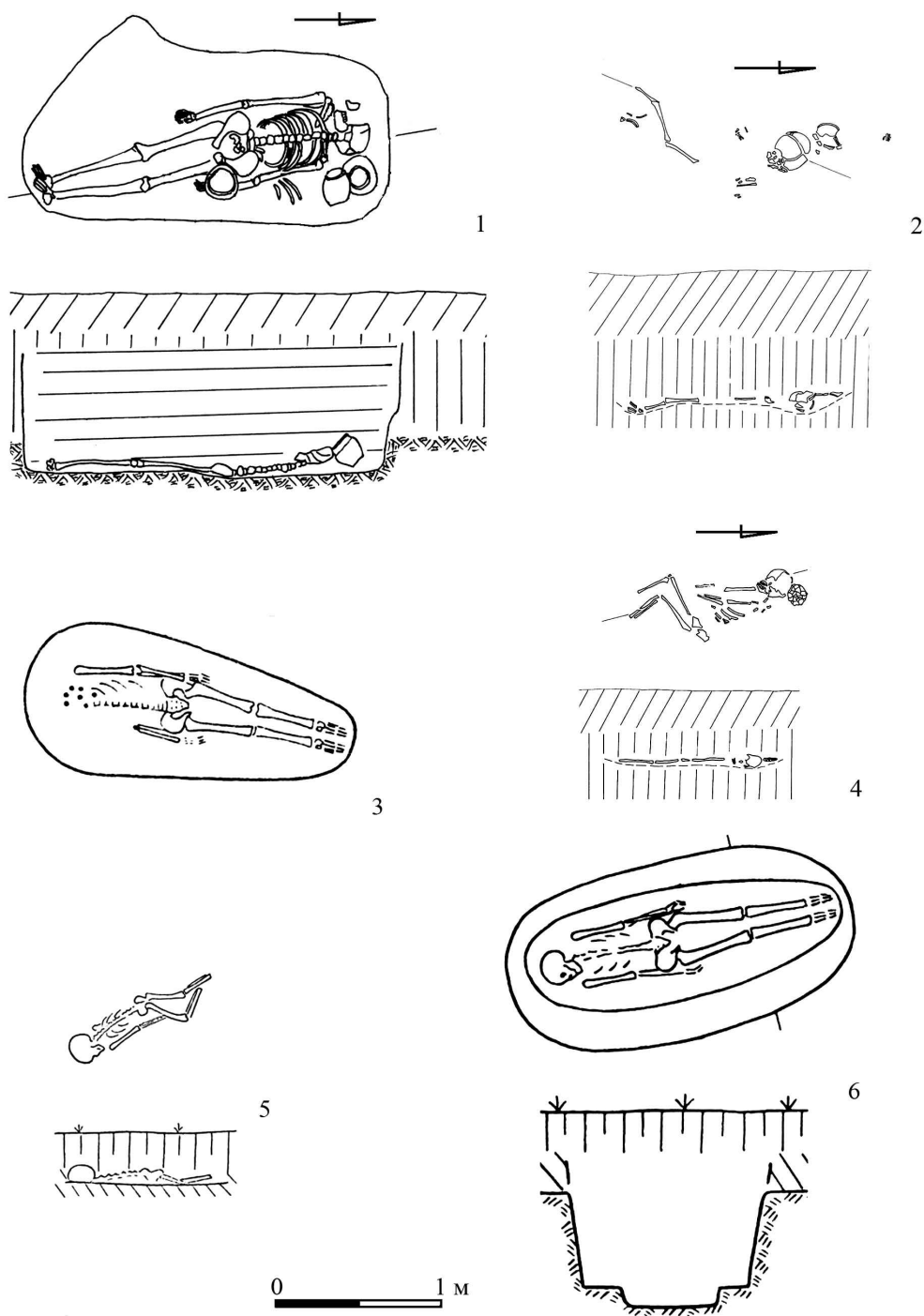

Рис. Б. 4. 25. Типы погребений – ингумаций в простых ямах (1 – 5) и в яме с заплечиками (6) на могильниках черняховской культуры региона: тип I вид 1 – Войтенки, п. 12 (1); тип I вид 2 – Боромля, п. 10 (Некрасова, 2006, рис. 6: 15) (3); тип II вид 1 – Войтенки, п. 37 (2), 34 (4); тип II вид 4 – Боромля, п. 36 (Некрасова, 2006, рис. 13: 7) (5); тип IV вид 2 – Боромля, п. 16 (Некрасова, 2006, рис. 8: 4) (6).

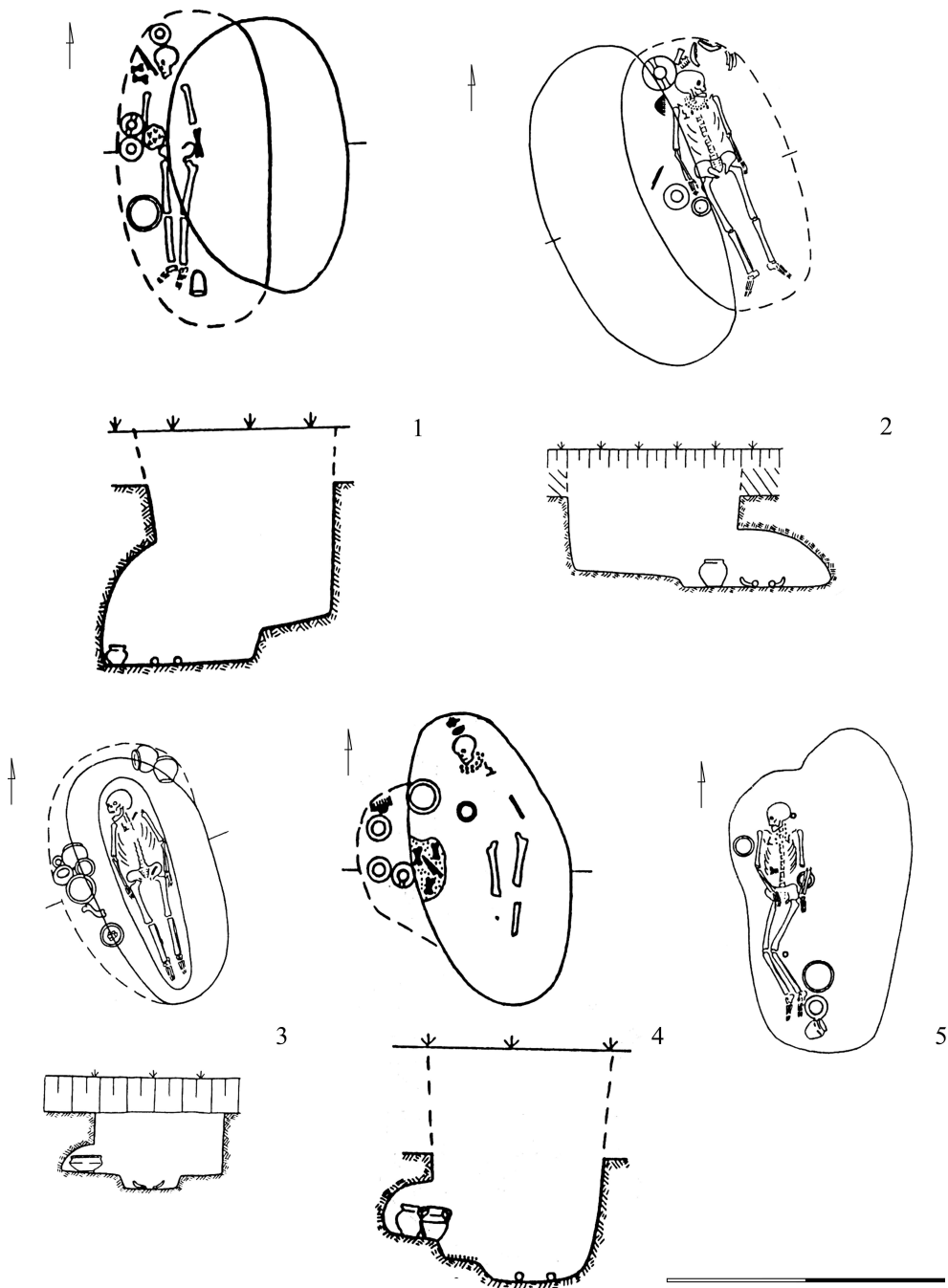

Рис. Б. 4. 26. Конструкция погребальных ям с подбоем (1, 2, 5) и простых ям с подбоем для инвентаря (3, 4) на могильниках: 1 – Компанийцы, п. 124; 2 – Боромля, п. 33; 3 – Боромля, п. 46; 4 – Компанийцы, п. 162; 5 – Успенка, п. 1631. (Некрасова, 2006, рис. 75: 1; 12: 1; 17: 1; 78: 1; 50: 4).

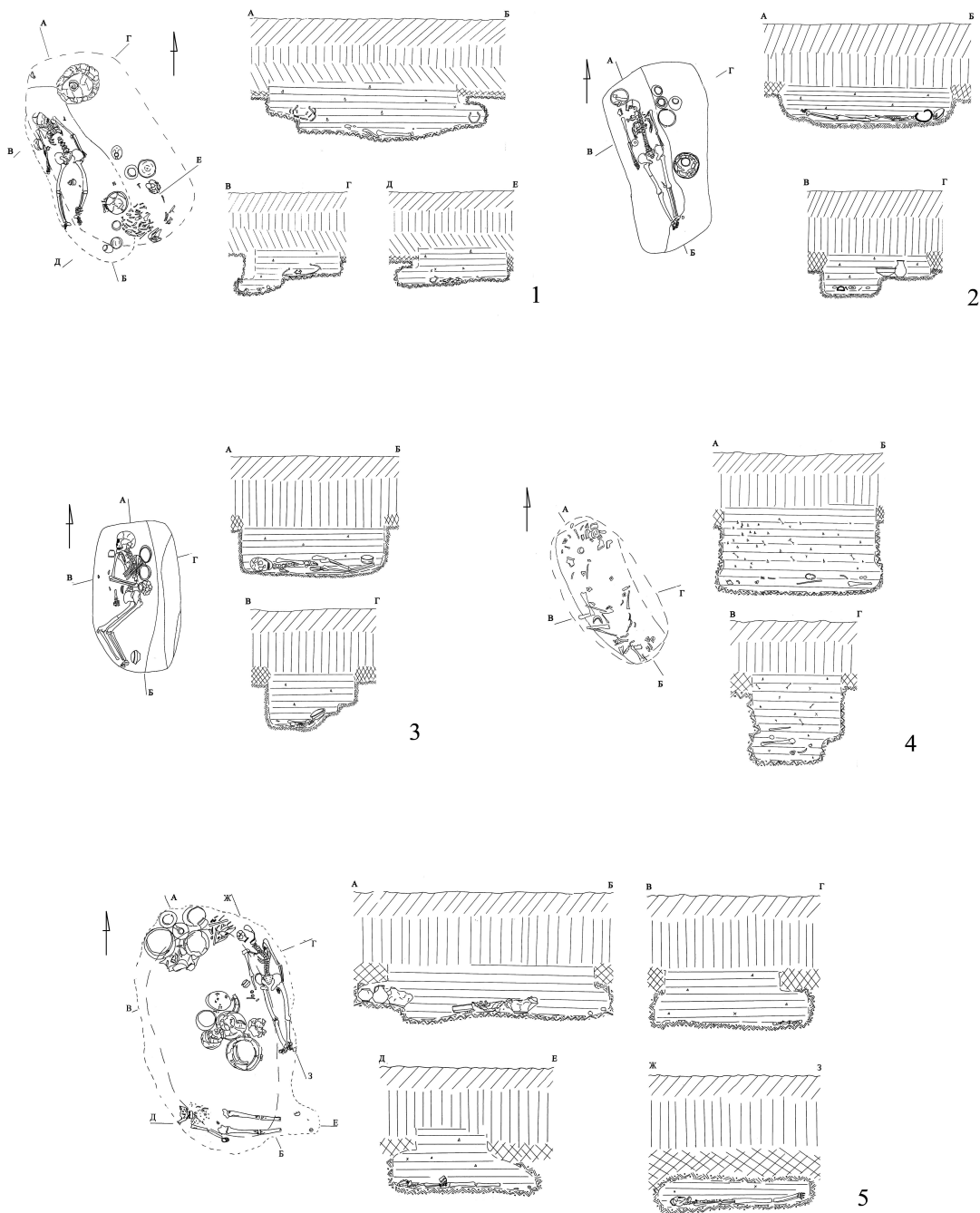

Рис. Б. 4. 27. Конструкция погребальных ям с подбоем на могильнике Войтенки: 1 – п. 41; 2 – п. 54; 3 – п. 66; 4 – п. 71; 5 – п. 86/1 и 86/2;

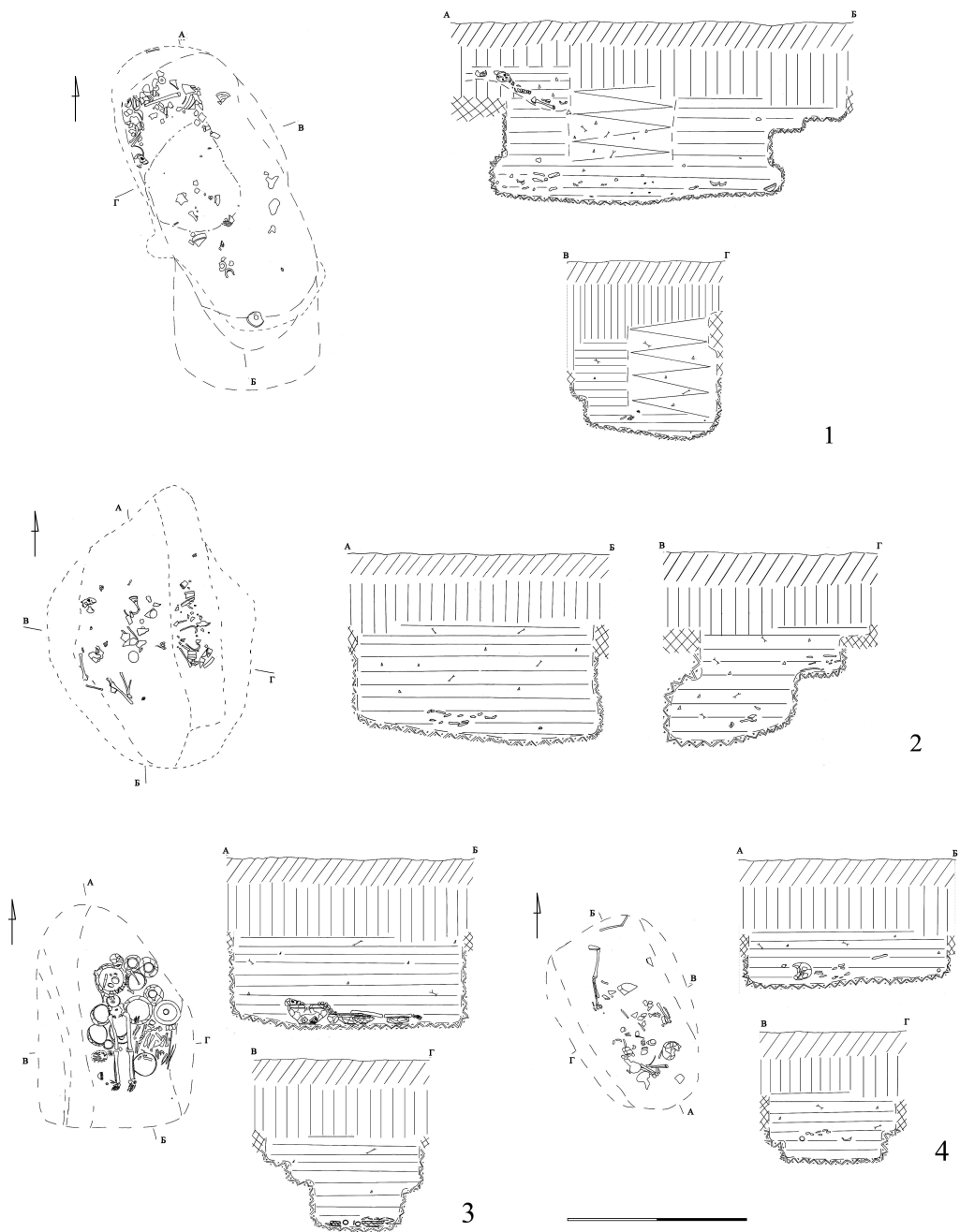

Рис. Б. 4. 28. Конструкция погребальных ям с подбоем (1, 2) и ям с заплечиками (3, 4) на могильнике Войтенки: 1 – п. 102; 2 – п. 112; 3 – погр.96; 4 – п. 100.

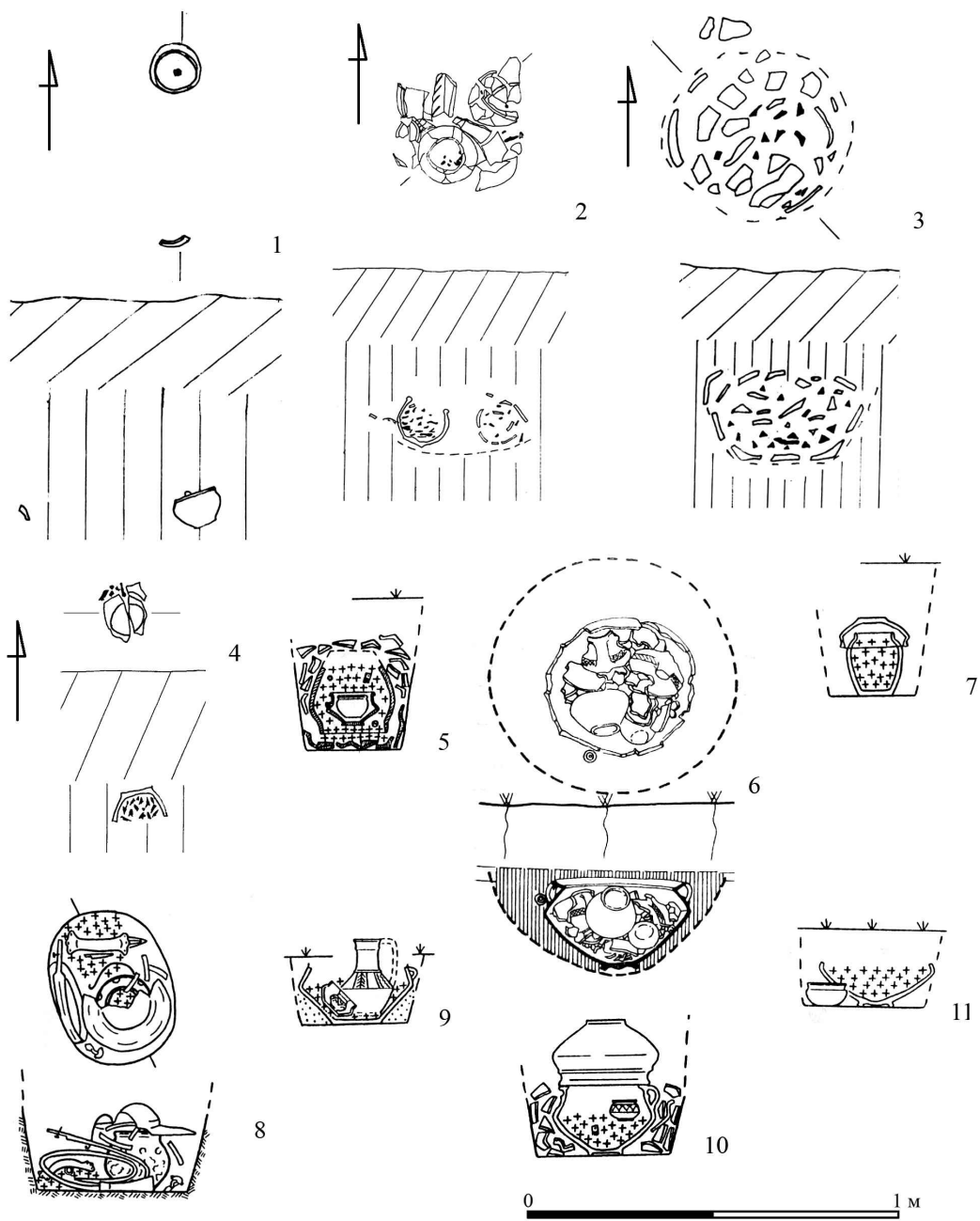

Рис. Б. 4. 29. Погребения – трусоожения на могильниках черняховской культуры региона.

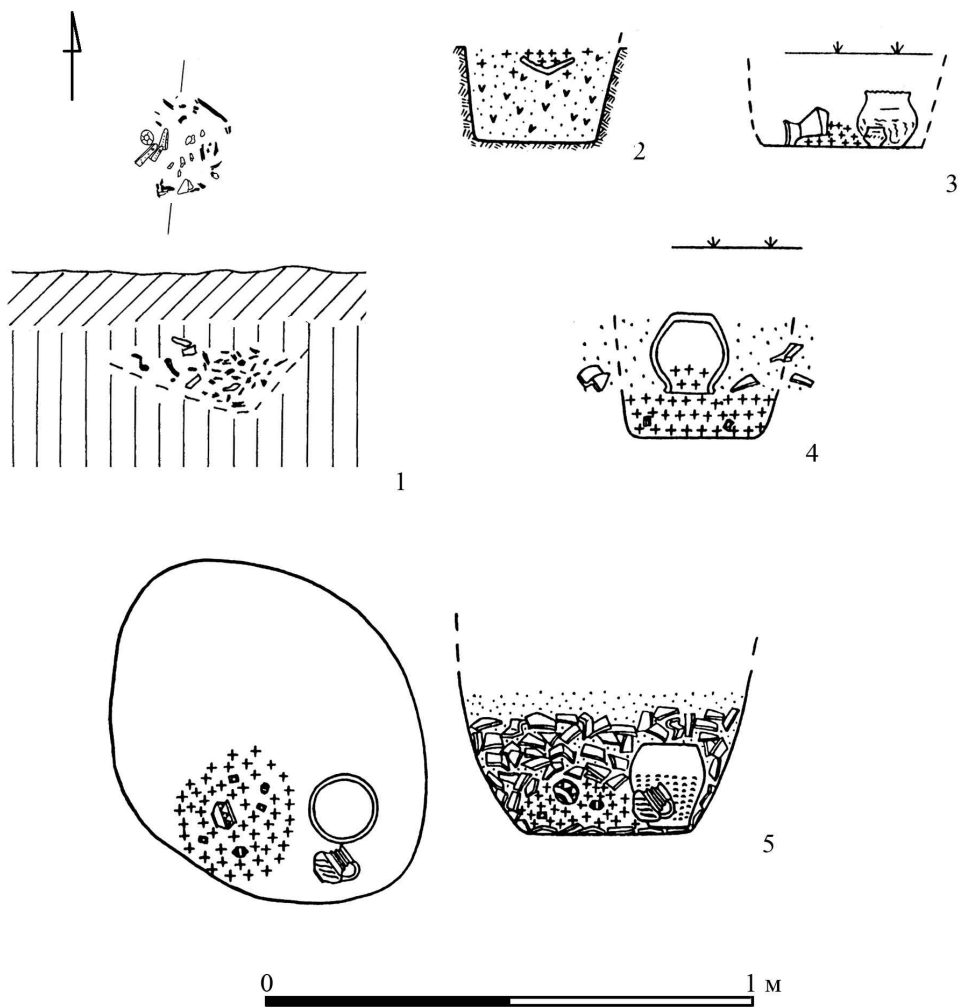

Рис. Б. 4. 30. Погребения – трупосожжения на могильниках черняховской культуры региона.

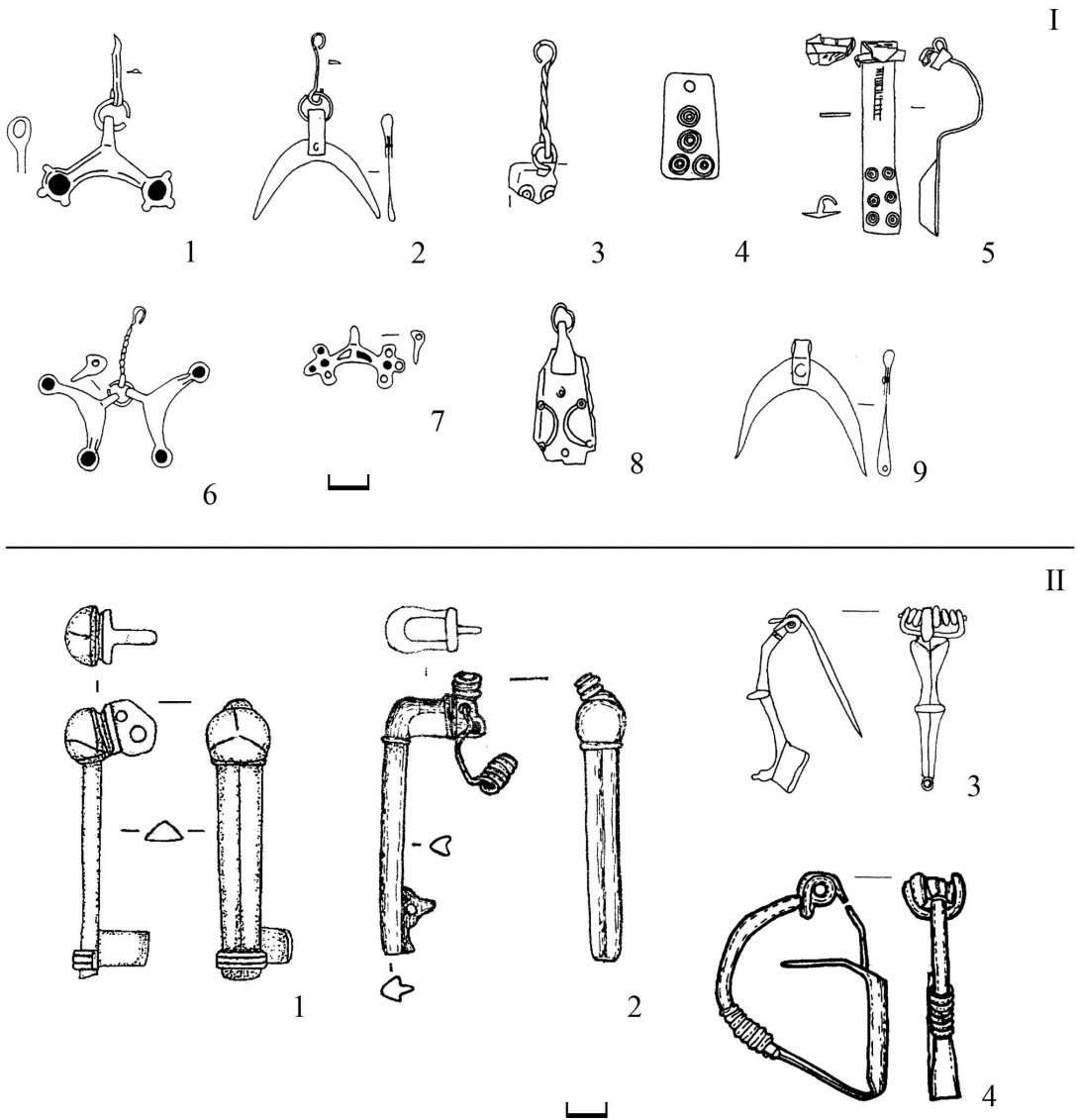

Рис. Б. 5. I – Украшения круга «выемчатых эмалей», происходящие из раскопок: 1 – 5 – Картамышево 2 (1 – яма 24; 2, 4 – жил. 8; 3 – слой; 5 – яма 7); 6 – 8 – Гочево 1 (постройка 4); 9 – Осиповка (Пляж) (слой) (1 – 5 – Горюнова, 2004, рис. 5: 1, 7, 14, 16, 20); 6 – 8 – Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 4: 1, 2, 3; 9 – Телегін, Беляева, 1975, рис. 2: 20); II – бронзовые фибулы римского времени из случайных находок на поверхности: 1 – Мизяки (Голубев, 2005); 2 – Сноповое (Гейко, 2000, рис. 1); 3, 4 – Ковалевка (Сапегін, 1998; 2000, рис. 1).

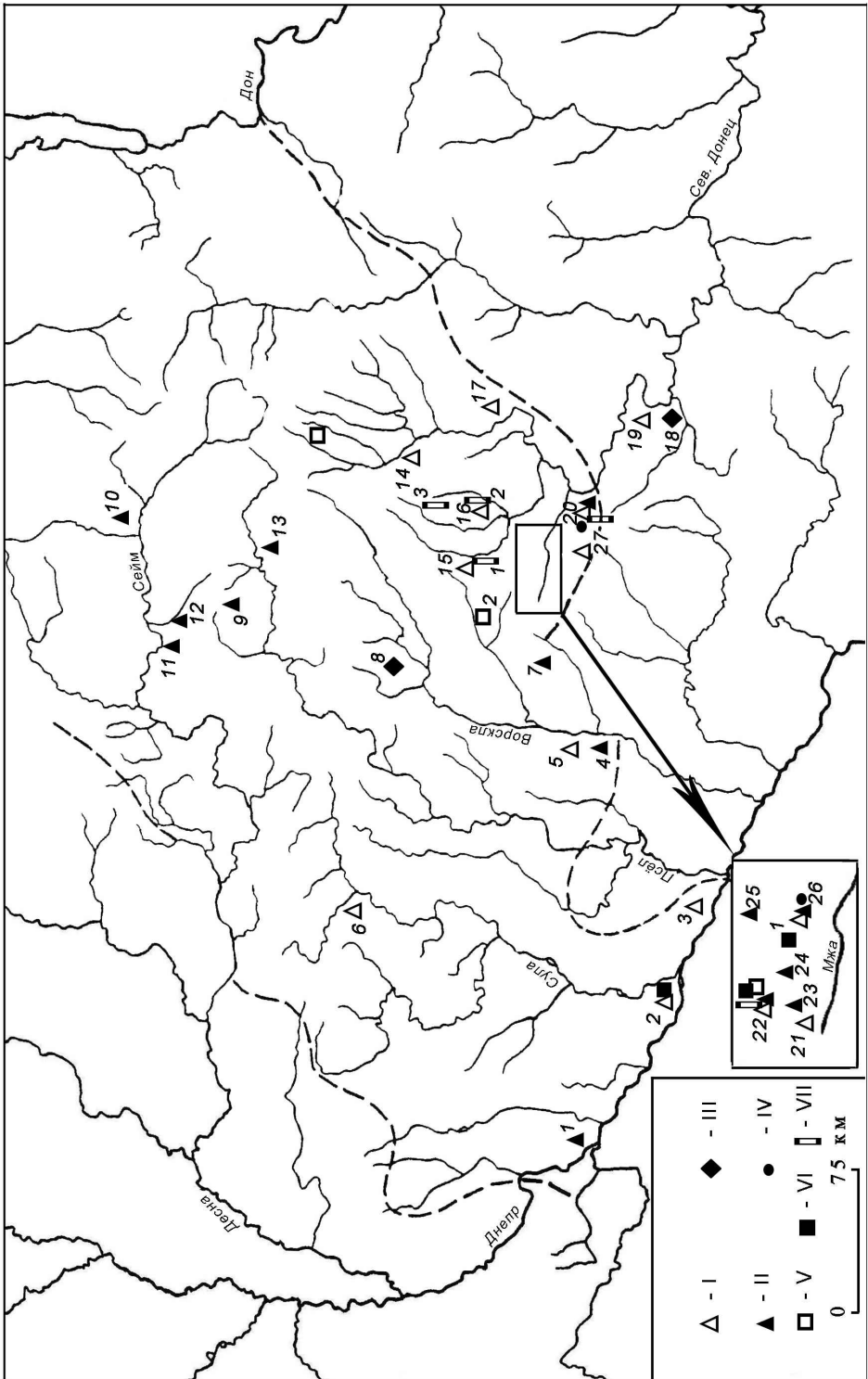

Рис. Б. 5. 2. Распространение фибул группы VII О. Альмгрен, Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1), типа Войтенки, фибул Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) в днепро – донецкой лесостепи (карта).

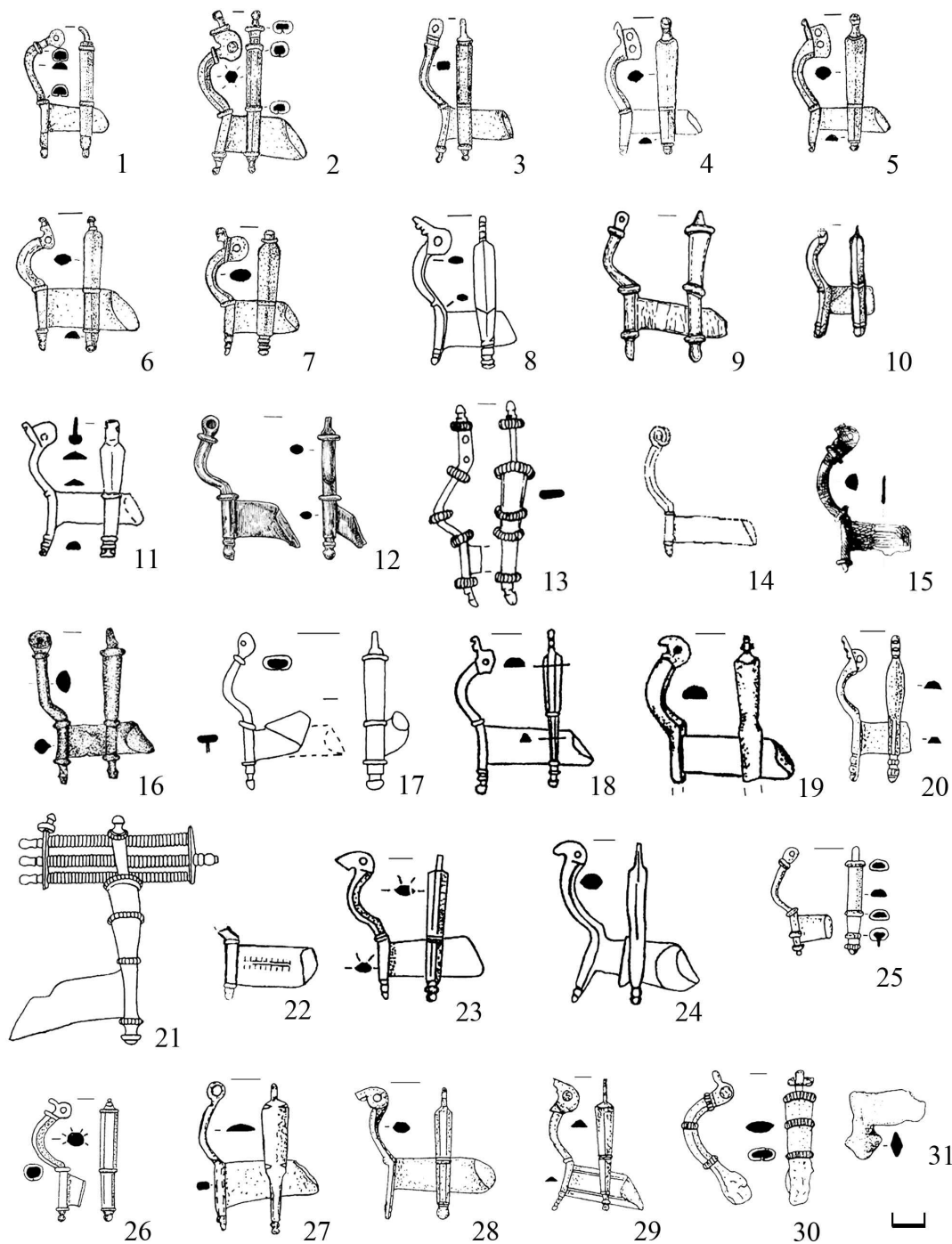

Рис. Б. 5. 3. Фибулы (1 – 30) и заготовки фибул (31) группы VII О. Альмгрена вне условно – закрытых комплексов (культурный слой, находки на поверхности).

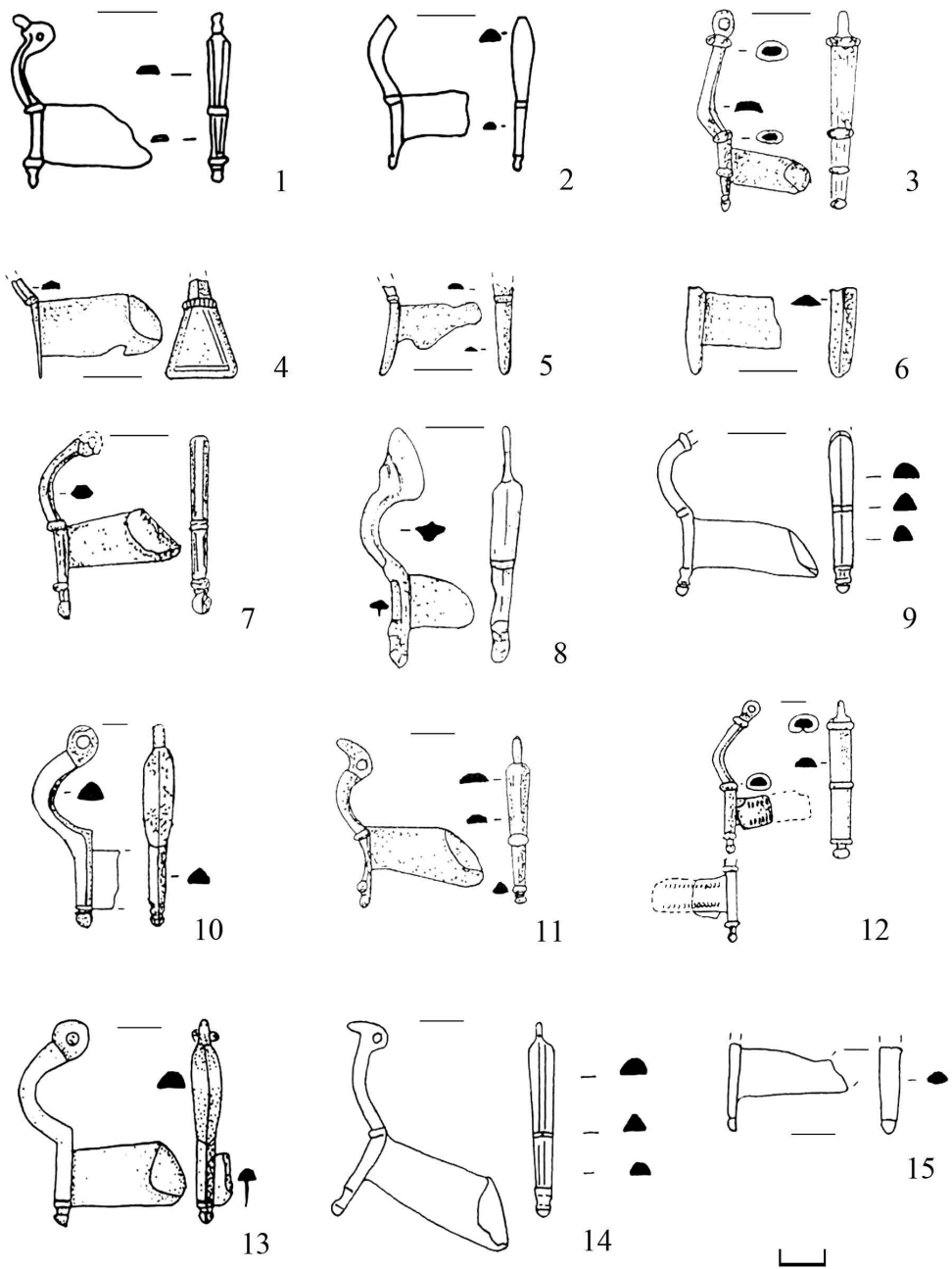

Рис. Б. 5. 4. Фибулы группы VII Альмгрена (1 – 7, 9) их фрагменты (15) и заготовки (8) с поверхностей и слоя поселений Огульцы (1 – 9) и Войтенки 1 (участок «А») (10 – 15).

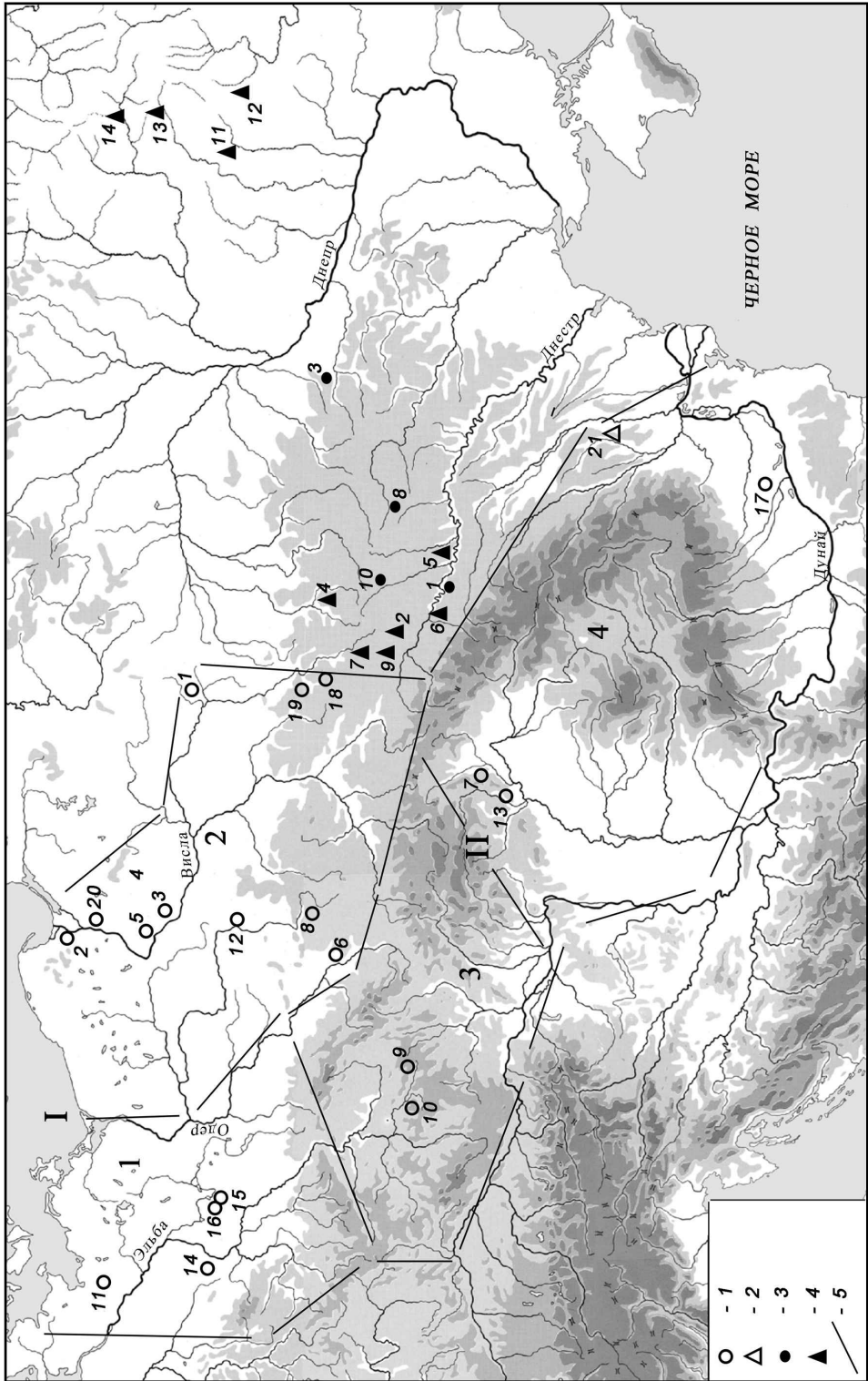

Рис. Б. 5. 5. Фибулы группы VII О. Альмгрена в некоторых комплексах Центральной и Восточной Европы (карта).

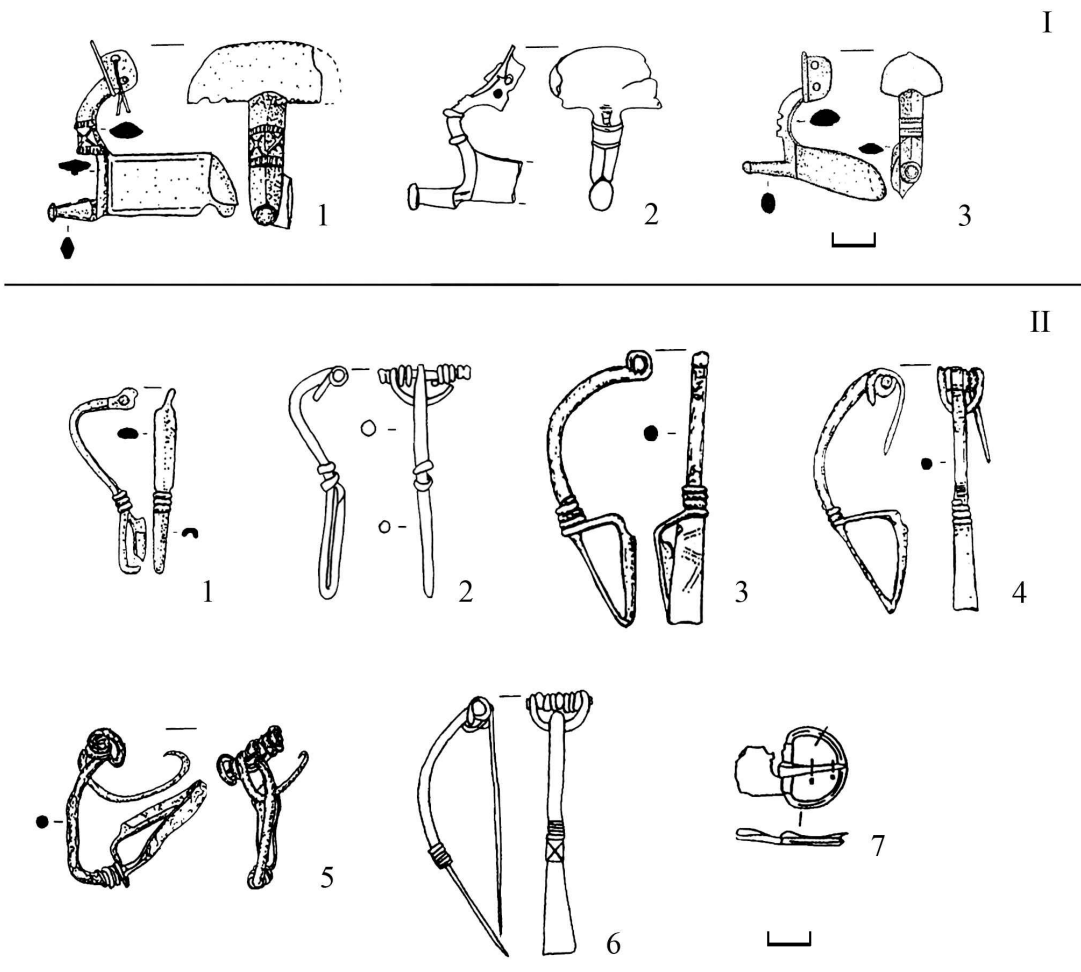

Рис. Б. 5. 6. I – фибулы «типа Войтенки» и их фрагменты с поверхности памятников: 1 – Войтенки 1, участок А (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. VII: 17); 2 – Хворостово (Варачева, 2008, рис. 8); 3 – Коврай (Любичев, Дидык, 2001 – 2002, рис. 1: 8); II – фибулы Гороховский А (Амброз 16, 2, 1, 1) (1, 2), Альмгрен 157 (Амброз 15, 3, 1) (3 – 6) и бронзовая пряжка (7) с поверхности (1 – 5) и слоя (6, 7) памятников в области днепро – донецкого водораздела: 1 – Войтенки 1, участок А (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. IV: 1); 2 – Хрущевая Никитовка; 3 – Черкасская Лозовая (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 2); 4 – Саржин Яр (Харьков) (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 3); 5 – Пасеки (Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. II: 4); 6 – Родной Край 1 (Обломский, 2002, рис. 49: 1); 7 – Головино 1 (Обломский, 2002, рис. 51: 39).

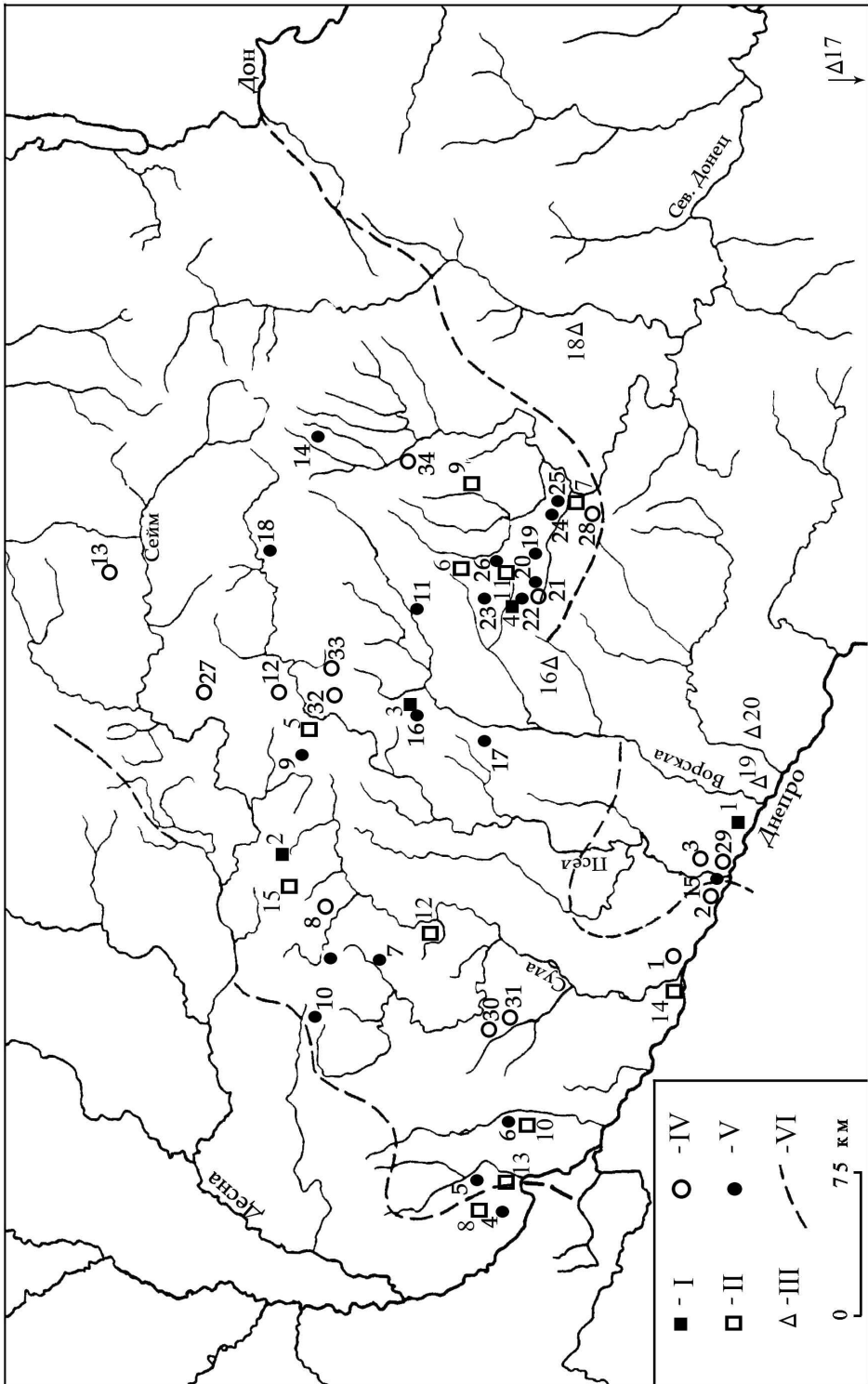
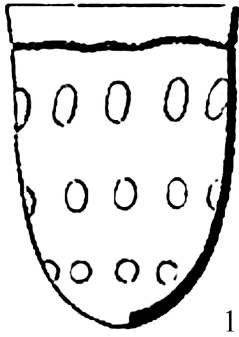

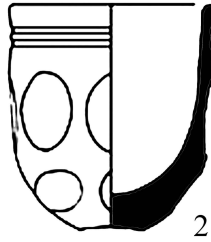
Рис. Б. 5. 7. Изучавшиеся раскопками могильники и поселения черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи, материалы которых использованы для определения хронологии культуры в регионе (карта).

ХИ 01/1

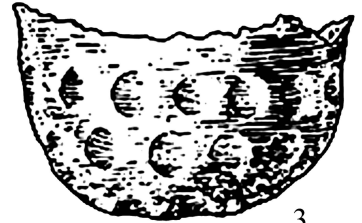
1

ХИ 01/2

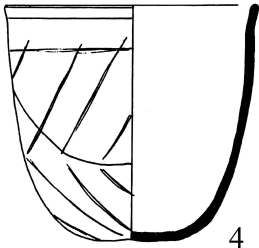
2

ХИ 01/3

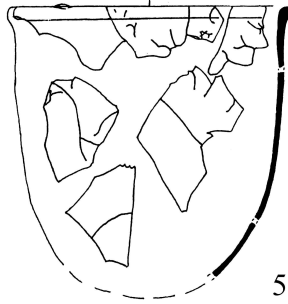

3

ХИ 02

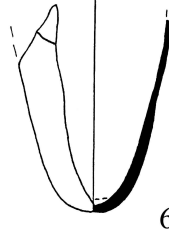

4

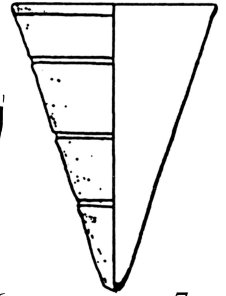

5

ХИ 03

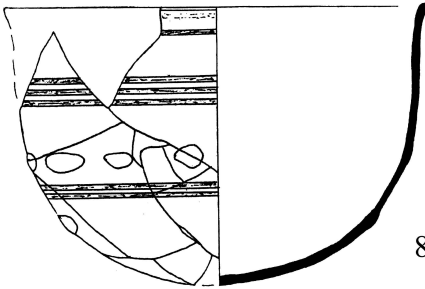

6

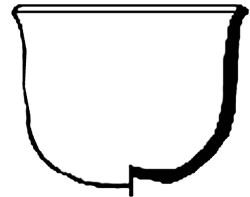
7

ХИ 04

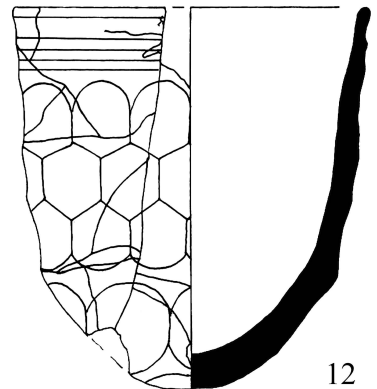
8

ХИ 05/1

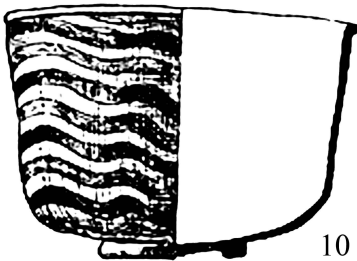
9

ХИ 07

12

ХИ 05/2

10

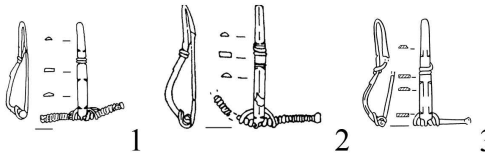
ХИ 06

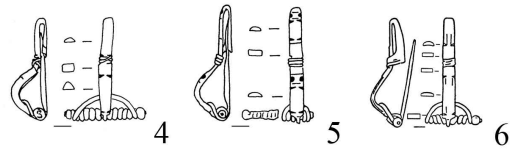
11

Рис. Б. 5. 8. Хроноиндикаторы первого уровня – стеклянные сосуды.

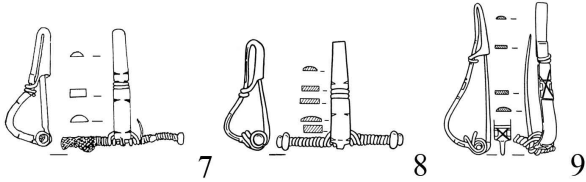
ХИ10/1

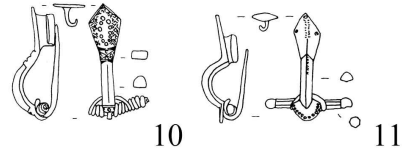
ХИ10/2

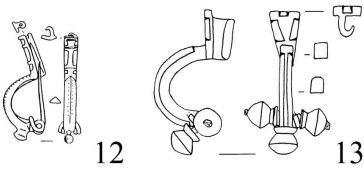
ХИ10/3

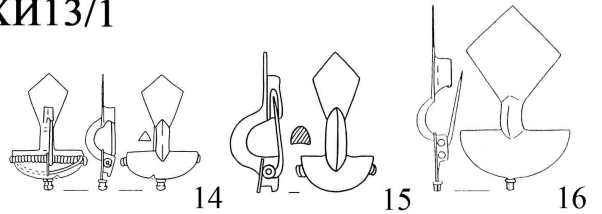
ХИ11

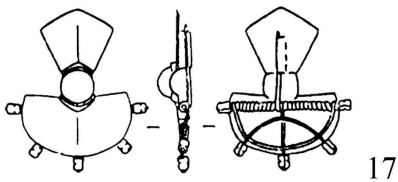
ХИ12

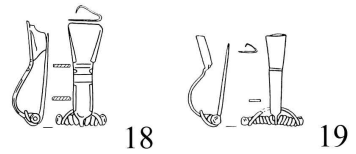
ХИ13/1

ХИ13/2

ХИ14

ХИ16

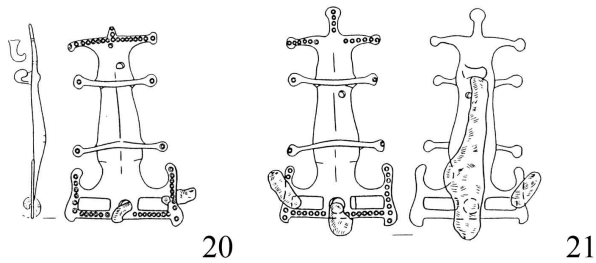
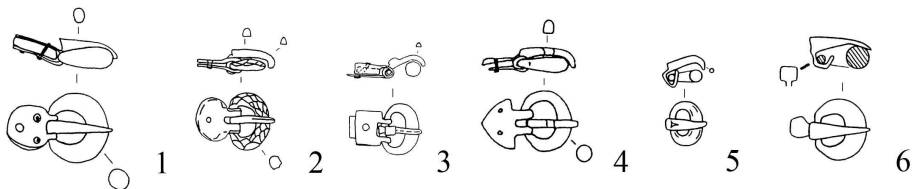
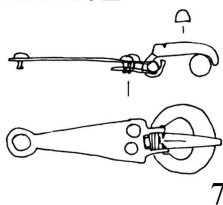

Рис. Б. 5. 9. Хроноиндикаторы первого уровня – фибулы.

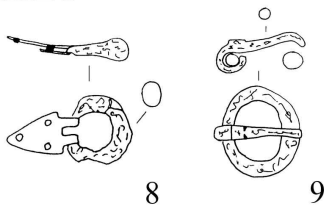
ХИ20/1

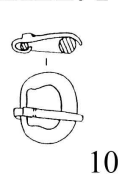
ХИ20/2

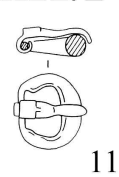
ХИ21

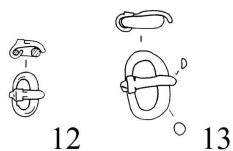
ХИ22/1

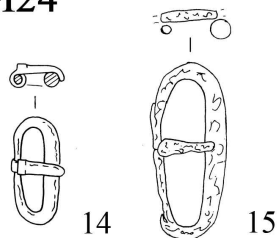
ХИ22/2

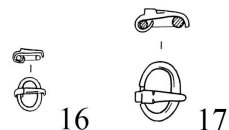
ХИ23

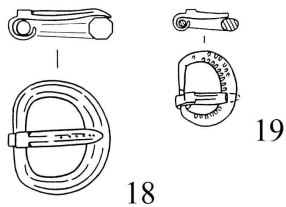
ХИ24

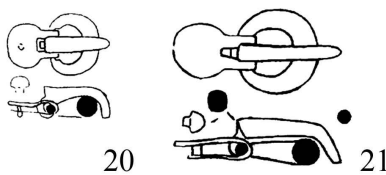
ХИ25

ХИ26

ХИ27

ХИ29

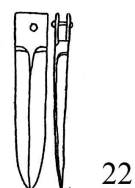
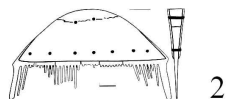
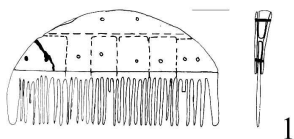
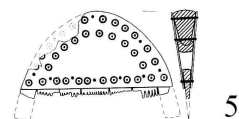
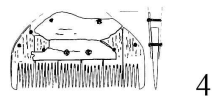
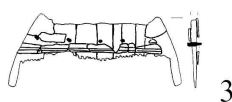

Рис. Б. 5. 10. Хроноиндикаторы первого уровня – пряжки и детали поясной гарнитуры.

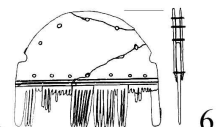
ХИ30

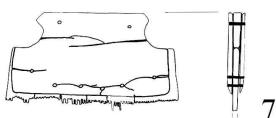
ХИ31/1

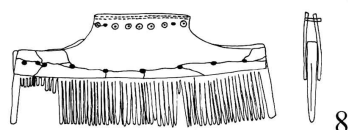
ХИ31/2

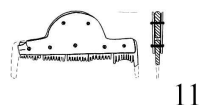
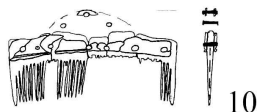
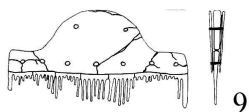
ХИ32/1

ХИ32/2

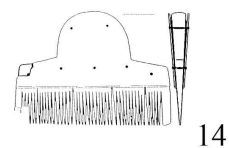
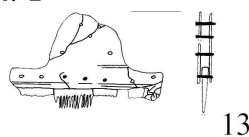
ХИ33/1

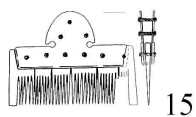
ХИ33/2

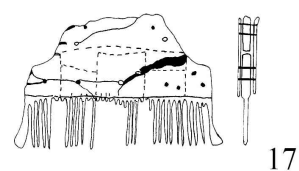
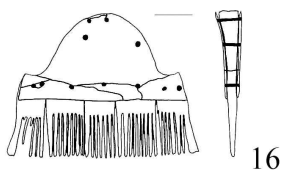
ХИ34/1

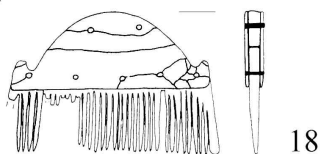
ХИ34/2

ХИ35

ХИ36

ХИ37

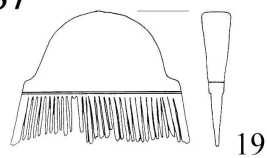

Рис. Б. 5. 11. Хроноиндикаторы первого уровня – роговые гребни.

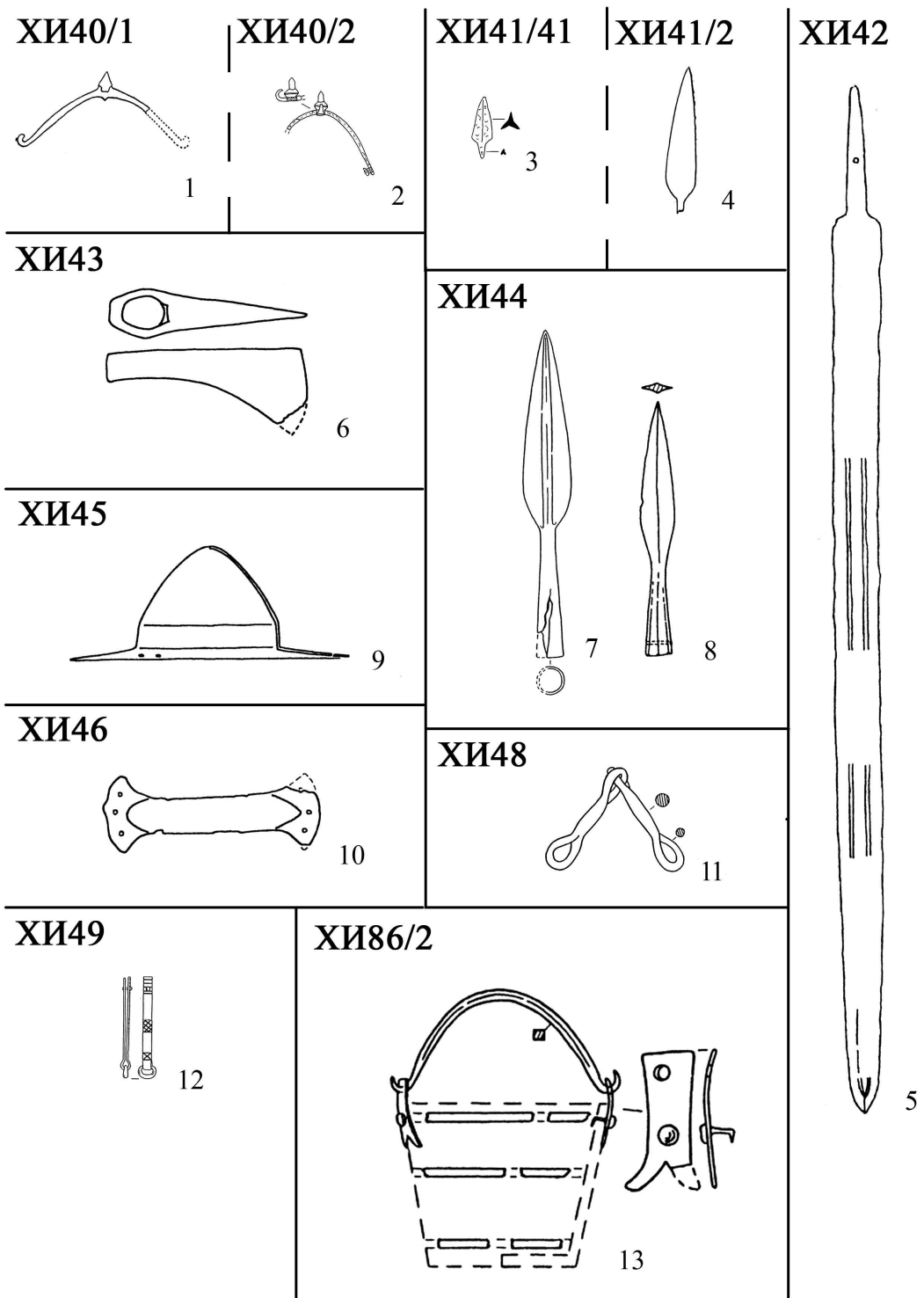
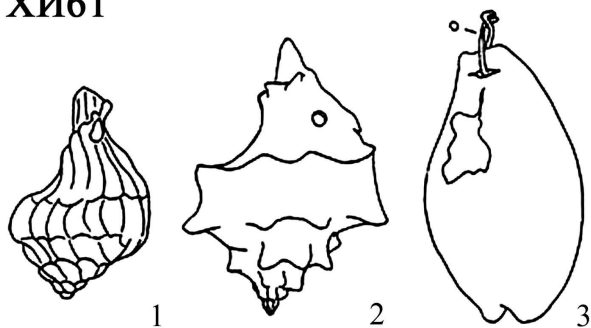
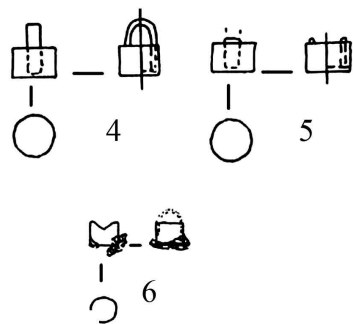

Рис. Б. 5. 12. Хроноиндикаторы первого уровня, предметы вооружения и снаряжения всадника.

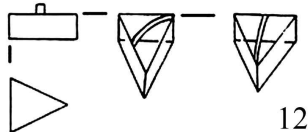
ХИ61

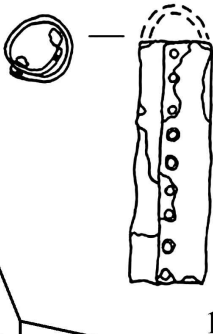
ХИ62/1

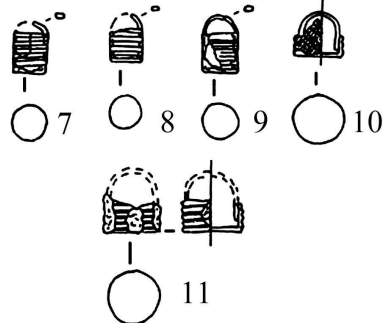
ХИ63

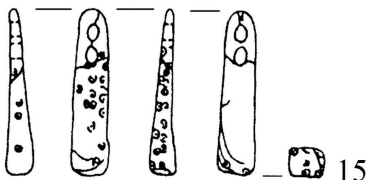
ХИ64

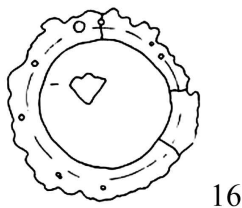
ХИ62/2

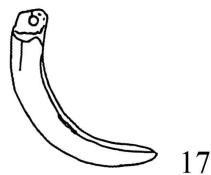
ХИ70

ХИ71

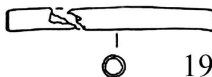
ХИ72

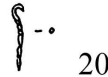
ХИ74

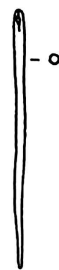
ХИ75

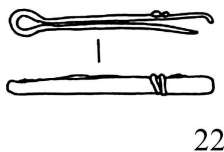
ХИ76

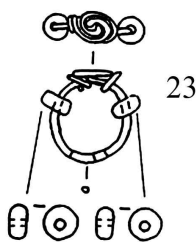
ХИ77

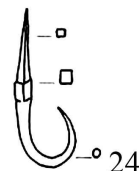
ХИ78

ХИ79/1

ХИ84

21

Рис. Б. 5. 13. Хроноиндикаторы второго уровня.

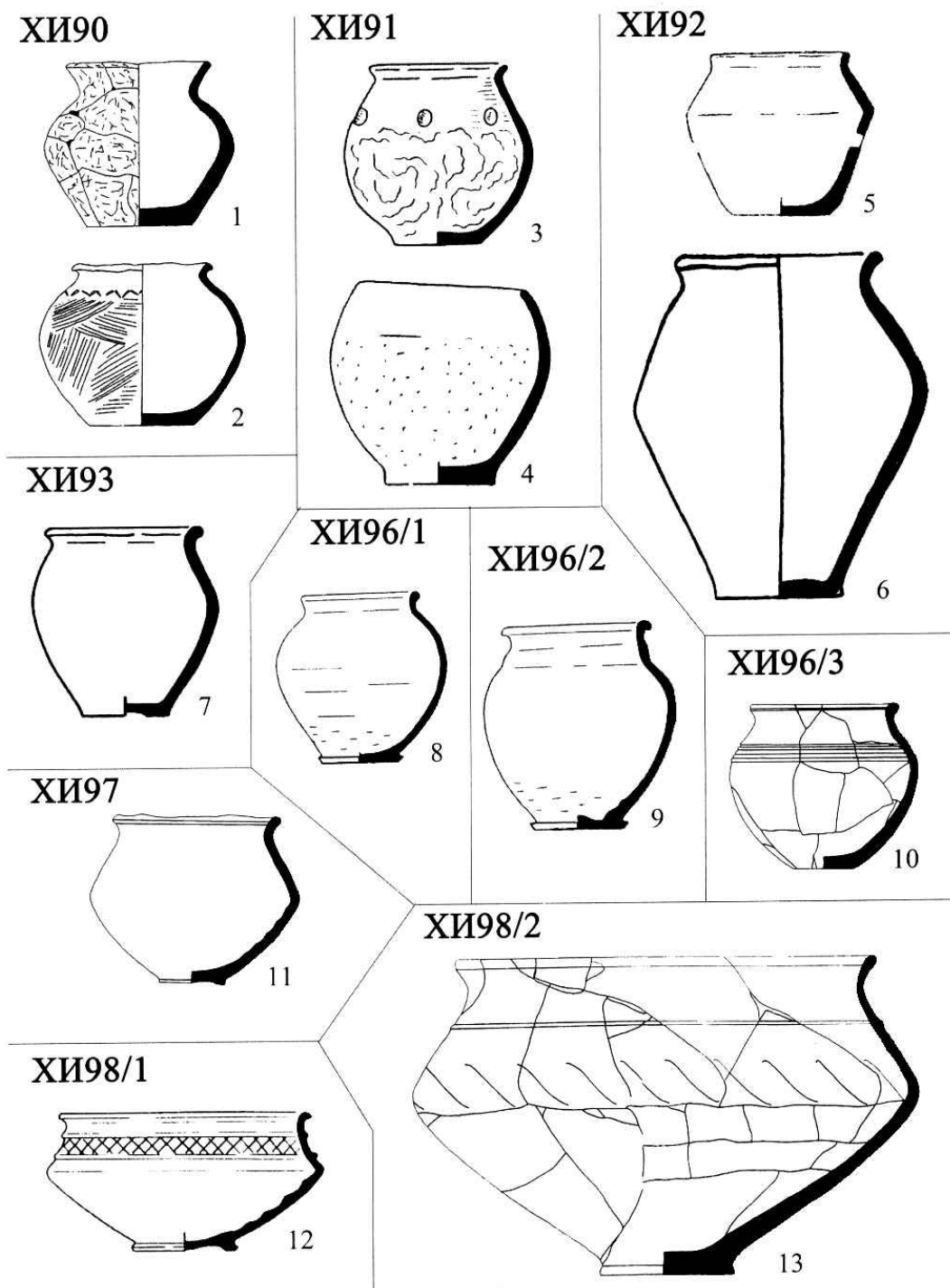

Рис. Б. 5. 14. Хроноиндикаторы второго уровня – лепная (1 – 7) и гончарная (8 – 13) керамика.

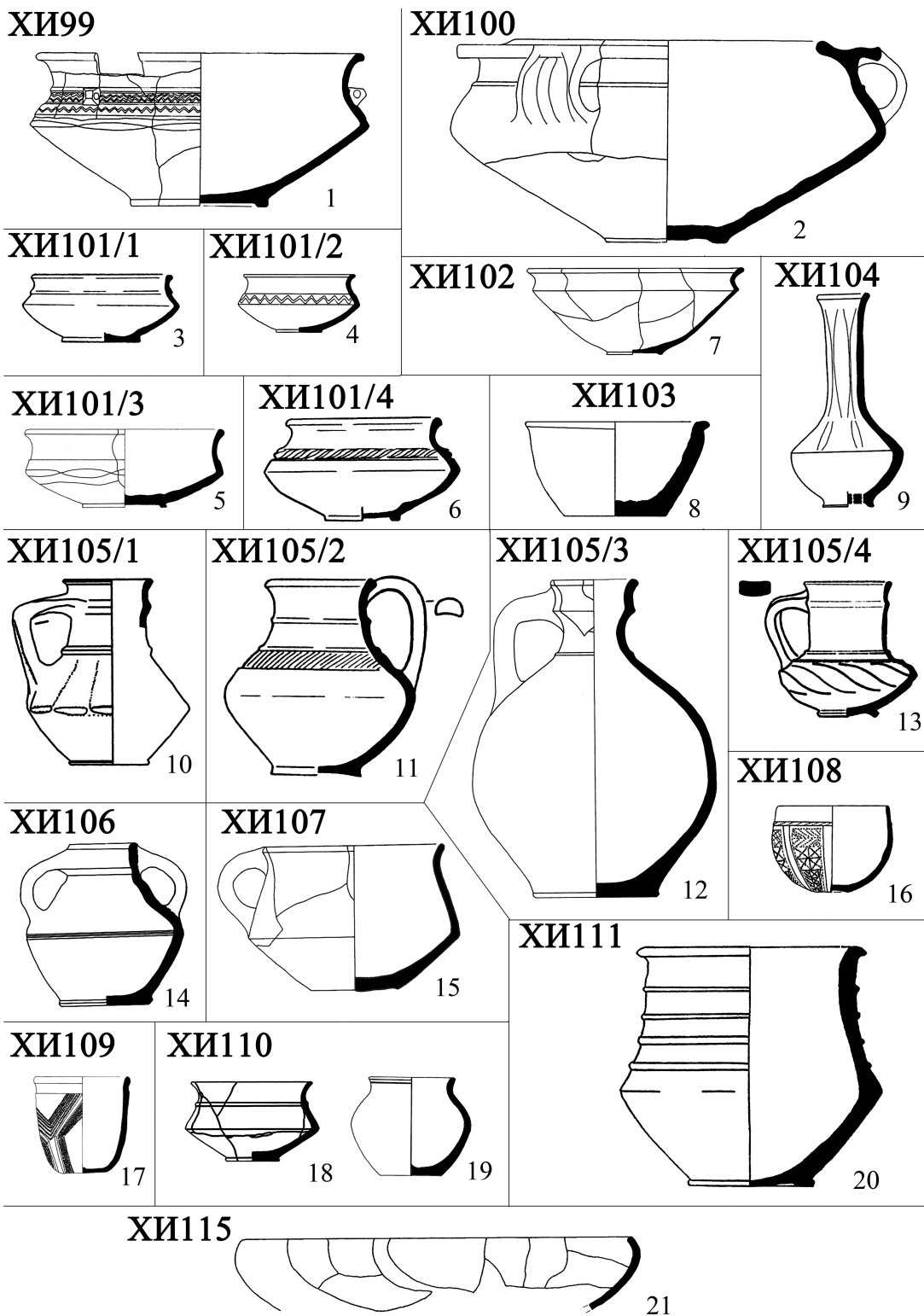

Рис. Б. 5. 15. Хроноиндикаторы второго уровня – гончарная керамика.

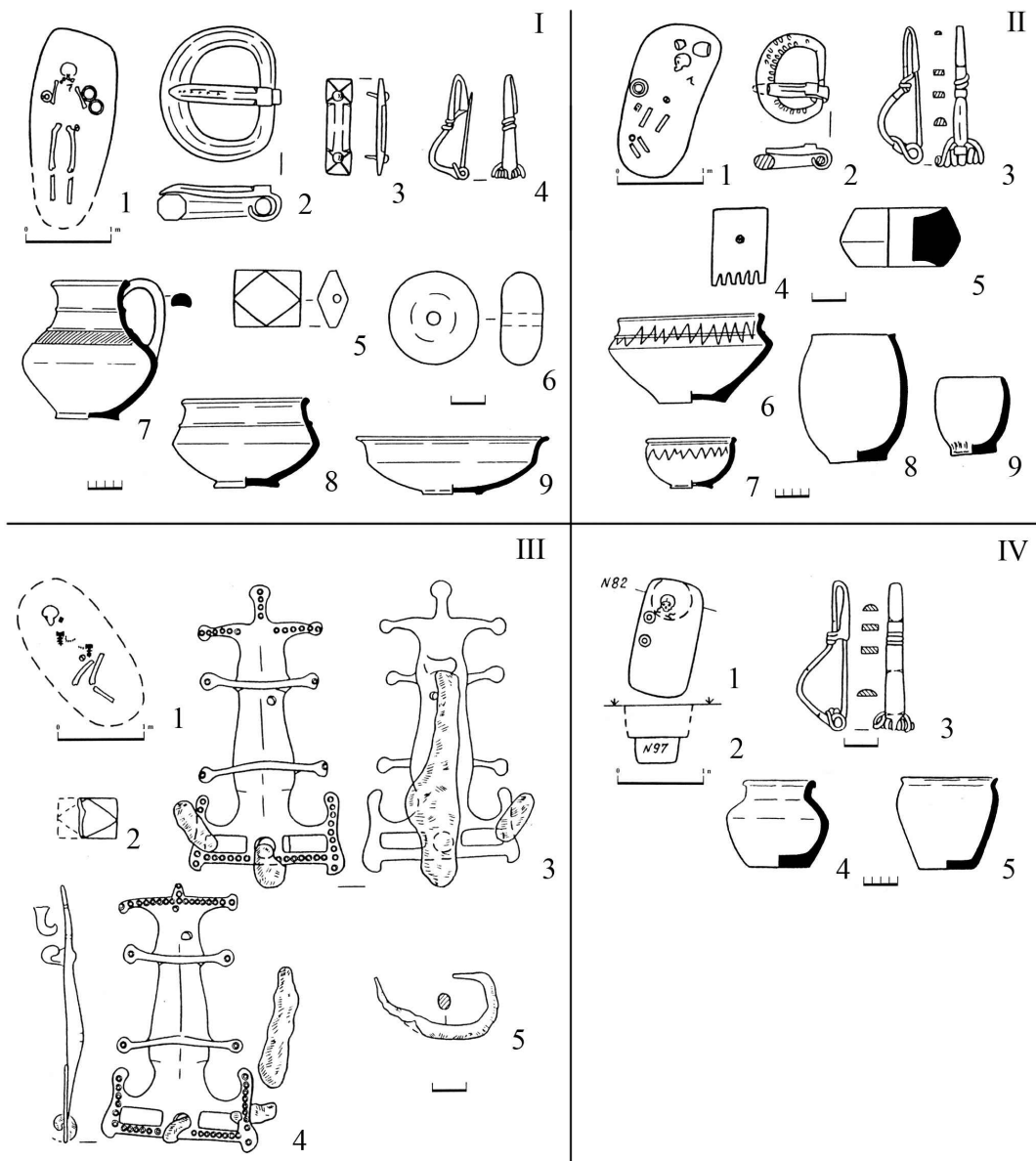

Рис. Б. 5. 16. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: I – п. 1; II – п. 122; III – п. 2; IV – п. 82 (Некрасова, 2006, рис. 57: 1 – 10; 58: 1 – 5; 70: 1 – 4; 74: 4 – 12).

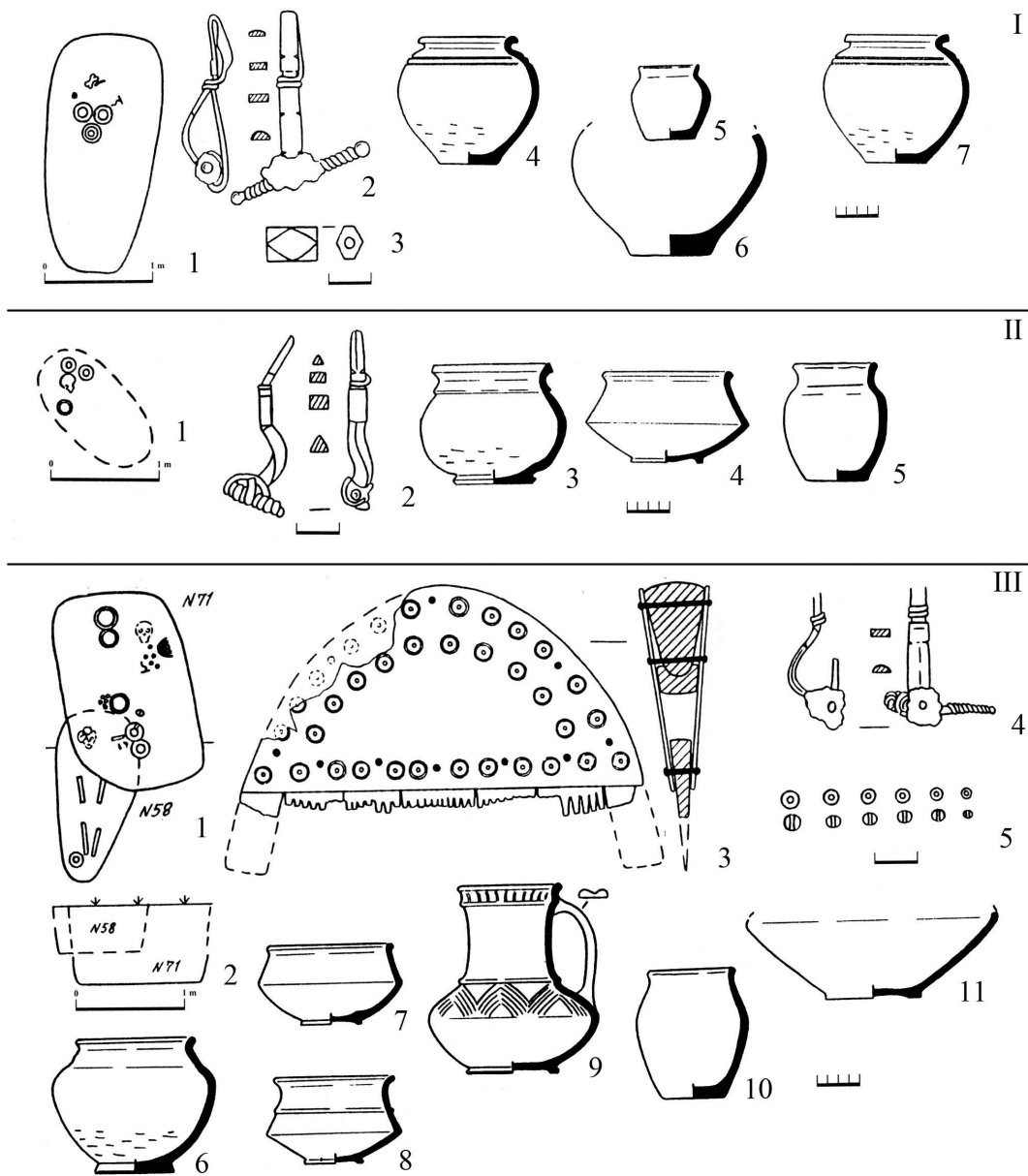

Рис. Б. 5. 17. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: I – п. 83; II – п. 51; III – п. 71 (Некрасова, 2006, рис. 70: 5 – 11; 65: 4 – 8; 68: 1 – 6, 8 – 10).

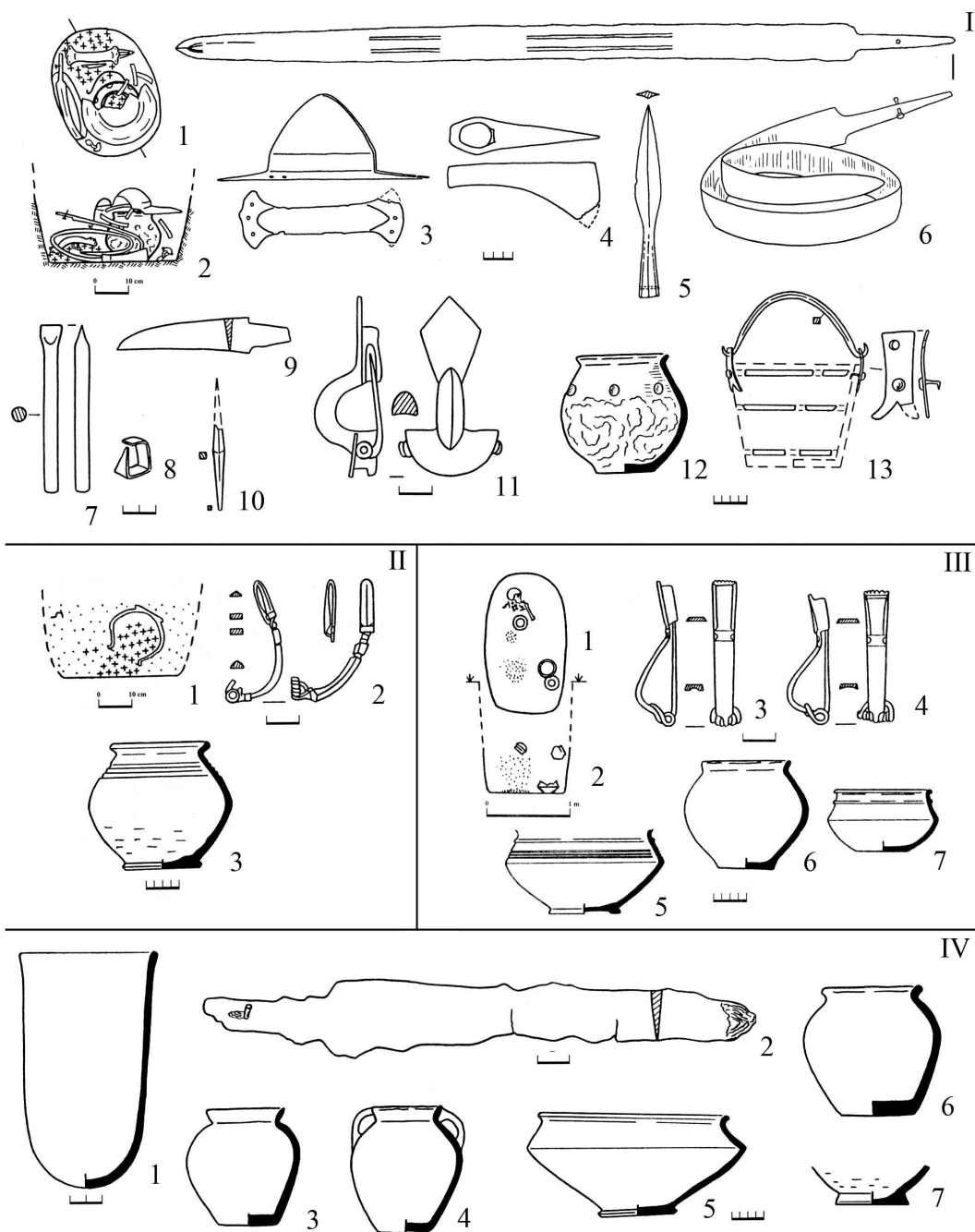

Рис. Б. 5. 18. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: I – п. 86; II – п. 109; III – п. 118 (Некрасова, 2006, рис. 71; 72: 5 – 7; 73: 10 – 15; 75: 1 – 8); IV – инвентарь погребения 124 могильника Компанийцы.

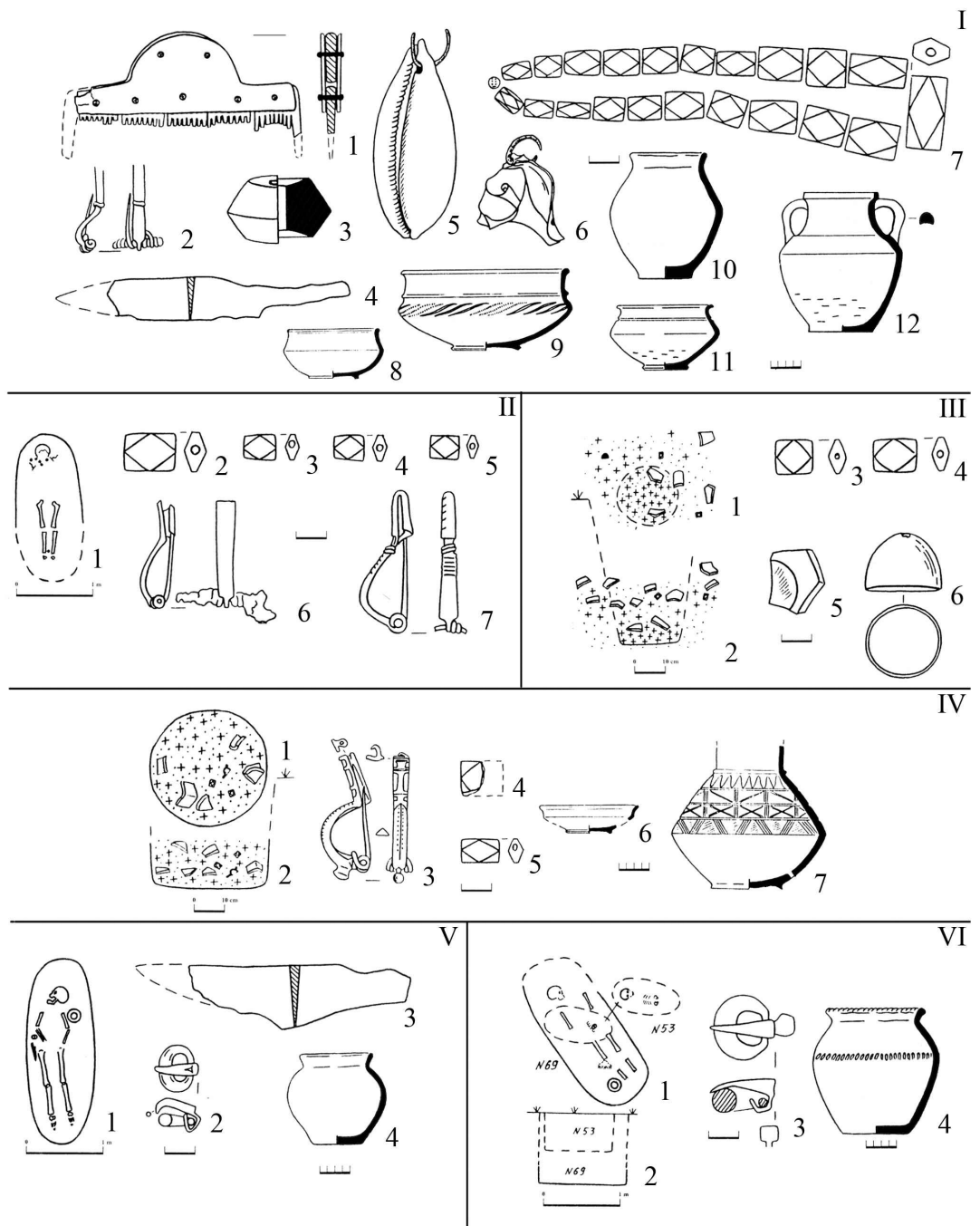

Рис. Б. 5. 19. Погребения могильника Компанийцы и их инвентарь: I – п. 162; II – п. 174; III – п. 224; IV – п. 8; V – п. 55; VI – п. 69 (Некрасова, 2006, рис. 59: 6 – 11; 65: 9 – 12; 67: 11 – 13; 77: 10 – 16; 78; 83: 1 – 5).

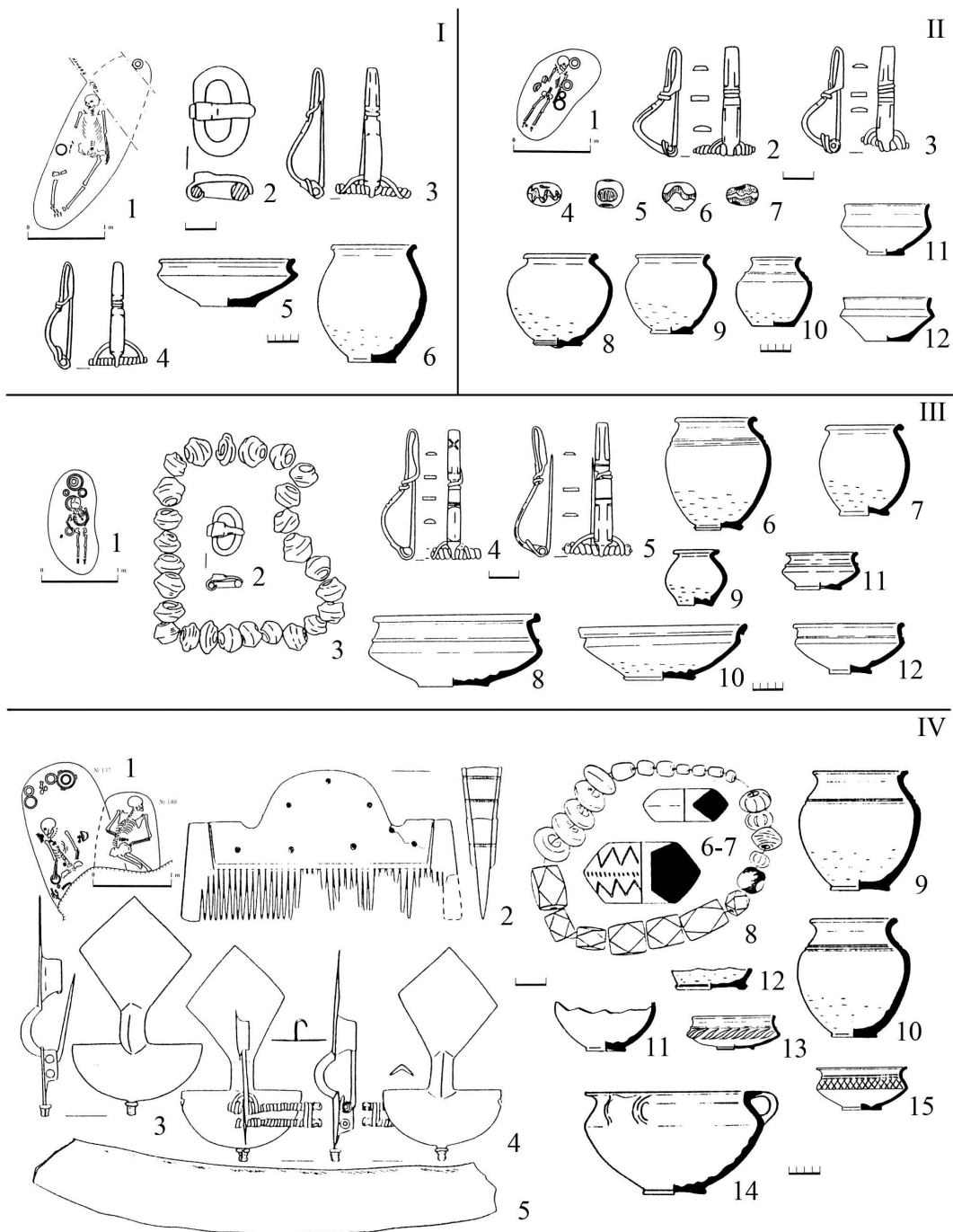

Рис. Б. 5. 20. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: I – п. 1215; II – п. 1216; III – п. 1659; IV – п. 137 (Некрасова, 2006, рис. 45, 46: 15 – 20; 47: 1 – 12; 54).

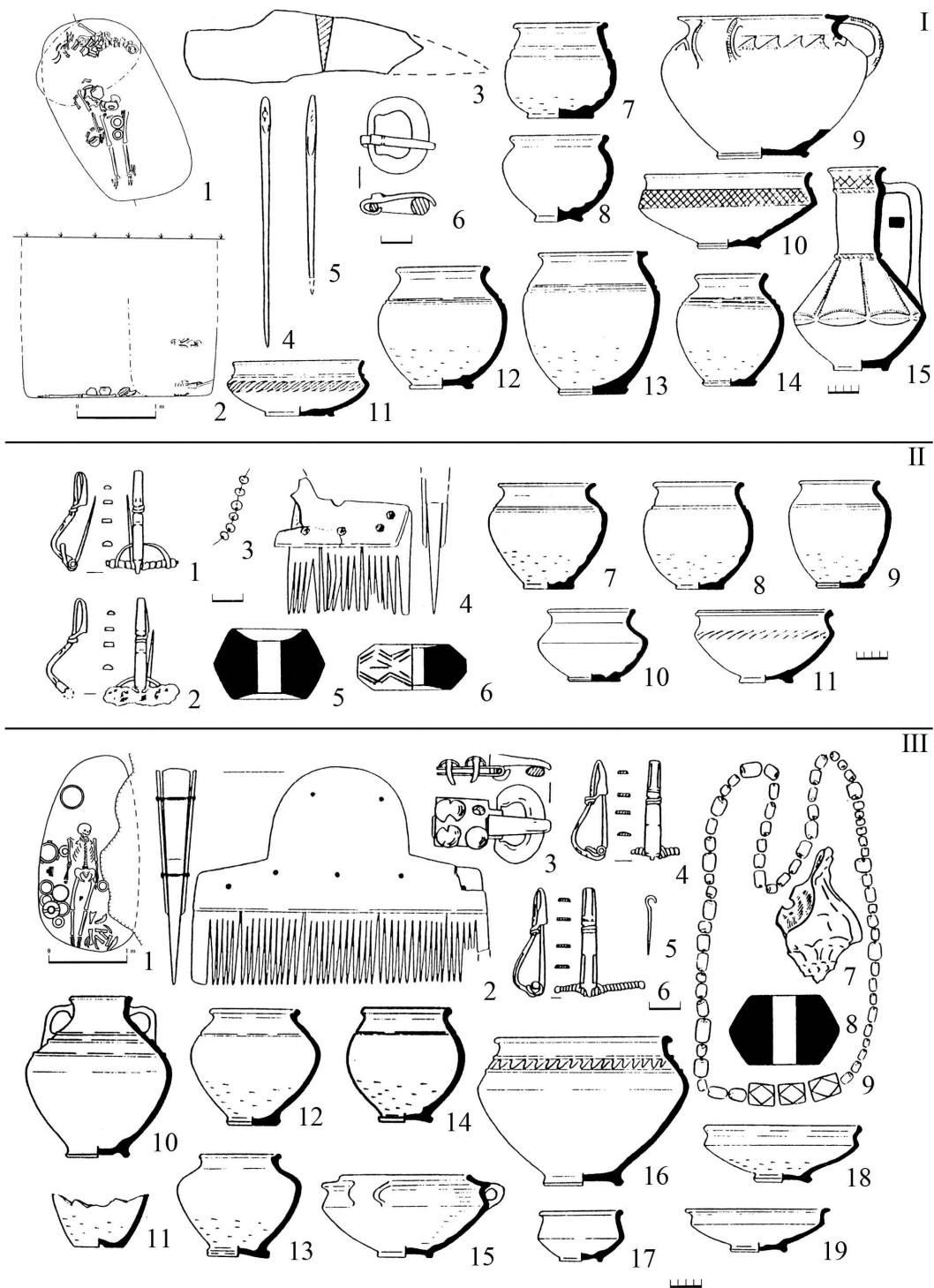

Рис. Б. 5. 21. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: I – п. 1619; II – п. 1631; III – п. 1647 (Некрасова, 2006, рис. 49; рис. 50: 4 – 15; 52).

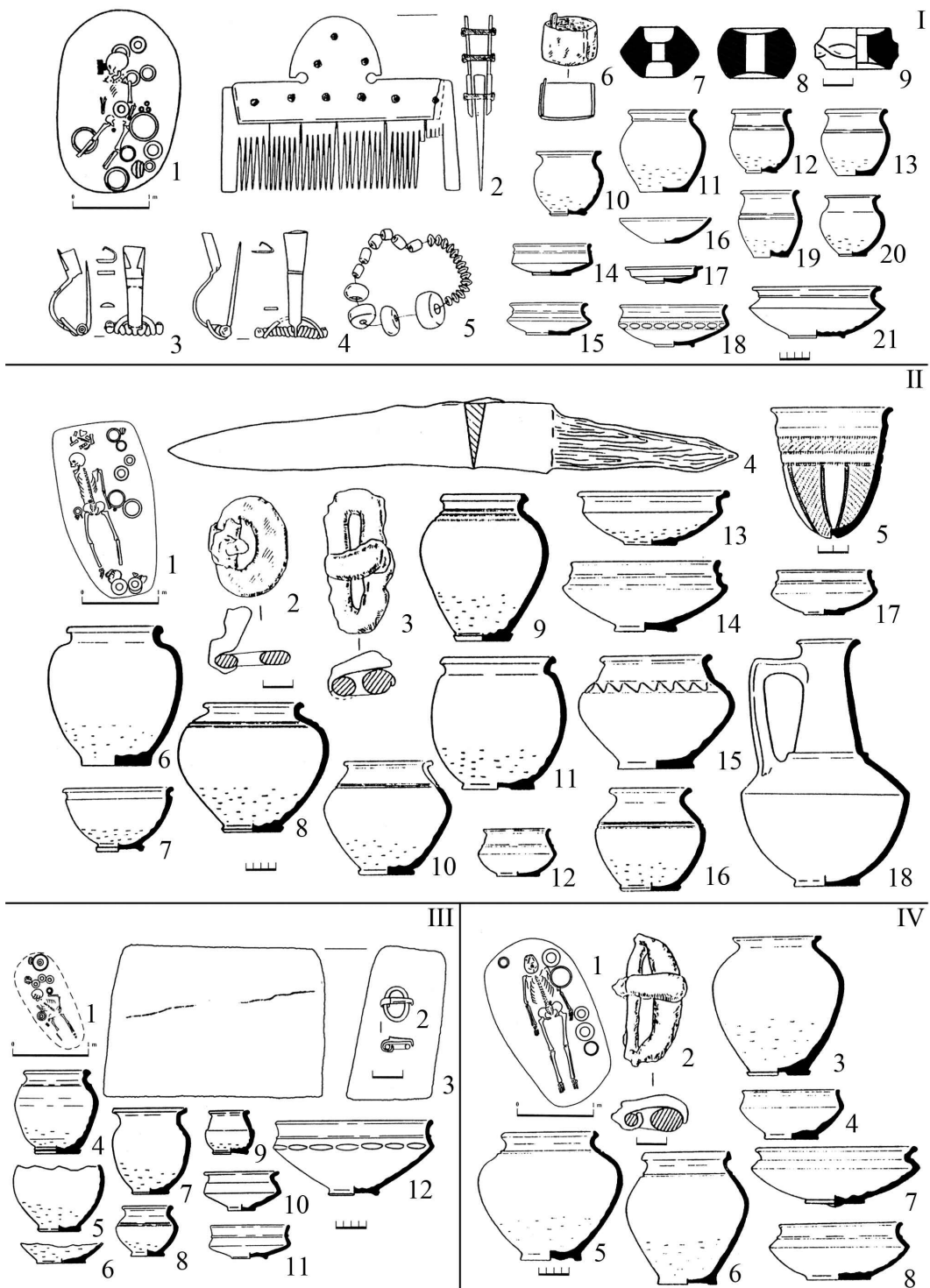

Рис. Б. 5. 22. Погребения могильника Успенка и их инвентарь: I – п. 1654; II – п. 1308; III – п. 1655; IV – п. 1367 (Некрасова, 2006, рис. 47: 13 – 20; 48; 51: 13 – 24; 53).

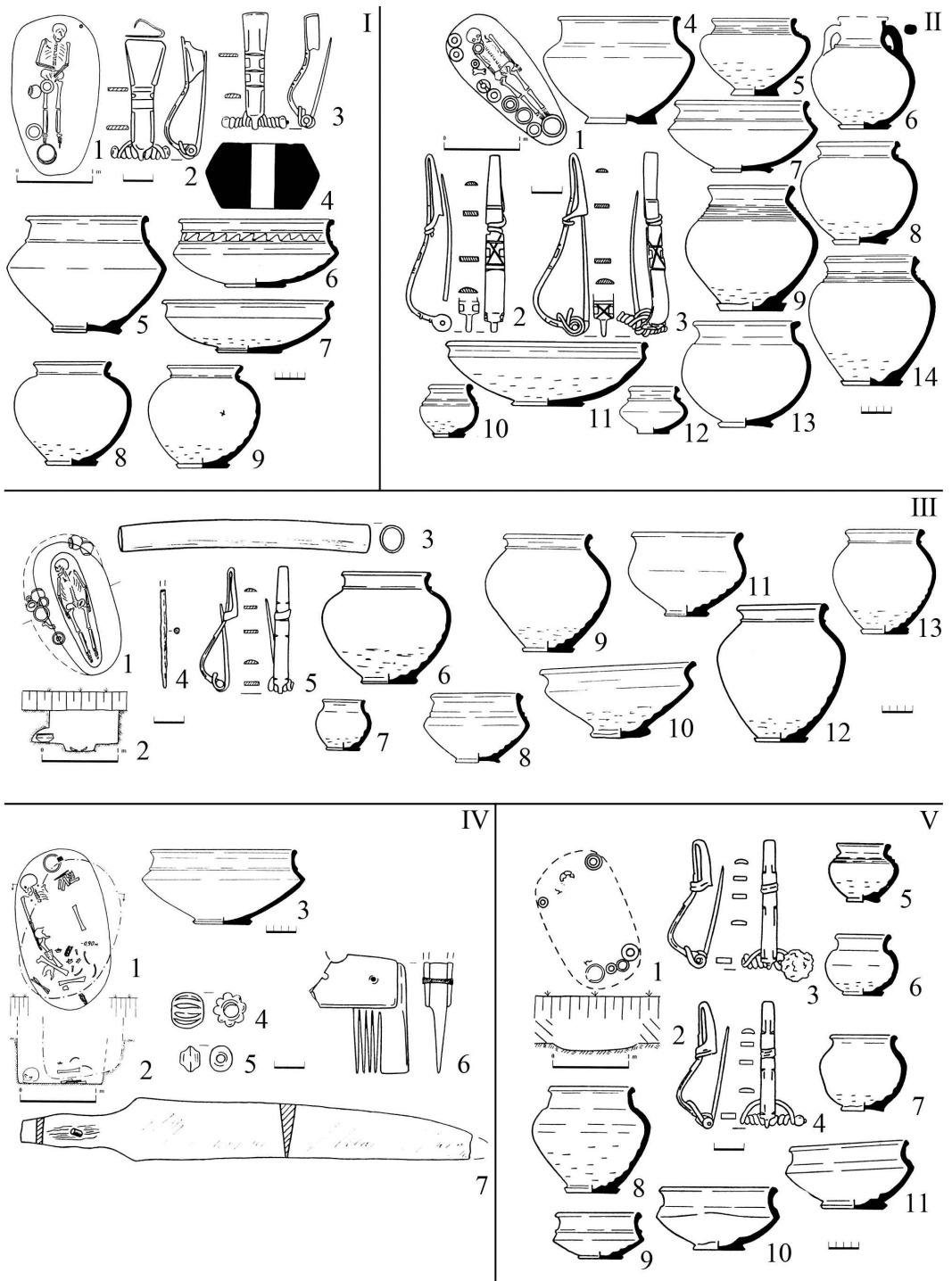

Рис. Б. 5. 23. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: I – погр.7; II – п. 11; III – п. 46; IV – п. 2; V – п. 13 (Некрасова, 2006, рис. 3: 4 – 9; 5: 12 – 20; 7: 1 – 14, 15 – 24; 17).

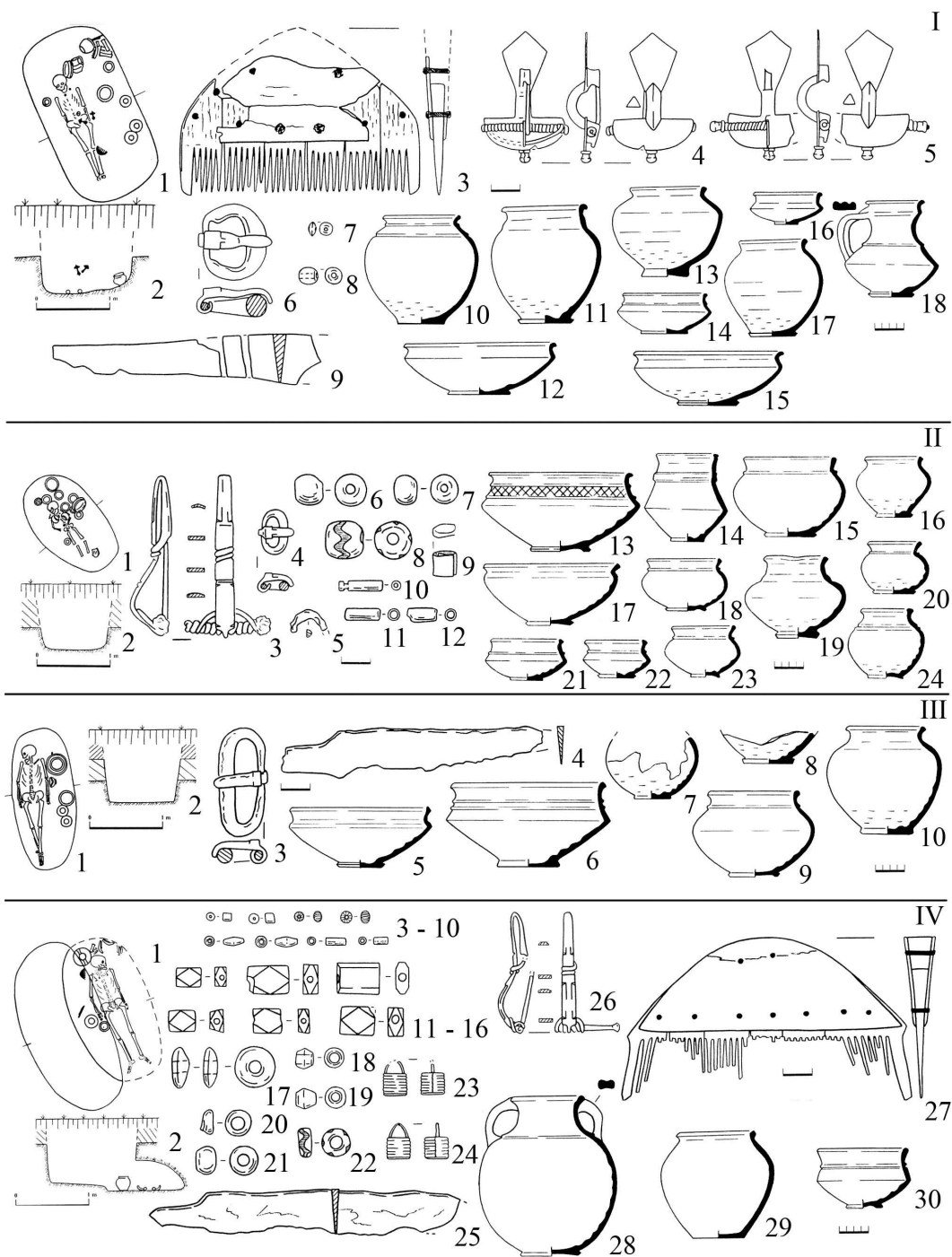

Рис. Б. 5. 24. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: I – п. 4; II – п. 24; III – п. 30; IV – п. 33 (Некрасова, 2006, рис. 4; 9: 6 – 28; 11: 6 – 14; 12).

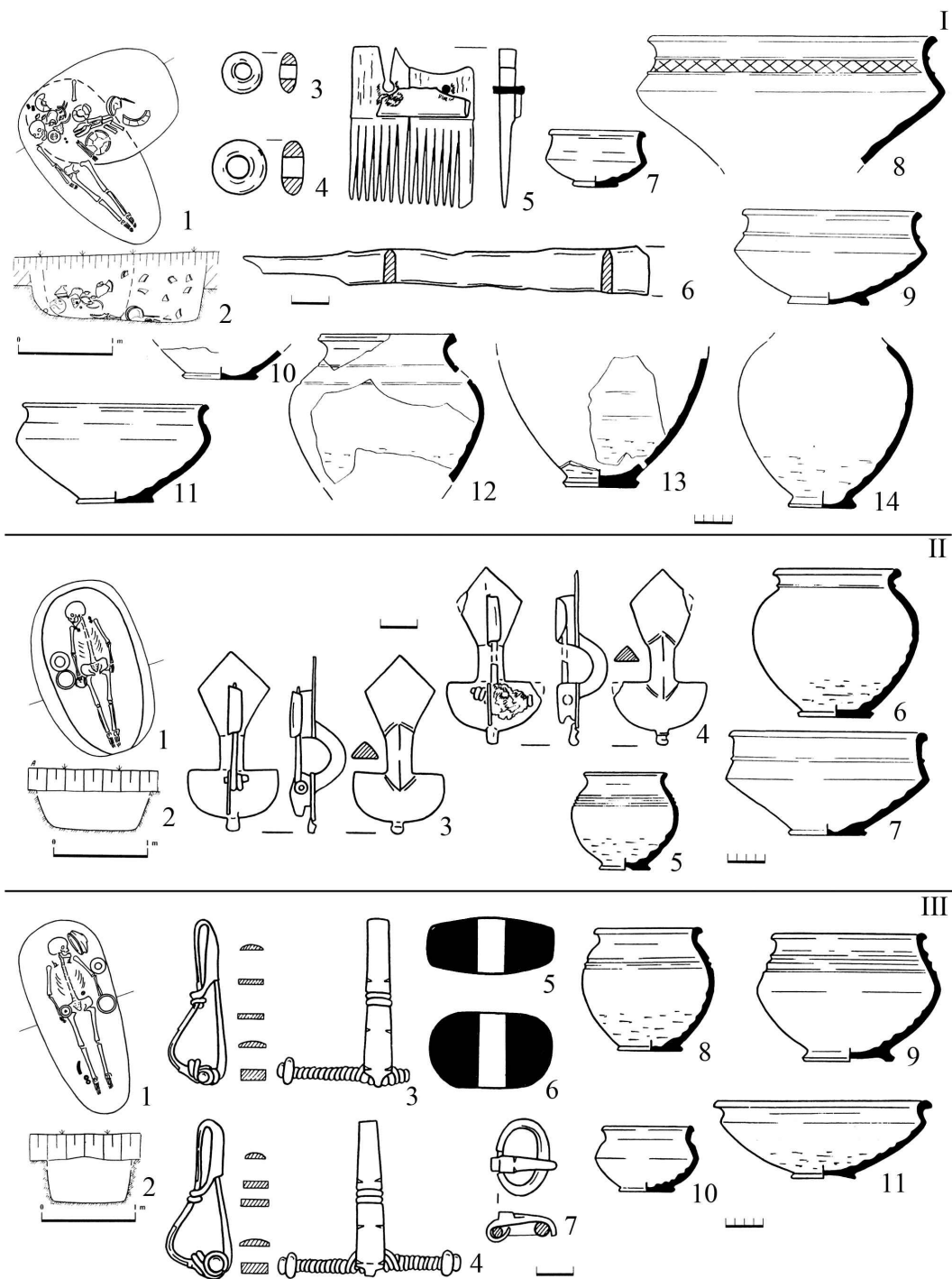

Рис. Б. 5. 25. Погребения могильника Боромля и их инвентарь: I – п. 39; II – п. 44; III – п. 45 (Некрасова, 2006, рис. 14; 15: 6 – 11; 16: 1 – 10).

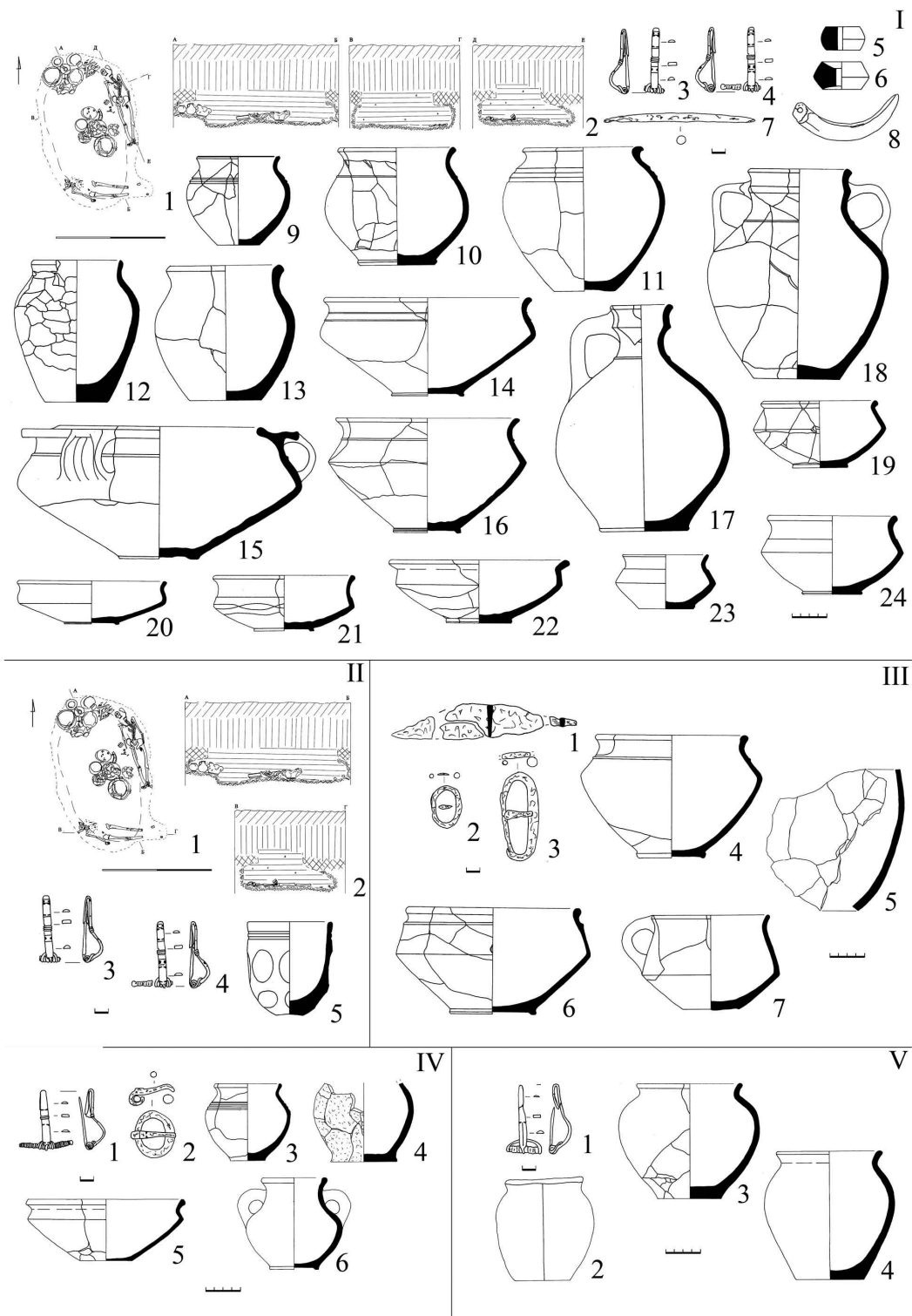

Рис. Б. 5. 26. Могильник Войтенки: I – п. 86/1 могильника Войтенки (1, 2), его инвентарь (5 – 24); II – п. 86/2 могильника Войтенки (1, 2), его инвентарь (3 – 5); III – п. 93: инвентарь; IV – п. 92: инвентарь; V – п. 94: инвентарь.

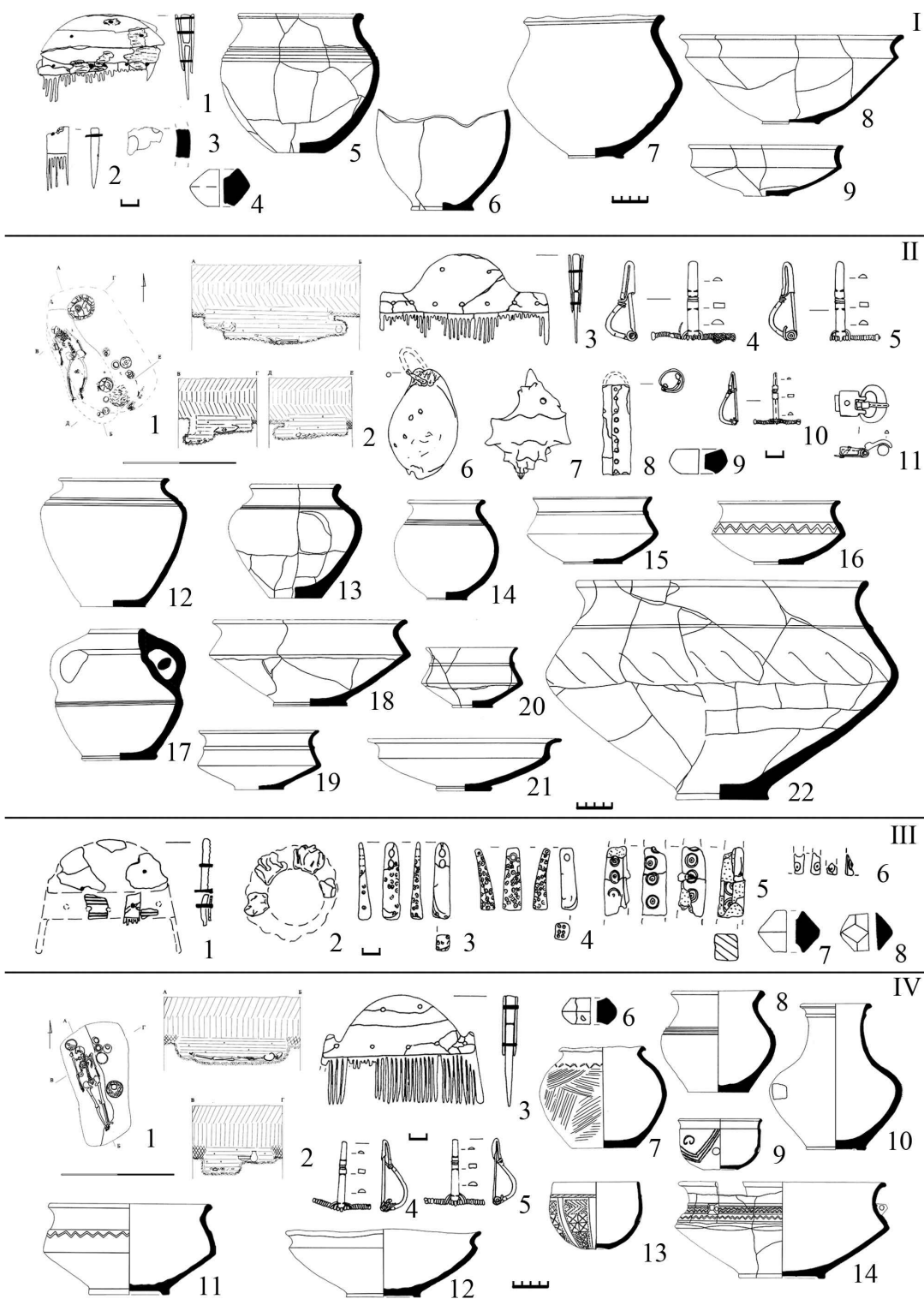

Рис. Б. 5. 27. Могильник Войтенки: I – п. 32: инвентарь; II – п. 41 и его инвентарь; III – п. 52: инвентарь; IV – п. 54 и его инвентарь.

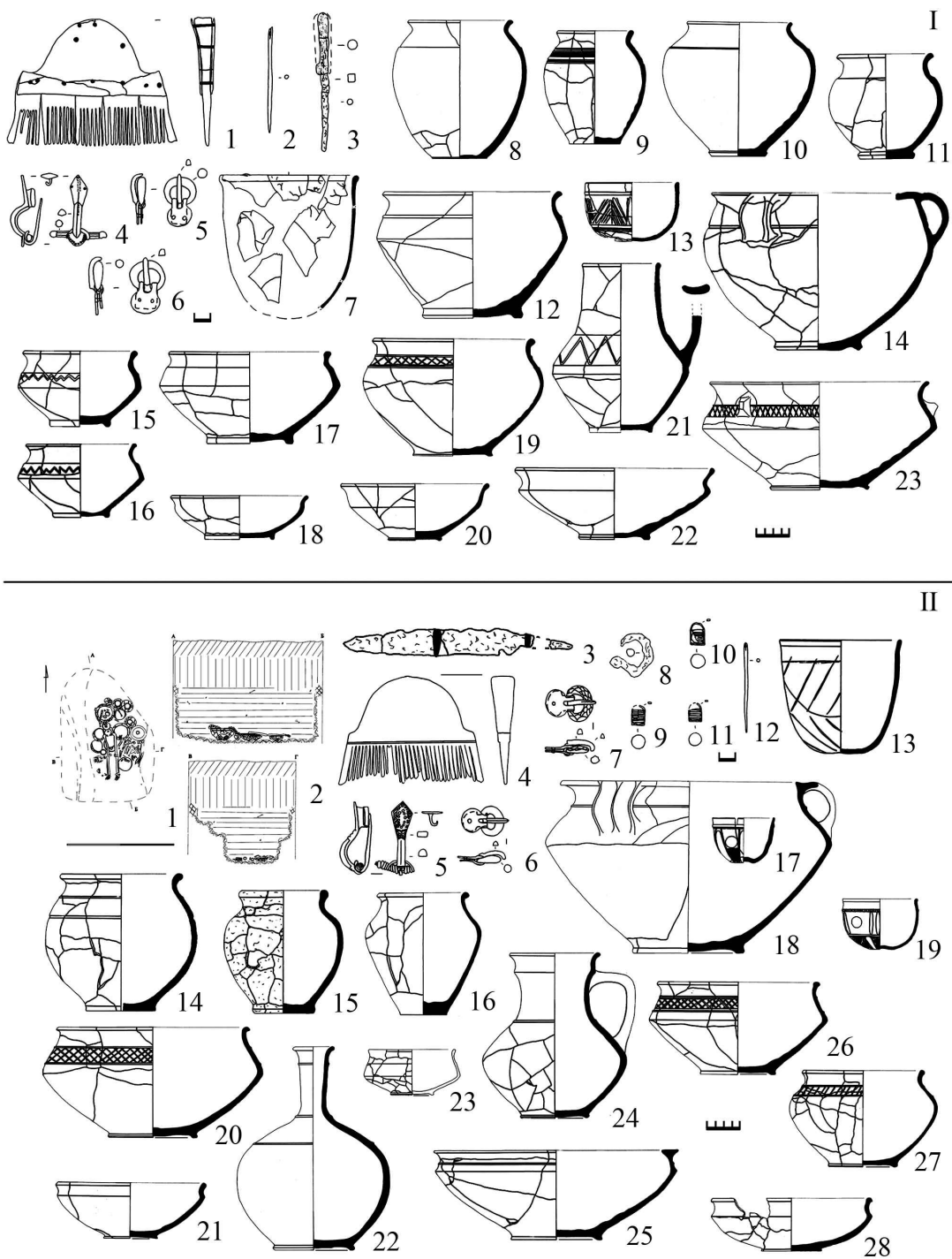

Рис. Б. 5. 28. Могильник Войтенки: I – инвентарь п. 101:инвентарь; II – п. 96 и его инвентарь.

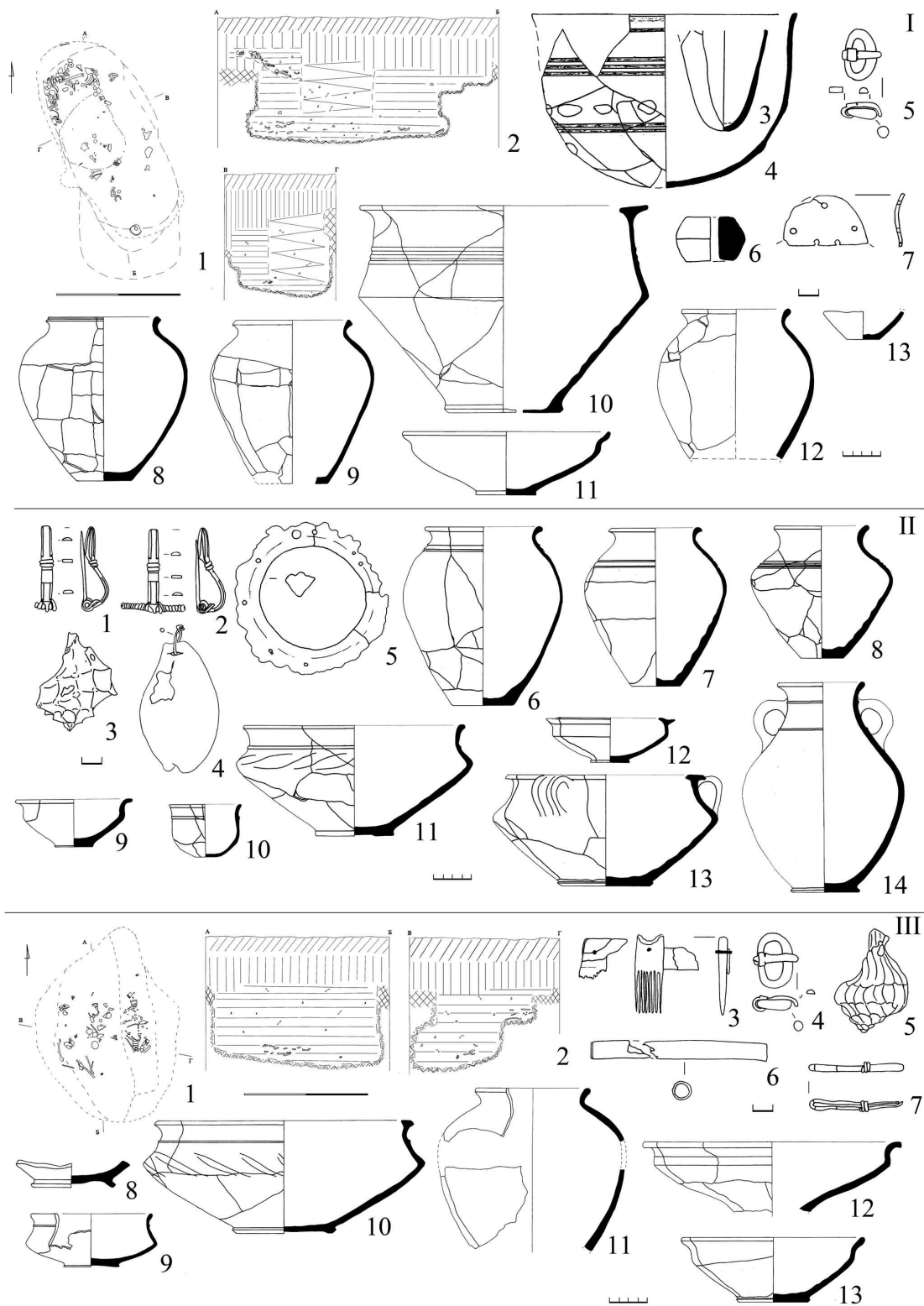

Рис. Б. 5. 29. Могильник Войтенки: I – п. 102: инвентарь; II – п. 111: инвентарь; III – п. 112 и его инвентарь.

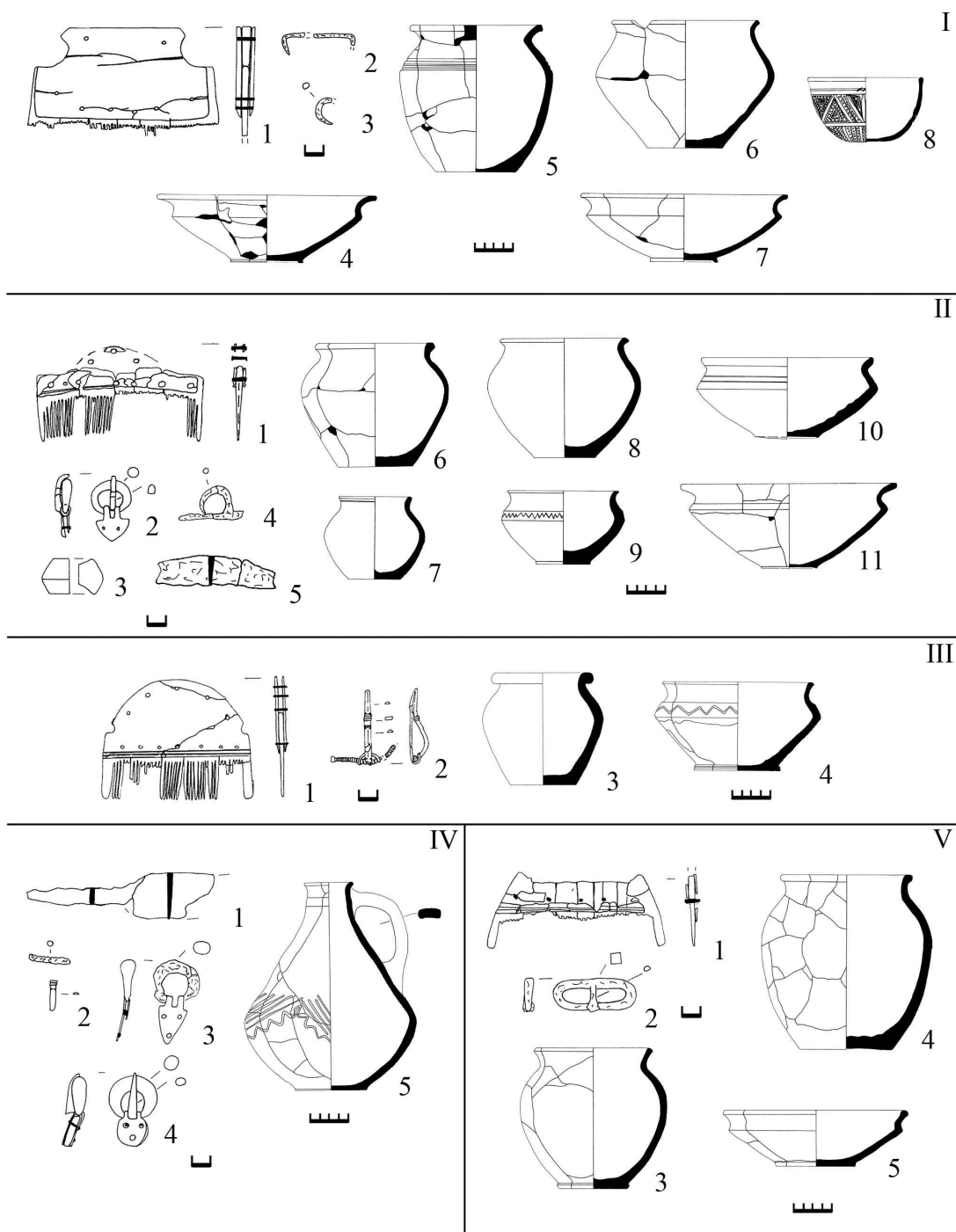

Рис. Б. 5. 30. Инвентарь погребений могильника Войтенки: I – п. 55; II – п. 58; III – п. 68; IV – п. 64; V – п. 70.

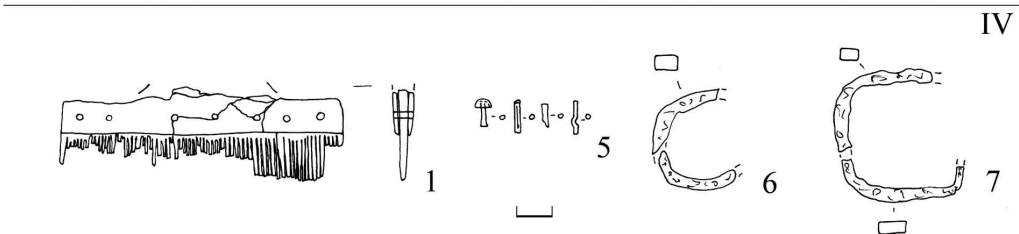
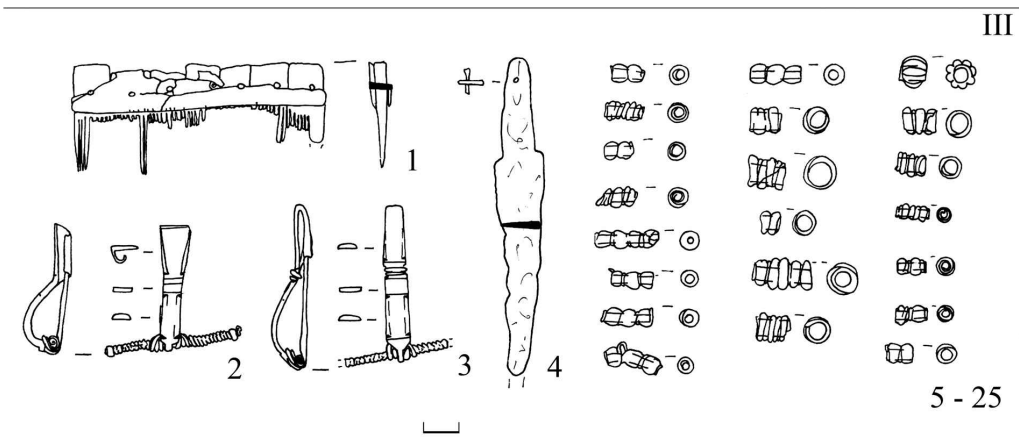
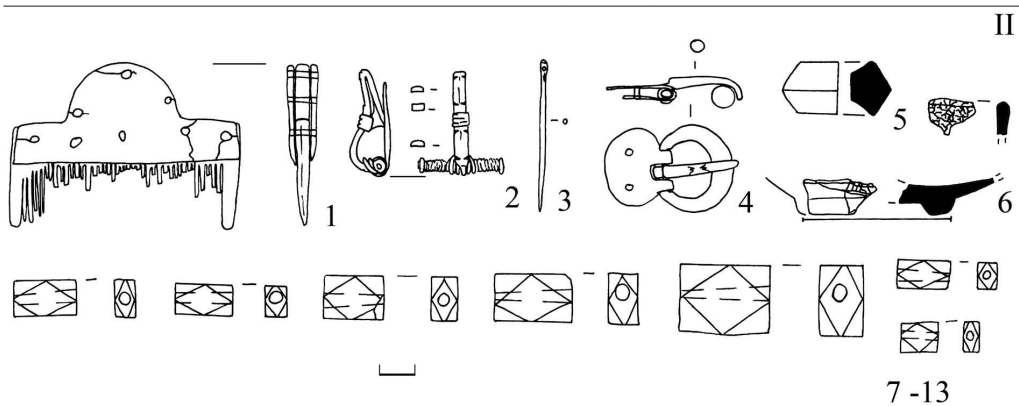
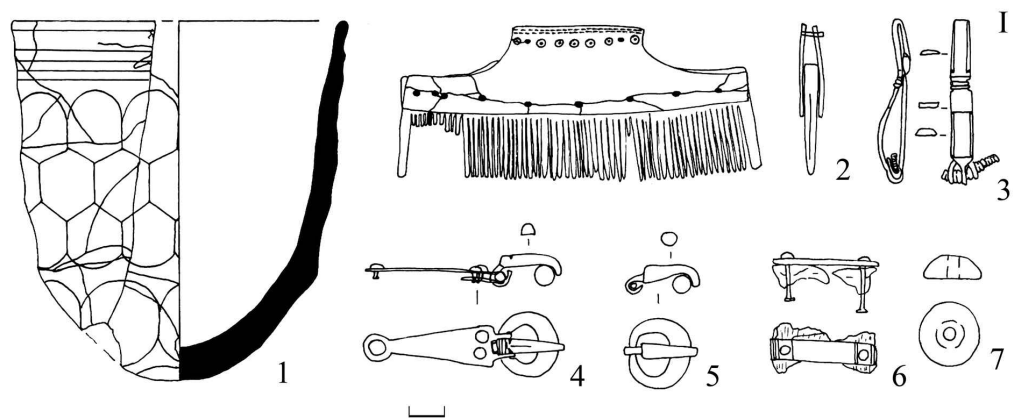

Рис. Б. 5. 31. Инвентарь погребений могильника Войтенки (индивидуальные находки): I – погр.117; II – погр.121; III – погр.122; IV – погр.123.

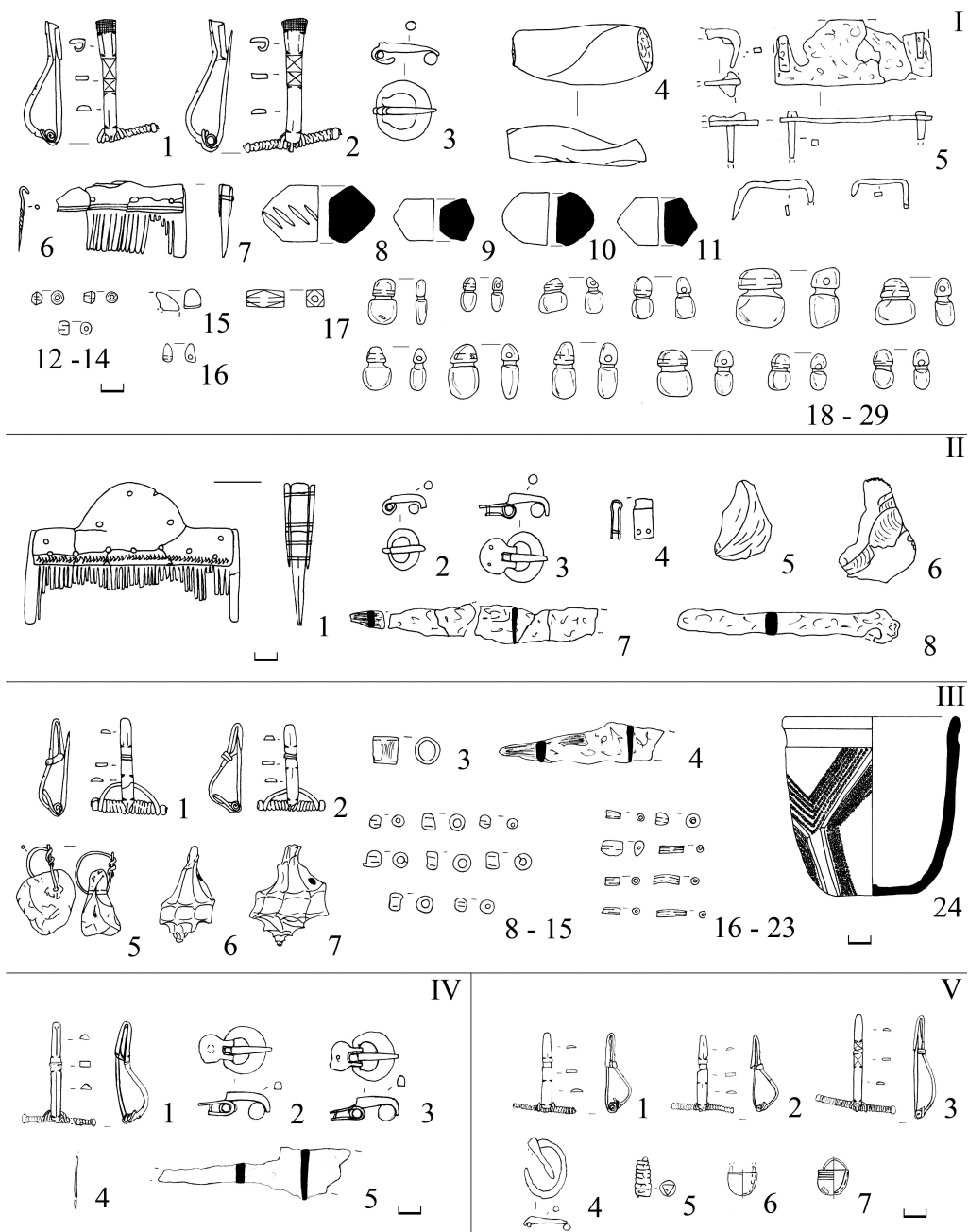
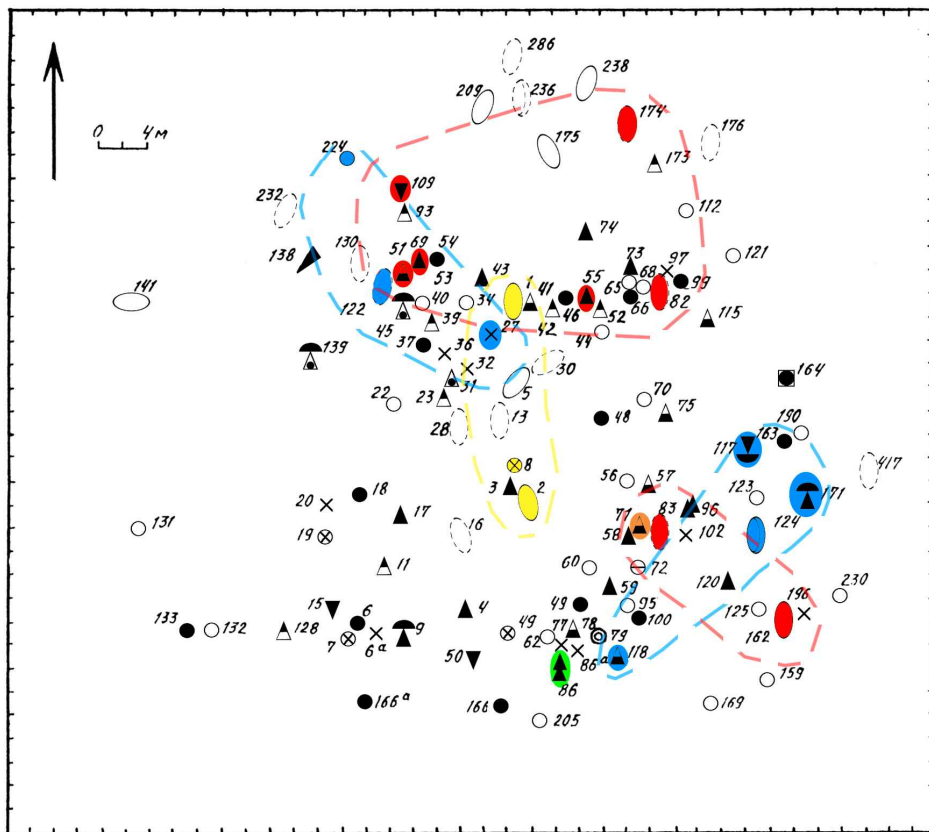

Рис. Б. 5. 32. Инвентарь погребений могильника Войтенки (индивидуальные находки): I – погр.124; II – погр.125; III – погр.126; IV – погр.127; V – погр.129.

- - фаза 1
- - фаза 1/2
- - фаза 2
- - фаза 2/3
- - фаза 3

Рис. Б. 5. 33. Размещение погребений различных фаз на могильнике Компанийцы.

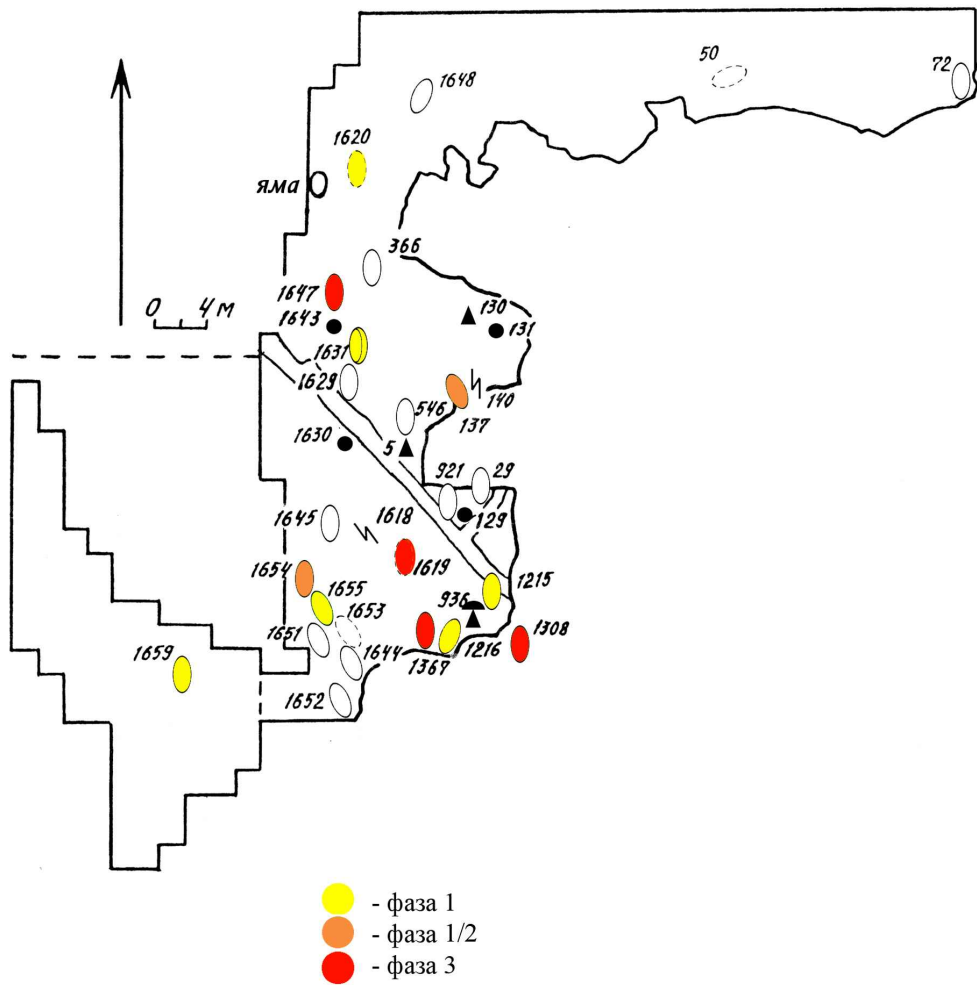

Рис. Б. 5. 34. Размещение погребений различных фаз на могильнике Успенка.

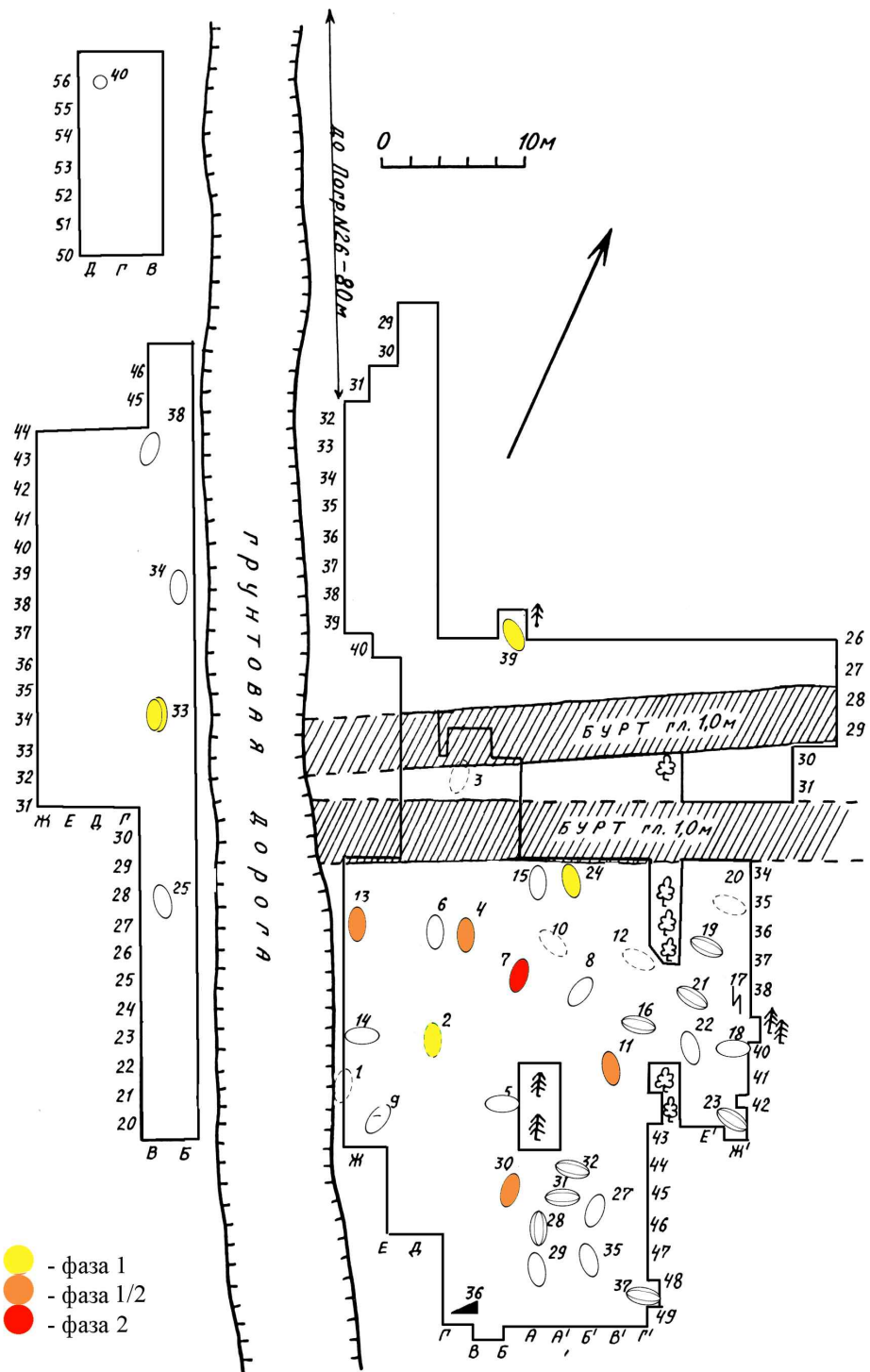

Рис. Б. 5. 35. Размещение погребений различных фаз на могильнике Боромля.

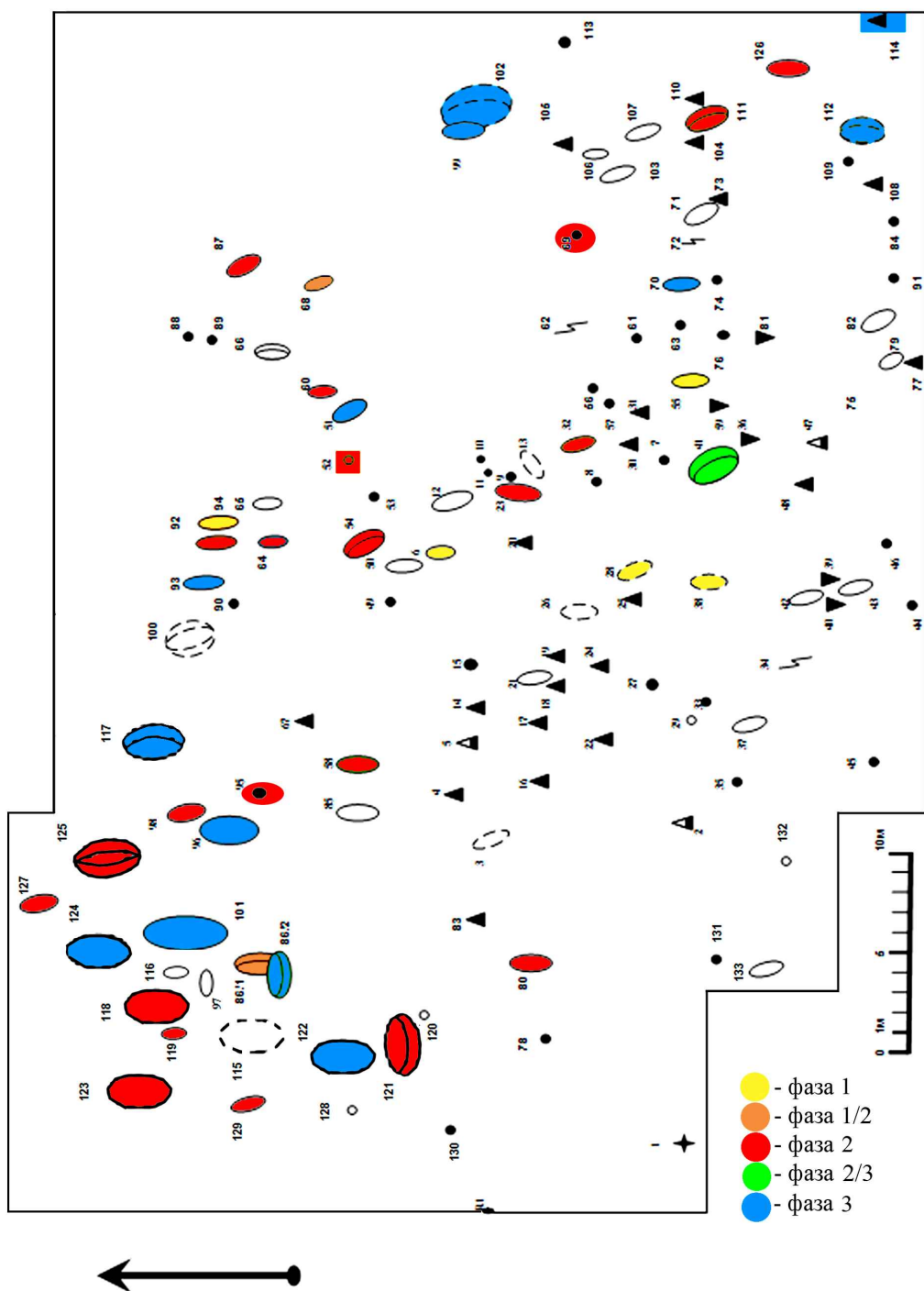

Рис. Б. 5. 36. Размещение погребений различных фаз на могильнике Войтенки.

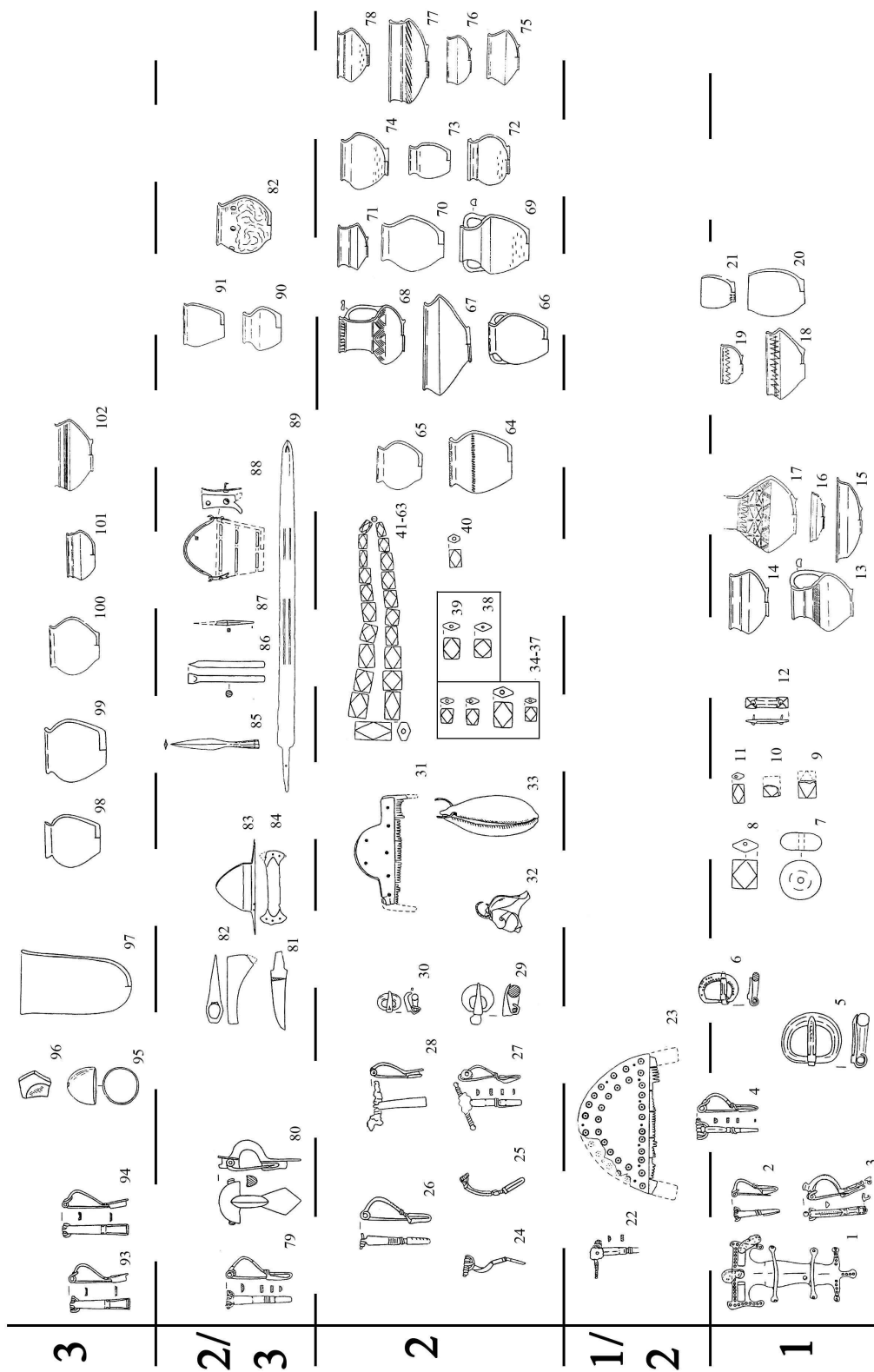

Рис. Б. 5. 37. Хроноиндикаторы фаз могильника Компанийцы

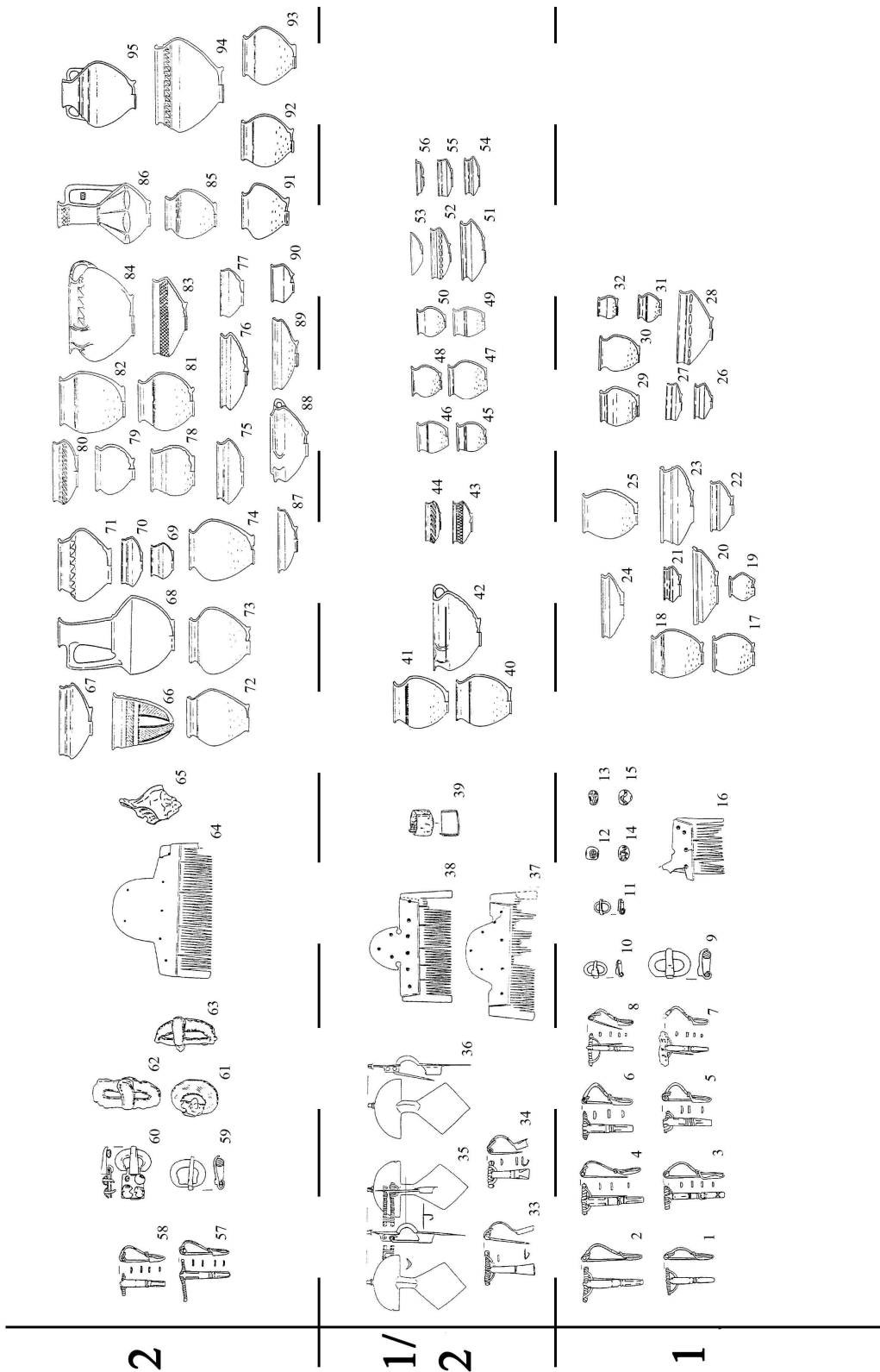

Рис. Б. 5.38. Хроноиндикаторы фаз могильника Успенка

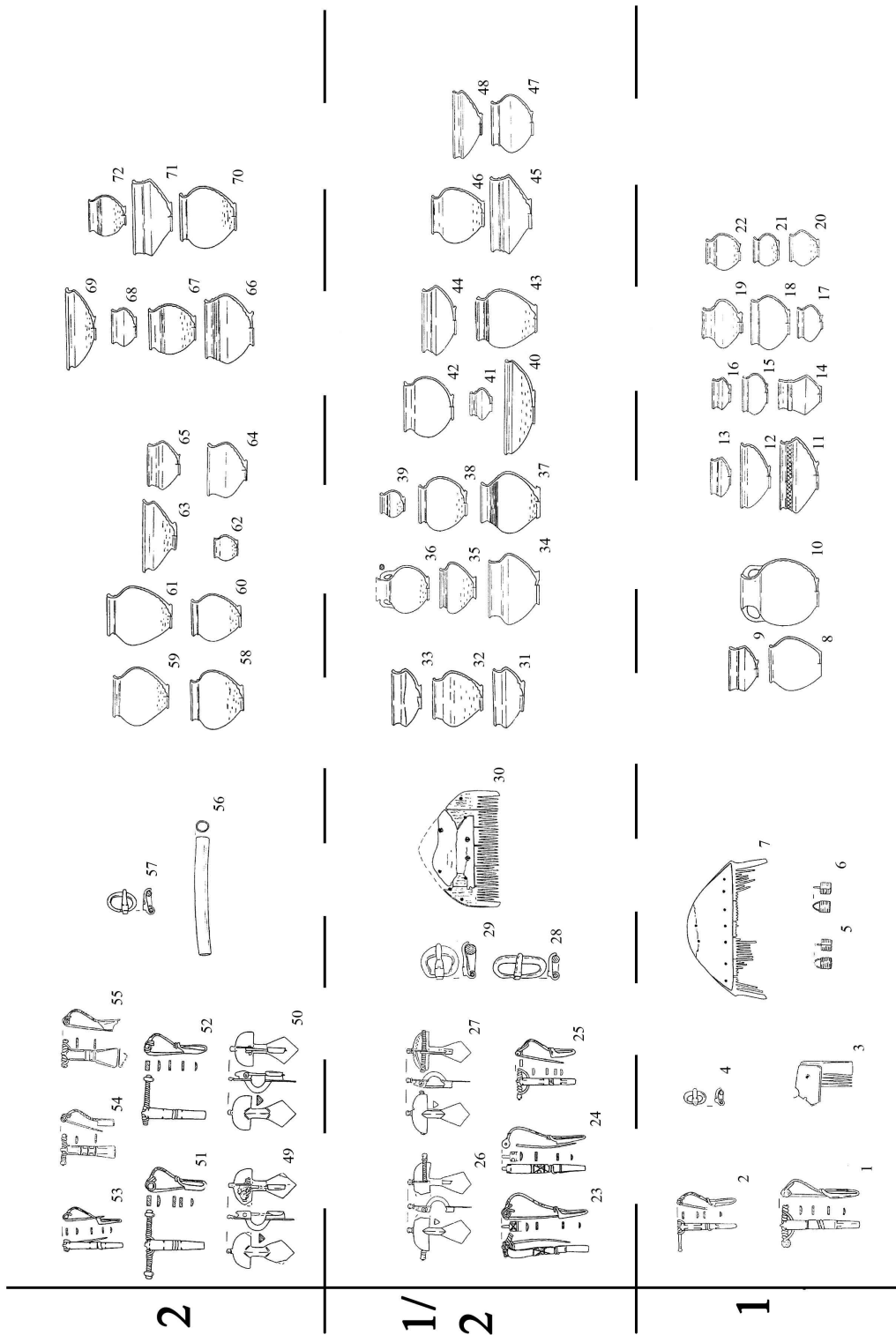

Рис. Б. 5. 39. Хроноиндикаторы фаз могильника Боромля 1

Рис. Б. 5.40. Хроноиндикаторы фаз могильника Войтенки

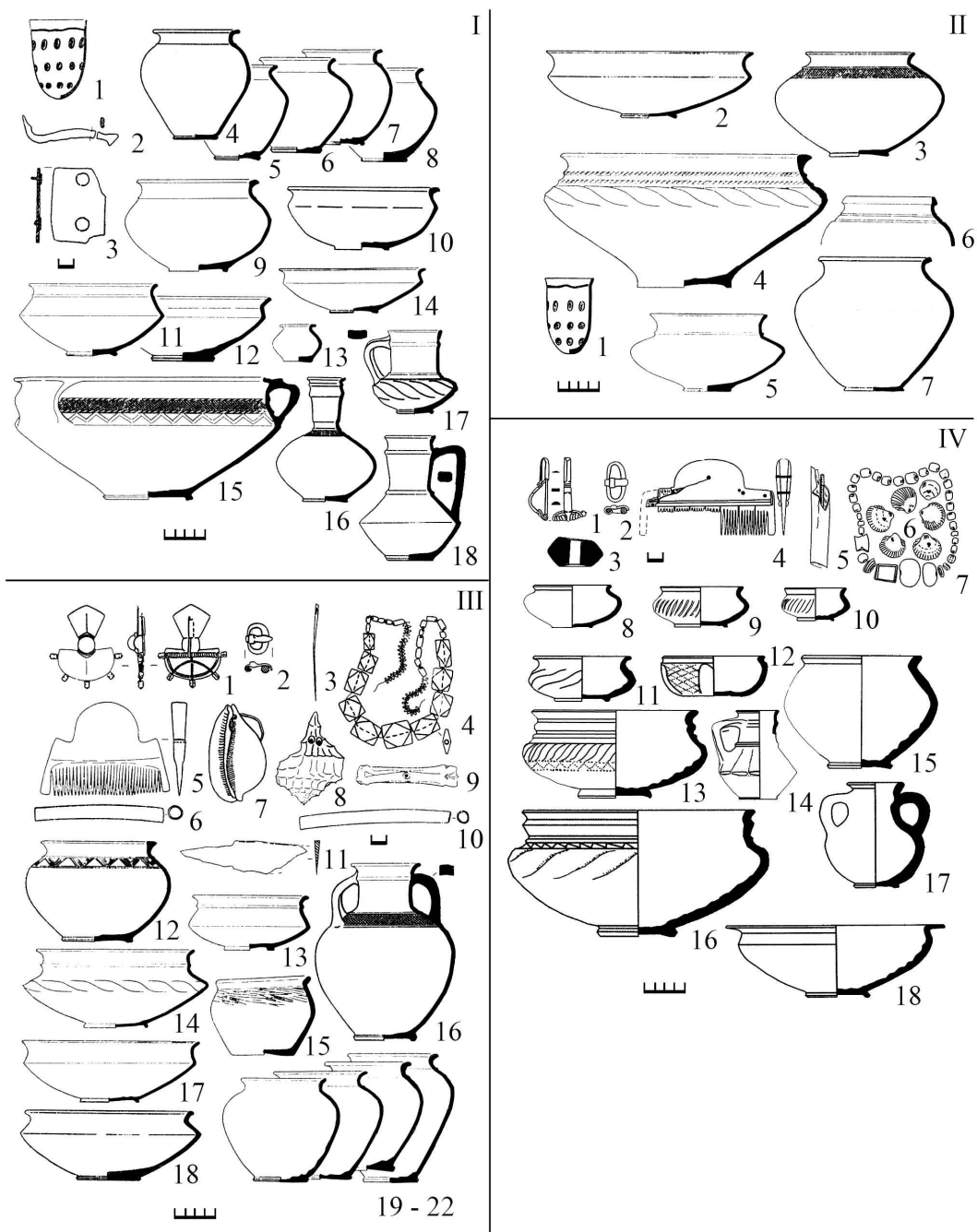

Рис. Б. 5. 41. Инвентарь погребений могильника Сумы – Сад: I – № 1; II – № 3; III – № 5; IV – № 10 (Некрасова, 1985, рис. 1: 3 – 9; 2; 4; Гопкало, 2008, рис. 15; Schultze, 2009, abb. 2, 3).

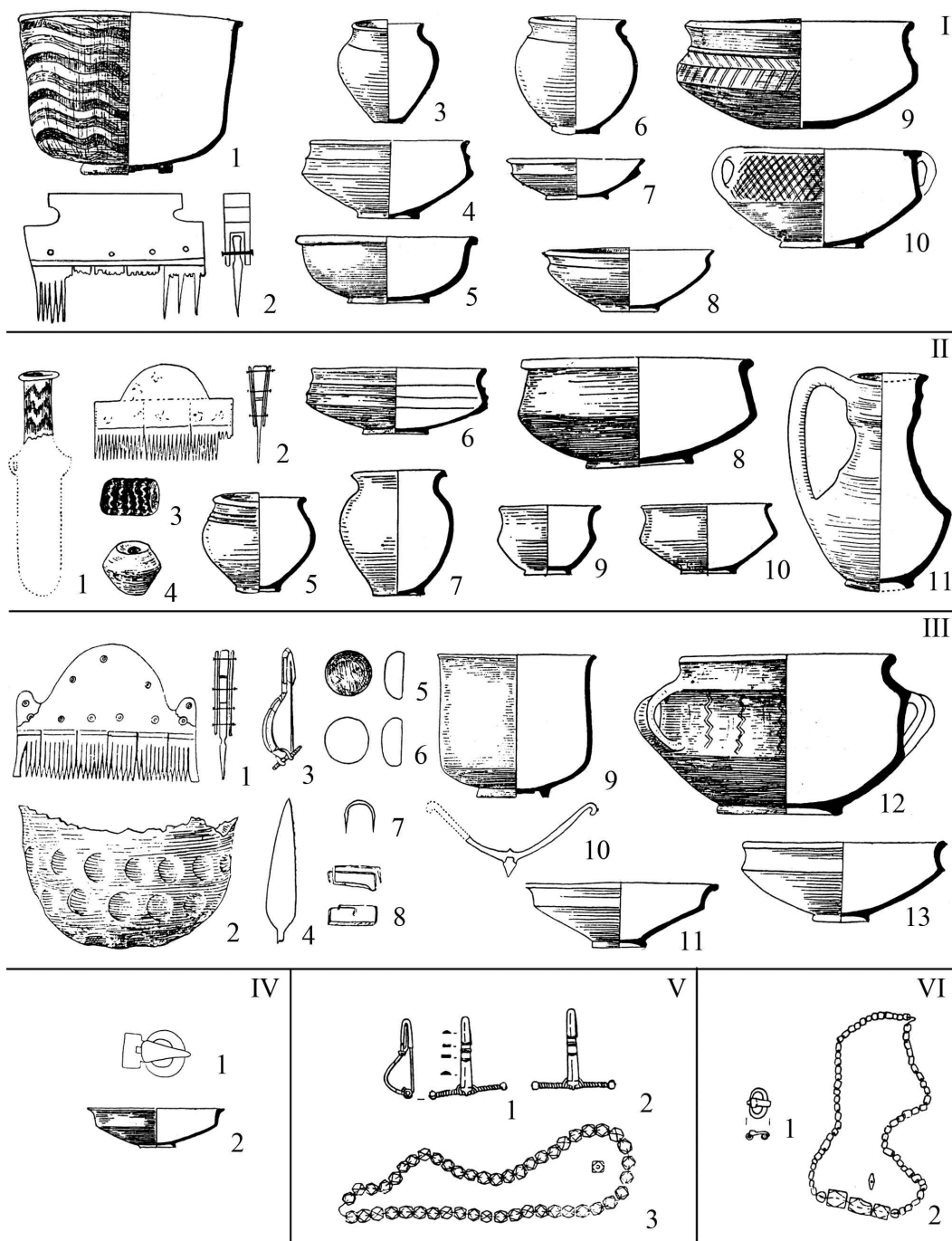

Рис. Б. 5. 42. Инвентарь погребений могильников: I – Переяслав – Хмельницкий: п. 2 (1, 3 – 4 – Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 2 – 8, 16; 2 – Петраускас, 2009, рис. 7: 12); II – Переяслав – Хмельницкий: погр.4 (Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 9 – 15; II: 14 – 17, 19); III – Переяслав – Хмельницкий: погр.5 (Гончаров, Махно, 1957, табл. II: 1 13); IV – Переяслав – Хмельницкий: погр.1 (Гончаров, Махно, 1957, табл. I: 1; II: 18); V – Сумы – Сад: погр.8 (Некрасова, 1985, рис. 3: 1, 5 – 7); VI – Сумы – Сад: погр.7 (Некрасова, 1985, рис. 2, 8 – 9).

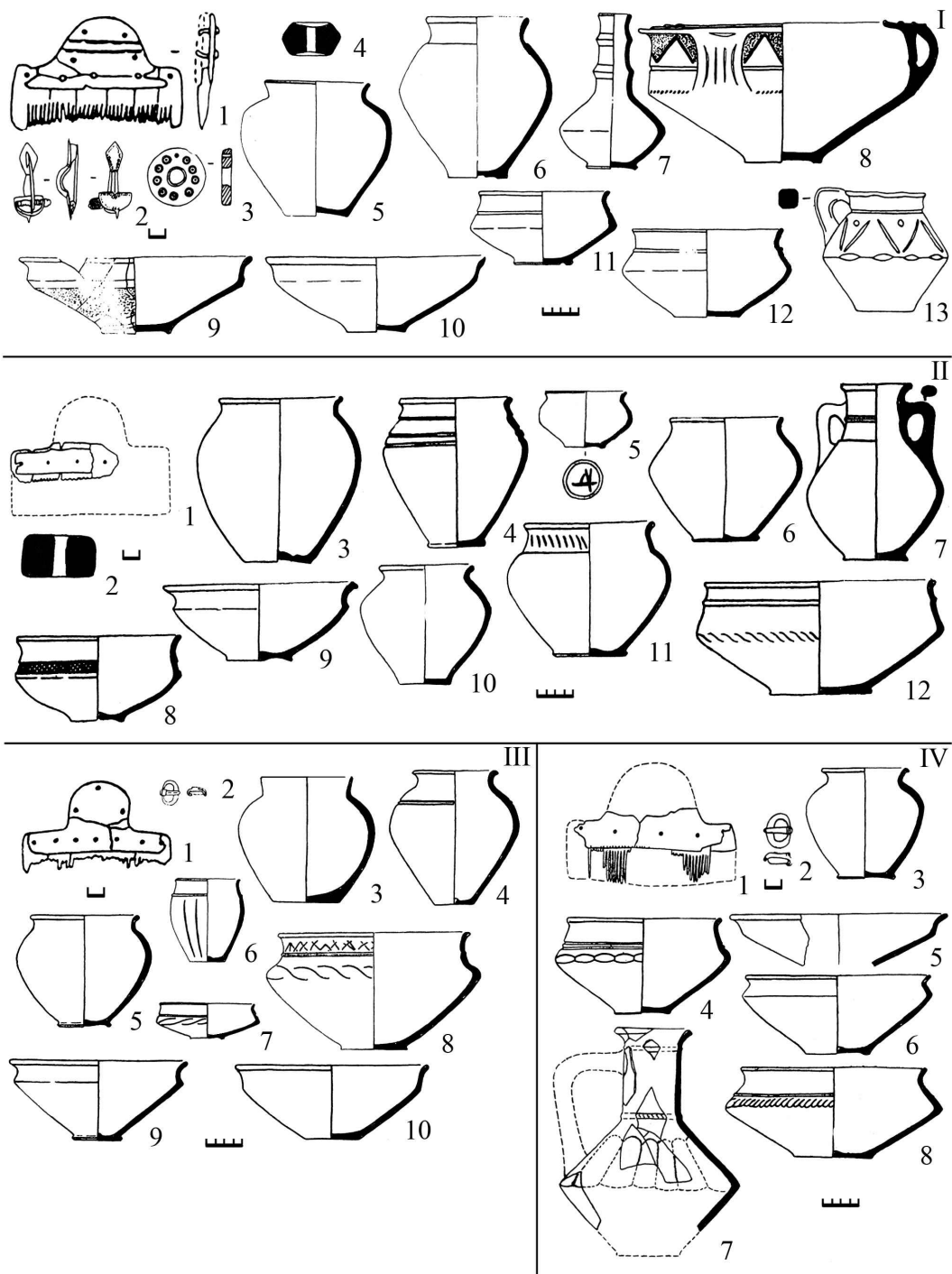

Рис. Б. 5. 43. Инвентарь погребений могильника Родной Край 1: I – п. 3; II – п. 9; III – п. 14; и могильника Соколово 2: IV – п. 1 (Петренко, 1991, рис.5, 8, 10, 13).

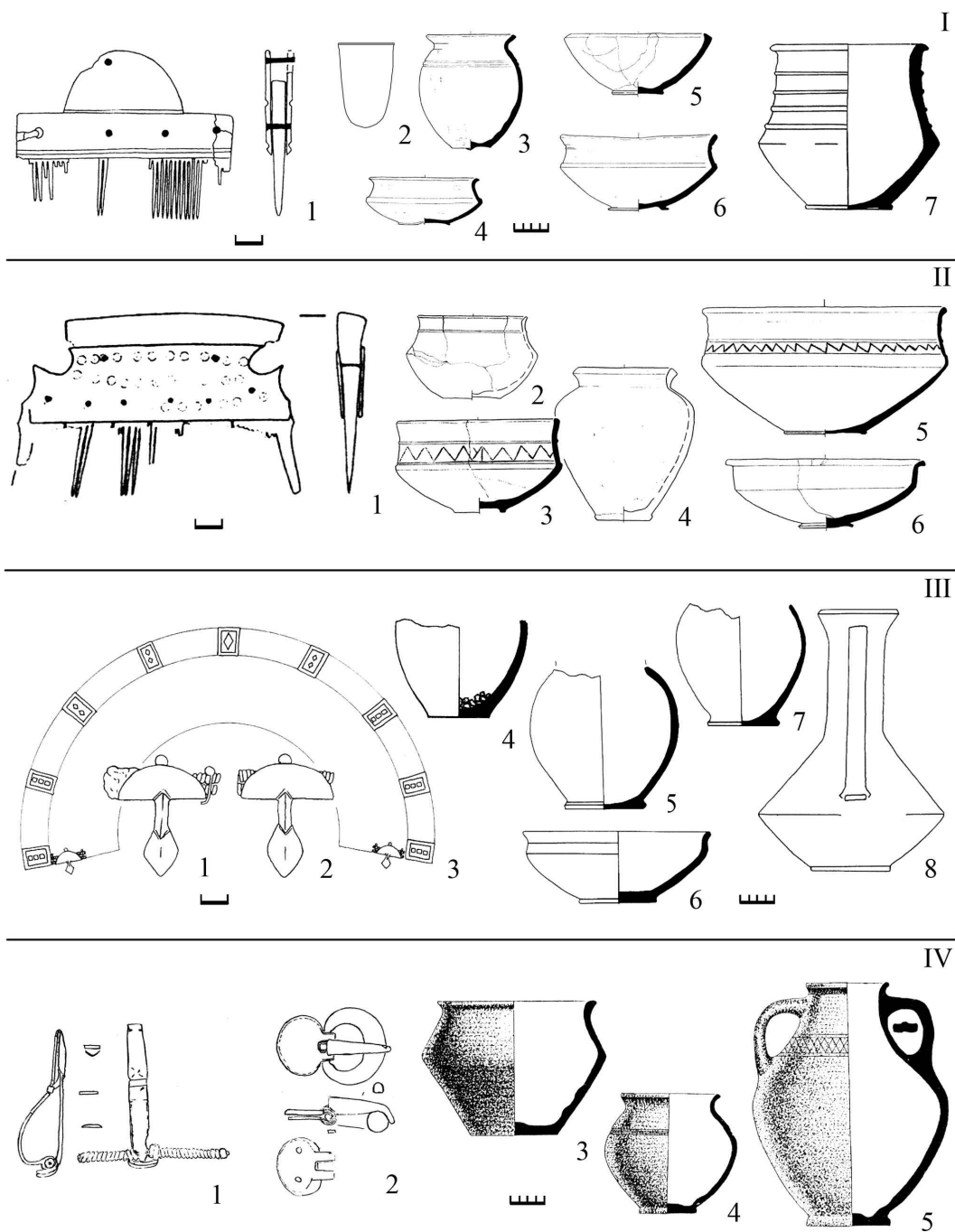
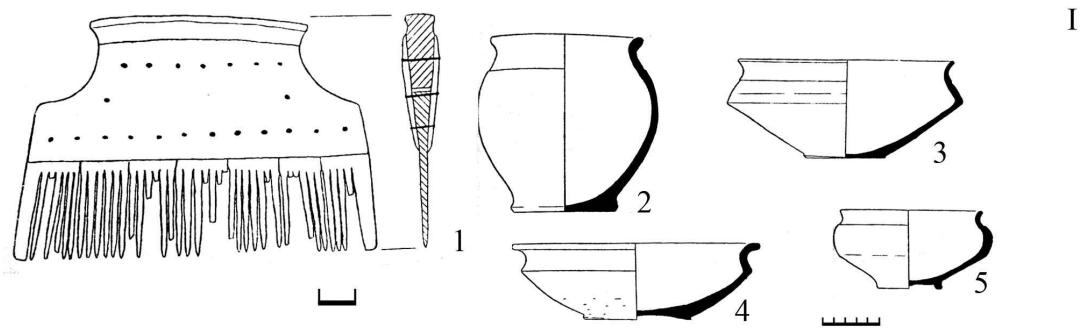
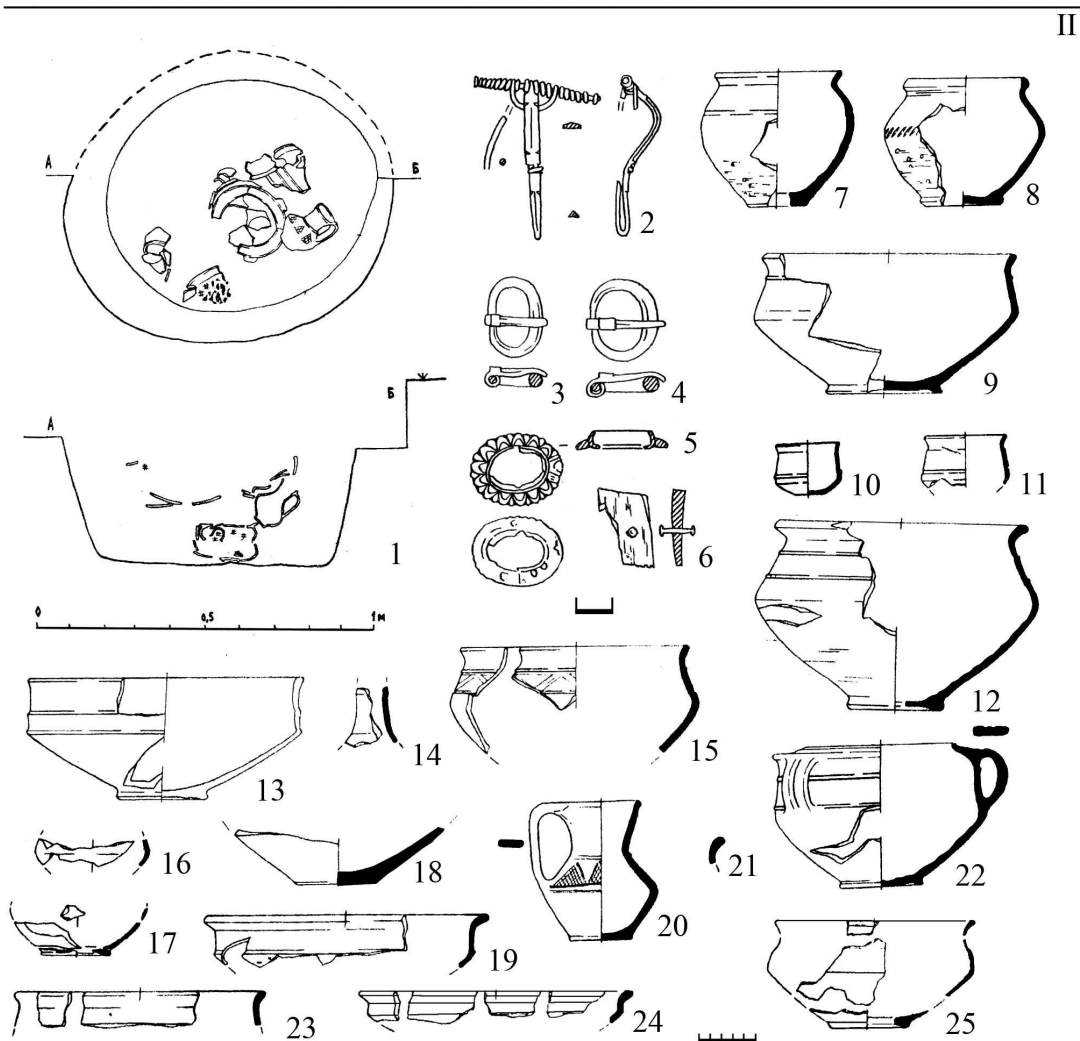

Рис. Б. 5. 44. Инвентарь погребений: I – п. 1/1961 могильника Жовнин (ур. Биленковы Бурты) (Петраускас, Цындровская, 2002, рис. 1); II – п. 18 могильника Жовнин (ур. Пристань) (Петраускас, Цындровская, 2002, рис. 12); III – п. 26 могильника Жовнин (ур. Пристань) (Рутковская, 1979, рис. 10); IV – п. 1 могильника Глубокое (1, 2 – рисунки И.О.Гавритухина; 3 – 5 – Любичев, 2002, рис. 1: 3 – 5).

I

II

Рис. Б. 5. 45. Погребения 466 (I) и 230 (II) могильника Соснова и их инвентарь (Сикорский, Махно, Бузьян, 1979, рис.12, 15:15; 1982, табл.1;).

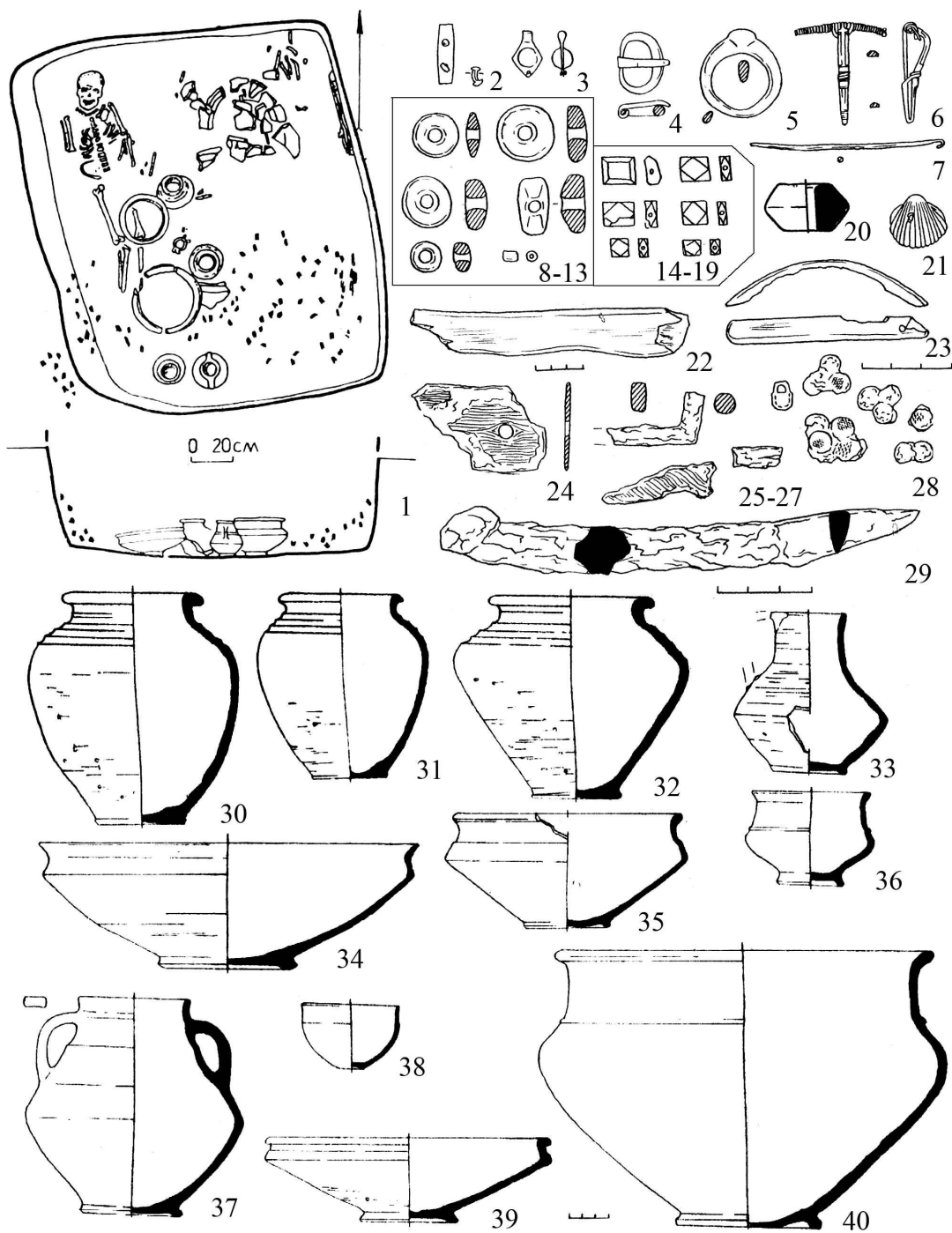

Рис. Б. 5. 46. Погребение 245 могильника Соснова (1) и его инвентарь (2 – 40) (Сикорский, Махно, Бузян, 1979, рис.14,15:7 – 25).

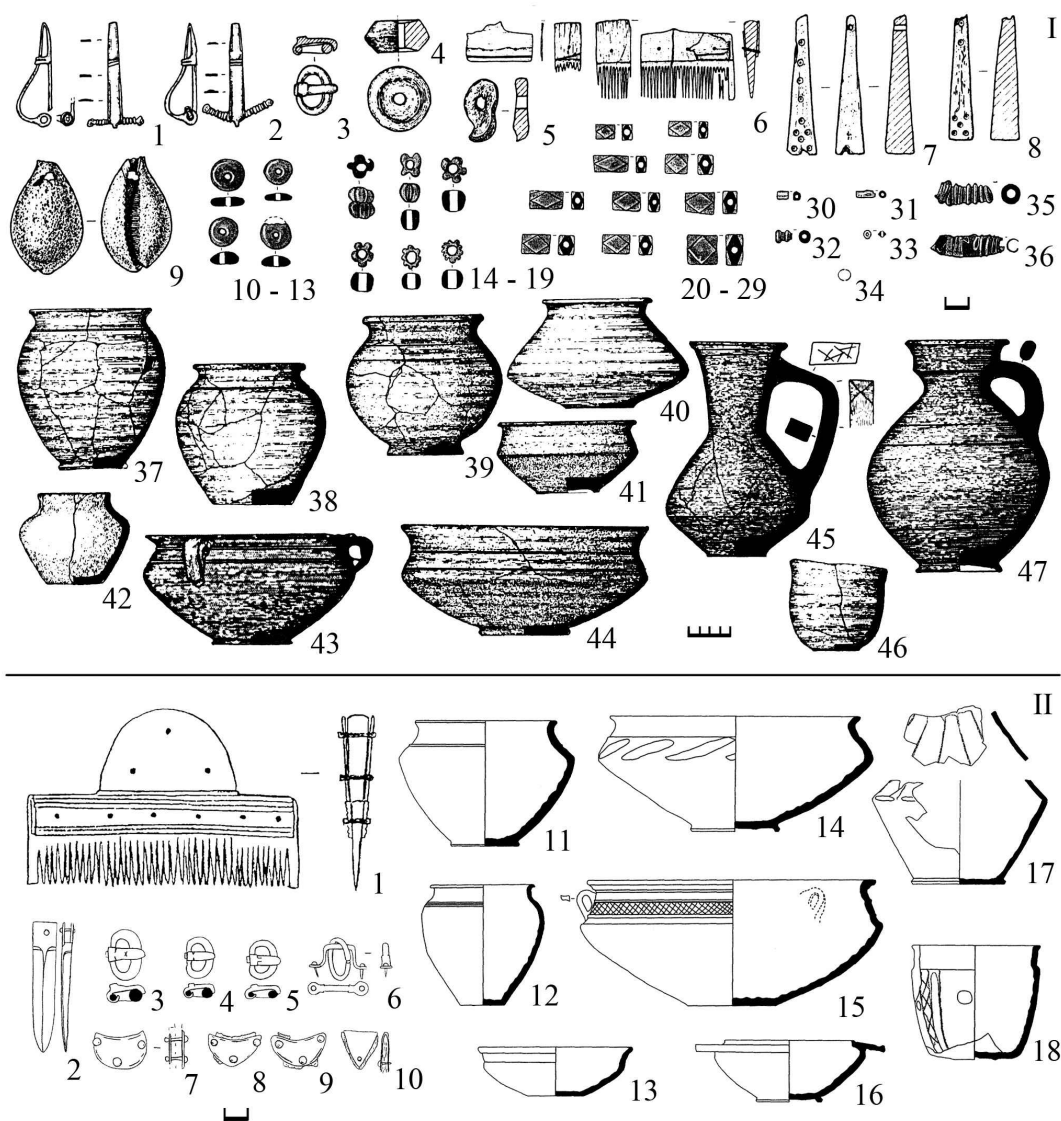

Рис. Б. 5. 47. Инвентарь подкурганых погребений: I – п. 5 кург. 2 возле Лавриковки: 1 – 3 – бронза; 4 – глина; 5, 7 – 9 – кость; 6 – раковина моллюска; 10 – 13 – янтарь; 14, 15 – коралл; 16 – 25 – стекло; 26 – серебро; 27 – 36 – сердолик; 37 – 40, 42 – 47 – гончарная керамика; 41 – лепная керамика (Супруненко, Лямкин, Сидоренко, 2011, рис. 2 – 5); II – кург. 1 Кантемировки (Рудинский, 1930, табл. I, рис. 4 – 7; табл. II, рис. 8; Обломский, 2002, рис. 91).

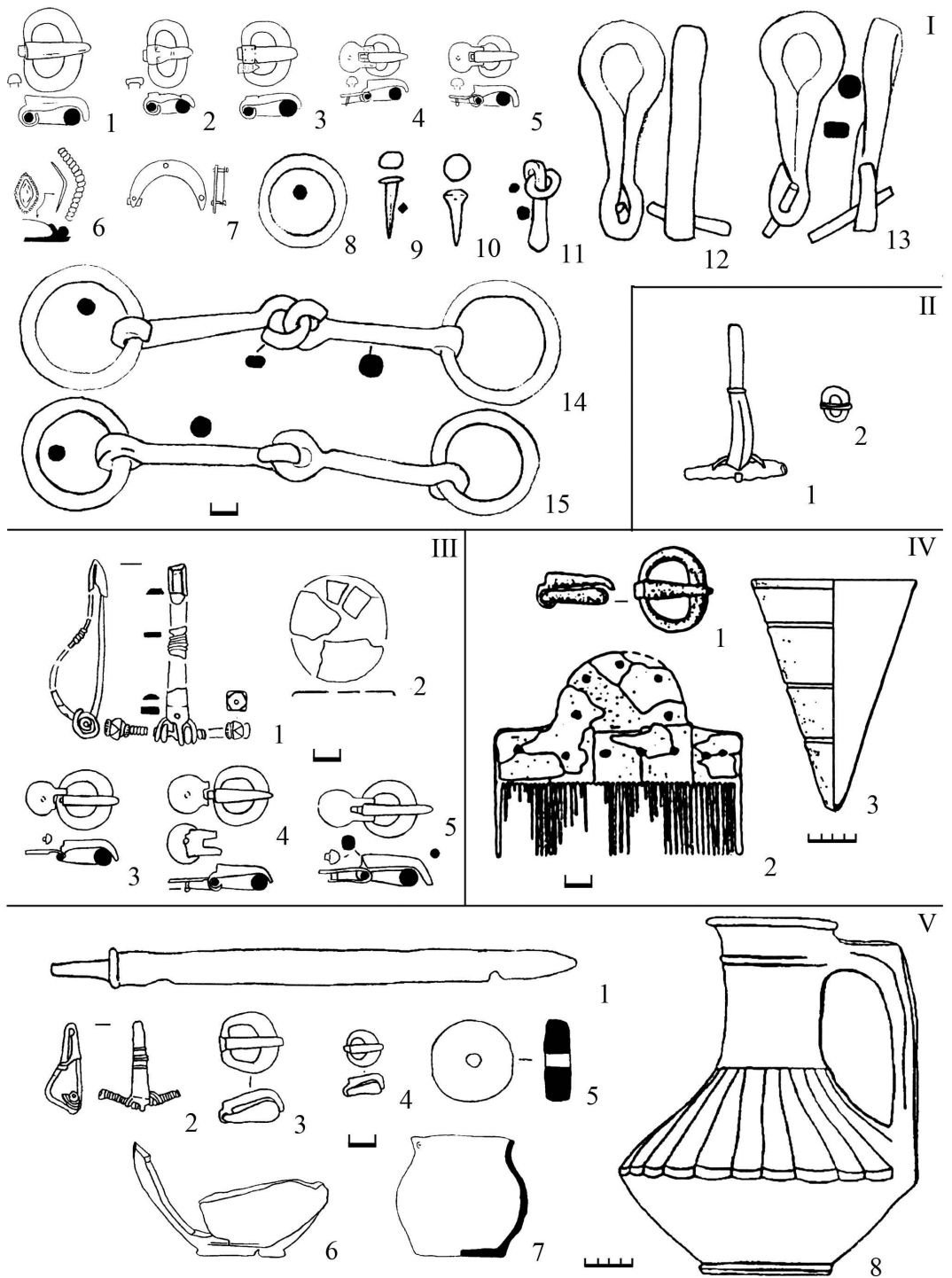

Рис. Б. 5. 48. Инвентарь погребений: I – кург. 3 Кантемировка (Рудинський, 1930, рис. 12, 13; Обломский, 2002, рис. 92); II – возле Воронцовки (Луцкевич, 1948, табл. 1; Обломский, 2002, рис. 93: 9, 10); III – Орлик (Яремовка) (Обломский, 2002, рис. 93: 11 – 15); IV – кург. 13 возле Дмухайловки (Симоненко, 2001, рис. 8: 10, 12, 14); V – п. 1 кург. 1 у шахты Моспинской (Обломский, 2002, рис. 93: 2 – 8).

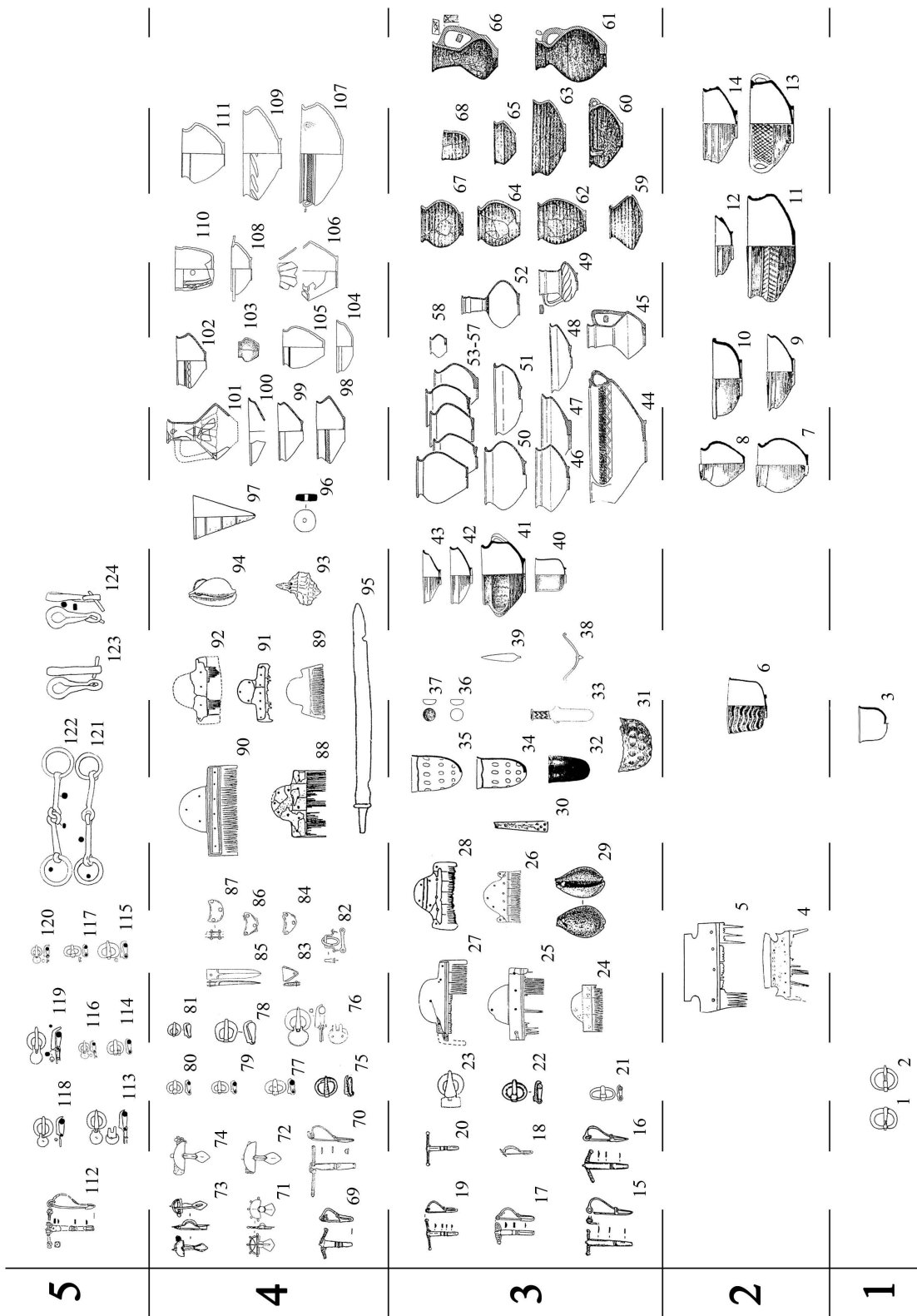

Рис. Б. 5. 49. Хроноиндикаторы фаз (горизонтов) черняховских грунтовых могильников региона, не подвергавшихся корреляции, подкурганых погребений днепро – донецкой лесостепи – прилегающей полосы степи начала эпохи Великого переселения народов.

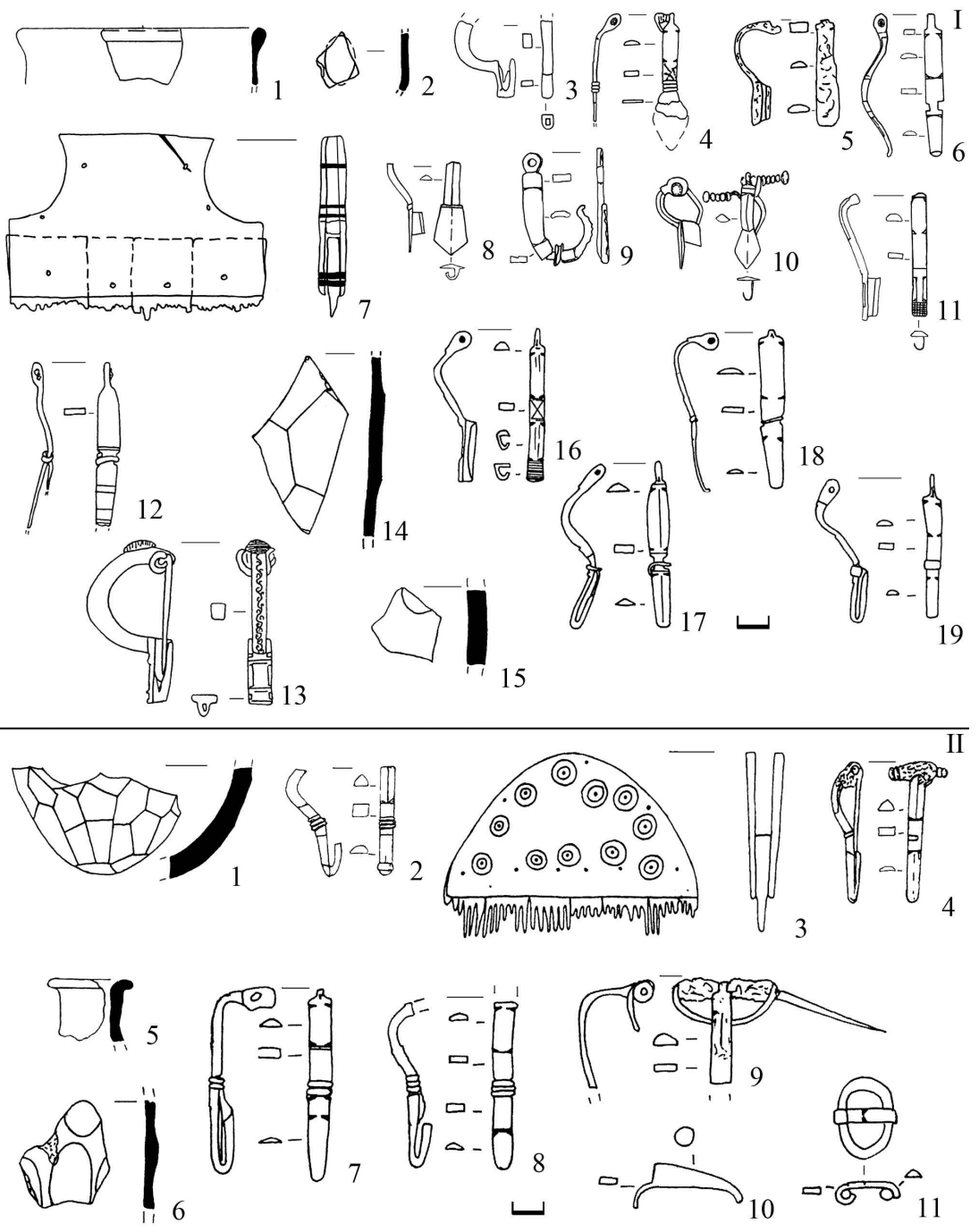

Рис. Б. 5. 50. Датирующие вещи из участков «А» (I) и «В» (II) поселения Войтенки I.

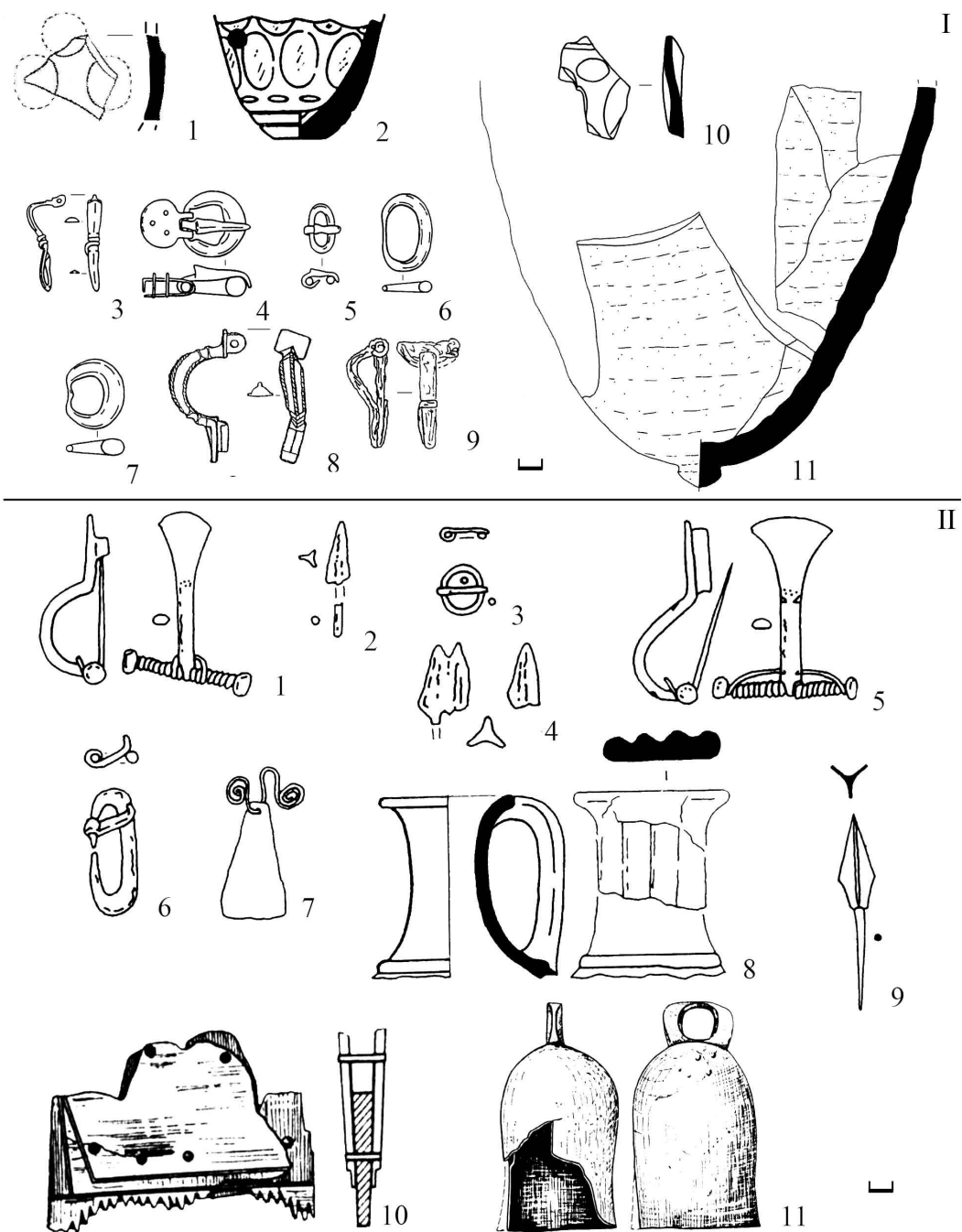

Рис. Б. 5. 51. Датирующие вещи из поселений черняховской культуры (I) и группы Каменево 2 – Комаровка 2 (II).

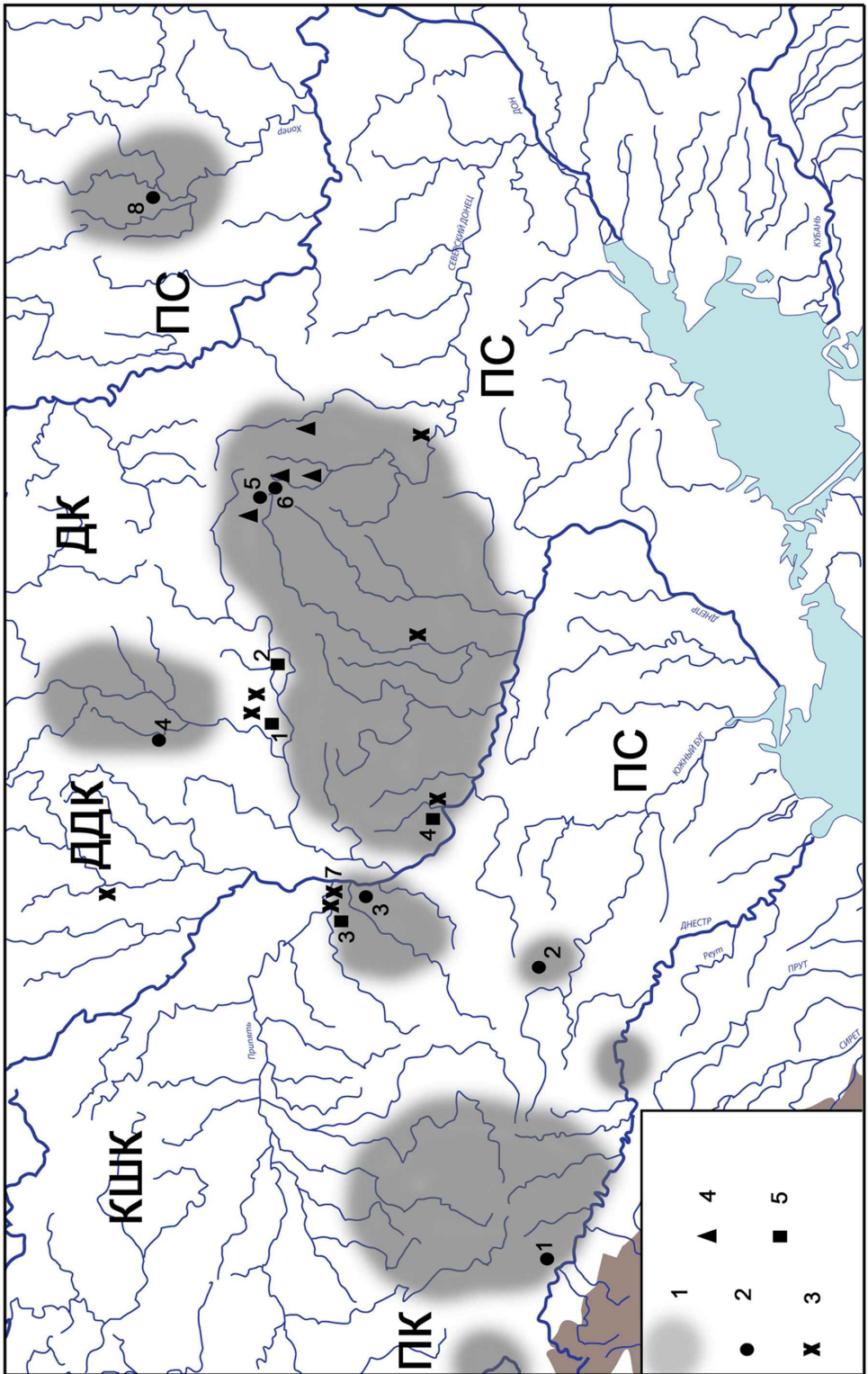

Рис. Б. 6. 1. «Правславянская» культурная провинция на ступенях В1 – С1а (карта).

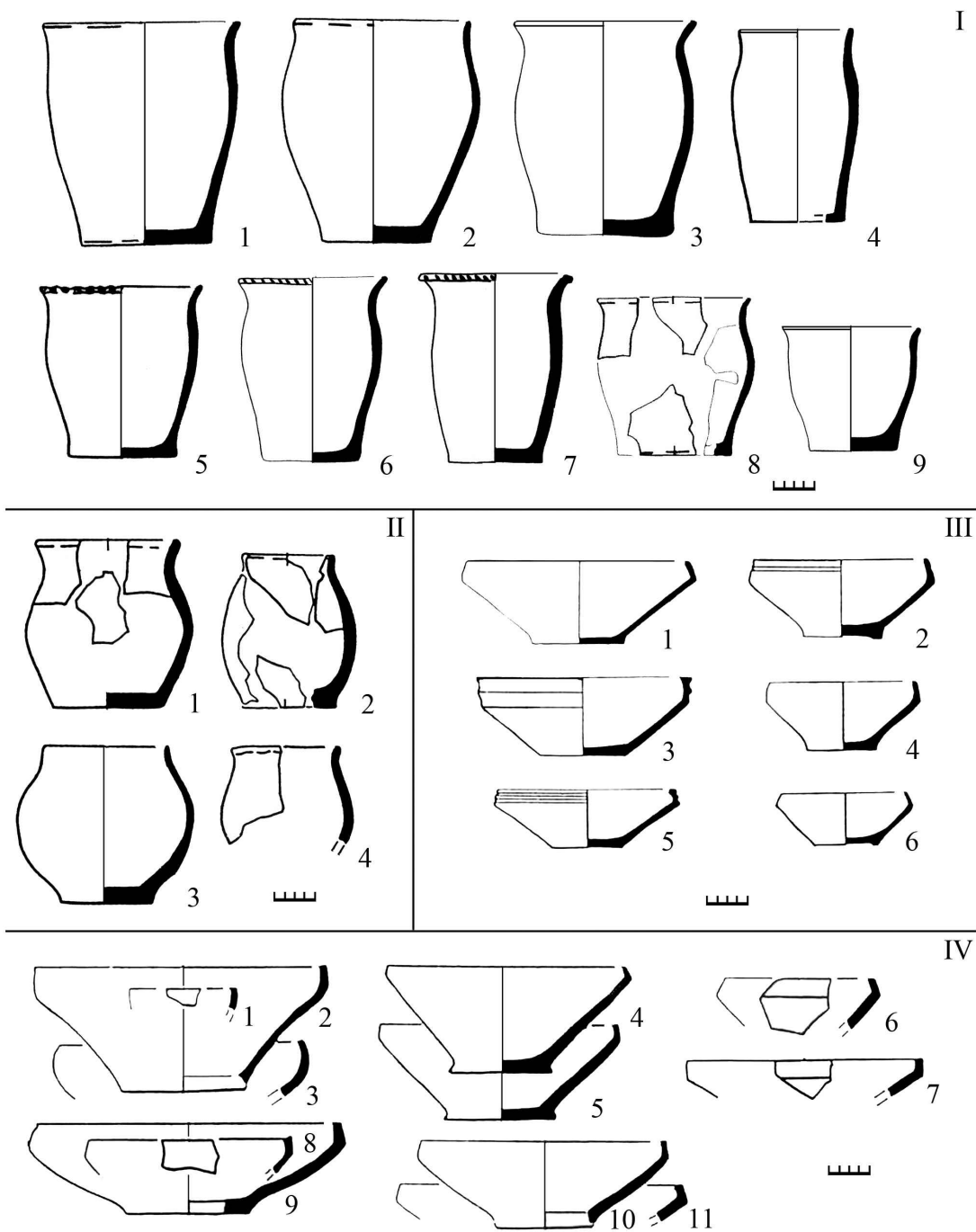

Рис. Б. 6. 2. Близкие формы керамики из постзарубинецких-раннекиевских и сарматских памятников.

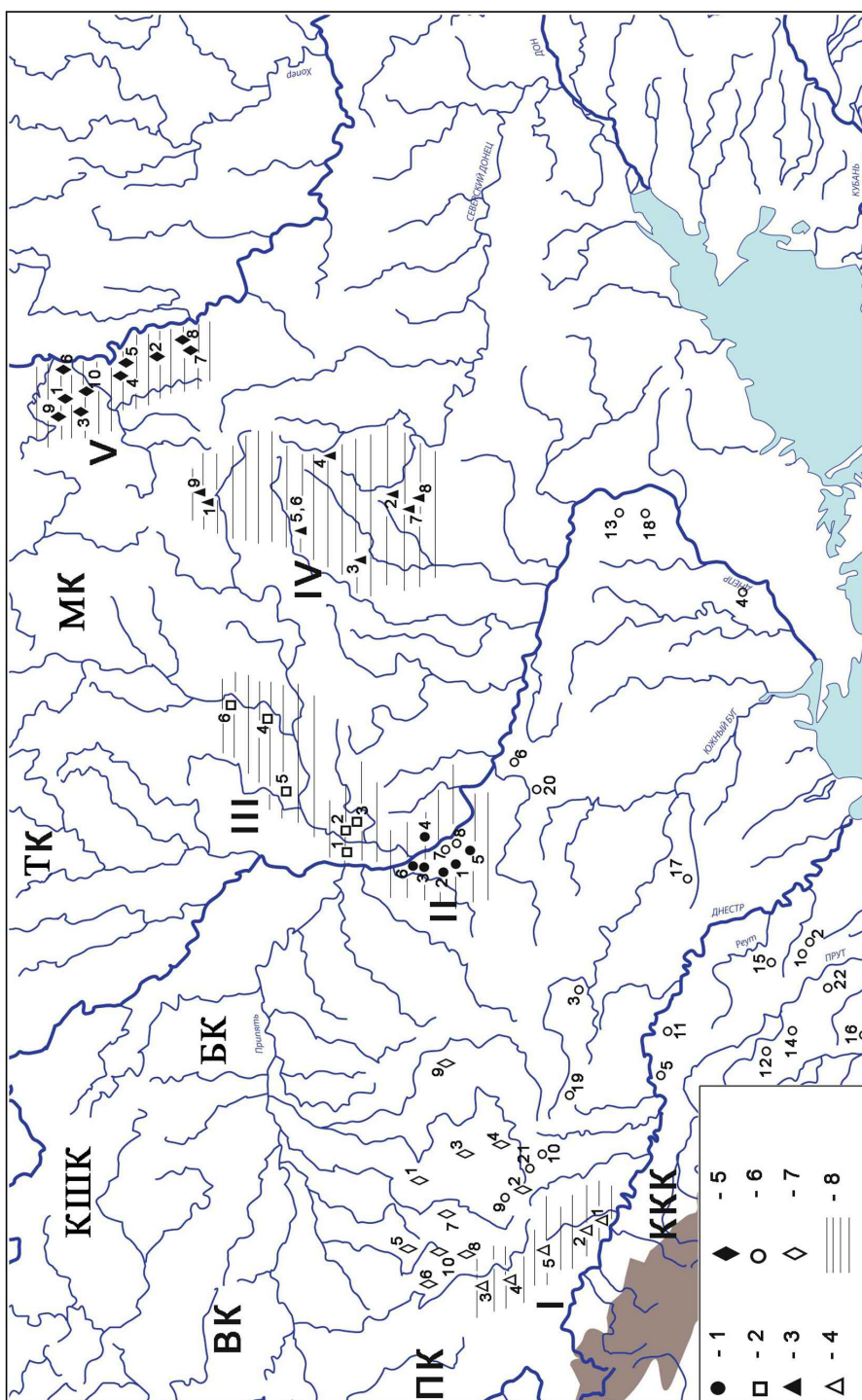

Рис. Б. 6. 3. «Правславянская» культурная провинция на ступенях С1в – С2 (карта).

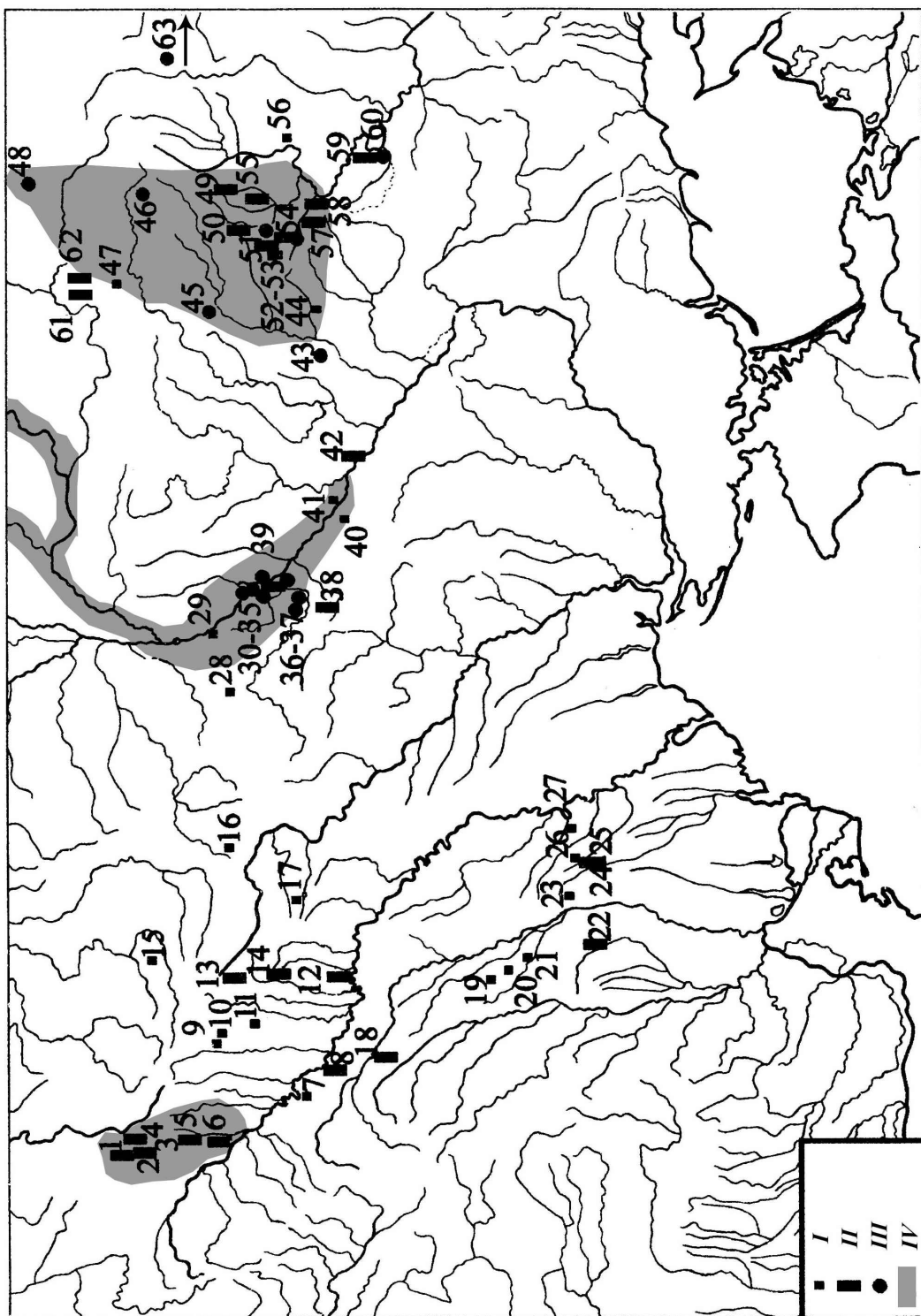

Рис. Б. 6. 4. Распространение некоторых серий фибул группы VII O. Альмгрена в лесостепи Восточной Европы (карта).

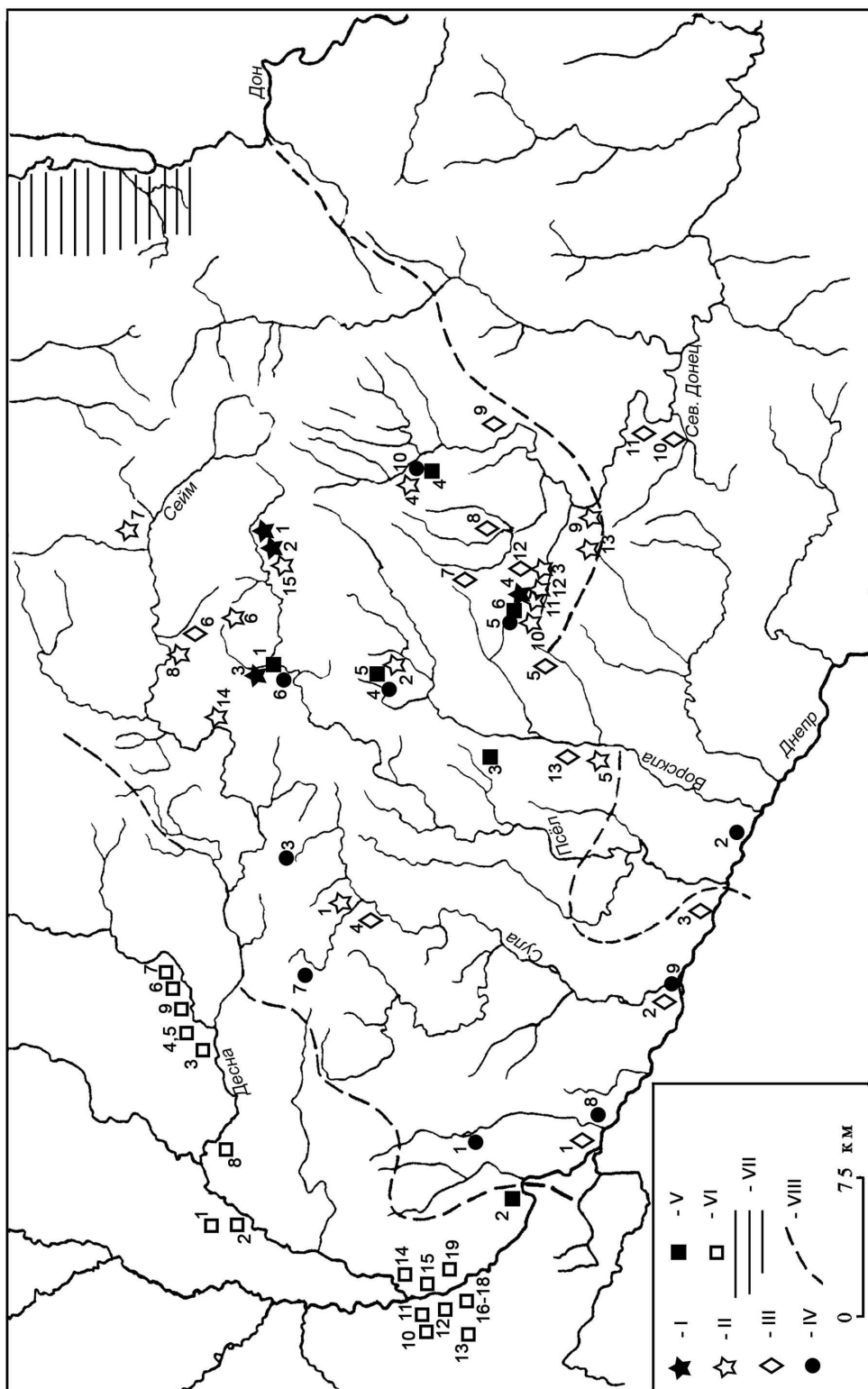

Рис. Б. 6. 5. Культурная ситуация в регионе на ступенях C2/C3 – C3 (около 310/320 – 340/350 гг.) (карта).

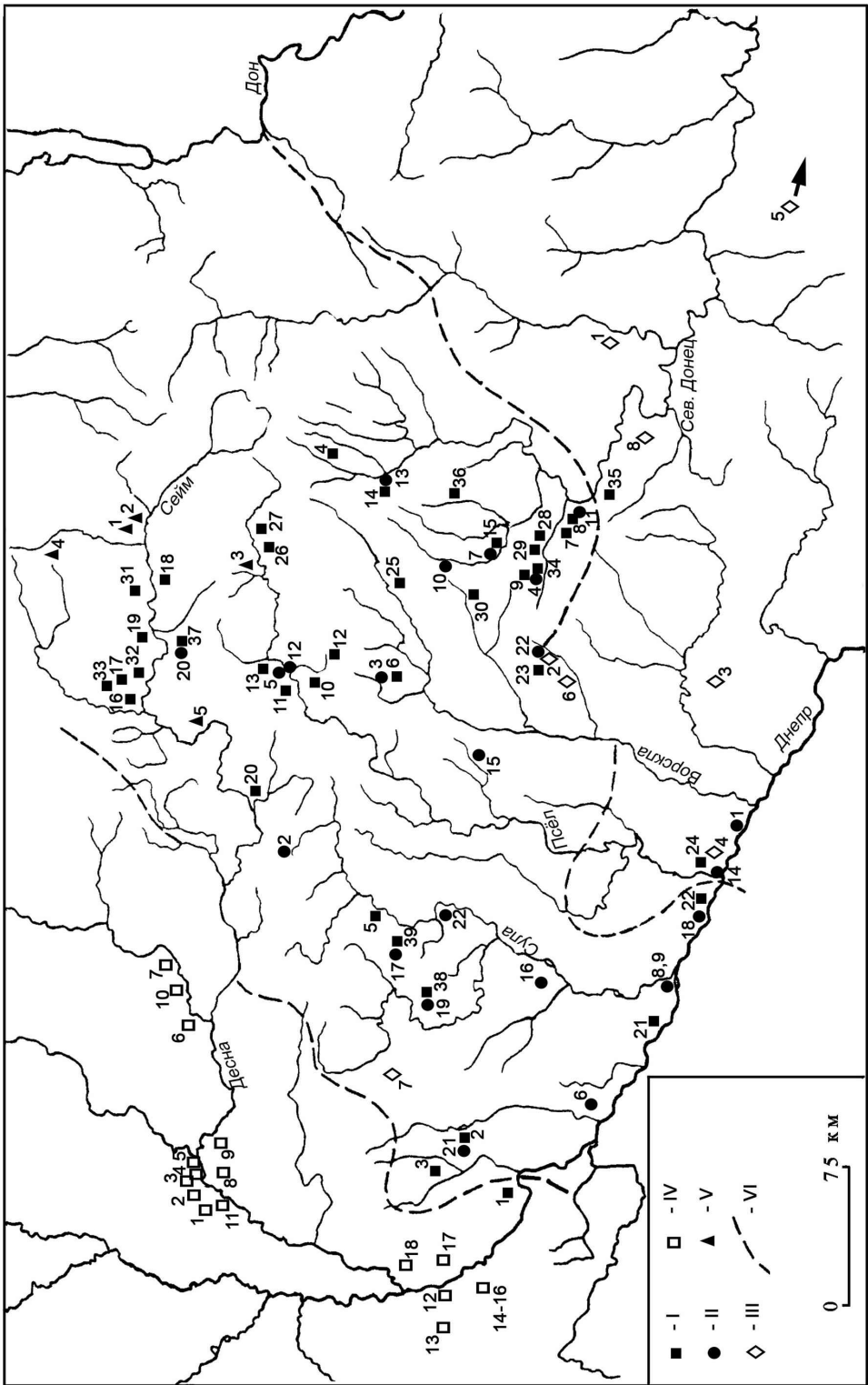

Рис. Б. 6. 6. Культурная ситуация в регионе на ступенях С3 – в начале D1 (около 340/350 – 370/380 гг.) (карта).

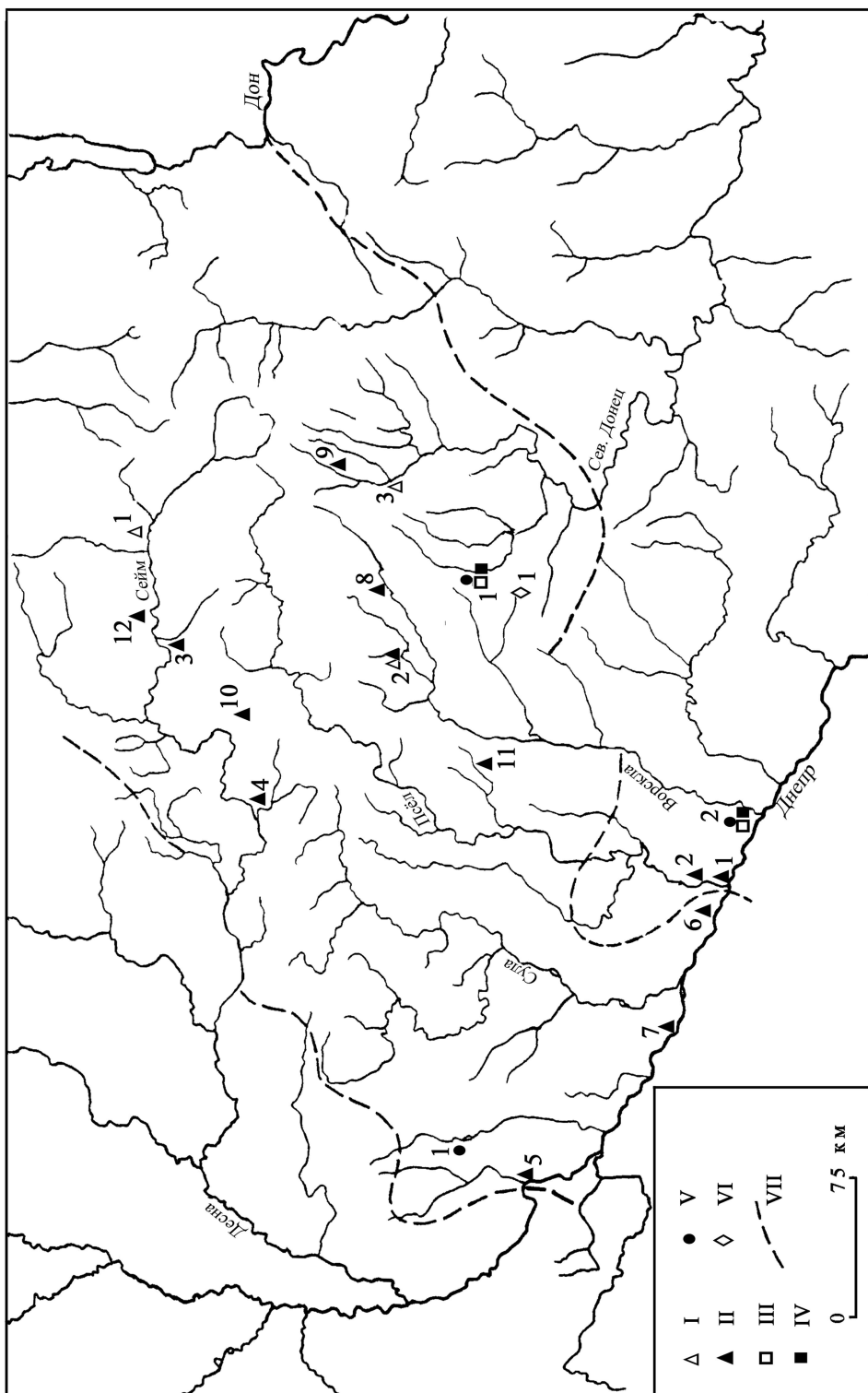

Рис. Б. 6. 7. Северо – западные элементы на памятниках позднеднeпрского времени – начала эпохи Великого переселения народов в днeпр – донeцкой лесостeпи (карта).

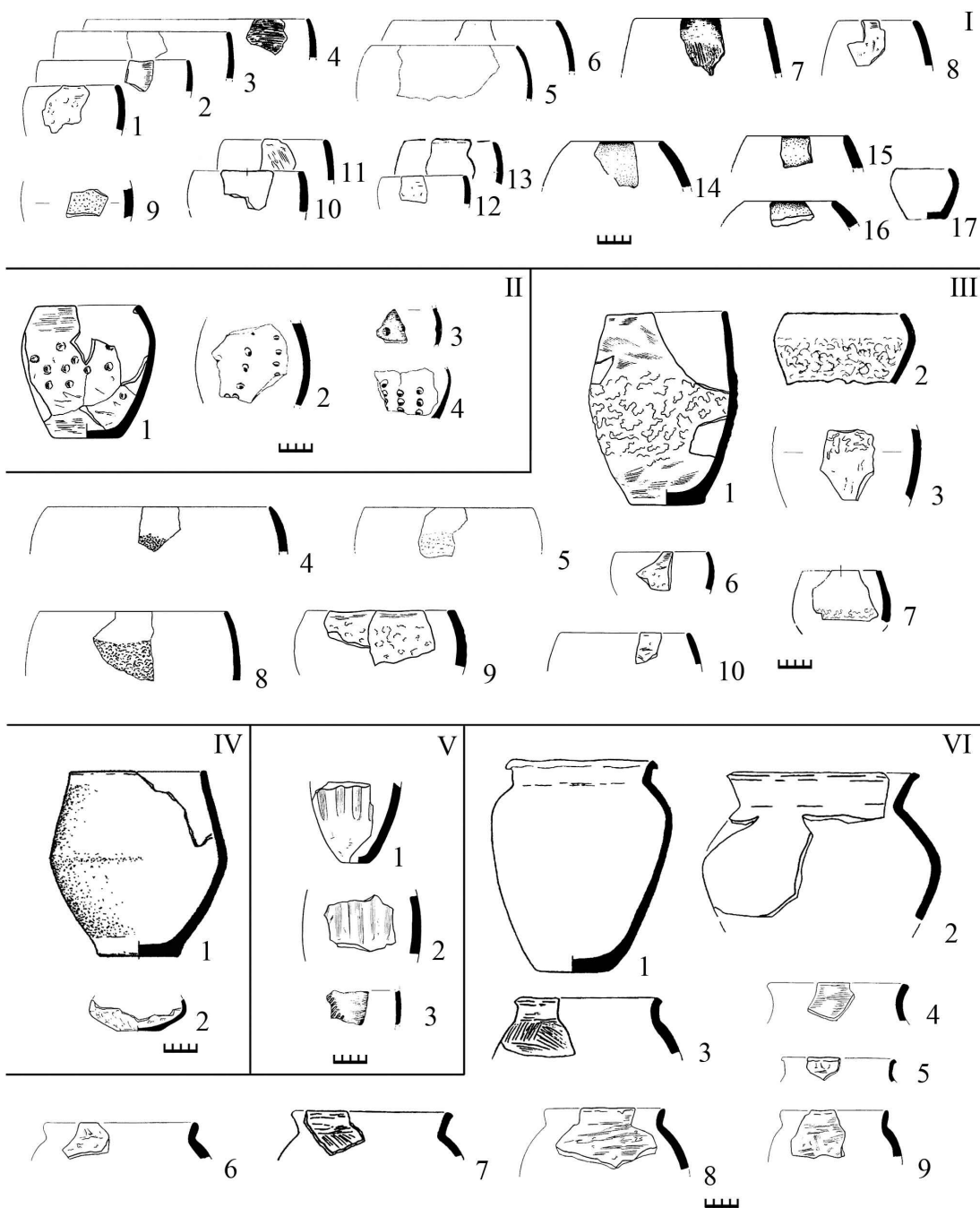

Рис. Б. 6. 8. Лепная кухонная керамика северо – западной традиции (I – V) и имеющая аналогии как в северо – западной так и в позднескифской/сарматской традициях (VI) из поселений черняховской культуры региона.

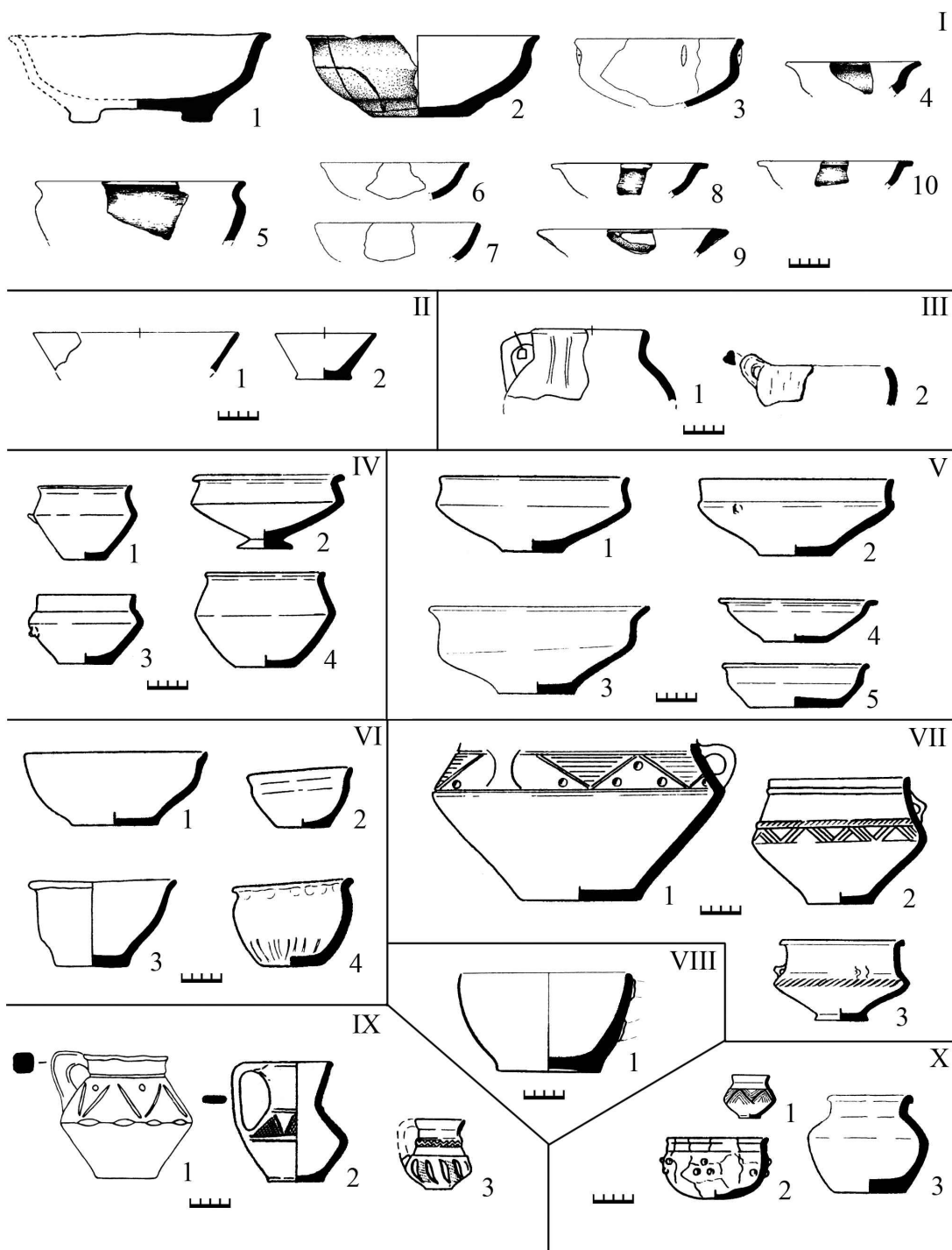

Рис. Б. 6. 9. Лепная столовая керамика северо – западной традиции из поселений (I, II, III) и могильников (IV, V, VI, VII, VIII, IX, X) черняховской культуры региона.

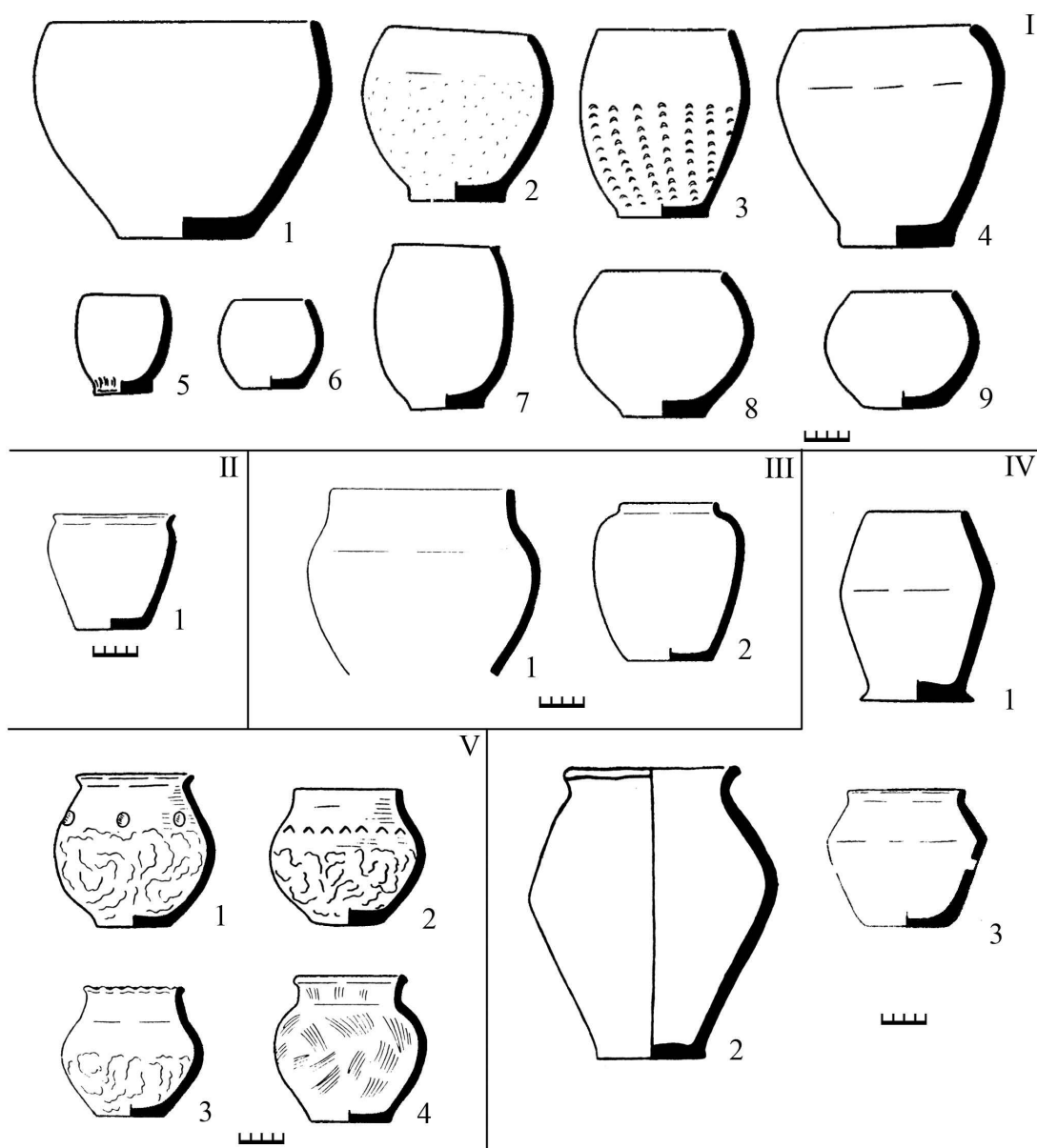

Рис. Б. 6. 10. Лепная кухонная керамика северо – западной традиции (I, V) и имеющая также аналоги в позднескифской/сарматской (III), киевской (II, IV) традициях из могильников черняховской культуры региона.

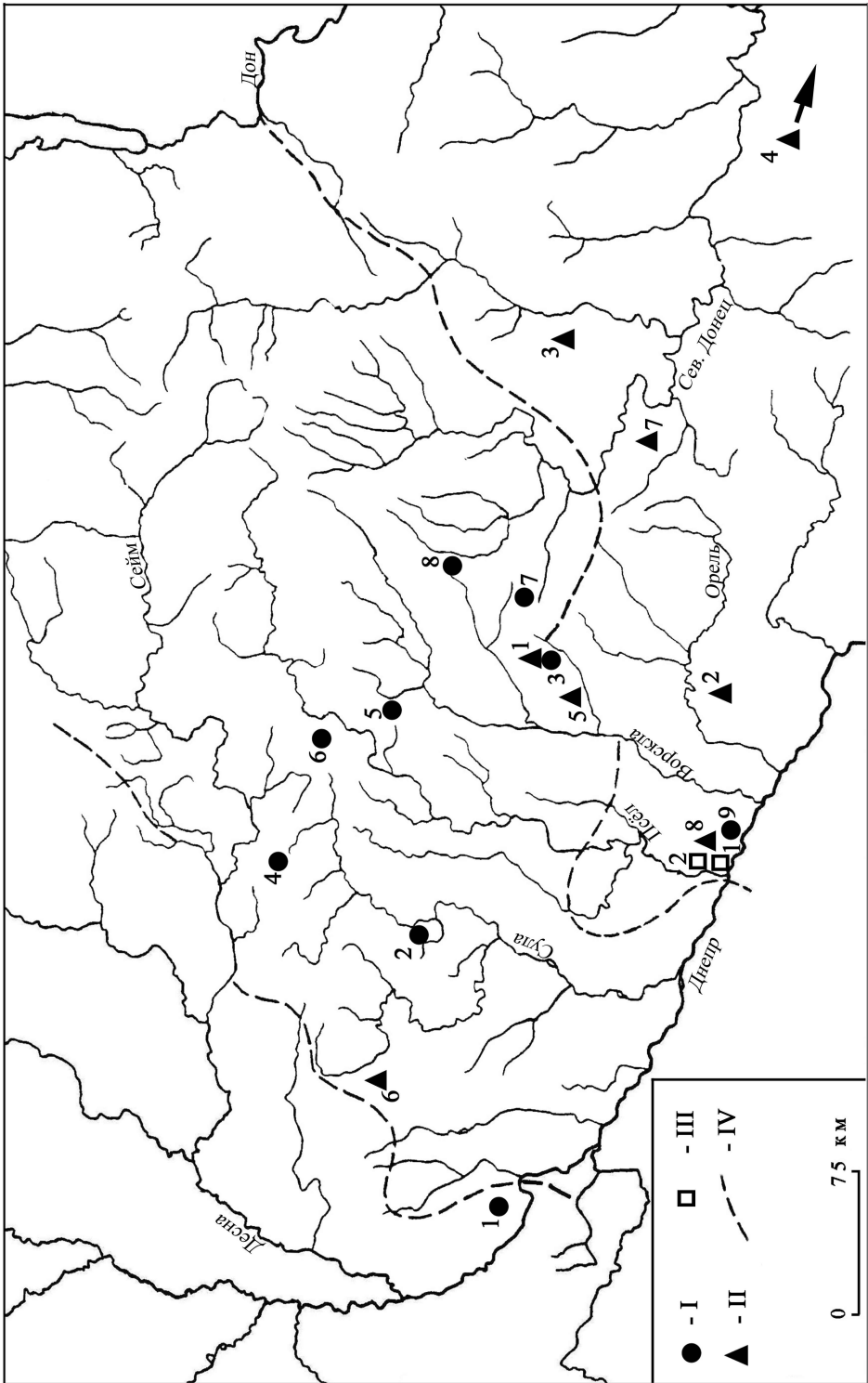

Рис. Б. 6. 11. Памятники черняховской культуры и подкурганные погребения с черняховскими вещами в днепро – донецкой лесостепи, имеющие элементы материальной культуры позднескифской/сарматской традиции (карта).

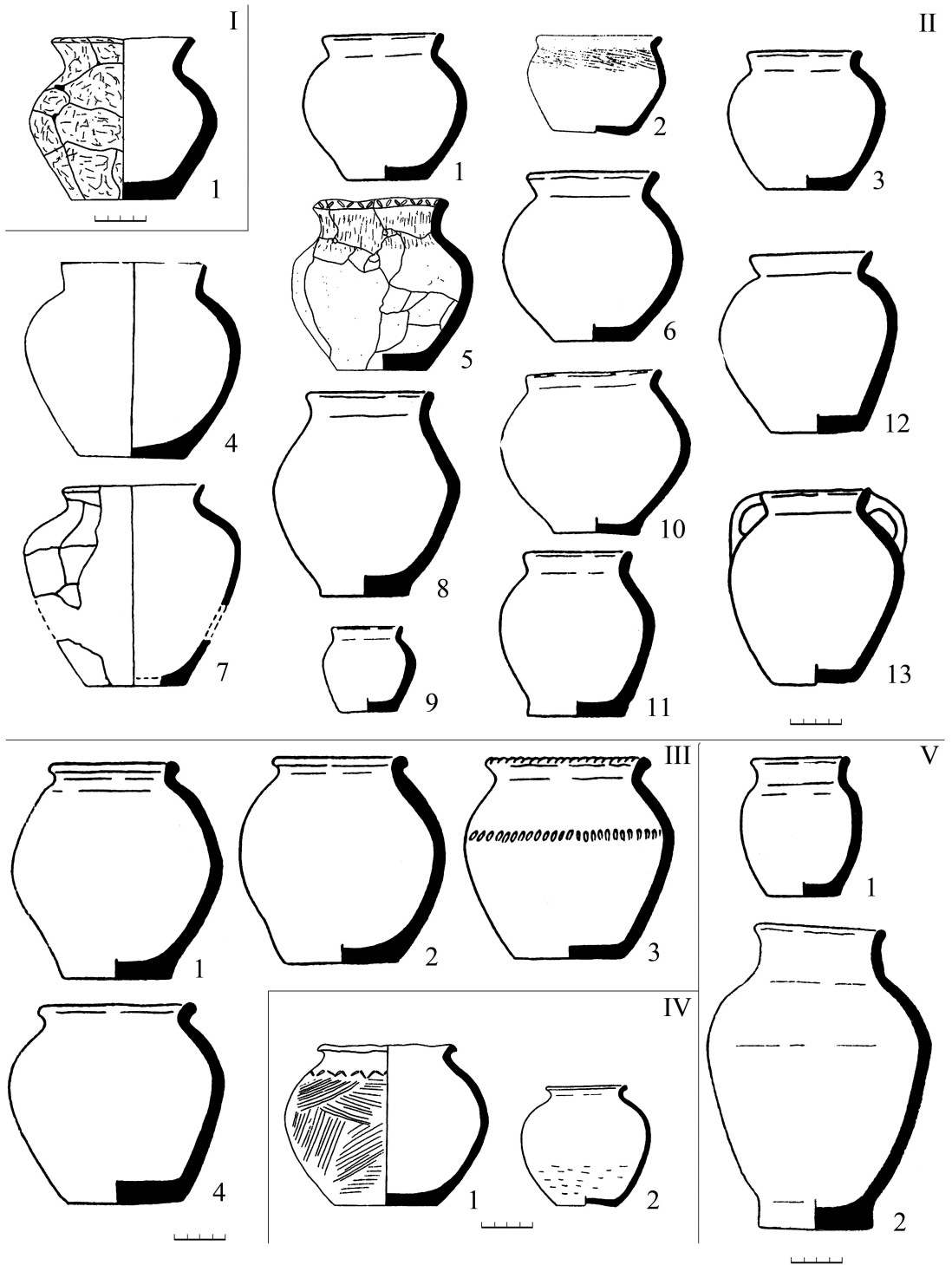

Рис. Б. 6. 12. Лепные сосуды позднескифской/сарматской традиции из погребений могильников черняховской культуры днепро – донецкой лесостепи.

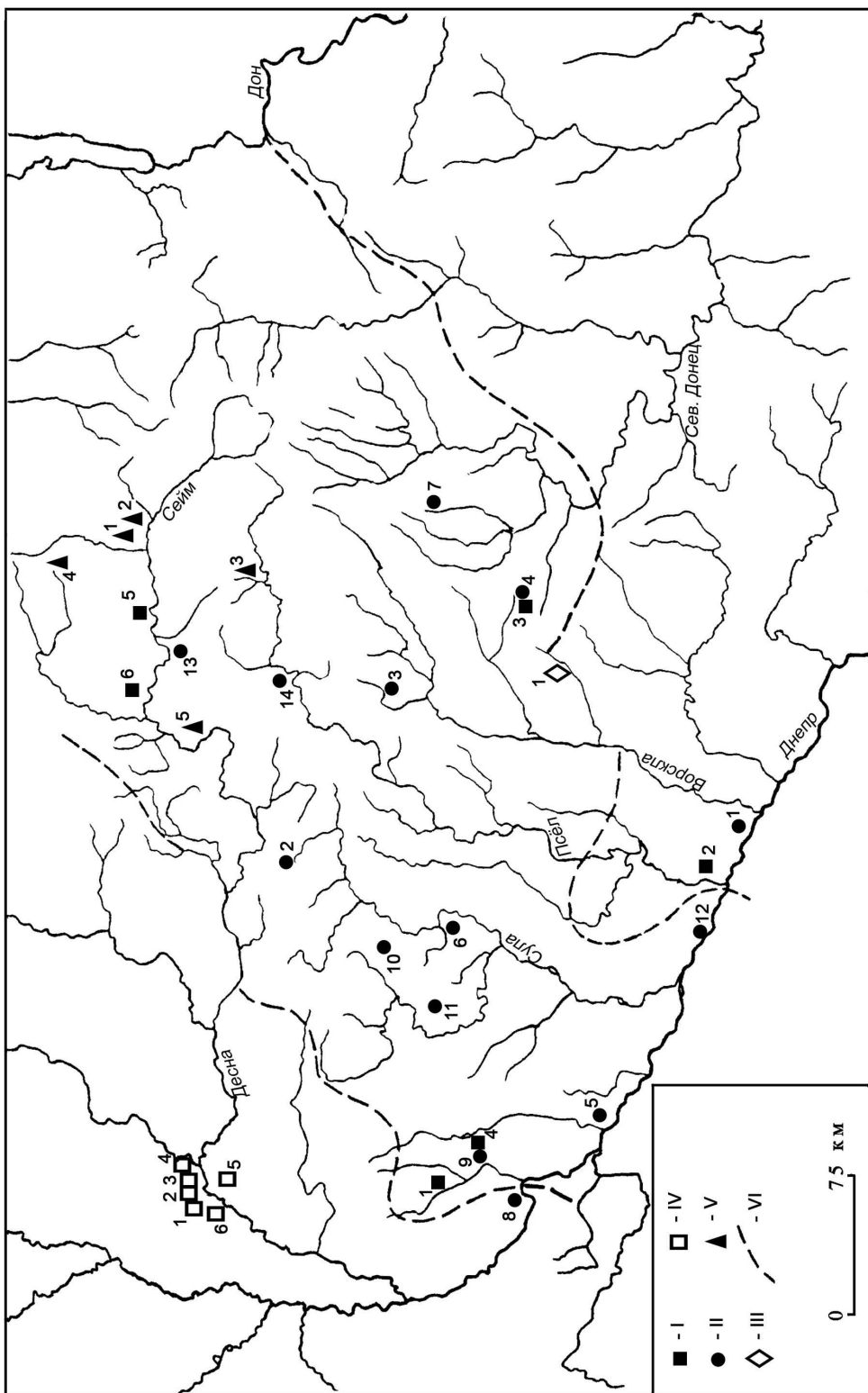

Рис. Б. 6. 13. Культурная ситуация в регионе на ступенях D1 – D2 (370/380 – 420/430 гг.) (карта).

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Типы ландшафтов памятников позднееримского времени (киевская, черняховская культуры) Среднего Поднепровья по Р.Г. Шишкину (Шишкін, 1999, с. 133), используемые для определения топографического положения черняховских памятников днепро-донецкой лесостепи в каталоге (табл. 4.2)

1. Равнинно-балочный (склоны и края долин балок, как правило, обводненных).
2. Равнинно-склоновый (пологий склон равнины, спускающийся в долину реки/ручья).
3. Равнинно-террасовый (верхние равнинные участки террас над поймами рек).
4. Пойменно-террасовый (надпойменные террасы рек).
5. Террасово-склоновый (склоны надпойменных террас).
6. Пойменный (останцы в пойме).
7. Террасовый.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Список хронологических индикаторов (ХИ), происходящих из могильников черняховской культуры, подкурганых погребений эпохи Великого переселения народов в днепро-донецкой лесостепи

ХИ первого уровня

ХИ 01 – 09 – стеклянные сосуды

ХИ 01/1 – кубки с цилиндрическим корпусом и округлым дном, украшенные 3-4 рядами овалов на расстоянии и 1-2 углубленными горизонтальными линиями под венчиком.

ХИ 01/2 – кубки с цилиндрическим, сужающимся ко дну корпусом, из стекла зеленовато-оливкового цвета с двумя рядами овальных и круглых фасеток, 1-2 горизонтальными линиями под венчиком и фасеткой на внешней стороне донца

ХИ 01/3 – чаши с тремя рядами круглых и овальных фасеток

ХИ 02 – тонкостенные кубки колоколовидной формы с вогнутым (или ровным) дном из бесцветного (а также розового) стекла.

ХИ 03 – тонкостенные конические кубки из прозрачного бесцветного стекла.

ХИ 04 – тонкостенные сферические кубки из стекла оливково-зеленого цвета, украшенные горизонтальными шлифованными каналами и напаянными каплями синего стекла.

ХИ 05/1 – кубки из стекла желто-зеленого цвета с вогнутым дном, почти вертикальными стенками и слегка отогнутым краем венчика.

ХИ 05/2 – кубки раскрытого профиля из полихромного стекла, с кольцевым поддоном и слегка отогнутым краем венчика.

ХИ 06 – бутылки-бальзамарии.

ХИ 07 – толстостенные кубки усеченно-конической формы с выделенной (невыведенной) ножкой из зеленоватого (бесцветного) стекла,

орнаментированные плотно прижатыми друг к другу (или расположенными на очень близком расстоянии) геометрическими фигурами

ХИ 10 – 19 – фибулы

ХИ 10/1 – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину до 5 мм

ХИ 10/2 – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину 5 – 5, 5 мм

ХИ 10/3 – двучленные подвязные фасетированные фибулы с различным сечением спинки, имеющей ширину 6 мм и более

ХИ 11 – щитковые фибулы с ромбической ножкой

ХИ 12 – Bügelknopffibeln

ХИ 13/1 – пластинчатые фибулы

ХИ 13/2 – пластинчатые фибулы с «бутонами» на верхнем щитке

ХИ 14 – двучленные фибулы со сплошным приемником («воинские»)

ХИ 15 – двучленные подвязные фибулы с гладким корпусом без фасеток.

ХИ 16 – Т – образные перекладчатые фибулы круга «выемчатых эмалей»

ХИ 20 – 29 – пряжки и части ременной гарнитуры

ХИ 20/1 – бронзовые с округлой или слегка овальной утолщенной спереди рамкой, без обоймы или с малой обоймой различной формы

ХИ 20/2 – пряжки с округлой (овальной) утолщенной спереди рамкой и длинной треугольной обоймой

ХИ 21 – пряжки с округлой (слегка овальной) рамкой из железа или цветных металлов

ХИ 22/1 – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой, имеющей выраженный переход от участка крепления ремня к передней части, с ровным (сужающимся) язычком сегментовидного сечения

ХИ 22/2 – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой, имеющей выраженный переход от участка крепления ремня к передней части, с профилированным язычком.

ХИ 23 – пряжки из цветных металлов с овальной рамкой различных размеров.

ХИ 24 – пряжки с вытянутой овальной рамкой из железа или цветных металлов

ХИ 25 – миниатюрные пряжки с овальной слегка утолщенной спереди рамкой.

ХИ 26 – пряжки с овальной рамкой (овальной или граненой в сечении), имеющей намеченный переход к передней части, с многогранным в сечении язычком, конец которого не загнут за рамку.

ХИ 28 – пряжки из цветных металлов, с округлой или овальной рамкой, с обоймой или без нее, отличающиеся наличием язычка – «хобота»

ХИ 29 – билонные мечевидные наконечники поясов типа Кантемировка-Мундольсхайм

ХИ 30 – 39 – роговые гребни.

ХИ 30 – многочастные с низкой овальной головкой без плечиков.

ХИ 31/1 – многочастные с высокой овальной головкой без плечиков.

ХИ 31/2 – многочастные с высокой круглой головкой, двумя симметричными круглыми вырезами в ее нижней части.

ХИ 32/1 – многочастные гребни с широкой плоской головкой и вогнутыми плечиками

ХИ 32/2 – многочастные гребни с узкой плоской головкой и дуговидными плечиками.

ХИ 33/1 – многочастные с круглой головкой и прямыми горизонтальными плечиками.

ХИ 33/2 – многочастные с круглой головкой и прямыми горизонтальными плечиками, имеющие две симметричных выемки между плечиками и головкой.

ХИ 34/1 – многочастные с высокой круглой головкой и прямыми горизонтальными (или слегка опущенными) плечиками.

ХИ 34/2 – многочастные с высокой круглой головкой и прямыми (слегка опущенными) плечиками, имеющие две симметричных выемки между плечиками и головкой.

ХИ 35 – многочастные с овальной головкой и короткими плечиками (покатыми или слегка приподнятыми).

ХИ 36 – многочастные с круглой головкой, короткими плечиками, имеющими поднятый край и выемку.

ХИ 37 – одночастные с высокой круглой головкой и короткими опущенными плечиками (Рис.).

ХИ 40 – 49 – предметы вооружения

ХИ 40/1 – шпоры типа Nakensporen.

ХИ 40/2 – шпоры типа Nietknopfsporen (тип Leuna).

ХИ 41/1 – железные черешковые трехлопастные наконечники стрел.

ХИ 41/2 – черешковые листовидные наконечники стрел.

ХИ 42 – железные мечи (Spatha).

ХИ 43 – железные топоры.

ХИ 44 – наконечники копий.

ХИ 45 – железные умбоны.

ХИ 46 – ручки щитов.

ХИ 47 – удила.

ХИ 48 – части збруи.

ХИ второго уровня

ХИ 50 – 59 – бусы

ХИ 50/1 – стеклянные монохромные эллипсоидные

- ХИ 50/2 – стеклянные эллипсоидные усеченные дважды различного цвета и размера
- ХИ 50/3 – стеклянные монохромные цилиндрические
- ХИ 50/4 – стеклянный бисер
- ХИ 50/5- стеклянные цилиндро-биусеченноконические монохромные
- ХИ 50/6 – стеклянные биконические монохромные
- ХИ 50/6 – стеклянные винтообразные монохромные
- ХИ 50/7 – стеклянные ребристые монохромные
- ХИ 50/8 – стеклянные бугристые монохромные
- ХИ 50/9 – стеклянные граненые монохромные
- ХИ 50/10 – стеклянные одноцветные удлиненные многоугольные в сечении различного цвета
- ХИ 50/11 – стеклянные с металлической вкладкой монохромные
- ХИ 51/1 – стеклянные полихромные с пятнистым орнаментом
- ХИ 51/2 – стеклянные полихромные с поперечно-линейным орнаментом
- ХИ 51/3 – стеклянные полихромные с поперечно-волнистым орнаментом
- ХИ 51/4 – стеклянные полихромные округлые цилиндрические (веретеновидные) черного непрозрачного стекла с декором в виде спиралей и зигзагов
- ХИ 52 – сердоликовые граненые призматические
- ХИ 53 – халцедоновые
- ХИ 54/1 – коралловые цилиндрические пронизи
- ХИ 54/2 – коралловые бочонковидные различных размеров
- ХИ 55/1 – округлые янтарные (эллипсоидные, цилиндрические),
- ХИ 55/2 – линзовидные янтарные
- ХИ 55/3 – усеченно-конические янтарные
- ХИ 55/4 – цилиндро-биусеченноконические янтарные
- ХИ 55/5 – билинзовидные янтарные
- ХИ 55/6 – граненые, фигурные янтарные
- ХИ 56 – из мела

ХИ 57 – из ракушечника

ХИ 58 – из кости

ХИ 60 – 61 – подвески янтарные и из раковин морских моллюсков

ХИ 60 – янтарные грибовидные подвески.

ХИ 61 – подвески из раковин морских моллюсков.

ХИ 62 – 69 – металлические подвески

ХИ 62/1 – подвески-емкости («ведра») железные с гладким корпусом

ХИ 62/2 – подвески-емкости («ведра») железные/из цветных металлов с ребрами на корпусе

ХИ 63 – подвески в виде полый трехгранной призмы.

ХИ 64 – подвески в виде свернутой в трубку бронзовой пластины.

ХИ 65 – бронзовые калачиковидные подвески.

ХИ 66 – бронзовые/серебряные проволочные кольца с перевитыми концами.

ХИ 67 – ромбические подвески с полый сферой

ХИ 70 – 73 – костяные и роговые подвески

ХИ 70 – костяные пирамидальные подвески.

ХИ 70/1 – костяной амулет (часть кости) с металлическим кольцом.

ХИ 71 – подвески из основания оленьего рога.

ХИ 72 – подвески из клыка.

ХИ 73 – дисковидные подвески с циркульным орнаментом и отверстием

ХИ 74 – 89 – инструменты, украшения, орудия труда, утварь, игральные наборы

ХИ 74 – костяные «проколки».

- ХИ 75 – костяные игольники.
- ХИ 76 – клюковидные булавки (железные и бронзовые).
- ХИ 77 – иглы с ушком (железные и бронзовые).
- ХИ 78 – заколки для волос – «пинцеты».
- ХИ 79/1 – проволочные «перстни» – подвески с бусинами
- ХИ 79/2 – литые перстни.
- ХИ 80 – бронзовые колокольчики.
- ХИ 81 – железные ножи.
- ХИ 82 – бронзовые скальпели.
- ХИ 83 – железные шилья.
- ХИ 84 – бронзовые шилья.
- ХИ 85 – металлические части деревянных шкатулок и игральные доски.
- ХИ 85/1 – железные ключи от шкатулок.
- ХИ 85/2 – ключи-перстни.
- ХИ 86/1 – железные кресала.
- ХИ 86/2 – металлические части деревянных ведер (ручки, кольца).
- ХИ 87 – стеклянные игральные жетоны.
- ХИ 88 – железное зубило.
- ХИ 89 – глиняные пряслица.

Керамика

ХИ 90 – 95 – лепная керамика

- ХИ 90 – горшки позднескифской/сарматской традиции.
- ХИ 91 – кухонная и столовая посуда северо-западной (вельбаркской и пшеворской) традиции.
- ХИ 92 – горшки киевской традиции.
- ХИ 93 – сосуды неопределенной традиции.

ХИ 96 – 115 – гончарная керамика, импортная керамика

ХИ 96/1 – горшки без орнамента с неразвитым венчиком и различными типами доньев.

ХИ 96/2 – горшки без орнамента с развитым и сильно развитым венчиком и различными типами доньев.

ХИ 96/3 – горшки с орнаментом на плече в виде нескольких горизонтальных линий или валика, с различными типами венчиков и доньев.

ХИ 97 – горшки – вазы.

ХИ 98/1 – вазы с ребром и орнаментом в виде валика, площадки, горизонтальных (волнистых) линий.

ХИ 98/2 – вазы с каннелюрами.

ХИ 99 – вазы со «лжеушками».

ХИ 100 – трехручные вазы.

ХИ 101/1 – миски закрытого типа без орнамента (или с валиком, волнистой линией) выше ребра.

ХИ 101/2 – миски закрытого типа с выделенной площадкой выше ребра, на которой может находиться орнамент.

ХИ 101/3 – миски закрытого типа с поясом из овальных площадок.

ХИ 101/4 – миски закрытого типа с каннелюрами.

ХИ 102 – миски открытого типа.

ХИ 103 – конические миски.

ХИ 104 – кувшины без ручек («графины»).

ХИ 105/1 – одноручные кувшины с гладким ребристым (верхняя часть покрыта канелюрами, по ребру могут находиться овальные площадки) корпусом с цилиндрическим (слегка расширенным, воронковидным) горлом, имеющие высокую ручку с четким изломом и выраженным плечом.

ХИ 105/2 – одноручные кувшины с округлым корпусом, с широким конусовидным плавно изогнутым горлом.

ХИ 105/3 – одноручные кувшины с шаровидным (грушевидным) корпусом, коротким горлом и маленькой ручкой.

ХИ 105/4 – одноручные кувшины с округлым (в том числе с каннелюрами) или ребристым корпусом, широким цилиндрическим горлом.

ХИ 106 – кувшины двуручные.

ХИ 107 – кружки

ХИ 108 – кубки сферические

ХИ 109 – кубки цилиндрические

ХИ 110 – кубки, являющиеся уменьшенной копией горшков и мисок закрытого типа

ХИ 111 – керамические ведра

ХИ 113 – светлоглиняные амфоры

ХИ 114 – красноглиняные амфоры

ХИ 115 – краснолаковая импортная посуда

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Абашина Н.С. Позднесарубинецкий горизонт поселения Головино I под Белгородом / Н.С. Абашина, Е.Н. Кухарская, А.М. Обломский // *Stratum plus*. – 2001-2002. – № 4. – С. 258-269.
- Абашина Н.С. К вопросу о раннеславянских элементах на Черняховских памятниках Среднего Поднепровья / Н.С. Абашина, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // РА. – 1999. – № 4. – С. 78-98.
- Абашина Н.С. Дослідження пам'ятки пізньоримського часу Обухів-3 у 2007-2008 рр. / Н.С. Абашина, О.В. Петраускас, А.В. Петраускас // *Vita antiqua*. – 2009. – С. 163-172.
- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология / А.П. Абрамов // Боспорский сборник. – 1993. – № 3. – С. 4-135.
- Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. / М.П. Абрамова // СА. – 1961. – № 1. – С. 91-110.
- Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II-III вв.) / М.П. Абрамова // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. – Армавир-Москва, 1996. – С. 100-105.
- Авдеев А.Д. Отчет о разведочных работах в Носовском и Бобровицком р-нах Черниговской обл. в 1989 г. / А.Д. Авдеев. – Чернигов, 1989. – НА ИА НАНУ. – 1989/148.
- Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода / А.И. Айбабин // СА. – 1984. – № 1. – С. 104-122.
- Акимов Д.В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III-V в.в. н.э.). Автореф. ... канд. ист. наук / Д.В. Акимов. – Воронеж, 2001а. – 22 с.
- Акимов Д.В. Постройки 2-й четверти-середины I тыс.н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра / Д.В. Акимов // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк, 2001б. – Вып 2. – С. 141-160.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. -1975. – Вып. 1-12. – 116 с.

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1978. – Вып. 1-12. – 114 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. – 1982. – Вып. 1-12. – 104 с.
- Алихова А.Е. Авдеевское селище и могильник / А.Е. Алихова // МИА. – 1963. – № 108. – С. 68-84.
- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР / А.К. Амброз // САИ. – 1966. – Вып. Д1-30. – 168 с.
- Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин. – М., 2005.
- Андриенко В.П. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской и Полтавской обл. в 1970 г. / В.П. Андриенко. – Харьков, 1971. – НА ИА НАНУ. – 1970/77.
- Антонович-Мельник Є. Археологічні дослідження на Кременчужчині / Є. Антонович-Мельник // КЗ ВУАК за 1925 р. – К., 1926. – С. 81-86.
- Археологическая карта России. Курская область. – М., 1998. – Ч. 1. – 116 с.
- Археологические памятники территории г. Полтавы и окрестностей. – Полтава, 1988. – 66 с.
- Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1966. – 463 с.
- Багалея Д.И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды 12 АС. – М., 1905. – Т. 1. – С. 1-92.
- Бажан И.А. Относительная хронология могильников черняховской культуры / И.А. Бажан, О.А. Гей // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. – СПб., 1992. – С. 122-157.
- Бакуменко К.И. Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца / К.И. Бакуменко, Г.В. Бейдин, М.Н. Григорьянц, В.В. Дидык // Древности римского времени на Слобожанщине. – Харьков, 2006. – С. 6-109.
- Баран В.Д. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга (раскопки 1957-1960 г.г.) / В.Д. Баран // МИА. – 1964. – № 116. – С. 213-252.
- Баран В.Д. Черняхівська культура / В.Д. Баран. – К.: Наук. думка, 1981. – 263 с.
- Баран В.Д. Давні слов'яни / В.Д. Баран. – К.: Альтернативи, 1998. – 336 с.

- Баран В.Д. Черняхівська культура-поліетнічне утворення на території Південно-Східної Європи / В.Д. Баран // Археологія давніх слов'ян. – К., 2004. – С.91-102.
- Баран В.Д. Черняховская культура / В.Д. Баран, Б.В. Магомедов // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т.3. – С. 70-100.
- Баран В.Д. Черняховская культура и готская проблема / В.Д. Баран, Е.Л. Гороховский, Б.В. Магомедов // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – К., 1990. – С. 30-78.
- Баран В.Д. Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи / В.Д. Баран, О.В. Гопкало. – К., 2005. – 144 с.
- Баран В.Д. Отчет о раскопках Среднеднепровской славяно-русской экспедицией черняховских поселений у с. Хлопков Барышевского района Киевской области в 1982 г. / В.Д. Баран, А.Н. Некрасова. – К., 1982. – НА ИА НАНУ. – 1982/26.
- Баран В.Д. Отчет о раскопках Среднеднепровской славянской экспедицией поселения черняховской культуры у с. Хлопков (Хлопков 1) Барышевского р-на Киевской обл. в 1983 г. / В.Д. Баран, А.Н. Некрасова. – К., 1983. – НА ИА НАНУ. – 1983/35.
- Башкатов Ю.Ю. Об одном типе построек киевской культуры / Ю.Ю. Башкатов // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 38-42.
- Башкатов Ю.Ю. Матеріали пізньоримського часу півдня Полтавської області / Ю.Ю. Башкатов // АЛЛУ. – 2008а. – № 1-2. – С. 45-49.
- Башкатов Ю.Ю. Поселение позднеимского времени Барбара 1 на юге Среднего Поднепровья / Ю.Ю. Башкатов // The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. – Lublin, 2008б. – Bd. 2. – S. 7-20.
- Башкатов Ю.Ю. Типология жилищ славянской линии развития (по материалам I-V вв.н.э.) / Ю.Ю. Башкатов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008в. – С. 326–340.
- Башкатов Ю.Ю. Нові дослідження черняхівських пам'яток на півдні Середнього Подніпров'я / Ю.Ю. Башкатов // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. – К., 2010а. – С. 13-16.

Башкатов Ю.Ю. Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья / Ю.Ю. Башкатов // *Germania-Sarmatia*. – Калининград-Курск, 2010б. – II. – С. 215-239.

Башкатов Ю.Ю. Селище позднеримского времени Родной Край 3 в бассейне Северского Донца / Ю.Ю. Башкатов, А.К. Дегтярь, М.В. Любичев // *Древности*. – 1996. – Харьков, 1997. – С. 111-121.

Башкатов Ю.Ю. Поздnezарубинецкие памятники Среднего Поднепровья / Ю.Ю. Башкатов, Р.В. Терпиловский // *Раннеславянский мир*. – М., 2010. – Вып. 12: Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II вв.). – С. 36-44.

Башкатов Ю.Ю. Нові дослідження пам'яток черняхівської культури на півдні Середнього Подніпров'я / Ю.Ю. Башкатов, Т.М. Шита // *Археологія і давня історія України*. – К., 2010. – Вип. 2: Археологія Правобережної України. – С. 146-151.

Бейдин Г.В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры / Г.В. Бейдин, К.В. Мызгин // *Germania-Sarmatia*. – Калининград-Курск, 2010. – II. – С. 135-145.

Беляев М.С., Чернігова Н.В. Наш край-Богодухівщина / М.С. Беляев, Н.В. Чернігова. – Харків: Оригінал, 1993. – 142 с.

Березовец Д.Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949-1950 р.р. / Д.Т. Березовец // *АП УРСР*. – 1955. – Т.5. – С. 49-66.

Березовец Д.Т. Лохвицкий могильник / Д.Т. Березовец, В.П. Петров // *МИА*. – 1960. – № 82. – С.84-99.

Берестнев С.И. Работы новостроечной экспедиции Харьковского университета / С.И. Берестнев, Ю.В. Буйнов, А.Г. Дьяченко, Б.А. Шрамко // *АО* 1978 г. – М., 1979 г. – С. 302-303.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы / А.А. Бобринский. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

Богданова Н.А. Могильник Скалистое 3 в юго-западном Крыму(I-III вв.) / Н.А. Богданова, И.И. Гущина, И.И. Лобода // *СА*. – 1976. – № 2. – С. 121-152.

- Богусевич В.А. Погребение черняховской культуры в г.Сумы / В.А. Богусевич // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 10. – С. 103 -105.
- Бондаренко Е.Н. Разведки по р. Свинковке / Е.Н. Бондаренко // Охрана и исследование памятников археологи Полтавщины. – Полтава, 1988. – С. 26-27.
- Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях в 1971 г. / В.Г. Бородулин. – Харьков, 1971. – НА ИА НАНУ. – 1971/101.
- Бородулин В.Г. Отчет об археологических исследованиях Харьковского отряда экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1974 г. / В.Г. Бородулин. – Харьков, 1974. – НА ИА НАНУ. – 1974/16.
- Бородулин В.Г. Исследования в зоне сооружения Краснопавловского водохранилища / В.Г. Бородулин // АО 1974 г. – М., 1975. – С. 161-162.
- Брайчевський М.Ю. Про етнічну належність черняхівської культури / М.Ю. Браїчевський // Археологія. – 1957. – Т.10. – С. 11-24.
- Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської народності / М.Ю. Браїчевський. – К.: Наук.думка, 1964. – 355 с.
- Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великой переселения народов / В.П. Буданова. – М.: Наука, 2000. – 544с.
- Буйнов Ю.В. Отчет об исследованиях Предскифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1976 г. / Ю.В. Буйнов. – Харьков, 1976. – НА ИА НАНУ. – 1976/111.
- Буйнов Ю.В. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской области / Ю.В. Буйнов. – Харьков, 1977. – НА ИА НАНУ. – 1977/67.
- Буйнов Ю.В. Работы Харьковского университета / Ю.В. Буйнов // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 219.
- Варачева К.Г. Отчет о разведках памятников позднеимского времени на днепродонецком водоразделе в 2007 г. (с. Хворостово, Старый Мерчик Валковского района Харьковской области) / К.Г. Варачева. – Харьков, 2008. – НА ИА НАНУ. – 2007/141.
- Васильев А.А. К вопросу о датировке узкогорлых светлоглиняных амфор позднеимского времени (типы D и F по Шелову) / А.А. Васильев // Археологія та

етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Одеса, 2002. – Т. 3. – С. 132-133.

Васильев А.А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половине III-V вв. н.э. Дис. ... канд. ист. наук / А.А. Васильев. – Одесса, 2008. – НА ИА НАНУ. – № 878. – 272 с.

Винокур И.С. Ружичанский могильник / И.С. Винокур // МЧК. – М., 1979. – С. 112-135.

Воловик С.И. Исследования в бассейне Мжи / С.И. Воловик // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 224-226.

Воловик С.И. Археологическая карта Харьковщины (Дополнения к Справочнику по археологии Харьковской области) / С.И. Воловик, М.Н. Григорьянц // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 1999. – С.26-27.

Вольфрам Х. Готы / Х. Вольфрам. – СПб.: Ювента, 2003. – 654 с.

Воляник В.К. К вопросу о «больших домах» в черняховской культуре / В.К. Воляник // Русь и славяне. – К., 1980. – С. 41-55.

Вязьмитіна М.І. Золота Балка / М.І. Вязьмитіна. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – 239 с.

Вязьмитина М.И. Сарматское время / М.И. Вязьмитина // Археология Украинской ССР. – К., 1985а. – Т. 2. – С. 184-222.

Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днепра / М.И. Вязьмитина // Археология Украинской ССР. – К., 1985б. – Т. 2. – С. 223-239.

Вязьмитіна М.І. Кургани біля с.Новопилипівки і радгоспу «Аккермень» / М.І. Вязьмитіна, О.І. Тереножкін, В.А. Іллінська, Г.Т. Ковпаненко // АП УРСР. – 1960. –Т. 8. – С. 22-140.

Гавритухин И.О. Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст/И.О. Гавритухин,А.М.Обломский // Раннеславянский мир. – М., 1996. – Вып.3. – 296 с.

Гавритухин И. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры 1.Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией:

конические и с выделенной ножкой (Eggers 236-238, Straume VI-IX) / И. Гавритухин // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 48-86.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье / И.О. Гавритухин // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. – Łódź, 2000. – S. 261-322.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры / И.О. Гавритухин // Раннеславянский мир. – М., 2007а. – Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс.н.э. – С. 9-24, Рис.1-14.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Комплексы элиты V в. / И.О. Гавритухин // Раннеславянский мир. – М., 2007б. – Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс.н.э. – С. 33-37.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. К реконструкции исторических процессов / И.О. Гавритухин, А.М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 2007. – Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс.н.э. – С. 37-38.

Гавриш П.А. Отчет об археологических работах Полтавской левобережной скифской экспедиции Полтавского пединститута в 1986 г. / П.А. Гавриш. – Полтава, 1987. – НА ИА НАНУ. – 1986/60.

Гавриш П.А. Археологические памятники г.Полтавы и окрестностей / П.А. Гавриш, А.Б. Супруненко // АО 1986 г. – М., 1988. – С. 268.

Гей О.А. Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури (за матеріалами поховального обряду) / О.А. Гей // Археологія. –1980. – № 34. – С. 35-53.

Гей О.А. Черняховская культура. Хронология / О.А. Гей // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. – М., 1993. – С. 146-155.

Гей О.А. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре / О.А. Гей // Stratum plus. – 2001-2002. – № 4. – С. 296-314.

Гей О.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / О.А. Гей, И.А. Бажан. – М., 1997. – 144 с.

Гейко А.В. Розвідки в нижньому Поворсклі (Полтавський район) / А.В. Гейко // АЛЛУ. – Полтава, 1998а. – № 1-2. – С. 79-80.

- Гейко А.В. Фібула черняхівської культури з Нижнього Поворскля / А.В. Гейко // АЛЛУ. – 1998б. – № 1 / 2. – С. 170.
- Гейко А.В. Черняхівське горно під Полтавою / А.В. Гейко // АЛЛУ. – 1999. – № 1. – С. 76-82.
- Гейко А.В. Городище раннього залізного віку поблизу с. Глинські / А.В. Гейко // Археологія. – 2000а. – № 3. – С. 149-153.
- Гейко А.В. Колінчаста фібула зі Снопового у Нижньому Поворсклі / А.В. Гейко // АЛЛУ. – 2000б. – № 1-2. – С. 80.
- Гейко А. Рятівні дослідження на селищі Сердюки 1 у 2002 р. / А. Гейко, Р. Рейда // Полтавський краєзнавчий музей: збірник наукових статей 2005 р. – Полтава, 2006. – С. 38-42.
- Гейко А.В. Черняхівське поховання з Лохвиччини (за матеріалами досліджень М.Д. Ренського 1927 р.) / А.В. Гейко, Р.М. Рейда, О.С. Милашевський // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. – Київ-Полтава, 2011. – С. 95 -100.
- Герета І.П. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем черняхівської культури/І.П.Герета//МДАПВ. – Львів, 1995. – Вип.6. – С.144-163.
- Голубев А.М. Нестандартна фібула римського часу з Харківщини / А.М. Голубев // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія, археологія, краєзнавство. – Харків, 2005. – С. 132-133.
- Гончаров В.К. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького / В.К. Гончаров, Є.В. Махно // Археологія. – 1957. – Т. 11. – С. 127-144.
- Гопак В.Д. Черный металл раннеславянских памятников Днепроовского Левобережья (по материалам Е.А. Горюнова) / В.Д. Гопак, В.М. Горюнова // СА. – 1991. – № 4. – С. 235-245.
- Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры / О.В. Гопкало. – К., 2008. – 250 с.
- Гопкало О.В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры / О.В. Гопкало // Ostrogothica-Serie (Heft). – Харьков, 2011а. – Вып. 1: Доистория

Восточной Европы позднееримского времени-начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.). – С. 15-21.

Гопкало О.В. Относительная хронология мужских погребений черняховской культуры. К постановке проблемы / О.В. Гопкало // *Оіум. Черняхівська культура*. – К., 2011б. – I. – С. 66-96.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1901 г. / В.А. Городцов // *Труды 12 АС*. – М., 1905. – Т.1. – С. 174-225.

Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Подніпров'я / Е.Л. Гороховский // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. – К., 1982а. – С. 125-140.

Гороховський Є.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю / Є.Л. Гороховський // *Археологія*. – 1982б. – № 38. – С. 16-36.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины / Е.Л. Гороховский // *Труды V МКАС*. – К., 1988а. – Т. 4. – С. 34-46.

Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс. ... канд. ист. наук / Е.Л. Гороховский. – К., 1988б. – НА ИА НАНУ. – Ф. 12. – 461 с.

Гороховский Е.Л. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы / Е.Л. Гороховский // *Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины*. – Полтава, 1988в. – С. 18-19.

Гороховский Е.Л. Современное состояние и перспективы исследований хронологии черняховской культуры / Е.Л. Гороховский // *Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*. – К., 1996. – С. 17-20.

Гороховский Е.Л. Некоторые вопросы историографии хронологии черняховской культуры / Е.Л. Гороховский // *Сто років вивченню культури полів поховань на Україні*. – К, 1999. – С. 11-14.

Гороховский Е.Л. Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры / Е.Л. Гороховский, О.В. Гопкало // Археологія давніх слов'ян. – К., 2004. – С. 103-130.

Гороховский Е.Л. Украшения круга выемчатых эмалей из с. Воронькив на Киевщине / Е.Л. Гороховский, А.И. Кубышев, Р.В. Терпиловский // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 144-149.

Горюнов Е.А. Разведки на Полтавщине / Е.А. Горюнов // АО 1971 г. – М., 1972. – С. 366.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Е.А. Горюнов. – Л.: Наука, 1981а. – 135 с.

Горюнов Е.А. Славянское поселение середины I тыс.н.э. у с.Песчаное Белгородской области / Е.А. Горюнов // КСИА. – 1981б. – № 171. – С. 61-65.

Горюнов Є.О. До археологічної карти сточища р. Полузір'я / Є.О. Горюнов, М.М. Казанський // АЛЛУ. – 1998. – № 1-2. – С. 76-78.

Горюнов Е.А. О работе Днепровской левобережной экспедиции / Е.А. Горюнов, М.М. Казанский, Г.А. Усова // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 51-58.

Горюнов Е.А. Работы в Днепровском лесостепном Левобережье / Е.А. Горюнов, А.А. Пескова // АО 1972 г. – М., 1973. – С. 271-272.

Горюнов Е.А. Два новых памятника черняховской культуры в Левобережном Поднепровье / Е.А. Горюнов, Г.А. Усова // СА. – 1974а. – № 4. – С. 275-279.

Горюнов Е.А. Отчет о работе Днепровского левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1974 г. / Е.А. Горюнов, Г.А. Усова. – Л., 1974б. – НА ИА НАНУ. – 1974/51.

Горюнова В.М. Отчет о работе Днепровского Левобережного археологического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1987 году / В.М. Горюнова. – Л., 1988. – НА ИА РАН. – Р 1 12506.

Горюнова В.М. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР летом 1988 г. / В.М. Горюнова. – Л., 1989. – НА ИА РАН. – Р 1 13365.

Горюнова В.М. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) / В.М. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском

регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. – СПб., 2004. – С. 43-87.

Горюнова В.М. О дате позднезарубинецких памятников типа Картамышево 2 – Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник»-Бобрава 3) / В.М. Горюнова // Труды 2 (18) АС. – М., 2008. – Т. 2. – С. 211-213.

Горюнова В.М. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) / В.М. Горюнова, В.Е. Родинкова // Stratum plus. – 1999. – 4. – С. 167-219.

Горюнова В.М. К проблеме соотношения киевской и черняховской культур на территории Днепровского Левобережья / В.М. Горюнова, Г.А. Романова, О.А. Щеглова // Древние культуры и археологические изыскания. – СПб., 1991. – С. 75-78.

Григорьянц М.Н. Германские индикаторы культурной принадлежности памятников римского времени ворсклинско-днецкого междуречья / М.Н. Григорьянц, Г.В. Бейдин // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство. – Харків, 2005. – 4. – С. 120-131.

Гудкова А.В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. / А.В. Гудкова, М.М. Фокеев. – К.: Наук.думка, 1984. – 118 с.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму / И.И. Гущина // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 32-64, 127-143.

Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. / И.И. Гущина // Труды ГИМ. – М., 1982. – Вып. 54. – Ч. 2: Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 20-30.

Даниленко В.М. Переяславська маршрутна експедиція / В.М. Даниленко, А.Д. Столяр // АП УРСР. – 1952. – Т. 3. – С. 223-230.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму / О.Д. Дашевская // САИ. – 1991. – Вып. Д1-7. – 142 с.

Дегтярь А.К. Отчет об археологических исследованиях в 1978 г. – Харьков, 1978. / А.К. Дегтярь. – НА ИА НАНУ. –1978/32.

- Дзиговський О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I-першої половині IV ст. н.е. / О.М. Дзиговський. – К., 1993. – 144 с.
- Дидык В.В. Лепная керамика вельбарско-пшеворского типа в черняховских древностях днепро-донецкой лесостепи / В.В. Дидык // Древности. – Харьков, 2005. – С. 178-186.
- Дідик В.В. Прикраси з виїмчастими емаллями у басейні Сіверського Дінця: нові знахідки / В.В. Дідик, М.В. Любичев // АЛЛУ. – 1998. – № 1-2. – С. 50-52.
- Дьяченко А.Г. Отчет об археологических разведках на территории Харьковской области в 1970 г. / А.Г. Дьяченко. – Харьков, 1971. – НА МАЭСУ ХНУ.
- Дяченко О.Г. Поселення черняхівської культури на Харківщині / О.Г. Дяченко // Археологія. – 1975. – № 17. – С. 86-93.
- Дьяченко А.Г. Исследования на Харьковщине / А.Г. Дьяченко // АО 1975 г. – М., 1976. – С. 322-323.
- Дьяченко А.Г. Работы Славянского отряда / А.Г. Дьяченко // АО 1976 г. – М., 1977. – С. 291-292.
- Дяченко О.Г. Пам'ятки черняхівської культури в басейні Сіверського Дінця / О.Г. Дяченко // Археологія. – 1980. – № 35. – С. 66-73.
- Дьяченко А.Г. О культуре населения днепро-донецкой лесостепи в I тыс.н.э. // А.Г. Дьяченко / Археология и история Юго-Востока Древней Руси. -Воронеж, 1993. – С. 21-24.
- Дьяченко А.Г. Комплексы I тыс. н.э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) / А.Г. Дьяченко, О.М. Приходнюк, Е.Н. Петренко // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 26-33.
- Енуков В. В. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм / В.В. Енуков, А.П. Медведев // Stratum plus. – 2001-2002. – № 4. – С. 253-257.
- Ефименко П.П. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. / П.П. Ефименко, И.Г. Шовкопляс // СА. – 1953. – Т. 17. – С. 309-319.
- Жаров Г.В. Отчет об археологических разведках на территории Черниговской обл. в 1990 г. / Г.В. Жаров. – Чернигов, 1990. – НА ИА НАНУ. – 1990/189.

Жаров Г.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Черниговской обл. в 1991 г. / Г.В. Жаров. – Чернигов, 1991. – НА ИА НАНУ. – 1991/134.

Жаров Г.В. Дослідження пам'яток скифського типу римського часу у Верхньому Посуллі / Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловський // АЛЛУ. – 2006. – № 1. – С. 89-99.

Жаров Г.В. Нові пам'ятки черняхівської культури у межиріччі Удаю та Сули / Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловський // Оіум. Черняхівська культура. – К., 2011. – I. – С. 166-177.

Железняк М.М. Наш край в сиву давнину / М.М. Железняк // Місто на краю Дикого поля. – Валки, 1977. – С. 9-20.

Журко А.И. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у с. Косовщина и разведках с Краснопольском, Сумском районах Сумской обл. в 1986 г. / А.И. Журко. – Сумы, 1987. – НА ИА НАНУ. – 1986/60.

Журко А.И. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры / А.И. Журко // Труды V МКАС. – К., 1988а. – Т.4. – С. 85-87.

Журко А.И. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт Краснополье и разведках в Сумском и Лебединском районах Сумской области в 1987 г. / А.И. Журко. – Сумы, 1988б. – НА ИА НАНУ. – 1987/60.

Журко А.И. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт Краснополье, с. Великий Бобрык и разведках в Сумской области в 1988 г. / А.И. Журко. – Сумы, 1989. – НА ИА НАНУ. – 1988/123.

Журко А.И. Некоторые вопросы изучения истории Днепровского Левобережья в позднеримское время / А.И. Журко // Археол. исслед. в Центр. Черноземье в 12 Пятилетке. – Белгород, 1990а. – С. 34-35.

Журко А.И. Некоторые итоги археологических исследований на Сумщине в 1986-1988 гг. / А.И. Журко // Питання археології Сумщини. – Суми, 1990б. – С. 69-73.

Журко А.И. Отчет об археологических исследованиях поселения Черняховской культуры у с. Песчаное Сумского района Сумской области в 1990г. / А.И. Журко. – Сумы, 1990в. – Архив СГКМ.

Журко А.И. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепро-Донском Левобережье / А.И. Журко // РА. – 1994а. – С. 207-218.

Журко А.И. Типология и соотношение жилых сооружений племен черняховской культуры / А.И. Журко // РА. – 1994б. – № 2. – С. 37-41.

Зайцев Б.П. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла / Б.П.Зайцев // МИА. – 1964. – № 116. – С. 44-52.

Засецкая И.П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV-V вв. / И.П. Засецкая // АСГЭ. – 1977. – Вып. 18. – С. 92 -100.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей / И.П. Засецкая // КСИА. – 1979. – № 158. – С. 5-17.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV –V вв.) / И.П. Засецкая. – СПб, 1994. – 154 с.

Земцов Г.Л. Новые памятники второй четверти I тыс. н.э. на Верхнем Дону / Г.Л. Земцов // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002. – С. 376-381.

Земцов Г.Л. Домостроительство / Г.Л. Земцов // Раннеславянский мир. – Вып. 10: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III-начало V в. н.э.). – М., 2007. – С. 13-22.

Зиньковская И.В. Население лесостепного Днепро-Донского междуречья во второй-третьей четверти I тыс.н.э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями). Автореф. ...канд.ист.наук / И.В. Зиньковская. – Воронеж, 1997. -22 с.

Ильинская В.А. Позднескифский слой Басовского городища / В.А. Ильинская // КСИА АН УССР. – 1961. – Вып. 11. – С. 59-63.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов «Getica» / Иордан. – СПб.: Алетейя, 1997. – 506 с.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные / М.М. Казанский // Stratum + ПАВ. – 1997. – С. 181-193.

Казанский М.М. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Историко-археологический альманах. – Армавир, 1998. – 4. – С. 102-135.

Казанский М.М. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // РА. – 1999. – № 4. – С. 119-129.

Казанский М.М. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Дивногорский сборник. – Воронеж, 2009. – Вып. 1. – С. 225-251.

Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса / И.С. Каменецкий // МИА. – 1969. – № 154. – С. 136-172.

Каспарова К.В. Поздняя фаза зарубинецких могильников / К.В. Каспарова // Культуры Восточной Европы I тыс. – Куйбышев, 1986. – С. 5-25.

Каспарова К.В. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур Припятского Полесья / К.В. Каспарова // *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim.* – Lublin, 1989. – Т.2. – S. 263-282.

Коваленко О.В. Пізньосарматські поховання Сторожівського курганного могильника / О.В. Коваленко, Р.С. Луговий // АЛЛУ. – 2008. – № 1/2. – С. 34-44.

Коваленко О.В. Сторожівський курганний могильник / О.В. Коваленко, Р.С. Луговий // *Ostrogothica.* – Харьков, 2009. – С. 174-179.

Кожевнікова О.М. Нові археологічні пам'ятки у Хорольському районі на Полтавщині / О.М. Кожевнікова // АЛЛУ. – 1998. – Вип. 1/2. – С. 81-83.

Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.) / Д.Н. Козак. – К.: Наук.думка, 1992. – 175 с.

Козак Д. Давні землероби на Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі) / Д. Козак, Б. Прищепа, В. Шкоропад. – К., 2004. – 298 с.

Козак Д.Н. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис.н.е. / Д.Н. Козак, Р.В. Терпиловський // Археологія. – 1986. – № 56. – С. 32-46.

Колода В.В. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца в 1986-1987 гг. / В.В. Колода. – Харьков, 1987. – НА ИА НАНУ. – 1987/100.

Колода В.В. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца и Оскола / В.В. Колода. – Харьков, 1990. – НА ИА НАНУ. – 1990/226.

Копилов Ф.Б. Посульська експедиція / Ф.Б. Копилов // АП УРСР. – 1952. – Вип. 3. – С. 307-311.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. / Г.Ф. Корзухина // САИ. – 1978. – Вып. Е1-43. – 123 с.

Корнилко Л.М. Сарматське поховання на Полтавщині / Л.М. Корнилко, О.В. Симоненко // Археологія. – 1982. – № 37. – С. 84-85.

Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – III в. н.э. / В.И. Костенко. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос-го ун-та, 1983. – 104 с.

Костенко В.И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в.н.э. / В.И. Костенко. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос-го ун-та, 1986. – 75 с.

Костенко Ю.В. Пам'ятки I тис. н.е. в поріччі Трубежа / Ю.В. Костенко // Археологія. – 1978. – 28. – С. 99-112.

Костюченко И.П. Отчет Максимовского отряда Древнерусской кременчугской экспедиции 1959 г. (раскопы II, III) / И.П. Костюченко. – К., 1959. – НА ИА НАНУ. – 1959/1-6.

Кравченко Н.М. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) / Н.М. Кравченко// МИА. – 1967. – № 139. – С. 77-135.

Кравченко Н.М. О некоторых особенностях развития материальной культуры Среднего Поднепровья в первой половине I тыс.н.э. / Н.М. Кравченко, Е.Л. Гороховский // СА. – 1979. – № 2. – С. 51-70.

Кравченко Н.М. Памятники археологии позднееримского времени правобережной Киевщины / Н.М. Кравченко, О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин, А.В. Петраускас. – К.: КНТ, 2007. – 452 с.

Кракало І.В. 13. Гребінь / І.В. Кракало // ПАЗ. – 1994. – № 2. – С. 129-130.

Кракало І.В. 21. 22. Миска / І.В. Кракало // ПАЗ. – 1995. – № 3. – С. 177-178.

Кракало І.В. Черняхівське поховання з мечем поблизу с.Максимівка під Кременчуком / І.В. Кракало // АЛЛУ. – 2003. – Вип. 2002/2-2003/1. – С. 126-127.

Кракало І. Провінційно-римська традиція і посуд з Жовнино в зібранні Кременчуцького краєзнавчого музею / І. Кракало // Український керамологічний журнал. – 2004. – № 1 (11). – С. 139-144.

Кракало І.В. Про поховальні пам'ятки черняхівської культури в придніпровській зоні Кременчуцького та Глобинського районів Полтавщини / І.В. Кракало // Археологія і давня історія України. – К., 2011. – Вип. 5: Археологія: від джерел до реконструкцій. – С. 144-151.

Кракало І.В. 12. Миска / І.В. Кракало, Д.І. Левченко // ПАЗ. – 1994а. – № 2. – С. 129

Кракало І.В. Посуд черняхівської культури з розмивів Кременчуцького водосховища IV ст.н.е. (16. Миска; 17. Миска; 18. Миска) / І.В. Кракало, Д.І. Левченко // ПАЗ. – 1994б. – № 2. – С. 131-132.

Кракало І.В. 14. Кубок / І.В. Кракало, Д.І. Левченко // ПАЗ. – 1994в. – № 2. – С. 130.

Кракало І.В. 15. Глек / І.В. Кракало, Д.І. Левченко // ПАЗ. – 1994г. – № 2. – С. 130.

Кракало И.В. Новые археологические материалы в коллекции Кременчугского историко-краеведческого музея / И.В. Кракало, А.Б. Порубай // Охрана и исследование памятников археологи Полтавщины. – Полтава, 1988. – С. 30-31.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV в.в. / В.В.Крапивина. – К.: Наук.думка, 1993. – 182 с.

Кропоткин А.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе / А.В. Кропоткин, В.В. Кропоткин // МЧК. – М., 1988. – С. 168-184.

- Кропоткин В.В. Изучение черняховской культуры на Полтавщине / В.В. Кропоткин // АО 1968 г. – М., 1969. – С. 310-311.
- Кропоткін А.В. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III-V ст. н. е. / А.В. Кропоткін, А.М. Обломський // Археологія. – 1991. – № 1. – С. 75-89.
- Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу / В.В. Кропотов // Археологія. – 1998. – № 4. – С. 128-134.
- Кропотов В.В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац / В.В. Кропотов // Археологические вести. – 2001. – № 8. – С. 177-186.
- Кубишев А.І. Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника(розкопки 1966-1967 р.р.) / А.І. Кубишев // Дослідження з слов'яно -руської археології. – К., 1976. – С. 23-41.
- Кубишев А.І. Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури / А.І. Кубишев, О.В. Покляцький, О.В. Симоненко // Археологія. – 1987. – № 58. – С. 56-62.
- Кубишев А.І. Пирогівський могильник / А.І. Кубишев, Л.Є. Скиба // Археологія. – 1989. – № 2. – С. 83-95.
- Кулатова И.Н. К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины / И.Н. Кулатова // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. – Полтава, 1990 . – С. 144-148.
- Кулатова І.М. Розвідки в Полтавському районі / І.М. Кулатова // АЛЛУ. – 1998. – № 1-2. – С. 84-86.
- Кулатова І.М. Матеріали I тис. н. е. з території Західного укріплення Більського городища / І.М. Кулатова // АЛЛУ. – 2001. –№ 2. – С.121.
- Кулатова І.М. До археологічної карти верхньої течії р.Полузір'я / І.М. Кулатова, О.Б. Супруненко // ПАЗ. – 1993. – № 1. – С. 54-64.
- Кулатова И.Н. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье / И.Н. Кулатова, А.Б. Супруненко // ПАЗ. – Полтава, 1999а. – С. 134-161.

Кулатова И.Н. Раннесарматские памятники Ворсклинско-Сульского междуречья / И.Н. Кулатова, А.Б. Супруненко // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999б. – С. 152.

Кулатова І.М. Пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини / І.М. Кулатова, О.Б. Супруненко, Р.В. Терпиловський. – Київ-Полтава: Археологія, 2005. – 99 с.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення / Ю.В. Кухаренко // Археологія. – 1952. – Т.6. – С. 33-50.

Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях / Ю.В. Кухаренко // СА. – 1954. – Т.19. – С. 111-120.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю.В. Кухаренко // САИ. – 1961. – Вып. Д1-29. – 69 с.

Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура / Ю.В. Кухаренко // САИ. – 1964. – Вып. Д1-19. – 67 с.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин / Ю.В. Кухаренко. – М.: Наука, 1980. – 128 с.

Кухарская Е.Н. К вопросу об одном типе погребений зарубинецкого времени / Е.Н. Кухарская, О.В. Битковский // ПАЗ. – 1994. – № 2. – С. 113-120.

Кухарська О.М. Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена 5 у середньому Подесенні / О.М. Кухарська, А.М. Обломський // Археологія. – 1988. – № 62. – С. 41-51.

Куштан Д.П. О.В. Могильник черняхівської культури Черкаси-Центр (за матеріалами розкопок 2000-2003 рр. / Д.П. Куштан, О.В. Петраускас // Оіум. – К., 2011. – Вип. І: Черняхівська культура. – С. 178-230.

Левада М.Е. Об особенностях пружинного аппарата некоторых типов фибул (фибулы со «средней» тетивой) / М.Е. Левада // Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь, 2007. – Вып. XVI. – С.239-258.

Левченко Д.И. Погребение воина V в. н. э. у с. Яременки / Д.И. Левченко // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. – Полтава, 1988. – С. 43-44.

- Левченко Д.І. 11. Миска / Д.І. Левченко // ПАЗ. – 1994 . – № 2. – С. 129.
- Левченко Д.І. 23. Миска / Д.І. Левченко, І.В. Кракало // ПАЗ. – 1995. – № 3. – С. 178.
- Левченко Д.И. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы / Д.И. Левченко, А.Б. Супруненко // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворскля. – Москва-Полтава, 1994. – С. 74-77.
- Липкинг Ю.А. О чем рассказывают курганы / Ю.А. Липкинг. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1966. – 81 с.
- Липкинг Ю.А. Замощанская дюна под Суджей / Ю.А. Липкинг // Могильники черняховской культуры. – М., 1979. – С. 5-8.
- Лугова Л.М. Знахідки I тис. н.е. з поселення біля с.Прилипка на Пслі / Л.М. Лугова, Д.І. Левченко // АЛЛУ. – 1999. – № 2. – С. 33-34.
- Луговий Р. Комплекс кераміки черняхівської культури з Водяного // Р. Луговий, Р. Рейда // Український керамологічний журнал. – 2003. – 1 (7). – С. 121-123.
- Луговий Р. Горщик-урна черняхівської культури з Яресьок / Р. Луговий, Р. Рейда // Український керамологічний журнал. – 2004. – № 1 (11). – С. 145-146.
- Лукомский Л.Ю. Аммиан Марцеллин и его время / Л.Ю. Лукомский // Аммиан Марцеллин. Римская история. – М., 2005. – С. 579-617.
- Луцкевич І. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань Харківської області / І. Луцкевич // Археологія. – 1948. – № 2. – С. 164-178.
- Луцкевич І.М. Сарматські кургани у с.Нещеретове Ворошиловградської області / І. Луцкевич // Археологія. – 1952. – Т.7. – С. 136-141.
- Любичев М.В. Ранеславянское селище на Северском Донце / М.В. Любичев // Вестник ХГУ. – 1993. – № 374. – История: Вып. 27. – С. 30-35.
- Любичев М.В. Пеньківська культура дніпро-донецького межиріччя/ М. В. Любичев. – К., 1994. – Автореф.дис. ...канд.іст.наук. – К., 1994. –20 с.
- Любичев М.В. О первоначальной территории расселения антов и их продвижении к Блаканскому полуострову/ М.В. Любичев //Древности. – 1995. – С.111-121.

Любичев М.В. Изучение позднезарубинецких памятников на Северском Донце / М.В. Любичев // V Междунар. конф. студентів та молодих вчених. – К., 1997а. – С. 168-170.

Любичев М.В. Отчет об археологических исследованиях на Харьковщине в 1996 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 1997б. – НА ИА НАНУ. – 1996/17.

Любичев М.В. Отчет о раскопках могильника черняховской культуры Соколово 2 в 1997 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 1998. – НА ИА НАНУ. – 1997/24.

Любичев М.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской и Полтавской областей в 1998 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 1999. – НА ИА НАНУ. – 1999/93.

Любичев М.В. Черняховская культура днепро-донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения / М.В. Любичев. – Харьков:Изд-во ХГАДТУ, 2000а. – 262 с.

Любичев М.В. Отчет о работе Слаянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 1999 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 2000б. – НА ИА НАНУ. – 1999/93.

Любичев М.В. О некоторых последних исследованиях в северо-восточной области ареала черняховской культуры / М.В. Любичев // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). – Тирасполь, 2002а. – С. 381-384.

Любичев М.В. Отчет об исследованиях Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 2001 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 2002б. – НА ИА НАНУ. – 2001 / 12.

Любичев М.В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на днепро-донецком водоразделе / М.В. Любичев // РА. – 2003а. – № 3. – С. 71-81.

Любичев М.В. Отчет о работе Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2002 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 2003б. – НА ИА НАНУ. – 2002/163

Любичев М.В. Отчет об исследованиях Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2003 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 2003в. – НА ИА НАНУ. – 2003 / 49.

Любичев М.В. «Скифские войны» III в. и появление элементов черняховской культуры восточнее Днепра / М.В. Любичев // ВХНУ. – 2003г. – № 594. – Історія: вип.35. – С. 22-34.

Любичев М.В. Контакты сарматов и племен зарубинецкой культуры в отечественной археологической литературе / М.В. Любичев // ВХНУ. – 2004. – № 633. – Історія: вип. 36. – С. 177-187.

Любичев М.В. Отчет об исследованиях Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2004 г. / М.В. Любичев. – Харьков, 2005а. – НА ИА НАНУ. – 2004 / 38.

Любичев М.В. Поселения черняховской культуры Шлях 2 и Халимоновка на Мже / М.В. Любичев // Древности. – Харьков, 2005б. – С. 276-287.

Любичев М.В. Появление черняховской культуры восточнее Днепра в связи с событиями на Дунае 20-30-х гг. IV в.: к постановке проблемы / М.В. Любичев // АЛЛУ. – 2005в. – № 1-2. – С. 42-49.

Любичев М.В. О постройках на селище черняховской культуры Войтенки 1 (по раскопкам 2004-2005 годов) / М.В. Любичев // АЛЛУ. – 2006а. – № 2. – С. 79-89.

Любичев М.В. Керамический комплекс горизонта Боромля / М.В. Любичев // ВХНУ. – 2007а. – № 762. – Історія: вип. 39. – С. 286-299.

Любичев М.В. Черняховская культура бассейна Мжи (Северский Донец) по материалам поселений / М.В. Любичев // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк-Санкт-Петербург, 2007б. – Вып. 3. – С. 219-236.

Любичев М.В. Домостроительство на памятниках горизонта Боромля / М.В. Любичев // ВХНУ. – Харків, 2008а. – № 816. – Історія: Вип.40. – С. 38-49.

Любичев М.В. Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b}-C₂ на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля» / М.В. Любичев // Germanica-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы

эпохи римского влияния и переселения народов. – Калининград, 2008б. – С. 44-67.

Любичев М.В. Контакты осілого населення дніпро-донецького лісостепу з сарматами в середині I-III ст. / М.В. Любичев // Археологія. – 2008в. – № 2. – С.22-29.

Любичев М.В. Об этнокультурных процессах позднеимского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследований археологического комплекса Войтенки) / М.В. Любичев // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008г. – С. 257-290.

Любичев М.В. Этнокультурный подтекст распространения фибул группы Альмгрен VII восточнее Днепра / М.В. Любичев // Древности. – Харьков, 2008д. – С. 36-47.

Любичев М.В. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) / М.В. Любичев // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимского времени и Эпохи Великого переселения народов. – Харьков, 2009. – С. 72-90.

Любичев М.В. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III-начала IV в. (ступени C_{1b}-C₂) / М.В. Любичев // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. – Калининград-Курск, 2010а. – II. – С. 148-178.

Любичев М.В. О хронологии горизонта Боромля (датировка фибул группы VII О. Альмгрена в комплексах Центральной и Восточной Европы) / М.В. Любичев // Древности. – Харьков, 2010б. – С. 136-155.

Любичев М.В. Наземные сооружения на поселении черняховской культуры Войтенки (по материалам раскопок 2004-2009 гг.) / М.В. Любичев // Археологія і давня історія України. – К., 2011а. – Вип.6: Стежками археології. – С. 111-120.

Любичев М.В. О хронологии позднезарубинецко-раннекиевских памятников в области днепро-донецкого водораздела / М.В. Любичев // ВХНУ. – 2011б. – № 965. – Історія: вип.43. – С. 19-30.

Любичев М.В. Погребения с позднескифскими / сарматскими признаками на могильниках черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи / М.В. Любичев // *Oikum.* – К., 2011в. – С. 33-52.

Любичев М.В. Хронологія поселень черняхівської культури в лісостепу між Дніпром та Сіверським Дінцем / М.В. Любичев // *Археологія.* – 2011г. – № 4. – С. 7-20.

Любичев М.В. О поздней дате черняховской культуры к востоку от Днепра (комплексы ступени D₁ могильника Войиенки) / М.В. Любичев // *Древности.* – Харьков, 2011д. – С. 150-171.

Любичев М.В. Об одной группе фибул позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи / М.В. Любичев, В.В. Дидык // *Stratum plus.* – № 4. – 2001-2002. – С. 335-342.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 2005 г. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2006. – НА ИА НАНУ. – 2005/156.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2006 году. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2007. – НА ИА НАНУ. – 2006/70.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2007 году. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2008. – НА ИА НАНУ. – 2007/137.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2008 году. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2009. – НА ИА НАНУ. – 2008/92.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2009 году. /

М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2010. – НА ИА НАНУ. – 2009/147.

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 2010 г. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2011. – НА ИА НАНУ. – [номер не присвоен].

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 2011 г. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2012. – НА ИА НАНУ. – [номер не присвоен].

Любичев М.В. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина в 2012 г. / М.В. Любичев, К.В. Мызгин, К.Г. Варачева. – Харьков, 2013. – НА ИА НАНУ. – [номер не присвоен].

Ляпушкин И.И. Из истории левобережной Украины в эпоху железа / И.И. Ляпушкин // СА. – 1949. – Т. 11. – С. 385-395.

Ляпушкин И.И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс.н.э. Днепровского лесостепного Левобережья / И.И. Ляпушкин // СА. – 1950а. – Т. 13. – С. 7-32.

Ляпушкин И.И. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра / И.И. Ляпушкин // КСИИМК. – 1950б. – Вып. 33. – С. 29-33.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / И.И. Ляпушкин // МИА. – 1961. – № 104.

Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973-1974 г.) / Б.В. Магомедов // МЧК. – М., 1979. – С. 24-62.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья / Б.В. Магомедов. – К.: Наук.думка, 1987. – 112 с.

Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Препринт / Б.В. Магомедов. – К., 1991. – 16 с.

Магомедов Б.В. Обряд ингумации в черняховской культуре / Б.В. Магомедов // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології. – К., 1996. – С. 33-36.

Магомедов Б. Черняховское поселение у села Козлов на Среднем Днестре / Б.В. Магомедов // *Studia Gothica*. – 1997. – 2. – С. 164-187.

Магомедов Б.В. Вельбаркские традиции в черняховской гончарной керамике / Б.В. Магомедов // *20 lat archeologii w Masłomeczu*. – Lublin, 1998. – Т. II. – S. 143-155.

Магомедов Б. К истории финального этапа черняховской культуры / Б.В. Магомедов // *Сто лет черняховской культуре*. – К., 1999а. – С. 39-47.

Магомедов Б.В. Сарматы у складі черняхівської культури / Б.В. Магомедов // *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис.н.е.* – Київ-Львів, 1999б. – С. 132-142.

Магомедов Б.В. Черняхівська культура. Проблема етносу. Автореф. ...докт. іст. наук. / Б.В. Магомедов. – К., 1999в. – 37 с.

Магомедов Б. Сарматские элементы в черняховском погребальном обряде / Б.В. Магомедов // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. – Łodz, 2000. – S. 392-402.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса / Б.В. Магомедов. – Lublin, 2001. – 290 с.

Магомедов Б.В. Могильник черняхівської культури Кам'янка-Анчекрак / Б.В. Магомедов // *Археологія давніх слов'ян*. – К., 2004. – С. 131-164.

Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре / Б.В. Магомедов // *Готы и Рим*. – К., 2006. – С. 52-59.

Магомедов Б.В. Пам'ятки черняхівської культури в Київській області. Археологічна карта / Б.В. Магомедов, Н.С. Абашина, О.Б. Солтис. – К., 2003. – 118 с.

Магомедов Б.В. Краснолаковая керамика в черняховской культуре / Б.В. Магомедов, С.В. Диденко // *Боспорские исследования*. – 2009. – Т. XXI. – С. 320-349.

- Магомедов Б.В. Оружие черняховской культуры / Б.В. Магомедов, М.Е. Левада // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 304-323.
- Магура С. Випадкові знахідки за рік 1927 / С. Магура // ХРАМ. – К., 1930. – Ч. 2. – С. 43-57.
- Макаренко М. Археологічні дослідження та розшуки на Прилуччині / М. Макаренко // КЗ ВУАК за 1926 р. – К., 1927. – С. 106-117.
- Максимов Е.В. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье / Е.В. Максимов // МИА. – 1969. – № 160. – С. 39-50.
- Максимов Е.В. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове / Е.В. Максимов // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 9. – С. 29-42.
- Максимов С.В. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора / С.В. Максимов // Археологія. – 1971. – № 4. – С. 41-56.
- Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры / Е.В. Максимов. – К.: Наук.думка, 1972. – 182 с.
- Максимов С.В. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я / С.В. Максимов // Археологія. – 1978. – № 28. – С. 45-55.
- Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР / Е.В. Максимов. – К.: Наук.думка, 1982. – 183 с.
- Максимов Е.В. Зарубинецкая культура. Хронология / Е.В. Максимов // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. – М., 1993. – С. 34-36.
- Максимов Е.В. О контактах населения Центральной Европы с зарубинецкими племенами Среднего Поднепровья / Е.В. Максимов // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 53-73.
- Максимов Е.В. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева / Е.В. Максимов, Р.С. Орлов // РВД. – Л., 1974. – С. 11-21.
- Максимов Е.В. Итоги раскопок комплекса зарубинецкого времени близ г. Канева / Е.В. Максимов, Л.А. Цындоровская // АО. – 1975. – М., 1976. – С. 353.
- Маркиан из Гераклеи Понтийской. Объезд внешнего моря / Маркиан из Гераклеи Понтийской // ВДИ. – 1948. – № 3. – С. 278-279.

Махно Є.В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань / Є.В. Махно // АП УРСР. – 1952. – Т. 3. – С. 231-241.

Махно Е.В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье / Е.В. Махно // СА. – 1955а. – Т. 23. – С. 81-100.

Махно Є.В. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. в верхній течії Сули / Є.В. Махно // АП УРСР. – 1955б. – Т. 5. – С. 77-85.

Махно Е.В. Отчет о раскопках на черняховском поселении у с. Ново-Липовское в 1957 г. / Е.В. Махно. – К., 1957. – НА ИА НАНУ. – 1957/2.

Махно Е.В. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Поднепровье в 1950 г. / Е.В. Махно // МИА. – 1959. – № 70. – С. 94-101.

Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты) / Е.В. Махно // МИА. – 1960. – № 82. – С. 9-83.

Махно Є.В. Поховання на Замковій Горі в Лубнах (розкопки Ф.І. Камінського 1881 р.) / Є.В. Махно // Археологія. – 1965. – Т. 18. – С. 185-188.

Махно Е.В. Могильник черняховского типа в городе Сумы / Е.В. Махно // МИА. – 1967. – № 139. – С. 28-34.

Махно Е.В. Разведки Левобережного отряда / Е.В. Махно // АИУ 1967 г. – К., 1968. – С. 198-204.

Махно Є.В. З історії досліджень поселень черняхівської культури / Є.В. Махно // СРС. – К., 1969. – С. 28-34.

Махно Е.В. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов / Е.В. Махно // КСИА. – 1970. – Вып. 121. – С. 60-64.

Махно Е.В. Раскопки Успенского могильника / Е.В. Махно // АИУ 1968 г. – К., 1971а. – С. 214-218.

Махно Є.В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника / Є.В. Махно // СВУ. – К., 1971б. – Вип. 1. – С. 87-95.

Махно Є.В. Черняхівська культура / Є.В. Махно // Археологія Української РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 45-78.

Махно Е.В. Некоторые факты к истории изучения дофеодалного периода Древней Руси / Е.В. Махно // Древние славяне и Киевская Русь. – К., 1989. – С.192-198.

Махно Е.В. Разведка 1966 г. в Полтавской области / Е.В. Махно, Л.М. Рутковская // АИУ в 1965-1966 гг. – К., 1967. – С. 215-223.

Махно Е.В. Зарубинецкие памятники в лесостепном Приднепровье / Е.В. Махно, И.М. Самойловский // МИА. – 1959. – № 70. – С. 11-21.

Махно Є.В. Новий могильник черняхівської культури у Переяславі-Хмельницькому / Є.В. Махно, М.І. Сікорський // Дослідження з слов'яно-руської археології. – К., 1976. – С. 95-100.

Махно Е.В. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на Левобережье Днепра / Е.В. Махно, М.И. Сикорский // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. – Lublin, 1989. – Т. II. – S. 249-262.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников / Д.А. Мачинский // АСГЭ. – 1971. – Вып. 13. – С. 30-54.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии Восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. / Д.А. Мачинский // АСГЭ. – 1974. – № 16. – С. 122-134.

Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I-VI в.в. / Д.А. Мачинский // АСГЭ. – 1976. – Вып. 17. – С. 82-100.

Мацулевич А.Л. Погребение варварского князя в Восточной Европе / А.Л. Мацулевич. – М.-Л., 1934.

Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья / А.П. Медведев // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1987. – С. 93-111.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь / А.П. Медведев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 216 с.

Медведев А.П. О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи / А.П. Медведев // КСИА. – 1993. – Вып. 207. – С. 56-59.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса / А.П. Медведев. – М.: Таус, 2008. – 233 с.

Медведев А.П. Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья / А.П. Медведев, Д.В. Акимов // Исторические записки. – Воронеж, 2001. – Вып. 7. – С. 143-158.

Мельник Е.Н. Дневник раскопок / Е.Н. Мельник // Труды 12 АС. – М., 1905. – Т. 1. – С. 703-726.

Мельниковська О.М. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї / О.М. Мельниковська, Е.О. Симонович // Археологія. – 1975. – № 15. – С.75-87.

Милашевський О.С. Липна кераміка північно-західної традиції черняхівських пам'яток межиріччя Дніпра та Псла / О.С. Милашевський // Археологія і давня історія України. – К., 2011. – Вип.5: Археологія: від джерел до реконструкції. – С. 152-158.

Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. / Т.М. Минаева // Древности эпохи Великого переселения народов. – М., 1982. – С. 222-234.

Митрофанова В.І. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці / В.І. Митрофанова // Археологія. – 1965. – Т. 18. – С. 190-195.

Михеев В.К. Краткий отчет об археологических разведках Кочетокской экспедиции ИА АН УССР в 1959 г. / В.К. Михеев. – Харьков, 1959. – НА ИА НАНУ. –1959/3-а.

Мокляк В.О. До археологічної карти Новосанжарського району / В.О. Мокляк // пам'ятки археології Полтавщини. –Полтава, 1991. – С. 67 -78.

Мокляк В.О. Поховання черняхівської культури в с. Воронинці Оржицького району / В.О. Мокляк // АЛЛУ. – 1998. – № 1-2. –С. 92-93.

Мончынська М. О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе / М. Мончынська // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 87-111.

Моргунов Ю.Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1978 г. на территории Сумской и Полтавской областей УССР / Ю.Ю. Моргунов. – М., 1978. – НА ИА НАНУ. – 1978/31.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III в.в. до н.э. / А.А. Моруженко // СА. – 1985. – № 1. – С. 160-178.

Мултанен А.А. Отчет о работах в Черниговской обл. в 1986 г. / А.А. Мултанен. – Чернигов, 1986. – НА ИА НАНУ. – 1986 / 88.

Мултанен А.А. Отчет о разведочных работах на Черниговщине / А.А. Мултанен. – Чернигов, 1987. – НА ИА НАНУ. – 1987/51.

Мултанен А.А. Отчет о разведочных работах на Черниговщине. / А.А. Мултанен. – Чернигов, 1988. – НА ИА НАНУ. – 1988/132.

Мултанен А.А. Отчет о разведочных работах на Черниговщине / А.А. Мултанен. – Чернигов, 1992. – НА ИА НАНУ. – 1992/69.

Мызгин К.В. Отчет о разведках памятников позднееримского времени на днепродонецком водоразделе в 2007 г. / К.В. Мызгин. – Харьков, 2008а. – НА ИА НАНУ. – 2007/140.

Мызгин К.В. Римские монеты на черняховских памятниках междуречья Днестра и Северского Донца (к вопросу о времени появления черняховской культуры в регионе) / К.В. Мызгин // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008б. – С. 291-302.

Мизгін К.В. Античні монети на пам'ятках черняхівської культури / К.В. Мизгін. – К., 2010. – Автореф. ...дис..канд. іст. наук. – 18 с.

Мизгін К.В. Деякі результати досліджень поселення черняхівської культури біля с. Новоберецьке / К.В. Мизгін // Археологія. – 2011а. – № 4. – С. 70-81.

Мызгин К.В. Итоги исследований памятника позднееримского времени возле с. Огульцы / К.В. Мызгин // Ostrogothica-Serie (Heft). – Харьков, 2011б. – Вып. 1: Доистория Восточной Европы позднееримского времени-начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.). – С. 26-29.

- Мыц В.Л. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму / В.Л. Мыц, А.В. Лысенко, М.Б. Щукин, О.В. Шаров. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 208 с.
- Некрасова Г.М. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми / Г.М. Некрасова // Археологія. – 1985. – № 50. – С. 75-80.
- Некрасова Г.М. Поселення черняхівської культури Хлопків 1 / Г.М. Некрасова // Археологія. – 1988. – № 62. – С. 70-79.
- Некрасова А.Н. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье / А.Н. Некрасова // Охорона і дослідження пам'яток Полтавщини. – Полтава, 1990а. – С. 150-151.
- Некрасова А.Н. Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье / А.Н. Некрасова // Археологические исследования в Центральном Черноземье. – Белгород, 1990б. – С. 59-61.
- Некрасова Г.М. Черняхівське поселення біля міста Білопільля / Г.М. Некрасова // Проблеми ранньослов'янської археології Посейм'я. – Білопільля, 1994. – С.3-4.
- Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья / А.Н. Некрасова // Готы и Рим. – К., 2006. – С. 87-200.
- Некрасова А.Н. Отчет об охранных раскопках поселения черняховской культуры у пгт. Белополье Сумской обл. в 1991-1992 гг. / А.Н. Некрасова, В.В. Приймак, Л.И. Белинская. – К., 1992. – НА ИА НАНУ. – 1992/57.
- Некрасова А.Н. Отчет о работе Сумского отряда Славянской экспедиции на могильнике и поселении черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1987 г. / Н.А. Некрасова, Р.В. Терпиловский. – К., 1987. – НА ИА НАНУ. – 1987/3в.
- Некрасова А.Н. Отчет о раскопках на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого района Сумской обл. в 1989 г. / Н.А. Некрасова, Р.В. Терпиловский. – К., 1990. – НА ИА НАНУ. – 1989/38а.
- Некрасова Н.А. Отчет о работах Левобережного раннеславянского отряда ИА АН УССР на поселении и могильнике у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1990 г. / Н.А. Некрасова, Р.В. Терпиловский. – К., 1991. – НА ИА НАНУ. – 1990/26г.

Некрасова Н.А. Отчет о раскопках памятников у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1991 г. / Н.А. Некрасова, Р.В. Терпиловский. – К., 1992. – НА ИА НАНУ. – 1991/13б.

Неприна В.И. Отчет о работе Левобережной неолитической экспедиции в 1976 г. / В.И. Неприна. – К., 1976. – НА ИА НАНУ. – 1976/23.

Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры / Г.Ф. Никитина // СА. – 1969. – № 1. – С. 147-159.

Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. / Г.Ф. Никитина // МЧК. – М., 1988. – С. 5-97.

Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников) / Г.Ф. Никитина. – М.: Таус, 2008. – 447 с.

Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры / А.М. Обломский // СА. – 1987. – № 3. – С. 68-85.

Обломский А.М. Памятники «зарубинецкой линии развития» на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. / А.М. Обломский // Археологические исследования в Центральном Черноземье. – Белгород, 1990а. – С. 61-63.

Обломский А.М. Поздnezарубинецкое поселение Терновка 2 / А.М. Обломский // МИАДЛ. – Курск, 1990б. – С. 5-42.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. / А.М. Обломский. – Москва-Сумы, 1991. – 287 с.

Обломский А.М. Березовка 2 (поздnezарубинецкое поселение на Сумщине) / А.М. Обломский // ПАВ. – 1992а. – 2. – С. 83-99.

Обломский А.М. О роли поздnezарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья / А.М. Обломский // СА. – 1992б. – № 1. – С. 34-47.

Обломский А.М. Опыт реконструкции этнокультурных процессов на юго-востоке Днепровского Левобережья во II в до н.э. – V в. н.э. / А.М. Обломский // АИЮВДЛ. – Воронеж, 1993а. – С. 26-31.

Обломский А.М. Позднеримские памятники / А.М. Обломский // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. – М., 1993б. – С. 40-52.

Обломский А.М. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции за 1994 г. / А.М. Обломский. – М., 1995. – НА ИА РАН. – Ф. 1, Р. 1, № 18634.

Обломский А.М. О характере миграций населения центральной и южной Белоруссии в лесостепь в римское время / А.М. Обломский // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1996. – Вып. 10. – С. 26-32.

Обломский А.М. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона / А.М. Обломский // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. – Київ-Львів, 1997. – С. 63-72.

Обломский А.М. Находки позднеримского времени на поселении Писарево / А.М. Обломский // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. – Воронеж, 1998а. – С. 110-123.

Обломский А.М. Поселение Журавка-Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) / А.М. Обломский // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1998б. – № 13. – С. 59-87.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья / А.М. Обломский // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999а. – С. 26-38.

Обломський А.М. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація) / А.М. Обломський // Археологія. – 1999б. – № 4. – С. 76-88.

Обломский А.М. Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи 3 в Среднем Посеймье / А.М. Обломский // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 141-155.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III-втор. пол. V в.в. н.э.). Автореф. ... докт. ист. наук / А.М. Обломский. – М., 2001а. – 55 с.

Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеимского времени / А.М. Обломский // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк, 2001б. – Вып. 2. – С. 122-140.

Обломский А.М. Новый черняховский памятник на территории России / А.М. Обломский // Stratum plus. – 2001-2002. – № 5. – С. 27-52.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеимское и гуннское время / А.М. Обломский. – М.: Наука, 2002. – 254 с.

Обломский А.М. Зарубинецкие материалы поселения Красное 4 в Среднем Посеймье / А.М. Обломский // Старожитності I тис. н.е. на території України. – К., 2003. – С. 88-98.

Обломский А.М. Киевская культура и основные направления миграций гуннского времени / А.М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 2007а. – Вып. 9: Восточная Европа в середине I тыс.н.э. – С. 24-28.

Обломский А.М. Могильники и погребальный обряд / А.М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 2007б. – Вып. 10.: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). – С. 23-26.

Обломский А.М. Периодизация и хронология / А.М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 2007в. – Вып. 10.: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). – С. 40-44.

Обломский А.М. Территория, общие сведения о поселениях / А.М. Обломский // Раннеславянский мир. – М., 2007г. – Вып. 10.: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III-начало V в. н.э.). – С. 10-12.

Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля готов Германариха на восток / А.М. Обломский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008. – С. 142-160.

Обломский А.М. Материалы позднеимского времени поселения Ксизово 17 Задонского р-на Липецкой обл. / А.М. Обломский // Vita Antiqua. – 2009а. – № 7-8. – С. 173-196.

Обломский А.М. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья (наши разногласия) / А.М. Обломский // *Ostrogothica*. – Харьков, 2009б. – С. 264-287.

Обломский А.М. Материалы поселения Журавка Ольшанская / А.М. Обломский // *Раннеславянский мир*. – М., 2010а. – Вып. 13: Археология Восточной Европы в I тыс.н.э. Проблемы и материалы. – С. 144-260.

Обломский А.М. Памятники типа Картамышево 2 и Терновки 2 / А.М. Обломский // *Раннеславянский мир*. – М., 2010б. – Вып. 12: Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II вв.). – С. 54-64.

Обломский А.М. О дате Мощинского, Межигорского кладов / А.М. Обломский, Е.Л. Гороховский // *Проблемы древней истории Верхнего Поочья*. – Калуга, 1986. – С. 15-17.

Обломский А.М. Материалы I тыс.н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) / А.М. Обломский, А.С. Смирнов, А.Н. Сорокин // *СА*. –1987. – № 4. – С. 174-186.

Обломский А.М. Материалы киевской культуры с поселения Рябовка 3 на Сумщине / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // *Археология и история юго-востока Руси*. – Курск, 1991а. – С. 59-61.

Обломский А.М. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский. – М.: Наука, 1991б. – 174 с.

Обломский А.М. Новые данные о раннеславянских памятниках Посеймья / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // *Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посеймья*. – Білопілля, 1994а. – С. 4-6.

Обломский А.М. О связях населения Центральной Европы и восточка Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // *Kultura przeworska*. – Lublin, 1994б. – S. 159-166.

Обломський А.М. Посейм'я у латенський час / А.М. Обломський, Р.В. Терпиловський // *Археологія*. – 1994в. – № 3. – С. 41-51.

Обломский А.М. Поселение Попово-Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica. – Lodz, 1998a. – 22. – S.53-89.

Обломский А.М. Поселение Седелки и его место среди памятников позднееримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // Археологические памятники верхнего Подонья первой половины I тыс.н.э. – Воронеж, 1998б. – С. 124-156.

Обломский А.М. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский // Раннеславянский мир. – М., 2007. – Вып. 10: Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). – М., 2007. – С. 113-141.

Обломский А.М. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Препринт / А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский, О.В. Петраускас. – К., 1990. – 48 с.

Обломский А.М. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья / А.М. Обломский, Т.В. Томашевич // КСИА. – 1993. – № 207. – С. 48-55.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – М., 2007. – Вып. 10. – 316 с.

Пачкова С.П. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Восточной Европы / С.П. Пачкова. – К., 2006. – 371 с.

Пачкова С.П. Могильник зарубинецької культури Вишеньки біля Києва / С.П. Пачкова. – К., 2008. – 166 с.

Пачкова С.П. Поселення кіївської культури поблизу с.Вишеньки біля Києва / С.П. Пачкова, Р.В. Терпиловський // Археологія. – 1988. – № 62. – С. 33-41.

Петраускас О.В. Могильники черняхівської культури Середнього Подніпров'я / О.В. Петраускас // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології. – К., 1996. – С. 48-50.

Петраускас О.В. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія) / О.В. Петраускас // Археологія. – 2002. – № 3. – С. 40-65.

Петраускас О.В. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины / О.В. Петраускас // *Germania-Sarmatia*. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римских влияний и переселения народов. – Калининград, 2008. – С. 88-103.

Петраускас О.В. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі / О.В. Петраускас // *Ostrogothica*. – Харьков, 2009. – С. 186-215.

Петраускас О.В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) / О.В. Петраускас // Археологія і давня історія України. – К., 2010. – Вип.2. – С. 191-207.

Петраускас А.В. Про деякі особливості технології та хронології гончарних горщиків черняхівських пам'яток Постугняння / А.В. Петраускас, О.В. Петраускас // Археологічні студії. – Київ-Чернівці, 2008. – Вип.3. – С. 53-97.

Петраускас О.В. Фибулы «щиткового типа» черняховской культуры / О.В. Петраускас, Е.В. Саница // *Germania-Sarmatia*. –Калининград, 2010. – II. – С.243-263.

Петраускас О.В. Находки черняховской культуры вблизи Жовнино / О.В. Петраускас, Л.А. Цындровская. – К., 2002. – 48 с.

Петраускас О.В. Могильник и поселение у с. Великая Бугаевка и их место в системе древностей позднеимского времени и эпохи Великого переселения народов в Среднем Поднепровье / О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2010. – Часть 2. – С. 19-32.

Петренко Е.Н. Отчет об археологических исследованиях Черняховского отряда Харьковской областной ООПИК в бассейне Северского Донца в 1978 г. / Е.Н. Петренко. – Харьков, 1978. – НА ИА НАНУ. – 1978/78.

- Петренко Е.Н. Исследования черняховских памятников на Харьковщине / Е.Н. Петренко // АО 1980 г. – М., 1981. – С. 303.
- Петренко Е.Н. Отчет об исследованиях Черняховской экспедиции в 1982 г. / Е.Н. Петренко. – Харьков, 1983. – НА ИА НАНУ. – 1982/113.
- Петренко Е.Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца / Е.Н. Петренко // Археология славянского юго-востока. – Воронеж, 1991. – С. 10-26.
- Петров В.П. Зарубинецкий могильник / В.П. Петров // МИА. – 1959. – № 70. – С. 32-60.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 285 с.
- Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II вв.) // Раннеславянский мир. – М., 2010. – Вып. 12. – 330 с.
- Плиний Секунд. Естественная история / Плиний Секунд // ВДИ. – 1949. – № 2. – С. 273-317.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии / С.В. Полин. – К.: Наук.думка, 1992. – 286 с.
- Приймак В.В. Отчет о работах Полтавского разведотряда в 1981-1982 гг. / В.В. Приймак. – Полтава, 1982. – НА ИА НАНУ. – 1981-1982/33в.
- Приймак В.В. Отчет об охранных и разведочных раскопках раннеславянских и древнерусских памятников на территории Сумской обл. в 1987-1988 гг. / В.В. Приймак. – Сумы, 1988. – НА ИА НАНУ. – 1987-1988/32.
- Приймак В.В. Черняхівська фібула з Градизька / В.В. Приймак // АЛЛУ. – 1997. – № 1-2. – С. 124.
- Приходнюк О.М. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья / О.М. Приходнюк // КСИА. – 1988. – № 194. – С.68-75.
- Приходнюк О.М. Пеньковская культура / О.М. Приходнюк. – Воронеж: Воронежский университет, 1998. – 163 с.
- Приходнюк О.М. Раскопки поселения Толока / О.М. Приходнюк, Л.В. Вакуленко // АО 1985 г. – М., 1987. – С. 396.

Приходнюк Ю.О. Слов'янське поселення на Канівщині / Ю.О. Приходнюк // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. – К., 1997. – С. 184 -185, Табл. 35.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 516 с.

Простантинова В.В. Отчет о разведке в Носовском р-не Черниговской обл. в 1987 г. / В.В. Простантинова. – Чернигов, 1987. – НА ИА НАНУ. – 1987/50.

Простантинова В.В. Отчет о разведке в Носовском и Черниговском р-нах Черниговской обл. / В.В. Простантинова. – Чернигов, 1988. – НА ИА НАНУ. – 1988/157.

Простантинова В.В. Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1989 г. / В.В. Простантинова. – Чернигов, 1989. – НА ИА НАНУ. – 1989/175.

Птолемей Клавдий. Географическое руководство / Клавдий Птолемей // ВДИ. – 1948. – № 2. – С. 21-237.

Радюш О.А. Новые памятники III –V вв. в Курском Посеймье / О.А. Радюш // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2008. – С. 181-208.

Радюш О.А. Исследования поселения III-IV вв. н.э. у пос. им. Карла Либхнехта (Пены) в Курском Посемье / О.А. Радюш // *Germania-Sarmatia*. – Калининград-Курск, 2010. – II. – С. 179-213.

Радюш О.А. Могильник у поселка им. Карла Либхнехта (Пены) / О.А. Радюш // *Oikum*. Черняхівська культура. – К., 2011а. – I. – С. 233-242.

Радюш О.А. Северо-восточная граница черняховской культуры по данным полевых исследований 2005-2010 гг. / О.А. Радюш // *Ostrogothica-Serie* (Heft). – Харьков, 2011б. – Вып. 1: Доистория Восточной Европы позднеимского времени-начала эпохи Великого переселения народов (материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.). – С. 30-32.

Радюш О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов / О.А. Радюш, О.А. Щеглова. – Курск, 2012. – 48 с.

Рейда Р.М. Черняхівські старожитності в окрузі Більського городища / Р.М. Рейда // АЛЛУ. – 2001. – № 2. – С. 106-109.

Рейда Р.М. До вивчення пам'яток черняхівської культури Нижнього Поворскля / Р.М. Рейда // АЛЛУ. – 2003а. – Вип. 2002/2-2003/1. – С. 118-125.

Рейда Р. Комплекс кераміки черняхівської культури з Водяного / Р. Рейда // Український керамологічний журнал. – 2003б. – 1. – С. 121-123.

Рейда Р. До питання про пам'ятки черняхівської культури р.Говтва (басейн р. Псел) / Р. Рейда // Полтавський краєзнавчий музей: збірник наукових статей 2004 р. – Полтава, 2005. – С. 25-32.

Рейда Р.М. Деякі знахідки черняхівської культури в зібранні Полтавського краєзнавчого музею / Р.М. Рейда, Р.С. Луговий // УКЖ. – Опішне, 2002. – № 2. – С.136.

Рейда Р.М. Випадкові знахідки черняхівської культури на території Полтавської області / Р.М. Рейда, В.В. Лямкін, С.О. Єремеев // АЛЛУ. – 2002. – № 1. – С. 173-174.

Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. / А.М. Ременников. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 148 с.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э.А. Рикман. – М.: Наука, 1975. – 336 с.

Роздобудько М.В. Група зарубинецьких поселень Лівобережжя неподалік епонімного могильника / М.В. Роздобудько // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження). –К., 2000. – С. 111-125.

Романова Г.А. О работе Днепровской левобережной экспедиции / Г.А. Романова // АО 1981 г. – М., 1982. – С. 310-311.

Романова Г.А. Черняховские поселения у с. Артюховка / Г.А. Романова // Проблемы археологии Сумщины. – Сумы, 1989. – С. 58-60.

Романова Г.А. Отчет о работе Сумского отряда Днепровской левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. / Г.А. Романова. – Л., 1990. – НА ИА НАНУ. – 1989/119.

Романова Г.А. Отчет о работе Сумского отряда Днепровской левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. / Г.А. Романова. – Л., 1991. – НА ИА НАНУ. – 1990/46.

Рудинський М. Досліди на Полтавщині / М.Я. Рудинський // КЗ ВУАК за 1925 р. – К., 1927. – С. 144-153.

Рудинський М. Археологічні збірки Полтавського музею / М.Я. Рудинський // Полтавський державний музей ім. В.Г. Короленка. – Полтава, 1928. – Т.1. –С. 52-54.

Рудинський М.Я. Кантамирівські могили римської доби / М.Я. Рудинський // Записки ВУАК. – К., 1930. – Т.1. – С. 127 -158.

Рутківська Л.М. Кочовики та землероби на території степової України в сер. I тис. н.е. / Л.М. Рутківська // Археологія. – 1969. – Т. 22. – С. 149-160.

Рутковская Л.М. Археологические памятники IV-VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) / Л.М. Рутковская // Slovenska archeologia. –1979. – Т. 27. – С. 317-364.

Савчук А.П. Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж / А.П. Савчук // МИА. – 1969. – № 160. – С. 82-87.

Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор / А.В. Сазанов // МАИЭТ. – 1993. – 3. – С. 16-21.

Самойловський І.М. Розвідки і розкопки в Києві та його околиці в 1947-1948 р.р. / І.М. Самойловський // АП УРСР. – 1952. – Т. 3. – С. 73-84.

Сапегін С.В. Фібула сарматської доби з Ковалівки / С.В. Сапегін // АЛЛУ. –1998. – Ч. 1-2. – С. 168-169.

Сапегін С.В. Ще одна фібула з Ковалівки під Полтавою / С.В. Сапегін // АЛЛУ. – 2000. – № 1-2. – С. 81

Сапегін С.В. Черняхівська миска з околиці с. Святилівка / С.В. Сапегін, С.В. Шульга // АЛЛУ. – 2001. – № 1. – С. 114.

Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры / В.В. Седов // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 99-107.

Седов В.В. Славяне в древности / В.В. Седов. – М., 1994. – 344 с.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье / В.В. Седов. – М., 1998. – 416 с.

Семенчик М. Випадкові знахідки на Роменщині / М. Семенчик // ХРАМ. – К., 1930. – Ч. 1. – С. 69-71.

Сибилев Н.В. Древности Изюмщины / Н.В. Сибилев. – Изюм, 1926. – Вып. I-II. – 24 с.

Сидоренко Г.О. Довідник з археології України. Полтавська область / Г.О. Сидоренко, Є.В. Махно, Д.Я. Телегін. – К.: Наук.думка, 1982. – 108 с.

Сікорський М.І. Переяславщина напередодні Київської Русі / М.І. Сікорський, А.П. Савчук // СВУ. – К., 1971. – Вип. 1. – С. 140-147.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1978 г. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1978. – НА ИА НАНУ. – 1978/85.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции в 1979 году. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1979. – НА ИА НАНУ. – 1979/119

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции за 1980 г. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1980. – НА ИА НАНУ. – 1980/109.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции 1981 года. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1981. – НА ИА НАНУ. – 1981/92.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции 1982 г. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1983. – НА ИА НАНУ. – 1982/117.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции в 1983 г. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1983. – НА ИА НАНУ. – 1983/157.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции 1984 г. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1984. – НА ИА НАНУ. – 1984/150.

Сикорский М.И. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкой археологической экспедиции 1985 года. / М.И. Сикорский, Е.В. Махно, Г.Н. Бузян. – Переяслав-Хмельницкий, 1985. – НА ИА НАНУ. – 1985/125.

Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье / А.В. Симоненко // Древности Среднего Поднепровья. – К., 1981. – С. 52-69.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии / А.В. Симоненко. – К., 1993. – 134 с.

Симоненко О.В. Раньосарматський період у Північному Причорномор'ї / О.В. Симоненко // Археологія. – 1994. – № 1. – С. 32-48.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье / А.В. Симоненко // РА. – 2001. – № 4. – С. 77-91.

Симоненко А.В. Связи сарматских племен Поднепровья и Подонья в I в.н.э. / А.В. Симоненко // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 38-39.

Симоненко А.В. Позднесарматское погребение в Центральном Донбассе / А.В. Симоненко // Золото, конь и человек. – К., 2012. – С. 227-240.

Синица Е.В. Сарматское погребение из хутора Хмильна в контексте сарматско-зарубинецких отношений / Е.В. Синица // Germania-Sarmatia. – Калининград, 2008. – II. – С. 9-28.

Скиба Л. Є. Пирогівський могильник зарубинецької культури / Л.Є. Скиба. – К., 2001. – 182 с.

Скирда В.В. Дослідження нового селища черняхівської культури поблизу м. Богодухова / В.В. Скирда // АДУ 1999 р. – К., 2000. – С. 148.

Скирда В.В. Розкопки поселення черняхівської культури / В.В. Скирда // АДУ 2001 р. – К., 2002. – С. 242-243.

Скржинская М.В. Иордан и его «Getika» / М.В. Скржинская // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб., 2001. – С. 9-58.

- Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего / М.В. Скржинская. – К.: Наук. думка, 1977. – 126 с.
- Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) / А.С. Скрипкин // СА. – 1977. – № 2. – С. 100-120.
- Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
- Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1971. – № 177. – С. 191-196.
- Сміленко А.Т. Поховання в с.Кічкас / А.Т. Сміленко // СРС. – К., 1969. – С. 21 -28.
- Смішко М.Ю. Могильник III-IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області / М.Ю. Смішко, І.К. Свешніков // МДАПВ. – К., 1961. – Вип.3. – С. 89-113.
- Соколова Л.М. Деякі археологічні знахідки з території Полтавщини / Л.М. Соколова, О.Б. Супруненко // АЛЛУ. – 1997. – № 1-2. – С. 90 -94.
- Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья / Н.П. Сорокина // СА. – 1971. – № 4. – С. 85-101.
- Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р.Псел в пределах Обоянского уезда Курской губ. / К.П. Сосновский // Труды КГУАУ. – 1911. – Вып. 1. – С. 316-319.
- Спицын А.А. Поля погребальных урн / А.А. Спицын // СА. – 1948. – Т.10. – С. 53 -74.
- Степанович С.П. Археологічні розвідки на території Великого Більського городища та його округи / С.П. Степанович // ПАЗ. – Полтава, 1995. – Вип.3. – С. 87-92.
- Степанович С.П. Останній польовий сезон Микити Стана / С.П. Степанович, О.Б. Супруненко // ПАЗ. – 1994. – № 2. – С. 21-25.
- Страбон. География в семнадцати книгах / Страбон. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 638 с.
- Стратановский Г.А. Страбон и его «География» / Г.А. Стратановский // Страбон. География в семнадцати книгах. – М., 2004. – С. 5-22.

Супруненко А.Б. Отчет о работе Полтавского отряда экспедиции «Славутич» в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1982 г. / А.Б. Супруненко. – Полтава, 1982. – НА ИА НАНУ. – 1982/38.

Супруненко А.Б. Отчет о разведках и охранных раскопках на территории Полтавской обл. разведотряда Полтавского краеведческого музея в 1983 г. / А.Б. Супруненко. – Полтава, 1983. – НА ИА НАНУ. – 1983/63.

Супруненко А.Б. Работы Полтавского музея / А.Б. Супруненко // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 312.

Супруненко А.Б. Археологические памятники территории г.Полтавы и окрестностей. Каталог / А.Б. Супруненко. – Полтава, 1988.

Супруненко А.Б. Археологически памятники Карловского района Полтавской области / А.Б. Супруненко. – Полтава, 1990.

Супруненко О.Б. Матеріали до археологічної карти Нижнього Поворскля / О.Б. Супруненко // ПАП. – 1991. – С. 25.

Супруненко О.Б. Археологічні пам'ятки пониззя р.Коломак / О.Б. Супруненко // АЗ ПКМ. – Полтава, 1992. – С. 40-56.

Супруненко А.Б. Среднесарматское погребение из с. Павловка Кобелякского района / А.Б. Супруненко // Курганы Нижнего Поворскля. – Москва-Полтава, 1994. – С. 56-67.

Супруненко О. Б. На землі Полтавській / О.Б. Супруненко. – Полтава, 1998а. – 122 с.

Супруненко О.Б. Сарматське поховання у Полтавському Пооріллі / О.Б. Супруненко // АЛЛУ. – 1998б. – № 1/2. – С. 41-43.

Супруненко А.Б. Археологические памятники Машевского района Полтавской области. Каталог / А.Б. Супруненко. – Полтава, 1999. – 42 с.

Супруненко О.Б. Котелевське городище у Середньому Поворсклі / О.Б. Супруненко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 2002. – Вип.15. – С. 251 -257.

Супруненко А.Б. Отчет о раскопках и разведках на Полтавщине в 1988 г / А.Б. Супруненко, И.Н. Кулатова. – Полтава, 1988. – НА ИА НАНУ. – 1988/36

Супруненко О.Б. Унікальний поховальний комплекс початку гуннського часу в кургані в околицях Комсомольська / О.Б. Супруненко, В.В. Лямкін, О.В. Сидоренко // Археологія і давня історія України. – К., 2011. – Вип.5: Археологія: від джерел до реконструкції. – С. 168-176.

Супруненко О.Б. Археологічні пам'ятки на території міста / О.Б. Супруненко, С.П. Степанович // Старожитності Хоролу. – Полтава, 1994. – С. 25-45.

Супруненко О.Б. Пізньозарубинецьке поселення на території Більського городища / О.Б. Супруненко, Р.В. Терпиловський // АЛЛУ. – 2000. – № 1/2. – С. 70-76.

Супруненко О.Б. Нові археологічні дослідження на Кременчуччині / О.Б. Супруненко, В.В. Шерстюк. – Київ-Полтава, 2006. – 68 с.

Супруненко О.Б. Пам'ятки археології на території Галещинського родовища залізістих кварцитів на Полтавщині / О.Б. Супруненко, В.В. Шерстюк. – Київ-Полтава, 2007. – 48 с.

Сымонович Э.А. Орнаментация черняховской керамики / Э.А. Сымонович // МИА. – 1964а. – № 116. – С. 270-361.

Сымонович Э.А. Северная граница памятников черняховской культуры / Э.А. Сымонович // МИА. – 1964б. – № 116. – С. 7-43.

Сымонович Э.А. Стекланные кубки из Журавки / Э.А. Сымонович // КСИА. – 1964в. – Вып. 102. – С. 8-12.

Сымонович Э.А. Страницы истории отечественных исследований памятников культуры погребений после Великого Октября / Э.А. Сымонович // КСИА. – 1970. – Вып. 121. – С. 82-83.

Сымонович Э.А. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье / Э.А. Сымонович // Проблемы скифской археологии. – М., 1971. – С. 63-75.

Сымонович Э.А. Новые открытия в селищах Авдеево и Воробьевка 2 возле г. Курска / Э.А. Сымонович // РВД. – Л., 1974а. – С. 153-158.

Сымонович Э.А. Поселение Воробьевка 2 в Курской области / Э.А. Сымонович // КСИА. – 1974б. – № 140. – С. 76-83.

Сымонович Э.А. Отчет Черняховской экспедиции ИА АН СССР о работах в Курской области (раскопки поселений Снагость 1 и 2) в 1977 г. / Э.А. Сымонович. – М., 1977. – НА ИА РАН. – Р 1, 6851.

Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы / Э.А. Сымонович // МЧК. – М., 1979. – С. 63-111.

Симонович Е.О. Черняхівські горщики Подніпров'я / Е.О. Симонович // Археологія. – 1981. – № 36. – С. 41-54.

Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского) / Э.А. Сымонович. – К.: Наук. думка, 1983а. – 174 с.

Симонович Е.О. Північно-східне пограниччя пам'яток черняхівської культури / Е.О. Симонович // Археологія. – 1983б. – № 44. – С. 71-85.

Симонович Е.О. Черняхівська кераміка Подніпров'я / Е.О. Симонович // Археологія. – 1983в. – № 36. – № 43. – С. 71-85.

Сымонович Э.А. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском / Э.А. Сымонович // СА. – 1986. – № 4. – С. 183-193.

Сымонович Э.А. Придунайский могильник Фурмановка / Э.А. Сымонович // МЧК. – М., 1988. – С. 143-163.

Сымонович Э.А. Букреевка 2 – селище второй четверти I тыс.н.э. возле Курска / Э.А. Сымонович // МИАДЛ.– Курск, 1990. – С. 78-110.

Сымонович Э.А. Черняховская культура. Поселения и жилища / Э.А. Сымонович // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – М., 1993. – С. 123-133.

Сымонович Э.А. Поселение Каменево-2 под Курском / Э.А. Сымонович // Stratum plus. – 2001-2002. – № 4. – С. 370-383.

Сымонович Э.А. Погребальные обряды племен черняховской культуры / Э.А. Сымонович, Н.М. Кравченко // САИ. – 1983. – Вып. Д1-22. – 150 с.

Сымонович Э.А. Поселения черняховской культуры у с.Снагость в Посеймье / Э.А. Сымонович, К.Ф. Сокол // АО 1977 г. – М., 1978. – С. 88.

Сытый Ю.Н. Отчет об археологических работах 1989 г. в Черниговском Задесенье / Ю.Н. Сытый.. –Чернигов, 1989. – НА ИА НАНУ. – 1989/137.

Сытый Ю.Н. Отчет об охранных археологических работах 1990 г. в г.Нежине и на Черниговском Задесенье / Ю.Н. Сытый. – Чернигов, 1990. – НА ИА НАНУ. – 1989/137.

Сытый Ю.Н. Отчет об охранных археологических работах 1991 г. на Черниговском Задесенье / Ю.Н.Сытый. – Чернигов, 1991. – НА ИА НАНУ. – 1991/38.

Т[ахтай]. А. Археологічна робота Музею 1926-1927 рр. // Збірник Полтавського Музею ім. В.Г. Короленка, присвячений 35-річчю Музею / А. Тахтай. – Полтава, 1928. – Т.1. – С. 284-289.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении германцев / Тацит // *Анналы. Малые произведения. История.* – М., 2001. – С. 458-482.

Тацит. Германия / Тацит // *Древние германцы.* – М., 1937. – С. 55-82.

Телегин Д.Я. Находки раннеславянского времени на Северском Донце / Д.Я. Телегин // *КСИИМК.* – 1957. – № 68. – С. 129-132.

Телегин Д.Я. Обследование зоны Кременчугского водохранилища / Д.Я. Телегин // *АО 1981 г.* – М., 1982. – С. 325-326.

Телегін Д.Я. Ще раз про виділення ранньослов'янських матеріалів йосипівського типу на Лівобережній Україні / Д.Я. Телегін // *Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины.* – Харьков, 1996. – С. 91-92.

Телегин Д.Я. Памятники Поорелья в работах экспедиции «Днепр-Донбасс» (1970-1971 г.г.) / Д.Я. Телегин // *АЛЛУ.* – 2001. – Ч. 2. – С. 19-26.

Телегін Д.Я. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі / Д.Я. Телегін, С.О. Беляєва // *Археологія.* –1975. – № 18. – С. 95-107.

Телегин Д.Я. Отчет о разведках в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1960-1961 гг. / Д.Я. Телегин, Е.В. Махно, И.Н. Шарафутдинова. – К., 1961. – НА ИА НАНУ. – 1960-1961/4.

Телегин Д.Я. Отчет о разведке археологических памятников в зоне строительства Печенежского водохранилища на реке Северском Донце в 1959 г. / Д.Я. Телегин, Е.В. Пузаков, В.К. Михеев. – Киев-Харьков, 1959. – НА ИА НАНУ. – 1959/3-а.

Терпиловский Р.В. О характере контактов киевской и черняховской культур / Р.В. Терпиловский // КСИА. – 1984а. – Вып. 178. – С. 81-86.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья в III-V в.в. / Р.В. Терпиловский. – К.: Наук. думка, 1984б. – 122 с.

Терпиловский Р.В. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н.э. на Сумщине / Р.В. Терпиловский // Питання археології Сумщини. – Суми, 1990. – С. 60-64.

Терпиловський Р.В. Праслов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку / Р.В. Терпиловський // Старожитності Русі-України. – К, 1994а. – С. 73 - 79.

Терпиловський Р.В. Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н.е. – Автореф. ... докт. іст. наук / Р.В. Терпиловський. – К., 1994б. – 41 с.

Терпиловський Р.В. Київський горизонт поселення Глеваха / Р.В. Терпиловський // Археологія. – 1999а. – № 4. – С. 95-107.

Терпиловський Р.В. Пограниччя черняхівської та київської культур / Р.В. Терпиловський // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. – К., 1999б. – С. 38-40.

Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов / Р.В. Терпиловский // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 303-311.

Терпиловський Р.В. До проблеми контактів між київською та черняхівською культурами на ранньому етапі розвитку / Р.В. Терпиловський // Археологія. – 2002. – № 3. – С. 18-26.

Терпиловский Р.В. Глеваха и Боромля (к вопросу о характере контактов между киевской и черняховской культурами на раннем этапе) / Р.В. Терпиловский // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. – Lublin, 2004а. – Bd. IV. – S. 465-475.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в перв.пол. I тыс.н.э. / Р.В. Терпиловский. – Lublin, 2004б. – 232 с.

Терпиловский Р.В. Новые памятники III -V вв. в Северо-Восточной Украине / Р.В. Терпиловский // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 2. – С. 297-299.

Терпиловський Р.В. Дослідження нових пам'яток черняхівської культури у межириччі Удаю та Сули / Р.В. Терпиловський // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. – К., 2010а. – С. 79-83.

Терпиловский Р.В. Историография древностей позднезарубинецкого периода / Р.В. Терпиловский // Раннеславянский мир. – М., 2010б. – Вып. 12: Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I-II вв.). – С. 8-15.

Терпиловский Р.В. Памятники киевской культуры / Р.В. Терпиловский, Н.С. Абашина. – К.: Наук.думка, 1992. – 224 с.

Терпиловский Р.В. Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме / Р.В. Терпиловский, Л.И. Билинская // Germania-Sarmatia. – Калининград-Курск, 2010. – II. – С. 45-54.

Терпиловський Р.В. Олександрівка 1 – багаточислове ранньослов'янське поселення біля Чернігова / Р.В. Терпиловський, О.В. Шекун. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. – 128 с.

Тимошук А.І. Обстеження різночасового поселення у с.Залізничне Полтавського району / А.І. Тимошук // АЛЛУ. – 2006. – № 2. – С. 104-105.

Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры / М.А. Тиханова // СА. – 1957. – 4. – С. 168-177.

Тиханова М.А. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами / М.А.Тиханова // КСИА. – 1979. – № 159. – С.37-43.

Тихомиров Н.А. Поселения Гочево 1 и 2 на р. Псел / Н.А. Тихомиров, Р.В. Терпиловский // МИАДЛ. – Курск, 1990. – С. 43-77.

Ткаченко О.М. Нові пам'ятки в околицях сіл Ключівка та Кунцеве Новосанжарського району / О.М. Ткаченко // ПАП. – Полтава, 1991. – С. 79.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П.Н. Третьяков. – М.-Л.: Наука, 1966. – 308 с.

- Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / П.Н. Третьяков // МИА. – 1970. – № 179. – 156 с.
- Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тыс.н.э. в Верхнем и Среднем Подонье / П.Н. Третьяков // РВД. – Л., 1974. – С. 40-125.
- Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен / П.Н. Третьяков. – Л.: Наука, 1982. – 143 с.
- Трефильев Е.П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губ. Летом 1901 г. / Е.П. Трефильев // Труды 12 АС. – М., 1905. – Т. 1. – С. 131-140.
- Тронский И.М. Корнелий Тацит / И.М. Тронский // Тацит Аналы. Малые произведения. История. – М., 2001. – С. 767-808.
- Удовиченко О.І. Мініатюрна мисочка пізньозарубинецького часу з околиць с. Ступки / О.І. Удовиченко // АЛЛУ. – 1999. – № 2 (6). – С. 76.
- Удовиченко О.І. Фібули черняхівської культури з Градизька / О.І. Удовиченко // АЛЛУ. – 2001. – № 2. – С. 110.
- Федоровський О. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних / О. Федоровський. – Харків, 1927. – 136 с.
- Физико-географическое районирование Украинской ССР. – К., 1968. – 683 с.
- Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью / И.К. Фролов // Из древнейшей истории балтских народов. – Рига, 1980. – С. 111-125.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1971. – 170 с.
- Храпунов И.Н. Погребение середины III в. из могильника Дружное / И.Н. Храпунов // МАИЭТ. – 1994. – Вып. IV. – С. 529-544.
- Храпунов И.Н. Подбойная могила второй половины 3 в. н.э. из могильника Дружное / И.Н. Храпунов, В.В. Масякин // Stratum+ ПАВ. – СПб. – Кишинев, 1997. – С. 164-180.
- Циндровська Л.О. Про деякі типи фібул перших століть нашої ери на Середньому Подніпров'ї / Л.О. Циндровська // Археологія. – 1982. – № 37. – С. 86-94.
- Циндровська Л.О. Пам'ятки першої чверті I тис. н.е. на території Середнього Подніпров'я / Л.О. Циндровська // Археологія. – 1988. – № 62. – С. 86-95.

- Черняков И.Т. Градижская экспедиция / И.Т. Черняков // АО 1986 г. – М., 1988. – С. 348.
- Чижов М.П. Український лісостеп. Фізико-географічний нарис / М.П. Чижов. – К.: Вид-во АН УРСР, 1961. – 204 с.
- Чубур А.А. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС / А.А. Чубур // РА. – 1996. – № 3. – С. 167-170.
- Шалобудов В.Н. Раскопки курганов у с. Дмухайловка / В.Н. Шалобудов, В.А. Андросов, С.Е. Мухопад // Древности степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1983. – С. 19-27.
- Шаров О.В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики / О.В. Шаров // Проблемы хронологии Латена и римского времени. – СПб., 1992. – С. 158-207.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. / Д.Б. Шелов // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 16-21.
- Шендрик Н.І. Довідник з археології України. Київська область / Н.І. Шендрик. – К.: Наук.думка, 1977. – 134 с.
- Шерстюк В.В. Знахідки з черняхівського селища Петренки I у басейні Псла / В.В. Шерстюк // АЛЛУ. – 2005. – № 1. – С. 60.
- Шишкін Р.Г. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I-V ст. н.е. Автореф. ... канд. іст. наук / Р.Г. Шишкін. – К., 1996. – 24 с.
- Шишкин Р.Г. Система заселения Среднего Поднепровья в I-V вв. / Р.Г. Шишкин // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). – К., 1996. – С. 58-60.
- Шишкін Р.Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) / Р.Г. Шишкін // Археологія. – 1999. – № 4. – С. 129-139.
- Шишкин Р.Г. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры / Р.Г. Шишкин // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. – К., 1999. – С. 43-48.

- Шишкин Р.Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры / Р.Г. Шишкин // Сучасні проблеми археології. К., 2002. – С. 244-245.
- Шмидехельм М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии / М.Х. Шмидехельм. – Таллинн, 1955. – 232 с.
- Шрамко Б.А. Древности Северского Донца / Б.А. Шрамко. – Харьков:Изд-во ХГУ, 1962. – 404 с.
- Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища / Б.А. Шрамко // Скифские древности. – К., 1973. – С. 82-112.
- Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях в зоне Травянского водохранилища в 1972 г. / Б.А. Шрамко. – Харьков, 1973. – НА ИА НАНУ. – 1972/66.
- Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях Славянского отряда Скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в бассейнах рр.Мерлы и Северского Донца в 1975 г. / Б.А. Шрамко, А.Г. Дьяченко. – Харьков, 1975. – НА ИА НАНУ. – 1975/95.
- Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях в зоне сооружения Муромского водохранилища в 1978 г. / Б.А. Шрамко, А.Г. Дьяченко. – Харьков, 1978. – НА ИА НАНУ. – 1978/69.
- Шрамко Б.А. Могильник у с. Павлюковка / Б.А. Шрамко // МЧК. – М., 1979. – С. 9-12.
- Шрамко Б.А. Справочник по археологии Украины. Харьковская область / Б.А. Шрамко, В.К. Михеев, Л.П. Грубник-Буйнова. – К.: Наук.думка, 1977. – 154 с.
- Шульце Э. Гончарная керамика участка «А» селища позднеримского времени Войтенки 1 (по раскопкам 2004-2007 гг.) / Э. Шульце, М.В. Любичев // Боспорские чтения. – Керчь, 2009а. – С. 527-532.
- Шульце Э., Любичев М.В. Керамика черняховской культуры из участка «В» поселения Войтенки 1 (по раскопкам 2004-2006 годов) / Э. Шульце, М.В. Любичев // Древности. – Харьков, 2009б. – С. 218-236.

Шульцце Э. Об изготовлении гончарной керамики в черняховской культуре. Гончарный горн на поселении Войтенки (Восточная Украина) / Э. Шульцце, М.В. Любичев // Археологія і давня історія України. – К., 2010а. – Вип. 2: Археологія Правобережної України. – С. 183-190.

Шульцце Э. Керамика из могильника и поселения Войтенки 1 (Восточная Украина): сравнительный анализ / Э. Шульцце, М.В. Любичев // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула 2010б. – Ч.2. – С. 33-62.

Шульцце Э., Любичев М. Хронология могильника черняховской культуры Войтенки 1 (Восточная Украина) (по материалам раскопок 2005-2009 гг.) / Э. Шульцце, М. Любичев // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула, 2012. – С. 409-463.

Щеглова О.А. Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий / О.А. Щеглова // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. – СПб., 2004. – С. 117-123.

Щербаківський В. Латенський похорон біля Переяслава / В. Щербаківський // Полтавський краєзнавчий музей: збірник наукових статей 2004 р. – Полтава, 2005. – С. 16-24.

Щербань А.Л. Пам'ятки археології в околицях Диканьки / А.Л. Щербань // АЛЛУ. – 1998. – № 1-2. – С. 87- 89.

Щербань А.Л. Знахідки старожитностей I тис. н.е. на поселенні поблизу Диканьки / А.Л. Щербань // АЛЛУ. – 2000. – № 1/2. – С. 80.

Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии / М.Х. Шмидехельм. –Таллинн, 1955.

Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой / М.Б. Щукин // АСГЭ. – 1972. – Вып. 14. – С. 43-52.

Щукин М.Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян / М.Б. Щукин // СА. – 1975. – № 4. – С. 57-70.

- Щукин М.Б. Археологические данные о славянах II-IV веков (перспективы ретроспективного метода) / М.Б. Щукин // АСГЭ. – 1976. – № 17. – С. 67-81.
- Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках / М.Б. Щукин // Проблемы археологии. – Л., 1978. – Вып. II. – С. 28-32.
- Щукин М.Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры / М.Б. Щукин // КСИА. – 1979а. – С. 17- 22.
- Щукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций / М.Б. Щукин // АСГЭ. – 1979б. – № 20. – С. 66-89.
- Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования / М.Б. Щукин // Культуры Восточной Европы I тыс. – Куйбышев, 1986. – С. 26-38.
- Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути / М.Б. Щукин // АСГЭ. – 1987. – № 28. – С. 103-118.
- Щукин М.Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла / М.Б. Щукин // МИАДЛ. – Курск, 1990. – С. 111-133.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе / М.Б. Щукин. – СПб.: Фарн, 1994. – 324 с.
- Щукин М.Б. Забытые бастарны / М.Б. Щукин // Stratum plus. – 1999. – № 5. – С. 75-90.
- Щукин М.Б. Готский путь / М.Б. Щукин. – СПб.: Филологич. фак-т Санкт-Петербургского гос-го ун-та, 2005. – 576 с.
- Щукин М.Б. «Готский путь», плодороднейшие земли ОIUM и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка / М.Б. Щукин, Д.А. Мачинский, С.В. Воронятов // Европейская Сарматия. – СПб., 2011. – С. 246-291.
- Щукин М.Б. К проблеме финала черняховской культуры / М.Б. Щукин, О.В. Шаров // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 369-383.
- Щукин М.Б. К хронологии могильника Данчены / М.Б. Щукин, Т.А. Щербакова // Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. – Кишинев, 1986. – С. 177-212.

- Экспозиция по археологии Полтавщины. Путеводитель. – Полтава, 1988. – 32 с.
- Юренко С.П. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбас» в 1974 г. / С.П. Юренко. – Полтава, 1974. – НА ИА НАНУ. – 1974/1в.
- Юренко С.П. Отчет о работе Полтавского разведотряда Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1978 г. / С.П. Юренко. – Полтава, 1978а. – НА ИА НАНУ. – 1978/21а.
- Юренко С.П. Разведки в бассейне Ворсклы / С.П.Юренко // АО 1977 г. – М., 1978б. – С. 406-407.
- Юрочкин В.Ю. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв.н.э. / В.Ю. Юрочкин, А.А. Труфанов // Древняя Таврика. –Симферополь, 2007. – С. 359-382.
- Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen / O. Almgren // Mannus-Bibliothek. – 1923. – Bd. 32.
- Andrzejowski J. Liwiec River as axis of local settlement structures of the Przeworsk and Wielbark Cultures / J. Andrzejowski // Wasserwege: Lebensadern-Trennungslinien-Neumünster, 2005. – S. 231-252.
- Barkoczi L. Pannonische Glasfunde in Ungarn / L. Barkoczi. – Budapest, 1988. – 256 S.
- Beilke-Voigt I. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer / I. Beilke-Voigt. – Bonn, 1998. – 384 S.
- Biborski M. Miecze z okresu wplywow rzymskich na obszarze kultury przeworskiej / M. Biborski // MA. – 1978. – XVIII. – S. 53-165.
- Blüme E. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit / E. Blüme // Mannus-Bibliothek. – 1912. – Nr. 8. – 214 S.
- Bursche A. Later Roman-Barbarian Contacts in Central Europe. Numismatic evidence / A. Bursche // Studien zu Fundmünzen der Antike. – Berlin, 1996. – 11. – 288 p.

- Спасућ-Ђурућ Д. Прилог проучавању позлађених крстообразних фибула из Виминицијума / Д. Спасућ-Ђурућ // *Journal of the Serbian Archaeological Society*. – 2008. – 24. – Р. 401-430,
- Czarnecka K. Oblin. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Südmasowien / K. Czarnecka // *MAB*. – Warszawa, 2007. – Т. XIII. – 450 S.
- Czopek S. Osada z okresu rzymskiego w Grodzisku Dolnym, stan 22 w wietle dotychczasowych bada / S. Czopek, J. Podgórska-Czopek // *Monumenta studia Gothica*. – Lublin, 2004. – S. 71-77.
- Dąbrowska T. Die späten kräftig profilierten Fibeln (Almgren Typ 84) in Polen / T. Dąbrowska // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis Frühmittelalter*. – Krakow, 1992. – S. 103-109.
- Dąbrowska T. Późne odmiany fibul silnie profilowanych w Polsce / T. Dąbrowska // *Wiadomości archeologiczne*. – 1995. – Tom LIII. Zeszyt 1. – S. 3-34.
- Diaconu Gh. Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş-Tschernjachow-Kultur / Gh. Diaconu // *Dacia*. – 1966. – X. – S. 357-364.
- Diaconu Gh. Über die Fibel mit Halbkreisförmiger Kopfplatte und rautenförmigen Fuss aus Dazien / Gh. Diaconu // *Dacia*. – 1973. – XVII. – S. 258-275.
- Dymowski A. Znależiska monet rzymskich z terenu Polski rejestrowane w pierwszych latach XXI w. Aspekty źródłoznawcze / A. Dymowski. – Zielona Góra, 2011.
- Dzięgielewska M. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien / M. Dzięgielewska, M. Kulczyńska // *MAB*. – Warszawa, 2008. – Т. XIV. – 216 S.
- Eggers H.J. Natürliche Erkenntnisgrenzen bei vorgeschichtlichen und volkskundlichen Fundkarten / H.J. Eggers // *Archäologia Pommern*. – 1939. – № 8. – S. 166-173.
- Eggers H.J. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte / H.J. Eggers // *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft*. – 1950. – S. 49-59.
- Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien / H. J. Eggers // *Atlas Urgesch*. – Hamburg, 1951. – 1. – 278 S.

Eggers H.J. Zur absoluten Chronologie der Römischen Kaiserzeit im Freien Germanien / H.J. Eggers // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. – 1955. – 2. – S. 196-252.

Eggers H.J. Einführung in die Vorgeschichte / H.J. Eggers. – Berlin, 2006. – 352 S.

Eggert M. Prähistorische Archäologie: Konzepte und Methoden / M. Eggert. – Tübingen, 2008. – 464 S.

Gavritukhin I. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Scandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Period / I. Gavritukhin // *Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period.* – Kristiansand-Simferopol, 2011. – P. 39-70.

Giesler U. Jüngkaiserzeitliche Nietsporen mit Dreiunkthalterung vom Typ Leuna / U. Giesler // *Saalburg-Jahrbuch.* – 1978. – XXXV. – S. 5-56.

Ginalski E. Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna / E. Ginalski // *PA.* – 1991. – Vol. 38. – S. 56-82.

Godłowski K. Die Przeworsk-Kultur der mittleren und späten Kaiserzeit / K. Godłowski // *Zeitschrift für Archäologie.* – 1968. – 2. – S. 256-275.

Godłowski K. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe / K. Godłowski . – Kraków, 1970. – 124 p.

Godłowski K. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim / K. Godłowski . – Wrocław, 1985.

Godłowski K. Die Chronologie der Jüngerer und Späten Kaiserzeit in dem Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten / K. Godłowski // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Laténezeit bis zum Frühmittelalter.* – Krakow, 1992. – S. 23-54.

Gralak T. przyczynek do poznania związków kulturowych cmentarzyska w Żernikach Wielkich, stan 4, w powiecie wrocławskim / T. Gralak // *Labor et patientia. Studia archaeologica Stanislavo Pazda dedicata.* – Wrocław, 2008. – S. 361-374.

- Harhoiu R. Dunărea de jos în epocă migrațiilor / R. Harhoiu // Materiale și cercetări arheologice. – București, 2008. – Serie novă. – IV. – S. 62-97.
- Hayes J.W. Sigillate Orientali / J.W. Hayes // Ceramica Romana nel Baciono Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. – Rome, 1985. – 460 p.
- Ilkjær J. Illerup Ådal. Czarodziejskie zwierciadło archeologii / J. Ilkjær. – Warszawa, 2007. – 152 S.
- Ionița I. Chronologie der Sîntana de Mureș – Černjachov-Kultur/ I. Ionița //Archeologia Baltica. – 1986. -T.VII:Peregrinatio Gotica. – S.295-343.
- Ionița I., Ursachi V. La nécropole carpe des II e III e siècle de n.è. à. Văleni / I. Ionița, V. Ionița // Inventaria Archaeologica, Roumanie. – București, 1977. – Fascicule 9. R52 R63. Editura Academiei.
- Isings C. Roman glass from dated finds / C. Isings. – Djakarta, 1957. – 154 p.
- Jahn M. Der Reitersporn. Seine Entstehung und früheste Entwicklung / M. Jahn // Mannus-Bibliothek. – 1921. – № 21.
- Jahn M. Funde aus dem vierten Jahrhundert n.Chr / M. Jahn // Altschlesien. – 1926. – Bd. 1. – S. 86-103.
- Jahn M. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte / M. Jahn. – Berlin, 1953. – 28 S.
- Jaskanis J. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis // MAB. – Kraków, 1996. – T. II. – 256 S.
- Jaskanis J. Krupice. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis // MAB. – Warszawa, 2005. –T. X. – 250 S.
- Johansen E. Rådalsglasset-glemmt og gjenfunnet / E. Johansen, E. Straume // Mindre Alv. Årbor for Fredrikstad Museum. – 1982-1983. – S. 104-123.
- Kazanski M. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Černjachov récente / M. Kazanski, R. Legoux // Archéologie Médiévale. –1988. – T. XVIII. – S. 7-53.
- Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbauern / E. Keller. – München, 1971. – 244 S.

Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / G. Kieferling // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. – Lublin/Marburg, 1994. – S. 335-356.

Kokowski A. Die Masłomęcz-Gruppe / A. Kokowski // BRGK. – 1997a. – Bd. 78. – S.642-748.

Kokowski A. Schlossbeschläge und Schlüssel im Barbaricum in der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit / A. Kokowski . – Lüblin. 1997b.

Kokowski A. Zur Frage sogenannter „Großer Häuser“ in Mittel- und Osteuropa / A. Kokowski // Universität Forschungen zur prähistorischen Archäologie. – Bonn, 1998. – Bd. 50: Haus und Hof im östlichen Germanien. – S.14-24.

Kokowski A. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych / A. Kokowski // Sarmaci i Germanie. – Lublin, 2004. – S. 11-69.

Kolendo J. Rola studiów źródłowych w badaniach nad importami rzymskimi znajduwanymi na terenie Barbaricum / J. Kolendo // Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, Zabytki, Refleksja nad Przeloscia. – Warszawa, 1998. – T. 3. – S. 5-20.

Kolnik T. Honosné spony mladšej doby rímskej vo svetle nálezov z juhozápadného Slovensku / T. Kolnik // SA. – 1964. – № 12. – S. 404-438.

Kossinna G. Die Herkunft der Germanen / G. Kossinna // Mannus-Bibliothek. – 1911. – 6-38 S..

Kossinna G. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit / G. Kossinna. – Berlin, 1926. – 256 S.

Kren H. Kleinhöflein / H. Kren, M. Pollak // Fundberichte aus Österreich. – Wien, 2008. – Bd.46 (2007). – S. 682, Abb. 41.

Kuchenbuch F. Die altmärkisch-osthannöverschen Schalenurnenfelder der spätrömischen Zeit / F. Kuchenbuch // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. – Halle/Saale, 1938. – XXVII. – 144 S.

Kurpiewski A. Cmentarzysko kultury wielbarskiej w Gostkowie / A. Kurpiewski // Supplementa Monumenta Studia Gothica. – Lublin, 2008. – Zeszyt 1. – 132 S.

- Leube A. Die römische Kaiserzeit im Oder-Spree-Gebiet / A. Leube // Veröffentlichungen des Museum für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. – Berlin, 1975. – Bd. 9. – 212 S.
- Leube A. Zur Fibel mit hohem Nadelhalter im nördlichen Elbgebiet / A. Leube // Studien zur Sachsenforschung. – Oldenburg, 1999. – 13. – S. 287-301.
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas. – Vilnius, 1978. – T.IV. – 160 S.
- Lietuvos archeologijos bruožai. – Vilnius, 1961. – 144 S.
- Ljubičev M.V. Vojtenki 1-eine Siedlung der Černjachov-Kultur in der Ostukraine / M.V. Ljubičev // Eurasia Antiqua. – 2006. – 12. – S. 269-288.
- Lübker F. Reallexikon des klassischen Alterthums für Gymnasien / F. Lübker. – Leipzig, 1874. – 1116 S.
- Lutz L.H. Die Insel in der Mitte. Bornholm im 2. – 4. Jahrhundert. Regionale und vergleichende Untersuchungen der jünger-kaiserzeitlichen Grabfunde / L.H. Lutz // Berliner Archäologische Forschungen. – 2010. – Bd. 9. – 390 S.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / R. Madyda-Legutko // BAR. International Series. – 1986. – 360. – 118 S.
- Madyda-Legutko R. Uwagi o chronologii i funkcjach naczyń trójnożnych z terenu kultury przeworskiej / R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak // Labor et Patientia. – Wrocław, 2008. – S. 265-274.
- Madyda-Legutko R. Opatów Fpl.1. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Klempolen.Katalog / R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak, J. Zagórska-Telega // MAB. – Warszawa-Kraków, 2011. – T. XV/1. – 464 S.
- Madyda-Legutko R. Opatów Fpl.1. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im nordwestlichen Klempolen.Tafeln / R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak, J. Zagórska-Telega // MAB. – Warszawa-Kraków, 2011. – T. XV/2. – 400 S.
- Magomedov B. Körpergräber in der Černjachov-Sîntana de Mureş-Kultur / B. Magomedov // Eurasia antiqua. – 2004. – Bd. 10. – S. 281-331.

Matthes W. Die Germanen in der Prignitz zur Zeit der Völkerwanderungszeit im Spiegel der Urnenfelder von Dahlhausen, Kuhbier und Kyritz / W. Matthes. – Leipzig, 1931. – 286 S.

Meyer E. Die Bügelknopffibel / E. Meyer // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. – Leipzig, 1960. – Bd. 8. – S. 216-349.

Meyer E. Die germanischen Bodenfunde der spätrömischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in Sachsen / E. Meyer. – Berlin, 1976. – Teil II.

Natuniewicz-Sekuła M. Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984-2004) / M. Natuniewicz-Sekuła, J. Okulicz-Kozaryn // MAB. – Warszawa, 2011. – T. XVII. – 431 p.

Niculescu Ch. The cremation graves from the cemetery of Tirgșor (third-fourth centuries A.D.) / Ch. Niculescu // Dacia. – 1993. – XXXVII. – P. 197-220.

Nowakowski W. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego / W. Nowakowski // Archeologia. – 1983. – N. XXXIV. – S. 87-98.

Nowakowski W. Die Nebenformen 133 und 137 aus heutiger Sicht / W. Nowakowski // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. – Wünsdorf, 1998. – S. 197-201.

Pánczél S. Facet cut glass vessels of the late 3rd to 5th century AD. Analysis of finds from North Danubian Romania / S. Pánczél, A. Dobos // Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st millennium AD. – Cluj-Napoca, 2007. – P. 67-97.

Petrauskas O.V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturelle Besonderheiten / O.V. Petrauskas // BRGK. – 2003. – Bd. 84. – S. 223-351.

Petrauskas O.V. Scheibengedrehte Keramik als chronologischer Anzeiger nach den Materialien des Gräberfeldes der Černjachov-Kultur bei Velikaja Bugaevka, Kievskaja obl., Ukraine / O.V. Petrauskas // Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. – Bonn, 2011. – Bd. 13: Drehscheibentöpferei im Barbaricum. – S. 399-416.

Pietrzak M. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern / M. Pietrzak // MAB. – Kraków, 1997. – T. IV.

- Rau G. Körpergräber mit Glasbeigaben des. 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum / G. Rau // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. – 1972. – № 3. – S. 109-170.
- Rau G. Spätantike Facettschliffgläser in Nord- und Osteuropa / G. Rau // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. – 2008. – Bd. 40. – S. 221-240.
- Schach-Döriges H. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhunderts nach Chr. Zwischen unterer Elbe und Oder / H. Schach-Döriges. – Neumünster, 1970. – 342 S.
- Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum / R. Schindler // *Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte*. – Leipzig, 1940. – Bd. 6. – 138 S.
- Schulte L. Die Fibeln mit hohem Nadelhalter in Deutschland -Forschungsgeschichte und Forschungsansätze / L. Schulte // *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. – Wünsdorf, 1998. – S. 285-297.
- Schultze E. Geschirrssets und Bestattungssitten. Zu den frühvölkerwanderungszeitlichen Gräbern von Kantemirovka / E. Schultze // *Zweiundvierzig. Festschrift für Michael Gebühr zum 65. Geburtstag*. – Rahden/Westf., 2007. – S. 221-228.
- Schultze E. Gefäßbeigaben in Kindergräbern der Černjachov-Kultur-zu einem Grab aus Sumy-Sad (Ostukraine) / E. Schultze // *Ostrogothica*. – Харьков, 2009. – С.165-173.
- Schultze E. Zur Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur. Ein Brennofen aus der Siedlung Vojtenki 1, Ostukraine / E. Schultze, M. Ljubičev // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. – 2007. – Heft 2. – S. 187-202.
- Schulz W. Das Fürstengrab von Hassleben / W. Schulz // *Römisch-Germanisch Forschungen*. – Berlin-Leipzig, 1933. – 7. – 136 S.
- Schulze M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2) / M. Schulze // *Antiquitas*. – Bonn, 1977. – Bd. 19. – 290 S.
- Schuster J. Die Westgrenze der Wielbark-Kultur und das Problem der sog. Kulturellen Einflüsse aus dem östlichen Pomorze / J. Schuster // *EAZ*. – 1996. – 37. – S. 399-422.
- Schuster J. Herzsprung. Eine kaiserzeitliche bis völkerwanderungszeitliche Siedlung in der Uckermark / J. Schuster // *Berliner Archäologische Forschungen*. – 2004. – Bd. 1. – 152 S.

Schuster J. Wohn- und Wohnstallhaus / J. Schuster // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. – Berlin-New York, 2006. – Bd. 34. – S. 190-198.

Simonenko A. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes / A. Simonenko // Simonenko A., Marčenko I., Limberis N. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. – Mainz, 2008. – Bd. 25. – S. 2-264.

Šiškin R. Zur Siedlungsarchäologie der Černjachov-Kultur / R. Šiškin // Die Sîntana de Mureş-Černjachov-Kultur. – Bonn, 1999. – S. 83-90.

Skorupka T. Prowincjonalnorymskie zapinki z Kowalewka, pow. Obornicki / T. Skorupka // Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. – Warszawa, 2001. – Supplement-tom 2: Nowe znaleziska importow rzymskich z ziem Polski II. – S.52-62.

Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. / E. Straume. – Oslo, 1987. – 272 S.

Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit / J. Tejral // Archaeologia Baltica. – Tom VII. – 1986. – S. 175-238.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum / J. Tejral // Archaeologia Austriaca. – 1988. – Bd. 72. – S. 223-302.

Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa / J. Tejral // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. – Kraków, 1992. – S. 227-248.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum / J. Tejral // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. – Brno, 1997. – S. 321-392.

Tejral J. Die Grundprobleme der kaiserzeitlichen Fibelforschung im norddanubischen Raum / J. Tejral // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. – Wünsdorf, 1998. – S. 387-390.

Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / M.Tempelmann-Maczyńska. – Mainz am Rhein, 1985. – 292 S.

Terpilovskij R. A Warrior Cemetery from the Turn of the Eras on the River Seym / R. Terpilovskij, G. Zharov // *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea.* – Simferopol, 2012. – P. 301-305, 310-311.

Tikhanova M. The Structure of the Lepesovka Settlement / M. Tikhanova, O. Shcheglova, M. Shchukin, O. Sharov // *Die Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur.* – Bonn, 1999. – S. 91-99.

Trier B. Das Haus im Nordwesten der Germania Libera / B. Trier. – Münster, 1969. – 204 S.

Vornic V. Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești / V. Vornic. – Chișinău, 2006. – 472 S.

Wielowiejski P. Monety rzymskie w kolekcji Przypkowskich z Jedrzejowa / P. Wielowiejski // *Nowe znaleziska importow rzymskich z ziem Polski. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum.* – Warszawa, 1998. – Supl. 1. – S. 193-198.

Wołagiewicz R. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym / R. Wołagiewicz. – Szczecin, 1993. – 342 S.

Wołagiewicz R. Lubowidz. Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus Zeit vom Ende des 1. Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3.Jhs. n. Chr. / R. Wołagiewicz // *Monumenta Archaeologica Barbarica.* – Kraków, 1995. – T. I. – 126 S.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe- und der römische Kaiserzeit im freien Germanien / N. Zieling // *BAR. International Series.* – 1989. – 505(i). – 448S.

Ziemlińska-Odojowa W. Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien / W. Ziemlińska-Odojowa // *MAB.* – Kraków, 1999. – T. VII. – 392 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДУ – Археологічні дослідження в Україні
- АЗ ПКМ – Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею
- АИУ – Археологические исследования на Украине
- АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
- АО – Археологические открытия
- АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР
- АС – Археологический съезд
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВХНУ – Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
- КГУАУ – Курская губернская ученая архивная комиссия
- КЗ ВУАК – Короткі звідомлення Всеукраїнської археологічної комісії
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии
- МДАПВ – Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття та Волині
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИАДЛ – Материалы и исследования по археологии Днепроовского Левобережья
- МКАС – Международный конгресс археологов-славистов
- МЧК – Могильники черняховской культуры
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук

НА МАЭСУ ХНУ – Научный архив Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

ПАВ – Петербургский археологический вестник

ПАЗ – Полтавський археологічний збірник

ПАП – Пам'ятки археології Полтавщини

РА – Российская археология

РВД – Раннесредневековые восточнославянские древности

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СВУ – Середні віки на Україні

СГКМ – Сумской государственный краеведческий музей

СРС – Слов'яно-руські старожитності

УКЖ – Український керамологічний журнал

ХРАМ – Хроніка археології та мистецтв

ХГУ – Харьковский государственный университет

BAR – British Archaeological Reports

BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission

EAZ – Etnographisch-Archäologische Zeitschrift

MA – Materiały Archeologiczne

MAB – Monumenta Archaeologica Barbarica

PA – Przegląd Archeologiczny

SA – Slowenská Archeológia